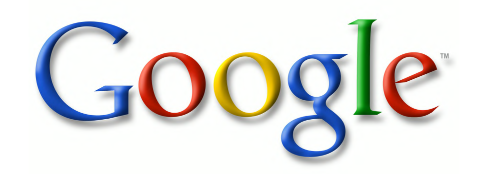

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Исторіи и Древностей Россійскихъ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1908 годъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНА

подъ завѣдываніемъ

М. К. Любавскаго.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

I.

О преміи имени Г. Ѳ. Карпова.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ *семнадцатое* соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября 1908 года. О результатѣ соисканія объявлено будетъ 24 апрѣля 1909 года.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

II.

О преміи имени А. П. Бахрушина.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ первое соисканіе преміи имени А. П. Бахрушина. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ *1 мая 1909 г.* О результатѣ соисканія объявлено будетъ въ *декабрѣ 1909 г.*

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 2. Къ соисканію преміи допускаются сочиненія по исторіи и археологіи гор. Москвы и Московской губерніи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Исторіи и Древностей Россійскихъ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1908 годъ.

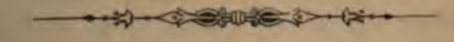
КНИГА ТРЕТЬЯ.

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНА

подъ завѣдываніемъ

М. К. Любавскаго.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ

третьей книги „Чтеній" Общества за 1908 годъ.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

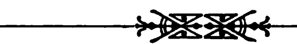
IV. СМѢСЬ.

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

В. Савва.

АРЗАМАССКІЕ И БАРМИНСКІЕ
БУДНЫЕ СТАНЫ

ПРИХОДО-РАСХОДНЫЯ И СМѢТНЫЯ КНИГИ

1679-1680 гг.

Издаваемыя приходо-расходныя и смѣтныя книги Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ за 1680 г. представляютъ интересъ для исторіи русскаго заграничнаго отпуска. Поташъ, одинъ изъ шести указныхъ товаровъ, составлявшихъ казенную монополію, [1]) былъ статьею заграничнаго вывоза. По словамъ Кильбургера, писавшаго о русской торговлѣ въ 1674 г., „пенька, юфть и поташъ составляютъ теперь главную торговлю въ Россіи. Много поташу идетъ въ Архангельскъ, Нарву и Ригу, много также потребляется дома на мыльныхъ заводахъ. Лучшій теперь въ Сибири у Морозова, а послѣ него считается казенный“ [2]).

Поташъ изготовлялся на казенныхъ заводахъ, но и частнымъ лицамъ разрѣшалось имѣть поташные заводы; заводы частныхъ лицъ должны были давать въ казну десятую часть производимаго поташа [3]). Поташные заводы назывались будными станами [4]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ запрещено было устройство будныхъ становъ въ мѣстахъ, гдѣ лѣсовъ было мало [5]), и въ лѣсахъ «засѣчныхъ и бортныхъ» [6]).

Въ 1671 г. казна продала иностраннымъ купцамъ поташа, выдѣланнаго на Сергацкихъ будныхъ станахъ, 4588½ берковцевъ—по 10

---

[1]) Доп. къ А. И. IV, № 123. Котошихина гл. XII ст. 1 „О торговлѣ царской“ (стр. 164, изд. 3). Въ 1663 г. разрѣшено было указными товарами „на Москвѣ и въ городѣхъ всякихъ чиновъ людемъ торговать по прежнему, какъ торговали межъ себя и съ иноземцы поволно“ (Д. къ А. И. IV, № 141, стр. 377).

[2]) „Краткое извѣстіе о русской торговлѣ въ 1674 г.“, стр. 38, пер. Д. Языкова, Спб. 1820 г. Другой иностранецъ, де-Родесъ, писавшій о русской торговлѣ нѣсколько ранѣе Кильбургера—въ 1653 г., перечисляя на основаніи Архангельскихъ таможенныхъ книгъ товары, вывезенные черезъ Архангельскъ изъ Московскаго государства въ теченіе одного года, не называетъ въ числѣ ихъ поташа („Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г.“ въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“ Н. Фролова, V, 241—243, пер. И. Бабста, М. 1858 г.). Де-Родесъ только упоминаетъ, что въ 1652 г. на Нижней-Сухонѣ разбились и затонули суда съ хлѣбомъ, поташомъ и грузомъ юфти, причемъ погибло 50 бочекъ поташа (тамъ же, 247). О торговлѣ поташомъ у Костомарова въ „Очеркѣ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст.“, 228, Спб. 1862 г.; въ статьѣ И. Е. Забѣлина „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII в.“ Вѣстн. Евр. 1871 г., февр., стр. 480.

[3]) Котошихинъ, стр. 164, изд. 3.

[4]) И. Е. Забѣлинъ объясняетъ: „будою, вѣроятно, именовалась самая печь или костеръ дровъ, вышиною въ избу или будку, зажигаемый для добыванія поташа“ (наз. тр., стр. 481).

[5]) П. С. З. I, № 250.

[6]) А. А. Э. IV, № 126.

ефимковъ берковецъ—всего на 45886 ефимковъ; въ 1672 г. было продано казною съ Сергацкихъ же будныхъ становъ „досталнаго поташу прошлаго 179 г.“ (1671 г.) иностраннымъ купцамъ 2045 берковцевъ безъ полпуда по болѣе высокой цѣнѣ—по 11 ефимковъ берковецъ—всего на 22494½ ефимка, а рублями—всего на 34190 руб. 8 ал. 2 деньги, считая въ ефимкѣ 16 ал. 4 д.; въ 1672 г. поташа было выдѣлано 4869 берковцевъ и 3 пуда, продажная цѣна была опредѣлена, считая по 15 ефимковъ берковецъ, въ 73039½ ефимковъ или 36519 р. 25 ал.; при стоимости производства поташа казнѣ въ 28381 р. 7 ал. 5 д. прибыли оказалось въ суммѣ 8138 р. 17 ал. [1]). Въ 1673 г., по свидѣтельству Кильбургера, отпущено было изъ Нарвы за границу 492 шиффунта поташа [2]).

По издаваемой приходо-расходной книгѣ Арзамасскихъ будныхъ становъ 1680 г. на семи этихъ будныхъ станахъ, при расходѣ въ 4200 р. 31 ал. съ полуденьгою и одною морткою [3]), изготовлено было поташа 22707 пудовъ и 3 четверти; на мѣстѣ пудъ поташа казнѣ обошелся въ 6 ал. съ деньгою, а берковецъ—въ 1 руб. 28 ал. 2 д. Изъ этого количества поташа отправлено было въ Вологду на наемныхъ подводахъ 14946 пудовъ съ четвертью, за провозъ съ пуда заплачено по 10 д. Весь отправленный поташъ, считая стоимость правоза въ Вологду, обошелся казнѣ въ 3582 р. 8 ал. 5¼ д. съ одною морткою.

На двухъ Барминскихъ будныхъ станахъ, по приходо-расходной книгѣ 1680 г., при расходѣ въ 561 р. 10 ал. 5 д. съ одною морткою, изготовлено было 3983 пуда; изъ нихъ 2965 пудовъ обошлись казнѣ по 4 ал. 4 д. съ морткою пудъ, а берковецъ—по 1 р. 13 ал. 4½ д., 1018 пудовъ—по 4 ал. 4 д. пудъ, а берковецъ—по 1 р. 13 ал. 2 д. За провозъ на наемныхъ подводахъ въ Вологду уплачено было по 10 денегъ съ пуда. Весь отправленный поташъ, включая стимость провоза его въ Вологду, обошелся казнѣ въ 792 р. 7 ал. 3 д. съ морткою. Если считать, что казна продала поташъ съ Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ по наименьшей цѣнѣ, по которой поташъ былъ проданъ въ 1671 г.,—по 16 ал. 4 д. пудъ, а взять наибольшую стоимость производства поташа на Арзамасскихъ будныхъ станахъ и къ ней прибавить стоимость провоза поташа въ Вологду—всего 7 ал. 5 д., и въ такомъ

---

[1]) Д. къ А. И. VI, № 78.

[2]) Назв. тр. стр. 54. Шиффунтъ лучшаго поташа въ Москвѣ цѣнился, по словамъ Кильбургера, отъ 5½ р. до 5¾ р., а шиффунтъ худшаго поташа—отъ 4 р. до 4½ р. (тамъ же, стр. 55). Одинъ шиффунтъ составлялъ берковецъ (тамъ же, стр. 138).

[3]) Мортка=¼ деньги. Такое опредѣленіе вытекаетъ изъ показанной стоимости пуда и берковца поташа, выдѣланнаго на Барминскихъ будныхъ станахъ: пудъ этого поташа обошелся въ 4 ал. 4 д. съ морткою, а стоимость берковца того же поташа показана въ 1 р. 13 ал. 4 д. съ полуденьгою, т. е., 4 ал. 4 д. и 1 мортка, умноженные на 10 равны 1 р. 13 ал. 4½ деньгамъ; 40 ал. равны 1 р. 6 ал. 4 деньгамъ; 4 деньги, отнесенныя къ 40 деньгамъ, составляютъ 7 ал. 2 деньги. Такимъ образомъ 40 ал. и 40 д. составляютъ 1 р. 13 ал. 2 д., а 10 мортокъ равны 2½ деньгамъ, слѣдовательно въ одной деньгѣ четыре мортки.

учаѣ казна имѣла значительную прибыль отъ продажи поташа за аницу: изъ Вологды поташъ отправлялся водою въ Архангельскъ, если стоимость провоза поташа съ пуда изъ Вологды въ Архангельскъ итать въ 5 алтынъ [1]), казнѣ пудъ поташа обходился бы въ 12 ал. д., при продажной цѣнѣ 1671 г. за пудъ 16 ал. 4 д. [2]).

Имѣя значеніе для исторіи русскаго заграничнаго отпуска, издаемыя книги рисуютъ казенное хозяйство на будныхъ станахъ и предвляютъ интересъ для исторіи цѣнъ на хлѣбъ и другіе съѣстные прикы, сѣно, овесъ, предметы оборудованія будныхъ становъ; показываъ стоимость умолота ржи, плату за работу и т. д.

Поташъ производился на будныхъ станахъ боярина Морозова, по исанію И. Е. Забѣлина, такимъ образомъ: изготовленныя дрова пежигали въ золу, изъ золы готовили жидкое тѣсто, которымъ обывали полѣнья сосновыя и еловыя и складывали ихъ въ костеръ, крывая каждый рядъ полѣнъ новымъ слоемъ золы, затѣмъ зажигали стеръ; пережженная, расплавленная такимъ образомъ зола и доставла новый ея видъ—поташъ [3]). Указывая, что поливачи были главми руководителями при производствѣ поташа, И. Е. Забѣлинъ предлагаетъ, что они назывались такъ по описанному способу обмазывать поливать золою будный костеръ [4]). Поливачамъ на своихъ будныхъ анахъ бояринъ Морозовъ назначилъ жалованья по 5 р., а будникамъ, траивавшимъ костеръ, по 3 р. [5]). На Арзамасскихъ будныхъ станахъ дового денежнаго жалованья поливачи получали отъ 20 р. до 8 р., а дники—отъ 6 р. (такое жалованье получали 130 будниковъ изъ 170) 16 ал. 4 д. (такое жалованье было получено однимъ будникомъ). На рминскихъ будныхъ станахъ поливачи получали жалованья по 10 р., будники—отъ 2 р. 30 ал. до 1 р. 15 ал. Кромѣ денежнаго жалованья ливачи и будники получали хлѣбную дачу.

Торгъ поташомъ составлялъ казенную монополію и въ XVIII в., что авительство объясняло желаніемъ сберечь лѣса [6]). Казна продавала ташъ или отдавала его на откупъ [7]). Въ 1712 г. велѣно было вѣдать ташные заводы канцеляріи сената [8]). Тогда же отпускъ поташа изъ

---

[1]) Н. П. Милюкова „Очерки по истор. рус. культуры" I, 93 (1896 г.).

[2]) Прибыль казны можетъ считаться бо́льшею при той перечеканкѣ ефимвъ, о которой говоритъ Котошихинъ (стр. 110, изд. 3).

[3]) Назв. тр., стр. 481.

[4]) Тамъ же, стр. 482.

[5]) Тамъ же.

[6]) П. С. З. V, №№ 3252 и 3428; VI, № 3772; XVI, № 11630, стр. 7. О поташной талін въ XVIII в. въ „Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи" гр. Д. Толого, стр. 220 (Спб. 1848 г.). О вывозѣ поташа изъ Россіи за границу во второй ловинѣ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX в. въ «Статистическомъ обозрѣніи ѣшней торговли Россіи» Небольсина, ч. II, стр. 305 и слѣд. [Спб. 1850 г.]. О казенмъ торгѣ поташемъ въ XVII—XVIII вв. въ «Систематическомъ каталогѣ дѣламъ сударствен. коммерцъ-коллегіи», составлен. Н. Кайдановымъ, стр. 23 [Спб. 1884 г.].

[7]) П. С. З. IV, № 2426; V, № 2793; VIII, №№ 5249, 5524, 5729.

[8]) Тамъ же, IV, № 2469.

Архангельска за границу вѣдали вице-губернаторъ и оберъ-коммисаръ [1]; берковецъ поташа продавался въ Архангельскѣ по 15 ефимковъ [2]. Въ 1717 г. разрѣшено было отпускать поташъ за границу и черезъ Ригу [3]. Въ 1721 г. велѣно было вѣдать производство поташа Адмиралтейской коллегіи, а продажу его—коммерцъ-коллегіи. Этимъ же указомъ повелѣвалось приготовлять поташа ежегодно по тысячѣ бочекъ. [4] Въ 1723 г., когда состоялось запрещеніе дѣлать поташъ въ Малороссіи [5], велѣно было вѣдать производство поташа и продажу его коммерцъ-коллегіи [6]. Въ 1737 г. сенатъ указалъ коммерцъ-коллегіи заготовлять въ годъ поташа для продажи по двѣ тысячи бочекъ [7]. Изъ доклада коммерцъ-коллегіи кабинетъ-министрамъ въ 1738 г. видно, что въ Архангельскъ было привезено съ поташныхъ казенныхъ заводовъ бочекъ поташа: въ 1728 г.—956, въ 1729—989, въ 1730—1550, въ 1731—1575, въ 1732—1155, въ 1733—740; въ 1732 г. поташъ былъ запроданъ двумъ иностраннымъ купцамъ, въ количествѣ по двѣ тысячи бочекъ ежегодно, на 5 лѣтъ [8]. Какъ видно изъ донесенія коммерцъ-коллегіи сенату въ 1764 г., поташъ въ теченіе ряда лѣтъ на казенныхъ заводахъ не изготовлялся, поэтому коммерцъ-коллегія нашла излишнимъ дальнѣйшее существованіе особой поташной конторы. Указомъ сената поташная контора была упразднена; изъ этого указа видно, что лѣса для изготовленія поташа находились въ губерніяхъ: Казанской, Нижегородской и Воронежской [9]. Въ слѣдующемъ 1765 г. поташная контора была вновь учреждена вслѣдствіе указа объ изготовленіи поташа и продажѣ его за границу [10]. Въ 1773 г. было всѣмъ дозволено изготовлять поташъ въ своихъ или арендуемыхъ лѣсахъ и продавать его внутри государства, а въ 1780 г. дозволено было всѣмъ отпускать поташъ и за границу [11].

Отмѣна поташной монополіи вызвала частное производство поташа: съ 1793 г. количество поташа, отпускаемаго изъ Россіи, возростало приблизительно до второй четверти XIX в. [12]. Въ связь съ частнымъ производствомъ поташа можно поставить появленіе въ исходѣ XVIII в. ряда статей, посвященныхъ способамъ изготовленія поташа. Рекомендованные въ исходѣ XVIII в. способы не такъ просты, какъ тотъ, ко-

---

[1]) Тамъ же, V, № 2793.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, V, № 3072.

[4]) Тамъ же, VI, № 3772. Дѣла относительно поташныхъ заводовъ и продажи поташа съ 1721 г. въ „Систематическомъ каталогѣ дѣламъ государствен. коммерцъ-коллегіи», составлен. Кайдановымъ [стр. 150 и слѣд.].

[5]) Тамъ же, VII, № 4197.

[6]) Тамъ же, VII, № 4292.

[7]) Тамъ же, X, № 7362.

[8]) Тамъ же, X, № 7500.

[9]) Тамъ же, XVI, № 12161.

[10]) Тамъ же, XLIV, ч. II, № 12496.

[11]) Тамъ же, XX, № 15099.

[12]) Назв. тр. Небольсина, II, 306.

торымъ поташъ изготовлялся на заводахъ боярина Морозова. Древесную золу рекомендовалось дважды выщелачивать въ большихъ чанахъ, послѣ чего щелокъ надлежало кипятить на постоянномъ огнѣ въ желѣзныхъ котлахъ, чтобы испарилась вода. По достиженіи этого, когда котлы остывали, разбивался находящійся въ нихъ поташъ, имѣвшій видъ соляной глыбы. Куски этой глыбы пережигались въ особыхъ печахъ, пока не дѣлались бѣлыми или нѣсколько голубоватыми. [1]).

Издаваемыя приходо-расходныя и смѣтныя книги Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ изъ собранія рукописей И. Н. Михайловскаго въ г. Нѣжинѣ. Писаны онѣ скорописью на 201 листѣ въ 4 одною рукою, въ 1681 г., на бумагѣ съ водянымъ знакомъ—головою шута въ нарядѣ съ пятью бубенцами. [2]). Часть листовъ имѣетъ пагинацію буквами (съ такою пагинаціею послѣдній листъ—78), принадлежащую не той рукѣ, которою писаны книги; листы послѣ 78-го помѣчены были впослѣдствіи цифрами, но нѣсколько писанныхъ листовъ осталось не помѣченными, чистые же листы были помѣчены. Эта пагинація цифрами не принадлежитъ одной рукѣ. Приходо-расходныя и смѣтныя книги заключены въ одинъ бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ болѣе поздняго времени, съ двумя въ началѣ и двумя въ концѣ листами сѣрой бумаги того же времени. На переплетѣ книги наклеенъ бумажный ярлыкъ съ позднѣйшею надписью: "Приходо-Расходныя книги Арзамаскихъ будныхъ становъ по дѣлу поташа 7189 г.", а на оборотной сторонѣ переплета цифры „$^{3}/_{86}$" черниломъ и „№ $^{652}/_{71}$" карандашомъ. На первомъ чистомъ листѣ книги, подклеенномъ вслѣдствіе ветхости, написано: „читалъ Алаторе Мита...", а другою рукою ниже— „7189 году". Книга хорошей сохраности, въ пятнахъ отъ сырости только края первыхъ и послѣднихъ листовъ, нѣсколько обветшавшихъ. По полямъ всѣ писанные листы скрѣплены подписью стольника и воеводы Юрія Ѳедоровича Шишкина по слогамъ: „Юрий Шишкинъ", кромѣ 12 чистыхъ листовъ, находящихся между приходо-расходными и смѣтными книгами Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ. Эти чистые листы помѣчены „листъ порозжі" тою же рукою, которою по слогамъ сдѣлана на поляхъ подпись „Юрий Шишкинъ"; на чистой стра-

---

[1]) „Экономич. магазинъ" ч. XXIV стр. 316. М. 1785 г. „О пріуготовленіи поташа" тамъ же ч. XXXIV стр. 321; статья эта, какъ указано въ предисловіи, написана по иностраннымъ сочиненіямъ. „О поташѣ изъ домашней золы" въ «Еженедѣльныхъ извѣстіяхъ Вольнаго экономич. Об.» II, стр. 390 № 271. Спб. 1789 г. Болѣе сложный способъ приготовленія поташа въ статьѣ: «О дѣланіи поташа и о производимомъ симъ товаромъ торгѣ» въ «Магазинѣ для распространенія общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній» ч. I стр. 65. Спб. 1795 г.; въ примѣчаніи къ этой статьѣ оговорено, что она сообщена опытнымъ лицомъ.

[2]) Рукописи на бумагѣ съ такимъ водянымъ знакомъ относятся къ 1676 г. (Н. П. Лихачева „Бумага и бумажныя мельницы въ Моск. госуд." тбл. 54 № 469. Спб. 1891 г.) Тоже у Тромонина („Изъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ" тбл. XCI № 1316 и стр. 22 М. 1844 г.).

ницѣ тою же рукою сдѣлана надпись: „страница порозжая“ [1]). Приходо-расходныя и смѣтныя книги Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ подписаны: „Справилъ Алешка Юдинъ“. Подпись эта не той руки, которою писаны книги. Алексѣй Юдинъ записанъ въ числѣ подъячихъ приказной избы, жившихъ на Арзамасскихъ будныхъ станахъ, съ денежнымъ жалованьемъ въ 10 р., тогда какъ другіе подъячіе получали по 8 р. и 7 р. [2]). Надъ подписью Юдина въ концѣ приходо-расходныхъ книгъ Арзамасскихъ будныхъ становъ послѣднія буквы фамиліи Шишкинъ—„нъ“ (л. 134 об.; на полѣ л. 133 „Ши“, на полѣ л. 134 „шки“); тоже и въ концѣ смѣтной книги Арзамасскихъ будныхъ становъ; въ концѣ приходо-расходной книги Барминскихъ будныхъ становъ надъ «Справилъ Алешка Юдинъ»—„Шишкинъ“ (л. 190 об.; на полѣ л. 190—„Юрий“), въ концѣ смѣтной книги Барминскихъ будныхъ становъ надъ „Справилъ Алешка Юдинъ“—„шкинъ“ (л. 203 об.; на полѣ л. 203—„Ши“). Слоги фамиліи Шишкинъ и самая фамилія писаны непосредственно за послѣдними словами приходо-расходныхъ и смѣтныхъ книгъ.

Содержаніе приходо-расходной книги Арзамасскихъ будныхъ становъ—„что въ приходе денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ, и что той денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ въ росходе на Арзамаские будные станы дворяномъ і подячимъ і поливачемъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ і на всякие будные росходы декабря съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году, и на тѣхъ будныхъ станѣхъ сколко здѣлано поташу бочекъ, и что въ нихъ пудовъ и берковцовъ, и почему въ дѣле ценою пудъ сталъ поташу безъ дерева на мѣсте и почему съ провозомъ на Вологде зъ деревомъ, і что въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ, и сколко къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасамъ надобно въ прибавку всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, и то писано въ сихъ книгахъ ниже сего“.

На Арзамасскихъ будныхъ станахъ находилось 5 дворянъ „у дозору поташного дѣла и у наряду мастеровыхъ и работныхъ людей“, 4 подъячихъ, 9 поливачей, 8 бочкарей, 7 колесниковъ, 4 кузнеца, 170 будниковъ, 53 воштаря, 7 казаковъ и 1 конскій мастеръ. Всѣ они въ приходо-расходной книгѣ поименно перечислены съ обозначеніемъ, кто сколько получилъ жалованья. Всѣмъ имъ было уплачено годового жалованья 1405 р. 9 ал. и 4 д. Наемныхъ работниковъ было на Арзамасскихъ будныхъ станахъ 497 человѣкъ; они получили за работу 1066 р. 17 ал. 2 д. Всѣ работники, бывшіе на будныхъ станахъ, перечислены по именамъ съ обозначеніемъ, кто откуда, кому сколько

[1]) Юрій Ѳедоровичъ Шишкинъ—стольникъ въ 1678, 1686 и 1692 гг. („Указатель къ боярскимъ книгамъ“ стр. 478. М. 1853 г.).

[2]) Въ „Указателѣ къ боярскимъ книгамъ“ два дьяка Алексѣи Юдины: одинъ безъ отчества показанъ въ 1676 г., другой—Алексѣй Никитичъ въ 1692 г. (стр. 486).

уплачено, кто сколько времени прогулялъ и сколько съ кого за прогульное время вычтено (за прогульную недѣлю вычтено было изъ заработной платы: съ 6 человѣкъ по 1 ал. $5^1/_2$ д. съ полполуморткою, съ 4—по 2 ал. $1^1/_2$ д. съ полполуморткою; за прогульную половину недѣли съ одного рабочаго вычтено было $5^1/_2$ д. съ морткою и съ полполполуморткою, съ другого—5 д. съ морткою и половина полполполумортки).

Въ приходо-расходной книгѣ подробно перечислено, что покупалось для будныхъ становъ, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ; отмѣчена стоимость кирпича, безмѣновъ, писчей бумаги, соли, желѣза, мѣди, точилъ, наковалень и др. предметовъ оборудованія становъ; указано, какое количество съѣстныхъ припасовъ принято было на будные станы, перечислено, кому сколько дано хлѣбнаго годового жалованья, сколько овса было выдано на лошадей, указана стоимость по Арзамасской цѣнѣ четверти муки, сухарей, крупъ, толокна и др. припасовъ, стоимость провоза ихъ на будные станы, число напятыхъ косцовъ и плата имъ, количество изготовленной золы и стоимость ея; записано, сколько дровъ было изготовлено и отмѣчена стоимость сажня; указаны количество изготовленнаго поташа и стоимость его казнѣ на мѣстѣ, плата за провозъ его на наемныхъ подводахъ въ Вологду, стоимость казнѣ поташа съ провозомъ въ Вологду; перечислено, сколько муки, овса и крупы дано священникамъ и причетникамъ, указано сколько надобно на будные станы хлѣбныхъ запасовъ, цѣловальниковъ для пріема и раздачи этихъ запасовъ, косцовъ и рабочихъ лошадей.

Выпись изъ Арзамасскихъ смѣтныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ тотъ же матеріалъ, который въ приходо-расходныхъ книгахъ.

Барминскіе будные станы были переданы въ 1680 г. въ вѣдѣніе стольника и воеводы Ю. Ѳ. Шишкина. Приходо-расходная книга Барминскихъ будныхъ становъ содержитъ въ себѣ перечень того, „что на тѣхъ будныхъ станѣхъ принято мастеровыхъ людей, і кто імяны, и сколко какихъ заводовъ і лошедей і воловъ і остаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ і желѣза і укладу, і сколко на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ августа съ 7-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189 году въ приеме хлѣбныхъ запасовъ съ Сергацкихъ будныхъ становъ і изъ волостей і изъ Арзамаса денежные казны, і что въ росходе денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ мастеровымъ людемъ августа съ 7-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году, і то писано подъ ихъ імяны, і что имъ дано денегъ і хлѣба при боярине князе Іване Алексѣевиче Воротынскомъ [1]) і при Михайле Кобылскомъ, [2]) и сколко за тою денежною казною и за хлѣбными запасы здѣлано поташу пудъ і берковцовъ, і почему пудъ сталъ на мѣсте безъ дерева і почему съ провозомъ на Вологде, і то

---

[1]) Князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій—бояринъ въ 1658, 1668 и 1676 гг. („Указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 82).

[2]) Михаилъ Ивановичъ Кобыльскій—дворянинъ моск.—въ 1667, 1668, 1676 и 1677 гг.; въ 1692 г.—стряпчій (тамъ же, стр. 187).

писано въ сихъ книгахъ ниже сего." Послѣ перечня „майданныхъ заводовъ", рабочихъ лошадей и хлѣбныхъ запасовъ въ приходо-расходной книгѣ названы бывшіе на будныхъ станахъ поливачи, бочкари, колесники, кузнецы, будники, воштари, казаки съ указаніемъ, кому изъ нихъ сколько было дано денежнаго жилованья; записано, что куплено было для становъ, что взято было на кормъ мастеровымъ людямъ съ Сергацкаго и Можаровскаго будныхъ становъ; перечислены служившіе и работавшіе на станахъ съ указаніемъ, кому въ какомъ размѣрѣ дано хлѣбное жалованье, приведена стоимость по Лысковской цѣнѣ четверти муки и овса, пуда соли, провоза ихъ, стоимость молотьбы ржи и стоимость сажни дровъ; указаны количество изготовленнаго поташа и стоимость его, плата за провозъ въ Вологду съ пуда поташа, стоимость его съ провозомъ въ Вологду; перечислено, сколько надобно на Барминскіе будные станы хлѣбныхъ запасовъ и цѣловальниковъ для пріема и раздачи ихъ, косцовъ и лошадей.

Выпись изъ смѣтныхъ книгъ Барминскихъ будныхъ становъ заключаетъ въ себѣ тотъ же матеріалъ, который въ приходо-расходныхъ книгахъ.

Приходныя и расходныя книги Нижегородскихъ, Арзамасскихъ и Алатырскихъ будныхъ становъ въ 1680 г. были переданы въ Оружейную палату; этой же палатѣ велѣно было вѣдать и самые будные станы, до того времени бывшіе въ вѣдѣніи государевой Мастерской палаты. [1]).

Орѳографія рукописи мною сохранена, сохранены также разныя написанія однѣхъ и тѣхъ же именъ и фамилій. Я ввелъ только прописныя буквы, знаки препинанія и твердыя и мягкіе знаки въ окончаніяхъ и предлогахъ, а также раскрылъ титла.

---

[1]) Въ началѣ приходной и расходной книги денежной казнѣ Оружейной Палаты 7189 г. (1680—1681) слѣдующая запись: „Въ нынѣшнемъ во 188 г. авг. въ 19 д. ...велѣно въ Нижегородцкомъ и въ Арзамасскомъ и въ Олатарскомъ уѣздѣхъ будные станы и поташные промыслы и тѣхъ промысловъ мастеровыхъ и работныхъ людей, которые будные станы и поташные промыслы напередъ сего вѣдомы были въ его Государевѣ Мастерской полатѣ, нынѣ вѣдать въ Оружейной полатѣ, и тѣхъ будныхъ промысловъ дѣла и книги приходные и росходные, и столбцы и въ продажѣ поташу по иноземцахъ поручные записи и наличную денежную казну взять въ Оружейную полату". („Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ" А. Викторова, II стр. 449, № 961. М. 1883 г.). Смѣтныя книги Арзамасскихъ, Нижегородскихъ и Алатырскихъ казенныхъ будныхъ становъ 1681 г. принадлежатъ въ рукописи проф. В. О. Ключевскому („Русскій рубль XVI—XVIII в." стр. 60, прим. I. М. 1884 г.).

В. Савва.

Лѣта 7189-го по государеву цареву і великого князя Өеодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца указу книги при столнике і воеводе Юрье Өедоровиче Шишкине, что въ приходе денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ, и что той денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ въ росходе на Арзамаские будные станы дворяномъ і подячимъ і поливачемъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ і на всякие будные росходы декабря съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году, и на тѣхъ будныхъ станѣхъ сколко здѣлано поташу бочекъ, и что въ нихъ пудовъ и берковцовъ, и почему въ дѣле ценою пудъ сталъ поташу безъ дерева на мѣсте и почему съ провозомъ на Вологде зъ деревомъ, і что въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ, и сколко къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, и то писано въ сихъ книгахъ ниже сего.

Въ прошломъ во 188-мъ году взято на Арзамаские будные станы на всякие росходы и мастеровымъ людемъ въ жалованье въ Арзамасе ізъ приказные избы бортничьихъ и мордовскихъ дѣлъ изъ окладныхъ денегъ тысеча деветь сотъ сорокъ деветь рублевъ три алтына три денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году по указу великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца за приписию дьяка Василя Кипреянова прислано на Арзамаские будные станы денежные казны съ подячимъ съ Ываномъ Белениновымъ, і велено принять тысеча рублевъ, а принято у него Івана той денежной казны деветь сотъ девяносто три рубли, а семи рублевъ не дочтено, и въ тѣхъ денгахъ онъ Іванъ Белениновъ подалъ скаску, а въ скаске своею рукою написалъ, какъ де посланъ онъ Іванъ съ тою денежною казною въ Арзамасъ, а на подъемъ ничего ему не дано, і онъ де ѣдучи дорогою проѣлъ два рубли, да недочелъ онъ пяти рублевъ, и о томъ писано къ великому государю къ Москве въ приказъ болшаго дворца съ нимъ же Іваномъ тогожъ числа.

Всего денежные казны, что взято въ Арзамасе въ приказной избѣ и что прислано съ Москвы, двѣ тысечи деветь сотъ сорокъ два рубли три алтына три денги.

И той денежной казнѣ росходъ:

По указу великаго государя дано дворяномъ, которые живутъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ у дозору поташного дѣла и у наряду мастеровыхъ і работныхъ людей і подячимъ і всякимъ мастеровымъ людемъ годового жалованья:

Дворяномъ:

Родиону Черкизову пятнатцать рублевъ.
Остаѳью Безпятово пятнатцать рублевъ.
Михайлу Ощѣрину пятнатцать рублевъ.
Герасиму Пирогову десеть рублевъ.
Никите Логунову пять рублевъ.

Приказные избы подьячимъ:

Алексѣю Юдину десеть рублевъ.
Івану Озеренскому семь рублевъ.
Семену Протопопову восмь рублевъ.

Григорью Путимцову семь рублевъ, да емужъ дано за майданную работу въ приказъ семь рублевъ.

Арзамаскихъ будныхъ становъ мастеровымъ людемъ годового жалованья:

Поливочамъ:

Левке Шапурину дватцать рублевъ.
Левке Лазареву дватцать рублевъ.
Ефремке Яковлеву пятнатцать рублевъ.
Кирюшке Голику одиннатцать рублевъ четырнатцать алтынъ двѣ денги.
Купряшке Ильину тринатцать рублевъ.
Стенке Дроводинову двенатцать рублевъ.
Микитке Іванову двенатцать рублевъ.
Васке Пузикову деветь рублевъ.
Якушке Жулупу восмь рублевъ.

Бочкарямъ:

Ѳедке Лавринову восмь рублевъ.
Тимошке Ѳедорову шесть рублевъ.
Васке Медвѣдке шесть рублевъ.
Данилке Никитину шесть рублевъ.
Левке Григорьеву шесть рублевъ.
Агафонке Остафьеву пять рублевъ шестнатцать алтынъ четыре денги.
Левке Карнильеву шесть рублевъ.
Лавринке Яцкому шесть рублевъ.

Колесникомъ:

Васке Михайлову шесть рублевъ.
Сидорке Ѳомину шесть рублевъ.

Мишке Саранцу шесть рублевъ.
Луконке Іванову шесть рублевъ.
Нестерке Яковлеву шесть рублевъ
Давыдке Михайлову семь рублевъ.
Андрюшке Дудке шесть рублевъ.

Кузнецомъ:

Петрушке Григорьеву шесть рублевъ.
Івашке Яцкому шесть рублевъ.
Өедке Іванову восмь рублевъ.
Івашке Іванову шесть рублевъ.

Будникомъ:

Ермошке Агѣеву шесть рублевъ.
Панке Галузе шесть рублевъ.
Өедке Галузину шесть рублевъ.
Потапке Ермолаеву шесть рублевъ.
Васке Жидку шесть рублевъ.
Васке Абызу шесть рублевъ.
Сенке Прокоөьеву шесть рублевъ.
Өедке Лукоянову шесть рублевъ.
Максимке Еөремову шесть рублевъ.
Оске Еөремову шесть рублевъ.
Стенке Трооимову шесть рублевъ.
Панке Дубровскому пять рублевъ двадцать семь алтынъ двѣ деньги.
Гришке Шелудяку шесть рублевъ.
Івашке Сухому шесть рублевъ.
Оксенке Іванову шесть рублевъ.
Сенке Оксенову шесть рублевъ.
Кируюшке Семенову шесть рублевъ.
Микишке Седому шесть рублевъ.
Гришке Сапожнику шесть рублевъ.
Аөонке Миронову шесть рублевъ.
Мишке Яковлеву шесть рублевъ.
Панке Овечке шесть рублевъ.
Данилке Ступневу шесть рублевъ.
Івашке Краюшкину шесть рублевъ.
Івашке Козлу шесть рублевъ.
Макарке Дружинину шесть рублевъ.
Кондрашке Өедорову шесть рублевъ.
Івашке Игнатеву шесть рублевъ.
Якушке Рыбке пять рублевъ двадцать деветь алтынъ двѣ денги.
Ганке Ретке шесть рублевъ.
Алешке Тимоөѣеву шесть рублевъ.
Сенке Емелянову шесть рублевъ.

Сенке Шапурину шесть рублевъ.
Микишке Шапурину шесть рублевъ.
Самошке Шапурину шесть рублевъ.
Трошке Григореву шесть рублевъ.
Мишке Маторе шесть рублевъ.
Ортюшке Іванову шесть рублевъ.
Пронке Крупенке шесть рублевъ.
Ѳедке Семенову шесть рублевъ.
Гараске Кривому шесть рублевъ.
Івашке Боброву шесть рублевъ.
Петрунке Клевцову шесть рублевъ.
Ларке Зезюлину шесть рублевъ.
Микитке Козленку четыре рубли дватцать семь алтынъ четыре д
Андрюшке Корнилеву шесть рублевъ.
Демке Барсукову шесть рублевъ.
Андрюшке Тюленеву шесть рублевъ.
Іевке Юдину шесть рублевъ.
Василке Іванову шесть рублевъ.
Соѳонке Парѳеньеву шесть рублевъ.
Ѳомке Аѳонасеву шесть рублевъ.
Мамошке Микифорову шесть рублевъ.
Микитке Мартынову шесть рублевъ.
Харитонке Денисову шесть рублевъ.
Давыдке Микулаеву шесть рублевъ.
Якушке Яцкому шесть рублевъ.
Гришке Прокоѳьеву шесть рублевъ.
Ѳедке Данилову шесть рублевъ.
Пашке Троѳимову шесть рублевъ.
Тимошке Ісаеву шесть рублевъ.
Аниске Тимоѳѣеву шесть рублевъ.
Остапке Павлову шесть рублевъ.
Івашке Лаборцу шесть рублевъ.
Климке Дудке шесть рублевъ.
Ортюшке Голушке шесть рублевъ.
Аѳонке Голушкину шесть рублевъ.
Сенке Савелеву шесть рублевъ.
Родке Семенову шесть рублевъ.
Захарке Созонову шесть рублевъ.
Пронке Семенову шесть рублевъ.
Мишке Тимоѳѣеву шесть рублевъ.
Степке Шапурину шесть рублевъ.
Дениске Шапурину шесть рублевъ.
Любимке Іванову шесть рублевъ.
Богдашке Евсѣеву шесть рублевъ.
Данилке Доспѣю шесть рублевъ.

Сенке Ѳедорову шесть рублевъ.
Петрунке Семенову шесть рублевъ.
Мишке Козырю шесть рублевъ.
Івашке Мяснику пять рублевъ дватцать четыре алтына двѣ денги.
Івашке Ѳедорову шесть рублевъ.
Андрюшке Ѳедорову шесть рублевъ.
Ѳеоктистке Ѳедорову шесть рублевъ.
Мишке Щепетку шесть рублевъ.
Микишке Купреянову шесть рублевъ.
Гришке Давыдову шесть рублевъ.
Якушке Рожку шесть рублевъ.
Ермошке Шелеху шесть рублевъ.
Ѳилатке Шелехову шесть рублевъ.
Самсонке Василеву шесть рублевъ.
Симонке Яковлеву шесть рублевъ.
Гришке Толстому шесть рублевъ.
Якушке Мигалю шесть рублевъ.
Данилке Ѳедорову шесть рублевъ.
Матюшке Коске шесть рублевъ.
Ѳомке Козкину шесть рублевъ.
Кирюшке Корнилеву шесть рублевъ.
Терешке Никитину шесть рублевъ.
Ортюшке Кузмину шесть рублевъ.
Микитке Кузмину шесть рублевъ.
Івашке Щербенку пять рублевъ одиннатцать алтынъ двѣ денги.
Алешке Спиридонову шесть рублевъ.
Микулке Максимову шесть рублевъ.
Сенке Кондратеву шесть рублевъ.
Егупке Іванову шесть рублевъ.
Івашке Волку шесть рублевъ.
Микишке Волкову шесть рублевъ.
Івашке Пестряку шесть рублевъ.
Івашке Дудке шесть рублевъ.
Максимке Дудкину шесть рублевъ.
Луконке Ільину шесть рублевъ.
Івашке Самойлову шесть рублевъ.
Івашке Солонинке шесть рублевъ.
Івашке Лазареву шесть рублевъ.
Костке Гаврилову шесть рублевъ.
Лавринке Бурковскому шесть рублевъ.
Микитке Гончареву шесть рублевъ.
Пронке Таранке шесть рублевъ.
Самошке Лисовскому шесть рублевъ.
Ромашке Алексѣеву шесть рублевъ.
Андрюшке Черному шесть рублевъ.

Кондрашке Василеву шесть рублевъ.
Карпунке Кондратеву шесть рублевъ.
Ганке Мартынову шесть рублевъ.
Малаѳейке Микулаеву шесть рублевъ.
Васке Овдокимову шесть рублевъ.
Васке Булаху шесть рублевъ.
Мартынке Михайлову шесть рублевъ.
Мишке Татаркину шесть рублевъ.
Ортюшке Шаблинскому шесть рублевъ.
Гришке Тимофѣеву шесть рублевъ.
Ѳедке Таранкову шесть рублевъ.
Мишке Андрѣеву шесть рублевъ.
Мишке Ѳирсову пять рублевъ.
Мишке Емелянову пять рублевъ дватцать два алтына двѣ денги.
Івашке Ѳилипову пять рублевъ.
Устимке Іванову пять рублевъ.
Сидорке Григореву четыре рубли дватцать шесть алтынъ четыре денги.
Ѳилатке Павлову четыре рубли одиннадцать алтынъ двѣ денги.
Тимошке Смирнову пять рублевъ.
Тимошке Илину пять рублевъ.
Никонке Янову пять рублевъ.
Доронке Іванову четыре рубли.
Климке Давыдову пять рублевъ.
Сергунке Троѳимову три рубли шестнатцать алтынъ четыре денги.
Власке Андрѣеву три рубли.
Івашке Никитину три рубли.
Ѳилке Микулаеву три рубли.
Івашке Колесникову три рубли.
Марчке Егупову три рубли шеснатцать алтынъ четыре денги.
Петрунке Ѳедорову три рубли.
Савке Савелеву два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Захарке Спиридонову два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Оске Ѳролову два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Елке Яковлеву два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Мишке Григорьеву два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Илюшке Іванову два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Івашке Селиверстову два рубли.
Петрушке Аѳонасеву два рубли.
Микишке Яковлеву два рубли.
Васке Яковлеву два рубли.
Васке Іванову два рубли.
Филке Андрѣеву два рубли.
Сенке Тимоѳѣеву два рубли.
Ѳедке Скороходу два рубли.

Гришке Михайлову два рубли.
Андрюшке Гаврилову рубль.
Панке Ѳомину шеснатцать алтынъ четыре денги.

Воштарямъ:

Петрунке Іванову три рубли.
Янке Ортемьеву три рубли.
Оске Дороѳѣеву три рубли.
Самошке Павлову три рубли.
Андрюшке Рыбкину три рубли.
Костюнке Григореву три рубли.
Івашке Клевцу три рубли.
Гришке Григореву три рубли.
Аѳонке Григореву три рубли.
Стенке Михайлову три рубли.
Івашке Моторину три рубли.
Гришке Семенову три рубли.
Кондрашке Зезюлину три рубли.
Трошке Михайлову три рубли.
Марчке Леонтьеву три рубли.
Микишке Ѳедорову три рубли.
Ромашке Анисимову три рубли.
Левке Тарасову три рубли.
Ілюшке Ісаеву три рубли.
Ѳедке Солодову три рубли.
Івашке Степанову три рубли.
Назарке Неѳедеву три рубли.
Купряшке Лукьянову три рубли.
Матюшке Праху три рубли.
Нестерке Буданенку три рубли.
Луконке Костянтинову три рубли.
Васке Малахову три рубли.
Исачке Троѳимову три рубли.
Янке Миронову три рубли.
Васке Кубышке три рубли.
Макарке Тимоѳѣеву три рубли.
Мирошке Самойлову три рубли.
Стенке Андрѣеву три рубли.
Митке Плохому три рубли.
Зинке Бочкареву два рубли десять алтынъ.
Андрюшке Колесникову два рубли.
Матюшке Ѳедорову два рубли.
Козмишке Іванову тритцать одинъ алтынъ четыре денги.
Оношке Яковлеву рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
Оске Ѳедорову рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.

Гришке Өедорову рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
Ісачке Яковлеву рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
Івашке Костянтинову рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
Івашке Шаклѣю рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
Івашке Леонтьеву рубль.
Микитке Селиверстову рубль.
Тимошке Григореву рубль.
Ониске Данилову рубль.
Аөонке Любимову рубль.
Архипке Спиридонову рубль.
Якушке Симонову рубль.
Еремке Бурковскому рубль.
Івашке Исаеву рубль.

Мурашкинскимъ казакамъ:

Ортюшке Тимоеѣеву три рубли.
Емелке Степанову три рубли.
Васке Солоду три рубли.
Тараске Кондратеву три рубли.
Пронке Дементьеву три рубли.
Оске Антонову три рубли.
Тимошке Волку три рубли.
Конскому мастеру Івашке Петрову три рубли.

Всего пяти человѣкомъ дворяномъ шестьдесятъ рублевъ, четыремъ человѣкомъ подячимъ тритцать деветь рублевъ, девяти человѣкомъ поливочамъ сто дватцать рублевъ четырнатцать алтынъ двѣ денги, осми человѣкомъ бочкарямъ сорокъ деветь рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ колесникомъ сорокъ три рубли, четыремъ человѣкомъ кузнецомъ дватцать шесть рублевъ, сту семидесяти человѣкомъ будникомъ деветьсотъ шеснатцать рублевъ тринатцать алтынъ четыре денги, пятидесятъ тремъ человѣкомъ воштарямъ сто дватцать шесть рублевъ тритцать одинъ алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ казакомъ, да одному человѣку конскому мастеру—всего осми человѣкомъ —дватцать четыре рубли.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливочамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецомъ и будникомъ и воштарямъ и казакомъ и конскому мастеру—тысеча четыреста пять рублевъ деветь алтынъ четыре денги.

Да на Арзамаскиежъ будные станы нанято было работныхъ людей триста девяносто четыре человѣка; найму имъ дано по уговорной ценѣ восмь сотъ семдесятъ два рубли одинъ алтынъ четыре денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году майя въ 8 день по указу великого государя прислано на Арзамаские будные станы исъ Терюшевской волости работныхъ людей сто три человѣка, а найму имъ дано въ Арзамасе въ

приказной избѣ изъ казны великого государя сто девяносто четыре рубли шеснатцать алтынъ четыре денги.

Всего нанято было работныхъ людей и что прислано было исъ Терюшева—четыре ста девяносто семь человѣкъ, а найму имъ дано тысеча шестьдесятъ шесть рублевъ осмнатцать алтынъ двѣ денги, а кто имяны работныхъ людей было нанято и которыхъ уѣздовъ, и которые исъ Терюшева присланы и которыхъ селъ и деревень, и что кому наемныхъ денегъ дано, и то писано въ особыхъ книгахъ ниже сего.

И іс̾ъ того числа многие работники въ прошломъ году во 188-мъ і въ нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ въ розныхъ мѣсяцехъ и числехъ съ Арзамаскихъ будныхъ становъ бѣгали, а сколко кто тѣ наемные работники недѣль и дней прогуляли и кто имяны, и что на тѣхъ работникахъ на комъ довелось взять за прогулные недѣли і дни денегъ, и то писано подъ ихъ имяны.

Да въ прошломъ во 188-мъ году куплено на Арзамаские будные станы работнымъ лошедямъ на кормъ сѣна на тритцать на деветь рублевъ на семнатцать алтынъ на две денги.

Куплено на Арзамаские будные станы на гарты четыре тысечи кирпичей, даны пять рублевъ дватцать шесть алтынъ четыре денги.

Куплено въ Арзамасе и въ Арзамаскомъ уѣзде по торшкомъ въ розныхъ мѣсяцѣхъ и числехъ на Арзамаскиежъ будные станы работнымъ людемъ въ каши ветчиного сала шестьдесятъ семь пудъ тритцать семь гривенокъ съ полугривенкою, дано тритцать восмь рублевъ шесть алтынъ двѣ деньги.

Куплены на будныежъ станы два безмѣна, даны тринатцать алтынъ двѣ денги.

Куплено на Макаревской ярмонкѣ дватцать три стопы пищей бумаги, даны семнатцать рублевъ пять алтынъ.

Куплено шесть сотъ шестьдесятъ восмь пудъ соли, дано за пудъ по два алтына по две денги, итого сорокъ шесть рублевъ дватцать пять алтынъ двѣ денги, да на тою соль куплено кулей на дватцать на семъ алтынъ зъ денгою

Куплено сто сорокъ одинъ пудъ дватцать пять фунтовъ Свицкого желѣза, дано за пудъ по тринатцати алтынъ по двѣ денги, ітого пятьдесятъ шесть рублевъ дватцать одинъ алтынъ четыре денги.

Куплено тритцать четыре котла тазовой мѣди вѣсомъ три пуда, дано за пудъ по четыре рубли по шеснатцети алтынъ по четыре денги, итого тринатцать рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги.

Куплено дватцать шесть тысечь пять сотъ клинцовъ укладу, дано дватцать семь рублевъ дватцать пять алтынъ.

Куплено пять точилъ, даны три рубли шеснатцать алтынъ четыре денги.

Кулены двѣ наковалны, даны три рубли дватцать три алтына двѣ денги.

Куплены двои мѣхи, даны рубль дватцать алтынъ.

Да на покупкужъ въ росходъ на сани і на клещи і на хомутин на подкладки і на иные мѣлкие расходы пятнатцать рублевъ с алтынъ двѣ денги.

И на тою вышеписанную покупку въ росходъ двѣсти семдес рублевъ османатцать алтынъ три денги.

Да на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ куплено Арзамаского уѣ разныхъ деревень у бортниковъ і у Мордвы і у будницкихъ женъ детѣй бирковой золы шесть тысечь шесть сотъ пятдесятъ семь че дано за четь по шти денегъ, итого сто девяносто деветь рублевъ дв цать три алтына четыре денги.

І всего на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ денежные казны росходъ дворяномъ і подячимъ і поливочамъ и будникомъ і всяки мастеровымъ людемъ и Арзамаскимъ и Терюшевскимъ работникомъ за желѣзо и за укладъ і за соль і за сало ветчиное и на всякие мѣлк росходы декабря съ 1-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е чис нынешнего 189-го году двѣ тысечи деветь сотъ сорокъ два рубли т алтына три денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году марта въ 25 день по указу вел кого государя прислано съ Москвы изъ приказу болшаго дворца дворяниномъ съ Ѳедоромъ Герасимовымъ сыномъ Бороноволоковымъ Арзамаские и Сергацкие будные станы работнымъ людемъ на корм дватцать пять чети снетковъ въ Московскую таможенную мѣру, котор на будныхъ станѣхъ.

И ісъ того числа отослано на Саргацкие будные станы пять че снетковъ.

А на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ въ росходъ дватцать че снетковъ.

Да на Арзамаскихъ же будныхъ станѣхъ остаточныхъ хлѣбных запасовъ, которые остались за росходы прошлого 187-го году во 188- годъ пять сотъ шестьдесятъ двѣ чети съ осминою безъ получетверика малъ четверикъ муки ржаные;

Сто дватцать шесть чети бесъ полутрети четверика сухарей;

Пять сотъ восмьдесятъ двѣ чети съ полуосминою и зъ четвериком і малъ четверикъ крупъ ячныхъ и грѣчишныхъ і просяныхъ і овсяныхъ

Триста одна четь бесъ полуосмины і полторы пятыхъ дол четверика толокна;

Сто пятьдесятъ три чети съ осминою овса;

Да остаточной соли, которая осталась за росходы у прошлого 187-г году во 188-й годъ, шесть сотъ семдесятъ четыре пуда семнатцать гриве нокъ по ценѣ на сорокъ на три рубли на дватцать на восмъ алтын на полчетверть денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ и нинешнемъ во 189-мъ годѣхъ принят на Арзамаские будные станы недовозныхъ хлѣбныхъ запасовъ 187-го 188-го годовъ исъ Терюшева дватцать восмъ чети съ полуосминою и с получетверикомъ муки ржаной.

Да марта въ розныхъ числехъ прошлого 188-го году вмѣсто крупъ дву сотъ осми чети съ полуосминою принято четыре ста шеснатцать чети съ осминою овса для того, что въ сиѣхъ числехъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ овса не было, работныхъ лошедей кормить было нѣчемъ.

А въ недовозе, вмѣсто крупъ осмидесятъ девяти чети безъ получетверика, овса сто семдесятъ восмь чети безъ четверика.

Да недовозного овса сто восмъдесятъ чети съ осминою.

Да по указу великого государя принято на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ хлѣбныхъ запасовъ Алаторского уѣзду изъ селъ Порѣцкого і Семеновского у Порѣцковскихъ і у Семеновскихъ крестьянъ і Алаторского уѣзду у Мордвы і у Лысковскихъ і у Мурашкинскихъ крестьянъ и Терюшевской волости у бортниковъ и у Мордвы, а сколко тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ съ которой волости у крестьянъ и у Мордвы принято, и то писано порознь по статьямъ:

Алаторского уѣзду зъ селъ Порѣцкого и Семеновского у крестьянъ і у Мордвы принято: три тысечи двѣсти девяносто три чети съ полуосминою и зъ четверикомъ муки ржаные; деветь сотъ девяносто три чети съ полуосминою і съ получетверикомъ сухарей; двѣсти семнатцать чети съ четверикомъ крупъ овсяныхъ; четыре ста семдесять восмь четвертей толокна.

У Терюшевскихъ бортниковъ і у Мордвы принято: деветь сотъ четыре чети съ осминою и зъ четверикомъ муки; сто восемьдесятъ четыре чети съ полуосминою и зъ четверикомъ сухарей; сто восмьдесятъ двѣ чети съ полуосминою і съ полуторымъ четверикомъ толокна.

У Мурашкинскихъ крестьянъ принято: семдесять деветь чети муки; двѣ тысечи триста шестьдесятъ семь чети съ полуосминою овса.

У Лысковскихъ крестьянъ принято: четыре ста девяносто пять чети съ осминою и зъ четверикомъ муки; двѣсти тритцать семь чети съ осминою овса.

Всего въ пріеме у Алаторскихъ и у Мурашкинскихъ и у Лысковскихъ и у Терюшевскихъ крестьянъ і у бортниковъ і у Мордвы хлѣбныхъ запасовъ четыре тысечи семь сотъ семдесятъ двѣ чети съ осминою и зъ четверикомъ муки, тысеча сто семдесятъ семь чети съ осминою и съ полуторымъ четверикомъ сухарей, шесть сотъ шестьдесятъ чети съ полуосминою и съ полуторымъ четверикомъ толокна, двѣсти семнатцать чети съ четверикомъ крупъ овсяныхъ, двѣ тысечи шесть сотъ пять чети безъ полуосмины овса.

А въ недовозе тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ дватцать деветь чети съ полуосминою и съ четверикомъ муки, осмина крупъ, сто тритцать шесть чети безъ полуосмины съ получетверикомъ овса, да взято съ Сергацкихъ будныхъ становъ па Арзамаские будные станы работнымъ лошедямъ на кормъ четыре ста дватцать чети овса.

Всего въ пріеме на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и съ остаточными хлѣбными запасы, что остались у

прошлого 187-го году во 188-й годъ и съ тѣмъ, что взято овса съ Серга кихъ будныхъ становъ и что принято вмѣсто недовозныхъ круп Терюшевскихъ бортниковъ и у Мордвы овсажъ: пять тысечь три с шестьдесятъ три чети съ полуосминою и зъ четверикомъ и малъ четв рикъ муки, тысеча три ста три чети съ осминою і четверикомъ і тре четверика сухарей, семь сотъ девяносто деветь чети съ осминою и ма четверикъ крупъ, деветь сотъ шестьдесятъ одна четь съ полуторымъ четв рикомъ и три десятыхъ доль четверика толокна, три тысечи пять со девяносто пять чети безъ полуосмины овса.

И тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые остались у прошлого 187- году и которые приняты изъ Алаторскихъ селъ у крестьянъ и у Мо двы и Лысковской и Мурашкинской и Терюшевской волостей у крест янъ и у бортниковъ и у Мордвы, въ росходъ по указу великого гос даря дано дворяномъ, которые живутъ на Арзамаскихъ будныхъ ст нѣхъ у дозору поташного дѣла и для наряду работныхъ людей, Арзамаскіе приказные избы и будныхъ дѣлъ подячимъ и поливочам и будникомъ и всякимъ мастеровымъ людемъ годового жалованья:

Дворяномъ:

Родиону Черкизову девятнатцать чети безъ полуосмины муки, пя натцать чети овса.

Остаѳью Безпятово двенатцать чети съ осминою муки, десять че ти овса.

Гарасиму Пирогову двенатцать чети съ осминою муки, десять че ти овса.

Никите Логунову шесть чети съ полуосминою муки, пять чет овса.

Приказные ізбы подьячимъ:

Алексѣю Юдину двенатцать чети съ осминою муки, десять чет овса.

Івану Озеренскому шесть чети съ полуосминою муки, пять че овса.

Григорью Путимцову пятнатцать чети съ полуосминою муки, дв натцать чети овса.

Семену Протопопову десять чети муки, восмь чети овса.

Поливочамъ:

Левке Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою круп три пуда соли, осмина толокна.

Левке Лазареву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Еѳремке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кирюшке Голику десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Купряшке Иліну десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Стенке Дроводинову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Микитке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Васке Пузикову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Якушке Жулупу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Бочкарямъ:

Ѳедке Лавринову пятнадцать чети муки, четь съ полуосминою упъ, три пуда соли, осмина толокна.

Тимошке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Васке Медвѣдке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Данилке Никитину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Левке Григорьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Агафонке Остаѳьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Левке Корнильеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Лавринке Яцкому шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, а пуда соли, три четверика толокна.

Колесникомъ:

Васке Михайлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Сидорке Ѳомину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Мишке Саранцу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Луконке Іванову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, а пуда соли, три четверика толокна.

Нестерке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Давыдке Михайлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Дудке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Кузнецомъ:

Петрушке Григореву десять чети муки, четь съ полуосмино крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Яцкому шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп два пуда соли, три четверика толокна.

Ѳедке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою круп три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою круп три пуда соли, осмина толокна.

Будникомъ:

Ермошке Агѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ три пуда соли, осмина толокна.

Панке Галузе десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ три пуда соли, осмина толокна.

Ѳедке Галузину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ три пуда соли, осмина толокна.

Потапке Ермолеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ три пуда соли, осмина толокна.

Васке Жидку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Васке Абызу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Прокоѳьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ѳедке Лукоянову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Максимке Еѳремову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Оске Еѳремову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Стенке Троѳимову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Панке Дубровскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Шелудяку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Сухову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Оксенке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Оксенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кирюшке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микишке Седому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Гришке Сапожнику десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Аѳонке Миронову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Мишке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Панке Овечке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три да соли, осмина толокна.

Данилке Ступневу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Івашке Краюшкину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Івашке Козлу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три да соли, осмина толокна.

Макарке Дружинину десять чети муки, четь съ полуосминою упъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кондрашке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Івашке Игнатьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Якушке Рыбке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Ганке Ретке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три да соли, осмина толокна.

Алешке Тимоѳѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Сенке Емелянову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Сенке Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, и пуда соли, осмина толокна.

Микишке Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, пуда соли, осмина толокна.

Самошке Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, пуда соли, осмина толокна.

Трошке Григореву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, пуда соли, осмина толокна.

Мишке Маторе десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, пуда соли, осмина толокна.

Ортюшке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, пуда соли, осмина толокна.

Пронке Крупенке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, пуда соли, осмина толокна.

Ѳедке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, пуда соли, осмина толокна.

Гараске Кривому десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Боброву десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Петрунке Клевцову десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Ларке Зезюлину десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Микитке Козленку десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Корнилеву десять чети муки, четь съ полуосмин
крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Корнильеву десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Демке Барсукову десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Тюленеву десять чети муки, четь съ полуосмин
крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Іевке Юдину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, т
пуда соли, осмина толокна.

Вавилке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Сооонке Пароенову десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Өомке Аөонасьеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Мамошке Никиөорову шесть чети муки, четь безъ полуосми
крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Микитке Мартынову шесть чети муки, четь безъ полуосми
крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Харитонке Денисову шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Давыдке Микулаеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Якушке Яцкому шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Гришке Прокоөьеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Өедке Данилову шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Пашке Троөимову шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Тимошке Исаеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Аниске Тимоөѣеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины круп
два пуда соли, три четверика толокна.

Остапке Павлову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Івашке Лаборцу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Климке Дудке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Артюшке Голушке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Аѳонке Голушкину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Савелеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Родке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Захарке Созонову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Пронке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Тимоѳѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Стенке Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Дениске Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Любимке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Богдашке Евсевьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Данилке Доспѣю десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Петрунке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Козырю десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Мяснику десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ѳеоктистке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Щепетку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микишке Купреянову десять чети муки, четь съ полуосмин
крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Давыдову десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Якушке Рожку десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Ермошке Шелеху десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Өилатке Шелехову десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Самсонке Василеву десять чети муки, четь съ полуосминою кру
три пуда соли, осмина толокна.

Симонке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Толстому десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Якушке Мигалю десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Данилке Өедорову десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Матюшке Коске десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Өомке Коскину десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Кирюшке Корнильеву десять чети муки, четь съ полуосмино
крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Терешке Никитину десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Ортюшке Кузмину десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Микитке Кузмину десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Щербенку десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Алешке Спиридонову десять чети муки, четь съ полуосмино
крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микулке Максимову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ
три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Кондратеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ
три пуда соли, осмина толокна.

Егупке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ
три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Волкову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ
три пуда соли, осмина толокна.

Микишке Волкову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ
три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Пестряку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Дудке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Максимке Дудкину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Луконке Ильину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Самойлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Солонинке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Лазареву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Костке Гаврилову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Лавринке Бурковскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микитке Гончарову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Пронке Таранку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Самошке Лисовскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ромашке Алексѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Черному десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кондрашке Василеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Карпунке Кондратеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ганке Мартынову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Малаѳейке Микулаеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Васке Овдокимову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Васке Булаху десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мартынке Михайлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Татаркину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ортюшке Шаблинскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Тимоѳѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ѳедке Таранкову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Андрѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Митке Ѳирсову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Емелянову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Филипову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Устимке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сидорке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Ѳилатке Павлову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Тимошке Смирнову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Тимошке Ильину пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Никонке Янову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Доронке Іванову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Климке Давыдову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Сергунке Трофимову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Власке Андрѣеву семь чети съ осминою муки, четь безъ получетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Івашке Никитину семь чети съ осминою муки, четь безъ получетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Филке Микулаеву семь чети съ осминою муки, четь безъ получетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Івашке Колесникову семь чети съ осминою муки, четь безъ получетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Марчке Егупову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Петрунке Ѳедорову четыре чети муки, осмина крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Савке Савелеву шесть чети муки, четь безъ полосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Захарке Спиридонову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Ѳролову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Елке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Мишке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Илюшке Іванову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Івашке Селиверстову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, два четверика толокна.

Петрушке Аѳонасеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Микишке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Васке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Васке Іванову четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Филке Андрѣеву четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Сенке Тимоѳѣеву четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Андрюшке Гаврилову четыре чети муки, осмина крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Ѳедке Скороходу три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Сенке Паренку три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Панке Ѳомину двѣ чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Гришке Михайлову три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Воштарямъ:

Петрунке Іванову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Янке Ортемеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Дороѳѣеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Самошке Павлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Андрюшке Рыбкину пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Гришке Тимоѳѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Ѳедке Таранкову десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Андрѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Митке Ѳирсову десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Емелянову десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Филипову десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Устимке Іванову десять чети муки, четь съ полуосминою круп
три пуда соли, осмина толокна.

Сидорке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ круп
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Ѳилатке Павлову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда со
три четверика толокна.

Тимошке Смирнову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда со
три четверика толокна.

Тимошке Ильину пять чети муки, осмина съ четверикомъ круп
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Никонке Янову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, т
четверика толокна.

Доронке Іванову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, т
четверика толокна.

Климке Давыдову пять чети муки, осмина съ четверикомъ круп
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Сергунке Трофимову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда со
три четверика толокна.

Власке Андрѣеву семь чети съ осминою муки, четь безъ получе
верика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Івашке Никитину семь чети съ осминою муки, четь безъ получе
верика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Филке Микулаеву семь чети съ осминою муки, четь безъ пол
четверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Івашке Колесникову семь чети съ осминою муки, четь безъ пол
четверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Марчке Егупову восмь чети муки, четь крупъ, два пуда со
три четверика толокна.

Петрунке Ѳедорову четыре чети муки, осмина крупъ, полто
пуда соли, полосмины толокна.

Савке Савелеву шесть чети муки, четь безъ полосмины крупъ, д
пуда соли, три четверика толокна.

Захарке Спиридонову пять чети муки, осмина съ четверико
крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Ѳролову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Елке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Мишке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Илюшке Іванову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Івашке Селиверстову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, два четверика толокна.

Петрушке Аѳонасеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Микишке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Васке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Васке Іванову четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Филке Андрѣеву четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Сенке Тимоѳѣеву четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Андрюшке Гаврилову четыре чети муки, осмина крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Ѳедке Скороходу три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Сенке Паренку три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Панке Ѳомину двѣ чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Гришке Михайлову три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Воштарямъ:

Петрунке Іванову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Янке Ортемеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Дороѳѣеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Самошке Павлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Андрюшке Рыбкину пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Костюнке Григореву пять чети муки, осмина съ четвери
крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Івашке Клевцу пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Гришке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Аѳонке Григорьеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Стенке Михайлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Івашке Моторину пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Гришке Семенову пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Кондрашке Зезюлину пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Трошке Михайлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Марчке Леонтьеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Микишке Ѳедорову три чети муки, три четверика крупъ,
пудъ, полтора четверика толокна.

Ромашке Анисимову три чети муки, три четверика крупъ,
пудъ, полтора четверика толокна.

Левке Тарасову три чети муки, три четверика крупъ, соли п
полтора четверика толокна.

Іляшке Исаеву три чети муки, три четверика крупъ, соли п
полтора четверика толокна.

Ѳедке Солодову пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Івашке Степанову четыре чети муки, осмина крупъ, соли п
четверикъ толокна.

Назарке Неѳедеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Купряшке Лукьянову пять чети муки, осмина съ четвери
крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Матюшке Праху пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Нестерке Буданенку пять чети муки, осмина съ четвери
крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Луконке Костянтинову пять чети муки, осмина съ четвери
крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Васке Малахову пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Ісачке Троѳимову пять чети муки, осмина съ четверикомъ кр
полтора пуда соли, полосмины толокна.

Янке Миропову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Васке Кубышке пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Макарке Тимоѳѣеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Мирошке Самойлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Стенке Андрѣеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Митке Плохому пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Зинке Бочкареву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Андрюшке Колесникову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Матюшке Ѳедорову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Кормишке Іванову двѣ чети муки, полосмины крупъ, полпуда соли, четверикъ толокна.

Аношке Яковлеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, полтора четверика толокна.

Оске Ѳедорову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ полтора пуда соли, полосмины толокна.

Гришке Ѳедорову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Исачке Яковлеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, два четверика толокна.

Івашке Костянтинову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Івашке Шаклѣю три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Івашке Леонтьеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, два четверика толокна.

Микитке Селиверстову четь съ осминою муки, полтора четверика крупъ, полпуда соли, четверикъ толокна.

Тимошке Григореву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Аниске Данилову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Афонке Любимову три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Архипке Спиридонову три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Якушке Симонову три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Еремке Бурковскому три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Івашке Исаеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Мурашкинскимъ казакомъ:

Ортюшке Тимоѳѣеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Емелке Степанову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Васке Солоду пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Тараске Кондратеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Пронке Дементьеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Антонову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Тимошке Волку пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Конскому мастеру Івашке Петрову двѣ чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Всего четыремъ человѣкомъ двворяномъ пятдесятъ чети муки, сорокъ чети овса; четыремъ человѣкомъ подячимъ сорокъ четыре чети муки, тритцать пять чети овса; девяти человѣкомъ поливочамъ девяносто чети муки, одиннатцать чети съ полуосминою крупъ, дватцать семь пудъ соли, четыре чети съ осминою толокна; осми человѣкомъ бочкарямъ осмьдесятъ одна четь муки, деветь чети съ осминою крупъ, дватцать три пуда соли, четыре чети безъ четверика толокна; семи человѣкомъ колесникомъ шестьдесятъ шесть чети муки, восмь чети съ полуосминою крупъ, дватцать пудъ соли, три чети съ полуосминою и зъ четверикомъ толокна; четыремъ человѣкомъ кузнецомъ тритцать шесть чети муки, четыре чети съ осминою крупъ, одиннатцать пудъ соли, двѣ чети безъ четверика толокна; сту семидесять одному человѣку будникомъ тысеча пять сотъ семнатцать чети муки, сто восмьдесятъ деветь чети безъ четверика крупъ, четыре ста шестьдесятъ два пуда соли, семдесятъ семь чети безъ четверика толокна; вощтарямъ пятидесятъ тремъ человѣкомъ двѣсти дватцать одна чети съ осминою муки, дватцать семь чети съ полуторымъ четверикомъ крупъ, шестьдесятъ восмь пудъ соли, одиннатцать чети съ полуторымъ четверикомъ толокна; семи человѣкомъ казакомъ, да одному человѣку конскому мастеру—всего осми человѣкомъ—тритцать семь чети муки, четыре чети съ осминою и изъ четверикомъ крупъ, одиннатцать пудъ дватцать гривенокъ соли, двѣ чети безъ четверика толокна.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливочамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецамъ и будникомъ и воштарямъ и казакамъ к конскому мастеру въ росходъ хлѣбныхъ запасовъ декабря съ 1-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году двѣ тысечи сто сорокъ двѣ чети съ осминою муки, двѣсти пятьдесять четыре чети съ полуторымъ четверикомъ крупъ, сто три чети съ осминою и съ получетверикомъ толокна, шесть сотъ дватцать два пуда дватцать гривенокъ соли, семдесять пять чети овса.

Да на Арзамаскихъ же семи будныхъ станѣхъ наемнымъ работникомъ давано въ кормъ противъ прошлыхъ лѣтъ печенымъ хлѣбомъ, а хлѣба печено изъ чети муки по дватцати по шти караваевъ, а давано десяти человѣкомъ на недѣлю по дватцати караваевъ хлѣба, по три четверика съ третию сухарей, по четверику крупъ толокна, по томужъ по пяти гривенокъ соли. И тѣми наемными работники четыре ста девяносто семью человѣки скормлено всякихъ хлѣбныхъ запасовъ марта съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году тысеча три ста шестьдесятъ одна чети съ четверикомъ муки, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверикомъ сухарей, двѣсти дватцать три четверти съ полуторымъ четверикомъ і десятая доля четверика крупъ, двѣсти дватцать одна четь съ осминою і съ полуторымъ четверикомъ і десятая доля четверика толокна, двѣсти шестьдесять пудъ четырнатцать гривенокъ соли, да имъ же наемнымъ работникомъ въ росходъ на квасъ шестьдесятъ восмь чети съ полуосминою и зъ четверикомъ муки ржаные, да имижъ скормлено дватцать чети снетковъ, шестдесятъ семь пудъ тритцать семь гривенокъ съ полугривенкою ветчинного сала.

Да майданными работными лошедми скормлено тысеча деветь сотъ восмдесятъ чети овса.

Всего въ росходъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ дворяномъ и подячимъ и поливачамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецамъ и будникомъ і воштарямъ и казакомъ и конскому мастеру и наемнымъ работникомъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли три тысечи пять сотъ семдесятъ двѣ чети муки, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверикомъ сухарей, четыре ста семдесятъ семь чети съ полуосминою и зъ четверикомъ и десятая доля четверика крупъ, три ста дватцать пять чети съ полуосминою и десятая доля четверика толокна, восмь сотъ восмдесятъ два пуда тритцать четыре гривенки соли и съ тѣмъ, которая осталась у прошлого 187-го году во 188-й годъ шесть сотъ семдесятъ четыре пуда по ценѣ на сорокъ на три рубли на дватцать на семь алтынъ, и тѣ денги положены на поташъ, которой дѣланъ въ прошломъ во 188-мъ і нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ.

Да въ жалованьежъ дворяномъ і подячимъ дано і работными лошедми скормлено двѣ тысечи пятдесятъ пять чети овса.

И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цена по Арзамаской ценѣ по скаске за рукою Арзамаскаго таможенного головы Ѳедки Перетрутова съ товарыщи: за муку за четь по пяти алтынъ,

итого пять сотъ тритцать шесть рублевъ осмнатцать алтынъ двѣ ден
за сухари за четь по два алтына по три денги, итого пятдесятъ п
рублевъ тритцать одинъ алтынъ полпяты денги съ полуторою морткою;
крупы и за толокно за четь по осми алтынъ, итого сто девяносто
рубли деветь алтынъ зъ денгою; за овесъ за четь по четыре алты
ітого двѣсти сорокъ шесть рублевъ дватцать алтынъ; за снетки за ч
по рублю, итого дватцать рублевъ.

А за провозъ тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ положено за муку и
крупы и за толокно за четь по алтыну, а за сухари и за овесъ за ч
по три денги, а за молотую за рожь по четыре денги за четь, ито
двѣсти тритцать шесть рублевъ четырнатцать алтынъ полторы ден
съ морткою.

Да на тѣхъ же Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ было четырнатца
человѣкъ целовалниковъ, подмоги имъ положено противъ прошлы
лѣтъ, какъ было кладено на Сергацкихъ будныхъ станѣхъ, по два руб
человѣку, ітого дватцать восмь рублевъ. Да прислано было съ Алатор
съ Лыскова, съ Мурашкина, съ Терюшева съ Красноселской волос
сто десять человѣкъ косцовъ, за работу имъ положено противъ про
лыхъ лѣтъ по рублю по шти алтынъ по четыре денги человѣку. И і
того числа тѣ косцы многие бѣгали, и кромѣ тѣхъ бѣглыхъ прогу
ныхъ дней за работу имъ косцомъ, что заработали, положено девянос
восмь рублевъ, а не заработали тритцети четырехъ рублевъ, і тѣ ден
тритцать четыре рубли на поташъ не положены.

Да въ прошломъ во 188-мъ году на Арзамаскихъ будныхъ станѣ
было остаточной золы двѣ тысечи восмь сотъ чети по ценѣ на восм
десятъ на четыре рубли. Да остаточныхъ дровъ тысеча четыре ста дев
лосто одна сажень по ценѣ на двѣсти на девяносто на восмь рубле
на шесть алтынъ на четыре деньги. И тѣ денги въ прошломъ во 188-м
году на поташъ не положены, а положены на поташъ въ нынешнемъ
189-мъ году для того, что въ той золѣ и дровехъ поташъ дѣланъ
прошломъ во 188-мъ и нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ.

Всего въ росходъ денежные казны на Арзамаскихъ будны
станѣхъ дворяномъ и подячимъ и поливочамъ и будникомъ и вс
кимъ мастеровымъ людемъ и наемнымъ работникомъ и за желѣза и
укладъ и на всякие мѣлкие росходы и за всякіе хлѣбные запасы и
остаточную соль и за снетки и за ветчинное сало и заготовлены
золу и дрова, которая зола и дрова готовлены въ прошломъ во 188-м
году, и косцамъ за работу и целовалникомъ подмоги четыре тысеч
семь сотъ восмьдесятъ одинъ рубль тритцать алтынъ полпяты ден
съ полуморткою. И ісъ того росходу изъ четырехъ тысечъ изъ сем
сотъ изъ осмидесятъ ізъ одного рубля изъ тритцати алтынъ и с
полупяты денги съ полуморткою выложено за остаточную соль за четы
ре ста за три пуда за дватцать за три гривенки по два алтына по дв
денги за пудъ—итого дватцать восмь рублевъ восмь алтынъ полтрет
денги.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливочамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецамъ и будникомъ и воштарямъ и казакамъ к конскому мастеру въ росходъ хлѣбныхъ запасовъ декабря съ 1-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году двѣ тысечи сто сорокъ двѣ чети съ осминою муки, двѣсти пятьдесят четыре чети съ полуторымъ четверикомъ крупъ, сто три чети съ осминою и съ получетверикомъ толокна, шесть сотъ дватцать два пуда дватцать гривенокъ соли, семдесять пять чети овса.

Да на Арзамаскихъ же семи будныхъ станѣхъ наемнымъ работникомъ давано въ кормъ противъ прошлыхъ лѣтъ печенымъ хлѣбомъ, а хлѣба печено изъ чети муки по дватцати по шти караваевъ, а давано десяти человѣкомъ на недѣлю по дватцати караваевъ хлѣба, по три четверика съ третию сухарей, по четверику крупъ толокна, по томужъ по пяти гривенокъ соли. И тѣми наемными работники четыре ста девяносто семью человѣки скормлено всякихъ хлѣбныхъ запасовъ марта съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году тысеча триста шестьдесятъ одна чети съ четверикомъ муки, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверикомъ сухарей, двѣсти дватцать три четверти съ полуторымъ четверикомъ і десятая доля четверика крупъ, двѣсти дватцать одна четь съ осминою і съ полуторымъ четверикомъ і десятая доля четверика толокна, двѣсти шестьдесять пудъ четырнатцать гривенокъ соли, да имъ же наемнымъ работникомъ въ росходъ на квасъ шестьдесятъ восмь чети съ полуосминою и зъ четверикомъ муки ржаные, да имижъ скормлено дватцать чети снетковъ, шестдесятъ семь пудъ тритцать семь гривенокъ съ полугривенкою ветчинного сала.

Да майданными работными лошедми скормлено тысеча деветь сотъ восмдесятъ чети овса.

Всего въ росходъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ дворяномъ и подячимъ и поливачамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецамъ и будникомъ і воштарямъ и казакомъ и конскому мастеру и наемнымъ работникомъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли три тысечи пять сотъ семдесятъ двѣ чети муки, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверикомъ сухарей, четыре ста семдесятъ семь чети съ полуосминою и зъ четверикомъ и десятая доля четверика крупъ, три ста дватцать пять чети съ полуосминою и десятая доля четверика толокна, восмь сотъ восмдесятъ два пуда тритцать четыре гривенки соли и съ тѣмъ, которая осталась у прошлого 187-го году во 188-й годъ шесть сотъ семдесятъ четыре пуда по ценѣ на сорокъ на три рубли на дватцать на семь алтынъ, и тѣ денги положены на поташъ, которой дѣланъ въ прошломъ во 188-мъ і нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ.

Да въ жалованьежъ дворяномъ і подячимъ дано і работными лошедми скормлено двѣ тысечи пятдесятъ пять чети овса.

И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цена по Арзамаской ценѣ по скаске за рукою Арзамаскаго таможенного головы Ѳедки Перетрутова съ товарыщи: за муку за четь по пяти алтынъ,

съ пуда, итого шестьдесятъ деветь рублевъ тритцать алтынъ; всего с потапу и зъ деревомъ съ шеснатцети тысечь съ трехсотъ съ сорока с четырехъ пудъ съ одной чети провозу до Вологды дано восмь сотъ сем натцать рублевъ семь алтынъ съ полуденгою. И съ тѣми провозным денгами, и что дано провозу изъ дерева, имется пудъ потапу безъ де рева на Вологде—тринатцать тысечь деветсотъ восмьдесятъ пудъ—п осми алтынъ, а берковцами—тысеча три ста девяносто восмь берковцовъ- по два рубли по тринатцети алтынъ по две денги берковецъ, деветь сот шестьдесятъ шесть пудъ одна четь по семи алтынъ по пяти денег пудъ, а берковцами—девяносто шесть берковцовъ шесть пудъ одн четь—по два рубли по одиннатцети алтынъ по четыре денги берковецъ

А въ дѣле тотъ поташъ и съ провозомъ на Вологде сталъ три тысеч пятсотъ восмьдесятъ два рубли восмь алтынъ полшесты денги съ морткою

Да на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ въ остаткахъ двѣсти трит цать семь бочекъ, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсъ безъ дерева сем тысечь семь сотъ шестьдесятъ одинъ пудъ двѣ чети, а берковцами сем сотъ семдесятъ шесть берковцовъ одинъ пудъ двѣ чети, а зъ деревом восмь тысечь четыре ста семдесятъ два пуда двѣ чети, а берковцам восмь сотъ сорокъ семь берковцовъ два пуда двѣ чети. А какъ тотъ по ташъ отпущенъ будетъ на Вологду во 190-мъ году и почему съ пуд дано будетъ провозу, и тотъ провозъ написанъ будетъ въ смѣтных книгахъ во 190-мъ году.

Всего на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ здѣлано поташу семь сот три бочки, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсъ безъ дерева дватцат двѣ тысечи семь сотъ семь пудъ три чети, а берковцами двѣ тысеч двѣсти семдесятъ берковцовъ семь пудъ три чети.

Да въ нынешнемъ же во 189-мъ году по указу великого государ взято въ Арзамаскомъ уѣзде на будныхъ станѣхъ гостя Семена Свѣрч кова осмыхъ бочекъ сорокъ три бочки, а въ нихъ поташу въ терезово вѣсъ безъ дерева тысеча двѣсти сорокъ семь пудъ одна четь, а берков цами сто дватцать четыре берковца семь пудъ одна четь, а зъ дере вомъ тысеча три ста семдесятъ шесть пудъ одна четь, а берковцами ст тритцать семь берковцовъ шесть пудъ одна четь. И тотъ поташъ нын на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ потому, что до Вологды которы подрятчики были подряжены, и по скаске тѣхъ подрятчиковъ извощи ковъ подъ тотъ поташъ нанять не сыскано.

Да съ тѣхъ же будныхъ становъ взято осмыхъ же дватцать тр бочки смолчюги по терезовому вѣсу зъ деревомъ пятсотъ девяност деветь пудъ одна четь, а берковцами пятдесятъ деветь берковцовъ де веть пудъ одна четь. И тотъ смолчюгъ отпущенъ на Вологду на наем ныхъ подводахъ, провозу до Вологды дано и зъ деревомъ по десяти денегъ съ пуда, итого дватцать деветь рублевъ тритцать три алтына съ полуденгою.

Всего въ росходъ на поташной и смолчюжной провозъ денежные казны, что прислано съ Москвы изъ иноземского приказу съ подячимъ съ

Васильемъ Нечаевымъ, восмь сотъ сорокъ семь рублевъ шесть алтынъ пять денегъ, а за тѣмъ въ остаткахъ четыре тысечи сто пятдесятъ рублевъ дватцать шесть алтынъ три денги.

Дано въ заемъ на Арзамаскіе будные станы стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѳѣевича Лихачева хлѣбныхъ запасовъ: сто пятдесятъ одна четь съ полуосминою муки ржаные, дватцать восмь чети крупъ, сорокъ три чети съ полуосминою сухарей, пятдесятъ шесть чети овса, шесть чети толокна, пятдесятъ шесть пудъ соли. И въ нынешнемъ во 189-мъ году по указу великого государя по грамоте изъ хлѣбного приказу за приписью дьяка Семена Струкова, по челобитью стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѳѣевича Лихачева, тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ имать съ него не велено и въ росходныхъ книгахъ подъ тою дачею велено очистить имянно, и тѣ хлѣбные запасы и соль на поташъ не положены.

Да по указужъ великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца, которая прислана въ прошломъ во 188-мъ году за приписью дьяка Василя Кипреянова, дано съ Арзамаскихъ же будныхъ становъ Арзамаского уѣзду села Нового Воскресенского, что построено у новокрещеныхъ, попомъ и съ причетники церковными: попу Петру Никитину девятнатцать чети безъ полуосмины муки, пятнатцать чети овса, пять чети крупъ овсяныхъ; попу Ѳеоѳилакту Лаврентьеву девятнатцать чети безъ полуосмины муки, пятнатцать чети овса, пять чети крупъ овсяныхъ; дьячку Сенке Иванову шесть чети съ полуосминою муки, пять чети овса, двѣ чети крупъ; понамарю Ганке Ѳедорову семь чети съ осминою муки, шесть чети овса, четверть крупъ; просвирне семь чети съ осминою муки, шесть чети овса, четверть крупъ. А дано имъ мукою и съ примоломъ для того, что на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ ржи нѣтъ, и тѣ хлѣбные запасы на поташъ не положеныжъ.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Арзамаскомъ уѣзде въ мордовскихъ лесахъ заведены вновь на поташное дѣло два будные станы, а мастеровые люди на тѣ будные станы переведены съ Сергацкихъ будныхъ становъ съ Можаровского да зъ Березовского, и въ нынешнее лѣто поташъ станутъ дѣлать въ Арзамаскомъ уѣзде на девяти будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ семи будныхъ станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ: тысеча пять сотъ восмьдесятъ одна четь съ полуосминою и зъ четверикомъ и малъ четверикъ муки ржаные, пятсотъ четырнатцать чети съ полуосминою и съ получетверикомъ и треть четверика сухарей, двѣсти восмьдесятъ чети съ получетверикомъ и малъ четверикъ и четыре десятыхъ доль четверика крупъ, шесть сотъ тритцать чети безъ получетверика и двѣ десятыхъ доль четверика толокна, тысеча четыре ста тритцать семь чети безъ полуосмины овса, четыре ста три пуда дватцать три гривенки соли.

И къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку хлѣбныхъ запасовъ на деветь будныхъ становъ: шесть тысечь чети му-

ки ржаные, тысеча триста чети сухарей, семь сотъ чети крупъ овсяныхъ, пять сотъ пятдесятъ чети толокна, шесть тысечь семдесятъ пять чети овса.

Да на тѣжъ будные станы надобно къ приему и къ роздаче хлѣбныхъ запасовъ і всякихъ заводовъ осмнатцать человѣкъ целовалниковъ, да къ сенокосному времени надобно сто пятдесятъ человѣкъ косцовъ, да работныхъ лошедей къ прежнимъ къ дву стамъ къ тритцети къ тремъ лошедямъ надобно въ прибавку девяносто семь лошедей.

Справилъ Алешка Юдинъ.

Книги имянные наемнымъ работнымъ людемъ, которые наняты въ Арзамаскомъ уѣзде і въ Терюшевской волости помѣщиковы и вотчинниковы крестьяня и бортники и Мордва на Арзамаские будные станы, вмѣсто Галицкихъ работниковъ, марта съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году, и которые по указу великого государя присланы были исъ Терюшевской волости съ вытей, а кто имяны і которыхъ селъ і деревень, і что кому найму дано, і то писано ниже сего:

Арзамаского уѣзду:

Деревни Ѳторуской: Петрушка Сергѣевъ, Учка Сараевъ, Тиртюшка Кондратевъ, Пакстянка Тогаевъ, Сенка Первовъ, Мирдюшка Келгушовъ, Томилка Сараевъ, Невѣрка Чиндясовъ, Ондронка Итмановъ, Якушка Григорьевъ, Максимка Бажѣновъ, Боярка Дмитреевъ, Плакидка Нуштаевъ, Игнашка Семеновъ.

Деревни Тоторшевы: Сенка Васильевъ, Ганка Сатушовъ, Ларка Івановъ, Начарка Савельевъ, Захарка Янгутинъ, Гараска Четвертаковъ, Дурнашка Имѣевъ, Старко Смолинъ, Русяйка Савельевъ, Москайка Оноѳреевъ, Стенка Івановъ, Кормишка Невѣровъ, Грибанка Любимовъ, Бориска Микиѳоровъ, Карпунка Семеновъ, Сенка Сустатовъ, Алешка Ѳедоровъ, Колонска Арзюковъ, Буянка Годаевъ, Виртянка Гуляевъ, Івашка Максимовъ, Пронка Карповъ, Ортюшка Борисовъ, Нехорошка Дмитреевъ.

Деревни Новаго Іванцова: Санчайка Акулаевъ, Ѳотѣйка Поткаевъ, Салтанка Тарщаевъ, Ілюшка Бурнаевъ.

Деревни Истряновы: Нуякшка Атюшовъ, Арютка Потѣхинъ, Ушмайка Атюшовъ, Катраска Кадышовъ, Тремаска Судяевъ, Кулатка Тимоѳѣевъ.

Деревни Ордатовы: Стенка Михайловъ, Кежунка Кошаевъ, Куземка Ѳоминъ, Стенка Макаровъ, Тимошка Василевъ, Войка Арзама-

Васильемъ Нечаевымъ, восмь сотъ сорокъ семь рублевъ шесть алтынъ пять денегъ, а за тѣмъ въ остаткахъ четыре тысечи сто пятдесятъ рублевъ дватцать шесть алтынъ три денги.

Дано въ заемъ на Арзамаскіе будные станы стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѳѣевича Лихачева хлѣбныхъ запасовъ: сто пятдесятъ одна четь съ полуосминою муки ржаные, дватцать восмь чети крупъ, сорокъ три чети съ полуосминою сухарей, пятдесятъ шесть чети овса, шесть чети толокна, пятдесятъ шесть пудъ соли. И въ нынешнемъ во 189-мъ году по указу великого государя по грамоте изъ хлѣбного приказу за приписью дьяка Семена Струкова, по челобитью стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѳѣевича Лихачева, тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ имать съ него не велено и въ росходныхъ книгахъ подъ тою дачею велено очистить имянно, и тѣ хлѣбные запасы и соль на поташъ не положены.

Да по указужъ великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца, которая прислана въ прошломъ во 188-мъ году за приписью дьяка Василя Кипреянова, дано съ Арзамаскихъ же будныхъ становъ Арзамаского уѣзду села Нового Воскресенского, что построено у новокрещеныхъ, попомъ и съ причетники церковными: попу Петру Никитину девятнатцать чети безъ полуосмины муки, пятнатцать чети овса, пять чети крупъ овсяныхъ; попу Ѳеоѳилакту Лаврентьеву девятнатцать чети безъ полуосмины муки, пятнатцать чети овса, пять чети крупъ овсяныхъ; дьячку Сенке Иванову шесть чети съ полуосминою муки, пять чети овса, двѣ чети крупъ; понамарю Ганке Ѳедорову семь чети съ осминою муки, шесть чети овса, четверть крупъ; просвирне семь чети съ осминою муки, шесть чети овса, четверть крупъ. А дано имъ мукою и съ примоломъ для того, что на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ ржи нѣтъ, и тѣ хлѣбные запасы на поташъ не положеныжъ.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Арзамаскомъ уѣзде въ мордовскихъ лесахъ заведены вновь на поташное дѣло два будные станы, а мастеровые люди на тѣ будные станы переведены съ Сергацкихъ будныхъ становъ съ Можаровского да зъ Березовского, и въ нынешнее лѣто поташъ станутъ дѣлать въ Арзамаскомъ уѣзде на девяти будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ семи будныхъ станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ: тысеча пять сотъ восмьдесятъ одна четь съ полуосминою и зъ четверикомъ и малъ четверикъ муки ржаные, пятсотъ четырнатцать чети съ полуосминою и съ получетверикомъ и треть четверика сухарей, двѣсти восмьдесятъ чети съ получетверикомъ и малъ четверикъ и четыре десятыхъ доль четверика крупъ, шесть сотъ тритцать чети безъ получетверика и двѣ десятыхъ доль четверика толокна, тысеча четыре ста тритцать семь чети безъ полуосмины овса, четыре ста три пуда дватцать три гривенки соли.

И къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку хлѣбныхъ запасовъ на деветь будныхъ становъ: шесть тысечь чети му-

Филка Ермольевъ. Деревни Березовки: Микитка Кириловъ, Івашка Л-
рентьевъ, Якушка Захаровъ, Андрюшка Івановъ, Луконка Павл
Андрюшка Ильинъ, Трошка Яковлевъ, Тишка Кириловъ, Спирка
киөоровъ, Селиванка Торховъ, Андрюшка Івановъ, Тимошка Іван
Луконка Павловъ.

Околничего Григорья Никиөоровича Собакина села Круглого к
стьянинъ Івашка Івановъ.

Вдовы Өедоры Борисовы, дочери Семеновской, жены Соловцова
ревни Лимети крестьяня: Якушка Тимоөѣевъ, Данилка Степановъ.

Столника Михайловы крестьяня Василева сына Собакина с
Круглого: Оношка Івановъ, Ганка Григорьевъ.

Алексѣевъ крестьянинъ Іванова сына Муханова села Хохл
Ігнашка Степановъ.

Осиповы крестьяня Семенова сына Любятинского: села Исуп
Гараска Григорьевъ, деревни Немыхъ Аөонка Панкратовъ.

Столника князь Степановы крестьяня княжь Василева сына Ро
дановского деревни Липовки: Лазарка Аристовъ, Сенка Борисовъ, А
рюшка Родионовъ.

Арзамаскихъ будныхъ становъ бобыли: Сергунка Макаровъ, Іван
Васильевъ, Івашка Семеновъ, Ілюшка Івановъ.

Терюшевской волости:

Деревни Бакшѣевы: Івашка Тимоөѣевъ, Зинка Тимоөѣевъ, В
ка Сергѣевъ, Кирюшка Өатѣевъ, Спирка Прокоөьевъ, Мишка Аөо
севъ, Марчка Василевъ, Тонгушка Келдюшовъ, Андрюшка Тонгае
Дунайка Шешуковъ, Чинайка Келгушовъ.

Деревни Кажлѣйки: Митрошка Чарамасовъ, Танчарка Тоту
кинъ, Старко Чарамасовъ, Сыскетка Григоревъ, Кедярка Івановъ, Ч
найка Симоновъ.

Деревни Татарской: Матюшка Кузминъ, Митряшка Ворго
новъ, Малютка Баюшовъ.

Деревни Макрашъ: Кручинка Інжаевъ, Костяйка Череватов
Вечкунка Кобаевъ, Ветчайка Богдановъ, Дунайка Кобаевъ, Петруш
Сараевъ, Ушмонка Рузановъ.

Деревни Новаго Борцова: Аөонка Сайгушовъ, Кудайка Ів
новъ, Нуятка Івановъ, Якушка Андрѣевъ, Оношка Микиөоровъ, Өед
Степановъ, Макарка Степановъ, Луконка Савелевъ, Пронка Микиө
ровъ, Тонсарка Василевъ, Москайка Рузановъ, Климка Петровъ, Андрюш
ка Васильевъ, Інжайка Івановъ, Костяйка Череватовъ, Аөонка Чер
ватовъ, Рузанка Овдѣевъ.

Деревни Сятлѣи: Пичайка Пурковъ, Өедка Матвѣевъ.

Села Терюшева: Якушка Василевъ, Сенка Степановъ, Матюш
Филипевъ, Панка Павловъ, Невѣрка Кузминъ, Андрюшка Тогинъ, Се
ка Өедоровъ, Савка Алексѣевъ, Өеоктистка Даниловъ, Аөонка Трио
новъ, Івашка Степановъ.

Деревни Кудрины: Сатушка Кечюнинъ.
Деревни Кожутки: Атемаска Тотаевъ.
Деревни Малаго Терюшева: Ортюшка Келгушовъ.
Деревни Чертовки: Кирюшка Канесевъ.
Деревни Романихи: Сенка Первовъ, Аѳонка Кожайковъ, Алешка Кузминъ.
Деревни Литюшихи: Івашка Нестеровъ.
Деревни Кривуши: Велдяйка Мелцуковъ, Тишка Скворцовъ, Матюшка Павловъ, Потѣшка Симоновъ, Арзамаска Череватовъ, Кожайка Велдяевъ, Сенка Ермолевъ.
Деревни Інелѣи: Нуятка Богдановъ.
Деревни Новаго Тепелева: Васка Івановъ, Нуйка Івановъ, Данилка Івановъ, Якушка Велдяевъ, Ларка Петровъ.
Деревни Кужадона: Сергунка Григоревъ, Аѳонка Старунинъ.
Деревни Зубанихи: Овечка Чарунинъ.
Деревни Березниковъ: Сенка Ѳроловъ, Максимка Нестеровъ, Сенка Захаровъ, Сенка Івановъ, Івашка Микитинъ, Ѳедка Тимоѳѣевъ, Микитка Лукьяновъ, Ларка Семеновъ, Івашка Ларионовъ, Івашка Виртяновъ.

Всего двѣсти пятдесятъ шесть человѣкъ, и въ томъ числѣ найму имъ дано, дву стамъ пятидесятъ четыремъ человѣкомъ, по два рубли по осми алтынъ по две денги человѣку, а дву человѣкомъ Арзамаского уѣзду деревни Великого Врагу, Кирдянке Жданову да Уздяйке Серову, по два рубли по пять алтынъ человѣку; всего найму имъ дано пятсотъ семдесятъ пять рублевъ дватцать шесть алтынъ четыре денги, а работали тѣ наемные работники на будныхъ станѣхъ до отстою сполна.

Арзамаского уѣзду:

Столника князь Степановы крестьяня княжь Василева сына Ромодановского деревни Липовки: Якушка Лазаревъ, Левка Ананинъ, Кондрашка Григоревъ, Гришка Евтиѳѣевъ, Васка Елистратовъ, Івашка Игнатьевъ, Стенка Івановъ, Левка Андрѣевъ, Ѳедка Говриловъ.

Столника Калины Григорева сына Благова крестьянинъ деревни Кудлейки Васка Ігнатьевъ.

Стряпчего Григоря Юрева сына Агарева села Трехсвятцкого, Поляна тожъ, крестьяня: Ѳедка Микиѳоровъ, Обрашка Аѳонасевъ, Ларка Василевъ.

Вдовы Ѳедоры Борисовы, дочери Семеновской, жены Соловцова деревни Лимети крестьянинъ Матюшка Лаврентьевъ.

Столника Михайловъ крестьянинъ Василева сына Собакина села Круглого Васка Исаевъ.

Князя Михайла Яковлевича Черкаского деревни Голяткины крестьянинъ Сергунка Васильевъ.

Матвѣевы крестьяня Григорева сына Прокудина села Нучи: Андрюшка Алексѣевъ, Карлунка Захаровъ.

Івановы крестьяня Семенова сына Соловцова деревни Лимети: Д
нилка Максимовъ, Савка Макаровъ, Игошка Игнатьевъ.

Столника Михайловъ крестьянинъ Ѳедорова сына Аргамакова се
Нучи Папка Ѳоминъ.

Богдановы крестьяня Семенова сына Соловцова деревни Лиме
Мокѣйка Андрѣевъ, Сенка Мартыновъ.

Деревни Великого Врага: Станко Рузановъ.

Деревни Крапивки: Ордатка Ермаковъ.

Деревни Новой Ѳторуской: Бажѣнка Игнатьевъ, Вошайка Б
вѣровъ, Тишка Чекаевъ.

Деревни Атемасовы: Смирка Пятунинъ, Ѳомка Дѣевъ, Жада
ка Павловъ.

Деревни Кардавили: Митка Мурзинъ.

Деревни Малаго Макотелему: Назарка Адрѣевъ.

Деревни Болшаго Макотелему: Петрунка Авресевъ.

Деревни Старой Ѳторуской: Видка Сидоровъ, Жадѣйка Сем
новъ, Тотайка Виртяновъ.

Деревни Тоторшевы: Панкрашка Созоновъ.

Деревни Тараталѣи: Ортюшка Остаѳевъ.

Деревни Ромазлѣи: Юдка Ѳедоровъ, Ѳедка Оноѳриевъ.

Деревни Стараго Череватова: Пронка Анисимовъ.

Арзамаскихъ будныхъ становъ бобыли: Якимка Савельевъ, Іваш
Тычинка, Максимка Ѳедоровъ, Мишка Тихановъ.

Всего сорокъ семь человѣкъ, найму имъ дано сороку шти челов
комъ по два рубли, да одному человѣку деревни Стараго Череватов
Пронке Анисимову рубль дватцать пять алтынъ, всего найму имъ дан
девяносто три рубли дватцать пять алтынъ, а работали тѣ наемные р
ботники на будныхъ станѣхъ до отстою сполнажъ.

Арзамаского уѣзду:

Деревни Кузятовы: Оска Івановъ—дано ему два рубли восем
алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги без
полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось н
немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полумортковю.

Деревни Тоторшевы: Нехорошка Дмитреевъ—дано ему два рубл
восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль три алтына съ полуденгою
съ морткою, прогулялъ дватцать недѣль, за прогулные недѣли довелос
на немъ денегъ взять рубль пять алтынъ зъ денгою и съ морткою.

Афонка Даниловъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денг
заработалъ рубль одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и с
полполуморткою, прогулялъ дватцать одну недѣлю, за прогулные недѣл
довелось на немъ денегъ взять рубль семь алтынъ съ полуденгою и с
морткою и съ полполуморткою.

Деревни Кудрины: Сатушка Кечюнинъ.

Деревни Кожутки: Атемаска Тотаевъ.

Деревни Малаго Терюшева: Ортюшка Келгушовъ.

Деревни Чертовки: Кирюшка Канесевъ.

Деревни Романихи: Сенка Первовъ, Аѳонка Кожайковъ, Алешка Кузминъ.

Деревни Литюшихи: Івашка Нестеровъ.

Деревни Кривуши: Велдяйка Мелцуковъ, Тишка Скворцовъ, Матюшка Павловъ, Потѣшка Симоновъ, Арзамаска Череватовъ, Кожайка Велдяевъ, Сенка Ермолевъ.

Деревни Інелѣи: Нуятка Богдановъ.

Деревни Новаго Тепелева: Васка Івановъ, Нуйка Івановъ, Данилка Івановъ, Якушка Велдяевъ, Ларка Петровъ.

Деревни Кужадона: Сергунка Григоревъ, Аѳонка Старунинъ.

Деревни Зубанихи: Овечка Чарупинъ.

Деревни Березниковъ: Сенка Ѳроловъ, Максимка Нестеровъ, Сенка Захаровъ, Сенка Івановъ, Івашка Микитинъ, Ѳедка Тимоѳѣевъ, Микитка Лукьяновъ, Ларка Семеновъ, Івашка Ларионовъ, Івашка Виртяновъ.

Всего двѣсти пятдесятъ шесть человѣкъ, и въ томъ числѣ найму имъ дано, дву стамъ пятидесятъ четыремъ человѣкомъ, по два рубли по осми алтынъ по две денги человѣку, а дву человѣкомъ Арзамаского уѣзду деревни Великого Врагу, Кирдянке Жданову да Уздяйке Серову, по два рубли по пять алтынъ человѣку; всего найму имъ дано пятсотъ семдесятъ пять рублевъ дватцать шесть алтынъ четыре денги, а работали тѣ наемные работники на будныхъ станѣхъ до отстою сполна.

Арзамаского уѣзду:

Столника князь Степановы крестьяня княжь Василева сына Ромодановского деревни Липовки: Якушка Лазаревъ, Левка Ананинъ, Кондрашка Григоревъ, Гришка Еѳтиѳѣевъ, Васка Елистратовъ, Івашка Игнатьевъ, Стенка Івановъ, Левка Андрѣевъ, Ѳедка Говриловъ.

Столника Калины Григорева сына Благова крестьянинъ деревни Кудлейки Васка Ігнатьевъ.

Стряпчего Григоря Юрева сына Агарева села Трехсвятцкого, Поляна тожъ, крестьяня: Ѳедка Микиѳоровъ, Обрашка Аѳонасевъ, Ларка Василевъ.

Вдовы Ѳедоры Борисовы, дочери Семеновской, жены Соловцова деревни Лимети крестьянинъ Матюшка Лаврентьевъ.

Столника Михайловъ крестьянинъ Василева сына Собакина села Круглого Васка Исаевъ.

Князя Михайла Яковлевича Черкаского деревни Голяткины крестьянинъ Сергунка Васильевъ.

Матвѣевы крестьяня Григорева сына Прокудина села Нучи: Андрюшка Алексѣевъ, Карлунка Захаровъ.

Івановы крестьяня Семенова сына Соловцова деревни Лимети: Данилка Максимовъ, Савка Макаровъ, Игошка Игнатьевъ.

Столника Михайловъ крестьянинъ Ѳедорова сына Аргамакова села Нучи Панка Ѳоминъ.

Богдановы крестьяня Семенова сына Соловцова деревни Лимети: Мокѣйка Андрѣевъ, Сенка Мартыновъ.

Деревни Великого Врага: Станко Рузановъ.

Деревни Крапивки: Ордатка Ермаковъ.

Деревни Новой Ѳторуской: Бажѣнка Игнатьевъ, Вошайка Невѣровъ, Тишка Чекаевъ.

Деревни Атемасовы: Смирка Пятунинъ, Ѳомка Дѣевъ, Жадайка Павловъ.

Деревни Кардавили: Митка Мурзинъ.

Деревни Малаго Макотелему: Назарка Адрѣевъ.

Деревни Болшаго Макотелему: Петрунка Авресевъ.

Деревни Старой Ѳторуской: Видка Сидоровъ, Жадѣйка Семеновъ, Тотайка Виртяновъ.

Деревни Тоторшевы: Панкрашка Созоновъ.

Деревни Тараталѣи: Ортюшка Остаѳевъ.

Деревни Ромазлѣи: Юдка Ѳедоровъ, Ѳедка Оноѳриевъ.

Деревни Стараго Череватова: Пронка Анисимовъ.

Арзамаскихъ будныхъ становъ бобыли: Якимка Савельевъ, Івашка Тычинка, Максимка Ѳедоровъ, Мишка Тихановъ.

Всего сорокъ семь человѣкъ, найму имъ дано сороку шти человѣкомъ по два рубли, да одному человѣку деревни Стараго Череватова Пронке Анисимову рубль дватцать пять алтынъ, всего найму имъ дано девяносто три рубли дватцать пять алтынъ, а работали тѣ наемные работники на будныхъ станѣхъ до отстою сполнажъ.

Арзамаского уѣзду:

Деревни Кузятовы: Оска Івановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Деревни Тоторшевы: Нехорошка Дмитреевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль три алтына съ полуденгою и съ морткою, прогулялъ дватцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль пять алтынъ зъ денгою и съ морткою.

Афонка Даниловъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ дватцать одну недѣлю, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль семь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою.

Жданка Салтановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Тимошка Яковлевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Филка Ивановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Емелка Яковлевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполполуморткн.

Емелка Наляшовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Видяйка Моисѣевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Игошка Рязановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Ивашка Петровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль девятнатцать алтынъ три денги съ полполполуморткою, прогулялъ одиннатцать недѣль съ полунедѣлею, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать два алтына зъ денгою безъ полполполумортки.

Гуляйка Бажѣновъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать одинъ алтынъ полтретьи денги съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ десеть недѣль съ полунедѣлею, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать алтынъ зъ денгою и съ полуторою морткою и съ полполполуморткою.

Захарка Любимовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать семь алтынъ зъ денгою и съ

Исайка Нагаевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полумортксю, прогулялъ шесть недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взать одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Ивашка Ивановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полторы денги, прогулялъ восмь недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пятнатцать алтынъ полтрети денги.

Селуянка Нехорошевъ — дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать деветь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Атяшка Бигутинъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять деветь алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Ризодѣевы: Кормишка Сустатовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Бориска Девятовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать два алтына двѣ денги съ полуторою морткою, прогулялъ десеть недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять девятнатцать алтынъ полторы денги съ полуморткою.

Надѣжка Люпинъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать пять алтынъ полторы денги съ морткою безъ полполполумортки, прогулялъ полдевяты недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять шеснатцать алтынъ двѣ денги съ морткою и съ полполполуморткою.

Родка Исаковъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣлъ, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Володка Янгутинъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Ортюшка Мемешевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать алтынъ полтретьи денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ одиннатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и съ полполуморткою.

Ченбулатка Жадаевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Родка Кечексановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать деветь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Потѣшка Кенердясевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать деветь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Кручинка Аѳонасевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать деветь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Гараска Чекаевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Потапка Мамлѣевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать деветь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Ортюшка Захаровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять деветь алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Кечаска Ждановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ тритцать два алтына полчетверты денги съ полуморткою, прогулялъ дватцать двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль деветь алтынъ съ полуторою морткою.

Видяйка Тумаевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять деветь алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Аѳонка Любимовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Петрушка Аѳонасевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыр недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять сем алтынъ четыре денги съ морткою.

Еремка Семеновъ — дано ему два рубли восмь алтынъ дв денги, заработалъ два рубли пять алтынъ полтретьи денги съ полу морткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полторы недѣли, за про гулные недѣли довелось на немъ денегъ взять два алтына пять денег съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Деревни Кулѣи: Буянка Еушовъ—дано ему два рубли восм алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверт денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогул ные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты ден-ги безъ полполполумортки.

Якушка Мамоновъ — дано ему два рубли восмь алтынъ дв денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ пол-полполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогулные недѣл довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ пол-полполумортки.

Захарка Ѳедоровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполу-морткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогулные недѣли дове-лось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полпол-полумортки.

Володка Багутовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полторы денги, прогулялъ восмь недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пятнатцать алтынъ полтрети денги.

Пьянска Василевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ семнатцать алтынъ зъ денгою и съ полуморткою, прогулялъ тритцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль дватцать четыре алтына три денги безъ полумортки.

Деревни Камкины: Измайлка Атюшовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли пять алтынъ полтрети денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полторы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять два алтына пять денегъ съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Боярка Надежинъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать три алтына четыре денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полдесяты недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семнатцать алтынъ полшесты денги съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Села Воскресенского: Ивашка Наумовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные не-

дѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Ганка Манюковъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Деревни Новой Ѳторуской: Ивашка Яковлевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Деревни Ордатовы: Якушка Ивановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ дватцать одну недѣлю съ полунедѣлею, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль семь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою.

Гришка Ѳедоровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять деветь алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Старой Ѳторусской: Видяйка Сидоровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, довелось на немъ денегъ взять за прогулную недѣлю одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Кенгушка Учосевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль шеснатцать алтынъ полчетверты денги съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ тринатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать пять алтынъ съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Истряновы: Якушка Тимоѳѣевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Старко Малцовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Князя Михайла Яковлевича Черкаского села Мелчюги крестьянинъ Ивашка Василевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Петрушка Аѳонасевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семъ алтынъ четыре денги съ морткою.

Еремка Семеновъ — дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли пять алтынъ полтретьи денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полторы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять два алтына пять денегъ съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Деревни Кулѣи: Буянка Еушовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки.

Якушка Мамоновъ — дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки.

Захарка Ѳедоровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки.

Володка Багутовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полторы денги, прогулялъ восмь недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пятнатцать алтынъ полтрети денги.

Пьянска Василевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ семнатцать алтынъ зъ денгою и съ полуморткою, прогулялъ тритцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль дватцать четыре алтына три денги безъ полумортки.

Деревни Камкины: Измайлка Атюшовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли пять алтынъ полтрети денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полторы недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять два алтына пять денегъ съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Боярка Надежинъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать три алтына четыре денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полдесяты недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семнатцать алтынъ полшесты денги съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Села Воскресенского: Ивашка Наумовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные не-

дѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Ганка Манюковъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Деревни Новой Ѳторуской: Ивашка Яковлевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Деревни Ордатовы: Якушка Ивановъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ дватцать одну недѣлю съ полунедѣлею, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль семь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою.

Гришка Ѳедоровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять деветь алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Старой Ѳторусской: Видяйка Сидоровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, довелось на немъ денегъ взять за прогулную недѣлю одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Кенгушка Учосевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль шеснатцать алтынъ полчетверты денги съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ тринатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать пять алтынъ съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Истряновы: Якушка Тимоѳѣевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Старко Малцовъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Князя Михайла Яковлевича Черкаского села Мелчюги крестьянинъ Ивашка Василевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Терюшевской волости:

Деревни Березниковы: Митка Панфиловъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтретьи денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Деревни Новаго Тепелева: Ушмонка Тотаевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Ортюшка Петровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Деревни Макрашъ: Инка Вангушкинъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Кежутка Сараевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль двенатцать алтынъ полпяты денги съ полполуморткою, прогулялъ пятнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки.

Атемаска Невѣровъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль семь алтынъ безъ полумортки, прогулялъ осмнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль одинъ алтынъ двѣ денги съ полуморткою.

Деревни Татарской: Пияшка Разуковъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Деревни Кажлѣйки: Томилка Клюевъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ дватцать восмь алтынъ полпяты денги съ морткою, прогулялъ дватцать четыре недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль двенатцать алтынъ пять денегъ съ морткою.

Тончарка Вошункинъ—дано ему два рубли восмь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восмь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Деревни Стараго Борцова: Наумка Кузминъ, Стемайка Кенердясевъ, Данилка Кажмановъ.

Деревни Новаго Тепелева: Родка Якимовъ, Давыдка Яковлевъ, Сидорка Агаѳоновъ, Мишка Івановъ, Макарка Купреяновъ, Тютюшка Пиргушовъ, Малютка Вашукинъ, Богдашка Учеватовъ.

Деревни Сарадона: Савка Карповъ.

Деревни Касанова: Івашка Аѳонасевъ.

Деревни Мирши: Мелешка Перѳильевъ, Лазарка Якимовъ, Бориска Антоновъ, Исачка Измайловъ.

Деревни Куриловки: Васка Мартьяновъ, Нечка Сабаевъ, Богдашка Кежунитъ, Мишка Баюшкинъ.

Деревни Кривуши: Івашка Сулдинъ, Андрюшка Анисимовъ.

Деревни Вышки: Ѳедка Василевъ.

Села Борисова: Андрюшка Степановъ, Максимка Михайловъ, Кузка Сергѣевъ.

Деревни Кужутки: Агаѳонка Перѳильевъ, Мазутка Инжутинъ, Пашка Обросимовъ.

Деревни Пилекшевы: Горка Мироновъ.

Деревни Елховки: Бибайка Безсоновъ, Васка Ѳедоровъ, Максимка Дмитреевъ, Тараска Петровъ, Еска Кенердясевъ, Тишка Григорьевъ.

Всего восмьдесятъ четыре человѣка на будные станы пришли маия въ 8 день і работали до отстою сполна, великого государя жалованья за работу дано имъ по два рубли человѣку, ітого сто шестьдесятъ восмь рублевъ.

Деревни Малаго Терюшева: Ѳедотко Івановъ, Сенка Тимоѳѣевъ.

Деревни Болшаго Сескина: Вечкупка Кужаевъ.

Деревни Бакшѣевы: Максимка Филипьевъ.

Деревни Муравихи: Милюшка Казунинъ.

Деревни Новаго Тепелева: Якушка Якимовъ, Ортюшка Петровъ.

Деревни Кажлѣйки: Нечка Тюрчановъ.

Деревни Романихи: Осташка Якимовъ.

Деревни Учеватовки: Китайка Гуляевъ.

Деревни Куриловки: Милюшка Пиюшкинъ.

Деревни Сарадона: Івашка Михайловъ.

Всего двенатцать человѣкъ на будные станы пришли маия въ 8 день і, не доживъ до отстою, зъ будныхъ становъ збѣжали, великого государя жалованья дано имъ по розчету, і въ томъ числѣ одному человѣку деревни Сарадону Івашке Михайлову дано рубль шеснатцать алтынъ четыре денги, а одиннатцети человѣкомъ по рублю, всего двенатцети человѣкомъ двенатцать рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги.

Деревни Инелѣи: Филка Оксеновъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль восмь алтынъ полтретьи денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ одиннатцать недѣль, за прогулные недѣли довелось

на немъ денегъ взять дватцать четыре алтына пять денегъ съ полумортк кою и съ полполуморткою.

Деревни Лапшихи: Тишка Уздемановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Макрашъ: Нуйка Кобаевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Стараго Борцова: Камайка Жулинъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы деньги съ полполуморткою.

Деревни Новаго Борцова: Мурзка Ризоватовъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Сарадона: Еремка Андрѣевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать семь алтынъ четыре денги съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полтретьи недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полчетверты денги съ полуторою морткою и съ полполполуморткою.

Деревни Кужутки: Кадышка Кистановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать восмь алтынъ полпяты денги съ полуторою морткою, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять четыре алтына три денги съ полуморткою.

Всего семь человѣкъ на будные станы пришли маия въ 8 день, великого государя жалованя дано имъ по два рубли человѣку, ітого четырнатцать рублевъ, і исъ того числа заработали двенатцать рублевъ дватцать два алтына полчетверты денги съ полполполуморткою, за прогулные недѣли довелось на нихъ денегъ взять рубль десеть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки. (Юрій Шишки)нъ.

Справилъ Алешка Юдинъ.

189-го года марта въ 1 день выписано изъ Арзамаскихъ смѣтныхъ книгъ на перечень, что прислано съ Москвы денежные казны и что взято въ Арзамасе изъ приказные избы бортничьихъ і мордовскихъ дѣлъ на Арзамаские будные станы на всякие росходы и сколко въ приеме всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, и что той денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ въ росходъ

дворяномъ і подячимъ и поливачамъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ, и сколко за тою денежною казною и хлѣбными запасы здѣлано поташу бочекъ, и почему въ дѣле ценою пудъ сталъ і берковецъ на мѣсте безъ дерева и почему на Вологде съ провозомъ, и то писано ниже сего:

Въ прошломъ во 188-мъ году взято на Арзамаские будные станы на всякие росходы і мастеровымъ людемъ на жалованье въ Арзамасе изъ приказные избы бортничьихъ і мордовскихъ дѣлъ изъ окладныхъ денегъ тысеча деветь сотъ сорокъ деветь рублевъ три алтына три денги.

Да въ прошломъ же во 188-мъ году по указу великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца за приписью дьяка Василья Кипреянова прислано на Арзамаские будные станы денежные казны съ подячимъ съ Ываномъ Беляниновымъ деветь сотъ девяносто три рубли.

Всего въ Арзамасе въ приказной избѣ і что прислано съ Москвы денежные казны—двѣ тысечи деветь сотъ сорокъ два рубли три алтына три денги.

И той денежной казнѣ росходъ: пяти человѣкомъ дворяномъ шестьдесятъ рублевъ, четыремъ человѣкомъ подячимъ тритцать деветь рублевъ, девяти человѣкомъ поливочамъ сто дватцать рублевъ четырнатцать алтынъ двѣ денги, осми человѣкомъ бочкарямъ сорокъ деветь рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ колесникомъ сорокъ три рубли, четыремъ человѣкомъ кузнецомъ дватцать шесть рублевъ, сту семидесятъ человѣкомъ будникомъ деветь сотъ шеснатцать рублевъ тринатцать алтынъ четыре денги, пятидесятъ тремъ человѣкомъ воштарямъ сто дватцать шесть рублевъ тритцать одинъ алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ казакомъ, да одному человѣку копскому мастеру, всего осми человѣкомъ—дватцать четыре рубли.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливочемъ і бочкарямъ і колесникомъ і кузнецамъ и будникомъ і воштарямъ і казакамъ і конскому мастеру тысеча четыре ста пять рублевъ деветь алтынъ четыре денги, да наемнымъ работникомъ четыремстамъ девяносту семи человѣкомъ найму дано тысеча шестьдесятъ шесть рублевъ осмнатцать алтынъ двѣ денги.

Да той же денежной казны въ росходъ на покупку: на соль, на желѣзо, на укладъ, на котлы, на кули, на пищую бумагу, на клещи, на подкладки і на хомутины і на бирковую золу и на сенную покупку и на кирпичи і на сани і на ветчинное сала и на точилы і на наковалны и на кузнешные мѣхи і на всякие мѣлкие росходы четыре ста семдесятъ рублевъ восмь алтынъ пять денегъ.

Всего въ росходъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ денежные казны дворяномъ и подячимъ і поливочемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ въ жаловане и Арзамаскимъ и Терюшевскимъ на наемъ работникомъ і на покупку и на желѣзо і на укладъ і на

на немъ денегъ взять дватцать четыре алтына пять денегъ съ полуморткою и съ полполуморткою.

Деревни Лапшихи: Тишка Уздемановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Макрашъ: Нуйка Кобаевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Стараго Борцова: Камайка Жулинъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы деньги съ полполуморткою.

Деревни Новаго Борцова: Мурзка Ризоватовъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогулную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Сарадона: Еремка Андрѣевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать семь алтынъ четыре денги съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полтретьи недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полчетверты денги съ полуторою морткою и съ полполполуморткою.

Деревни Кужутки: Кадышка Кистановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать восмь алтынъ полпяты денги съ полуторою морткою, прогулялъ двѣ недѣли, за прогулные недѣли довелось на немъ денегъ взять четыре алтына три денги съ полуморткою.

Всего семь человѣкъ на будные станы пришли маия въ 8 день, великого государя жалованя дано имъ по два рубли человѣку, іього четырнатцать рублевъ, і исъ того числа заработали двенатцать рублевъ дватцать два алтына полчетверты денги съ полполполуморткою, за прогулные недѣли довелось на нихъ денегъ взять рубль десеть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки. (Юрій Шишки)нъ.

Справилъ Алешка Юдинъ.

189-го года марта въ 1 день выписано изъ Арзамаскихъ смѣтныхъ книгъ на перечень, что прислано съ Москвы денежные казны и что взято въ Арзамасе изъ приказные избы бортничьихъ і мордовскихъ дѣлъ на Арзамаские будные станы на всякие росходы и сколко въ приеме всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, и что той денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ въ росходъ

оряномъ і подячимъ и поливачамъ и будникомъ і всякимъ стеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ, и сколко за тою нежною казною и хлѣбными запасы здѣлано поташу бочекъ, почему въ дѣле ценою пудъ сталѣ і берковецъ на мѣсте безъ рева и почему на Вологде съ провозомъ, и то писано ниже го:

Въ прошломъ во 188-мъ году взято на Арзамаские будные станы на кие росходы і мастеровымъ людемъ на жалованье въ Арзамасе изъ иказные избы бортничьихъ і мордовскихъ дѣлъ изъ окладныхъ денегъ сеча деветь сотъ сорокъ деветь рублевъ три алтына три денги.

Да въ прошломъ же во 188-мъ году по указу великого государя по амоте изъ приказу болшаго дворца за приписью дьяка Василья ипреянова прислано на Арзамаские будные станы денежные казны съ дячимъ съ Ываномъ Беляниновымъ деветь сотъ девяносто три рубли.

Всего въ Арзамасе въ приказной избѣ і что прислано съ Москвы енежные казны—двѣ тысечи деветь сотъ сорокъ два рубли три алтына ри денги.

И той денежной казнѣ росходъ: пяти человѣкомъ дворяномъ естьдесятъ рублевъ, четыремъ человѣкомъ подячимъ тритцать деветь ублевъ, девяти человѣкомъ поливочамъ сто дватцать рублевъ четыр- атцать алтынъ двѣ денги, осми человѣкомъ бочкарямъ сорокъ деветь ублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ колесникомъ орокъ три рубли, четыремъ человѣкомъ кузнецомъ дватцать шесть ублевъ, сту семидесятъ человѣкомъ будникомъ деветь сотъ шеснатцать ублевъ тринатцать алтынъ четыре денги, пятидесятъ тремъ человѣкомъ оштарямъ сто дватцать шесть рублевъ тритцать одинъ алтынъ четыре нги, семи человѣкомъ казакомъ, да одному человѣку конскому мастеру, его осми человѣкомъ—дватцать четыре рубли.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливочемъ і бочкарямъ і колес- комъ і кузнецамъ и будникомъ і воштарямъ і казакамъ і конскому стеру тысеча четыре ста пять рублевъ деветь алтынъ четыре денги, наемнымъ работникомъ четыремстамъ девяносту семи человѣкомъ йму дано тысеча шестьдесятъ шесть рублевъ осмнатцать алтынъ двѣ нги.

Да той же денежной казны въ росходъ на покупку: на соль, на лѣзо, на укладъ, на котлы, на кули, на пищую бумагу, на клещи, подкладки і на хомутины і на бирковую золу и на сенную покупку на кирпичи і на сани і на ветчинное сала и на точилы і на наковалны на кузнешные мѣхи і на всякие мѣлкие росходы четыре ста семдесятъ блевъ восмь алтынъ пять денегъ.

Всего въ росходъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ денежные зны дворяномъ и подячимъ і поливочемъ і будникомъ і всякимъ стеровымъ людемъ въ жалованe и Арзамаскимъ и Терюшевскимъ наемъ работникомъ і на покупку и на желѣзо і на укладъ і на

всякие мѣлкие росходы декабря съ 1-го числа прошлого 188-го го декабря по 1-ежъ число нынешнего 189-го году двѣ тысечи деветсо сорокъ два рубли три алтына три денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году по указу великого государя пр слано съ Москвы изъ приказу болшаго дворца зъ дворяниномъ с Θедоромъ Бороноволоковымъ на Арзамаские і Сергацкие будные стан работнымъ людемъ на кормъ дватцать пять чети снетковъ, и исъ то числа отослано на Сергацкие будные станы пять чети снетковъ, а в Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ снетковъ въ расходе дватцать чети, на Арзамаскихъ же будныхъ станѣхъ остаточныхъ хлѣбныхъ запасов которые остались за росходы прошлого 187-го году во 188-й годъ, і что в приеме Алаторскихъ селъ у крестьянъ і у Мордвы і у Лысковскихъ у Мурашкинскихъ і у Терюшевскихъ крестьянъ і у бортниковъ і Мордвы: пять тысечь три ста шестьдесятъ три чети съ полуосминою зъ четверикомъ і малъ четверикъ муки ржаные, тысеча три ста три чет съ осминою і зъ четверикомъ і треть четверика сухарей, семь сотъ д вяносто деветь чети съ осминою і малъ четверикъ крупъ, деветь сот шестьдесятъ одна четверть съ полуторымъ четверикомъ и три десятых доль четверика толокна, три тысечи пятсотъ девяносто пять чети без полуосмины овса. А въ недовозе хлѣбныхъ запасовъ: дватцать девет чети съ полуосминою и зъ четверикомъ муки, осмина крупъ, сто три цать шесть чети безъ полуосмины съ четверикомъ овса. И тѣхъ хлѣ ныхъ запасовъ, которые остались у прошлого 187-го году во 188-й годъ, которые приняты ізъ Алаторскихъ селъ у крестьянъ і у Мордвы Лысковской і Мурашкинской і Терюшевской волостей у крестьянъ і бортниковъ і у Мордвы, въ расходе дано дворяномъ и подячимъ і по ливачемъ і бочкарямъ і колесникомъ і кузнецомъ і будникомъ і вош тарямъ і казакомъ і конскому мастеру і наемнымъ работникомъ вся кихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли: три тысечи пятсотъ семдесятъ дв чети муки ржаные, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверико сухарей, четыре ста семдесятъ семь чети съ полуосминою и зъ четве рикомъ і десятая доля четверика крупъ, три ста дватцать пять чети с полуосминою і десятая доля четверика толокна, восмь сотъ восмьде сятъ два пуда тритцать четыре гривенки соли і съ тѣмъ, которая оста лась у прошлого 187-го году во 188-й годъ шесть сотъ семдесятъ четыр пуда, по ценѣ на сорокъ на три рубли на дватцать на семь алтынъ, тѣ денги положены на поташъ, которой дѣланъ въ прошломъ во 188-м і нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ, да въ росходежъ дворяномъ и подя чимъ въ жалованье і майданнымъ лошедемъ на кормъ двѣ тысечи пят десятъ пять чети овса.

И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цен по Арзамаской ценѣ: за муку за четь по пяти алтынъ, за сухари з четь по два алтына по три денги, за крупы і за толокно за четь п осми алтынъ, за овесъ за четь по четыре алтына, за снетки за чет по рублю, а за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ положено за муку

за крупы и за толокно по алтыну, а за сухари и за овесъ по три денги за четь, за молотье за рожъ по четыре денги за четь.

Всего по Арзамаской ценѣ за хлѣбные запасы и за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожъ і за снетки—тысеча двѣ сти восмьдесятъ семь рублевъ дватцать шесть алтынъ полшесты денги съ полуморткою.

Да целовалникомъ четырнатцети человѣкомъ подмоги и косцамъ сту десяти человѣкомъ за работу противъ прошлыхъ лѣтъ для поташной смѣты положено сто дватцать шесть рублевъ.

Да въ прошломъ во 188-мъ году на тѣхъ же будныхъ станѣхъ было остаточной золы двѣ тысечи восмь сотъ чети по ценѣ на восмьдесятъ на четыре рубли, да остаточныхъ дровъ тысеча четыре ста девяносто одна сажень по ценѣ на двѣ сти на девяносто на восмь рублевъ на шесть алтынъ на четыре денги, і тѣ денги въ прошломъ во 188-мъ году на поташъ не положены, а положены на поташъ, которой дѣланъ въ прошломъ во 188-мъ і нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ.

Всего въ расходе денежные казны на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ дворяномъ и подячимъ і поливачемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ і за остаточную соль і во всякихъ майданныхъ расходехъ і за хлѣбные запасы по ценѣ і за снетки и за ветчинное сала и за соль і за желѣзо и за укладъ і за провозъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожь і за остаточную золу і дрова и целовалникомъ подмоги и косцамъ за работу—четыре тысечи семь сотъ восмьдесятъ одинъ рубль тритцать алтынъ полпяты денги съ полуморткою.

И изъ того расходу—изъ четырехъ тысечь изъ семи сотъ изъ осмидесятъ ізъ одного рубля изъ тритцети алтынъ исъ полупяты денги съ полуморткою выложено за остаточную соль и заготовленную золу и дрова и за бѣглыхъ работниковъ, которые зъ будныхъ становъ бѣгали, пятсотъ восмьдесятъ рублевъ тритцать два алтына полшесты денги съ полуторою морткою. А на поташъ положено денежные казны четыре тысечи двѣсти рублевъ тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою і съ морткою.

І за тою денежною казною и за хлѣбными запасы и за всякими росходы здѣлано поташу на Арзамаскихъ семи будныхъ станѣхъ семь сотъ три бочки, а въ терезовой вѣсъ поташу дватцать двѣ тысечи семь сотъ семь пудъ три чети, дерева въ бочкахъ двѣ тысечи сто деветь пудъ, и того поташу въ дѣле ценою на мѣсте пудъ іметься—дватцать двѣ тысечи семь сотъ семь пудъ три чети—по шти алтынъ зъ денгою пудъ, а берковцами двѣ тысечи двѣсти семдесятъ берковцовъ семь пудъ три чети—по рублю по дватцети по осми алтынъ по двѣ денги берковецъ.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году генваря въ 29 день по указу великого государя прислано съ Москвы денежные казны ізъ иноземского приказу съ подячимъ съ Василемъ Нечаевымъ на поташной и смолчюжной провозъ і мастеровымъ людемъ на жалованье і на наемъ работныхъ

людей і на всякие росходы четыре тысечи деветсотъ девяносто восм
рублевъ.

И той денежной казнѣ росходъ: въ нынешнемъ во 189-мъ году в розныхъ числехъ того поташу отпущено на Вологду на наемныхъ по водахъ четыре ста шестьдесять шесть бочекъ, а въ нихъ поташу без дерева четырнатцать тысечь деветсотъ сорокъ шесть пудъ одна четь, берковцами тысеча четыре ста девяносто четыре берковца шесть пуд одна четь, да дерева въ тѣхъ въ четырехстахъ во штидесять во шт бочкахъ тысеча три ста девяносто восмь пудъ. Провозу съ того поташ до Вологоды дано съ четырнатцети тысечь зъ девети сотъ съ сорока с шти пудъ съ одной чети по десяти денегъ съ пуда, итого семь сот сорокъ семъ рублевъ десять алтынъ полтретьи денги, да зъ дерева с тысечи съ трехсотъ зъ девяноста съ осми пудъ по десятижъ денегъ с пуда, итого шестьдесятъ деветь рублевъ тритцать алтынъ. Всего с поташу и зъ деревомъ съ шеснатцети тысечь съ трехсотъ съ сорока с четырехъ пудъ съ одной чети провозу до Вологды дано восмь сотъ се натцать рублевъ семь алтынъ съ полуденгою. И съ тѣми провозным денгами і что дано провозу изъ дерева, імется берковецъ на Вологд безъ дерева тысеча три ста девяносто восмь берковцовъ, по два рубл по трипатцети алтынъ по двѣ денги берковецъ, а девяносто шесть бе ковцовъ шесть пудъ одна четь—по два рубли по одиннатцети алтынъ п четыре денги берковецъ, а въ дѣле тотъ поташъ съ провозомъ на В логде сталъ три тысечи пятсотъ восмьдесятъ два рубли восмь алты полшесты денги съ морткою.

Да на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ въ остаткахъ двѣсти три цать семь бочекъ, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсъ безъ дере семь тысечь семь сотъ шестьдесятъ одинъ пудъ двѣ чети, а берковца семь сотъ семдесятъ шесть берковцовъ одинъ пудъ двѣ чети, а зъ дер вомъ восмь тысечь четыре ста семдесятъ два пуда двѣ чети, а берковца восмь сотъ сорокъ семь берковцовъ два пуда двѣ чети. А какъ то поташъ отпущенъ будетъ на Вологду во 190-мъ году і почему съ пу дано будетъ провозу, і тотъ провозъ написанъ будетъ въ смѣтны книгахъ во 190-мъ году.

Всего на Арзамаскихъ будныхъ семи станѣхъ здѣлано поташ семь сотъ три бочки, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсъ безъ дере дватцать двѣ тысечи семсотъ семь пудъ три чети, а берковцами дв тысечи двѣсти семдесятъ берковцовъ семъ пудъ три чети.

Да въ нынешнемъ же во 189-мъ году по указу великого государ взято въ Арзамаскомъ уѣзде на будныхъ станѣхъ гостя Семена Свѣр чкова осмыхъ бочекъ сорокъ три бочки, а въ нихъ поташу въ терез вой вѣсъ безъ дерева тысеча двѣсти сорокъ семь пудъ одна четь, берковцами сто дватцать четыре берковца семь пудъ одна четь, а з деревомъ тысеча три ста семдесять шесть пудъ одна четь, а берковца сто тритцать семь берковцовъ шесть пудъ одна четь. И тотъ поташ ныне на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ потому, что до Вологды кото

рые подрятчики были подряжены, і по скаске тѣхъ подрятчиковъ ізвощиковъ подъ тотъ поташъ нанять не сыскано.

Да съ тѣхъ же будныхъ становъ взято осмыхъ же дватцать три бочки смолчюги, а въ терезовой вѣсъ зъ деревомъ пятсотъ девяносто деветь пудъ одна четь, а берковцами пятдесятъ деветь берковцовъ деветь пудъ одна четь. И тотъ смолчюгъ отпущенъ на Вологду на наемныхъ подводахъ, провозу до Вологды дано изъ деревомъ по десяти денегъ съ пуда—ітого дватцать деветь рублевъ тритцать три алтына съ полуденгою.

Всего въ росходе на поташной і смолчюжной провозъ денежные казны, что прислано съ Москвы изъ іноземского приказу съ подячимъ съ Васильемъ Нечаевымъ, восмь сотъ сорокъ семь рублевъ шесть алтынъ пять денегъ.

Дано въ заемъ на Арзамаские будные станы стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѳѣевича Лихачева хлѣбныхъ запасовъ сто пятдесятъ одна четь съ полуосминою муки ржаной, дватцать восмь чети крупъ, сорокъ три чети съ полуосминою сухарей, пятдесятъ шесть чети овса, шесть чети толокна, пятдесятъ шесть пудъ соли. И по указу великого государя по грамоте изъ хлѣбного приказу тѣхъ вышеписанныхъ хлѣбныхъ запасовъ імать съ него, съ стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѳѣевича Лихачева, не велено, і тѣ хлѣбные запасы на поташъ не положены.

Да по указужъ великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца дано Арзамаского уѣзду села Нового Воскресенского попомъ і съ пречетники церковными пятдесятъ деветь чети безъ полуосмины муки, сорокъ семь чети овса, четырнатцать чети крупъ овсяныхъ.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Арзамаскомъ уѣзде въ Мордовскихъ лесахъ заведены вновь на поташное дѣло два будные станы, а мастеровые люди на тѣ будные станы переведены съ Сергацкихъ будныхъ становъ съ Можаровского да зъ Березовского, і въ нынешнее лѣто поташъ станутъ дѣлать мастеровые люди въ Арзамаскомъ уѣзде на прежнихъ семи да на новыхъ двухъ—всего на девяти будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ будныхъ станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ: тысеча пять сотъ восмьдесятъ одна четь съ полуосминою и зъ четверикомъ и малъ четверикъ муки ржаные, пятсотъ четырнатцать чети съ полуосминою и съ получетверикомъ і треть четверика сухарей, двѣсти восмьдесять чети съ получетверикомъ і малъ четверикъ і четыре десятыхъ доль четверика крупъ, шесть сотъ тритцать чети безъ получетверика і двѣ десятыхъ доль четверика толокна, тысеча четыре ста тритцать семь чети безъ полуосмины овса, четыре ста три пуда дватцать три гривенки соли.

И къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку хлѣбныхъ запасовъ на деветь будныхъ становъ: шесть тысечь чети муки

ржаные, тысеча триста чети сухарей, семь сотъ чети крупъ овсяныхъ, пятсотъ пятдесятъ чети толокна, шесть тысечь семдесятъ пять чети овса. Да на тѣжъ будные станы надобно къ приему и къ роздаче хлѣбныхъ запасовъ і всякихъ заводовъ осмнатцать человѣкъ целовалниковъ, да къ сенокосному времени надобно сто пятдесятъ человѣкъ косцовъ, да работныхъ лошедей къ прежнимъ къ двумстамъ къ тритцети къ тремъ лошедямъ надобно въ прибавку девяносто семь лошадей. (Юрий Шишки)нъ.

Справилъ Алешка Юдинъ.

Лѣта 7188-го августа въ 6 день по государеву цареву и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца указу по грамоте изъ приказу болшаго дворца за приписью дьяка Семена Комсина столникъ и воевода Юрьй Ѳедоровичь Шишкинъ велѣлъ принять у Михайла Кобылского новоотписной Барминской волости два будные станы Березовской да Огневской, а что на тѣхъ будныхъ станѣхъ принято мастеровыхъ людей, и кто имяны, и сколко какихъ заводовъ и лошедей и воловъ и остаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ и желѣза и укладу, и сколко на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ августа съ 6-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году въ пріеме хлѣбныхъ запасовъ съ Сергацкихъ будныхъ становъ и изъ волостей и изъ Арзамаса денежные казны, и что въ росходе денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ мастеровымъ людемъ августа съ 6-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году, и то писано подъ ихъ имяны, и что имъ дано денегъ и хлѣба при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михаиле Кобылскомъ, и сколко за тою денежною казною и за хлѣбными запасы здѣлано поташу пудъ и берковцовъ, и почему пудъ сталъ на мѣсте безъ дерева и почему съ провозомъ на Вологде, и то писано въ сихъ книгахъ ниже сего.

Принято у Михайла Кобылсково майданныхъ заводовъ: сто семнатцать батоговъ тулского желѣза, шесть тысечь клинцовъ укладу; работныхъ лошедей двенатцать мериновъ, тринатцать кобылъ—всего дватцать пять лошедей лѣты сросли; десять быковъ; хлѣбныхъ запасовъ: муки ржаные деветь чети, осмнатцать чети ржи, шеснатцать чети съ осминою овса.

Да на тѣжъ будные станы изъ Арзамаса изъ приказной избы прислано денежные казны пять сотъ дватцать одинъ рубль деветь алтынъ,

которая прислана изъ иноземского приказу съ подячимъ съ Васильемъ Нечаевымъ мастеровымъ людемъ на жалованье і на поташной провозъ.

И той денежной казнѣ росходъ:

Поливочамъ:

Аниске Григореву десять рублевъ.
Ѳомке Анисимову десять рублевъ.

Бочкарямъ:

Ортюшке Кулаку рубль тритцать алтынъ.
Панкратке Василеву три рубли три алтына двѣ денги.

Колесникомъ:

Сенке Чюдину рубль тритцать алтынъ.
Алешке Перехвату два рубли три алтына двѣ денги.
Кузнецу Аниске Лаврентьеву четыре рубли.

Будникомъ:

Івашке Анисимову два рубли дватцать пять алтынъ.
Петрушке Анисимову два рубли дватцать пять алтынъ.
Гришке Дмитрееву два рубли дватцать пять алтынъ.
Ѳедке Григореву два рубли дватцать пять алтынъ.
Ѳедке Соколу два рубли дватцать пять алтынъ.
Васке Старому два рубли дватцать пять алтынъ.
Васке Молодому два рубли дватцать пять алтынъ.
Емелке Іванову рубль.
Аѳонке Минину рубль пятнатцать алтынъ.
Івашке Красному два рубли дватцать пять алтынъ.
Кондрашке Іевлеву два рубли дватцать пять алтынъ.
Аѳонке Шумилову два рубли дватцать пять алтынъ.
Гришке Погребному два рубли дватцать пять алтынъ.
Петрушке Суваеву два рубли дватцать пять алтынъ.
Мишке Стрелцову два рубли дватцать пять алтынъ.
Трошке Данилову два рубли дватцать пять алтынп.
Гришке Дудке рубль пятнатцать алтынъ.
Емелке Яковлеву два рубли дватцать пять алтынъ.
Матюшке Петину рубль пятнатцать алтынъ.
Макарке Степанову рубль.
Ѳедке Сухому два рубли дватцать пять алтынъ.
Данилке Василеву два рубли дватцать пять алтынъ.
Петрушке Василеву два рубли дватцать пять алтынъ.
Івашке Троѳимову два рубли дватцать пять алтынъ.
Гараске Оверину рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
Ортюшке Нестерову рубль тритцатъ алтынъ.
Івашке Кулику рубль пятнатцать алтынъ.

Еремке Игнатеву рубль тритцать алтынъ.
Еремке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Микитке Кочагу рубль тритцать алтынъ.
Мишке Медвѣдю рубль пятнатцать алтынъ.
Ігошке Засыпке рубль тритцать алтынъ.
Игошке Удалому два рубли тринатцать алтынъ двѣ денги.
Івашке Кирилову рубль пятнатцать алтынъ.
Васке Ананину рубль тритцать алтынъ.
Ѳедке Филипьеву рубль тритцать алтынъ.
Івашке Чертоусу рубль пятнатцать алтынъ
Куземке Еремѣеву рубль тритцать алтынъ.
Панке Алексѣеву рубль тритцать алтынъ.
Акишке Ѳедорову рубль тритцать алтынъ.
Елке Дмитрееву рубль тритцать алтынъ.
Тимошке Черному рубль тритцать алтынъ.
Васке Зотѣеву рубль тритцать алтынъ.
Сенке Осипову рубль тритцать алтынъ.
Мишке Обухову рубль дватцать пять алтынъ.
Микитке Колашнику рубль тритцать алтынъ.
Калинке Симонову рубль тритцать алтынъ.
Демке Сидорову рубль тритцать алтынъ.
Савке Алексѣеву рубль тритцать алтынъ.
Алешке Микиѳорову рубль тритцать алтынъ.
Андрюшке Микиѳорову рубль тритцать алтынъ.
Ромашке Семенову рубль тритцать алтынъ.
Ѳомке Романову рубль пятнатцать алтынъ.
Любимке Бабенку рубль пятнатцать алтынъ.
Петрушке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Алешке Борисову рубль тритцать алтынъ двѣ денги.
Кирюшке Агурцу два рубли тринатцать алтынъ двѣ денги.
Ѳедке Іванову рубль пятнатцать алтынъ.
Івашке Логинову рубль тритцать алтынъ.
Кондрашке Кулакову рубль тритцать алтынъ.
Ѳедосѣйке Михайлову рубль тритцать алтынъ.
Давыдке Алексѣеву рубль тритцать алтынъ.
Васке Парею два рубли тритцать алтынъ.
Луконке Шарутке два рубли тритцать алтынъ.
Останке Кривому два рубли тритцать алтынъ.
Демке Максимову два рубли тритцать алтынъ.
Івашке Андрѣеву два рубли тритцать алтынъ.
Івашке Балаку рубль пятнатцать алтынъ.
Родке Микиѳорову рубль тритцать алтынъ.
Сенке Степанову рубль пятнатцать алтынъ.
Ѳомке Дементьеву рубль дватцать деветь алтынъ.
Максимке Самсонову рубль тритцать алтынъ.

Івашке Чесному рубль тритцать алтынъ.
Васке Долбиле рубль тритцать алтынъ.
Матюшке Василеву рубль тритцать алтынъ.
Антипке Родионову рубль пятнатцать алтынъ.
Трошке Кулику рубль тритцать алтынъ.
Матюшке Куликову рубль тритцать алтынъ.
Кононке Мокѣеву рубль пятнатцать алтынъ.
Івашке Тимоѳѣеву рубль тритцать алтынъ.
Матюшке Назарову рубль пятнатцать алтынъ.
Левке Аникиеву рубль тритцать алтынъ.
Савке Степанову рубль пятнатцать алтынъ.
Сенке Семенову рубль пятнатцать алтынъ.
Ларке Семенову рубль тритцать алтынъ.
Алешке Черепану рубль тритцать алтынъ.
Васке Іванову рубль пятнатцать алтынъ.
Естюнке Сидорову рубль тритцать алтынъ.
Івашке Сидорову рубль тритцать алтынъ.
Емелке Аѳонасеву рубль тритцать алтынъ.
Митке Ананину рубль тритцать алтынъ.
Івашке Матвѣеву рубль тритцать алтынъ.
Панке Левонтьеву рубль тритцать алтынъ.
Івашке Михайлову рубль пятнатцать алтынъ.
Ѳедке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Агѣйке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Васке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Івашке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Ѳомке Семенову рубль тритцать алтынъ.
Сережке Петрову рубль тритцать алтынъ.
Івашке Іевлеву рубль пятнатцать алтынъ.
Ѳочке Захарову рубль тритцать алтынъ.
Івашке Пиминову рубль тритцать алтынъ.
Сенке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Івашке Костянтинову рубль тритцать алтынъ.
Давыдке Кузмину рубль пятнатцать алтынъ.
Петрушке Родионову рубль.
Микишке Ісаеву два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Филке Іванову рубль тритцать алтынъ.
Ѳочке Іванову рубль пятнатцать алтынъ.
Гришке Тимоѳѣеву рубль пятнатцать алтынъ.
Аниске Алексѣеву два рубли восмь алтынъ двѣ денги.
Ерошке Григорьеву рубль пятнатцать алтынъ.
Івашке Тихонову рубль тритцать алтынъ.
Луконке Петрову рубль тритцать алтынъ.
Тимошке Троѳимову рубль тритцать алтынъ.
Панке Холостому два рубли шеснатцать алтынъ четыре денги.

Воштарямъ:

Стенке Василеву рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Пронке Мурзейку рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Терешке Петрову шеснатцать алтынъ четыре денги.
Устинке Кузмину рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Тимошке Дементьеву рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Івашке Медвѣдеву рубль осмнатцать алтынъ двѣ денги.
Васке Аникѣеву рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Оске Кузмину рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Івашке Куликову рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Панке Андрѣеву рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Левке Андрѣеву дватцать три алтына двѣ денги.
Тимошке Матвѣеву рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Ѳедке Левонтьеву рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Васке Ѳилипову рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Максимке Максимову рубль восмь алтынъ двѣ денги.
Ѳролке Кудинову рубль четырнатцать алтынъ четыре денги.
Алешке Іванову рубль три алтына двѣ денги.
Савке Григореву шеснатцать алтынъ четыре денги.

Казакомъ:

Давыдке Никитину два рубли.
Ромашке Манойлову рубль дватцать три алтына двѣ денги.

Всего въ росходъ денежной казны поливачемъ двум человѣкомъ, бочкарямъ двум человѣкомъ, колесникомъ двум человѣкомъ, одному человѣку кузнецу, сто семнатцети человѣкомъ будникомъ, осмнатцети человѣкомъ воштарямъ, двум человѣкомъ казакамъ двѣсти восмьдесятъ деветь рублевъ пять алтынъ четыре денги.

Да по скаске тѣхъ Барминскихъ будныхъ становъ поливачей і бочкарей і колесниковъ і кузнеца і будниковъ і воштарей і казаковъ дано имъ было при бояриие князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ денежного жалованья восмьдесятъ деветь рублевъ шеснатцать алтынъ, а въ росписныхъ книгахъ за Михайловою рукою Кобылского той денежной дачи не написано.

Да на Барминскиежъ будные станы куплено ветчинного сала мазать работнымъ воламъ ярмы четырнатцать гривенокъ, дано шесть алтынъ четыре денги; да на тѣжъ Барминскіе будные станы куплено дватцать саней дровенъ, дано рубль. И на тою вышеписанную покупку въ росходъ рубль шесть алтынъ четыре денги.

И всего въ росходъ на Барминские будные станы денежной казны поливачемъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ и за ветчинное сала и за сани 188-го году августа съ 6-го числа декабря по 1-е число нынешнего 189-го году и съ тѣмъ, что по ихъ скаскамъ дано имъ было денежного

жалованья при бояриие князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ да при Михайле Кобылскомъ, триста семдесятъ деветь рублевъ двапцать восмъ алтынъ двѣ денги.

Да взято на Барминскиежъ будные станы съ Сергацкого Можаровского будного стану па кормъ мастеровымъ людемъ сорокъ восмь чети муки, сто девятнатцать чети безъ полуосмины крупъ, семдесятъ чети съ осминою толокна, сто тритцать два пуда соли, да работнымъ лошедямъ пятдесятъ чети овса. Да на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ принято у Лысковскихъ і Лысковской волости у крестьянъ четыре ста дватцать одна четь муки, да Кнѧининской и Барминской волостей у крестьянъ восмь сотъ дватцать шесть чети съ полуосминою муки, тритцать чети овса.

И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ росходъ:

Поливачемъ:

Аниске Григореву три чети муки, пудъ соли.
Ѳомке Анисимову три чети муки, пудъ соли.

Бочкарямъ:

Ортюшке Кулаку три чети муки, пудъ соли.
Панкратке Василеву три чети муки, пудъ соли.

Колесникомъ:

Сенке Чюдину три чети муки, пудъ соли.
Алешке Перехвату три чети муки, пудъ соли.

Кузнецу:

Аниске Лаврентьеву три чети муки, пудъ соли.

Будникомъ:

Івашке Анисимову три чети муки, пудъ соли.
Петрушке Анисимову четь съ осминою муки, пудъ соли.
Гришке Дмитрееву три чети муки, пудъ соли.
Ѳедке Григореву три чети муки, пудъ соли.
Ѳедке Соколу три чети муки, пудъ соли.
Васке Старому три чети муки, пудъ соли.
Васке Молодому три чети муки, пудъ соли
Емелке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Аѳонке Минину три чети муки, пудъ соли.
Івашке Красному три чети муки, пудъ соли.
Кондрашке Іевлеву три чети муки, пудъ соли.
Аѳонке Шумилову три чети муки, пудъ соли.
Гришке Погребному три чети муки, пудъ соли.
Петрушке Суваеву три чети муки, пудъ соли.
Мишке Стрелцову три чети муки, пудъ соли.

Трошке Данилову три чети муки, пудъ соли.
Гришке Дудке три чети муки, пудъ соли.
Емелке Яковлеву три чети муки, пудъ соли.
Матюшке Петину три чети муки, пудъ соли.
Макарке Степанову три чети муки, пудъ соли.
Ѳедке Сухому три чети муки, пудъ соли.
Данилке Василеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Петрушке Василеву три чети муки, пудъ соли.
Івашке Троѳимову три чети муки, пудъ соли.
Гараске Оверину три чети муки, пудъ соли.
Ортюшке Нестерову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Кулику три чети муки, пудъ соли.
Еремке Игнатеву три чети муки, пудъ соли.
Еремке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Микитке Кочагу три чети муки, пудъ соли.
Мишке Медвѣдю три чети муки, пудъ соли.
Ігошке Засыпке три чети муки, пудъ соли.
Ігошке Удалому три чети муки, пудъ соли.
Івашке Кирилову три чети муки, пудъ соли.
Васке Ананину три чети муки, пудъ соли.
Ѳедке Ѳилипову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Чертоусу три чети муки, пудъ соли.
Куземке Еремѣеву три чети муки, пудъ соли.
Панке Алексѣеву три чети муки, пудъ соли.
Акишке Ѳедорову три чети муки, пудъ соли.
Елке Дмитрѣеву три чети муки, пудъ соли.
Тимошке Черному три чети муки, пудъ соли.
Васке Зотѣеву три чети муки, пудъ соли.
Сенке Осипову три чети муки, пудъ соли.
Мишке Обухову три чети муки, пудъ соли.
Микитке Калашнику три чети муки, пудъ соли.
Калинке Симонову три чети муки, пудъ соли.
Ѳедке Сидорову три чети муки, пудъ соли.
Савке Алексѣеву четь съ осминою муки, пудъ соли.
Алешке Микифорову три чети муки, пудъ соли.
Андрюшке Микифорову три чети муки, пудъ соли.
Ромашке Семенову три чети муки, пудъ соли.
Ѳомке Романову три чети муки, пудъ соли.
Любимке Бабенку три чети муки, пудъ соли.
Петрушке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Алешке Борисову три чети муки, пудъ соли.
Кирюшке Агурцу три чети муки, пудъ соли.
Ѳедке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Логинову три чети муки, пудъ соли.
Кондрашке Кулакову три чети муки, пудъ соли.

Өедосѣйке Михайлову три чети муки, пудъ соли
Давыдке Алексѣеву три чети муки, пудъ соли.
Васке Парею три чети муки, пудъ соли.
Луконке Шарутке три чети муки, пудъ соли.
Останке Кривому три чети муки, пудъ соли.
Өедке Максимову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Андрѣеву три чети муки, пудъ соли.
Івашке Балаку три чети муки, пудъ соли.
Родке Микифорову три чети муки, пудъ соли.
Сенке Степанову три чети муки, пудъ соли.
Филке Дементьеву три чети муки, пудъ соли.
Максимке Самсонову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Чесному три чети муки, пудъ соли.
Васке Долбиле три чети муки, пудъ соли.
Матюшке Василеву три чети муки, пудъ соли.
Антипке Родивонову три чети муки, пудъ соли.
Трошке Кулаку три чети муки, пудъ соли.
Матюшке Кулакову три чети муки, пудъ соли.
Кононке Мокѣеву три чети муки, пудъ соли.
Івашке Тимоөѣеву три чети муки, пудъ соли.
Матюшке Назарову три чети муки, пудъ соли.
Левке Аникѣеву три чети муки, пудъ соли.
Савке Степанову три чети муки, пудъ соли.
Сенке Семенову три чети муки, пудъ соли.
Ларке Семенову три чети муки, пудъ соли.
Алешке Черепану три чети муки, пудъ соли.
Васке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Евтюнке Сидорову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Сидорову три чети муки, пудъ соли.
Емелке Аөонасеву три чети муки, пудъ соли.
Митке Ананину три чети муки, пудъ соли.
Івашке Матвѣеву три чети муки, пудъ соли.
Панке Леонтьеву три чети муки, пудъ соли.
Івашке Михайлову три чети муки, пудъ соли.
Өедке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Агѣйке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Васке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Іванову три чети муки, пудъ соли
Өомке Семенову три чети муки, пудъ соли.
Серешке Петрову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Іевлеву три чети муки, пудъ соли.
Өочке Захарову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Пиминову три чети муки, пудъ соли.
Сенке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Івашке Костянтинову три чети муки, пудъ соли.

Давыдке Кузмину три чети муки, пудъ соли.
Петрушке Родивонову три чети муки, пудъ соли.
Микишке Ісаеву три чети муки, пудъ соли.
Ѳилке Іванову три чети муки, пудъ соли.
Васке Иванову три чети муки, пудъ соли.
Гришке Тимоѳѣеву три чети муки, пудъ соли.
Аниске Алексѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Ерошке Григореву три чети муки, пудъ соли.
Івашке Тихонову три чети муки, пудъ соли.
Луконке Петрову три чети муки, пудъ соли.
Тимошке Трофимову три чети муки, пудъ соли.

Воштарямъ:

Стенке Василеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Пронке Мурзенку четь съ осминою муки, полпуда соли.
Терешке Петрову четь съ осминою муки, полпуда соли.
Устинке Кузмину четь съ осминою муки, полпуда соли.
Тимошке Дементьеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Івашке Медвѣдеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Васке Аникиеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Оске Кузмину четь съ осминою муки, полпуда соли.
Івашке Куликову четь съ осминою муки, полпуда соли.
Панке Андрѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Левке Андрѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Тимошке Матвѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Ѳедке Левонтьеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Васке Филипову четь съ осминою муки, полпуда соли.
Максимке Максимову четь съ осминою муки, полпуда соли.
Ѳролке Кудинову четь съ осминою муки, полпуда соли.
Алешке Іванову четь съ осминою муки, полпуда соли.
Савке Григореву четь съ осминою муки, полпуда соли.

Казакомъ:

Давытке Микитину четь съ осминою муки, полпуда соли.
Ромашке Манойлову четь съ осминою муки, полпуда соли.

Всего поливачамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецу и будникомъ и воштарямъ и казакомъ въ росходе хлѣбныхъ запасовъ августа съ 6-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году триста девяносто три чети муки, сто тритцать два пуда соли. Да по скаске Барминскихъ будныхъ становъ поливачей и бочкарей и колесниковъ і воштарей и казаковъ дано имъ было при бояриме князе Іване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ хлѣбного жалованья пятсотъ дватцать одна четь муки, а въ росписныхъ книгахъ за Михайловою рукою Кобылского той хлѣбной дачи не написано.

І всего хлѣбныхъ запасовъ въ росходе і съ тѣмъ, что имъ дано было при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ, деветь сотъ четырнатцать чети муки, сто тритцать два пуда соли, шестьдесятъ шесть чети овса; и тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цена по Лысковской ценѣ: за муку за четь по четыре алтына по двѣ денги, итого сто осмнатцать рублевъ дватцать семь алтынъ двѣ денги; за соль за пудъ по два алтына по полторы денги, ітого восмь рублевъ тритцать алтынъ двѣ денги; за овесъ по два алтына по три денги, итого четыре рубли тритцать два алтына полшесты денги, а за провозъ тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ цена положена за муку за четь по алтыну, ітого за деветь сотъ за четырнатцать чети дватцать семь рублевъ четырнатцать алтынъ; за овесъ за четь по три денги, итого тритцать три алтына, а за молотье за рожь по четыре денги за четь, ітого за семь сотъ за тритцать за одну четь съ полуторымъ четверикомъ четырнатцать рублевъ дватцать алтынъ полпяты денги съ морткою. Всего за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ и за молотье за рожь сорокъ три рубли одинъ алтынъ съ полуденгою и съ морткою.

Да на Барминскихъ будныхъ станѣхъ было четыре человѣка целовалниковъ, подмоги имъ положено противъ прошлыхъ годовъ, какъ кладено на Сергацкихъ и Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ, по два рубли человѣку, ітого восмь рублевъ.

За желѣза за своску по шеснатцати алтынъ по четыре денги, ітого два рубли тритцать алтынъ пять денегъ; за укладъ за тысечю по рублю, ітого шесть рублевъ.

Всего въ росходе денежной казны на Барминскихъ будныхъ станѣхъ поливачемъ и будникомъ и всякимъ мастеровымъ людемъ и за желѣза и за укладъ і на всякие мѣлкие росходы і за хлѣбные запасы и за соль і за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожь и целовалникомъ подмоги и съ тѣмъ, что дано при бояриие князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ, пять сотъ семдесятъ два рубли семнатцать алтынъ три денги съ морткою.

Да на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ изготовили будники дровъ къ нынешнему ко 189-му году за тѣмижъ росходы пятдесятъ шесть саженъ, цѣна положена, какъ кладено на Сергацкихъ и на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ, по шти алтынъ по четыре денги за сажень, ітого одиннатцеть рублевъ шесть алтынъ четыре денги, і тѣ денги на поташъ не положены и ізъ расходу изъ пяти сотъ изъ семидесяти изъ дву рублевъ изъ семнатцети алтынъ исъ трехъ денегъ съ морткою выложены для того, что въ тѣхъ дровехъ поташъ стапутъ дѣлать въ нынешнемъ во 189-мъ году, и тѣ денги на тотъ поташъ і положены будутъ во 190-мъ году, а на поташъ положено денежной казны пятсотъ шестьдесятъ одинъ рубль десеть алтынъ пять денегъ съ морткою.

И за тою денежною казною и за хлѣбными запасы и за всякими росходы здѣлано на Барминскихъ дву будныхъ станѣхъ поташу и съ тѣмъ, что принято у Михайла Кобылского, сто сорокъ пять бочекъ, а

въ терезовой вѣсъ поташу безъ дерева три тысечи деветь сотъ восмьдесятъ три пуда, дерева въ бочкахъ четыреста тритцать пять пудъ, і того поташу въ дѣле ценою пудъ сталъ: двѣ тысечи деветь сотъ шестьдесятъ пять пудъ по четыре алтына по четыре денги съ морткою, а берковцами двѣсти девяносто шесть берковцовъ пять пудъ по рублю по тринатцети алтынъ по четыре денги съ полуденгою—ітого четыре ста осмнатцать рублевъ дватцать шесть алтынъ пять денегъ съ морткою, а тысеча осмнатцать пудъ по четыре алтына по четыре денги пудъ, а берковцами сто одинъ берковецъ восмь пудъ по рублю по тринатцети алтынъ по двѣ денги берковецъ—ітого сто сорокъ два рубли семнатцать алтынъ двѣ денги.

І тотъ поташъ отпущенъ на Вологду на наемныхъ подводахъ, провозу до Вологды дано съ трехъ тысечъ зъ девети сотъ съ осми десятъ съ трехъ пудъ по десяти денегъ съ пуда, ітого сто девяносто деветь рублевъ пять алтынъ, да зъ дерева съ четырехсотъ съ тритцети съ пяти пудъ по десятижъ денегъ съ пуда, ітого дватцать одинъ рубль дватцать пять алтынъ; всего съ поташу и зъ деревомъ съ четырехъ тысечъ съ четырехсотъ съ осмнатцети пудъ провозу до Вологды дано двѣсти дватцать рублевъ тритцать алтынъ, да дворянину и подячему, которые посланы на Вологду за поташемъ, да дву человѣкомъ проводникомъ на постоялое и майданнымъ лошедямъ на кормъ до Вологды и назадъ до Арзамаса дано десять рублевъ. І съ тѣми провозными денгами и что дано провозу изъ дерева и дворянину и подячему въ Вологоцкую посылку поташу пудъ имется на Вологде—безъ дерева четыре ста восмьдесять четыре пуда—по шти алтынъ по четыре денги пудъ, а берковцами сорокъ восмь берковцовъ четыре пуда по два рубли берковецъ; а три тысечи четыре ста девяносто деветь пудъ по шти алтынъ по полчетверты денги съ морткою, а берковцами триста сорокъ деветь берковцовъ деветь пудъ по рублю по тритцати по два алтына по полшесты денги съ морткою берковецъ. А въ дѣле тотъ поташъ съ провозомъ на Вологде и что дано дворянину и подячему въ Вологоцкую посылку ценою сталъ въ семъ сотъ въ девяносто въ два рубли въ семъ алтынъ въ три денги съ морткою.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Нижегороцкомъ же уѣзде въ Барминскихъ лесахъ заведенъ на поташное дѣло вновь одинъ будный станъ, а мастеровые люди переведены съ прежнихъ Барминскихъ дву будныхъ становъ, которые были влишке, и поташное дѣло въ нынешней во 189-й годъ станутъ дѣлать въ Барминской волости на трехъ будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ Барминскихъ дву будныхъ станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ декабря съ первого числа, деветь сотъ одиннатцать чети съ полуосминою муки ржаные, осмнатцать чети ржи, сто девятнатцать чети безъ полуосмины крупъ, семдесятъ чети съ осминою толокна, тритцать чети съ осминою овса. И къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку на Барминские

на три будные станы въ нынешней во 189-й годъ тысеча двѣсти чети муки ржаные, четыре ста тритцать три чети съ полуосминою сухарей, семьдесятъ чети крупъ, восмьдесятъ чети толокна, да работнымъ лошедямъ на кормъ двѣ тысечи дватцать пять чети овса.

Да на тѣжъ Барминские будные станы надобно къ приему и къ роздаче хлѣбныхъ запасовъ и всякихъ майданныхъ заводовъ и для дровяного и золяного приему шесть человѣкъ целовалниковъ, да къ сеносносному времени надобно сорокъ пять человѣкъ косцовъ, да работныхъ лошедей къ прежнимъ къ дватцети къ пяти лошедямъ надобно въ прибавку шестьдесятъ пять лошедей. Шишкинъ.

Справилъ Алешка Юдинъ.

---

189 г. марта въ 1 день выписано изъ Барминскихъ смѣтыхъ книгъ на перечень, что въ приеме на тѣхъ будныхъ станѣхъ у Михайла Кобылского хлѣбныхъ запасовъ і лошедей і воловъ і желѣза и укладу, і что въ приходе денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ, і что въ расходе денежные казны дворяномъ і подячимъ і поливочемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ, и сколко за тою денежною казною и за хлѣбными запасы здѣлано поташу бочекъ, і почему въ дѣле ценою пудъ сталъ і берковецъ на мѣсте и почему на Вологде съ провозомъ, і то писано ниже сего.

Въ прошломъ во 188-мъ году принято у Михайла Кобылского на тѣхъ будныхъ станѣхъ сто семнатцать батоговъ Тулского желѣза, шесть тысечь клипцовъ укладу, да работныхъ лошедей двенатцать мериновъ, тринатцать кобылъ—всего дватцать пять лошедей лѣтъ срослы, десять быковъ, да хлѣбныхъ запасовъ: деветь чети муки ржаные, осмнатцать чети ржи, шеснатцать чети съ осминою овса.

Да на тѣжъ будные станы изъ Арзамаса ізъ приказные избы прислано денежные казны пятсотъ дватцать одинъ рубль деветь алтынъ, которая прислана изъ іноземского приказу съ подячимъ съ Василемъ Нечаевымъ мастеровымъ людемъ на жалованe і на поташной провозъ, і той денежной казнѣ росходъ: дву человѣкомъ поливочемъ, дву человѣкомъ бочкарямъ, дву человѣкомъ колесникомъ, одному человѣку кузнецу, сто семнатцети человѣкомъ будникомъ, осмнатцети человѣкомъ воштарямъ, дву человѣкомъ казакомъ дано жалованя двѣсти восмьдесятъ деветь рублевъ пять алтынъ четыре денги. Да по скаске тѣхже Барминскихъ будныхъ становъ поливачей и бочкарей и колесниковъ и кузнеца и будниковъ і воштарей и казаковъ дано имъ было при бояринe князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ денеж-

ного жалованя восмдесятъ деветь рублевъ шеснатцать алтынъ, д хлѣбного пятсотъ дватцать одна четь муки, а въ росходныхъ книгах за Михайловою рукою Кобылского той денежной и хлѣбной дачи н написано, да на покупку на сала ветчинное и на сани рубль шест алтынъ четыре денги.

Всего въ росходъ на Барминские будные станы денежные казн поливачемъ и будникомъ и всякимъ мастеровымъ людемъ въ жалован и съ тѣмъ, что дано имъ при бояринѣ князе Іване Алексѣевиче Воро тынскомъ и при Михайле Кобылскомъ, и на покупку на сани и на сал ветчинное триста семдесятъ деветь рублевъ дватцать восмь алтынъ дв денги.

Да взято на Барминскиежъ будные станы съ Сергацкого Можа ровского будного стану хлѣбныхъ запасовъ всего и съ тѣмъ, что принят у Михайла Кобылского и писано выше сего, тысеча триста четыре чет съ полуосминою муки, оманатцеть чети ржи, сто девятнатцать чет безъ полуосмины крупъ, семдесятъ чети съ осминою толокна, ст тритцать два пуда соли, девяносто шесть чети съ осминою овса; і тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ въ росходъ дано поливачемъ и бочкарямъ и колес никомъ и кузнецу и будникомъ и воштарямъ и казакамъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли и съ тѣмъ, что по ихъ скаске дано имъ было при бояринѣ князе Іване Алексѣевиче Ввротынскомъ і при Михайл Кобылскомъ, деветь сотъ четырнатцать чети муки, сто тритцать два пуда соли, шестьдесятъ шесть чети овса. И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ дл поташной смѣты положена цена по Лысковской ценѣ за муку за чет по четыре алтына по двѣ денги, за соль за пудъ по два алтына п полторы денги, за овесъ за четь по два алтына по три денги. А за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ положено за муку за четь по алтыну, а за овесъ за четь по три денги, за молотье за рожь по четыре денги. Всего по Лысковской ценѣ за хлѣбные запасы и за провозъ тѣхъ хлѣб ныхъ запасовъ і за молотье за рожь сто семдесятъ пять рублевъ дват цать пять алтынъ.

Да целовалникомъ четыремъ человѣкомъ для поташныяжъ смѣты положено восмь рублевъ, за желѣзо за связку по шеснатцети алтынъ по четыре денги—ітого два рубли тритцать алтынъ пять денегъ, за ук ладъ за тысечю по рублю—ітого шесть рублевъ.

Всего въ росходе денежные казны на Барминскихъ будныхъ ста нѣхъ поливачемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і за хлѣб ные запасы по ценѣ і за ветчинное сала і за соль и за желѣзо и за укладъ і за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожь и целовалникомъ подмоги і что дано при бояринѣ князе Іване Алексѣе виче Воротынскомъ і при Михайле Кобылскомъ—пятсотъ семдесятъ два рубли семнатцать алтынъ три денги съ морткою.

Да на тѣхъ же будныхъ станѣхъ за тѣмижъ росходы изготовил будники къ нынешнему ко 189-му году пятдесятъ шесть саженъ дровъ цена положена по шти алтынъ по четыре денги за сажень, ітого один

натцать рублевъ шесть алтынъ четыре денги; и тѣ денги на поташъ не положены и изъ росходу исъ пяти сотъ изъ семидесятъ изъ дву рублевъ изъ семнатцати алтынъ изъ трехъ денегъ съ морткою выложены для того, что въ тѣхъ дровехъ поташъ станутъ дѣлать въ нынешнемъ во 189-мъ году, и тѣ денги на тотъ поташъ и положены будутъ, а на поташъ положено денежные казны пятсотъ шестьдесятъ одинъ рубль десять алтынъ пять денегъ съ морткою.

І за тою денежною казною и за хлѣбными запасы и за всякими росходы здѣлано на Барминскихъ дву будныхъ станѣхъ поташу сто сорокъ пять бочекъ и съ тѣмъ, что принято у Михайла Кобылского А въ терезовой вѣсъ поташу безъ дерева три тысечи деветсотъ восмьдесятъ три пуда, дерева въ бочкахъ четыреста тритцать пять пудъ, и того поташу въ дѣле ценою пудъ сталъ: двѣ тысечи деветь сотъ шестьдесятъ пять пудъ по четыре алтына по четыре денги съ морткою, а берковцами двѣсти девеносто шесть берковцовъ пять пудъ по рублю по тринатцети алтынъ по четыре денги съ полуденгою; тысеча осмнатцать пудъ по четыре алтына по четыре денги пудъ, а берковцами сто одинъ берковецъ восмь пудъ по рублю по тринатцети алтынъ по двѣ денги берковецъ.

І тотъ поташъ отпущенъ на Вологду на наемныхъ подводахъ, провозу съ того поташу до Вологды дано съ трехъ тысечь зъ девяти сотъ съ осмидесятъ съ трехъ пудъ по десяти денегъ съ пуда—ітого сто девяносто деветь рублевъ пять алтынъ, да зъ дерева съ четырехсотъ съ тритцети съ пяти пудъ по десяти денегъ съ пуда—ітого дватцать одинъ рубль дватцать пять алтынъ. Всего поташу зъ деревомъ съ четырехъ тысечь съ четырехсотъ съ осмнатцети пудъ провозу до Вологды дано двѣсти дватцать рублевъ тритцать алтынъ, да дворянину и подячему въ Вологоцкую посылку дано десеть рублевъ, і съ тѣми провозными денгами і что дано провозу изъ дерева і дворянину і подячему въ Вологоцкую посылку, іметця берковецъ на Вологде, безъ дерева сорокъ восмь берковцовъ четыре пуда, по два рубли берковецъ, триста сорокъ деветь берковцовъ деветь пудъ по рублю по тритцети по два алтына по полшесты денги съ морткою берковецъ, а въ дѣле тотъ поташъ і съ провозомъ на Вологде і что дано дворянину въ Вологоцкую посылку безъ дерева иметця семь сотъ девяносто два рубли семь алтынъ три денги съ морткою.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Нижегороцкомъ же уѣзде въ Барминскихъ лесахъ заведенъ на поташное дѣло вновь одинъ будной станъ, и поташное дѣло въ нынешней во 189-й годъ станутъ дѣлать въ Барминской волости на трехъ будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ Барминскихъ будныхъ дву станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней въ 189-й годъ декабря съ 1-го числа деветь сотъ одиннатцать чети съ полуосминою муки ржаные, осмнатцать чети ржи, сто девятнатцать чети безъ полуосмины крупъ, семдесятъ чети съ осминою толокна, тритцать чети съ осминою овса. И къ тѣмъ

остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку на Барминские на три будные станы въ нынешней во 189-й годъ тысеча двѣсти чети муки ржаные, четыре ста тритцать три чети съ полуосминою сухарей, семдесятъ чети крупъ овсяныхъ, восмьдесятъ чети толокна, да работнымъ лошедямъ на кормъ двѣ тысечи дватцать пять чети овса. Да на тѣ же Барминские будные станы надобно къ приему и къ роздаче хлѣбныхъ запасовъ і всякихъ майданныхъ заводовъ і для золяного і дровяного приему шесть человѣкъ целовалниковъ, да къ сенокосному времени надобно сорокъ пять человѣкъ косцовъ, да работныхъ лошедей къ прежнимъ къ дватцети къ пяти лошедямъ надобно въ прибавку шестьдесять пять лошедей. (Ши)шкинъ.

Справилъ Алешка Юдинъ.

Указатель

Ж

З

И

К

Л

М

Н

П

II.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

ТЕКСТЫ

ПОВѢСТИ ОБЪ АКИРѢ ПРЕМУДРОМЪ.

ДРЕВНѢЙШАЯ РЕДАКЦІЯ.

Версіи: сирійская, арабская, армянская и славянская.

Сирійская.

(По Cod. Add. 2020 Кэмбридж. унив.).

Опять, по божественной волѣ, я пишу изреченія, т. е. исторію Аḥиḳара, мудреца и секретаря Сеннахериба, царя Ассиріи и Ниневіи.

I.

1. На двадцатомъ году Сеннахериба, сына Сарḥадума, царя Ассиріи и Ниневіи,

былъ я, Аḥиḳаръ, секретаремъ царскимъ[1].

2.

И было мнѣ сказано,* когда я былъ мальчикомъ[2],

„что не родится у тебя сына".

3. *И богатство, что я пріобрѣлъ, было слишкомъ обширно,

чтобы сосчитать [его][3].

4. На шестидесяти женахъ я женился, и шестьдесятъ замковъ построилъ я имъ[4],

Варьянты подведены изъ S1.

[1] Всего начала въ S1 нѣтъ.

*—[2] нѣтъ.

*—[3] S1 просто: „И я имѣлъ большое богатство".

[4] S1 „себѣ".

Арабская.

(По Cod. Sachau 339).

История мудраго Хикâра.

I.

1. Было во дни Санхериба, с Сархадўма, царя Ассиріи и Нине

тогда былъ я, Хикâръ, его нистромъ и секретаремъ.

2. И когда я былъ еще моло сказали мнѣ колдуны, астро и предсказатели:

„Ты не будешь имѣть сына."[1]

3. Я владѣлъ большимъ иму ствомъ, пріобрѣлъ себѣ много до

4. женился на шестидесяти[2] же и велѣлъ выстроить имъ шестьде огромныхъ замковъ прекрасной хитектуры и большіе дома.

Изъ второй араб. ред. (текс Каршун. 2886, Садеров. изданія, Сальгани, Агуба и Коскэна) пр дятся немногіе варьянты, им только тѣ, которые могутъ дать занія для другихъ версій.

[1] Предсказаніе (§ 2) опущен 2 араб. ред..

[2] Въ ркпси нѣтъ 60; но ш десятъ женъ есть въ Карш., Сальг. и Агуб..

Армянская.

одн. тексту, изд. Кониберомъ).

вила и мудрость Ки҃кара,
ымъ дѣти людей учатся.[a] [1]

I.

Во времена и въ царствованіе
арима, царя Ниневіи [Nineveh]
сиріи [Асорестана],
Хикаръ, секретарь Сенекарима

Канон. доб.: „пріобрѣлъ мнѣ
ь и служанокъ и много иму-
ь"].

взялъ шестьдесятъ женъ
выстроилъ[a] себѣ шестьдесятъ
овъ.

кія буквы обозначаютъ—варь-
англ. изданія: малыя поставле-
мѣсто цифръ, большія вмѣсто
ь буквъ; греч. буквы обознача-
лавнѣйшіе варьянты изъ Баз-
(только тѣхъ мѣстъ, которыя
таны); цифры—варьянты изъ
ой книги.

Кан.: „Я выстроилъ" и пр..
зм. нѣтъ заглавія.
обходимыя и полезныя наста-
Хикара мудреца.

Славянская (русская рец.).

(По ркп. 189 Общ. И. и Др. Р.).

I.

1.[1] Сйнагрипъ, црь *а̑дорокъ и̑ налївьской стра҃ны[2].

В того [ВХ. то] времѧ а̑зъ *а̑киръ книгьчии̑[3] бѣ[4].

2\.

и̑[5] речено ми[6] е̑сть [ВХ. бы] ѿ ба҃:

„ѿ[7] тебе[a] ча҃ не родитьсѧ".

3\. и̑мѣние̑ же[8] и̑мѣ[9] паче всѣ члвкъ.

4\. *[В. доб.: и] пож жену[10] и̑ оустрои̑хъ дмъ[11].

В обозначаетъ Вахрамѣевскій списокъ, **Х**—Хлудовскій, **Сол**—Соловецкій.

[1] В. доб. «моудрость а̑кѣрова. гн҃ благо».
*—[2] В. е̑гоупетеской. [1]—[2] Х. измѣняетъ: «По́вѣсть а̑кира прмдраго книгчиа синогра́фа цр҃ѧ а̑до́рскаго и̑ нали́вского».
*—[3] В. а̑кѣръ книгъчѣи̑. [4] Х. доб.: «и̑ молй̑хъ бга нбнго да́ да́стъ ми чадоро́дие».
[5] В. нѣтъ. [6] Х. нѣтъ. [7] ВХ. ѿ. [8] В. оп..
[9] Х. и̑мѣяхъ. *—[10] Х. нѣтъ. [11] В. домы.
[a] є исправлено изъ о.

5. И я Кикаръ былъ шестидесятилѣтняго возраста, и я не имѣлъ сына.
6.

Тогда я пошелъ къ богамъ со многими жертвоприношеніями;
я зажегъ огонь предъ богами
и бросалъ на него ѳиміамъ[a],

и предложилъ мои посвященныя жертвоприношенія и принесъ жертвы,
7. колѣнопреклонился и молился
и такъ говорилъ въ моей молитвѣ:
8. „О мои господа и боги, *Бельшимъ и Шимиль и Шаминъ[1],
повелите и дайте мнѣ* мужское сѣмя.[a2]

9. Потому что вотъ Кикаръ умираетъ живой.
И что говорятъ[3] люди?
Что Кикаръ, * хотя живъ[4] и мудръ и свѣдущъ,

умеръ,
и нѣтъ сына его похоронить его,

ни дочери оплакать его.

---

[a] добавл. „пріятнаго запаха“ 58 и Edj..

*— а² дитя мужского пола.

*— [1] Бэлшимъ и Шаһимъ.

[3] скажутъ.

*— [4] нѣтъ.

5. и҆ жихъ. .з҃. лѣ҃.
и҆[1] не бы[2] ми чада.
6. и҆[3] со₇да̑ требнїки,[4]

и҆ въ₇гѣтѝ[5] ѡ҆гнь

[серб. С.Ф. доб.: и кадѣ̑ [Ф: кади̑] сь бл҃гоѹханїемь]

7.
и҆ рѣ҃:
8. „г҃ю[6] б҃е мои̑!

9. а҆ще ѹмрѹ [В. преставлюсѧ а҆зъ]
и҆[7] не бѹдеть ми наслѣдника.[8]
и҆ рчѹть[9] [a] члв҃чи:
„а҆киръ[10] праведенъ б҃ѣ.[11]

и҆ *бо̑у и҆стїньно [В. правдою̑] слѹжаше.
*а҆ще оумреть [В. преставилъсѧ и҆]
не ѡ҆бращıетсѧ[12] мѹжьскъ[13] полъ,
и҆же[14] постои҆тъ *на гробѣ[15] є҆го.
ни дѣвическъ[16] полъ, *и҆же бы є҆го
ѡ҆плакалъ[17],

---

[1] В. оп.. [2] В. Х. бы. [3] В: а҆зъ а҆кѵръ. [4] В. потребни̑і. [5] В. Х. възнѣтѝ. [6] В. Х: г҃и. [7] В: то. [8] В: наслѣдникъ. [9] В: р҆кѹть ми. [10] В. а҆кѵръ. [11] В. и҆стиненъ бѣ моужь. [12] В. доб. тоу. [13] В. моужескыи̑. [14] В. ни. *— [15] В. на̑ гробомъ. [16] В: женьскыи̑. *— [17] В: ѡ҆плачет мѧ.

[a] въ ркпси послѣ ч не то ѹ, не то ѣ.

ТЕКСТЫ

ВѢСТИ ОБЪ АКИРѢ ПРЕМУДРОМЪ.

ДРЕВНѢЙШАЯ РЕДАКЦІЯ.

Версіи: сирійская, арабская, армянская и славянская.

ТЕКСТЫ

)ВѢСТИ ОБЪ АКИРѢ ПРЕМУДРОМЪ.

ДРЕВНѢЙШАЯ РЕДАКЦІЯ.

Версіи: сирійская, арабская, армянская и славянская.

Сирійская.

(По Cod. Add. 2020 Кэмбридж. унив.).

Опять, по божественной волѣ, я пишу изреченія, т. е. исторію Аҳиḳара, мудреца и секретаря Сеннахериба, царя Ассиріи и Ниневіи.

I.

1. На двадцатомъ году Сеннахериба, сына Сарҳадума, царя Ассиріи и Ниневіи,

былъ я, Аҳиḳаръ, секретаремъ царскимъ[1].

2.

И было мнѣ сказано,* когда я былъ мальчикомъ[2],

„что не родится у тебя сына".

3. *И богатство, что я пріобрѣлъ, было слишкомъ обширно,

чтобы сосчитать [его][3].

4. На шестидесяти женахъ я женился, и шестьдесятъ замковъ построилъ я имъ[4],

Варьянты подведены изъ S1.

[1] Всего начала въ S1 нѣтъ.

*—[2] нѣтъ.

*—[3] S1 просто: „И я имѣлъ большое богатство".

[4] S1 „себѣ".

Арабская.

(По Cod. Sachau 339).

История мудраго Хикâра.

I.

1. Было во дни Санхериба, сына Сархадўма, царя Ассиріи и Ниневіи,

тогда былъ я, Хикâръ, его министромъ и секретаремъ.

2. И когда я былъ еще молодъ, сказали мнѣ колдуны, астрологи и предсказатели:

„Ты не будешь имѣть сына."[1]

3. Я владѣлъ большимъ имуществомъ, пріобрѣлъ себѣ много добра,

4. женился на шестидесяти[2] женахъ и велѣлъ выстроить имъ шестьдесятъ огромныхъ замковъ прекрасной архитектуры и большіе дома.

Изъ второй араб. ред. (текстовъ Каршун. 2886, Садеров. изданія, изд. Сальгани, Агуба и Коскэна) приводятся немногіе варьянты, именно только тѣ, которые могутъ дать указанія для другихъ версій.

[1] Предсказаніе (§ 2) опущено во 2 араб. ред..

[2] Въ ркпси нѣтъ 60; но шестьдесятъ женъ есть въ Карш., Сад., Сальг. и Агуб..

15.
Но ты долженъ взять Наѳана[а], сына
оей сестры,[а]

и воспитать его, какъ твоего
ына,

онъ долженъ отплатить тебѣ за
и издержки на воспитаніе его[б]."
16. И когда я услышалъ это отъ
говъ,
17.

18.

19.

20.
я взялъ
Наѳана, сына моей сестры[а];

21. онъ былъ одного года;

Такъ лучшія армянскія рукописи.
шія читаютъ Наданъ.
Такъ Кан.. Другія имѣютъ „упла-
ь тебѣ назадъ твое имя" (см.
мѣч. къ армян. тексту).

племянника своего.

15. се[1] [Х. ѥсть ѹ тебе] *сестри-
цицѧ твои[2] анаданъ. *и сего[3] поими[4]
въ сына[5] мѣсто"[6].

16. и[7] ѩко ѹслыша гла ѿ[8] га,[9]
и пакы възъпи: [10]
17. „гй *бе мои,[11]

аще бы ѹ мене мѹжьскыи[12] полъ,
*и въ днь[13] смрти моеꙗ въсыпалъ
[В. доб. бы] перстн на очи мои.
18. аще бы[14] до смрти своеꙗ
ѹвѣдалъ[15] на днь *кегьтинарь злата[16]
на потребѹ собѣ,[17]
не истощилъ бы[18] домѹ своемѹ."[19]
19. и[20] не бы ми гла.[21]

20. и[22] приѩхъ рѣ гню.[а]
и приѩхъ [В. поѩ] [23]
сестричица[24] своего анадана въ сна
мѣсто.
21. *и младъ[25] бѣ.[26]

---

[1] В. нѣтъ. *—[2] Х. сестрчь. *—[3] В. его же, Х. сегѡ. [4] В. доб. собѣ. [5] В. Х. сна. [6] Х. мосто. [7] В. нѣтъ. [8] В. ѿ. [9] В. бга. [9]—[10] В. и рѣ. *—[11] В. нѣтъ. [12] В. моужескъ. *—[13] В. во дни. [14] В: бы и. [15] В. в'далъ бы гривнѹ злā. *—[16] В. нѣтъ. [17] В. дши своеи. [18] В. быхъ. [19] В: моего. [20] В: ѩко. [6]—[21] Х. опускаетъ все второе обращеніе къ Богу. [22] В. нѣтъ. [23] Х: взѧ. [24] Х: сестричища. *—[25] В. мало бо. *—[26] Х.: млада сѹща.

[а] гню передѣлано изъ глю.

5.
и[1] у меня не было сына.
6. Тогда я, Аҳиķаръ, построилъ себѣ большой алтарь, *весь изъ дерева[2];
и зажегъ на немъ огонь,
и положилъ на немъ хорошее мясо[3],

7.
*и такъ я говорилъ[4]:
8. „Господи, Боже мой;

9. если я умру и не оставлю сына,

что скажутъ люди обо мнѣ? Они скажутъ, что это, вотъ, Аҳиķаръ— справедливый, хорошій
и служащій Богу:
онъ умеръ,
и не оставилъ сына похоронить его, ни одного!
ни дочери:

[1] „а отъ этихъ женъ ни отъ одной".
*—[2] ѳиміама.
[2]—[3] и обѣщалъ обѣтъ.
*—[4] и сказалъ.

5. Мнѣ было уже шестьдесятъ л
и все еще я не получалъ сын
6.

Тогда принесъ я, Хикâръ, идол
жертвы изъ животныхъ и другія

и воскурилъ предъ ними лада
каннель, мастичную смолу и кан
мумъ

7.
и говорилъ:
8. „Боги!

даруйте мнѣ сына,

глядя на котораго, я могъ бы
доваться,
и который наслѣдовалъ бы
послѣ моей смерти;
который закрылъ бы мнѣ глаз
похоронилъ бы меня.
9.

22.

23.

я одѣлъ его въ виссонъ и пур-
ръ; и золотое ожерелье я обвя-
ъ вокругъ его шеи; и какъ сына
ря я покрылъ его украшеніями.
24. И я далъ ему пить молоко и
дъ,
25. и я клалъ его спать на моихъ
мхъ и голубяхъ,

26.

27. пока онъ не былъ семилѣтняго
зраста.
Тогда я началъ учить его письму
мудрости и искусству знанія
и отвѣтамъ на письма, и отвѣтамъ
на противныя рѣчи.
28. И днемъ и ночью я не переста-
лъ учить его; и я насыщалъ его мо-
имъ ученіемъ, какъ хлѣбомъ и водою.
29.

Тогда царь сказалъ мнѣ:
30.

и да

*ѿдоити и.[1]

22. *въскорѣмѣхъ и [ВХ. вос-
корми его] медо и вино
*и ѿдѣхъ и медомъ и виноном (sic).[2]
23.

и[3] ѿдѣхъ и[4] беброма и брачи-
номъ.[5]

24.

25.

26.

27. и [В. доб. яко] възрасте;[6]

и наѹчихъ и[7] всякои[8] грамотѣ.

28.

29.

и цр҃ь ми[8] тако рече:
30.

*—[1]В: и доити. и воздоишаи. 26—[1]Х. и.
*—[2]ВХ. оп.. [3] В. нѣтъ. [4] В. его. [4—5] В.
бисѣромъ. [3—5] Х. только: брачи. [6] В.
възрасти его, Х. опускаетъ всю фразу.
[7] В. Х. его. [8] В. нѣтъ.

„О Ахикаръ, мудрый книжникъ и хозяинъ моихъ мыслей,

когда ты сдѣлаешься старымъ и умрешь,

кто послѣ тебя придетъ и будетъ служить мнѣ подобно тебѣ?“

31. И я отвѣчалъ и сказалъ ему:

32. „О мой государь царь, живи на вѣки!

Я имѣю сына,

мудраго какъ я самъ,

и ученаго подобно мнѣ, и воспитаннаго“.

33. И царь сказалъ мнѣ:

34. „Приведи его и покажи мнѣ его.

Если онъ въ состоянiи стоять передо мною,

я тебя отпущу въ мирѣ,

и ты проведешь свой старый вѣкъ въ чести до тѣхъ поръ, пока не окончишь своихъ дней“.

и искусный мудрецъ; ты не тайны и соучастникъ свр мною дѣлъ.

Ты уже въ лѣтахъ и со и твоя смерть близка.

Скажи мнѣ, кто, по тво нiю, долженъ служить м твоей смерти“.

31. Тогда я сказалъ ему

32. „Мой господинъ и ц вѣчно до самыхъ поздних

Я имѣю племянника, ко меня является сыномъ.

Его я научилъ своему з и онъ—многознающiй м

33. На это отвѣтилъ мой и царь:

34. „Ступай и приведи чтобы я видѣлъ его.

Если онъ годится мнѣ,

то пусть прислуживаетъ

Тогда онъ можетъ сто мною и служить мнѣ,

а ты возвращайся [домой]

и отдыхай отъ своей уто дѣятельности, пока не ко почестяхъ своей старости“.

„Кикаръ, мой секретарь и мудрецъ,

я знаю, что ты сталъ старъ;
и послѣ твоей смерти
кто есть здѣсь, чтобы исполнять
ѣло и мудро дѣла нашего царства?

*И я очень горевалъ при этой мысли“[1].
31. [2]И я сказалъ ему:
32. „О царь, живи навсегда.

Вотъ мой сынъ,

который превосходитъ меня и боѣе свѣдущъ“.
33. И царь говоритъ:[3]

34. „приведи его ко мнѣ, чтобы я могъ увидѣть его“.

*—1 я постоянно озабоченъ этимъ.
2 доб.: „Отвѣтилъ“.
3 сказалъ.

„ѿ акире.[1] примудрый[2] книгъчне,[3]
свѣтниче мой!

аще старѣвъ[4]
прѣставишися,
кого ѡбращю свѣтьника моего?[5]“.

31. и[6] тако ѿвѣщахъ:[7]
32. „црю, въ вѣкы живы[8]

есть у мене снъ.

*якоже есмь азъ.[9]
уму[10] и всякой прѣмудрости[11] и книгамъ [91] наоучихъ и[12]“.
33. и ѿрече[13] ми цръ:[14]

34. „приведи ми сна своего [Х. твоего], *да вижю и.[15]
аче [ВХ. аще] можеть *прѣ ѡчима моима [В. прѣ мною] угодити.[16]

да та тогда[17] ѿпущу[18] домовь [Х. в домъ твой],
и[19] въ старости днїи[20] своихъ въ покой живеши“.[21]

[1] В. акѣрѣ. [2] В. Х. премоудрый. [3] В. книжниче, Х: книгчїи; оба доб. „и“ [4] В. состарѣвшися и; Х: состарѣвъ. [5] Х. себѣ, В. перефразируетъ: „кого свѣтника моего ѡбращоу. [6] В. нѣтъ. [7] ВХ. ѿвѣщахъ. [8] Х. живи.*—[9] В. како же азъ есми. [10] Х. раумъ. [11] В: хитрости. [11]—[12] В: наоучи его книгамъ. [13] В. Х. рече. [14] В. нѣтъ. *—[15] В. нѣтъ. [16] Х. „стояти“ и поставлено передъ „прѣ“. [17] Х. нѣтъ. [18] Х. ѿпущу, В. ѿпоущю. [19] В. нѣтъ. [20] Х. дне. [21] В. Х. поживеши.

„Такъ какъ ты вѣрилъ въ бог
возложилъ на нихъ свою надеж
принесъ имъ жертвы,
то поэтому ты долженъ оста
безъ сыновей и дочерей.

15. но вотъ! Наданъ, сынъ твоей сестры; *онъ будетъ тебѣ[1] сыномъ:

*такъ что сообразно съ ростомъ его фигуры[2] ты *будешь въ состояніи[3] учить его всему".

15. но вотъ твой сестричъ Над
ты возьми его въ качествѣ сы

и посвяти его въ свое знаніе;

онъ можетъ тебѣ наслѣдовать"

16. И когда я услышалъ это,
*я опять опечалился и сказалъ:

16.

17. „О, Господи Боже! ты желаешь дать мнѣ въ качествѣ сына Надана, сына моей сестры, такъ чтобы, когда я умру, онъ могъ бросить прахъ на мои глаза?"

17.

18.

18.

19. И не былъ данъ мнѣ больше никакой отвѣтъ.

19.

20. И я послушался приказанія[4] и взялъ *ко мнѣ въ качествѣ сына[5] Надана, сына моей сестры[6]:

20.
Тогда взялъ я къ себѣ
своего племянника Надана,

21. и такъ какъ онъ былъ еще молодъ,

21. который былъ еще мальчиком

*—[1] сдѣлай его твоимъ.

*—[2] S_1 „такъ чтобы, когда онъ выростетъ".

*—[3] могъ бы быть способнымъ.

*—[4] S_1 все это опускаетъ.

*—[5] S_1 все это опускаетъ.

[6] S_1 доб.: „и онъ сдѣлался моимъ сыномъ", но далѣе зато опускаетъ все вплоть до поученія.

5. И когда я привелъ его

поставилъ его передъ царемъ,
6. онъ посмотрѣлъ на него[1]

казалъ:
7. *„Въ эти дни Кикаръ можетъ
ь[a] благословенъ[2],
8.

9. потому что онъ во время своей
ни привелъ и поставилъ передо
й своего сына,

0. и можетъ самъ быть въ покоѣ“.

11.

42.

да будетъ.

доб.: очень обрадовался.

—[2] благословенъ сей день.

---

35. и҆ поѧхъ сн҃а своѥ҆го сн҃а[1] дана[a]

и҆[2] приведохъ и҆[3] къ[4] цр҃ю.
36. *и҆ оу҆зрѣ[5] цр҃ь.

и҆ *ѿвѣща рька [ВХ. рѐ; Х. доб. мн]:
37. „*бл҃нъ буди [В. доб.: в'] дн҃ьшнии҆[6] дн҃ь а҆кирови [В. а҆кѣре].[7]
38.

39. а҆ко[8] прѣставн[9] сн҃а своѥ҆го прѣ мною҆[10] в животѣ моѥ҆мь[11].“

40.

41. и҆[12] поклонихсѧ цр҃ви[13]:

42.

„ты самъ вѣси, како[14] ѥ҆смь *служилъ ѿц҃ю тоѥ҆му[15 б] и҆ тобѣ[16].
и҆ нынѣ дѣчьства[17] ѿрочати сего пожди ми.

и҆[18] да будеть мт҃ь[19] твоа҆ на схаро-сти [В. старости] моѥ҆и҆.

---

[1] ВХ. нѣтъ. [2] В. нѣтъ. [3] В. ѥго. [4] Х. ко. *—[5] В. ꙗко види. [6] В. „нынешнїи“. *—[7] Х. вмѣсто всей фразы: „добрѣ акире“. [8] Х. нѣтъ. [9] В: постави, Х: прѣстави҆ еси. [9]—[10] В. прѣ мною҆ с. с. [10]—[11] Х. нѣтъ. [12] В. нѣтъ. [13] В. и҆ рѣ. [14] В.: ꙗко. *—[15] В: ѿц҃ю т. слоужи҆. [16] В. доб.: цр҃ю. [16]—[17] В: дитиньства. [18] В. нѣтъ. [19] В. мт҃ь.

[a] ана написано надъ дана, повидимому, потомъ. [б] передѣлано изъ моѥ҆му.

43. Когда царь услышалъ это,

онъ далъ мнѣ свою правую руку,

44. и я, Аḥиḳаръ, распростерся ницъ передъ царемъ.

45.

46. И я не переставалъ давать поученіе моему сыну,

пока я не наполнилъ его ученіемъ, какъ хлѣбомъ и водою[1].

47. И я такимъ образомъ бесѣдовалъ съ нимъ:

II.

1. „Слушай [S1 1 доб.: мое ученіе], мой сынъ Наданъ;

[S1 доб.: и] приходи къ моему уму,

6—1 Всего этого, начиная словами „И такъ какъ онъ былъ“, (§§ 21—46) въ S1 нѣтъ.

43. Послѣ этого

Санхерибъ подалъ ему правую и поклялся ему [въ томъ],

что онъ будетъ у него пользов всякимъ почетомъ и уваженіем и что онъ будетъ оказывать ему кое добро.

44. Тогда я, Хикâръ, поцѣлк руку царя,

45. взялъ затѣмъ [къ себѣ] Н

46. и училъ его день и ночь

пока не насытилъ его на мудростью и знаніями болѣе, хлѣбомъ и водой.

47. Такъ обучалъ я его и у его изреченіями:

II.

(Карш.+Садер.+Сальг.[1]).

1. „Мой сынъ[2]! слушай мою

и слѣдуй *моему указанію[3]

[1]) Поученіе я привожу по э тремъ текстамъ *второй* арабско дакціи.

[2] Сад.: сынокъ.

*—[3] Сад.: моимъ совѣтамъ.

	и да *ѡдоити и.[1]
22.	22. *въскорѣмѣхъ и [ВХ. воскорми его] медо и вино *и ѡдѣхъ и медомъ и винономъ (sic).[2]
23. я одѣлъ его въ виссонъ и пурпуръ; и золотое ожерелье я обвязалъ вокругъ его шеи; и какъ сына царя я покрылъ его украшеніями.	23. и[3] ѡдѣхъ и[4] бебромъ и брачиномъ.[5]
24. И я далъ ему пить молоко и медъ,	24.
25. и я клалъ его спать на моихъ орлахъ и голубяхъ,	25.
26.	26.
27. пока онъ не былъ семилѣтняго возраста. Тогда я началъ учить его письму и мудрости и искусству знанія и отвѣтамъ на письма, и отвѣтамъ на противныя рѣчи.	27. и [В. доб. яко] възрасте;[6] и научихъ и[7] всякой[8] грамотѣ.
28. И днемъ и ночью я не переставалъ учить его; и я насыщалъ его моимъ ученіемъ, какъ хлѣбомъ и водою.	28.
29. Тогда царь сказалъ мнѣ:	29. и црь мнѹ тако рече:
30.	30.

*—[1] В: и дойти. и воздойшай. [26]—[1] Х. и. *—[2] ВХ. оп.. [3] В. нѣтъ. [4] В. его. [4]—[5] В. биеѣромъ. [3]—[5] Х. только: брачи. [6] В. вьзрасти его, Х. опускаетъ всю фразу. [7] В. Х. его. [8] В. нѣтъ.

„О Ахикаръ, мудрый книжникъ и хозяинъ моихъ мыслей,

когда ты сдѣлаешься старымъ и умрешь,

кто послѣ тебя придетъ и будетъ служить мнѣ подобно тебѣ?“

31. И я отвѣчалъ и сказалъ ему:

32. „О мой государь царь, живи на вѣки!

Я имѣю сына,

мудраго какъ я самъ,

и ученаго подобно мнѣ, и воспитаннаго“.

33. И царь сказалъ мнѣ:

34. „Приведи его и покажи мнѣ его.

Если онъ въ состояніи стоять передо мною,

я тебя отпущу въ мирѣ,

и ты проведешь свой старый вѣкъ въ чести до тѣхъ поръ, пока не окончишь своихъ дней“.

и искусный мудрецъ; ты печать моей тайны и соучастникъ скрываемыхъ мною дѣлъ.

Ты уже въ лѣтахъ и состарѣлся, и твоя смерть близка.

Скажи мнѣ, кто, по твоему желанію, долженъ служить мнѣ послѣ твоей смерти“.

31. Тогда я сказалъ ему:

32. „Мой господинъ и царь! живи вѣчно до самыхъ позднихъ вѣковъ.

Я имѣю племянника, который для меня является сыномъ.

Его я научилъ своему знанію,

и онъ—многознающій мудрецъ“.

33. На это отвѣтилъ мой государь и царь:

34. „Ступай и приведи его сюда, чтобы я видѣлъ его.

Если онъ годится мнѣ,

то пусть прислуживаетъ мнѣ.

Тогда онъ можетъ стоять предъ мною и служить мнѣ,

а ты возвращайся [домой]

и отдыхай отъ своей утомительной дѣятельности, пока не кончишь въ почестяхъ своей старости“.

„Кикаръ, мой секретарь и мудрецъ,

я знаю, что ты сталъ старъ;
и послѣ твоей смерти
кто есть здѣсь, чтобы исполнять умѣло и мудро дѣла нашего царства?

*И я очень горевалъ при этой мысли“ [1].

31. [2] И я сказалъ ему:

32. „О царь, живи навсегда.

Вотъ мой сынъ,

который превосходитъ меня и болѣе свѣдущъ“.

33. И царь говоритъ:[3]

34. „приведи его во мнѣ, чтобы я могъ увидѣть его“.

---

*—[1] я постоянно озабоченъ этимъ.
[2] доб.: „Отвѣтилъ“.
[3] сказалъ.

„ѡ акире.[1] примѹдрый[2] книгѣчинє,[3] свѣтниче мой!

аще старѣвѣ[4]
прѣставившися,
кого ѡбращю свѣтьника моєго?[5]“.

31. и[6] тако ѡвѣщахѣ:[7]

32. „црю, въ вѣкы живы [8]

єсть ѹ мене снъ.

*ꙗкоже єсмь азъ.[9]
оумѹ[10] и всякой прѣмѹдрости[11] и книга [91] наоучихъ и[12]“.

33. и ѡрє[13] ми црь:[14]

34. „приведи ми сна своєго [Х. твоего], *да вижю и.[15]
аче [ВХ. аще] может *прє ѡчима моима [В. прє мною] ѹгодити.[16]

да та тогда[17] ѡпѹщѹ[18] домовь [Х. в до твой],
и[19] въ старости днїи[20] своихъ въ покой жївеши“.[21]

---

[1] В. акѣрѣ. [2] В. Х. премоудрый. [3] В. книжниче, Х: книгчїи; оба доб. „и“ [4] В. состарѣєшися и; Х: состарѣвъ. [5] Х. севѣ, В. перефразируетъ: „кого свѣтника моєго ѡбращоу. [6] В. нѣтъ. [7] ВХ. ѡвѣщахъ. [8] Х. живи.*—[9] В. како же азъ єсми. [10] Х. раумѹ. [11] В: хитрости. [11]—[12] В: наоучи его книгамъ. [13] В. Х. рече. [14] В. нѣтъ. *—[15] В. нѣтъ. [16] Х. „стояти“ и поставлено передъ „прє“. [17] Х. нѣтъ. [18] Х. ѡпѹщѹ, В. ѡпоущю. [19] В. нѣтъ. [20] Х. днє. [21] В. Х. поживеши.

35. Тогда я взялъ моего сына Надана (60)
и посадилъ его передъ царемъ.
36. И когда государь мой царь его увидѣлъ,
онъ сказалъ:
37. „Этотъ день пусть будетъ благословеннымъ днемъ передъ Господомъ,
38. такъ, какъ Аḫиḳаръ ходилъ передъ моимъ отцомъ Сарḫадӯмомъ и передъ мной,
такъ онъ будетъ вознагражденъ,
39. и я поставлю его сына въ моихъ воротахъ еще при его жизни,

40. и онъ пусть окончитъ свой вѣкъ [мирно].“
41. Тогда я, Аḫиḳаръ, преклонилъ передъ царемъ колѣна и сказалъ:
42. „Мой государь царь, живи вѣчно!
И какъ я ходилъ передъ твоимъ отцомъ и передъ тобой до сихъ поръ,
такъ ты тоже распространяй свое долготерпѣніе на молодость моего сына,
такъ, чтобы твоя милость, которая была на мнѣ, была бы умножена по отношенію къ нему“.

---

35. Тогда я, Хикâръ, взялъ своего племянника Надана
и представилъ его царю Санхерибу.
36. Царь, увидѣвъ его,
обрадовался ему
и сказалъ:
37. „Господи, возьми его подъ свое покровительство.
38. Какъ ты служилъ мнѣ и моему отцу Сархадӯму
и велъ наши дѣла,

39. такъ пусть послѣ тебя твой сынъ Наданъ занимается нашими дѣлами.
Ради тебя я буду его цѣнить, уважать и оказывать ему добро“.
40.

41. Тогда я палъ ницъ предъ царемъ и сказалъ:
42. „Мой государь и царь, живи во вѣки вѣковъ!

Я прошу тебя, государь, быть снисходительнымъ къ Надану, моему племяннику,
и прощать ему его ошибки,

пока онъ будетъ служить тебѣ, какъ я служилъ тебѣ, а до тебя твоему отцу“.

Ь. ѕавѧѕаи[1] ѹжа не ѿрѣшаи,[2]

а ѿрѣшена[3] не ѕавѧѕаи[4].

Сынъ, не поднимай твоихъ глазъ рѣть на красивую женщину, ꙇмяненную и насурмленную.

4. сн҃ѹ,[5] не вѕираи на красотѹ женьскѹю[6]

е желай ея въ твоемъ сердцѣ.

и[7] срⷣцемь[a] [8]не жьⷣаи[9] еѩ.

[1] В. оувѧзана. [2] В. ѿрѣшаи, Х разрѣшаи. [3] В. ѿрѣшена. [4] В. вѧжи. [2—4] Х. оп. [5] Х сн҃е. [6] Х. женскѹ. [7] В. а. [8] ВХ. срⷣцемъ. [9] В. вжелаи, Х. жадаи.

[a] Въ ркписи срⷣцемь.

если бы ты отдалъ ей все, что въ твоихъ рукахъ,
ты не найдешь никакого преимущества въ ней;
и ты будешь виновенъ въ грѣхѣ противъ Бога.

6. Мой сынъ, не совершай прелюбодѣянія съ женой твоего сосѣда; чтобы другіе не совершали прелюбодѣянія съ твоей женой.

7. Мой сынъ, не будь поспѣшенъ какъ миндальное дерево,
цвѣтъ котораго первый для появленія,
но котораго плодъ послѣдній для ѣды;
но будь ровнымъ и чувствительнымъ какъ тутовое дерево,
цвѣтъ котораго послѣдній для появленія,
а плодъ котораго первый для ѣды.

8a. Мой сынъ, опускай твои глаза,

или передашь ей что-нибудь,
твоей рукѣ,[1]
и[2] она тебя *завлечетъ въ

и Богъ будетъ раздраже
тебя.[4]

[Сад. № 79, заповѣдь 6-я:
гись, еще берегись прелюбод
въ странѣ чужой и въ другихъ

10. Мой сынъ! не будь похо
миндальное дерево,
потому что оно носитъ раньше
деревьевъ листья,
а съѣдобный плодъ послѣ всѣх

но будь похожъ на тутовое д

которое приноситъ съѣдобный
раньше всѣхъ деревьевъ,
и листья послѣ ихъ всѣхъ.

11a. Мой сынъ! *наклоняй
голову[6]

*—[1] Сад. Сал.: не давай ей
*тебѣ принадлежащаго (Сал. из
его добра). [2] Сад. оп., Сал.: а
*—[3] Сад.: покроетъ позоромъ.
доб.: и на то, что въ твоей р
Далѣе *Сад. доб.* „7. О мой сь
начало премудрости—страхъ
еще: поступай съ другимъ
какъ ты желаешь, чтобы друг
ступали съ тобой; еще: м
сынъ радуетъ отца своего,
вѣжда печалитъ мать свою; ес
вѣжда—врагъ самого себя, как
будетъ другомъ для другого?
мягкій отвѣтъ смиряетъ гнѣ
грубое слово возбуждаетъ ст
[5] Сал. оп. все предписаніе. *-
„Не гордись“.

если бы ты отдалъ ей всѣ твои
ства,
ıе получилъ бы ничего болѣе
ея;
ı осужденъ Богомъ и людьми.

она подобна гробницѣ, которая
ıасна съ внѣшней стороны, а
наполнена гнилью и костями
аго [1] [б].

Сынъ, не уподобляйся оливко-
дереву,
ое первое для цвѣтенія

ıлѣднее для созрѣванія его пло-

будь подобенъ тутовой ягодѣ,

ая послѣдняя для цвѣтенія

вая [по] созрѣванію ея плодовъ[2].

ꙗ҆́ще *и҆ все и҆мѣ́нї[1] даси е҆й,[2]

тоже[3] некоторыѧ҆ полꙁъ[4] ѡ҆брѧщеши
*ѿ неꙗ҆[5].
но па҆ *къ бѹ҆[6] въ+ [а][7] въпадеши.

5. ча҆, не бѹ҆ жестокъ, ꙗ҆коже[8]
кость чл҃чѧ[9].

но бѹ҆ *[В. доб.: ꙗко бобъ][10] макокъ.

6а. Сн҃ѹ,[11] ѿчи твоѝ бѹ҆та[12] долѹ
ꙁрѧщеı.[13] [б]

ꙁодл.: Ты никакимъ образомъ
ıтъ облагодѣтельствованъ ею бо-
ıѣмъ осужденъ Богомъ правед-
судовъ и людьми“; Кан.: „Ты
ıѣе, чѣмъ твой собственный
и стыдъ отъ людей и судъ отъ
, опуская остальное.
Канон. имѣетъ здѣсь изреченіе
вленное ниже № 45 и соотвѣт-
щее 8 сир..

[1] Печ. Бун. оп. это сравненіе.
еч. Бун. оп. все 3-е предпи-

[1] Х. имѣнїе. *—[2] В. ли вꙿжелаеши. [3] Х. же оп.. [3]—[4] ВХ. никоторыꙗ полꙁы. *—[5] ВХ. оп. *—[6] Х. оп. [7] В. вꙿ грѣхъ, Х. во грѣ҆. [8] В. же оп. [9] В. чл҃чьскаꙗ, Х. члка. *—[10] Х. оп. [11] Х. сне да бѹдѹ҆. [12] Х. оп., В. да боудета. [13] В. ꙁрѧщи, Х. ꙁрѧще.

[а] Но на полѣ нѣтъ ничего, такъ какъ край листа выкрошился.
[б] можно прочесть также: ꙁрѧщѧ.

и понижай свой голосъ, и смотри изъ-подъ твоихъ вѣкъ:

b. ибо если бы домъ могъ быть построенъ громкимъ голосомъ,
оселъ построилъ бы два дома въ одинъ день:

c. и если бы одной лишь силой направлялся плугъ,
его сошникъ никогда бы не отвязывали отъ плеча верблюда.

9. Мой сынъ, лучше двигать камни съ умнымъ,
нежели пить вино съ глупымъ.

10. Мой сынъ, лучше выливай твое вино на могилы справедливыхъ людей, чѣмъ пить его съ дурными людьми.

11a. Мой сынъ, съ мудрымъ мужемъ ты не будешь испорченъ,

b. и съ испорченнымъ ты не сдѣлаешься мудрымъ.

12a. Мой сынъ, водись съ мудрымъ мужемъ,
и ты сдѣлаешься мудрымъ, какъ онъ;

b. и не водись съ болтливымъ и говоруномъ,
чтобы не числиться съ нимъ.

и смягчай твой голосъ и будь вѣжливъ

b. и иди по *прямому пути[2] и не будь глупымъ[3].

c. И не поднимай твоего[4] голоса,[5] когда ты смѣешься;

потому что если бы было возможно громкимъ голосомъ построить домъ,

оселъ строилъ бы *каждый день[6] много домовъ;

e. *и если бы напоромъ силы былъ тащимъ плугъ,

то плугъ никогда не былъ бы сдвинутъ изъ-подъ плечъ верблюда.[7]

12. Мой сынъ! тасканіе камней съ мудрымъ[8] мужемъ лучше[9],
чѣмъ питье вина съ дурнымъ.

13. *Мой сынъ,[10] выливай твое вино на могилы[11] справедливыхъ[12]

и не пей [Сад. Сал. доб.: его] съ невѣжественными[13], презрѣнными людьми[14].

14a. Мой сынъ! держись мудрыхъ людей, *которые боятся Бога[15],
и будь похожъ на нихъ,

b. и не приближайся къ невѣждѣ,[16]

чтобы ты не сдѣлался похожимъ на него и не научился его поступкамъ.[17]

[1] Сал. доб.: всегда. *—[2] Сад. Сал.: по пути добра. [3] Сад.: сквернословящимъ. [2—3] Сал.: не оскверняй свои уста дурными словами. [4] Сал. оп. [5] Сал. доб.: ни въ разговорѣ, ни. *—[6] Сад. оп. *—[7] Сад. Сал. оп. все e. [8] Сал.: кроткимъ. [9] Сад. Сал. легче. *—[10] Сал. оп., сливая это изреченіе съ предыдущимъ. [11] Сад. сердца. [12] Сад. Сал. благочестивыхъ. [13] Сал. негодями. [13—14] Сад. дерзкими, Сал. оп. *—[15] Сал. „и богобоязненныхъ“. [16] Сад.: невѣждамъ. [16—17] Сад. тогда ты будешь подобно имъ невѣждой.

гла҃ твои ѡбни(ж. н.)[1 a].

ь. [91 об.] аще бо[2] великымъ гл҃мъ* храминѣ са создати[3],
ѡселъ бы рыканиемь своимь .в҃.
храмѣнѣ[4] въздвиглъ едннѣмь[5] днемь[6].

Сынъ, лучше съ мудрымъ чело-
ъ носить камни,
съ глупымъ пить вино.

7а. Сн҃у,[7] уне[8] есть[9] оумомъ[10]
каменъ[11] двигнути [В. валати],[12]
неже *съ безумьемь[13] вино пити.

Сынъ, съ мудрыми людьми не
глупъ,
а съ глупыми не будь мудръ[1].
Сынъ, будь товарищемъ мудраго
ѣка,
ты сдѣлался мудрымъ, какъ онъ;
но не становись товарищемъ
ысленнаго человѣка и глупца,
ты подобно имъ не былъ на-
глупцомъ.

ь. с разумнымъ безумьа[14] не твори.

с. и[15] *с безумныи [Х. безумному]
не ави оума своего.

еч., Бун. оп. все 5-е предпи-

---

[1] ВХ. ѡбниженъ. [2] Х. бо бы., В.: храмина създа. *—[3] В. оп.. [4] Х. храминѣ. [4—5] Х. воздвигну единыи. [3—6] В. оп. [7] Х. сн҃е. [8] В. оуно. [9] ВХ. доб. со. [10] В. оумныи. [11] Х. камень, В. камение. [12] Х. двигнути. *—[13] Х. з безумие. [12—13] В. нежели с безоум'нымъ. [14] В. безоумиа, Х. безумия. [15] В. а.

[a] конецъ слова выцвѣлъ и поэтому неясенъ.

b. и не спѣши отвѣтить
*[Сад. доб.: „раньше, чѣмъ не поймешь содержанія][1].

5. Мой сынъ! если ты услышалъ что-нибудь, не скрывай этого.

4. Мой сынъ, не развязывай запечатанный узелъ,
и не запечатывай развязанный.

6. Мой сынъ! не ослабляй запечатанный узелъ и не развязывай его, и не запечатывай развязанный узелъ[2].

7. Мой сынъ! *не желай наружной красоты,[3]
потому что она[4] блекнетъ и[5] проходитъ,
но *почетная память[6] остается на вѣки.

8a. Мой сынъ! пусть глупая[7] женщина не обманываетъ тебя * своей рѣчью[8],
b. чтобы ты не померъ самой жалкой смертью,
и чтобы она не запутала тебя въ сѣти[9],
пока ты не будешь совсѣмъ въ ловушкѣ.[10]

5. Мой сынъ, не поднимай своихъ глазъ и не смотри на женщину, которая наряжена и раскрашена;
и не желай ея въ своемъ сердцѣ;

9. *Мой сынъ![11] не желай женщины,
украшенной платьемъ и мазями,[12]
которая презрѣнна и глупа въ душѣ.[13]
[Сал. доб.: остерегайся слѣдовать за ней].
*Горе тебѣ, если ты подаришь ей что-нибудь, что твое,

---

*—[1] Сал. оп. [1]—[2] Сад. и Сал. оп. оба изреченія. [3] Сал.: блеску (не домогайся). *—[4] Сад.: наружный блескъ, Сал.: это скоро. [4]—[5] Сал. оп. *—[6] Сад.: добрая слава, Сал.: доброе имя. [7] Сад. Сал.: порочная. *—[8] Сад. оп., Сал.: ласками („ласкамъ“). [9] Сад. свою ловушку. [8]—[9] Сал. обѣ части въ обратномъ порядкѣ. [9]—[10] Сал. оп. *—[11] Сал. оп., и такимъ образомъ это изреченіе слито въ немъ съ предыдущимъ. [12] Сад. благоухающей ароматами (Сал. доб. „духовъ“). [12]—[13] Сад. Сал.: а самой преступной и грязной (Сал. подлой).

Ь. ꙁавѧꙁаи[1] оужа не ѿрѣшаи,[2]

а ѿрѣшена[3] не ꙁавѧꙁяи[4].

. Сынъ, не поднимай твоихъ глазъ грѣть на красивую женщину, умяненную и насурмленную.

4. сн҃у,[5] не вꙁираи на красоту женьскую[6]

[Н]е желай ея въ твоемъ сердцѣ.

и[7] срдцемь[a] [8]не жьдаи[9] еꙗ.

[1] В. оувѧзана. [2] В. ѿрѣшаи, Х разрѣшай. [3] В. ѿрѣшена. [4] В. вѧжи. [2—4] Х. оп. [5] Х сн҃е. [6] Х. женску. [7] В. а. [8] ВХ. срдцемъ. [9] В. вжелаи, Х. жадай.

[a] Въ ркписи єрдцемь.

если бы ты отдалъ ей все, что въ твоихъ рукахъ,
ты не найдешь никакого преимущества въ ней;
и ты будешь виновенъ въ грѣхѣ противъ Бога.

или передашь ей что-нибудь, что въ твоей рукѣ,[1]
и[2] она тебя *завлечетъ въ грѣхъ[3]
и Богъ будетъ раздраженъ на тебя.[4]

6. Мой сынъ, не совершай прелюбодѣянія съ женой твоего сосѣда; чтобы другіе не совершали прелюбодѣянія съ твоей женой.

[Сад. № 79, заповѣдь 6-я: берегись, еще берегись прелюбодѣянія въ странѣ чужой и въ другихъ [?][5].]

7. Мой сынъ, не будь поспѣшенъ какъ миндальное дерево,
цвѣтъ котораго первый для появленія,
но котораго плодъ послѣдній для ѣды;
но будь ровнымъ и чувствительнымъ какъ тутовое дерево,
цвѣтъ котораго послѣдній для появленія,
а плодъ котораго первый для ѣды.

10. Мой сынъ! не будь похожъ на миндальное дерево,
потому что оно носитъ раньше всѣхъ деревьевъ листья,
а съѣдобный плодъ послѣ всѣхъ ихъ;
но будь похожъ на тутовое дерево,
которое приноситъ съѣдобный плодъ раньше всѣхъ деревьевъ,
и листья послѣ ихъ всѣхъ.

8a. Мой сынъ, опускай твои глаза,

11a. Мой сынъ! *наклоняй твою голову[6]

*—[1] Сад. Сал.: не давай ей ничего *тебѣ принадлежащаго (Сал. изъ своего добра). [2] Сад. оп., Сал.: а не то. *—[3] Сад.: покроетъ позоромъ. [4] Сад. доб.: и на то, что въ твоей рукѣ.— Далѣе *Сад. доб.* „7. О мой сынокъ! начало премудрости—страхъ Божій; еще: поступай съ другимъ такъ, какъ ты желаешь, чтобы другіе поступали съ тобой; еще: мудрый сынъ радуетъ отца своего, а невѣжда печалитъ мать свою; еще: невѣжда—врагъ самого себя, какъ онъ будетъ другомъ для другого? еще: мягкій отвѣтъ смиряетъ гнѣвъ, а грубое слово возбуждаетъ страсть“. [5] Сал. оп. все предписаніе. *—[6] Сал. „Не гордись“.

Ибо, если бы ты отдалъ ей всѣ твои богатства,
ты[а] не получилъ бы ничего болѣе отъ нея;
но ты осужденъ Богомъ и людьми.

*Ибо она подобна гробницѣ, которая прекрасна съ внѣшней стороны, а внизу наполнена гнилью и костями мертваго[1 б].

3. Сынъ, не уподобляйся оливковому дереву,
которое первое для цвѣтенія
и послѣднее для созрѣванія его плодовъ.
Но будь подобенъ тутовой ягодѣ,
которая послѣдняя для цвѣтенія
и первая [по] созрѣванію ея плодовъ[2].

[а] Бодл.: Ты никакимъ образомъ не былъ облагодѣтельствованъ ею болѣе, чѣмъ осужденъ Богомъ праведныхъ судовъ и людьми“; Кан.: „Ты не болѣе, чѣмъ твой собственный грѣхъ и стыдъ отъ людей и судъ отъ Бога“, опуская остальное.

[б] Канон. имѣетъ здѣсь изреченіе поставленное ниже № 45 и соотвѣтствующее 8 сир..

*—[1] Печ. Бун. оп. это сравненіе.
[2] Печ. Бун. оп. все 3-е предписаніе.

аще *и все имѣнию[1] даси ей,[2]
тоже[3] некоторыя ползъ[4] обращеши *ѿ неѧ[5].
но паче *къ бѹ[6] вх+ [а7] въпадеши.

5. чадо, не бѹди жестокъ, якоже[8] кость чл҃вча[9].

но бѹди *[В. доб.: яко бобъ][10] макокъ.

6а. Сн҃ѹ,[11] ѻчи твои бѹта[12] долѹ зрящеи.[13 б]

---

[1] X. имѣніе. *—[2] В. ли въжелаеши. [3] X. же оп.. [3]—[4] ВX. никоторыя полъзы. *—[5] ВX. оп. *—[6] X. оп. [7] В. въ грѣхъ, X. во грѣхъ. [8] В. же оп. [9] В. чл҃чьская, X. чл҃ка. *—[10] X. оп. [11] X. сн҃е да бѹдѹт. [12] X. оп., В. да боудета. [13] В. зрящи, X. зрящe.

[а] Но на полѣ нѣтъ ничего, такъ какъ край листа выкрошился.

[б] можно прочесть также: зрящя.

и понижай свой голосъ, и смотри изъ-подъ твоихъ вѣкъ:

b. ибо если бы домъ могъ быть построенъ громкимъ голосомъ, оселъ построилъ бы два дома въ одинъ день:

c. и если бы одной лишь силой направлялся плугъ, его сошникъ никогда бы не отвязывали отъ плеча верблюда.

9. Мой сынъ, лучше двигать камни съ умнымъ, нежели пить вино съ глупымъ.

10. Мой сынъ, лучше выливай твое вино на могилы справедливыхъ людей, чѣмъ пить его съ дурными людьми.

11a. Мой сынъ, съ мудрымъ мужемъ ты не будешь испорченъ,

b. и съ испорченнымъ ты не сдѣлаешься мудрымъ.

12a. Мой сынъ, водись съ мудрымъ мужемъ, и ты сдѣлаешься мудрымъ, какъ онъ;

b. и не водись съ болтливымъ и говоруномъ, чтобы не числиться съ нимъ.

и смягчай твой голосъ и будь[1] вѣжливъ

b. и иди по *прямому пути[2] и не будь глупымъ[3].

c. И не поднимай твоего[4] голоса,[5] когда ты смѣешься;

потому что если бы было возможно громкимъ голосомъ построить домъ,

оселъ строилъ бы *каждый день[6] много домовъ;

e. *и если бы напоромъ силы былъ тащимъ плугъ,

то плугъ никогда не былъ бы сдвинутъ изъ-подъ плечъ верблюда.[7]

12. Мой сынъ! тасканіе камней съ мудрымъ[8] мужемъ лучше[9], чѣмъ питье вина съ дурнымъ.

13. *Мой сынъ,[10] выливай твое вино на могилы[11] справедливыхъ[12]

и не пей [Сад. Сал. доб.: его] съ невѣжественными[13], презрѣнными людьми[14].

14a. Мой сынъ! держись мудрыхъ людей, *которые боятся Бога[15], и будь похожъ на нихъ,

b. и не приближайся къ невѣждѣ,[16]

чтобы ты не сдѣлался похожимъ на него и не научился его поступкамъ.[17]

[1] Сал. доб.: всегда. *—[2] Сад. Сал.: по пути добра. [3] Сад.: сквернословящимъ. [2]—[3] Сал.: не оскверняй свои уста дурными словами. [4] Сал. оп.. [5] Сал. доб.: ни въ разговорѣ, ни. *—[6] Сад. оп. *—[7] Сад. Сал. оп. все e. [8] Сал.: кроткимъ. [9] Сад. Сал. легче. *—[10] Сал. оп., сливая это изреченіе съ предыдущимъ. [11] Сад. сердца. [12] Сад. Сал. благочестивыхъ. [13] Сал. негодяями. [13]—[14] Сад. дерзкими, Сал. оп. *—[15] Сал. „и богобоязненныхъ". [16] Сад.: невѣждамъ. [16]—[17] Сад. тогда ты будешь подобно имъ невѣждой.

10a. Сынъ, сынъ богатаго съѣлъ змѣю,
и говорятъ: „это для него лѣкарство“.
Сынъ бѣднаго человѣка съѣлъ ее,
и говорятъ, что онъ съѣлъ ее отъ голоду.

b. Ѣшь свою порцію *въ мирѣ[a],

и не бросай своего взгляда на порцію своего товарища;

c. и съ тѣмъ, который безъ страха, не ходи въ путь;

d. и съ безсмысленнымъ не ѣшь хлѣба.[1]

11. Сынъ, если ты видишь, что твой врагъ упалъ,
не дѣлай насмѣшки надъ нимъ,

потому что, если онъ поднимется опять, онъ воздастъ тебѣ зломъ[2б].

[a—a] имѣютъ только Вен. и Канон.; Бод. и 58 оп..

[б] Вен. доб.: „и тамъ—постоянная злая воля“.

[1] Печ. Бун. оп. все 10-е изреченіе.
[2] Печ. Бун. оп. все 11-е изреченіе.

10. Сн҃у[1], б҃ата мужа сн҃ъ *змию сн҃ѣ[2].
и ркоша[3] ему[4] людие: „чюлбы[5] дѣла сн҃ѣ *ю есть“[6].
а[7] рубога[8] мужа сн҃ъ змию[9] сн҃ѣ[10] есть[11].
и ркоша[12] ему[13] л҃ю҃е: „бладенъ[14] бѣ н[15] сн҃ѣ[16] есть[17] ю.“

11a. Сн҃оу[18], свое участье[19] дай [Сол. еда имѣеши],

а чюжего[20] не займай[21].

b. Иже[22] свѣта[23] не приемлеть[24] м҃у, то[25] с тѣмъ на п҃у[26] не ходи.

c. *и со ѡблестивы[27] на страпезѣ[28] не ꙗже[29].

12. ч҃а, аще вышеши[30] тебѣ ѡпадеть[31],
не велми сѧ ѡбрядуи. ни *въздай же гл҃а[32] пре други своими[33],
да не *ꙗвить ти[34] г҃ли твои.
егда како въставъ мужь въздасть ти[35].

13a. Сн҃оу,[36] егда мужь въвелицитсѧ[37], то не завиди[38] ему.

---

[1] Х. сн҃е, В. доб. анадā. *—[2] В. змѣю изѣеде. [2—3] В. рекли. [3] Х. рекоша. [4] Х. оп. [5] В. Х. цѣл' бы. *—[6] В. и. [7] В. оп. [8] В. Х. оубога. [9] В. змѣю. [10] Х. снѣ. [11] В. оп. [12] В. р'кли, Х. рекутъ, [13] Х. о не. [14] В. Х. гладенъ. [15] В. оп. [16] Х. снѣсть. [17] В. Х. оп. [18] Х. сн҃е. В. доб. анадане. [19] В. вчастье, Х. участіе. [20] В. Х. чюжаго. [21] Х. засмли. [22] В. аже. [23] Х. совѣта. [24] В. приметь. [25] Х. той. [25—26] В. в' поуть с нимъ. [27] Х. облестливы. [28] Х. трапезѣ. [29] Х. ꙗждь. *—[29] В. оп. [30] Х. кто выш'ше. [31] Х. паде. *—[32] Х. воздаждь г'ласа. [33] Х. твоими. *—[34] Х. ꙗвятся. [29—35] В. оп. все 12-е предписаніе. [36] Х. сн҃е, В. доб. анаданъ. [37] В. Х. възвеличитсѧ (Х. во..). [38] В. завидай.

13. Мой сынъ, пока у тебя башмаки на ногахъ,
топчи терны и дѣлай дорогу для твоихъ сыновей
и для сыновей твоихъ сыновей.

15a. *Мой сынъ![1] когда ты найдешь себѣ товарища или друга, то[2] испытай его[3] и послѣ сдѣлай его товарищемъ и другомъ[4] и не хвали его безъ испытанія
b. и[5] не трать[6] твоей рѣчи съ человѣкомъ, *у котораго нѣтъ мудрости[7].
16a. Мой сынъ! Пока *на твоей ногѣ башмакъ[8],
ходи имъ[9] по терну и дѣлай путь для *твоего сына
и для твоихъ домашнихъ и для твоихъ дѣтей[10];
b. и дѣлай[11] твой корабль высокимъ[12] прежде,
чѣмъ *онъ[13] выйдетъ въ море[14] и въ его волны, и утонетъ[15] и не можетъ[16] быть спасеннымъ.

---

*—[1] Сад. оп.. [1]—[2] Сал. оп. [3] Сал.: друга. [3]—[4] Сал.: прежде чѣмъ сойтись съ нимъ. [5] Сад.: „О мой сынокъ!“ [6] Сад.: „порти“. *—[7] Сад.: мудрымъ. *—[8] Сал.: у тебя сапоги на ногахъ. [9] Сад. оп., Сал.: хоть. *—[10] Сад. Сал.: сыновей своихъ [Сал. доб.: и внуковъ]. [10]—[11] Сад.: О мой сынокъ! правь, Сал.: Справь. [12] Сад. Сал. оп. [13] Сад.: ты. *—[14] Сал.: подымется буря. [14]—[15] Сад.: дабы тебѣ не утонуть въ его опасныхъ волнахъ, Сал.: „а не то утонешь. [16] Сад. (Сал.): (ты) не можешь.

b. а҆́ще ꙁлоба[1] прндеть[2], то не порадѹ́иса[3].

14a. Сн҃оу[4], не прикасаи́са[a] женѣ безѹ́мнѣ[5] и҆[6] аꙁы́нѣ[6] и҆[6] величавѣ.

b. и҆[6] женьстѣи҆ красотѣ не вѣда́и҆[7],

тоа҆ бо красота

сла́бость аꙁычна́а[8],

15. сн҃оу[9], а҆́ще дрѹгъ твои҆[10] вꙁненавидить та, [11]начнеть клати[12] и҆ камение метати[13],

а҆ ты и҆[14] хлѣбомь срацш́и.

и҆[15] ѡ҆́ба[16] прии́метя[17] ѿвѣтъ в днь сѹдныи҆.

12. Сынъ, беззаконный человѣкъ ...лъ[1] вслѣдствіе своихъ худыхъ дѣлъ[2],

16. Сн҃оу[18], безѹ́мѣ[19] мж падеть,

...о[3] праведный человѣкъ поднятъ[4] ...ими хорошими дѣлами.

а превѣдничь[20] востанеть.

Печ. 92: падаетъ.

Печ. доб.: „и не можетъ больше ...стать".

Печ. доб. если падаетъ.

Печ.: онъ снова возстаетъ.

---

[1] В. оп., Х. во зло. [2] В. Х. прїидеть. [3] В. раѹ́иса, Х. порадѹся. [4] Х. сн҃е, В. доб. а҆над҃а. [5] В. ꙁлѣ, безѹм'нѣи҆, Х. безѹмнѣ, [6] В. оп. [7] В. жадаи҆, Х. внимаи҆. [7—8] В. оп. [9] Х. сн҃е, В. доб. а҆наданъ. [10] В. доб. ч'то ли и҆меть клана (*такъ*) или. [11] Х. доб. и. [11—12] В. оп. [12—13] В. и҆ камень мечеть на та. [14] В. Х. оп. [15] В. оп. [16] В. Х. ѿба. [17] ВХ. прїи҆мета. [18] Х. сн҃е, В. доб.: а҆наданъ. [19] В. безоумʼны. [20] В. праведʼныи҆, Х. првникъ.

[a] П изъ т. [б] ч похоже на л.

22. Мой сынъ! Если *къ тебѣ приближается[1] тотъ, кто ниже тебя то *иди встрѣтить его, и стой,[2]
и если онъ не можетъ тебя вознаградить,
его[3] Господь вознаградитъ тебя[3] за него.

22a. Мой сынъ, не удерживай твоего сына отъ ударовъ,
b. потому что сѣченіе мальчика то же,
что удобреніе для сада и что веревка для осла [глосса: или другого какого-нб. животнаго]
и что путы на ногѣ осла.

23a. Мой сынъ! не *скупись[4] бить[5] твоего сына,
b. *потому что **палочные удары твоего[6] сына похожи[7]
на удобреніе сада и *на завязываніе отверстія[8] кошелька,

*и похожи на спутываніе животныхъ,[9] и похожи на запираніе засовомъ[10] двери.

*—[1] Сад.: ты принимаешь, Сал.: ты имѣешь дѣло. *—[2] Сад.: „прими его стоя,“ Сал.: „обращайся съ нимъ, какъ съ равнымъ“. [3] Сал. оп.. [4] Сад.: переставай. *—[5] Сал.: жалѣй палки для. **—[6] Сал.: палка для. *—[7] Сад.: и проучи его (?) подобенъ. *—[8] Сад. Сал.: печать для (на). *—[9] Сад. Сал.: узду для скотины. [9]—[10] Сад.: и замокъ для“, Сал.: „или запоръ для.“

13. Сынъ, не приближайся къ безсмысленной и сплетничающей женщинѣ,
чтобы ты не былъ презираемъ ею;
и ты сталъ посмѣшищемъ людей, и она грабитъ тебя.[1]

[Бун. 39. Не презирай плохого родственника,
а радостно принимай его,

чтобы видящіе это полюбили тебя.]

14a. Сынъ, не щади прута для твоего сына;
b. потому что прутъ для дѣтей

какъ навозъ въ саду, и какъ узелъ и печать, скрѣпляющіе пакетъ,

и какъ путы на ногѣ осла,

такъ прутъ полезенъ для ребенка.
c. Ибо если ты ударишь его прутомъ разъ или два *ловко и спокойно[a],
онъ не умретъ.
d. Но если ты предоставишь его его собственной волѣ,
онъ сдѣлается воромъ; и его возьмутъ на висѣлицу и на смерть,
и онъ сдѣлается для тебя упрекомъ и сокрушеніемъ сердца[2].

*—a Бод.: онъ успокоился, но.
[1]Печ. Бун. оп. все 13-е предписаніе.
[2]Печ. Бун. оп. все 14-е предписаніе.

17a. Сн҃оу[1], а҆ще[2] ѿо[3] віенїа[4] сн҃а своѐго[a] не воздержаисѧ[5].
b. ѡ҆же[6] во рана сн҃оби[7], тако [В. Х. то]
ꙗ҆ко година [В. Х. вода на] виногра҆[8]
[92] вьзливаѐть[9].

и҆ *ѧ҆ко [ко]не и҆мѣть[6]. и҆[10] по ногꙋ привѧзанъ[11] бꙋдеть[12]:

c. сн҃ъ во ти[13] ѿ ра҃ны[14] не оумреть.
d. а҆ще ли ѐго неврага[15] бꙋдеши,

*нꙋю кꙋю[16 в] любо винꙋ привед҃е[17] на тѧ.

[1] В. доб. а҆надань, Х. сн҃е. [2] В. Х. оп. [3] В. ѿ, Х. ѿ. [4] В. вьѐнїа. [5] В. оу҆дер'жнсѧ, Х. во҆держнся. [6] Х. аще. [7] В. с виною҆ (*такъ*). [8] Х. виноградѣ. [9] В. Х. вязливаѐт'сѧ. [9—10] В. ꙗко не с ыныим (*такъ*). [11] В. свѧзань. [9—12] Х. оп. [13] Х. оп. [13—14] В. Х. ѿ раны. [15] В. неврега, Х. небрежа. *—[16] В. кою҆, Х. кую. [17] В. приведꙋть з.

послѣ с скорѣе в, чѣмъ в. [6] Повидимому, это лигатура словъ: ꙗко коней и҆мѣть. в кꙋю приписано на полѣ потомъ.

22. Мой сынъ! Если *къ тебѣ приближается[1] тотъ, кто ниже тебя то *иди встрѣтить его, и стой,[2]
и если онъ не можетъ тебя вознаградить,
его[3] Господь вознаградитъ тебя[3] за него.

22a. Мой сынъ, не удерживай твоего сына отъ ударовъ,
b. потому что сѣченіе мальчика то же,
что удобреніе для сада и что веревка для осла [глосса: или другого какого-нб. животнаго]
и что путы на ногѣ осла.

23a. Мой сынъ! не *скупись[4] бить[5] твоего сына,
b. *потому что **палочные удары твоего[6] сына похожи[7]
на удобреніе сада и *на завязываніе отверстія[8] кошелька,

*и похожи на спутываніе животныхъ,[9] и похожи на запираніе засовомъ[10] двери.

*—[1] Сад.: ты принимаешь, Сал.: ты имѣешь дѣло. *—[2] Сад.: „прими его стоя,“ Сал.: „обращайся съ нимъ, какъ съ равнымъ“. [3] Сал. оп.. [4] Сад.: переставай. *—[5] Сал.: жалѣй палки для. **—[6] Сал.: палка для. *—[7] Сад.: и проучи его (?) подобенъ. *—[8] Сад. Сал.: печать для (на). *—[9] Сад. Сал.: узду для скотины. [9]—[10] Сад.: и замокъ для“, Сал.: „или запоръ для.“

13. Сынъ, не приближайся къ безсмысленной и сплетничающей женщинѣ,
чтобы ты не былъ презираемъ ею;
и ты сталъ посмѣшищемъ людей, и
она грабитъ тебя.[1]

[Бун. 39. Не презирай плохого родственника,
а радостно принимай его,

чтобы видящіе это полюбили тебя.]

14a. Сынъ, не щади прута для твоего сына;
b. потому что прутъ для дѣтей

какъ навозъ въ саду, и какъ узелъ и печать, скрѣпляющіе пакетъ,

и какъ путы на ногѣ осла,

такъ прутъ полезенъ для ребенка.
c. Ибо если ты ударишь его прутомъ разъ или два *ловко и спокойно[a], онъ не умретъ.
d. Но если ты предоставишь его его собственной волѣ,
онъ сдѣлается воромъ; и его возьмутъ на висѣлицу и на смерть,
и онъ сдѣлается для тебя упрекомъ и сокрушеніемъ сердца[2].

---

*—a Бод.: онъ успокоился, но.

[1]Печ. Бун. оп. все 13-е предписаніе.

[2]Печ. Бун. оп. все 14-е предписаніе.

17a. С҃нꙋ[1], а҆ще[2] ѿо[3] біенїа[4] с҃на своего[a] не воздержайся[5].
b. ѡ҆же[6] бо рана с҃нови[7], тако [В. Х. то]
ꙗ҆ко година [В. Х. вода на] виногра҄[8] [92] возливаетъ[9].

и҆ *ѧ҆ко [ко]не и҆метъ[6]. и҆[10] по ногꙋ привѧзанъ[11] бꙋдетъ[12]:

c. с҃нъ бо ти[13] ѿ раны[14] не ѹмретъ.
d. а҆ще ли его неврага[15] бꙋдеши,

*нꙋю кꙋю[16] в любо винꙋ привед҄е[17] на тѧ.

---

[1] В. доб. а҆наданъ, Х. с҃нє. [2] В. Х. оп. [3] В. ѿ, Х. ѿ. [4] В. вьенїа. [5] В. ѹ҆дер҆жнсѧ, Х. воздержнся. [6] Х. аще. [7] В. с виною (*такъ*). [8] Х. винограде. [9] В. Х. вѫзливает҆сѧ. [9—10] В. ꙗко не с ынымъ (*такъ*). [11] В. свѧзанъ. [9—12] Х. оп. [13] Х. оп. [13—14] В. Х. ѿ раны. [15] В. неврега, Х. небрежа. *—[16] В. кою, Х. кую. [17] В. приведꙋть з.

послѣ є скорѣе в, чѣмъ в. [6] Повидимому, это лигатура словъ: ꙗ҆ко коней и҆метъ. в кꙋю приписано на полѣ потомъ.

22. Мой сынъ! Если *къ тебѣ приближается[1] тотъ, кто ниже тебя
то *иди встрѣтить его, и стой,[2]
и если онъ не можетъ тебя вознаградить,
его[3] Господь вознаградитъ тебя[3] за него.

22a. Мой сынъ, не удерживай твоего сына отъ ударовъ,

b. потому что сѣченіе мальчика то же,
что удобреніе для сада и что веревка для осла [глосса: или другого какого-нб. животнаго]
и что путы на ногѣ осла.

23a. Мой сынъ! не *скупись[4] бить[5] твоего сына,

b. *потому что **палочные удары твоего[6] сына похожи[7]
на удобреніе сада и *на завязываніе отверстія[8] кошелька,

*и похожи на спутываніе животныхъ,[9] и похожи на запираніе засовомъ[10] двери.

---

*—[1] Сад.: ты принимаешь, Сал.: ты имѣешь дѣло. *—[2] Сад.: „прими его стоя," Сал.: „обращайся съ нимъ, какъ съ равнымъ". [3] Сал. оп.. [4] Сад.: переставай. *—[5] Сал.: жалѣй палки для. **—[6] Сал.: палка для. *—[7] Сад.: и проучи его (?) подобенъ. *—[8] Сад. Сал.: печать для (на). *—[9] Сад. Сал.: узду для скотины. [9]—[10] Сад.: и замокъ для", Сал.: „или запоръ для."

13. Сынъ, не приближайся къ безсмысленной и сплетничающей женщинѣ,
чтобы ты не былъ презираемъ ею;
и ты сталъ посмѣшищемъ людей, и она грабитъ тебя.[1]

[Бун. 39. Не презирай плохого родственника,
а радостно принимай его,
чтобы видящіе это полюбили тебя.]

14a. Сынъ, не щади прута для твоего сына;
b. потому что прутъ для дѣтей
какъ навозъ въ саду, и какъ узелъ и печать, скрѣпляющіе пакетъ,
и какъ путы на ногѣ осла,
такъ прутъ полезенъ для ребенка.
c. Ибо если ты ударишь его прутомъ разъ или два *ловко и спокойно[a],
онъ не умретъ.
d. Но если ты предоставишь его его собственной волѣ,
онъ сдѣлается воромъ; и его возьмутъ на висѣлицу и на смерть,
и онъ сдѣлается для тебя упрекомъ и сокрушеніемъ сердца[2].

*—[a] Бод.: онъ успокоился, но.

[1] Печ. Бун. оп. все 13-е предписаніе.

[2] Печ. Бун. оп. все 14-е предписаніе.

17a. Сн҃оу[1], аще[2] ѿо[3] біенїа[4] сн҃а своего[a] не воздержайся[5].
b. ѿже[6] бо рана сн҃оби[7], тако [В. Х. то]
ꙗко година [В. Х. вода на] виногра[д][8] [92] вызливаеть[9].
и *ако [ко]не иметь[б]. и[10] по ногꙋ привязаня[11] бꙋдеть[12]:
c. сн҃ъ бо ти[13] ѿ раны[14] не оумреть.
d. аще ли его небрага[15] бꙋдеши,
*нꙋю кꙋю[16] [в] любо винꙋ приведе[т][17] на тѧ.

[1] В. доб. анаданя, Х. сн҃е. [2] В. Х. оп. [3] В. ѿ, Х. ѿ. [4] В. біенїа. [5] В. оудер'жися, Х. водержися. [6] Х. аще. [7] В. с виною (*такъ*). [8] Х. винограде. [9] В. Х. вызливает'ся. [9—10] В. ꙗко не с иными (*такъ*). [11] В. связаня. [9—12] Х. оп. [13] Х. оп. [13—14] В. Х. ѿ раны. [15] В. небрега, Х. небрежа. *—[16] В. кою, Х. кую. [17] В. приведꙋть з.

послѣ с скорѣе в, чѣмъ в. [б] Повидимому, это лигатура словъ: ꙗко коней иметь. в кꙋю приписано на полѣ потомъ.

23. Мой сынъ, укрощай своего сына, пока онъ еще мальчикъ, прежде чѣмъ онъ выростетъ сильнѣе тебя и станетъ возмущаться противъ тебя, и прежде чѣмъ тебѣ будетъ стыдно его испорченнаго поведенія.

24. *Мой сынъ[1], удержи твоего сына отъ испорченности,[2] и учи его хорошему поведенію[3] прежде, чѣмъ онъ [Сад. д.: выростетъ и][4] возстанетъ противъ тебя[5] *и введетъ тебя въ презрѣніе у людей и ты повѣсишь твою голову[6] на улицахъ[7] и въ собраніяхъ и *ты будешь наказанъ[8] за *зло его[9] безнравственныхъ дѣлъ.

24a. Мой сынъ, пріобрѣтай себѣ быка, который [жиренъ и] лежитъ на землѣ, и осла, у котораго хорошія копыта.

b. но не пріобрѣтай себѣ раба, который—бѣглецъ, ни служанки, которая—воровка; чтобы они не уничтожили всего, что ты пріобрѣлъ.

25a. Мой сынъ! Пріобрѣтай себѣ жирнаго быка съ крайней плотью и осла, большого съ его копытами, и не пріобрѣтай быка съ большими рогами и не дѣлай дружбы съ мошенникомъ,

b. не бери строптиваго раба, ни вороватую горничную, потому что все, что ты имъ передашь, они разорятъ[10].

*—[1] Сал. оп. [2] Сад.: золъ, Сал.: пороковъ. [2—3] Сад.: и воспитывай его. [2—4] Сал.: воспитаніе его веди до совершеннолѣтія. [4—5] Сад. Сал. (Сал. доб.: въ противномъ случаѣ онъ) выйдетъ изъ твоего повиновенія. *—[6] Сад.: „тогда ты свою голову согнешь передъ друзьями своими, а между людьми тебѣ не (?) будетъ стыдно“; Сал.: „будетъ оскорблять тебя и позорить“. [7] Сал.: улицѣ. *—[8] Сал.: тебя же будутъ упрекать. *—[9] Сад.: твои, Сал.: его. [10] Сад. Сал. оп. это изреченіе. Далѣе Сал. опускаетъ подъ рядъ еще 28 изреченій (№№ 26—53); поэтому къ нимъ варьянты подводятся только изъ одного Сад..

юн. доб.: Сынъ,

.й твое дитя послушнымъ, пока
ало и гибко,
оно не пришло въ открытый
ъ съ тобой;
ы ты не былъ погубленъ его
),
ы ты не пріобрѣлъ проклятій
ь

причинѣ его непослушанія.[1]

Сынъ, пріобрѣтай для себя

аго осла и крѣпкокопытую ло-
и вола съ короткой шеей.

И не желай сбѣжавшаго раба,
ѣзваго языкомъ,
вдорнаго вора.]

---

[1] еч. Бун. оп. это предписаніе.

18. ча҃, сн҃а своѥго ѿ[1] дѣтьска[2] оукроти.

ѧще ли ѥго не[3] оукротиши, то[4] преже дн҃и[5] своихъ [Х. твои] старѣѥть тѧ[6].

19. сн҃у[7], не[a] купи раба бн҃чава[8][б]

ни рабы[9] тативы.[10]
а[11] ти[12] имѣнія[13] не расточить.[14]

---

[1] В. Х. ѿ. [2] В. дѣтиньст'ва. [2—3] В. оп.. [4] В. ѥго.. [5] ВХ. днїи. [6] В. старѣѥт'сѧ, Х. состарѣетъся. [7] Х сн҃е, В. сн҃у ѧнадѧ. [8] В. беличѧва, Х. беличава. [9] Х. рабыни. [10] В. татливы. [11] ВХ. да. [12] В. тѣ. [13] В. имѣньѧ. [14] ВХ. расточать.

[a] послѣ не въ ркпси стоитъ не то ѥ, не то запятая. [б] буква послѣ ч похожа на я.

25. Мой сынъ, слова лжеца похожи на жирныхъ воробьевъ,
и тотъ, кто лишенъ ума, ѣстъ ихъ.

26. Мой сынъ, не навлекай на себя проклятій твоего отца и твоей матери
изъ опасенія, что ты не будешь радоваться въ благословеніяхъ своихъ дѣтей.

26a. Мой сынъ! *пусть твои р
тели не проклинаютъ тебя

Сынъ, пріучай твоего сына
оду и жаждѣ,
въ смиреніи онъ могъ прово-
вою жизнь.
Сынъ,
нимай никого, кто будетъ от-
тебѣ (словомъ) врага,
что повторятъ твое слово.[1]

. Сынъ, сначала ты любишь до
я фальшиваго человѣка,[a]
концѣ онъ дѣлается ненави-
ъ для тебя.
Ибо лживое слово подобно жир-
перепелу:
ъ, который безуменъ, его про-
ваетъ. [6 1]
. Сынъ, люби отца, который по-
ъ тебя,
не заслуживай проклятій тво-
ца и матери;
онцѣ ты можешь радоваться въ
денствіи твоихъ собственныхъ
зей[2].

ен.: „Сначала (кто-нб.) любитъ
иваго человѣка".
Париж. 58 оп. это изреченіе.

еч. Бун. оп. 16-е и 17-е из-
ія. *—[2] Печ.: „чтобы, когда
стутъ твои дѣти, найти у нихъ
(уваженіе)."

20. чадо[1], аще кто [Сол. доб. прише] навадить на друга твоего,
не послушай его.* и твою бо вину
ко иному понесе.[2]

21. чадо[3], аще *тя кто[4] срѣтъ, *възмолвить к тобѣ.[5]
со[6] въздержаниемь отвѣщяй ему,
*зане напрасно[7] человѣкъ *въ вокорзѣ[8]
изронить слово и послѣ[9] кается.[10]

22a. чадо, лживѣ[11] человѣкъ испервa възлюбленъ будетъ,
* и наконѣчь[12] въ смѣсѣ[13] будеть[14]
и въ оукоризнѣ[15] бываеть.[16]

b. лжева[17] человѣка рѣчь, яко птича[18]
шептаниа[19] суть,
и[20] безумнии[21] послушають его.[22]

23. чадо, отца своего почти,[23] яко
ве стязяние[24] оставляеть[25] тобѣ.[26]

24. Сыноу[27], отца [X. очи] и мре
[BX. матерни] клятвы не приимай,

егда[28] и[29] чадъ своихъ[30] не приимеши
радости.[31]

---

[1] В. чадо, X. чадо. *—[2] В. оп. и далѣе доб. цѣлое изреченіе: „сыну, аще кто оударить тя по шеи, поклонися ему до земли". [3] X. сыне. *—[4] X. кто тя. *—[5] В. из'мол'вить к' тобѣ, X. и речет тебѣ. [6] X. с. *—[7] В. за иже несмышленъ. *—[8] BX. в'корзѣ. [9] В. потом, X. послѣди. [10] X. покается. [11] BX. л'живъ. *—[12] В. а наконецъ, X. и наконецъ. [13] BX. смѣсѣ. [14] В. оп., X. будет. [15] В. кориз'нѣ. [16] BX оп.. [17] BX. л'жива. [18] X. птичья. [19] В. шептанья. [20] В. оп. [21] В. безум'нѣи. 21—[22] В. слушають. [23] В. X. поч'ти. [24] BX. стяжаніе, В. доб. свое. [25] X. оставит. [26] BX. тебе. [27] X. сыне. [28] X. еда. [29] В. от, X. доб. от свои. [30] X. оп., 30—[31] В. радости не пріимеши.

25. Мой сынъ, слова лжеца похожи на жирныхъ воробьевъ,
и тотъ, кто лишенъ ума, ѣстъ ихъ.

26. Мой сынъ, не навлекай на себя проклятій твоего отца и твоей матери
изъ опасенія, что ты не будешь радоваться въ благословеніяхъ своихъ дѣтей.

26a. Мой сынъ! *пусть твои ро-
тели не проклинаютъ тебя

Сынъ, пріучай твоего сына
оду и жаждѣ,
въ смиреніи онъ могъ прово-
вою жизнь.
Сынъ,
нимай никого, кто будетъ от-
тебѣ (словомъ) врага,
что повторятъ твое слово.[1]

Сынъ, сначала ты любишь до
я фальшиваго человѣка,[a]
концѣ онъ дѣлается ненави-
ъ для тебя.
Ибо лживое слово подобно жир-
перепелу:
ъ, который безуменъ, его про-
ваетъ. [б 1]
. Сынъ, люби отца, который по-
ъ тебя,
не заслуживай проклятій тво-
ца и матери;
онцѣ ты можешь радоваться въ
денствіи твоихъ собственныхъ
ей[2].

н.: „Сначала (кто-нб.) любитъ
иваго человѣка".
Париж. 58 оп. это изреченіе.

еч. Бун. оп. 16-е и 17-е из-
ія. *—[2] Печ.: „чтобы, когда
ступятъ твои дѣти, найти у нихъ
(уваженіе)."

20. чадо[1], аще кто [Сол. доб. прише] навадить на друга твоего,
не послушай его.* и твою бо вину
ко иному понесе.[2]

21. чадо[3], аще *тя кто[4] сретъ, *възмолвитъ к тобѣ.[5]
со[6] въздержаниемъ отвѣщай ему,
*зане напрасно[7] чловѣкъ *въ воборзѣ[8]
изронитъ слово и послѣ[9] каетъся.[10]

22а. чадо, лживѣ[11] чловѣкъ исперва възлюбленъ будетъ,
* и наконѣчь[12] въ смѣсѣ[13] будь[14]
и въ оукоризнѣ[15] бываетъ.[16]

b. лжева[17] чловѣка рѣчь, яко птича[18]
шептаниа[19] суть,
и[20] безумнии[21] послушаютъ его.[22]

23. чадо, отца своего почти,[23] яко
бе стяжание[24] оставляетъ[25] тобѣ.[26]

24. Сыноу[27], отца [Х. отчи] и мре
[ВХ. матерни] клятвы не приимай,

егда[28] и[29] чадъ своихъ[30] не приимеши
радости.[31]

---

[1] В. чадо, Х. чадо. *—[2] В. оп. и далѣе доб. цѣлое изреченіе: „сыну, аще к'то оударитъ тя по шеи, поклонися ему до зем'лѣ". [3] Х. сыне. *—[4] Х. кто тя. *—[5] В. из'мол'вить к' тобѣ, Х. и речетъ тебѣ. [6] Х. с. *—[7] В. за иже несмышленъ. *—[8] ВХ. в'борзѣ. [9] В. потомъ, Х. послѣди. [10] Х. покается. [11] ВХ. л'живъ. *—[12] В. а наконець, Х. и наконецъ. [13] ВХ. смѣсѣ. [14] В. оп., Х. будетъ. [15] В. коризнѣ. [16] ВХ оп.. [17] ВХ. л'жива. [18] Х. птичья. [19] В. шептанья. [20] В. оп. [21] В. безум'нѣи. [21—22] В. слушаютъ. [23] В. Х. поч'ти. [24] ВХ. стяжаніе, В. доб. свое. [25] Х. оставитъ. [26] ВХ. тебе. [27] Х. сыне. [28] Х. еда. [29] В. отъ, Х. доб. отъ своихъ. [30] Х. оп.. [30—31] В. радости не пріимеши.

c. и у кого нѣтъ ни братьевъ, ни жены, ни дѣтей,

презирается и пренебрегается врагами своими;

d. и онъ похожъ на дерево у тропинки съ боку дороги,
съ котораго каждый проходящій срываетъ [плоды]
и каждый лѣсной звѣрь срываетъ его листву.

29a. Мой сынъ, не говори: „мой господинъ дуракъ, а я мудръ“,

b. но завладѣй имъ въ его ошибкахъ и ты получишь милость.

30. Мой сынъ, не считай себя мудрымъ,
если другіе не считаютъ тебя мудрымъ.

31a. Мой сынъ, не лги въ рѣчи передъ господиномъ,
чтобы ты не былъ изобличенъ,

b. потому что человѣкъ, у котораго нѣтъ ни жены ни дѣтей

и котораго презираютъ и ненавидятъ на свѣтѣ,
похожъ на безлистное и безплодное дерево.[1]

29. Мой сынъ! будь похожъ на полное плодовъ дерево[2] у дороги,
*коего плодъ ѣстся всѣми, кто проходитъ,
и животныя пустыни покоятся подъ его тѣнью и ѣдятъ его листья.[3]

30. Мой сынъ! каждая овца, которая удаляется[4] отъ своего пути и своихъ товарищей, дѣлается добычей волка.[5]

31a. Мой сынъ! не говори: „мой господинъ дуракъ, а я мудръ“,

b. и не разсказывай рѣчи невѣжества и глупости,
чтобы ты не былъ *презираемъ имъ.

9—[1] Сад. оп. [2] Сад. доб.: выросшее. *—[3] Сад.: всякій, кто проходитъ мимо, ѣстъ съ него плоды, и дикій звѣрь скрывается въ его тѣни. [4] Сад.: „отбилась“. [5] въ Сад. это изреченіе стоитъ ниже, послѣ № 34 Карш..

21a. Сынъ, тотъ, который не имѣетъ жены или сына или брата или родственника или друга,
на долгіе годы находится въ презрѣніи,

b. и онъ подобенъ дереву, которое стоитъ на перекресткѣ,
и всякій, кто проходитъ мимо него, срываетъ его листья
и обламываетъ его вѣтки.[1]

22a. Сынъ, не говори такъ: „мой господинъ глупъ, а я мудръ“,

b. но терпи съ нимъ его глупость;

c. и ты будешь держать себя съ мудрымъ человѣкомъ,

d. пока кто-нб. другой не похвалитъ тебя.[a]

23a. Сынъ, не говори никому зла;

b. не будь злоязыченъ въ присутствіи твоего господина,
чтобы ты не былъ презираемъ имъ.

---

[a] **Париж.** 58 оп. это изреченіе.

[1] Печ. Бун. оп. это изреченіе.

---

c. иже[1] роднмь[2] скуденъ есть и *дѣтми и близокъ,[3]

то пре врагы[4] своими хуленъ[5] есть

d. и[6] подобенъ есть древу, стоящю[7] при пути.
и[8] всю[9] мимоходящеи[10] сѣкуть е.[11]

28a. сыну,[12] не рци: „яко мои[13] ѡсподи[14] [92 об.] безуменъ есть,[15] азъ[16] оумене[17] есть[18].“

b. наказание ѡсподина[19] своего приими, и[20] помилованъ будеши,

c. и[21] своеи мудрості не надѣися.

d. елико можеши терпѣти,[22] терпѣ,[23]

e. а зла[24] не гли.

29. сну,[12] немногорѣчивъ[25] буди,

ибо[26] пре гнмъ[27] своимх[28] согрѣшіші[29].

30. чадо, аще та на посолъ[30] послуть,[31] не оумотчи[32] чресъ[33] годіну,

---

[1] В. а иже. [2] ВХ. родомъ, Х. доб. свои. [3] Х. блізоки. *—[3] В. дѣтемь близнь. [4] В. браты, Х. гн. [5] В. ли. [6] В. оп. [7] В. стоящему. [8] В. яко. [9] ВХ. вси. [10] В. мимоходать и, Х. мимоходящіи. [11] В его, Х. и. [12] Х. сне, В. доб.: ѧнадо. [13] В. оп. [14] ВХ. гнъ. [15] ВХ. доб. а. [16] В. язъ. [17] ВХ. оуменъ. [18] Х. емь. [19] ВХ. гна. [20] В. оп.. [21] В. ѿ. [22] Х. перпѣти. [23] ВХ. терпи. [24] Х. злѣ. [25] В. немногорѣчливъ, Х. немногорѣчи. [26] В. а, Х. да. [27] Х. гдте. [28] ВХ. доб. не. [29] В. съгрѣшиши, Х. погрѣшиши. [30] Х. посолство. [31] ВХ. пошлють. [32] В. медли, Х. замотчи или замочи. [33] В. чересъ, Х. чре.

c. и у кого нѣтъ ни братьевъ, ни жены, ни дѣтей,

презирается и пренебрегается врагами своими;

d. и онъ похожъ на дерево у тропинки съ боку дороги,
съ котораго каждый проходящій срываетъ [плоды]
и каждый лѣсной звѣрь срываетъ его листву.

29a. Мой сынъ, не говори: „мой господинъ дуракъ, а я мудръ“,

b. но завладѣй имъ въ его ошибкахъ и ты получишь милость.

30. Мой сынъ, не считай себя мудрымъ,
если другіе не считаютъ тебя мудрымъ.

31a. Мой сынъ, не лги въ рѣчи передъ господиномъ,
чтобы ты не былъ изобличенъ,

b. потому что человѣкъ, у котораго нѣтъ ни жены ни дѣтей

и котораго презираютъ и ненавидятъ на свѣтѣ,
похожъ на безлистное и безплодное дерево.[1]

29. Мой сынъ! будь похожъ на полное плодовъ дерево[2] у дороги,
*коего плодъ ѣстся всѣми, кто проходитъ,
и животныя пустыни покоятся подъ его тѣнью и ѣдятъ его листья.[3]

30. Мой сынъ! каждая овца, которая удаляется[4] отъ своего пути и своихъ товарищей, дѣлается добычей волка.[5]

31a. Мой сынъ! не говори: „мой господинъ дуракъ, а я мудръ“,

b. и не разсказывай рѣчи невѣжества и глупости,
чтобы ты не былъ *презираемъ имъ.

9—[1] Сад. оп. [2] Сад. доб.: выросшее. *—[3] Сад.: всякій, кто проходитъ мимо, ѣстъ съ него плоды, и дикій звѣрь скрывается въ его тѣни. [4] Сад.: „отбилась“. [5] въ Сад. это изреченіе стоитъ ниже, послѣ № 34 Карш..

а. Сынъ, тотъ, который не имѣетъ
и или сына или брата или род-
нника или друга,
олгіе годы находится въ пре-
іи,

и онъ подобенъ дереву, которое
тъ на перекресткѣ,
якій, кто проходитъ мимо него,
аетъ его листья
ламываетъ его вѣтки.[1]

а. Сынъ, не говори такъ: „мой
одинъ глупъ, а я мудръ",

по терпи съ нимъ его глупость;

и ты будешь держать себя съ
рымъ человѣкомъ,
пока кто-нб. другой не похва-
ь тебя.[a]

а. Сынъ, не говори никому зла;
не будь злоязыченъ въ присут-
і твоего господина,
ы ты не былъ презираемъ имъ.

Париж. 58 оп. это изреченіе.

Печ. Бун. оп. это изреченіе.

с. иже[1] родимь[2] скуденъ есть и *дѣтми и близокъ,[3]

то пре̂ враги[4] своими худенъ[5] есть

d. и[6] подобенъ есть древу, стоящю[7] при пути.
и[8] всю[9] мимоходящей[10] сѣкуть е.[11]

28a. сноу,[12] не рци: „яко мой[13] ѡсподи[14] [92 об.] безуменъ есть,[15] азъ[16] оумене[17] есть[18]."
b. наказание ѡсподина[19] своего приими, и[20] помилованъ будеши,
c. и[21] своеи мудрості не надѣися.

d. елико можеши терпѣти,[22] терпѣ,[23]
e. а зла[24] не ѕли.
29. сну,[12] немногорѣчивъ[25] буди,

яко[26] пре̂ гнмъ[27] своимъ[28] согрѣшиши[29].
30. ча, аще тя на посолъ[30] послуть,[31] не оумотчи[32] чресъ[33] годіну,

[1] В. а иже. [2] ВХ. родомъ, Х. доб. свои. [3] Х. блізоки. *—[3] В. дѣтемь близнь. [4] В. враты, Х. ги. [5] В. ли. [6] В. оп. [7] В. стоящему. [8] В. яко. [9] ВХ. вси. [10] В. мимоходять и, Х. мимоходящіи. [11] В его, Х. и. [12] Х. сне, В. доб.: анада. [13] В. оп. [14] ВХ. гнъ. [15] ВХ. доб. а. [16] В. язъ. [17] ВХ. оуменъ. [18] Х. емь. [19] ВХ. гна. [20] В. оп.. [21] В. ѡ. [22] Х. перпѣти. [23] ВХ. терпи. [24] Х. злѣ. [25] В. немногорѣчливъ, Х. немногорѣчи. [26] В. а, Х. да. [27] Х. гдѣ. [28] ВХ. доб. не. [29] В. съгрѣшиши, Х. погрѣшиши. [30] Х. посолство. [31] ВХ. пошлють. [32] В. медли, Х. замотчи или замочи. [33] В. чересъ, Х. чре.

b. и онъ не сказалъ тебѣ: „прочь съ моихъ глазъ“.

32. Мой сынъ, пусть будутъ твои слова правдивы для того,
чтобы твой господинъ могъ сказать тебѣ: „приблизься ко мнѣ“,
и ты будешь жить.

32a. Мой сынъ! не будь одни
изъ тѣхъ слугъ,
которому[2] ихъ господа говоря
„удались[3] отъ насъ“,

b. но будь однимъ[4] изъ тѣхъ,

которому[2] говорятъ: „*приблизься
подойди близко[5] къ намъ“.

*—[1] Сад. оп. и такимъ образо изъ двухъ изреченій въ немъ по чается одно. [2] Сад.: которымъ. [3] Са идите. [4] Сад. оп. *—[5] Сад.: идите.

24. Сынъ, не отдаляй дня твоего
ртвоприношенія
ь страха, чтобы твой Господь не
лъ недоволенъ твоимъ жертвопри-
шеніемъ.[a] [1]
25. Сынъ, не покидай сцены плача

и исправляй къ свадьбѣ;

тому что смерть лежитъ впереди
го, наказаніе велико[1].
6а. Сынъ, не надѣвай на палецъ
отого кольца,[б] которое не твое;
. и не одѣвайся въ виссонъ и
пуръ, которые не твои.
. И не садись на коня, который
твой,

Париж. 58 доб.: „которое ты при-
шь". [б] Париж. 58 доб. „или
ебро".

Печ. Бун. оп. 24-е и 25-е пред-
анія.

да не ины[1] послꙋть[2] въ слѣдъ тебе.

31a. сн҃ꙋ,[3] *да не реть[a] ѡсподинъ[4] твои тобѣ:[5] „ѡнида[6] ѿ мене"[7]. ѡскорбѣеши.[8]

b. нъ[9] да*бы ти[10] реклъ: „приститпи ближъ".[11]
и ѡбрадꙋешися.[12]
32. сн҃оу[3], *въ с҃тыи дн҃ь[13] цр҃кви не лишися.[14]

33. ча҃,[15] идеже[16] [X. доб.: в до]мꙋ[17] печаль [B. бѣда] бꙋдеть, [Сол. доб. ни] *ѡставль тꙋ бѣдꙋ.[18]
а на чюжь ѡбѣдь не ходи.
но преже[19] посѣтивъ, толи[20] на ѡбѣдъ иди.
и[21] помяни, яко тобѣ[22] оумреты[б] же[23] есть.

34. сн҃ꙋ,[3] коня не имѣя, *на чяжемя[24] не ѣзди.[25]

---

[1] В. иный, X. иныи. [2] В. пошлется. [3] X. сн҃е, В. доб.: анаданъ. [4] X. г҃нъ. [5] X. тебѣ. *—[5] В. оп. [6] ВХ. ѡиди. [7] X. доб. и. [8] ВХ. ѡскорбѣеши. [9] ВХ. но. *—[10] В. оп. [11] В. ближе, X. доб. мене. [12] В. возрадуешися. *—[13] X. в дн҃ь с҃тъ. [14] В. лишайся. [15] В. сн҃оу анаданъ. [16] В. иже. [16]—[17] В. оп. *—[18] В. в' домоу ѡстани егоу бѣдить (*такъ*), X. ѡставь бѣдꙋ тꙋ. [19] X. пре҃. [20] ВХ. тоже. [21] В. оп. [22] X. и тебѣ. [22]—[23] В. оумрети, X. ꙋмрети жь. *—[24] В. на чюжемь, X. оп. [25] X. доб. на чюже҃.

[a] слова въ слѣдъ... реть написаны на подчищенномъ. [б] М. б. и оумрети.

потому что зрители, которые
ь это, будутъ насмѣхаться
тобой. [a] [1]
Сынъ, не ѣшь хлѣба, который
й, даже если бы ты былъ очень
нъ.[1]

Сынъ, если человѣкъ сильнѣе,
ты, не заводи съ нимъ ссоры,
онъ не убилъ тебя.

Сынъ, подавляй и уничтожай
ъ твоего сердца, и это хорошо
ебя по отношенію къ Богу и
ку, и тебѣ помогла воля Божія.[1]
Сынъ, если твои дверные ко-
высоко построены къ небу, какъ
ыли бы въ семь локтей,
і разъ, какъ ты входишь, на-
й твою голову.

Сынъ, не бери отъ другихъ съ
имъ вѣсомъ и не отдавай имъ
лымъ вѣсомъ,

д. и Париж. 58 доб. „когда они
тъ это“.

еч. Бун. оп. это изреченіе.

аще *бо ѿпѣшаешн,[1] и[2] посмѣєть[3]
ти сѧ.

b. *и, чревꙋ не алчющю,[4] не ѧжь[5]
брашна[6],

єгда ѿбѣстивъ[7] наречшісѧ[8] [a].
c. со силнѣишими[9] [В. сил̾нишимъ]
себе брани не въздвизай.[10]
тобѣ[11] не вѣдꙋщꙋ.[12] не вѣси,[13] что
вѣздвигнеть[14] на тѧ.[15]

35. сн҃ꙋ,[16] аще храм твой высокъ єсть,

ѿбнизи[17] стѣнꙋ єго. и[18] тако вcase[19]
бонь[20]
и оумомъ своимъ възбесишаи[21].
36. сн҃ꙋ,[22] гнѣвъ своєго[23] [б] ꙋстѧгни[24].
и[25] за терпѣны[26] приимиши[27] благть
ѿ[28] ба҃.
37. сн҃оу[16], великꙋ[29] мирꙋ[30] [в] въземъ.
а[31] в[31] малꙋ не продаи[32].

*—[1] В. ѿпѣшаешь. [2] В. оп. [3] ВХ. посмѣють. *—[4] В. ѿ древа ал̾чьна. [5] Х ꙗждь. [6] В. Х. браш̾на. [7] В. пажирѧ (*такъ*), Х. обьястливъ. [8] ВХ. наречещисѧ. [8—9] Х. с силнѣйшими. [10] В. въздвиже, Х. воздвигай. [11] В. тебе. [12] В. вѣдоущю. [13] В. доб. бо. [14] В. въздвигноуть. [10—15] Х. оп. [16] Х. сн҃е, В. доб. анада. [17] В. ѿбнижь. [18] В. оп. [19] В: влазѣ. [20] В. оп. [20—21] В. высеся оумомъ и возвышися; Х. оп. [22] Х. сн҃е мой, В. доб. анаданъ. [22—23] В. и гнѣвъ свой, Х. гнѣва ся. [24] Х. востягни. [25] В. а. [26] В тер̾пѣнье, Х. терпѣніе. [27] ВХ. пріимеши. [28] ВХ. ѿ. [29] В. въ великоу. [30] Х. мѣрꙋ. [31] Х. оп.. [32] В. давай.

[a] ч находится въ серединѣ ш: обѣ буквы составляютъ лигатуру. [б] го передѣлано изъ другихъ буквъ. [в] и передѣлано потомъ въ ѣ.

зори: „я получилъ выгоду".

Богъ не дастъ этого, но онъ гнѣвенъ,[1]
мрешь отъ нужды.[2]

Сынъ, не клянись ложно,

въ твоихъ дняхъ не было не-

Сынъ, подставляй ухо подъ Бога, и не бойся несчастья ного), потому что повелѣніе сть оплотъ человѣка.[4]

Сынъ, не радуйся во множе- оихъ дѣтей, и въ ихъ отсут- е будь огорченъ.[4]
Сынъ, дѣти и владѣніе даются
й человѣкъ сдѣлался бѣднымъ,
человѣкъ обогатился;
возвышенъ и высокій пони-

. и Париж. 58 доб.: „на

Печ. 29: „ты не знаешь, что за выгоду Богъ прогнѣвается на Бун.: въ противномъ случаѣ

Печ.: „и то, что ты берешь, ниметъ изъ рукъ твоихъ и от- ругимъ"; Бун.: „и отниметъ у ое богатство."
Печ. 30: „ибо ложная клятва и а приносятъ ущербъ жизни ка" (Бун... приносятъ тебѣ страданія на томъ свѣтѣ).
. и Бун. оп. 34-е и 35-е пред-

нерчи[1], ꙗко *тъ мь[2] ѥсть прыбытокъ[3].
ꙁло бо[4] то дѣло ѥсть. *кто бо бѣсть,[5]
чи и[6] бъ оуꙁрнвъ[7] раꙁгнѣваѥтьсѧ[8] на тѧ
и[9] потребить[10] домъ[11 a] твой *ꙗки беꙁаконьника.[12]

38. чѧ, *бж҃нмъ именемъ[13] не клѣнисѧ во лъжю,
да не оумалитсѧ число дн҃ий[14] твоихъ.

39. сн҃оу[15], аще что проснши, лу[16] бг҃а.
то[17] не ꙁабывай и не буди ꙗко небрегый[18].
[93] но поне[19] внемай[20], блг҃нъ [б] будешн.

40. чѧ, старѣйшаго сн҃а въꙁлюби[21].
а меншаго[22] не ѿрѣи[23].

41а. сн҃у, въ слѣдъ дѣтий скота не оубавнщисѧ.

Ѣ. аще бо ти не вьдно ѿ бг҃а будеть[24],
тъщнвъствомь *не ѿбращешн[25].
оубогъ бг҃атъ[26] бываѥть. *[В. доб. а богатъ оубогъ бываеть][27]
*и высокъ[28] ѡбнижаѥтсѧ. и ниꙁокъ вънꙁноситьсѧ.[29]

---

[1] В. р'ци, Х. рцы. *—[2] В. тѣмъ ми, Х. тѣ. [3] Х. прибытокъ. [2—3] В. сѧ поможеть. [4] Х. оп. *—[5] В. оп. [5—6] В. оп., Х. чи. [7] Х. уꙁрѣвъ, В. видя. [8] Х. рагнѣется. [9] В. оп. [10] Х. потребится. [11] ВХ. домъ. [12] Х. беꙁаконика. *—[12] В. оп. *—[13] Х. имене бж҃іи. [14] Х. дней. [15] Х. сн҃е, В. доб. анаданъ. [16] ВХ. оу. [17] В. оп. [18] В. небрега, Х. небрегіи. [19] В. помни. [20] ВХ. внимай. [21] В. възлюбивъ, Х. люби. [22] В. меншаго, Х. мешаго. [23] Х. ѿрѣи, В. ѿрѣшай. [23—24] ВХ. оп. *—[25] Х. убогъ не бывает, и скупостію богатства не стяжаешъ. [24—25] В. оп. [26] ВХ. бг҃атъ. *—[27] Х. оп. [28] Х. доб. обнищает і. [27—29] В. нѣтъ.

[a] буква послѣ д похожа скорѣе на е, чѣмъ на о. [б] похоже на в.

[*Сад. № 77.* О мой сынокъ! нѣкоторые изъ учителей и философовъ говорили: если умретъ твой врагъ и ты пожелаешь жениться на его женѣ, то знай[1]].

[1] Продолженіе въ Сад. не находитъ соотвѣтствія въ арм.: „что женщина есть смерть, не желаемая мужемъ, и мученіе, предѣлъ котораго не опредѣленъ; если ты въ довольствѣ, то она угождаетъ тебѣ своимъ языкомъ, но если ты въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, то ѣстъ тебя своими зубами, мрачна, съ искаженнымъ лицомъ, слезы ея текутъ, она лжетъ, ея голосъ громокъ, она

Сынъ, если высоки притолки
дома, и твой другъ боленъ, не
„что я буду посылать ему“,
› иди пѣшкомъ и посмотри
глазами;
что это лучше для него, чѣмъ
лантовъ золота и серебра.
Въ вознагражденіе за злорѣ-
принимай золота и серебра,
что это полное смерти дѣло
› дурное.
I не проливай праведной
неправедно,
твоя кровь не была пролита
› за его кровь.
Сынъ[1], удерживай твой языкъ
й рѣчи Ь. и твой глазъ отъ
ныхъ взглядовъ,
твою правую руку отъ кражи;
это будетъ хорошо для тебя
ошенію къ Богу и человѣку.
отому что, золото ли кто кра-
и мелкія вещи,
іе и смерть одни и тѣ же.
ынъ, не совершай прелюбо-
съ женою твоего друга,
Богъ не разгнѣвался
не совершали прелюбодѣянія
й женой.
ынъ, не бери вдовы въ жены,

что всякій разъ, какъ будетъ
б. слово между вами,

. 43 доб.: „если желаешь быть
ъ“.

42. *чл҃о, к[1] печалному прижахаи̑[2]
и̑ оутѣшаѧ̑[3] словеса гл҃и.[4]
оуне[5] бо то[6] е̑сть многа зла̑.

43. *сн҃у, ѡ҆блакоминвсѧ на злато и̑ на
сребро, не въсхощещи ѡ҆твѣтати.
ѡ҆ бг҃а бо противо томꙋ и̑ ѿ чл҃къ
прии̑мешн[7].

44. сн҃оу[8], без вены[9] крови не
проливаи̑,
*ꙗ̑ко мьстититель семꙋ бг҃ъ е̑сть.[10]

45а. сн҃у,[8] оудержи оуста [В. доб.
своꙗ][11] ѿ зла,

Ь. а̑[12] рꙋцѣ твои̑[13] ѿ[14] татбы:[15]

с. и̑же оукрадеть зла̑ или ризы,

*ѿ ѡ҆боего[16] е̑динна хала[17] е̑сть[18].

46. сн҃оу[8], ѿ блꙋда[19] оудалїсѧ[20], па̑[21]
же и̑[22] ѿ мꙋжатицѣ,[23]
да не прии̑де[24] на тѧ гнѣвъ бж҃и[25].

---

[1] Х. и. *—[1] В. чл҃коу. [2] В. приношаи̑, Х. прихождай. [3] В. оутѣшенаѧ̑, Х. ꙋтѣшная. [4] В. оп. [5] Х. лꙋчше. [6] В. оп. *—[7] ВХ. оп. все 43-е предписаніе. [8] Х. сн҃е. [9] В. Х. вины. *—[10] В. оп. [11] Х. оп. [12] В. оп. [13] В. свои̑, Х. оп. [14] В. Х. ѿ. [15] В. тад҆бы. *—[16] Х. оп. [17] Х. хꙋла. [15—18] В. оп. [19] В. блоудиниць. [20] В. оудалѧи̑сѧ. [21] В. тако. [22] Х. оп. [23] В. моужатиць, Х. мꙋжатицы. [24] В. придеть. [25] В. Х. бж҃їи.

33. Мой сынъ, въ день твоего несчастья не богохульствуй;

чтобъ Онъ, когда услышитъ тебя, не сдѣлался гнѣвнымъ противъ тебя.

34. Мой сынъ, не поступай съ рабомъ твоимъ лучше, чѣмъ съ его товарищемъ; потому что ты не знаешь, въ которомъ изъ нихъ въ концѣ тебѣ будетъ нужда.

35. Мой сынъ, бросай камни въ собаку, которая оставила своего собственнаго господина и послѣдовала за тобой.

36. Мой сынъ, стадо, которое идетъ разными путями, дѣлается добычей волковъ.

37. Мой сынъ, суди правдивымъ приговоромъ въ твоей молодости для того, чтобы въ старости ты пользовался почетомъ.

33. Мой сынъ! Не ласкай своего раба въ присутствіи его товарища, потому что ты не знаешь, который изъ нихъ будетъ имѣть болѣе значенія для тебя въ концѣ.[1]

34. Мой сынъ! не бойся[2] твоего Господа, который тебя сотворилъ, чтобы Онъ не *былъ молчаливымъ къ тебѣ.[3]

клянется, а поступокъ ея открытъ, она старѣетъ, а дурные ея нравы тебя убиваютъ, но сила ея языка никогда не исчезаетъ; если ты богатъ и далеко отъ нея, то лучше будетъ для тебя и берегись приближаться къ ней[6].

[1] Сад. (Карш. и Сал.) оп. это изреченіе. [2] Сад.: брани. *—[3] Сад.: гнѣвался на тебя.

она будетъ говорить: „Увы! жаль моего перваго мужа!“ и ты огорченъ.[1]

41. Сынъ, если воздаяніе постигаетъ тебя отъ Бога, не уклоняйся и не ропщи;

чтобы Богъ не разгнѣвался и другимъ суровымъ ударомъ не погубилъ тебя несвоевременно.[2]

42. Сынъ, не люби сына лучше, чѣмъ слугу,

потому что ты не знаешь, который изъ нихъ будетъ полезенъ для тебя.[3]

43. Сынъ, бараны, которые теряются отъ стада, становятся порціей волковъ.[4]

44. Сынъ, вводи праведное сужденіе въ твой умъ, и почитай стараго на тотъ конецъ, чтобы ты могъ получить почетъ отъ великаго судьи, и чтобы могло быть хорошо для тебя.[5]

45а. Сынъ, склоняй твои глаза и смягчай произношеніе твоего рта и опускай взоръ твой;

1, 2, 3, 4, 5 Печ. и Бун. оп. это изреченіе.

47. с҃ноу[1], аще *кто послоушать[2] оумина чл҃вка, то ѩко же[3] въ д҃нь жаданїѩ[4] стоуденые [5] [а] воды напиетъ.[6]

48. [Сол. доб.: С҃нꙋ, не имѣѩ мѣдана перстьна, злата не въкладай на сѧ.]

49. С҃ноу[1], аще *напасть и печаль[7] приидеть на тѧ, б҃а не *оуне карай[8], ѩко ничто же[9] не оудѣлѣеши[10] емꙋ, но оуслышять[11] [б] оукоризнꙋ твою и ѿвѣщаеть[в] ти по истинѣ.[12]

50. С҃ноу, правъ[13] сꙋдиѩ бꙋди, *и на старость твою чтенъ бꙋши.[14]

[1] Х. с҃не. *—[2] Х. послоушаеши. [3] Х. оп. [4] Х. жажди. [5] Х. стоудены. [6] Х. напиешися, В. оп. все 47-е изреченіе. *—[7] Х. печаль и напасть. *—[8] Х. ꙋкаряй. [9] Х. оп. [10] Х. одолѣеши. [11] Х. ꙋслышит. [12] В. оп. 49-е изреченіе. [12]—[13] Х. с҃не. [12]—[14] В. оп. 50-е изреченіе. *—[14] Х. оп.

[а] Описка вм. стоуденые? [б] съ натяжкой можно читать: оуслышить. [в] т изъ ш.

38a. Мой сынъ, дѣлай сладкимъ твой языкъ и благоуханнымъ отверстіе твоего рта,

b. потому что хвостъ собаки даетъ ей хлѣбъ, и ея пасть навлекаетъ на нее удары.

39. Мой сынъ, не позволяй своему сосѣду наступать на твою ногу,

чтобы онъ не наступилъ на твою шею.

35a. Мой сынъ! *дѣлай твою р
красивой и сладкимъ твой язык

b. и не позволяй своему товар
наступать на твою ногу,

чтобы онъ не наступилъ наконе
на твою грудь.

*—[1] Сад.: „Да будетъ твоя р
красна и твой языкъ сладок
[2] Сад.: „въ другой разъ“.

b. чтобы ты не явился безсмысленнымъ для людей,

c. потому что, если бы храмъ строился крикомъ, то оселъ строилъ бы семь дворцовъ и tchardakhs въ день.

[*Кан. доб.* Сынъ, если быки съ настоящею силою повлекутъ иго, то иго не упадетъ отъ шеи верблюда].[1]

51. *сн҃оу, ӕзыкъ твоѝ сладокъ бꙋди[1],
ѝ *оустнѣ твоѐѝ[2] добро̑ ѿвер꙯нтасѧ[3].

46. Сынъ, не хвастайся въ дни твоей юности, чтобы твоя юность не была твоей гибелью.

47. Сынъ, не позволяй твоему товарищу наступать *на твои ноги[2], чтобы онъ не дерзнулъ и не наступилъ на твою шею[а] также хорошо.

52. [В. доб.: сн҃оу а̂наданъ, не вжадаѝ попрати дрꙋга твоѐго,
ѐгда ключит҇сѧ самомоу попраноу быти][4].

48a. Сынъ, не говори въ гнѣвѣ съ твоимъ противникомъ передъ судьей, чтобы ты не былъ названъ безсмысленнымъ[б] и глупымъ.

b. Но о чемъ бы онъ не спросилъ тебя, отвѣчай ему съ кротостью; и ты навалишь осужденіе на его голову.

49. Сынъ, если ты просишь Бога о добрѣ, *прежде всего исполни Его волю постомъ и молитвой[3], и тогда твои мольбы будутъ исполнены къ твоему благу.

58. Сынъ, ложное слово и лживый разговоръ тяжелы какъ свинецъ, но черезъ нѣсколько дней это плаваетъ по водамъ подобно листу дерева.[1]

[а] Бод. доб.: „и голову“. [б] Бод.:, чтобы ты не оказался безсмысленнымъ и безполезнымъ.

[1] Печ. Бун. оп. 45 и 58-е изреченія. *—[2] Печ.: тебѣ на ногу. *—[3] Печ. 31: „не удаляйся отъ Его воли“, Бун.: „не сходи съ пути Его.“

*—[1] Х. оп. *—[2] Х. ꙋста твоя. [3] Х. ѿвезӑ, В. оп. все 51-е изреченіе.
[3]—[4] Х. оп. все. 52-е предписаніе.

40. Мой сынъ, ударяй [мудраго] мужа мудрымъ словомъ,

чтобъ оно могло быть въ его сердцѣ какъ лихорадка лѣтомъ;

[но знай], что, если ты ударишь глупца многими ударами, онъ не пойметъ.

41a. Мой сынъ, посылай мудраго человѣка

и не давай ему приказаній;

36. Мой сынъ! если ты ударишь[1] мудраго человѣка словомъ мудрости, оно спрячется въ его груди[2], какъ тонкое чувство стыда[3];

но если ты *будешь колотить[4] невѣжду палкой, онъ не пойметъ[5] и не услышитъ.[6]

37a. Мой сынъ!* если ты посылаешь мудраго человѣка по твоимъ дѣламъ, не давай ему много приказаній; потому что онъ сдѣлаетъ твое дѣло, какъ ты желаешь[7];

[1] Сад.: бьешь. [2] Сад.: сердцѣ. [2]—[3] Сад.: подобно головнѣ огня. *—[4] Сад.: бьешь. [5] Сад.: слышитъ. [6] Сад.: пойметъ. *—[7] Сад. всю первую половину этого изреченія оп.

59. Сынъ[1], открывай самый меньшій твой замыселъ твоему другу, и черезъ нѣсколько дней раздражай его и насмѣхайся надъ нимъ.

И[a] если онъ не откроетъ этого замысла, тогда открой ему самые большіе замыслы, и ты получишь въ немъ надежнаго друга.

60. Сынъ, въ присутствіи царей и судей помогай твоему товарищу, потому что, какъ бы отъ пасти льва, ты его спасешь;

и онъ становится для тебя добрымъ именемъ и славой.[2]

61. Сынъ, если твой врагъ приходитъ къ тебѣ къ твоимъ ногамъ, окажи ему прощеніе и засмѣйся радостно къ его лицу и прими его съ честью.[3]

62. Сынъ, куда тебя не приглашали, не ходи на честь; и гдѣ тебя не спрашивали, не давай отвѣта.[4]

63. Сынъ, не переходи черезъ замерзшую и вздувшуюся рѣку, чтобы ты не умеръ внезапной смертью.[5]

64. Сынъ, спрашивай у мудраго человѣка слова совѣта[б]
и ты сдѣлаешься мудрымъ.

Но если ты спрашиваешь глупаго человѣка, онъ, несмотря на много словъ, не мудръ.[6]

65а. Сынъ если ты посылаешь мудраго человѣка
дать какое-нб. приказаніе,
онъ самъ исполняетъ дѣло.

53. чⷣо, *оумнꙋ мꙋжю[1] рⷱ҇ешї слово,
*ӥ поболитъ[2] срⷣцемь.

а҆ безꙋмнаго[3] а҆щє[4] кнꙋтомъ[5] бьѥши,[6]
не вложиши вонь[7] оума.

54а. сн҃оу[8], оумна мꙋжа пославъ на пꙋть,
не много *ѥмꙋ кажи.[9]

---

[a] Бод.: „И смотри, если“ и внизу „и получи въ немъ“. [б] Бод.: „слова мудрости“.

[1] Печ. Бун. доб.: „Сначала испытай друзей своихъ (Бун. 73... друга своего), а потомъ“.

[2, 4, 5, 6] Печ. Бун. оп. все изреченіе.

[3] Печ. Бун. оп. все изреченіе; ср., впрочемъ, № 39 въ Печ. и Бун..

*—[1] В. оу҃м'номоу. *—[2] В. поболи. [3] В. безоум'на, Х. бїезꙋмнаго. [4] Х. доб. и. [3—5] В. ꙗко ӥгомь. [6] Х. бїєши. [7] В. ѥмоу. [8] Х. сн҃є, В. доб. а҆надⷠа. [9] Х. наказывай. *—[9] В. кажи ѥмоу.

b. но если ты пошлешь дурака,	b. а[1] если ты посылаешь глупца[2], не приказывай ему,[3]
то лучше иди самъ и не посылай его.	но пойди самъ и сдѣлай *свое дѣло[4].
	потому что, если ты прикажешь ему, онъ не сдѣлаетъ того, что[5] ты желаешь.
	c. *Если посылаютъ тебя на дѣло,
	спѣши исполнить его скоро[6].
	38. Мой сынъ! не дѣлай врагомъ человѣка болѣе сильнаго, чѣмъ ты самъ, потому что онъ возьметъ твою мѣру и отомститъ тебѣ.
42. Мой сынъ, испытывай своего сына хлѣбомъ и водой,	39a. Мой сынъ, испытай твоего сына и твоего слугу,
и тогда ты можешь оставить въ его рукахъ твои владѣнія и твое богатство.	прежде чѣмъ ввѣришь имъ свои вещи,[7]
	чтобы они не погубили[8] ихъ;
43. Мой сынъ, уходи при первой чашѣ и не медли для лакомыхъ напитковъ [*или* для сладкихъ мазей];	
чтобы они не были для тебя ранами въ твоей головѣ.	

[1] Сад. оп. [2] Сад.: глупаго невѣжду. [2—3] Сад.: его не увѣщевай. [*—4] Сад.: что тебѣ нужно. [4—5] Сад.: „потому что, какъ бы ты его не наставилъ, онъ все-таки не исполнитъ твоего порученія, какъ.“ [*—6] Сад.: а когда кто-либо тебя пошлетъ съ какимъ-нб. порученіемъ, то вернись скоро. [7] Сад.: деньги и имущество. [8] Сад.: расточили.

Ѣ. Но если ты посылаешь глупаго, онъ будетъ давать приказанiе въ присутствiи многихъ людей.
И ты или иди самъ или не посылай его.[1]

Ѣ. а̂ безꙋмнаго[1а] послакъ,

то[2] самъ по не҃ и̂ди[3],

да[4] не въведеть тебе[5] въ срꙗ.[6]

[*Печ.* 4. Сынъ,[2] если тебя пошлютъ[3] куда-либо *за дѣломъ,[4] хорошенько *обдумай слово, которое[5] тебѣ надлежитъ сказать *и потомъ иди,[6] чтобы послѣ не сдѣлаться посмѣшищемъ передъ другими.]

66. Сынъ, испытай своего сына голодомъ и жаждой;

и если онъ въ состоянiи переносить это, тогда дай твои богатства въ его руки.

55. *с҃ноу, дрꙋга своего не [Сол., Ч., Ф. оп. не] и̂скꙋшай [б][б]рашномъ и̂ виномъ: [93 об.]

и̂ тогда на болше попꙋститсѧ [Сол. постꙋпить][7].

67. Сынъ, изъ дома приглашенiя и со свадьбы иди первымъ раньше твоего товарища и не возвращайся назадъ;[а]
чтобы ты могъ получить доброе имя[б]

и могъ не получить ранъ на твою голову.[7]

56. с҃нꙋ,[8] а̂ще тѧ позовꙋть на ѡ̂бѣдъ, по первомꙋ звꙋ[9] не ходи; и̂[10] а̂ще взовꙋть[11] т҃ѧ вѣдъе,[12][в]

тогда вижь,[13] ꙗ̂ко *ч҃нъ[14] е̂си́, и̂[15] въ ч҃ть придеши[16].

[а] Можетъ быть, смыслъ таковъ: „И не оставайся до конца“.

[б] Канон.: „чтобы ты могъ быть умащенъ душистымъ масломъ“.

[1] Печ. 63 доб.: ибо много зла надѣлаетъ онъ тебѣ.

къ *Печ.*: [2] Бун. оп.. [3] Бун.: посылаютъ. *—[4] Бун. оп.. *—[5] Бун.: „разузнай, за чѣмъ идешь, и что“. *—[6] Бун. оп..

[7] Печ. и Бун. оп. это изреченiе.

[1] В. безоум'на. Х. безꙋмнага. [2] В. доб. и̂. [3] В. оп.. [4] В. и̂ да [5] В. тѧ. [6] В. Х. срамъ. *—[7] ВХ. оп. все изреченiе. [8] Х. с҃не, В. доб. а̂надань. [9] В. званью̂. [10] В. оп.. [11] В. позовоуть. [12] В. дрꙋгое, Х. второе. [13] В. видиши, Х. виждь. [14] Х. ч҃тенъ. *—[15] В. оп.. [16] В. приходиши, Х. прiидеши.

[а] г изъ п. [б] предыдущее и̂ какъ будто передѣлано на в. [в] принимая во вниманiе исправленiе, можно прочесть второе̂.

44a. Мой сынъ, тотъ, кого рука полна,
называется мудрецомъ и почтеннымъ;

b. и тотъ, чья рука пуста,

называется глупымъ и низкимъ.

b. потому что тотъ, кто имѣетъ полную руку,
называется мудрымъ,

* даже если бы онъ былъ глупымъ и невѣждой[1],

c. а тотъ, кто имѣетъ порожнюю[2] руку,
называется бѣднымъ и невѣжественнымъ,

даже если бы онъ былъ главой мудрецовъ.

40. Мой сынъ! я ѣлъ горькую тыкву и глоталъ смирну[3],
и я не нашелъ ничего горьче, чѣмъ бѣдность и нужда.

[*Сад. доб. ниже, 66*a*:* О мой сынокъ! Я носилъ соль и таскалъ свинецъ,

45a. Мой сынъ, я носилъ соль и двигалъ свинецъ;

b. но я не видалъ ничего тяжелѣе того, что человѣкъ долженъ уплатить долгъ, котораго онъ не занималъ.

46a. Мой сынъ, я носилъ желѣзо и передвигалъ камни,

b. и они не были тяжелѣе для меня, чѣмъ человѣкъ, поселяющійся въ домѣ своего тестя.

b. но мнѣ не было такъ тяжело, какъ мужу, обитающему въ домѣ своего тестя.]

*—[1] Сад.: а въ противномъ случаѣ— глупымъ невѣждой. [2] Сад.: скупую. [3] Сад.: алой.

. Сынъ, человѣка, который
ъ много имущества и собствен-
, называютъ мудрымъ и добро-
ьнымъ;

но человѣка, который имѣетъ
собственности,
аютъ глупцомъ и незначитель-

какой человѣкъ не почитаетъ

. Сынъ, я ѣлъ садовый цикорій
пилъ желчь,
было не горьче, чѣмъ бѣдность.

Я поднималъ соль, и я подни-
свинецъ,
и это не было тяжелѣе, чѣмъ

хотя я ѣлъ и пилъ, я не могъ
оиться.[2]
Я поднималъ желѣзо и я подни-
камни на моихъ плечахъ,
и это было лучше для меня,
кить съ невѣждой и глупцомъ.[1]

ан. доб.: „пока я не уплатилъ
".

еч. и Бун. оп. это изреченіе.

57. с҃нѹ,[1] не прие́млы[2] мьзды,[3] и҆бо[4] мьзда *ѻ҆чи ѡ҆слѣпла́етъ[5] сѹдиа́мъ.[6]

58. ѕолчи[7] и҆[8] горести вкѹша́,[9]

и҆[10] не бы҃[11] пѹще ѹбожьства.

59a. *с҃нѹ, соль и҆ ѻ҆лово льжѣе са мнить поне [Сол. доб.: сти,

b. нежели вꙁпати ти скотъ. е҆го҄ вꙁемши][12].

60a. с҃нѹ,[13] желѣѕо и҆ камень подꙁа́хъ;[14]

b. и҆[15] легчи[16] ми[17] са мнить, нежели[18] мѹжеви, вѣдѹщемѹ[19] ѕаконъ, тѧѕати *со ближнимь[20] [Сол. съ тѣсте̑] своимь.

---

[1] Х. с҃не, В. доб. а҆нада́. [2] В. е҆м'ли, Х. прїемлнї. [3] Х. мздѹ. [4] В. оп. *—[5] ВХ. ѡ҆слѣплаетъ ѡ҆́чи. [6] В. соутъ и҆. [7] В. жолче, Х. желчи бо. [8] В. оп. [9] Х. вкѹсй, [10] В. оп.. [10—11] Х. нѣсть.

*—[12] В. Х. оп. все 59-е изреченіе.

[13] В. оп., Х. с҃не. [14] В. подьꙗхъ. [15] В. оп. [16] В. легчѣе, Х. легко. [17] В. оп.. [18] В. негли. [19] В. вѣдоущи, *—[20] В. съ ѻ҆́тцмь, Х. ѕ лижни (*такъ*).

47. Мой сынъ, учи своего сына голоду и жаждѣ такъ,

чтобы онъ сообразно тому, какъ глазъ его видитъ,
могъ управлять своимъ домомъ.

41. Мой сынъ! пріучай твое
на къ умѣренности и голоду,

чтобы онъ[1] могъ хорошо п
своимъ домомъ.

42. Мой сынъ! не учи не
языку мудрецовъ,

потому что онъ будетъ тяг
для него[2].

43. Мой сынъ! не открывай
положенія твоему другу[3],

чтобы *ты не презирался к

[1] Сад. доб.: когда выростетъ

[2] Сад. оп. все это изреченіе

[3] Сад. доб.: хотя бы ты бы
нуждѣ и въ стѣсненіи.

*—[4] Сад.: онъ не смотрѣлъ н
окомъ презрѣнія.

70. Сынъ, если ты бѣденъ между твоими товарищами,
не открывай этого;[1]
чтобы ты не былъ въ презрѣніи у нихъ,
и чтобы они не подслушали твоихъ словъ.[2]

71. Сынъ, люби *твою плоть и[3] твою жену.
Ибо она — *ты самъ и подруга твоей жизни[4],
и даже при крайнемъ трудѣ она вскармливаетъ *твоего сына[5][a].

72. Сынъ, если твой господинъ посылаетъ тебя принести обнавоженный виноградъ, не приноси его ему;

[a] Это изреченіе Вен. оп., въ Париж. 58 оно — № 41; далѣе Париж. 58 повторяетъ здѣсь 15-е предписаніе.

[1] Печ. № 34 ближе къ слав.: „Сынъ, когда бываешь между людьми, не обнаруживай свои долги и недостатокъ". [1—2] Печ. (Бун.): „ибо отъ нихъ нѣтъ тебѣ пользы и ты будешь ими презираемъ". *—[3] Печ. Бун. оп.. *—[4] Печ. 35: „плоть твоя" (Бун.: „отъ тѣла твоего"): *—[5] Печ.. дѣтей (Бун. доб.: твоихъ).

61. *сн҃оу,[1] аще[2] въ знаемыи людехъ сѣда,
[Х: доб. ху] добы своєа не авлаи,
єгда како поругаєтⷮи[3][a]

и не послушають наказаниа твоєго.[4]

62. чадо,[5] люби женꙋ свою[6] ѿ всего срⷣца,

ако та єсть[6] мтⷭи дѣтеⷨ твоиⷨ

и[7] в животѣ твоємъ *похоть твоа єсть.[8]

63. чадо, єгда оучиши сн҃а своєго,[9] то *не[10] въздержаниє[11] [Сол. наиболе въздержанию] оучи и.[12]

ємуже бо наоученъ[13][в] будеть,[14] в тѣхъ[15] прѣбудеть.

[1] Х. сн҃е. [2] Х. оп. [3] Х. поругаютⷭся. *—[4] В. оп. 61-е изреченіе. [5] В. сн҃оу. [6] В. єть (*такъ*). [7] В. оп. *—[8] В. оп. [9] Х. твоєго. [10] ВХ. на. [11] В. въздер'жаньє. [12] ВХ. оп.. [13] ВХ. наоученя. [14] Х: є ѿ юности. [15] Х. доб. предѣлеⷯ.

[a] въ ркпси надъ є стоитъ д. [б] въ ркпси свою. [в] въ ркпси: наоучення.

48. Мой сынъ, лучше тотъ, кто слѣпъ на глазъ,
чѣмъ тотъ, кто слѣпъ сердцемъ;
потому что слѣпой глазомъ тотчасъ привыкаетъ къ дорогѣ и ходитъ по ней:
но слѣпой сердцемъ
оставляетъ прямую дорогу и идетъ въ пустыню.

44. Мой сынъ! слѣпота сердца болѣе тяжела,
чѣмъ слѣпота глазъ,
потому что слѣпота глазъ можетъ быть мало по малу руководима,
но слѣпоты сердца не водятъ,
и она оставляетъ прямую дорогу, а идетъ кривымъ путемъ[1].

45. Мой сынъ! спотыканіе человѣка своей[2] ногой лучше, чѣмъ спотыканіе человѣка своимъ[2] языкомъ.

[1] Сад. передаетъ это изреченіе въ формѣ болѣе близкой къ сир. и слав., чѣмъ Карш.:

41. О мой сынокъ! Слѣпому сердцемъ труднѣе, чѣмъ слѣпому глазомъ, п. ч. слѣпой найдетъ какъ-нб. дорогу, но слѣпой сердцемъ не найдетъ, но собьется съ истиннаго пути и пойдетъ по кривой дорогѣ.

[2] Сад. оп.; въ Сад. это изреченіе стоитъ (№ 44) ниже на два, чѣмъ въ Карш..

ому что онъ будетъ ѣсть вино-

е же не освободитъ тебя отъ
анія за навозъ[1].

. Сынъ, слово мудраго человѣка
яномъ видѣ лучше,
слово глупца, который томимъ
ой или хмѣленъ[2 а].
Сынъ, лучше быть слѣпымъ
иъ[3],
умомъ;
ому что *того, который слѣпъ
ъ, легко научить приходить и
ть по дорогѣ[4].
слѣпой умомъ
аетъ прямую дорогу
итъ по своей волѣ.

ч. 13. Сынъ[5], лучше *родиться
кѣ и скорѣе[6] умереть, чѣмъ
*и служить[7] позоромъ *для
семьи[8].]

ь арм. текстѣ здѣсь, должно
ошибка.

еч. Бун. оп. это изреченіе.
еч. Бун. оп. это сравненіе.
еч.: глазами.
[4] Печ. 12: слѣпой (физически)
е видитъ разъѣздъ.
ун. оп..
[6] Бун.: ребенку во младенчествѣ.
[7] Бун.: служа.
[8] Бун.: своего рода.

64. сн҃у,[1] к дому твоемь[2а] не сущи
винѣ[3] никоєи же,[4]
не възмущаи *дому своего,[5]
єгда поносъ примешн ѿ суседъ[6]
своихъ.[7]

65. сн҃у,[8] уне[9] єсть послушати[10]
пи҃на[11] мудра,
нежели[12] трезва безумна.

66. ча҃, оуне єсть слѣпъ ѻ҆чима,

неже[13] слѣвъ ср҃цимъ:[14]

слѣпъ бо ѻ҆чима аще[15] по пути ходить,[16] ѻ҆быкнеть, *и начнѣ[17] ѻбрѣтати *стєзѧ[б] своѧ;[18]

а[19] слѣпь си[20] ср҃цемь,[21]
совращаѧсѧ[22] со[23] пути своего,[24] заблюдитъ.[25]

67. сн҃оу,[1] оуне єсть же, дабы свои
сн҃ъ оумерлъ бы[26] єи,
нѣли[27] дабы єи чюжь[28] кормити,[в]

[1] Х. сн҃е, [1—2] В. въ твоємь домоу. [3] Х. доб. н. [3—4] В. оп. [*—5] В. домомъ своимъ. [6] Х. сосѣдъ. [5—7] В. оп.. [8] Х. сн҃е, В. доб. а҆нада҃. [9] Х. лучше. [10] В. послоушать. [11] ВХ. пьꙗна. [12] Х. нежеле, В. доб. и. [13] В. негли, Х. нежели. [13—14] ВХ. слѣпъ ср҃цемъ. [15] В. оп.. [16] В. ходити. [*—17] В. гачнеть. [*—18] В. на стезю твою (*такъ*). [19] В. а҆. [20] В. оп.. [14—21] Х. оп. вслѣдствіе повторенія одинаковаго окончанія. [22] В. совращаєтсѧ, Х. совращсѧ. [23] ВХ. с. [24] В. и. [25] В. заблоудить, Х. заблудится. [26] Х. оп.. [27] Х. неже. [28] Х. чюждь.

[а] можно прочесть: твуємь. [б] буква послѣ т болѣе всего похожа на є, исправленное изъ о. [в] буква послѣ к похожа на ь и на о.

49a. Мой сынъ, лучше другъ, который подъ рукой,
нежели братъ, который далеко;

b. и лучше доброе имя, нежели много красоты,

потому что доброе имя пребываетъ вѣчно,
но красота вянетъ и исчезаетъ.

50a. Мой сынъ, смерть лучше жизни человѣку,

который не имѣетъ покоя;

b. И лучше голосъ плача въ ушахъ дурака,
нежели музыка и радость.

46. Мой сынъ! Другъ, *который вблизи,[1] лучше,
чѣмъ *болѣе превосходный[2] братъ, *который находится вдали.[3]

[*Сад. доб. 42.:* и доброе имя лучше хорошаго золота,

ибо хорошее золото истощится,
а доброе имя пребудетъ вѣчно].

47a. *Мой сынъ![4] Красота исчезаетъ,
b. *но знаніе остается,
c. и изобиліе уменьшается и дѣлается безполезнымъ,[5]
d. но доброе имя ни *дѣлается безполезнымъ[6] ни уменьшается.[7]
48a. Мой сынъ! для человѣка, который не имѣлъ покоя,

его смерть *была бы[8] лучше, чѣмъ его жизнь;
b. И[9] звукъ плача лучше,

чѣмъ звукъ пѣнія[10];

---

*—[1] Сад.: Добрый. *—[2] Сад.: безсердечный. *—[3] Сад. оп.; но зато Сад. послѣ второй половины этого изреченія имѣетъ особое изреченіе, которое является какъ бы повтореніемъ первой части и обращаетъ вниманіе именно на опущенное этой первой частью: 43. О мой сынокъ! Близкій другъ лучше далекаго брата. *—[4] Сад. оп. *—[5] Сад.: „міръ тлѣненъ, а свѣтъ прекратится“. *—[6]Сад.: измѣняется. [7] Сад.: исчезаетъ. *—[8] Сад. оп. [9] Сад.: „О мой сынокъ!“ [10] Сад. доб.: „и радости“.

потому что онъ будетъ ѣсть виноградъ,
но все же не освободитъ тебя отъ наказанія за навозъ[1].

73а. Сынъ, слово мудраго человѣка въ пьяномъ видѣ лучше,
чѣмъ слово глупца, который томимъ жаждой или хмѣленъ[2] [a].

51. Сынъ, лучше быть слѣпымъ глазомъ[3],
чѣмъ умомъ;
потому что *того, который слѣпъ глазомъ, легко научить приходить и уходить по дорогѣ[4].
Но слѣпой умомъ
забываетъ прямую дорогу
и ходитъ по своей волѣ.

[*Печ. 13.* Сынъ[5], лучше *родиться дѣвочкѣ и скорѣе[6] умереть, чѣмъ жить *и служить[7] позоромъ *для своей семьи[8].]

[a] Въ арм. текстѣ здѣсь, должно быть, ошибка.

[1] Печ. Бун. оп. это изреченіе.
[2] Печ. Бун. оп. это сравненіе.
[3] Печ.: глазами.
*—[4] Печ. 12: слѣпой (физически) скорѣе видитъ разъѣздъ.
[5] Бун. оп..
*—[6] Бун.: ребенку во младенчествѣ.
*—[7] Бун.: служа.
*—[8] Бун.: своего рода.

64. сн҃ꙋ,[1] в домꙋ твоемь[2a] не сꙋщи винѣ[3] никоеи же,[4]
не възмꙋщаи *домꙋ своего,[5]
егда поносъ приимешн ѿ сꙋсѣдъ[6] своихъ.[7]

65. сн҃ꙋ,[8] ꙋне[9] есть послꙋшати[10] пьяна[11] мꙋдра,
нежели[12] трезва безꙋмна.

66. ча҃, оуне есть слѣпъ ѡчима,
неже[13] слѣвъ срдцнмъ:[14]
слѣпъ бо ѡчима аще[15] по пꙋти ходить,[16] ѡбыкнеть, *и начне[17] ѡбрѣтати *стеза[б] своа;[18]
иа[19] слѣпь си[20] срдцемь,[21]
совращаса[22] со[23] пꙋти своего,[24] заблюдить.[25]

67. сн҃оу,[1] оуне есть же, дабы свои снъ оумерлъ бы[26] еи,
нѣли[27] дабы еи чюжь[28] кормити,[в]

[1] X. сн҃е, 1—[2] В. въ твоемь домоу. [3] X. доб. и. 3—[4] В. оп. *—[5] В. домомъ своимъ. [6] X. сосѣдъ. 5—[7] В. оп.. [8] X. сн҃е, В. доб. анадѣ. [9] X. лꙋчше. [10] В. послоушать. [11] ВХ. пьяна. [12] X. нежеле, В. доб. и. [13] В. негли, X. нежели. 13—[14] ВХ. слѣпъ срдцемъ. [15] В. оп.. [16] В. ходити. *—[17] В. гачнеть. *—[18] В. на стезю твою (*такъ*). [19] В. а. [20] В. оп.. 14—[21] X. оп. вслѣдствіе повторенія одинаковаго окончанія. [22] В. совращаетса, X. совращся. [23] ВХ. с. [24] В. и. [25] В. заблоудить, X. заблꙋдится. [26] X. оп.. [27] X. неже. [28] X. чюждь.

[а] можно прочесть: твꙋемь. [б] буква послѣ т болѣе всего похожа на с, исправленное изъ о. [в] буква послѣ к похожа на ь и на о.

51a. Мой сынъ, лучше барабанная палка въ твоей рукѣ,
чѣмъ крыло [?] въ горшкѣ другихъ;
b. и лучше овца подъ рукой, чѣмъ телка вдали:
c. лучше нищета, которая собираетъ, чѣмъ богатство, которое разсыпаетъ;
d. лучше воробей въ твоей рукѣ,
нежели тысяча летающихъ;
e. и лучше шерстяное платье на твоей спинѣ,
нежели тонкое полотно и шелкъ на спинахъ другихъ [людей].

c. потому что *печаль и плачъ, если[1] страхъ Божій *въ нихъ, лучше, чѣмъ звукъ пѣнія и радости[2].
49a. Мое дитя! бедро лягушки въ твоей рукѣ лучше,
чѣмъ гусь въ горшкѣ твоего сосѣда;
b. и овца вблизи тебя лучше, чѣмъ волъ вдали;
c. и одинъ воробей въ твоей рукѣ лучше,
чѣмъ тысяча летающихъ воробьевъ;
d. и нищета, которая собираетъ, лучше, чѣмъ расточеніе большого запаса;
e. и одинъ фунтъ шерсти лучше,
чѣмъ фунтъ богатства,
f. я подразумѣваю золота и серебра; потому что золото и серебро скрыты и спрятаны въ землѣ и не видны; а шерсть остается на рынкахъ и видна и есть красота для того, кто носитъ ее[3].
50. Мой сынъ! *малое состояніе лучше, чѣмъ разсыпанное богатство[4].
51. Мой сынъ! живая собака лучше, чѣмъ мертвый бѣднякъ[5].
52. Мой сынъ! бѣднякъ, *который поступаетъ справедливо[6], лучше, чѣмъ богачъ, который мертвъ[7] въ грѣхахъ.

*—[1] Сад. „въ печали и рыданіи“. *—[2] Сад. оп. [2]—[3] Сад. оп. все 49-е изреченіе. *—[4] Сад.: „Небольшое собранное богатство лучше большого разсѣяннаго“. [5] Сад.: левъ. *—[6] Сад.: творящій добро. [7] Сад.: погрязъ.

Лучше правдивый рабъ, чѣмъ
дный, но лживый[1].
Лучше другъ у руки,

братъ вдали[1].

Сынъ, доброе имя лучше, чѣмъ
о, которое возбуждаетъ сильное
ніе[2],

у что

ота уничтожена[a 3],
рое имя продолжается на вѣкъ.

Печ. 38. Сынъ, если *дѣла чело-
не добры[4] и онъ не пользует-
ъ мірѣ добрымъ именемъ,
не этому умереть, чѣмъ быть
ымъ.

од.: проходитъ.

Печ. Бун. оп. эти сравненія.
-2 Печ. 59: хваленая красота.
Печ. 59: болѣзнью и смертью
ится.
-4 Бун. 38: человѣкъ не совер-
ъ добрыхъ дѣлъ.

занеже ей добро створити,[1] зломь въздасть.[2]

68. Сн҃у,[3] оуне есть *вѣренъ рабъ,[4] негли[5] свободенъ невѣренъ.[6] [94]

69. Ча҃до,[7] оуне есть другъ, иже близъ *тебе живеть,[8]
нели[9] мирныи[10] [Сол. бр҃а миренъ, Ч. Ф. брать], иже[11] далече пребываеть.[12]

70. Сн҃у,[13] имѧ и слава чтьнѣе есть чл҃вку, нежели красота личнаѧ,

зане слава въ вѣкы прѣбываеть,

а личе[14] по оумрътвии оувѧдаеть.[15]

71. Сн҃у,[16] оуне[17] есть чл҃вку добра[18] смѣрть, нели[19] зол живо҃.

[1] Х. сотвори҃. [25—2] В. оп. 67-е изреченіе. [3] В. доб. анада҃. [*—4] В. рабъ вѣренъ. [5] В. не҃ли. [2—6] Х. оп. 68-е изреченіе. [7] В. сн҃оу анада҃, Х. сн҃е. [*—8] В. бываеть. [9] В. негли, Х. нежели. [10] В. близьшіи, Х. сродникъ. [11] ВХ. оп.. [12] В. прибываеть, Х. пребываяи. [13] Х. сн҃е. [14] Х. лице. [12—15] В. оп. 70-е изреченіе. [16] Х. сн҃е, В. доб. анада҃. [17] В. лоуче. [18] В. красна. [19] В. негли, Х. нежели.

52. Мой сынъ, удержи слово въ твоемъ сердцѣ,
и тебѣ будетъ хорошо отъ него;
потому что, если ты измѣнилъ твоему слову, ты потерялъ твоего друга.
53a. Мой сынъ, не выпускай слова изъ твоего рта прежде, чѣмъ ты посовѣтовался съ твоимъ сердцемъ:

53. Мой сынъ! держи[1] слово въ твоемъ сердцѣ,
и оно будетъ многое[2] для тебя,
и бойся открывать *тайну твоего друга[3].
54a. *Мой сынъ![4] не позволяй слову выйти изъ твоего рта[5] прежде, чѣмъ ты посовѣтовался[6] съ твоимъ сердцемъ.[7]

[1] Сад.: похорони. [2] Сад.: добромъ. *—[3] Сад.: свою тайну своему другу. [3] Сал. оп. изреченія №№ 26—53. *—[4] Сал. оп. [4]—[5] Сад.: Да не выйдетъ слово изъ устъ твоихъ. [6] Сад.: посовѣтуешься. [4]—[7] Сал. короче: „Не произноси слова, прежде чѣмъ не обдумаешь его".

[*? Печ. 39.* Сынъ, не говори злого пріятелю твоему,
но смѣйся ему въ лицо,
чтобы быть веселымъ между своими товарищами[1].]

[*? Печ. 73.* Сынъ, не будь дерзокъ на языкъ среди товарищей и не думай, что ты имъ милъ, ибо, когда тебя станутъ порицать, дѣло твое будетъ опозорено[2].]

54. Сынъ, не проклинай твоего сына, пока не увидишь его конецъ; и не отбрасывай его въ презрѣніе, пока не увидишь его послѣдній конецъ и заработокъ[3].

74. Сынъ[4], не открывай твоего тайнаго замысла твоей женѣ.
Ибо она слаба и малодушна, и она откроетъ это могущественному, и ты будешь презрѣнъ.

55a. Сынъ, изслѣдуй слово въ твоемъ сердцѣ

b. и затѣмъ высказывай его.

---

[1] № 39 въ Бун. отличенъ и соотвѣтствуетъ № 22 араб..

[2] Бун. 71.: „Бесѣдуя съ товарищами, не говори имъ даже и въ шутку глупостей, потому что, если они поссорятся съ тобой, за тѣ же слова будутъ позорить тебя“.

[3] Печ. Бун. оп. 54-е изреченіе.

[4] Печ. (Бун.) 40 доб.: „оказывай женѣ твоей всякую доброту, но..“ (но вопросъ, было ли это добавленіе въ первонач. арм.).

73a. сн҃ꙋ,[1] єда[2] приꙁовеши на чт҃ь дрꙋга своєго,
*веселомъ личемъ[3] прѣстои ємꙋ,
да[4] ѡнъ весело[5] срцемъ[6] ѡидеть[7] в до свои;

b. єгда ѡбѣ твориши [Х. сотвориши], *пре дрꙋго не стани[8] посꙋпленъ[9] личемъ,[10]
да не бꙋдеть ти ѡбѣдъ [В. Х. доб. в] посрамлениє[11], єгда неблгъ наречеши.

74. Сноу,[12] не благослови чл҃вка, а дрꙋгаго[13] не клени, не свѣдаѧ дѣла[14] єго,
но[15] испытавъ,[16] то же[17] ѡбѣдаи[18].

75a. сн҃ꙋ,[1] *оуне єсть[19] ѡгне болѣтѣ[20] алї[21] тржсавичею,[22]
неглї[23] жїти[24] со ꙁлою женою;[25]

b. да[26] не бꙋдеть[27] свѣта[28] в домꙋ твоємь и[29] срцнаго[30] єи не вѣщаи.[31]

76a. Сн҃ꙋ,[32] аще слово[33] хощеши рещи комꙋ,[34] то напрасно не гли, но раꙁмысли[35] въ[36] срцн[37] си;

b. да єже ти[38] на потрѣбꙋ, то гли.[39]

---

[1] Х. сн҃е, В. доб. анаданъ. [2] В. Х. єгда. *—[3] В. Х. веселымъ лицемъ. [4] Х. доб. и. [5] В. Х. веселымъ. [6] Х. лице. [7] Х. ѡиде. *—[8] В. не стани пре дрꙋгомъ своимъ. [9] В. посоуплєнымъ, Х. пꙋсꙋпленъ. [10] В. Х. лицемъ. [11] В. посрамленыи и, Х. стремленїе. [12] Х. сн҃е, В. доб. анадане. [13] В. дрꙋга. [14] Х. дѣлъ. [15] В. то. [16] Х. или спытавъ. [16—17] В. оп., Х. тожде. [18] В. Х. ѡвѣщаи, В. доб. ємꙋ. *—[19] В. лоучє. [20] Х. болѣти. [19—20] В. болѣти ѡгнемъ. [21] В. и, Х. или. [22] В. Х. тржсавицею. [23] В. нежели, Х. неже. [24] В. оп. [25] В. доб. жити. [26] Х. оп. [27] В. боудеть, Х. бꙋде ти. [28] В. свѣтъ, Х. совѣта. [29] В. оп. [30] В. Х. срчнаго. [31] В. повѣдаи, Х. вѣща. [32] В. оп., Х. сн҃е. [33] В. доб. комоу. [34] В. оп. [35] В. раꙁмысливъ. [36] В. на. [37] Х. срцы. [38] В. доб. єсть. [39] В. голи (*такъ*), Х. гли.

b. потому что лучше для человѣка споткнуться въ сердцѣ своемъ, нежели споткнуться своимъ языкомъ.

54. Мой сынъ, если ты слышишь злое дѣло, кладе его на 7 сажень подъ землю.

55. Мой сынъ, не медли, гдѣ есть ссора:

потому что отъ нея происходитъ убійство.

b. И[1] не стой между людьми спорящими,
*потому что отъ дурного[2] слова приходитъ споръ,
а[1] отъ спора **приходитъ ссора[3],
а отъ ссоры приходитъ драка[4],

c. и[5] ты будешь принужденъ *нести свидѣтельство[6];
но бѣги отсюда[7] и будь спокоенъ[8].

[1] Сал. оп.. [2] Сал.: одного. **—[3] Сал.: недалеко до вражды. [3]—[4] Сал.: а до драки еще ближе. *—[4] Сад.: во время ссоры. [5] Сад.: тогда, Сал.; и тогда. *—[6] Сад.: быть свидѣтелемъ. [5]—[6] Сал.: ты попадешь въ свидѣтели. [7] Сад.: оттуда, Сал.: отъ всего этого. [7]—[8] Сад. (Сал.): и будешь покоенъ.

[*? Печ. 39.* Сынъ, не говори злого пріятелю твоему,
но смѣйся ему въ лицо,
чтобы быть веселымъ между своими товарищами[1].]

[*? Печ. 73.* Сынъ, не будь дерзокъ на языкъ среди товарищей и не думай, что ты имъ милъ, ибо,
когда тебя станутъ порицать, дѣло твое будетъ опозорено[2].]

54. Сынъ, не проклинай твоего сына, пока не увидишь его конецъ;
и не отбрасывай его въ презрѣніе, пока не увидишь его послѣдній конецъ и заработокъ[3].

74. Сынъ[4], не открывай твоего тайнаго замысла твоей женѣ.

Ибо она слаба и малодушна, и она откроетъ это могущественному, и ты будешь презрѣнъ.

55a. Сынъ, изслѣдуй слово въ твоемъ сердцѣ

b. и затѣмъ высказывай его.

---

[1] № 39 въ Бун. отличенъ и соотвѣтствуетъ № 22 араб..

[2] Бун. 71.: „Бесѣдуя съ товарищами, не говори имъ даже и въ шутку глупостей, потому что, если они поссорятся съ тобой, за тѣ же слова будутъ позорить тебя“.

[3] Печ. Бун. оп. 54-е изреченіе.

[4] Печ. (Бун.) 40 доб.: „оказывай женѣ твоей всякую доброту, но..“ (во вопросъ, было ли это добавленіе въ первонач. арм.).

73a. сн҃у,[1] єда[2] приꙁовеши на чтⷭ҇ь друга своєго,
*веселомъ личемъ[3] прѣстой єму,
да[4] ѡнъ весело[5] срⷣцемъ[6] ѡидеть[7] в домъ свой;

b. єгда ѡбѣдъ творишн [X. сотвориши], *прⷣе другомъ не стани[8] посуплен҄ъ[9] личемъ,[10]
да не будеть ти ѡбѣдъ [В. X. доб. въ] посрамленнє[11], єгда неблгⷭ҇ъ наречеши.

74. Сн҃оу,[12] не бл҃гослови чл҃вка, а другаго[13] не клени, не свѣдав дѣла[14] єго,
но[15] испытавъ,[16] то же[17] ѡвѣдай[18].

75a. сн҃у,[1] *оуне єсть[19] ѡгнемъ болѣтѣ[20] алї[21] трꙗсавичею,[22]
неглї[23] жїти[24] со ꙁлою женою;[25]

b. да[26] не будеть[27] свѣта[28] в дому твоємь и[29] срⷣнаго[30] єи не вѣщай.[31]

76a. Сн҃у,[32] аще слово[33] хощеши рещи кому,[34] то напрасно не гл҃и, но раꙁмысли[35] въ[36] срⷣци[37] си;

b. да єже ти[38] на потрѣбу, то гл҃и.[39]

---

[1] X. сн҃е, В. доб. анаданъ. [2] В. X. єгда. *—[3] В. X. веселымъ лицемъ. [4] X. доб. и. [5] В. X. веселымъ. [6] X. лицемъ. [7] X. ѡиде. *—[8] В. не стани прⷣе другомъ своимъ. [9] В. посоуплєнымъ, X. пусуплєнъ. [10] В. X. лицемъ. [11] В. посрамленый и, X. стремленїе. [12] X. сн҃е, В. доб. анадане. [13] В. друга. [14] X. дѣлъ. [15] В. то. [16] X. или спытавъ. [16—17] В. оп., X. тожде. [18] В. X. ѡвѣщай, В. доб. єму. *—[19] В. лоуче. [20] X. болѣти. [19—20] В. болѣти ѡгнемъ. [21] В. и, X. или. [22] В. X. трꙗсавицею. [23] В. нежели, X. неже. [24] В. оп. [25] В. доб. жити. [26] X. оп. [27] В. боудеть, X. будет ти. [28] В. свѣтъ, X. совѣта. [29] В. оп. [30] В. X. срⷣчнаго. [31] В. поведай, X. вѣща. [32] В. оп., X. сн҃е. [33] В. доб. комоу. [34] В. оп. [35] В. размысливъ. [36] В. на. [37] X. срⷣцы. [38] В. доб. єсть. [39] В. голи (*такъ*), X. гл҃и.

56. Мой сынъ, всякій, кто не судитъ правдивымъ приговоромъ,

сердитъ Бога.

55. Мой сынъ! не противься[1] человѣку болѣе сильному, чѣмъ ты самъ[2], но пріобрѣти себѣ терпѣливый духъ, выносливость[3] и честное поведеніе[4], потому что[5] нѣтъ ничего *болѣе превосходнаго, чѣмъ это[6].

57. Мой сынъ, не отставай отъ друга твоего отца,
чтобы случайно твой другъ приблизился къ тебѣ.

56. Мой сынъ! *не ненавидь перваго друга,
потому что другой можетъ не продержаться[7].

---

[1] Сад. Сал.: возставай противъ. [2] Сад. Сал. оп. [3] Сал. оп.. [3]—[4] Сад.: и добрую волю, Сал.: и доброжелательство. [4]—[5] Сал. оп. *—[6] Сад.: лучше ихъ, Сал.: дороже ихъ. *—[7] Сад.: Не будь ненавистенъ первому своему другу, ибо дружба второго не вѣчна. [6]—[7] Сал. оп. 56-е изреченіе.

*Ибо, если ты перемѣняешь слово, ты льстецъ[1].

Сынъ, если ты слышишь дурное относительно кого-бы то ни было, прячь его въ твоемъ сердцѣ сажень въ глубину;
что зло умретъ и добро будетъ нено[2].
Сынъ, *не насмѣхайся легко-нно[3];
у что легкомысленная насмѣшка ссора,

ра есть убійство и смерть[4].

Сынъ, если ты пьешь вино, ивай твой языкъ отъ злорѣчія, хорошо для тебя и зовешься мъ[5].

[1] Печ. (Бун.) 41: „чтобы послѣ ть осмѣяннымъ другими". [2] Печ. оп. (ср., впрочемъ, 78, сходное 20 слав.). *—[3] Печ. 42 *ближе къ* р. прим. 5): если видишь драку ь) между двумя человѣками, не ивайся (Бун.: когда другіе де-, ты не вступайся). [3—4] Печ.: ы напрасно не умереть" (Бун.: и тебѣ достанется"). [5] Печ. 56: ь, когда пьешь вино, не будь ивъ, ибо отъ болтливости про-ятъ брань, потомъ ссора и пожа-ійство", что близко напоминаетъ . арм. № 57. Въ Бун. (56) это из-іе ближе къ рукоп. 75: „Послѣ

с. ꙁане оуне ти ѥ҇сть[1] ногою подъ-кнꙋтисѧ[2],
негли[3] ѧ҇ꙁыкомъ.

77. сн҃ꙋ,[4] ѥ҇гда бꙋдеши въ чади, то же приcтꙋпивъ[5] к нимъ, не смѣисѧ[6];
въ смѣсѣ[7] бо беꙁꙋмье[8] исходитъ,

а҇ в беꙁꙋмьи[9] сварь бываѥ҇ть,[10]
а҇ въ[11] сварѣ тѧꙁаны[12] и҇ бои[13],
а҇ в бою[14] смр҃ть,
а҇ въ смерти грѣхъ свершаѥ҇тъ.[15]

78. сн҃ꙋ[4], аще хощеши [94 об.] мꙋдръ[16] быти,
до[17] ѥ҇гда оупьѥ҇шиѥ҇ѧ[18] виномъ[19],
не гл҃и[20] много,
и҇[21] оуменъ[a] нарешисѧ.

39—[1] В. лѣп'ши. [2] В. потокнꙋтисѧ, Х. поткнутися. [3] В. Х. нежели. [4] Х. сн҃е, В. доб. а҇надѧ҇. [5] В. Х. пристоупи. [6] В. посмѣйсѧ никомꙋ же. [6—7] В. в' мѣси (*такъ*). [8] Х. беꙁꙋмие. [9] В. беꙁоумье҇, Х. беꙁꙋміе. [9—10] В. Х. свары бываютъ. [11] В. во. [12] В. тѧꙁание҇, Х. тяжа. [13] В. бои (*такъ*). [14] В. бои҇. [15] В. свер'шае҇т'сѧ, Х. совершается. [16] В. премꙋдръ. [17] В. оп., Х. да. [18] В. оу҇пье҇шисѧ, Х. ꙋпиешися. [19] В. Х. виномь. [19—20] В. нежели (*такъ!*). [21] В. оп.

[a] въ ркписи: оусменъ.

56. Мой сынъ, всякій, кто не судитъ правдивымъ приговоромъ,

сердитъ Бога.

55. Мой сынъ! не противься[1] вѣку болѣе сильному, чѣмъ ты с
но пріобрѣти себѣ терпѣливый
выносливость[3] и честное повед
потому что[5] нѣтъ ничего *болѣе
восходнаго, чѣмъ это[6].

57. Мой сынъ, не отставай отъ друга твоего отца,
чтобы случайно твой другъ приблизился къ тебѣ.

56. Мой сынъ! *не ненавидь пе
друга,
потому что другой можетъ не
держаться[7].

[1] Сад. Сал.: возставай про
[2] Сад. Сал. оп. [3] Сал. оп.. [3]—[4]
и добрую волю, Сал.: и доброжел
ство. [4]—[5] Сал. оп. *—[6] Сад.:
ихъ, Сал.: дороже ихъ. *—[7] Са
будь ненавистенъ первому с
другу, ибо дружба второго не в
[6]—[7] Сал. оп. 56-е изреченіе.

Печ. 23. Сынъ, новаго суда не
ждай несправедливо;
ь ты хоть князь, изъ границъ
выходи[1]. [Ср. ниже № 91].

. Сынъ, безъ расписки и свидѣ-
не отдавай твоего имущества,
тобы другой не отперся отъ него
тобы ты не пожалѣлъ объ этомъ[2].

. Сынъ, не забывай твоего друга,
ы ты не нашелъ другого уча-
ка въ твоемъ совѣтѣ и другѣ[а2].

Это изреченіе находится только
Париж. 58.

вки лучше засни, потому что
вызываетъ болтливость, которая
тъ повести къ дракѣ".
Бун. 23: Будучи судьей, новыхъ
новъ не создавай и изъ предѣловъ
ведливости не выходи.
Печ., Бун. оп. это предписаніе.

79. Сну,[1] аще[2] права с[4] не усудиша,[3]
то[4] лицемѣръ нарешися[5], и дние[6] его прикратятся[7].

80. Сну,[8] безумному[9] члвку[10] не смѣися, *но отступи пакы от него;[11]
и воплешивъ[а] не смѣи,[12 б]
яко[13] такъ же[14] члвкъ еси[15].

81. сну,[1] скота своего[16] безъ пастуха[17] не дай въ[18] тъщету,
да[19] не испортыши[20 в] его.

82. сноу,[8] аще[21] хощеши оумна[22] послушати, безумнаго[23] не прикладай.[24]
нѣ бо ти в неи потребы.

83. *Сну,[8] первaго друга не отганяй[25],
не согрѣшюкшю[26] ти нечтоже[27],
да и новый не отбѣгнеть[28] от тебе[29].

84. Сну,[8] на обѣдѣ сѣдъ[30], [г] гу
своему не помышляй зла, егда *отогорцаетыпи[31 д] брашно въ[32] оустѣ твои.

---

[1] Х. сне, В. доб. анадл. [2] В. иже. [3] В. соудить, Х. усудиши. [4] В. доб. и. [5] В. наречтся, Х. наречешися. [5—6] В. днь. [7] В. прикратит'ся. [5—7] Х. оп. [8] Х. сне. [9] В. безоумну. [10] Х. оп. [11—12] Х. и боголишиву не смѣнся. *—[13] В. оп. [13—14] В. такъ иже бо, Х. такъ же. [15] В. есть. [16] Х. оп. [16—17] В. не в' послу, Х. без пастуху. [18] Х. во. [19] В. и. [20] ВХ. испор'тиши. [21] Х. оп. [22] Х. оумнаго, В. доб. моужа. [23] В. безоумныя рѣчи, Х. безумнаго рѣчи. [24] В. прикладии. [25] Х. отганяй. [26] Х. согрѣшившу. [27] Х. ничтожe. [28] Х. отбѣгнетъ. *—[29] В. оп. 83-е изреченіе. [30] В. Х. сѣдя. *—[31] В. отгор'чаети, Х. огорчает ти. [32] Х. во.

[а] Съ натяжкой можно прочесть боглишивъ, *—[б] написано на полѣ. [в] буквы рт передѣланы изъ вѣ. [г] передѣлано изъ гл. [д] писецъ отнесъ первую палочку треножнаго т къ предыдущему ь, вслѣдствіе чего и получилось ып вм. ьт.

чтобы ты могъ придумать, какъ помочь ему отъ льва.

и старайся спасти его *изъ рта льва[1].

60. Мой сынъ, не радуйся надъ твоимъ врагомъ, когда онъ умираетъ.

58a. Мой сынъ![2] не радуйся при смерти твоего врага,
потому что *немного спустя[3] ты[4] будешь его сосѣдомъ;

61. Мой сынъ, если ты видишь человѣка, который сильнѣе тебя, встань передъ нимъ.

b. и[5] тому, кто осмѣиваетъ[6] тебя[7],

оказывай почетъ *и уваженіе[8] и[9] предупреждай его въ поклонѣ.

*—[1] Сад. оп. [1] Сал. оп. 57-е изреченіе. [1]—[2] Сал. оп.. *—[3] Сад. Сал.: скоро. [4] Сал.: самъ. [5] Сад.: О мой сынокъ!, Сал. оп. [6] Сад.: шутитъ съ. [5]—[7] Сал.: (врагу своему). *—[8] Сад.: самъ, Сал. оп. [9] Сал. доб.: при встрѣчѣ съ нимъ.

ч. 15. Сынъ, не входи въ цар-
палаты
вступай въ разговоръ съ же-
судьи[1].

. Сынъ, люби твоего отца, ко-
породилъ тебя, Ѣ. и не навле-
а себя проклятія твоего отца и
и, такъ чтобы ты могъ радоваться
агоденствіи твоихъ сыновей[2].
Сынъ, лучше, если украдутъ
добро,
чтобы открыли воровство въ
.[3].

о изреченіе есть только въ Па-
58.

н. 15: Въ чужой домъ на зарѣ
ходи; съ женой сильнаго бесѣды
ди.

еч. Бун. имѣютъ это предпи-
только одинъ разъ; варьянты
ны выше при № 18.

еч. Бун. оп. это сравненіе.

85. Сн҃ꙋ,[1] гн҃а своѥ̑го *чти великы[2]
не ѡ̑бнизк[3], *нїї низкїѧ[4] не възвы-
шаи̑[5]; но[6] ѥ̑же ти реть, то твори[7].

86. Сн҃ꙋ,[1] в сꙋдїи̑нъ[8] виногра̑ не
входи[9].
и̑[10] съ[11] безꙋмноѭ женоѭ *не сходисѧ[12]
и̑ свѣ с неѭ[13] не твори[14].

87. Сн҃ꙋ,[15] лживо слово, ꙗ̑ко *же
и̑[16] ѡ̑лово, тѧжело[17] ѥ̑сть.
и̑[18] напослѣкъ[19] по водѣ плаваѥ̑ть[20].

88. Сн҃ꙋ,[1] и̑скꙋсї дрꙋга своѥ̑го: и̑
ꙗ̑ви ѥ̑мꙋ таи̑нꙋ свою, и̑ мїмошѣшїмъ[21]
днемъ многымъ[22], сварисѧ с ни̑;
и̑ аще не ѧвить твоѥ̑ѧ таи̑ны,
то *любо̑ ѿ[23] всего срц҃а, ѧ̑ко из-
вѣстенъ ти ѥ̑сть дрꙋгъ;
а̑ще ли ꙗ̑вито[24] таи̑нꙋ твою̑,
ѿврависѧ[25] ѿ него и̑ пакы[26] не
възвратисѧ[27] к немꙋ[28].

89. ча̑, оу̑не ѥ̑сть, да[29] и̑нъ оу[30]
тебе оукрадеть,[31]
нели[32] ты татемь наре̑ши.[33]

---

90. Сн҃оу,[15] а̑ще пре̑ црм҃ь дрꙋга
своѥ̑го ради помощно *слово речеши,[34]

---

[1] Х. сн҃е. *—[2] В. рѣ̑ великыѧ̑. [2] Х. велики. [3] В. Х. ѡ̑бнизи. *—[4] Х. ни нискїя, В. а̑ малыѧ̑. [5] В. Х. возвышай. [6] В. а̑. [7] Х. сотвори. [8] В. сꙋсѣдень. [9] В. ходи. [10] В. а̑. [11] Х. з. *—[12] Х. оп. [12]—[13] В. и̑ с неѭ̑ с'вѣта ѿи̑ноу̑. [12]—[14] Х. не имѣй совѣта. [15] Х. сн҃е, В. доб. а̑нада̑. *—[16] В. оп. [17] В. тѧш'ко. [18] В. а̑. [19] В. Х. напослѣдокъ. [20] В. Х. плаваѥ̑ть. [21] Х. мимошедши̑. [22] Х. многи̑. *—[23] Х. люби его ѿ. [24] Х. яви̑. [25] Х. ѿвратися. [26] Х. паки. [27] Х. во̑вратися. [20]—[28] В. оп. 88-е изреченіе. [29] В. оп. [30] Х. оп. [31] В. оу̑крадаѥ̑ть, Х. покраде̑. [32] В. да не, Х. нежели. [33] В. словеши, Х. наречешися. *—[34] В. ре̑ши слово.

чтобы ты могъ придумать, какъ помочь ему отъ льва.

и старайся спасти его *изъ льва[1].

60. Мой сынъ, не радуйся надъ твоимъ врагомъ, когда онъ умираетъ.

58a. Мой сынъ![2] не радуйс смерти твоего врага,
потому что *немного спустя будешь его сосѣдомъ;

61. Мой сынъ, если ты видишь человѣка, который сильнѣе тебя, встань передъ нимъ.

b. и[5] тому, кто осмѣиваетъ[6]

оказывай почетъ *и уважені предупреждай его въ поклонѣ.

*—[1] Сад. оп. [1] Сал. оп. 57-е ченіе. [1]—[2] Сал. оп.. *—[3] Сад. скоро. [4] Сал.: самъ. [5] Сад.: (сынокъ!, Сал. оп. [6] Сад.: шути [5]—[7] Сал.: (врагу своему). *— самъ, Сал. оп. [9] Сал. доб.: при чѣ съ нимъ.

Печ. 47. Сынъ, не радуйся гибели
рага,
ю передъ тобою смерть стоитъ [1].

30a. Сынъ, если Богъ благопріят-
уетъ человѣку въ его предпрія-
хъ, почитай его [2].
b. И всякій разъ, какъ ты видишь
раго человѣка,
нимись и встань передъ нимъ
восхвали [3] его,
c. [*Печ. (Бун.) 48 доб.:* чтобы и
угіе дѣлали тебѣ то же].

Бун. 47: Несчастью и погибели
га не радуйся,—то же самое мо-
ъ случиться и съ тобой.
Печ. Бун. оп. предписаніе 80a.
Печ. 48: почти.

и бѹдеши ꙗко[1] ѿ ѹстъ львовъ[а] *изь-
талъ[2] овча носимо.[3]

91. Сноу,[4] аще на пѹть идоши,[5б]
не надѣи[6] [95] чюжемь брашнѣ,[7]
но свое да имѣеши;[8]
аще ли но[9] не имѣеши своего
*и ходити начнеши,[10]
и въ[11] ѹкоризнѣ бѹдеши.[12]

92a. снѹ,[13] дрѹ твой, иже ненавить
тебѣ,[14] аще ѹмреть,[15] ипо не[16] порадѹися;

b. ꙗко дабы живъ былъ и[17] обнизилъ и[18]
бъ, дабы ѿ[19] тебе[20] прощение принимаꙗ;[21]
и[22] подай же[23] емѹ: и[24] того ради
примеши ѿ ба благть.

93a. снѹ,[13] стара ѹзрѣвъ,

въстани[25] емѹ;[24]

b. аще ти[26] противѹ *томѹ не
ѡдасть,[27]
да[24] ѿ бга благословление[28] при-
имеши.

---

[1] В. избавилъ его аки овча. [2] Х. изꙗтъ. *—[3] В. оп. [4] ВХ. сне. [5] ВХ. идеши. [6] ВХ. надѣися, В. доб. ѿ. [6—7] Х. на чюжее брашно. [8] В. имаеши, Х. имѣй. [9] В. и, Х. оп. *—[10] В. то не ход". [11] Х. во. [10—12] В. оп.. [13] Х. сне. [14] ВХ. тебе. [15] В. ѹмреть, Х. ѹмретъ. [15—16] В. Х. то не. [17] В. оп. [18] В. бы. [19] В. ѿ. [17—20] Х. оп.. [21] В. пріалъ, Х. приꙗлъ. [22] В. оп. [22—23] Х. подаждь. [24] В. оп. [25] Х. востани противѹ. [26] В. оп., Х. ли. [27] Х. ѿда. *—[27] В. тебе не въстанеть. [28] ВХ. блгвеніе.

[а] второе в передѣлано изъ какой-то другой буквы.

[б] буква послѣ д представляетъ изъ себя о съ хвостикомъ внизу, идущимъ нѣсколько влѣво.

62a. Мой сынъ, если вóды стали бы безъ земли,

b. и воробей полетѣлъ бы безъ крыльевъ,

c. и воронъ побѣлѣлъ бы, какъ снѣгъ,

d. и горькое сдѣлалось бы сладкимъ, какъ медъ,

e. тогда дуракъ могъ бы сдѣлаться мудрымъ.

63. Мой сынъ, если ты священникъ Бога,
будь внимателенъ къ Нему и приближайся къ Нему въ чистотѣ,
и не удаляйся отъ Его присутствія.

59a. Мой сынъ! *если бы[1] вода *стала въ небесахъ[2],

b. *[Сад. 57 доб.:* „скорѣе воробьи *долетятъ до неба[3]],

c. и[4] черная ворона[5] сдѣлалась бѣлой,

d. *и смирна[6] сдѣлалась *сладкой, какъ[7] медъ,

e. тогда[8] невѣжда и[9] глупецъ *могъ бы понимать и сдѣлаться мудрымъ[10].

60a. *Мой сынъ!, если ты желаешь быть[11] мудрымъ,

b. удержи[12] твой[13] языкъ отъ лжи,

c. и[14] твою[13] руку отъ воровства,

d. и[13] твои[13] глаза[15] отъ *созерцанія зла[16];

e. *тогда **ты будешь называться[17] мудрымъ[18].

*—[1] Сад. Сал.: „скорѣе" и далѣе всѣ глаголы въ будущемъ времени. *—[2] Сад. Сал.; остановится въ морѣ (Сал.: въ своемъ руслѣ). *—[3] Сал.: полетятъ выше облаковъ. [4] Сад. оп., Сал.: скорѣе. [5] Сад. Сал.: воронъ. *—[6] Сад. Сал.: а горечь. *—[7] Сал.: слаще (чѣмъ). [8] Сад. Сал.: чѣмъ. [9] Сад. оп. *—[10] Сад.: пойметъ и выучится мудрости, Сал.: поймутъ мудрость. *—[11] Сал.: Тогда только будешь. [12] Сал.: когда удержишь. [13] Сал. оп.. [14] Сад. Сал. оп. [15] Сал.: глазъ. *—[16] Сал.: завистливаго взгляда. **—[17] Сад.: тебя назовутъ. *—[18] Сал. оп., Сад. доб.: Подобно этому говоритъ поэтъ: „Человѣкъ, удержи свой языкъ, дабы онъ не укусилъ тебя; ибо онъ—змѣя. Сколько въ могилахъ убитыхъ языками своими, при встрѣчѣ съ которыми герои побаивались".

[*Печ. 90.* Сынъ, если ты князь страны и людей,
воздержись отъ распутства,
ибо на тебѣ лежатъ заботы о всѣхъ земныхъ[1].]

[*Печ. 43*a. Сынъ, если желаешь быть мудрымъ,
b. воздержи языкъ твой отъ злословія. [Ср. № 38.]]

[1] Бун. 85: Если будешь назначенъ правителемъ, то остерегайся мести, потому что она недостойна человѣка съ высокимъ положеніемъ.

94. Сн҃ꙋ,[1] дрꙋга на ѡбѣдъ зꙁвавъ,[2] ѝномь дѣлѣ[3] не прѣставлꙗй[4] єго. то[5] ѧ҆ки ложе[6] нарешѝ.

95a. Сн҃ꙋ,[7] є҆гда[8] бода [доб. В. воспать, Х. вверхъ] потечеть,

b. ѝли птицꙗ[9] ѡпать[10] полетѝ,

c. *ѝли синечь[11] ѝли[12] срачининъ[13] ѡ҃бѣлѣєть,[14]

d. ли[15] желць[16], ѧ҆кї прѣсный мє, оуслаждѣєть,[17]—

e. погда[18] безꙋмный *оумꙋ наꙋчитсꙗ[19]

[1] Х. сн҃е, В. доб. анадане. [2] В. позвавъ. [2—3] В. къйномꙋ дѣлоу. [4] В. приставливай, Х. приставляй. [5] В. ѧ҆ще ли. [6] В ложь, Х. ложъ. [7] Х. сн҃е, [8] В. ѧ҆ще. [9] ВХ. п'тица. [10] В. на перё хвостомъ, Х. опако. [11] В. синець. *—[11] Х. оп. [12] В. оп. [13] В. срацининъ, Х. мꙋрй. [14] В. побѣлѣєть. [15] Х. или. [16] Х. желчь. [14—17] В. оп.. [18] ВХ. тогда. *—[19] В. оума наберет'сꙗ.

61a. *Мой сынъ[1]! позволяй мудрецу бить[2] тебя[3] палкой, но не позволяй глупцу мазать[4] тебя благовонной мазью.[5]

b. [*Сад. доб.:* О мой сынокъ!][6] Будь покоренъ въ твоей[7] молодости, и[8] ты будешь почтенъ въ твоей[7] старости.

64. Мой сынъ, того, кого Богъ дѣлаетъ счастливымъ,
ты также почитай.

65. Мой сынъ, не спорь съ человѣкомъ въ его день, и не стой противъ рѣки во время ея наводненія.

62. *Мой сынъ![9] не противься[10] человѣку *во дни его могущества[11] ни рѣкѣ[12] во дни ея[13] разлитія.

66. Мой сынъ, глазъ человѣка похожъ на источникъ воды,

---

*—[1] Сал. оп. [1—2] Сад.: Пусть мудрецъ бьетъ. [3] Сад. доб.: желѣзной. [4] Сад.: лить на. [1—5] Сал.: „Лучше терпѣть ударъ отъ руки мудреца, нежели получить отъ невѣжды благоуханныя мази“. [5—6] Сал.: Сынокъ. [7] Сал. оп.. [8] Сад. оп.. *—[9] Сал. оп. [10] Сад.: возставай противъ. [11] Сад.: власти. *—[11] Сал.: у власти. [11—12] Сад.: не иди противъ рѣки, Сал.: не плавай противъ теченія рѣки. [13] Сал. оп..

. Сынъ, не противься бога-
человѣку и рѣкѣ въ теченіи[1].

. *21.* Сынъ, когда идешь[2] на
бу или *въ домъ покойника[3],
арительно пообѣдай *у себя
, а потомъ ступай;
если это свадьба, то отъ избыт-
селья *о тебѣ позабудутъ[4],
сли это домъ покойника, то
сильной печали забудутъ[5] о
и ты останешься голоднымъ.
Ибо глаза заграбастаго чело-

ı. Бун. оп. предписаніе 81а.
приглашенъ. *—[3] Бун.: или
ь сопровождать покойника на
ще. *—[4] Бун. оп.. [5] Бун.: мо-
озабыть.

96. Сн҃ꙋ,[1] аще[2] к сѹсѣдꙋ[3] званъ бѹдеть [ВХ. бѹдеши],
и,[4] влѣзъ въ храминꙋ, не глѧдаи по ѹгломъ,[5]
бещественo[6] бо ти єсть.[7]

97. Сн҃ꙋ,[1] єго же б҃ъ ѡбогатить,
то не завидї ємꙋ,
но боле,[8] єлико мога, почьсти[9] и.[10]

98. Сн҃ꙋ,[11] єгда внидеши в[12] печа-[ле][a]нъ[13] домъ,[14]
то ѿ питеи[15] и ѿ ꙗдении[16] не молви;

єгда сѧдеши[17] на радостнѣ[б] ѡбѣдѣ,[18]
тогда бѣды не поминаи.[19]

99. сн҃ꙋ,[11] *чл҃вчи ти[20] ѡчи[21] ꙗко
источники[22] кыпѧ.[23]

[1] Х. сн҃е, В. доб. анаданъ. [2] В. оп. [3] Х. сосѣдꙋ. [4] В. оп.. [5] В. ѹгламъ. [6] Х. бѣчестно. [5—7] В. тать наречешисѧ. [8] В. оп. [9] В. и почти, Х. почти. [10] В. єго. [11] Х. сн҃е. [11—12] В. оп.. [13] ВХ. печаленъ. [14] В. доб. внидеши. [15] В. питьи, Х. питїи. [16] В. ꙗденьи, Х. ꙗденїи. [17] В. оп. [18] ВХ. ѡбѣдѣ, В. доб. сѧдешї. [19] В. воспоминаи, Х. поминаи. *—[20] В. человечестїи, Х. чл҃чьїи. [21] В. доб. кипита. [21—22] В. ꙗки источникъ. [23] В. оп., Х. кипѧ.

[a] стоящее въ скобкахъ отсутствуетъ въ ркписи. [б] о похоже на ь.

и онъ не удовлетворяется богатствами,
пока онъ не наполненъ перстью.

67a. Мой сынъ, если твое желаніе быть мудрымъ,
b. удерживай твой языкъ отъ лжи,
c. и твою руку отъ кражи,
d. и ты сдѣлаешься мудрымъ.

68. Мой сынъ, не участвуй въ обрученіи женщины,

63. *Мой сынъ[1]! не будь по
шенъ въ замужествѣ женщины[1]

*—[1] Сал. оп. [1]—[2] Сад.: не пом
сватовству, Сал.: Не сватай.

аполняются,[а]

ѣ только прахомъ[б] [1].

Печ. 87. Сынъ, у человѣка, мы-
даго какъ свинья, нѣтъ друга,
онъ говоритъ въ душѣ, что „жизнь
не пройдетъ и достояніе мое
уменьшится“, и онъ не знаетъ,
Богъ внезапно даетъ ему смерть,
о имущество другимъ, которые
огда о немъ не вспомнятъ][2].

2. Сынъ, не оканчивай помолвки
омъ,

Париж. 69 доб.: «сокровищемъ».
Париж. 58 оп. все 81-е изреченіе.

Печ. (Бун.) 16 ближе къ сир.:
ъ, человѣческій глазъ жаденъ и
овольствуется сокровищемъ (Бун.:
акими сокровищами) до входа въ
ю. [2] Бун. оп. все изреченіе.

ѝ скота[1] не насытиста̑;[2]

но когда[3] оумреть, ѝ[4] перь̑[5] насытитсѧ[2].

100. сн҃ꙋ,[6] нмѣнаѧ̑[7] ѝмѣѧ̑,[8] не оумарѧѝ[9] гл҃аммъ *себо[а] гладомъ[10] ѝ жежею[11],

оумершю[12] бо[13] тобѣ,[14] ѝнъ *приѝмеⷮ[15] ѝ начнеⷮ веселитисѧ[16] всемъ,[17] а̑ ты всюⷮ[18] трꙋжялъсѧ[19] бꙋдеши.[20]

101. Сн҃ꙋ,[6] а̑ще чл҃кꙋ[21] въ[22] оубожествѣ оукрадеть,[23] то прочеⷮ помилꙋѝ е̑го, ꙁане[24] не ѿнъ то створилъ:[25] оубожество принꙋдило ѝ бꙋдеть.[26]

102. Сн҃ꙋ,[6] на бра̑ [ше̑][б27], **[95 об.]** *долго не[28] сѣди,

---

[1] X. никогда. [23—1] B. сребра. [2] B. насытитасѧ, X. насытятся. [3] B. е̑гда, X. тогда егда. [4] B. оп., X. тогда. [5] BX. пер'сти. [6] X. сн҃е. [7] BX. ѝмѣние̑. [8] X. нмѣа. [9] B. оу̑морѧѝсѧ, X. ꙋморяй себе. [*—10] BX. оп. [11] B. жажею̑, X. жаждою. [12] X. ꙋмершꙋ. [13] B. же. [14] B. тебе, X. тебѣ. [*—15] B. пріиметь, X. пріимеⷮ е̑. [16] B. радоватисѧ. [16—17] X. в не̑, B. оп.. [18] X. весꙋе. [19] X. трꙋжался. [17—20] B. оп.. [21] B. во, X. чл҃къ. [22] X. во. [23] B. чл҃къ ѿкрадет'сѧ, X. доб. что; далѣе BX. доб.: не ѡбличи е̑го, а̑ще ли (X. доб. ꙋ) тебе покрадеть (X. ꙋкрадеⷮ). [24] B. за неже; далѣе въ B. нѣтъ двухъ страницъ, вслѣдствіе чего отсутствуетъ конецъ Акирова поученія и разсказъ повѣсти до отвѣта царя на сообщеніе Акира о безалаберномъ поведеніи Анадана; поэтому далѣе до конца поученія варьянты приводятся изъ одного X.. [25] X. сотворѝ но. [26] X. оп.. [27] X. шедя. [*—28] X. не долго.

[а] Послѣ в стоитъ о. [б] ше̑ уже настолько выцвѣло, что теперь незамѣтно.

потому что, если ей не будетъ хорошо, она будетъ проклинать тебя; а если ей будетъ хорошо, она не вспомнитъ тебя.

потому что [1], если пойдетъ хор
*она скажетъ: „Мой господинъ,
бди меня необходимымъ;“[2]
а если пойдетъ дурно, *она будетъ
кать того, кто былъ причиной эт

[2—1] Сад.. оп.. *—[2] Сад.: они не хвалятъ тебя, Сал.: супруги не дутъ благодарить.

*—[3] Сад.: то будутъ ругать и клинать, Сал.: проклянутъ тебя.

что они видятъ, что добро
а и счастья;

юе приписано тебѣ, и они
ютъ тебя интриганомъ.[a1]

5. Сынъ, если пойдешь въ
пенное мѣсто, гдѣ окажется
пе и почетнѣе тебя,
дись на высшее мѣсто,
і послѣ, постепенно, съ по-
не спускаться на низшее[2].]
Сынъ, если рѣки остановятся
ъ теченіи *или солнце на
пути[3],
і если желчь[4] станетъ сладка,
ъ,
ворона станетъ бѣлъ, какъ

но такъ *безсмысленный че-
оставитъ свой недостатокъ
и глупецъ сдѣлается осмы-
ъ[5].
нъ, не ходи слишкомъ часто[6]
твоего друга,
онъ не возненавидѣлъ тебя.

рм. здѣсь темно. [6] Канон.
шкомъ".
(и Бун.) 17 ближе во второй
сир.: Сынъ, не будь при-
дачи замужъ дочери кого-
человѣка чужого, ибо, если
жется потомъ дурнымъ, тебя
роклинать, а если будетъ
ъ, то о тебѣ и не вспомнятъ.
Если тебя пригласятъ куда-
ъ гости или на свадьбу, не
первомъ мѣстѣ, а то, когда
постарше тебя, придется тебѣ
ваться на низшее мѣсто;
дись ниже всѣхъ; тогда тебѣ
редлагать мѣсто все выше и
такимъ образомъ, ты зай-
етное мѣсто. *—[3]Печ. (Бун.)
—[4] Печ.: и. *—[5] Печ.: „и наг-
ѣшится отъ своей наглости.
доб.: „насытившись".

*ѥ҆гда преже[1] похода твоѥго ѿже-
нꙋть[2] тѧ.

103. [Третья рус. ред., № 915, 13:
а҆ прид҃е на пи҃,

не садися к бо́ши҃ люде҃;
а҆ какъ прідꙋ҃ мѣши тебя, по҃вигнꙋ҃
тя, и҆ ты будеши чес҃те].

104. сн҃ꙋ,[3] къ[4] дрꙋ҃гꙋ своѥмꙋ не
[X. доб. часто] ходи,[5]
ѥ҆гда[6] бещьсти[a] внидеши.[7]

*—[1] X. и егда прежде. [2] X. изжено҃.
[3] X. сн҃е. [4] X. ко. [5] X. оп. [6] X. доб.
насыти҃ся тя и. [6—7] X. бе҃честенъ бꙋдеши.

[a] є изъ ѥ҆.

69a. Мой сынъ, тотъ, кто изященъ въ своемъ платьѣ, изященъ также въ своей рѣчи,

b. и тотъ, кто въ своемъ платьѣ небреженъ, небреженъ также въ своей рѣчи.

70. Мой сынъ, если ты найдешь находку передъ идоломъ, то поднеси идолу ея часть.

71. Мой сынъ, рука, которая была удовлетворена и теперь голодна, не дастъ,

ни рука, которая была голодна и теперь удовлетворена.

72a. Мой сынъ, пусть твои глаза не смотрятъ на женщину, которая красива;

b. и не интересуйся красотой, которая тебѣ не принадлежитъ,

потому что многіе погибли черезъ красоту женщины,

64a. Мой сынъ! кто изященъ въ своей одеждѣ, тотъ таковъ же въ своей рѣчи;

b. а тотъ, кто имѣетъ дурной внѣшній видъ въ своей одеждѣ, таковъ также въ своей рѣчи[1].

65. Мой сынъ! если ты совершилъ[2] кражу, *сдѣлай ее извѣстной султану и[3] дай ему часть ея,

чтобы ты могъ быть избавленъ отъ него,

*потому что иначе[4] ты[5] будешь терпѣть горесть[6].

66. Мой сынъ! дѣлай друга изъ человѣка, котораго рука насыщена и наполнена,

и не дѣлай друга изъ человѣка, котораго рука закрыта[7] и голодна[8].

---

[1] Сад. и Сал. оп. 64-е изреченіе. [2] Сад.: совершишь. *—[3] Сад.: и о тебѣ узнаетъ султанъ, то. *—[4] Сад.: и тогда. [5] Сад. доб.: не. [6] Сал. оп. 65-е изреченіе. [7] Сад.: пуста. [6]—[8] Сал.: „Сынъ мой! Дружись съ сытымъ, у котораго рука щедра, и бѣги отъ богатаго человѣка, который самъ живетъ впроголодь и скупъ для другихъ".

Печ. 46. Сынъ, не кради до-
нія людей,

бы не быть казненнымъ смертью
той жизни
: горѣть въ неугасимомъ огнѣ
ь[1].

. Сынъ, собаку, которая оста-
гъ своего хозяина и слѣдуетъ за
і,
ни ее камнями[a 2].

ɪеч. 85. Сынъ, не исполняй
й похоти съ женами другихъ,

од. Вен. доб.: „которыхъ нѣтъ“.

ги. 46: „Не воруй ничего, потому
а томъ свѣтѣ за это будешь ввер-
въ геенну огненную“. [2] Печ.
оп.; ср., впрочемъ, № 72 для
нта изъ рус. сп. X..

105a. сн҃ꙋ, в новѣ портѣ ѡблачася,* и възраченъ бꙋдеши[2],
и иномꙋ имѣющю[3] не завіди.

b. *е же[4] порты свѣтлы,
того и рѣ чисна[5] есть.

106. Сн҃ꙋ,[1] аще имѣа или не имѣа,
то не прѣбывай в печали. коа[6] бо
ти *полз принесется[7] печаль.

107. Сн҃оу, аще песъ, ѿставъ[8]
гн҃а, *по иномъ [Сол. по тебѣ] поиде въ слѣ,[9] то *ѡбращься [Сол.
ѡбрати], в земь[10] камень и оударить
[Сол. оудари] и.
тако же бо, и [X. доб. жена, иже]
та ѡставивъ,[11] по иномь потечеть.

[1] X. сне. *—[2] X. возвеселившися. [3] X. имѣющꙋ. *—[4] X. его. [5] X. свѣтла. [6] X. кꙋю. *—[7] X. ползꙋ принесе. [8] X. оставивъ. *—[9] X. за иныи потече. *—[10] X. обрящся в'земъ. [11] X. остави.

и ея любовь была огнемъ, который сожигаетъ.

[ибо чужая жена подобна соленой водѣ, которую, сколько ни пей, столько же будешь жаждать, и унаслѣдуешь дурное имя[1].]

86. Сынъ, благія дѣла и чистая жертва угодны Богу; и бойся срама, какъ ты боишься Бога[2].

87. Сынъ, принятіе грѣшнаго замысла въ твое сердце есть противоборство дэва[a];

и сопротивленіе есть основаніе дѣлъ и оплотъ вѣры[2].

88a. Сынъ, того, что кажется дурнымъ для тебя, не дѣлай твоему товарищу;

b. и того, что не твое, не давай другимъ[3].

89a. Сынъ, люби истину и ненавидь *беззаконность и[6] лживость[4].

b. Предоставляй ухо приказаніямъ Бога и не бойся несчастія. Ибо приказаніе Бога есть оплотъ человѣка.

90a. Сынъ, бѣги отъ человѣка, который золъ и говоритъ фальшиво[4];

[a] или дэву; персидское слово, которое въ древнемъ арм. обыкновенно обозначаетъ демона. *—[6] Вен. оп..

[1] Бун. 82: „Не связывайся съ посторонней женщиной, такъ какъ она, подобно соленой водѣ, вызывающей еще большую жажду, не удовлетворитъ тебя, и ты только пріобрѣтешь дурную славу“. (Параллель къ рукоп. арм. 39, Печ. Бун. 8).

[2] Печ. Бун. оп. эти поговорки.

[3] Печ. Бун. оп. 88b.

[4] Печ. Бун. оп. предписаніе 89a, 90a.

108. Сн̃оу,[1] аще тебе сꙋсѣдъ[2] нелюбити начнеть, но ты паче люби и̑,

да не приведеть *на тѧ[3] досаженїѧ̑, тобѣ не вѣдꙋщи.[4]

109a. Сн̃ꙋ[1], аще *ꙁломысль мыслъ[5] твои̑ въсхощ҄еа[a] *ти добра творити и̑,[6] то вборꙁѣ не и̑ми е̑мꙋ вѣры,

b. да не, прѣльстивъ тебе, свои̑ гнѣвъ съвршить[7] на тѧ.

[1] Х. сн̃е. [2] Х. сосѣдя. *—[3] Х. тебѣ. [3]—[4] Х. досажденія тебѣ не вѣдꙋщꙋ. *—[5] Х. сопостат̃. *—[6] Х. .д. тѣ* сотворити. [7] Х. соверши̑т.

[a] о похоже здѣсь въ ркпси на е.

73. Мой сынъ, позволяй мудрецу бить тебя многими ударами,

и не позволяй дураку мазать тебя душистой мазью.

b. потому что жадность мать всѣхъ золъ *и всѣ зла произошли отъ безстыдства[1].

[*Печ.* 20. Сынъ, если человѣка ведутъ, чтобы повѣсить,
не шествуй впереди его, дабы онъ не предалъ тебя и не сказалъ, что „этотъ тоже мой товарищъ“[2].]

[*Печ.* 62. Сынъ, лучше вражда мудраго человѣка,
чѣмъ любезность безумнаго человѣка[3].]

91. Сынъ, не люби суда [a];
потому что если даже ты получилъ лучшій, чѣмъ твой противникъ, все же будь въ страхѣ передъ судомъ Бога.

92. Сынъ, тотъ, кто прямъ въ душѣ, есть солнце, дающее свѣтъ,
и тотъ, кто измѣнникъ въ сердцѣ, мраченъ съ тьмой;
и тотъ, кто великодушенъ въ сердцѣ, полонъ милосердія.
Тотъ, кто загребущъ, даже хотя

[1] Кан. доб.: „неправедности“.

*—1 Печ. 76: „и родитель всѣхъ грѣховъ“. Далѣе доб. Печ.: „а милосердіе споспѣшествуетъ всѣмъ благамъ“ (Бун. 74: „а милосердіе—родительница всѣхъ добродѣтелей“). [2] Бун.: „Если кого-нб. ведутъ на казнь, то впереди шествія не иди, иначе осужденный, пожалуй, увидитъ тебя и скажетъ: „вотъ мой соучастникъ“. [3] Бун. 61: Лучше имѣть умнаго врага, чѣмъ глупаго друга.

110. *Сн҃ꙋ, а҆ще чл҃вкъ согрѣшитъ ти грѣха ради,
то не г҃ли, ꙗ҆ко без лѣпа[a] казнѧть и҆,
да не впадеши в такꙋю҆ же казнь.[1]

111a. сн҃ꙋ,[2] оу҆не є҆сть ѿ премꙋдра бьє҆нꙋ[3] быти,
неже ѿ безꙋмна масломъ пома҆занꙋ быти.

b. зане оумен[4] а҆ще оударитъ тѧ, тако мнитсѧ є҆мꙋ, ꙗко сам сѧ оу҆дарѧє҆тъ, и҆ напослѣдь[5] размышлѧє҆тъ, како бы тѧ оутѣшитъ.[6]

c. а҆ безьмный[7] [*такъ*], є҆диная҆ цатыры[8] масла помазавъ[9] тѧ, тысащꙋ хощетъ прияти зла҆.

*—1 Х. оп. 110-е изреченіе. [2] Х. сн҃е. [3] Х. біенꙋ. [4] Х. ꙋмный. [5] Х. на послѣдокъ. [6] Х. ꙋтѣшити. [7] Х. безꙋмный. 7—8 Х. единою цаты мѣры. [9] Х. помазавъ.

[a] п исправлено изъ н.

гъ и имѣетъ что-нб., тѣмъ не мее тупъ разумомъ [а] [1].

93. Сынъ, въ домъ пьяницы не ходи; и, если ты войдешь, не мѣшй тамъ;

потому что въ твоихъ привычкахъ станешься пустъ и празденъ[2].

94. Сынъ, не злословь твоего товаища ни вблизи ни вдали;

ибо дурныя слова легко дойдутъ этого господина и поведутъ къ орамъ [б] [3].

95. Сынъ, Богъ назначилъ вино ди веселія; но въ непотребномъ встѣ или въ какомъ-либо другомъ изкомъ и неподобающемъ мѣстѣ учше пить навозъ, чѣмъ вино [в] [4].

96. Сынъ, пьяный человѣкъ думаетъ ъ своей душѣ такъ: „Я молодецъ, все, что я говорю, я говорю мудро".

Онъ не знаетъ, что, если онъ встрѣтится съ человѣкомъ храбрымъ, тотъ повалитъ его при первомъ прикосновеніи его рукъ прямо на землю и оволочетъ его.

(97. Сынъ, если ты увидалъ, что вой врагъ упалъ, погорюй надъ имъ, чтобы ты могъ сдѣлать друга зъ него,

---

[а] №№ 93—100 находятся только въ ариж. 58 и Вен.. [б] Ркп. 58 даетъ го наставленіе на позднемъ и темомъ армянскомъ языкѣ, и ея текстъ вно ошибоченъ. [в] Вен. доб.: „Пьяный человѣкъ подобенъ стрѣлѣ во шадинѣ лука, которая не поражаетъ икого другого, а разбиваетъ его обственную голову".

[1] Печ. Бун. оп. это изреченіе. [2] Ср. ъ арм. рук. № 67; въ Печ. Бун. ѣтъ этого предписанія. [3] въ Печ. ун. нѣтъ этого предписанія. Ср., впрочемъ, въ Печ. № 39. [4] Это изреченіе находитъ себѣ сходство въ 67 Печ. и 66 Бун..

74. Мой сынъ, пусть твоя нога не бѣжитъ за твоимъ другомъ,

[*Сад. 76.* О мой сынокъ! Само дурное для человѣка оставлять сво домъ и ходить въ чужой въ праз ничные дни;

но если ты будешь насмѣхаться надъ нимъ, то когда онъ опять встанетъ, онъ отплатитъ тебѣ зломъ)[а] [1].

98a. Сынъ, пьяный человѣкъ думаетъ, что земля быстро вертится кругомъ; въ своемъ ходѣ онъ не знаетъ, что его голова разстроена,[2]

b. потому что какъ земля мать всѣхъ растеній и приносящихъ плодъ вещей, такъ вино мать всѣхъ золъ, оно заставляетъ людей болѣть различными болѣзнями, и убивать другихъ безъ милости; оно разстраиваетъ человѣка и измѣняетъ его природу въ природу животнаго.

99. Сынъ, бѣги отъ поручительства,

но если вы живете поручителемъ, то приходите къ рѣшенію, что вы должны выдать изъ вашего кошелька; и не только вашъ кошелекъ, но и волосъ съ вашего подбородка.[б] [3]

100. Сынъ, не будь фальшивъ въ рѣчи;

потому что, если тебя найдутъ разъ фальшивымъ, тогда, если ты будешь говорить правду, будутъ считать тебя фальшивымъ и не повѣрятъ тебѣ.[в] [4]

[а] Это наставленіе было уже выше (№ 11) въ почти тожественныхъ выраженіяхъ. [б] это предписаніе изложено на дурномъ позднемъ армянскомъ, и я (говоритъ Кониберъ) передаю смыслъ послѣдняго нравоучительнаго изреченія предположительно. [в] это предписаніе также на позднемъ армянскомъ языкѣ.

[1] Въ Печ. Бун. нѣтъ этого предписанія. [2] въ Печ. и Бун. нѣтъ изреченія 98a. [3] Ср. 69c. [4] Печ. Бун. оп. № 100.

чтобы онъ не былъ насыщенъ тобою и чтобы онъ не возненавидѣлъ тебя.

[Дил. доб.: Мой сынъ, когда ты пріобрѣтаешь друга (перваго), испытывай его, и тогда пріобрѣтай (его дружбу). Но не хвали человѣка, котораго ты не испыталъ.

Мой сынъ, не отдаляйся отъ своего перваго друга,
чтобы твой новый другъ не оказался непостояннымъ для тебя.][1]

75a. Мой сынъ, не надѣвай золотого кольца на твой палецъ,
*если у тебя нѣтъ [богатствъ] *[или:* если это не твое],

b. чтобы дураки не издѣвались надъ тобой.

[въ этомъ случаѣ его обвинятъ въ сплетняхъ.]

[Дил. доб.: Мой сынъ, есть четыре вещи, при которыхъ никакой король не можетъ держаться: недостатокъ совѣтника, дурное управленіе, злой умыселъ и угнетеніе его подданныхъ.

Мой сынъ, четыре человѣка не могутъ скрыться: мудрецъ, глупецъ, богачъ и бѣднякъ.][2]

[1]Есть четыре вещи, въ которыхъ ни царь ни его армія не могутъ быть защищены:[2] притѣсненіе со стороны [3]визиря,[3] и[4] дурное управленіе, *и извращеніе воли,[5] и[6] тираннія надъ подданнымъ;[7]
и четыре вещи, которыя не могутъ быть скрыты:[8] умный, и[9] дуракъ, и[9] богачъ, и бѣднякъ.[10]

[1] Повидимому, Диллонъ взялъ первое предписаніе о другѣ изъ араб. версіи, именно изъ предписанія № 15a, а второе изъ № 56 араб. версіи, хотя онъ является только видоизмѣненіемъ № 57 сир. версіи.

[2] Изреченія о четырехъ вещахъ и четырехъ человѣкахъ, повидимому, заимствованы Диллономъ изъ араб. версіи.

[1] Сад. доб.: „О мой сынокъ!“ и такимъ образомъ вводитъ это изреченіе въ рядъ предыдущихъ. [1]—[2] Перефраз. Сад.: „При четырехъ (вещахъ) не удержится ни власть ни войско“, Сал.: „Въ четырехъ случаяхъ царь не удержится на тронѣ, и войско не поможетъ ему“. [2]—[3] Сад.: при обманчивости министра, Сал.: при дурномъ министрѣ. [4] Сад. Сал.: при. *—[5] Сад.: при дурномъ намѣреніи, Сал.: при дурныхъ намѣреніяхъ правителей. [6] Сад. Сал. доб.: при. [7] Сад. Сал.: подданными. [7]—[8] Сад.: „и четырехъ качествъ не скроешь: (качество)“, Сал.: четырехъ людей всегда и вездѣ отличишь. [9] Сад. Сал. оп.. [10] Далѣе въ Сад. есть 14 (№№ 66—79) лиш-

101. *И я говорю Надану:[1]
Сынъ, прими въ твою душу мои (н)аставленія и не забывай ихъ.*[2]"

112. Сн҃оу,[1] єже та [96] наоучихъ,[2] то с прикоупомо[3] въздаи же[4] ми ѿ всего и и[5] ѿ моего."

*Мѣсто, которое слѣдуетъ до во(зо)бновленія разсказа (до § 104), на(п)исано на вульгарномъ армянскомъ (яз)ыкѣ.

*—[1] Печ. оп. (Бун. не имѣетъ (вс)его этого предписанія). [1]—[2] Печ. : „Сынъ мой Натанъ! все, чему я (те)бя научилъ, помни и исполняй" и (да)лѣе доб.: „этимъ ты станешь му(др)ымъ среди товарищей своихъ и (прослав)ишься въ глазахъ царей".

[1] Х. Сн҃е. [2] Х. ноучи. [3] Х. прикоупо. [3]—[4] Х. воудаждь. [5] Х. оп. Здѣсь въ Х. на полѣ приписка: соломо не ими врагъ во всяко время.

нихъ противъ Карш. изреченій. Изъ нихъ № 66 соотвѣтствуетъ сир. (арм. и слав.) № 45 и 46; 72 представляетъ повтореніе и варьянтъ къ первой половинѣ 54 Карш. (51 Сад.): „О мой сынокъ! Не спѣши въ разговорѣ и обдумай слово въ своемъ сердцѣ раньше, чѣмъ твой языкъ споткнется имъ"; 76 напоминаетъ 74 сир., 84 арм. и 104 слав.; 77 по началу напоминаетъ нѣсколько № 40 арм.; 78 повторяетъ тему № 9 Карш. (№ 6 Сад.); 6-я заповѣдь № 79 соотвѣтствуетъ 6 сир., 39 арм., 46 слав.. Вотъ не приведенныя еще изреченія:

67. О мой сынокъ! Сохраняй свою душу и береги ее; она дороже всего.

68. О мой сынокъ! Не давай тѣлу то, что не доставляетъ для души покоя.

69. О мой сынокъ! Ѣшь въ сутки разъ, и также удовлетворяйся безъ пьянства малымъ количествомъ напитка.

70. О мой сынокъ! Береги себя отъ грѣха и воздержись отъ прелюбодѣянія.

71. О мой сынокъ! Устрани себя и свой слухъ отъ невозможныхъ и пустыхъ рѣчей и береги себя отъ лжи. (Ср. сир. 67, араб. 60, арм. 90 и 100).

73. О мой сынокъ! Не люби обилія сна и пусть глаза твои не увидятъ его; не вѣрь всему, что слышалъ: можетъ быть, налгалъ тотъ, кто тебѣ передалъ. (Ср. для второй половины въ слав. № 20).

74. О мой сынокъ! Не позволяй женщинамъ связывать тебя и не желай много дѣтей, ибо женщина соблазнъ и камень для мудреца, и не желай (не давай воли) вредной страсти, и да будетъ забота твоя только спасеніе души своей (Ср. арм. 34).

75. О мой сынокъ! Не разговаривай съ женщиной въ скрытномъ мѣстѣ, дабы не обвинили тебя по отношенію къ ней, тогда люди будутъ говорить о тебѣ на улицахъ, и ты тогда надѣнешь платье позора. (Нѣсколько напоминаетъ 58 сир.)

78. О мой сынокъ! Берегись да еще берегись женщинъ, не довѣряй имъ ни имущества ни управленія домами, ибо если онѣ (ошибка: „она "или „ты") достигнутъ высшаго своего могущества, то лучшее изъ государствъ подвергаютъ гибели; и дѣйствительно добродѣтельная изъ нихъ лукава и блудлива подобно змѣѣ; если ты имъ довѣришь тайну, то она сдѣлается извѣстной; если ты окажешь имъ благодѣяніе, то оно про-

102. Вопросы царскихъ сыновей и отвѣтъ Кикара.

*Houday и Baliayn[a] задавали вопросы Кикару, и Кикаръ сказалъ Наѳану: Есть четыре вещи, которыя возвращаютъ свѣтъ глазамъ человѣка: смотрѣть на цвѣты, ступать босою ногою по зелени, ходить по водѣ и смотрѣть на друга.

Четыре вещи есть, которыя дѣлаютъ человѣка жирнымъ и даютъ ему здоровье: носить полотно и слушать такія вещи, какія кажутся ему пріятными; въ домѣ пріятный и здоровый воздухъ и видѣть далекаго (друга) въ хорошемъ состояніи.

И есть четыре вещи, которыя улучшаютъ пиръ человѣка: во всѣ времена разговаривать хорошо, въ каждомъ

*—[a] Вен. передаетъ имена такъ: Shoutay и Bayilan.

падетъ; онѣ говорятъ, но онѣ лживы; онѣ клянутся въ то время, какъ онѣ невѣрны; онѣ даютъ свои показанія, хотя онѣ отсутствовали; онѣ отказываются, хотя онѣ этого желаютъ, подобно тому, какъ о нихъ говоритъ поэтъ:

„О если бы женщины знали, какова ихъ непорочность; послѣдняя подобна трупу, въ которомъ роются черви.

Сегодня принадлежитъ тебѣ ея тайна и бесѣда, а завтра другому ея рука и кисти ея руки.

Она подобна хану (постоялому двору): ты въ немъ живешь, а на слѣдующее утро уѣзжаешь, а послѣ тебя въ немъ остановится тотъ, котораго ты не знаешь".

И говоритъ также:

Говорятъ: „женись"; я отвѣтилъ: „никогда, зачѣмъ принести къ себѣ въ домъ мѣшокъ со змѣями.

Былъ я свободнымъ, зачѣмъ мнѣ быть рабомъ? нѣтъ благословенія Божія надъ женщинами".

Говорилъ также:

Велятъ жениться, я сказалъ: „что за поспѣшность, или же пожаръ съ дымомъ у моей тети?"

Они говорятъ, что женщины—рай для мужчинъ, я отвѣтилъ: „мнѣ адъ лучше этого рая".

79. Да еще мое дитя Наданъ! Я хочу учить тебя десяти заповѣдямъ, которыя мудрый Аристотель преподавалъ своему сыну:

(первая заповѣдь) если кто довѣритъ тебѣ что-нб., то не будь невѣрнымъ;

(вторая) если кто тебя спроситъ, то не будь лжецомъ;

(третья) если кто открылъ тебѣ тайну, то не выдавай ея;

(четвертая) если на пути встрѣтишь злого и лукаваго, то бѣги отъ него;

(пятая) не дружись съ тѣмъ, о которомъ не знаешь ни добра ни зла;

(седьмая) спи, только опасаясь дѣтей отъ прелюбодѣянія;

(восьмая) когда ты въ дорогѣ, не довѣряй спутнику;

(девятая) когда ты рѣшаешься на какое-нб. дѣло, то подкрѣпи себя своими деньгами;

(десятая) если случится тебѣ трудное дѣло, то уповай на Всевышняго Бога.

словѣ избѣгать нанесенія оскорбленія, жить смиренно, говорить мало, скромно въ малыхъ и большихъ дѣлахъ.

И есть четыре вещи, которыя вызываютъ слезы (букв.: воду) на человѣческое лицо: власть любви, говорить слишкомъ много и хвастаться, что кто-нибудь знаетъ то, чего онъ не знаетъ, (скрывать что-нибудь, вязать сѣть и попадать въ нее)[a], и ложныя рѣчи.

103. Они спрашивали мудреца и сказали: „Какая самая пріятная вещь на землѣ?“

Онъ отвѣчалъ: „Скромность. Тотъ, который имѣетъ скромное лицо, пріятенъ. Ибо всѣ несчастія—порожденія безстыдства и безумія“.

---

[a] Вен. оп. слова въ скобкахъ.

76. Это ученіе, которому Аḫиḳаръ училъ Надана, сына своей сестры.

68. Такъ сказалъ Хайḳаръ.[1]

III.

1. Но я, Аḫиḳаръ, подумалъ,

что все, чему я научилъ Надана,

онъ запомнилъ въ своемъ сердцѣ,

и что онъ стоитъ на моемъ мѣстѣ въ воротахъ царя;

2. и я не зналъ, что

Наданъ не внималъ моимъ словамъ,

но разсыпалъ ихъ какъ бы по вѣтру;

3.

и онъ обернулся и сказалъ,

4. что мой отецъ Аḫиḳаръ постарѣлъ,

III.

1. Я, Хикâръ, думалъ теперь,

что все, чему я училъ своего племянника Надана,

онъ и упомнилъ, сохранилъ въ сердцѣ

и извлекъ изъ этого много пользы,

и онъ хотѣлъ даже быть на моемъ мѣстѣ предъ царемъ Санхерибомъ и служить ему.

2. Я не зналъ, что [все то], чему только я училъ его, онъ не запоминалъ и ничего не извлекалъ изъ него, даже не слушалъ моихъ словъ

и не обращалъ вниманія на мои приказанія,

3.

но сталъ смѣяться надо мной и говорилъ:

4. „Хикâръ сталъ старъ и дряхлъ,

[1] Сал.: „Это и многое другое преподалъ Хайкаръ своему племяннику Надану“; Агуб.: „Таковы были наставленія, которыя мудрый Гейкаръ далъ Надану“.

104. И[А] это было[1] наставленіе, которымъ я училъ Наѳана, сына своей сестры.

Всему этому я училъ Наѳана, сына своей сестры, я Кикаръ, главный секретарь царя Сенехарима.

III.

1. Итакъ я предполагалъ въ моей душѣ,
что ученіе и наставленіе, которое я преподавалъ Наѳану,
будетъ пребывать и останется
и что онъ сохранитъ его въ своей душѣ.

2. И я не зналъ, что

онъ презрѣлъ мои слова,

и развѣялъ ихъ подобно мякинѣ по вѣтру,
3.
предполагая въ своемъ умѣ,

4. что Кикаръ, отецъ его, очень устарѣлъ

[А] Здѣсь текстъ ркп. Канон. ближе къ сирійскому, чѣмъ лучшіе армянскіе списки:

„Всему этому я училъ Наѳана, сына моей сестры,

1. думая такъ, что то, чему я его училъ, онъ удержалъ въ своемъ сердцѣ и жилъ въ царскихъ воротахъ.

2. И я не зналъ, что онъ презрѣлъ мои слова и развѣялъ ихъ, какъ пыль, по вѣтру.

[1] Печ.: есть.

113.

И[1] семꙋ всемꙋ наоучи[1] азъ акіръ сестрасница[2] своего анадана.

III.

1. *азъ акиръ[3] тако рѣ *въ срцѝ своемь.[4] [а]

ако снъ[б] мои анаданъ[5] моего наказанна послꙋшаеть.

и прѣставлю *и црю [X. его прѣ црѣ] въ свое мѣсто.

2. [X. доб. и] не оувѣдѣ, ꙗко

анаданъ не послꙋшаеть рѣ моеа.

3. [6]азъ тщаса наоучити и;
а ѡнъ помышлаше ѿ[7] смрти моеи
*и кто[в] дѣашеть:[8]
4. „ѿць мои старъ есть.

[1] X. нѣтъ. [2] X. сестричича. *—[3] X: „и“. *—[4] X. во срцы мое. [5] X. испорчено: анадавя. [6] X. доб: „а“. [7] X: о. *—[8] X. опускаетъ и имѣетъ вмѣсто этого: „яко“.

[а] На концѣ не то ь, не то ꙋ. [б] ъ изъ ꙋ. [в] ошиб. вмѣсто тако.

и стоитъ у двери своего гроба;
и его понятливость ушла
и его умъ уменьшился;

5. и мой сынъ Наданъ началъ [нехорошо обращаться съ] моими слугами, бія ихъ и убивая ихъ и истребляя ихъ;

6. и онъ не выказывалъ никакого милосердія къ моимъ слугамъ и моимъ служанкамъ,
хотя они были прилежны, очень любимы и отличны;
7. и онъ умерщвлялъ моихъ лошадей, и у моихъ хорошихъ муловъ онъ вытягивалъ поджилки.

8. Когда я увидѣлъ, что мой сынъ Наданъ
дѣлаетъ такія отвратительныя вещи,

я отвѣчалъ и сказалъ ему:

и его умъ пострадалъ.

Онъ сталъ глупымъ и сумас
шимъ и болѣе ничего не знает
5. И Наданъ сталъ

расточать недвижимое и движ
имущество Хикâра,
6. бить его слугъ и служано

7. продавать лошадей и вер
довъ

и проматывать все, что пріоб
Хикâръ.
8. Когда я, Хикâръ, увидѣлъ
Наданъ

не жалѣетъ моего имущества и
челяди,

я сказалъ ему:

и дошелъ до двери своей могилы.

„Его умъ (говорилъ онъ) разстро-
ился,
и его мысли въ упадкѣ,
и онъ ничего не знаетъ“.
5. Натанъ началъ

разсыпать мою собственность къ ея потерѣ,

6. и не щадилъ моихъ слугъ и служанокъ. Но онъ мучилъ ихъ и убивалъ ихъ,

7. и рѣзалъ моихъ лошадей и муловъ, и моихъ коней,
и уничтожалъ самый слѣдъ стада.

8. И когда я увидалъ Натана, сына моей сестры,
что онъ передѣлываетъ мои дѣла
и расточаетъ мою собственность,

я началъ говорить съ нимъ и я сказалъ:

---

5. Тотчасъ онъ началъ разорять мою собственность и мое имущество.
6. Онъ не щадилъ моихъ рабовъ и служанокъ ни даже моихъ любимцевъ и моихъ друзей, но связывалъ и дурно обходился съ ними; наносилъ раны жестокими ударами
7. и истреблялъ постоянно моихъ коней.
8. Когда я увидалъ, что Натанъ поддѣлалъ (или превратилъ) мои дѣла, тогда я пощадилъ мою собственность, чтобы онъ не уничтожилъ ее. И я сказалъ Натану:

и ближе єму къ смерти.

а уже умо[a] скуденъ єсть.“

5. и на Анаданъ

*възмущати домъ и и[1] растачати домъ мои[2] безъ мл͠ти.[3]
6. и бияше[4] рабы моя *и рабыни моя

и милыя моя[5] пред очима моима *великими ранами.
7. и[6] коня[7] и осляти моя[8] умарающе[9] безъ мл͠ти.

8. *и яко видѣ Анадана

тако дѣюща,

и възнегодова,[10] съжали си *и пощадѣхъ имѣния моєго[11],
рѣ [X. доб. сн͠у моему]:

---

*—[1] X. опускаетъ. [1]—[2] X. д. м. расточити. [2]—[3] X. не щадя. [4] X: бія. *—[5] X. опускаетъ. *—[6] X. нѣтъ. [7] X.: кони моя. [8] X. нѣтъ. [9] X. умаряше. *—[10] X. опускаетъ это и доб.: „азъ же“. *—[11] X.: о имѣнiи моє.

[a] у изъ и.

9. „Мой сынъ Наданъ, не трогай моей собственности;

10. мой сынъ, сказало въ изреченіи:
«что рука не пріобрѣтала, глазъ не щадилъ»".
11. Сверхъ того я увѣдомилъ Сеннахериба моего государя о всѣхъ этихъ вещахъ;

12. и мой государь сказалъ такъ:

13. „Пока Аḫиḳаръ живетъ,
никто не долженъ имѣть силы надъ его богатствомъ".

14.

15.

Потомъ, когда мой сынъ Наданъ видѣлъ своего брата Небуцардана стоящимъ въ моемъ домѣ,

---

9. „Держись далеко отъ того, что я пріобрѣлъ,
и не мучь моей дворни и моихъ рабовъ, пока я еще живу!"
10.

11. И я поставилъ Санхериба въ извѣстность обо всемъ томъ, что было учинено въ моемъ домѣ Наданомъ.
12. Тогда царь сказалъ ему:

13. „Пока Хикâръ живъ,
пусть никто не распоряжается его домомъ и добромъ, и никто пусть ничего не говоритъ объ этомъ".
14. Наданъ имѣлъ младшаго брата, по имени Небузарадана.
15. Его я взялъ къ себѣ, воспитывалъ его, началъ посвящать его въ мою мудрость и мое знаніе и взялъ его вмѣсто сына.
Когда Наданъ видѣлъ это,

9. „Воздержись отъ моей собственности, и не подходи близко къ ней,

10. ибо написано въ Притчахъ, что надъ чѣмъ руки не работали, той вещи его взоръ не бережетъ“.

11. И я пошелъ и сказалъ Сенекериму, господину моему.

12. И онъ позвалъ Наѳана и сказалъ:

13. „Пока Ки́каръ въ живыхъ, ты не долженъ трогать его собственности“.

14.

15.

Въ это время Наѳанъ увидалъ Боудана,[a] своего брата, который былъ воспитанъ въ моемъ домѣ,

---

9. „Не подходи близко къ моей собственности,

10. потому что сказано въ мудрецахъ, чьи руки не работали, того и глазъ не будетъ жалѣть“.

11. И я пошелъ и сказалъ своему господину Сенекариму.

12. И царь руководилъ Наѳана и сказалъ:

13. „Пока твой отецъ Ки́каръ живъ, не подходи близко къ его имуществу, но оставайся въ царскихъ воротахъ и дай твоему отцу Кикару оставаться въ его воротахъ и покоиться въ его старомъ возрастѣ“.

[a] Бодлеан. ркп.: „Бауданъ“.

---

9. „сынꙋ,[1] не порти ми скота моѥго.[2]

10. поистѣнѣ бо[3] въ писаннии та[4] минить [Х. глѥ]:
«ѿ нем же са кто[а] *не трꙋ,[5] то[4] того[6] не радить.[7]»“

11. шедъ възвѣсти синагрипꙋ црю своѥмꙋ.

12. и тако ми ѿща[б] [8] црь:

13. „*за ва акире[9]
да не *ѿбаваѥть домомъ твоимь инъ.[10]“

14.

15.

ѧнаданъ [ВХ. доб. же], ꙋзрѣвъ[11] брата [ВХ. брата] своѥго, ѥго же ѿкоже[12] кормлъ в домꙋ своѥмь [ВХ. моѥмь],

---

[1] Х.: сне. [1—2] Х. опускаетъ. [2—3] Х. поистиннѣ. [4] Х оп. [*—5] Х.: не трꙋдитъ. [6] Х. доб. „и“. [7] Х. радит. [8] въ В. выпали двѣ страницы и поэтому нѣтъ конца поученія и дальнѣйшаго текста до сихъ поръ (II101—III12); отъ послѣднихъ двухъ словъ осталось лишь: „ща ми“. [*—9] В. измѣняетъ: до живота твоѥго акерѣ. [*—10] В: ѿгладаѥть в домоу твоѥмь. [7—10] Х. опускаетъ. [11] В. възрѣвъ; Х. ꙋзрѣ. [12] В. „же“ нѣтъ.

[а] можно прочесть и: се то.
[б] вѣ написано наверху потомъ.

9. „Мой сынъ Наданъ, не трогай моей собственности;

10. мой сынъ, сказало въ изреченіи:
«что рука не пріобрѣтала, глазъ не щадилъ»".
11. Сверхъ того я увѣдомилъ Сеннахериба моего государя о всѣхъ этихъ вещахъ;

12. и мой государь сказалъ такъ:

13. „Пока Аḥиḳаръ живетъ,
никто не долженъ имѣть силы надъ его богатствомъ".

14.

15.

Потомъ, когда мой сынъ Наданъ видѣлъ своего брата Небуцардана стоящимъ въ моемъ домѣ,

---

9. „Держись далеко отъ того, что я пріобрѣлъ,
и не мучь моей дворни и моихъ рабовъ, пока я еще живу!"
10.

11. И я поставилъ Санхериба въ извѣстность обо всемъ томъ, что было учинено въ моемъ домѣ Наданомъ.
12. Тогда царь сказалъ ему:

13. „Пока Хикâръ живъ,
пусть никто не распоряжается его домомъ и добромъ, и никто пусть ничего не говоритъ объ этомъ".
14. Наданъ имѣлъ младшаго брата, по имени Небузарадана.
15. Его я взялъ къ себѣ, воспитывалъ его, началъ посвящать его въ мою мудрость и мое знаніе и взялъ его вмѣсто сына.
Когда Наданъ видѣлъ это,

...сказалъ:
... „Кикаръ, мой отецъ, постарѣлъ,
...о слова потеряли всю свою силу
...ма".
...

...9. И когда я услыхалъ это,
...0.

...1. я изгналъ его отъ всѣхъ мо-
... принадлежностей.

16. и҆ нача[1] ѿ того дн҃и[2] завідіті[3]
и҆ рет҃ь гнаті
рька:[4]
17.

18.

„е҆да[5] а҆кірѣ[6], ѿч҃ь мой, ѿженеть[7] мѧ
*и҆ о҆номꙋ[8] задничю[9] дасть.[10]"
19. ꙗ҆ко *оучюти[11] н[11] тако[12] мыс-
лѧща,[13] и҆ свари[14] и҆ сіце рекъ:[15]
20.

„како[16] пропортил ми[17] е҆си *нака-
занниꙗ҆ моꙗ[18]
и҆ скотъ мой и҆спортилъ е҆си!"[19]
21.

и҆ [В. ꙗко] се слыша[20] ѿ[21] мене
сн҃ъ мой анад[анъ][a], [96 об.]
ꙗ҆рѧстью[22] разꙋгнѣва[23] и҆[24] и҆де в до
црк҃ъ

...9. Я Кикаръ когда увидѣлъ все
... что Наѳанъ сдѣлалъ, я сказалъ
...моемъ сердцѣ:
...). „Увы! какъ Наѳанъ презрѣлъ
... пріятное наставленіе, и всю мою
...юсть онъ поставилъ ни во что и
...ршенно презрѣлъ".
... Тогда Наѳанъ пошелъ въ домъ
... и затѣялъ очень большія зла
...меня.

---

[1] В. „начатъ". [2] Х. дне. [3] Х: завидѣти. [3—4] В. „и҆ гонѧти рекъ", Х: „и помышляти." [5] В: е҆гда. [6] В: а҆кѣръ. [7] В: и҆женет, Х. ѿжене҃т. *—[8] В. а҆ братоу моемоу, Х: а иномꙋ. [9] В: и҆мѣніе. [10] ВХ. дасть, далѣе Х. доб. „и". *—[11] В. оувѣда҃х нань, Х: очюти а҃. [12] Х. доб. „его". [13] В. мыслѧщи. [14] В. сварихсѧ, Х. брани҃х. [14—15] В. только „сице". [15] Х. рехъ. [16] В. ꙗко. [16—17] В. порътилъ ми, Х. преслꙋша. *—[18] В. наказаніе мое, Х. наказанія моя. [18—19] В. нѣтъ, Х. и имѣніе мое расточи еси. [20] В. слышаще. [21] В. Х. ѿ. [22] В. ꙗростію, Х. нѣтъ. [23] В. раз̓гнѣвав̓сѧ, Х. рагнѣвася. [24] В. Х. нѣтъ.

[a] анъ стоитъ на краю и уже выцвѣло.

16.
онъ былъ очень сердитъ
и сказалъ такъ:
17. „Мой отецъ Аḥиḳаръ постарѣлъ и его умъ изсякъ;
[и что касается до его мудрыхъ словъ, онъ ихъ презрѣлъ];
18. вѣдь далъ онъ свои владѣнія Небуцардану, моему брату,

и удалилъ онъ меня отъ своего дома?"

19. Когда я Аḥиḳаръ слышалъ это, я сказалъ:
20. „Увы тебѣ! моя мудрость, которую мой сынъ Наданъ опошлилъ;

и что касается моихъ мудрыхъ изреченій, онъ ими пренебрегъ".

21.

И вотъ, когда мой сынъ Наданъ услышалъ объ этомъ,
онъ разсердился и пошелъ къ воротамъ царя,

16. онъ завидовалъ ему,
негодовалъ, злился, впадалъ въ ярость
и началъ говорить:
17. „Хикâръ сталъ сумасшедшимъ и тупоумнымъ,
его мудрость пострадала, и его умъ и его знаніе истощились.
18. Вѣдь онъ передалъ свое имущество и свой домъ моему брату Небузарадану,
который еще малый мальчикъ, безъ ума и знанія,
а меня онъ выгналъ изъ своего дома".

19. Когда я слышалъ все это отъ него, я, Хикâръ, сказалъ:
20. „Жаль моей мудрости, какъ однако втопталъ ее въ грязь мой сынъ Наданъ!"

21.

Послѣ этого

Наданъ пошелъ очень озлобленный ко двору царя, моего государя,

16.

и сказалъ:

17. „Кикаръ, мой отецъ, постарѣлъ,

и его слова потеряли всю свою силу разума“.

18.

19. И когда я услыхалъ это,

20.

21. я изгналъ его отъ всѣхъ моихъ принадлежностей.

---

19. Я Ки́каръ когда увидѣлъ все то, что Наѳанъ сдѣлалъ, я сказалъ въ моемъ сердцѣ:

20. „Увы! какъ Наѳанъ презрѣлъ мое пріятное наставленіе, и всю мою мудрость онъ поставилъ ни во что и совершенно презрѣлъ“.

21. Тогда Наѳанъ пошелъ въ домъ царя и затѣялъ очень большія зла для меня.

16. и҆ нача[1] ѿ того дн҃и[2] ꙁавідіті[3]
и҆ рѣть гнаті
рька:[4]

17.

18.

„є҆да[5] а҆кірь[6], ѻ҆ч҃ь мой, ѿженеть[7] мѧ
*и҆ ѻ҆номꙋ[*8] ꙁадничю[9] дясть.[10]“

19. ꙗ҆ко *оучюти҃[11] н[11] тако[12] мысламща,[13] и҆ сварі҃[14] и҆ сіце рѣкъ:[15]

20.

„како[16] пропортил мн[17] є҆сн *някаꙁяннѧ̑ моѧ[18]
и҆ скотъ мой и҆спортилъ є҆сн!“[19]

21.

и҆ [В. ꙗко] се слыша[20] ѿ[21] мене
сн҃ъ мой анад[анъ][a], [96 об.]
ꙗ҆рѧстью[22] раꙁꙋгнѣва̑[23] н҃[24] и҆де к до҃
црв҃ъ

---

[1] В. „начатъ“. [2] Х. дне. [3] Х: завидѣти. [3—4] В. „и҆ гонати рекъ“, Х: „и помышляти.“ [5] В: є҆гда. [6] В: а҆кѣръ. [7] В: и҆женет, Х. ѿжене҃. [*—8] В. а҆ братоу моемоу, Х: а иномꙋ. [9] В: и҆мѣніе. [10] ВХ. дасть, далѣе Х. доб. „и“. [*—11] В. оувѣда҃ нань, Х: очюти҃ а҆. [12] Х. доб. „его“. [13] В. мыслѧщи. [14] В. сварихъ'сѧ, Х. брани҃. [14—15] В. только „сице“. [15] Х. рѣхъ. [16] В. ꙗко. [16—17] В. пор'тиля мн, Х. преслꙋша̑. [*—18] В. наказаніе мое, Х. наказанія моя. [18—19] В. нѣтъ, Х. и имѣніе мое расточи́ еси. [20] В. слышаще. [21] В. Х. ѿ. [22] В. ꙗростію, Х. нѣтъ. [23] В. раз'гнѣвав'сѧ, Х. ра҆гнѣвася. [24] В. Х. нѣтъ.

[a] анъ стоитъ на краю и уже выцвѣло.

и замышлялъ въ своемъ сердцѣ зло;

22. и онъ сѣлъ
и написалъ два письма двумъ царямъ, которые были врагами Сеннахериба, моего государя;
23. одно къ Аќи, сыну Ḫамселима, царю Персіи и Элама,
какъ ниже слѣдуетъ:
24. „Отъ Аḫиḳара, секретаря и хранителя великой печати
Сеннахериба, царя Ассиріи и Ниневіи, поклонъ.

25. Какъ только это письмо дойдетъ до тебя,
встань и иди въ Ассирію встрѣтить меня;
26. и я введу тебя въ Ассирію,

и ты захватишь царство безъ войны".

27. И онъ написалъ другое письмо, какъ ниже слѣдуетъ:
„Фараону, царю Египта, отъ Аḫиḳара, секретаря и хранителя великой печати царя Ассиріи и Ниневіи,

сѣлъ тамъ, написалъ обвиненіе противъ Хикâра
и выдумалъ противъ него ложь и обманъ.
22.
Онъ написалъ два письма къ царямъ, врагамъ Санхериба;

23. одно къ царю *Ахашу, сыну Самехлѝма[1], царю Персіи,
въ немъ онъ писалъ слѣдующее:
24.

„Отъ царя Санхериба

и его секретаря и министра Хикâра[2] искренній поклонъ, счастье и уваженіе и поцѣлуй въ руки и ногу.
Миръ пусть будетъ между мной и тобой! Могущественный царь!
25. Въ мгновеніе, когда это письмо прибудетъ къ тебѣ,
собирайся быстро безъ мѣшканья и приходи ко мнѣ въ Ассирію.
26. Я передамъ тебѣ государство безъ труда".

27. Потомъ онъ написалъ второе письмо
отъ имени Хикâра къ Фараону, царю Египта,

*—[1] Карш.: „Ахишу, сыну Шаха Мудраго"; Сад.:„Акйсу-шаху"; Сальг.: „Ахишу, сыну Хакимъ-шаха"; 'Агуб.: „Акису".
[2] Такъ и въ Карш. и Сальг.; въ Сад. „отъ Хикара, министра и секретаря Синхâрйба, царя Асўра и Нйневй"; Агуб.: „отъ Сенхариба, царя Ассура и Ниневіи"; Кос. оп. упоминаніе о царѣ Сенхарибѣ.

› Наѳанъ составилъ нечестивый анъ въ своемъ сердцѣ.

22.

22.
и҆, *оулоблъ[1] го҃нꙋ,[2] написа гра҃тѣ .в҃.
к ратномꙋ

23.

23.
*цр҃а перьсномꙋ,[3] е҆же҃ и҆ма алонъ.[4]
и҆[5] тако написа рекий [В. рекъ][6]:

24.

24.
„синагрипа[7] цр҃а
книжникъ[8] и҆ свѣтни҃[9] азъ а҆киръ[10]
перьскомꙋ цр҃ю а҆лонꙋ[11] радовати.

25.

25. во нь же дн҃ь прии҆де҃[12] гра҃та
сна҃,[13]
готовъ бꙋ҃ со[14] своими вои҆:

26.

26. а҆зъ[15] ти прида҃[16] а҆дорьскою[17]
землю,
и҆[18] прии҆мешїю[a],[19] не побѣдивса[20] ни
с кым[21] же."

27. Онъ написалъ

27. и҆[22] дрꙋгꙋю грамотою.[23]

ь моего имени письмо Сенеҁериму,
рю Ниневіи и Асорестана;

къ[24] е҆гꙋпетьскомꙋ[25] цр҃ю фаѡнꙋ,[26]

---

22. Ибо онъ написалъ два письма.
27. Одно онъ послалъ Фараону,
рю Египта, такъ какъ онъ былъ
агъ моего господина Сенеҁарима,

---

[1] X. ꙋлови҃. *—[2] В: воловль *[такъ]* годины. *—[3] В. цр҃ви пер'скомꙋ, X. цр҃ю перскомꙋ. [4] В. а ѿлонъ. [3]—[4] X. а҆лóнꙋ. [5] В. X. нѣтъ. [5]—[6] X. тако. [7] X. симографа. [8] В. книгчїи. [8]—[9] В. нѣтъ. [10] В. а҆кѣръ. [11] В. налонꙋ. [12] В. прїиде, X. доб. к тебѣ. [13] В. си. [14] В. нѣтъ. [15] В. да. [16] В. X. предамъ. [17] В. а҆родьскꙋю, X. адорскꙋю. [18] В. нѣтъ. [19] В. ю нѣтъ. [19]—[20] В. не побѣдиши в'са. [21] В. X. ким'. [22] В. нѣтъ. [23] ВX. грамотоу. [24] В. нѣтъ, X. ко. [25] В. егоупетескомꙋ, X. египецкомꙋ. [26] В. X. фараѡнꙋ.

[a] їю составляетъ лигатуру.

	и въ немъ онъ писалъ именно слѣдующее:
28. привѣтъ.	28. „Миръ пусть будетъ между мной и тобой! царь!
29. Какъ только это письмо достигнетъ до тебя,	29. Въ мгновеніе, когда это письмо попадетъ въ твои руки,
встань и иди встрѣтить меня въ долинѣ Орловъ, которая лежитъ къ югу,	приходи ко мнѣ въ Орлиную долину,
25-го дня мѣсяца Аба.	25-го августа,
30. И я приведу тебя въ Ниневію безъ войны,	30. и я поведу тебя въ Ассирію и Ниневію
и ты захватишь царство".	и *безъ труда[1] передамъ тебѣ господство".
31. И онъ написалъ эти письма почеркомъ, похожимъ на мой;	31. Онъ уподобилъ свой почеркъ Хикâрову
и онъ запечаталъ ихъ во дворцѣ царя,	и запечаталъ письмо печатью и перстнемъ Хикâра.
32.	32.
33.	33.
34. и пошелъ своей дорогой.	34. Затѣмъ онъ подбросилъ ихъ во дворцѣ царя, гдѣ ихъ могли найти придворные, чтобы они показали ихъ затѣмъ царю.

*—[1] Карш.: „безъ битвы и боевого строя", Сад. и Сал.: „безъ войны и сраженія", Агуб. и Кос. оп..

и оно было, какъ ниже слѣдуетъ:

28.

„Я Кика́ръ, главный секретарь царя Сенеке́рима, послалъ царю египтянъ съ этой цѣлью:

29. Когда это письмо достигнетъ тебя,

ты долженъ собрать твои силы

и притти въ долину Орловъ

въ 25-й день мѣсяца Гротица;

30. и я дамъ въ вашу власть страну азоровъ,

и я дамъ тронъ Сенеке́рима въ твою руку безъ тревоги, чтобы ты владѣлъ имъ“.

31. И онъ сдѣлалъ свой почеркъ похожимъ на мой почеркъ,

и запечаталъ его моею печатью.

32. И когда силы царя были приглашены отправиться въ свои дома, Натанъ одинъ остался передъ царемъ

33.

34.

и оно было написано, какъ ниже слѣдуетъ:

28. „Я Кика́ръ, секретарь Сенека́рима, царя Ассиріи и Ниневіи, пишу Фараону, царю Египта.

29. Пусть будетъ тебѣ вѣдомо, что когда это письмо дойдетъ до тебя, ты сразу долженъ собрать твои силы и притти на равнину Орловъ въ 25-ый день мѣсяца Гротица,

30. и я поведу и сдѣлаю тебя царемъ надъ этими безъ тревоги“.

*тако река:[1]

28.

29. „ѧ҆́ко же при́де҃[2] грамота си к тобѣ[3],

тако готовъ бꙋди

*и҆ при́иди[4] на поле є҆гѵ́петьскоє҆[5]

мц҃а а҆вг҃ꙋ въ[6] .к҃е. дн҃ь:

30. и[7] а҆зъ та ввведꙋ въ а҆наливьскый[8] гра҃,

и҆[9] пре҃и҆мешн придель[10] є҆го[11]

не бивъсѧ“[12].

31.

32. и҆[13] в то врѣмѧ цр҃ь вѣ[14] распꙋстилъ[15] воє҆воды своѧ҆[16],

*и҆ цр҃ь[17] є҆ді́нъ вѣ въ *тъ чины[18].

33. *и҆ грамоты[19] написалъ вѣ[20] моє҆мь писмане҃,[21]

и҆ [В. моимъ][22] перьстьне҃ запечателъ[23].

34. и҆ *прiѧ҆ оу себе[24] ѡ҆бѣ грамоти,[25]

жда годі́ны, како[26] бы вдати[27] цр҃ки.

---

[1] В. рекъ. *—[1] Х. гл҃я. [2] В. приде. [3] Х. тебѣ. *—[4] В. прiити. [5] В. є҆гоупете-ское, Х. егѵ́петское. [6] В. Х. нѣтъ. [7] В. нѣтъ. [8] В. ливъскы́и [такъ]. [9] В. нѣтъ. [9—10] В. Х. прiимеши предѣлы. [11] В. нѣтъ. [11—12] В. но пойди в҆ сѧ. [13] В. нѣтъ. [14] Х. нѣтъ. [15] В. растилъ [такъ] и доб. „воѧ҆ и҆“. [16] В. своеѧ. *—[17] В. нѣтъ. *—[18] В. тъи ча҃, Х. той чинъ. *—[19] В. грамотѣ. [20] В. ваше. [20—21] В. нѣтъ, Х. мои҃ имене҃. [22] Х. нѣтъ. [23] В. запечата, Х. запечатлѣлъ. *—[24] В. прiа. [25] В. грѣмотѣ собѣ, Х. грамотѣ. [26] В. ꙗко. [27] В. дати.

35. И онъ написалъ, кромѣ того, другое письмо ко мнѣ, какъ бы отъ моего государя, царя Сеннахериба; и такъ онъ писалъ его: [68]	35. Послѣ этого онъ написалъ другое письмо отъ имени царя Санхериба:
36. „Отъ Сеннахериба царя Аḫиḳару, моему секретарю и хранителю великой печати, привѣтъ.	36. „Поклонъ высокочтимому Хиkâру, моему министру и секретарю и печати моей тайны.
37. Какъ только это письмо дойдетъ до тебя, ты собери всѣ твои силы вмѣстѣ къ скалѣ, которая называется Çиçъ:	37. Какъ скоро это письмо придетъ къ тебѣ, собери войска, которыя находятся у тебя, выступи и ожидай меня у горы Вахо.
38. и иди оттуда и приходи встрѣтить меня въ долинѣ Орловъ, которая лежитъ къ югу, 25-го дня мѣсяца Аба.	38. 25-го августа выходи мнѣ въ Орлиную долину.
39. И когда ты увидишь, что я приближаюсь къ тебѣ, то выстрой твои силы противъ меня, какъ человѣкъ, который готовъ къ сраженію:	39. Когда увидишь, что я приблизился къ тебѣ, стяни предо мной войска, какъ тотъ, кто хотѣлъ бы биться со мной и сражаться.
40. потому что послы Фараона, царя Египта, пришли ко мнѣ; чтобы они могли видѣть, какія силы я имѣю“.	40. Именно у меня находится посолъ египетскаго царя, Фараона, и они *[такъ]* должны увидѣть, посмотрѣть и узнать наши военныя силы.

35.

36.

37.

38.

39.

40.

35. и[1] написа пакі и[2] иnу[3] грамоту,

река[4] тако:

36. „ѿ цр҃я синагрипа[5] къ акіровi[6], свѣтнику моему.

37. ємь[7] же дн҃і приде грамота си, [8]сбері воя моя и воєводы моя,[9] и прістрой я,[10]

38. и[11] готовъ бу҃ мц҃а августи[12] .кє҃. дн҃ь. на *полі єгупетьстѣ[13].

39. *и когда [В. єга] азъ выни,[14] тогда[15] пристрой воя[16] аки[17] на бранъ[18].

40. ако[19] єсть у мене посо фараѡновъ;[20] и[21] хощю, да ви [ВХ. видить] воя моя.“

35. И опять письмо, которое имѣло эту форму:

36. „Отъ Сенеҳарима царя, здоровье (*или* миръ) Кикару, секретарю моего суда.

37. Когда придетъ къ тебѣ это письмо, ты долженъ приготовить мои силы, которыя подъ твоей рукой;

38. ровно въ 25-ый день мѣсяца Гротица ты долженъ притти встрѣтиться со мной на равнинѣ Орловъ.

39. И когда ты придешь близко, выстрой[ся] лицомъ къ лицу противъ моихъ силъ, какъ будто бы ты готовился противъ твоихъ враговъ.

40. Ибо послы Фараона пришли ко мнѣ видѣть наши силы и дрожать“.

[1] В. нѣтъ. [2] Х. нѣтъ. [1—3] В. испорчено: написанѹю. [4] В. Х. рекъ. [5] Х. синографа. [5—6] В. къ акѣрь, Х. акирови. [7] В. Х. им'. [8] В. доб. и. [9] Х. нѣтъ. [9—10] В. короче: пристрои. [11] В. оп. [12] В. авгу, Х. августа в. [*—13] В. полѣ єгоупетестемъ, Х. полѣ єгѵпетстѣмъ. [14] В. выидоу, Х. выду. [15] В. то. [14—16] Х. нѣтъ. [17] Х. яко. [17—18] В. во дн҃ь брани. [18] Х. брань. [19] Х. понє. [20] Х. фараонь. [21] В. нѣтъ.

41.

41. Они должны бояться насъ, и они наши враги и наши завистники".

42. И мой сынъ Наданъ послалъ это письмо мнѣ руками двухъ изъ слугъ царя.

42. Это письмо онъ послалъ черезъ одного изъ служителей царя моего государя.

43. И затѣмъ мой сынъ Наданъ взялъ письма, которыя онъ написалъ, какъ если бы онъ ихъ на самомъ дѣлѣ нашелъ;

43. Затѣмъ онъ взялъ письмо, которое онъ написалъ Фараону моими словами какъ человѣкъ, только что нашедшій его,

44.

44.

45.

45.

46.

46.

47.

47.

48.

48.

41.

42.

43.

44. и сказалъ: „О царь, живи всегда.

45.

46. Мнѣ, который ѣлъ хлѣбъ и соль въ твоемъ домѣ,
Богъ запретилъ, чтобы я могъ видѣть зла передъ тобою.

47.
Кикаръ, мой отецъ, который былъ въ чести и въ величіи передъ тобою, налгалъ мнѣ и тебѣ, и принялъ сторону твоихъ враговъ“.

48. И письмо, которое Наѳанъ написалъ въ моихъ словахъ, и [въ

---

42. И это письмо Наѳанъ послалъ ко мнѣ какъ будто бы по приказанію царя.

43. И онъ самъ Наѳанъ сталъ предъ царемъ

44. и сказалъ: „Царь, живи всегда!

46. Я ѣлъ хлѣбъ и соль въ твоемъ домѣ. Богъ запретилъ, чтобы я обманывалъ моего царя.

47. Ибо мой отецъ Кикаръ, котораго ты привелъ къ покою, къ чести, къ славѣ,
не сдѣлалъ согласно съ приказаніемъ Вашего царскаго величества, но обманулъ Бога и Ваше царское величество“.

48. И онъ далъ письмо вѣрнымъ

41.

42. и[1] вда с҃нъ мой анаданъ[1] грамоту[2], со[3] двѣма ѻтрокама[4], прісла ко мнѣ, творя ꙗ[5] ѿ [ВХ. ѿ] ц҃ря.

43. анаданъ, *с҃нъ мой[6], пре͛стоѧ[7] ц҃рви
и[8] прінесе ѡбѣ грамотѣ пре͛ ц҃ремь[9], еже[10] бѣ написалъ[11] к ратнымъ ц҃рмь[12],

44. и[13] ре͛: „ц҃рю, въ вѣки живи!

45. [14] се грамота[15] ѻ҃ца моего акіра[16 a]. и[17] азъ не пріѧ҄ свѣта е҃.
*но се принесохъ к тобѣ[18] грамотѣ[19] е҃:[20]

46. [97] зане[21] ѧлъ есмь[22] брашно твое,
и[23] не достоитъ ми тьбѣ[24] зла [Х. зло] мыслити.

47. послушай ре͛[25] моеѧ, г҃и[26] ц҃рю. ты ѻ҃ца моего акіра[27a] възвеки[28] и възвелици[29] па͛[30] велможь[31] свой:
*и се[32] вижь[33], что писа на тѧ[34] и на ц҃ртво твое“.

48.

---

[1] В. нѣтъ. [2] В. грамотѣ. [3] В. нѣтъ. [4] В. Х. ѻтрокома. [5] В. Х. нѣтъ. *—[6] В. нѣтъ. [7] В. пре͛ста. [8] В. с҃нъ мой. [9] В. Х. ц҃рѧ. [10] В. Х. иже. [11] Х. писа͛. [11—12] В. Х. к ратныма ц҃рма. [13] В. нѣтъ. [14] В. доб. „а“. [15] В. грамоты ѿ. [16] В. акѣра. [17] В. нѣтъ. [18] Х. тебѣ. [19] Х. грамоты. *—[20] В. опускаетъ всю фразу. [21] В. а зане же. [21—22] В. ѣлъ есми. [23] В. нѣтъ. [24] В. тебе, Х. на тя. [25] В. Х. рѣчи. [26] В. нѣтъ. [27] В. акѣра. [28] В. вьзвыси, Х. возвыси. [29] В. възвеличай [*такъ*], Х. возвеличи. [30] В. доб.. „все чл҃къ. [31] В. велможей. *—[32] В. нѣтъ. [33] Х. виждь. [34] В. ти.

[a] а передѣлано изъ х.

и онъ прочелъ ихъ передъ царемъ;

49. и когда мой государь царь услышалъ ихъ,

онъ горько заплакалъ и сказалъ:
50. „О Боже, въ чемъ я согрѣшилъ противъ Аḫиķара,

чтобы онъ поступалъ со мною такимъ образомъ?“
51.

52.

53.

54.

и прочелъ его царю Санхерибу

49. Когда царь узналъ содержан письма,
онъ совсѣмъ вышелъ изъ себя,
очень огорчился и воскликнулъ:
50. „Мой Боже! въ чемъ я согр шилъ противъ Хикâра,
что онъ пишетъ эти строки Фараон египетскому царю, моему врагу ненавистнику,
что онъ такъ отплачиваетъ мнѣ?“

51.

52.

53.

54.

которомъ] онъ уподобилъ свой почеркъ моему почерку, онъ взялъ, и прочелъ письмо, которое онъ самъ запечаталъ, передъ царемъ.

49. И когда царь услышалъ это, онъ былъ очень огорченъ, и сказалъ:

50. „Какое зло я сдѣлалъ Кикару, что онъ поступилъ такъ со мной?“

51. И одновременно Наѳанъ написалъ по приказанію царя письмо такъ задуманное:

52. „Когда ты прочтешь это письмо, ты долженъ собрать твои войска,

53. и притти въ долину Орловъ въ 25-й день мѣсяца Гротица.

54. И когда ты увидишь меня, ты выстроишься въ боевой порядокъ противъ меня.

…жнымъ людямъ царя, и они дали …о владыкѣ; и владыка далъ его …ану и сказалъ: „читай“.

И Наѳанъ прочелъ его передъ ца…емъ.

И царь былъ плачевно встрево…ъ, и спросилъ тѣхъ, которые …и ему письмо: „Кто далъ въ ваши …и это письмо?“ И Наѳанъ подку…ъ ихъ, они отвѣчали единодушно, …оря: „Путники, которые шли въ …шетъ. Они имѣли письмо, и мы …и слуги нашли ихъ и схватили …ъ силою. И когда мы спросили …ъ: «откуда вы?» они отвѣчали: «Мы …жденные рабы Кикара».“

49. И царь былъ обезпокоенъ и …алъ вѣрнымъ людямъ: 50. „Какое …о сдѣлалъ я Кикару, что онъ приду…ъ такую сѣть противъ меня? По…у воздалъ онъ зломъ за добро?“

и҆[1] се рекъ, в да[2] црⷭ҇ви грамоты[3].

49. и҆[4] ӕ҆ко слыша цр҇ь,

и҆[5] велми ѿскорбѣ[6] и҆[7] рⷱ҇е:

50. „Г҇и б҇е! коє ꙁло створи҆ акировн,[8]

да селико ꙁло помысли на мѧ и҆ на црⷭ҇тво моє?“

51.

52.

53.

54.

---

[1] В. нѣтъ. [2] В. и҆ да, Х. вда. [3] Х. грамоту. [4] В. нѣтъ. [5] В. Х. нѣтъ. [5—6] В. ѿскорби вел҇ми. [7] В. ѿвѣщавъ. [8] В. а҆зъ а҆кѣрови.

55.

56.

57. И мой сынъ Наданъ отвѣчалъ и сказалъ царю:

58. „Мой государь, не безпокойся и не гнѣвайся.

Встань, и пойдемъ въ долину Орловъ, въ день, который написанъ имъ въ письмѣ.

59. И если это правда,

то все, что ты прикажешь, будетъ сдѣлано“.

60.

61. Тогда мой сынъ Наданъ взялъ царя моего государя, и они пришли ко мнѣ въ долину Орловъ:

62. и они нашли меня имѣющаго съ собой большія силы, которыя были собраны тутъ.

63. И когда я увидѣлъ царя,

я выстроилъ мои войска противъ него.

55.

56.

57. Тогда Наданъ сказалъ царю Санхерибу:

58. „Не печалься,

но собирайся съ нами, и мы отправимся въ Орлиную долину въ день, который онъ назначилъ въ своемъ письмѣ.

59. Тогда мы непремѣнно узнаемъ, вѣрно ли извѣстіе или нѣтъ“.

60.

61. Царь Санхерибъ и мой сынъ Наданъ отправились также въ Орлиную долину

62. и нашли тамъ меня и [15] собранное вокругъ меня войско.

63. Когда же я, Хикáръ, замѣтилъ ихъ и увидѣлъ, что они приближаются и уже вблизи насъ,

я сдѣлалъ,

55. Ибо послы Фараона пришли ко мнѣ видѣть мои войска".

56. Онъ послалъ письмо ко мнѣ, а самъ пошелъ къ царю.

57. Онъ стоялъ передъ царемъ и говорилъ:

58. „Не огорчайся, правитель;

но пойдемъ въ долину Орловъ

59. и дай намъ увидѣть, такъ ли это.

Тогда, что прикажешь, будетъ сдѣлано".

60.

61. И Сенекеримъ взялъ свое войско и пошелъ въ долину Орловъ,

62. и нашелъ меня съ моимъ войскомъ;

63.

и я выстроилъ мои силы противъ него,

---

57. Наѳанъ отвѣчалъ и сказалъ:

58. „Не тревожься, могущественный царь!

Но пойдемъ въ долину Орловъ,

какъ написано въ письмѣ;

59. и увидимъ, такъ ли это,

тогда отдай свои приказанія."

61. И Наѳанъ взялъ царя

и пошелъ въ равнину Орловъ.

63. Но я Хикаръ когда узналъ объ отбытіи царя, то приготовилъ мои силы и выставилъ противъ него,

55.

56.

57. ѿвѣща[1] ѥмꙋ[2] а҃[на]данъ[3] рє҃:[4]

58. „црю мои[5],

что то[6] ѥсть. да ѿклеветанъ[7a] бꙋдеть;

но[8] м҃ца августа [Х. доб.: в ке҃]

*дабы шелъ[9] на поле ѥгꙋпетьское[10];

59. тогда би[11] оувидилъ[12 б], аще[13] ѥсть истина"[14].

60. и[15] послꙋша црь сн҃а моѥго[16]

61. [В. доб.: при[д]е црь[17] на поле *ѥгоупетеское. [и][18] снъ мои] анаданъ бѣ[19] со црмь.

62.

63. и[20] ако оузрѣхъ[21] цр҃а приближающася,

и[20] оуготовахъ воа ꙗко[20] въ днь брани

---

[1] Х. нѣтъ. [2] В. Х. нѣтъ. [3] В. Х. анаданя. [4] В. нѣтъ. [4—5] Х. г҃и мой црю. [6] В. нѣтъ. [7] В. клеветеня. [8] В. нѣтъ. [*—9] Х. да идеши. [10] В. ѥгоупетеское, Х. егѵпеское. [11] В. бы, Х. нѣтъ. [12] В. ше да видѣлъ бы, Х. ꙋвѣси. [13] В. ꙗко. [13—14] В. истин'на, Х. истинна є҃. [15] В. Х. нѣтъ. [16] доб. В. анаданъ, Х. анадана. [16—17] Х. и пріиде. [*—18] Х. ѥгѵпецкое и. [19] В. нѣтъ. [20] В. нѣтъ. [21] В. възрѣ.

[a] к изъ в. [б] въ ркпси передъ а не то и, не то а.

какъ было написано въ письмѣ.

64. И когда царь увидѣлъ это,

онъ былъ очень испуганъ.

65.

66.

67. Тогда мой сынъ Наданъ отвѣчалъ и сказалъ ему:

68.

69. „Пусть это не смущаетъ тебя, мой государь царь.

Воротись и поди въ свою комнату съ миромъ:

70.

какъ онъ написалъ въ письмѣ и приказалъ мнѣ,

и построилъ войско и уставилъ его такъ, чтобы оно дало ему сраженіе.

64. Когда мой государь, царь Санхерибъ увидѣлъ, что я это дѣлаю, онъ пришелъ въ большой страхъ предо мной

*и подумалъ, что я возсталъ противъ него и завелъ интригу, и ему стало ясно, что между мной и моими врагами состоялось соглашеніе[1].

65. Я напротивъ того не зналъ хитрости, какую противъ меня затѣялъ и выдумалъ Наданъ.

66.

67. Тогда Наданъ сказалъ царю:

68. „Я зналъ, что извѣстіе было вполнѣ вѣрно;

69. но не печалься объ этомъ,

а возвращайся въ свой дворецъ и къ управленію и не бойся;

70.

*—[1] Вторая араб. ред. оп..

› онъ повелѣлъ.

4. Когда царь увидалъ это,

нъ былъ очень огорченъ.

5.

6.

7. Наѳанъ сталъ говорить и ска-
ь:

8.

9. „Не огорчайся, царь,

о веди насъ домой.

0.

по реченомꙋ[1] пїсаньѥ.

64.

65. и[2] н[3] вѣдахъ,[4] ꙗко снъ мой
анаданъ[5] подо мною ровъ копаєть[6].

66. [7]ꙗко оузрѣ[8] мѧ црь с вои
оуготовїшвасѧ[9],
великимъ страхомъ ѡбьꙗсѧ[10]
и[11] ре, ꙗко всѧ глаголаꙗ анаданомъ
истина[12] сꙋть[13].

67. и[14] ѡвѣща анаданъ[15]:

68. „гн[16] мой црю, се ꙋже видилъ
єси своима ѡчима, єже створи ѡць
мой акиръ,

69.

и[17] ꙋже възратвеѧ[18] ѡсюдꙋ[19].

70. [20]азъ идꙋ къ црю [В. Х. ѡцю]
моємꙋ акиръви[21] и[22] развѣщаю[23]
мысль єго злꙋю[24], и распꙋщꙋ воꙗ[25],

было написано въ письмѣ по
азу царя.

. Когда царь увидалъ мои силы,
ъ былъ очень встревоженъ.

[1] Х. попо реченнꙋ. [2] В. нѣтъ. [3] В. Х. не. [4] В. вѣдахъ, Х. вѣдѣ. [5] Х. нѣтъ. [5—6] В. ровъ копаєть подо мною. [7] Х. доб. „и“. [8] В. възрѣ. [9] В. оуготоваꙗ'шасѧ, Х. ꙋготовившася. [10] В. оубоꙗвсѧ, Х. ꙋбояся. [11] В. нѣтъ. [12] В. Х. истин'на. [13] В. єсть. [14] В. нѣтъ. [15] В. Х. анаданъ, далѣе В. доб. рече. [16] В. гне. [17] В. нѣтъ. [18] В. Х. възв'ратисѧ. [19] В. ѡс[ꙋ]дꙋ, Х. отсюдꙋ. [20] Х. доб. „а“. [21] В. акирꙋ, Х. нѣтъ. [22] В. нѣтъ. [23] Х. развѣю. [23—24] В. в'сю злꙋю мысль єго. [25] Х. доб. єго. [24—25] В. нѣтъ.

и я приведу Аḫиḳара передъ тебя".

71.

72.

73.

74. Тогда мой государь царь вернулся въ свой домъ.

75. И мой сынъ Наданъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ:

76.

77.

78. „Все, что ты сдѣлалъ, ты сдѣлалъ тонко:
и царь тебя очень хвалилъ;

я приведу тебѣ Хикâра,

закованнаго и въ цѣпяхъ,

71. Куда долженъ онъ притти
тебѣ и [чтобы] его глаза увидѣли
бя? (!)" [1]

72.

73.

74. Затѣмъ царь Санхерибъ
чальный и огорченный верну
домой,

75. а мой сынъ Наданъ приш
ко мнѣ и сказалъ мнѣ:

76.

77.

78.

„Царь очень доволенъ тобой,
литъ и превозноситъ тебя,

[1] Весь § 71 вторая араб. ред. о

И я приведу отца моего Кикара предъ тебя".

71.

72.

73. Царь сказалъ Наѳану:

„Если ты приведешь Кикара предъ меня, я дамъ тебѣ очень большіе дары и я вручу тебѣ довѣренность во всѣхъ моихъ дѣлахъ. И всѣ дѣла моего царства будутъ дѣлаться тобой съ ловкостью".

74. И царь вернулся въ свой дворецъ,

75. и Наѳанъ, сынъ моей сестры, пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

76.

77. „Царь Сенекеримъ послалъ меня къ тебѣ и говоритъ:

78.

73. Царь сказалъ:

„Если ты приведешь Кикара предъ меня, большіе подарки дамъ я тебѣ, и всѣ царскія дѣла будутъ исполняться тобою; ибо ты оказался вѣрнымъ слугою предо мною."

74. И царь пошелъ назадъ въ свой дворецъ.

75. И Наѳанъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

76. „Мой отецъ Кикаръ,

очень славнымъ и пріятнымъ показалось царю это приведеніе кавалеріи въ боевой порядокъ.

77. Поэтому онъ послалъ меня къ тебѣ и сказалъ:

78. „Все, что ты сдѣлалъ, ты сдѣлалъ хорошо и мудро.

и[1] самого, оубѣщавъ[2] добрыми словесы, приду [В. Х. приведу][3] к тобѣ[4].

71.

72. и[5] тогда *судіші єму[6] противу[7] дѣломъ єго".

73.

74. обращающі[8] црви[9],

75. и[10] се[11] снъ мой анаданъ[a] приде[12] ко мнѣ, *и челобавъ[13] мѧ, и рѣ:

76. „здравъ бѫди, оць [В. Х. отче] акире[14]!

77. Се црь мой[15] прислалъ мѧ[16] к тобѣ и[17] реклъ ти[18]:

78.

„благвнъ бѫди, акире[19], ако оугодї мнѣ[20] въ днешнїи[21] днь

[1] В. а. [2] В. оубѣщаю. [3] Х. доб. и. [4] Х. тебѣ. [5] В. нѣтъ. *—[6] В. суди. [7] В. Х. „по". [8] В. и бы обращающася, Х. и егда возвращающися. [9] Х. црю. [10] В. Х. нѣтъ. [11] Х. пріиде. [12] Х. нѣтъ. *—[13] В. поцелова. [14] В. мой. [15] В. Х. нѣтъ. [15—16] В. мѧ посла, Х. присла мя. [17] В. нѣтъ. [18] В. доб. „єсть". [19] В. акѣре. [20] В. ми. [21] В. нынешнїи. Дальнѣйшіе листки (не перебитой) рукописи Вахрамѣева утрачены, и поэтому далѣе варьянты подводятся только изъ ркп. Хлудова.

[a] а, стоящее за д, похоже на о.

	такъ какъ ты исполнилъ то, что онъ приказалъ тебѣ въ своемъ письмѣ.
79.	79.
80.	80. Теперь онъ прислалъ меня къ тебѣ,
81. и онъ приказываетъ тебѣ распустить твои силы, чтобы каждый могъ итти къ своему мѣсту и къ своей области.	81.
А ты самъ одинъ приходи ко мнѣ“. [69]	чтобы ты и я одни явились къ нему.
	Распусти также войско и отпусти каждаго съ миромъ домой!“ [1]
82. Тогда я пошелъ къ царю,	82. Тогда распустилъ я войско, и я и мой сынъ Наданъ пришли къ царю, и я поклонился ему.
83. и когда онъ увидѣлъ меня, онъ сказалъ мнѣ:	83. Когда царь [15] увидѣлъ меня, онъ сказалъ мнѣ:
84. „Пришелъ ты, Ах̮ик̣аръ, мой секретарь и питомецъ Ассиріи и Ниневіи,	84. „Ты пришелъ, Хикâръ, мой секретарь и правитель моего государства,
котораго я возвысилъ до почестей?	ты, который былъ мнѣ другомъ
	и которому я далъ отставку, чтобы ты насладился покоемъ:
85. но ты повернулъ спину	85. и теперь ты выступилъ противъ меня
и принялъ сторону моихъ враговъ“.	и принялъ сторону моихъ враговъ!“
86. И онъ далъ мнѣ тѣ письма,	86. Тутъ онъ вынулъ письма,
которыя были написаны отъ моего имени	которыя мой сынъ Наданъ написалъ моимъ языкомъ и моимъ почеркомъ
и были запечатаны печатью моего собственнаго перстня.	и запечаталъ моею печатью,
	и далъ ихъ мнѣ.

[1] § 81 по Карш. (Сад., Сальг., Агуб.): „А теперь онъ прислалъ меня къ тебѣ, чтобы ты распустилъ солдатъ къ выходу ихъ тропинокъ и пришелъ самъ къ нему“.

	и престави вѧ[1] моѧ, ѧко ти бѣ велѣлъ[2].
79.	79. и се възвеличнхсѧ пре послы фараѡньвы[3].
80.	80.
81.	81. [Сол. доб.: и оуже распусти воѧ].
Иди ко мнѣ и будемъ веселиться вмѣстѣ".	и сѧ ко мнѣ приди."
82. И когда я пришелъ,	82. и по реченію распусти[4] воѧ и идохъ съ сномъ своимъ анаданомъ къ црви.
83. царь сказалъ мнѣ:	83. [5]оузрѣ мѧ [97 об.] цръ и рече:
84. „Кикаръ, секретарь и мудрецъ, ты былъ мой канцлеръ и правитель, и давалъ приказы дома азоровъ и ниневитовъ;	84. „приде ли, акире, свѣтнице мои,[6] книгчие мои?[7]
	асъ[8] тѧ бѣхъ[9] възвысилъ[10] въ чть и въ[11] славу,
85.	85.
и ты перешелъ на сторону моихъ враговъ".	ты же въздвиже рать на мѧ."
86. И то письмо, которое Наѳанъ написалъ моими[a] словами и сдѣлалъ похожимъ въ немъ свой почеркъ на мой почеркъ,	86. и, се рекъ, вда ми грамоту. и видихъ,[12] ѧко[13] (по)подобно[14] моему писманию[a] [X. писанию]
	и печатано моимъ[15] перьстнемъ.[16]
царь далъ мнѣ и сказалъ: „Возьми и читай".	

81. И такъ дай приказаніе твоимъ силамъ итти на ихъ мѣсто, а ты приходи и повеселимся вмѣстѣ".

[a] Вен. опускаетъ „моими".

[1] воя. [2] повелѣлъ. [3] фараѡновы. [4] распусти. [5] доб. ј. [6] доб. и. [6—7] книгчіи. [8] а. [9] вовеличи и. [10] вовыси [11] нѣтъ. [12] видѣхъ. [13] нѣтъ. [14] подобно. [15] мои. [16] доб. „и".

[a] можно прочесть также писаланию

87. И когда я прочелъ ихъ,
мой языкъ замялся
и мои члены ослабѣли:

88. и я искалъ одно только слово изъ словъ мудрости
и я не нашелъ ни одного.

89. И мой сынъ Наданъ отвѣчалъ и сказалъ мнѣ:

90. „Прочь ты съ царскаго лица, ты глупый старикъ:

91.

92. дай твои руки для узъ
и твои ноги для желѣзныхъ оковъ".

93. Тогда Сеннахерибъ царь отвернулъ свое лицо отъ меня
и говорилъ онъ съ Набусемаkhомъ...[1] и сказалъ ему:
94. „Встань, иди убить Аḫиḳара,
и отдѣли его голову на сто локтей отъ его тѣла".

[1] Въ ркпси: „Yabusemakh Meskin Kanti", что, по мнѣнію Гарриса, является ошибкой вмѣсто „Набусемакhъ палачъ, мой товарищъ (Kenothi)."

87. Когда я прочелъ ихъ,

я покраснѣлъ, мои члены осла
я началъ дрожать, пришелъ страхъ,
и мой языкъ парализовался.

88. Я хотѣлъ сказать слово словъ знанія и мудрости,
но не могъ.

89. Тогда Наданъ закричал меня и сказалъ мнѣ:

90. „Держись далеко отъ цар глупый старикъ!

91.

92. Пусть закуютъ въ оковы руки и свяжутъ твои ноги".
И онъ заковалъ меня въ ц связалъ,
93. а царь отвернулъ свое отъ меня и сердился на меня.
Затѣмъ онъ сказалъ палачу

94. „Встань, иди и казни воротъ его дома и его голову отъ туловища на сто локтей".

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Н. Серебрянскій.

ОЧЕРКИ
ИСТОРІИ МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ
ВЪ
ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛѢ

итико-библіографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ
по исторіи Псковскаго монашества.

Въ предлагаемыхъ «Очеркахъ» читатель не найдетъ ни пол-й исторіи псковскаго монашества, ни справочныхъ, историко-хеологическихъ и статистическихъ, указаній о всѣхъ существо-шихъ когда-либо въ Псковской области монастыряхъ, такъ къ удовлетвореніе подобнымъ требованіямъ не входило въ за-у моего изслѣдованія. Послѣднюю я понималъ нѣсколько иначе. своей книгѣ я старался представить по возможности обстоятель-е и отчетливое разъясненіе основныхъ вопросовъ во внутрен-й исторіи псковскаго монашества и разсмотрѣть эти вопросы въ зи съ тѣми направленіями въ русской монастырской жизни, торыя хронологически совпадаютъ съ описываемыми событіями ь жизни монашества псковскаго, и въ связи съ общими усло-ми псковской церковной и общественной жизни. Такимъ путемъ хотѣлъ установить, что новаго даетъ исторія псковскаго мона-ства, въ какой степени она пополняетъ собою страницы исторіи сскаго монашества вообще, и одновременно съ этимъ объяснить ичины особенностей въ мѣстной монастырской жизни.

Но поставивъ себѣ цѣлію дать сравнительное изложеніе изуча-аго мною предмета, я нерѣдко ограничивалъ рамки сравнительнаго ученія. Когда памятники псковской монастырской исторіи пред-влялись сами по себѣ достаточно полными и подробными, когда и на тотъ или другой вопросъ давали обстоятельный и совер-нно ясный отвѣтъ, я не обращался къ стороннимъ источни-мъ. Не пользовался я послѣдними и въ тѣхъ случаяхъ, когда и извѣстій сторонняго памятника, хотя бы и очень цѣнныхъ, льзя было найти никакихъ соотвѣтствующихъ данныхъ въ па-тникахъ мѣстныхъ. Дѣлать аналогичные выводы, основываясь ключительно на стороннихъ извѣстіяхъ и не имѣя никакихъ нныхъ за или противъ этихъ выводовъ въ мѣстныхъ памят-кахъ, я не считалъ нужнымъ и полезнымъ для дѣла. Къ сто-

роннему источнику я обращался лишь тогда, когда въ памятникахъ псковской монастырской исторіи не находилъ вполнѣ исчерпывающаго вопросъ отвѣта.

Неполнота сравнительнаго изученія предмета въ значительной степени объясняется, затѣмъ, и недостаточностію разработки исторіи какъ русскаго монашества вообще, такъ псковскаго въ частности. Не всѣ страницы въ исторіи древне-русскаго монашества разъяснены съ достаточною полнотою и обстоятельностію, не мало остается вопросовъ спорныхъ и даже совсѣмъ не разъясненныхъ; сравнительное же изученіе монашества древне-русскаго и восточнаго,—къ которому по многимъ вопросамъ долженъ обращаться историкъ древне-русской монастырской жизни,—произведено еще не въ такомъ видѣ, чтобы легко было дѣлать частные выводы и частныя сопоставленія. Какъ убѣдится читатель изъ помѣщаемаго во введеніи критико-библіографическаго обзора научной литературы по исторіи псковскаго монашества, и въ послѣдней сдѣлано до сихъ поръ не очень много. Приходилось, отсюда, ограничивать размѣры сравнительнаго изученія предмета и въ тѣхъ видахъ, чтобы подробнѣе использовать мало изученный матеріалъ мѣстныхъ памятниковъ. Наконецъ, приходилось ограничивать и самое изложеніе исторіи псковскаго монашества. Недостаточное изслѣдованіе предыдущими историками памятниковъ мѣстной монастырской исторіи побудило меня, быть можетъ, подробнѣе, чѣмъ это требуется для спеціальной цѣли моего труда, остановиться не только на оцѣнкѣ историческаго значенія того или другого памятника, но и на разъясненіи литературной исторіи каждаго изъ нихъ. Посвящая почти половину своей книги этой работѣ, я исходилъ въ данномъ случаѣ изъ того убѣжденія, что научное изслѣдованіе и изданіе памятниковъ псковской монастырской письменности едва-ли не полезнѣе будетъ для науки, чѣмъ самое изложеніе исторіи мѣстной монастырской жизни.

Въ числѣ недостатковъ изслѣдованія могутъ быть указаны: отсутствіе хронологическихъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ излагается изучаемый предметъ, и нарушеніе плана во второмъ очеркѣ, въ изслѣдованіи иноческаго устава преп. Евфросина. Первый пробѣлъ допущенъ намѣренно, второй—совершенно случайно. Предѣльнымъ пунктомъ изслѣдованія является конецъ XVI в., время учрежденія въ Псковѣ самостоятельной епархіи. Но почти во всѣхъ отдѣлахъ своей работы я пользуюсь и памятниками позд

нѣйшими, XVII, иногда XVIII в.,—особенно въ очеркахъ о монастырскомъ богослуженіи и о хозяйственномъ бытѣ псковскихъ монастырей. Этотъ формальный недочетъ обусловливается нѣкоторыми особенностями въ планѣ моей работы. Такъ какъ я ставилъ для себя цѣлію, чтобы каждый очеркъ въ моемъ изслѣдованіи представлялъ собою, по возможности, законченное цѣлое, то пользованіе позднѣйшими источниками являлось иногда прямо неизбѣжнымъ, иначе пришлось бы обрывать рѣчь на половинѣ.

Изслѣдованіе иноческаго устава преп. Евфросина правильнѣе было бы помѣстить во введеніи. Причиною нарушенія плана въ этомъ случаѣ были слѣдующія обстоятельства. По первоначальному плану предполагалось использовать уставъ преп. Евфросина лишь какъ историческій памятникъ, разсмотрѣть, что новаго вносилъ въ русскую монастырскую жизнь преподобный своими требованіями. Для выясненія этого я пытался изложить взгляды древне-русскихъ подвижниковъ и высшей власти на монашескую жизнь и тѣ порядки, которые они старались установить въ русскихъ монастыряхъ,—какъ объ этомъ можно судить по житіямъ святыхъ и по грамотамъ и посланіямъ въ монастыри высшей власти. Въ такомъ видѣ рѣчь объ уставѣ Евфросина во второмъ очеркѣ являлась вполнѣ умѣстною. Но сдѣланныя въ этомъ направленіи наблюденія не удовлетворили меня, и, зачеркнувъ эту часть въ своей работѣ, я замѣнилъ ее изслѣдованіемъ литературной исторіи Евфросинова устава. Послѣднее было произведено уже послѣ напечатанія введенія и при томъ—въ два пріема. Первоначально я изслѣдовалъ источники устава по печатнымъ изданіямъ, позднѣе, послѣ напечатанія второго очерка, я имѣлъ возможность произвести это сравненіе по рукописнымъ спискамъ и кое-что дополнить. Результаты этой второй работы помѣщены въ приложеніяхъ, при изданіи текста памятника. Въ общемъ они подтвердили всѣ сдѣланные въ изслѣдованіи объ уставѣ выводы и, кажется, дали возможность обосновать кое-что и изъ того, что при изслѣдованіи пришлось высказать лишь предположительно.

Въ работѣ мѣстнаго изслѣдователя читатель естественно ожидаетъ встрѣтить широкое пользованіе памятниками мѣстныхъ, въ частности монастырскихъ книгохранилищъ. Насколько могъ, я старался удовлетворить этому требованію: знакомился съ монастырскими библіотеками и сохранившимися древностями приходскихъ церквей—прежнихъ монастырей. Но результаты этихъ изысканій

получились въ общемъ незначительные. Новые документы, заимствованные изъ монастырскихъ библіотекъ, не очень цѣнны въ научномъ отношеніи. Монастырскіе списки памятниковъ по своему достоинству ниже списковъ этихъ же памятниковъ, хранящихся въ библіотекахъ столичныхъ, и моложе ихъ по времени написанія. Причины недостатка въ мѣстныхъ книгохранилищахъ матеріаловъ по древнѣйшей исторіи Пскова разъяснены мною въ особой статьѣ: «Къ вопросу объ изученіи псковскихъ древностей во второй половинѣ XIX в.» (Псковъ, 1902 г.).

Н. Серебрянскій.

Псковъ.
14 ноября 1908 г.

цѣлое. Но и это уже сдѣлано—частію митрополитомъ Евгеніемъ, въ его Исторіи княжества псковскаго и въ отдѣльныхъ описаніяхъ псковскихъ монастырей, частію другими изслѣдователями, которые своими описаніями пополняли описанія Евгенія. Таковы: арх. Аполлосъ, іер. Іосифъ, Василевъ, Пановъ, Миротворцевъ. Болѣе того, имѣются ученыя работы, посвященныя отдѣльнымъ личностямъ изъ псковскаго монашества, наприм., проф. В. О. Ключевскаго, Е. Е. Голубинскаго—объ Евфросинѣ, В. Н. Малинина—объ елеазар. старцѣ Филоѳеѣ. Исторія псковскаго монашества включена и въ общую исторію монашества русскаго въ трудахъ арх. Амвросія Орнатскаго, Филарета Черниговскаго, м. Макарія.

Затѣмъ, уже то обстоятельство, что существуютъ отдѣльныя описанія монастырей псковскихъ, иногда по объему представляющія собою книжки довольно обширныя, и что жизнь и литературная дѣятельность одного псковскаго монаха (Филоѳея) дала матеріалъ для обширнаго (болѣе, чѣмъ въ 700 стр.) спеціальнаго изслѣдованія, доставившаго автору ученую степень доктора русской словесности,—все это даетъ право предположить, что и со стороны историческихъ матеріаловъ дѣло обстоитъ вполнѣ благополучно; они могутъ удовлетворить собою не одного изслѣдователя, а очень многихъ, какія бы цѣли ни ставили послѣдніе... И дѣйствительно, стоитъ сдѣлать бѣглый перечень историческихъ источниковъ о псковскомъ монашествѣ, чтобы понятно было, какимъ достаточнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ можетъ располагать изслѣдователь. Кромѣ общихъ источниковъ, какими являются двѣ псковскихъ лѣтописи и отчасти псковская Судная Грамота, въ распоряженіи изслѣдователя могутъ быть: повѣсти: а) объ основаніи монастырей и б) о явленіи иконъ въ связи съ исторіей основанія монастыря, житія подвижниковъ, иноческій и богослужебный уставы, кормовая книга, синодики, посланія въ монастыри высшей власти, посланія самихъ псковскихъ монаховъ, духовное завѣщаніе и, наконецъ, цѣлый рядъ изданныхъ и рукописныхъ актовъ преимущественно о хозяйственномъ бытѣ мѣстныхъ монастырей. Понятно, что при такихъ разнообразныхъ источникахъ исторія псковскаго монашества можетъ быть разсмотрѣна довольно разносторонне. Научная цѣнность перечисленныхъ источниковъ увеличивается еще и потому, что нѣкоторые изъ нихъ,—напр., повѣсти и житія святыхъ,—сохранились въ нѣсколькихъ редакціяхъ (двухъ-трехъ) или въ спискахъ, хотя и не представляющихъ собою отдѣльныхъ редакцій, но зато дополняющихъ и разъясняющихъ другъ друга. Все это даетъ возможность изслѣдователю сличать извѣстія однородныхъ памятниковъ, провѣрять ихъ показанія въ тѣхъ случаяхъ, когда они разнятся между собою или съ показаніями другихъ источниковъ о тѣхъ же самыхъ фактахъ, нерѣдко—установить первоисточникъ того или иного сообщенія, словомъ, произвести критическій обзоръ историческаго содержанія памятниковъ на болѣе или менѣе строго фактическихъ основахъ. Одновременно съ этимъ разнообразіе рукописныхъ списковъ дѣлаетъ возможнымъ и болѣе точное изслѣдованіе литературной исторіи мѣстныхъ памятниковъ. Послѣднее же, имѣя значеніе для цѣлей

научнаго изложенія исторіи мѣстнаго монашества, имѣетъ интересъ и научное значеніе и само по себѣ, помимо этихъ практическихъ цѣлей.

При настоящихъ условіяхъ научной работы, когда большинство рукописныхъ библіотекъ имѣетъ или описанія рукописей, или рукописные каталоги, псковская письменность частію уже приведена въ извѣстность и во всякомъ случаѣ даже и въ рукописномъ своемъ видѣ доступна для изслѣдователя. Въ значительной степени облегчено, затѣмъ, и самое пользованіе тѣми или другими рукописными списками, благодаря печатнымъ изданіямъ нѣкоторыхъ памятниковъ, а также научнымъ изслѣдованіямъ ихъ по рукописнымъ спискамъ. Словомъ, псковская письменность въ настоящее время не представляетъ собою не только terram incognitam, но даже и terram incultam; надѣяться здѣсь на какія-либо открытія можно лишь при условіи исключительно благопріятныхъ случайныхъ обстоятельствъ.

Изданіе памятниковъ мѣстной монастырской исторіи началось еще во второй половинѣ XVIII стол.,—другими словами: оно даже предшествовало изученію исторіи монастырской жизни,—и продолжается по настоящее время. Не все, конечно, изъ печатно-изданнаго, особенно въ старое время, является достаточно цѣннымъ и сдѣланнымъ безошибочно. Ниже увидимъ, что печатныя изданія во многомъ неудовлетворительны и очень часто не могутъ замѣнить собою рукописныхъ списковъ памятниковъ. Но и самыя ошибки издателей, нерѣдко допущенныя намѣренно, подъ вліяніемъ своеобразнаго взгляда на значеніе оригинала памятника, имѣютъ свое значеніе для критическаго изученія рукописныхъ текстовъ. Эти преднамѣренныя ошибки иногда представляютъ собою не что иное, какъ скрытую критику памятниковъ, и такимъ образомъ могутъ навести позднѣйшаго изслѣдователя на рядъ размышленій и сомнѣній, не безполезныхъ по конечнымъ своимъ результатамъ.

Давно уже началось и изученіе мѣстныхъ памятниковъ по ихъ рукописнымъ спискамъ и точно также продолжается и въ настоящее время, все болѣе и болѣе специализируясь. Объ одномъ памятникѣ псковской письменности: о житіи преподобнаго Евфросина, можно, по крайней мѣрѣ, сказать, что критическое изученіе этого памятника началось почти одновременно съ его написаніемъ. Въ XVII в. оно приняло даже обязательный характеръ, и съ этого времени количество изслѣдованій житія постепенно все болѣе и болѣе возрастало. Строго-научное изученіе житія началось, правда, много позднѣе: только со второй половины XIX ст., но продолжается и доселѣ. Если принять во вниманіе сравнительно большое количество изслѣдованій о житіи Евфросина и разнообразіе въ выводахъ, касающихся литературной его исторіи, то слѣдуетъ признать, что этотъ памятникъ въ одно и то же время и интересный, и трудный для изученія. Новая попытка разъяснить спорные вопросы въ литературной исторіи памятника можетъ разсчитывать на интересъ къ ней со стороны ученыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не должна ставить цѣли окончательнаго разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ.

Иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ другимъ памятникамъ мѣстной письменности, каковы, напр., житія преп. Саввы, Никандра, Серапіона, повѣсти о началѣ монастырей Печерскаго и Святогорскаго, иноческій и богослужебный уставы Елеазаровскаго монастыря, посланіе инока Корнилія свѣтогорскаго, монастырскіе синодики большинства монастырей и т. п. Часть этихъ памятниковъ извѣстна только по названію изъ рукописныхъ указателей, другая часть изслѣдована не полно и даже мало. О житіяхъ Саввы и Никандра, о печерской повѣсти научная литература ограничивается небольшими замѣтками—характеристиками этихъ памятниковъ въ изслѣдованіи проф. Ключевскаго: „Древнерусскія житія святыхъ". Краткія замѣтки въ сочиненіяхъ митр. Евгенія, арх. Филарета, м. Макарія настолько малоцѣнны, по сравненію съ замѣтками Ключевскаго, что о нихъ совсѣмъ можно не говорить. Объ иноческомъ елеазар. уставѣ небольшую характеристику находимъ лишь въ „Исторіи русской церкви" м. Макарія; всѣ другія упоминанія о памятникѣ носятъ характеръ случайныхъ библіографическихъ замѣтокъ. Такимъ образомъ, спеціальныхъ изслѣдованій по литературной исторіи памятниковъ псковской монастырской письменности пока нѣтъ. Въ цитированномъ сочиненіи проф. Ключевскаго обзору печерской повѣсти и житія Саввы посвящено не болѣе четырехъ страницъ, житію Никандра только одна[1]). Въ VII т. „Исторіи русской церкви" митр. Макарія рѣчь объ елеазар. уставѣ помѣщена менѣе чѣмъ на трехъ страницахъ (2 изд., стр. 59—61), почти полностію занятыхъ изложеніемъ содержанія этого памятника. Едва-ли нужно разъяснять очевидную мысль о невозможности представить обстоятельное разсмотрѣніе литературной исторіи памятника на одной—двухъ страницахъ. Понятно отсюда, что не только по отношенію къ той части мѣстной монастырской письменности, которую мы назвали извѣстною лишь по заглавіямъ, но и по отношенію къ другой, извѣстной и по своему содержанію, новое изслѣдованіе не только не излишне, но и прямо необходимо съ точки зрѣнія интересовъ науки о древне-русской письменности.

Полезность новаго изслѣдованія мѣстныхъ памятниковъ станетъ еще болѣе понятною, если обратить вниманіе на то, что различныя редакціи второй группы памятниковъ не всѣ еще подвергнуты научной, хотя бы краткой, оцѣнкѣ, а нѣкоторыя извѣстны только по рукописнымъ указателямъ, краткимъ и не всегда точнымъ. Изслѣдователь исторіи мѣстной монастырской жизни не только имѣетъ право съ большею подробностію, чѣмъ это требуется для спеціальной его цѣли, остановиться на разсмотрѣніи литературной исторіи мѣстныхъ памятниковъ, но онъ и обязанъ это сдѣлать, и этой части своего труда можетъ придавать существенно-важное значеніе. Принимая во вниманіе сдѣланное раньше и пользуясь новыми данными, онъ долженъ не только произвести оцѣнку историческаго достоинства памятниковъ монастырской письменности, но и представить

[1]) стр. 249—50, 315—16, 251—2, 258—9, 331—2.

исторію послѣдней, поскольку она возможна вообще для древне-русской областной письменности.

Другой вопросъ, насколько использованы въ исторической литературѣ о псковскомъ монашествѣ имѣющіеся письменные памятники, нужно-ли новое изслѣдованіе о мѣстной монастырской жизни и какой характеръ оно должно принять, чтобы не явилось лишь повтореніемъ извѣстнаго, ранѣе сказаннаго. Положительнымъ отвѣтомъ на вторую часть указаннаго вопроса служитъ самое появленіе нашей книги. Но желая и здѣсь быть по возможности объективнымъ, авторъ предпочитаетъ предложить вниманію читателя критическій обзоръ научной литературы о псковскомъ монашествѣ и самому читателю предоставляетъ сдѣлать выводъ, правильно ли авторъ понялъ задачу своей работы.

Едва-ли нужно подробно доказывать, что въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи Пскова исторія монашества является недостаточно разъясненною. Изслѣдователей мѣстная политическая и церковная жизнь интересовала главнымъ образомъ со стороны тѣхъ ея особенностей, которыя объясняются мѣстными условіями этой жизни, и благодаря которымъ псковская исторія можетъ дополнять собою исторію обще-русскую. Это особенно нужно сказать о сочиненіяхъ Никитскаго: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова", Спб. 1873 г., и Костомарова: „Сѣверно-русскія народоправства", Спб. 1868 г., т. II. Такихъ особенностей меньше всего можно встрѣтить въ исторіи монастырской жизни, такъ какъ монашество по существу своему представляетъ наиболѣе консервативный институтъ, на который не только условія мѣстности, но и условія времени мало вліяютъ; измѣняются внѣшнія формы, но сущность дѣла остается та же. Количество страницъ, посвященныхъ въ упомянутыхъ изслѣдованіяхъ псковской монастырской жизни, подтверждаетъ высказанное предположеніе (у Никитскаго не болѣе 10 стр., у Костомарова 13 стр.). Очевидно оба изслѣдователя не нашли въ исторіи псковскаго монашества того, что для нихъ было нужно. Но что они искали этого, доказательствомъ могутъ служить хотя бы тѣ страницы въ сочиненіи Никитскаго, гдѣ онъ пытается опредѣлить внутренній строй мѣстной монастырской жизни по памятникамъ Снѣтогорскаго монастыря (стр. 233—5). Сдѣлавъ на основаніи снѣтогорской исторіи общій выводъ, что въ Псковѣ общежитіе не получило для себя полнаго развитія, было въ зачаточной формѣ, Никитскій въ другихъ случаяхъ, касаясь мѣстной монастырской жизни, почти не пользуется мѣстными монастырскими памятниками; свои замѣтки онъ основываетъ на указаніяхъ общихъ извѣстій о монашествѣ въ древней Руси и въ Византіи, примѣняетъ сказанное тамъ къ исторіи мѣстнаго монашества.

У Костомарова фактическая сторона свѣдѣній о псковскомъ монашествѣ поставлена лучше, чѣмъ у Никитскаго. Онъ упоминаетъ о большинствѣ псковскихъ монастырей, а о нѣкоторыхъ: Елеазаровскомъ, Крыпецкомъ, Печерскомъ, дѣлаетъ даже болѣе или менѣе обстоятельныя замѣчанія (стр. 369—378). Но отвѣта на болѣе важный вопросъ: отличалась ли чѣмъ-нибудь псковская монастырская жизнь отъ новгородской, у него

нѣтъ, хотя этого отвѣта въ правѣ бы ожидать читатель, такъ какъ изслѣдованіе Костомарова своею цѣлію ставитъ не столько полный обзоръ исторіи сѣверно-русскаго народоправства, сколько выясненіе особенностей этого порядка въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ. О внутреннемъ устройствѣ псковскихъ монастырей Костомаровъ ничего не говоритъ, если не считать краткой передачи содержанія уставной грамоты Снѣтогорскому монастырю арх. Діонисія, на стр. 381—382.

Болѣе разнообразныя извѣстія о псковскомъ монашествѣ находимъ въ III т. „Разсказовъ изъ русской исторіи" Бѣляева. Авторъ дѣлаетъ замѣчанія о распредѣленіи псковскихъ монастырей, вмѣстѣ съ приходскими церквами, по соборамъ (стр. 93), о вотчинномъ владѣніи монастырей (стр. 92), объ участіи въ дѣлахъ монастырскаго хозяйства и внутренняго управленія выборныхъ мірскихъ старостъ (77—78, 92) и т. п.; даетъ и характеристику безпорядковъ въ монастырской жизни (78—79). Но и эти свѣдѣнія нельзя признать очень цѣнными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они не представляются даже и безошибочными. Причиною этого является отчасти самая цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ въ своихъ „Разсказахъ". Онъ имѣлъ въ виду дать популярно-научное изложеніе исторіи псковской жизни, а не спеціальное, подробное ея изслѣдованіе. Отсюда, отмѣчая ту или другую особенность въ мѣстной монастырской жизни, онъ не всегда входитъ въ подробности ея разъясненія. Такъ, напр., характеристика безпорядковъ въ монастырской жизни представляетъ собою просто перифразъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ посланій въ Снѣтогорскій монастырь архіепископа новгородскаго Симеона и митр. Фотія. Дѣлая подобный перифразъ, Бѣляевъ не всегда строго придерживается извѣстій этихъ памятниковъ, преувеличиваетъ ихъ показанія. Такъ, напр., преувеличенными и не совсѣмъ точными являются его утвержденія, что „при монастыряхъ (псковскихъ) было по два выборныхъ старосты отъ мѣстнаго общества" (стр. 92), что эти старосты завѣдывали и распоряжались монастырскимъ имуществомъ „безъ всякаго отношенія къ игуменамъ и священникамъ" (77), что въ псковскихъ монастыряхъ встрѣчались „іеромонахи, которые смѣялись надъ священничествомъ и никогда не причащались св. таинъ" (78). Изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующій выводъ: въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи Пскова отдѣлъ исторіи монастырской жизни изложенъ не полно, а въ частностяхъ даже и не всегда точно. Отвѣта на самый интересный вопросъ: имѣли ли какое-нибудь вліяніе на строй монастырской жизни особенности въ общемъ строѣ политической и церковной жизни въ Псковѣ и какое именно,—не дано упомянутыми изслѣдователями.

Исторія псковскаго монашества излагается и въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи русской церкви: митр. Макарія, арх. Филарета, еп. Амвросія Орнатскаго, а также въ сочиненіяхъ, спеціально посвященныхъ историческимъ судьбамъ псковской церкви (напр., III-й т. Исторіи княжества псковскаго, митр. Евгенія). Сочиненія первой группы вызываютъ къ себѣ большой интересъ у знакомящагося съ исторіею псковскаго монашества. Мѣстная монастырская жизнь въ нихъ разсматривается въ связи съ общею

исторіею монаст. жизни въ древней Руси. Естественно ожидать, что при такомъ способѣ изложенія будутъ установлены и отчасти объяснены мѣстныя особенности монастырской жизни. Но и эти ожиданія остаются тщетными. Въ обстоятельномъ изслѣдованіи Ист. рус. ц. митр. Макарія на долю исторіи псковскаго монашества отведено значительное мѣсто, но никакихъ замѣчаній о ея отличительныхъ чертахъ нѣтъ. Заинтересованный читатель, естественно, приходитъ къ печальному для него выводу, что никакихъ особенностей въ строѣ псковской монастырской жизни, очевидно, и не было, и что исторія псковскаго монашества входитъ въ общую исторію русскаго монашества просто для внѣшней полноты изложенія послѣдней.

Трудъ еп. Амвросія: „Исторія рос. іерархіи“ появился въ то время, когда въ исторической наукѣ не преслѣдовалось цѣлей всесторонняго разъясненія тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, а исключительно болѣе или менѣе подробный сводъ имѣющихся историческихъ извѣстій. Его и оцѣнивать можно, значитъ, лишь съ послѣдней точки зрѣнія. Въ отношеніи къ полнотѣ извѣстій о псковскомъ монашествѣ это сочиненіе можно признать трудомъ почтеннымъ. Въ немъ мы находимъ упоминанія и извѣстія не только о большихъ псковскихъ монастыряхъ, но и о монастыряхъ незначительныхъ, давно уже прекратившихъ свое существованіе. Больше всего мѣста отведено Печерскому монастырю (стр. 543—550, ч. V, 1813 г.) и Никандровой пустыни (ib., стр. 181—186).

По мнѣнію г. Полетаева, историческія свѣдѣнія о псковскихъ монастыряхъ въ „И. Р. І.“ не утратили своего значенія и послѣ появленія болѣе обстоятельнаго изслѣдованія: „Ист. кн. пск.“ митр. Евгенія. „Пользуясь трудомъ митр. Евгенія, церковному историку необходимо,—замѣчаетъ Полетаевъ,—пользоваться и „Ист. Р. І.“ [1]). По нашему мнѣнію, въ настоящее время „И. Р. І.“ для изслѣдователя псков. мон. жизни совершенно безполезна. Пользоваться ею нужно съ такою осторожностію, что выгоднѣе совсѣмъ не пользоваться. Для любителя полноты подстрочной цитаціи эта книга, м. б., и полезна, но для изслѣдователя, не желающаго прикрываться непровѣренными авторитетами старины, обязательно лишь знакомство съ этимъ сочиненіемъ, а не пользованіе имъ. Не говоря уже о краткости свѣдѣній, здѣсь нерѣдко встрѣчаются неточности и грубыя ошибки. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Авторъ допускаетъ существованіе двухъ монастырей: Спасо-Мирожскаго и Спасскаго-Завеличскаго, основаніе обоихъ приписываетъ еп. новгородскому Нифонту и устройство перваго относитъ къ 1156 г. (ч. V, стр. 69), а второго къ 1154 г. (ч. IV, стр. 123). Эту ошибку, повторенную и митр. Макаріемъ (Ист. рус. ц., т. III, Спб. 88 г., стр. 77), впервые, кажется, отмѣтилъ проф. Голубинскій (Ист. рус. ц., т. I, п. II, стр. 634). Для второй хронологической даты, а равно и для предположенія существованія Спасскаго-Завеличскаго монастыря нѣтъ никакихъ данныхъ.

---

[1]) „Труды митр. кіевск. Евгенія Болховитинова по ист. р. церкви“, Казань, 1888 г., стр. 150.

Очень неопредѣленно и въ сущности неточно указаніе на источникъ свѣдѣній о построеніи Іоанно-Предтеченскаго монастыря. „О построеніи сего монастыря,—читаемъ мы,—въ лѣтописцахъ россійскихъ упоминается слѣдующее: 6751—1243 г., маія въ 8 день, заложенъ на Завеличьѣ монастырь св. Іоанна Предтечи теткою благовѣрному князю Доманту" (ч. IV, стр. 312). Что это за лѣтописцы—мы не знаемъ; не зналъ этого и авторъ, заимствовавшій свое извѣстіе изъ книги Ильинскаго: „Историч. описаніе гор. Пскова" (Спб. 1790 г., стр. 35), гдѣ читаемъ: „6751—1247 г. (?), маія въ 18 день, заложенъ на Завеличьѣ монастырь св. Іоанна Предтечи, построенный благ. княгинею Евпраксіею, теткою благ. кн. Доманту". Изъ сопоставленія этихъ выдержекъ можно судить, какой неважный источникъ представляютъ собою эти мнимые лѣтописцы россійскіе.

Но особенно много путаницы въ извѣстіяхъ объ Елеазаровскомъ монастырѣ, т. е. такомъ, о которомъ сохранилось больше всего свѣдѣній изъ древней письменности. О немъ читаемъ на стр. 84—85, ч. IV, и кромѣ того въ VI и III ч.ч. сочиненія. Преп. Евфросину приписывается основаніе цѣлыхъ 3 монастырей. Такъ, на стр. 437, ч. VI, читаемъ: „Трехсвятительскій псковскій съ болота, упраздненный дѣвичь монастырь, находился близъ г. Пскова, надъ рѣкою Толвою, отъ города въ 25 верстахъ. Монастырь сей основанъ пр. Евфросиномъ, преставившимся въ 6989—1481 г., маія 15, сооруженіемъ церкви во имя трехъ святителей". На самомъ дѣлѣ этотъ дѣвичій монастырь находился въ Псковѣ, „на болотѣ"; о времени построенія его нѣтъ извѣстій, впервые же упоминается онъ въ актахъ XVII в.—На стр. 512—513, ч. III, читаемъ о Великопустынскомъ монастырѣ, что онъ „построенъ въ 1450 г. преп. Евфросиномъ, пустынножителемъ, нѣсколько отдаленнѣе отъ нынѣшняго мѣста, сооруженіемъ первоначально въ немъ церкви во имя Преображенія Господня". И здѣсь смѣшивается съ Елеаз. монастыремъ, не имѣвшимъ Преобр. церкви, монастырь Спасскій Великопустынскій, приписанный къ Елеазаровскому въ XVIII вѣкѣ. Основаніе этого монастыря м. Евгеній и за нимъ другіе изслѣдователи приписываютъ новгородскому митрополиту Александру, въ 1590 г.; по нашему мнѣнію, согласно указанію I пск. лѣт., основаніе монастыря должно быть отнесено къ началу XV в.

Можно бы указать и другія неточности и ошибки въ показаніяхъ „И. Р. І.", но думаемъ, что и отмѣченнаго достаточно для разъясненія того, какъ ненадеженъ этотъ источникъ свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ. Въ такомъ обширномъ по объему трудѣ, какъ „И. Р. І.", появившемся въ то время, когда церковно-историческая наука была въ зачаточномъ почти состояніи, а мѣстная псковская исторія ограничивалась лишь сочиненіемъ Ильинскаго,—писателя очень старательнаго, но не очень умѣлаго и точнаго въ передачѣ содержанія историческихъ источниковъ,—ошибки конечно, были вполнѣ возможны и вполнѣ извинительны.

Неизвѣстно въ точности, кому принадлежало составленіе свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи; думаютъ, что м. Евгенію. Если и вѣрно послѣднее предположеніе, то во всякомъ случаѣ нужно признать, что допущенныя ошибки исправлены были этимъ глав-

нымъ сотрудникомъ пр. Амвросія, и что если бы состоялось, согласно желанію м. Евгенія, новое изданіе этого сочиненія, то не было бы нужды отмѣчать недочеты въ первомъ его изданіи. Доказательствомъ этого служитъ появившееся черезъ 16 лѣтъ послѣ изданія VI ч. „И. Р. I.“ сочиненіе Евгенія: „Ист. кн. псковскаго“ (Кіевъ, 1831 г., въ 2 кн., 4 частяхъ). Въ немъ не только устранена большая часть указанныхъ ошибокъ, но и значительно пополнены свѣдѣнія о псковскихъ монастыряхъ.

Это замѣчательное изслѣдованіе въ недалекомъ будущемъ отпразднуетъ свой столѣтній юбилей, тѣмъ болѣе замѣчательный, что и послѣ него оно надолго еще сохранитъ не только научную цѣнность, но и свѣжесть заключающихся въ немъ свѣдѣній. На долю „Ист. кн. пск.“ выпала завидная судьба. Сочувственно встрѣченное при своемъ появленіи тогдашнею критикою, признавшею за нимъ прекрасный сборникъ матеріаловъ, приведенныхъ въ систему и порядокъ, изслѣдованіе Евгенія, по мѣрѣ развитія исторической науки о судьбахъ Пскова, пріобрѣтало все большее вниманіе со стороны ученыхъ и просто любителей мѣстной старины. По отзыву проф. Никитскаго, „Ист. кн. пск. представляетъ до сихъ поръ лучшее фактическое изложеніе судебъ Пскова“ [1]). Своею работою авторъ, можно даже сказать, пріостановилъ начинавшуюся было разработку вопросовъ мѣстной исторіи, представивъ такіе богатые результаты своихъ изслѣдованій, до которыхъ мѣстнымъ изслѣдователямъ пришлось бы идти очень долгимъ и болѣе труднымъ путемъ. По отзыву компетентнаго изслѣдователя псковскихъ древностей—Василева, послѣ трудовъ м. Евгенія мѣстная литература не представила ничего самостоятельнаго; она ограничивалась лишь повтореніемъ и распространеніемъ сказаннаго этимъ ученымъ псковолюбцемъ. Василевъ ставитъ сочиненіе Евгенія выше даже позднѣйшихъ ученыхъ изслѣдованій Бѣляева, Костомарова, Никитскаго не только со стороны полноты свѣдѣній, но и со стороны большей научности и безпристрастности взглядовъ изслѣдователя. „Въ теченіе настоящаго (XIX) столѣтія,—замѣчаетъ онъ,—единственнымъ, можно сказать, безпристрастнымъ, болѣе полнымъ и правдивымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о Псковѣ остается все еще м. Евгеній въ его „Ист. кн. пск.“, которою пользовались всѣ наши историки, сказавшіе о Псковѣ весьма мало новаго и не указавшіе почти ничего такого, на что не было бы обращено вниманія мѣстнаго глубокаго изслѣдователя псковскаго прошлаго“ [2]). Этотъ отзывъ, если имѣть въ виду весь объемъ „Исторіи“ Евгенія, является преувеличеннымъ, но если обратить вниманіе на отдѣлы: археологическій и извѣстій о псковскихъ монастыряхъ, то можно признать его вполнѣ справедливымъ. Въ виду существованія спеціальнаго изслѣдованія о трудахъ м. Евгенія, г. Полетаева, гдѣ значительное мѣсто удѣлено и работамъ преосвященнаго по исторіи Пскова (гл. 2, стр. 131—160), намъ нѣтъ нужды останавливаться на характеристикѣ цер-

---

[1]) О. с., стр. 129.

[2]) И. Василевъ, „Археологическій указатель г. Пскова и его окрестностей“. Спб. 1898 г., стр. 5.

Очень неопредѣленно и въ сущности неточно указаніе на источникъ свѣдѣній о построеніи Іоанно-Предтеченскаго монастыря. „О построеніи сего монастыря,—читаемъ мы,—въ лѣтописцахъ россійскихъ упоминается слѣдующее: 6751—1243 г., маія въ 8 день, заложенъ на Завеличьѣ монастырь св. Іоанна Предтечи теткою благовѣрному князю Доманту“ (ч. IV, стр. 312). Что это за лѣтописцы—мы не знаемъ; не зналъ этого и авторъ, заимствовавшій свое извѣстіе изъ книги Ильинскаго: „Историч. описаніе гор. Пскова“ (Спб. 1790 г., стр. 35), гдѣ читаемъ: „6751—1247 г. (?), маія въ 18 день, заложенъ на Завеличьѣ монастырь св. Іоанна Предтечи, построенный благ. княгинею Евпраксіею, теткою благ. кн. Доманту“. Изъ сопоставленія этихъ выдержекъ можно судить, какой неважный источникъ представляютъ собою эти мнимые лѣтописцы россійскіе.

Но особенно много путаницы въ извѣстіяхъ объ Елеазаровскомъ монастырѣ, т. е. такомъ, о которомъ сохранилось больше всего свѣдѣній изъ древней письменности. О немъ читаемъ на стр. 84—85, ч. IV, и кромѣ того въ VI и III ч.ч. сочиненія. Преп. Евфросину приписывается основаніе цѣлыхъ 3 монастырей. Такъ, на стр. 437, ч. VI, читаемъ: „Трехсвятительскій псковскій съ болота, упраздненный дѣвичь монастырь, находился близь г. Пскова, надъ рѣкою Толвою, отъ города въ 25 верстахъ. Монастырь сей основанъ пр. Евфросиномъ, преставившимся въ 6989—1481 г., маія 15, сооруженіемъ церкви во имя трехъ святителей“. На самомъ дѣлѣ этотъ дѣвичій монастырь находился въ Псковѣ, „на болотѣ“; о времени построенія его нѣтъ извѣстій, впервые же упоминается онъ въ актахъ XVII в.—На стр. 512—513, ч. III, читаемъ о Великопустынскомъ монастырѣ, что онъ „построенъ въ 1450 г. преп. Евфросиномъ, пустынножителемъ, нѣсколько отдаленнѣе отъ нынѣшняго мѣста, сооруженіемъ первоначально въ немъ церкви во имя Преображенія Господня“. И здѣсь смѣшивается съ Елеаз. монастыремъ, не имѣвшимъ Преобр. церкви, монастырь Спасскій Великопустынскій, приписанный къ Елеазаровскому въ XVIII вѣкѣ. Основаніе этого монастыря м. Евгеній и за нимъ другіе изслѣдователи приписываютъ новгородскому митрополиту Александру, въ 1590 г.; по нашему мнѣнію, согласно указанію I пск. лѣт., основаніе монастыря должно быть отнесено къ началу XV в.

Можно бы указать и другія неточности и ошибки въ показаніяхъ „И. Р. І.“, но думаемъ, что и отмѣченнаго достаточно для разъясненія того, какъ ненадеженъ этотъ источникъ свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ. Въ такомъ обширномъ по объему трудѣ, какъ „И. Р. І.“, появившемся въ то время, когда церковно-историческая наука была въ зачаточномъ почти состояніи, а мѣстная псковская исторія ограничивалась лишь сочиненіемъ Ильинскаго,—писателя очень старательнаго, но не очень умѣлаго и точнаго въ передачѣ содержанія историческихъ источниковъ,—ошибки конечно, были вполнѣ возможны и вполнѣ извинительны.

Неизвѣстно въ точности, кому принадлежало составленіе свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи; думаютъ, что м. Евгенію. Если и вѣрно послѣднее предположеніе, то во всякомъ случаѣ нужно признать, что допущенныя ошибки исправлены были этимъ глав-

источниковъ представляли собою одну изъ главныхъ задачъ ученой дѣятельности преосвященнаго. Изображенный Полетаевымъ процессъ составленія „Ист. кн. пск.“ показываетъ, какъ дорожилъ м. Евгеній каждымъ новымъ источникомъ и какъ онъ умѣлъ вызвать интересъ къ отысканію новыхъ памятниковъ въ другихъ лицахъ. Но у этого „статистика исторіи“ были нѣкоторые недостатки, понижающіе цѣнность его историческихъ работъ. Будучи хорошимъ знатокомъ матеріаловъ своихъ работъ, м. Евгеній былъ историкомъ слишкомъ объективнымъ, больше, чѣмъ это нужно. Очень рѣдко онъ высказываетъ свое мнѣніе, личный свой взглядъ на достоинство того или другого источника, на степень достовѣрности его показаній; даже и въ томъ случаѣ, если показанія двухъ источниковъ были разнорѣчивы, онъ ограничивается простымъ сопоставленіемъ ихъ и только изрѣдка дополняетъ указаніемъ третьяго, сторонняго источника. Примѣровъ этого можно немало найти и въ историческихъ извѣстіяхъ преосвященнаго о псковскомъ монашествѣ. Такъ, отмѣчая разногласіе въ показаніяхъ монастырской лѣтописи и сказаній кн. Курбскаго о годѣ смерти преп. Корнилія печерскаго, Евгеній не дѣлаетъ какихъ-либо разъясненій, а просто лишь ссылается на третій источникъ: монаст. синодикъ, подтверждающій показаніе лѣтописи [1]). Но подобныя параллельныя ссылки очень рѣдки, обычно же противорѣчивыя извѣстія приводятся безъ всякихъ поясненій. Примѣромъ этого могутъ служить свѣдѣнія о Дороѳеѣ верхнеостр. и о печерск. игуменѣ Трифонѣ [2]). Словомъ, критическое обслѣдованіе источниковъ, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, совершенно отсутствуетъ въ работахъ автора. Но у него встрѣчаемся и съ болѣе крупнымъ недостаткомъ: съ отсутствіемъ точной цитаціи источниковъ. Точныхъ ссылокъ на источники м. Евгеній почти никогда не дѣлаетъ, а ограничивается лишь общимъ перечнемъ ихъ въ заглавіяхъ отдѣльныхъ статей; не говоритъ и о томъ, въ какой мѣрѣ онъ пользовался тѣмъ или другимъ источникомъ. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ научныхъ пріемовъ указанные недочеты не представляли собою какихъ-либо недостатковъ. При изложеніи того или другого событія считалось вполнѣ достаточнымъ сдѣлать общую ссылку на „россійскихъ лѣтописцевъ“. Но для современнаго изслѣдователя псковской исторіи эти недочеты являются очень досадными, они затрудняютъ пользованіе книгою преосвященнаго. Не всегда возможною является провѣрка сообщаемыхъ свѣдѣній по ихъ первоисточнику, а равно и оцѣнка нѣкоторыхъ источниковъ авторской работы, тогда какъ это совершенно необходимо. Въ перечнѣ упраздненныхъ монастырей м. Евгеній неоднократно ссылается на писцовыя книги и монастырскія грамоты, опредѣляя по нимъ время основанія монастырей или ихъ упраздненія. Какъ показано будетъ въ нашей работѣ, на основаніи тѣхъ же источниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно пополнить указанія Евгенія и исправить допущенныя имъ ошибки. Изъ этого можно заключить о случайномъ знакомствѣ автора съ нѣкоторыми источниками, о поль-

[1]) „Опис. Пск. Печ. м-ря“, Дерптъ, 1832 г., стр. 52—53.
[2]) „Ист. кн. пск.“, III, 78. „Опис.“, 54.

ованіи имъ свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ. Но произвести подробную провѣрку всѣхъ извѣстій этого отдѣла въ настоящее время не легко, такъ какъ часть документовъ, которыми пользовался м. Евгеній, или утрачена, или не розыскана въ архивахъ, другая часть: псковскія писцовыя книги, почти не изслѣдована. Отсюда, „хронологическій списокъ упраздненныхъ монастырей“ для изслѣдователей псковскаго монашества представлялъ собою болѣе, чѣмъ ученый трудъ; во многихъ отношеніяхъ онъ являлся какъ бы первоисточникомъ, не вполнѣ цѣннымъ потому, что имъ приходилось пользоваться безъ достаточной провѣрки [1]).

Отличительную черту м. Евгенія, какъ историка, по замѣчанію Полетаева, составляютъ преимущественный интересъ изслѣдователя къ внѣшней, фактической сторонѣ дѣла и почти полное игнорированіе внутреннею, бытовою стороною изслѣдуемыхъ предметовъ. Преосвященный—изслѣдователь—археологъ, но не историкъ въ современномъ пониманіи этого названія. Эта черта особенно замѣтна въ отдѣлѣ его сочиненія о монастыряхъ и монашествѣ. Подъ руками изслѣдователя былъ довольно разнообразный и богатый матеріалъ, но онъ использованъ имъ лишь по частямъ; надъ нимъ произведена работа только для справокъ. Такъ, преосвященный пользовался большинствомъ извѣстныхъ въ настоящее время главнѣйшихъ памятниковъ по исторіи мѣстнаго монашества: лѣтописью Псково-Печ. м-ря, житіями св. Евфросина, Саввы, Никандра, иноческимъ уставомъ перваго подвижника, службами всѣмъ имъ. Ему были извѣстны какъ печатные тексты этихъ памятниковъ, такъ и рукописные, хотя онъ и предпочиталъ пользоваться первыми. Но какое незначительное примѣненіе этихъ источниковъ сдѣлано авторомъ, показываютъ біографіи псковскихъ подвижниковъ. Онѣ представляютъ собою не характеристики подвижниковъ, а просто лишь краткіе,—если можно такъ выразиться,—послужные ихъ списки, по возможности съ точными хронологическими данными отдѣльныхъ событій жизни [2]). Одному лишь пр. Евфросину, и то въ другомъ сочиненіи: „Словарь о рус. писат. дух. чина“ (Спб. 1827 г., т. I, стр. 165—171), м. Евгеній, въ цѣляхъ полемики со старообрядцами, посвятилъ нѣсколько страницъ, заключающихъ въ себѣ характеристику личности этого подвижника; и нужно сказать, что эти страницы представляютъ собою лучшее изъ того, что можно найти въ научной литературѣ объ Евфросинѣ до 70-хъ г.г. прошедшаго столѣтія. Можно, так. обр., лишь пожалѣть, что авторъ не сдѣлалъ подобныхъ характеристикъ и другихъ псковскихъ подвижниковъ, а равно не произвелъ анализа памятниковъ мѣстной монастырской письменности въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ произведенъ, напр., въ томъ же „Словарѣ“ надъ

[1]) Въ настоящее время нѣкоторыя изъ указаній м. Евгенія о старинныхъ псковскихъ монастыряхъ провѣрены и исправлены проф. Н. Суворовымъ въ его изслѣдованіи: „Псковское церковное землевладѣніе въ XVI и XVII в.“. См. Ж. М. Н. Пр. 1906, IV, стр. 364—399; V, стр. 1—18.

[2]) Нѣкоторыя неточности и хронологическія ошибки будутъ отмѣчены ниже. Здѣсь мы имѣемъ въ виду дать лишь общую характеристику свѣдѣній о монашествѣ въ „Ист. кн. пск.“, а не критическую ихъ провѣрку.

житіемъ Евфросина. Но эти pia desideria конечно не имѣютъ значенія для оцѣнки положительныхъ достоинствъ разсматриваемаго сочиненія.

Внѣшнее фактическое направленіе въ изслѣдованіи м. Евгенія служитъ причиною и того, что авторъ вовсе не дѣлаетъ выводовъ изъ передаваемыхъ имъ историческихъ фактовъ. Въ его книгѣ не находимъ замѣчаній ни о количествѣ монастырей въ Псковской области за тотъ или другой періодъ псковской исторіи, ни о видахъ и формахъ, въ которыхъ развивалась здѣсь монастырская жизнь, ни о причинахъ возникновенія той или другой обители. Произведя весьма нелегкую черновую работу, авторъ не использовалъ ея результатовъ, какъ бы предоставилъ другимъ сдѣлать изъ нея выводы и обобщенія. Получилась въ общемъ хорошая справочная работа по исторіи псковскаго монашества, но только не *исторія* послѣдняго. Нужно ли послѣ трудовъ м. Евгенія работать надъ составленіемъ исторіи мѣстнаго монашества, послѣ сейчасъ сдѣланнаго общаго заключенія—вопросъ излишній. На вопросъ же, что нужно сдѣлать для этого и чего и какъ дѣлать не слѣдуетъ, опредѣленный отвѣтъ найдемъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ описаній псковскихъ монастырей какъ самого м. Евгенія, такъ и его продолжателей и подражателей.

Митр. Евгеніемъ были составлены слѣдующія описанія псковскихъ монастырей: Псково-Печерскаго первоклассмаго монастыря (Дерптъ, 1821, вт. изд., 1832 г.), Іоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря (Д. 1821), Благовѣщенско-Никандровой пустыни (Д. 1821), Святогорскаго Успенскаго монастыря (Д. 1821 г.), Іоанно-Богословскаго Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снѣтогорскаго, съ прибавленіемъ списка преосвящ. архіереевъ псковскихъ (въ одной книжкѣ, Д. 1821 г.). По содержанію своему эти „Описанія“ для изучающаго исторію мѣстнаго монашества являются непосредственнымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ о монашествѣ въ „Ист. кн. пск.“. Нѣкоторыя изъ „Описаній“—очень кратки, напр., Святогорскаго—8 стр., Ивановскаго—15. Такая краткость объясняется незначительностію источниковъ, которыми могъ пользоваться составитель, и заслуживающею подражанія его привычкою не говорить о томъ, о чемъ нѣтъ историческихъ данныхъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда источники были богаче свѣдѣніями, и „Описанія“ получились довольно полныя, сравнительно даже обширныя по своему объему. Такъ, описаніе Крыпецкаго монастыря состоитъ изъ 23 стр., Никандровой пустыни—изъ 32, Псково-Печерскаго монастыря—61 (по изд. 1832 г.).

Всѣ „Описанія“ составлены по одинаковому плану. Въ началѣ составитель говоритъ о мѣстоположеніи монастыря и здѣсь же даетъ объясненія названія монастырей (Крыпецкаго, Святогорскаго, Снѣтогорскаго, Печерскаго). Далѣе излагается исторія возникновенія монастыря и его устройства, въ связи съ краткими біографическими свѣдѣніями объ основателяхъ—подвижникахъ (Саввы—въ Описаніи Крыпецкаго монастыря, стр. 4—6, Іоасафа—въ Описаніи Снѣтогорскаго монастыря, стр. 23, Тимоѳея—въ Описаніи Святогорскаго монастыря, стр. 3, Никандра—Благ. пуст., стр. 3—6). Вслѣдъ за исторіей обители помѣщаются свѣдѣнія о совре-

енномъ составителю описаній внѣшнемъ видѣ монастырскихъ зданій, о замѣчательнѣйшихъ святыняхъ, украшающихъ обитель, о монастырскихъ владѣніяхъ и угодьяхъ, и списки настоятелей отъ начала монастыря до позднѣйшаго времени. Въ „Описаніи Псково-Печерскаго монастыря" кромѣ того находимъ отдѣльныя главы: „о вкладчикахъ и вкладахъ" (стр. 29—40), съ перечнемъ вещей, хранящихся въ монастырской ризницѣ, „о замѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ въ сей обители": разсказы о нападеніяхъ на монастырь литовцевъ, поляковъ и шведовъ (стр. 40—47) и о посѣщеніяхъ монастыря Высочайшими особами (стр. 47—51).

Какъ можно видѣть изъ сдѣланнаго перечня статей, „Описанія" Евгенія представляютъ собою довольно полную внѣшнюю исторію монастырей, и съ этой стороны, археологической, они сохраняютъ за собою научное значеніе и въ настоящее время. Но въ нихъ вовсе нѣтъ свѣдѣній о внутренней исторіи монастырской жизни. Изъ „Описаній" мы узнаемъ, какъ и когда строился тотъ или другой монастырь, церкви, кельи, крѣпостныя стѣны, какія имѣлъ и имѣетъ монастырь святыни и древности, на какія средства содержалась монастырская братія, кто стоялъ во главѣ монастырскаго управленія въ то или другое время; но здѣсь почти совсѣмъ отсутствуютъ указанія о томъ, какъ жили за этими монастырскими стѣнами, какъ относились къ монастырскимъ святынямъ иноки и міряне, что связывало монастырь съ міромъ и т. п. Словомъ, внутренній быть монашества не входитъ въ задачу изслѣдованія; о немъ можно встрѣтить лишь случайныя краткія замѣтки, такія же, какъ и въ „Ист. кн. пск."

При составленіи „Описаній" митрополитъ Евгеній пользовался преимущественно тѣми источниками, которые хранились въ его время въ монастырскихъ библіотекахъ. Къ сожалѣнію, онъ не всегда точно называетъ ихъ и не дѣлаетъ никакихъ отзывовъ о нихъ. Этотъ недочетъ имѣетъ свою непріятную сторону. Дѣло въ томъ, что въ пору составленія „Описаній" монастырскія библіотеки были, повидимому, богаче историческими документами, чѣмъ сейчасъ. Въ настоящее время нѣтъ, напр., подлинныхъ грамотъ Печерскаго монастыря,—онѣ извѣстны лишь по копіямъ, снятымъ въ началѣ XIX ст. для библіотеки Рум. музея; не сохранилось монастырскихъ списковъ житій преп. Саввы и Никандра, утеряна старинная повѣсть о Святогорскомъ монастырѣ, неизвѣстны „грамоты", которыми пользовался преосвященный при исчисленіи настоятелей Крыпецкаго монастыря, въ частности—при изложеніи цѣнныхъ свѣдѣній о церковной и хозяйственной дѣятельности третьяго изъ игуменовъ—Өеоктиста[1]). Провѣрить передаваемыя въ „Опис." свѣдѣнія, та-

[1]) Кое-что исчезло изъ монастырскихъ библіотекъ, кажется, благодаря самому митр. Евгенію. Такъ, напр., въ библіотекѣ Кіев. Соф. собора въ числѣ рукописей, поступившихъ туда отъ преосвященнаго, значится синодикъ Псково-Сироткина монастыря. См. у Петрова, „Опис. рук. К. Соф. собора, въ Чт. Общ. И. и Др. 1904 г., кн. 208, стр. 125. Полетаевъ (о. с., 152)—говоритъ (но, кажется, ошибочно), что туда же поступилъ синодикъ Псково-Печерскаго монастыря.

кимъ образомъ, не всегда возможно, хотя такая провѣрка была бы совсѣмъ не излишнею. Въ „Описаніяхъ" м. Евгенія встрѣчаются неточности и ошибки,—правда, не имѣющія большого значенія. Такъ, напр., въ „Описаніи Псково-Печерскаго монастыря" Евгеній не только не разъясняетъ намъ извѣстія III новг. лѣт. о явленіи печерской иконы Божіей Матери въ 1471 г. (стр. 242), но своими неточными замѣтками объ этой иконѣ даже запутываетъ этотъ вопросъ. Старою успенскою иконою у него названа написанная въ 1521 г. живописцемъ Алексѣемъ Малымъ и подаренная въ монастырь купцами Василіемъ и Θеодоромъ (стр. 26). Но и въ монастырской лѣтописи, и въ кормовой книгѣ объ этой подаренной иконѣ сказано, что она была написана „въ житіи", тогда какъ старая икона написана безъ изложенія по краямъ ея событій изъ жизни Богоматери. По опредѣленію художника Мартынова, бывшаго въ монастырѣ въ 1867 г., написаніе этой иконы можетъ быть отнесено къ концу XI в. или къ началу XII в. [1]).

Затѣмъ, въ спискѣ настоятелей монастыря на 8 мѣстѣ поставленъ Трифонъ, о которомъ замѣчено: „съ котораго года былъ, неизвѣстно, а въ синодикѣ церковномъ записано, что онъ былъ послѣ митрополитомъ, но гдѣ, не сказано" (стр. 54). На самомъ дѣлѣ игумена съ этимъ именемъ въ Печерскомъ монастырѣ совсѣмъ не было, и въ синодикѣ сдѣлана описка: Трифонъ—вмѣсто Тихонъ, съ 1583 по 1589 г. архіепископъ казанскій.

Неправильно и несогласно съ указаніями въ „Истор. кн. псков." опредѣлено время приписки Верхне-Островскаго и Изборскаго монастырей,—это будетъ разъяснено ниже.

Въ „Описаніи Никандровой Благовѣщенской пустыни" авторъ неточно выражается о построеніи дворяниномъ Муравьевымъ церкви во имя преподобнаго. „Около половины XVII стол., по благословенію Никона, митр. новгородскаго, создана въ сей обители обѣщаніемъ и иждивеніемъ дворянина Іакова Матвѣевича Муравьева церковь во имя преп. Никандра" (стр. 7). Изъ житія святаго узнаемъ, что церковь эта была поставлена Муравьевымъ не въ обители, а въ его имѣніи. Одинаково неточна и несогласна съ житіемъ и слѣдующая замѣтка: „сіи начальническія должности (екклисіарха и келаря) за точное исполненіе оныхъ подвергли его (Никандра) навѣтамъ и оскорбленіямъ" (стр. 5). Наоборотъ, по разсказу біографа, крыпецкіе монахи за это „точное исполненіе" еще болѣе полюбили Никандра, но онъ самъ оставилъ эти должности, такъ какъ онѣ мѣшали безмолвію и молитвамъ.

Въ „Описаніи Крыпецкаго монастыря" невѣрно опредѣлены годы кончины, открытія мощей и канонизаціи преп. Саввы. Здѣсь читаемъ, что Савва: „скончался въ 1487 г., августа 27 подъ 28 число, а черезъ 60 лѣтъ по кончинѣ его, въ 1547 г., 23 апрѣля, обрѣтены были мощи

---

[1]) „Первоклас. Псково-Печерскій монастырь", изд. 2, Островъ, 1893 г., стр. 88. Насколько компетентно это мнѣніе, не беремся судить.

его, которыя въ томъ же году московскимъ соборомъ, по чудесамъ, бывшимъ отъ нихъ, и по извѣстію о богоугодномъ житіи его, признаны святыми" (стр. 6). Но по указанію рукоп. списковъ житія святаго кончина его должна быть отнесена къ 1495 г., а открытіе мощей къ 1554—1555 гг. Такъ и въ „И. Р. Іер.", ч. IV, стр. 877. Изъ „Описанія Печерскаго монастыря" (стр. 29) видно, что митр. Евгеній пользовался печатнымъ изданіемъ 1807 г. „повѣсти о Псково-Печерскомъ монастырѣ", въ которомъ помѣщенъ въ сокращеніи и текстъ житія преп. Саввы. Въ извѣстныхъ намъ изданіяхъ „повѣсти" 1831 и 1849 гг. встрѣчаемъ ту же ошибку въ опредѣленіи времени канонизаціи Саввы, но годъ его кончины указанъ соотвѣтственно рукописнымъ спискамъ житія—7003. По замѣчанію Евгенія, ему было извѣстно и рукописное житіе, хранившееся въ монастырской библіотекѣ и послужившее источникомъ для печатнаго изданія (Ист. кн. пск., ч. III, стр. 106). Приходится пожалѣть, что преосвященный не сдѣлалъ точной ссылки, откуда у него заимствована дата о времени канонизаціи святаго: изъ печерскаго изданія житія, или изъ монастырской рукописи. Тогда мы имѣли бы объясненіе этой ошибки, со словъ Евгенія нерѣдко повторяемой и другими писателями. Теперь въ монастырской библіотекѣ нѣтъ рукописнаго списка житія и неизвѣстно, куда онъ запропалъ.

Вотъ примѣры ошибокъ, допущенныхъ митр. Евгеніемъ въ его „Описаніяхъ". Понятно, что подобныя ошибки не умаляютъ научнаго значенія „Описаній". Причиною ошибокъ можно считать скорѣе недостатки и описки въ источникахъ, которыми пользовался авторъ, чѣмъ личный недосмотръ этого изслѣдователя, старавшагося быть не только объективнымъ, но по возможности и точнымъ въ изложеніи тѣхъ данныхъ, которыми приходилось ему пользоваться. „Описанія" не утратили своего интереса и по настоящее время, несмотря на то, что, начиная съ 50-хъ гг. XIX стол., появился рядъ новыхъ „Описаній", болѣе подробныхъ, чѣмъ евгеніевскія.

Въ своемъ обзорѣ мы не будемъ останавливаться на тѣхъ изъ описаній монастырей, которыя или представляютъ собою описаніе впечатлѣній паломниковъ, или по содержанію своему ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, которыя можно почерпнуть изъ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостей. Мы коснемся лишь тѣхъ описаній, которыя имѣютъ научный интересъ и даютъ возможность судить, что новаго сдѣлано мѣстными изслѣдователями послѣ митр. Евгенія. Съ этой стороны интересны работы: іер. Іосифа, арх. Аполлоса, Миротворцева, Панова и Василева.

Іер. Іосифомъ составлены описанія Елеазаровскаго монастыря и Никандровой пустыни (изданы въ Спб. 1858 г.). Кромѣ того, нѣсколько свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ находимъ въ его брошюрѣ: „О крестныхъ ходахъ въ г. Псковѣ и его окрестностяхъ" (Спб. 1858 г.). Какъ изслѣдователь мѣстной старины, Іосифъ извѣстенъ еще своею статьею: „Историческая достовѣрность сказанія Степенной книги о первоначальной

святынѣ города Пскова", (Спб. 1858), составленною въ защиту преданія о просвѣтительной дѣятельности благ. кн. Ольги, по поводу отрицательнаго на достовѣрность этого преданія взгляда Н. Иваницкаго, въ его брошюрѣ: „Изслѣдованія о времени основанія города Пскова" (Псковъ, 1856 г.). Описаніе Елеазаровскаго монастыря помѣщено въ одной книжкѣ съ указанною статьею о Степенной книгѣ и нѣсколько связано съ этою статьею по содержанію. Въ началѣ описанія авторъ говоритъ о просвѣтительской дѣятельности св. княгини, „отъ одного креста которой и отъ воздвигнутаго ею храма произошло множество храмовъ и крестовъ, которые видны на самыхъ непроходимыхъ прежде мѣстахъ псковской области" (стр. 4). Такимъ непроходимымъ мѣстомъ была въ частности и Елеазаровская пустынь. „Описаніе" составлено Іосифомъ по слѣдующему плану: объ основаніи монастыря и жизни его основателя (стр. 4—10), объ участи монастыря послѣ кончины Евфросина (10—12), о памятникахъ древности, сохранившихся въ монастырѣ (12—16), о монастырскихъ святыняхъ (16—17), о крестныхъ ходахъ (17—20). На слѣдующихъ страницахъ помѣщены: описаніе дороги въ монастырь изъ города (20—22) и характеристика дѣятельности тогдашняго настоятеля—арх. Порфирія (22—24).

При изложеніи начальной исторіи Елеазаровскаго монастыря о. Іосифъ пользовался свѣдѣніями о ней въ „Ист. кн. псков." и житіями: Саввы—въ печатномъ изданіи, и Евфросина—въ редакціи Василія; упоминаетъ также объ уставѣ и завѣщаніи основателя обители. Начало обители и у него, какъ и у митр. Евгенія, отнесено къ 1447 г., хотя и сдѣлана оговорка, что Евфросинъ перешелъ на Толву въ 1425 г. Характеристика преподобнаго основана преимущественно на тѣхъ строкахъ житія Саввы, въ которыхъ излагается бесѣда Евфросина съ Саввою, передъ отходомъ послѣдняго на безмолвную жизнь въ Крыпецкую пустынь. Пользовался ли авторъ уставомъ и завѣщаніемъ Евфросина или говоритъ объ этихъ памятникахъ съ чужихъ словъ,—трудно сказать. Повидимому, у него было подъ руками завѣщаніе святаго. Самымъ житіемъ Евфросина о. Іосифъ пользуется съ большою, даже съ преувеличенною осторожностію. Назвавъ предыдущіе памятники источниками свѣдѣній о жизни святаго вполнѣ достовѣрными, онъ затѣмъ продолжаетъ: „но есть и недостовѣрная повѣсть объ этомъ угодникѣ Божіемъ, къ несчастію очень древняя и слишкомъ извѣстная, чтобы умалчивать о ней,—это рукописное житіе преп. Евфросина, составленное клир. Василіемъ около 1547 г." (стр. 7). Далѣе и слѣдуетъ разборъ сказаній житія о сугубой аллилуіи (стр. 8—10) и приводится отзывъ о житіи московскаго собора 1667 г. Къ разбору этого разсказа авторъ возвращается и при описаніи памятниковъ древности, когда говоритъ о завѣщаніи святаго и о монастырскомъ спискѣ житія (стр. 13—15).

Свѣдѣнія о монастырскихъ святыняхъ, памятникахъ древности, крестныхъ ходахъ, о событіяхъ монастырской жизни послѣ кончины Евфросина ничего новаго, по сравненіи съ указаніями Евгенія, не содержатъ въ себѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже не полны и ошибочны. Напр.,

составитель „Описанія“ не упоминаетъ о цареградской иконѣ Божіей Матери, неправильно относитъ явленіе иконы Спасителя къ 1590 г. Не совсѣмъ онъ справедливъ, когда говоритъ о недостаткѣ памятниковъ древности въ монастырѣ. По сравненію съ другими псковскими монастырями, Елеазаровскій монастырь сохранилъ не только не меньше, но даже больше письменныхъ матеріаловъ для своей исторіи. Другой вопросъ, насколько цѣнны эти матеріалы; но объ этомъ нѣтъ указаній у о. Іосифа. Несомнѣнно, что житіе Серапіона, повѣсть о цареградской иконѣ Божіей Матери и монастырскіе синодики остались для него неизвѣстными.

Авторъ нерѣдко отвлекается отъ задачи своей работы разсужденіями на общія темы и передачею личныхъ впечатлѣній. Пользуясь своими пособіями, не дѣлаетъ провѣрки ихъ, повторяетъ чужія ошибки, вноситъ и новыя ошибки отъ себя. Такъ, напр., вслѣдъ за митр. Евгеніемъ, онъ относитъ канонизацію Евфросина къ 1551 г. Отъ себя онъ добавляетъ, вопреки показаніямъ житія, что до прихода Евфросина на Толву тамъ уже подвизался преп. Серапіонъ (стр. 4). Разборъ житія Евфросина составленъ по книгѣ митр. Макарія: „Ист. рус. раск.“, на которую дважды ссылается авторъ (стр. 9, 10).

По одинаковому плану составлено и „Описаніе Никандровой Благовѣщенской пустыни“; но авторъ здѣсь еще менѣе самостоятеленъ, чѣмъ въ предыдущемъ описаніи. Въ основу работы положено „Описаніе“ Евгенія, которому авторъ слѣдуетъ съ точностію. А такъ какъ это „Описаніе“ преосвященнаго—очень обстоятельное, то такимъ же достоинствомъ отличается и работа о. Іосифа.

Научнаго значенія разсмотрѣнныя „Описанія“ іер. Іосифа не имѣютъ. Но за ними, несмотря на это, остается достоинство хорошихъ популярныхъ очерковъ, весьма пригодныхъ для назидательнаго чтенія паломникамъ. Послѣднюю задачу и преслѣдовалъ составитель (Опис. Ел. м., стр. 22). Выполненію этой задачи много способствуетъ и изложеніе,—живое, проникнутое убѣжденіемъ въ нравственномъ значеніи монастырей и въ современномъ благотворномъ вліяніи ихъ на религіозную жизнь. Съ этой стороны „Описанія“ о. Іосифа представляютъ собою противоположность строго-научнымъ и потому сухо-дѣловымъ „Описаніямъ“ митр. Евгенія, не преслѣдовавшаго въ своихъ работахъ цѣлей назиданія и популяризаціи. Переизданныя вновь, съ необходимыми поправками, „Описанія“ іер. Іосифа могли бы, по нашему мнѣнію, представлять собою очень полезныя книжки для интеллигентныхъ посѣтителей монастырей.

Довольно обширнымъ трудомъ является описаніе Пск. Печ. монастыря, составленное арх. Аполлосомъ: „Псково-Печерскій монастырь“, Спб. 1860 г., стр. I—III+1—140. Въ предисловіи составитель объясняетъ побужденія, вызвавшія его работу,—это „незнакомство общества съ исторіею обители, достойной по своимъ великимъ заслугамъ и по своей чудотворной святынѣ стоять въ ряду первыхъ русскихъ монастырей во мнѣніи всякаго православнаго сына Россіи“. Желаніе дать по возможности полное и вѣрное понятіе о Псково-Печ. м-рѣ,—заключаетъ авторъ свое предисловіе,—

и было побужденіемъ къ настоящему труду и вмѣстѣ цѣлію труда (стр. III). Въ качествѣ источниковъ и пособій онъ упоминаетъ монаст. лѣтопись, псковскую лѣтопись и сочиненія митр. Евгенія: „Ист. кн. пск." и „Описаніе" монастыря (1832 г.).

„Описаніе" раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ послѣдовательное изложеніе исторіи монастыря отъ его возникновенія до 1860 г. (стр. 1—77), вторая часть, озаглавленная: „описаніе Пск. Печ. м-ря въ настоящемъ его видѣ", представляетъ собою археологическій очеркъ о монастырскихъ церквахъ, зданіяхъ, святыняхъ, древностяхъ, и оканчивается общимъ замѣчаніемъ объ историческомъ значеніи обители (стр. 97—132. Нумер. невѣрная). Въ приложеніи помѣщены двѣ рѣчи автора, сказанныя имъ въ Псковѣ во время крестныхъ ходовъ (стр. 132—140).

Историческій очеркъ раздѣленъ на три періода: первый—отъ начала монастыря до нашествія Стефана Баторія (1470 г.—1581 г.), второй—отъ нашествія Баторія до присоединенія Лифляндіи къ Россіи (1581 г.—1721 г.) и третій—до 1860 г. Каждый періодъ заключается общимъ взглядомъ на состояніе монастыря за это время, а въ концѣ изложенія второго періода, кромѣ этого, помѣщенъ, въ качествѣ приложенія, перечень чудесъ отъ чудотворныхъ печерскихъ иконъ. Раздѣленіе на періоды нельзя признать удачнымъ, такъ какъ въ основу его положены не внутреннія событія изъ исторіи монастырской жизни, а внѣшнія, правда, значительно вліявшія на монастырскую жизнь, однако не обусловливавшія собою ея отличительныхъ чертъ и особенностей.

Такъ какъ въ основѣ „Описанія" лежатъ такія надежныя руководства, какъ монастырская лѣтопись и „Описаніе" Евгенія, то вполнѣ понятно, что этотъ новый трудъ представляетъ собою работу обстоятельную, такъ же полно, какъ и въ „Описаніи" митр. Евгенія, излагающую внѣшнюю исторію Печерскаго монастыря. Пользуясь монастырской лѣтописью, авторъ дѣлаетъ перифразъ ея разсказа, дополняя свѣдѣніями изъ „Описанія" митр. Евгенія и личными своими соображеніями и догадками. Осада Пскова и монастыря Баторіемъ передана со всѣми подробностями лѣтописнаго разсказа. Дальнѣйшая исторія монастыря, начиная съ XVII в., изложена авторомъ, по собственному его признанію, на основаніи свѣдѣній въ „Ист. кн. пск." (стр. 35).

Пользуясь монастырскою лѣтописью, составитель не дѣлаетъ на нее ссылокъ. Точно также не всегда онъ цитируетъ и „Описаніе" Евгенія, хотя послѣднее почти полностію вошло въ содержаніе работы о. Аполлоса. Пытаясь исправить ошибку пр. Евгенія въ перечнѣ настоятелей, составитель еще болѣе запутываетъ дѣло, когда вмѣстѣ съ Трифономъ приводитъ и опущеннаго Евгеніемъ иг. Тихона (стр. 72). Точнѣе Евгенія онъ опредѣляетъ названіе старой успенской иконы Б. М. (стр. 102—103). Археологическій очеркъ подробнѣе историческаго, полнѣе и указаній м. Евгенія. Но добавленія, сдѣланныя здѣсь, не существенны и особаго научнаго значенія не имѣютъ.

составитель „Описанія“ не упоминаетъ о цареградской иконѣ Божіей Матери, неправильно относитъ явленіе иконы Спасителя къ 1590 г. Не совсѣмъ онъ справедливъ, когда говоритъ о недостаткѣ памятниковъ древности въ монастырѣ. По сравненію съ другими псковскими монастырями, Елеазаровскій монастырь сохранилъ не только не меньше, но даже больше письменныхъ матеріаловъ для своей исторіи. Другой вопросъ, насколько цѣнны эти матеріалы; но объ этомъ нѣтъ указаній у о. Іосифа. Несомнѣнно, что житіе Серапіона, повѣсть о цареградской иконѣ Божіей Матери и монастырскіе синодики остались для него неизвѣстными.

Авторъ нерѣдко отвлекается отъ задачи своей работы разсужденіями на общія темы и передачею личныхъ впечатлѣній. Пользуясь своими пособіями, не дѣлаетъ провѣрки ихъ, повторяетъ чужія ошибки, вноситъ и новыя ошибки отъ себя. Такъ, напр., вслѣдъ за митр. Евгеніемъ, онъ относитъ канонизацію Евфросина къ 1551 г. Отъ себя онъ добавляетъ, вопреки показаніямъ житія, что до прихода Евфросина на Толву тамъ уже подвизался преп. Серапіонъ (стр. 4). Разборъ житія Евфросина составленъ по книгѣ митр. Макарія: „Ист. рус. раск.“, на которую дважды ссылается авторъ (стр. 9, 10).

По одинаковому плану составлено и „Описаніе Никандровой Благовѣщенской пустыни“; но авторъ здѣсь еще менѣе самостоятеленъ, чѣмъ въ предыдущемъ описаніи. Въ основу работы положено „Описаніе“ Евгенія, которому авторъ слѣдуетъ съ точностію. А такъ какъ это „Описаніе“ преосвященнаго—очень обстоятельное, то такимъ же достоинствомъ отличается и работа о. Іосифа.

Научнаго значенія разсмотрѣнныя „Описанія“ іер. Іосифа не имѣютъ. Но за ними, несмотря на это, остается достоинство хорошихъ популярныхъ очерковъ, весьма пригодныхъ для назидательнаго чтенія паломникамъ. Послѣднюю задачу и преслѣдовалъ составитель (Опис. Ел. м., стр. 22). Выполненію этой задачи много способствуетъ и изложеніе,—живое, проникнутое убѣжденіемъ въ нравственномъ значеніи монастырей и въ современномъ благотворномъ вліяніи ихъ на религіозную жизнь. Съ этой стороны „Описанія“ о. Іосифа представляютъ собою противоположность строго-научнымъ и потому сухо-дѣловымъ „Описаніямъ“ митр. Евгенія, не преслѣдовавшаго въ своихъ работахъ цѣлей назиданія и популяризаціи. Переизданныя вновь, съ необходимыми поправками, „Описанія“ іер. Іосифа могли бы, по нашему мнѣнію, представлять собою очень полезныя книжки для интеллигентныхъ посѣтителей монастырей.

Довольно обширнымъ трудомъ является описаніе Пск. Печ. монастыря, составленное арх. Аполлосомъ: „Псково-Печерскій монастырь“, Спб. 1860 г., стр. I—III+1—140. Въ предисловіи составитель объясняетъ побужденія, вызвавшія его работу,—это „незнакомство общества съ исторіею обители, достойной по своимъ великимъ заслугамъ и по своей чудотворной святынѣ стоять въ ряду первыхъ русскихъ монастырей во мнѣніи всякаго православнаго сына Россіи“. Желаніе дать по возможности полное и вѣрное понятіе о Псково-Печ. м-рѣ,—заключаетъ авторъ свое предисловіе,—

веществ. пам. старины... въ г. Псковѣ, стр. 10), принадлежитъ кн. Голицыну, вторая, по указанію Василева (Библ. указатель статей, относящ. къ Псков. губ., Псковъ, 1891 г., стр. 31),—А. Панову. Объясненіе побужденій, которыми руководились составители описаній, находимъ во второй книжкѣ,—это недостатокъ свѣдѣній о монастыряхъ въ сочиненіяхъ м. Евгенія. „Многіе благотворители и посѣтители этого монастыря,—замѣчаетъ Пановъ,—часто выражали свое неудовольствіе на краткость упомянутаго „Опис.“ м. Евгенія“ (стр. 1). Описаніе и преслѣдуетъ цѣли болѣе подробнаго изложенія монастырской исторіи.

Для нашей цѣли—изученія событій монастырской исторіи за древнѣйшій ея періодъ, обѣ книжки особаго значенія не имѣютъ. Этотъ періодъ изложенъ въ нихъ такъ же кратко, какъ и въ „Опис.“ Евгенія. Какихъ-либо цѣнныхъ дополненій здѣсь не находимъ. Оба составителя въ буквально сходныхъ выраженіяхъ жалуются на отсутствіе источниковъ за раннѣйшій періодъ монастырской исторіи и даютъ одинаковое объясненіе этому прискорбному факту. „Можетъ быть и были,—читаемъ мы,—въ монастырскомъ архивѣ или лѣтопись, или повѣсть, или тому подобныя сочиненія, но, какъ относящіяся къ русской исторіи, по неоднократнымъ распоряженіямъ мѣстнаго начальства, особенно вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 1791 г., они отобраны для справокъ и не возвращены по принадлежности“ [1]). Вслѣдствіе этого въ обѣихъ книжкахъ историческому быту обителей отводится очень немного страницъ (въ 1-й—5, во второй—7), обнимающихъ собою монастырскую исторію и за XVIII в. Большая часть содержанія посвящена описанію внѣшняго вида обителей, ихъ святынь и древностей, и съ этой стороны разсматриваемыя книжки представляютъ собою работы довольно обстоятельныя и полныя.

При изложеніи событій XVIII в., оба составителя пользуются монастырскими преданіями. На такихъ преданіяхъ въ описаніи Панова основаны и нѣкоторыя подробности въ изложеніи біографій псковскихъ княгинь—инокинь Ивановскаго монастыря. На преданіи же основано и сообщеніе, что возлѣ стѣнъ Ивановскаго монастыря любилъ отдыхать блаж. Николай, псковскій юродивый (стр. 4).

Въ „Опис. Ив. м-ря“ встрѣчаемъ ссылки на планы XVIII в. (стр. 3), хозяйственные отчеты 1767 и 1801 г.г. (стр. 5), келейную расходную книгу 1718 г., изъ которой дѣлаются выписки о заупокойныхъ службахъ въ монастырѣ съ кормами (стр. 32—33, 34—35), а также о подаркахъ, которые приходилось дѣлать монахинямъ мѣстному начальству, когда нужно было попросить его содѣйствія по какому-либо хозяйственному дѣлу (стр. 70). Для изученія позднѣйшей монастырской исторіи эти свѣдѣнія имѣютъ свой интересъ. Въ приложеніи къ „Опис.“ даны копіи съ трехъ монастырскихъ документовъ, изъ которыхъ одинъ (стр. 113—115) относится къ 1804 г. и два (стр. 91—113) къ XVII в. Послѣдніе раньше были уже изданы въ Псков. губ. вѣд. 1840 г., № 3 и 1872 г., №№ 11, 15, 16.

---

[1]) „Ст. Воз. м-рь“, стр. 1; „Опис. І. Пр. м-ря, стр. 67, прим. 4.

Далѣе, въ „Памят. книж. Пск. губ." за 1860 и 61 г.г. помѣщены очерки Миротворцева о четырехъ псковскихъ монастыряхъ: Печерскомъ, Елеазаровскомъ, Святогорскомъ и Никандровомъ. По разъясненію самого автора, предлагаемыя имъ свѣдѣнія собраны по особому порученію тогдашняго начальника Псков. губ.[1]). Нужно, однако, замѣтить, что эта оффиціальная иниціатива не отразилась на характерѣ самой работы Миротворцева. Послѣдній отнесся къ исполненію возложеннаго на него порученія съ такимъ вниманіемъ и усердіемъ, которыя не всегда наблюдаются и въ работахъ, производимыхъ по личному почину. Не довольствуясь существовавшими въ то время описаніями монастырей, Миротворцевъ лично произвелъ обзоръ всего относящагося къ исторіи и археологіи описываемыхъ имъ монастырей, кое-что изъ хранящихся тамъ памятниковъ издалъ въ Пск. губ. вѣд., и потому его небольшіе очерки не лишены интереса. Наиболѣе подробными являются описанія Псково-Печ. м-ря, въ 25 стр. (3—27), и Никандровой пустыни—въ 31 стр. (3—34). Самое краткое и наименѣе интересное—описаніе Святогорскаго монастыря.

Въ своихъ очеркахъ Миротворцевъ придерживался общаго плана описаній, раздѣлялъ ихъ на два отдѣла: исторію обителей и описаніе ихъ внѣшняго вида, съ археологическими замѣтками. Чего-либо новаго, по сравненію съ своими предшественниками, онъ не даетъ. Иной разъ онъ даже повторяетъ прежнія ошибки и дѣлаетъ новыя. Такъ, напр., время рожденія Евфросина у него отнесено къ 1376 г. (стр. 29); отсюда онъ говоритъ, что въ моментъ перехода святаго на Толву, въ 1447 г., ему было уже 70 лѣтъ (стр. 30). Эту хронологическую ошибку онъ повторяетъ и въ Опис. Никандровой пуст., когда замѣчаетъ, что преп. Никандръ родился на 130 лѣтъ позднѣе своего односельчанина Евфросина (въ 1507 г.[2]). Но очерки Миротворцева цѣнны въ другомъ отношеніи,—со стороны содержанія тѣхъ народныхъ преданій, которыя были собраны авторомъ и которыми онъ пополняетъ иногда свой разсказъ. Такъ, при описаніи мученической кончины преп. Корнилія Печерскаго, въ дополненіе къ разсказу м. Евгенія о обезглавленіи святаго царемъ Іоанномъ Грознымъ, Миротворцевъ замѣчаетъ: „народная молва, смѣшивая обстоятельства разныхъ эпохъ, прибавляетъ къ этому, что обезглавленный Корнилій поднялъ руками свою голову, и что, вслѣдствіе этого, испуганный царь опрометью бѣжалъ изъ монастыря, оставивъ много своихъ вещей и между прочимъ коляску" (подаренную въ монастырь императрицею Анною Іоанновною[3]). Подобная же легенда помѣщена и въ концѣ описанія монастырскихъ пещеръ. „Объ одномъ пещерномъ корридорѣ,—читаемъ мы,—который, говорятъ, простирается въ неопредѣленную длину за кирпичною стѣною, недавно устроенною въ концѣ его, ходитъ молва, что онъ прокопанъ до самаго Кіева и соединяется съ кіевскими пещерами, и будто въ прежніе годы пускали

[1]) Пам. кн. 1860 г., стр. 3.
[2]) Пам. кн. 1861 г., стр. 3.
[3]) стр. 9—10.

по этому ходу животныхъ, которыя чрезъ нѣсколько дней оказывались въ кіевскихъ пещерахъ“ (стр. 24). Этотъ легендарный разсказъ хорошо иллюстрируетъ собою общую мысль раннѣйшихъ монастырскихъ памятниковъ о тѣсной связи Псково-Печерской исторіи съ исторіею Кіево-Печерской обители.

Въ описаніи Елеазаровскаго монастыря приведенъ любопытный разсказъ, представляющій собою варіацію житійнаго разсказа объ умноженіи рыбъ молитвами св. Евфросина. Недалеко отъ монастыря имѣется ископанный, по преданію, Евфросиномъ колодезь, съ свѣжею проточною водою, въ которой плаваютъ маленькія рыбки. „Въ народѣ,—замѣчаетъ Мировторцевъ,—есть преданіе, что эти рыбки ведутся со временъ преп. Евфросина; что однажды въ праздникъ, когда не было рыбы для угощенія пріѣхавшаго изъ города духовенства, Евфросинъ послалъ служку на колодезь, и тамъ оказалась разная рыба, остатокъ которой и ведется до настоящаго времени“ [1]).

Интересныя сами по себѣ, эти народныя преданія интересны еще и потому, что они характеризуютъ намъ народное пониманіе событій монастырской исторіи и свидѣтельствуютъ о вниманіи къ послѣдней простого народа.

Изъ описаній мѣстныхъ монастырей нужно, наконецъ, отмѣтить книжку Василева: „Псковскій Спасо-Мирожскій мужской третьеклассный монастырь“ (Псковъ, 1868 г.),—единственный отдѣльный очеркъ по исторіи этой древнѣйшей псковской обители. Какъ археологъ, Василевъ особенно подробно останавливается на описаніи монастырскихъ вещественныхъ памятниковъ и передаетъ здѣсь интересныя свои наблюденія о древней архитектурѣ монастырскаго Преображенскаго храма. Онъ говоритъ, что по первоначальному плану въ храмѣ не было предназначено особаго мѣста для иконостаса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ устроятся доселѣ. Вмѣсто иконостаса восточная стѣна храма была украшена фресковыми изображеніями святыхъ. Мнѣніе Василева основано на томъ, что церковный куполъ въ монастырскомъ храмѣ, въ противоположность другимъ псковскимъ церквамъ, построенъ не посреди церкви, а ближе къ восточной сторонѣ, такъ что одинъ бокъ его утвержденъ на восточной сторонѣ, а противоположныя стороны утверждены на аркахъ, опирающихся своими сторонами на двѣ другія арки. Алтарь не былъ, так. обр., отдѣленъ отъ храма (стр. 4—5). Подробнѣе это разъяснено Василевымъ въ его „Археол. указат. древн. г. Пскова“, 1898 г., стр. 75 и сл.

Очень подробно авторъ описываетъ памятники древности, сохранившіеся въ монастырской ризницѣ и библіотекѣ, и дѣлаетъ выписки изъ рукописнаго сборника о явленіи въ 1595 г. Спасо-Мирожской иконы Б. М. (стр. 6—7, прим.). На стр. 11—12 у него помѣщена и особая статья, подъ заглавіемъ: „Образъ жизни монастырской и число братій“,—не очень, впрочемъ, цѣнная. За недостаткомъ свѣдѣній о жизни собственно

---

[1]) стр. 43. Ср. Пам. ст. р. лит. Куш.-Безбородко, в. IV, стр. 79—80.

мирожской братіи, Василевъ ограничивается лишь общими замѣчаніями о псковской монастырской жизни до XVI в., о ея внутреннемъ устройствѣ и объ отношеніяхъ монастырей къ мѣстной власти и къ новгородскому архіепископу. Подробнѣе излагается исторія монастыря за время послѣ введенія штатовъ 1764 г. Характеризуя въ началѣ описанія общій бытъ Мирожскаго монастыря, Василевъ, слѣдуя митр. Евгенію, замѣчаетъ, что „исторія Мирожской обители была исторіею постоянныхъ ея разореній, такъ какъ болѣе чѣмъ шесть вѣковъ она была предметомъ первыхъ нападеній со стороны псковскихъ враговъ: ливонскихъ нѣмцевъ и литовцевъ" (стр. 2).

По вопросу о происхожденіи монастыря авторъ придерживается хронологической даты митр. Евгенія, хотя и дѣлаетъ предположеніе о болѣе раннемъ возникновеніи обители, основываясь въ данномъ случаѣ на томъ соображеніи, что въ 1156 г. въ монастырѣ былъ уже игуменъ—Авраамій, и что, по преданію, мѣстность, занимаемая монастыремъ, была въ то же время и мѣстомъ перваго заселенія Пскова при благовѣрной княг. Ольгѣ (стр. 2—3).

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами описаній псковскихъ монастырей, появившихся послѣ работъ митр. Евгенія, очеркъ Василева представляетъ собою единственный вполнѣ научный и самостоятельный трудъ, который и теперь можетъ служить образцомъ для составленія археологическихъ очерковъ о мѣстныхъ псковскихъ обителяхъ. Будучи знатокомъ мѣстныхъ древностей и мѣстной исторической литературы, Василевъ дѣлаетъ о послѣдней не очень лестный отзывъ. По его мнѣнію: „всѣ (мѣстныя) изысканія не заходили далѣе трудовъ митр. Евгенія, или большею частію на нихъ основывались" [1]). Признаемъ справедливость этого отзыва и по отношенію къ „Описаніямъ" монастырей, къ однимъ: іер. Іосифа, арх. Аполлоса, Голицына,—въ полной мѣрѣ, къ другимъ: Миротворцева, Панова,—съ ограниченіями, и въ то же время должны выдѣлить работы самого Василева. Его описаніе Мирожскаго монастыря, по научнымъ достоинствамъ этой книжки, мы готовы поставить даже выше „Описаній" митр. Евгенія [2]).

Попытку объединить разрозненныя свѣдѣнія о псковскихъ монастыряхъ встрѣчаемъ въ книгѣ графа М. Толстого: „Святыни и древности Пскова" (М. 1861 г.). Здѣсь мы находимъ краткія историко-археологическія замѣтки о монастыряхъ: Старовознесенскомъ (стр. 51), Спасо-

---

[1]) „Арх. указ. г. Пскова", стр. 6, прим.

[2]) Болѣе подробную оцѣнку историческихъ работъ И. И. Василева см. въ нашей статьѣ: „Къ вопросу объ изученіи псковскихъ древностей во второй половинѣ XIX в.", №№ 19 и 20 неофф. части Псков. губ. вѣд. за 1902 г., и отд. оттиски.—Мы не останавливаемся на разборѣ новѣйшихъ описаній Святогорскаго монастыря—игум. Іоанна (Псковъ, 1899 г.) и Мирожскаго—Ф. А. Ушакова (въ Труд. Псков. Арх. Общ. за 1901—2 гг., стр. 1—25), такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего новаго и цѣннаго, по сравненію съ описаніями Евгенія и Василева.

Мирожскомъ и Ивановскомъ (стр. 66—72), Снѣтогорскомъ, Любятовскомъ, Сереткинѣ (стр. 75—78) и отдѣльные очерки объ Елеазаровскомъ (стр. 80—92), Крыпецкомъ (93—97) и Псково-Печерскомъ монастыряхъ (98—124). И археологическія замѣтки автора, и самые очерки почти ничего не даютъ новаго. Толстой слѣдовалъ „Описаніямъ", составленнымъ раньше его работы, и главнымъ образомъ сочиненіямъ митр. Евгенія, повторяя ошибки послѣднихъ, напр., въ хронологіи кончины и обрѣтенія мощей преп. Саввы (стр. 95), причисленія къ лику святыхъ Евфросина (85), о печерскихъ игуменахъ Трифонѣ—Тихонѣ (109) и т. п. Онъ лично посѣтилъ мѣстныя обители, но, кажется, мало ознакомился съ сохранившимися въ нихъ памятниками исторіи. Отсюда, нѣкоторыя его замѣтки вызываютъ недоразумѣнія. Онъ говоритъ, напр., со словъ преосв. Евгенія, о монастырскомъ спискѣ устава преп. Евфросина; но этого памятника нѣтъ теперь въ монастырской библіотекѣ и неизвѣстно, имѣлся ли онъ въ 1861 г. (стр. 92). На стр. 122 Толстой даетъ перечень статей печерской лѣтописи и въ число ихъ вноситъ такія, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и никогда не бывало въ этомъ памятникѣ: „свѣдѣнія о жизни нѣкоторыхъ святыхъ псковскихъ". Въ этомъ случаѣ онъ смѣшиваетъ содержаніе рукописи съ содержаніемъ печатныхъ ея изданій, дѣйствительно дополненныхъ житіями св. Довмонта и Саввы. Очевидно, самые памятники, о которыхъ говоритъ авторъ, не были у него въ рукахъ. Обстоятельнѣе свѣдѣнія объ Елеазаровскомъ монастырѣ. При составленіи этого очерка Толстой пользовался рукописными списками житія преп. Евфросина, № 205, М. Д. А. и № 676, Тр. С. Л. При помощи этихъ списковъ ему удалось правильнѣе установить хронологическую дату перехода Евфросина въ Толвскую пустынь (стр. 81, 35) и такимъ образомъ впервые исправить ошибку митр. Евгенія.

Въ очеркахъ объ Елеазаровскомъ и Крыпецкомъ монастыряхъ Толстой дѣлаетъ довольно подробный перифразъ содержанія житій Евфросина и Саввы и описаній чудесъ.

Сочиненіемъ графа Толстого мы можемъ закончить обзоръ спеціальной литературы по исторіи псковскаго монашества. Изъ сказаннаго о ней ясно опредѣляется, на что должно быть направлено главное вниманіе нашей работы. Внѣшняя исторія, исторія монастырей псковскихъ, сравнительно уже разработана въ ученой литературѣ. Если и можно признать желательнымъ объединеніе свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ и провѣрку нѣкоторыхъ изъ этихъ свѣдѣній, то во всякомъ случаѣ для научныхъ цѣлей не эта часть работы представляется существенно необходимою. Гораздо важнѣе изслѣдованіе внутренняго быта мѣстныхъ монастырей—исторія монашества, которой мы не находимъ въ разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ или которая разработана въ нихъ слишкомъ недостаточно. Для историка внутренняго быта монашества всѣ эти археологическія работы предшественниковъ имѣютъ немаловажную цѣнность. Онѣ даютъ ему возможность представить внѣшнюю обстановку, въ которой проходила жизнь иноческая, и одновременно съ этимъ на половину осво-

мирожской братіи, Василевъ ограничивается лишь общими замѣчаніями о псковской монастырской жизни до XVI в., о ея внутреннемъ устройствѣ и объ отношеніяхъ монастырей къ мѣстной власти и къ новгородскому архіепископу. Подробнѣе излагается исторія монастыря за время послѣ введенія штатовъ 1764 г. Характеризуя въ началѣ описанія общій бытъ Мирожскаго монастыря, Василевъ, слѣдуя митр. Евгенію, замѣчаетъ, что „исторія Мирожской обители была исторіею постоянныхъ ея разореній, такъ какъ болѣе чѣмъ шесть вѣковъ она была предметомъ первыхъ нападеній со стороны псковскихъ враговъ: ливонскихъ нѣмцевъ и литовцевъ" (стр. 2).

По вопросу о происхожденіи монастыря авторъ придерживается хронологической даты митр. Евгенія, хотя и дѣлаетъ предположеніе о болѣе раннемъ возникновеніи обители, основываясь въ данномъ случаѣ на томъ соображеніи, что въ 1156 г. въ монастырѣ былъ уже игуменъ—Авраамій, и что, по преданію, мѣстность, занимаемая монастыремъ, была въ то же время и мѣстомъ перваго заселенія Пскова при благовѣрной княг. Ольгѣ (стр. 2—3).

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами описаній псковскихъ монастырей, появившихся послѣ работъ митр. Евгенія, очеркъ Василева представляетъ собою единственный вполнѣ научный и самостоятельный трудъ, который и теперь можетъ служить образцомъ для составленія археологическихъ очерковъ о мѣстныхъ псковскихъ обителяхъ. Будучи знатокомъ мѣстныхъ древностей и мѣстной исторической литературы, Василевъ дѣлаетъ о послѣдней не очень лестный отзывъ. По его мнѣнію: „всѣ (мѣстныя) изысканія не заходили далѣе трудовъ митр. Евгенія, или большею частію на нихъ основывались" [1]). Признаемъ справедливость этого отзыва и по отношенію къ „Описаніямъ" монастырей, къ однимъ: іер. Іосифа, арх. Аполлоса, Голицына,—въ полной мѣрѣ, къ другимъ: Миротворцева, Панова,—съ ограниченіями, и въ то же время должны выдѣлить работы самого Василева. Его описаніе Мирожскаго монастыря, по научнымъ достоинствамъ этой книжки, мы готовы поставить даже выше „Описаній" митр. Евгенія [2]).

Попытку объединить разрозненныя свѣдѣнія о псковскихъ монастыряхъ встрѣчаемъ въ книгѣ графа М. Толстого: „Святыни и древности Пскова" (М. 1861 г.). Здѣсь мы находимъ краткія историко-археологическія замѣтки о монастыряхъ: Старовознесенскомъ (стр. 51), Спасо-

---

[1]) „Арх. указ. г. Пскова", стр. 6, прим.

[2]) Болѣе подробную оцѣнку историческихъ работъ И. И. Василева см. въ нашей статьѣ: „Къ вопросу объ изученіи псковскихъ древностей во второй половинѣ XIX в.", №№ 19 и 20 неофф. части Псков. губ. вѣд. за 1902 г., и отд. оттиски.—Мы не останавливаемся на разборѣ новѣйшихъ описаній Святогорскаго монастыря—игум. Іоанна (Псковъ, 1899 г.) и Мирожскаго—Ѳ. А. Ушакова (въ Труд. Псков. Арх. Общ. за 1901—2 гг., стр. 1—25), такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего новаго и цѣннаго, по сравненію съ описаніями Евгенія и Василева.

Мирожскомъ и Ивановскомъ (стр. 66—72), Снѣтогорскомъ, Любятовскомъ, Сереткинѣ (стр. 75—78) и отдѣльные очерки объ Елеазаровскомъ (стр. 80—92), Крыпецкомъ (93—97) и Псково-Печерскомъ монастыряхъ (98—124). И археологическія замѣтки автора, и самые очерки почти ничего не даютъ новаго. Толстой слѣдовалъ „Описаніямъ", составленнымъ раньше его работы, и главнымъ образомъ сочиненіямъ митр. Евгенія, повторяя ошибки послѣднихъ, напр., въ хронологіи кончины и обрѣтенія мощей преп. Саввы (стр. 95), причисленія къ лику святыхъ Евфросина (85), о печерскихъ игуменахъ Трифонѣ—Тихонѣ (109) и т. п. Онъ лично посѣтилъ мѣстныя обители, но, кажется, мало ознакомился съ сохранившимися въ нихъ памятниками исторіи. Отсюда, нѣкоторыя его замѣтки вызываютъ недоразумѣнія. Онъ говоритъ, напр., со словъ преосв. Евгенія, о монастырскомъ спискѣ устава преп. Евфросина; но этого памятника нѣтъ теперь въ монастырской библіотекѣ и неизвѣстно, имѣлся ли онъ въ 1861 г. (стр. 92). На стр. 122 Толстой даетъ перечень статей печерской лѣтописи и въ число ихъ вноситъ такія, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и никогда не бывало въ этомъ памятникѣ: „свѣдѣнія о жизни нѣкоторыхъ святыхъ псковскихъ". Въ этомъ случаѣ онъ смѣшиваетъ содержаніе рукописи съ содержаніемъ печатныхъ ея изданій, дѣйствительно дополненныхъ житіями св. Довмонта и Саввы. Очевидно, самые памятники, о которыхъ говоритъ авторъ, не были у него въ рукахъ. Обстоятельнѣе свѣдѣнія объ Елеазаровскомъ монастырѣ. При составленіи этого очерка Толстой пользовался рукописными списками житія преп. Евфросина, № 205, М. Д. А. и № 676, Тр. С. Л. При помощи этихъ списковъ ему удалось правильнѣе установить хронологическую дату перехода Евфросина въ Толвскую пустынь (стр. 81, 35) и такимъ образомъ впервые исправить ошибку митр. Евгенія.

Въ очеркахъ объ Елеазаровскомъ и Крыпецкомъ монастыряхъ Толстой дѣлаетъ довольно подробный перифразъ содержанія житій Евфросина и Саввы и описаній чудесъ.

Сочиненіемъ графа Толстого мы можемъ закончить обзоръ спеціальной литературы по исторіи псковскаго монашества. Изъ сказаннаго о ней ясно опредѣляется, на что должно быть направлено главное вниманіе нашей работы. Внѣшняя исторія, исторія монастырей псковскихъ, сравнительно уже разработана въ ученой литературѣ. Если и можно признать желательнымъ объединеніе свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ и провѣрку нѣкоторыхъ изъ этихъ свѣдѣній, то во всякомъ случаѣ для научныхъ цѣлей не эта часть работы представляется существенно необходимою. Гораздо важнѣе изслѣдованіе внутренняго быта мѣстныхъ монастырей—исторія монашества, которой мы не находимъ въ разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ или которая разработана въ нихъ слишкомъ недостаточно. Для историка внутренняго быта монашества всѣ эти археологическія работы предшественниковъ имѣютъ немаловажную цѣнность. Онѣ даютъ ему возможность представить внѣшнюю обстановку, въ которой проходила жизнь иноческая, и одновременно съ этимъ на половину осво-

бождаютъ его отъ черновой работы по хронологіи, топографіи, статистикѣ псковскихъ монастырей. Провѣрять сказанное по этимъ отдѣламъ, конечно, гораздо легче, чѣмъ самому собирать матеріалы. Однако, наличность исторической литературы, облегчая работу изслѣдователя, не дѣлаетъ послѣднюю очень легкою. Какъ бы ни была хорошо обрисована внѣшняя обстановка монастырской жизни, съ какою бы точностію ни былъ воспроизведенъ видъ монастырскихъ зданій,—все это мало даетъ матеріала для изображенія самаго быта монашества. Для послѣдняго нужны болѣе живые, болѣе обстоятельные источники—памятники письменные. Для историка—археолога письменный памятникъ—источникъ дополнительный, въ которомъ многое можно оставить безъ вниманія. Для историка бытовой жизни это источникъ исключительно важный, въ которомъ цѣнна каждая мелочь фактическаго свойства. Въ предыдущихъ работахъ, какъ можно заключить изъ сказаннаго, письменные памятники по исторіи псковскаго монашества не нашли для себя широкаго примѣненія и исторической оцѣнки,—такъ какъ общія жалобы на недостатокъ письменныхъ источниковъ, разумѣется, нельзя признать оцѣнкою ихъ. Для современнаго изслѣдователя исторіи мѣстнаго монашества необходимо точнѣе опредѣлить наличное число письменныхъ источниковъ и ихъ достоинство. Благодаря этому, напередъ будетъ видно, чего можно требовать отъ автора и какихъ требованій онъ не могъ удовлетворить, какъ бы ни были они важны. Къ критическому обзору письменныхъ источниковъ по исторіи мѣстнаго монашества и должны мы перейти теперь.

Считаемъ, впрочемъ, нужнымъ оговориться, что изъ этого обзора мы сознательно опускаемъ одинъ отдѣлъ мѣстной монастырской письменности: посланія елеазаровскихъ монаховъ Памфила и Филоѳея. Дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ. Со стороны своего содержанія посланія Памфила и Филоѳея достаточно уже изслѣдованы въ ученой литературѣ и каждому извѣстны даже изъ литературы учебной. Правда, изслѣдователей эти посланія интересовали собою, какъ памятники литературные, какъ образцы тѣхъ или другихъ литературныхъ направленій, выразителями которыхъ явились Памфилъ и Филоѳей, а не какъ памятники историческіе и тѣмъ болѣе, не какъ матеріалъ для исторіи мѣстнаго монашества. Но положительныхъ данныхъ для исторіи мѣстнаго монашества въ нихъ и вообще нѣтъ, а потому и для насъ они интересны преимущественно съ литературной своей стороны. Изслѣдовать ихъ съ этой стороны тѣмъ болѣе излишне, что въ послѣднее время о посланіяхъ Памфила и Филоѳея появилось спеціальное изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина. Мы ограничимся лишь общею библіографическою замѣткою о книгѣ проф. Малинина, тѣмъ болѣе необходимою, что со стороны ученой критики эта книга вызвала къ себѣ неодинаковое отношеніе.

Заглавіе сочиненія: „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія“ (Кіевъ, 1901 г.), не совсѣмъ точно опредѣляетъ собою содержаніе книги, такъ какъ біографія Филоѳея и характеристика его писательской дѣятельности не представляютъ собою исключительнаго, чтобы

не сказать—главнаго,—предмета изслѣдованія. Какъ говоритъ самъ авторъ въ концѣ своего труда, онъ имѣлъ цѣлію: „поставить личность Филоѳея и его литературную дѣятельность въ возможно широкую историческую обстановку“ [1]). Въ результатѣ этого съ внѣшней стороны и произошла слишкомъ замѣтная неравномѣрность между количествомъ страницъ, посвященныхъ непосредственно Филоѳею, и имѣющихъ лишь самое отдаленное отношеніе къ его біографіи или литературной дѣятельности. Въ обширной книгѣ Малинина, состоящей изъ 768 стр. текста, помимо примѣчаній и приложеній, на долю собственно Филоѳея и его посланій отведено не болѣе 330 стр., меньше половины книги. Такая постановка изслѣдованія въ научной критикѣ вызвала различное отношеніе.

Проф. С. И. Смирновъ въ библіографической замѣткѣ, помѣщенной въ „Бог. В.“ за 1902 г., VII кн., даетъ очень лестный отзывъ о такихъ пріемахъ авторской работы. Онъ находитъ, что „задача (сравнительнаго изученія личности и литературной дѣятельности Филоѳея) выполнена превосходно, и что авторъ даетъ не только исчерпывающее изслѣдованіе о взятомъ имъ лицѣ, но и обстоятельный трактатъ по исторіи русской духовной литературы XV—XVI в., до Стоглаваго собора“ (стр. 617). Широту постановки изслѣдованія рецензентъ относитъ къ положительнымъ достоинствамъ работы автора и говоритъ, что „изслѣдователь не подлежитъ упреку въ узости и односторонности, игнорированіи общаго историческаго фона, на которомъ отобразилась писательская дѣятельность взятаго имъ лица,—чѣмъ обычно страдаютъ монографіи“ (стр. 630). На стр. 631—640 онъ дѣлаетъ нѣсколько поправокъ и замѣчаній къ объясненіямъ автора, но и это не мѣшаетъ ему повторить лестный отзывъ о научныхъ достоинствахъ сочиненія Малинина.

Въ другомъ направленіи сдѣланы отзывы объ изслѣдованіи проф. Малинина акад. А. И. Соболевскимъ и проф. С. Т. Голубевымъ. Оба рецензента находятъ, что сравнительное изслѣдованіе главнаго предмета поставлено излишне широко, въ ущербъ дѣлу. По отзыву Соболевскаго: „авторъ говоритъ обо всемъ по поводу Филоѳея, дѣлаетъ большія выписки изъ доступныхъ для всѣхъ книгъ, разсуждаетъ о томъ, что къ предмету его изслѣдованія въ сущности не имѣетъ никакого отношенія и что выходитъ далеко за рамки историко-литературнаго изысканія“ [2]).

Еще сильнѣе подчеркиваетъ этотъ недостатокъ Голубевъ. По его мнѣнію: „изслѣдованіе оказывается искусственно раздутымъ. Филоѳея нужно искать здѣсь со свѣчею. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ экскурсы въ сторону, далеко выходящіе за предѣлы, вызываемые сущностію дѣла и въ большинствѣ случаевъ сообщающіе свѣдѣнія общеизвѣстныя“ [3]). Опредѣляя общее достоинство сочиненія Малинина, Голубевъ говоритъ, что эта книга „въ ряду литературно-историческихъ произведеній, вышед-

---

[1]) стр. 753.

[2]) Ж. М. Нар. Пр. 1901 г., XII, 486—487.

[3]) Тр. Кіев. Д. А. 1903, II, извлеч. изъ прот. Совѣта, стр. 112.

шихъ за послѣднее время, не займетъ мѣста передового, но не будетъ отодвинута и на задній планъ. Мѣсто ея въ наукѣ серединное" (стр. 116). Оба рецензента отмѣчаютъ рядъ недостатковъ и ошибокъ и въ самой характеристикѣ литературной дѣятельности Филоѳея. А. И. Соболевскій не считаетъ сочиненія Малинина исчерпывающимъ взятый авторомъ вопросъ. По его мнѣнію, автору извѣстенъ не весь матеріалъ, который можно найти въ рукописныхъ книгохранилищахъ: „новые списки въ нашихъ общедоступныхъ библіотекахъ легко могутъ дать не только новые интересные списки извѣстныхъ уже сочиненій Филоѳея, но и новыя произведенія этого писателя" (486).

Приведенными отзывами достаточно разносторонне характеризуется изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина, и мы думаемъ, что для насъ нѣтъ нужды входить въ критическій обзоръ этого сочиненія. Мы ограничимся лишь тѣми замѣтками, которыя невольно появляются у мѣстнаго читателя книги Малинина. Съ этой стороны наибольшій интересъ получаютъ тѣ ея отдѣлы, въ которыхъ излагаются біографія и характеристика личности этого псковскаго инока-писателя и ближайшія условія его литературной дѣятельности: мѣстно-псковскія и монастырскія, елеазаровскія.

Слишкомъ широкая постановка сравнительнаго изученія предмета, несомнѣнно, невыгодно отражается на характеристикѣ личности Филоѳея и его писательской дѣятельности. При широкой исторической обстановкѣ, въ которую поставлена дѣятельность елеазаровскаго старца, сглаживаются индивидуальныя черты личности Филоѳея, его взглядовъ и понятій. Отъ читателя требуется много вниманія, чтобы отчетливо представить себѣ, чѣмъ же отличался этотъ псковскій инокъ, какъ писатель и отшельникъ—аскетъ отъ другихъ лицъ того времени, близкихъ къ нему по своему характеру и по литературнымъ взглядамъ, заслуживаетъ ли онъ особаго вниманія и спеціальнаго изслѣдованія? Въ концѣ своего труда, на стр. 765, проф. Малининъ, опредѣляя положеніе Филоѳея въ ряду другихъ тогдашнихъ писателей, говоритъ: „изученіе его посланій въ связи съ литературнымъ наслѣдіемъ того времени не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что сходство между произведеніями нашего автора и его предшественниками оказывается не въ единствѣ только воззрѣній, но и въ словоыраженіяхъ. При всемъ томъ нельзя не признать нашего старца однимъ изъ наиболѣе типичныхъ выразителей духа и стремленій своей эпохи". Первая мысль для читателя книги Малинина представляется настолько ясною, что ему трудно согласиться со второю; Филоѳей кажется ему только списателемъ, а не типическимъ выразителемъ современныхъ ему литературныхъ взглядовъ и общественныхъ понятій. При менѣе широкой сравнительной постановкѣ изслѣдованія эта мысль представлялась бы болѣе доказанною.

Біографическій отдѣлъ книги производитъ болѣе выгодное впечатлѣніе. Попытка автора дать біографію Филоѳея заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что до него на личности Филоѳея не останавливались изслѣдователи его писательской дѣятельности. Благодаря открытой авто-

ромъ цѣнной замѣткѣ, характеризующей Филоѳея, какъ старца преподобнаго, неисходно жившаго въ монастырѣ, хорошо извѣстнаго тогдашней высшей власти за свое добродѣтельное житіе, отличавшагося великимъ дерзновеніемъ въ обличеніи неправдъ и насилій псковскихъ намѣстниковъ и „безпопеченіемъ о семъ вѣцѣ",—эта попытка имѣла положительный успѣхъ. Личность Филоѳея представляется живою, мастерски охарактеризованною. Что же касается частныхъ сторонъ въ біографіи Филоѳея, то здѣсь, при независящей отъ автора трудности дѣла, не все является выясненнымъ съ желательною точностію.

О Филоѳеѣ не сохранилось старинной біографіи, такъ какъ въ древнее время біографія посвящалась исключительно святымъ. Только уже позднѣе, въ XVII в., начали появляться біографіи болѣе замѣчательныхъ личностей, напр., патр. Никона, расколоучителя Неронова, и даже автобіографіи,—напр., протоп. Аввакума. Біографу Филоѳея приходилось, значитъ, довольствоваться лишь случайными указаніями въ другихъ памятникахъ и автобіографическими замѣтками въ собственныхъ посланіяхъ старца. Но тѣхъ и другихъ сохранилось очень мало. Указанная замѣтка въ старинной рукописи является единственною. По содержанію своему она очень важна, но не полна со стороны заключающихся въ ней біографическихъ данныхъ. Изъ нея мы не узнаемъ, когда Филоѳей пришелъ въ Елеазаровскій монастырь, сколько времени жилъ и какое занималъ тамъ положеніе. Посланія самого Филоѳея даютъ еще меньше біографическаго матеріала. Здѣсь онъ называется старцемъ или инокомъ „Елеазарова монастыря изо псковскія области",—но и то не во всѣхъ посланіяхъ и не во всѣхъ рукописныхъ спискахъ посланій. Въ нѣкоторыхъ спискахъ, по принятому въ древней Руси обычаю обезличивать литературный памятникъ, помѣщено неопредѣленное указаніе: „посланіе н ѣ к о е г о старца". Въ нѣкоторыхъ посланіяхъ совсѣмъ нѣтъ упоминаній объ авторѣ, такъ что изслѣдователю приходилось доказывать принадлежность этихъ посланію Филоѳею и иногда ограничиваться лишь полупризнаніемъ его авторства (стр. 753).

Основываясь на содержаніи самыхъ посланій Филоѳея, Малининъ обще опредѣляетъ время его литературной дѣятельности періодомъ княженія Василія III и Іоанна IV. По вопросу же о положеніи Филоѳея авторъ склоненъ думать, что Филоѳей занималъ въ монастырѣ должность игумена. Единственнымъ основаніемъ для этого служитъ упоминаніе о какомъ-то игуменѣ Филоѳеѣ во второй редакціи Евфросинова житія, въ описаніи 9-го чуда. Но показаніе этого источника является не очень цѣннымъ, такъ какъ біографъ Евфросина при описаніи чудесъ не придерживался строго хронологическаго порядка, и потому по его упоминанію о Филоѳеѣ нельзя съ точностію опредѣлить время его игуменства. Строевъ въ своемъ сочиненіи: „Списки іерарховъ и наст. монастырей" (стр. 387), ставитъ упоминаемаго здѣсь игумена Филоѳея даже раньше Памфила. На основаніи посланій самого Филоѳея, а также свѣдѣній о немъ въ позднѣйшихъ памятникахъ можно даже отрицать тождественность этихъ одно-

именныхъ лицъ. Въ посланіяхъ онъ никогда не пишется игуменомъ, а только старцемъ или инокомъ. Раскольничій инокъ Авраамій, изъ уваженія къ Филоѳею называвшій даже его: „святый Филоѳей Елеазарова монастыря“ [1]), точно также не усвояетъ ему титула игумена, хотя последнее названіе могло бы имѣть значеніе для большей авторитетности взглядовъ Филоѳея, принятыхъ въ XVII в. защитниками старины. Вообще, очень вѣроятное предположеніе В. Н. Малинина объ игуменствѣ Филоѳея является недостаточно обоснованнымъ, и очевидно, что, при наличныхъ историческихъ данныхъ, этотъ вопросъ нужно признать неразрѣшимымъ. Тѣмъ не менѣе, біографическая часть въ книгѣ Малинина и характеристика личности Филоѳея представляютъ собою столь обстоятельный трактатъ, что, при отсутствіи новыхъ историческихъ данныхъ, къ нему едва ли можно сдѣлать какія-либо серьезныя поправки и дополненія.

Существенный интересъ въ разсматриваемой книгѣ имѣютъ для изучающаго мѣстную исторію и тѣ ея страницы, на которыхъ изображается ближайшая обстановка жизни и дѣятельности Филоѳея. На стр. 121—123 проф. Малининъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній и дополненій къ характеристикѣ литературной дѣятельности елеазаров. игумена Памфила, близкаго къ Филоѳею не только по времени жизни, но и по своимъ взглядамъ. Во введеніи, на стр. 1—25, онъ даетъ сравнительный обзоръ текста двухъ редакцій Евфросинова житія, а на стр. 4, 7, 11, 377 дѣлаетъ и общіе выводы относительно не вполнѣ еще изслѣдованной первоначальной редакціи житія святаго. На стр. 116—117 и 484 онъ останавливается на „посланіи къ Аѳанасію, ктитору великія общеобительныя лавры св. Николы, о трегубой аллилуіи“,—памятникѣ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ исторіи псковскихъ споровъ изъ-за аллилуіи и отсюда—къ біографіи Евфросина. Находимъ, наконецъ, въ книгѣ автора и попытку охарактеризовать бытъ и внутреннее устройство Елеазаровскаго монастыря при жизни его основателя (стр. 26—32). Вся эта часть труда проф. Малинина имѣетъ непосредственное отношеніе и къ нашей темѣ и вся она одинаково высоко цѣнится всѣми рецензентами его книги. Такъ, напр., по отзыву акад. Соболевскаго: „тѣ страницы книги, которыя посвящены Елеазарову монастырю и его основателю Евфросину, полны интереса и заслуживаютъ высокихъ похвалъ“ [2]). „Выводы автора о редакціяхъ житія Евфросина и о древнѣйшей исторіи Елеазаровскаго монастыря покоятся на прочныхъ основаніяхъ. Вся разсмотрѣнная часть его работы читается съ большимъ интересомъ и производитъ самое пріятное впечатлѣніе“,—замѣчаетъ и проф. Голубевъ [3]).

Съ изложенными взглядами въ этой части книги проф. Малинина намъ придется имѣть дѣло въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ своей работы; тогда мы сдѣлаемъ и свои замѣчанія на нихъ, а пока ограничимся общимъ

[1]) Мат. для ист. раск. т. VII, 86—87.
[2]) Ж. М. Нар. Пр. 1901, XII, 490.
[3]) Тр. К. Д. А. 1903, II, 72.

выводомъ о разсмотрѣнной книгѣ по главному ея вопросу. О Филоѳеѣ и о Памфилѣ въ настоящее время, если и не сказано всего, то во всякомъ случаѣ сказано очень много, и изслѣдователю псковскаго монашества позволительно уже не останавливаться на подробной характеристикѣ этихъ личностей и ихъ дѣятельности. Гораздо полезнѣе удѣлить лишнія страницы въ своемъ трудѣ другимъ псковскимъ инокамъ писателямъ, менѣе знаменитымъ, но зато и менѣе извѣстнымъ въ ученой литературѣ.

Переходимъ теперь къ обзору самыхъ памятниковъ по исторіи псковской монастырской жизни. Выше мы раздѣлили ихъ на двѣ группы: памятники обще-историческіе и спеціально-монастырскіе. Въ такомъ порядкѣ произведемъ и обзоръ ихъ.

Дошедшіе до насъ два псковскихъ лѣтописныхъ сборника представляютъ собою письменные памятники сравнительно поздняго происхожденія. Академикъ Соболевскій относитъ списки ихъ къ XVI в., замѣчая при этомъ, что они написаны „повидимому, во Псковѣ и несомнѣнно съ псковскихъ оригиналовъ“[1]). Другими изслѣдователями начало псковскаго лѣтописанія относится къ XIV и даже къ XIII в. в.[2]). До второй половины XIV в. псковская лѣтопись, скудная содержаніемъ вообще, очень бѣдна въ частности и извѣстіями о монашествѣ. Мы встрѣчаемъ всего лишь три замѣтки: одну, подъ 6818 г., о построеніи церкви въ Снѣтогорскомъ монастырѣ (П. С. Р. Л. т. IV, стр. 184), другую,—содержащую въ себѣ перечень именъ иноковъ, убитыхъ при нападеніи на Псковъ нѣмцевъ въ 1299 г. (стр. 182), третью съ упоминаніемъ о Пантелеимоновскомъ монастырѣ, до котораго ѣхали псковичи вслѣдъ за княземъ Александромъ Всеволодовичемъ, прося его возвратиться въ Псковъ и не ходить къ нѣмцамъ (стр. 186 подъ 6849 г.). Двѣ послѣднихъ замѣтки—случайнаго происхожденія и только первая спеціально ведетъ рѣчь о монастырѣ.

Со второй половины XIV в. замѣтки о монастыряхъ въ лѣтописи встрѣчаются чаще, но и теперь онѣ имѣютъ по большей части тотъ же случайный характеръ. Чаще всего монастыри упоминаются или по поводу построенія въ нихъ храмовъ, или по поводу какихъ-либо событій, случившихся вблизи монастыря, напр., торжественныхъ процессій или общественныхъ бѣдствій: пожаровъ, непріятельскихъ нападеній и т. п. Такъ, въ псковскихъ лѣтописяхъ очень часто встрѣчаемъ упоминанія о монастыряхъ Старовознесенскомъ и Пантелеимоновомъ Дальнемъ, не потому, чтобы эти монастыри выдѣлялись чѣмъ-либо изъ другихъ псковскихъ обителей и этимъ привлекали къ себѣ вниманіе общества и лѣтописца,

---

[1]) „Слав. рус. палеографія. Спб. 1902 г., курсъ II-й, стр. 31.

[2]) Бест. Рюминъ, „О составѣ рус. лѣтоп. до XIV в.“ стр. 36. Костомаровъ, „Лекціи по рус. ист.“, ч. I, стр. 73. Янишъ, „Новг. лѣт. и ея москов. передѣлки“—въ Чт. Об. И. и Др. 1874 г. кн. 2, стр. 18. Авторъ статьи: „Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содерж. и характ. ихъ преимущественно церков. истор.“, въ Прав. Соб. за 1860 г. ч. II, стр. 176.

а только потому, что вблизи ихъ совершались торжественныя встрѣчи и проводы князей, владыкъ и др. почетныхъ лицъ [1]). Упоминаются иногда монастыри или по поводу какихъ-либо чудесныхъ событій, происшедшихъ въ томъ или другомъ монастырѣ, или для указанія мѣстъ постриженія и погребенія такихъ лицъ, судьбою которыхъ интересовалось псковское общество [2]). Но чаще всего монастыри упоминаются по случаю построенія въ нихъ церквей [3]). Встрѣчаются, наконецъ, извѣстія объ участіи монаховъ въ торжественныхъ процессіяхъ при встрѣчѣ новгородскихъ владыкъ, при пріемѣ и отправленіи почетныхъ псковскихъ гостей, и объ участіи монастырей въ расходахъ общества и духовенства на постоянныя или случайныя нужды и на дѣла благотворительности [4]).

Съ XVI в. лѣтописныя извѣстія о монашествѣ становятся болѣе содержательными и полными. Лѣтописецъ, не опуская замѣтокъ о монастыряхъ прежняго характера, подробнѣе останавливается на исторіи знаменитаго изъ псковскихъ монастырей—Печерскаго, говоритъ объ его устройствѣ, объ отношеніи къ монастырю мѣстнаго общества и высшей власти, отмѣчаетъ внутреннія событія въ печерской монастырской жизни, дѣятельность иг. Корнилія и т. п. Находимъ у него нѣсколько указаній объ отношеніяхъ къ мѣстнымъ монастырямъ новгородскихъ владыкъ: Сергія, Геннадія, Макарія, великихъ князей: Василія III и Іоанна IV, и ихъ намѣстниковъ. Подъ 7013 г. полностію помѣщено посланіе елеаз. иг. Памфила, какъ образецъ общественной дѣятельности болѣе видныхъ представителей псковскаго монашества. Подъ 7012 г. приводится посланіе о недостаткахъ въ монастырской жизни м. Симона. Изъ краткихъ замѣтокъ и здѣсь больше всего встрѣчаемъ упоминаній о построеніи храмовъ въ монастыряхъ или о случайныхъ событіяхъ, происшедшихъ вблизи монастырей; но есть извѣстія и о возникновеніи новыхъ монастырей [5]).

По количеству извѣстій,—какъ можно видѣть изъ цитаціи,—лѣтописи слѣдовало бы признать довольно хорошимъ источникомъ свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ. Но характеръ содержанія этихъ свѣдѣній въ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. IV—6958 стр. 214, 6968, стр. 219, 6977—232, 6981—246, 6986—256—7, 6997—268, 7004—270, т. V—6994—46 и др.

[2]) А) ib. 6904—194, 6941—207, 6948—211, 6967—218, 6978—235. Б) 6912—196, 6927—202—3, 6986—259, 6995—267, 7032—296; т. V—6912—18, 6925—22.

[3]) ib. 6875—192, т. V—15, 6891—193, 6903—194, 6906—195, т. V—18, 6907, 6912—196, 6922—202, 6927—203, 6950—212, т. V—30, 6954—213, 6976—231, 6992—266, т. V—42 и др.

[4]) ib. 6899—194, 6943—209, 6958—214, 6971—224, 6974—230, 6977—232, 6979—240, 6981—244—5, 6982—249, 6985—254, 6986—258, 6997—268 и др.

[5]) ib. 7027—293, 7042—298, 7045—302, 7048—303, 7052—306, 7065—309, 7001—268, 7008—272, 7040—298, 7049—304, 7052—306, 7058—308, 7069—313, 7070—313 (по пов. пожаровъ); 7073—316, 7117—326 (по пов. нап. непр.); 7054 и 7074 стр. 306, 317, о Мироносицк. и Свят. м-ряхъ.

значительной степени понижаетъ цѣнность источника. Въ сущности мы имѣемъ въ лѣтописяхъ голый перечень монастырскихъ церквей и рядъ случайныхъ замѣтокъ о монастыряхъ. На основаніи такихъ извѣстій можно опредѣлить мѣстоположеніе того или другого монастыря, можно даже сдѣлать статистическій подсчетъ общаго числа монастырей въ Псковѣ за тотъ или другой періодъ, но весьма неточный, приблизительный. При случайности лѣтописныхъ извѣстій, нельзя думать, чтобы въ лѣтописяхъ упоминались всѣ монастыри, существовавшіе въ Псковѣ. О монастыряхъ же внѣ-городскихъ здѣсь почти и совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній. Не могутъ служить лѣтописи точнымъ руководствомъ и для опредѣленія времени возникновенія того или другого изъ упоминаемыхъ монастырей. Отмѣчая хронологическія даты построенія монастырскихъ церквей, лѣтописцы,—за исключеніемъ двухъ случаевъ (подъ 6929 г. т. V и 7054 т. IV),—не говорятъ о времени возникновенія самыхъ монастырей, при которыхъ строились церкви. Первую лѣтописную замѣтку о монастырѣ въ большинствѣ случаевъ нельзя считать начальною хронологическою датою его существованія. Но, при отсутствіи другихъ источниковъ, хронологическія указанія лѣтописей имѣютъ свое значеніе, такъ какъ даютъ возможность хотя бы приблизительно опредѣлить время возникновенія мѣстныхъ монастырей.

Есть у лѣтописца одна замѣтка, непосредственно относящаяся къ характеристикѣ внутренняго быта мѣстнаго монашества. Именно, подъ 1471 г., разсказывая о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ посадниками при постройкѣ церкви на Уситвѣ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что это дѣло вызвало не мало волненій на вѣчѣ, особенно послѣ того, какъ въ немъ принялъ участіе какой-то псковскій игуменъ. Воспользовавшись возникшими недоразумѣніями, онъ хотѣлъ оттягать часть церковныхъ земель въ свой монастырь отъ соборнаго троицкаго храма. Противъ этого домогательства и направленъ обвинительный трактатъ лѣтописца подъ заглавіемъ: „а се о сребролюбіи". „Нѣсть лѣпо,—говоритъ онъ,—и сего таити, еже врагъ—діяволъ нанесе на св. Божію церковь крамолу: другіи человѣци тако же (какъ и посадники), забывше страхъ вышній, оболкшеся въ безстудство, отрекшися міра и яже въ мірѣ, и пришедше въ міръ и начаша воздвизатися и препростую чадь воздымати по міру на самую соборную и апост. церковь, на домъ св. Троица, истязуя отъ нея воды и земля, данныя въ наслѣдіе Божіе, въ домъ св. Троица, а міръ облеская лживыми словесы, а ркя міру тако: „нѣсть вамъ въ томъ никакого грѣха, толко вы отнемъ тую землю и воду отъ дому св. Троица, да мнѣ дайте въ монастырь, а то язъ вѣдаю" (т. IV, стр. 237-8).

Помѣстивъ такую характерную замѣтку, лѣтописецъ, къ сожалѣнію, не разъяснилъ намъ: подобный поступокъ игумена представлялъ ли собою явленіе исключительное или былъ явленіемъ въ средѣ псковскаго монашества весьма распространеннымъ? Въ послѣднемъ случаѣ замѣтка была бы очень цѣнною для характеристики юридическихъ взглядовъ мѣстнаго монашества и его отношенія къ общественнымъ дѣламъ.

Другимъ источникомъ по исторіи псковскаго монашества служитъ Псковская Судная Грамота—XIV в. [1]). Это—памятникъ не историческій, а правовой; въ немъ, поэтому, нѣтъ фактическихъ свѣдѣній о монашествѣ, а есть лишь указанія на формально-юридическое его положеніе, на права и преимущества, которыя закономъ предоставлялись этому церковному институту. Статьи Грамоты получаютъ свой интересъ при сопоставленіи ихъ съ самыми актами судопроизводства по дѣламъ монастырскимъ, какъ они изложены въ монастырскихъ документахъ. Въ Грамотѣ встрѣчаемъ подтвержденіе извѣстій другихъ памятниковъ о существованіи у монаховъ частной собственности, о занятіяхъ монастырей торговлею, о зависимости монаховъ въ судебномъ отношеніи отъ владычняго намѣстника Эти свѣдѣнія интересны опять потому, что они разъясняютъ намъ, какъ смотрѣло мѣстное общество на такія недозволительныя съ канонической точки зрѣнія явленія въ монастырской жизни, какъ, напр., торговля [2]).

При оцѣнкѣ лѣтописныхъ извѣстій о монашествѣ имѣло бы свое значеніе точное рѣшеніе вопроса: откуда почерпалъ свои извѣстія о монастыряхъ лѣтописецъ? Къ сожалѣнію, у него нѣтъ для этого какихъ-либо прямыхъ данныхъ, и потому приходится рѣшать этотъ вопросъ лишь предположительно.

Несомнѣнно, что значительная часть извѣстій могла быть сдѣлана на основаніи личныхъ наблюденій лѣтописца; но это не исключаетъ возможности, что лѣтописецъ пользовался и монастырскими записями, особенно когда ему приходилось говорить о событіяхъ давнихъ. Что въ монастыряхъ велись записи о времени построенія церквей, о чудесныхъ событіяхъ, происходившихъ въ монастыряхъ, поминальныя записи и хозяйственныя замѣтки,—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Сохранились, по крайней мѣрѣ, позднѣйшія записи, XV—XVII в.в., представляющія собою частію копіи, частію обработку записей древнѣйшихъ. О времени построенія храма есть, напр., запись (подновленная) на иконостасѣ Успенской церкви Святогорскаго монастыря. Сохранились въ спискахъ XVII в. синодики большинства извѣстныхъ псковскихъ монастырей, и о синодикѣ Печерскаго монастыря знаемъ, что въ краткой формѣ, въ видѣ „поминанья церковнаго", онъ существовалъ еще въ начальную пору исторіи монастыря. Есть записи о чудесныхъ событіяхъ, сдѣланныя на предметахъ, съ которыми соединялась память объ этихъ событіяхъ. Такъ, напр., на древнемъ паникадилѣ Ивановскаго монастыря, предъ иконою Спасителя, имѣется запись о чудесномъ истеченіи мира отъ иконы въ продолженіе 12 дней. На иконѣ Богоматери Любятов. церкви (бывш. м-ря) помѣщена замѣтка о посѣщеніи монастыря Іоанномъ IV наканунѣ предполагавшагося разгрома Пскова. Въ ней разсказывается, что колокольный звонъ къ утренѣ

---

[1]) Мы обще опредѣляемъ время написанія Пск. С. Грамоты. Болѣе подробныя опредѣленія см. у проф. Сергѣевича: „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи рус. права", 2 изд. Спб. 1899 г., стр. 29—30.

[2]) Пск. Суд. Грам. изд. 2. Одесса 1868 г. стр. 6, 15.

въ Псковѣ умиротворяюще подѣйствовалъ на жестокаго царя, и, умилившись душою, Грозный приказалъ своимъ приближеннымъ прекратить убійства. На иконѣ Б. М. въ покровской церкви (б. м.) помѣщено подробное описаніе явленія Б. М. въ сонмѣ псковскихъ подвижниковъ слѣпцу Дороѳею, въ 1581 г. [1]). По свидѣтельству печерскаго лѣтописца, послѣднее чудо было описано какимъ-то пѣвцомъ Митрофаномъ.

Разсказы о первыхъ двухъ событіяхъ мы находимъ и въ лѣтописяхъ: подъ 1243 г. въ I Новгор. (изд. 1888 г. стр. 262—3), подъ 1570 въ I Псков. лѣтописи (стр. 343),—въ Новг. въ болѣе краткой, въ Псковской въ болѣе подробной передачѣ, чѣмъ въ записяхъ.

Конечно, наличность этихъ разсказовъ въ лѣтописяхъ не говоритъ еще, чтобы лѣтописецъ непремѣнно пользовался монастырскими о нихъ записями. Записи и лѣтописный разсказъ могли составляться независимо однѣ отъ другого. Но анализъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій о монашествѣ даетъ основаніе предполагать дѣйствительную зависимость лѣтописи отъ старинныхъ монастырскихъ записей. Примѣръ этому можно видѣть въ одномъ изъ раннѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о монашествѣ, подъ 1299 г. Извѣстіе подъ этимъ годомъ въ I Пск. лѣт. приведено въ двухъ редакціяхъ: въ формѣ краткой, первоначальной записи и—болѣе подробной.

Первоначальная запись.

6807 г. „Тоя же зимы изгониша нѣмцы ратію посадъ у Плескова мѣсяца марта въ 4 д., избиша черньцы, и черници и убогыя и жены и малыя дѣтки, а мужи Богъ ублюде.

т. IV стр. 180. Ср. т. III, подъ 6806 г. стр. 304.

За первоначальность этой записи говоритъ и написаніе: „Плесковъ," вмѣсто позднѣйшаго—„Псковъ".

Распространенная.

Тоя же зимы, грѣхъ ради нашихъ, изгониша нѣмцы изгонною ратью посадъ у Пскова, въ лѣто 6807, мѣсяца марта въ 4 д., на память св. муч. Павла и Ульяны, и избиша игумены; тогда убіенъ бысть Василій игуменъ св. Спаса, Іосифъ прозвитеръ, Іасафъ игуменъ святѣй б-цѣ Снятной Горѣ и съ ними 17 мнихов и черньца и черница и убогія и жены и малыя дѣтки, а мужей Богъ ублюде.

ib. стр. 182, ср. т. V, стр. 7.

Очевидно, что имена убитыхъ нѣмцами псковскихъ иноковъ заимствованы лѣтописцемъ изъ синодиковъ Мирожскаго и Снѣтогорскаго монастырей.

Одинаковый источникъ имѣетъ для себя и первое лѣтописное извѣстіе о монашествѣ, подъ 1272 г.: „и веемъ же игуменъ Сидоръ мечь, и весь іерѣйскій чинъ, препоясавше мечемъ, и благословиша и отпустиша" Довмонта на битву съ нѣмцами (т. IV стр. 182). Біографъ Довмонта доба-

---

[1]) Князевъ А. „Указатель достопам. г. Пскова", М. 1858 г., стр. 33, 37, 13—16. Свящ. Лебедевъ. „Погостъ Любятово", стр. 2.

нетъ: „Исидоръ, игуменъ Спасо-Мирожскаго монастыря“ [1]). И здѣсь имя умена заимствовано, вѣроятно, изъ старинной записи или монастырской, и троицкой.

Вообще фактъ пользованія лѣтописцемъ старинными монастырскими писями представляется весьма вѣроятнымъ. Но эти записи еще больше гли пригодиться для спеціально монастырскихъ историковъ. У нихъ мы трѣчаемъ уже прямыя извѣстія о пользованіи старинными монастырскими писями. Теперь мы и перейдемъ къ обзору этой второй групы источнивъ по исторіи мѣстнаго монашества.

Однимъ изъ болѣе раннихъ и болѣе достовѣрныхъ памятниковъ мостырской исторіи является лѣтопись Псково-Печерскаго монастыря.

Лѣтопись Псково-Печерскаго монастыря сохранилась въ двухъ редакяхъ: начальной, краткой, составленной въ первой половинѣ XVI в., и зднѣйшей, представляющей собою продолженіе начальной и ея переботку, писанной въ концѣ того же вѣка и дополненной, затѣмъ, нѣкорыми статьями въ началѣ XVII в.

При изученіи первой редакціи мы пользуемся двумя ея рукописными исками: библ. Тр. Сер. Л., № 679, XVII в., и Волок. библ.—М. Д. А. 659, XVI в. Здѣсь этотъ памятникъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: „О перьскомъ монастырѣ во Псковѣ“, которое представляетъ собою сокраніе болѣе полнаго заглавія другихъ списковъ. Судя по указаніямъ роева и митр. Евгенія, памятникъ этотъ имѣетъ, впрочемъ, различныя званія: 1) „Повѣсть о началѣ печерскаго монастыря, иже во градѣ сковѣ“, 2) „Повѣсть о началѣ печерскаго монастыря, предлежащаго близъ вонскіе земли“ и 3) „Сказаніе, откуду бысть прозваніе печерскому монаырю во Псковѣ“ [2]). Въ сущности, ни одно изъ этихъ названій не даетъ мъ точнаго представленія ни объ объемѣ этого памятника, ни о характерѣ его содержанія, такъ какъ названія: „повѣсть“ и „сказаніе“, очень спространенныя въ древне-русской письменности, не заключали въ себѣ чной терминологіи и нерѣдко прилагались къ такимъ памятникамъ, которые своему содержанію менѣе всего могутъ быть названы историческими. Правильнѣе назвать письменный источникъ исторіи Псково-печерскаго монаыря лѣтописью, такъ какъ онъ, по справедливому замѣчанію Строева, представляетъ собою „полную хронику“ событій этой обители. Но разумѣется, о и послѣднее названіе можетъ быть усваиваемо разсматриваемому памятку не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно усваивается древне-русскимъ лѣтосямъ. Монастырская хроника не могла, конечно, представлять собою годной записи монастырскихъ событій. Для такой систематической зачи не хватало матеріала и у русскихъ лѣтописцевъ, нерѣдко оставившихъ пустыя мѣста или ограничивавшихся замѣтками въ родѣ того, что

[1]) Повѣсть о нач. Пск. Печер. м-ря. М. 1831 г. стр. 34 об.

[2]) Строевъ. Библ. слов. и черн. къ нему матеріалы. Спб. 1882 г. стр. 380, 2. М. Евгеній. Словарь ист. о писат. духов. чина 1827 г. изд. 2, т. I стр. 340.

„въ сіе лѣто ничтоже бысть“. Тѣмъ больше такихъ пустыхъ мѣстъ могло быть у монастырскаго лѣтописца, особенно по отношенію къ событіямъ начальной исторіи монастырской жизни. Отсюда, названіе: „лѣтопись“ болѣе относится къ характеру этого памятника, какъ въ полномъ смыслѣ историческаго труда, чѣмъ къ внѣшнему его составу.

Начальная лѣтопись была составлена въ печерскомъ монастырѣ игуменомъ Корниліемъ, въ 1531 г. Эту хронологическую дату находимъ въ концѣ рукописныхъ ея списковъ. „Написана же бысть сія повѣсть въ лѣто 7039, при державѣ государя великаго князя Василія Ивановича всея русіи и при архіепископѣ великаго Новограда и Пскова владыки Макарія“ [1]). Замѣтка эта относится къ окончанію работы, время же составленія этого памятника приблизительно можетъ быть опредѣлено упоминаемыми въ предисловіи именами печерскихъ игуменовъ Дороѳея и Герасима, изъ которыхъ первый управлялъ монастыремъ въ 1523—1526 г.г., второй—до 1529 г. По благословенію этихъ настоятелей, и взялся авторъ за свою работу.

Въ предисловіи разъяснены и причины, вызвавшія составленіе повѣсти, а равно указаны и тѣ задачи, которыя преслѣдовалъ въ этомъ случаѣ ея составитель. Именно: о происхожденіи монастыря и о жизни перваго его инока ходили въ то время самые разнообразные и невѣрные толки. Имъ нужно было положить конецъ, представить болѣе точное и вѣрное описаніе начальныхъ событій печерской жизни, и эту задачу возложили на автора повѣсти игуменъ и братія Печерской обители [2]). Но кромѣ этой чисто исторической цѣли составитель имѣлъ въ виду и цѣль болѣе общаго, назидательнаго характера: сохранить въ памяти монаховъ „предивная и досточюдная благодѣянія въ земли сей паче жъ въ томъ святѣмъ мѣстѣ печерномъ пречистою богородицею“, о которыхъ также не было точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній [3]). Въ концѣ своего предисловія самъ авторъ точнѣе опредѣляетъ содержаніе своей повѣсти, а равно указываетъ и источники, на основаніи которыхъ она составлена. „Испытавше отъ старыхъ человѣкъ и ту жившихъ близъ монастыря пречистыя, яже суть истинна и не ложна; свидѣтель же сему богъ и богородица: ничтоже вписа отъ своего ума еже не бѣ, но еже бысть и бываетъ, и яже слышахомъ, иная же и видѣхомъ, и, извопрошавше правое, положихомъ писаніемъ памяти ради и единорѣчія по насъ братіямъ, како

---

[1]) Рук. № 679. Т. С. Л. л. 218.

[2]) „По благословенію отецъ, и иже преже мене бывшихъ здѣ игуменъ и священноинокъ Дороѳея и Герасима, иже быша въ та лѣта, яже строился новый сей монастырь, и по совѣту и проразсуженіемъ всѣхъ яже о Христѣ братіи нашея повелѣно бысть мнѣ худому и грѣшному написати сія, помыслившимъ о семъ имъ и рекшимъ: яко нелѣпо есть пречистыя богородица чюдесемъ и явленіе сего мѣста и перваго началника глаголатися отъ нѣкихъ человѣкъ, овъ сице, і инже инако“. л. 210.

[3]) ib. л. 209 об.

кровенно бысть сіе святое мѣсто и кимъ содѣлана бысть церкви богодичина въ горѣ и по колицѣхъ лѣтехъ та же церкви болши содѣлана ысть и преселеніе въ новый монастырь, яже въ долу (л. 210 об.). Тамъ образомъ, со стороны содержанія начальная повѣсть можетъ быть раздѣлена на двѣ части: исторію возникновенія Псково-печерскаго монастыря и исторію дальнѣйшаго его устройства до 1529 г., т. е. до начала гуменства самого Корнилія. Источниками ея послужили частію устные разсказы монастырскихъ старцевъ и сосѣднихъ міранъ, частію личныя наблюденія и воспоминанія составителя. Къ числу первыхъ относятся разсказы снѣтогорскаго инока Патермуфія,—пасынка Ивана Дементьева, во владѣніи котораго находилось мѣсто, занятое впослѣдствіи монастыремъ. Въ семействѣ Дементьева сохранялись, несомнѣнно, точныя воспоминанія и свѣдѣнія о начальной исторіи Печерскаго монастыря. По разсказамъ Патермуфія составлены слѣдующіе отдѣлы повѣсти: объ открытіи Богомъ данныхъ пещеръ, о приходѣ и жизни здѣсь перваго инока Іоны, о построеніи имъ церкви въ пещерахъ, о надѣленіи Дементьевымъ новаго монастыря землею и о смерти Іоны [1]). Первый отдѣлъ: „объ откровеніи сего святаго мѣста“, составленъ на основаніи разсказовъ изборскаго поселянина Селиша, человѣка въ то время стараго („старъ сый“), который вмѣстѣ съ отцемъ, во время охоты, слышалъ на мѣстѣ, занимаемомъ монастыремъ, „въ часъ церковнаго пѣнія, гласы неизреченно поющихъ“ и благоуханіе, хотя и не умѣлъ объяснить, чьи это были „прекрасные гласы“. Составитель отъ себя сдѣлалъ объясненіе къ этому разсказу, сказавъ: „отъ насъ же мнится, яко быти сіе нѣкое явленіе ангельское и благодать св. Духа освящающе мѣсто то, яко хотящу Богу показати свою великую милость въ томъ мѣстѣ пречистою Богородицею“ [2]). Къ числу старыхъ людей, жившихъ близъ монастыря, отъ которыхъ добывались свѣдѣнія, можно также отнести и упоминаемаго въ повѣсти нѣкоего Захарія, которому самъ преп. Іона передавалъ о неоднократно („многажды“) слышанномъ имъ ангельскомъ пѣніи во вновь устроенной церкви. Впрочемъ, въ текстѣ памятника нѣтъ указаній, чтобы составитель повѣсти лично бесѣдовалъ съ Захаріей; его разсказъ могъ быть записанъ по сообщеніямъ уже другихъ лицъ. И къ этому разсказу авторъ дѣлаетъ поясненіе, совершенно сходное съ помѣщеннымъ выше, въ концѣ разсказа Селиши [3]). Изъ числа

[1]) Послѣ разсказа объ открытіи пещеръ составитель замѣчаетъ: „о семъ же явленіи сказаваше намъ инокъ Терну̀ѳіе снятогорьскаго монастыря, иже пасынокъ тому Ивану Подгорьскому бысть; и иная же и прочая отъ того жъ слышахомъ“. л. 211 об.

[2]) ib. л. 211 и 210 об.

[3]) Яко жъ и самъ той преже бывшій Іона священникъ сказываше нѣкоему человѣку Захаріи Кляпину о семъ, яко многажды, рече, слышахъ пѣнія бывающая въ церкви Богородичины. Сіе же все предвозвѣщаемо бываше отъ ангелъ Божіихъ, яко хочетъ Богъ и пр. Богородица в той святей церкви безпрестани славима быти, яже нынѣ и збыстьcя отъ насъ бываемое славословіе къ Богу во вся дни приношеніемъ и пѣсньми духовными. (л. 215).

такихъ же лицъ, какъ Захарія, т. е. лицъ, отъ которыхъ шли разсказы, упоминается еще нѣкто Иванъ Долгій, который, проѣзжая ночью вблизи монастыря, увидѣлъ „свѣтъ стоящъ яко облакъ надъ монастыремъ" и подумавъ, что въ монастырѣ пожаръ, поспѣшилъ туда на помощь. Видѣніе это относится уже ко времени устройства новаго, внѣпещернаго монастыря, и, повидимому, разсказъ о немъ слышалъ самъ составитель, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ его словъ: „сія жъ намъ онъ исповѣда, мы же прославихомъ Бога и пречистую Богородицу" [1]). Но больше всего было безъименныхъ разсказчиковъ, изъ которыхъ одни слышали пѣніе и видѣли неизвѣстно кѣмъ зажженныя въ монастырской церкви свѣчи, другіе, подобно Селишѣ, ощущали особое благоуханіе. Изъ числа этихъ безъименныхъ разсказчиковъ нужно выдѣлить упоминаемыхъ пятнадцать человѣкъ „сызборьскаго града", посланныхъ „для поимки языка" во время перваго нападенія нѣмцевъ на обитель. На основаніи ихъ разсказовъ описаны подробности безчиній, допущенныхъ непріятелями въ монастырской церкви, и чудеснаго наказанія, обратившаго безчинниковъ въ бѣгство. По замѣчанію составителя повѣсти, въ это время въ монастырѣ не было никого изъ монаховъ [2]). Нужно думать, что всѣ такіе разсказы окрестныхъ жителей были хорошо извѣстны въ монастырѣ, и составителю повѣсти не было, слѣдовательно, нужды самому разспрашивать живыхъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій.

Меньше свѣдѣній, по крайней мѣрѣ изъ начальной исторіи монастыря, можно было найти среди самихъ иноковъ, такъ какъ, по свидѣтельству повѣсти, монастырское братство въ начальную пору было очень маленькое, состояло изъ двухъ-трехъ человѣкъ, а иной разъ монастырь дѣлался и совсѣмъ необитаемымъ, какъ, напр., при первомъ разореніи обители. Но все-таки и здѣсь составитель кое-что узнавалъ въ дополненіе къ разсказамъ мірянъ. Такъ, онъ самъ говоритъ, что чудесный свѣтъ надъ монастыремъ приходилось видѣть нѣкоторымъ и изъ монаховъ. Такимъ образомъ, разсказы мірянъ находили для себя подтвержденіе и со стороны монастырской братіи, заслуживавшей, конечно, большаго довѣрія [3]). Затѣмъ, многое могъ узнать составитель повѣсти отъ игуменовъ Дорофея и Герасима, „иже быша въ та лѣта, яже строился новый сей монастырь" [4]). На основаніи исключительно монастырскихъ преданій сдѣланы замѣтки: объ устройствѣ „ветхаго" монастыря священноинокомъ Мисаиломъ, о его преем-

---

[1]) л. 215 и об. О времени видѣнія сказано: „егда строился новый сей монастырь". л. 215.

[2]) „Нѣкогда же нашедшимъ нѣмцомъ ратію на сіе мѣсто, игумену и братіи монастыря пречистыя бого родицы отбѣгшимъ", л. 214. И къ этимъ разсказамъ авторомъ сдѣлано поясненіе: „вся же сіе бысть помощію пречистыя Богородицы", л. 214 об.

[3]) Нѣцыи жъ отъ нашихъ братій многажды видяху свѣтъ въ нощи, стоящъ надъ монастыремъ пречистыя, яже въ долу; и не отъ нашихъ же точію видѣвше, но и отъ мірскихъ". л. 215.

[4]) л. 210.

никахъ, непоименованныхъ авторомъ, о малочисленности первоначальнаго братства и вообще о неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ развитія монастырской жизни: о скудости, убожествѣ и объ опасностяхъ пограничнаго положенія монастыря, требовавшихъ отъ первыхъ насельниковъ св. мѣста великаго терпѣнія. Въ пору составленія повѣсти въ монастырѣ эти преданія не были еще записаны. Но возможно предположить, что преп. Корнилій пользовался „церковнымъ поминаньемъ“, т. е. монастырскимъ синодикомъ, въ которомъ были записаны имена первыхъ иноковъ. По свидѣтельству продолжателя повѣсти, этотъ синодикъ былъ заведенъ раньше Корнилія, однимъ изъ первыхъ игуменовъ, и былъ извѣстенъ преподобному.

Всѣ эти отмѣченные устные разсказы имѣютъ свою безусловную цѣнность, во-первыхъ, потому, что они принадлежатъ или современникамъ и очевидцамъ описанныхъ событій, какими, напр., были Селиша и Иванъ Долгій, или лицамъ, передававшимъ со словъ очевидцевъ, какъ, напр., инокъ Патермуфій. Во-вторыхъ, будучи собраны въ монастырѣ, различныя преданія и разсказы еще до составленія повѣсти были уже и провѣрены, часть ихъ была признана не заслуживающею довѣрія, такъ какъ, по словамъ памятника, въ нихъ „нелѣпо“ (л. 210), т. е. несоотвѣтственно съ важностію событій, передавалась начальная исторія обители и чудесъ Богоматери. Но цѣнность описаній, составленныхъ на основаніи устныхъ разсказовъ, увеличивается еще тѣмъ, что и самъ составитель повѣсти относился критически къ своимъ источникамъ, пользовался лишь тѣмъ, что заслуживало полнаго довѣрія. Такъ, у него мы не находимъ не только описанія жизни, но даже и упоминанія о первомъ изъ печерскихъ старцевъ—преп. Маркѣ, такъ какъ разсказы о немъ, по замѣчанію продолжателя начальной лѣтописи, показались преп. Корнилію невѣроятными. Пропускъ такого факта, дававшаго возможность менѣе разборчивому въ историческихъ показаніяхъ списателю отнести къ болѣе раннему времени начальную страницу исторіи Псково-печерской обители, уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, съ какимъ вниманіемъ относился составитель повѣсти къ исполненію возложеннаго на него дѣла и какъ осторожно онъ пользовался своими источниками. Также внимательно относился Корнилій и къ внѣшней сторонѣ своей работы. Составленныя по разсказамъ описанія не страдаютъ излишними подробностями въ ихъ изложеніи и въ личныхъ авторскихъ объясненіяхъ. Внѣшняя форма соотвѣтствуетъ содержанію разсказовъ, и съ этой стороны составитель повѣсти является однимъ изъ рѣдкихъ монастырскихъ списателей, чуждыхъ стремленія украшать свой разсказъ и увеличивать его объемъ различными риторическими амплификаціями.

Кромѣ устныхъ разсказовъ, источникомъ начальной лѣтописи послужили еще личныя наблюденія и воспоминанія составителя; какъ самъ онъ говоритъ: „иная же и видѣхомъ“ (л. 210 об.). Воспоминанія эти относятся, впрочемъ, уже къ позднѣйшему времени. Преп. Корнилій скончался въ 1570-мъ году, на 69 году своей жизни, по свидѣтельству монастырской подробной лѣтописи, пробывъ игуменомъ 41 годъ. Если эта хронологія вполнѣ точна, то выходитъ, что онъ возведенъ былъ на игуменство

такихъ же лицъ, какъ Захарія, т. е. лицъ, отъ которыхъ шли разсказы, упоминается еще нѣкто Иванъ Долгій, который, проѣзжая ночью вблизи монастыря, увидѣлъ „свѣтъ стоящъ яко облакъ надъ монастыремъ“ и подумавъ, что въ монастырѣ пожаръ, поспѣшилъ туда на помощь. Видѣніе это относится уже ко времени устройства новаго, внѣпещернаго монастыря, и, повидимому, разсказъ о немъ слышалъ самъ составитель, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ его словъ: „сія жъ намъ онъ исповѣда, мы же прославихомъ Бога и пречистую Богородицу“ [1]). Но больше всего было безъименныхъ разсказчиковъ, изъ которыхъ одни слышали пѣніе и видѣли неизвѣстно кѣмъ зажженныя въ монастырской церкви свѣчи, другіе, подобно Селишѣ, ощущали особое благоуханіе. Изъ числа этихъ безъименныхъ разсказчиковъ нужно выдѣлить упоминаемыхъ пятнадцать человѣкъ „сызборьскаго града“, посланныхъ „для поимки языка“ во время перваго нападенія нѣмцевъ на обитель. На основаніи ихъ разсказовъ описаны подробности безчиній, допущенныхъ непріятелями въ монастырской церкви, и чудеснаго наказанія, обратившаго безчинниковъ въ бѣгство. По замѣчанію составителя повѣсти, въ это время въ монастырѣ не было никого изъ монаховъ [2]). Нужно думать, что всѣ такіе разсказы окрестныхъ жителей были хорошо извѣстны въ монастырѣ, и составителю повѣсти не было, слѣдовательно, нужды самому разспрашивать живыхъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій.

Меньше свѣдѣній, по крайней мѣрѣ изъ начальной исторіи монастыря, можно было найти среди самихъ иноковъ, такъ какъ, по свидѣтельству повѣсти, монастырское братство въ начальную пору было очень маленькое, состояло изъ двухъ-трехъ человѣкъ, а иной разъ монастырь дѣлался и совсѣмъ необитаемымъ, какъ, напр., при первомъ разореніи обители. Но все-таки и здѣсь составитель кое-что узнавалъ въ дополненіе къ разсказамъ міряиъ. Такъ, онъ самъ говоритъ, что чудесный свѣтъ надъ монастыремъ приходилось видѣть нѣкоторымъ и изъ монаховъ. Такимъ образомъ, разсказы мірянъ находили для себя подтвержденіе и со стороны монастырской братіи, заслуживавшей, конечно, большаго довѣрія [3]). Затѣмъ, многое могъ узнать составитель повѣсти отъ игуменовъ Дорофея и Герасима, „иже быша въ та лѣта, яже строился новый сей монастырь“ [4]). На основаніи исключительно монастырскихъ преданій сдѣланы замѣтки: объ устройствѣ „ветхаго“ монастыря священноинокомъ Мисаиломъ, о его преем-

[1]) л. 215 и об. О времени видѣнія сказано: „егда строился новый сей монастырь“. л. 215.

[2]) „Нѣкогда же нашедшимъ нѣмцомъ ратію на сіе мѣсто, игумену и братіи монастыря пречистыя бого родицы отбѣгшимъ“, л. 214. И къ этимъ разсказамъ авторомъ сдѣлано поясненіе: „вся же сіе бысть помощію пречистыя Богородицы“, л. 214 об.

[3]) Нѣцыи жъ отъ нашихъ братій многажды видяху свѣтъ въ нощи, стоящъ надъ монастыремъ пречистыя, яже въ долу: и не отъ нашихъ же точію видѣвше, но и отъ мірскихъ“. л. 215.

[4]) л. 210.

никахъ, непоименованныхъ авторомъ, о малочисленности первоначальнаго братства и вообще о неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ развитія монастырской жизни: о скудости, убожествѣ и объ опасностяхъ пограничнаго положенія монастыря, требовавшихъ отъ первыхъ насельниковъ св. мѣста великаго терпѣнія. Въ пору составленія повѣсти въ монастырѣ эти преданія не были еще записаны. Но возможно предположить, что преп. Корнилій пользовался „церковнымъ поминаньемъ“, т. е. монастырскимъ синодикомъ, въ которомъ были записаны имена первыхъ иноковъ. По свидѣтельству продолжателя повѣсти, этотъ синодикъ былъ заведенъ раньше Корнилія, однимъ изъ первыхъ игуменовъ, и былъ извѣстенъ преподобному.

Всѣ эти отмѣченные устные разсказы имѣютъ свою безусловную цѣнность, во-первыхъ, потому, что они принадлежатъ или современникамъ и очевидцамъ описанныхъ событій, какими, напр., были Селиша и Иванъ Долгій, или лицамъ, передававшимъ со словъ очевидцевъ, какъ, напр., инокъ Патермуфій. Во-вторыхъ, будучи собраны въ монастырѣ, различныя преданія и разсказы еще до составленія повѣсти были уже и провѣрены, часть ихъ была признана не заслуживающею довѣрія, такъ какъ, по словамъ памятника, въ нихъ „нелѣпо“ (л. 210), т. е. несоотвѣтственно съ важностію событій, передавалась начальная исторія обители и чудесъ Богоматери. Но цѣнность описаній, составленныхъ на основаніи устныхъ разсказовъ, увеличивается еще тѣмъ, что и самъ составитель повѣсти относился критически къ своимъ источникамъ, пользовался лишь тѣмъ, что заслуживало полнаго довѣрія. Такъ, у него мы не находимъ не только описанія жизни, но даже и упоминанія о первомъ изъ печерскихъ старцевъ—преп. Маркѣ, такъ какъ разсказы о немъ, по замѣчанію продолжателя начальной лѣтописи, показались преп. Корнилію невѣроятными. Пропускъ такого факта, дававшаго возможность менѣе разборчивому въ историческихъ показаніяхъ списателю отнести къ болѣе раннему времени начальную страницу исторіи Псково-печерской обители, уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, съ какимъ вниманіемъ относился составитель повѣсти къ исполненію возложеннаго на него дѣла и какъ осторожно онъ пользовался своими источниками. Также внимательно относился Корнилій и къ внѣшней сторонѣ своей работы. Составленныя по разсказамъ описанія не страдаютъ излишними подробностями въ ихъ изложеніи и въ личныхъ авторскихъ объясненіяхъ. Внѣшняя форма соотвѣтствуетъ содержанію разсказовъ, и съ этой стороны составитель повѣсти является однимъ изъ рѣдкихъ монастырскихъ списателей, чуждыхъ стремленія украшать свой разсказъ и увеличивать его объемъ различными риторическими амплификаціями.

Кромѣ устныхъ разсказовъ, источникомъ начальной лѣтописи послужили еще личныя наблюденія и воспоминанія составителя; какъ самъ онъ говоритъ: „иная же и видѣхомъ“ (л. 210 об.). Воспоминанія эти относятся, впрочемъ, уже къ позднѣйшему времени. Преп. Корнилій скончался въ 1570-мъ году, на 69 году своей жизни, по свидѣтельству монастырской подробной лѣтописи, пробывъ игуменомъ 41 годъ. Если эта хронологія вполнѣ точна, то выходитъ, что онъ возведенъ былъ на игуменство

очень молодымъ человѣкомъ, 27—28 лѣтъ. Несомнѣнно, что нѣкоторое, хоть и непродолжительное, время онъ прожилъ въ монастырѣ въ числѣ рядовой братіи. Такимъ образомъ, время его прихода въ Печерскій монастырь можно отнести ко времени игуменства Дороѳея или Герасима. Судя по выраженію Корнилія объ этихъ игуменахъ, что они „быша въ та лѣта, яже строился сей монастырь", можно думать, что самъ преподобный не былъ еще въ обители до 1523 г., т. е. до освященія вновь построенной Успенской церкви. Но и послѣ этого составителю повѣсти пришлось еще лично наблюдать скудость и убожество печерской обители, какъ видно изъ собственныхъ его словъ. Именно: сказавъ, что при предшественникахъ Дороѳея часто не доставало въ монастырѣ хлѣба для братіи и что, получая отъ благотворителей жито и овесъ, монахи, ссыпавъ зерна вмѣстѣ, мололи своими руками и изъ этой смѣси приготовляли для себя хлѣбъ,— онъ, затѣмъ, дополняетъ: „такихъ же хлѣбовъ и азъ застахъ въ томъ монастырѣ" (л. 214). Это убожество монастырское продолжалось и все время игуменства Дороѳея и Герасима, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ повѣсти: „бѣ убо при нихъ игуменствѣ во всемъ было скудость и терпѣнія великаго потреба въ то время бываетъ" (л. 217).

Главное дѣло, совершенное при игуменѣ Дороѳеѣ: поставленіе Успенскаго храма, авторомъ описано подробно. Онъ отмѣчаетъ „велико тщаніе", проявленное Дороѳеемъ, и тѣ „многи" труды, которые пришлось перенести малочисленному тогда, состоявшему всего изъ 6-ти человѣкъ, печерскому братству. На своихъ плечахъ игуменъ и братія переносили съ ветхаго монастыря на новое мѣсто келіи и трапезу. Изъ числа этихъ братій, какъ особенно ревностный помощникъ настоятелю, упоминается старецъ Филаретъ (л. 216). Здѣсь же авторъ повѣсти отмѣчаетъ и помощь обители со стороны христолюбцевъ, на пожертвованія которыхъ нанимались „древодѣли". Первое мѣсто между этими христолюбцами занималъ дьякъ великаго князя Мисюрь Мунехинъ, о которомъ авторъ говоритъ, какъ о главномъ помощникѣ и благотворителѣ строившейся обители[1]).

Но составитель повѣсти не оканчиваетъ своихъ разсказовъ объ устройствѣ новаго монастыря, въ частности, ничего не говоритъ онъ о дѣятельности своего предшественника, игумена Герасима, которому пришлось продолжать неоконченное дѣло Дороѳея. Онъ лишь глухо замѣчаетъ о нестроеніяхъ въ монастырской жизни, мѣшавшихъ дѣлу окончательнаго внутренняго устройства монастыря. По проискамъ какого-то „враждолюбца", вынужденъ былъ оставить игуменство Дороѳей. Черезъ три года была прервана и дѣятельность Герасима, тоже „отъ нѣкихъ зломысленниковъ". Откуда шли эти вражда и зло—ничего не говоритъ авторъ повѣсти. Вѣроятно, какъ современнику описываемыхъ событій, ему не совсѣмъ было удобно

---

[1]) Посла жъ Богъ такихъ строитель, отъ кого мочно строитися: великаго князя діаку Мисурю Мунихину мѣсто и церковь пр. Богородицы видѣвшу и вѣру велику стяжа къ пр. Богородицы и начатъ спомогати къ строенію монастырскому. (л. 216).

останавливаться на подробностяхъ ихъ объясненія. Авторъ повѣсти ограничился лишь общею характеристикою этихъ игуменовъ-строителей, потрудившихся „Бога ради, а не мзды ради коея“ (л. 216 об.). Ничего не говоритъ Корнилій и о личныхъ своихъ трудахъ по устройству обители, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ, что въ пору составленія имъ повѣсти устройство обители уже закончилось, время скудости и убожества прошло, и въ монастырѣ „Божіею милостію и пр. Богородицы и великаго князя жалованьемъ“ водворилось довольство и даже изобиліе во всемъ. Въ заключеніе повѣсти авторъ дѣлаетъ общее замѣчаніе о чудесахъ, совершавшихся въ Печерскомъ монастырѣ, прославившихъ обитель не только среди окрестныхъ ея жителей—псковичей, но и среди иновѣрныхъ „латинянъ нѣмецкія земли“. Авторъ не считаетъ нужнымъ подробно говоритъ объ этихъ чудесахъ, такъ какъ они общеизвѣстны и настолько многочисленны, что ихъ „не мощно исчитати“. По его словамъ, онъ дѣлаетъ лишь начало ихъ записи: „сіе убо начало токмо вписахъ“ (л. 217 и об.). Выше, на л. 213 об., онъ отмѣчаетъ и первое чудо, происшедшее при освященіи первой церкви въ 1473 году. Этими замѣтками о чудесахъ авторъ выполняетъ, такимъ образомъ, первую цѣль своей работы: сохранить въ памяти потомковъ „дивная Божія чудеса“.

Нѣтъ нужды подробно говорить объ историческомъ значеніи разсмотрѣннаго нами памятника. Для изученія начальной исторіи Псково-печерской обители это—незамѣнимый источникъ, подобнаго которому не имѣетъ почти ни одна изъ древне-русскихъ обителей. Необходимо въ дополненіе къ характеристикѣ начальной печерской лѣтописи добавить лишь одну черту, по которой она является памятникомъ въ строгомъ смыслѣ историческимъ,—это точность хронологическихъ опредѣленій. Авторъ точно, съ обозначеніемъ года, именъ новгородскаго архіепископа и псковскаго намѣстника—князя опредѣляетъ время освященія церкви, построенной преп. Іоною. Еще точнѣе обозначено у него время начала работъ и время освященія второй церкви при игуменѣ Дороѳеѣ. Въ первомъ случаѣ, въ качествѣ хронологическихъ датъ, у него указаны: промежутокъ времени отъ освященія первой церкви—49 лѣтъ, и 12 лѣтъ, прошедшихъ съ того времени: „отъ внегда же бывшу благовѣрному вел. князю Василію Ивановичю всеа русіи въ своей отчинѣ во Псковѣ и посадниковъ болшихъ людей вывелъ“ (л. 215 об.). Во второмъ случаѣ указаны годъ и число: 7031, августа 15 (л. 216). Точно указано и время управленія монастыремъ игуменовъ Дороѳея и Герасима. Имѣя въ большинствѣ случаевъ въ монастырской письменности дѣло съ такими неопредѣленными обозначеніями событій начальной исторіи древне-русскихъ монастырей, какъ напр.: „многу времени минувшу“, „мало времени минувшу“,—изслѣдователь начальной лѣтописи еще болѣе дорожитъ точностію хронологическихъ датъ въ этомъ памятникѣ.

Помимо своего значенія для исторіи Псково-печерскаго монастыря, начальная лѣтопись имѣетъ и болѣе широкую историческую цѣнность. По отзыву проф. В. О. Ключевскаго, печерская лѣтопись представляетъ

собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ по исторіи русской колонизаціи и особенно цѣнна она для опредѣленія связи монастырской колонизаціи съ земскою [1]).

Литературный трудъ преп. Корнилія нашелъ для себя продолжателей въ Печерскомъ монастырѣ. Памятникомъ этой послѣдующей монастырской литературной работы является пространная лѣтопись, сохранившаяся въ рукописныхъ спискахъ первой половины и конца XVII в. Она имѣетъ слѣдующее заглавіе: „повѣсть списана о печерскомъ монастырѣ, иже во псковской земли и о Марцѣ печерскомъ, первомъ старцѣ, и о игуменѣхъ, въ ней же явлено вкратцѣ и о чудесѣхъ отъ иконы преч. Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, и о избавленіи града Пскова и обители отъ плѣненія въ нашествіе безбожнаго короля литовскаго Стефана Обатура“ [2]). Заглавіе это не совсѣмъ точно передаетъ содержаніе большинства рукописныхъ списковъ, имѣющихъ дополненія къ послѣдней статьѣ. Въ рукописныхъ спискахъ А. М. И. Д. № 399 и библіотеки Псково-печерскаго монастыря находимъ, кромѣ упомянутыхъ въ заглавіи, слѣдующія еще статьи: „о переложеніи мощей старцевъ печерскихъ“, „о крестохожденіи въ Псковѣ“ и подробное, а не вкратцѣ, описаніе чудесъ [3]).

Трудно рѣшить вопросы о томъ, кѣмъ именно составлена подробная монастырская лѣтопись, въ какое время и какой она имѣла первоначальный свой составъ. Нѣкоторыя руководящія указанія даетъ намъ, впрочемъ, рукописный списокъ библіотеки А. М. И. Д. № 470. Здѣсь мы имѣемъ болѣе ранній составъ лѣтописи, безъ дополнительныхъ статей, соотвѣтствующій приведенному выше заглавію. Въ концѣ, на л. 372 и об., разъяснены и обстоятельства составленія первыхъ трехъ статей. „Собраны жъ сія три повѣсти, отъ многихъ скудная, по благословенію господина Тихона, архіепископа Казанскаго, понуженіемъ печерскаго монастыря екклесіарха аввы Исаія, съ ними свидѣтельствомъ тоя обители игумена Никона, труды жъ и списканіемъ ихъ лѣностнаго послушника, именемъ буквъ численныхъ слогу: третьему сотое съ осьмымъ, паки жъ и съ третіемъ седмь десятое, сотое жъ паки съ десятымъ и тысящное“ (Григорія).

Въ позднѣйшей статьѣ: „о крестохожденіи“ упоминается „діакъ григорій иконникъ“, который, можетъ быть, и былъ одно лицо съ этимъ послушникомъ. Участіе архіепископа Тихона, по благословенію котораго произведена эта работа, легко выясняется. До поставленія въ архіепископа Казанскаго онъ былъ игуменомъ Печерскаго монастыря и именно во время осады монастыря и Пскова войсками Стефана Баторія [4]). Но

[1]) Д. Р. Ж. Св. стр. 250.

[2]) Заглавіе приводимъ по спискамъ библ. А. М. И. Д. № 470, гл. 18, л. 322 об., № 399 л. I и б-ки Печ. мон. л. I.

[3]) По монастырской рукописи л. 50—62, л. 62—85, 85—118. По архив. рук. № 399, л. 48—53, л. 65—82.

[4]) О Тихонѣ у еп. Амвросія „Ист. Рос. Іер.“ ч. I, М. 1807 стр. 99 и у Строева „Списки іер. и наст.“ стр. 287 и 385.

остается не совсѣмъ понятнымъ, принадлежитъ ли составленіе повѣсти самому Григорію и всѣ ли три статьи составлены однимъ и тѣмъ же лицомъ. По этимъ вопросамъ въ текстѣ памятника нѣтъ указаній. Содержаніе статей даетъ лишь право предположить одновременность ихъ происхожденія. Главная статья: объ избавленіи Пскова и обители отъ осады Стефана Баторія,—составлена вскорѣ послѣ этого событія и притомъ очевидцемъ и участникомъ въ защитѣ обители, какъ самъ онъ говоритъ въ концѣ своего разсказа. Не раньше этого времени составлены и двѣ предыдущія статьи: о началѣ монастыря и о первомъ печерскомъ старцѣ Маркѣ, такъ какъ онѣ основаны, главнымъ образомъ, на разсказахъ преемника Тихона—игумена Никона. Но работа по составленію лѣтописи началась еще до возведенія Тихона на архіепископскую каѳедру, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки автора къ разсказу о видѣніи Дороѳея: „якоже повѣдаша намъ той преждереченный игуменъ Тихонъ“ [1]), значитъ, не позднѣе 1583 г.. Сколько времени былъ игуменомъ Никонъ—не извѣстно, но въ 1587 году, какъ видно изъ предисловія къ описанію чудесъ, игуменомъ былъ уже Мелетій. Между 1583 и 1587 г. г. и составлена, значитъ, эта первая часть подробной лѣтописи. Ей вполнѣ соотвѣтствуетъ и замѣтка составителя, что о чудесахъ отъ иконы Богоматери здѣсь „явлено вкратцѣ“. И на самомъ дѣлѣ, кромѣ общей замѣтки на л. 371 об. о чудесахъ отъ иконы Умиленія, написанной Арсеніемъ Хитрошемъ, нѣтъ никакихъ новыхъ указаній по сравненію съ лѣтописью Корнилія.

Позднѣйшія статьи: о переложеніи мощей печерскихъ угодниковъ, описаніе чудесъ и чинъ крестохожденія, составлены при Мелетіи и Іоакимѣ, между 1587 г. и 1605—1621 [2]). Въ рукописномъ спискѣ Каз. Д. А. № 609, отъ 1632 г., помѣщено еще описаніе монастыря „въ настоящей сей въ 111-й (1603-й) годъ“ [3]). Въ рукописи библіотеки Печерскаго монастыря, списанной въ 1692 г. іеродіакономъ Питиримомъ, въ приложеніи къ лѣтописи, помѣщенъ позднѣе составленный списокъ игуменовъ и архимандритовъ Печерскаго монастыря [4]).

Самое видное мѣсто въ подробной лѣтописи занимаетъ собою описаніе осады Пскова и въ частности монастыря, раздѣленное на двѣ отдѣльныхъ статьи. Оно представляетъ собою законченный трудъ, сопро-

---

[1]) Монаст. лѣт. л. 26 об.—27. А. М. И. Д. № 399, л. 21 об.

[2]) Этимъ годомъ помѣчены: 46-е чудо въ Арх. рук. № 399 л. 81, и 54 въ спискѣ С. Б. № 564 (Строевъ стр. 378).

[3]) Ключевскій Д. Р. Ж. Св. стр. 315. Намъ этою статьею, съ сожалѣнію, не удалось воспользоваться.

[4]) Монаст. лѣт. л. 118 об. По указаніямъ Строева описаніе осады есть въ спискѣ Каз. Биб. № 609 и Новг.—Соф. соб., начала 18 в. Въ послѣдней съ слѣдующимъ заглавіемъ: „о нашествіи поганыя литвы и нѣмцевъ на обитель пресв. Б-цы на печерскій монастырь, и како взяша его, и о чюдеси пр. Б-цы, како избави обитель свою отъ поганыхъ“. (Строевъ Библ. сл. стр. 379—380). Въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается еще описаніе второй осады монастыря литовцами въ 1611 году.

вождаемый слѣдующею припискою автора: „обаче же, отци честніи и братія, долженъ сый пречистыя Богородицы тмою таланствъ, пребывая въ грубости лѣнивства и страхомъ Божіимъ одержимъ, бояхся забвенію предати за сіе, яко и азъ окаянный милостію и храненіемъ ея четверицею плѣненія и смерти отъ сопостатъ избавленъ, кромѣ внѣшнихъ нападеній. Сія же исповѣдахъ, преклоняя колѣни, молю ваше преподобіе: обаче аще кто инъ и выше насъ вѣсть исповѣдати отъ чюдесъ пречистыя Богородицы, и той да потщится и сія исправити и на среду превести и похваленія пѣсни принести, еже исперва богоблаженніи отци во святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви написана быша въ славу и честь единосущнѣй и животворящей и нераздѣлимѣй троицы О. и С. и св. Д. нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. аминь“ [1]).

Но списатель былъ очевидцемъ лишь осады монастыря, описаніе же осады Пскова имъ составлено по разсказамъ другихъ лицъ, бывшихъ въ то время въ Псковѣ: игумена Тихона, келаря Арсенія и демественника Ѳерапонта,—какъ видно изъ замѣтки о видѣніи кузнеца Дороѳея [2]). Изъ послѣднихъ словъ указанной замѣтки видимъ также, что при описаніи видѣнія Дороѳея авторъ пользовался и письменнымъ изложеніемъ этого событія, сдѣланнымъ пѣвцомъ Митрофаномъ.

Нападеніе Баторія на Псковъ авторъ повѣсти разсматриваетъ, какъ наказаніе Божіе „за умноженіе грѣхъ нашихъ и крамолы другъ на друга“, еще раньше вызвавшія „позорны смерти, преселеніе людемъ повелѣніемъ царя и имѣнью отъятіе“. Мысль эта ясно высказана и въ описаніи явленія Богоматери Дороѳею. Только по неотступнымъ слезнымъ просьбамъ преп. Корнилія, Антонія Печерскаго и св. Николая Юродиваго, повторереннымъ и другими явившимися святыми, Богоматерь преклонила на милость свой праведный гнѣвъ къ грѣшнымъ жителямъ града Пскова. Силою этой „возбранныя и непобѣдимыя Воеводы, Пресвятыя Владычицы Богородицы“ и былъ, собственно, побѣжденъ и посрамленъ страшный врагъ Пскова.

Судя по замѣчаніямъ автора, нападеніе на Псковъ Баторія не было неожиданнымъ. О немъ еще за 14 лѣтъ, въ 7076 г., предсказалъ „въ книзе—лѣтописаніи своемъ“ преп. Корнилій. И позднѣе или, какъ говоритъ составитель повѣсти: „въ настоящее время, предъ приходомъ короля“, многіе видѣли чудесное предзнаменованіе этого событія: лучи свѣта небеснаго надъ Домантовою стѣною [3]).

Съ особенною обстоятельностію описана авторомъ осада Печерскаго монастыря. Послѣдовательно описывая событія осады, авторъ точно ука-

---

[1]) Мон. рук. л. 59 об.—60. Архив. № 399 л. 45 об.—46 об.

[2]) „Яко же повѣдаша намъ той преждереченный игуменъ Тихонъ, и келарь Арсеній и демественникъ Ѳерапонтъ и писаніемъ нѣкто пѣвецъ Митрофанъ“. А. М. И. Д. № 399 л. 21 об. Отдѣльно описаніе явленія Богоматери Дороѳею помѣщено въ рукописи № $^{145}/_{212}$ А. М. И. Д., л. 205—209.

[3]) л. 20 об.—21. № 399.

ваетъ время отдѣльныхъ событій, отмѣчая иногда не только число и нь, но и часъ, когда какое изъ нихъ совершилось. Кромѣ личныхъ споминаній, онъ пользуется здѣсь разсказами другихъ лицъ, какъ защитковъ обители, такъ и тѣхъ изъ ея враговъ, которые были взяты въ ѣнъ въ началѣ и концѣ осады. Наконецъ, полностію приводитъ онъ амоту гетмана Яна Замойскаго, писанную на имя игумена Тихона, бывго тогда въ Псковѣ,—и отвѣтъ на нее инока Патермуфія. Но гораздо тереснѣе этихъ подробностей въ изложеніи взглядъ автора на описаня имъ событія и оцѣнка ихъ историческаго значенія. Геройская защита настыря далеко разнесла славу о печерской обители, сдѣлала ее извѣюю даже въ Римѣ и Царьградѣ. Объ этомъ разсказывалъ составителю вѣсти одинъ изъ плѣнниковъ—Косма Ляпуновъ, возвратившійся на дину изъ Царьграда. По словамъ автора, сами враги удивлялись геройву иноковъ, „укоризну себѣ износяща" за то, что не могли взять такого аленькаго городка, не имѣвшаго „воевъ храбрыхъ, кромѣ черцевъ и остыхъ людей". Удивляясь храбрости иноковъ, они даже склонны были ъяснять свои неудачи ихъ колдовствомъ. Составитель повѣсти иначе ѣнилъ и объяснилъ описанныя имъ событія. Причину успѣха онъ витъ въ милости и помощи Пречистой Богородицы, вѣра въ небесный кровъ Которой надъ обителію укрѣплялась различными видѣніями и десами. Описанію послѣднихъ онъ отводитъ значительное мѣсто въ своей овѣсти и обычно дѣлаетъ дополненія и объясненія отъ себя. Таковы зсказы о явленіи Богоматери юношѣ Іуліану (л. 33), о видѣніяхъ монастырскимъ старцемъ Стефаномъ Аникіевымъ преп. Варлаама Хутынскаго и иболовомъ Сергіемъ, по прозванію витая брада, „множества етеръ въ ѣлыхъ ризахъ надъ церковію Пречистыя Богородицы" (л. 34). По поводу ослѣдняго видѣнія авторъ дѣлаетъ отъ себя такую замѣтку: „сихъ юноей мню быти св. 40 мученикъ, иже въ Севастіи", въ честь которыхъ це при игуменѣ Дороѳеѣ былъ сооруженъ въ монастырѣ храмъ. Интесно, далѣе, что эти чудесныя видѣнія подтверждались, какъ передаетъ торъ повѣсти, и самими врагами: униграми и нѣмцами. По ихъ разскамъ, во время осады они тоже видѣли „множество вой въ бѣлыхъ ризахъ, ющихъ насъ". Они даже дополняли монастырскіе разсказы, передавая видѣніи „мужа стара", днемъ и ночью ѣздившаго на конѣ и появлявагося на стѣнѣ въ пробитыхъ мѣстахъ. По объясненію автора, это ылъ Николай Чудотворецъ, въ честь котораго былъ сооруженъ храмъ ри монастырскихъ вратахъ [1]). Словомъ, на ряду съ земными защитниами еще большее участіе въ борьбѣ съ врагами обители принимали ея ебесные покровители, которымъ преимущественно и была обязана своимъ охраненіемъ печерская обитель. Послѣдняя мысль ясно выражена автоомъ въ передачѣ того впечатлѣнія, которое произвели разсказы о монастырской защитѣ въ отдаленныхъ отъ обители мѣстахъ. По словамъ упо-

[1]) Сего мужа стара мню быти святаго Николая Чудотворца. По печ. д. повѣсти 1831 г. л. 10 об.

мянутаго выше цареградскаго плѣнника—Космы Ляпунова, даже турки, слушая доходившіе до нихъ разсказы о неудачахъ польскаго короля, говорили, что „аще бы и всея вселенныя царіе пришли на восхищеніе града онаго и монастыря, не бы могли взяти домъ Божій и Избавителя и Защитителя ихъ“ [1]).

Такимъ образомъ, повѣсть объ осадѣ Пскова и монастыря, представляя по своему содержанію подробный и довольно точный разсказъ очевидца описываемыхъ событій, по характеру своего изложенія является вмѣстѣ съ этимъ и назидательнымъ литературнымъ памятникомъ, несомнѣнно, вызывавшимъ у читателя глубокое уваженіе къ печерской обители и благоговѣніе къ ея святынямъ. Въ качествѣ назидательнаго чтенія эта повѣсть и предлагалась въ Псковѣ слушателямъ на трапезѣ послѣ богослуженія, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки позднѣйшихъ списковъ лѣтописи: „а на трапезѣ да чтется въ повѣсти печерской о нахожденіи литовскаго краля ко граду Пскову“ [2]). Значительное же количество сохранившихся рукописныхъ списковъ этой повѣсти можетъ служить доказательствомъ сравнительной распространенности этого памятника среди древне-русскихъ читателей [3]).

Меньшее мѣсто въ подробной монастырской лѣтописи отводится первымъ двумъ статьямъ: о началѣ обители и о первыхъ ея инокахъ и настоятеляхъ. Причины этого вполнѣ понятны. Начальная исторія Печерскаго монастыря хорошо уже была изложена раньше, преп. Корниліемъ. Его трудъ и былъ положенъ въ основу разсматриваемой редакціи лѣтописи. Но монастырскій лѣтописецъ, пользуясь письменнымъ памятникомъ, явился не простымъ лишь его переписчикомъ. Онъ вносилъ добавленія и поправки къ своему источнику. Повѣсть Корнилія не совсѣмъ удовлетворяла читателей. Нѣкоторые вопросы изъ начальной исторіи монастыря не нашли въ ней полнаго разъясненія и попрежнему оставались предметомъ толковъ и предположеній людей любознательныхъ. Такъ, Корнилій, какъ уже замѣчено выше, ничего не сообщилъ о первомъ печерскомъ подвижникѣ, преп. Маркѣ. Его продолжатель и старается восполнить этотъ пробѣлъ. Опуская

---

1) ib. л. 13.

2) А. М. И. Д. № 399 л. 57.

3) Кромѣ отмѣченныхъ уже пяти списковъ монастырской лѣтописи извѣстны еще: № 103 (3129) б-ки Твер. Муз. (Сперанскій, Опис. рук. Твер. Муз. стр. 130) и № 564 Син. Б. Отдѣльно повѣсть осады Пскова и монастыря помѣщена въ рук. № 559 той же Библ. и въ рукописной библіотеки графа Толстого, въ спискахъ Антоніева Сійскаго и Макарьева Унженскаго монастырей (Строевъ „Библіографическій словарь“, стр. 378—379).—Въ началѣ XVII в. повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, повидимому, была уже значительно распространена. Какъ можно видѣть изъ „Описи келейной казны патр. Филарета Никитича“ отъ 1630 г. 26 августа, въ патріаршей библіотекѣ имѣлось 3 экземпляра этой повѣсти. (Р. Ист. Б. т. III, стр. 907 и 908). Тамъ же значится: „книга въ четверть въ доскахъ, въ красной кожѣ, писмяная, житіе Корнилія чюдотворца“ (не Псково-Печерскаго ли?) (908).

предисловіе начальной лѣтописи, онъ составляетъ новое предисловіе, въ которомъ путемъ общихъ замѣчаній о проповѣди ап. Петра и Марка, названныхъ имъ первыми учредителями иноческаго житія, о благопокоривомъ и благопослушномъ Маркѣ, восхваляемомъ въ числѣ древнихъ иноковъ Ѳеодоромъ Студитомъ, и, наконецъ, о первомъ русскомъ инокѣ Маркѣ, гробокопателѣ кіево-печерскомъ,—послѣдовательно устанавливаетъ переходъ къ Марку иноку—псково-печерскому. „Въ сіемъ же богознаменитомъ печерскомъ мѣстѣ,—пишетъ онъ,—онѣмъ же древнимъ тріемъ маркомъ, паки четвертый сей маркъ тезоименитъ—вѣрою же и терпѣніемъ" [1]).

Повидимому, авторъ хочетъ объяснить, что имя Маркъ одно изъ первыхъ иноческихъ именъ, какъ вообще въ христіанской церкви, такъ въ частности—въ церкви русской. Оно было именемъ и перваго псково-печерскаго подвижника.

Но и у позднѣйшаго монастырскаго лѣтописца, рѣшившагося подробнѣе Корнилія разъяснить начальную исторію обители, не было данныхъ для болѣе точнаго изложенія обстоятельствъ жизни перваго псково-печерскаго подвижника. О немъ онъ могъ лишь слышать разсказы, такіе же разнорѣчивые и маловѣроятные, какіе были и въ пору составленія начальной лѣтописи [2]). Характеризуя эти разсказы, авторъ самъ сознаетъ, что они ничего не даютъ точнаго. „О семъ бо извѣстно не могохомъ обрѣсти, каковъ бяше старецъ и коего рода человѣкъ или како въ сіе мѣсто пріиде и колико время пожитъ и како скончася" [3]). Лучше удалось ему изложить исторію Марка послѣ его кончины. Источникомъ для этихъ описаній послужили монастырскія преданія и въ частности разсказы игумена Никона. Основываясь на нихъ, лѣтописецъ отмѣтилъ три факта изъ исторіи преп. Марка: запись его въ поминаніе церковное, т. е. въ монастырскій синодикъ, сдѣланную вторымъ послѣ Іоны игуменомъ, переложеніе въ новый гробъ при игуменѣ Дороѳеѣ и отношеніе къ Марку преп. Корнилія. Послѣдній разсказъ имѣетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ онъ объясняетъ, почему исторія Марка не вошла въ начальную монастырскую лѣтопись, а подробности разсказа въ то же время свидѣтельствуютъ, насколько осторожно относился преп. Корнилій при составленіи лѣтописи къ своимъ источникамъ. „Игуменъ же Корнилій,—читаемъ мы,—вознепщева о семъ, како объявися имя того старца Марка, понеже бо никто же отъ прежнихъ инокъ исповѣда, еже бы кто о немъ извѣстно вмалѣ извѣстилъ, ниже того игумена написася имя въ поминаніи церковнѣмъ, иже написа имя въ поминаніи того старца Марка; и сего ради повелѣ въ поминаніи имя его загладити, мня въ себѣ и глаголя: яко

---

[1]) Рук. А. М. И. Д. № 470, л. 323 об.; въ рук. № 399 ошибочно написано: „тезоименнѣмъ", л. 2.

[2]) „О немъ же,—говоритъ лѣтописецъ,—слышахомъ убо отъ нѣкіихъ человѣкъ въ повѣстехъ обносимо". л. 2, № 399, М. Рук. л. 1 об.

[3]) ib.

неправедно написано бысть“ [1]). Но сомнѣвавшійся игуменъ скоро былъ вразумленъ свыше: „бысть же ему отъ Бога извѣщеніе нѣкако“; именно, онъ былъ наказанъ болѣзнію и тотчасъ раскаялся въ сдѣланномъ имъ: „въ недоумѣніи и скорби велицѣй о семъ, еже содѣя о имени Маркове“.—Получивъ чудесное исцѣленіе при гробѣ подвижника, онъ отмѣнилъ свое распоряженіе, снова велѣлъ поминать имя Марка. „И тоя ради вины, заключаетъ лѣтописецъ свой разсказъ, поминаху именемъ тѣмъ перваго старца даже и до нынѣ непремѣнно“ (л. 4 об.). Такимъ образомъ, этотъ чудесный фактъ и явился лучшимъ подтвержденіемъ достовѣрности монастырскихъ преданій о первомъ печерскомъ подвижникѣ. Въ то же время и начальная страница исторіи печерскаго монастыря въ подробной лѣтописи могла быть отнесена къ болѣе раннему времени, такъ какъ „первоначальникомъ“ монастыря является Маркъ, а не Іона, какъ это сказано у начальнаго монастырскаго лѣтописца.

Дополненія къ начальной лѣтописи дѣлаются и при изложеніи дальнѣйшихъ событій исторіи монастырской жизни. Такъ, напр., точнѣе опредѣляется количество земли, отданной въ монастырское владѣніе первымъ жертвователемъ Иваномъ Дементьевымъ: „на поприще“, съ замѣчаніями: „и на горѣ роща березъ и елье и всякимъ древіемъ украшено“ (л. 10 об.). Затѣмъ, лѣтописецъ называетъ имена тѣхъ „иныхъ игуменовъ“, которые были преемниками Мисаила. Это—Сергій и Симонъ (л. 11). Имена этихъ игуменовъ, по всей вѣроятности, заимствованы изъ монастырскаго синодика. Наконецъ, лѣтописецъ пытается точнѣе опредѣлить время игуменства Герасима, хотя и впадаетъ здѣсь въ хронологическую ошибку. „По игуменѣ же Дороѳеѣ,—пишетъ онъ,—въ четвертое лѣто царства великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всеа русіи, бысть игуменъ Герасимъ“ (л. 15). На самомъ дѣлѣ это было четвертое лѣто управленія монастыремъ Дороѳея, а не царствованія Іоанна IV.

Болѣе всего подробностей находимъ въ изложеніи исторіи Богомъзданныхъ пещеръ, кратко переданной въ начальной лѣтописи. Здѣсь авторъ даетъ описаніе внѣшняго вида пещеръ и говоритъ объ ихъ назначеніи, какъ монастырскихъ усыпальницъ, гдѣ погребались иноки и нѣкоторые изъ мірянъ. Онъ передаетъ, затѣмъ, интересный взглядъ печерскихъ монаховъ на пещеры, какъ на мѣста особенно святыя, въ которыхъ: „смраду же не бѣ слышати отнюдь ни отъ каковыхъ людей умершихъ“ (л. 18), и одно лишь погребеніе въ которыхъ освобождаетъ умершихъ отъ грѣховъ. Послѣдняя мысль выражена отъ лица псковскаго епископа Геннадія [2]).

[1]) л. 3 об.—4. № 399.

[2]) Боголюбивый же епископъ Генадій псковскій, слышавъ сія, ужасомъ одержимъ, со удивленіемъ, во умиленіи сице бывъ, глаголаше: яко пречистыя ради матере своея и преп. отецъ молитвами, аще кто и великъ грѣхъ иматъ, а сподобится положенъ быти во обители пр. Богородицы, въ сей богомзданнѣй пещерѣ, не токмо смрада избудетъ, но и грѣховъ прощеніе получитъ, благодатію Г. Н. І. Х., Ему же слава, аминь (л. 18). При обозначеніи одного лишь листа во всѣхъ случаяхъ имѣется въ виду Арх. Рук. № 399.

Для иллюстраціи первой мысли лѣтописецъ приводитъ монастырское преданіе о томъ, какъ въ игуменство Корнилія утонулъ одинъ старецъ, трупъ котораго проплавалъ въ рѣкѣ Пимжѣ шесть дней и успѣлъ уже разложиться. По разсказу, посланные за тѣломъ умершаго старца: „едва возмогоша плоть его взяти, понеже смрадъ лютъ отъ плоти его исхождаше". Но, какъ только принесли тѣло въ монастырь къ пещерамъ и совершили кажденіе,—„тогда смрадъ преста" (л. 17 об.). Излагая исторію открытія пещеръ, авторъ со словъ игуменовъ Никона и Германа Мирожскаго передаетъ о юродивомъ монахѣ Варлаамѣ, который нѣсколько разъ пытался стереть надпись надъ входомъ въ пещеры, но каждый разъ она была возстанавливаема невидимою силою (л. 7 об. М. Лѣт.). Это добавленіе еще болѣе оттѣняетъ чудесный характеръ открытія пещеръ.

Съ описанія дѣятельности игумена Герасима, не охарактеризованной въ трудѣ Корнилія, подробная монастырская лѣтопись принимаетъ уже вполнѣ самостоятельный видъ. Въ этой ея части мы находимъ цѣнныя указанія о введеніи Герасимомъ монастырскаго устава, скрѣпленнаго подписью дьяка Мисюря Мунехина. Съ особенною подробностію лѣтописецъ говоритъ, затѣмъ, о преемникѣ Герасима, преп. Корниліи. Онъ точно отмѣчаетъ годъ поставленія его на игуменство: въ лѣто 7037 (л. 15), и продолжительность времени игуменства преподобнаго: 41 годъ и два мѣсяца (л. 16 об.). Находимъ здѣсь же и нѣкоторыя біографическія указанія о преподобномъ, какъ, напр., о количествѣ лѣтъ его жизни, точное указаніе времени смерти, съ обозначеніемъ не только года, но мѣсяца и дня, а также краткую замѣтку о томъ, что преподобный былъ постриженникомъ Печерской же обители. Подробно передавая о трудахъ Корнилія по благоустройству обители извнѣ и внутри, монастырскій лѣтописецъ старается точно опредѣлить отдѣльныя событія этого времени,—напр., построеніе церквей въ монастырѣ и въ Псковѣ, обнесеніе монастыря каменною оградою и т. п. Въ характеристикѣ преп. Корнилія онъ называетъ его добрымъ пастыремъ, приснопамятнымъ и достоблаженнымъ игуменомъ, который своею жизнію представлялъ для печерскихъ монаховъ „образъ ко спасенію" (л. 17).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ лѣтописецъ говоритъ не какъ очевидецъ событій, но онъ воспроизводитъ ихъ по разсказамъ очевидцевъ или такихъ лицъ, которыя передавали слышанное ими отъ очевидцевъ и сами по своему положенію заслуживали особаго довѣрія. Къ первому разряду описаній относится „дивная", какъ называетъ ее лѣтописецъ, повѣсть объ утонувшемъ старцѣ, которая написана имъ со словъ „древняго старца Ѳерапонта демественника" [1]). На такомъ же разсказѣ очевидцевъ,—игумена Никона и Герасима,—основывается и сообщеніе объ юродивомъ монахѣ Варлаамѣ. Къ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ вторыхъ рукъ, не отъ

---

[1]) Въ замѣткѣ лѣтописца находимъ указанія на разсказы другихъ очевидцевъ. „Слышахъ убо о семъ повѣсть дивну отъ древняго старца Ѳерапонта демественника и иныхъ самовидецъ" (л. 17).

очевидцевъ, относятся преданія о преп. Маркѣ. Такъ, напр., о невѣріи Корнилія игуменъ Никонъ передавалъ лѣтописцу слышанное имъ отъ монастырскихъ старцевъ: „Келестина екклесіарха и Маркелла" (л. 4). Особенно много воспоминаній въ періодъ составленія лѣтописи сохранилось о преп. Корниліи, дѣятельности котораго и обязанъ былъ монастырь своею славою. Изъ характеристики лѣтописца видно, что и самая нравственная личность этого подвижника—мученика имѣла большое вліяніе на его современниковъ.

Первыя двѣ статьи, предшествующія повѣсти объ осадѣ, имѣютъ даже и съ внѣшней стороны законченный видъ, какъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ выше словъ еп. Геннадія о значеніи погребенія въ пещерахъ. Къ этому первоначальному своду монастырской лѣтописи сдѣланы были дополненія—краткія и подробныя, послѣднія въ видѣ отдѣльныхъ статей. Къ первымъ относятся замѣтки о поставленіи Іоанномъ Грознымъ игуменовъ Саввы въ 1557 г. и Сильвестра въ 1572 г. (л. 18 об.—19). Вставки эти сдѣланы передъ третьею статьею. Такого же болѣе поздняго происхожденія и отзывы о царяхъ Іоаннѣ и Ѳеодорѣ и въ частности объ ихъ отношеніи къ печерской обители, а также и предшествующая имъ замѣтка о чудесахъ отъ иконы Богоматери. Замѣтки эти поставлены не на мѣстѣ, передъ заключительными словами описателя повѣсти монастырской осады. За позднѣйшую вставку ихъ говорятъ слѣдующія строки, противорѣчащія заглавію памятника: „бываютъ же отъ сея богоносныя пречистыя иконы дивная и неизреченная чудеса съ вѣрою приходящымъ, слѣпымъ прозрѣніе, даже и до днесь, о нихъ же послѣди подробну да скажемъ" (л. 43). Это подробное описаніе вовсе не входило въ задачу автора, такъ какъ, наоборотъ, о чудесахъ онъ имѣлъ въ виду говорить лишь „вкратцѣ" (Арх. № 470 л. 322 об.). Къ болѣе подробнымъ дополненіямъ относятся статьи: „о переложеніи мощей" (л. 46 об.—48), „о крестохожденіи" (л. 48—65) и описаніе чудесъ (л. 65—82). Событіе, разсказъ о которомъ ведется въ первой статьѣ, относится ко времени игуменства Іоакима и точно опредѣлено: 7108 г. (л. 46 об.). Ко времени этого игумена относятся и описанія крестныхъ ходовъ во Псковъ. Въ содержаніе этой второй статьи входитъ переписка между еп. псковскимъ Геннадіемъ и игуменомъ Іоакимомъ объ уставѣ, по которому долженъ былъ совершаться крестный ходъ. Содержанія устава мы подробнѣе коснемся въ очеркѣ о монастырскомъ богослуженіи.

Статья о чудесахъ имѣетъ въ рукописныхъ спискахъ слѣдующее заглавіе: „о чудесѣхъ Пречистыя Богородицы отъ иконы честнаго и славнаго ея успѣнія, яже во псковской области въ Печерскомъ монастырѣ, и отъ иконы умиленія Пречистыя Богородицы, зовома въ Россіи Владимірскою" (л. 65).

Въ основѣ этихъ описаній лежитъ, прежде всего, „роспись", поданная въ 7095 г. игуменомъ Мелетіемъ, согласно запросу о чудесахъ, сдѣланному псковскимъ княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ. Въ эту роспись вошли, впрочемъ, не болѣе, какъ 8 чудесъ, такъ какъ пер-

вое чудо, происшедшее въ Псковѣ во время осады Баторія, помѣщено ранѣе переписки между Трубецкимъ и игуменомъ Мелетіемъ, а 10-ое чудо помѣщено уже подъ 7098 г. (л. 69). Въ Архивскомъ спискѣ помѣщено описаніе 50 чудесъ. Послѣ описанія 40-го чуда находимъ „отписку Геннадія игумену Іоакиму о крестномъ ходѣ“ (л. 76—77 об.).

Описанія чудесъ очень кратки. Большинство изъ нихъ сопровождается хронологическими опредѣленіями года, мѣсяца и числа, а въ нѣкоторыхъ указаны и службы, за которыми совершилось то или иное чудо. Особой исторической цѣнности, въ смыслѣ пополненія лѣтописнаго разсказа о монастырской жизни, эти описанія не имѣютъ, какъ по краткости своего содержанія, такъ и потому, что большинство чудесъ совершилось не въ обители, а въ Псковѣ, во время крестохожденія. Въ описаніи 23-го чуда, отъ 1599 г., передается объ исцѣленіи слѣпой дѣвицы „латынки“, что подтверждаетъ замѣтку начальнаго лѣтописца объ уваженіи къ монастырской святынѣ даже и иновѣрныхъ людей [1]).

Передъ описаніемъ чудесъ помѣщенъ разсказъ о видѣніи старцемъ Савватіемъ, толмачемъ Василіемъ Аксентьевымъ, да діакомъ Григорьемъ иконникомъ и по нихъ старцемъ Савватіемъ, свѣчи, горѣвшей въ алтарѣ Успенской церкви. Передавъ о своемъ видѣніи пономарю Θеодосію и узнавъ отъ послѣдняго, что онъ не зажигалъ свѣчи, они рѣшили, что свѣча эта „невѣдомо отъ кого зажжена“ (л. 64 об. 65). Разсказъ этотъ показываетъ, что чудесныя видѣнія, аналогичныя съ переданными еще преп. Корниліемъ, повторялись въ монастырѣ и въ концѣ XVI вѣка.

Такимъ образомъ, эта пространная монастырская лѣтопись, пополняя собою свѣдѣнія о начальной исторіи Печерской обители, даетъ возможность прослѣдить монастырскую жизнь до начала XVII столѣтія. Въ то же время по характеру своего изложенія она остается такимъ же историческимъ памятникомъ, съ точными хронологическими опредѣленіями событій, какимъ является и начальная лѣтопись. Въ объясненіи событій, въ общемъ взглядѣ на монастырскую жизнь позднѣйшіе монастырскіе лѣтописцы остаются вѣрными взглядамъ преп. Корнилія. Въ монастырской жизни они видятъ особый промыслъ и покровъ пр. Б-цы, избравшей Печерскую обитель мѣстомъ для своего прославленія. Понятно отсюда, что съ первыхъ уже страницъ монастырской лѣтописи монастырская жизнь разсматривается съ этой именно точки зрѣнія. Все въ этомъ святомъ мѣстѣ полно чудесъ и видѣній. Проникнутые особымъ уваженіемъ къ своей обители и въ то же

---

[1]) Мон. рук. л. 96 об. А. М. И. Д. № 399, л. 72. Образцомъ краткой записи можетъ служить 13 чудо отъ 1596 г.: „да другой женѣ аннѣ исъ порховщины очима прозрѣніе дарова“ (л. 70).—Образцы болѣе точныхъ хронологическихъ опредѣленій: 4-е чудо „на рождество св. Іоанна Предтечи, на литоргіи“ (л. 67 об.), 8-е „на обѣдни“ (л. 68 об.), 12-е „на праздникъ покрова Пр. Богородицы, въ церкви, на всенощномъ“ (л. 70), 16—на литургіи (л. 71), 17—„послѣ обѣдни“, 29—„на непорочныхъ“ (л. 79), 43—„минувшу яко часу паки еще чюдо дивно показа“ (л. 80).

время хорошо понимая ея значеніе, какъ крѣпкаго мѣста на рубежѣ православной Руси съ иновѣрцами, монастырскіе лѣтописцы высоко цѣнятъ историческое значеніе своего монастыря. Для Пскова Печерскій монастырь—особая святыня, лучшее его украшеніе. Безъ нея „сія жъ земля преже пуста бяше таковыя благодати, нынѣ же красится симъ святымъ мѣстомъ",—замѣтилъ еще начальный лѣтописецъ. Но она,—добавляетъ его продолжатель, „свѣтло сіяетъ, яко свѣтило во вся концы". Слава печерской обители, по замѣчанію позднѣйшаго лѣтописца, далеко разошлась по всѣмъ странамъ: „прослу же монастырь той печерскій пречистыя ради Богородицы, неизреченнаго ея поможенія и заступленія, во всѣ скиѳскія страны, и въ нѣмецкія острова по Варяжскому морю, даже и до Рима, паче же и до Царя-града" (л. 40). Такой взглядъ на исторію монастыря, на его обще-русское значеніе, могъ вызвать особый интересъ и къ самому литературному памятнику этой исторіи, превращая его изъ хроники спеціально монастырской въ назидательную повѣсть объ обще-русскихъ событіяхъ и притомъ, столь важныхъ, какъ борьба „благочестивой" Руси съ „нечестивымъ" ненавистнымъ латинствомъ и въ частности съ „безбожнымъ" его представителемъ—королемъ Стефаномъ. Въ трудную минуту этой борьбы изъ стѣнъ печерской обители раздался, какъ видимъ, ободряющій голосъ о неодолимости Руси, имѣющей въ порубежномъ мѣстѣ такой крѣпкій оплотъ противъ враговъ, какъ Печерскій монастырь.

Въ содержаніи разсматриваемаго памятника не трудно, затѣмъ, замѣтить еще одну интересную черту во взглядѣ печерскихъ лѣтописцевъ на свою обитель. Именно: въ событіяхъ мѣстной монастырской жизни они склонны были видѣть сходство съ событіями кіево-печерской жизни, вслѣдствіе чего исторія монастыря въ ихъ изложеніи очень часто напоминаетъ исторію кіевской обители. Въ разсматриваемомъ видѣніи Дороѳея рядомъ поставлены преп. Антоній и Корнилій. Исторія Марка наводитъ лѣтописца на сопоставленіе этого подвижника съ одноименнымъ ему подвижникомъ кіево-печерскимъ. Для обозначенія одинаковыхъ обстоятельствъ начальной монастырской жизни печерскіе лѣтописцы употребляютъ одинаковые термины, какъ бы заимствованные ими изъ кіевопечерскаго патерика. Такъ напр., пещерный монастырь и здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, называется „ветхій", внѣпещерный—„новый" [1]). Эту параллель между мѣстными монастырскими событіями и древне-кіевскими очень ясно выражаетъ составитель подробной лѣтописи въ концѣ описанія Богомъ зданныхъ пещеръ. „О великому человѣколюбію Божію, еже, елико хощетъ, творитъ. Яко же во древнѣй оной богознаменитой пещерѣ, иже въ Кіевѣ, преп. отецъ Антоніа и Ѳеодосіа печерскихъ молитвами, сице и въ сей Богомъ зданнѣй пещерѣ преч. ради Б-цы и преп. старцевъ Марка, Іоны и Корнилія и протчихъ святыхъ молитвами вмѣсто злосмрадія воня благовонна исходитъ

---

[1]) Яковлевъ, Памятники русской литературы XII—XIII в.в. Спб. 1872 г., стр. LXXIV. № 679 Тр. С. Л., л. 216, 215. Одинаковыя выраженія о церквахъ: „малу церковцю", и „велику" стр. XIX и LXXIV, ср. л. 213, 216.

даже и до днесь" (л. 17 об.—18). Но стремленіе установить параллель въ исторіи двухъ одноименныхъ (печерскихъ) обителей не ограничивается лишь отдѣльными случаями. Оно замѣтно и въ объясненіи общихъ основъ, на которыхъ развивалась монастырская жизнь. По взгляду Кіево-печерскаго лѣтописца, „монастырь тотъ подобенъ небеси", его жизнь полна чудесныхъ небесныхъ явленій, которыя непонятны для человѣческаго ума. Небесный свѣтъ, ангельское пѣніе неоднократно видятъ и слышатъ иноки и міряне. То же самое, по свидѣтельству лѣтописцевъ, наблюдалось и въ начальной исторіи Псково-печерскаго монастыря, казавшейся столь же чудесной и непонятной. Мѣстные монастырскіе лѣтописцы даже усерднѣе, чѣмъ кіевскіе, стараются побольше собрать такихъ чудесныхъ фактовъ. Ниже мы попытаемся объяснить историческія условія, вызвавшія такое сопоставленіе исторіи двухъ обителей.

Но отмѣченное сходство въ отдѣльныхъ мысляхъ, излагаемыхъ въ историческихъ памятникахъ этихъ обителей, не даетъ возможности точнѣе опредѣлить форму литературнаго вліянія кіево-печерскаго патерика на псково-печерскую лѣтопись, въ частности, установить такую же зависимость послѣдней отъ перваго, какую легко можно наблюдать при сравненіи очень многихъ позднѣйшихъ русскихъ житій съ образцовыми сочиненіями этого рода. Нѣкоторые разсказы псково-печерской лѣтописи такъ, впрочемъ, близки къ соотвѣтствующимъ имъ по содержанію разсказамъ кіево-печерскаго патерика, что ихъ зависимость отъ послѣднихъ представляется почти несомнѣнною. Такъ, разсказы о видѣніяхъ нѣкоторыхъ иноковъ и мірянина Ивана Долгаго даже и по изложенію напоминаютъ собою разсказы патерика о видѣніяхъ великокняжескаго боярина и Михаило-архангельскаго игумена Софронія. Для ясности сопоставимъ эти разсказы.

„Нѣцыи жъ отъ нашихъ братій многажды видяху свѣтъ въ нощи стоящь надъ монастыремъ Пречистыя яже въ долу; и не отъ нашихъ же точію видѣвше, но и отъ мірскихъ".	„.... се явися игумену м-ря св. Михаила-Архангела, Софронію же именемъ: ѣдущу бо ему въ монастырь свой нощію, сущи же темни сеи нощи, и се видѣвъ великъ свѣтъ токмо надъ монастыремъ блаженна Θеодосіа.... Сице же и иніи мнози, видѣвше се, многажды исповѣдаху" (Яковлевъ, стр. XXV. Ср. „Сборникъ XII в. Моск. Усп. Собора" стр. 60).
„Нѣкій оубо человѣкъ, Иванъ Долгій нарицаемъ, видѣ нѣкогда въ нощи свѣтъ стоящь, яко облакъ надъ монастыремъ Пречистыя, егда строился новый сей монастырь, и мнѣвъ, яко нѣчто отъ пещнаго огня горитъ въ монастырѣ, и на конѣ пригнавъ, хотя пособляти гасити, свѣтъ же абіе поднялся къ небеси и неви-	„Иногда пакы видѣ единъ отъ боляръ христолюбца Изяслава: ѣздящу тому нѣколи въ нощи на поли, яко пятьнадесять поприщь отъ монастыря блаженнаго, и се видѣ церковь у облака сущу, и въ ужасти бывъ, погна съ отрокы, хотя видѣти,—кая ти есть церкви; и се яко доиде монастыря блаженнаго

димъ бысть. Сія же намъ онъ исповѣда." (Рук. Тр. С. Л. № 679, л. 215).

Θеодосіа, тогда же оному зрящю, и съступи церковь и ста на своемъ же мѣстѣ. Оному же тлъкнувшу въ врата, вниде исповѣда блаженному бывшее"... (Яковлевъ, стр. XXXVI—XXXVII. Ср. „Сбор. XII в.", стр. 71).

Такую же близость въ передачѣ можно наблюдать и между разсказами о видѣніяхъ изборскихъ звѣролововъ и кіевскихъ разбойниковъ, пытавшихся пограбить монастырь.

„И на край горы бывши, идѣже нынѣ церкви Владычиня, и слышахомъ во время и часъ церковнаго пѣнія гласы неизреченно поющихъ и прекрасно, гласы убо слышахуся, поющихъ же не видѣхомъ. Мѣсто же то все около того святого мѣста исполнено сущи благоуханія, яко отъ множества фиміяма благовонна. Отъ насъ же мнится, яко быти сіе нѣкое явленіе ангельское"...... (ib. л. 211).

„И се слышаша гласъ поющихъ въ церкви. Сами же мнѣвши, яко братіамъ въ церкви повечерняя молитвы поющимъ, отъидоша и мало помедливши въ лѣсѣ, таже мнѣвши, яко уже кончану быти пѣнію, пакы приидоша къ церкви, и се слышаша тъ-же гласъ и видѣша же и свѣтъ пречюденъ въ церкви сущи, благоуханіе исходяше отъ церкви; ангели бо бѣша поюще въ ней". (Яковлевъ, стр. XXXV. Ср. „Сборникъ" стр. 70 [1]).

Приведенный выше разсказъ псково-печерской лѣтописи объ утонувшемъ монахѣ напоминаетъ собою разсказъ патерика о духовномъ сынѣ прозорливаго пресвитера Онисифора. Разсказъ псково-печерскаго лѣтописца приведенъ для иллюстраціи той мысли, что въ пещерахъ „смраду же не бѣ слышати отнюдь ни отъ каковыхъ людей умершихъ". Ту же мысль,

---

[1]) Далѣе кіево-печерскій лѣтописецъ отмѣчаетъ, что этотъ голосъ ангельскій повторялся нѣсколько разъ: „и тако многажды приходящимъ имъ и тъ гласъ ангельскый слышащимъ". О неоднократно повторявшемся ангельскомъ пѣніи въ Псково-печерской церкви свидѣтельствуетъ самъ преп. Іона: „многажды, рече, слышахъ пѣнія бывающе въ церкви богородичины, сія же все предвозвѣщаемо бываше отъ ангелъ Божіихъ" (Рук. № 679, л. 215). Въ описаніи жизни иноковъ при Мисаилѣ и его преемникахъ преп. Корнилій говоритъ, что въ монастырѣ: „еже обрѣташеся отколе что Богъ пошлетъ или отъ жита или овса, то своима рукама измилаху и въ томъ хлѣбы себѣ творяху" (л. 214). То же передается и въ кіево-печерскомъ патерикѣ въ описаніи жизни иноковъ при игуменѣ Варлаамѣ: на деньги, вырученныя отъ продажи предметовъ рукодѣлья: „жита коупляху и се раздѣляхуть, да каждии въ нощи свою часть измеляше на строеніе хлѣбомъ". (стр. XIX).—Есть сходство въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ о жизни въ пещерахъ преп. Антонія и Іоны псково-печерскаго. О преп. Антоніи говорится, что, придя въ пещеру, онъ „возлюби мѣсто то и вселися ту въ немъ......, копаше пещеру" (LXXIII). Преп. Іона: „видѣвъ же и возлюби мѣсто то..... пришедъ въ сіе св. мѣсто, начатъ копати церковь за богомзданною пещерою къ западу (л. 212 и об.).

хотя и въ другой формѣ, содержитъ и разсказъ кіево-печерскаго патерика. Интересно сопоставить частности этихъ разсказовъ. По псково-печерской лѣтописи: „посланіи же (за тѣломъ утонувшаго) едва возмогоша плоть его взяти, понеже бо смрадъ лютъ отъ плоти его исхождаше“. Точно также и по смерти кіево-печерскаго монаха „не можаше же ни единъ тѣлеси его приближитися, смрада ради бывающаго отъ него“. Псково-печерскій старецъ былъ, повидимому, благочестивый человѣкъ; поэтому, какъ только поднесли его тѣло къ монастырской пещерѣ „и покадиша, тогда смрадъ преста“. Наоборотъ, монахъ, упоминаемый въ кіево-печерскомъ патерикѣ, былъ человѣкъ лживый, невоздержный, „скверноживый“. Положеніе въ пещерѣ такого, какъ сказалъ о немъ явившійся Онисифору преп. Антоній, „сквернаго, нечестиваго и беззаконнаго и многогрѣшнаго человѣка“, было оскверненіемъ этого св. мѣста. Отъ него пошелъ такой смрадъ, что нельзя было пройти мимо пещеры. Братія рѣшила уже извлечь изъ пещеры тѣло грѣшника и „въ воду ввергнуть“. Но преп. Антоній смиловался надъ душою этого брата, простилъ его, такъ какъ не могъ нарушить своего обѣщанія: „яко всякъ, положенный здѣ, помилованъ будетъ, аще и грѣшенъ“ и „понеже здѣ мнози грѣшніи сущи положены быша и вcѣ прощены быша ради угодившихъ ми святыхъ“. И дѣйствительно, когда братія подошла къ пещерѣ, то „обоняша вси благоуханіе отъ тѣлеси его, злосмрадіе же и вопль никако же слышашеся и вси насладившеся добровонія“, порѣшили, что грѣшный ихъ братъ прощенъ. Тотъ же выводъ дѣлается и въ псково-печерской лѣтописи. Сравнивая свою „богомзданную пещеру“ съ богознаменитою кіевскою, лѣтописецъ говоритъ, что и здѣсь по молитвамъ печерскихъ угодниковъ „вмѣсто злосмрадія воня благовонна исходитъ даже и до днесь..., не бѣ смраду отъ тѣлесъ слышати“. Мысль о спасительности погребенія въ пещерахъ лѣтописцемъ высказана отъ лица епископа Псковскаго Геннадія, который, услышавъ о пещерахъ, „со удивленіемъ, во умиленіи сице бывъ, глаголаше: яко пречистыя ради матере своея и препод. отецъ молитвами, аще кто и великъ грѣхъ имать, а сподобится положенъ быти во обители преч. Б-цы въ сей Богомъ зданнѣй пещерѣ, не токмо смрада избудетъ, но и грѣховъ прощеніе получитъ“ [1]).

Если приведенныя параллели и не даютъ права видѣть въ кіево-печерскомъ патерикѣ литературный источникъ печерской лѣтописи въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напр., были сочиненія Пахомія Логоѳета источниками для житій псковскихъ святыхъ, то, во всякомъ случаѣ, онѣ показываютъ, что эта книга хорошо была знакома составителямъ монастырской лѣтописи, и что послѣдніе, при литературной обработкѣ монастырскихъ преданій и разсказовъ, придерживались формы изложенія подобныхъ же разсказовъ въ кіево-печерскомъ патерикѣ.

---

[1]) Рук. А. М. И. Д. № 399, л. 17 об. и 18. Яковлевъ, стр. XCI—XCIII. Разсказъ этотъ написанъ еп. Симономъ. Въ концѣ его владыка выражаетъ желаніе быть погребеннымъ въ кіевской пещерѣ: „да быхъ.... малу отраду пріалъ быхъ многыхъ ми грѣховъ, молитвъ ради святыхъ отецъ“, стр. XCIII.

Изъ числа рукописныхъ списковъ монастырской лѣтописи заслуживаетъ вниманія списокъ, помѣщенный въ сборникѣ XVII в., скорописью, Импер. Публ. Б-ки [1]). Заглавіе въ этомъ спискѣ слѣдующее: „Повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря, предлѣжащаго близъ Ливонскіе земли". По содержанію этотъ списокъ сходенъ съ начальною лѣтописью Корнилія, но есть въ немъ и нѣкоторыя особенности, не дающія, правда, возможности выдѣлить его въ особую редакцію, но все-таки пополняющія собою литературную исторію нашего памятника. Слѣдуя во всемъ повѣсти Корнилія, составитель этого списка дѣлаетъ и нѣкоторыя дополненія. Такъ, онъ вноситъ разсказъ о преп. Маркѣ, сходный въ общемъ съ разсказомъ подробной лѣтописи (л. 166—168). Въ концѣ повѣсти онъ называетъ ея автора: „а писалъ сию повѣсть корнилей ігуменъ пещеры сивонскія (?), еже есть во псковѣ того жъ монастыря богородицына" (л. 187). Непосредственно за этимъ онъ говоритъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ переписку Корниліевой повѣсти, дѣлаетъ общія замѣтки о себѣ и о своемъ адресатѣ. Повѣсть переписана была по просьбѣ этого адресата: „сія убо написахъ ти, христолюбче, яко вѣрну рабу Христову и по велицей твоей вѣрѣ и любве ко пречистѣй Богородицы, и еже понудилъ еси насъ на сіе дѣло" (л. 187). Переписчикъ, какъ видно изъ заключительныхъ строкъ повѣсти, былъ монахомъ Печерскаго монастыря. Объ адресатѣ онъ отзывается не только какъ о человѣкѣ, интересовавшемся исторіею печерскато монастыря, но и какъ о потрудившемся для составленія этой исторіи. „О семъ же ти мзда отъ Б-цы да воздастся, яко да таково тщаніе показалъ еси и самъ преже собирая, яко трудолюбивая пчела отъ цвѣтецъ божія чюдеса и пр. Б-цы, и яко во глубинѣ забвенія покрываема, и ты на свѣтъ изнеслъ еси и явленна сотворилъ еси во вся конца божія чюдеса преч. Б-цею, и моя скверная уста принудилъ еси, испытавъ, исповѣдати и написати" (л. 187 об.—188). Въ концѣ повѣсти онъ описываетъ величину успенскаго храма и расположеніе монастырскихъ пещеръ (л. 189—190), говоритъ о передѣлкѣ, произведенной въ пещерахъ при Корниліи, и въ заключеніе, въ отвѣтъ на недоумѣніе адресата: „что ради смрада не бываетъ отъ ту положеныхъ братій?"—дѣлаетъ интересное сообщеніе о томъ, что въ прежнее время тѣла умершихъ монаховъ полагали въ пещеры, не предавая ихъ землѣ, но что въ его время этотъ порядокъ уже былъ измѣненъ: „умирающихъ братію погребаемъ въ землѣ, (такъ какъ) краситися мертвыми тѣлесы не лѣпо есть" (л. 190 об.).

Изъ этихъ дополненій видно, во-первыхъ, что списокъ этотъ былъ сдѣланъ для человѣка, не бывавшаго лично въ монастырѣ, и во-вторыхъ, что сообщенія о Печерскомъ монастырѣ въ повѣсти Корнилія не совсѣмъ удовлетворяли читателей.

Трудно опредѣлить время составленія этого списка. Несомнѣнно лишь, что онъ былъ написанъ послѣ смерти Корнилія, и очень возможно, что

[1]) Древнехран. Погодина № 1553, по „Описан." А. Бычкова № XXV, стр. 86—88.

еще до составленія второй редакціи лѣтописи. При правильности послѣдняго предположенія, этотъ списокъ можно бы назвать, по его составу, переходнымъ спискомъ отъ начальной редакціи лѣтописи къ подробной, подобно тому, какъ такимъ же переходнымъ спискомъ по отношенію къ позднѣйшимъ спискамъ подробной лѣтописи признанъ нами архив. списокъ № 470.

Подробная монастырская лѣтопись неоднократно издавалась печатно: въ Москов. Син. Тип., въ 1820, 1831 г.г. и въ Псковѣ—въ 1849 г. Мы пользовались двумя послѣдними изданіями, совершенно сходными между собою [1]).

Печатный текстъ не представляетъ собою точнаго и полнаго воспроизведенія рукописнаго списка. Его разница съ послѣднимъ начинается съ первой же страницы, съ заглавія. Псково-печерская лѣтопись издана подъ такимъ заглавіемъ: „повѣсть о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря, взята изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранительницѣ онаго монастыря". Редакторомъ изданія не указано, какіе именно древніе лѣтописцы имѣются здѣсь въ виду. Въ настоящее время въ б-кѣ Псково-печерскаго монастыря есть лишь списокъ подробной лѣтописи, полууставомъ переписанный іеродіакономъ Питиримомъ въ 1692 году. Никакихъ другихъ лѣтописцевъ здѣсь нѣтъ [2]).

Печатныя изданія преслѣдуютъ популярно научныя цѣли: сдѣлать болѣе доступнымъ для читателей литературный памятникъ исторіи псково-печерской обители. Этими соображеніями объясняются какъ распредѣленіе статей лѣтописи, такъ и общіе пріемы пользованія издателями своимъ источникомъ. Порядокъ статей въ печатномъ изданіи не соотвѣтствуетъ рукописному. Такъ, предисловіе съ статьею о преп. Маркѣ помѣщено въ концѣ изданія, послѣ описанія чудесъ (л. 24 об.—25 об.). Послѣднее мѣсто занимаетъ статья „о преложеніи мощей начальныхъ старцевъ печерскихъ" (л. 26); въ рукописныхъ спискахъ эта статья слѣдуетъ непосредственно за описаніемъ монастырской осады [3]). Начинается печатная повѣсть разсказомъ Селиши, и первые пять листовъ занимаетъ собою исторія монастыря до осады Пскова Баторіемъ. Далѣе идутъ разсказы объ осадѣ Пскова (л. 6—8) и монастыря (л. 8—14, съ особымъ заглавіемъ), о крестохожденіи (л. 14—20 об.) и описаніе чудесъ (л. 21—24). Описаніе видѣнія Дороѳея, помѣщенное въ рукописяхъ въ повѣсти объ осадѣ, въ печатномъ изданіи выдѣлено въ особую статью: чудо I-ое (л. 21 об.—23 [4]). Въ качествѣ предисловія къ описанію чудесъ помѣщена замѣтка о чудесахъ по освященіи успенской церкви. Въ рукописяхъ эти строки читаемъ въ раз-

---

[1]) Изданія Син. Тип. на славянскомъ языкѣ, псковское изданіе—на русскомъ. Во всѣхъ случаяхъ мы будемъ цитировать изданіе 1831 года.

[2]) Первоклассный Пск. Печ. м-рь. Изд. 2-е, Островъ, стр. 108.

[3]) Рук. Печ. м-ря л. 50, А. М. И. Д. № 399, л. 46 об.—48.

[4]) Начало этого видѣнія въ измѣненномъ видѣ помѣщено и въ концѣ описанія осады Пскова (л. 8), согласно рукописному распредѣленію описаній.

сказѣ объ освященіи церкви. Разсказъ начальной лѣтописи о чудесныхъ видѣніяхъ при построеніи новаго монастыря помѣщенъ послѣ описанія 6-го чуда (л. 24 и об.).

Размѣщая такъ рукописный матеріалъ, издатели нерѣдко дѣлаютъ въ немъ выпуски и сокращенія. Такъ, напр., изъ описаній чудесъ, не включая въ этотъ отдѣлъ разсказа о видѣніи Дороѳея, помѣщено всего лишь пять. Передъ описаніемъ чудесъ сдѣлано такое объясненіе: „Оная роспись (поданная иг. Мелетіемъ) хранится (?) въ библіотекѣ Печерскаго монастыря, гдѣ подробно описаны всѣ чудеса, бывшія отъ иконы пресвятыя Богородицы. Здѣ же не многая нѣкая свѣдѣнія ради помѣщаются". (л. 21 об.). Встрѣчаемъ пропуски и меньшія по объему. Такъ, напр., вовсе нѣтъ разсказовъ: о видѣніи свѣчи, неизвѣстно кѣмъ зажженой, и о погребеніи въ пещерахъ утонувшаго старца. Въ передачѣ рукописныхъ описаній нерѣдко дѣлаются пропуски и сокращенія. Въ описаніи пещеръ, кромѣ отмѣченнаго уже пропуска о погребеніи утонувшаго старца, не находимъ приведенныхъ выше словъ еп. Геннадія о спасительности погребенія въ пещерахъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ и словъ самого лѣтописца, подробно, путемъ сравненія псково-печерскихъ пещеръ съ кіевскими, развивавшаго мысль объ отсутствіи „смрада" отъ погребенныхъ въ пещерахъ [1]). Въ концѣ изложенія повѣсти монастырской осады неполно приведено обращеніе лѣтописца къ читателямъ, именно: нѣтъ его просьбы объ исправленіи и пополненіи его труда. Но еще больше измѣненій, поправокъ и сокращеній сдѣлано въ изложеніи. Текстъ печатнаго изданія на каждой почти строкѣ отступаетъ отъ текста рукописи, почему и не представляется возможности подробно сравнить ихъ. Въ качествѣ образцовъ, насколько разнится печатный текстъ отъ рукописнаго, сопоставимъ два случайно взятыхъ мѣста изъ рукописи и печатнаго изданія. Ихъ сопоставленіе можетъ намъ объяснить и общій принципъ, которымъ руководились въ данномъ случаѣ издатели лѣтописи.

Первый примѣръ—изъ разсказа объ отношеніяхъ къ монастырю Мисюря Мунехина:

По рукописи № 399, л. 12.	По печатн. изд. 1831 г. л. 3 об.
Времени же минувшу отъ освященія первыя церкви лѣтъ пятдесятъ, при державѣ г-ря царя и вел. кн. Вас. Іоанновича всеа россіи, посла Богъ таковыхъ строителей, кому мочно потру-	„Минувшымъ же осми (?) лѣтомъ [2]) отъ освященія первыя церкви, при державѣ Государя Царя и В. К. Вас. І. всея Россіи, посла Богъ другихъ нѣкіихъ благочестивыхъ лю-

[1]) Рукоп. № 399, л. 17 об. 18. Печ. изд., 4 об.—5.

[2]) Хронологическая ошибка въ данномъ случаѣ произошла оттого, что издателями принята буква Н за И. Въ нач. лѣтописи стоитъ МѲ лѣтъ, такъ какъ тамъ берется дата не до освященія церкви, а до начала работъ (1522).—Другой такой же примѣръ хронологической ошибки, допущенной въ печатномъ изданіи, находимъ въ статьѣ „о переложеніи мощей:" въ лѣто 7150—1542", тогда какъ въ рукописяхъ: 7108—1600.—(Рук. № 399, л. 46 об.).—

дитися въ дѣлѣ монастырскаго строенія. Игуменство тогда по Исимоне Дорофею пріимшу, вел. князя діаку Михаилу Мисюрю оувѣдавшу мѣсто и церковь Пр. Б-цы и велику вѣру показавъ по преч. Б-цы о строеніи монастыря".

дей, иже много усердствоваху въ дѣлѣ строенія монастырскаго, въ нихъ же бѣ единый дьякъ Вел. Кн., именемъ Михаилъ, прозваніемъ Мисюрь, той увѣдавъ о мѣстѣ печерскія обители, многое показа тщаніе о строеніи монастыря".

Другой примѣръ—изъ разсказа о преп. Маркѣ:

ib. л. 3 об.—4.

Игуменъ же Корнилій вознепщева о семъ, како объявися имя того старца Марка, понеже бо никто же отъ прежнихъ инокъ исповѣда, еже бы кто о немъ извѣстно вмалѣ извѣстилъ, ниже того игумена написася имя въ поминаніи церковнѣмъ, еже написа имя того старца Марка, и сего ради повелѣ въ поминаніи имя его загладити, мня въ себѣ и глаголя: яко неправедно написано бысть.—

„. . . . Бысть же ему отъ Бога извѣщеніе нѣкако, и абіе повелѣваетъ пѣти молебная и молитъ братію, дабы привели" и т. д.

ib. л. 25.

Игуменъ же Корнилій сумняся о семъ, праведно ли внесеся въ синодикъ имя старца Марка, понеже никто отъ прежнихъ инокъ точно не извѣстилъ о томъ, и сего ради повелѣ изъ синодика имя его изгладити, мня въ себѣ, яко неправедно написано бысть.—

„. . . . Бысть же ему извѣщеніе нѣкое, яко сего ради страждетъ, понеже изгладилъ имя старца Марка. И абіе начатъ молити братію, дабы привели" и т. д.—

Изъ приведенныхъ образцовъ можно видѣть, что въ печатномъ изданіи сдѣланы сокращенія рукописнаго текста, объясненія не совсѣмъ понятныхъ его выраженій и попытка примѣнить старинный русскій слогъ памятника къ оборотамъ церковно-славянской рѣчи.

Для изученія исторіи Псково-печерской монастырской жизни съ фактической ея стороны печатныя изданія монастырской лѣтописи, несмотря на указанные недочеты, однако могутъ быть признаны вполнѣ достаточнымъ руководствомъ. Но они не могутъ замѣнить собою рукописныхъ списковъ и являются неполнымъ памятникомъ исторіи этой жизни при изученіи идейной ея стороны, какъ она объяснялась самими иноками—лѣтописцами. Равнымъ образомъ, печатное изданіе не даетъ возможности прослѣдить самый процессъ постепенной литературной обработки монастырской лѣтописи, такъ какъ оно имѣетъ дѣло съ одною лишь второю ея редакціею.

Разсмотрѣнная нами лѣтопись Псково-печерскаго монастыря представляетъ собою основной источникъ по исторіи Псково-печерской обители. Но въ псковской письменности конца того же XVI в. имѣется и другой, второстепенный источникъ для исторіи монастырской печерской жизни, изображающій собою отношенія Печерскаго монастыря къ Пскову. Это— „повѣсть преславна, сказаема о пришествіи Пресв. Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи печерскія въ богоспасаемомъ градѣ

Псковѣ въ прихожденіе литовскаго короля Стефана съ великимъ и гордымъ войскомъ на великій и славный градъ Псковъ". Повѣсть представляетъ собою памятникъ довольно распространенный въ древне-русской письменности XVII в. Она нѣсколько разъ издана и печатно: въ Чт. Общ. И. и Др. Р. 1847 г., кн. I, стр. 1—47—Бодянскимъ; и въ Пск. Губ. Вѣд. за 1876 г., №№ 44—51. (неофф. части) [1]).

Для изслѣдователя исторіи мѣстной монастырской жизни этотъ памятникъ интересенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ даетъ возможность сопоставить между собою описанія псковской осады, сдѣланныя печерскимъ лѣтописцемъ и другимъ неизвѣстнымъ лицемъ, тоже современникомъ и очевидцемъ описываемыхъ событій. Во-вторыхъ, въ виду того, что составленіе этого памятника нѣкоторыми изслѣдователями приписывается иноку Елеазаровскаго монастыря Серапіону, его можно было бы разсматривать, какъ памятникъ монастырской письменности, пополняющій собою наши свѣдѣнія о литературныхъ занятіяхъ псковскихъ монаховъ. Къ сожалѣнію, указанія объ авторствѣ Серапіона сдѣланы безъ ссылки на источникъ, изъ котораго они заимствованы, и, такимъ образомъ, мнѣніе это представляетъ собою не болѣе, какъ предположеніе [2]). Разсмотримъ этотъ памятникъ со стороны заключающихся въ немъ данныхъ для исторіи Печерскаго монастыря.

По сравненію съ соотвѣтствующею ей статьею монастырской лѣтописи, повѣсть подробнѣе и точнѣе изображаетъ событія осады Пскова; въ нѣкоторыхъ случаяхъ вноситъ даже новыя извѣстія, касающіяся участія въ защитѣ Пскова монаховъ Печерской обители. Прежде всего, въ повѣсти подробнѣе изложены причины войны съ Польшею,—это насилія „отъ вифляндстія земли нѣмець", отъ которыхъ страдали не только пограничныя селенія и города, но и самая Печерская обитель [3]). Въ защиту этого св.

---

[1]) По рукописи Псков. Археол. Общества повѣсть эта издана Ушаковымъ въ „Трудахъ Псков. Арх. Общ." за 1903—4 г. Псковъ 1905 г., стр. 1—69.

[2]) Серапіону приписываютъ составленіе повѣсти м. Евгеній (Слов. ист. о. пис. д. ч. Спб. 1827 г. изд. 2, т. II, стр. 200), арх. Филаретъ (Обзоръ р. д. л. 3 изд. Спб. 1884 г. стр. 164) и арх. Леонидъ „Систем. опис. рукоп. гр. А. С. Уварова". М. 1894 г. ч. III, стр. 16. Въ послѣсловіи списка б-ки Археол. Ком. говорится, что повѣсть эта списана псковскимъ изографомъ Василіемъ. По объясненію г. Тимофеева, Василій не былъ авторомъ повѣсти, а только переписчикомъ. (См. Н. Барсуковъ, „Рукописи Арх. Ком." Спб. 1882 г., стр. 18—19).—Ушаковъ въ предисловіи къ изданію повѣсти замѣчаетъ, что авторомъ ея былъ „монахъ—игуменъ", но дѣлаетъ это безъ всякихъ основаній.

[3]) Чт. О. И. и Др. стр. 2: „не токмо же многимъ мѣстомъ тоя страны, но и всѣмъ градомъ многа зла сотворяютъ и насилуютъ, но и чюдотворное и св. мѣсто Успенія Пр. Б-цы Печер. м-ря около все обвоевали и заступиша, и многозѣльная злая монастырю творяще". Въ Псковскомъ спискѣ повѣсти это мѣсто читается такъ: „не токмо его государевымъ градомъ и весямъ тамо приближнимъ насилуютъ, но и подъ чюдотворное мѣсто печерское крѣпцѣ вооружающимся оутѣсняютъ". Пск. Г. В. № 44.—Послѣдній списокъ относится

мѣста и начинаетъ войну государь: „за богородицынъ домъ на враги ополчается" (стр. 2). Событій этой начальной войны въ Ливоніи монастырскій лѣтописецъ не касается. Отмѣтивъ первые успѣхи русскихъ въ борьбѣ за Печерскую обитель и пограничныя вообще мѣста, авторъ повѣсти говоритъ, что въ благодарность за успѣхъ на войнѣ Іоаннъ Грозный: „безчисленное множество злата и сребра пречистѣй Б-цы въ домъ предаде" [1]). Монастырскій лѣтописецъ въ своей характеристикѣ отношеній Грознаго къ монастырю опускаетъ и этотъ частный фактъ.

Въ изложеніи осады Пскова Баторіемъ авторы обоихъ памятниковъ въ общемъ сходны между собою. Авторъ повѣсти лишь точнѣе и подробнѣе отмѣчаетъ отдѣльные факты этой осады; его описаніе во многихъ случаяхъ напоминаетъ собою дневникъ очевидца, какимъ очевидцемъ, какъ замѣчено выше, не былъ монастырскій лѣтописецъ. Въ нашу задачу не входитъ подробный сравнительный обзоръ содержанія двухъ памятниковъ, такъ какъ для насъ въ повѣсти осады имѣютъ цѣнность лишь тѣ мѣста, которыя относятся къ исторіи участія въ этой осадѣ монастыря. И съ этой стороны въ повѣсти находимъ нѣкоторыя не безъинтересныя дополненія. Такъ, составитель точнѣе отмѣчаетъ участіе въ защитѣ города игумена Тихона и келаря Арсенія Хвоста. Онъ отводитъ первое мѣсто печерскому игумену въ числѣ тѣхъ „священныхъ начальникъ", которые руководили тогда въ Псковѣ церковными процессіями [2]). Имя Арсенія у него упоминается въ числѣ монаховъ—защитниковъ Покровской башни: „печерскаго монастыря келарь Арсеній, именуемый Хвостъ, казначей Р. Бог. Снѣтогорскаго монастыря Іона Наумовъ, третій Мартирій игуменъ,—знаемъ бѣ той во Псковѣ всѣми". При этомъ онъ добавляетъ: „сіи же предпомянутыи черноризцы плотскимъ уроженіемъ дѣти боярскіе, и егда бѣяху въ мірѣ, тогда искусни воины были" [3]). У монастырскаго лѣтописца келарь Арсеній упоминается лишь, какъ одинъ изъ разсказчиковъ о видѣніи Дороѳея.

Подробнѣе описано въ повѣсти и видѣніе Дороѳея и точно обозначено время этого видѣнія: „августа 29, въ послѣднемъ часу дни" (стр. 18). Въ числѣ святыхъ, явившихся вмѣстѣ съ Богоматерью и умолявшихъ ее помиловать городъ, упоминаются Евфросинъ и преп. Савва Крыпецкій. Но здѣсь нѣтъ замѣчанія объ описаніи этого видѣнія пѣвцемъ Митрофаномъ.

въ 1765 году. По предположенію издателя, повѣсть была „написана для включенія въ службу Богоматери или для такъ называемаго синаксаря, который обыкновенно читается во время всенощной" (ib.)

[1]) Стр. 4. Въ Псковскомъ спискѣ: „безчисленное множество злата и сребра и примногіе села и узорочія новоплѣненыя монастырю передаде". № 44 Пск. Губ. Вѣд.

[2]) „Тогда бяше въ преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ томъ Псковѣ отъ священныхъ начальникъ успенія преч. Б-цы Печерскаго монастыря игуменъ Тихонъ" (стр. 15).

[3]) стр. 30.

Въ оцѣнкѣ описываемыхъ событій оба повѣствователя сходны между собою. И авторъ повѣсти, какъ и монастырскій лѣтописецъ, въ избавленіи Пскова отъ осады Баторія видитъ чудесное событіе, въ которомъ выразился особый покровъ Божіей Матери надъ городомъ. „И тако,—заключаетъ онъ свою рѣчь,—благодатію Христовою и пресвятыя Богородицы явленыя спасенъ бысть великій градъ Псковъ“ [1]).

Отсутствіе хронологической даты составленія этой повѣсти не даетъ возможности опредѣлить: какое изъ двухъ описаній является болѣе раннимъ памятникомъ. Во всякомъ случаѣ, для предположенія о вліяніи одного изъ описаній на другое въ содержаніи этихъ повѣстей нѣтъ никакихъ данныхъ. Мнѣніе арх. Филарета, что продолжатель начальной лѣтописи, инокъ Григорій: „внесъ въ сочиненіе Корнилія повѣсть Серапіона объ осадѣ монастыря (?) Баторіемъ“,—ни на чемъ не основано [2]).

Кромѣ печерской „повѣсти“, сохранилась еще „Повѣсть о явленіи чюдотворныхъ иконъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи во области града Пскова на Синичьи горѣ“,—историческій памятникъ о событіяхъ возникновенія Святогорскаго Успенскаго монастыря. Святогорская повѣсть помѣщена въ рукописи XVII в. библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № $^{99}/_{100}$ in 4-o, на л. 260—284, и поступила сюда изъ библіотеки митр. Евгенія Болховитинова. Это—единственный, сохранившійся до нашего времени, древній списокъ памятника.

Въ палеографическомъ отношеніи списокъ не представляетъ собою какихъ-либо особенностей. Онъ написанъ скорописью XVII в., съ обычными для того времени погрѣшностями въ орѳографіи. Судя по составу статей, сборникъ этотъ псковскаго происхожденія. Въ немъ есть и другое псковское сказаніе, о чудѣ отъ иконы Одигитріи Б. М. въ 1631 г., на л. 287—297 об.

Интересна, прежде всего, исторія разсматриваемаго памятника. Повѣсть извѣстна была митр. Евгенію по списку, хранившемуся въ началѣ XIX в. въ Святогорскомъ монастырѣ. Въ своемъ „Описаніи Святогорскаго Успенскаго монастыря“, Дерптъ, 1821 г., стр. 3, Евгеній назвалъ ее древнею лѣтописью, но не сдѣлалъ никакихъ указаній ни о составѣ этого памятника, ни объ отношеніи монастырскаго списка къ списку, принадлежавшему преосвященному. Равнымъ образомъ неизвѣстно, откуда и какимъ способомъ былъ пріобрѣтенъ митр. Евгеніемъ списокъ святогорской повѣсти. А между тѣмъ всѣ эти вопросы имѣютъ важное значеніе для опредѣленія литературной исторіи изучаемаго памятника.

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ библіотекѣ Святогорскаго монастыря нѣтъ стариннаго списка повѣсти, о которомъ упоминаетъ м.

---

[1]) Стр. 47. Въ псковскомъ спискѣ замѣчено, что Господь избавилъ Псковъ отъ враговъ: „маніемъ неизреченнаго своего милосердія.“ Пск. Губ. Вѣд. № 51-й.

[2]) Обз. р. дух. лит., изд. 3, Спб. 1884 г. стр. 157.

Евгеній; нѣтъ никакихъ свѣдѣній и объ обстоятельствахъ утраты этого монастырскаго списка. Въ монастырѣ имѣются лишь новые списки повѣсти, XIX в., изъ которыхъ одинъ снятъ со списка, тоже новаго, изъ библіотеки Полянской церкви. Оба эти монастырскіе списка по содержанію не во всемъ сходны другъ съ другомъ; отличаются они и отъ списка евгеніевскаго. Такимъ образомъ, трудно опредѣлить, который изъ трехъ списковъ болѣе соотвѣтствуетъ этой утраченной „древней лѣтописи" [1]).

Затѣмъ, раньше уже замѣчено нами, что нѣкоторые изъ монастырскихъ памятниковъ, находившихся въ пользованіи митр. Евгенія, не были имъ возвращены, остались въ его библіотекѣ. Возникаетъ, естественно, вопросъ: не представляетъ ли собою евгеніевскій списокъ той именно лѣтописи, которая хранилась раньше въ монастырѣ, и нельзя ли литературную исторію памятника начать прямо съ этой его редакціи?—Судя по сохранившимся, правда незначительнымъ даннымъ, на этотъ вопросъ нельзя дать положительнаго отвѣта. Въ полянскомъ спискѣ повѣсти мы читаемъ слѣдующую замѣтку: „написана сія повѣсть въ лѣто 1837, мѣсяца маія, въ семъ Святогорскомъ монастырѣ изъ древней лѣтописи или повѣсти". Отсюда, утрату монастырскаго списка нужно отнести ко времени послѣ 1837 г., т. е. по крайней мѣрѣ, черезъ 16 лѣтъ послѣ того, какъ имъ пользовался преосв. Евгеній. Къ этому времени онъ уже закончилъ свои занятія псковскою исторіею.

Вторая половина приведенной замѣтки говоритъ, повидимому, за то, что для опредѣленія состава первоначальной редакціи повѣсти большее значеніе можетъ имѣть полянскій списокъ, такъ какъ онъ представляетъ собою копію съ утраченнаго монастырскаго списка. Списки евгеніевскій и монастырскій, болѣе подробные по содержанію, нужно, значитъ, разсматривать, какъ позднѣйшія редакціи повѣсти. Но такіе выводы, основанные на данныхъ полянскаго списка, не могутъ быть признаны безусловно вѣрными. Дѣло въ томъ, что слогъ полянскаго списка во многихъ мѣстахъ подновленъ и несомнѣнно не соотвѣтствуетъ оригиналу. А при такихъ условіяхъ можно сомнѣваться и о соотвѣтствіи между двумя этими списками по содержанію. Первоначальный составъ памятника приходится устанавливать путемъ сравнительнаго изученія всѣхъ сохранившихся списковъ и дѣлать выводы, для которыхъ не всегда можно указать точныя данныя.

Главнымъ содержаніемъ памятника, по евгеніевскому и монастырскому спискамъ, служатъ разсказы о двукратномъ явленіи чудотворныхъ иконъ Одигитріи и Умиленія Божіей Матери и о чудесахъ отъ этихъ иконъ во время явленія и во время установленнаго позднѣе крестнаго хода изъ монастыря въ Псковъ. Съ этой стороны памятникъ можно раздѣлить на

---

[1]) Для краткости мы будемъ называть эти списки: евгеніевскій, полянскій и монастырскій.

двѣ части: описаніе явленій (по евгеніевскому списку, л. 260—268) и описаніе чудесъ (л. 268—282 [1]). Но на ряду съ этимъ главнымъ предметомъ содержанія въ повѣсти имѣются и другіе разсказы: біографія блаж. Тимоѳея, удостоившагося видѣній и предсказаній о явленіи иконъ, и замѣтка объ основаніи на мѣстѣ явленія монастыря,—наиболѣе интересная въ историческомъ отношеніи.

По изложенію повѣсти можно судить, что составитель ея былъ человѣкъ книжный, умѣвшій витіевато, съ обычными для того времени риторическими пріемами, вести свой разсказъ, и что онъ поставилъ себѣ не столько историческія цѣли, сколько назидательныя. Онъ такъ мало говоритъ о Святогорскомъ монастырѣ, что трудно допустить, чтобы это былъ святогорскій монахъ, составлявшій свой трудъ или по личной иниціативѣ, или, какъ чаще это бывало, по порученію монастырскаго начальства. Къ тому же, когда онъ упоминаетъ о монастырѣ или о святой горѣ, на которой явились иконы, то обычно выражается: „тоя обители" (л. 277 об., 278), „на той горѣ" (л. 269 об.).

Несомнѣнно, затѣмъ, что составитель повѣсти, по евгеніевской редакціи, не былъ очевидцемъ или современникомъ описанныхъ имъ событій явленія иконъ и основанія монастыря. Это видно и изъ его словъ. Переходя къ описанію чудесъ, авторъ повѣсти замѣчаетъ: „время же прейде не мало по явленіи, и въ та убо многая мимошедшая лѣта быша многая и неизреченная предивная чюдеса" (л. 273). Въ другомъ случаѣ, при описаніи чуда, происшедшаго во время управленія псковскою епархіею арх. Іоакима,—значитъ, между 1616—1623 г.,—онъ говоритъ, что это чудо совершилось „во дни наша" (л. 276). Но и это не значитъ, чтобы составитель повѣсти былъ очевидцемъ упомянутаго чуда. Далѣе онъ самъ говоритъ, что запись чуда произведена уже послѣ смерти исцѣленнаго, случившейся черезъ 15 лѣтъ послѣ исцѣленія, не раньше, такимъ образомъ, 1631 г. Есть, затѣмъ, прямое указаніе, что повѣсть составлена позднѣе 1647 г. Объ установленіи порядка крестнаго хода изъ монастыря въ Псковъ авторъ повѣсти замѣчаетъ: „въ лѣто же 7155 уставиша проводити тѣ чюдотворныя иконы въ среду, въ шестый день по внесеніи во градъ, и оттолѣ и донынѣ тако творятъ, а иногда же и во инъ день провождаху, когда архіепископъ изволяше" (л. 274 об.). Наконецъ, хронологическія даты въ описаніи двухъ чудесъ, совершившихся въ монастырѣ: одно 7160 г., при игуменѣ Веніаминѣ, второе при его преемникѣ, игум. Антоніи, ясно говорятъ, что редакція повѣсти, помѣщенная въ евгеніевскомъ спискѣ, могла появиться не раньше второй половины XVII в., по крайней мѣрѣ, спустя 90 лѣтъ послѣ явленія иконъ и основанія Святогорскаго монастыря.

Можно догадываться и о ближайшемъ поводѣ къ составленію этой редакціи. Такимъ поводомъ было установленіе въ 1647 г. болѣе точнаго порядка крестнаго хода въ Псковъ.

---

[1]) Цитація въ рукописи невѣрная.

Несомнѣнно, что и высшая церковная власть, и сами святогорскіе монахи были заинтересованы въ томъ, чтобы это крестохожденіе обставить торжественнѣе. А для послѣдней цѣли очень важно было ввести при богослуженіи чтеніе нарочито составленной повѣсти о явленіи иконъ Божіей Матери на Синичьей горѣ и о многочисленныхъ чудесахъ отъ нихъ какъ въ первое время, такъ и позднѣе, въ XVII в. Сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что подобное чтеніе было давно уже введено печерскими монахами для службы во время печерскаго крестнаго хода въ Псковѣ. Для установленія порядка новаго крестнаго хода естественнѣе всего было заимствовать кое-что изъ порядка уже существовавшихъ крестныхъ ходовъ. За наличность такого повода къ составленію повѣсти ясно говоритъ и характеръ ея изложенія. Авторъ нерѣдко свой разсказъ прерываетъ назидательнымъ обращеніемъ къ слушателямъ, и эта часть въ его сочиненіи количественно даже превышаетъ обычную норму назиданія въ тѣхъ древне-русскихъ повѣстяхъ, которыя составлялись не исключительно для церковнаго чтенія. Такъ, напр., послѣдніе пять листовъ (278 об.—282 об.) посвящены исключительно наставленію слушателямъ и изложенію молитвы къ Богоматери. Подобные же перерывы въ историческомъ разсказѣ встрѣчаются и раньше (л. 270—1, 273, 276). Въ общемъ третья часть всего состава повѣсти отведена спеціально назиданію.

Разсматривая отдѣлъ описанія чудесъ (л. 276—278 об.), замѣчаемъ, что въ немъ рѣчь идетъ исключительно о событіяхъ позднѣйшихъ, совершившихся, по выраженію автора: „во дни наша“, т. е. приблизительно между 20 и 50-ми годами XVII столѣтія. Объ этихъ чудесахъ авторъ повѣсти могъ знать частію по разсказамъ очевидцевъ и въ томъ числѣ святогорскихъ монаховъ (о чудесахъ въ монастырѣ), частію и по личнымъ своимъ наблюденіямъ. Такъ какъ все это были событія недавнія, то и разсказъ о нихъ въ повѣсти подробный и точный. Указываются какъ мѣсто и время совершенія того или другого чуда, такъ и обстановка, при которой оно совершилось. Но о чудесахъ, случившихся ранѣе указаннаго періода, авторъ, по собственному его признанію, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Онъ самъ говоритъ, что, несмотря на многочисленность чудесъ, совершавшихся въ монастырѣ, о нихъ не было никакой записи: „время же прейде немало по явленіи, и въ та убо многая мимошедшая лѣта быша многая и неизреченная предивная чюдеса, ихъ же множества ради и долготы словесъ не исписаны быша“ (л. 273 об.). Отсюда, въ повѣсти нѣтъ никакихъ извѣстій о событіяхъ монастырской жизни за періодъ отъ 1570 г. до 1616—24 гг. Но исторія возникновенія обители и событій, предшествовавшихъ этому, повидимому, хорошо была извѣстна составителю повѣсти. Его разсказы о явленіи иконъ на Синичьей горѣ, біографическія свѣдѣнія о блаж. Тимоѳеѣ, описаніе чуда, случившагося 1 октября и послужившаго поводомъ къ устройству монастыря, отличаются содержательностію, полнотою и сравнительною точностію хронологическихъ датъ. Въ описаніи явленій, при опредѣленіи мѣстъ, времени и внѣшней обстановки, авторъ не опускаетъ даже мелкихъ чертъ, что возможно лишь въ

описаніяхъ современника или очевидца. Равнымъ образомъ, и біографію Тимоѳея онъ излагаетъ съ такими подробностями, какія не всегда встрѣчаются и въ спеціально біографическихъ памятникахъ старинной письменности. Очевидно, для этой части повѣсти авторъ имѣлъ хорошій матеріалъ. Допустить, чтобы всѣ эти свѣдѣнія въ теченіе 90 лѣтъ съ такою полнотою сохранились въ устномъ преданіи, за исключеніемъ однихъ лишь сказаній о многочисленныхъ чудесахъ, очень трудно. Естественнѣе предположить, что у составителя повѣсти въ данномъ случаѣ былъ письменный источникъ, которымъ онъ и воспользовался, и что, такимъ образомъ, его трудъ, помѣщенный въ евгеніевскомъ спискѣ, не представляетъ собою первоначальной редакціи повѣсти. Правильность такого предположенія подтверждаетъ полянскій списокъ повѣсти. Одновременно съ этимъ онъ даетъ намъ возможность опредѣлить какъ составъ первоначальной повѣсти, такъ и время ея написанія.

Въ полянскомъ спискѣ помѣщены слѣдующіе разсказы: о явленіи иконъ, о жизни блаж. Тимоѳея, объ устройствѣ обители и краткая замѣтка о первоначальномъ установленіи крестнаго хода въ Псковъ, оканчивающаяся тоже краткою молитвою къ Богоматери. О чудесахъ, совершившихся послѣ основанія монастыря, въ этомъ спискѣ не говорится, а только дѣлается общая замѣтка, что „слышавше сія (т. е. о явленіи иконъ), православніи стекахуся съ радостію на поклоненіе на сію Синичью гору, яже нынѣ глаголется Святая гора, и возвращахуся съ пользою душевною, благодаряще Бога и Пречистую Богородицу“. Къ этой замѣткѣ вполнѣ подходитъ дополненіе, сдѣланное редакторомъ евгеніевскаго списка: „стицахуся народи мнози отъ всѣхъ странъ на Святую сію гору, въ церковь Богоматере, и многа исцѣленія быша болящимъ различными недуги, приходящимъ съ вѣрою; имена же исцѣлевшихъ не написаны, но вкратцѣ сіе написано“ (л. 270). Въ полянскомъ спискѣ, дѣйствительно, нѣтъ упоминанія именъ получившихъ исцѣленія. Вѣроятно, такой же составъ статей былъ и въ древнемъ монастырскомъ спискѣ повѣсти, утраченномъ послѣ 1837 года.

Если полянскій списокъ соотвѣтствуетъ оригиналу, то по его замѣткѣ объ архіепископѣ псковскомъ, установившемъ крестохожденіе въ Псковъ, можно заключить, что древняя повѣсть была составлена въ началѣ XVII в., не раньше 1616 года.

Остается теперь выяснить обстоятельства, при которыхъ появилась эта древняя редакція повѣсти. Она, во всякомъ случаѣ, не представляла собою первой записи событій явленія иконъ. Такая запись была сдѣлана,—только не въ формѣ повѣсти, а въ формѣ оффиціальнаго доклада высшей свѣтской власти,—одновременно съ явленіемъ иконъ. Во всѣхъ сохранившихся спискахъ повѣсти говорится, что царскій намѣстникъ въ Псковѣ, князь Георгій Токмаковъ, о явленіи иконъ и о чудѣ 1 октября, послѣ разслѣдованія этихъ событій: „возвѣсти писаніемъ вседержавному царю, государю и великому князю Іоанну Васильевичу всеа Росіи“ (л. 268 и 269 об.). Это „писаніе“, несомнѣнно, представляло собою болѣе или

менѣе подробный разсказъ о событіяхъ на Синичьей горѣ вообще и о личности блаж. Тимоѳея въ частности, составленный однимъ изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, которые „исцѣлевшихъ дозираху, истина ли сіе будетъ“ (л. 268). Оффиціальный докладъ Токмакова въ свою очередь могъ послужить поводомъ и отчасти дать матеріалъ для составленія разсказа уже неоффиціальнаго, въ формѣ повѣсти, предназначеннаго для тѣхъ многихъ людей, которые послѣ устройства обители: „стицахуся отъ всѣхъ странъ на Святую сію гору, въ церковь Богоматере“ (л. 270). Составителемъ повѣсти могъ быть монахъ Святогорскаго монастыря. Въ такомъ видѣ представляемъ мы начальную исторію памятника.

Этою первоначальною, краткою редакціею повѣсти и воспользовался составитель пространной редакціи, помѣщенной въ евгеніевскомъ спискѣ. Написанное вкратцѣ предшественникомъ о явленіи иконъ и о жизни блаж. Тимоѳея онъ пополнилъ нѣсколько съ литературной стороны различнаго рода риторическими украшеніями, а затѣмъ отъ себя описалъ позднѣйшія чудеса и подробности установленія новаго порядка крестнаго хода въ 1647 г. Отдѣла о чудесахъ за періодъ отъ основанія монастыря до 20-хъ годовъ XVII стол., опущеннаго въ древней повѣсти, не находимъ и въ этой редакціи. Взамѣнъ фактическаго разсказа составитель ограничился лишь риторическими восклицаніями (л. 270 об.—271, 272 об.—273 об.), заключивъ ихъ слѣдующимъ признаніемъ о невозможности сказать что-нибудь точное: „паче же убо кто можетъ исповѣдати или подробну исписати поистиннѣ многая и преславная предивная чюдеса Пресв. Богородицы“. Въ концѣ повѣсти онъ помѣщаетъ особую молитву къ Богоматери (л. 280—2 об.), которая встрѣчается и въ другихъ памятникахъ,—напр., въ описаніи чуда отъ иконы Одигитріи Божіей Матери въ Псковѣ въ 1631 г. (л. 295 об.—296). Въ его изложеніи эта молитва представляетъ собою видоизмѣненіе и расширеніе краткой молитвы, помѣщенной въ древней повѣсти, въ полянскомъ спискѣ.

Не называя въ числѣ своихъ источниковъ первоначальной редакціи повѣсти, авторъ евгеніевской редакціи дѣлаетъ зато намекъ о своемъ знакомствѣ съ какими-то „лѣтописными книгами“. Въ описаніи кончины блаж. Тимоѳея онъ говоритъ: „сія же проповѣдь раба Божія Тимоѳея бысть въ Великомъ Новѣ-градѣ не за много лѣтъ предъ плѣненіемъ того града, еже бысть въ лѣта 7078-го, якоже въ лѣтописныхъ книгахъ написано“ (л. 272 об.). Какія именно лѣтописныя книги извѣстны были автору, онъ не разъясняетъ этого. Но несомнѣнно, что онъ не пользовался первою псковскою лѣтописью, въ которой есть замѣтка о явленіи святогорскихъ иконъ. Иначе авторъ не повторилъ бы хронологическихъ датъ своего предшественника или, по крайней мѣрѣ, разъяснилъ бы намъ несогласіе его показаній съ лѣтописью.

Третій изъ сохранившихся списковъ повѣсти, который мы назвали монастырскимъ, не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо новыхъ данныхъ для литературной исторіи памятника и въ историческомъ отношеніи не представляетъ собою особаго интереса. По содержанію онъ близко стоитъ

къ евгеніевскому списку и представляетъ собою сокращенную редакцію повѣсти. Въ этомъ спискѣ нѣтъ тѣхъ страницъ назиданія, которыя отмѣтили мы въ евгеніевской редакціи, а равно и описанія событій, относящихся къ крестохожденію въ Псковъ. Въ болѣе краткомъ видѣ описаны и чудеса. По упоминанію о чудѣ въ 1652 г. можно приблизительно опредѣлить время составленія этой новой редакціи. Она не могла появиться раньше второй половины XVII в. и по всей вѣроятности представляетъ собою передѣлку евгеніевской редакціи. Опредѣлить точнѣе, когда была произведена эта передѣлка, нѣтъ возможности; монастырскій списокъ слишкомъ поздній, его слогъ совсѣмъ не старинный, чтобы дѣлать какія-либо заключенія. Отношеніе этого списка къ евгеніевскому очень напоминаетъ отношеніе печатныхъ изданій житій святыхъ въ началѣ XIX в. къ ихъ рукописнымъ источникамъ. Не зная пріемовъ издателей, можно было бы заключить, что печатныя изданія представляютъ собою новыя редакціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они только передѣлка подлинника, результатъ излишне свободнаго отношенія къ оргиналу. То же самое нужно сказать и о разсматриваемой редакціи повѣсти. Отсюда, можно допустить, что эта новая редакція появилась уже въ XIX столѣтіи.

Дополненія, сдѣланныя въ разсказѣ о явленіи иконъ и въ біографіи блаж. Тимоѳея, не представляютъ собою чего-либо цѣннаго въ историческомъ отношеніи. Заслуживаетъ вниманія лишь замѣтка о кончинѣ Тимоѳея. Въ полянскомъ и евгеніевскомъ спискахъ говорится, что блаж. Тимоѳей въ Новгородѣ за свою проповѣдь былъ отосланъ въ заточеніе и „скончася, мученически пострада“ (л. 272 об). Въ этомъ спискѣ дѣло представлено правдоподобнѣе. „Блаженный Тимоѳей пойдя по градомъ и весямъ, возвѣщая о явленіи св. иконъ Б. М. Умиленія и Одигитріи на Святой горѣ, Псковской области, вблизи града Воронича и рѣки Сороти; съ каковымъ извѣщеніемъ пріиде въ Новъ-градъ, гдѣ занемогоше отъ трудовъ проповѣди и прейде отъ сего земного житія въ вѣчное блаженство, и погребоша во святой Софіи.“ Остальные варіанты въ разсматриваемомъ спискѣ касаются, главнымъ образомъ, подробностей въ описаніи Синичьей и Тимофеевой горъ.

Несомнѣнно, что эта редакція повѣсти составлена человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ мѣстностію, гдѣ произошло явленіе иконъ, а также и съ мѣстными старинными преданіями о событіяхъ этого явленія. Новая редакція составлена не для церковнаго употребленія; этимъ и объясняется незначительность назидательнаго элемента въ ея содержаніи, по сравненію съ редакціею евгеніевскою.

Обобщая сказанное о святогорской повѣсти, можно представить литературную исторію этого памятника приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Первоначальная редакція повѣсти была составлена въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія для чтенія за богослуженіемъ въ монастырской церкви. Затѣмъ, во второй половинѣ того же вѣка эта редакція была переработана и дополнена для чтенія въ Псковѣ, за службою во время крестнаго хода. Позднѣе, и очевидно въ монастырѣ, и эта вторая редакція измѣнялась и

части дополнялась: подвергалась сокращенію ея назидательная часть и осились нѣкоторыя дополненія въ повѣствовательную часть. Списокъ рвой редакціи утраченъ въ XIX столѣтіи, и копіею съ него, не очень ною, можно считать полянскій списокъ повѣсти. Вторая редакція хранилась въ евгеніевскомъ спискѣ, а ея позднѣйшая передѣлка—въ искѣ, названномъ нами монастырскимъ.

Историческое значеніе разсмотрѣннаго памятника и вообще, и въ частости для изложенія начальной исторіи святогорской обители очень не ико. Изслѣдователю исторіи псковскаго монашества приходится останаиваться на этомъ памятникѣ, во-первыхъ, потому, что онъ пока совсѣмъ изслѣдованъ, и во-вторыхъ, потому, что онъ представляетъ собою почти инственный источникъ по начальной исторіи Святогорскаго монастыря.

Болѣе подробнымъ источникомъ по исторіи монашества являются тія святыхъ. Въ прежнее время этимъ памятникамъ придавалось важе историческое значеніе, и по нимъ, очень полно воспроизводилась изнь русскихъ подвижниковъ, хотя и оказывалось, что описанія жизни которыхъ святыхъ являлись похожими одно на другое. Теперь, послѣ слѣдованія проф. В. О. Ключевскаго: „Др. Р. Ж. Св., какъ историч. точникъ“ (М. 1871 г.), такое довѣрчивое отношеніе къ этому источнику изнается уже не научнымъ, и біографія святаго, составленная по житію, зъ критической провѣрки его сообщеній, пригодна лишь для назидательго чтенія, а не для научнаго сочиненія. Оказалось, что житіе только названію своему представляетъ собою историко-біографическій паятникъ, а по содержанію это—скорѣе памятникъ церковно-ораторской тературы, въ которомъ преслѣдуются цѣли, главнымъ образомъ, не ографическія. Только первичныя редакціи житій, составленныя не для рковнаго употребленія, да отдѣлъ описанія чудесъ могутъ быть признаны торическими источниками, цѣнными для научныхъ работъ. Большинство житій, составленныхъ по поводу канонизаціи святыхъ, являются мятниками, въ которыхъ форма не только господствуетъ надъ содержаемъ, но нерѣдко прямо обезличиваетъ и даже поглащаетъ его. И чѣмъ ытнѣе былъ біографъ въ дѣлѣ писанія житій, тѣмъ меньше у него ктическихъ данныхъ о личности святаго. Его житіе составлено „по разу и по подобію, якоже и прочимъ святымъ“, и изображаемый имъ движникъ является во многихъ случаяхъ точно такимъ же, „якоже и очіи святіи“, вмѣсто живой личности получается литературный типъ наха-аскета. Чѣмъ опытнѣе списатель, чѣмъ больше онъ былъ знакомъ житійною литературою, тѣмъ труднѣе опредѣлить, насколько изобранный имъ идеальный типъ подвижника соотвѣтствуетъ дѣйствительной чности святаго. Так. образомъ, фактъ, что въ настоящее время по тіямъ святыхъ нельзя составлять полныхъ научныхъ біографій, послѣ слѣдованій проф. Ключевскаго, является настолько несомнѣннымъ, что тъ нужды и распространяться объ этомъ. Новѣйшій изслѣдователь усскихъ житій, А. Кадлубовскій, обобщая выводы проф. Ключевскаго,

дѣлаетъ къ нимъ такую характерную замѣтку: „можно было по готовымъ формуламъ написать житіе святаго, о которомъ не было извѣстно ничего, кромѣ имени и того основного содержанія его жизни, что онъ былъ инокомъ и подвижникомъ [1]).

Но если житія не даютъ возможности съ точностію воспроизвести жизнь того или другого святаго, если въ нихъ святые являются похожими въ общемъ другъ на друга, то не позволяютъ ли они, по крайней мѣрѣ, возстановить особенности въ жизни святыхъ отдѣльной мѣстности, возсоздать типъ мѣстнаго подвижника? Быть можетъ, сходства въ агіобіографическихъ памятникахъ не простирается до полнаго обезразличенія мѣстныхъ особенностей житійной литературы? На эти вопросы, для нашей цѣли существенно важные, въ ученой литературѣ о житіяхъ святыхъ можно находить различные отвѣты.

Если послѣдовательно проводить обобщенія проф. Ключевскаго и не брать во вниманіе отдѣльныхъ житій, представляющихъ собою исключеніе изъ общаго типа житійной литературы, то придется дать отвѣтъ только отрицательный. Такой отрицательный отвѣтъ и находимъ въ изслѣдованіи И. Яхонтова: „Житія св. сѣверно-русскихъ подвижниковъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“ (Казань, 1881 г.). Характеризуя въ заключеніи своей работы историческое значеніе избранной имъ серіи мѣстныхъ житій, этотъ изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ выводамъ: „представленный нами, по возможности подробный, критическій разборъ избранной нами серіи житій святыхъ достаточно показываетъ, какъ съ одной стороны неудобно историку пользоваться этими произведеніями безъ предварительной критической ихъ разработки, а съ другой, какъ мало чисто историческаго матеріала онъ можетъ извлечь изъ нихъ даже и при такой ихъ разработкѣ.“ Значительная часть поморскихъ житій, по мнѣнію Яхонтова, представляетъ собою просто лишь копіи съ житій подвижниковъ другихъ мѣстностей нашего отечества (стр. 332). И этотъ выводъ является особенно неожиданнымъ потому, что изслѣдователь имѣлъ дѣло съ житійною литературою такой мѣстности, гдѣ, по самымъ уже условіямъ умственной жизни, литературное вліяніе должно бы быть незначительнымъ. Заподозрить автора въ тенденціозности или въ поспѣшности обобщеній нѣтъ никакихъ основаній. Наоборотъ, его выводы основаны на точныхъ сравненіяхъ и сопоставленіяхъ поморскихъ памятниковъ съ общерусскими, образцомъ чего можетъ служить изслѣдованіе житія пр. Александра Свирскаго [2]). Можно ли послѣ этого говорить о возсозданіи мѣстнаго типа подвижника по мѣстнымъ житіямъ святыхъ? Конечно нѣтъ. „На основаніи однихъ житій изслѣдователь,—замѣчаетъ Яхонтовъ,—едва ли найдетъ себя въ состояніи возсоздать сколько нибудь удовлетворительно для исторіи даже болѣе общій характеристическій типъ собственно помор-

---

[1]) „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“. Варшава, 1902 г., стр. III.

[2]) Стр. 37—87 и прил. 334—376.

каго подвижника вообще" (222). Авторъ признаетъ историческое значеніе лишь за отдѣломъ описанія чудесъ (333), но и здѣсь онъ указываетъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что и этотъ отдѣлъ испытывалъ на себѣ литературное вліяніе въ формѣ сходной съ отдѣломъ біографическимъ [1]). Такимъ образомъ, историческое значеніе житій святыхъ, даже и какъ памятниковъ мѣстной литературы, въ разсматриваемомъ сочиненіи окончательно дискредитировано. Однако этотъ выводъ въ наукѣ не общепринятый. Нѣсколько иную оцѣнку историческаго значенія мѣстныхъ житій даютъ Н. Коноплевъ въ изслѣдованіи о Вологодскихъ святыхъ, В. Яковлевъ и Д. Абрамовичъ—о Кіево-печерскомъ патерикѣ.

Коноплевъ не преувеличиваетъ историческаго значенія житій: онъ даже склоненъ признать ихъ скорѣе произведеніями литературными, чѣмъ историческими, и считаетъ невозможнымъ на основаніи одного лишь житія составить біографію святаго [2]). Но, отмѣчая недочеты въ житіяхъ, Коноплевъ не опускаетъ изъ вниманія и достоинствъ отдѣльныхъ памятниковъ. Въ результатѣ онъ признаетъ житія вологодскихъ святыхъ цѣнными для изученія исторіи русскаго монашества, въ частности и для характеристики жизни мѣстныхъ святыхъ [3]). Затѣмъ, авторъ призналъ серію разсмотрѣнныхъ имъ житій цѣнною, между прочимъ, и для изученія монастырской колонизаціи [4]). Так. обр., слѣдуя въ общемъ плану изслѣдованій Ключевскаго и Яхонтова, Коноплевъ, по сравненію съ послѣднимъ, приходитъ къ болѣе положительнымъ выводамъ объ историческомъ значеніи мѣстныхъ житій.

Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи: „Древне-кіевскія религіозныя сказанія" (Варшава, 1875 г.), пытается объяснить и причину литературныхъ заимствованій въ древне-русскихъ житіяхъ, представить древнерусское списательство дѣломъ не просто механически-неразсудительнымъ, но отчасти вызывавшимся и фактическими требованіями. Литературныя заимствованія въ житіяхъ и сходство въ характеристикѣ одного подвижника съ другимъ, по мнѣнію Яковлева, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что сами русскіе подвижники старались подражать жизни знаменитыхъ святыхъ, и потому въ монашеской жизни въ различныхъ мѣстностяхъ повторялись одни и тѣ же случаи [5]). Но такое объясненіе пригодно лишь отчасти и въ очень незначительной степени. Представленные въ изслѣдованіяхъ проф. Ключевскаго и Яхонтова примѣры не оставляютъ сомнѣнія, что сходство между житіями зависѣло преимущественно отъ литературныхъ пріемовъ составленія житій и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно влекло за собою даже прямо противорѣчія житійнаго разсказа съ фактическими данными о жизни изображаемаго святаго. Увлекшись

[1]) Стр. 75—86, прил. 342—343.
[2]) „Святые Вологодскаго края." М. 1895 г. стр. 6, 8.
[3]) 34, 43, 60, 72, особенно 86; 106; 109—120.
[4]) 124—130 ср. у Ключевскаго, о. с., стр. I.
[5]) 9, 11—12.

своимъ литературнымъ стороннимъ источникомъ, біографъ нерѣдко игнорировалъ эти фактическія данныя [1]). Даже и по отношенію къ южнорусскимъ житійнымъ памятникамъ: житію Θеодосія и разсказамъ кіевопечерскаго патерика, объясненіе Яковлева можетъ быть принято лишь съ большими оговорками. Несмотря на то, что эти памятники составлены при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, нельзя сказать, чтобы они не подчинялись тѣмъ условно-литературнымъ формамъ, съ которыми встрѣчаемся въ житіяхъ позднѣйшаго времени. И у самого Яковлева, и особенно у проф. Абрамовича отмѣченъ въ кіево-печерскомъ патерикѣ цѣлый рядъ литературныхъ заимствованій, изъ которыхъ многихъ нельзя объяснить съ точки зрѣнія Яковлева [2]). Очевидно начало списательства почти современно начальной исторіи русской агіографіи, только оно было чуждо тѣхъ крайностей, съ какими является позднѣе, въ XVI, напр., вѣкѣ. Попытка Абрамовича доказать историческую цѣнность сообщеній патерика путемъ свода всѣхъ мелкихъ фактическихъ извѣстій, заключающихся въ его содержаніи, не смотря на умѣлую систематизацію, кажется все-таки мало доказательною. Въ заключительныхъ строкахъ своей работы самъ авторъ признаетъ разсматриваемый имъ памятникъ лишь „далеко не безразличнымъ историческимъ источникомъ“ [3]). О сочиненіи же Коноплева можно съ увѣренностію сказать, что если бы въ немъ біографіи святыхъ были изложены отдѣльно отъ литературнаго изслѣдованія житій, то эта историческая часть работы и по содержанію, и по общимъ выводамъ менѣе бы говорила въ защиту историческаго значенія мѣстной житійной литературы. Словомъ, по послѣднему вопросу правильнѣе будетъ придерживаться отрицательныхъ взглядовъ Яхонтова и относиться къ извѣстіямъ мѣстныхъ житій съ критическою провѣркою, граничащею иногда прямо съ недовѣріемъ къ біографу. Это—путь болѣе гарантирующій отъ ошибокъ, хотя и стѣсняющій изслѣдователя.

Кромѣ исторической оцѣнки, житія святыхъ подвергались еще оцѣнкѣ со стороны ихъ литературнаго значенія, и въ этомъ отношеніи ихъ достоинство признано несомнѣннымъ. Опуская отзывы о житіяхъ съ этой стороны Шевырева, Буслаева и И. Некрасова, мы остановимся лишь на новѣйшемъ, цитированномъ уже изслѣдованіи А. Кадлубовскаго. Въ этомъ сочиненіи, на примѣрѣ заволжскихъ и волоколамскихъ житій, представлена такая убѣдительная характеристика различныхъ направленій въ житіяхъ, что считать наше списательство дѣломъ какимъ-то безсознательно-страннымъ во многихъ случаяхъ будетъ прямою ошибкою. Списывали не просто „отъ сихъ до здѣ“, но соображаясь съ тѣмъ, какой литературный источникъ и насколько могъ соотвѣтствовать преслѣдуемой

---

[1]) Ключев. о. с. 275, 433.

[2]) Яковлевъ о. с. 70, 75, 90, 103, 106—7, 141, 151 и др. Д. Абрамовичъ, „Изслѣдованіе о кіево-печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ.“ Спб. 1902 г., 142—183.

[3]) ib. стр. 190—204.

цѣли, взглядамъ и направленіямъ партіи, къ которой принадлежали тотъ или другой святой, тотъ или другой списатель. Конечно, и это объясненіе, какъ и объясненіе Яковлева, приложимо не ко всѣмъ случаямъ, но при оцѣнкѣ мѣстныхъ житій святыхъ необходимо имѣть его въ виду. Впрочемъ, должны оговориться, что съ этой точки зрѣнія мы почти не будемъ разсматривать житій псковскихъ подвижниковъ. Дѣлаемъ это не потому, чтобы псковскія житія въ литературномъ отношеніи не представляли собою никакого интереса. Этого нельзя по крайней мѣрѣ сказать о житіи Евфросина. Проф. Архангельскій находитъ даже необходимымъ первую редакцію Евфросинова житія внести въ учебный курсъ исторіи древне-русской литературы, какъ памятникъ, необычайно ярко рисующій умственное настроеніе той эпохи, крайне своеобразный складъ религіозныхъ понятій большинства тогдашнихъ книжниковъ, крайнюю бѣдность, ограниченность ихъ религіозной мысли, ея страшную хаотичность [1]). Мы съ своей стороны думаемъ, что и издаваемая въ приложеніи къ сочиненію начальная редакція житія пр. Никандра псковскаго имѣетъ положительное, хотя и не столь большое значеніе для исторіи древне-русской письменности XVII в. По отзыву А. И. Соболевскаго, это было время замиранія древне-русской литературы; и для такого времени житіе Никандра, съ своимъ живымъ, въ иныхъ случаяхъ прямо народнымъ языкомъ является памятникомъ небезъинтереснымъ. Мы не останавливаемся на литературной оцѣнкѣ псковскихъ житій прежде всего потому, что для нашей цѣли важнѣе историческая сторона житій, чѣмъ литературная. Затѣмъ, всѣ почти псковскія житія появились въ XVI—XVII в.в., послѣ присоединенія Пскова къ Москвѣ, во время м. Макарія и позднѣе, т. е. когда литературная форма житій выработалась уже окончательно и получила общую обязательность. При такихъ условіяхъ трудно ожидать, чтобы въ псковской агіографіи отразились мѣстные псковскіе взгляды, какъ это видимъ, напр., въ лѣтописяхъ. Наконецъ, не только житія иноковъ—подвижниковъ,—за исключеніемъ житія преп. Никандра,—но и житія другихъ псковскихъ святыхъ, а также святыхъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ исторіи монашеской жизни въ Псковѣ (Нифонта Новгор., Исидора Юрьевскаго), въ окончательной своей обработкѣ принадлежали одному лицу—пресвитеру Василію. Вмѣсто характеристики взглядовъ псковскихъ списателей пришлось бы, такимъ образомъ, говорить о взглядахъ одного лица, о литературной дѣятельности котораго—и за, и противъ—говорено уже и безъ того много. Отсюда, о литературной исторіи псковскихъ житій мы будемъ говорить лишь постольку, поскольку это нужно для исторической ихъ оцѣнки.

Собственно иноческихъ псковскихъ житій имѣется очень немного. Не сохранилось житія ни одного изъ подвижниковъ городскихъ монастырей: Авраамія, Василія Мирожскихъ, Іоасафа Снѣтогорскаго, Евпраксіи,

---

[1]) „Замѣтки на программу по исторіи рус. литературы и теоріи словесности“, Ж. М. Нар. Пр. 1906 г. V, стр. 10. ср. стр. 19.

да и изъ житій пустынножителей нѣтъ многихъ: Іоны, Корнилія Печерскихъ, Досиѳея, Иларіона, Онуфрія Мальскаго. Въ распоряженіи изслѣдователя псковскаго монашества всего лишь житія четырехъ подвижниковъ: Евфросина, Саввы, Никандра и Серапіона,—послѣднее позднѣйшаго происхожденія. Зато этотъ количественный недочетъ восполняется особенностями въ постановкѣ біографической части этихъ житій и наличностію нѣсколькихъ ихъ редакцій. Изъ указанныхъ житій только житіе Саввы Крыпецкаго составлено „по образу и по подобію" другихъ русскихъ житій, т. е. исторически малоцѣнно. Житія же Евфросина и Никандра, въ ихъ первоначальныхъ редакціяхъ, замѣтно отличаются отъ общаго типа древне-русскихъ житій. Житіе Евфросина преслѣдуетъ цѣли не біографически-назидательныя, а историко-полемическія; біографическая часть здѣсь не основная, а случайная, дополнительная. Житіе Никандра появилось при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, что сохранило въ себѣ немало мелкихъ біографическихъ подробностей о святомъ и почти не испытало на себѣ какого либо литературнаго вліянія. Эти случайныя обстоятельства въ литературной исторіи указанныхъ памятниковъ даютъ надежду на возможность болѣе положительныхъ выводовъ объ ихъ сравнительной цѣнности и для изложенія исторіи псковскаго монашества. Съ этой, преимущественно, стороны мы и изложимъ литературную исторію псковскихъ иноческихъ житій.

Первымъ памятникомъ псковской агіографіи и хронологически, и по своему значенію, должно быть поставлено житіе преподобнаго Евфросина.

Житіе это со стороны главнаго предмета своего содержанія—вопроса о сугубой аллилуіи очень рано, еще въ древне-русской письменности, вызвало къ себѣ критическое отношеніе. Въ послѣдней разборъ основаній, которыя приводились защитниками двоенія, былъ сдѣланъ даже раньше, чѣмъ эти основанія получили систематическое изложеніе въ трудѣ перваго біографа. Такъ, еще въ концѣ XV в. въ полуоффиціальномъ по своему значенію посланіи объ аллилуіи, приписываемомъ Димитрію греку, съ достаточною ясностію была указана неосновательность главной ссылки защитниковъ двоенія на авторитетъ Константинопольской церкви, по ихъ словамъ, державшейся, будто бы, однообразнаго порядка въ возглашеніи аллилуіи. По свидѣтельству автора посланія, въ XV в. и на Востокѣ, какъ и у насъ въ древней Руси, не было единообразія, и тотъ или иной способъ возглашенія аллилуіи самъ по себѣ считался безразличнымъ. Этимъ разъясненіемъ въ значительной мѣрѣ суживался смыслъ утвержденія Евфросина о томъ, что въ пору посѣщенія имъ Константинополя: „так бо (т. е. дважды) и сами (греки) гл҃хꙋ и подхꙋ аллꙋгїа бж҃їа" [1]).

Но еще полнѣе въ томъ же XV в. были разобраны мнѣнія защитниковъ сугубой аллилуіи русскимъ писателемъ—псковичемъ, въ посланіи къ какому-то Аѳанасію, ктитору общеобительныя лавры св. Николы. Въ

---

[1]) Рук. Унд. № 306 л. 36 об.

томъ памятникѣ, написанномъ сторонникомъ троенія, не только разсмотрѣны и охарактеризованы полемическіе пріемы представителей противоположнаго взгляда, но указанъ въ частности и самый источникъ ихъ ошибки: неправильное филологическое толкованіе слова аллилуія.

Естественно преположить, что указанные памятники должны были имѣть непосредственное вліяніе и на самое житіе Евфросина, въ первой своей редакціи представляющее въ сущности не что иное, какъ защитительный трактатъ о сугубой аллилуіи. Очевидно, что защитникъ двоенія не могъ оставить безъ вниманія помѣщенныхъ въ этихъ памятникахъ возраженій какъ противъ правильности сугубой аллилуіи вообще, такъ въ частности и противъ пріемовъ, съ помощію которыхъ предшественники перваго редактора защищали свой взглядъ. Но для положительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ ни въ житіи, ни въ другихъ памятникахъ древне-русской письменности нѣтъ точныхъ данныхъ; нельзя даже найти прямыхъ указаній, чтобы отмѣченные памятники были дѣйствительно извѣстны списателю Евфросинова житія. Въ своемъ трудѣ онъ, правда, имѣетъ въ виду мнѣнія и взгляды сторонниковъ троенія, но излагаетъ ихъ неполно и совсѣмъ не въ той формѣ, въ какой они изложены въ посланіи къ ктитору Аѳанасію. Такимъ образомъ, сравнивая содержаніе перваго житія преп. Евфросина съ посланіемъ къ Аѳанасію, скорѣе можно сдѣлать выводъ, что первый списатель или вовсе не былъ знакомъ съ посланіемъ, или намѣренно игнорировалъ содержаніе этого памятника, такъ какъ не могъ обстоятельно разсмотрѣть заключающихся въ немъ возраженій противъ двоенія.

Но наличность въ древне-русской письменности этой полемической литературы имѣла свое вліяніе на дальнѣйшую исторію нашего памятника. Какъ показываетъ послѣдняя, трудъ перваго списателя самими защитниками двоенія былъ признанъ недостаточнымъ, и черезъ какихъ либо 50 лѣтъ послѣ его появленія была предпринята литературная его переработка, произведенная псковскимъ пресвитеромъ Василіемъ. Василій, переработывая этотъ памятникъ въ обычный типъ древне-русскаго житія, нашелъ нужнымъ внести нѣкоторыя измѣненія и дополненія и въ самый трактатъ перваго списателя о сугубой аллилуіи,—незамѣтныя съ внѣшняго вида, но существенно измѣняющія собою какъ историческую послѣдовательность описанныхъ его предшественникомъ событій, такъ и ихъ церковно-историческое значеніе. Со времени появленія этой второй редакціи житія Евфросина трудъ перваго списателя совершенно вышелъ изъ употребленія, такъ что въ XVII, напр., вѣкѣ о немъ не имѣли почти никакихъ свѣдѣній, какъ видно изъ актовъ московскаго собора 166⁶/₇ г.г. Наоборотъ, работа Василія получила въ древне-русской письменности извѣстность и значеніе; она даже болѣе чѣмъ на сто лѣтъ пріостановила начинавшуюся было литературную критику житія въ отмѣченной выше, главной части его содержанія.

Нельзя сказать, чтобы такая перемѣна въ отношеніи къ житію преподобнаго обусловливалась внутренними достоинствами новой его редакціи, благодаря которымъ устранялась бы возможность дальнѣйшихъ возраженій,

въ родѣ, напр., приведенныхъ въ посланіи къ Аѳанасію. Причиною указанной перемѣны было, напротивъ, совершенно случайное обстоятельство, вовсе не литературнаго свойства. Именно, черезъ четыре года послѣ составленія Василіемъ житія его трудъ получилъ оффиціальное одобреніе со стороны цѣлаго собора русскихъ іерарховъ. Послѣ этого критическое отношеніе къ содержанію житія само по себѣ дѣлалось невозможнымъ, такъ какъ недовѣрчивый читатель шелъ бы уже противъ компетенціи собора и за свою подозрительность легко могъ бы поплатиться. Этимъ и объясняется, что въ древне-русской письменности второй половины XVI и первой XVII в. мы не встрѣчаемъ литературныхъ памятниковъ въ родѣ посланія къ Аѳанасію, а значительное количество сохранившихся отъ этого времени списковъ второй редакціи свидѣтельствуетъ не только о широкомъ на нее спросѣ, существовавшемъ среди тогдашнихъ грамотныхъ людей, но и объ ихъ довѣріи къ житію, покоившемся, очевидно, на соборномъ авторитетѣ.

Но отцы Стоглаваго собора, пріостановивъ своимъ авторитетомъ критическое отношеніе къ житію преп. Евфросина, вовсе не вошли въ разсмотрѣніе фактической достовѣрности содержанія этого памятника. Свой отзывъ о немъ они основали на такомъ излишнемъ довѣріи къ сообщеніямъ списателя, которое справедливо вызвало позднѣе суровое осужденіе. „Извѣстно же увѣдѣхомъ,—читаемъ въ 42 главѣ соборныхъ актовъ,—отъ писателя житія преподобнаго отца нашего Евфросина псковскаго, новаго чудотворца, какъ его ради святыхъ молитвъ извѣсти и запрети пресвятая Богородица о трегубой аллилуіи и повелѣ православнымъ христіанамъ пѣти двоегубое аллилуія, а въ третіе: слава тебѣ, Боже. Понеже бо по-еврейски аллилуія, а по-русски: слава тебѣ, Боже" [1]).

Изъ приведенныхъ словъ соборнаго опредѣленія можно видѣть, что, помимо излишняго довѣрія къ самой недостовѣрной части житія, отцы собора, ссылкою на авторитетъ вселенской церкви и неправильнымъ толкованіемъ слова: аллилуія, допустили двѣ ошибки, давно уже разобранныя въ „посланіяхъ" XV вѣка. И эта невнимательность къ дѣлу представляется тѣмъ болѣе странною, что оба критико-полемическихъ памятника предшествующаго времени были извѣстны, если и не всѣмъ членамъ собора, то по крайней мѣрѣ его предсѣдателю, митрополиту Макарію, который внесъ эти памятники въ свои В. Ч. Минеи. Понятно, затѣмъ, что причину такого „безразсуднаго" опредѣленія нельзя видѣть лишь въ простотѣ и невѣжествѣ членовъ собора, как объяснялъ это позднѣе московскій соборъ 166⁶/₇ г.г. Такого обвиненія мы не имѣемъ права повторять по отношенію къ митрополиту Макарію, который не только хорошо былъ знакомъ съ древне-русскою письменностію, но и имѣлъ значительное вліяніе на дальнѣйшее ея развитіе. О личныхъ дарованіяхъ этого знаменитаго архипастыря, о его краснорѣчіи и учительности, современники Макарія были столь высокаго мнѣнія, что называли его вторымъ Златоустомъ, просіявшимъ въ Россій-

[1]) Стоглавъ, изд. Д. Кожанчикова. Спб. 1863 г., стр. 148—149.

ской землѣ [1]). Причину невнимательности, съ которою было сдѣлано соборное опредѣленіе о сугубой аллилуіи, правильнѣе будетъ усматривать въ самой постановкѣ этого вопроса на Стоглавомъ соборѣ.

Несомнѣнно, что въ это время вопросъ о сугубой аллилуіи не представлялся уже столь спорнымъ вопросомъ, какимъ онъ былъ въ пору составленія первой редакціи Евфросинова житія. Наоборотъ, въ богослужебной практикѣ онъ былъ уже разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и отцамъ собора не было, такимъ образомъ, особой нужды подыскивать основанія и провѣрять историческіе документы, которыми оправдывалось бы ихъ соборное постановленіе. Въ частности не было особыхъ побужденій останавливаться на разборѣ, напр., возраженій противъ двоенія, помѣщенныхъ въ посланіи къ Аѳанасію, послѣ того, какъ за сугубую аллилуію высказался столь авторитетный человѣкъ, какимъ считался въ древней Руси Максимъ Грекъ.

Авторитетъ соборнаго опредѣленія о сугубой аллилуіи оставался въ силѣ до второй половины XVII в., когда поставленъ былъ вопросъ о недостаткахъ въ обрядовой сторонѣ вѣры и о необходимости ихъ исправленія путемъ сличенія мѣстной богослужебной практики съ практикою церкви греческой. Въ числѣ другихъ предметовъ, отличавшихъ нашъ порядокъ богослуженія отъ греческаго, было и двоеніе аллилуіи; и вполнѣ понятно, что при замѣнѣ его троеніемъ долженъ былъ возникнуть вопросъ о степени достовѣрности источника, на которомъ было основано соборное опредѣленіе 1551 года. Но на первыхъ порахъ вопросъ получилъ совершенно неправильную постановку, такъ какъ вниманіе было обращено не на литературный, собственно, источникъ,—какъ бы слѣдовало по ходу дѣла,—а на самую личность защитника сугубой аллилуіи; высказывалось сомнѣніе: можно ли довѣрять тому, что говорилъ Евфросинъ, защищая двоеніе? Выходитъ отсюда, что житіе само по себѣ считалось попрежнему памятникомъ, вѣрно передававшимъ историческую сторону дѣла. Выразителемъ приведеннаго взгляда былъ предстоятель русской церкви и иниціаторъ церковной реформы—патріархъ Никонъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляетъ намъ дѣло житіе расколоучителя—протопопа Неронова, сохранившее въ своемъ содержаніи слѣдующее интересное сообщеніе.

Когда Нероновъ отказывался пѣть за службою тройную аллилуію и въ защиту стараго порядка ссылался на Евфросина, то патріархъ, со свойственною ему рѣзкостью въ отзывахъ, высказался противъ этого авторитета. „И патріархъ Никонъ рече: воръ-де, блядинъ сынъ Евфросинъ". Эти слова привели въ ужасъ собесѣдника патріарха, и, не возражая по существу, онъ лишь замѣтилъ: „какъ таковая дерзость и какъ хулу на святыхъ вѣщати? услышитъ Богъ и смиритъ тя" [2]).

---

[1]) „Ако же вторый златоустъ ученьемъ просія въ россійской земли сей с҃тѣйшій Макаріе",—читаемъ у пресвитера Василія, въ его житіи преп. Саввы Крыпецкаго. По рукоп. № $^{1188}/_{676}$ Арх. М. И. Д., л. 28 об.

[2]) Мат. для ист. раск., т. I, стр. 162.

Изъ этихъ словъ, переданныхъ, быть можетъ, съ значительною долею преувеличенія, слѣдуетъ заключить, что, во-первыхъ, патр. Никонъ склоненъ былъ отрицать установившійся было авторитетъ защитника сугубой аллилуіи, и во-вторыхъ, что онъ въ полемикѣ съ своими противниками сталъ на самую неправильную точку зрѣнія по спорному вопросу.

Эта ошибка патріарха скоро, впрочемъ, была исправлена соборомъ восточныхъ и русскихъ іерарховъ 1666—7 г.г. Въ дополненіи къ своему опредѣленію о сугубой аллилуіи отцы собора прямо заявили, что виновникомъ неправильныхъ мнѣній объ аллилуіи былъ не Евфросинъ, а списатель его житія. „И сіе смущеніе, еже глаголати аллилуіа дважды, таже: слава тебѣ, Боже,—читаемъ въ соборныхъ дѣяніяхъ,—не отъ Евфросина стало, но отъ списателя Евфросинова житія, діавольскимъ навѣтомъ. Солгано на преподобнаго Евфросина отъ списателя житія его" [1]). Вмѣстѣ съ этимъ общимъ положеніемъ отцы собора высказали строгое осужденіе и всему содержанію житія, нашли, что оно написано: „отъ соннаго мечтанія списателева", и представляетъ собою: „писаніе блядивое (лживое) отъ льстиваго и лживаго списателя писаное" [2]). Въ указанномъ дополненіи къ своему опредѣленію, предоставляя самому читателю житія убѣдиться въ „суемудріи" его составителя, отцы собора, какъ бы для руководства, даютъ и критическій общій разборъ содержанія житія. На основаніяхъ главнымъ образомъ предположительныхъ („мнимъ, яко"...) они заподозриваютъ не только фактъ путешествія Евфросина въ Константинополь, но даже и самый фактъ споровъ его изъ-за аллилуіи съ псковичами. По поводу же описанія списателемъ явленія ему Богоматери отцы собора дѣлаютъ читателю житія слѣдующее предостереженіе: „и тамо будетъ ужасатися читатель безуміа списателева Евфросинова житія" [3]).

Подвергнувъ критическому разбору содержаніе житія преп. Евфросина со стороны главнаго его предмета: вопроса о сугубой аллилуіи, отцы собора вмѣстѣ съ этимъ лишили литературный трудъ пресвитера Василія и того оффиціальнаго одобренія, котораго онъ удостоился на Стоглавомъ соборѣ. По ихъ мнѣнію, все изложенное „въ книзѣ стоглавѣ" по вопросамъ обрядовымъ написано: „неразсудно, простотою и невѣжествомъ". Не имѣетъ отсюда значенія и соборное одобреніе житія Евфросина; наоборотъ, житіе это составлено списателемъ: „на прелесть благочестивымъ народомъ." И эта отмѣна соборнаго опредѣленія имѣла важное значеніе для дальнѣйшаго критическаго разбора содержанія житія. Снимая запретъ съ критики житія, отцы собора даже располагали читателя недовѣрчиво относиться къ сообщеніямъ этого памятника. Въ результатѣ, со второй половины XVII в. возникаетъ постепенно увеличивавшаяся въ своемъ объемѣ

---

[1]) Дѣян. москов. соб. 1666—67 г.г. изд. братства св. Петра, М. 1893 г. стр. 30, 31.

[2]) ib., стр. 8.

[3]) ib., стр. 30—31.

литературная критика житія. Собразно церковно-историческимъ условіямъ того времени, она получила полемическое направленіе.

Изъ своей задачи мы исключаемъ историческій обзоръ полемической литературы о житіи преп. Евфросина въ послѣдовательномъ ея развитіи и ограничимся лишь общими замѣчаніями о позднѣйшихъ (XIX в.) критико-полемическихъ изслѣдованіяхъ изучаемаго нами памятника въ сочиненіяхъ: митр. Евгенія, Макарія, Григорія, арх. Филарета и Руднева, такъ какъ эти изслѣдованія имѣютъ большій научный интересъ и потому ближе относятся къ темѣ нашей работы.

Сопоставляя общіе выводы о житіи Евфросина у упомянутыхъ изслѣдователей съ изложеннымъ выше первоначальнымъ опытомъ критическаго разбора житія на соборѣ 1666—7 г.г., не трудно замѣтить, что, несмотря на двухвѣковой періодъ своего существованія, критико-полемическая литература сдѣлала въ общемъ очень незначительные успѣхи въ изученіи этого памятника. Она ограничивалась лишь частными дополненіями да болѣе точными разъясненіями тѣхъ положеній, которыя кратко были изложены въ соборномъ опредѣленіи. Такъ, напр., путемъ общихъ соображеній и параллельныхъ хронологическихъ сопоставленій событій мѣстной, псковской жизни съ одной стороны, и константинопольской съ другой, болѣе точно раскрыта и обоснована (особенно у митр. Макарія и Руднева) мысль о неправдоподобности сообщеній біографа, касающихся посѣщенія Евфросиномъ Царь-града. Съ помощію подобнаго же пріема, а равно на основаніи отсутствія упоминаній объ евфросиновомъ спорѣ съ псковичами въ другихъ историческихъ памятникахъ того времени: въ лѣтописяхъ, уставѣ и завѣщаніи святаго,—точнѣе поставленъ рядъ возраженій и противъ достовѣрности описаній самаго спора. Самый объемъ изслѣдованія ограничивался лишь спеціальною частію житія: повѣстію о сугубой аллилуіи, и изъ остальнаго содержанія этого памятника въ критическій обзоръ входили только тѣ отдѣлы, которые или имѣютъ непосредственное отношеніе къ главному предмету,—напр., статья: „о хожденіи святаго къ царствующему граду“,—или даютъ возможность критиковать біографа на основаніи противорѣчій, допущенныхъ имъ самимъ въ его работѣ. Къ послѣднимъ относятся: хронологическая дата о времени перехода Евфросина изъ Снѣтогорскаго монастыря въ пустыню на Толву, а также отдѣльныя, общія выраженія, съ помощію которыхъ, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, второй редакторъ устанавливаетъ историческую послѣдовательность событій возникновенія Елеазаровскаго монастыря и жизни нѣкоторыхъ монаховъ, сподвижниковъ Евфросина. Сопоставленіе такихъ выраженій одного съ другимъ и съ общею хронологическою датою о путешествіи Евфросина въ Константинополь дало собою матеріалъ для цѣлаго ряда очень стройныхъ въ логическомъ отношеніи возраженій противъ достовѣрности путешествія Евфросина. Возраженія эти сдѣланы митр. Макаріемъ въ его „Исторіи рус. раскола“.

Главный пунктъ критико-полемическаго разбора составляло описаніе писателемъ явленія ему Богоматери. Какъ и въ соборномъ опредѣленіи,

послѣднее разбиралось исключительно со стороны невѣроятности самаго его содержанія. Вслѣдствіе такой постановки дѣла въ полемической литературѣ остался недостаточно выясненнымъ вопросъ о постепенномъ возникновеніи тѣхъ неправильныхъ взглядовъ, которые въ такой необычной, съ современной намъ точки зрѣнія, формѣ изложены въ житіи. Эти взгляды, наоборотъ, разсматривались какъ продуктъ личнаго измышленія біографа, не заслуживающій научнаго вниманія, и только полемико-практическія соображенія побуждали изслѣдователей останавливаться на разборѣ подобныхъ измышленій. Такое отношеніе особенно замѣтно у преосв. Филарета. Онъ находилъ излишнимъ въ научныхъ цѣляхъ разбирать описанія Василія и помѣстилъ свои замѣчанія на нихъ, и то не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ, въ цѣляхъ лишь вразумленія старообрядцевъ. „И скучно, и стыдно,—говоритъ онъ,—а надобно показать, какъ объяснялъ Василій сугубую аллилуію. Пусть извѣстные люди видятъ и судятъ, кто имъ учитель“ [1]). Слѣдующій за этими предварительными словами разборъ объясненій Василія сдѣланъ далеко не въ объективно-научномъ тонѣ. Послѣдняя черта, по отзыву проф. Ключевскаго, свойственна и другимъ изслѣдованіямъ, преслѣдовавшимъ полемическія цѣли. Менѣе она замѣтна въ сочиненіяхъ митр. Евгенія, отличавшагося вообще осторожностію выводовъ и критическихъ сужденій.

Но митр. Евгеній сдѣлался невольнымъ виновникомъ одной хронологической ошибки, не только повторенной другими изслѣдователями, но и нашедшей для себя мѣсто въ одномъ изъ лучшихъ полемическихъ сочиненій, гдѣ на основаніи ея категорически отрицается фактъ путешествія преп. Евфросина въ Константинополь. Именно, со словъ преосв. Евгенія, митр. Григорій въ своемъ сочиненіи: „Истинно-древняя и истинно-православная церковь“, опредѣляетъ время основанія Евфросинова монастыря 1447 годомъ и на этомъ обосновываетъ слѣдующее возраженіе: „цареградскій патріархъ Іосифъ скончался на Флорентійскомъ соборѣ въ 1439 г., а преподобный Евфросинъ, по сказанію житія его, основалъ свой монастырь въ 1447 г. и умеръ въ 1481 году. Слѣдовательно, п. Іосифъ умеръ осмью годами ранѣе самаго основанія Евфросинова монастыря“ [2]). На самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ точныхъ указаній для опредѣленія времени устройства Евфросиномъ монастыря, и отмѣченная дата, 1447-й годъ, внесена митр. Евгеніемъ очевидно на основаніи неточнаго извѣстія въ рукописномъ спискѣ житія, хранящемся въ библіотекѣ Елеазаровскаго монастыря. Этимъ спискомъ пользовался преосв. авторъ, и въ немъ время перехода Евфросина изъ Снѣтогорскаго монастыря въ пустыню на Толву, дѣйствительно отнесено къ 1447 г., а не къ 1425, какъ въ другихъ спискахъ [3]). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что самъ митр. Евгеній не

---

[1]) Ист. рус. цер., пер. III, по изд. 1888 г., стр. 193—196, прим. 306.

[2]) Ч. II, стр. 139, М. 1883 г., изд. 2-е.

[3]) „И ту блаженный отецъ вселися безмолвствовати наединѣ въ лѣто 6955“. Монаст. рукоп., л. 19. Ошибочность этой даты будетъ объяснена ниже.

придавалъ особой цѣнности этой датѣ и даже допускалъ, что путешествіе въ Царьградъ было предпринято Евфросиномъ до устройства монастыря [1]). Такимъ образомъ, и попытка митр. Григорія точнѣе обосновать возраженія противъ исторической достовѣрности сообщеній списателя о путешествіи Евфросина не представляется удачною.

Главною причиною недостаточности научныхъ результатовъ критико-полемическихъ изслѣдованій о житіи преп. Евфросина была узость постановки изслѣдуемаго вопроса. Сосредоточивая все вниманіе на спеціальной части житія, научная критика имѣла своимъ предметомъ исключительно вторую редакцію, составленную пресвитеромъ Василіемъ. Трудъ его предшественника, представлявшій собою основной источникъ для этой позднѣйшей переработки житія святаго, оставался неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе этого не только не было поставлено вопроса о литературной зависимости второй редакціи житія отъ первой, но самый трудъ Василія разсматривался въ качествѣ самостоятельной работы, и все изложенное въ житіи о сугубой аллилуіи и о спорахъ изъ-за нея объяснялось, какъ личная выдумка второго редактора, человѣка легковѣрнаго и притомъ по времени своей жизни значительно отдаленнаго свидѣтеля описанныхъ имъ псковскихъ событій XV вѣка. Послѣдній взглядъ облегчалъ, конечно, собою критическую работу, но въ то же время онъ вносилъ нѣкоторую неустойчивость въ общіе выводы изслѣдованій о житіи, сообщалъ имъ лишь относительную цѣнность. Случайное открытіе первоначальной редакціи житія Евфросина могло уже само по себѣ подорвать научное значеніе предыдущихъ выводовъ. Такъ и было въ дѣйствительности. Послѣ прекраснаго анализа текста первой редакціи, произведеннаго профессоромъ Ключевскимъ, многіе изъ прежнихъ взглядовъ утратили свою цѣну, и въ позднѣйшихъ работахъ прежнихъ изслѣдователей,—напр., въ VII т. Ист. рус. ц. митр. Макарія,—вмѣсто нихъ были приняты выводы и соображенія этого новаго изслѣдователя житія преподобнаго.

Узость постановки изслѣдуемаго вопроса выразилась еще и въ томъ, что житіе Евфросина, во второй его редакціи, разсматривалось въ полемической литературѣ внѣ связи съ другими памятниками древне-русской письменности, близкими къ нему по однородности своей темы,—какимъ, напр., памятникомъ является упомянутое уже раньше посланіе къ ктитору Аѳанасію. Въ XVIII в. православные полемисты, въ лицѣ арх. Ѳеофилакта Лопатинскаго, даже совсѣмъ исключили этотъ памятникъ изъ предмета своей полемики, предполагая, что онъ представляетъ собою позднѣйшее измышленіе старообрядцевъ. Въ XIX вѣкѣ, правда, была сознана ошибочность такого предположенія, но изслѣдованіе этого памятника сопровождалось неправильною оцѣнкою его значенія; на посланіе стали смотрѣть, какъ на оффиціальный указъ о трегубой аллилуіи, изданный

---

[1]) Словарь истор. о бывш. писат. дух. чина, т. I, изд. 2, Спб. 1827 г., стр. 167.

будто-бы митр. Макаріемъ [1]). Такое заключеніе не только не устанавливало внутренней связи „посланія“ съ житіемъ Евфросина, но даже создавало собою излишнія затрудненія въ оцѣнкѣ историческаго значенія послѣдняго памятника, одобреннаго Стоглавымъ соборомъ, подъ предсѣдательствомъ того же Макарія. Только въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ профес. Нильскаго и Голубинскаго, а также въ VII т. Ист. рус. ц. митр. Макарія была исправлена эта ошибка, и посланіе къ Аѳанасію получило для себя спеціальныя объясненія. Сопоставленіе его содержанія съ житіемъ Евфросина, въ первой его редакціи, дало, какъ увидимъ ниже, интересные результаты и для рѣшенія вопроса о начальной исторіи и о литературныхъ источникахъ житія преподобнаго,—нуждающіеся, впрочемъ, въ пересмотрѣ.

Такимъ образомъ, въ содержаніи научно-полемической литературы нельзя найти прямыхъ данныхъ для рѣшенія вопросовъ, касающихся литературной исторіи житія Евфросина, и для точнаго опредѣленія, какое значеніе имѣлъ этотъ памятникъ въ ряду другихъ сочиненій того времени, однородныхъ съ нимъ по своей темѣ. Тѣмъ не менѣе для изслѣдователя указанныхъ вопросовъ эта литература не утрачиваетъ своей цѣны. Если въ ней и не представлено точно обоснованныхъ возраженій противъ исторической достовѣрности содержанія житія, зато довольно подробно и правильно раскрыто несоотвѣтствіе описаній спора изъ-за аллилуіи съ другими историческими извѣстіями о событіяхъ этого времени. Наконецъ, здѣсь очень тщательно, хотя и не во всѣхъ случаяхъ объективно, изслѣдованъ вопросъ о внутреннихъ противорѣчіяхъ и несообразностяхъ въ изложеніи біографомъ сущности спорнаго вопроса. На выясненіи всего этого нѣтъ уже особой нужды останавливаться позднѣйшему изслѣдователю. Съ этой стороны научно-полемическая литература можетъ быть разсматриваема, какъ рядъ подготовительныхъ работъ для дальнѣйшаго, болѣе подробнаго и строго научнаго изслѣдованія житія Евфросина [2]).

---

[1]) См. объяснит. замѣтку предъ изданіемъ текста посланія въ Прав. Собес. 1866 г., стр. 139, и послѣсловіе къ печат. изданію второй редакціи житія Евфросина, въ П. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 117—118.

[2]) На ряду съ критикою оффиціальною по своему происхожденію, въ древне-русской письменности, повидимому, существовала и частная, не преслѣдовавшая полемическихъ цѣлей, критика житія Евфросина, въ формѣ замѣтокъ читателей на поляхъ. Образецъ такой критики имѣемъ въ рукописномъ спискѣ житія XVIII в., скорописью, на 52 л., № 1230, библіотеки Арх. Св. Синода. Съ помощію новгородскаго лѣтописца или, какъ называетъ самъ критикъ: „книги гранографа, сирѣчь лѣтописца Вел. Новаграда, соборныя церкве“, а также Книги о вѣрѣ, онъ отмѣчаетъ рядъ хронологическихъ ошибокъ, недоговорокъ и противорѣчій во второй редакціи житія. Въ общемъ критика получается довольно слабая, но не безъинтересная, такъ какъ критикъ подробнѣе, чѣмъ это дѣлалось въ полемической литературѣ, разбираетъ ошибки біографа. Отмѣтивъ (на л. 9 и 10) кратко недочеты біографа въ опредѣленіи имени архіепископа, посвятившаго во священники Игнатія, Харлампія и Памфила, критикъ

Первымъ опытомъ такого изслѣдованія и по времени своего появленія, и по своему достоинству являются работы проф. В. О. Ключевскаго, въ которыхъ вопросъ объ историко-литературномъ значеніи Евфросинова житія получилъ широкую, строго-научную постановку. Благодаря указанной Ключевскимъ ранней редакціи житія, представилась возможность подробнѣе изслѣдовать вопросъ о литературномъ вліяніи перваго списателя на содержаніе житія, составленнаго пресвитеромъ Василіемъ. Одновременно съ этимъ съ послѣдняго снята значительная доля обвиненій въ намѣренныхъ искаженіяхъ фактовъ, произвольныхъ вымыслахъ и вообще въ литературной недобросовѣстности, такъ какъ при сопоставленіи текстовъ обѣихъ редакцій оказалось, что не одинъ Василій виноватъ въ томъ, что онъ разсказываетъ объ аллилуіи и о хожденіи Евфросина въ Царь-градъ

съ особою подробностію разбираетъ статью: „о хожденіи святаго къ царствующему граду" (л. 12—15). Вотъ образцы его разсужденій. По поводу начальныхъ словъ у Василія: „малу же времени минувшу et cet..", критикъ замѣчаетъ: „А почему и отчего малу времени минувшу, о томъ безымянный списатель умолчеваетъ, да не познана будетъ лжа его умышленія" (л. 12); по поводу словъ: „и много вопрошахъ отъ церковныя чади", на полѣ замѣчено: „а кого имяны вопрошахъ и у кого и въ кая лѣта, прежде ли вселенія въ пустыню или по вселеніи въ пустыню, о томъ безымянный списатель, укрывая лжу свою, весма умолчеваетъ" (л. 13); противъ словъ: „сами бо тогда волняхуся и великъ расколъ влагающе", читаемъ: „а кто имяны волновалися, и о томъ умолчеваетъ безымянный списатель; а кто имяны влагалъ расколъ и гдѣ и когда, о томъ умолчеваетъ. Подобало бы о таковый расколъ и несогласіе творящихъ и о своемъ сумнѣніи святому возвѣстити и объявити своему архіерею своея епархіи В. Новограда и Пскова. И въ семъ безымянный списатель повергаетъ святаго въ противленіе апостольскому ученію, по оному (sic!): повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся,—яко бы святый не повинуяся своему архіерею, подобнѣ и московскому митрополиту, того время бывшему, яко бы отходитъ въ Царьградъ совопрошатися къ тамошнему патріарху, и не воспріявши о томъ отхожденіи благословенія и повелѣнія отъ архіерея своея епархіи, яко бы святый презиратель апостольскихъ и отеческихъ правилъ, о чемъ явственно написано въ правилѣ св. апостолъ 34-мъ и въ протчихъ правилахъ отеческихъ" (л. 13 и на об.).

Интереснѣе л. 14—15, гдѣ критикъ, пользуясь указаніями хронографа о событіяхъ царствованія импер. Іоанна Палеолога и сопоставляя съ ними хронологическія замѣтки біографа о начальныхъ событіяхъ изъ исторіи Елеазаровскаго монастыря, доказываетъ, что Евфросинъ не могъ въ Константинополѣ застать ни императора, ни патріарха Іосифа. По замѣчанію критика: „здѣ безымяннаго списателя явственно лжа предъ всѣми открывается". И дѣйствительно, пользуясь данными житія и особенно замѣткою о Мартиріи, онъ доказываетъ, что Евфросинъ не могъ отправиться въ Константинополь раньше 6937 года, тогда какъ „царь калянинъ отъиде въ Римъ въ лѣто 6935, съ нимъ же и патріархъ бѣ Іосифъ" (л. 15. Подробнѣе см. въ приложеніяхъ).

Разборъ житія почему то остался незаконченнымъ. На л. 40 об.—48 об., гдѣ помѣщены описанія ночныхъ видѣній списателя, оставлены чистые столбцы, очевидно, предназначенные тоже для критическихъ замѣтокъ.

да и изъ житій пустынножителей нѣтъ многихъ: Іоны, Корнилія Печерскихъ, Досиѳея, Иларіона, Онуфрія Мальскаго. Въ распоряженіи изслѣдователя псковскаго монашества всего лишь житія четырехъ подвижниковъ: Евфросина, Саввы, Никандра и Серапіона,—послѣднее позднѣйшаго происхожденія. Зато этотъ количественный недочетъ восполняется особенностями въ постановкѣ біографической части этихъ житій и наличностію нѣсколькихъ ихъ редакцій. Изъ указанныхъ житій только житіе Саввы Крыпецкаго составлено „по образу и по подобію" другихъ русскихъ житій, т. е. исторически малоцѣнно. Житія же Евфросина и Никандра, въ ихъ первоначальныхъ редакціяхъ, замѣтно отличаются отъ общаго типа древне-русскихъ житій. Житіе Евфросина преслѣдуетъ цѣли не біографически-назидательныя, а историко-полемическія; біографическая часть здѣсь не основная, а случайная, дополнительная. Житіе Никандра появилось при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, что сохранило въ себѣ немало мелкихъ біографическихъ подробностей о святомъ и почти не испытало на себѣ какого либо литературнаго вліянія. Эти случайныя обстоятельства въ литературной исторіи указанныхъ памятниковъ даютъ надежду на возможность болѣе положительныхъ выводовъ объ ихъ сравнительной цѣнности и для изложенія исторіи псковскаго монашества. Съ этой, преимущественно, стороны мы и изложимъ литературную исторію псковскихъ иноческихъ житій.

Первымъ памятникомъ псковской агіографіи и хронологически, и по своему значенію, должно быть поставлено житіе преподобнаго Евфросина.

Житіе это со стороны главнаго предмета своего содержанія—вопроса о сугубой аллилуіи очень рано, еще въ древне-русской письменности, вызвало къ себѣ критическое отношеніе. Въ послѣдней разборъ основаній, которыя приводились защитниками двоенія, былъ сдѣланъ даже раньше, чѣмъ эти основанія получили систематическое изложеніе въ трудѣ перваго біографа. Такъ, еще въ концѣ XV в. въ полуоффиціальномъ по своему значенію посланіи объ аллилуіи, приписываемомъ Димитрію греку, съ достаточною ясностію была указана неосновательность главной ссылки защитниковъ двоенія на авторитетъ Константинопольской церкви, по ихъ словамъ, державшейся, будто бы, однообразнаго порядка въ возглашеніи аллилуіи. По свидѣтельству автора посланія, въ XV в. и на Востокѣ, какъ и у насъ въ древней Руси, не было единообразія, и тотъ или иной способъ возглашенія аллилуіи самъ по себѣ считался безразличнымъ. Этимъ разъясненіемъ въ значительной мѣрѣ суживался смыслъ утвержденія Евфросина о томъ, что въ пору посѣщенія имъ Константинополя: „так бо (т. е. дважды) и сами (греки) гл҃хꙋ и полхꙋ аллꙋгїа бж҃їа" [1]).

Но еще полнѣе въ томъ же XV в. были разобраны мнѣнія защитниковъ сугубой аллилуіи русскимъ писателемъ—псковичемъ, въ посланіи къ какому-то Аѳанасію, ктитору общеобительныя лавры св. Николы. Въ

---

[1]) Рук. Унд. № 306 л. 36 об.

ственнаго изученія памятника, но они очень кратки. Авторъ въ то же время допускаетъ ошибки и неточности. Такъ, напр., сравнительно правильно относя написаніе житія ко времени игуменства Памфила, Некрасовъ не совсѣмъ точно характеризуетъ взгляды его составителя, когда говоритъ, что „то сочувствіе и та симпатія, съ которой писалъ неизвѣстный первую редакцію, обличаютъ въ немъ дѣйствительно ученика и послѣдователя преп. Евфросина. Видно, что писалъ ее человѣкъ, хорошо и подробно знавшій учениковъ Евфросина, когда который изъ нихъ пришелъ въ обитель преподобнаго" (стр. 40). Все это вѣрно меньше, чѣмъ на половину. Разсматриваемый списокъ житія преподобнаго Некрасовъ относитъ въ разрядъ первичныхъ редакцій житій святыхъ.

Изъ представленнаго перечня научныхъ изслѣдованій первой редакціи житія преп. Евфросина можно такимъ образомъ видѣть, что научно-историческая литература о ней, по сравненію съ полемическою, не такъ богата числомъ изслѣдованій, зато этотъ недостатокъ искупается ихъ качественною стороною и ученымъ авторитетомъ лицъ, останавливавшихся на изученіи этого интереснаго памятника древне-русской письменности. Естественно отсюда, что предлагаемый опытъ дальнѣйшей разработки вопроса о литературной исторіи житія преподобнаго преслѣдуетъ очень скромныя задачи: имѣется въ виду дать болѣе подробный сравнительный обзоръ текста обѣихъ редакцій и съ этой стороны провѣрить и дополнить сдѣланные ранѣе выводы объ отношеніи между двумя редакціями житія и объ историческихъ и литературныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ происхожденія каждой изъ нихъ. При разрѣшеніи второй половины своей задачи, мы будемъ, по возможности, строго слѣдовать положительнымъ даннымъ, заключающимся въ текстѣ разсматриваемыхъ памятниковъ, и воздерживаться отъ предположительныхъ разъясненій на поставленные вопросы. Предположительные на нихъ отвѣты, какъ будетъ показано при разборѣ взглядовъ Голубинскаго, Нильскаго и Малинина, даже и при всемъ своемъ научномъ интересѣ, при критической провѣркѣ не во всѣхъ случаяхъ представляются правильными и достаточно убѣдительными. По точности выводовъ изъ всѣхъ указанныхъ изслѣдованій лучшимъ руководствомъ при изученіи нашего памятника являются работы В. О. Ключевскаго.

По мнѣнію этого изслѣдователя, первая редакція житія препод. Евфросина должна быть отнесена къ началу XVI в. Частнѣе, житіе было написано до 1510 года, такъ какъ въ текстѣ его встрѣчается выраженіе, ясно говорящее, что Псковъ во время написанія житія еще сохранялъ свою политическую самостоятельность [1]). Это опредѣленіе времени напи-

---

[1]) Др. рус. ж., стр. 254. Прав. Об. 1872 г., кн. XII, стр. 716.—Рук. Унд. № 306, л. 73 об. „Слыши ж, пач слыши и зѣло внѣмьли, христолюбивый градѣ Пскове, земля свободная". Во второй редакціи, въ похвалѣ святому, послѣднія слова опущены, и приведенное мѣсто читается такъ: „Тѣмже и ты, христолюбивый граде Пскове, слыши убо и паче внемли". Рук. б-ки Тр. Сер. Лавры, № 676, л. 463.

санія житія является самымъ точнымъ положеніемъ въ изслѣдованіи. Слѣдующія за этимъ замѣчанія о мѣстѣ написанія житія и о личности автора требуютъ нѣкоторыхъ дополненій и поправокъ. По мнѣнію проф. Ключевскаго,—принятому и преосв. Макаріемъ [1]),—житіе написано въ Псковѣ, монахомъ Елеазаровскаго монастыря. Для этихъ выводовъ въ самомъ текстѣ памятника нѣтъ какихъ-либо основаній. Наоборотъ, тамъ можно находить, хотя и незначительныя, указанія, которыя даютъ право сдѣлать противоположные выводы, т. е. что житіе написано не въ Псковѣ и не псковичемъ. Такъ, уже самый способъ обращенія къ Пскову: „земля свободная," какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ проф. Малининъ, непригодный для списателя—псковича начала XVI в., говоритъ противъ выводовъ Ключевскаго [2]). Но въ текстѣ памятника можно находить на этотъ счетъ и болѣе ясныя указанія. Излагая споръ Евфросина съ псковичами изъ-за аллилуіи, списатель говоритъ, что противникъ преподобнаго, распопъ Іовъ, пожаловался на него „пятма соборомъ церковнымъ", и вслѣдъ за этими словами дѣлаетъ такое поясненіе: „иж єсть во градѣ оу нихъ" [3]). Послѣднія слова представляются неумѣстными, если допустимъ, что житіе составлено псковичемъ. И дѣйствительно, во второй редакціи, составленной въ Псковѣ, въ Елеазаровскомъ монастырѣ, они опущены. Тамъ мы читаемъ: „повѣда на блаженнаго пятма соборомъ, иже во градѣ" [4]).

Подобнаго же рода замѣтку, излишнюю въ сочиненіи псковича, находимъ и въ описаніи чуда надъ діакономъ Петропавловскаго Островскаго монастыря Закхеемъ. Опредѣляя, какъ и во второй редакціи, время совершенія этого чуда днемъ праздника во имя трехъ святителей въ Елеазаровской обители, первый біографъ замѣчаетъ: „тоже бяше храмъ бысть тремъ святымъ въ обители ефросима преподобнаго" [5]). Во второй редакціи и эти пояснительныя слова, какъ и выше приведенныя, опущены, по одинаковымъ, очевидно, соображеніямъ. Тамъ прямо читаемъ: „нѣкогда же празднику приспѣвшу во обители препод. отца нашего Евфросина святыхъ тріехъ святитель" [6]). Изъ сказаннаго прямо уже слѣдуетъ, что и предположеніе объ авторѣ, какъ елеазаровскомъ монахѣ, не можетъ быть принято. Но подробнѣе это будетъ разъяснено ниже, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ: представляетъ ли эта редакція житія то именно „писаніе нѣкоего прежняго сказателя", которымъ позднѣе воспользовался Василій, и какіе въ свою очередь имѣлъ матеріалы для составленія житія преподобнаго этотъ первый, неизвѣстный по имени, списатель?

Первый вопросъ съ достаточною полнотою рѣшенъ проф. Ключевскимъ. По его мнѣнію, разсматриваемая редакція и есть именно то писаніе,

---

1) И. рус. ц., т. VIII, изд. 2, Спб. 1898 г., стр. 138.

2) О. с., стр. 7.

3) Рук. Унд., № 306, л. 17. „Повѣдоваше слово со многою коризною и хулою на стго мльвяще пятма собором црковным, иж єсть во градѣ оу нихъ".

4) Пам. ст. рус. лит., в. IV, 82.

5) Рук. № 306, л. 108 об.

6) Пам. ст. рус. лит., IV, 106.

ской землѣ[1]). Причину невнимательности, съ которою было сдѣлано соборное опредѣленіе о сугубой аллилуіи, правильнѣе будетъ усматривать въ самой постановкѣ этого вопроса на Стоглавомъ соборѣ.

Несомнѣнно, что въ это время вопросъ о сугубой аллилуіи не представлялся уже столь спорнымъ вопросомъ, какимъ онъ былъ въ пору составленія первой редакціи Евфросинова житія. Наоборотъ, въ богослужебной практикѣ онъ былъ уже разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и отцамъ собора не было, такимъ образомъ, особой нужды подыскивать основанія и провѣрять историческіе документы, которыми оправдывалось бы ихъ соборное постановленіе. Въ частности не было особыхъ побужденій останавливаться на разборѣ, напр., возраженій противъ двоенія, помѣщенныхъ въ посланіи къ Аѳанасію, послѣ того, какъ за сугубую аллилуію высказался столь авторитетный человѣкъ, какимъ считался въ древней Руси Максимъ Грекъ.

Авторитетъ соборнаго опредѣленія о сугубой аллилуіи оставался въ силѣ до второй половины XVII в., когда поставленъ былъ вопросъ о недостаткахъ въ обрядовой сторонѣ вѣры и о необходимости ихъ исправленія путемъ сличенія мѣстной богослужебной практики съ практикою церкви греческой. Въ числѣ другихъ предметовъ, отличавшихъ нашъ порядокъ богослуженія отъ греческаго, было и двоеніе аллилуіи; и вполнѣ понятно, что при замѣнѣ его троеніемъ долженъ былъ возникнуть вопросъ о степени достовѣрности источника, на которомъ было основано соборное опредѣленіе 1551 года. Но на первыхъ порахъ вопросъ получилъ совершенно неправильную постановку, такъ какъ вниманіе было обращено не на литературный, собственно, источникъ,—какъ бы слѣдовало по ходу дѣла,—а на самую личность защитника сугубой аллилуіи; высказывалось сомнѣніе: можно ли довѣрять тому, что говорилъ Евфросинъ, защищая двоеніе? Выходитъ отсюда, что житіе само по себѣ считалось попрежнему памятникомъ, вѣрно передававшимъ историческую сторону дѣла. Выразителемъ приведеннаго взгляда былъ предстоятель русской церкви и инициаторъ церковной реформы—патріархъ Никонъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляетъ намъ дѣло житіе расколоучителя—протопопа Неронова, сохранившее въ своемъ содержаніи слѣдующее интересное сообщеніе.

Когда Нероновъ отказывался пѣть за службою тройную аллилуію и въ защиту стараго порядка ссылался на Евфросина, то патріархъ, со свойственною ему рѣзкостью въ отзывахъ, высказался противъ этого авторитета. „И патріархъ Никонъ рече: воръ-де, блядинъ сынъ Евфросинъ“. Эти слова привели въ ужасъ собесѣдника патріарха, и, не возражая по существу, онъ лишь замѣтилъ: „какъ таковая дерзость и какъ хулу на святыхъ вѣщати? услышитъ Богъ и смиритъ тя“[2]).

---

[1]) „Ꙗко же вторый златоустъ ученьемъ просіꙗ въ россійской земли сей ст҃ѣйшій Макаріе“,—читаемъ у пресвитера Василія, въ его житіи преп. Саввы Крыпецкаго. По рукоп. № $^{1188}/_{676}$ Арх. М. И. Д., л. 28 об.

[2]) Мат. для ист. раск., т. I, стр. 162.

Недостаточно полно и согласно разрѣшены въ научной литературѣ и вопросы объ историческихъ условіяхъ, вызвавшихъ появленіе въ древнерусской письменности этого памятника, а также о литературно-историческомъ его значеніи въ ряду другихъ, близкихъ къ нему по времени и однородныхъ по своей темѣ, сочиненій. Нѣкоторыя руководящія указанія объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ составленіе письменнаго житія Евфросина, даетъ намъ, впрочемъ, второй біографъ, при описаніи явленій Евфросина и Серапіона первому списателю. Здѣсь мы читаемъ, что новгородскій архіеп. Геннадій приказалъ елеазаровскому игумену Памфилу: „образъ святаго отца на иконѣ написати и *житіе изложити*“ (стр. 103). Это распоряженіе владыки можно отнести ко времени посѣщенія имъ Пскова въ 1486 году[1]).

Пресвитеръ Василій разъясняетъ и обстоятельства, при которыхъ было сдѣлано такое распоряженіе. Но, къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ ни о побужденіяхъ, вызвавшихъ это распоряженіе, ни о результатахъ его, т. е. было-ли написано по повелѣнію Геннадія житіе, кѣмъ, въ какое время и въ какой именно формѣ. Приказаніе изложить житіе было сдѣлано въ результатѣ личной бесѣды архіепископа съ елеазаровскимъ игуменомъ, поводомъ къ которой послужило слѣдующее обстоятельство въ монастырской жизни. Послѣ смерти монаха-иконописца Игнатія, въ его изразцахъ, среди другихъ иконъ, случайно было найдено изображеніе Евфросина и представлено игумену Памфилу. Послѣдній, желая установить въ монастырѣ церковное чествованіе его основателю, обратился за разрѣшеніемъ на это къ архіеп. Геннадію, представилъ ему найденный въ монастырѣ образъ и въ личной бесѣдѣ разсказалъ владыкѣ какъ объ обрѣтеніи образа, такъ вообще и „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца и о чудесѣхъ, при животѣ его бывшихъ“. Архіепископъ велѣлъ Памфилу: „образъ св. отца на иконѣ написати“, и этимъ далъ согласіе на празднованіе Евфросину въ его обители. Одновременно съ этимъ сдѣлано распоряженіе и о письменномъ изложеніи житія новаго святаго, на что,—если слѣдовать буквальнымъ словамъ приведенной замѣтки,—елеазаровскій игуменъ не просилъ разрѣшенія у Геннадія. Отсюда, главную иниціативу приведеннаго распоряженія можно приписать Геннадію.

Но, указавъ поводъ къ означенному распоряженію, Василій ничего не говоритъ о внутреннихъ побужденіяхъ, которыми руководился въ данномъ случаѣ владыка. Изъ другихъ историческихъ источниковъ, правда, мы узнаемъ, что Геннадій и вообще интересовался житіями святыхъ своей епархіи. Такъ, напр., въ началѣ XVI в. онъ велѣлъ игумену Досиѳею написать біографію Соловецкихъ святыхъ—Зосимы и Савватія. И интересно, что этому распоряженію предшествовала личная бесѣда о жизни святыхъ между владыкою и біографомъ, приблизительно въ той же формѣ, какъ она велась у него и съ игуменомъ Памфиломъ. „И прилучися ми,—

[1]) Пол. собр. рус. лѣт., т. V, 46. Въ I пск. лѣт. отмѣченъ еще пріѣздъ Геннадія въ Псковъ подъ 1495—6 г.г., т. IV, стр. 269.

литературная критика житія. Собразно церковно-историческимъ условіямъ того времени, она получила полемическое направленіе.

Изъ своей задачи мы исключаемъ историческій обзоръ полемической литературы о житіи преп. Евфросина въ послѣдовательномъ ея развитіи и ограничимся лишь общими замѣчаніями о позднѣйшихъ (XIX в.) критико-полемическихъ изслѣдованіяхъ изучаемаго нами памятника въ сочиненіяхъ: митр. Евгенія, Макарія, Григорія, арх. Филарета и Руднева, такъ какъ эти изслѣдованія имѣютъ большій научный интересъ и потому ближе относятся къ темѣ нашей работы.

Сопоставляя общіе выводы о житіи Евфросина у упомянутыхъ изслѣдователей съ изложеннымъ выше первоначальнымъ опытомъ критическаго разбора житія на соборѣ 1666—7 г.г., не трудно замѣтить, что, несмотря на двухвѣковой періодъ своего существованія, критико-полемическая литература сдѣлала въ общемъ очень незначительные успѣхи въ изученіи этого памятника. Она ограничивалась лишь частными дополненіями да болѣе точными разъясненіями тѣхъ положеній, которыя кратко были изложены въ соборномъ опредѣленіи. Такъ, напр., путемъ общихъ соображеній и параллельныхъ хронологическихъ сопоставленій событій мѣстной, псковской жизни съ одной стороны, и константинопольской съ другой, болѣе точно раскрыта и обоснована (особенно у митр. Макарія и Руднева) мысль о неправдоподобности сообщеній біографа, касающихся посѣщенія Евфросиномъ Царь-града. Съ помощію подобнаго же пріема, а равно на основаніи отсутствія упоминаній объ евфросиновомъ спорѣ съ псковичами въ другихъ историческихъ памятникахъ того времени: въ лѣтописяхъ, уставѣ и завѣщаніи святаго,—точнѣе поставленъ рядъ возраженій и противъ достовѣрности описаній самаго спора. Самый объемъ изслѣдованія ограничивался лишь спеціальною частію житія: повѣстію о сугубой аллилуіи, и изъ остальнаго содержанія этого памятника въ критическій обзоръ входили только тѣ отдѣлы, которые или имѣютъ непосредственное отношеніе къ главному предмету,—напр., статья: „о хожденіи святаго къ царствующему граду“,—или даютъ возможность критиковать біографа на основаніи противорѣчій, допущенныхъ имъ самимъ въ его работѣ. Къ послѣднимъ относятся: хронологическая дата о времени перехода Евфросина изъ Снѣтогорскаго монастыря въ пустыню на Толву, а также отдѣльныя, общія выраженія, съ помощію которыхъ, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, второй редакторъ устанавливаетъ историческую послѣдовательность событій возникновенія Елеазаровскаго монастыря и жизни нѣкоторыхъ монаховъ, сподвижниковъ Евфросина. Сопоставленіе такихъ выраженій одного съ другимъ и съ общею хронологическою датою о путешествіи Евфросина въ Константинополь дало собою матеріалъ для цѣлаго ряда очень стройныхъ въ логическомъ отношеніи возраженій противъ достовѣрности путешествія Евфросина. Возраженія эти сдѣланы митр. Макаріемъ въ его „Исторіи рус. раскола“.

Главный пунктъ критико-полемическаго разбора составляло описаніе списателемъ явленія ему Богоматери. Какъ и въ соборномъ опредѣленіи,

Недостаточно полно и согласно разрѣшены въ научной литературѣ и вопросы объ историческихъ условіяхъ, вызвавшихъ появленіе въ древнерусской письменности этого памятника, а также о литературно-историческомъ его значеніи въ ряду другихъ, близкихъ къ нему по времени и однородныхъ по своей темѣ, сочиненій. Нѣкоторыя руководящія указанія объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ составленіе письменнаго житія Евфросина, даетъ намъ, впрочемъ, второй біографъ, при описаніи явленій Евфросина и Серапіона первому списателю. Здѣсь мы читаемъ, что новгородскій архіеп. Геннадій приказалъ елеазаровскому игумену Памфилу: „образъ святаго отца на иконѣ написати и *житіе изложити*" (стр. 103). Это распоряженіе владыки можно отнести ко времени посѣщенія имъ Пскова въ 1486 году[1]).

Пресвитеръ Василій разъясняетъ и обстоятельства, при которыхъ было сдѣлано такое распоряженіе. Но, къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ ни о побужденіяхъ, вызвавшихъ это распоряженіе, ни о результатахъ его, т. е. было-ли написано по повелѣнію Геннадія житіе, кѣмъ, въ какое время и въ какой именно формѣ. Приказаніе изложить житіе было сдѣлано въ результатѣ личной бесѣды архіепископа съ елеазаровскимъ игуменомъ, поводомъ къ которой послужило слѣдующее обстоятельство въ монастырской жизни. Послѣ смерти монаха-иконописца Игнатія, въ его изразцахъ, среди другихъ иконъ, случайно было найдено изображеніе Евфросина и представлено игумену Памфилу. Послѣдній, желая установить въ монастырѣ церковное чествованіе его основателю, обратился за разрѣшеніемъ на это къ архіеп. Геннадію, представилъ ему найденный въ монастырѣ образъ и въ личной бесѣдѣ разсказалъ владыкѣ какъ объ обрѣтеніи образа, такъ вообще и „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца и о чудесѣхъ, при животѣ его бывшихъ". Архіепископъ велѣлъ Памфилу: „образъ св. отца на иконѣ написати", и этимъ далъ согласіе на празднованіе Евфросину въ его обители. Одновременно съ этимъ сдѣлано распоряженіе и о письменномъ изложеніи житія новаго святаго, на что,—если слѣдовать буквальнымъ словамъ приведенной замѣтки,—елеазаровскій игуменъ не просилъ разрѣшенія у Геннадія. Отсюда, главную инициативу приведеннаго распоряженія можно приписать Геннадію.

Но, указавъ поводъ къ означенному распоряженію, Василій ничего не говоритъ о внутреннихъ побужденіяхъ, которыми руководился въ данномъ случаѣ владыка. Изъ другихъ историческихъ источниковъ, правда, мы узнаемъ, что Геннадій и вообще интересовался житіями святыхъ своей епархіи. Такъ, напр., въ началѣ XVI в. онъ велѣлъ игумену Досиѳею написать біографію Соловецкихъ святыхъ—Зосимы и Савватія. И интересно, что этому распоряженію предшествовала личная бесѣда о жизни святыхъ между владыкою и біографомъ, приблизительно въ той же формѣ, какъ она велась у него и съ игуменомъ Памфиломъ. „И прилучися ми,—

---

[1]) Пол. собр. рус. лѣт., т. V, 46. Въ I пск. лѣт. отмѣченъ еще пріѣздъ Геннадія въ Псковъ подъ 1495—6 г.г., т. IV, стр. 269.

разсказываетъ Досиѳей,—быти въ пресловутомъ великомъ Новѣградѣ у архіепископа Геннадія. Архіепископъ же вопрошаше мя прилежно о устрои мѣста Соловецкаго острова и о началникахъ монастыря; азъ же, елико видѣхъ, и исповѣда вся подробно. Архіепископъ рече: напиши ми о житіи началникъ монастыря вашего и о чудесѣхъ ихъ, и еже вся исповѣдалъ ми еси" [1]). Но въ данномъ случаѣ извѣстія объ обстоятельствахъ написанія житія соловецкихъ святыхъ гораздо полнѣе, чѣмъ сохранившаяся краткая замѣтка въ житіи Евфросина о первоначальныхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ біографію святаго. Списатель точно обозначаетъ и причину, которою было вызвано распоряженіе архіепископа. Именно, Геннадій былъ ученикомъ преп. Савватія, имѣлъ къ нему вѣру, какъ къ своему старцу, „великому и святому по жизни", и хотѣлъ имѣть у себя житіе соловецкихъ подвижниковъ „памяти ради". Такими побужденіями не могъ руководиться владыка при своемъ распоряженіи о письменномъ изложеніи житія Евфросина, такъ какъ никакихъ личныхъ отношеній у Геннадія къ Евфросину не было, а значитъ, не о чемъ было бы и вспоминать. Такимъ образомъ, аналогичный случай самъ по себѣ еще не можетъ объяснить намъ дѣла.

Въ исторической литературѣ высказано мнѣніе, по которому причину распоряженія Геннадія нужно искать въ самомъ фактѣ установленія церковнаго празднованія святому, такъ какъ для церковнаго праздника, по древне-русскому (въ XVI в.) порядку, житіе было почти такъ же необходимо, какъ и образъ. Для подобнаго объясненія въ текстѣ житія Евфросина, какую-бы редакцію мы ни взяли, нѣтъ, правда, указаній; но мы имѣемъ свидѣтельство въ другомъ памятникѣ житійной литературы, которое подтверждаетъ возможность такого именно пониманія дѣла. Въ житіи преп. Саввы Вишерскаго разсказывается, что новгородскій архіеп. Іона, посѣтивъ монастырь и совершивъ молебенъ у гроба чудотворца, „повелѣ образъ святаго написати на иконѣ, тако же и канонъ и прочая во славу превеликому и чудному Господу Богу и Спасу нашему І. Христу, прославляющему и по преставленіи святая своя". Подъ словами: „и прочая", подразумѣваютъ черновыя записи о жизни святаго, которыми позднѣе воспользовался біографъ преподобнаго—Пахомій сербъ [2]).

Въ приведенномъ случаѣ мы имѣемъ, какъ и въ замѣткѣ соловецкаго біографа, сообщеніе болѣе ясное и подробное, чѣмъ то, которое оставилъ намъ пресвитеръ Василій. Но недоговорку послѣдняго пополняетъ отчасти м. Евгеній, утверждая, что въ Елеазаровской обители находится рукописная служба Евфросину, сочиненная по повелѣнію Геннадія, вскорѣ по преставленіи преподобнаго [3]). Утвержденіе это имѣло бы большое значеніе, если бы сопровождалось точными указаніями о рукописномъ

---

[1]) И. Некрасовъ, „Зарожд. нац. лит. въ сѣвер. Руси", стр. 44.

[2]) Голубинскій, „Исторія канонизаціи святыхъ въ рус. церкви", М. 1903 г., стр. 78. Ключевскій, Др. рус. ж., стр. 156—157.

[3]) Словарь историч. о писат. дух. чина, Спб. 1827 г., т. I, стр. 166.

спискѣ, которымъ пользовался м. Евгеній. Но, къ сожалѣнію, никакихъ указаній у него нѣтъ. Въ настоящее же время въ Елеазаровск. монастырѣ имѣется лишь позднѣйшій, XIX в., списокъ службы Евфросину. Сопоставляя этотъ списокъ со списками службы, составленной Василіемъ, правильнѣе видѣть въ немъ простую лишь передѣлку послѣдней, произведенную послѣ собора 1666—7 г.г.

Наиболѣе подробно, хотя и не совсѣмъ послѣдовательно, съ указанной точки зрѣнія вопросъ о первоначальныхъ обстоятельствахъ появленія первой редакціи житія преп. Евфросина разъясненъ въ цитированномъ уже сочиненіи проф. Малинина. По мнѣнію Малинина, разсматриваемая нами редакція житія была вызвана мѣстною канонизаціею святаго, чѣмъ и объясняется употребленіе въ текстѣ такихъ эпитетовъ, какъ: преподобный, святой, Божій человѣкъ, богоносный отецъ Евфросинъ и т. п. „Объявленіе преп. Евфросина святымъ,—говоритъ проф. Малининъ,—требовало житія, которое и поручено было составить неизвѣстному автору“ [1]). Инціатива исходила въ данномъ случаѣ отъ елеазаровскаго настоятеля Памфила, которымъ составитель „нарочито“ былъ приглашенъ въ монастырь [2]). Цѣль составленія житія была прежде всего церковная: дать біографію святаго для чтенія въ церкви за праздничною службою. Но эта цѣль осталась неисполненною: житіе по своему содержанію и изложенію явилось мало приспособленнымъ къ чтенію въ церкви. Причину послѣдняго Малининъ видитъ въ личныхъ недостаткахъ списателя житія и въ его происхожденіи: онъ былъ чужой, пришлый человѣкъ. Ниже, на стр. 119—120, онъ даетъ, впрочемъ, нѣсколько иное объясненіе, почему вмѣсто житія въ собственномъ смыслѣ явилось лишь изложеніе споровъ о сугубой аллилуіи. Въ этомъ виноваты были сами елеазаровскіе монахи и въ частности игуменъ Памфилъ, пожелавшіе имѣть житіе въ такой именно формѣ, а не списатель, который „по крайней мѣрѣ въ началѣ своего труда не былъ даже сторонникомъ двоенія“ [3]). Окончаніе работы надъ житіемъ, по мнѣнію Малинина, слѣдуетъ относить не позднѣе, какъ къ 1504 году, когда арх. Геннадій принужденъ былъ оставить новгородскую каѳедру [4]).

Такимъ образомъ, приведенное объясненіе даетъ намъ отвѣтъ на не разъясненный самимъ Василіемъ вопросъ о результатахъ упомянутой бесѣды Геннадія съ Памфиломъ. Распоряженіе владыки о письменномъ

---

[1]) „Старецъ Елеаз. м-ря Филоѳей и его посланія“, Кіевъ, 1901 г., стр. 6.

[2]) ib., стр. 2, 6, 377.

[3]) стр. 119—120. Мысль эта не новая. На елеаз. монаховъ слагалъ подобную вину и м. Евгеній. „Монахи сочинили житіе начальника своей обители, преп. Елеазара (въ монашествѣ называвшагося Евфросина), скончавшагося въ 1481 г., и въ семъ жизнеописаніи для подкрѣпленія себя выставили его учителемъ сего раскола, тогда уже въ Москвѣ и по другимъ россійскимъ городамъ распространившагося“ (Ист. кн. псков., ч. III, стр. 43.)

[4]) стр. 11, ср. у Ключевскаго, „Прав. Обозр.“, стр. 715, примѣчаніе.

Первымъ опытомъ такого изслѣдованія и по времени своего появленія, и по своему достоинству являются работы проф. В. О. Ключевскаго, въ которыхъ вопросъ объ историко-литературномъ значеніи Евфросинова житія получилъ широкую, строго-научную постановку. Благодаря указанной Ключевскимъ ранней редакціи житія, представилась возможность подробнѣе изслѣдовать вопросъ о литературномъ вліяніи перваго списателя на содержаніе житія, составленнаго пресвитеромъ Василіемъ. Одновременно съ этимъ съ послѣдняго снята значительная доля обвиненій въ намѣренныхъ искаженіяхъ фактовъ, произвольныхъ вымыслахъ и вообще въ литературной недобросовѣстности, такъ какъ при сопоставленіи текстовъ обѣихъ редакцій оказалось, что не одинъ Василій виноватъ въ томъ, что онъ разсказываетъ объ аллилуіи и о хожденіи Евфросина въ Царь-градъ

съ особою подробностію разбираетъ статью: „о хожденіи святаго къ царствующему граду" (л. 12—15). Вотъ образцы его разсужденій. По поводу начальныхъ словъ у Василія: „малу же времени минувшу et cet..", критикъ замѣчаетъ: „А почему и отчего малу времени минувшу, о томъ безымянный списатель умолчеваетъ, да не познана будетъ лжа его умышленія" (л. 12); по поводу словъ: „и много вопрошахъ отъ церковныя чади", на полѣ замѣчено: „а кого имяны вопрошахъ и у кого и въ кая лѣта, прежде ли вселенія въ пустыню или по вселеніи въ пустыню, о томъ безымянный списатель, укрывая лжу свою, весма умолчеваетъ" (л. 13); противъ словъ: „сами бо тогда волняхуся и великъ расколъ влагающе", читаемъ: „а кто имяны волновалися, и о томъ умолчеваетъ безымянный списатель; а кто имяны влагалъ расколъ и гдѣ и когда, о томъ умолчеваетъ. Подобало бы о таковый расколъ и несогласіе творящихъ и о своемъ сумнѣніи святому возвѣстити и объявити своему архіерею своея епархіи В. Новограда и Пскова. И въ семъ безымянный списатель повергаетъ святаго въ противленіе апостольскому ученію, по оному (sic!): повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся,—яко бы святый не повинуяся своему архіерею, подобнѣ и московскому митрополиту, того время бывшему, яко бы отходитъ въ Царьградъ совопрошатися къ тамошнему патріарху, и не восперіявши о томъ отхожденіи благословенія и повелѣнія отъ архіерея своея епархіи, яко бы святый презиратель апостольскихъ и отеческихъ правилъ, о чемъ явственно написано въ правилѣ св. апостолъ 34-мъ и въ протчихъ правилахъ отеческихъ" (л. 13 и на об.).

Интереснѣе л. 14—15, гдѣ критикъ, пользуясь указаніями хронографа о событіяхъ царствованія импер. Іоанна Палеолога и сопоставляя съ ними хронологическія замѣтки біографа о начальныхъ событіяхъ изъ исторіи Елеазаровскаго монастыря, доказываетъ, что Евфросинъ не могъ въ Константинополѣ застать ни императора, ни патріарха Іосифа. По замѣчанію критика: „здѣ безымяннаго списателя явственно лжа предъ всѣми открывается". И дѣйствительно, пользуясь данными житія и особенно замѣткою о Мартиріи, онъ доказываетъ, что Евфросинъ не могъ отправиться въ Константинополь раньше 6937 года, тогда какъ „царь калянинъ отъиде въ Римъ въ лѣто 6935, съ нимъ же и патріархъ бѣ Іосифъ" (л. 15. Подробнѣе см. въ приложеніяхъ).

Разборъ житія почему то остался незаконченнымъ. На л. 40 об.—48 об., гдѣ помѣщены описанія ночныхъ видѣній списателя, оставлены чистые столбцы, очевидно, предназначенные тоже для критическихъ замѣтокъ.

человѣкъ), былъ, какъ писатель, человѣкъ довольно искренній. Онъ не скрывалъ своихъ сомнѣній и недоумѣній. Но, если судить по тексту сохранившейся редакціи, онъ былъ неискусенъ даже и въ „сложеніи словесъ", плохо грамотенъ. Задачи, предложенной ему, онъ вовсе не исполнилъ: не написалъ біографіи Евфросина, хотя и находился для этого въ очень удобныхъ условіяхъ. Обративъ свое вниманіе преимущественно на главную сторону въ жизни подвижника: на защиту имъ сугубой аллилуіи, онъ и здѣсь не сумѣлъ справиться съ трудностію задачи, представилъ такое описаніе споровъ, которое даже и съ фактической стороны во многихъ частностяхъ было неудовлетворительно. Какой же смыслъ было „нарочито" приглашать его въ монастырь и отдавать дѣло въ такія неумѣлыя руки, когда среди самихъ елеазаровскихъ монаховъ можно было найти человѣка, и болѣе знакомаго съ дѣломъ, и по своимъ литературнымъ способностямъ болѣе подходившаго для его выполненія? Вѣдь объ елеазаровскомъ братствѣ конца XV—начала XVI в. нельзя сказать, чтобы среди него: „не бѣ книжному умѣющихъ". Наоборотъ, и самъ игум. Памфилъ, и особенно инокъ Филоѳей были образованными людьми того времени. Для нихъ, какъ очевидцевъ жизни святаго, составить его житіе было бы, конечно, легче, чѣмъ для этого неискуснаго пришлаго монаха.

Затѣмъ, и дальнѣйшее отношеніе Памфила къ составленію житія съ указанной точки зрѣнія представляется не совсѣмъ понятнымъ. По мнѣнію Малинина, отъ Памфила, какъ сторонника взглядовъ преп. Евфросина, зависѣла самая форма, въ какой составлено было житіе. Списатель въ началѣ своей работы не принадлежалъ къ сторонникамъ двоенія и явился, значитъ, лишь послушнымъ исполнителемъ желаній елеазаровскаго игумена и братіи. По нашему мнѣнію, изъ первой, основной мысли о взглядахъ на сугубую аллилуію Памфила, очень правдоподобной, сдѣланъ выводъ преувеличенный, котораго нельзя подтвердить данными изъ текста разсматриваемаго памятника. Здѣсь мы находимъ ясныя указанія на то, что списатель обращался къ Памфилу за свѣдѣніями, нужными для него, и получалъ ихъ, но нѣтъ даже и намека о какомъ-либо вліяніи со стороны игумена на біографа. Равнымъ образомъ и недоумѣнія біографа о тайнѣ сугубой аллилуіи могли появиться не въ началѣ работы, а въ концѣ ея, подъ вліяніемъ разсказовъ елеазаровскихъ монаховъ о томъ, что, по словамъ Евфросина, таинственное значеніе аллилуіи недоступно человѣческому уму, и что одинъ только Богъ: „иж(е) хощет(ъ) своими судбами... может(ъ) открыти ю" [1]). Изъ этихъ словъ списатель могъ понять, какъ трудно для него открыть эту тайну церкви Божіей. Ниже мы разъяснимъ, что и историческія обстоятельства, при которыхъ первый біографъ писалъ житіе, могли въ свою очередь наводить его на сомнѣнія въ плодотворности задуманной имъ работы. Но изъ его признаній нельзя ни въ какомъ случаѣ дѣлать вывода, что въ правильности сугубой аллилуіи онъ убѣдился лишь подъ вліяніемъ Памфила и елеазаровскихъ старцевъ и писалъ подъ

---

[1]) Рук. № 306, л. 40 об.

ственнаго изученія памятника, но они очень кратки. Авторъ въ то же время допускаетъ ошибки и неточности. Такъ, напр., сравнительно правильно относя написаніе житія ко времени игуменства Памфила, Некрасовъ не совсѣмъ точно характеризуетъ взгляды его составителя, когда говоритъ, что „то сочувствіе и та симпатія, съ которой писалъ неизвѣстный первую редакцію, обличаютъ въ немъ дѣйствительно ученика и послѣдователя преп. Евфросина. Видно, что писалъ ее человѣкъ, хорошо и подробно знавшій учениковъ Евфросина, когда который изъ нихъ пришелъ въ обитель преподобнаго“ (стр. 40). Все это вѣрно меньше, чѣмъ на половину. Разсматриваемый списокъ житія преподобнаго Некрасовъ относитъ въ разрядъ первичныхъ редакцій житій святыхъ.

Изъ представленнаго перечня научныхъ изслѣдованій первой редакціи житія преп. Евфросина можно такимъ образомъ видѣть, что научно-историческая литература о ней, по сравненію съ полемическою, не такъ богата числомъ изслѣдованій, зато этотъ недостатокъ искупается ихъ качественною стороною и ученымъ авторитетомъ лицъ, останавливавшихся на изученіи этого интереснаго памятника древне-русской письменности. Естественно отсюда, что предлагаемый опытъ дальнѣйшей разработки вопроса о литературной исторіи житія преподобнаго преслѣдуетъ очень скромныя задачи: имѣется въ виду дать болѣе подробный сравнительный обзоръ текста обѣихъ редакцій и съ этой стороны провѣрить и дополнить сдѣланные ранѣе выводы объ отношеніи между двумя редакціями житія и объ историческихъ и литературныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ происхожденія каждой изъ нихъ. При разрѣшеніи второй половины своей задачи, мы будемъ, по возможности, строго слѣдовать положительнымъ даннымъ, заключающимся въ текстѣ разсматриваемыхъ памятниковъ, и воздерживаться отъ предположительныхъ разъясненій на поставленные вопросы. Предположительные на нихъ отвѣты, какъ будетъ показано при разборѣ взглядовъ Голубинскаго, Нильскаго и Малинина, даже и при всемъ своемъ научномъ интересѣ, при критической провѣркѣ не во всѣхъ случаяхъ представляются правильными и достаточно убѣдительными. По точности выводовъ изъ всѣхъ указанныхъ изслѣдованій лучшимъ руководствомъ при изученіи нашего памятника являются работы В. О. Ключевскаго.

По мнѣнію этого изслѣдователя, первая редакція житія препод. Евфросина должна быть отнесена къ началу XVI в. Частнѣе, житіе было написано до 1510 года, такъ какъ въ текстѣ его встрѣчается выраженіе, ясно говорящее, что Псковъ во время написанія житія еще сохранялъ свою политическую самостоятельность [1]). Это опредѣленіе времени напи-

---

[1]) Др. рус. ж., стр. 254. Прав. Об. 1872 г., кн. XII, стр. 716.—Рук. Унд. № 306, л. 73 об. „Слыши ж, пач слыши и зѣло внѣмьли, христолюбивый градѣ Пскове, земля свободная“. Во второй редакціи, въ похвалѣ святому, послѣднія слова опущены, и приведенное мѣсто читается такъ: „Тѣмже и ты, христолюбивый граде Пскове, слыши убо и паче внемли“. Рук. б-ки Тр. Сер. Лавры, № 676, л. 463.

санія житія является самымъ точнымъ положеніемъ въ изслѣдованіи. Слѣдующія за этимъ замѣчанія о мѣстѣ написанія житія и о личности автора требуютъ нѣкоторыхъ дополненій и поправокъ. По мнѣнію проф. Ключевскаго,—принятому и преосв. Макаріемъ [1]),—житіе написано въ Псковѣ, монахомъ Елеазаровскаго монастыря. Для этихъ выводовъ въ самомъ текстѣ памятника нѣтъ какихъ-либо основаній. Наоборотъ, тамъ можно находить, хотя и незначительныя, указанія, которыя даютъ право сдѣлать противоположные выводы, т. е. что житіе написано не въ Псковѣ и не псковичемъ. Такъ, уже самый способъ обращенія къ Пскову: „земля свободная,“ какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ проф. Малининъ, непригодный для списателя—псковича начала XVI в., говоритъ противъ выводовъ Ключевскаго [2]). Но въ текстѣ памятника можно находить на этотъ счетъ и болѣе ясныя указанія. Излагая споръ Евфросина съ псковичами изъ-за аллилуіи, списатель говоритъ, что противникъ преподобнаго, распопъ Іовъ, пожаловался на него „пятма соборомъ церковнымъ“, и вслѣдъ за этими словами дѣлаетъ такое поясненіе: „иж єсть во градѣ оу нихъ“ [3]). Послѣднія слова представляются неумѣстными, если допустимъ, что житіе составлено псковичемъ. И дѣйствительно, во второй редакціи, составленной въ Псковѣ, въ Елеазаровскомъ монастырѣ, они опущены. Тамъ мы читаемъ: „повѣда на блаженнаго пятма соборомъ, иже во градѣ“ [4]).

Подобнаго же рода замѣтку, излишнюю въ сочиненіи псковича, находимъ и въ описаніи чуда надъ діакономъ Петропавловскаго Островскаго монастыря Закхеемъ. Опредѣляя, какъ и во второй редакціи, время совершенія этого чуда днемъ праздника во имя трехъ святителей въ Елеазаровской обители, первый біографъ замѣчаетъ: „тоже бяше храмъ бысть тремъ святымъ въ обители ефросима преподобнаго“ [5]). Во второй редакціи и эти пояснительныя слова, какъ и выше приведенныя, опущены, по одинаковымъ, очевидно, соображеніямъ. Тамъ прямо читаемъ: „нѣкогда же празднику приспѣвшу во обители препод. отца нашего Евфросина святыхъ тріехъ святитель“ [6]). Изъ сказаннаго прямо уже слѣдуетъ, что и предположеніе объ авторѣ, какъ елеазаровскомъ монахѣ, не можетъ быть принято. Но подробнѣе это будетъ разъяснено ниже, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ: представляетъ ли эта редакція житія то именно „писаніе нѣкоего прежняго сказателя“, которымъ позднѣе воспользовался Василій, и какіе въ свою очередь имѣлъ матеріалы для составленія житія преподобнаго этотъ первый, неизвѣстный по имени, списатель?

Первый вопросъ съ достаточною полнотою рѣшенъ проф. Ключевскимъ. По его мнѣнію, разсматриваемая редакція и есть именно то писаніе,

---

[1]) И. рус. ц., т. VIII, изд. 2, Спб. 1898 г., стр. 138.

[2]) О. с., стр. 7.

[3]) Рук. Унд., № 306, л. 17. „Повѣдоваше слово со многою коризною и хулою на стго млвѧще пѧтмѧ собором црковным, иж єсть во градѣ оу нихъ“.

[4]) Пам. ст. рус. лит., в. IV, 82.

[5]) Рук. № 306, л. 108 об.

[6]) Пам. ст. рус. лит., IV, 106.

какъ, во-первыхъ, устный разсказъ, несомнѣнно не очень точный и последовательный, не могъ замѣнить собою письменнаго изложенія; во-вторыхъ, послѣднее могло имѣть въ данномъ случаѣ и особую цѣнность. Не будучи приверженцемъ взглядовъ Евфросина, Геннадій едва-ли могъ безъ предварительнаго просмотра житія разрѣшить церковное прославленіе Евфросина за защиту имъ сугубой аллилуіи.

Но было ли исполнено распоряженіе архіепископа и какъ именно,—объ этомъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Съ внѣшней стороны нѣтъ препятствій допустить, что житіе дѣйствительно было написано. Воспроизвести на бумагѣ свой устный разсказъ и этимъ исполнить волю своего начальника для Памфила, какъ человѣка хорошо грамотнаго, не было особой трудности. Не могло быть недостатка и во времени, такъ какъ елеазаровскій игуменъ, какъ видно изъ его посланія къ псковскимъ властямъ, пережилъ даже новгородскаго владыку. Если бы житіе было дѣйствительно написано, то его мы могли бы назвать первымъ опытомъ оффиціальной біографіи Евфросина и съ него начинать литературную исторію житія преподобнаго. Но въ виду того, что никакихъ указаній объ этомъ въ житіи нѣтъ, все это не болѣе, какъ предположеніе, изъ котораго мы не намѣрены дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. Для насъ несомнѣнно лишь то, что разсматриваемая нами редакція житія по списку Ундольскаго не представляетъ собою памятника, явившагося въ результатѣ распоряженія Геннадія: „житіе изложити", и что причину появленія этого памятника нужно искать не въ установленіи мѣстнаго праздника святому, какъ это дѣлаетъ проф. Малининъ, а совершенно въ другихъ обстоятельствахъ: въ спорахъ изъ-за аллилуіи послѣ смерти Евфросина. Первая мысль подтверждается самимъ списателемъ, у котораго нѣтъ даже и намека, чтобы поводомъ къ его работѣ послужило распоряженіе Геннадія. Это отмѣчено еще въ статьѣ Е. Е. Голубинскаго, взглядовъ котораго,—нужно замѣтить,—г. Малининъ не приводитъ въ своемъ изслѣдованіи о житіи Евфросина. „Что касается до того,—читаемъ мы у Голубинскаго,—что житіе изложено по повелѣнію арх. Геннадія, изъ чего слѣдовало бы, что оно написано не позднѣе 1504 г., то сего въ немъ нѣтъ,—*должно бы было быть на л. 89*,—и это есть прибавка самого Василія"[1]). На самомъ дѣлѣ и Василій ни въ приведенномъ мѣстѣ, ни въ предисловіи къ житію, при характеристикѣ своего письменнаго источника, не говоритъ, чтобы его замѣчаніе относилось именно къ этой редакціи житія, бывшей у него подъ руками. Вѣроятно сами елеазаровскіе монахи, со словъ которыхъ сдѣлалъ свою замѣтку Василій, не могли точно установить, въ какомъ отношеніи стоитъ эта редакція житія къ бесѣдѣ архіепископа съ Памфиломъ; быть можетъ, они имѣли даже основанія не смѣшивать этого памятника съ житіемъ, которое могло быть написано по распоряженію Геннадія.

---

[1]) „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами", Чт. въ Имп. Общ. И. и Др., кн. 214, стр. 208.—Курсивъ нашъ.

Для разъясненія вопроса объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе разсматриваемой редакціи житія, нѣкоторыя указанія можно находить въ другомъ, однородномъ съ житіемъ по своей темѣ, памятникѣ древней письменности, который былъ написанъ по распоряженію того же Геннадія и извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ посланія о трегубой аллилуіи. Къ сожалѣнію, этотъ памятникъ въ ученой литературѣ не принадлежитъ къ числу такихъ, которые изслѣдованы со всею точностію, и потому имъ нельзя пользоваться безъ предварительнаго критическаго обзора научныхъ его объясненій. Въ исторической литературѣ, несмотря на значительное количество научныхъ замѣтокъ о посланіи, остается недостаточно выясненною большая часть вопросовъ, касающихся литературной его исторіи. О составѣ памятника, о времени, мѣстѣ и о ближайшихъ обстоятельствахъ его написанія, а также о личности автора встрѣчаемъ въ литературѣ самыя разнообразныя мнѣнія. Не вполнѣ разъясненъ и болѣе общій вопросъ—объ историческомъ значеніи этого небольшого по объему памятника.

Посланіе о трегубой аллилуіи часто встрѣчается въ рукописяхъ XVI и особенно XVII в. в., то какъ отдѣльный, самостоятельный памятникъ, то въ связи съ изложеніемъ другихъ вопросовъ въ одной и той же статьѣ. Неодинаковъ и объемъ памятника въ различныхъ его спискахъ. Посланіе помѣщается или полностію, или въ сокращеніи—одно лишь толкованіе слова аллилуія, и притомъ не буквально сходное съ толкованіемъ по полному списку. Образцы сокращеннаго текста встрѣчаемъ въ рукописяхъ б-ки М. Д. А. № 520, л. 87 и № 577, л. 248 об.—249, XVI вѣка. Въ первомъ сборникѣ посланію предшествуетъ: „посланіе отъ архіеп. Евѳимія къ преп. Евфросину“ (л. 83 об.—86 об.), сходное съ текстомъ во второй редакціи Евфросинова житія. Самая выписка изъ посланія сдѣлана съ такимъ заглавіемъ: „сказаніе о трѣгубной аллилугіа“ (л. 87). Для изученія памятника эти выписки не имѣютъ какого-либо значенія; онѣ лишь свидѣтельствуютъ, что въ XVI в. защитники троенія пользовались посланіемъ Димитрія на ряду съ отрывками изъ другихъ памятниковъ, касавшихся того же вопроса. По тѣмъ же, очевидно, соображеніямъ посланіе объ аллилуіи въ видѣ полнаго и самостоятельнаго памятника помѣщено въ сборникѣ XVI в., № 466, Син. б-ки, непосредственно за посланіемъ къ ктитору Аѳанасію,—памятникомъ, въ которомъ доказывается исключительная правильность троенія [1]).

Противъ самостоятельности памятника первый, кажется, сдѣлалъ возраженія митрополитъ Макарій. Основываясь на томъ, что въ рукописномъ спискѣ: „древнѣйшемъ, писанномъ игум. Нифонтомъ, и въ другихъ“, посланіе помѣщается на ряду съ посланіемъ о седми тысящахъ лѣтъ: „какъ одно цѣлое“, преосвященный Макарій утверждаетъ, что оно и въ дѣйствительности представляло собою лишь часть общаго посланія къ Геннадію и только впослѣдствіи было выдѣлено въ самостоятельный, отдѣльный памят-

---

[1]) Прав. Соб. 1866 г., V, 164. Арх. Савва, Указ. патр. (син.) б., М. 1858, стр. 231.

никъ [1]). Такая постановка вопроса для изслѣдованія памятника имѣетъ большое значеніе, какъ можно видѣть изъ выводовъ митрополита Макарія, основанныхъ на этомъ соображеніи. Онъ находитъ возможнымъ точнѣе установить хронологическую дату написанія посланія (1491 г.) и разъяснить вопросы объ авторѣ и о мѣстѣ, гдѣ оно было написано. Выводы митрополита Макарія приняты и въ изслѣдованіяхъ Е. Е. Голубинскаго и А. И. Соболевскаго.

По нашему мнѣнію, это предположеніе могло бы имѣть свое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы посланіе объ аллилуіи встрѣчалось всегда лишь съ посланіемъ „о седми тысящахъ лѣтъ"; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Такъ, въ рукописи б-ки М. Д. А. № 491, XVI—XVII в.в., л. 466—467 (ср. Прав. Соб. 1861 г., ч. 1, 110—112), посланіе объ аллилуіи помѣщено вмѣстѣ съ отвѣтомъ о томъ, какъ нужно читать начальныя слова 31 псалма: „блажени имь ж отпустишась безаконіа и имь же прикрышась грѣси", т. е. прикрышася или открышася,—какъ читалось по псалтири, бывшей у архіеп. Геннадія. Переходъ отъ одного предмета къ другому въ посланіи довольно естественный и связный: „да велѣлъ еси, господине, къ себѣ отписати и о той рѣчи, что въ псалтыри пишеть" и т. д. Если непремѣнно нужно отыскивать для посланія Димитрія продолженіе, то, по нашему мнѣнію, правильнѣе будетъ остановиться на сейчасъ указанномъ спискѣ, чѣмъ на спискѣ, отмѣченномъ у митрополита Макарія. Между толкованіемъ слова аллилуія и словъ: „прикрышася—открышася", несомнѣнно, больше связи, чѣмъ между аллилуіей и „лѣтами", вопросомъ изъ области пасхаліи. Къ тому же, для справокъ по обоимъ вопросамъ—и объ аллилуіи, и о словахъ 31 псалма, въ сущности нужна была одна и та же книга: толковая псалтирь; значитъ, справки могли быть наведены одновременно, одновременно могли быть представлены владыкѣ и ихъ результаты. Но при такомъ пониманіи вопроса, соображенія митрополита Макарія о времени написанія посланія не представляются уже достаточно обоснованными. Посланіе могло быть написано и позднѣе 1491 г., и раньше. Это подтверждаютъ отчасти и рукописные списки посланія, по однимъ изъ которыхъ написаніе его нужно отнести къ 1493 г., по другимъ—къ 1486 г. [2]).

Но неодинаковая разстановка посланія въ рукописныхъ спискахъ ослабляетъ значеніе и другого утвержденія преосв. Макарія, что посланіе лишь позднѣе, переписчиками, было выдѣлено въ особый памятникъ. Съ такимъ же правомъ можно утверждать, что посланіе объ аллилуіи представляло въ первоначальномъ своемъ видѣ самостоятельный памятникъ, но позднѣе, переписчиками, оно соединялось съ другими посланіями—или вслѣдствіе однородности ихъ темы (рук. № 491, М. Д. А.), или по тѣмъ соображеніямъ, что два памятника, несходные по предмету своего содержанія, приписывались одному и тому же автору (списки, цит. у

[1]) Ист. р. ц., VII, 237 и прим.

[2]) А. Соболевскій, „Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII в.", Спб. 903 г., стр. 40, прим. 2-е.

митрополита Макарія). Въ сущности же рукописные списки посланія не только не даютъ намъ какихъ-либо указаній о первоначальномъ составѣ посланія объ аллилуіи, которыми въ свою очередь можно было бы воспользоваться для разъясненія литературной исторіи этого памятника, но, наоборотъ, они лишь затрудняютъ изслѣдователя, предлагая ему вопросы, почти неразрѣшимые. Также обстоитъ дѣло и по другимъ вопросамъ: о личности автора посланія и о значеніи этого памятника. Доказательствомъ этого можетъ служить уже самая разнорѣчивость во мнѣніяхъ по этимъ вопросамъ у изслѣдователей посланія.

По вопросу о личности автора въ научной литературѣ высказано два неодинаковыхъ взгляда. Такъ, по мнѣнію митрополита Евгенія, которое принято Рудневымъ, проф. Ключевскимъ и подробнѣе развито академикомъ Гамелемъ, въ его изслѣдованіи: „Англичане въ Россіи въ XVI—XVII ст.",— посланіе объ аллилуіи написано грекомъ Димитріемъ, прибывшимъ въ Россію въ концѣ XV в. [1]). По другому мнѣнію, принятому въ сочиненіяхъ: арх. Филарета, Костомарова, Нильскаго, Голубинскаго, и наиболѣе обоснованному въ И. рус. ц. митрополита Макарія,—авторомъ посланія былъ русскій грамотей—Димитрій Герасимовъ, носившій прозваніе толмача и стараго и извѣстный своею переводническою дѣятельностію сначала въ Новгородѣ, у архіеп. Геннадія, впослѣдствіи въ Москвѣ, какъ сотрудникъ преп. Максима Грека [2]). Послѣдній взглядъ слѣдуетъ признать болѣе распространеннымъ и болѣе современнымъ, такъ какъ онъ принятъ и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ исторіи споровъ изъ-за аллилуіи у профф. Нильскаго и Голубинскаго; повторяется онъ и въ настоящее время нѣкоторыми учеными, какъ вполнѣ уже доказанный [3]). Съ формально-научной стороны достоинство этого взгляда состоитъ въ томъ, что онъ даетъ возможность разсматривать посланіе объ аллилуіи въ связи съ другимъ памятникомъ—посланіемъ о бѣломъ клобукѣ, которое еще въ XVII в., отцами собора 1666—7 г., приписывалось Герасимову. Благодаря этому для насъ становится болѣе опредѣленною писательская дѣятельность Димитрія; видно, что онъ писалъ не по личной иниціативѣ, а по порученію высшей власти, на предложенные ею вопросы.

---

[1]) М. Евгеній, „Словарь историч. о пис. д. ч.", стр. 114; Рудневъ, „Разсужд. о ерес. и раск.", стр. 201; Ключевскій, „Др. рус. ж.", 256 и Пр. Обозр., 719—20, 738; Гамель, „Записки Имп. Акад. Наукъ", т. VIII, кн. 1, стр. 173—174, 176, въ приложеніяхъ къ цит. статьѣ.

[2]) Филаретъ, „И. рус. ц.", пер. III, М. 1888 г., изд. 5, стр. 191, прим.; ср. „Обзоръ р. д. л.", 1884 г., 124; Нильскій, „Хр. Чт." 1884 г., май—іюнь, стр. 726—7; Голубинскій, „Чтен. Об. И.", кн. 214, стр. 207; Макарій, „И. рус. ц.", т. VII, 1891 г., 237—8, т. VIII, 1898 г., 137—138; Строевъ, „Библ. Слов.". Спб. 1882 г., стр. 86. На предыдущей страницѣ Строевъ усвояетъ Герасимову и прозваніе грекъ.

[3]) Проф. А. С. Архангельскій, „Замѣтки на программу по исторіи русской литературы и исторіи словесности", Ж. Мин. Нар. Просв. 1906 г., май, стр. 10.

изложеніи житія было, значитъ, исполнено, и притомъ во время его управленія новгородско-псковскою церковію. Въ рукоп. спискѣ Ундольскаго, № 306-й, мы и имѣемъ это житіе, написанное по повелѣнію Геннадія. По мнѣнію автора, пресвитеръ Василій подтверждаетъ его „догадку о происхожденіи перваго житія" [1]). Какъ видно изъ послѣднихъ словъ, самъ авторъ предлагаемому имъ объясненію придаетъ значеніе лишь гипотезы, безъ которой, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, не можетъ, къ сожалѣнію, обойтись изслѣдователь житія Евфросина, и вѣроятность которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ покоится въ значительной степени на чисто субъективныхъ основахъ. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія и объясненіе проф. Малинина, при всей правдоподобности основной его мысли, можетъ вызвать нѣсколько не безразличныхъ для дѣла недоумѣній.

Прежде всего, составленіе житія преп. Евфросина представляло собою дѣло, по тому времени очень важное. Оно налагало на автора такую трудную задачу, съ которой не приходилось считаться другимъ списателямъ житій древне-русскихъ святыхъ. Нужно было не только должнымъ образомъ прославить св. подвижника, но еще представить оправданіе его дѣйствій по такому важному вопросу, какъ возглашеніе аллилуіи. Помимо трудности этой задачи, значительно осложнялся и внѣшній процессъ работы. Составитель житія въ своей работѣ не могъ слѣдовать общему примѣру своей литературной собратіи, т. е. пользуясь образцовыми біографіями другихъ святыхъ, заимствовать изъ нихъ общія черты для характеристики своего подвижника и вообще „счиневать приличнѣ" выбранный изъ стороннихъ источниковъ литературный матеріалъ. По крайней мѣрѣ, при изложеніи главнаго предмета своего труда біографъ ничего не могъ найти у своихъ литературныхъ предшественниковъ, а содержаніе и внѣшняя форма его разсказовъ показываютъ, что онъ и вообще не испыталъ чьего-нибудь литературнаго вліянія, какъ это случалось съ большинствомъ списателей житій. Естественно думать, что въ виду такой сложной задачи игуменъ Памфилъ долженъ былъ позаботиться о выборѣ біографа. „Нарочито" приглашая его въ монастырь, онъ долженъ былъ остановиться на человѣкѣ, или хорошо знавшемъ обстоятельства дѣла и сущность предмета, которыя ему приходилось описать, или, по крайней мѣрѣ, зарекомендовавшемъ себя предыдущею списательскою дѣятельностію, умѣломъ составителѣ житій. На самомъ дѣлѣ ни того, ни другого не было. По объясненію самого Малинина, авторъ былъ пришлый человѣкъ; онъ не зналъ обстоятельствъ жизни преподобнаго, вслѣдствіе чего „личность преподобнаго у него обрисована блѣдно и безъ должной теплоты". Съ литературной стороны въ его трудѣ нигдѣ не замѣтно истиннаго одушевленія, а только одна реторика и притомъ очень невысокаго качества [2]). Этотъ неизвѣстный, „зело неключимый и многогрѣшный" инокъ, по словамъ Евфросина, неискусный черноризецъ (возможно, молодой еще

---

[1]) ib., стр. 10.

[2]) стр. 7.

шихъ спискахъ посланія. По утвержденію преосвященнаго, съ надписа-ніемъ: „грека", этотъ памятникъ встрѣчается лишь въ спискахъ XVII в. Но утвержденіе это, кажется, не совсѣмъ правильно. По крайней мѣрѣ въ рукописномъ сборникѣ М. Син. б., № 466, второй половины XVI в. посланіе помѣщено съ такимъ заглавіемъ: „посланіе архіеп. Геннадію новгородскому отъ Димитрія грека о трегубной аллилуіи" [1]). Затѣмъ, не во всѣхъ спискахъ указывается—грекъ или русскій человѣкъ былъ авто-ромъ посланія, и это можно отмѣтить даже по отношенію къ спискамъ XVI в. Такъ, напр., въ текстѣ списка № 491, М. Д. А., читаемъ: „слуга святительства его димитрій *старой* челомъ біетъ" (л. 466). И понятно, что если подчеркнутое слово считать выраженіемъ самого автора посла-нія, то послѣднее ни въ какомъ случаѣ нельзя приписывать Герасимову, такъ какъ въ пору написанія посланія ему было не болѣе 30 лѣтъ; въ 1500 г. онъ подписывался: „митица малой" [2]). Наконецъ, не всегда даже посланіе соединялось съ именемъ Димитрія. Въ рукописномъ спискѣ Вах-рамѣева, № 226, оно приписывается „Юрію малому, греку" [3]). Такимъ образомъ, надписанія посланія въ отдѣльныхъ рукописныхъ спискахъ не даютъ права рѣшать вопроса о личности автора въ томъ или иномъ поло-жительномъ смыслѣ. Для рѣшенія этого вопроса, по нашему мнѣнію, большее значеніе имѣютъ частные вопросы: въ какихъ книгахъ наводи-лись справки объ аллилуіи и къ чему относятся личныя воспоминанія автора о какихъ-то спорахъ изъ-за аллилуіи?

Если допустить, что посланіе объ аллилуіи написано одновременно съ посланіемъ о разночтеніяхъ въ 31 псалмѣ и составляетъ съ нимъ одинъ памятникъ, то первый вопросъ разрѣшится самъ собою почти на половину. Въ концѣ второй части посланія читаемъ, что справки о томъ, какъ читать: „открышась" или „прикрышась", наводились „во псалтыри и въ толцѣхъ", т. е. въ псалтири богослужебной и въ толковой. Въ этихъ, очевидно, книгахъ наводились и справки для объясненія слова аллилуія. Но при всемъ этомъ остается еще недоумѣніе: въ какой же именно псалтири наводились справки—въ славянской или греческой? Намъ пред-ставляется болѣе правильнымъ рѣшать вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, во-первыхъ, потому, что въ концѣ XV в. въ кругѣ русскихъ богослужеб-ныхъ книгъ даже и не было толковой псалтири, а были лишь неполные переводы на толкованія нѣкоторыхъ псалмовъ, принадлежавшія (толкова-нія) св. отцамъ—Василію В., Аѳанасію Ал. и другимъ. Въ полномъ видѣ толковая псалтирь появилась лишь въ первой четверти XVI в., въ пере-водѣ Максима Грека. Во-вторыхъ, косвенное подтвержденіе тому, что справки наводились въ греческихъ книгахъ, можно находить въ самомъ толкованіи слова аллилуія, помѣщенномъ въ посланіи Димитрія. „Аль илъ оуія,—писалъ Димитрій,—толкуется: аль—пріиде, илъ—явися, оуія—Богъ;

---

[1]) Прав. Соб. 1866 г., кн. V, стр. 164.
[2]) А. Соболевскій, „Перев. литер.", стр. 186.
[3]) ib., стр. 40, прим. 2.

пойте, хвалите живаго Бога". Источникъ этого толкованія, несогласнаго съ тогдашнимъ русскимъ, ясно опредѣленъ отцами собора 1666—7 г. По ихъ объясненію, толкованіе это: „обрѣтается и писано во многихъ древнихъ греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ" [1]). Противъ высказаннаго сейчасъ предположенія, что справки объ аллилуіи наводились авторомъ посланія не въ славянскихъ, а въ греческихъ книгахъ, ничего не говоритъ и вторая половина посланія, какъ оно помѣщено въ рукописи № 491. И о разночтеніи начальныхъ словъ 31 псалма: „открышасъ—прикрышасъ", точно также справки могли дѣлать въ греческихъ книгахъ. По крайней мѣрѣ отъ XVI в. имѣемъ прямое извѣстіе, что и по такимъ маловажнымъ разногласіямъ въ славянскихъ книгахъ дѣлались справки и разъясненія по книгамъ греческимъ. Такъ, въ „Словѣ Лаодикійскаго собора" читаемъ: „недоумѣютъ нѣціи: почто въ написаніи псаломъ Давиду пишетъ, а не Давидовъ? Вѣдомо буди, яко по греческому языку тако лежитъ, еже толковаше отцы псалтирь..; являетъ же тожде рѣчь по греческому: псаломъ Давидовъ, рекше, яко Давидомъ сътворенъ" [2]). Естественно отсюда заключить, что справку въ греческихъ книгахъ удобнѣе всего было поручить греку, а если русскому человѣку, то хорошо знавшему греческій языкъ. Послѣдняго однако нельзя сказать о Герасимовѣ. Какъ показываютъ замѣтки о его переводахъ, греческаго языка онъ вовсе не зналъ, зналъ лишь латинскій, переводилъ: „отъ римскаго писанія и рѣчи на русское писаніе, на русскую рѣчь, съ Божіею помощію". Латинскій языкъ онъ зналъ, повидимому, хорошо, такъ какъ состоялъ въ числѣ сотрудниковъ пр. Максима Грека; хотя самъ Герасимовъ и считалъ себя вообще „чуждаго (языка) зѣло мало вѣдущимъ". Что Герасимовъ не зналъ греческаго языка, это видно изъ слѣдующей замѣтки въ книгѣ толкованій Златоуста на евангеліе отъ Іоанна: „споспѣшници же въ переводѣ Максиму толмачи латыньскіе Власій и Димитрій. Максиму убо смотряющу во греческую книгу и симъ изъявляя латынскимъ языкомъ, они же сказаваху писцомъ рускою бесѣдою; Максимъ бо бѣ обѣма языкомъ зѣло искусенъ" [3]). Такимъ образомъ, порученіе Геннадія являлось непосильнымъ для Герасимова.

Затѣмъ, и самое отношеніе автора къ предмету его работы можетъ наводить на сомнѣніе въ принадлежности посланія Герасимову. Къ данному владыкою порученію Герасимовъ отнесся очень внимательно и въ своемъ отвѣтѣ обнаружилъ такую осторожность въ сужденіяхъ, которая побуждаетъ смотрѣть на него, какъ на одного изъ очень немногихъ рус-

---

[1]) Дѣян. моск. соб., М. 1893 г., цит. изд., стр. 34 (втор. части).

[2]) Прав. Соб. 1866 г., V, 166. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы вовсе не настаиваемъ на томъ, чтобы списокъ № 491 былъ тождественъ оригиналу посланія. Думаемъ, что указанныя здѣсь соображенія не утратятъ своего значенія и въ томъ случаѣ, если мы будемъ считать посланіе объ аллилуіи памятникомъ отдѣльнымъ.

[3]) Строевъ, „Библіол. словарь", стр. 87, 200.

скихъ людей конца XV в., умѣвшихъ правильно оцѣнить спорный вопросъ со стороны его догматическаго значенія. „Высмотривъ въ книгахъ,—писалъ Димитрій архіепископу,—ино господине того и здѣсе въ книгахъ не описано, како говорити: трегубно ли, сугубно ли“ [1]). Послѣднія слова нужно понимать такъ, что въ греческихъ книгахъ справщикъ нашелъ тотъ и другой порядокъ возглашенія аллилуіи, безъ указанія, который изъ нихъ правильнѣе. Такимъ образомъ, не составитель посланія виноватъ, если онъ не могъ дать вполнѣ точнаго отвѣта архіепископу. Виною послѣдняго обстоятельства является самый источникъ—греческія книги, вѣрнѣе—слишкомъ большія надежды, которыя возлагались Геннадіемъ на этотъ источникъ. Геннадій въ греческихъ книгахъ разсчитывалъ найти или точное указаніе объ одномъ лишь способѣ возглашенія аллилуіи, или прямое разъясненіе о догматическомъ значеніи того или другого изъ возглашеній. На дѣлѣ справки не привели къ результатамъ, и, отмѣтивъ это въ началѣ посланія, составитель ограничился лишь выпискою толкованій слова аллилуія. Это строгое слѣдованіе своимъ источникамъ характеризуетъ автора, какъ человѣка очень осторожнаго въ выраженіи личныхъ своихъ мнѣній, чего вовсе нельзя было бы ожидать отъ Герасимова, принимая во вниманіе содержаніе составленной имъ „отъ вѣтра главы своея“ повѣсти о бѣломъ клобукѣ (если только отцы собора 1666—7 г. не ошиблись, приписывая составленіе этой повѣсти Герасимову [2]).

Но въ посланіи гораздо важнѣе справокъ и толкованій аллилуіи являются слова личныхъ воспоминаній автора, при помощи которыхъ, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, онъ пытался разъяснить недоумѣнный для архіепископа вопросъ. „Но мнѣ ся помнитъ, что и у насъ о томъ въспоръ бывалъ межъ великыхъ людей, и они обоя едино судили“ [3]). По нашему мнѣнію, смыслъ этихъ словъ трудно объяснить и согласить съ другими историческими извѣстіями, если допустить, что они сказаны русскимъ человѣкомъ о русскихъ же событіяхъ, совершившихся на его памяти въ Москвѣ или въ предѣлахъ новгородско-псковской епархіи. Прежде всего, въ контекстѣ рѣчи такой неожиданный переходъ отъ греческихъ книгъ къ воспоминаніямъ о домашнихъ событіяхъ съ логической стороны,—даже если примемъ во вниманіе общій недостатокъ въ этомъ отно-

---

[1]) Р. М. Д. А., № 491, л. 466.

[2]) По вопросу объ авторѣ повѣсти о бѣломъ клобукѣ, а равно и о времени написанія этого памятника, въ научной литературѣ можно встрѣчать разныя сужденія. Большинствомъ изслѣдователей составленіе повѣсти относится ко времени арх. Геннадія и приписывается Герасимову. Но акад. Гамель считаетъ ея авторомъ грека Димитрія Ивановича Ралева или Ларева (о. с., стр. 175). Проф. Павловъ высказалъ мнѣніе, что повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ она извѣстна теперь, появилась уже по учрежденіи въ Россіи патріаршества (у пр. Голубева, Тр. К. Д. А. 1903 г., протоколы, стр. 97). Несомнѣнную принадлежность повѣсти Герасимову признаетъ такой компетентный изслѣдователь, какъ А. И. Соболевскій („Перев. лит.“, стр. 39, прим. 2).

[3]) Прав. Соб. 1861 г., стр. III. Въ рук. № 491, л. 466: „иніи обоя осудили“.

шеніи древнерусскихъ сочиненій,—представляетъ собою salto mortale. Но такимъ онъ является и по существу дѣла. Герасимовъ былъ хорошо извѣстенъ архіеп. Геннадію. Нужно думать, что владыка послалъ его для справокъ въ Москву тогда уже, когда убѣдился, что въ Новгородѣ нѣтъ данныхъ выяснить спорный вопросъ. Отсюда, вспоминать о спорахъ, бывшихъ здѣсь при жизни Евфросина, не было никакой нужды. Затѣмъ, невозможно опредѣлить, о какихъ именно „великихъ людяхъ“ говоритъ здѣсь авторъ посланія. По болѣе вѣроятной догадкѣ, подъ однимъ изъ нихъ разумѣется новгор. архіеп. Евѳимій II-й, по житію Евфросина, отказавшійся разрѣшить споръ въ томъ или другомъ смыслѣ. Но объ этомъ Герасимовъ, родившійся спустя семь лѣтъ послѣ кончины Евѳимія[1]), могъ лишь повторить то, что онъ слышалъ отъ другихъ, т. е. то, что и безъ него зналъ Геннадій. Къ тому же, со взглядами Евѳимія Геннадій могъ ознакомиться изъ его посланія къ Евфросину, которое въ качествѣ самостоятельнаго памятника встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVI в. и въ своемъ оригиналѣ несомнѣнно хранилось въ Елеазаровскомъ монастырѣ[2]). По смыслу приведеннаго объясненія слѣдовало бы заключить, что архіеп. Евѳимій, получивъ посланіе отъ Евфросина, прежде чѣмъ отвѣтить на него, совѣтовался съ „великими людьми“, и что на этомъ совѣтѣ, названномъ авторомъ посланія споромъ, вопросъ о томъ или иномъ способѣ возглашенія аллилуіи былъ признанъ безразличнымъ. Но для такого предположенія нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ. Единственный руководитель при рѣшеніи этого вопроса, біографъ Евфросина, представляетъ намъ дѣло въ совершенно иномъ видѣ. По его сообщеніямъ, Евѳимій правда отказался разрѣшить спорный вопросъ, ссылаясь на свое недомысліе, но не сказалъ, чтобы этотъ вопросъ представлялся ему безразличнымъ.

Еще меньше основаній относить воспоминанія автора посланія къ событіямъ московскимъ или къ начальнымъ спорамъ въ Псковѣ, между Евфросиномъ и Іовомъ—людьми въ сущности и невеликими. О московскихъ спорахъ,—если только они были тамъ въ XV в.,—Димитрій не могъ имѣть болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ самъ Геннадій, который, живя въ Москвѣ, принималъ тамъ дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ церковной жизни. Доказательствомъ послѣдняго служитъ исторія споровъ о хожденіи посолонь[3]). Что же касается псковскихъ споровъ, то къ послѣднимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена замѣтка автора посланія о безразличномъ рѣшеніи спорнаго вопроса. По свидѣтельству житія

---

[1]) Въ 1525 г. Герасимову, по свидѣтельству Павла Іовія, было 60 лѣтъ. Значитъ, онъ родился приблизительно въ 1465 г.

[2]) Посланіе помѣщено, напр., въ рук. М. Д. А., № 620, л. 84—86 об. Въ рукоп. № 262 и 185 библіотеки Кіево-Соф. собора помѣщены оба посланія—Евфросина и Евѳимія (Н. Петровъ, „Описаніе“., въ Чт. Об. Ист. и Др., М. 1904 г., кн. 4, стр. 257, 258).

[3]) И. рус. ц. м. Макарія, т. VI, стр. 65—66, по втор. изд., 1887 г.

преподобнаго, спорившія стороны не только не пришли къ соглашенію, но, наоборотъ, слишкомъ разошлись между собою, грозили одна другой анаѳемою.

Въ виду указанныхъ соображеній намъ представляется болѣе правильнымъ считать авторомъ посланія грека,—какъ это дѣлаютъ м. Евгеній, проф. Ключевскій и академикъ Гамель. Такой взглядъ не только устраняетъ собою отмѣченныя недоумѣнія въ подробностяхъ объясненія этого памятника, но стоитъ въ большемъ соотвѣтствіи и съ обстоятельствами, вызвавшими его написаніе. Ближайшій поводъ написанія посланія въ научной литературѣ остается мало выясненнымъ. По нашему мнѣнію, уже самый фактъ одновременности событій написанія посланія и бесѣды арх. Геннадія съ игуменомъ Памфиломъ побуждаетъ видѣть между ними причинную связь и внутреннее соотношеніе, въ томъ смыслѣ, что посланіе явилось вслѣдъ за бесѣдою о „добродѣтельномъ житіи“ Евфросина, ея результатомъ [1]). Мы не знаемъ подробностей содержанія этой бесѣды, равнымъ образомъ не имѣемъ возможности рѣшить вопроса, была ли эта бесѣда, согласно распоряженію Геннадія, воспроизведена письменно или нѣтъ. Но, слѣдуя указаніямъ позднѣе составленныхъ житій преподобнаго о его взглядахъ на сугубую аллилуію, безошибочно можно утверждать, что Геннадію Евфросинъ былъ представленъ, какъ одинъ изъ сторонниковъ авторитета восточной церкви, въ спорахъ съ своими противниками оправдывавшій себя, главнымъ образомъ, ссылкою на богослужебный порядокъ этой церкви. Этой ссылки не могъ игнорировать новгор. архіепископъ, такъ какъ и въ его время подобный пріемъ доказательствъ практиковался въ спорахъ по однороднымъ въ сущности вопросамъ. На практикѣ восточной церкви и въ частности аѳонскихъ ея представителей основывались, напр., въ XV в. защитники противосолонія [2]). Конечно, новгор. владыка не имѣлъ основаній отрицать или даже заподозрѣвать достовѣрность посѣщенія Евфросиномъ Константинополя; но онъ могъ сомнѣваться, дѣйствительно-ли въ пору этого путешествія въ богослужебной практикѣ восточной церкви было такое единообразіе относительно сугубой аллилуіи, какъ свидѣтельствовали псковскій ея защитникъ и его позднѣйшіе сторонники, современники Геннадія. За разъясненіями владыка и обратился къ болѣе свѣдущему лицу, т. е. греку, поручивъ ему навести справки въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ [3]). Но и грекъ,

---

[1]) Выше мы отнесли бесѣду Геннадія съ Памфиломъ приблизительно къ 1486 г. Къ этому году въ нѣкоторыхъ спискахъ относится и написаніе посланія объ аллилуіи.

[2]) ib., стр. 65.

[3]) Гамель считаетъ авторомъ посланія Димитрія Трахоніота (o. c., стр. 178); но нельзя сказать, чтобы это утвержденіе было основано на какихъ-либо точныхъ данныхъ. Можно допустить, что посланіе было составлено Юріемъ Малымъ, который былъ переводчикомъ у Геннадія. Имѣлъ-ли какое отношеніе къ посланію Герасимовъ,—нѣтъ возможности разъяснить. Вѣроятнѣе всего, что

какъ видно изъ посланія, не могъ въ точности выполнить порученія Геннадія. Чтобы сколько-нибудь разъяснить архіепископу спорный вопросъ, онъ обратился къ личнымъ воспоминаніямъ. Форма этихъ воспоминаній не даетъ возможности точнѣе опредѣлить, къ какимъ именно событіямъ они относятся, и въ частности—имѣлъ ли упоминаемый „въспоръ" какую-либо связь съ спорами русскими. Естественнѣе всего было бы „въспоръ" на Востокѣ отнести ко времени путешествія въ Константинополь Евфросина, который, какъ узнаемъ изъ житія, дѣйствительно обращался къ великимъ людямъ и въ частности къ патр. Іосифу съ своими недоумѣніями и получилъ для себя успокоительный на нихъ отвѣтъ,—хотя житіе и не говоритъ, чтобы въ греческой церкви въ то время были споры изъ-за аллилуіи. Но съ другой стороны, трудно допустить, чтобы у грека конца XV в. сохранились какія-либо воспоминанія о столь отдаленномъ (первой четверти XV в.) и въ сущности столь незначительномъ событіи. Къ этому времени на его родинѣ едва-ли помнили о русскомъ паломникѣ, безуспѣшно искавшемъ здѣсь „достовѣрна сказателя тайны божественной аллилуіи". Провѣрить русскіе разсказы о путешествіи преп. Евфросина въ Константинополь авторъ посланія едва-ли могъ. Но такъ какъ на Руси до второй половины XVII в. фактъ этого путешествія не подвергался сомнѣнію, то для автора посланія и не было нужды близко знакомиться съ частностями этого событія. Доказать же неправильность ссылки защитниковъ двоенія, будто бы въ пору путешествія Евфросина двоеніе аллилуіи было общепринятымъ въ греческой церкви, не представляло для автора никакихъ трудностей. Онъ могъ воспользоваться богослужебными книгами первой половины XV в., въ которыхъ употреблялось на ряду съ двоеніемъ и троеніе. Отсюда онъ могъ сдѣлать выводъ, что и въ греческой церкви въ первой половинѣ XV в. объ аллилуіи, значитъ, „бывалъ въспоръ",—вопросъ рѣшался различно [1]).

Въ библіотекѣ Елеазаровскаго монастыря есть одинъ позднѣйшій источникъ, который позволяетъ предположить, что сношенія съ Востокомъ не были порваны преп. Евфросиномъ и по возвращеніи на родину, что свой „въпросъ" о сугубой аллилуіи онъ могъ предложить „великимъ людямъ" и позднѣе, во второй разъ, въ концѣ 50-хъ г.г. XV ст., лѣтъ за тридцать до составленія посланія объ аллилуіи. Такимъ памятникомъ

во второй половинѣ XVI в., когда литературная дѣятельность Герасимова создала ему нѣкоторую извѣстность, ему одновременно съ повѣстію о бѣломъ клобукѣ и приписано было посланіе объ аллилуіи.—Въ окружномъ посланіи м. Іоны, отъ 1454 г. (А. И., т. I., № 264, стр. 496), упоминается „Дмитрей Гречинъ", пришедшій въ Россію послѣ взятія Константинополя турками.

[1]) Свидѣтельства о двоеніи въ греч. бог. книгахъ первой полов. XV в. см. у Нильскаго, Христ. Чт. 1884 г., кн. V (май—іюнь), стр. 727, и у Голубинскаго, Чт. Об. Ист., кн. 214, 198. Быть можетъ правильнѣе будетъ въ посланіи вмѣсто: „въспоръ бывалъ", читать: „въпросъ бывалъ", тогда и недоумѣнія м. Макарія и арх. Филарета о возможности въ греческой церкви споровъ изъ-за аллилуіи устранятся сами собою.

является рукописное „сказаніе о пришествіи отъ царь-града чудотворныя цареградскія, паче же елеазаровскіе иконы пресв. и пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи". Оно имѣетъ въ виду разъяснить происхожденіе этой иконы. Оставляя пока въ сторонѣ частности въ характеристикѣ этого памятника, мы воспользуемся лишь нѣкоторыми его извѣстіями. Такъ, здѣсь разсказывается, что елеазаровская икона, представляющая собою копію съ иконы цареградской, прислана была чрезъ какого-то христолюбца констант. патріархомъ Геннадіемъ преп. Евфросину, на благословеніе устроенной имъ обители: „въ архіепископство святителя Евфимія великаго Новаграда и Пскова, предъ блаженною кончиною его, еже бѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 6966, отъ Р. же по плоти Бога Слова—1458" [1]). Въ этомъ извѣстіи, устанавливающемъ фактъ сношеній Евфросина съ патр. Геннадіемъ, наибольшій интересъ представляетъ собою хронологическая дата. Послѣдніе годы жизни архіеп. Евѳимія слѣдуетъ считать самымъ горячимъ временемъ псковскихъ споровъ. Въ это время въ греческой исторіи произошло то печальное событіе, которое дало право русскимъ людямъ смотрѣть на грековъ, какъ на отступниковъ отъ православія, уже наказанныхъ за это Богомъ. Въ 1453 г. Константинополь былъ завоеванъ турками. Для защитника сугубой аллилуіи событіе это было тѣмъ болѣе важно, что со стороны мѣстной власти, у архіеп. Евѳимія, онъ не нашелъ поддержки и защиты отъ своихъ противниковъ, мало, повидимому, обращавшихъ вниманія на заявленія Евфросина, что онъ былъ въ Царьградѣ „в самый благодатный цвѣтъ и въ время всекрасныя тишины", „за длъг(о) до взятіа бгохранимаго цряграда от(ъ) поганого бусурменина турьскаго" (л. 49 об., 36). По свидѣтельству списателя житія, Евфросинъ, получивъ отвѣтное посланіе отъ новгор. архіепископа, почувствовалъ себя совершенно одинокимъ: „не бѣ ему утѣшающаго печаль, ни помощника ему бѣ ни откуду". Очень возможно, что въ это время онъ и обратился чрезъ упомянутаго „христолюбца" къ патр. Геннадію, чтобы авторитетомъ этого защитника православія подкрѣпить себя въ продолжавшейся борьбѣ съ троегласниками. Только этимъ соображеніемъ можно объяснить причину такого вниманія константиноп. патріарха къ Елеазаровскому монастырю. Что Геннадій могъ успокоить Евфросина въ правильности двоенія, подтвердить то, что Евфросинъ слышалъ отъ Іосифа, это само по себѣ не представляется невозможнымъ. Къ этому времени и можно было бы пріурочить воспоминанія автора посланія о трегубой аллилуіи. Но въ виду ненадежности историческаго памятника этому предположенію мы не считаемъ возможнымъ придавать особаго значенія. Думаемъ только, что самое извѣстіе о сношеніяхъ Евфросина съ Геннадіемъ можно признать вѣроятнымъ.

Въ исторіи споровъ изъ-за возглашенія аллилуіи „посланіе о трегубной аллилуіи" имѣло свое практическое значеніе. Взглядъ автора о безразличіи способа возглашенія, при условіи правильнаго толкованія догма-

---

[1]) Въ рук. сборникѣ нѣтъ нумераціи листовъ.

гическаго смысла того или иного возглашенія, былъ принятъ и архіеп. Геннадіемъ. По мнѣнію преосв. Филарета, Геннадій сдѣлалъ даже бо́льшій выводъ изъ посланія: въ личныхъ своихъ взглядахъ онъ склонялся на сторону скорѣе троившихъ, чѣмъ сугубившихъ[1]). Такое отношеніе владыки къ спорному вопросу далеко не всѣхъ могло удовлетворить. Для сторонниковъ двоенія это полупризнаніе Геннадіемъ относительной правильности излюбленнаго ими порядка не могло имѣть практическаго значенія. Нужно думать, что они отнеслись къ нему точно такъ же, какъ позднѣе, въ XVII в., отнесся родственный имъ по воззрѣніямъ представитель старообрядчества, Григорій Нероновъ, къ одновременному одобренію патр. Никономъ новыхъ и старыхъ служебниковъ. На слова патріарха: „обои-де добры", т. е. и напечатанные прежде, и новоисправленные, „все-де равно, по коимъ хощешь, по тѣмъ и служишь",—Нероновъ сказалъ: „я *старыхъ-де* добрыхъ и держусь". То же самое могли сказать и въ отвѣтъ на слова Геннадія о трегубой и сугубой аллилуіи защитники послѣдней, тѣмъ болѣе, что и основаніе для отвѣта было совершенно одинаковое. Нероновъ въ своемъ рѣшеніи основывался на томъ, что „иностранныя (греческія) власти нашихъ старыхъ служебниковъ не хулятъ, но и похваляютъ" [2]). Въ свою очередь и защитники двоенія, ссылаясь даже на посланіе Димитрія грека, могли прямо заявить, что представители греческой церкви не только „не хулятъ" принятаго ими порядка двоенія, но и сами допускаютъ его въ церквахъ своей области. Въ то же время изъ содержанія посланія они могли видѣть, что Димитрій грекъ вовсе не доказалъ неправильности ссылки Евфросина на авторитетъ греческой церкви, а лишь ослабилъ ея значеніе, указавъ, что утвержденіе, будто бы въ началѣ XV в. тамъ былъ единообразный порядокъ двоенія аллилуіи,—не точно. Зато онъ подтвердилъ полную солидарность Евфросина съ представителями греческой церкви въ пониманіи догматическаго смысла двоенія, такъ какъ и псковскій защитникъ, какъ видно изъ его житія, видѣлъ въ двоеніи аллилуіи образное выраженіе догматическаго ученія о двухъ естествахъ въ единомъ лицѣ Іисуса Христа[3]).

---

[1]) „И. рус. ц.", пер. III, М. 1888 г., стр. 191—192. По замѣчанію автора: „Геннадій примѣчалъ неправильность толкованія защитниковъ двоенія,—что мысль о двухъ естествахъ не толковита." Б. можетъ безразличное отношеніе владыки къ спорамъ изъ-за аллилуіи объясняется не тѣмъ, что онъ, вопреки взглядамъ большинства своихъ современниковъ, не придавалъ особаго значенія спорному вопросу, а лишь тѣмъ, что занятый всецѣло болѣе важнымъ нестроеніемъ въ тогдашней церковной жизни, происходившимъ отъ ереси жидовствующихъ, просто не имѣлъ времени и побужденій останавливаться на спорахъ изъ-за аллилуіи, какъ предметѣ сравнительно маловажномъ.

[2]) М. Макарій, „И. рус. ц.", т. XII, Спб. 1883 г., стр. 218. Мат. для ист. раскола, т. I, стр. 157.

[3]) „Азъ прославляю Христа двоегласною алугіею." Рук. № 306, л. 37. Во второй редакціи: „устави чинъ церковный пѣти въ своей обители—дважды глаголати св. аллилугія..., еже славословити единѣми усты божество же купно и человѣчество." Пам. ст. рус. лит., IV, 81.

Но слѣдуя взглядамъ Евфросина,—какъ они позднѣе изложены въ житіи,—сторонники его въ дозволеніи Геннадіемъ обоихъ способовъ возглашенія аллилуіи могли видѣть неправильное рѣшеніе дѣла, вызывавшее собою на практикѣ тѣ же „нестроеніе церковное и великое разногласіе“, объ устраненіи которыхъ такъ заботился преподобный. Подъ вліяніемъ этого въ болѣе образованномъ кружкѣ сторонниковъ двоенія естественно могла возникнуть мысль о необходимости болѣе подробнаго, письменнаго изложенія доказательствъ въ защиту сугубой аллилуіи, чтобы этимъ путемъ не только разъяснить превосходство двоенія надъ троеніемъ, но и добиться установленія единообразія—на началахъ, конечно, двоенія. Выразителемъ этихъ мыслей и намѣреній и явился первый списатель житія преподобнаго, литературный трудъ котораго извѣстенъ теперь по рукописному списку № 306 изъ б-ки Ундольскаго. Такимъ образомъ можно сказать, что посланіе о трегубой аллилуіи если и не непосредственно, то косвеннымъ образомъ повліяло на составленіе біографіи Евфросина въ формѣ этой первой редакціи; письменный памятникъ въ пользу троенія вызвалъ въ свою очередь письменный памятникъ и въ защиту двоенія.

Въ предисловіи къ своему труду этотъ первый списатель въ очень ясной формѣ высказываетъ какъ побужденія, по которымъ онъ взялся за перо, такъ и основныя задачи, какія онъ поставилъ для своей работы. Открыть тайну сугубой аллилуіи, доказать ея превосходство надъ трегубой и этимъ прекратить споры и вражду между двумя партіями—составляло цѣль его труда[1]). Біографія преп. Евфросина должна была входить въ содержаніе житія лишь постольку, поскольку она касается главнаго предмета работы списателя. И дѣйствительно, какъ говоритъ самъ списатель, онъ изображаетъ жизнь преподобнаго главнымъ образомъ для того, чтобы образно, сопоставляя ее съ жизнію защитника троенія, распопа Іова, представить читателю превосходство благочестіемъ и святостію жизни двоившихъ аллилуію передъ троившими[2]). Отсюда и заглавіе, помѣщенное въ рукописномъ спискѣ: „Житіе и жизнь и подвизи преподобнаго

---

[1]) Купно ж и призывая его, съ вѣрою варяющи молитвою, на помощь ефросима угодника, сю да ми испросит(ъ) у Христа, як(о) теплъ дрьзатель безумью моему разумично слово, да возмогу дрьзаа откровеніем(ъ) преподобнаго сего нашего оц҃а ефросима и великым(ъ) его къ бг҃у дрьзновеніем(ъ) открыти свѣт(ъ) видѣніа цр҃ькви бж҃іа великую тайну престыя аллугіа, да не мутитьс(я) влънящес(ь) вѣтрилом(ъ) недоумѣніа разумное море, да навыкнут(ъ) христіаньскыа конци едиными усты единогласно славити единосущную троицу и да разумѣют(ъ) опасно блгочестьа существо пресв. аллугіа.“ Рук. № 306, л. 9 и об.

[2]) И сего ради (т. е. для доказательства: „колми пач двоащеи предъ троащими пр. ал. благочестіемъ предъ бгомъ“, л. 11) прохожу вамъ словомъ многоболѣзнѣное обаче дх҃овное житье, купно ж и бг҃отрудное подвизаніе таж и боголюбивыя дш҃а его ст҃ню и прп҃бьство великаго нш҃его оц҃а ефросима тезоимянитаго, да услышавъ бѣседу и повѣсть слова на разум(ъ) веземше, да сугубь вонмете обоихъ вину: троащих купно ж и двоащим(ъ) пр. ал., сице ж и прп҃бнаго еже къ г҃у бо҃у великое дрьзновеніе“ (л. 12).

отца нашего ефросима троудолюбца поустынножителя",—менѣе соотвѣтствуетъ содержанію разсматриваемаго памятника, чѣмъ названіе, которое ниже даетъ своему труду самъ списатель: „повѣсть о престѣй аллугіа".

Скудость біографическихъ данныхъ о подвижникѣ и такая необычная въ агіографической литературѣ постановка житія, преслѣдующаго стороннія, не агіобіографическія задачи, уже сами по себѣ служатъ доказательствомъ, что обстоятельства, вызвавшія написаніе этого памятника, заключаются не въ частномъ случаѣ установленія празднованія подвижнику въ его обители, а въ самыхъ спорахъ изъ-за сугубой аллилуіи, которые не прекратились послѣ благоразумнаго разрѣшенія спорнаго вопроса архіепископомъ Геннадіемъ. Въ текстѣ памятника не находимъ никакихъ указаній, чтобы житіе было составлено по чьей-либо оффиціальной иниціативѣ,—напр., Геннадія или игумена Памфила. Это и служитъ подтвержденіемъ ранѣе высказанной нами мысли о неоффиціальномъ характерѣ этого памятника. Въ своемъ содержаніи, не связанномъ условною агіобіографическою формою, этотъ памятникъ сохранилъ слѣды личныхъ взглядовъ списателя, противорѣчащихъ иногда съ самыми источниками его работы.

Съ указанной точки зрѣнія можно выяснить не совсѣмъ еще опредѣленные въ научной литературѣ частные вопросы: о личности автора, мѣстѣ и обстоятельствахъ написанія имъ житія, о времени появленія этого памятника и о его источникахъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ, въ содержаніи памятника, правда, нѣтъ прямыхъ указаній, и потому нельзя каждое объясненіе подтвердить *точною* ссылкою на соотвѣтствующее мѣсто изъ текста памятника. Но все-таки мы надѣемся по каждому вопросу представить рядъ такихъ соображеній, которыя не покажутся читателю лишь личными нашими догадками, по возможности будутъ основаны на словахъ самого списателя.

Автобіографическія замѣтки составителя первой редакціи недостаточны, чтобы по нимъ можно было представить точную его біографію. На л. 85 и об. списатель называетъ себя зѣло неключимымъ и многогрѣшнымъ во иноцѣхъ. Передавая затѣмъ о явленіи Евфросина, на л. 90, добавляетъ, что въ это время онъ былъ еще неискуснымъ черноризцемъ, хотя, по словамъ преподобнаго, и обѣщалъ сдѣлаться „искуснымъ". Ни о своей родинѣ, ни о монастырѣ, ни о возрастѣ своемъ списатель не оставилъ никакихъ указаній. Какъ разъяснено выше, изъ отдѣльныхъ выраженій списателя слѣдуетъ заключить, что онъ былъ не псковичъ по происхожденію. Нѣтъ указаній, чтобы онъ былъ монахомъ Елеазаровскаго монастыря или сдѣлался такимъ во время своей работы надъ житіемъ Евфросина. По мнѣнію проф. Голубинскаго, можетъ быть сдѣланъ положительный выводъ о непринадлежности списателя къ елеазаровскому братству, ибо нигдѣ онъ не называетъ Елеазаровскаго монастыря нашею обителію, но всегда того или его, т. е.—Евфросина [1]). И дѣйствительно,

[1]) Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 208.

даже Василій, какъ псковичъ, иногда находилъ нужнымъ замѣнить подобныя выраженія перваго списателя [1]). Списатель сообщаетъ, что онъ проживалъ нѣкоторое время въ Елеазаровскомъ монастырѣ, но когда онъ сюда пришелъ и какъ долго здѣсь пробылъ, и на это у него нѣтъ указаній. Изъ его словъ узнаемъ только, что онъ былъ въ монастырѣ при игуменѣ Памфилѣ, современникѣ преп. Евфросина и третьемъ по порядку настоятелѣ Елеазаровской обители. Это упоминаніе о Памфилѣ не даетъ однако возможности точнѣе опредѣлить время пребыванія списателя въ монастырѣ, такъ какъ намъ неизвѣстно, съ какого и по какой именно годъ былъ Памфилъ настоятелемъ. Изъ частной замѣтки объ образѣ, стоявшемъ на гробѣ преподобнаго, можно заключить, что списатель пришелъ въ монастырь уже послѣ установленія здѣсь церковнаго праздника въ честь Евфросина. Но для точнаго опредѣленія и этого событія нѣтъ тоже данныхъ. Знаемъ лишь, что празднованіе преподобному было разрѣшено архіепископомъ Геннадіемъ.

Выше указано, что нѣтъ основаній предполагать о нарочитомъ приглашеніи списателя игуменомъ Памфиломъ для составленія житія преподобнаго, а также приписывать инціативу дѣла елеазаровскому настоятелю. Но и усвояя инціативу составленія житія самому списателю, мы легко поймемъ, почему онъ пришелъ въ монастырь и чѣмъ здѣсь занимался. Не будучи псковичемъ, онъ конечно не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, въ чемъ выразилось участіе Евфросина въ спорѣ изъ-за аллилуіи и каковы были личные взгляды преподобнаго по спорному вопросу. Точно узнать объ этомъ онъ могъ только въ Елеазаровскомъ монастырѣ, гдѣ были современники Евфросина. Кромѣ того, у списателя могли быть и особыя побужденія посѣтить Елеазаровскую обитель. Списатель могъ разсчитывать, что въ лицѣ тамошняго настоятеля и другихъ монаховъ онъ найдетъ не только свѣдущихъ разсказчиковъ, но и людей, вполнѣ сочувствующихъ намѣреніямъ и цѣлямъ, которыя ставилъ онъ себѣ, принимаясь за составленіе житія. Разъ Евфросинъ держался сугубаго возглашенія аллилуіи, то несомнѣнно, что такой порядокъ былъ въ его обители и послѣ его смерти, и что его взгляды раздѣлялись его постриженниками и учениками. Рѣшеніе вопроса о сугубой аллилуіи архіеп. Геннадіемъ и Памфила могло, значитъ, такъ же не удовлетворять, какъ не удовлетворяло оно этого перваго біографа.

Въ монастырѣ списатель прежде всего занялся собираніемъ нужныхъ для его работы матеріаловъ; съ этою цѣлью онъ бесѣдовалъ съ игуменомъ и, вѣроятно, съ другими монахами, и содержаніе этихъ бесѣдъ за-

---

[1]) Въ разсказѣ объ исхожденіи во внутр. пустыню у перваго списателя: „черноризци же бяху монастыря его“,—у Василія: „святаго“. Въ описаніи перваго чуда: „Памфилъ игуменъ обители тоя“,—у Василія: „Памфилій же игуменъ“; въ описаніи 4 чуда: „игуменъ обители тоя“,—у Василія: „святаго“ и др. Объясненіе лишнихъ словъ въ описаніи 3 чуда: „тоже бяше храмъ бысть тремъ стымъ въ обители ефросима преподобнаго“,—дано нами выше.

писывалъ вчернѣ. Такая предварительная запись представляется необходимою по существу дѣла, и въ агіографической литературѣ мы встрѣчаемъ о ней довольно частыя извѣстія. Такую запись въ продолженіи двадцати лѣтъ велъ, напр., біографъ преп. Сергія—Епифаній: „памяти ради", предполагая написать затѣмъ полную біографію святаго [1]). Въ иныхъ случаяхъ черновая запись носила характеръ оффиціальной работы; производилась не единолично, а при участіи и съ помощію всей монастырской братіи, подъ руководствомъ настоятеля. Пользуясь подобною записью, позднѣйшій составитель житія могъ составить свой трудъ, не зная святаго и не побывавъ въ его монастырѣ. Такъ, напр., было при написаніи житій соловецкихъ подвижниковъ.

Что и списатель Евфросинова житія велъ предварительную запись, указаніе можно находить въ самомъ текстѣ памятника. Такъ, напр., въ концѣ описанія чуда надъ черноризцемъ Кономомъ онъ замѣчаетъ: „сіе же чюдо и преднаписах(ъ) в житьи стго и поставих(ъ) и в ряду чюдесъ, понеж(е) бо тамо пач(е) нечто мало не исправих(ъ), не побрегох(ъ) бо, досрочно испытуя сказателя" (л. 67 об.). Правильнѣе читать это мѣсто, согласно указанію проф. Малинина, такъ: „не преднаписахъ и не поставихъ", такъ какъ, слѣдуя буквальному тексту, нельзя понять смысла этихъ словъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ списатель противополагаетъ предварительное, черновое описаніе чуда надъ Кономомъ описаніямъ другихъ чудесъ—надъ Закхеемъ, которыя были у него полнѣе „преднаписаны" и не нуждались въ поправкахъ. Установить слѣды черновой работы списателя по отношенію къ разсматриваемому памятнику, впрочемъ, очень трудно, такъ какъ и вся вообще историко-біографическая часть житія представляетъ собою не что иное, какъ черновыя, не обработанныя въ литературномъ отношеніи, записи. Къ числу ихъ нужно отнести разсказы: о Памфилѣ и его братьяхъ (л. 50 об. и слѣд.), о Серапіонѣ (л. 90 об.—94 об.), о прихожденіи братіи ко святому (л. 95—97), о трудѣхъ блаженнаго Ефросима (л. 95 и об.), о посѣщеніи Елеазаровскаго монастыря новгородскимъ священникомъ (л. 97—99 об.) и др. Статьи эти, безпорядочно разбросанныя въ житіи, не имѣютъ внутренней связи съ главнымъ предметомъ содержанія; мало связаны и одна съ другою. Это, повидимому, сознавалъ и самъ списатель; онъ старался установить по крайней мѣрѣ внѣшнюю связь,—хотя и послѣднее не всегда ему удавалось. Такъ, напр., біографію Игнатія списатель помѣщаетъ послѣ посланія Евфросина къ Евѳимію, такъ какъ это посланіе было передано архіепископу Игнатіемъ (л. 50 об.—51). Скорби, которыя выпали на долю защитника сугубой аллилуіи, раздѣлены на двѣ категоріи: скорби отъ діавола

---

[1]) Имѣхъ же у собя за 20 лѣтъ приготованы таковаго списанія свитки, въ нихъ же бѣаху написаны нѣкія главизны, еже о житіи преподобнаго, памяти ради: ова убо въ свиткахъ, ова же въ тетратехъ, еще же и не по порядку, но предняя назади, а задняя напреди". В. Ч. М., сент., вып. III, стр. 1464—1465.

и скорби отъ людей. Въ соотвѣтствіе этому слѣдуютъ разсказы: о исхожденіи святаго во внутреннюю пустыню (л. 67 об.—70 об.) и о черноризцѣ Кононѣ (л. 64—67). О Серапіонѣ списатель говоритъ лишь въ концѣ своего труда, по поводу ночныхъ своихъ видѣній.

Еще меньше связи между отдѣльными статьями, которыя слѣдуютъ послѣ разсказовъ объ игуменѣ Игнатіи и о Серапіонѣ. Въ этихъ случаяхъ списатель и не пробовалъ разъяснять, какое отношеніе могутъ имѣть сдѣланныя вставки къ главному предмету, а указалъ лишь причину, почему онъ занесъ эти разсказы въ свою повѣсть. Такъ, напримѣръ, послѣ разсказовъ о братьяхъ Игнатія: Харлампіи, Памфилѣ, Мартиріи и объ ихъ отцѣ Филаретѣ (л. 51 об.—56 об.), онъ замѣчаетъ: „мнѣ ж оубо, списателю сущоу повѣсти, не лѣпо минути есть, не вмѣстивьше в словесное пространьство и в бремяне млъчаніа тацѣх(ъ) муж(ъ) жителства и достойных(ъ) незабвеніа свѣта и бжественая памяти. Нынѣ же пач(е) съвращу слово на предлежащую ми повѣсть престыя аллугіа“ (л. 56 об.). Въ большинствѣ же случаевъ онъ не дѣлаетъ даже и такихъ объясненій, связываетъ разсказы чисто внѣшнимъ способомъ, при помощи такихъ выраженій, какъ, напр.: „таже и ино сказаніе“, „таж и инъ трудъ и ино подвизаніе стго з братею“, „ино сказаніе трудовых(ъ) плодовъ воздѣланъ плодъ“ и т. п. (л. 67 об., 95, 94). Наконецъ, въ разсказѣ о новгородскомъ священникѣ списатель, не дѣлая никакихъ разъясненій, просто лишь говоритъ: „сице же оубо мало покоснѣхъ здѣся въ повѣсти сіи и оудръжахъ медляньемъ слово о бывшемь ко мнѣ явленіи стго“ (л. 99 об.).

Приведенная выше замѣтка изъ описанія чуда надъ Конономъ свидѣтельствуетъ, что списатель самъ сознавалъ недочеты въ нѣкоторыхъ разсказахъ и исправлялъ ихъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ: „тамо пач(е) нечто мало не исправихъ..., и сего ради здеся паче исполних исправленія мѣре и поставих въ ряду биваемое сице“. Дѣйствительно, въ житіи это чудо описано обстоятельно. Изъ другой замѣтки біографа видимъ, что онъ сознавалъ и неудобства такого безпорядочнаго расположенія разсказовъ и даже ясно представлялъ способъ, благодаря которому можно было бы устранить этотъ недостатокъ. Именно, послѣ біографической замѣтки о Памфилѣ онъ говоритъ: „о нихь же (т. е. о братьяхъ—инокахъ) ми есть еще слово впреди лежаще, и хощу сказати, егда пріидутъ в рядъ повѣсти и тогда помяну трудолюбное ихъ и уское путіи скорбное теченіе произволенію их(ъ). Нынѣ же гряду путь повѣстію и не съвращу слова съ теченіа искомого“ (л. 52 об.—53). На самомъ дѣлѣ списатель нигдѣ больше не говоритъ объ этихъ инокахъ и, несмотря на обѣщаніе не совращать слова съ теченія искомаго, сейчасъ же начинаетъ совершенно не относящіеся къ его предмету разсказы о Мартиріи и Филаретѣ. Отсюда, при чтеніи житія, всѣ эти разсказы, не поставленные „въ рядъ повѣсти“, представляются вставками, нарушающими контекстъ рѣчи, дѣлающими нестройнымъ изложеніе главнаго предмета. Послѣднему они такъ же вредятъ, какъ вредятъ въ болѣе обработанныхъ въ литературномъ отношеніи

житіяхъ историческому разсказу о подвижникѣ выписки и общія мѣста, взятыя изъ сторонних литературныхъ источниковъ. Видно, что списатель вносилъ эти разсказы изъ готовыхъ записей, не заботясь о литературной ихъ обработкѣ.

Въ подготовительной работѣ списателя можно наблюдать немало недочетовъ по вопросамъ очень важнымъ. Такъ, въ житіи вовсе нѣтъ сообщеній о раннемъ періодѣ жизни преподобнаго, до устройства имъ Елеазаровскаго монастыря, равнымъ образомъ нѣтъ точныхъ хронологическихъ датъ ни о посѣщеніи Евфросиномъ Востока, ни о его смерти. Первый пропускъ можно объяснить тѣмъ, что ранній,—дѣтскій и юношескій, періодъ жизни преподобнаго не могъ имѣть особаго значенія для списателя, такъ какъ онъ интересовался Евфросиномъ, главнымъ образомъ, какъ защитникомъ сугубой аллилуіи, а не какъ подвижникомъ-монахомъ. Поэтому историческую часть своего сочиненія онъ и начинаетъ прямо повѣстію споровъ, о событіяхъ же предшествующаго времени дѣлаетъ лишь случайныя замѣтки въ срединѣ и въ концѣ этой повѣсти. Но кромѣ того была и другая причина указанныхъ пропусковъ: неосвѣдомленность списателя. Насколько мало или, по крайней мѣрѣ, насколько недостаточно ознакомился списатель съ раннимъ періодомъ жизни Евфросина, можно видѣть изъ того, что онъ принялся за составленіе повѣсти, вовсе не имѣя точныхъ свѣдѣній о начальной исторіи Елеазаровской обители. Только послѣ ночныхъ видѣній онъ обратился съ своими вопросами къ Памфилу о Серапіонѣ: „яко обрѣтеся ли въ дни стго сицевъ черноризецъ и въ пьрвыхъ пріиде ли жити къ прпдбному?“ (л. 90 об.). Только теперь онъ собрался внимательнѣе разсмотрѣть и образъ преподобнаго, стоявшій на его гробницѣ (л. 89). Эти авторскія сообщенія, помѣщенныя въ описаніи явленій Евфросина и Серапіона, стоятъ въ противорѣчіи съ начальными строками этого описанія. Тамъ мы читаемъ: „елма прьвое вначалѣ, егда наченшу ми писати яж(е) по ряду житье прпбнаг(о), како родися от(ъ) блгчтву родителу и како въспитанъ быс(ть) в добре наказаніи“... и т. д. (л. 86 и об.). Изъ этихъ словъ слѣдовало бы заключить, что списателю не только не было чуждо намѣреніе писать полную, „по ряду“, біографію святаго, но что онъ даже пробовалъ писать ее по такому общежитійному плану. И, по его словамъ, затрудненіе онъ встрѣтилъ не въ этой—біографической части, а при разъясненіи самой тайны сугубой аллилуіи, безъ откровенія которой вся біографическая часть теряла, по взгляду списателя, свой смыслъ и значеніе. „Сице ж,—продолжаетъ списатель,—егда прійдох(ъ) словом(ъ) к повести оной, како ходил(ъ) бѣ въ юности своей премудрый елиозарь къ царюграду на въспросъ к патріарху прстго ради и бжственаг(о) аллугіа и тои жь паче двоити повеле ему..., но паче и сицевая мыслити начах(ъ), тьи аще не извращу о тайнѣ искомаг(о), тьи оуже паче сего ради житье стго не имат(ь) иною съвршитис(ь) (л. 87 и об.). Представлять, чтобы списатель дѣйствительно написалъ біографію преподобнаго, начиная съ его дѣтскаго возраста и оканчивая путешествіемъ въ Константинополь, а затѣмъ напи-

салъ новое сочиненіе, опустивъ въ немъ всю первую біографическую часть,—едва ли возможно. Какъ уже замѣчено, его трудъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, не есть одно лишь изложеніе споровъ изъ-за сугубой аллилуіи; въ его содержаніе внесено много постороннихъ, не имѣющихъ существеннаго отношенія къ дѣлу, разсказовъ. Основываясь на словахъ самого біографа, можно даже сдѣлать выводъ, что разсказы о Серапіонѣ и о событіяхъ первоначальной жизни Елеазаровской обители внесены позднѣе, ихъ не было въ первомъ (предполагаемомъ) опытѣ біографіи. Отсюда представляется совершенно немыслимымъ, чтобы при переработкѣ своего сочиненія списатель, оставивъ всѣ сторонніе разсказы и даже пополнивъ ихъ новыми, опустилъ лишь ранѣе помѣщенныя у него сообщенія относительно того: „како родися (преп. Евфросинъ) от(ъ) благочестиву родителу и како въспитанъ быс(ть) в добре наказаніи и как(о) возрасте в чистотѣ и цѣломудріи в съвѣршена мужа“. Сообщенія объ этомъ во всякомъ случаѣ болѣе относились бы къ его темѣ, чѣмъ разсказы объ ученикахъ преподобнаго или о случайномъ посѣтителѣ Елеазаровскаго монастыря—новгородскомъ священникѣ. Очевидно, что слова: „прьвое вначалѣ, егда наченшу ми писати“..., нужно относить точно также къ подготовительной работѣ, когда авторъ, собравъ матеріалы, рѣшилъ сѣсть за составленіе по нимъ житія и началъ свою работу съ пересмотра черновыхъ записей. Невозможно, затѣмъ, представлять, чтобы онъ написалъ цѣлыя части житія и только въ срединѣ работы замѣтилъ свое полное невѣдѣніе о тайнѣ аллилуіи. Что для раскрытія этой тайны у него нѣтъ данныхъ въ біографіи святаго, списатель могъ это ясно понять и раньше, изъ разсказовъ учениковъ преподобнаго, передававшихъ ему, что по словамъ Евфросина тайна аллилуіи недоступна человѣческому уму. Словомъ, приведенныя выше слова поставлены списателемъ не на мѣстѣ. Но помѣщеніе ихъ именно здѣсь становится понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, какое значеніе имѣютъ описанія ночныхъ видѣній въ этомъ полемическомъ сочиненіи. Они представляютъ собою не только заключеніе къ труду списателя, но и основную его часть, безъ которой списателю не было смысла выпускать въ свѣтъ свою работу. Ниже подробнѣе будетъ объяснено отношеніе этихъ описаній къ предыдущему содержанію житія, поэтому теперь ограничимся краткими замѣчаніями.

Для списателя, несомнѣнно, ясно было, что какъ бы хорошо ни была изложена имъ исторія споровъ преподобнаго съ его противниками, какъ бы ясно ни была доказана на жизни святаго общая мысль о превосходствѣ въ благочестіи защитниковъ двоенія надъ ихъ противниками,—онъ этимъ путемъ не можетъ еще выполнить поставленной имъ задачи: убѣдить въ превосходствѣ самой сугубой аллилуіи надъ трегубою. Съ „добродѣтельнымъ житіемъ“ псковскаго подвижника хорошо былъ знакомъ архіепископъ Геннадій и однако вовсе не нашелъ возможнымъ признать исключительную правильность за сугубой аллилуіей. Въ приведенныхъ словахъ списатель и самъ сознаетъ, что въ житіи Евфросина нѣтъ отвѣта на главный вопросъ. Но онъ очевидно хорошо запомнилъ слова препо-

гическаго смысла того или иного возглашенія, былъ принятъ и архіеп. Геннадіемъ. По мнѣнію преосв. Филарета, Геннадій сдѣлалъ даже бо́льшій выводъ изъ посланія: въ личныхъ своихъ взглядахъ онъ склонялся на сторону скорѣе троившихъ, чѣмъ сугубившихъ[1]). Такое отношеніе владыки къ спорному вопросу далеко не всѣхъ могло удовлетворить. Для сторонниковъ двоенія это полупризнаніе Геннадіемъ относительной правильности излюбленнаго ими порядка не могло имѣть практическаго значенія. Нужно думать, что они отнеслись къ нему точно такъ же, какъ позднѣе, въ XVII в., отнесся родственный имъ по воззрѣніямъ представитель старообрядчества, Григорій Нероновъ, къ одновременному одобренію патр. Никономъ новыхъ и старыхъ служебниковъ. На слова патріарха: „обои-де добры", т. е. и напечатанные прежде, и новоисправленные, „все-де равно, по коимъ хощешь, по тѣмъ и служишь",—Нероновъ сказалъ: „я *старыхъ*-де добрыхъ и держусь". То же самое могли сказать и въ отвѣтъ на слова Геннадія о трегубой и сугубой аллилуіи защитники послѣдней, тѣмъ болѣе, что и основаніе для отвѣта было совершенно одинаковое. Нероновъ въ своемъ рѣшеніи основывался на томъ, что „иностранныя (греческія) власти нашихъ старыхъ служебниковъ не хулятъ, но и похваляютъ" [2]). Въ свою очередь и защитники двоенія, ссылаясь даже на посланіе Димитрія грека, могли прямо заявить, что представители греческой церкви не только „не хулятъ" принятаго ими порядка двоенія, но и сами допускаютъ его въ церквахъ своей области. Въ то же время изъ содержанія посланія они могли видѣть, что Димитрій грекъ вовсе не доказалъ неправильности ссылки Евфросина на авторитетъ греческой церкви, а лишь ослабилъ ея значеніе, указавъ, что утвержденіе, будто бы въ началѣ XV в. тамъ былъ единообразный порядокъ двоенія аллилуіи,—не точно. Зато онъ подтвердилъ полную солидарность Евфросина съ представителями греческой церкви въ пониманіи догматическаго смысла двоенія, такъ какъ и псковскій защитникъ, какъ видно изъ его житія, видѣлъ въ двоеніи аллилуіи образное выраженіе догматическаго ученія о двухъ естествахъ въ единомъ лицѣ Іисуса Христа [3]).

---

[1]) „И. рус. ц.", пер. III, М. 1888 г., стр. 191—192. По замѣчанію автора: „Геннадій примѣчалъ неправильность толкованія защитниковъ двоенія,—что мысль о двухъ естествахъ не толковита." Б. можетъ безразличное отношеніе владыки къ спорамъ изъ-за аллилуіи объясняется не тѣмъ, что онъ, вопреки взглядамъ большинства своихъ современниковъ, не придавалъ особаго значенія спорному вопросу, а лишь тѣмъ, что занятый всецѣло болѣе важнымъ нестроеніемъ въ тогдашней церковной жизни, происходившимъ отъ ереси жидовствующихъ, просто не имѣлъ времени и побужденій останавливаться на спорахъ изъ-за аллилуіи, какъ предметѣ сравнительно маловажномъ.

[2]) М. Макарій, „И. рус. ц.", т. XII, Спб. 1883 г., стр. 218. Мат. для ист. раскола, т. I, стр. 157.

[3]) „Азъ прославляю Христа двоегласною алугіею." Рук. № 306, л. 37. Во второй редакціи: „устави чинъ церковный пѣти въ своей обители—дважды глаголати св. аллилугія..., еже славословити единѣми усты божество же купно и человѣчество." Пам. ст. рус. лит., IV, 81.

Уже собственныя его замѣтки, имѣющія въ виду пояснить читателю существованіе въ Псковѣ пяти соборовъ и трехсвятительскаго храма въ Елеазаровскомъ монастырѣ, побуждаютъ сдѣлать выводъ, что въ окончательномъ своемъ видѣ разсматриваемый нами памятникъ явился не въ Елеазаровской обители. За послѣднее предположеніе говоритъ и наличность ошибокъ, сдѣланныхъ, напримѣръ, въ опредѣленіи имени архіепископа, посвятившаго Игнатія во священника, и въ хронологіи начала споровъ изъ-за аллилуіи. Такія описки несомнѣнно были бы исправлены Памфиломъ, если бы житіе было закончено въ монастырѣ. Затѣмъ, по собственному признанію списателя, работа его была очень трудная и велась имъ медленно. Въ научной литературѣ о житіяхъ святыхъ не выясненъ вопросъ, какъ много времени посвящали составители житій на свою работу. Послѣднее зависѣло отъ многихъ причинъ: отъ личныхъ качествъ біографа, отъ достоинства матеріаловъ, которые онъ имѣлъ подъ руками, и отъ задачи, которая преслѣдовалась составителемъ житія при обработкѣ письменныхъ матеріаловъ. Пресвитеръ Василій,—писатель съ средними способностями, но достаточно знакомый съ лучшими образцами агіографической литературы,—написалъ вторую редакцію Евфросинова житія очень скоро,—какъ думаютъ, за одинъ съ небольшимъ годъ. Это объясняется тѣмъ, что у Василія былъ довольно обстоятельный письменный источникъ, которому онъ въ большинствѣ случаевъ строго слѣдовалъ; онъ былъ такимъ образомъ въ полномъ смыслѣ списателемъ, а не сочинителемъ житія. Даровитый біографъ преп. Сергія—Епифаній за одною лишь подготовительною работою провелъ, по собственному его признанію, 20 лѣтъ. Затѣмъ, и самый умѣлый составитель житій, Пахомій Сербъ, не слишкомъ скоро велъ работу въ тѣхъ случаяхъ, когда она не ограничивалась простымъ лишь сокращеніемъ ранѣе написаннаго или украшеніемъ простой рѣчи источника „доброслoвіемъ". По предположенію преосв. Макарія, составленіе житія преп. Кирилла Бѣлоозерскаго заняло нѣсколько лѣтъ (1462—72 гг.), въ продолженіе которыхъ не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ литературной дѣятельности Пахомія [1]). Даже передѣлка Епифаніева житія, памятника и въ историческомъ и въ литературномъ отношеніи весьма хорошаго, была произведена Пахоміемъ не вдругъ, а въ два пріема, изъ которыхъ первый въ свою очередь можетъ быть названъ подготовительною, черновою работою [2]). Наконецъ, при опредѣленіи количества времени, которое посвящалось на написаніе житія, почти всегда памятника по объему обширнаго, не слѣдуетъ забывать и тѣхъ чисто внѣшнихъ трудностей, которыя приходилось преодолѣвать списателю не какъ автору сочиненія, а просто какъ переписчику. Процессъ переписки въ древней Руси представлялъ собою работу утомительную, на которую требовалось не мало времени и усидчиваго труда. По замѣчанію одного переписчика, за списываніемъ книги октоиха, въ 260 листовъ, въ два

[1]) Ист. рус. ц., т. VII, 1891 г., стр. 139.

[2]) Ключевскій, Др. рус. ж., стр. 115.

столбца на страницѣ, онъ провелъ цѣлыхъ полгода[1]). Въ большинствѣ же случаевѣ переписчики, не опредѣляя точно времени, потраченнаго на работу, ограничивались лишь общими замѣтками о своей радости по поводу ея окончанія. И эти образныя замѣчанія хорошо характеризуютъ трудность дѣла. Вотъ для примѣра два образца: „яко же отрѣшается волъ отъ ярма, такъ писатель, книги кончавъ", или: „какъ радъ заець исъ тенята ся вывалилъ, такъ и язъ грѣшный радъ, сію книгу списавъ" [2]).

О личности перваго біографа преп. Евфросина можно лишь сказать, что онъ не былъ умѣлымъ и тѣмъ болѣе опытнымъ сочинителемъ. Изъ его труда не видно даже, чтобы онъ былъ человѣкомъ начитаннымъ въ той области древнерусской письменности, къ которой относится его работа. Условія для написанія житія точно также нельзя признать вполнѣ благопріятными. Правда, въ лицѣ Памфила и другихъ елеазаровскихъ монаховъ списатель имѣлъ надежныхъ и свѣдущихъ руководителей, но зато самъ онъ былъ человѣкомъ пришлымъ, не имѣлъ дотолѣ никакихъ точныхъ свѣдѣній о преподобномъ; ему обо всемъ нужно было обращаться съ разспросами къ другимъ. Помимо трудности главнаго предмета его сочиненія, и самая постановка дѣла являлась не совсѣмъ современною,—разъ архіеп. Геннадій держался противоположныхъ взглядовъ. Изложить сущность вопроса объ аллилуіи нужно, значитъ, было со всею обстоятельностію, тѣмъ болѣе, что существовали и письменные памятники, представлявшіе собою критику доказательствъ, приводимыхъ защитниками двоенія. Отсюда, едва ли списатель могъ скоро закончить свою работу. Вѣрнѣе думать, что она заняла собою не одинъ годъ. Подтвержденіе этому можно отчасти находить и въ словахъ самого списателя. По его описанію, преп. Евфросинъ, удерживая Серапіона отъ упрековъ списателю за его недовѣріе, сказалъ: „не дѣй, брате, списателю, понеже и искусенъ есть черноризецъ хощетъ быти въ немъ" (л. 90). Разъ біографъ помѣстилъ эти слова, то несомнѣнно онъ имѣлъ на это право, т. е. въ пору окончательной обработки своего труда онъ уже не былъ неискуснымъ черноризцемъ, а наоборотъ занималъ видное мѣсто въ монастырѣ и могъ и другимъ

---

[1]) Прологъ XVI в., № 101, Виленской пуб. библіотеки, на 404 листахъ, писанъ былъ въ теченіе 10 слишкомъ мѣсяцевъ: съ 15 апрѣля по 20 февраля. Евангеліе № 45, той же библіотеки, на 359 листахъ, писано было въ теченіе 7 мѣсяцевъ: съ 5 февраля по 31 августа. Ф. Добрянскій, „Описаніе рукописей Виленской пуб. библіотеки церковнослав. и русскихъ", Вильна, 1882 г., стр. 199 и 57.—Въ періодъ до конца XIV в. переписчикъ могъ написать $1^1/_2$—$4^1/_2$ листковъ въ день. Иконниковъ, „Опытъ рус. исторіографіи", т. I, кн. I., Кіевъ, 1891 г., стр. 99, прим. I.

[2]) Описаніе слав. рукоп. М. С. б., отд. III, ч. I, М. 1869 г., стр. 273, 524.—„Яко же радуеться женихъ о невѣстѣ, тако радуеться писець, видя последьній листъ" (У Срезневскаго, „Слав. русск. палеографія", Спб. 1885 г., стр. 155). Болѣе подробныя сравненія: съ рыбою, выскочившею изъ сѣтей, птицею—изъ западни, должникомъ, освободившимся отъ рѣзоимца, холопомъ—отъ государя, см. въ прологѣ XVI в., № 101, Виленской пуб. библіотеки, „Описаніе", стр. 200.

казаться почтеннымъ инокомъ. Иначе его слова могли бы показаться читателю ни на чемъ неоснованнымъ самохвальствомъ. Но, какъ указано уже выше, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы списатель житія былъ инокомъ Елеазаровскаго монастыря и чтобы здѣсь именно онъ сдѣлался искуснымъ черноризцемъ. Житіе въ своемъ окончательномъ видѣ появилось, значитъ, не въ стѣнахъ Елеазаровской обители. Здѣсь были лишь собраны и записаны вчернѣ матеріалы.

Точнѣе рѣшить вопросъ о мѣстѣ написанія житія нѣтъ возможности, за отсутствіемъ въ текстѣ памятника какихъ-либо указаній. На этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь предположительно, основываясь на такомъ соображеніи: житіе было написано тамъ, гдѣ для его составленія могли быть болѣе удобныя условія. Самымъ же удобнымъ мѣстомъ для этого, кромѣ Пскова, могъ быть Новгородъ. Здѣсь въ концѣ XV в. вопросъ объ аллилуіи вызвалъ къ себѣ интересъ со стороны тогдашнихъ грамотныхъ людей; здѣсь былъ данъ въ частности и поводъ къ написанію трактата въ защиту двоенія (извѣстнымъ уже посланіемъ Димитрія грека къ арх. Геннадію); здѣсь, наконецъ, могла быть и часть матеріаловъ, нужныхъ для работы. По крайней мѣрѣ, фактъ существованія отрывковъ изъ переписки между Евфросиномъ и архіеп. Евѳиміемъ, какъ отдѣльныхъ памятниковъ въ древне-русской письменности XVI в., дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что списатель въ Новгородѣ же могъ найти и воспользоваться самымъ подлинникомъ посланія Евфросина; въ то же время онъ могъ хорошо разузнать, почему новгородскій архіепископъ уклонился отъ разрѣшенія спорнаго вопроса. У списателя дѣйствительно и находимъ объясненіе этому въ представленной имъ характеристикѣ Евѳимія, какъ человѣка святаго по жизни, но не имѣвшаго глубокаго „искуса“ въ книжной премудрости,—что требовалось для пониманія такого труднаго предмета, какъ тайна сугубой аллилуіи. Въ Новгородѣ знали и о самомъ Евфросинѣ. Еще при жизни его находились люди,—какъ, напр., упоминаемый въ житіи новгородскій священникъ,—которые посѣщали обитель преподобнаго и на своей родинѣ передавали затѣмъ впечатлѣнія отъ личнаго знакомства съ подвижникомъ. Разсказъ о новгородскомъ священникѣ могъ быть написанъ авторомъ житія подъ вліяніемъ такихъ домашнихъ разсказовъ и только лишь дополненъ сообщеніями монастырской братіи объ уставномъ порядкѣ богослуженія въ ихъ обители при Евфросинѣ. Наконецъ, получаютъ свой смыслъ и слова списателя, съ которыми онъ обращается къ Пскову: „земля свободная“, если допустимъ, что ихъ написалъ монахъ-новгородецъ, не забывшій еще о недавней политической свободѣ своей родины.

Изложенныя предварительныя замѣчанія объ исторіи составленія первой редакціи житія преп. Евфросина могутъ, такимъ образомъ, быть представлены въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. По своему происхожденію житіе представляетъ собою литературный памятникъ, вызванный не оффиціальнымъ распоряженіемъ высшей церковной власти или монастырскаго начальства, какъ это было съ большинствомъ подобныхъ сочиненій, а

личными соображеніями составителя; при чемъ списатель поставилъ себѣ такую практическую цѣль, которая даже и не могла вызвать къ себѣ сочувствія со стороны тогдашней церковной власти. По своему содержанію это—не біографическій, а скорѣе историко-полемическій памятникъ; его правильнѣе называть не житіемъ, а повѣстію о сугубой аллилуіи. Поводомъ къ составленію этой повѣсти были споры изъ-за аллилуіи въ новгородско-псковской епархіи послѣ смерти Евфросина; въ частности, на появленіе повѣсти повліяло разрѣшеніе спорнаго вопроса въ посланіи о трегубой аллилуіи Димитрія грека, взглядъ котораго былъ принятъ и тогдашнимъ новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ. Житіе составлено на основаніи разсказовъ елеазаровскихъ монаховъ, главнымъ образомъ—игумена Памфила. Эти разсказы были собраны авторомъ на мѣстѣ, въ Елеазаровскомъ монастырѣ, и здѣсь же записаны начерно. Въ качествѣ письменныхъ источниковъ авторъ пользовался несомнѣнно: перепискою между Евфросиномъ и архіепископомъ Евѳиміемъ, и вѣроятно: описаніями чудесъ надъ діакономъ Закхеемъ и посланіемъ Евфросина къ троицкому духовенству. Предположительно допуская существованіе ранѣе написанной, по приказанію Геннадія, біографіи преподобнаго „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца и о чудесѣхъ, при животѣ его бывшихъ“, можно было бы въ свою очередь признать, что списатель пользовался и этимъ памятникомъ, въ частности, что онъ заимствовалъ изъ него описаніе чуда надъ Конономъ. Житіе написано до 1510 г., послѣ мѣстной канонизаціи святаго. Оно написано не псковичемъ по происхожденію, даже и не елеазаровскимъ монахомъ, и въ окончательномъ своемъ видѣ явилось не въ стѣнахъ Елеазаровской обители, а вдали отъ нея, вѣроятно въ какомъ-нибудь изъ новгородскихъ монастырей. Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ остается теперь добавить характеристику житія, какъ литературнаго памятника, и сдѣлать оцѣнку его историческаго значенія.

Разсматриваемое въ цѣломъ своемъ видѣ, житіе можетъ быть раздѣлено на предисловіе (л. 1—14), повѣсть споровъ изъ-за аллилуіи (л. 14—86), описаніе явленій списателю Евфросина съ Серапіономъ и Богородицы (л. 86—108) и историко-біографическіе разсказы, не систематически: „ово здѣ, ово индѣ“,—какъ замѣтилъ второй редакторъ,—размѣщенные во второй и третьей частяхъ житія. Въ качествѣ дополненій къ житію служатъ: описанія двухъ чудесъ надъ діакономъ Закхеемъ (л. 108—112) и неоконченный списокъ посланія Евфросина къ духовенству псковскаго троицкаго собора (л. 112—117 об.).

Историко-біографическіе разсказы уже охарактеризованы нами раньше. Въ житіи они расположены такимъ образомъ, что первое мѣсто занимаютъ статьи, имѣющія менѣе важную цѣну для біографіи Евфросина (разсказы объ Игнатіи, его братьяхъ и отцѣ), тогда какъ въ концѣ поставлены разсказы, болѣе относящіеся къ біографіи преподобнаго (о Серапіонѣ, о прихожденіи братіи ко святому, о трудѣхъ блаженнаго Евфросина, о новгородскомъ священникѣ). Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ только статьи объ Игнатіи, Серапіонѣ, о исхожденіи святаго во внутреннюю пустыню и

о черноризцѣ Кононѣ, хоть и внѣшнимъ образомъ, связаны съ главнымъ содержаніемъ. Всѣ же другія статьи вставлены безъ всякой связи съ предыдущимъ. Послѣ умѣстнаго, напримѣръ, разсказа о Серапіонѣ (по поводу его явленія списателю вмѣстѣ съ Евфросиномъ) совершенно неожиданно слѣдуютъ разсказы о прихожденіи братіи, объ устройствѣ церкви въ монастырѣ, о новгородскомъ священникѣ. Точно также послѣ разсказа объ Игнатіи (по поводу доставленія имъ Евѳимію посланія Евфросина) слѣдуютъ излишніе разсказы о братьяхъ Игнатія и ихъ отцѣ. Вѣроятно, что біографъ переписывалъ эти разсказы изъ черновыхъ записей одинъ за другимъ, какъ они тамъ стояли, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—напр., въ разсказѣ о черноризцѣ Кононѣ,—исправляя недочеты предварительной записи.

Біографіи Евфросина за ранній періодъ его жизни нѣтъ въ житіи, очевидно потому, что, увлекшись преподобнымъ, какъ защитникомъ сугубой аллилуіи, списатель вовсе не собралъ свѣдѣній о до-монашеской жизни преподобнаго, точнѣе—до путешествія его въ Константинополь; вслѣдствіе этого онъ не могъ отвѣтить на вопросы: „како родися от(ъ) блгчству родителу и како въспитанъ быс(ть) в добре наказаніи и как(о) възрасте в чистотѣ и цѣломудріи в съвѣршена мужа от(ъ) пеленъ своих(ъ) въ страсѣ бжіи“ (л. 86 об.). Самые вопросы эти поставлены только потому, что по такой рубрикѣ вопросовъ, какъ зналъ списатель, составлялось каждое житіе. Но онъ ограничился лишь перечисленіемъ ихъ, такъ какъ въ черновыхъ записяхъ не было на нихъ отвѣтовъ, а наводить справки вновь было уже поздно.

Очень кратки свѣдѣнія и о послѣднихъ дняхъ жизни Евфросина. Списатель не оставилъ указаній ни о годѣ и днѣ кончины преподобнаго, ни о числѣ лѣтъ его жизни. Нѣтъ даже и описанія внѣшняго вида подвижника. Отсутствіе точныхъ данныхъ объясняется тѣмъ, что въ описаніи кончины преподобнаго списатель преслѣдовалъ одну лишь цѣль—назидательную, для которой точности хронологическія значенія и особаго интереса не имѣютъ. Вообще въ біографической части житія осталось значительное пустое мѣсто, которое предстояло заполнить второму біографу преподобнаго.

Но, несмотря на указанные недочеты, историко-біографическіе разсказы имѣютъ безусловную историческую цѣнность уже потому, что надъ ними, какъ отдѣлами не существенно важными для цѣлей списателя, не было произведено излишней литературной обработки. Въ отличіе отъ другихъ древне-русскихъ житій, содержащихъ обычно полную (по формѣ) біографію святаго, но дающихъ мало свѣдѣній о его сподвижникахъ, разсматриваемая редакція житія преп. Евфросина свои недочеты въ біографіи преподобнаго значительно искупаетъ обстоятельными свѣдѣніями о первыхъ ученикахъ и постриженникахъ Евфросина. Она даетъ такимъ образомъ изслѣдователю цѣнный матеріалъ для изображенія начальной жизни Елеазаровкой обители. Только отсутствіе хронологическихъ датъ и неточности въ упоминаніи лицъ, временемъ жизни которыхъ можно

житіяхъ историческому разсказу о подвижникѣ выписки и общія мѣста, взятыя изъ стороннихъ литературныхъ источниковъ. Видно, что списатель вносилъ эти разсказы изъ готовыхъ записей, не заботясь о литературной ихъ обработкѣ.

Въ подготовительной работѣ списателя можно наблюдать немало недочетовъ по вопросамъ очень важнымъ. Такъ, въ житіи вовсе нѣтъ сообщеній о раннемъ періодѣ жизни преподобнаго, до устройства имъ Елеазаровскаго монастыря, равнымъ образомъ нѣтъ точныхъ хронологическихъ датъ ни о посѣщеніи Евфросиномъ Востока, ни о его смерти. Первый пропускъ можно объяснить тѣмъ, что ранній,—дѣтскій и юношескій, періодъ жизни преподобнаго не могъ имѣть особаго значенія для списателя, такъ какъ онъ интересовался Евфросиномъ, главнымъ образомъ, какъ защитникомъ сугубой аллилуіи, а не какъ подвижникомъ-монахомъ. Поэтому историческую часть своего сочиненія онъ и начинаетъ прямо повѣстію споровъ, о событіяхъ же предшествующаго времени дѣлаетъ лишь случайныя замѣтки въ срединѣ и въ концѣ этой повѣсти. Но кромѣ того была и другая причина указанныхъ пропусковъ: неосвѣдомленность списателя. Насколько мало или, по крайней мѣрѣ, насколько недостаточно ознакомился списатель съ раннимъ періодомъ жизни Евфросина, можно видѣть изъ того, что онъ принялся за составленіе повѣсти, вовсе не имѣя точныхъ свѣдѣній о начальной исторіи Елеазаровской обители. Только послѣ ночныхъ видѣній онъ обратился съ своими вопросами къ Памфилу о Серапіонѣ: „яко обрѣтеся ли въ дни стго сицевъ черноризецъ и въ пьрвыхъ пріиде ли жити къ прпдбному?“ (л. 90 об.). Только теперь онъ собрался внимательнѣе разсмотрѣть и образъ преподобнаго, стоявшій на его гробницѣ (л. 89). Эти авторскія сообщенія, помѣщенныя въ описаніи явленій Евфросина и Серапіона, стоятъ въ противорѣчіи съ начальными строками этого описанія. Тамъ мы читаемъ: „елма прьвое вначалѣ, егда наченшу ми писати яж(е) по ряду житье прпбнаг(о), како родися от(ъ) блгчтву родителу и како въспитанъ быс(ть) в добре наказаніи“... и т. д. (л. 86 и об.). Изъ этихъ словъ слѣдовало бы заключить, что списателю не только не было чуждо намѣреніе писать полную, „по ряду“, біографію святаго, но что онъ даже пробовалъ писать ее по такому общежитійному плану. И, по его словамъ, затрудненіе онъ встрѣтилъ не въ этой—біографической части, а при разъясненіи самой тайны сугубой аллилуіи, безъ откровенія которой вся біографическая часть теряла, по взгляду списателя, свой смыслъ и значеніе. „Сице ж,—продолжаетъ списатель,—егда пріидох(ъ) словом(ъ) к повести оной, како ходил(ъ) бѣ въ юности своей премудрый елиозарь къ царюграду на въспросъ к патріарху прстго ради и бжственаг(о) аллугіа и тои жь паче двоити повеле ему..., но паче и сицевая мыслити начах(ъ), тьи аще не извращу о тайнѣ искомаг(о), тьи оуже паче сего ради житье стго не имат(ь) мною съвршитис(ь) (л. 87 и об.). Представлять, чтобы списатель дѣйствительно написалъ біографію преподобнаго, начиная съ его дѣтскаго возраста и оканчивая путешествіемъ въ Константинополь, а затѣмъ напи-

тяжкую бурю разногласій, и составляло задачу автора, сторонника двоенія [1]). Разсужденія его о догматическомъ смыслѣ сугубой аллилуіи не отличаются отчетливостію и послѣдовательностію и не доказываютъ превосходства сугубой аллилуіи надъ трегубою. Ихъ интересъ со стороны исторической ограничивается лишь тѣмъ, что они знакомятъ насъ съ общимъ направленіемъ въ развитіи тогдашней богословской мысли, хотя и не свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ этого развитія, такъ какъ въ лицѣ перваго списателя мы имѣемъ богослова, даже въ сравненіи съ его современниками, совсѣмъ не высокаго качества.

Бо́льшее историческое значеніе, по сравненію съ введеніемъ, имѣетъ самая повѣсть споровъ Евфросина съ его противниками. И въ этой части много сочинительства и еще больше ненужныхъ словъ; есть и ошибки въ хронологіи событій. Особенно пристрастна характеристика противниковъ преподобнаго и пріемовъ ихъ полемики. Тѣмъ не менѣе повѣсть интересна какъ со стороны постановки вопроса, такъ и частностями своего изложенія.

Списатель понималъ, что вопросъ о сугубой аллилуіи для того времени имѣлъ не только теоретическое значеніе, но и практическое, жизненное; это не только вопросъ разсудочной вѣры, но и предметъ христіанскаго благочестія. Повѣсть споровъ и разъясняетъ этотъ предметъ съ послѣдней стороны, раскрывая ранѣе поставленный тезисъ: „колми паче двоащеи предъ троащими пр. алл. и блгчестіемъ предъ бгомъ“ (л. 11 об.). Отвѣчая на этотъ вопросъ, списатель вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій излагаетъ исторію спора Евфросина съ Іовомъ и одновременно съ этимъ даетъ характеристики какъ защитника сугубой аллилуіи, такъ и его противника. Защитникъ этой великой тайны благочестія—строгій, святой подвижникъ, вся жизнь котораго оправдывала его дѣйствія. Его противникъ—разстрига-попъ, человѣкъ гордый умомъ, но не высокій по нравственнымъ качествамъ. Силѣ нравственнаго авторитета Евфросина онъ противопоставляетъ силу внѣшнюю: подбираетъ себѣ подходящихъ помощниковъ, вмѣстѣ съ ними „куетъ клеветы“ на преподобнаго и возбуждаетъ противъ него несвѣдущихъ простыхъ людей. Несмотря на свою философскую кичливость, противники преподобнаго на самомъ дѣлѣ оказались, по словамъ списателя, людьми очень невѣжественными; на большую часть предложенныхъ Евфросиномъ вопросовъ они не могли дать отвѣта: „умолчаху, не вѣдуще, чимъ отвѣщати стому“. Но вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ была правда, всего лучше разрѣшала

троащеи стую и животворящую присноживотныя и неразлучныя аллугіа пѣс(нь) ти елма тако ж равнокорным(ъ) нечестіем(ъ) тако ж поношають им(ъ) и съкрушают(ъ) их(ъ) досадами, яко повиненъ (sic!) нечестію и всущей ереси. Оле, єдіна вѣра, а на два чина, яко тужди, не съглашаются“ (л. 10 и об.).

[1]) „Паче къ блгчестію възвышаю къ бжственому оувѣдѣнію пртыи аллугіа, глще сице, да сего ради умлъкнути въ васъ, къ единеніа вашег(о) согласіа, буи студеніи вѣтри, помысла тишина уставится“ (л. 13).

добнаго, что тайну аллилуіи, недоступную человѣческому пониманію, можетъ открыть Богъ. Далѣе, со словъ Евфросина, онъ разъясняетъ мысль о своевременности откровенія этой тайны и дѣйствительно открываетъ эту тайну въ описаніи явленія Богоматери. Все изложенное списателемъ на л. 86—90 нужно отсюда разсматривать, какъ предисловіе къ описанію явленія Богоматери, къ которому авторъ приступалъ очень осторожно, стараясь показаться читателю вполнѣ искреннимъ и правдивымъ. Для характеристики же начальныхъ работъ списателя приведенныя строки не имѣютъ никакого значенія. Нѣтъ основаній думать, чтобы послѣ явленія Богоматери списатель заново, по другому уже плану, написалъ житіе Евфросина. Оставляя поэтому въ сторонѣ эти начальныя строки описанія ночныхъ видѣній и основываясь на содержаніи предшествующей имъ части житія, мы можемъ сдѣлать о работахъ списателя въ бытность его въ Елеазаровскомъ монастырѣ лишь слѣдующіе выводы. Здѣсь онъ собиралъ матеріалы для своей работы; разспрашивалъ игумена Памфила и другихъ, вѣроятно, монаховъ и если не все, то многое записывалъ, частію подробно: „достречно", частію не совсѣмъ полно, по небрежности,—какъ самъ онъ говоритъ,—не достречно испытуя сказателя. Здѣсь же онъ могъ воспользоваться и письменными источниками: посланіемъ къ Евфросину архіепископа Евѳимія, посланіемъ самого Евфросина къ троицкому духовенству, описаніемъ чудесъ надъ Закхеемъ, быть можетъ, наконецъ, и письменнымъ изложеніемъ „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца и о чудесѣхъ, при животѣ его бывшихъ",—если только существовалъ такой памятникъ. Изъ послѣдняго онъ могъ заимствовать и запись чуда надъ Кономомъ, которое именно и относится къ разряду чудесъ, „при животѣ Евфросина бывшихъ". Такимъ образомъ сдѣлалась бы для насъ понятною замѣтка, помѣщенная въ концѣ описанія этого чуда: „не побрегохъ-бо, достречно испытуя сказателя".

По словамъ списателя, помѣщеннымъ въ предисловіи къ описанію явленій Евфросина, въ монастырѣ же онъ началъ и самое составленіе житія, когда еще не обо всемъ разспросилъ елеазаровскаго игумена. Свои первыя попытки онъ характеризуетъ слѣдующими образными выраженіями. Долго размышлялъ онъ, какъ приступить къ описанію тайны аллилуіи: „и множицею покушахся поставити в ряду слово о вещи, то пач(е) сице никако ж возмогох(ъ) моимь промысломъ сътворити каково любо что сицево на успѣхъ любомудрію"; „оумное ми пареніе души моеа не дѣйствует(ъ), слово мое не вяжется..., и дхвное злато не точится и не плететь ми ся" (л. 87 и об.). Приходило на мысль уже совсѣмъ бросить работу, разъ не удается разрѣшить самаго главнаго вопроса. „И сице смыслях(ъ) и не домыслих(ъ) и того ради възвратихся помысломъ не врьшити житья преподобнаго" (л. 100, ср. л. 87). Сопоставляя эти слова съ приведенными ранѣе, мы получаемъ слѣдующій смыслъ. Біографія Евфросина и исторія споровъ изъ-за аллилуіи были изложены списателемъ еще въ монастырѣ. Такъ ли это было и въ дѣйствительности,—трудно сказать; но, какъ замѣчено выше, къ этимъ словамъ списателя нужно относиться съ осторожностію.

тяжкую бурю разногласій, и составляло задачу автора, сторонника двоенія[1]). Разсужденія его о догматическомъ смыслѣ сугубой аллилуіи не отличаются отчетливостію и послѣдовательностію и не доказываютъ превосходства сугубой аллилуіи надъ трегубою. Ихъ интересъ со стороны исторической ограничивается лишь тѣмъ, что они знакомятъ насъ съ общимъ направленіемъ въ развитіи тогдашней богословской мысли, хотя и не свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ этого развитія, такъ какъ въ лицѣ перваго списателя мы имѣемъ богослова, даже въ сравненіи съ его современниками, совсѣмъ не высокаго качества.

Бо́льшее историческое значеніе, по сравненію съ введеніемъ, имѣетъ самая повѣсть споровъ Евфросина съ его противниками. И въ этой части много сочинительства и еще больше ненужныхъ словъ; есть и ошибки въ хронологіи событій. Особенно пристрастна характеристика противниковъ преподобнаго и пріемовъ ихъ полемики. Тѣмъ не менѣе повѣсть интересна какъ со стороны постановки вопроса, такъ и частностями своего изложенія.

Списатель понималъ, что вопросъ о сугубой аллилуіи для того времени имѣлъ не только теоретическое значеніе, но и практическое, жизненное; это не только вопросъ разсудочной вѣры, но и предметъ христіанскаго благочестія. Повѣсть споровъ и разъясняетъ этотъ предметъ съ послѣдней стороны, раскрывая ранѣе поставленный тезисъ: „колми паче двоащеи предъ троащими пр. алл. и блгчестіемъ предъ бгомъ“ (л. 11 об.). Отвѣчая на этотъ вопросъ, списатель вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій излагаетъ исторію спора Евфросина съ Іовомъ и одновременно съ этимъ даетъ характеристики какъ защитника сугубой аллилуіи, такъ и его противника. Защитникъ этой великой тайны благочестія—строгій, святой подвижникъ, вся жизнь котораго оправдывала его дѣйствія. Его противникъ—разстрига-попъ, человѣкъ гордый умомъ, но не высокій по нравственнымъ качествамъ. Силѣ нравственнаго авторитета Евфросина онъ противопоставляетъ силу внѣшнюю: подбираетъ себѣ подходящихъ помощниковъ, вмѣстѣ съ ними „куетъ клеветы“ на преподобнаго и возбуждаетъ противъ него несвѣдущихъ простыхъ людей. Несмотря на свою философскую кичливость, противники преподобнаго на самомъ дѣлѣ оказались, по словамъ списателя, людьми очень невѣжественными; на большую часть предложенныхъ Евфросиномъ вопросовъ они не могли дать отвѣта: „умолчаху, не вѣдуще, чимъ отвѣщати стому“. Но вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ была правда, всего лучше разрѣшала

троащеи стую и животворящую присноживотныя и неразлучныя аллугіа пѣс(нь) ти елма тако ж равнокорным(ъ) нечестіем(ъ) тако ж поношають им(ъ) и съкрушают(ъ) их(ъ) досадами, яко повиненъ (sic!) нечестію и всущей ереси. Ол(е) єдіна вѣра, а на два чина, яко тужди, не съглашаются“ (л. 10 и об.).

[1]) „Паче къ блгчестію възвышаю къ бжственому оувѣдѣнію прѣтыя аллугіа, глще сице, да сего ради умлъкнути въ васъ, къ единеніа вашег(о) согласіа, буи студеніи вѣтри, помысла тишина уставится“ (л. 13).

смерть споривших, и особенно—Іова. Въ глубокой старости, благочестно предалъ въ руки Божіи свою блаженную душу Толвскій подвижникъ, на землѣ подготовивъ себя къ блаженству жизни безсмертной. По выраженію списателя: „честною смертію изыде, легко и дивно, блжная дша изъ бготруднаго тѣлеси..., досточюдно и тихомирно, праведническы, земь часть свѣта и жизни безсмертіа, причастивъ собя тѣла и крови гá нашег(о) І. Х., и на будущую жизнь и нетлѣніе превздѣ храборьски“ (л. 71 и об.). Умеръ и противникъ преподобнаго. Онъ жилъ неблагочестиво: „погрязе во тмылѣ“ (л. 15), и смерть соотвѣтствовала его жизни. „Начатъ болѣти не человѣческы“ (л. 72), „злѣ скончася“ въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ,—замѣчаетъ списатель о смерти Іова; „съ великою нужею испустис(ь) дша его исъ тѣлеси ему“ (л. 84). Братія не могла даже исполнить, какъ слѣдуетъ, послѣдняго долга къ умершему: „нестерпимыя ради вони и лютаго (отъ него) злосмрадіа“, подходила къ его смертному одру: „ноздри обоняніе свое попремногу заемлюще“ (л. 84 об.). Эти страданія при концѣ жизни прямо свидѣтельствовали, что и за гробомъ Іова ожидали осужденіе и вѣчныя муки.

Нарисовавъ такую картину, автору оставалось лишь добавить къ ней назиданіе для читателя, чтобы послѣднему было яснѣе ея значеніе. Это онъ и дѣлаетъ въ началѣ своего описанія и въ концѣ. „Видисте же паче обои боренія, видисте обоихъ виновное и правое... Видисте прпдбнаг(о) пресвѣтлое начало и свѣтоносное житіе и дивенъ конець преставленію его и чюденъ исходъ бголюбивыя дша его, таж видѣсте начало и житіе и конецъ Іеву столпу“ (л. 85); „блюдите ж вѣдуще, а не творящеи внемлете, да не когда възярятся гсдь гнѣвомъ своимъ и послетъ такоже люту казнь безъ исцѣленія на ругающая имени его, якоже иногда на Іева столпа“ (л. 20); „аще ли не накажете себѣ так(о) от(ъ) бгоизвѣщенныа сеа вещи, ту ж паче спаситеся сами прочее, да не когда и вы таковая ж постражете, яко ж и онъ (Іовъ) иногда“ (л. 20 об.).

Литературный пріемъ автора нужно признать довольно удачнымъ. Разсужденія его во введеніи, очень неясныя, если и могли имѣть значеніе, то исключительно для людей книжныхъ; простой же читатель могъ быть вполнѣ удовлетворенъ самыми разсказами объ Евфросинѣ и Іовѣ. Отвлеченная идея становилась болѣе доступною для его пониманія, будучи облечена въ такіе конкретные образы. Отсюда, списатель, при условіи исторической правильности своихъ описаній, могъ разсчитывать, что читатель его повѣсти станетъ на сторону защитниковъ двоенія, подъ авторитетъ житійнаго Евфросина. Но указанное условіе не было выполнено авторомъ. Онъ преслѣдовалъ цѣли назидательно-полемическія, для которыхъ точность историческая не всегда выгодна, а въ данномъ случаѣ она была бы и совсѣмъ вредна. Наличность другихъ извѣстій о псковскомъ спорѣ, заключающихся въ посланіи къ ктитору Аѳанасію, заставляетъ относиться къ сообщеніямъ повѣсти объ аллилуіи съ большою осторожностью.

Но, несмотря на тенденціозность этой части житія, нужно признать, что личные взгляды Евфросина на сугубую аллилуію въ описаніи бесѣды

тяжкую бурю разногласій, и составляло задачу автора, сторонника двоенія [1]). Разсужденія его о догматическомъ смыслѣ сугубой аллилуіи не отличаются отчетливостію и послѣдовательностію и не доказываютъ превосходства сугубой аллилуіи надъ трегубою. Ихъ интересъ со стороны исторической ограничивается лишь тѣмъ, что они знакомятъ насъ съ общимъ направленіемъ въ развитіи тогдашней богословской мысли, хотя и не свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ этого развитія, такъ какъ въ лицѣ перваго списателя мы имѣемъ богослова, даже въ сравненіи съ его современниками, совсѣмъ не высокаго качества.

Бо́льшее историческое значеніе, по сравненію съ введеніемъ, имѣетъ самая повѣсть споровъ Евфросина съ его противниками. И въ этой части много сочинительства и еще больше ненужныхъ словъ; есть и ошибки въ хронологіи событій. Особенно пристрастна характеристика противниковъ преподобнаго и пріемовъ ихъ полемики. Тѣмъ не менѣе повѣсть интересна какъ со стороны постановки вопроса, такъ и частностями своего изложенія.

Списатель понималъ, что вопросъ о сугубой аллилуіи для того времени имѣлъ не только теоретическое значеніе, но и практическое, жизненное; это не только вопросъ разсудочной вѣры, но и предметъ христіанскаго благочестія. Повѣсть споровъ и разъясняетъ этотъ предметъ съ послѣдней стороны, раскрывая ранѣе поставленный тезисъ: „колми паче двоащеи предъ троащими пр. алл. и блгчестіемъ предъ бгомъ“ (л. 11 об.). Отвѣчая на этотъ вопросъ, списатель вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій излагаетъ исторію спора Евфросина съ Іовомъ и одновременно съ этимъ даетъ характеристики какъ защитника сугубой аллилуіи, такъ и его противника. Защитникъ этой великой тайны благочестія—строгій, святой подвижникъ, вся жизнь котораго оправдывала его дѣйствія. Его противникъ—разстрига-попъ, человѣкъ гордый умомъ, но не высокій по нравственнымъ качествамъ. Силѣ нравственнаго авторитета Евфросина онъ противопоставляетъ силу внѣшнюю: подбираетъ себѣ подходящихъ помощниковъ, вмѣстѣ съ ними „куетъ клеветы“ на преподобнаго и возбуждаетъ противъ него несвѣдущихъ простыхъ людей. Несмотря на свою философскую кичливость, противники преподобнаго на самомъ дѣлѣ оказались, по словамъ списателя, людьми очень невѣжественными; на большую часть предложенныхъ Евфросиномъ вопросовъ они не могли дать отвѣта: „умолчаху, не вѣдуще, чимъ отвѣщати стому“. Но вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ была правда, всего лучше разрѣшала

троащеи стѹю и животворящую присноживотныя и неразлучныя аллугіа пѣс(нь) ти елма тако ж равнокорным(ъ) нечестіем(ъ) тако ж поношають им(ъ) и съкрушають(ъ) их(ъ) досадами, яко повиненъ (sic!) нечестію и всущей ереси. Оле. єдіна вѣра, а на два чина, яко тужди, не съглашаются“ (л. 10 и об.).

[1]) „Паче къ блгчестію възвышаю къ бжственому оувѣдѣнію прѣты аллугіа, глще сице, да сего ради умлъкнути въ васъ, къ единеніа вашег(о) согласіа, буи студеніи вѣтри, помысла тишина уставится“ (л. 13).

смерть спорившихъ, и особенно—Іова. Въ глубокой старости, благочестно предалъ въ руки Божіи свою блаженную душу Толвскій подвижникъ, на землѣ подготовивъ себя къ блаженству жизни безсмертной. По выраженію списателя: „честною смертію изыде, легко и дивно, бл҃жная дш҃а изъ бг҃отруднаго тѣлеси..., досточюдно и тихомирно, праведническы, вземь часть свѣта и жизни безсмертіа, причастивъ собя тѣла и крови г҃а нш҃ег(о) І. Х., и на будущую жизнь и нетлѣніе превзыдѣ храборьски" (л. 71 и об.). Умеръ и противникъ преподобнаго. Онъ жилъ неблагочестиво: „погрязе во тмылѣ" (л. 15), и смерть соотвѣтствовала его жизни. „Начатъ болѣти не человѣчески" (л. 72), „злѣ скончася" въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ,—замѣчаетъ списатель о смерти Іова; „съ великою нужею испустис(ь) дш҃а его исъ тѣлеси ему" (л. 84). Братія не могла даже исполнить, какъ слѣдуетъ, послѣдняго долга къ умершему: „нестерпимыя ради вони и лютаго (отъ него) злосмрадіа", подходила къ его смертному одру: „ноздри обоняніе свое попремногу заемлюще" (л. 84 об.). Эти страданія при концѣ жизни прямо свидѣтельствовали, что и за гробомъ Іова ожидали осужденіе и вѣчныя муки.

Нарисовавъ такую картину, автору оставалось лишь добавить къ ней назиданіе для читателя, чтобы послѣднему было яснѣе ея значеніе. Это онъ и дѣлаетъ въ началѣ своего описанія и въ концѣ. „Видисте же паче обои боренія, видисте обоихъ виновное и правое... Видисте прпдбнаг(о) пресвѣтлое начало и свѣтоносное житіе и дивенъ конець преставленію его и чюденъ исходъ бголюбивыя дш҃а его, таж видѣсте начало и житіе и конець Іеву столпу" (л. 85); „блюдите ж вѣдуще, а не творящеи внемлете, да не когда възярятся гсдь гнѣвомъ своимъ и послетъ такоже люту казнь безъ исцѣленія на ругающая имени его, якоже иногда на Іева столпа" (л. 20); „аще ли не накажете себѣ так(о) от(ъ) бгоизвѣщенныа сеа вещи, ту ж паче спаситеся сами прочее, да не когда и вы таковая ж пострадете, яко ж и онъ (Іовъ) иногда" (л. 20 об.).

Литературный пріемъ автора нужно признать довольно удачнымъ. Разсужденія его во введеніи, очень неясныя, если и могли имѣть значеніе, то исключительно для людей книжныхъ; простой же читатель могъ быть вполнѣ удовлетворенъ самыми разсказами объ Евфросинѣ и Іовѣ. Отвлеченная идея становилась болѣе доступною для его пониманія, будучи облечена въ такіе конкретные образы. Отсюда, списатель, при условіи исторической правильности своихъ описаній, могъ разсчитывать, что читатель его повѣсти станетъ на сторону защитниковъ двоенія, подъ авторитетъ житійнаго Евфросина. Но указанное условіе не было выполнено авторомъ. Онъ преслѣдовалъ цѣли назидательно-полемическія, для которыхъ точность историческая не всегда выгодна, а въ данномъ случаѣ она была бы и совсѣмъ вредна. Наличность другихъ извѣстій о псковскомъ спорѣ, заключающихся въ посланіи къ ктитору Аѳанасію, заставляетъ относиться къ сообщеніямъ повѣсти объ аллилуіи съ большою осторожностью.

Но, несмотря на тенденціозность этой части житія, нужно признать, что личные взгляды Евфросина на сугубую аллилуію въ описаніи бесѣды

его съ посланниками Іова переданы точно. Списатель изложилъ эту бесѣду такъ, какъ слышалъ отъ очевидцевъ—игумена Памфила и другихъ елеазаровскихъ монаховъ. Онъ ничего не привнесъ здѣсь отъ себя, хотя и удобно было приписать преподобному часть толкованій аллилуіи, которыя ниже, въ описаніи явленій, выданы за откровеніе Богоматери. Этою частію повѣсти споровъ, едва ли не самою главною, можно пользоваться, какъ историческимъ источникомъ довольно точнымъ.

Въ житіи нѣтъ полной біографіи святаго, но зато есть общая характеристика личности Евфросина и какъ подвижника, и какъ защитника сугубой аллилуіи. Въ первой своей части характеристика эта кратка. Такъ, въ статьѣ: „о трудѣхъ блажен. ефросима“ списатель замѣчаетъ: „бѣ бо сице и самъ ефросимъ неусыпаемъ трудникъ и во всякомь дѣлѣ образъ бываше“ (л. 95). Въ повѣсти споровъ онъ говоритъ о высокихъ умственныхъ дарованіяхъ подвижника и о его познаніяхъ въ божественномъ писаніи [1]). Эта часть характеристики—вполнѣ вѣрная, хотя она и сдѣлана списателемъ мимоходомъ, кратко. Подробнѣе онъ останавливается на характеристикѣ Евфросина, какъ защитника сугубой аллилуіи. Списатель сравниваетъ преподобнаго съ знаменитѣйшими изъ св. отцевъ церкви, даже готовъ видѣть превосходство надъ ними Евфросина, такъ какъ онъ печаловался о такомъ вопросѣ, который не занималъ собою никого изъ св. отцевъ, не былъ разсмотрѣнъ ими ни на одномъ изъ соборовъ. „А еже о пресв. тайнѣ бжственаго аллугіа, то паче явѣ ни единъ отъ сихъ вселеньскыхъ съборъ не приникъ къ тайнѣ сѣа мудрствовати“ (л. 76). По ревности въ защитѣ сугубой аллилуіи Евфросинъ сопоставляется съ Златоустомъ и пророкомъ Иліею (л. 74, 77 об., 81). Твердость убѣжденій Евфросина списатель характеризуетъ слѣдующими словами: „не токмо ж словомъ не пременис(я) от(ъ) оудвоеніа на оутроеніе пр. ал., но и мыслію паче никако ж блужаше троити вещь искомая“ (л. 74 об.—75),—хотя, нужно сказать, эта замѣтка не совсѣмъ согласуется съ ранѣе сдѣланною характеристикою душевнаго настроенія Евфросина, какъ оно отразилось въ его молитвѣ къ Богоматери. Эта вторая часть характеристики, помѣщенная непосредственно за описаніемъ смерти Іова, по своему повышенному тону представляетъ собою нѣчто въ родѣ похвальнаго слова защитнику двоенія. Но оно не выдѣлено „въ рядъ“, поставлено немного раньше, чѣмъ слѣдовало бы по обще-житійному плану. Это замѣтилъ и самъ списатель, какъ видно изъ его словъ по поводу сравненія Евфросина съ пророкомъ Иліею: „и есть еще предлежитъ паче впреди слово о вещи и въ ряду искомое; а еже вспомянухъ великаго знаменосца въ пррцѣхъ Илью, вспомянухъ бо его не бездѣлно, паче въ притчю знаменіа ради бжіа“ (л. 81). Въ „рядъ“, т. е. въ

[1]) „Слышаху бо о немь (Іовъ и его товарищи) и вѣдяху пач(е) зѣло, яко також силенъ книгами и мнози бжственыа глубины и недоведомыхъ и довѣдомыхъ вещей и утаемыа тайны откровеніемь ему сттго дха глубоку премудрость въ устѣхъ своихъ носитъ“ (л. 22 и об.).

похвальное слово, перенесъ часть изъ этихъ разсужденій перваго біографа уже его продолжатель—пресвитеръ Василій.

Описаніе явленій Евфросина съ Серапіономъ и Богоматери можно разсматривать, какъ заключеніе повѣсти о сугубой аллилуіи, которое для автора представляло собою самую важную часть его труда. Конечно, излишне было бы въ этомъ описаніи искать фактическихъ данныхъ для исторіи споровъ изъ-за аллилуіи Евфросина съ псковичами. Списатель самъ характеризуетъ достоинство этихъ своихъ сообщеній, когда говоритъ, что они плодъ его сонныхъ мечтаній, что онъ находился въ это время: „въ иступленіи оума сънна го ради въздреманіа тягости“ (л. 88). Въ историко-полемической литературѣ съ достаточною полнотою разобрана эта часть работы списателя и вполнѣ правильно оцѣнена, какъ выдумка, не заслуживающая вниманія. Ошибка сдѣлана лишь въ томъ, что выдумка эта приписана Василію старавшемуся, будто бы, прикрыться именемъ своего предшественника. На самомъ дѣлѣ вина падаетъ всецѣло на перваго списателя.

Между описаніемъ явленія Богоматери и предыдущимъ содержаніемъ повѣсти можно установить нѣкоторую связь. Именно, разсказъ объ этомъ явленіи близко стоитъ къ содержанію ранѣе изложенной молитвы преподобнаго къ Богоматери, послѣ полученія отвѣтнаго посланія архіеп. Евѳимія. Замѣчанія списателя, сопровождающія изложеніе этой молитвы, даютъ возможность точнѣе установить это взаимоотношеніе. Не получивъ отъ архіепископа поддержки, Евфросинъ почувствовалъ себя одинокимъ; не откуда было ждать ни утѣшенія въ печаляхъ, ни помощи противъ Іова и его сторонниковъ. Непріязнь къ преподобному еще болѣе развилась, такъ какъ о безрезультатности его апелляціи къ Евѳимію его противники, конечно, легко могли узнать. Особенно смущало Евфросина обвиненіе его въ ереси: „въ ерѣтическомъ жребіи причитаемъ есмь от(ъ) врагъ моихъ“ (л. 62 об.). Въ молитвѣ къ Богоматери онъ и проситъ разрѣшить его печаль: наказать его для вразумленія другихъ, если онъ неправильно мудрствуетъ объ аллилуіи, или же вразумить его противниковъ. „О мати владычица, открый крѣпость дерзновенія твоего великія тайны“ „аще ли не блговолиши явити ты млсти гсдня, тъи оуж и до исхода дша моеа от(ъ) тѣлеси въ сѣтованіи поживу“ (л. 62 и об.). И не одинъ разъ,—замѣчаетъ списатель,—молился такъ преподобный, но всегда—и во время отдыха, и за рукодѣльемъ, и въ часъ церковной молитвы: „стеня сердцемъ и хлипаше дшою о искомѣй вещи“ (л. 63). Скорбь о ней увеличивала болѣзни и ускорила кончину преподобнаго. Такъ и умеръ онъ, не увѣренный свыше, чудесно, въ правотѣ своего подвига. Но вотъ прошло около 20 лѣтъ со дня кончины преподобнаго. За этотъ небольшой сравнительно промежутокъ времени многое, однако, успѣло измѣниться. Въ обители Евфросина, надъ его гробомъ, совершались чудеса; но и не только въ обители, а и „вдалѣ обители“ совершались они надъ тѣми, кто съ вѣрою призывалъ святаго. По вѣрѣ къ преподобному, вскорѣ послѣ его кончины его ученикъ и постриженникъ—игуменъ Памфилъ,

съ благословенія архіеп. Геннадія, удостоился открыть церковное празднованіе своему учителю. Не измѣнилось только положеніе главнаго вопроса: споры изъ-за аллилуіи не прекратились, и, какъ и въ пору Евфросина, отъ церковной власти нельзя было ожидать разрѣшенія спорнаго вопроса въ благопріятномъ смыслѣ. Архіеп. Геннадій еще менѣе, чѣмъ архіеп. Евѳимій II-й, склоненъ былъ къ признанію исключительной правильности двоенія. Получалось такимъ образомъ неполное прославленіе святаго, которое не могло удовлетворить собою его почитателей. Попытка разрѣшить спорный вопросъ въ положительномъ смыслѣ являлась вполнѣ своевременною. Это ясно высказано устами самого Евфросина. По словамъ списателя, преподобный, явившись ему, сказалъ: „нынѣ же ти время есть написати о моей печали“ (л. 90). Но какъ описать эту печаль,—ничего не объяснилъ преподобный. Ничего не узналъ объ этомъ списатель и изъ разспросовъ елеазаровскихъ монаховъ. Значитъ, нужно было или не „врьшити житія“, или ждать чудеснаго откровенія—выдумать его. Списатель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, склонился къ послѣднему: выдумалъ явленіе Богоматери, разъяснившей ему тайну сугубой аллилуіи, и затѣмъ, какъ самъ онъ выражается: „написахъ искомое“ (л. 106 об.). Подъ ея авторитетъ онъ и поставилъ новое, не-евфросиновское толкованіе сугубой аллилуіи, какъ выраженіе тайны воскресенія Христова. Явившаяся Богоматерь, открывъ тайну аллилуіи, вмѣстѣ съ этимъ оправдала и ея защитника, сказавъ: „его-бо ради ходатайства открых(ъ) скровенаа“ (л. 106).

Черезъ двадцать лѣтъ исполнилось, значитъ, то, о чемъ такъ долго (1456—1481 г.) молилъ преп. Евфросинъ Богоматерь при своей жизни. Въ такую связь можно поставить описаніе явленія Богородицы съ предыдущимъ содержаніемъ житія.

Какъ же смотрѣть на такой литературный пріемъ, допущенный списателемъ при защитѣ сугубой аллилуіи?

Въ историко-полемической литературѣ высказанъ суровый, строго осуждающій списателя, приговоръ. Описанія явленія Богоматери, по отзыву преосвящ. Филарета, представляютъ собою дерзкій вымыселъ, оскорбляющій святую вѣру, противный здравому смыслу. Присоединяясь къ этому отзыву, сдѣланному по адресу второго біографа, мы думаемъ лишь, что по отношенію къ личности перваго списателя житія и по условіямъ того времени его нужно нѣсколько смягчить, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что о литературныхъ пріемахъ древне-русскихъ писателей не совсѣмъ справедливо судить съ точки зрѣнія современной намъ исторической критики. Склонность ко всему сверхъестественному и та легкость, съ которою древне-русскій списатель ставилъ свои измышленія подъ авторитетъ святоотеческій, довольно обычныя явленія въ древне-русской письменности. Списатель житія преподобнаго Евфросина былъ однимъ лишь изъ крайнихъ представителей подобнаго направленія, но не единственнымъ. Можно даже сомнѣваться, чтобы такимъ откровеніямъ придавалась большая цѣнность, тѣмъ болѣе, что имѣемъ случаи, когда подъ святоотеческій авто-

ритетъ поставлялись мнѣнія, совершенно противорѣчившія одно другому. Такъ, напримѣръ, на св. отцевъ ссылались, какъ разъяснено будетъ ниже, и защитники троенія. Вѣроятно, что изъ двухъ ссылокъ придавалась большая цѣна той, которая болѣе умѣло была сдѣлана. Затѣмъ, важность цѣли, которую поставилъ себѣ авторъ повѣсти, и полемическій характеръ его труда въ особенности могли влiять на неразборчивость въ средствахъ для достиженія этой цѣли. Въ полемическомъ памятникѣ преувеличенія и увлеченія всегда возможны. Естественны они и въ повѣсти споровъ объ аллилуіи. Наконецъ, надъ біографомъ Евфросина не было и достаточнаго контроля. Нужно признать, вопреки мнѣнію В. Н. Малинина, что въ этой части своей работы списатель былъ слишкомъ самостоятеленъ, что онъ несомнѣнно скрылъ отъ Памфила ночное видѣніе Богоматери, какъ раньше скрылъ отъ него видѣніе Евфросина и Серапіона. Эта заключительная часть житія появилась не въ Елеазаровскомъ монастырѣ. По всей вѣроятности она была написана тогда, когда уже не было въ живыхъ ни игумена Памфила, ни архіепископа Геннадія. Иначе дерзкіе вымыслы списателя не получили бы для себя распространенія; они были-бы исключены елеазаровскимъ игуменомъ изъ житія, какъ противорѣчащіе личнымъ взглядамъ Евфросина на значеніе сугубой аллилуіи. Евфросинъ въ двоеніи аллилуіи видѣлъ лишь выраженіе догматическаго ученія о двухъ естествахъ во Христѣ, а вовсе не тайну Его воскресенія.

Что житіе въ разсмотрѣнной его редакціи появилось уже послѣ кончины игумена Памфила, подтвержденіе этому можно находить даже въ самомъ его текстѣ. Въ характеристикѣ Памфила списатель говоритъ: „сіи убо (Игнатій, Харлампій и Памфилъ) бяше три браты по плоти, сщенніци быша и единъ по единому кождо их(ъ) въ время свое в монастырѣ стго игумені быша“ (л. 52 об.). Выразиться такъ о Памфилѣ можно было только послѣ его смерти.

Какое же значеніе имѣлъ этотъ защитительный трактатъ о сугубой аллилуіи?—Едва ли составителю „повѣсти“ удалось достигнуть практической своей цѣли: прекратить споры и несогласія, такъ какъ изложеніе предмета у него получилось не совсѣмъ правильное и точное и далеко не всѣ возраженія противниковъ двоенія были приняты имъ во вниманіе и разсмотрѣны. Въ исторической литературѣ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, отрывокъ одного памятника, который можетъ служить яснымъ доказательствомъ, что трудъ перваго списателя явился не отвѣчающимъ своей задачѣ. Этотъ памятникъ подъ заглавіемъ: „посланіе господину Аѳанасію, честнѣйшему во иноцѣхъ общеобительныя великыя лавры святаго Николы ктитору“, изданъ въ „Прав. Собесѣд.“ за 1866 годъ, часть II, стр. 140—164. Онъ представляетъ собою отрывокъ изъ переписки между какимъ-то псковскимъ клирикомъ и ктиторомъ Аѳанасіемъ. Въ научной литературѣ не совсѣмъ еще разъяснены вопросы, касающіеся литературной исторіи этого памятника, но зато доказана несомнѣнная связь посланія съ первою редакціею житія преп. Евфросина и даже сдѣланы попытки установить зависимость одного изъ этихъ памятниковъ отъ другого.

тяжкую бурю разногласій, и составляло задачу автора, сторонника двоенія[1]). Разсужденія его о догматическомъ смыслѣ сугубой аллилуіи не отличаются отчетливостію и послѣдовательностію и не доказываютъ превосходства сугубой аллилуіи надъ трегубою. Ихъ интересъ со стороны исторической ограничивается лишь тѣмъ, что они знакомятъ насъ съ общимъ направленіемъ въ развитіи тогдашней богословской мысли, хотя и не свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ этого развитія, такъ какъ въ лицѣ перваго списателя мы имѣемъ богослова, даже въ сравненіи съ его современниками, совсѣмъ не высокаго качества.

Бóльшее историческое значеніе, по сравненію съ введеніемъ, имѣетъ самая повѣсть споровъ Евфросина съ его противниками. И въ этой части много сочинительства и еще больше ненужныхъ словъ; есть и ошибки въ хронологіи событій. Особенно пристрастна характеристика противниковъ преподобнаго и пріемовъ ихъ полемики. Тѣмъ не менѣе повѣсть интересна какъ со стороны постановки вопроса, такъ и частностями своего изложенія.

Списатель понималъ, что вопросъ о сугубой аллилуіи для того времени имѣлъ не только теоретическое значеніе, но и практическое, жизненное; это не только вопросъ разсудочной вѣры, но и предметъ христіанскаго благочестія. Повѣсть споровъ и разъясняетъ этотъ предметъ съ послѣдней стороны, раскрывая ранѣе поставленный тезисъ: „колми паче двоащеи предъ троащими пр. алл. и блгчестіемъ предъ бгомъ“ (л. 11 об.). Отвѣчая на этотъ вопросъ, списатель вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій излагаетъ исторію спора Евфросина съ Іовомъ и одновременно съ этимъ даетъ характеристики какъ защитника сугубой аллилуіи, такъ и его противника. Защитникъ этой великой тайны благочестія—строгій, святой подвижникъ, вся жизнь котораго оправдывала его дѣйствія. Его противникъ—разстрига-попъ, человѣкъ гордый умомъ, но не высокій по нравственнымъ качествамъ. Силѣ нравственнаго авторитета Евфросина онъ противопоставляетъ силу внѣшнюю: подбираетъ себѣ подходящихъ помощниковъ, вмѣстѣ съ ними „куетъ клеветы“ на преподобнаго и возбуждаетъ противъ него несвѣдущихъ простыхъ людей. Несмотря на свою философскую кичливость, противники преподобнаго на самомъ дѣлѣ оказались, по словамъ списателя, людьми очень невѣжественными; на большую часть предложенныхъ Евфросиномъ вопросовъ они не могли дать отвѣта: „умолчаху, не вѣдуще, чимъ отвѣщати стому“. Но вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ была правда, всего лучше разрѣшали

троащеи стѹю и животворящую присноживотныя и неразлучныя аллугіа пѣс(въ) ти елма тако ж равнокорным(ъ) нечестіем(ъ) тако ж поношають им(ъ) и сокрушают(ъ) их(ъ) досадами, яко повиненъ (sic!) нечестію и всущей ереси. Оле, єдіна вѣра, а на два чина, яко тужди, не съглашаются“ (л. 10 и об.).

[1]) „Паче къ блгчестію възвышаю къ бжственому оувѣдѣнію пѣты аллугіа, глще сице, да сего ради умлъкнути въ васъ, къ единеніа вашег(о) согласіа, буи студеніи вѣтри, помысла тишина уставится“ (л. 13).

лаодикійскаго собора". Въ печатномъ изданіи памятника первое письмо занимаетъ собою стр. 140—148. На послѣдней страницѣ оно оканчивается слѣдующими словами: „обаче молю тя второе [1]), прости мя дрьзноутое Гда ради. Тебѣ, моему господину, челомъ бью, моли Бога за мя". Это первое письмо и есть отвѣтъ на присланное въ Псковъ посланіе Аѳанасія. Второе письмо (стр. 148—164), болѣе подробное по содержанію, распадается на двѣ статьи: уставъ св. отцевъ 7-го вселенскаго собора и толкованіе аллилуіи въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова [2]).

Нельзя съ точностію опредѣлить: представляетъ ли второе письмо отвѣтъ на другое, полученное уже самимъ авторомъ, посланіе Аѳанасія, или оно написано просто для дополненія перваго письма. Изъ содержанія памятника остается вообще неяснымъ, какіе отвѣты получалъ корреспондентъ Аѳанасія на свои письма. Видно только, что онъ усиленно располагалъ ктитора къ перепискѣ и въ свою очередь обѣщалъ продолжать ее до тѣхъ поръ, пока не убѣдитъ Аѳанасія въ неправильности его взглядовъ. Такъ, по поводу недоумѣній Аѳанасія, что въ типикахъ, хранившихся въ его монастырѣ, не указано, сколько разъ возглашать аллилуію,—его корреспондентъ просилъ: „о семъ бо по друзѣмъ отпиши ми Гда ради вборзѣ" (161). Въ концѣ же письма, передъ обычными строками о прощеніи, онъ заявлялъ: „да дасть и тебѣ Богъ по апостольскому оученію вѣровати, аще ли и еще (т. е. будешь упорствовать), то не престану писати тебѣ, посылая провседерзнутое къ твоей святости" (стр. 164).

Вопросъ объ аллилуіи въ письмахъ къ Аѳанасію разсматривается съ двухъ сторонъ: съ догматической и богослужебно-практической. Въ первомъ случаѣ авторъ писемъ ученіе объ аллилуіи сопоставляетъ съ библейскимъ и святоотеческимъ ученіемъ о св. Троицѣ, останавливаясь подробнѣе на тѣхъ мѣстахъ изъ Св. Писанія, которыя вызывали недоумѣнія у Аѳанасія. Такъ, онъ разъясняетъ, почему въ псалмахъ Давида нѣтъ указаній о троеніи аллилуіи,—о чемъ выражалъ недоумѣніе Аѳанасій въ своемъ письмѣ: „а еже писалъ еси отъ пророка Давида" (стр. 151). По мнѣнію автора, если у Давида мы встрѣчаемъ единую аллилуію, а не трегубую, другими словами,—если не находимъ у него ясно выраженнаго ученія о св. Троицѣ чрезъ утроеніе аллилуіи, то это не что иное, какъ уступка, приноровленность со стороны псалмопѣвца къ ветхозавѣтному ученію о единобожіи. „Давидъ убо оуступая израильскому роду едину вписа аллилуія". Зато въ новомъ завѣтѣ, когда со всею ясностію было раскрыто ученіе о св. Троицѣ, „сынъ громовъ Иванъ фелогъ.... [3]) ясно възгремѣ

---

[1]) Въ началѣ посланія, на стр. 140: „обаче молю тя, общежительный верше, не зазри мене Гда ради, деръзнувша сицеваа".

[2]) Послѣдняя статья въ первой своей части лишь полнѣе развиваетъ мысли предыдущей статьи—устава.

[3]) Стр. 152. Авторъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду 1 ст. XIX-й главы Апокалипсиса, въ которомъ хотя и не говорится о троеніи аллилуіи, но упоминается, что предъ престоломъ Агнца ее возгласили трижды.

По мнѣнію изслѣдователей посланія оно написано въ XV вѣкѣ—или въ первой его половинѣ, какъ думаютъ м. Макарій, профессора И. Ѳ. Нильскій, Е. Е. Голубинскій, или во второй, по смерти Евфросина, какъ полагаетъ В. О. Ключевскій. Основаній для болѣе точнаго рѣшенія этого вопроса въ содержаніи посланія нѣтъ. Единственнымъ указаніемъ можетъ служить общее замѣчаніе автора о событіяхъ флорентійскаго собора, происшедшихъ, по его выраженію, „на сихъ лѣтѣхъ". Неопредѣленность, съ которою употреблялись подобныя выраженія въ древне-русской письменности, не даетъ права видѣть въ приведенныхъ словахъ точнаго хронологическаго указанія, а самое содержаніе посланія побуждаетъ отнести время его написанія скорѣе ко второй половинѣ XV вѣка, послѣ паденія Константинополя, чѣмъ къ первой. Какъ-бы то ни было, но посланіе къ Аѳанасію было написано раньше, чѣмъ разсмотрѣнная нами „повѣсть о сугубой аллилуіи". Съ послѣднею оно стоитъ въ тѣсной связи не только по однородности своей темы, но и по сходству въ частностяхъ ея раскрытія и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Въ посланіи мы встрѣчаемся съ тѣми же именами патр. конст. Іосифа и псковскаго распопа Іова, какъ и въ житіи, съ одинаковымъ также отзывомъ объ Іовѣ, какъ о мотыльномъ столпѣ и второмъ Іудѣ. Такое сходство посланія съ первою редакціею житія Евфросина побуждаетъ насъ подробнѣе остановиться на его содержаніи, чтобы точнѣе установить отношеніе между этими сходными памятниками.

Поводомъ къ написанію разсматриваемаго памятника послужила присылка въ Псковъ, на имя духовенства троицкаго собора, какимъ-то ктиторомъ Аѳанасіемъ посланія въ защиту сугубой аллилуіи. Здѣсь одновременно съ изложеніемъ главнаго предмета было высказано нѣсколько порицаній по адресу защитника троенія – распопа Іова, въ выраженіяхъ, какъ сейчасъ замѣчено, сходныхъ съ отзывомъ о послѣднемъ преподобнаго Евфросина. Посланіе Аѳанасія сдѣлалось общеизвѣстнымъ въ Псковѣ: „таже и до міра дойде твое посланое писаніе"; но оно не произвело здѣсь того впечатлѣнія, на которое разсчитывалъ авторъ. Прочитавшіе посланіе лишь подивились неразумію Аѳанасія, дерзнувшаго такъ „нагло о семъ и о друзѣмъ писати", но вовсе не были убѣждены его разсужденіями. Впрочемъ, среди псковичей нашелся одинъ клирикъ, почитатель Анаѳасія, принадлежавшій, повидимому, къ соборному троицкому причту; онъ завелъ съ Аѳанасіемъ переписку, чтобы вразумить заблуждающагося въ такомъ „высшемъ и превосходномъ" предметѣ. Отъ этой переписки остались отрывки, изданные подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Такимъ образомъ, по своему происхожденію посланіе къ Аѳанасію такой-же частный, неоффиціальный памятникъ древне-русской письменности, какъ и повѣсть о сугубой аллилуіи. И если въ научной литературѣ нѣкоторое время ему придавалось оффиціальное значеніе, какъ указу м. Макарія, то причиною такого ошибочнаго объясненія было не содержаніе памятника, а лишь помѣщеніе его Макаріемъ въ его Четіихъ-Минеяхъ.

По содержанію посланіе можетъ быть раздѣлено на два письма и прибавленія къ нимъ: „о трегубнѣй аллилуіи"—изъ Апокалипсиса и „слово

лаодикійскаго собора". Въ печатномъ изданіи памятника первое письмо занимаетъ собою стр. 140—148. На послѣдней страницѣ оно оканчивается слѣдующими словами: „обаче молю тя второе [1]), прости мя дрьзноутое Гд҃а ради. Тебѣ, моему господину, челомъ бью, моли Бога за мя". Это первое письмо и есть отвѣтъ на присланное въ Псковъ посланіе Аѳанасія. Второе письмо (стр. 148—164), болѣе подробное по содержанію, распадается на двѣ статьи: уставъ св. отцевъ 7-го вселенскаго собора и толкованіе аллилуіи въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова [2]).

Нельзя съ точностію опредѣлить: представляетъ ли второе письмо отвѣтъ на другое, полученное уже самимъ авторомъ, посланіе Аѳанасія, или оно написано просто для дополненія перваго письма. Изъ содержанія памятника остается вообще неяснымъ, какіе отвѣты получалъ корреспондентъ Аѳанасія на свои письма. Видно только, что онъ усиленно располагалъ ктитора къ перепискѣ и въ свою очередь обѣщалъ продолжать ее до тѣхъ поръ, пока не убѣдитъ Аѳанасія въ неправильности его взглядовъ. Такъ, по поводу недоумѣній Аѳанасія, что въ типикахъ, хранившихся въ его монастырѣ, не указано, сколько разъ возглашать аллилуію,—его корреспондентъ просилъ: „о семъ бо по друзѣмъ отпиши ми Гд҃а ради вборзѣ" (161). Въ концѣ же письма, передъ обычными строками о прощеніи, онъ заявлялъ: „да дасть и тебѣ Богъ по апостольскому оученію вѣровати, аще ли и еще (т. е. будешь упорствовать), то не престану писати тебѣ, посылая провседерзнутое къ твоей святости" (стр. 164).

Вопросъ объ аллилуіи въ письмахъ къ Аѳанасію разсматривается съ двухъ сторонъ: съ догматической и богослужебно-практической. Въ первомъ случаѣ авторъ писемъ ученіе объ аллилуіи сопоставляетъ съ библейскимъ и святоотеческимъ ученіемъ о св. Троицѣ, останавливаясь подробнѣе на тѣхъ мѣстахъ изъ Св. Писанія, которыя вызывали недоумѣнія у Аѳанасія. Такъ, онъ разъясняетъ, почему въ псалмахъ Давида нѣтъ указаній о троеніи аллилуіи,—о чемъ выражалъ недоумѣніе Аѳанасій въ своемъ письмѣ: „а еже писалъ еси отъ пророка Давида" (стр. 151). По мнѣнію автора, если у Давида мы встрѣчаемъ единую аллилуію, а не трегубую, другими словами,—если не находимъ у него ясно выраженнаго ученія о св. Троицѣ чрезъ утроеніе аллилуіи, то это не что иное, какъ уступка, приноровленность со стороны псалмопѣвца къ ветхозавѣтному ученію о единобожіи. „Давидъ убо оуступая израильскому роду едину вписа аллилуія". Зато въ новомъ завѣтѣ, когда со всею ясностію было раскрыто ученіе о св. Троицѣ, „сынъ громовъ Иванъ фелогъ.... [3]) ясно възгремѣ

---

[1]) Въ началѣ посланія, на стр. 140: „обаче молю тя, общежительный ерше, не зазри мене Гд҃а ради, дерзнувша сицеваа".

[2]) Послѣдняя статья въ первой своей части лишь полнѣе развиваетъ мысли предыдущей статьи—устава.

[3]) Стр. 152. Авторъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду 1 ст. XIX-й главы Апокалипсиса, въ которомъ хотя и не говорится о троеніи аллилуіи, но упоминается, что предъ престоломъ Агнца ее возгласили трижды.

съ благословенія архіеп. Геннадія, удостоился открыть церковное празднованіе своему учителю. Не измѣнилось только положеніе главнаго вопроса: споры изъ-за аллилуіи не прекратились, и, какъ и въ пору Евфросина, отъ церковной власти нельзя было ожидать разрѣшенія спорнаго вопроса въ благопріятномъ смыслѣ. Архіеп. Геннадій еще менѣе, чѣмъ архіеп. Евѳимій II-й, склоненъ былъ къ признанію исключительной правильности двоенія. Получалось такимъ образомъ неполное прославленіе святаго, которое не могло удовлетворить собою его почитателей. Попытка разрѣшить спорный вопросъ въ положительномъ смыслѣ являлась вполнѣ своевременною. Это ясно высказано устами самого Евфросина. По словамъ списателя, преподобный, явившись ему, сказалъ: „нынѣ же ти время есть написати о моей печали“ (л. 90). Но какъ описать эту печаль,—ничего не объяснилъ преподобный. Ничего не узналъ объ этомъ списатель и изъ разспросовъ елеазаровскихъ монаховъ. Значитъ, нужно было или не „врьшити житія“, или ждать чудеснаго откровенія—выдумать его. Списатель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, склонился къ послѣднему: выдумалъ явленіе Богоматери, разъяснившей ему тайну сугубой аллилуіи, и затѣмъ, какъ самъ онъ выражается: „написахъ искомое“ (л. 106 об.). Подъ ея авторитетъ онъ и поставилъ новое, не-евфросиновское толкованіе сугубой аллилуіи, какъ выраженіе тайны воскресенія Христова. Явившаяся Богоматерь, открывъ тайну аллилуіи, вмѣстѣ съ этимъ оправдала и ея защитника, сказавъ: „его-бо ради ходатайства открых(ъ) скровена“ (л. 106).

Черезъ двадцать лѣтъ исполнилось, значитъ, то, о чемъ такъ долго (1456—1481 г.) молилъ преп. Евфросинъ Богоматерь при своей жизни. Въ такую связь можно поставить описаніе явленія Богородицы съ предыдущимъ содержаніемъ житія.

Какъ же смотрѣть на такой литературный пріемъ, допущенный списателемъ при защитѣ сугубой аллилуіи?

Въ историко-полемической литературѣ высказанъ суровый, строго осуждающій списателя, приговоръ. Описанія явленія Богоматери, по отзыву преосвящ. Филарета, представляютъ собою дерзкій вымыселъ, оскорбляющій святую вѣру, противный здравому смыслу. Присоединяясь къ этому отзыву, сдѣланному по адресу второго біографа, мы думаемъ лишь, что по отношенію къ личности перваго списателя житія и по условіямъ того времени его нужно нѣсколько смягчить, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что о литературныхъ пріемахъ древне-русскихъ писателей не совсѣмъ справедливо судить съ точки зрѣнія современной намъ исторической критики. Склонность ко всему сверхъестественному и та легкость, съ которою древне-русскій списатель ставилъ свои измышленія подъ авторитетъ святоотеческій, довольно обычныя явленія въ древне-русской письменности. Списатель житія преподобнаго Евфросина былъ однимъ лишь изъ крайнихъ представителей подобнаго направленія, но не единственнымъ. Можно даже сомнѣваться, чтобы такимъ откровеніямъ придавалась большая цѣнность, тѣмъ болѣе, что имѣемъ случаи, когда подъ святоотеческій авто-

аллилуія у стиховъ глаголется ко Христу въскресшу Сыну, а не Отцу и Духу, таковыхъ обличаетъ сынъ громовъ“ (147). Изъ этихъ словъ можно видѣть, что въ своемъ толкованіи сугубой аллилуіи, какъ тайны воскресенія Христова, авторъ Евфросинова житія излагалъ не личные вымыслы, а существовавшее уже мнѣніе.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ авторъ посланія къ Аѳанасію излагаетъ свои взгляды на троеніе аллилуіи параллельно съ изложеніемъ церковнаго ученія о св. Троицѣ и придаетъ этимъ вопросу объ аллилуіи догматическій смыслъ и значеніе. Разсматривая затѣмъ спорный вопросъ съ точки зрѣнія богослужебной практики, онъ и въ послѣдней находитъ больше основаній для троенія, чѣмъ для двоенія. Большую древность троенія авторъ доказываетъ, прежде всего, аналогіями другихъ церковныхъ пѣсней, утрояемыхъ при богослуженіи,—серафимской пѣсни: святъ, святъ, святъ, и трисвятаго. Затѣмъ, въ древнихъ богослужебныхъ книгахъ онъ находитъ и прямое подтвержденіе древности троенія,—напримѣръ, въ службѣ на день великомученика Георгія, составленной Ѳеофаномъ Начертаннымъ (стр. 145). Такимъ образомъ, и Св. Писаніе, и святоотеческая письменность, и самая, наконецъ, богослужебная практика, по убѣжденію автора, говорятъ исключительно въ пользу троенія. Отсюда у него естественный выводъ, что трегубая аллилуія ведетъ свое начало „отъ св. апостолъ, и отъ св. патріархъ вселеньскихъ, и отъ св. соборъ седми вселеньскихъ,—тіи изложиша намъ аллилуія трегоубы пѣти“, тогда какъ сугубая аллилуія представляетъ собою „новъвдное оученіе“, не имѣющее для себя каноническяхъ основаній (стр. 159).

Наиболѣе важнымъ доводомъ для защитниковъ сугубой аллилуіи было употребленіе двоенія въ современной имъ греческой церкви, и въ частности на Аѳонѣ: „отъ патріарха слышавъ Іосифа и афоньскимъ“. Авторъ разсматриваемыхъ писемъ опровергаетъ и этотъ доводъ; онъ старается доказать ненадежность авторитета грековъ, говоритъ, что они измѣнили православію и несогласны въ ученіи объ аллилуіи съ древнимъ церковнымъ преданіемъ. Для доказательства послѣдней мысли онъ ссылается на древнія богослужебныя книги. „На святаго Георгія день,—говоритъ онъ,—стихове писаны на литіи киръ Ѳеофаномъ Начертаннымъ, и перваго стиха на конци написано трикраты аллилуія“. Это—обычай соборной вселенской апостольской церкви, заявляетъ авторъ. Онъ несогласенъ съ обычаемъ современной греческой церкви; но понятно, какому обычаю должно отдать предпочтеніе. Творецъ приведеннаго канона пострадалъ за исповѣданіе вѣры: „лице ему сожжено бысть мѣдною керамидою, и многи бѣды по церкви Христовы исповѣданія ради приялъ“ (стр. 146),—а современные греки, отступники отъ православія, „ни единаго отъ св. апостолъ и св. отецъ послуха не приводятъ на двогубную аллилуія“. Непосредственный выводъ отсюда: какъ опасно довѣряться грекамъ. Флорентійскій соборъ, на которомъ они измѣнили православію, и наказанія Божія за эту измѣну какъ патріарху Іосифу, не дошедшему до своего престола, такъ и всему греческому царству, покоренному турками,—всѣ эти событія уже сами

По мнѣнію изслѣдователей посланія оно написано въ XV вѣкѣ—или въ первой его половинѣ, какъ думаютъ м. Макарій, профессора И. Ѳ. Нильскій, Е. Е. Голубинскій, или во второй, по смерти Евфросина, какъ полагаетъ В. О. Ключевскій. Основаній для болѣе точнаго рѣшенія этого вопроса въ содержаніи посланія нѣтъ. Единственнымъ указаніемъ можетъ служить общее замѣчаніе автора о событіяхъ флорентійскаго собора, происшедшихъ, по его выраженію, „на сихъ лѣтѣхъ“. Неопредѣленность, съ которою употреблялись подобныя выраженія въ древне-русской письменности, не даетъ права видѣть въ приведенныхъ словахъ точнаго хронологическаго указанія, а самое содержаніе посланія побуждаетъ отнести время его написанія скорѣе ко второй половинѣ XV вѣка, послѣ паденія Константинополя, чѣмъ къ первой. Какъ-бы то ни было, но посланіе къ Аѳанасію было написано раньше, чѣмъ разсмотрѣнная нами „повѣсть о сугубой аллилуіи“. Съ послѣднею оно стоитъ въ тѣсной связи не только по однородности своей темы, но и по сходству въ частностяхъ ея раскрытія и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Въ посланіи мы встрѣчаемся съ тѣми же именами патр. конст. Іосифа и псковскаго распопа Іова, какъ и въ житіи, съ одинаковымъ также отзывомъ объ Іовѣ, какъ о мотыльномъ столпѣ и второмъ Іудѣ. Такое сходство посланія съ первою редакціею житія Евфросина побуждаетъ насъ подробнѣе остановиться на его содержаніи, чтобы точнѣе установить отношеніе между этими сходными памятниками.

Поводомъ къ написанію разсматриваемаго памятника послужила присылка въ Псковъ, на имя духовенства троицкаго собора, какимъ-то ктиторомъ Аѳанасіемъ посланія въ защиту сугубой аллилуіи. Здѣсь одновременно съ изложеніемъ главнаго предмета было высказано нѣсколько порицаній по адресу защитника троенія — распопа Іова, въ выраженіяхъ, какъ сейчасъ замѣчено, сходныхъ съ отзывомъ о послѣднемъ преподобнаго Евфросина. Посланіе Аѳанасія сдѣлалось общеизвѣстнымъ въ Псковѣ: „таже и до міра дойде твое посланое писаніе“; но оно не произвело здѣсь того впечатлѣнія, на которое разсчитывалъ авторъ. Прочитавшіе посланіе лишь подивились неразумію Аѳанасія, дерзнувшаго такъ „нагло о семъ и о друзѣмъ писати“, но вовсе не были убѣждены его разсужденіями. Впрочемъ, среди псковичей нашелся одинъ клирикъ, почитатель Анаѳасія, принадлежавшій, повидимому, къ соборному троицкому причту; онъ завелъ съ Аѳанасіемъ переписку, чтобы вразумить заблуждающагося въ такомъ „высшемъ и превосходномъ“ предметѣ. Отъ этой переписки остались отрывки, изданные подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Такимъ образомъ, по своему происхожденію посланіе къ Аѳанасію такой-же частный, неоффиціальный памятникъ древне-русской письменности, какъ и повѣсть о сугубой аллилуіи. И если въ научной литературѣ нѣкоторое время ему придавалось оффиціальное значеніе, какъ указу м. Макарія, то причиною такого ошибочнаго объясненія было не содержаніе памятника, а лишь помѣщеніе его Макаріемъ въ его Четіихъ-Минеяхъ.

По содержанію посланіе можетъ быть раздѣлено на два письма и прибавленія къ нимъ: „о трегубнѣй аллилуіи“—изъ Апокалипсиса и „слово

аллилуія у стиховъ глаголется ко Христу въскресшу Сыну, а не Отцу и Духу, таковыхъ обличаетъ сынъ громовъ" (147). Изъ этихъ словъ можно видѣть, что въ своемъ толкованіи сугубой аллилуіи, какъ тайны воскресенія Христова, авторъ Евфросинова житія излагалъ не личные вымыслы, а существовавшее уже мнѣніе.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ авторъ посланія къ Аѳанасію излагаетъ свои взгляды на троеніе аллилуіи параллельно съ изложеніемъ церковнаго ученія о св. Троицѣ и придаетъ этимъ вопросу объ аллилуіи догматическій смыслъ и значеніе. Разсматривая затѣмъ спорный вопросъ съ точки зрѣнія богослужебной практики, онъ и въ послѣдней находитъ больше основаній для троенія, чѣмъ для двоенія. Большую древность троенія авторъ доказываетъ, прежде всего, аналогіями другихъ церковныхъ пѣсней, утрояемыхъ при богослуженіи,—серафимской пѣсни: святъ, святъ, святъ, и трисвятаго. Затѣмъ, въ древнихъ богослужебныхъ книгахъ онъ находитъ и прямое подтвержденіе древности троенія,—напримѣръ, въ службѣ на день великомученика Георгія, составленной Ѳеофаномъ Начертаннымъ (стр. 145). Такимъ образомъ, и Св. Писаніе, и святоотеческая письменность, и самая, наконецъ, богослужебная практика, по убѣжденію автора, говорятъ исключительно въ пользу троенія. Отсюда у него естественный выводъ, что трегубая аллилуія ведетъ свое начало „отъ св. апостолъ, и отъ св. патріархъ вселеньскихъ, и отъ св. соборъ седми вселеньскихъ,—тіи изложиша намъ аллилуія трегоубы пѣти", тогда какъ сугубая аллилуія представляетъ собою „новъвъдное оученіе", не имѣющее для себя каноническяхъ основаній (стр. 159).

Наиболѣе важнымъ доводомъ для защитниковъ сугубой аллилуіи было употребленіе двоенія въ современной имъ греческой церкви, и въ частности на Аѳонѣ: „отъ патріарха слышавъ Іосифа и афоньскимъ". Авторъ разсматриваемыхъ писемъ опровергаетъ и этотъ доводъ; онъ старается доказать ненадежность авторитета грековъ, говоритъ, что они измѣнили православію и несогласны въ ученіи объ аллилуіи съ древнимъ церковнымъ преданіемъ. Для доказательства послѣдней мысли онъ ссылается на древнія богослужебныя книги. „На святаго Георгія день,—говоритъ онъ,—стихове писаны на литіи киръ Ѳеофаномъ Начертаннымъ, и перваго стиха на конци написано трикраты аллилуія". Это—обычай соборной вселенской апостольской церкви, заявляетъ авторъ. Онъ несогласенъ съ обычаемъ современной греческой церкви; но понятно, какому обычаю должно отдать предпочтеніе. Творецъ приведеннаго канона пострадалъ за исповѣданіе вѣры: „лице ему сожжено бысть мѣдною керамидою, и многи бѣды по церкви Христовы исповѣданія ради принялъ" (стр. 146),—а современные греки, отступники отъ православія, „ни единаго отъ св. апостолъ и св. отецъ послуха не приводятъ на двогубную аллилуія". Непосредственный выводъ отсюда: какъ опасно довѣряться грекамъ. Флорентійскій соборъ, на которомъ они измѣнили православію, и наказанія Божія за эту измѣну какъ патріарху Іосифу, не дошедшему до своего престола, такъ и всему греческому царству, покоренному турками,—всѣ эти событія уже сами

трегубы аллилуія, а четвертое: пойте Богу нашему". Такъ и насъ научилъ онъ пѣть аллилуію,—замѣчаетъ авторъ устава; такъ пѣли ее во время Василія Великаго и брата его Григорія Нисскаго. Такимъ образомъ, по воззрѣнію автора, троеніе аллилуіи основано на непосредственномъ свидѣтельствѣ Св. Писанія и подтверждается древнимъ церковнымъ преданіемъ.

Такой выводъ автора стоитъ въ противорѣчіи съ мнѣніемъ защитниковъ двоенія. По убѣжденію Евфросина, „вещь сія (т. е. аллилуія) не письменна есть достовѣрно отъ св. отецъ, ниже явлена тайна ея отъ пророкъ". По словамъ его біографа, ни одинъ изъ св. отцевъ „не приникъ къ тайнѣ сѣа мудрствовати". Ту же приблизительно мысль высказываетъ и Аѳанасій, когда утверждаетъ, что „и не писаніемъ подобаетъ церковь Божія держати" (стр. 145). Разъясняя подобныя недоумѣнія, авторъ отвѣтныхъ писемъ пришелъ къ совершенно другому выводу,—что троеніе аллилуіи „святіи апостоли и святіи отцы *писаніемъ* предаша намъ". На этомъ основана у него мысль о догматической важности троенія. По его мнѣнію, сугубая аллилуія есть ересь, которою проповѣдуется еретическое ученіе о двухъ началахъ существующаго, гностическій дуализмъ. „Приводить ми слово Василіе Амасійскій, и тамо, прилежно поискавъ въ посланіи его, обрящеши начальниковъ ереси двѣгубнѣ аллилуія" (стр. 163).

Но и въ самомъ, затѣмъ, святоотеческомъ преданіи защитники двоенія встрѣчали для себя нѣкоторыя недоумѣнія, главнымъ образомъ со стороны неодинаковаго толкованія св. отцами слова аллилуія. Эти различныя толкованія, приведенныя позднѣе въ посланіи Димитрія грека, находимъ и въ разсматриваемомъ памятникѣ. По объясненію автора, до св. Василія употреблялось толкованіе, помѣщенное въ Апокалипсисѣ, по которому аллилуія означаетъ: „пойте Богу нашему" (стр. 152). Св. Василій далъ новое толкованіе, которое принято и въ богослужебныхъ книгахъ: „отъ Василія бо пріяхомъ пѣти: слава Тебѣ, Боже". Въ свою очередь и другіе св. отцы—напримѣръ, Григорій Нисскій и Андрей Кесарійскій, давали новыя толкованія. Это разнообразіе толкованій, повидимому, совершенно сбивало съ толку многихъ русскихъ грамотеевъ, и, остановившись на толкованіи св. Василія, они поняли его, какъ буквальный переводъ слова аллилуія. Нашъ авторъ пытается разъяснить и это недоразумѣніе. По его мнѣнію, при всемъ разнообразіи толкованій слова, въ нихъ выражается одна и та же мысль: „великій Василій и братъ его Григорій оба согласно рекоста" (стр. 149). Зато ни одно изъ толкованій не передаетъ буквальнаго смысла слова такъ, чтобы толкованіе могло быть поставлено взамѣнъ слова,—какъ сдѣлали это защитники двоенія. „Вѣдый буди,—предупреждаетъ авторъ Аѳанасія,—которое въспросъ, то въспросъ, а и не толкъ, а которое отвѣтъ, то отвѣтъ а не въспросъ; то како моглъ еси слава тебѣ Боже безъ аллилуія вмѣняти? аще вмѣнилъ еси, то уже не постиглъ еси" (162). Излагая толкованіе аллилуіи Ѳеофана Начертаннаго, авторъ писемъ дѣлаетъ замѣчаніе и о русскомъ толкованіи этого еврейскаго слова, по которому аллилуія относится „къ Христу воскресшу". (Мысль эта подробно раскрыта въ „повѣсти о сугубой аллилуіи"). „Или кто речетъ, яко сія

аллилуія у стиховъ глаголется ко Христу въскресшу Сыну, а не Отцу и Духу, таковыхъ обличаетъ сынъ громовъ" (147). Изъ этихъ словъ можно видѣть, что въ своемъ толкованіи сугубой аллилуіи, какъ тайны воскресенія Христова, авторъ Евфросинова житія излагалъ не личные вымыслы, а существовавшее уже мнѣніе.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ авторъ посланія къ Аѳанасію излагаетъ свои взгляды на троеніе аллилуіи параллельно съ изложеніемъ церковнаго ученія о св. Троицѣ и придаетъ этимъ вопросу объ аллилуіи догматическій смыслъ и значеніе. Разсматривая затѣмъ спорный вопросъ съ точки зрѣнія богослужебной практики, онъ и въ послѣдней находитъ больше основаній для троенія, чѣмъ для двоенія. Большую древность троенія авторъ доказываетъ, прежде всего, аналогіями другихъ церковныхъ пѣсней, утрояемыхъ при богослуженіи,—серафимской пѣсни: святъ, святъ, святъ, и трисвятаго. Затѣмъ, въ древнихъ богослужебныхъ книгахъ онъ находитъ и прямое подтвержденіе древности троенія,—напримѣръ, въ службѣ на день великомученика Георгія, составленной Ѳеофаномъ Начертаннымъ (стр. 145). Такимъ образомъ, и Св. Писаніе, и святоотеческая письменность, и самая, наконецъ, богослужебная практика, по убѣжденію автора, говорятъ исключительно въ пользу троенія. Отсюда у него естественный выводъ, что трегубая аллилуія ведетъ свое начало „отъ св. апостолъ, и отъ св. патріархъ вселеньскихъ, и отъ св. соборъ седми вселеньскихъ,—тіи изложиша намъ аллилуія трегоубы пѣти", тогда какъ сугубая аллилуія представляетъ собою „новъвъдное оученіе", не имѣющее для себя каноническяхъ основаній (стр. 159).

Наиболѣе важнымъ доводомъ для защитниковъ сугубой аллилуіи было употребленіе двоенія въ современной имъ греческой церкви, и въ частности на Аѳонѣ: „отъ патріарха слышавъ Іосифа и афоньскимъ". Авторъ разсматриваемыхъ писемъ опровергаетъ и этотъ доводъ; онъ старается доказать ненадежность авторитета грековъ, говоритъ, что они измѣнили православію и несогласны въ ученіи объ аллилуіи съ древнимъ церковнымъ преданіемъ. Для доказательства послѣдней мысли онъ ссылается на древнія богослужебныя книги. „На святаго Георгія день,—говоритъ онъ,—стихове писаны на литіи киръ Ѳеофаномъ Начертаннымъ, и перваго стиха на конци написано трикраты аллилуія". Это—обычай соборной вселенской апостольской церкви, заявляетъ авторъ. Онъ несогласенъ съ обычаемъ современной греческой церкви; но понятно, какому обычаю должно отдать предпочтеніе. Творецъ приведеннаго канона пострадалъ за исповѣданіе вѣры: „лице ему сожжено бысть мѣдною керамидою, и многи бѣды по церкви Христовы исповѣданія ради принялъ" (стр. 146),—а современные греки, отступники отъ православія, „ни единаго отъ св. апостолъ и св. отецъ послуха не приводятъ на двогубную аллилуія". Непосредственный выводъ отсюда: какъ опасно довѣряться грекамъ. Флорентійскій соборъ, на которомъ они измѣнили православію, и наказанія Божія за эту измѣну какъ патріарху Іосифу, не дошедшему до своего престола, такъ и всему греческому царству, покоренному турками,—всѣ эти событія уже сами

по себѣ должны были предостеречь Аѳанасія. „Не истинна бо есть, уже бо прочіи (т. е. греки) погибоша, глаголюще двократы, и мы такожде погыбнемъ“ (154). Гораздо лучше въ вопросѣ объ аллилуіи слѣдовать мѣстному, русскому, не зараженному флорентійскою ересію, авторитету—митрополиту Фотію, грамота котораго о троеніи „и до нынѣ лежитъ въ святѣй троици“ (стр. 162).

Конечный выводъ автора писемъ такой: „не усмотриша грекове и афоняне“ (стр. 164). Но интересно, что, доказавъ неправославность грековъ, псковскій клирикъ ничего не могъ возразить противъ ссылки Аѳанасія на богослужебную практику аѳонскихъ монаховъ; у него не было основаній заподозрѣть ихъ православность. Какъ узнаемъ изъ переписки между аѳонскими монахами и великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, они даже строже, чѣмъ сами русскіе, отнеслись къ неудачной попыткѣ царя и патріарха заключить церковный союзъ съ Римомъ. „И мы убо, о любимицы,—писали съ Аѳона на Русь,—того патріарха и царя изъ помяна обычна извергохомъ“. Въ отвѣтъ на это князь Василій выражалъ радость русскихъ людей, что „святолюбное аѳонское собраніе“ такъ крѣпко стоитъ въ преданномъ отъ апостолъ православіи и своимъ посланіемъ утверждаетъ въ немъ и русскихъ людей [1]). Ссылка Аѳанасія на практику Аѳона заслуживала со стороны его корреспондента болѣе внимательнаго разбора и потому, что въ концѣ XV в. русскіе іерархи въ спорныхъ богослужебныхъ вопросахъ не переставали ссылаться на аѳонскіе порядки,—примѣръ чему можно находить въ исторіи споровъ о хожденіи по-солонь.

Къ этимъ двумъ письмамъ позднѣе,—неизвѣстно, самимъ ли авторомъ и по адресу-ли Аѳанасія, или другимъ какимъ-нибудь защитникомъ троенія, (послѣднее представляется намъ болѣе правильнымъ),—прибавлены еще двѣ статьи: о трегубнѣй аллилуіи—изъ Апокалипсиса (стр. 164—165) и слово лаодикійскаго собора (стр. 165—166). Въ первой статьѣ, содержащей буквальную выдержку изъ XIX гл. Апокалипсиса и толкованіе на нее, нѣтъ чего-либо новаго, за исключенімъ послѣднихъ строкъ, гдѣ полностію приведена стихира на литіи изъ службы св. Георгію, на которую раньше обще ссылался авторъ писемъ. Особенно новаго не представляетъ собою и вторая статья; въ древне-русской письменности она была извѣстна еще въ XIV вѣкѣ. Но ново въ ней заглавіе. Изъ содержанія этой статьи видно, что „новъвъдное ученіе“ получило для себя широкую распространенность. Въ „словѣ“ слышенъ уже грозный голосъ, обращенный къ двоившимъ аллилуію, а новое заглавіе показываетъ, что недостаточная убѣдительность изложенныхъ прежде доказательствъ побудила защитниковъ троенія обратиться къ обычному древне-русскому пріему полемики: поставить свои мнѣнія подъ вымышленный авторитетъ св. отцевъ лаодикійскаго собора [2]).

---

[1]) Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, вып. 3-й, стр. 30, 33.

[2]) Какъ и изъ посланія Димитрія, такъ и изъ этихъ статей защитники троенія дѣлали выписки—частію буквально, частію измѣняя отдѣльныя выра-

Мы подробно остановились на обзорѣ содержанія посланія къ Аѳанасію въ тѣхъ видахъ, чтобы при разсмотрѣніи научнаго объясненія этого памятника въ сочиненіяхъ И. Ѳ. Нильскаго и Е. Е. Голубинскаго не дѣлать каждый разъ подробныхъ сопоставленій его содержанія съ первою редакціею Евфросинова житія. Изъ представленнаго обзора можно видѣть, что посланіе къ Аѳанасію имѣетъ близкое отношеніе къ житію Евфросина. Оно напоминаетъ житіе и однородностію своей темы, и сходствомъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, и упоминаніемъ объ однихъ и тѣхъ-же лицахъ. Но на ряду съ этимъ нельзя не отмѣтить и значительной разницы между двумя этими памятниками. Какъ литературное произведеніе сторонника троенія, посланіе нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ житіе, изображаетъ намъ противниковъ Евфросина. По житію, они въ своихъ возраженіяхъ ограничивались лишь разсужденіями объ умаленіи или приложеніи божества чрезъ тотъ или иной способъ возглашенія аллилуіи и не могли дать отвѣта, откуда ведетъ начало ихъ обычай троенія. Изъ посланія, наоборотъ, видно, что они довольно убѣдительно возражали своимъ противникамъ и умѣли отстоять свои мнѣнія. Съ этой стороны посланіе къ Аѳанасію является памятникомъ, значительно пополняющимъ собою исторію псковскихъ споровъ. Затѣмъ, есть въ немъ новыя свѣдѣнія и о защитникахъ двоенія: говорится объ ихъ ссылкѣ на богослужебную практику аѳонскихъ монастырей. Наконецъ, на ряду съ прежними именами встрѣчаемъ и новое имя—митрополита Фотія, въ качествѣ представителя троенія. Такимъ образомъ, указывая сходство между посланіемъ и житіемъ Евфросина, необходимо имѣть въ виду и различія между этими памятниками, чтобы не сдѣлать выводовъ одностороннихъ. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся теперь къ разбору взглядовъ на отношеніе между этими памятниками профессоровъ Нильскаго и Голубинскаго.

Исходная точка зрѣнія у обоихъ изслѣдователей—одинаковая. Сходство въ содержаніи между посланіемъ и житіемъ, по ихъ мнѣнію, служитъ прямымъ доказательствомъ зависимости одного изъ памятниковъ отъ другого; въ то же время оно даетъ право заключить о недѣйствительности историческаго факта, передаваемаго въ одномъ изъ памятниковъ. „Совершенная единовременность двухъ совершенно тождественныхъ исторій (спора объ аллилуіи) не указываетъ-ли на то,—замѣчаетъ Голубинскій,—что въ двухъ исторіяхъ должно видѣть одну исторію, раздѣленную на двѣ такимъ

женія и порядокъ изложенія мыслей. При этомъ, краткая ссылка на „Зерцало" о троичномъ украшеніи дополнялась выпискою изъ него полнаго текста. Начальныя слова о необходимости троить аллилуію приписывались блаж. Ѳеодориту, а лаодикійскому собору—одно лишь толкованіе. Въ такомъ видѣ указанныя статьи можно читать въ рукописи № 557, л. 212—213 об., б-ки М. Д. А. Въ рук. спискѣ конца XIV нач. XV в., б-ки Спб. Д. А., вмѣсто выраженія: „иже поютъ мнози подващи", стоитъ: „суть нѣціи, иже" и т. д. Нильскій, Лекціи по облич. раскола, литограф. курсъ 188⁵/₆ г., стр. 4—5.

образомъ, что съ одного лица, съ которымъ она дѣйствительно случилась, она перенесена еще на другое лице какъ вымыселъ [1]). Одинаковую мысль высказываетъ и Нильскій. Именно, по поводу замѣчанія Ключевслаго,— что если бы въ оглавленіи посланія не стояло имени Аѳанасія, то можно было-бы отнести посланіе къ Евфросину,—Нильскій говоритъ: „по нашему мнѣнію, не только можно, но и должно такъ думать; иначе необходимо допустить двухъ лицъ, спорившихъ и бывшихъ въ Константинополѣ“ [2]). Но при дальнѣйшемъ разрѣшеніи вопроса: за какимъ изъ двухъ памятниковъ слѣдуетъ признать самостоятельное историческое значеніе,—изслѣдователи приходятъ къ различнымъ выводамъ. Профессоръ Голубинскій самостоятельнымъ признаетъ посланіе къ Аѳанасію; на житіе Евфросина онъ смотритъ какъ на памятникъ, стоящій въ прямой зависимости отъ посланія. По взгляду профессора Нильскаго, наоборотъ, не самостоятельно посланіе, оно представляетъ собою лишь часть документовъ изъ исторіи спора Евфросина съ псковичами, не вошедшихъ въ содержаніе первой редакціи житія. Оба изслѣдователя рѣшаютъ, такимъ образомъ, важный для изученія Евфросинова житія вопросъ о его литературныхъ источникахъ; это и побуждаетъ насъ остановиться на разсмотрѣніи ихъ взглядовъ.

По объясненію Нильскаго, самое оглавленіе памятника представляетъ собою не что иное, какъ описку переписчика, благодаря которой поставлено въ посланіи имя Аѳанасія—вмѣсто имени Евфросина, какъ по опискѣ далѣе, въ текстѣ памятника, поставлены имена: Іоасафа—вмѣсто Іосифа, Кирилла митрополита Фотія—вмѣсто киръ митрополита Фотія. Затѣмъ, самый порядокъ статей долженъ быть принятъ нѣсколько иной, чѣмъ въ печатномъ изданіи. Первымъ нужно поставить „уставъ“, вторымъ— „посланіе“. Такъ размѣщены эти статьи и въ Четіихъ-Минеяхъ м. Макарія, за іюль мѣсяцъ.—Далѣе, оба памятника представляютъ собою два отдѣльныхъ сочиненія, но написаны они однимъ и тѣмъ-же лицемъ и по одному и тому же адресу, только по различнымъ поводамъ. Стараясь точнѣе установить ихъ отношеніе къ первой редакціи житія Евфросина, Нильскій предполагаетъ, что „уставъ“—это та „епистолія Іова въ цѣлый листъ“, которою онъ снабдилъ своихъ участниковъ, отправляя ихъ на споръ съ Евфросиномъ въ монастырь преподобнаго, „посланіе“ же является отвѣтомъ на посланіе Евфросина къ троицкимъ священникамъ, помѣщенное, въ качествѣ приложенія, въ первой редакціи житія. Авторомъ разсматриваемыхъ памятниковъ Нильскій склоненъ считать противника Евфросина—распопа Іова. Изложенные взгляды Нильскаго во всемъ объемѣ приняты и профессоромъ Малининымъ въ его изслѣдованіи о старцѣ Филоѳеѣ (стр. 116—118).

---

[1]) Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 211.

[2]) Христ. Чт., 1884 г., май—іюнь, стр. 713, „Къ исторіи споровъ объ аллилуіи“.

Такое объясненіе въ сущности не представляетъ собою чего-нибудь безусловно новаго. По словамъ Нильскаго, оно высказано было еще въ XVIII вѣкѣ извѣстнымъ расколоучителемъ—Денисовымъ. И по взгляду послѣдняго, посланія объ аллилуіи представляются написанными „отъ стороны Іовлевы на сторону преподобнаго Евфросина“ [1]). Ученые изслѣдователи, значитъ, лишь повторяютъ взглядъ этого расколоучителя, подробнѣе развивая его и сообщая ему научную аргументацію. И по существу дѣла, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на вопросъ, подобное отношеніе къ нему не можетъ представлять собою чего-либо предосудительнаго [2]). Если и вообще „свидѣтельство отъ врагъ съвершеннѣйшее бываетъ“,—какъ замѣчаетъ авторъ посланій (стр. 161),—то свидѣтельство такого свѣдущаго въ древней письменности лица, какъ Денисовъ, въ научномъ даже отношеніи можетъ имѣть безусловное значеніе. Но дѣло въ томъ, что Денисовъ, приписывая авторство Іову, руководился въ данномъ случаѣ, по замѣчанію самого И. Ѳ. Нильскаго, отнюдь не научными соображеніями, а побужденіями чисто практическаго свойства. Своимъ объясненіемъ онъ хотѣлъ умалить полемическое значеніе этого памятника, и успѣлъ этого достигнуть. Посланіе къ Аѳанасію въ XVIII вѣкѣ дѣйствительно было исключено изъ числа полемическихъ противъ раскола памятниковъ, и объясненіе Денисова не было разобрано въ полемической литературѣ того времени. По нашему мнѣнію, и въ самомъ изслѣдованіи Нильскаго оно принято безъ достаточной предварительной критики, и сдѣланные профессоромъ выводы нуждаются въ провѣркѣ и дополненіяхъ.

Прежде всего, у Нильскаго недостаточно объяснено оглавленіе посланія: все объясненіе основано на предположеніи описки. Описка въ старинной рукописи—дѣло, конечно, вполнѣ возможное. Но въ оглавленіи посланія она сдѣлана не только въ имени Аѳанасія, а и въ названіи монастыря, въ которомъ онъ былъ ктиторомъ. Что Елеазаровскій монастырь назывался лаврою,—это хорошо извѣстно и изъ житія Евфросина и изъ другихъ памятниковъ. Но нѣтъ никакихъ основаній для названія его „общеобительною лаврою св. Николы“, такъ какъ въ монастырѣ не было даже и храма въ честь этого святаго [3]). Болѣе того, за періодъ до XVI в. въ псковской исторіи мы не встрѣчаемъ ни одного монастыря, къ которому можно было бы отнести упомянутые эпитеты. Чтобы быть послѣдовательнымъ въ объясненіи заглавія памятника, нужно, значитъ, и

---

[1]) Христ. Чт., стр. 696, 709.

[2]) Имѣемъ въ виду отзывъ о статьѣ Нильскаго проф. Н. И. Субботина, „Вѣр. и Церк.“, 1901 г., книга X, стр. 834, „Еще 15 л. служ. церкви“.

[3]) Изъ второй редакціи житія преп. Евфросина, а также изъ завѣщанія преподобнаго мы узнаемъ, что въ XV—XVI в.в. въ монастырѣ были храмы въ честь трехъ святителей, преп. Онуфрія и въ честь Рождества Богородицы; изъ позднѣйшихъ источниковъ видно, что въ XVII в. монастырь назывался еще Срѣтенскимъ, хотя и не имѣлъ храма этому празднику. Такое названіе встрѣчаемъ въ монастырскихъ рукописныхъ синодикахъ.

здѣсь допустить ошибку переписчика,—а это уже наводитъ на сомнѣніе въ ненамѣренности описки. Для разъясненія указаннаго недоумѣнія Нильскій и Малининъ дѣлаютъ ссылку на житіе арх. новгородскаго Евѳимія II-го, гдѣ упоминается не только о Никольскомъ монастырѣ, но и о подвижникѣ этого монастыря—Евфросинѣ. Но ссылка эта ничего собою не объясняетъ, является просто недоразумѣніемъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній считать тождественными лицами Евфросина Вяжицкаго и Евфросина Псковскаго. И изъ житія послѣдняго, и изъ его устава мы знаемъ, что Евфросинъ не былъ инокомъ ни одного изъ новгородскихъ монастырей. Недостаточность такого объясненія признаетъ и самъ профессоръ Малининъ, когда въ примѣчаніи 405-мъ говоритъ: „объясненіе происхожденія оглавленія посланія требуетъ новыхъ розысканій и соображеній“ [1]).

Но это замѣчаніе Малинина должно быть отнесено и къ другимъ выводамъ, сдѣланнымъ въ изслѣдованіи Нильскаго. Такъ, напр., нѣтъ достаточныхъ основаній считать „уставъ св. отецъ объ аллилуіи“ тождественнымъ съ „епистоліею“ Іова. При рѣшеніи этого вопроса нельзя опускать изъ вниманія замѣчаній объ епистоліи въ житіи преподобнаго. По свидѣтельству списателя, епистолія Іова представляла собою *первый* письменный памятникъ въ исторіи споровъ Евфросина съ псковичами. Наоборотъ, изъ содержанія устава видно, что онъ былъ написанъ въ отвѣтъ на полученное уже посланіе отъ Аѳанасія. Такъ, на страницѣ 149 печ. изданія памятника читаемъ: „аще писалъ еси: Григорій Нискый, братъ Великаго Василія, глаголетъ аллилуія“ и т. д. Точно также далѣе, на страницѣ 151, авторъ устава замѣчаетъ: „а еже писалъ еси отъ пророка Давида“. Въ обоихъ случаяхъ онъ подробно останавливается на разборѣ этихъ недоумѣній Аѳанасія.

Болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе Нильскаго о томъ, что посланіе къ Аѳанасію является отвѣтомъ на посланіе Евфросина къ троицкимъ священникамъ. Между этими памятниками замѣтно сходство не только въ упоминаніи однихъ и тѣхъ-же именъ Іова и патріарха Іосифа, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Такъ, Аѳанасій, по словамъ его корреспондента: „и еще глаголаше, яко отъ Сіона изыде законъ и слово Господне отъ Іерусалима“ (стр. 141). Тѣ же слова находимъ и въ посланіи Евфросина: „паки же мати церквамъ Сіонъ, отъ Сіона бо изыде законъ и слово Господне отъ Іерусалима“ (л. 114 об., рук. № 306). Въ обоихъ памятникахъ Іовъ одинаково называется мотыльнымъ столпомъ и вторымъ Іудою (въ посланіи Евфросина ошибка: „вторенію“). Однако, рѣшить этотъ вопросъ точно, сказать, что содержаніе посланія къ Аѳанасію „до точности“ соотвѣтствуетъ содержанію посланія Евфросина [2]),— нѣтъ возможности. Прежде всего, мы не можемъ подробно сравнить содержанія этихъ двухъ памятниковъ, такъ какъ посланіе Евфросина дошло

[1]) „Старецъ Елеаз. м-ря Филоѳей“, стр. 10.
[2]) Малининъ, о. с., стр. 117.

до насъ въ неоконченномъ видѣ. Затѣмъ, посланіе къ Аѳанасію полнѣе посланія Евфросина; оно касается такихъ вопросовъ, съ которыми мы не встрѣчаемся ни въ посланіи Евфросина, ни въ его житіи,—напримѣръ, ссылки Аѳанасія на богослужебную практику аѳонскихъ монастырей.

Едва-ли можно согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ Нильскаго, что авторомъ посланія и устава былъ Іовъ. Для этого нѣтъ никакихъ основаній въ содержаніи памятника и очень многое говоритъ противъ. Въ своемъ посланіи преподобный Евфросинъ называетъ Іова мотыльнымъ столпомъ, погибельнымъ, свиньею окаянною, тьмою омраченною, законопреступникомъ, отметникомъ Христовымъ, вторымъ Іудою. Нужно предположить необычайное смиреніе со стороны Іова, чтобы послѣ такихъ укоровъ онъ не утратилъ уваженія къ Евфросину. Но онъ попрежнему величаетъ своего адресата честнымъ отцемъ, ангеловидною главою, честнымъ пустыннымъ верхомъ, а о себѣ отзывается, какъ о безстудливомъ и многогрѣшномъ человѣкѣ, даже какъ о псѣ, смердящемъ злыми дѣлами (стр. 147). Едва-ли и Евфросинъ могъ имѣть расположеніе продолжать переписку съ подобнымъ корреспондентомъ. Но, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ посланія къ Аѳанасію, мы имѣемъ право предположить, что переписка между этими корреспондентами продолжалась и что отношенія между ними были вполнѣ дружественныя.

Намъ кажется болѣе правдоподобною характеристика отношеній между Іовомъ и Евфросиномъ, данная списателемъ житія преподобнаго. Основываясь на ней, приходится отказаться отъ мысли о принадлежности посланія къ Аѳанасію Іову. Списатель житія замѣчаетъ, что послѣ обвиненій со стороны Евфросина, переданныхъ Іову его сообщниками, послѣдній не только не счелъ нужнымъ оправдываться передъ своимъ противникомъ, но „яко проклятый змій и аспидъ воссвиста, дышущи на святаго, гнѣвныя злобы и ярости исполнився", что онъ публично, на вѣчѣ, обзывалъ старца еретикомъ и своими рѣчами вызвалъ такое непріязненное отношеніе къ нему со стороны псковичей, что многіе изъ нихъ, проѣзжая мимо Елеазаровскаго монастыря, не считали нужнымъ снимать шапокъ передъ монастырскою церковію, говорили: не слѣдуетъ имѣть общенія съ еретикомъ. Затѣмъ, если Іовъ, несмотря на всю горечь обвиненій, обращенныхъ къ нему Евфросиномъ, столь почтительно, какъ свидѣтельствуетъ посланіе къ Аѳанасію, относился къ своему противнику, то какой же смыслъ былъ послѣднему жаловаться на него новгородскому архіепископу Евѳимію, да притомъ еще въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ: „молю ти ся, Господа ради, верховною властію помози ми, понеже озлобленъ есми здѣся отъ некоего Іева, зовемого столпа, поношаемъ есмь отъ него и укоряемъ тяшкими словесы..., возбрани ему и запрети супротивству его и неуклонному его неистовству" [1]). Наконецъ, въ самомъ текстѣ памятника есть прямое указаніе, что авторъ его отличаетъ себя отъ Іова. На страницѣ 140, послѣ обѣщанія говорить объ аллилуіи въ концѣ по-

[1]) Рук. Унд., № 306, л. 48 и 50.

сланія, онъ замѣчаетъ: „а о друзѣмъ, сирѣчь о Іевѣ, вѣмъ, отче, вѣмъ, и ко мнѣ, сирѣчь и на насъ писалъ и послалъ еси". Смыслъ послѣднихъ словъ слѣдующій: обвиненія противъ Іова, бывшаго священника, защитника троенія, косвеннымъ образомъ падали и на другихъ псковскихъ священниковъ, державшихся по спорному вопросу взглядовъ этого распопа. Но что эти слова сказаны лишь сторонникомъ Іова, а не имъ самимъ,—для этого, кажется, нѣтъ нужды въ особыхъ доказательствахъ: контекстъ рѣчи и самъ по себѣ довольно ясенъ.

Такимъ образомъ, сравнительный обзоръ содержанія посланія къ Аѳанасію и первой редакціи житія преп. Евфросина устанавливаетъ фактъ несомнѣннаго сходства между двумя этими памятниками даже и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Съ этой стороны взглядъ проф. Нильскаго представляется очень правдоподобнымъ. Но тотъ же сравнительный обзоръ почти съ такою же несомнѣнностію устанавливаетъ и разницу между этими памятниками не только въ содержаніи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Въ посланіи къ Аѳанасію мы встрѣчаемъ такія выраженія, которыя, несомнѣнно, были выписаны авторомъ изъ посланія самого Аѳанасія и которыхъ нѣтъ ни въ посланіи Евфросина, ни вообще въ его житіи,—напр., „къ сему глаголеши: который пророкъ отъ пьскова изыде?" (стр. 142). И если въ противовѣсъ сходству рельефнѣе подчеркнуть эту разницу,—а сдѣлать послѣднее совсѣмъ не трудно,—то объясненія Нильскаго не покажутся уже столь правдоподобными. Но мы считаемъ излишнимъ производить эту работу, такъ какъ по существу дѣла она совершенно безполезна. Мы не ставили себѣ цѣлью доказать односторонность въ объясненіяхъ Нильскаго. Намъ казалось болѣе важнымъ провѣрить, достаточно ли эти объясненія обоснованы на данныхъ изъ текста сравниваемыхъ памятниковъ, насколько убѣдительна **положительная** сторона доказательствъ. Думаемъ, что высказанныя нами на этотъ счетъ сомнѣнія не покажутся читателю голословными. Ту же цѣль мы будемъ преслѣдовать и при разборѣ взглядовъ проф. Е. Е. Голубинскаго.

По мнѣнію Голубинскаго, житіе Евфросина, въ первой его редакціи, есть не что иное, какъ фальсификація или поддѣлка: на Евфросина перенесены данныя изъ исторіи ктитора Аѳанасія, который дѣйствительно велъ споры съ псковичами о сугубой аллилуіи во время управленія новгородскою епархіею архіепископа Евѳимія II-го. Письменные матеріалы этого спора и послужили источниками для Евфросинова житія[1]).

Но уже на первый взглядъ возможность подобной литературной поддѣлки представляется сомнительною. Она произведена не позднѣе, какъ въ началѣ XVI вѣка, черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ послѣ кончины преподобнаго Евфросина, когда еще живы были его современники, въ

---

[1]) Чт. въ Общ. И. и Др., кн. 214, стр. 208 и сл. Взглядъ проф. Голубинскаго принятъ и проф. Спб. Д. Ак. П. Смирновымъ. „Исторія р. раскола старообрядства". Спб. 1895 г., стр. 14.

частности быть можетъ—и игуменъ Памфилъ. Участія Памфила въ такомъ подлогѣ не допускаетъ и Е. Е. Голубинскій.

Затѣмъ, нужно признать, что эта работа произведена умѣлою рукою. Фальсификаторъ, по мнѣнію Голубинскаго, пользовался одновременно и не дошедшими до насъ документами о спорѣ Аѳанасія съ псковичами и извѣстіями, которыя касались лично Евфросина, сопоставлялъ ихъ между собою и дѣлалъ измѣненія въ первыхъ по требованію послѣднихъ. Можно объяснить, по какимъ побужденіямъ списатель житія не слѣдуетъ своему источнику при характеристикѣ противниковъ Евфросина, почему онъ опустилъ тѣ возраженія, которыя они дѣлали защитнику двоенія. Приводить послѣднія въ сочиненіи, имѣющемъ своею цѣлію оправдать двоеніе, не было особой нужды, тѣмъ болѣе, что списатель и не съумѣлъ бы разобрать ихъ по существу. Но непонятнымъ представляется, почему онъ изъ аргументаціи представителей двоенія исключилъ ссылку на аналогичный порядокъ въ монастыряхъ аѳонскихъ. По объясненію проф. Голубинскаго, это сдѣлано потому, что Евфросинъ, какъ видно изъ его устава, не былъ на Аѳонѣ и, значитъ, не могъ ссылаться на тамошніе богослужебные порядки. Но если списатель сдѣлалъ пропускъ изъ своего источника по такимъ именно соображеніямъ, то слѣдуетъ думать, что онъ и вообще критически относился къ источникамъ своей работы. Разсматривая же житіе, мы приходимъ скорѣе къ противоположному выводу, что авторъ велъ дѣло не очень внимательно, что онъ вносилъ черновыя записи безъ должнаго просмотра, не исправлялъ въ нихъ даже такихъ ошибокъ и неточностей, которыя исправить ему было легко.

Далѣе, подлогъ въ смыслѣ выдачи собственныхъ измышленій подъ именемъ другого, болѣе авторитетнаго лица былъ, дѣйствительно, распространенъ въ древне-русской письменности. Но условія настоящей работы не благопріятствовали допущенію подобнаго литературнаго пріема. Выдать свою мысль отъ лица какого-нибудь святаго отца списателю было бы гораздо легче, чѣмъ приписать мнѣнія Аѳанасія преподобному Евфросину. Фальсификація въ такомъ родѣ имѣла бы свой смыслъ въ житіи, написанномъ Василіемъ, когда воспоминанія о псковскихъ спорахъ могли уже затемниться, когда могли даже забыть объ одномъ изъ споривших лицъ; въ сочиненіи же перваго біографа, написанномъ чрезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ послѣ смерти Евфросина, поддѣлка является не имѣющею смысла, безцѣльною. Какъ очевидную ложь, писаніе автора оставили бы безъ вниманія его читатели, особенно псковичи,—а ихъ то преимущественно онъ и имѣлъ въ виду.

Наконецъ, не совсѣмъ понятна и цѣль этой фальсификаціи. Ближайшею цѣлію ея, по предположенію Голубинскаго, было желаніе авторитетомъ Евфросина, знаменитаго въ своемъ родѣ псковскаго подвижника, утвердить тѣ странныя мысли о сугубой аллилуіи, которыя дѣйствительно высказалъ его современникъ Аѳанасій, совершенно незнаменитый и даже неизвѣстный инокъ, не имѣвшій въ глазахъ псковичей никакого авторитета, имя котораго для нихъ было бы пустымъ звукомъ. Но необходимо замѣ-

тить, что самую знаменитость Евфросина не должно преувеличивать. Правда, онъ былъ строгій подвижникъ, уважаемый псковичами. Но не меньшимъ, напримѣръ, уваженіемъ пользовался и ученикъ Евфросина—преподобный Савва Крыпецкій, которому, какъ постриженнику Аѳонской Горы, даже удобнѣе было бы приписать защиту сугубой аллилуіи. Вообще же, въ началѣ XVI вѣка, до составленія житія, Евфросинъ былъ менѣе знаменитъ, чѣмъ во второй половинѣ этого вѣка и въ первой XVII. Съ другой стороны, самъ Аѳанасій и по нравственнымъ качествамъ, и по своему положенію могъ быть не такимъ уже неизвѣстнымъ человѣкомъ. Названія: „великая лавра", „общеобительный",—примѣнялись не ко всѣмъ русскимъ монастырямъ, а въ Псковѣ въ частности—лишь къ четыремъ: Снѣтогорскому, Мирожскому, Елеазаровскому и Крыпецкому. Такимъ образомъ, Аѳанасій могъ имѣть у псковичей нѣкоторый авторитетъ, хотя бы настолько, чтобы почти при его жизни намѣренно не забыли объ его путешествіи въ Константинополь и на Аѳонъ, о перепискѣ съ новгородскимъ архіепископомъ Евѳиміемъ II-мъ, о спорахъ съ псковичами, и не приписывали всего этого, безъ всякихъ основаній, съ явнымъ даже искаженіемъ фактовъ, другому, современному ему, иноку[1]).

Намъ кажется, что и вообще нѣтъ точныхъ данныхъ для того, чтобы отрицать дѣйствительность одного изъ споровъ изъ-за аллилуіи, какъ это дѣлаютъ Е. Е. Голубинскій и И. Ѳ. Нильскій. Изслѣдователи въ этомъ случаѣ основываются на мысли о невозможности двухъ одинаковыхъ фактовъ въ исторіи одного и того же вопроса, происшедшихъ притомъ одновременно. Но ближайшій обзоръ содержанія памятниковъ, какъ думаемъ, показываетъ, что при сходствѣ между собою—житіе Евфросина и посланіе къ Аѳанасію имѣютъ и значительную разницу; каждый изъ памятниковъ полнѣе освѣщаетъ намъ исторію споровъ изъ-за сугубой аллилуіи. Отсюда, они не только не исключаютъ взаимно другъ-друга, но и служатъ дополненіемъ одинъ къ другому. Но и обративъ вниманіе на одно лишь сходство въ содержаніи между этими памятниками, мы не имѣемъ еще права заключать о невозможности повторенія одинаковой исторіи съ двумя лицами,—въ тѣхъ, конечно, чертахъ, которыя указаны въ содержаніи разсмотрѣнныхъ памятниковъ. Посланіе къ Аѳанасію свидѣтельствуетъ, что на ряду съ Евфросиномъ былъ и другой защитникъ сугубой аллилуіи, пользовавшійся одинаковыми пріемами защиты и даже повторявшій иногда слова Евфросина. И по существу дѣла это обстоятельство не должно вызывать какого-либо сомнѣнія. Наоборотъ, было бы болѣе страннымъ ограничивать исторію споровъ одною личностію, Евфросина или Аѳанасія, думать, что никакихъ споровъ объ аллилуіи не было среди другихъ грамотныхъ людей того времени. Вполнѣ затѣмъ допустимо, что спорившія

[1]) Выше, на стр. 8, и самъ Е. Е. Голубинскій допускаетъ, что въ глазахъ псковичей Аѳанасій могъ быть человѣкомъ авторитетнымъ. Здѣсь читаемъ: „онъ (Аѳ.) былъ человѣкъ весьма уважаемый, пустынноподвижникъ и строитель собственнаго общежительнаго монастыря" въ псков. области.

стороны вспоминали о событіяхъ первоначальнаго спора,—поставимъ-ли мы впереди имя Евфросина или Аѳанасія—безразлично. И патріарха Іосифа, и попа Іова, несомнѣнно, должны были вспоминать обѣ стороны, какъ представителей двухъ авторитетовъ—восточной церкви и мѣстнаго, псковскаго обычая, притомъ по своимъ нравственнымъ качествамъ—представителей недостойныхъ. При отсутствіи какихъ-либо данныхъ въ содержаніи посланія къ Аѳанасію и въ житіи Евфросина не только нельзя рѣшать вопроса о литературной зависимости одного изъ этихъ памятниковъ отъ другого, но даже нельзя установить и исторической послѣдовательности описываемыхъ въ нихъ однородныхъ событій. Проф. Голубинскій относитъ споръ Аѳанасія съ псковичами ко времени управленія новгородскою епархіею архіепископа Евѳимія II. Къ этому времени относятъ и написаніе памятника проф. Нильскій и преосв. Макарій. Но другой изслѣдователь исторіи псковскихъ споровъ, В. О. Ключевскій, склоненъ, кажется, думать, что посланіе было написано уже послѣ кончины преподобнаго Евфросина[1]). По нашему мнѣнію, большая подробность въ изложеніи спорнаго вопроса въ посланіяхъ къ Аѳанасію, по сравненію съ житіемъ Евфросина, говоритъ за то, что Аѳанасій и неизвѣстный псковичъ были продолжателями спора, начатаго въ Псковѣ Евфросиномъ и Іовомъ, и что посланіе къ Аѳанасію было написано уже въ концѣ XV в.

Въ посланіяхъ, встрѣчаясь съ именами патріарха Іосифа и Іова, мы не находимъ, однако, упоминанія о главномъ защитникѣ сугубой аллилуіи—преп. Евфросинѣ. Но характеръ упоминаній о первыхъ лицахъ легко объясняетъ намъ причину этого пропуска. Іосифъ былъ авторитетомъ для защитниковъ двоенія. На него ссылался Евфросинъ, говоря, что онъ „наказанъ былъ патріархомъ, еже глаголати дважды пр. ал.“ Одинаковую ссылку дѣлалъ и Аѳанасій: „отъ патріарха слышавъ Іосифа“. Защитникъ троенія и старается доказать ненадежность этого авторитета тѣмъ, что Іосифъ измѣнилъ православію вселенской церкви, согласившись на унію съ Римомъ. Позднѣйшіе защитники двоенія все-таки продолжали строго держаться этого авторитета. Въ отвѣтъ на указанныя возраженія они заявляли, что Евфросинъ бесѣдовалъ съ патріархомъ въ добрую пору, задолго до взятія Царьграда турками и до союза церковнаго съ Римомъ. О личности Евфросина оба корреспондента, вѣроятно, были одинаково высокаго мнѣнія. Въ жизни преподобнаго нельзя было указать ничего предосудительнаго, что налагало бы тѣнь и на его воззрѣнія. Но нравственная личность представителя троенія, Іова, промѣнявшаго священство на „гостебное“ (купеческое) житіе, нуждалась въ реабилитаціи, такъ какъ, сопоставляя жизнь Іова съ жизнію Евфросина, защитники сугубой аллилуіи съ полнымъ правомъ могли говорить: „колми паче двоащеи предъ троащими и благочестіемъ предъ Богомъ“. Признавая въ общемъ справедливость обвиненій по отношенію къ Іову, сторонникъ его взглядовъ

---

[1]) Пр. Об. 1872 г., XII, стр. 736, ср. у Нильскаго, Хр. Чт., стр. 706, прим.

старается лишь смягчить самую форму этихъ обвиненій. Онъ разъясняетъ, какъ несправедливо къ имени христіанина прилагать такіе эпитеты, какъ второй Іуда или мотыльный столпъ. „Гдѣ ли еси въ писаніи изъобрѣлъ еси, ли начелъ, что мотылнымъ именовати или іюдою христіанскый родъ, аще и грѣшенъ“ (стр. 141). Замѣчаніе это, не устраняя собою всего обвиненія, сглаживало по крайней мѣрѣ рѣзкость его тона. Мѣткое прозвище, данное Іову Евфросиномъ, вѣроятно хорошо запомнили и не переставали повторять сторонники преподобнаго въ спорахъ съ троегласниками. То же сдѣлалъ и Аѳанасій. Но псковскій клирикъ, оправдывая Іова, въ то же время разъясняетъ, что порядокъ троенія идетъ вовсе не отъ Іова, что онъ имѣетъ за себя безусловный авторитетъ въ лицѣ митрополита Фотія, нравственная личность и пастырская дѣятельность котораго высоко цѣнились псковичами. Въ свою очередь и Аѳанасій подкрѣпляетъ авторитетъ двоенія ссылкою на аѳонскіе монастыри, точно также пользовавшіеся особымъ уваженіемъ со стороны русскихъ людей XV в. Что касается ссылки на Іосифа, то Аѳанасій могъ ее сдѣлать и не побывавъ у патріарха, со словъ другихъ сторонниковъ двоенія, въ частности—преподобнаго Евфросина. Точно также со словъ какихъ-нибудь аѳонскихъ монаховъ онъ могъ ссылаться и на аѳонскіе порядки. Выраженіе: „слышавъ отъ патріарха Іосифа и афоньскимъ“, само по себѣ не объясняетъ еще, былъ-ли Аѳанасій на Востокѣ или нѣтъ. Но можно допустить, что онъ побывалъ на Аѳонѣ, такъ какъ случаи посѣщенія послѣдняго въ древней Руси были довольно часты.

Какъ частная переписка, „посланіе къ Аѳанасію“ могло остаться неизвѣстнымъ первому редактору житія преподобнаго Евфросина. Во всякомъ случаѣ, въ текстѣ первой редакціи нѣтъ никакихъ намековъ, чтобы біографъ преподобнаго пользовался этимъ памятникомъ въ качествѣ пособія для своей работы. Наличность посланія не можетъ такимъ образомъ отрицать собою историческое значеніе „повѣсти о пресвятѣй аллилугіи“ и не служитъ доказательствомъ того, что споръ Евфросина—вымыселъ его біографа и житіе его—подлогъ. Посланіе показываетъ лишь, что первая редакція житія преподобнаго даже и со стороны главнаго предмета ея содержанія явилась трудомъ въ значительной мѣрѣ неудовлетворительнымъ; она не устраняла собою всѣхъ возраженій сторонниковъ троенія.

Въ концѣ первой половины XVI вѣка, когда былъ поднятъ вопросъ объ общецерковной канонизаціи преподобнаго Евфросина, оказалась неудовлетворительною и біографическая часть первой редакціи житія. Вслѣдствіе этого въ 1547 году, по просьбѣ иноковъ Елеазаровскаго монастыря, было составлено новое житіе біографомъ псковскихъ святыхъ, пресвитеромъ Василіемъ[1]). Въ задачу этого новаго труда входило прежде всего

[1]) Эту редакцію житія будемъ цитировать по печатному изданію въ Памят. с. р. л. графа Кушелево-Безбородко, Спб. 1862 г., вып. IV, стр. 67—116. Изданіе это—не безупречное. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неисправностяхъ

дать біографическія свѣдѣнія о святомъ за ранній періодъ его жизни и подробнѣе изложить чудеса, совершавшіяся послѣ его кончины и свидѣтельствовавшія о его святости. Эту вторую половину задачи хорошо исполнилъ второй біографъ. Описанія чудесъ, сдѣланныя частію на основаніи существовавшихъ уже въ монастырѣ записей, но болѣе всего по разсказамъ очевидцевъ, по своей полнотѣ и по заключающимся въ нихъ историческимъ свѣдѣніямъ о жизни иноковъ Елеазаровскаго монастыря, представляютъ собою безусловный интересъ.

Нельзя сказать того-же самаго и относительно біографическихъ свѣдѣній о святомъ, переданныхъ Василіемъ со словъ монастырской братіи, въ частности—по разсказамъ старца Маркелла, 50 лѣтъ проживавшаго уже въ монастырѣ. Воспоминанія и разсказы монастырской братіи дали Василію въ общемъ очень скудный матеріалъ для біографіи Евфросина. У елеаз. монаховъ не сохранилось свѣдѣній ни о имени родителей святаго, ни объ отдѣльныхъ фактахъ изъ его жизни до устройства монастыря. Болѣе точными являются указанія о родинѣ Евфросина, о мѣстѣ его постриженія въ монашество, о времени прихода въ Толвскую пустыню и о кончинѣ преподобнаго. Впрочемъ, Василій былъ опытный писатель. По трудамъ Пахомія Серба онъ былъ хорошо знакомъ съ техникою составленія житія и потому его не смущалъ недостатокъ фактическаго ма-

---

въ текстѣ,—напр., стр., 72, 70: „и кѣліямъ непотребно есть упространитися“,—точнѣе, какъ въ рук. библ. Тр. Сер. Л., № 676, л. 353 об.: „оустроитися“, или: „вниде во единъ отъ монастырей Инжиньскихъ“—вмѣсто „инокыньскихъ“ (ib., л. 349, по рук. М. Д. А., Фун. б-ки, № 205, л. 32 и Волок. б., № 632, л. 463 об.),—неправильно обозначенъ и годъ смерти преподобнаго: 6985—нужно 6989, какъ во всѣхъ цитиров. сейчасъ рукописныхъ спискахъ и въ проложной редакціи Рум. Муз., № 397, л. 375. Имя составителя житія, Василія, читаемъ въ Лавр. рук., на 344 л., въ началѣ: „мнѣ недостойному клирику Василію“, въ рук. Волок. б., на 459 л.: „понудиста мене смиренаго и недостойнаго и невѣжу клирика Василія“, въ печ. изд.—въ описаніи 19-го чуда (стр. 116). Печатное изданіе нельзя назвать полнымъ: въ немъ нѣтъ похвалы преподобному.

Изъ рукописныхъ списковъ, которыми мы пользовались, нѣкоторый интересъ представляетъ собою списокъ библ. Елеаз. монастыря, на 106 л., изъ которыхъ первые 14 занимаетъ служба преподобному. Особенность въ этомъ спискѣ составляетъ опредѣленіе времени перехода Евфросина на Толву: „и ту блаж. отецъ вселися безмолствовати наединѣ въ лѣто 6955“ (л. 19). Это—несомнѣнная описка, послужившая причиною отмѣченной уже хронологической ошибки въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ писателей. Описки есть и въ другихъ мѣстахъ этого списка. Онъ переписанъ во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ можно видѣть изъ слѣдующей вставки въ описаніи предсмертной молитвы Евфросина: „призри на обитель сію и мене и живущихъ во обители твоей имени твоего ради, иже молитвы приносити о благовѣрной и христолюбивой императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ всея великія Россіи и за вся благочестивыя князи и боляры и христолюбивое воинство“ (л. 68 об.). Кончина Евфросина отнесена къ 6989 году (л. 70 об.).

теріала. Съ помощію риторическихъ пріемовъ и общихъ мѣстъ изъ знакомыхъ ему житій онъ пополнилъ недостающее и тѣмъ удовлетворилъ тогдашнимъ литературнымъ требованіямъ,—хотя и сдѣлалъ это въ ущербъ исторической правдѣ и фактической точности. Съ литературной стороны получилась біографія законченная.

Въ пользованіи сторонними источниками Василій не обнаружилъ какой-либо самостоятельности или умѣнья,—списывалъ почти дословно. Заимствованія можно наблюдать, прежде всего, въ предисловіи къ житію. Первыя сорокъ строкъ по печ. изд. до буквальности сходны, напримѣръ, съ предисловіемъ къ житію преподобнаго Димитрія Прилуцкаго[1]). Отмѣчая это случайное совпаденіе въ начальныхъ строкахъ двухъ памятниковъ, мы, конечно, вовсе не склонны дѣлать положительнаго вывода о зависимости Василія отъ автора житія преп. Димитрія. Вѣроятнѣе, что лица, спеціально занимавшіяся составленіемъ житій, имѣли у себя выписки изъ образцовыхъ сочиненій этого рода и пользовались ими по мѣрѣ нужды. Этимъ и объясняется, что нерѣдко въ одномъ и томъ же мѣстѣ житія встрѣчаемъ заимствованія, сдѣланныя изъ двухъ разныхъ источниковъ. Противъ самостоятельности Василія говоритъ во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что житіе Димитрія появилось ранѣе второй редакціи житія Евфросина[2]).

Слѣдующая за предисловіемъ статья: „о рожденіи блаженнаго отрока“, съ фактической стороны,—если исключить отмѣченныя выше указанія біографа о родинѣ святаго, о мѣстѣ его постриженія и о времени перехода на Толву,—никакой цѣнности не имѣетъ. Извѣстіе о посѣщеніи Евфросина въ пустынѣ матерію, конечно, можетъ быть признано вѣроятнымъ, но разсматривать его какъ вполнѣ фактическое—нельзя. Разсказы о такихъ случаяхъ въ древне-русскихъ житіяхъ встрѣчаются очень часто. Такова первая часть дополненій Василія къ труду перваго біографа святаго.

Съ большею подробностію, по сравненію съ первымъ списателемъ, Василій описалъ событія смерти преподобнаго. По его словамъ, эти описанія основаны на разсказахъ монастырской братіи: „яко нѣцыи повѣдаютъ въ обители его“ (стр. 99). Въ дѣйствительности же Василій очень мало воспользовался разсказами монастырской братіи и большую часть своихъ дополнительныхъ сообщеній заимствовалъ изъ сторонняго литературнаго источника. По крайней мѣрѣ, его описаніе предсмертной бесѣды Евфросина съ учениками и замѣчанія о принятіи святымъ „въ самый убо исходъ“ св. таинъ, о кончинѣ преподобнаго, слезномъ сокрушеніи братіи и о погребеніи ими своего учителя—до буквальности сходны съ соотвѣтствующими мѣстами житія преподобнаго Сергія[3]). Въ разсматриваемой вто-

---

[1]) Ср. Пам. ст. рус. лит., стр. 67 и 68 и № 640 рук. б-ки М. Д. А., л. 45 об.—46 об.

[2]) См. у В. О. Ключевскаго, о. с., стр. 189, 271.

[3]) Ср. Пам. ст. рус. лит., в. IV, стр. 99. В. Ч. М., сент., вып. III, стр. 1561—1562.

рой части дополненій у второго біографа находимъ и ошибки. Такъ, напр., Василій отнесъ кончину Евфросина ко времени игуменства Игнатія, тогда какъ изъ завѣщанія преподобнаго видно, что игуменомъ въ то время былъ уже второй изъ братьевъ—Харлампій. Въ виду этой неточности можно думать, что Василій не пользовался ни завѣщаніемъ, ни уставомъ Евфросина, а упомянулъ о нихъ лишь со словъ перваго списателя.

Въ остальномъ содержаніи своей работы Василій слѣдовалъ письменному источнику, какъ и самъ онъ говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи къ житію: „прочая же и достовѣрнѣйшая навыкъ отъ самаго того писанія, иже преже насъ написана быша отъ нѣкоего слагателя“ (стр. 68). Не имѣя возможности и не считая нужнымъ провѣрять эти „достовѣрнѣйшія“ описанія своего предшественника, Василій довѣрчиво относился ко всѣмъ разсужденіямъ и разсказамъ перваго біографа и полностію, чаще всего буквально, вносилъ ихъ въ свое житіе. Задачею своею онъ ставилъ лишь приведеніе въ порядокъ разбросанныхъ „ово здѣ, ово индѣ“ разсказовъ своего предшественника. Отсюда, въ историко-біографической части житія у Василія не находимъ ничего новаго. Порядокъ жизни монастырской за первоначальную ея пору, характеристика сподвижниковъ Евфросина приведены у него съ буквальною почти точностію по источнику. Центральное мѣсто и во второй редакціи занимаетъ собою повѣсть о сугубой аллилуіи; по своему изложенію она очень мало отличается отъ „повѣсти“ первой редакціи.

Но сравнивая текстъ обѣихъ редакцій, легко замѣтить, что распредѣленіе письменнаго матеріала въ этой спеціальной части житія по хронологической рубрикѣ, сдѣланное Василіемъ, измѣняетъ нѣсколько историческое значеніе описанныхъ въ первой редакціи событій. Такъ, время путешествія Евфросина въ Константинополь у перваго списателя опредѣлено словами: „въ юности своей“. Василій опускаетъ эти слова и говоритъ, что путешествіе было совершено преподобнымъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія имъ монастыря. Чтобы яснѣе доказать это, онъ составилъ даже особую статью: „о хоженіи святаго къ царствующему граду“ (стр. 80—81),—изъ которой мы узнаемъ, что Евфросинъ отправился на Востокъ послѣ того, какъ внутреннее устройство Елеазаровскаго монастыря было уже закончено. Съ тою же цѣлію Василій измѣняетъ и самыя слова Евфросина въ бесѣдѣ съ Филиппомъ и его товарищемъ объ этомъ путешествіи. По первой редакціи, Евфросинъ, въ увѣренности, что въ Константинополѣ онъ найдетъ полное разъясненіе всѣхъ недоумѣній, не разрѣшенныхъ въ Псковѣ, немедленно направился туда: „умыслихъ лучшее и устремихся къ царствующему граду“. Второй редакторъ, наоборотъ, старается установить нѣкоторый промежутокъ времени между появленіемъ намѣренія посѣтить Царьградъ и осуществленіемъ этого намѣренія; онъ дѣлаетъ слѣдующую вставку въ разсказъ своего предшественника: „и день отъ дни помышляющу ми и любовію душевною горящу о Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ, како лѣпо славити въ пресвятѣй аллилугіи: сице умы-

слихъ лучшее и устремихся къ царствующему граду[1]). Къ этому времени нельзя, конечно, было отнести упомянутой выше замѣтки перваго списателя о юношескомъ возрастѣ паломника.

Затѣмъ, первый списатель не говоритъ, былъ-ли Евфросинъ во время своего путешествія инокомъ или принялъ монашество уже по возвращеніи изъ Царьграда. Изъ начальныхъ словъ его статьи, въ которыхъ поставлено мірское имя святаго: „како ходилъ бѣ въ юности своей премудрый елиозарь къ црюграду“ (л. 86 об.),—скорѣе можно сдѣлать заключеніе въ послѣднемъ смыслѣ. Первый списатель, при изложеніи бесѣды патріарха Іосифа съ Евфросиномъ, вовсе не говоритъ и о монастырѣ преподобнаго, тогда какъ Василій упоминаетъ о немъ не одинъ разъ. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ описанія этой бесѣды, какъ она передана у обоихъ списателей. По поводу прощальнаго благословенія патріарха Евфросину мы читаемъ въ первой редакціи слѣдующія слова: „рекъ ми: миръ ти, чадо, и иди съ миромъ, аминь“. Во второй редакціи добавлено: „иди съ миромъ во свой монастырь къ братіи“, и затѣмъ слѣдуетъ наставленіе поучать братію „подвизатися о спасеніи душевнѣмъ и терпѣти скорби лютыя, наносимыя на ны“ и т. д.,—чего нѣтъ въ первой редакціи. Далѣе, во второй редакціи читаемъ слѣдующія лишнія слова по поводу благословенія иконою: „и тако ми рекъ: Богъ буди съ тобою, чадо, и той тя достроитъ до обители твоея мирно и тихо“. Въ заключеніи, при передачѣ словъ первой редакціи: „и отыдохъ отъ него со многою радостію и веселіемъ и зѣло великъ миръ нося въ души моей“,—во второй редакціи сдѣлано слѣдующее измѣненіе: „миръ носяй братіи своей и достигохъ до обители своея святыя“[2]). Равнымъ образомъ и въ заглавіи перваго списателя: „како ходилъ бѣ въ юности своей премудрый елиозарь“, сдѣлано измѣненіе: „како ходилъ бѣ преподобный Евфросинъ, зовомый (?) Елеазаръ“ (стр. 102).

Нельзя думать, чтобы въ указанныхъ случаяхъ Василій дѣйствительно исправлялъ ошибки своего предшественника. Для этого у него не было никакихъ данныхъ. Его руководители, елеазаровскіе монахи, не будучи современниками Евфросина, не имѣли, разумѣется, точныхъ свѣдѣній о путешествіи преподобнаго, которыми могъ бы воспользоваться Василій. Наоборотъ, первый списатель, писавшій со словъ игумена Памфила, могъ ближе стоять къ истинѣ. Нельзя здѣсь довѣрять Василію и потому, что онъ не исправилъ ошибокъ своего предшественника даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ для этого основанія,—напримѣръ, при опредѣленіи личности архіепископа, посвятившаго игумена Игнатія, или при обозначеніи числа псковскихъ соборовъ во время спора Евфросина съ Іовомъ. Онъ и самъ допустилъ ошибки въ хронологіи такихъ событій изъ жизни святаго, о которыхъ въ монастырѣ имѣлись точныя, письменныя извѣстія. Такъ, напр., онъ неправильно назвалъ игумена, при которомъ скончался

---

[1]) Ср. рук. Унд. № 306, л. 35 об. и Пам. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 89.
[2]) Ср. л. 36 об., 37 и стр. 90.

преподобный Евфросинъ. Очевидно, что главнымъ побужденіемъ къ указаннымъ измѣненіямъ у Василія было лишь желаніе придать большую убѣдительность и большее значеніе описываемымъ фактамъ. Онъ хорошо понималъ, что Евфросинъ—инокъ, основатель общежительнаго монастыря, въ глазахъ читателя будетъ имѣть большій авторитетъ и вызыветъ къ себѣ большее довѣріе, чѣмъ юноша Елеазаръ, подвизавшійся противу силѣ своей о божественномъ любомудріи св. аллилуіа.

Въ тѣхъ-же видахъ усилить значеніе описываемыхъ фактовъ второй списатель въ передачѣ бесѣды Евфросина съ патріархомъ добавилъ, что Іосифъ не только на словахъ разъяснилъ псковскому паломнику его недоумѣнія, но далъ и письменное наставленіе о сугубой аллилуіи: „таже и отъ предреченнаго патріарха Іосифа пріемъ писаніе тѣмъ же образомъ, еже дважды глаголати пресвятая и животворящая аллилугія“ (стр. 89). Объ этомъ писаніи ничего не говоритъ первый списатель. Но позднѣйшіе защитники сугубой аллилуіи обратили большое вниманіе на это добавленіе Василія; съ его словъ они ссылались на писаніе патріарха, какъ на одно изъ важныхъ доказательствъ правильности двоенія. Въ XVII в. извѣстный расколоучитель Никита Суздальскій утверждалъ даже, что „то писаніе и до нынѣ на Москвѣ въ патріаршей книгохранительницѣ“. Однако, когда дѣло дошло до провѣрки его словъ, Никита не могъ фактически подтвердить сказаннаго и ограничился лишь ссылкою на другое лицо, передававшее будто-бы ему объ этомъ [1]). Эта разница между двумя редакціями житія Евфросина, отмѣченная впервые профессоромъ Нильскимъ, съ достаточною полнотою разсмотрѣна въ цитированномъ уже выше изслѣдованіи профессора Малинина, вслѣдствіе чего мы и не считаемъ нужнымъ останавливаться на ней подробно [2]).

Въ литературно-стилистическомъ отношеніи поправки, сдѣланныя Василіемъ въ повѣсти о сугубой аллилуіи, незначительны. Прежде всего, онъ вычеркнулъ или измѣнилъ такія выраженія, которыя были или излишни для писателя псковича,—напримѣръ, отмѣченныя выше объяснительныя слова перваго списателя о пяти псковскихъ соборахъ,—или не соотвѣтствовали личнымъ взглядамъ Василія,—о путешествіи Евфросина въ юности. Опустилъ онъ, затѣмъ, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста изъ сочиненія своего предшественника или потому, что они не отвѣчали задачѣ новаго житія, или потому, что по характеру своему и по отдѣльнымъ выраженіямъ могли казаться не совсѣмъ приличными въ устахъ подвижника и противорѣчили отзывамъ въ другихъ письменныхъ памятникахъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Такъ, во второй редакціи нѣтъ предисловія о значеніи сугубой аллилуіи. Умѣстное въ трудѣ перваго списателя, предисловіе было-бы излишнимъ въ житіи Василія, преслѣдовавшемъ другую цѣль, болѣе общую. Не находимъ и посланія Евфросина къ духовенству троицкаго собора, въ которомъ преподобный очень рѣзко отзывается объ Іовѣ

---

[1]) Мат. для ист. раск., т. IV, стр. 269.

[2]) Хр. Чт., стр. 716—717; „Старецъ Ел. м. Филоѳей“, стр. 21—24.

и его сторонникахъ. Исключить этотъ памятникъ для Василія было тѣмъ удобнѣе, что изъ повѣсти споровъ не видно, чтобы Евфросинъ велъ письменную полемику съ своими противниками. Помѣстивъ, наконецъ, переписку Евфросина съ архіепископомъ Евѳиміемъ, Василій опустилъ объясненіе перваго списателя, почему Евѳимій отказался разрѣшить споръ Евфросина съ Іовомъ. Въ первой редакціи мы читаемъ: „поне ж бо архіеп. Еуфимье стъ житіемъ и препростъ обычай имы и книжной премудрости, купно ж тако и к законному разсоуженію не глубленъ искусъ учителства имы, и сего ради ничто жъ управи или разсудивъ сту о вещи“ [1]). Слова эти на первый взглядъ представляются двусмысленными; но нѣтъ нужды понимать ихъ, какъ ироническій отзывъ о недомысліи владыки. Вполнѣ возможно, что эти правдивыя строки первый біографъ написалъ скорѣе въ защиту Евѳимія, чѣмъ въ его униженіе. По крайней мѣрѣ, у Василія, опустившаго приведенныя слова, поступокъ новгородскаго владыки остался недостаточно объясненнымъ. По нему: „слышавъ нелѣпыя словеса Іевлевы, Евѳимій ничтоже вня или разсудивъ о ключимѣй скорби и печали, бываемой на святаго“,—другими словами, Евѳимій даже не захотѣлъ внимательно отнестись къ дѣлу, ссылаясь на его трудность. По объясненію перваго списателя, Евѳимій не помогъ святому не потому, что не захотѣлъ, а главнымъ образомъ потому, что не могъ приставить ключа премудрости разумѣнія къ такой глубинной тайнѣ, смыслъ которой былъ недоступенъ даже пророкамъ и св. отцамъ. Для почитателей памяти новгородскаго святителя такой отзывъ перваго біографа о недостаткѣ премудрости разумѣнія у Евѳимія не могъ показаться неудобнымъ или обиднымъ для святаго. Только „высокоумные“ москвичи, въ родѣ архіеп. Сергія, придавали значеніе этому недостатку премудрости у новгородскихъ святителей (одного изъ которыхъ Сергій обозвалъ простымъ мужикомъ), сами же новгородцы „простоту ума и обычая“ у мѣстныхъ святыхъ даже и не считали какимъ-либо недостаткомъ. Но для Василія, болѣе образованнаго въ литературномъ отношеніи, чѣмъ его предшественникъ, знакомаго съ образцовыми житіями Пахомія Серба, такая замѣтка перваго списателя могла показаться не только неудобною, но и не соотвѣтствующею оффиціальному отзыву біографа Евѳимія объ умственныхъ его дарованіяхъ. Именно, у Пахомія Василій могъ прочитать слѣдующую замѣтку о годахъ школьной жизни Евѳимія: „времени пришедшу, вданъ бываетъ учитися божественнымъ книгамъ; тѣмже тому спѣшне писанія извыкшу, обыче же во иныхъ не упражнятися, развѣ иже въ божественная ведущихъ“ [2]).

Въ историко-біографической части житія добавленія и измѣненія, сдѣланныя Василіемъ, не существенны. Изъ новыхъ статей, составленныхъ „отъ слышанія отъ неложныхъ свидѣтелей“ (стр. 68), можно указать слѣдующія: „о умноженіи брашенъ молитвами святаго“, „о умноже-

---

[1]) Рук. Унд., № 306, л. 57.

[2]) Пам. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 17.

піи рыбъ“, и въ дополненіи къ статьѣ перваго списателя: „о Филаретѣ черноризцѣ“, краткую замѣтку объ ученикахъ Евфросина: Саввѣ Крыпецкомъ, Досиѳеѣ и Илларіонѣ. Событіе, о которомъ разсказывается въ первой статьѣ, относится къ начальной жизни Елеазаровской обители, когда, по словамъ списателя, монастырь еще „ново-строился“. Къ начальной исторіи монастырской жизни относится и второе событіе. Наоборотъ, приложеніе къ статьѣ о Филаретѣ касается событій позднѣйшихъ, говоритъ объ ученикахъ Евфросина, пришедшихъ къ преподобному уже во второй половинѣ XV в. Въ остальныхъ историческихъ разсказахъ Василій точно слѣдуетъ за своимъ предшественникомъ и по большей части буквально переписываетъ его сообщенія. Но онъ старается расположить описанія перваго списателя въ болѣе стройномъ видѣ, „по ряду“. Въ этихъ видахъ онъ опускаетъ тѣ выраженія, при помощи которыхъ его предшественникъ хотѣлъ установить внѣшнюю связь между главнымъ разсказомъ и сторонними добавленіями или просто объяснялъ читателю причину подобныхъ вставокъ. Но и эта несложная работа произведена Василіемъ очень невнимательно и неумѣло. Нѣкоторыя выраженія оставлены или измѣнены такъ, что получилась прямо безсмыслица[1]). Образцомъ послѣдней можетъ служить окончаніе статей „о прихожденіи братіи ко святому“ и „о Памфиліи старцѣ“. Послѣдняя статья у перваго списателя оканчивается обѣщаніемъ „впреди“ въ болѣе стройномъ видѣ разсказать о подвигахъ и о жизни первыхъ трехъ братьевъ: „о нихъ-же ми есть еще слово впредилежаще, и хощу сказати, егда пріидутъ въ рядъ повѣсти и тогда помяну трудолюбное ихъ и уское пути і скорбное теченіе произволенію ихъ, нынѣ же гряду путь повѣстію и не съвращу слова съ теченіа искомого“. Василій переиначилъ эти слова такъ: „о нихъ-же ми есть слово предлежаще (?), нынѣ же настоящее да глаголется“[2]).

---

[1]) Опущены: 2 строки послѣ разсказа о Серапіонѣ (л. 94 об., ср. стр. 71), 2—въ статьѣ „о прихоженіи братіи“ (л. 95 об.—96, стр. 71); 6 строкъ послѣ статьи о Памфилѣ (л. 53, ср. стр. 73); 2—передъ повѣстью о новг. свящ. (л. 97, ср. 77); 1—передъ ст. объ исхожденіи св. Евфр. во внутр. пустыню (л. 60 об., стр. 78) и др.

[2]) Рук. Унд., № 306, л. 52 об.—53. Печ. жит., стр. 73. Разсказъ о прихожденіи братіи оканчивается словами, заимствованными у перваго списателя: „сіе до здѣ, и паки на предлежащую повѣсть возвратимся“ (стр. 77). Совершенно излишними у второго списателя являются слѣдующія строки, которыми заканчивается статья, озаглавленная: „молитва пресвятѣй Богородицѣ“. „Азъ же паки и о семъ изнесу вещь словомъ любви вашея и открыю явѣ злолютая плетенія лукаваго, бываемыя бѣды на святаго отца и многія напасти видимо и невидимо отъ дѣйства діаволя претерпѣ, овогда бо отъ злыхъ человѣкъ ключахуся святому велицыи скорби, овогда же и самъ діяволъ лицемъ къ лицу явѣ самъ являяся, спѣшаше терновное строеніе, да нелѣпою смертію препнетъ животъ святому отцу Евфросину“ (стр. 97). У перваго списателя послѣ этихъ строкъ дѣйствительно и находимъ разсказы объ исхожденіи во внутреннюю

Измѣняя и опуская отдѣльныя выраженія въ разсказахъ перваго списателя, Василій иногда придавалъ этимъ нѣсколько иной смыслъ разсказу. Но и такія поправки нельзя признать удачными и нужными для дѣла. Безъ всякихъ, напримѣръ, основаній въ описаніи чуда надъ Кономомъ Василій выпустилъ слѣдующія выраженія: „аще хощеши, пребуди здѣ безъ сребра“ (слова Евфросина при поступленіи Конона въ монастырь), и „пришедъ стый въ монастырь и не у бѣ паче внити въ келію свою и возва иконома“ (послѣ угрозы Конона убить святаго) (л. 66 об.). Въ разсказѣ о новгородскомъ священникѣ: „приде бяше отъ В. Новаграда нарокомъ паче“, послѣднихъ два слова замѣнены словами: „невѣріемъ одержимъ“. Въ соотвѣтствіе этому разсказъ заканчивается нравоучительнымъ приложеніемъ: „и тако священникъ онъ зазираше въ себѣ добродѣтельному житью и надъ смиренными не возношашеся и до кончины души своея, яко-же рече ему преподобный Евфросинъ“,—чего нѣтъ въ первой редакціи [1]).

Не измѣняя содержанія разсказовъ предшественника, Василій зато значительно увеличиваетъ ихъ объемъ вставками сочиненныхъ имъ, соотвѣтственно агіобіографическимъ требованіямъ, молитвъ. Такія молитвы помѣщены, напримѣръ, у него послѣ разсказа о чудѣ надъ Конономъ и въ описаніи кончины Евфросина. У перваго списателя въ первомъ разсказѣ послѣ словъ прощенія прямо говорится объ исцѣленіи согрѣшившаго; у Василія вставлены наставленіе Конону и молитва о немъ святаго. Точно также въ описаніи кончины преподобнаго первый списатель, послѣ общаго замѣчанія о старости и болѣзни подвижника, кратко говоритъ о прощальной бесѣдѣ его съ учениками и затѣмъ о смерти. Василій подробнѣе излагаетъ содержаніе этой бесѣды и передъ этимъ вставляетъ двѣ молитвы [2]). Увеличивая собою объемъ описаній, молитвы эти не вносятъ ничего новаго въ ихъ содержаніе. Вслѣдствіе своей сочиненности, онѣ даже не отображаютъ намъ того настроенія, которое могло быть у святаго и его сподвижниковъ при томъ или иномъ случаѣ. Въ изложеніи предсмертной молитвы святаго допущенъ даже анахронизмъ. Именно, въ молитвѣ къ Богоматери преп. Евфросинъ проситъ ея покрова и заступленія своимъ ученикамъ, „иже молитвы приносити о благовѣрномъ и христолюбивомъ царѣ, великомъ князѣ, самодержцѣ всея великія Русіи“. Едва-ли въ такой именно формѣ молился о предержащей власти подвижникъ—псковичъ XV в.

Не имѣя возможности точно опредѣлить время отдѣльныхъ событій въ жизни Евфросина и его сподвижниковъ, Василій ограничивается обыч-

---

пустыню и о чудѣ надъ Конономъ, какъ образцы „великихъ скорбей“ отъ діавола и отъ злыхъ людей, покушавшихся нелѣпою смертію препнути животъ святому. У Василія разсказы эти помѣщены раньше, и вслѣдъ за этими словами онъ прямо переходитъ къ описанію кончины преподобнаго.

[1]) Стр. 78, ср. рук., л. 99 об. Въ описаніи одеждъ Серапіона опущены слова: „вѣшми посыпани“ (л. 94 об., ср. стр. 71).

[2]) Ср. рук. № 306, л. 70 об.—71, и печ. житіе, стр. 98—99.

ными въ житіяхъ общими выраженіями для обозначенія послѣдовательности описываемыхъ событій,—напримѣръ, „и по времени“, „по малѣ же времени“ „времени же многу минувшу“, „малу же времени минувшу“ [1]). Безъ точныхъ хронологическихъ датъ у него описано и большинство изъ посмертныхъ чудесъ святаго. Съ точнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа имѣемъ лишь одну запись—16-го чуда (стр. 113). Приблизительно, затѣмъ, можно установить время совершенія чудесъ 7-го, 9-го, 10-го, 12 по упоминаемымъ въ нихъ именамъ: архіепископа (7), игумена (9), дьяковъ псковскихъ (10 и 12). Въ остальныхъ случаяхъ нельзя даже сказать, какое изъ чудесъ совершилось ранѣе и которое позднѣе, такъ какъ Василій въ своемъ описаніи чудесъ не держится хронологическаго порядка. Такъ, напримѣръ, 19 чудо (1542 г.), названное новѣйшимъ, на самомъ дѣлѣ должно бы стоять ранѣе 16-го, отъ 1547 г. [2]). Описанія первыхъ двухъ чудесъ, надъ Закхеемъ діакономъ, заимствованы изъ повѣсти предшественника; описанія же остальныхъ чудесъ составлены Василіемъ вновь, по разсказамъ елеазаровскихъ монаховъ, какъ видно изъ замѣтки въ описаніи 19 чуда: „еже слышахъ отъ многихъ монастыря его“ (стр. 115). Описаніе этого чуда авторъ оканчиваетъ личными разсужденіями о своемъ недостоинствѣ и молитвою къ Евфросину за себя и за всѣхъ чтущихъ его память. Здѣсь же Василій замѣчаетъ, что онъ описалъ далеко не всѣ чудеса преподобнаго: „многа же и иная повѣсти достойна чюдодѣянія святаго чюдотворца преминухъ множества ради“ (стр. 116). Начиная съ 7-го чуда, всѣ описанныя чудеса относятся ко времени управленія новгородскою епархіею Макарія и къ первымъ годамъ его митрополитства.

Отсутствіе точныхъ хронологическихъ датъ понижаетъ историческую цѣнность описаній чудесъ. Но все-таки они имѣютъ большое значеніе, такъ какъ въ нихъ можно находить интересныя свѣдѣнія о жизни елеазаровскихъ монаховъ во второй четверти XVI столѣтія. Наиболѣе цѣнны въ историческомъ отношеніи описанія чудесъ: 7-го, 10, 15, 16 и отчасти 18-го. Извѣстіями, заключающимися въ этихъ описаніяхъ, мы воспользуемся при изложеніи исторіи елеазаровской монастырской жизни за XVI вѣкъ.

Непосредственно за описаніемъ чудесъ въ рукописныхъ спискахъ житія Евфросина слѣдуетъ похвала святому, текстъ которой съ параллельными выписками изъ другихъ памятниковъ мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

Хотя Василій и дѣлаетъ замѣчаніе, что похвальное слово святому составлено имъ на основаніи житія: „возьмемъ слово отъ житія блаженнаго“, но на самомъ дѣлѣ онъ рѣдко пользуется житіемъ, а въ большинствѣ случаевъ просто списываетъ изъ житій другихъ святыхъ. Въ похвалѣ приведенъ лишь одинъ фактъ—изъ описанія чуда надъ Конономъ. Затѣмъ авторъ два раза восхваляетъ Евфросина за его ревность о сугу-

---

[1]) Стр. 69, 73, 70, 80, 107.

[2]) См. у Малинина, о. с., стр. 34.

бой аллилуіи. Этимъ и ограничивается самостоятельность Василія. Въ остальномъ, какъ можно видѣть изъ сопоставленія текста похвалы Евфросину съ отрывками изъ другихъ подобныхъ же памятниковъ, Василій воспользовался цвѣтами краснорѣчія Пахомія Логоѳета, Епифанія Премудраго и другихъ. Нашелъ Василій возможнымъ помѣстить здѣсь и нѣсколько строкъ изъ первой редакціи, опущенныхъ въ текстѣ житія. Вставка эта интересна въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ не умѣли древне-русскіе списатели скрывать слѣды своихъ заимствованій. Употребляя въ другихъ случаяхъ мѣстоименія и глагольныя формы въ первомъ лицѣ: „мы, нашь, принесемъ" и т. д., здѣсь Василій, слѣдуя источнику, ставитъ формы второго лица: „ваша, восплещите, воскликните, слыши" и т. п.

Изъ сдѣланныхъ замѣчаній ясно, что похвальное слово въ историческомъ отношеніи не можетъ имѣть никакого значенія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами двухъ редакцій житія преподобнаго Евфросина сохранилось еще краткое проложное житіе въ рукописи Румянц. Музея № 397, представляющее собою сокращеніе второй редакціи[1]). Въ немъ помѣщены въ сокращеніи слѣдующія статьи изъ житія Василія: о рожденіи святаго (л. 372 об.), о постриженіи въ Снѣтогорскомъ монастырѣ и о переходѣ оттуда въ пустыню на Толву, съ точнымъ опредѣленіемъ разстоянія послѣдней отъ Пскова („отыде отъ обители на 25 поприщъ и вселися надъ Толвою рѣкою", л. 373), о прихожденіи къ Евфросину матери, Серапіона и братіи (л. 373 об.), о Кононѣ (л. 374), о чудесной ловлѣ рыбы и о поставленіи монастырей учениками Евфросина (л. 374 и об.). Въ разсказѣ объ уходѣ Серапіона добавлено: „и абіе отыде безъ благословенія". Эту замѣтку находимъ и въ житіи Серапіона, позднѣйшій списокъ котораго есть въ библіотекѣ Елеазаровскаго монастыря[2]). Непосредственно за упоминаніемъ о построеніи монастырей Саввою, Досиѳеемъ и Илларіономъ помѣщено краткое описаніе спора изъ-за сугубой аллилуіи. Приводимъ полностію это описаніе. „И посемъ бысть волненіе и пря велика въ градѣ о невѣдомой тайнѣ бжіа аллугіа: овѣмъ троящимъ, а инѣмъ двоящимъ; и абіе стый разгорѣся дхомъ и отъиде въ царствующій градъ на взысканіе недовѣдомѣй тайнѣ стго аллилугіа, въ доброе время, еще бо не обладану бывшу царствующему граду отъ поганаго царя бусурманина Турскаго, при блгчстивомъ цари Калянине и при стѣйшемъ патріярсе Іосифе; тамо стый въ соборней церкви и въ честныхъ мона-

[1]) Списки XVII в. есть въ рук. № 30 (А. а. 155), л. 101 об.—106, б-ки м. Макарія (См. Н. И. Петровъ, „Описан. рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. I, М. 1892 г., Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 160, стр. 60) и № CIX Общ. Люб. Др. Письм., л. 493—4. Лопаревъ Х., „Описаніе рукоп. Импер. Общ. Люб. Др. Письм.", Спб. 1893 г., ч. II, стр. 176.

[2]) „Богу попущающу, врагу же дѣйствующу, восхотѣ безъ благословенія старчя на друзѣмъ брезѣ рѣки Толвы устроити себѣ келліицу и особѣ жити" (л. 2-й).

стырехъ изобрѣтъ изъкомую тайну, о ней же трудся; писаніе преда стму патріярхъ, еже глаголати дважды стая аллугіа въ прославленіе Отцу и Сыну и стму Духу, и благословеніе пріимъ отъ патріярха стый и устави чинъ въ обители своей дважды глаголати бжственая аллугіа. И посемъ блаженый препрѣ Іева философа, зовомаго столпа, триженца суща, и его единомысленики о престѣй аллилугіи и тому бжій судъ прорекъ, еже и збысться во время свое надъ Іевомъ тѣмъ: живъ червьми въскипѣ" (л. 374 об.—375). Далѣе, послѣ краткаго упоминанія о чудесахъ, слѣдуютъ замѣтки о кончинѣ преподобнаго: „въ лѣто 6989, мѣсяца маія въ 15 день", о числѣ лѣтъ его жизни и о внѣшнемъ видѣ подвижника. Житіе оканчивается словами: „сѣдины украшена" (л. 375 об.). Помѣщенное на ряду со службою, это проложное житіе, вѣроятно, читалось на праздникѣ въ честь святаго.

Сопоставляя между собою разсмотрѣнныя нами три редакціи житія преподобнаго Евфросина со стороны ихъ содержанія и изложенія, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе общіе выводы. Во всѣхъ редакціяхъ главнымъ предметомъ содержанія служитъ сугубая аллилуія; но характеръ изложенія этого главнаго предмета не во всѣхъ редакціяхъ одинаковъ. Въ проложномъ житіи изложеніе носитъ чисто-повѣствовательный характеръ. Здѣсь въ краткихъ чертахъ, хотя и подробнѣе чѣмъ другіе вопросы, описано отношеніе преп. Евфросина къ вопросу о сугубой аллилуіи. Никакихъ отвлеченныхъ разсужденій о важности спорнаго предмета въ этомъ описаніи нѣтъ. Болѣе съ исторической стороны, чѣмъ съ полемико-догматической, разсматривается вопросъ о сугубой аллилуіи и во второй редакціи житія, пресвитеромъ Василіемъ. Въ обоихъ памятникахъ повѣсть о сугубой аллилуіи, занимая центральное мѣсто, не носитъ однако характера исключительно главнаго предмета. Обѣ редакціи преслѣдуютъ прежде всего назидательно-біографическія цѣли, и потому онѣ мало отличаются съ внѣшней своей стороны отъ другихъ древне-русскихъ житій. Сугубая аллилуія занимаетъ въ нихъ главное мѣсто только потому, что такое мѣсто она имѣла и въ самой жизни Евфросина. Но совершенно иное значеніе сугубая аллилуія имѣетъ въ первой редакціи житія. Здѣсь она является главнымъ предметомъ уже сама по себѣ, а не какъ лишь основной біографическій матеріалъ. Наоборотъ, біографія Евфросина въ трудѣ перваго списателя стоитъ въ зависимости отъ этой главной темы его разсказовъ и излагается лишь постольку и въ тѣхъ лишь чертахъ, поскольку она могла разъяснять собою главный предметъ работы списателя. Отсюда первая редакція не можетъ быть названа житіемъ въ общепринятомъ смыслѣ, такъ какъ не только по своему предмету, но и по самой формѣ она не соотвѣтствуетъ типу древне-русскихъ житій. Правильнѣе называть первую редакцію повѣстію о сугубой аллилуіи, какъ называетъ ее не одинъ разъ и самъ списатель.

По характеру изложенія главнаго предмета наиболѣе спокойнымъ, догматическимъ тономъ отличается проложное житіе. Въ немъ споръ изъ-за аллилуіи переданъ, какъ несомнѣнный историческій фактъ, не тре-

бующій никакихъ комментаріевъ. Это и понятно. Проложное житіе было составлено послѣ Стоглаваго собора, когда вопросъ о сугубой аллилуіи былъ уже окончательно разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Къ тому-же, въ виду церковнаго назначенія этого памятника помѣщеніе въ немъ замѣчаній полемическаго свойства представлялось и не совсѣмъ удобнымъ. Проложное житіе имѣетъ своими слушателями сторонниковъ Евфросина, почитателей его святой жизни и его, очень цѣнимаго въ то время, подвига изъ-за сугубой аллилуіи.

Другія цѣли и другихъ читателей имѣли въ виду составители пространныхъ редакцій. Для пресвитера Василія нужно было представить на соборное разсмотрѣніе такой трудъ, въ которомъ отцы собора нашли бы данныя для рѣшенія двухъ вопросовъ: объ установленіи общаго на Руси праздника въ честь мѣстно почитавшагося до тѣхъ поръ святаго (1549 г.) и о введеніи единообразнаго порядка въ возглашеніи аллилуіи, такъ какъ не во всѣхъ церквахъ аллилуія возглашалась по примѣру и обычаю этого святаго (1551 г.). Какъ указано уже въ началѣ нашей статьи о житіи преподобнаго, дѣло нужно представлять такъ, что вопросъ о двоеніи аллилуіи практически былъ разрѣшенъ еще раньше, до Стоглаваго собора. Число „многихъ“ приходскихъ и монастырскихъ церквей въ Псковѣ и Новгородѣ, въ которыхъ, по замѣчанію Стоглава, употреблялось троеніе, на самомъ дѣлѣ нужно считать не очень многимъ, по сравненію съ русскими храмами, гдѣ двоили аллилуію. Во всякомъ случаѣ въ пору составленія Василіемъ житія троегласники не представляли собою привилегированнаго класса по своему церковному или общественному положенію, и слѣдовательно не могли имѣть вліянія на окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса. Историческіе памятники этого времени показываютъ, что по взгляду представителей высшихъ классовъ русскаго общества, свѣтскаго и духовнаго, нужно было двоить аллилуію. Такъ, напримѣръ, сугубую аллилуію пѣлъ на смертномъ одрѣ великій князь Василій III. Очевидно онъ привыкъ слушать двоеніе и въ своей дворцовой церкви, и въ каѳедральномъ успенскомъ соборѣ. Василію не было, так. образомъ, нужды входить въ полемику съ остававшимися въ то время сторонниками троенія. Отсюда мы и видимъ, что, повторивъ большую часть полемическихъ выраженій своего предшественника, онъ ничего не добавилъ къ нимъ лично отъ себя. Въ своемъ изложеніи Василій держится историко-повѣствовательнаго тона, доказательствомъ чему можетъ служить изложеніе статьи: „о хожденіи святаго къ царствующему граду“, которая представляетъ собою перифразъ бесѣды объ этомъ самого Евфросина съ Филиппомъ и его спутникомъ. Сравнивая эти сходныя мѣста житія, мы видимъ, что въ статьѣ „о хожденіи“ дѣло представляется проще и можно даже сказать—не столь важнымъ, какъ въ изложеніи бесѣды, заимствованной Василіемъ у предшественника.

Опустилъ Василій и разсужденія догматическаго характера, помѣщенныя въ предисловіи первой редакціи. По условіямъ его работы, эти разсужденія не имѣли уже такой важности, какую придавалъ имъ первый

списатель. Но не преслѣдуя полемическихъ цѣлей въ своей работѣ, Василій не опускалъ однако изъ виду, что составляемое имъ житіе Евфросина будетъ имѣть для отцевъ Стоглаваго собора значеніе оправдательнаго документа къ оффиціальному признанію двоенія. Отсюда, переработывая литературный трудъ своего предшественника, онъ позаботился въ болѣе доказательной формѣ представить основанія, по которымъ Евфросинъ установилъ въ своемъ монастырѣ двоеніе. Какъ это онъ сдѣлалъ,—уже показано нами выше, при изложеніи особенностей второй редакціи по вопросу о времени посѣщенія Евфросиномъ Востока и о писаніи патріарха.

Совершенно въ иномъ тонѣ написана первая редакція житія, которую мы называемъ повѣстію о сугубой аллилуіи. Если проложная редакція имѣетъ своею цѣлію просто лишь воспроизвести во вниманіи слушателей-богомольцевъ знакомый имъ фактъ спора Евфросина изъ-за сугубой аллилуіи, редакція Василія—подробнѣе познакомить съ обстоятельствами этого факта, случившагося почти за сто лѣтъ тому назадъ, то первая редакція, имѣя въ виду читателей, хорошо знакомыхъ съ описываемыми событіями, почти очевидцевъ спора, преслѣдуетъ одну лишь цѣль: убѣдить ихъ въ исключительной правильности сугубой аллилуіи и такимъ образомъ отклонить отъ распространеннаго въ то время обычая троенія. Въ числѣ своихъ читателей авторъ повѣсти имѣлъ преимущественно лицъ несогласныхъ съ его взглядами, въ частности—псковичей. Отсюда у него очень часты обращенія: „благочестивіи мужи псковичи", „христолюбивый граде Пскове, земля свободная", „внемлите не творящіи" и т. п.[1]). Такъ какъ число этихъ „не творящихъ" въ то время было значительное и даже высшая церковная власть, въ лицѣ архіепископа Геннадія, останавливалась только на полупризнаніи двоенія, то и понятно, что полемическій тонъ повѣсти принимаетъ по мѣстамъ очень рѣзкій оттѣнокъ. Въ своемъ стремленіи убѣдить противниковъ списатель не останавливается и передъ грозными предостереженіями упорствующимъ не только лично отъ себя, но и отъ лица архангела и отъ Богоматери. „Аще ли не накажете себѣ тако отъ бгоизвещенныа сеа вещи (изрядною сею повѣстію), ту ж паче спаситеся сами прочее, да не когда и вы такова ж простражете, якож и онъ (Іовъ) иногда"... „Нужу ми творятъ, рече, троице бжственная аллугіа",—услышалъ „въ тонцѣ снѣ" списатель отъ явившейся будто бы ему Богоматери. Побуждавшій записать все сказанное Богородицею ангелъ въ отвѣтъ на недоумѣнія списателя: какъ же могли спастись и чудесами прославиться святые угодники, троившіе аллилуію,—яростно воззрѣвъ на него, замѣтилъ: „не вѣдый тайны сея, не судится ему; нынѣ же вѣды осужденъ будетъ отъ бга, и азъ немилостивъ и тяжекъ явлюся ему во исходе дша его"[2]). По своему изложенію первая редакція не походитъ на другія житія святыхъ, которыя писались въ нѣсколько возвышенномъ, но почти всегда въ объ-

[1]) Рук. № 306, л. 73 об., 20.
[2]) ib., л. 20 об., 101 об. и 106 об.

ективно-спокойномъ тонѣ, съ оттѣнкомъ назиданія, чуждаго однако полемическихъ угрозъ и „прещеній“.

Въ заключеніе обзора литературной исторіи житія Евфросина сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о внѣшней исторіи разсмотрѣнныхъ нами редакцій, о степени ихъ распространенности въ древне-русской письменности и о литературномъ значеніи каждой изъ нихъ.

Процессъ составленія житія преподобнаго Евфросина нужно представлять въ такомъ видѣ. До перваго списателя не было сдѣлано черновой работы, не было собрано матеріаловъ для составленія житія святаго. Въ пору составленія повѣсти о сугубой аллилуіи были слѣдующіе письменные матеріалы: монастырскій уставъ преп. Евфросина и духовное его завѣщаніе, переписка Евфросина съ архіеп. Евѳиміемъ и посланіе его къ духовенству псковскаго троицкаго собора. Возможно, что существовала и „епистолія Іова“, текста которой не привелъ первый списатель. О содержаніи этой „епистоліи“ можно отчасти судить по разсмотрѣннымъ письмамъ къ Аѳанасію—позднѣйшему стороннику двоенія. Кромѣ письменныхъ источниковъ авторъ „повѣсти“ воспользовался устными разсказами объ Евфросинѣ игум. Памфила и другихъ елеазаровскихъ монаховъ. Составленная имъ повѣсть извѣстна пока всего лишь въ одномъ спискѣ. Въ небольшомъ количествѣ списковъ извѣстно и проложное житіе. Наоборотъ, редакція Василія, составленная главнымъ образомъ на основаніи первой „повѣсти“, сохранилась въ такомъ значительномъ числѣ списковъ, въ какомъ мы не имѣемъ, кажется, ни одного памятника древне-русской письменности. По крайней мѣрѣ, въ каждомъ ученомъ книгохранилищѣ можно находить списки этой редакціи. Не трудно понять причину такой неравномѣрности въ количествѣ сохранившихся до нашего времени списковъ той или иной редакціи. Проложное житіе представляло собою памятникъ не литературный въ собственномъ смыслѣ, а церковно-богослужебный. Оно могло быть распространено лишь постольку, поскольку распространенъ былъ самый праздникъ въ честь Евфросина. Но историческія извѣстія даютъ основаніе заключить, что праздникъ этотъ въ XVI—XVII вв. не получилъ дли себя широкой распространенности. До собора 1549 года, внесшаго Евфросина въ число общепризнаваемыхъ русскихъ святыхъ, мѣстное почитаніе преподобнаго ограничивалось лишь его обителію, такъ какъ трудно допустить, чтобы псковское духовенство, придерживавшееся, по свидѣтельству Стоглава, троенія, особенно заботилось о распространеніи праздника защитнику двоенія. Но и позднѣе, послѣ канонизаціи 1549 года, праздникъ не сдѣлался обще-русскимъ. Изъ предложеннаго Іоанномъ IV-мъ отцамъ Стоглаваго собора вопроса: „да о псковскомъ чюдотворцѣ Евфросинѣ и о смоленскомъ Аврааміи уложити же, какъ имъ праздновати“, можно видѣть, что къ новому празднику не были подготовлены въ первой половинѣ XVI вѣка[1]). А что этотъ

---

[1]) Стоглавъ, по изд. Д. Е. Кожанчикова, Спб. 1863 г., гл. 41, вопр. 5, стр. 130.

аздникъ плохо распространялся и позднѣе, въ XVII вѣкѣ, можно заклю-ть изъ того, что въ уставахъ и минеяхъ московскихъ самый день мяти Евфросина опредѣлялся весьма не точно: 15, 17, 14 мая[1]). лѣе, во второй половинѣ XVII вѣка, послѣ соборнаго опредѣленія о губой аллилуіи, служба Евфросину,—а вмѣстѣ съ нею, значитъ, и тіе,—и совсѣмъ была исключена изъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ игъ. Такъ, напримѣръ, не положено службы по уставу 1682 года. Въ неѣ же 1691 года зачеркнута память преподобному и передъ службою мѣчено: „не быти сей службѣ“[2]). Наконецъ, и въ XVI, и въ XVII в.в. являлись люди, которые, „возвысясь высокоуміемъ своимъ“, не хотѣли же признавать Евфросина святымъ. Выше отмѣчено такое отношеніе стороны патріарха Никона. Въ описаніи 15 чуда Василій выводитъ сокоумнаго москвича—діакона Павла, который смущалъ елеазаровскую атію своими хульными словами: „не подобаетъ святымъ называти мужика, поклонятися ему“ (стр. 112). Такимъ образомъ, условія для распро-раненія проложнаго житія были не очень благопріятны.

О литературномъ значеніи памятниковъ подобнаго рода не можетъ ть и рѣчи. Сокращенія дѣлались по одобреннымъ уже пространнымъ тіямъ, и форма проложныхъ житій въ большинствѣ случаевъ была инаковая.

О степени распространенности первой редакціи, т. е. повѣсти о губой аллилуіи, нельзя сказать чего-либо положительнаго. Въ виду тереса къ вопросу о сугубой аллилуіи въ нач. XVI вѣка нужно думать, о она читалась и переписывалась. Возможно, что въ книгохранилищахъ арообрядцевъ, отъ одного изъ которыхъ пріобрѣтена повѣсть Ундоль-имъ, находятся и другіе экземпляры этого памятника. Но особой рас-остраненности „повѣсть“ не могла получить, въ виду небольшого про-жутка времени отъ ея написанія до переработки ея Василіемъ. Новая дакція житія могла болѣе удовлетворить читателей. По своей формѣ а ближе подходила къ общему типу древне-русскихъ житій и потому гла представлять собою литературный памятникъ, съ тогдашней точки ѣнія, вполнѣ достойный памяти новоканонизованнаго святаго. Затѣмъ, хранивъ въ своемъ содержаніи трактатъ первой редакціи о сугубой лилуіи и даже дополнивъ ея аргументацію, сочиненіе Василія вполнѣ овлетворяло читателя и съ этой стороны; оно давало разъясненіе на доумѣнный вопросъ, такъ долго тревожившій благочестивые умы книж-ихъ людей того времени. Послѣ соборнаго одобренія житія Василія трудъ о предшественника совершенно вышелъ изъ употребленія, такъ что въ VII вѣкѣ о немъ вовсе не имѣли свѣдѣній. Распространенность списковъ

[1]) Мансветовъ, Церковный уставъ (типикъ), М. 1863 г., стр. 439; въ уставѣ рковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ москов. усп. соборѣ, около 1634 г.: 17 день Евфросину псковскому, благовѣстъ въ лебедь, трезвонъ средней“. . ист. б., т. III, стр. 78.

[2]) Мансветовъ, ib.

житія Василія можетъ служить доказательствомъ интереса къ его труду среди русскихъ читателей XVI—XVII в.в. Одинъ изъ памятниковъ агіобіографической литературы XVI в. свидѣтельствуетъ, что пресвитеръ Василій своимъ житіемъ Евфросина пріобрѣлъ даже себѣ и нѣкоторый литературный авторитетъ: у него находили возможнымъ кое-чему поучиться другіе списатели житій. Такъ, напримѣръ, составитель житія кн. Іоасафа Каменскаго предисловіе и похвальное слово святому буквально выписалъ изъ житія Евфросина, не выпустивъ даже словъ о Столпѣ философѣ, посрамленномъ Евфросиномъ [1]). Приведенный фактъ свидѣтельствуетъ, что литературный трудъ Василія, получившій столь строгую оцѣнку со стороны ученыхъ изслѣдователей въ XIX в., по взгляду современниковъ списателя представлялся, наоборотъ, трудомъ очень почтеннымъ, заслуживавшимъ полнаго довѣрія и вниманія не только со стороны своего содержанія—какъ памятникъ историческій, но и со стороны изложенія, какъ литературный памятникъ, пригодный въ качествѣ руководства и пособія и для другихъ списателей древне-русскихъ житій святыхъ.—Переходимъ теперь къ другому памятнику мѣстной агіобіографіи—житію преподобнаго Саввы Крыпецкаго.

Житіе преп. Саввы Крыпецкаго сохранилось въ трехъ редакціяхъ, изъ которыхъ первыя двѣ относятся къ XVI вѣку, послѣдняя—къ XVII в. Болѣе пространная редакція помѣщена въ рукописи Московской Синодальной библіотеки, № 633, XVI в., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сказаніе о житіи и чюдесехъ и о приходѣ въ приснословущій градъ Псковъ преподобнаго отца нашего Савы пустынножителя, составльшаго лавру пречестну во имя Иванна Богослова (въ) пустыни, глаголемѣй Крыпецъ". Въ рукописи оно занимаетъ л. 15 об.—95. Предшествующіе листы заняты службой этому святому.

По своему содержанію житіе распадается: на предисловіе (л. 15 об.—22), біографію и описаніе обрѣтенія мощей (л. 22 об.—45), описаніе чудесъ (л. 45—86) и похвалу святому (л. 87—95). Въ такомъ же порядкѣ статей списокъ этой редакціи помѣщенъ и въ рукописи XVII в. А. М. И. Д., № 676/1188, л. 23—124.

Въ предисловіи, представляющемъ собою какъ бы историческое введеніе къ труду, авторъ кратко излагаетъ исторію распространенія христіанской вѣры вообще и просвѣщенія ею Руси въ частности. Сказавши о вознесеніи Спасителя и о проповѣди апостоловъ (л. 15 об.—16), онъ подробнѣе говоритъ затѣмъ о проповѣди апостола Андрея на Руси и приводитъ здѣсь мѣстную легенду о посѣщеніи апостоломъ села Грузина (л. 16 об.—17). Наконецъ, упомянувъ о русскихъ равноапостолахъ, Вла-

---

[1]) См. объ этомъ у В. О. Ключевскаго, Др. рус. ж. св., стр. 275. Вліяніе Василія отразилось, повидимому, и на біографѣ Симона Воломскаго, о чемъ см. тамъ же, стр. 344, и въ „Библ. словарѣ" Строева, стр. 344.

димірѣ и Ольгѣ, переходитъ къ ближайшимъ по времени событіямъ, въ которыхъ выразилось торжество христіанской вѣры на Руси, именно: къ побѣдѣ, одержанной великимъ княземъ Іоанномъ IV надъ татарами, и къ церковной дѣятельности митрополита Макарія. О личности этого „чуднаго пастыря", равно какъ и о его дѣятельности, въ житіи дается прекрасный отзывъ (л. 18 об.—20). Заключеніемъ къ этому введенію служитъ характеристика религіознаго состоянія Руси XVI в., въ которой списатель житія высказываетъ мысли, совершенно сходныя съ мыслями тогдашняго елеазаровскаго инока-публициста Филоѳея. „Яко нѣкое свѣтило,—говоритъ онъ,—сіяетъ на свѣщницѣ руская земля православіемъ и вѣрою правою и ученіемъ божественныхъ апостолъ писаніе (sic!) по всей вселенней, яко ж вторый и великій Римъ и царствующій градъ, тамо бо вѣра православная испрокazися махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ" (л. 20 об.). Слѣдующее за этимъ житіе, переходомъ къ которому служатъ обычныя въ древне-русскихъ житіяхъ замѣчанія списателя о своихъ недостоинствахъ, а также о побужденіяхъ и обстоятельствахъ составленія житія,—раздѣляется на шесть отдѣльныхъ статей; изъ нихъ первыя пять касаются событій, современныхъ жизни подвижника, послѣдняя—описываетъ открытіе его мощей. Чудеса и похвала представляютъ собою отдѣльныя части, написанныя, какъ укажемъ ниже, не одновременно съ первою половиною житія.

Вопросы о личности списателя житія, мѣстѣ и времени составленія имъ этого труда разъяснены въ самомъ житіи. Вопросъ объ источникахъ, изъ которыхъ черпалъ свои извѣстія списатель, въ своемъ разрѣшеніи не представляетъ тѣхъ трудностей, съ которыми приходится имѣть дѣло изслѣдователю при изученіи житія преп. Евфросина.

Житіе преп. Саввы написано тѣмъ же пресвитеромъ Василіемъ, которому принадлежитъ составленіе второй редакціи житія Евфросина и житій другихъ псковскихъ святыхъ. Списатель говоритъ о себѣ очень часто, называя себя недостойнымъ, многогрѣшнымъ пресвитеромъ Василіемъ [1]). Время написанія житія указано въ предисловіи: „сице въ лѣто 7063 (1555), индикта въ 13-й день, составлено бысть сказаніе сіе о житіи и о чюдесехъ....., при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, митрополитѣ Макаріи и архіепископѣ Пименѣ Новгородскомъ" (л. 19 об.). Эта хронологическая замѣтка можетъ быть отнесена, впрочемъ, не ко всему содержанію житія, такъ какъ изъ описанія чудесъ мы узнаемъ, что списатель продолжалъ свою работу и позднѣе, въ 1557 г. (л. 68 об.), 1559, 1560 (л. 75) и даже въ 1564 г. (л. 72 об.). Описаніе чудесъ, бывшихъ до 1555 года, оканчивается 12-мъ (л. 67). Къ этому году должно отнести и написаніе похвалы, въ которой нѣтъ упоминанія о позднѣйшихъ чудесахъ.

Мѣстомъ написанія житія былъ Крыпецкій монастырь. Изъ описанія позднѣйшихъ чудесъ, которыя авторъ называетъ „новѣйшими", мы даже

---

[1]) Въ предисловіи (л. 20 об.—21), въ описаніи обрѣтенія мощей (л. 44 об.), чуда 10-го (л. 62) и раньше, въ поученіи преподобнаго къ братіи (л. 31 об.).

узнаемъ, что въ концѣ своей писательской дѣятельности Василій становится монахомъ Крыпецкаго монастыря—Варлаамомъ. Первое чудо, написанное имъ уже въ монашескомъ санѣ, относится къ 1559 году (л. 79).

Ближайшимъ поводомъ къ написанію житія послужило открытіе мощей преп. Саввы, бывшее въ 1554 году.

Относительно источниковъ для составленія житія преп. Саввы Василій стоялъ въ худшихъ сравнительно условіяхъ, чѣмъ при написаніи житія Евфросина: литературнаго предшественника у него здѣсь не было. Какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи, онъ писалъ по порученію игумена Іосифа и крыпецкихъ старцевъ: Мисаила, Іоны, Варлаама, Даніила, Александра и другихъ. По мнѣнію проф. В. О. Ключевскаго, у Василія могли быть и письменные матеріалы: акты о пріобрѣтеніи селъ монастыремъ и о введеніи въ немъ общежитія при жизни Саввы (Древ.-рус. жит. св., стр. 259). Несомнѣнно только одно, что біографъ зналъ о „крѣпости", данной преподобному псковскимъ княземъ Ярославомъ и псковичами на вѣчѣ въ 6995—1487 г., которая могла сохраниться въ монастырѣ; но и ея содержанія онъ не излагаетъ (л. 36 и об.).

Главнымъ источникомъ послужили такимъ образомъ монастырскія преданія, съ которыми познакомили Василія упомянутые выше старцы. Ни одинъ изъ нихъ не былъ современникомъ преп. Саввы, вслѣдствіе чего ихъ воспоминанія и свѣдѣнія о жизни преподобнаго не отличались свѣжестію и точностію. Василій не могъ найти въ монастырѣ точныхъ свѣдѣній ни о родинѣ преподобнаго, ни о событіяхъ изъ его первоначальной жизни, до пришествія въ Псковъ, какъ говоритъ онъ: „прехожденія ради многихъ лѣтъ" (л. 22). Разнорѣчивыя преданія сходились лишь въ одномъ, что Савва былъ не псковичъ, а пришелъ сюда „изъ тождихъ странъ". Этотъ недостатокъ свѣдѣній не смутилъ, однако, списателя, пріобрѣвшаго уже значительный писательскій навыкъ въ составленіи житій Евфросина и Всеволода. Какъ и въ житіи Евфросина, онъ пополнилъ недостатокъ біографическихъ данныхъ риторическими разсужденіями о происхожденіи Саввы изъ горняго Іерусалима, сравненіемъ его съ Авраамомъ (л. 22 и об.), и только уже въ похвалѣ упомянулъ, что „нѣцыи глаголютъ, яко отъ Сербскія земли, а инѣмъ глаголющимъ, яко отъ Святыя Горы пріиде въ приснословущій и великій градъ Псковъ" (л. 92 об.—93). Но и здѣсь, въ цѣляхъ той же риторической красоты, онъ опустилъ другое, существовавшее въ то время, преданіе о происхожденіи Саввы изъ Литвы, вѣроятнѣе, кажется, и проще разрѣшающее вопросъ объ его родинѣ. Не нашелъ въ монастырѣ списатель указаній и относительно другихъ событій изъ жизни преподобнаго по приходѣ его въ Псковъ и ограничился лишь краткими замѣчаніями о жизни Саввы въ Снѣтогорскомъ и Елеазаровскомъ монастыряхъ. Въ монастырѣ не сохранилось даже свѣдѣній о времени возникновенія Крыпецкаго монастыря и о мѣстѣ, на которомъ былъ погребенъ основатель обители. Вообще монастырскія воспоминанія были очень скудны. Лучше представленъ въ житіи характеръ подвижника и въ частности, какъ отличительная его черта,—учительно

благодаря которой онъ и пріобрѣлъ большое вліяніе не только среди своихъ иноковъ, но и въ средѣ псковскаго общества. Цѣнною является также характеристика отношеній общества къ учительному подвижнику. Что же касается статьи, излагающей самое содержаніе поученій преподобнаго, то, конечно, въ значительной степени она могла быть и сочиненною. По крайней мѣрѣ, содержаніе поученій Саввы къ приходившимъ къ нему вельможамъ и простымъ людямъ, равно какъ и вся первая половина главы изъ житія: „о пришествіи во внутреннюю пустыню", какъ можно видѣть изъ прилагаемыхъ ниже параллельныхъ выписокъ, почти во всей полнотѣ заимствованы изъ Пахоміевскаго житія преп. Варлаама Хутынскаго (если только оба автора не пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ).

Очень обстоятельно и полно описано авторомъ обрѣтеніе мощей преподобнаго. Въ этомъ случаѣ онъ писалъ хотя и не какъ очевидецъ, но на основаніи разсказовъ очевидцевъ и участниковъ этого торжественнаго событія въ монастырской жизни. „Сіе-жъ ми явленіе,—говоритъ онъ послѣ описанія явленія Саввы иноку Исаіи,—повѣда списателю[1]) самъ той священноинокъ Исаія подробну... Тако же повѣдаша и иніи отъ братіи обители святаго объ обрѣтеніи честныхъ мощей и понудиша мя писанію предати" (л. 43 об.—44). Въ концѣ описанія онъ опять говоритъ: „слышахъ отъ неложныхъ свидѣтелей" (л. 44).

На основаніи тѣхъ же разсказовъ „неложныхъ свидѣтелей" и очевидцевъ составлено и описаніе чудесъ, изъ которыхъ первыя двѣнадцать были до открытія мощей. Лица, отъ которыхъ получалъ свѣдѣнія о чудесахъ Василій,—какъ, напр., старцы Мисаилъ, Даніилъ и Іона,—иногда были непосредственными свидѣтелями чудесъ. Этимъ и объясняется точность въ опредѣленіи лицъ, мѣста и времени совершенія чудесъ. Судя по замѣчаніямъ Василія, чудеса до него не были записаны въ монастырѣ; во всѣхъ случаяхъ онъ говоритъ, что запись сдѣлана со словъ монастырской братіи. Такъ, въ заключеніи описанія 3-го чуда читаемъ: „и мнѣ жъ списателю вси сущіи братія святаго обители повѣдаху со свѣдѣтелствомъ о семъ чюдеси, азъ же многогрѣшный грубый, слышавъ отъ нихъ, и написахъ, яко незабвенна будетъ блаженнаго отца чудеса" (л. 50 об.—51). Иногда, впрочемъ, между разсказами о совершившемся чудѣ и записью проходилъ нѣкоторый промежутокъ времени, такъ что въ описаніи авторъ говоритъ

---

[1]) Такъ читаемъ въ рук. А. М. И. Д., л. 57; въ Милют. мин., № 808, л. 1173—„списателѧ". Въ рук. № 633 ошибочно написано: „списатель". Отдѣльно это сказаніе помѣщено въ рук. № 66, л. 233, м. Макарія (Ист. рус. ц., т. VII, изд. 2, стр. 442—443; Петровъ, Опис. рук. собр., наход. въ г. Кіевѣ, л. 73, № 32 (Аа. 170), XVII в., л. 485—490), и въ рукоп. сборникѣ службъ 817, л. 190 об.—194 об., б-ки Архива св. Син. „Описаніе рукописей хранящихся въ Архивѣ св. Синода", т. I, Спб. 1904 г., стр. 353. Здѣсь, какъ въ рук. № 633, написано: „повѣда списатель самъ той священноинокъ Исаія" (л. 194).

о лицахъ, передававшихъ ему про событія, какъ уже объ умершихъ. Такая, напр., замѣтка въ концѣ описанія 10-го чуда, надъ Иваномъ Дойнею: „азъ же многогрѣшный, умиленый прозвитеръ Василій, списатель житія и чюдесъ святаго старца Савы, і сіе чудо написахъ въ похвалу и въ честь святому отцу, иже слышахъ отъ игумена Антонія и старца Іоны, и повелено бысть ми сіе чудо написати, еще бо сей игуменъ Антоней и старецъ Іона въ то время въ жизни сей и съ нами водворяютца въ тое же обители, идѣже чудотворныя мощи лежатъ отца Савы, при паствѣ чудного старца и игумена Феоктиста, въ лѣто 7063, мѣсяца іюля въ 28-й день" (л. 62).

Особый интересъ представляютъ собою описанія послѣднихъ двухъ чудесъ, 18-го и 19-го, такъ какъ авторъ былъ, повидимому, очевидцемъ ихъ. Здѣсь онъ говоритъ о себѣ уже, какъ объ инокѣ Крыпецкаго монастыря, и дѣлаетъ маленькую замѣтку о предшествующей своей списательской дѣятельности, передаетъ, что раньше: „еще ми въ то время бѣлыя ризы носящу и въ мірѣ живущу", онъ сподобился „и житія святыхъ тѣхъ (Саввы и Всеволода) и чудодѣйствія ихъ и канонъ написати Саввинъ". Впрочемъ, и это 19-е чудо, съ автобіографическими замѣтками, Василій, какъ и предыдущія чудеса, описываетъ главнымъ образомъ со словъ другихъ: „понужену бывшу отъ самого того діакона Мисаила, елико слышахъ отъ неложныхъ его устъ со свидѣтельствомъ и иныхъ человѣкъ, елико ми Богъ поможетъ" (л. 80).

Совершенно самостоятельнымъ является описаніе 18-го чуда, надъ княземъ Даніиломъ. Въ противоположность предшествующимъ описаніямъ инокъ Варлаамъ дѣлаетъ здѣсь предисловіе, занимающее въ рукописи 8 строкъ, слѣдующаго содержанія: „Божія благодѣянія всегда поминати намъ доволно достоитъ.., творимыя чюдотворцемъ Савою, спосникомъ преподобнаго отца и чюдотворца Евфросина..." Изъ замѣчанія въ концѣ описанія узнаемъ, что разсказъ исцѣленнаго слышалъ самъ Варлаамъ; по крайней мѣрѣ, онъ не ссылается здѣсь на другихъ свидѣтелей. „Сіе ж чюдо,— говоритъ онъ,—самъ той благовѣрный князь Даніилъ умиленне повѣда яже о себѣ со истиною, мнѣ жъ худому во всѣхъ соборехъ иноческихъ списателю, священноиноку Варлааму, и сіе чудо написавшу мнѣ на похвалу чюдотворцу" (л. 74 об.) [1]).

Дальнѣйшія три чуда, помѣщенныя въ рукописи на л. 80 об.—87, записаны уже послѣ Василія. Изъ нихъ 20-е, надъ Германомъ священникомъ, по началу описанія даетъ возможность предположить, что запись чуда произведена самимъ псковскимъ владыкою Геннадіемъ со словъ исцѣленнаго, или, по крайней мѣрѣ, что это чудо самимъ имъ свидѣтельствовано. „Повѣда мнѣ, многогрѣшному священноепископу Генадію священноинокъ Германъ, постриженикъ Савины пустыни на Многи реки псковскія области" (л. 80 об.).

Послѣднее—22-е чудо относится уже къ 1598 году.

---

[1]) Въ началѣ описанія 19-го чуда повторены характеристики Іоанна Грознаго и митрополита Макарія, помѣщенныя выше, въ предисловіи къ житію

этой разницы, но даже не назвалъ и рукописнаго списка, которымъ онъ пользовался при сравненіи двухъ текстовъ.

Оригинала, о которомъ говорится въ первомъ печатномъ изданіи памятника, въ настоящее время нѣтъ въ библіотекѣ Никандровой пустыни; не сохранилось здѣсь даже и извѣстій, къ какому времени относится его утрата[1]). Для разъясненія послѣдняго болѣе точная ссылка на рукописный списокъ въ сочиненіи м. Евгенія имѣла бы свой интересъ и значеніе, такъ какъ преосвященный въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ видно изъ его замѣчаній о житіи и о монастырскомъ уставѣ препод. Евфросина, обычно пользовался списками мѣстныхъ монастырскихъ библіотекъ. Такимъ образомъ, сравнить печатный текстъ житія препод. Никандра съ текстомъ его первоисточника въ настоящее время не представляется возможнымъ; приходится ограничиться лишь другими сохранившимися рукописными списками этого памятника. Такихъ списковъ извѣстно четыре: № 620 Москов. Синод. б-ки, № 212—145 А. М. И. Д., № 8 библіотеки Императ. Археогр. Коммиссіи и поморскій сборникъ библіотеки проф. В. О. Ключевскаго. По первому и послѣднему спискамъ такое сравнительное изслѣдованіе изучаемаго нами памятника уже произведено проф. Ключевскимъ, въ его сочиненіи: „Древне-русскія житія святыхъ", стр. 331—332, гдѣ представлены слѣдующіе краткіе выводы и замѣчанія.

По сравненію съ печатнымъ изданіемъ, рукописный списокъ представляетъ собою болѣе простую и болѣе древнюю редакцію житія преподобнаго, составленную еще въ первой половинѣ XVII в. Лица, производившія освидѣтельствованіе мощей препод. Никандра, не составляли вновь житія, а лишь передѣлали прежде написанную біографію. Уже въ 1684 году одно изъ чудесъ было вписано въ готовую книгу житія и чудесъ Никандра,

[1]) Рукописное житіе преп. Никандра хранилось въ монастырѣ въ первой половинѣ XVIII в. Въ Архивѣ свят. Синода, подъ № 330, отъ 1735 г., имѣется интересное дѣло по поводу суевѣрнаго отношенія посѣтителей м-ря къ камню, служившему при жизни преподобнаго возглавіемъ ему для отдыха. Въ этомъ почитаніи камня архіеп. Ѳеофанъ Прокоповичъ усмотрѣлъ одно „безпутное суевѣріе" и, по разслѣдованіи дѣла, отослалъ камень въ Синодъ, съ слѣдующимъ предложеніемъ: „дабы впредь не было какого простому народу соблазна, бросить камень въ воду или положить впредь на память того бывшаго суевѣрія при Синодальной канцеляріи на публичномъ мѣстѣ". 9 апрѣля 1736 г. Синодъ постановилъ: „означенный камень, во время присутствія въ св. Синодѣ архіеп. Ѳеофана, среди Невы рѣки бросить въ воду". Но постановленіе это не было приведено въ исполненіе: камень хранится въ залѣ Синод. Архива, въ витринѣ подъ № XVII. Въ дѣлѣ читаемъ, что вмѣстѣ съ камнемъ Ѳеофану была выслана изъ монастыря: „книжица въ переплетѣ кожаномъ въ полдесть, писанная гладью, въ коей служба и житіе да чюдеса онаго Никандра чюдотворца объявлены". Не видно изъ дѣла, была ли возвращена въ монастырь эта „книжица" съ житіемъ или нѣтъ. (Подробности содержанія этого акта см. въ нашей статьѣ: „Къ исторіи борьбы съ народными суевѣріями въ XVIII в.", Пск. Еп. Вѣд. 1905 г., № 24.)

Въ близкой связи съ разсмотрѣннымъ нами сочиненіемъ Василія стоятъ остальныя двѣ редакціи житія преп. Саввы, именно: житіе, помѣщенное въ Милютинскихъ минеяхъ, № 808, Синодальной библіотеки, и проложное житіе—въ рукописи Румянцевскаго музея № 397.

Первая редакція не представляетъ собою особаго научнаго интереса; она не что иное, какъ сокращеніе житія Василія. Въ рукописи она занимаетъ л. 1141—1220. Послѣдній листъ содержитъ въ себѣ краткую приписку, сдѣланную позднѣйшимъ почеркомъ, въ которой перечислены три послѣднихъ чуда, записанныхъ уже послѣ Василія. Ихъ текста нѣтъ въ этой редакціи. Въ концѣ замѣтка: „обрѣтеніе же честныхъ мощей преподобнаго Савы празднуется мѣсяца апрѣля въ 22 день“. Редакторъ поставилъ, повидимому, своею цѣлью сократить текстъ Василія въ тѣхъ случаяхъ, когда описанія его не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ біографіи святаго. Такъ, здѣсь мы не находимъ, прежде всего, предисловія Василія: житіе прямо начинается статьею о пришествіи преподобнаго въ Псковъ. Въ тѣхъ же видахъ исключены предисловіе Василія къ описанію 18-го чуда и автобіографическая замѣтка списателя въ концѣ этого описанія. Нѣтъ, наконецъ, и похвалы святому. Что же касается отдѣльныхъ выраженій, то въ этомъ отношеніи какихъ-нибудь поправокъ не замѣтно.

Мы остановились на милютинской редакціи главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, что пріемы, допущенные здѣсь, нашли для себя подражаніе и широкое примѣненіе со стороны издателей житія преп. Саввы въ прошедшемъ столѣтіи. Житіе это неоднократно переиздавалось въ „повѣсти о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго монастыря“ [1]). Въ печатномъ изданіи сокращеніе произведено въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Милютинскихъ минеяхъ. Здѣсь нѣтъ не только указанныхъ выше предисловій Василія и похвалы, но почему-то исключены всѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о себѣ, и большинство сдѣланныхъ имъ хронологическихъ опредѣленій въ описаніи чудесъ. Произвольно затѣмъ сдѣлано внѣшнее расположеніе матеріала, не соотвѣтствующее рукописному, со вставками отдѣльныхъ выраженій для установленія внѣшней связи. Главный же недостатокъ изданія составляетъ излишняя замѣна старинныхъ словъ текста новѣйшими выраженіями, иногда не только неудачными, но и измѣняющими первоначальный смыслъ текста. Такъ, въ поученіи преп. Саввы: „и вси блудники и любодеи, и прелюбы творящіи, и мужеложници не узрятъ Господа“,—подчеркнутое выраженіе замѣнено словами: „и многимъ женидбамъ прилѣпляющіися“ [2]).

Въ опредѣленіи времени открытія мощей вмѣсто хронологической даты Василія: 7062 г. (1554), поставлена другая: 1547 г., августа перваго—вмѣсто 30-го [3]), но годъ кончины святаго оставленъ безъ измѣненія—

---

[1]) По изданію 1831 г., л. 45—66, по изданію 1849 г., л. 107—158.

[2]) Рук. Син. б-ки, № 633, л. 27. Милют. мин., № 880, л. 1147 об., ср. Повѣсть о началѣ Печер. мон., 1831 г., М., л. 47.

[3]) Въ послѣднемъ случаѣ издателемъ, очевидно, принята буква л̃ за а̃.

1495, и такимъ образомъ не подходитъ къ этой датѣ общее число 60-ти лѣтъ, прошедшихъ со дня кончины до открытія мощей.

Печатное изданіе если и имѣетъ свою цѣну для изслѣдователя, то лишь настолько, насколько оно облегчаетъ и ускоряетъ его работу надъ сличеніемъ рукописныхъ редакцій.

Бо́льшій интересъ и значеніе, по сравненію съ милютинскою редакціею и печатнымъ изданіемъ, имѣетъ краткое проложное житіе, въ указанной выше рукописи Румянцевскаго музея, № 397, гдѣ оно занимаетъ собою всего лишь три листа, въ два столбца (л. 383 об.—385 об.). Заглавіе его такое: „Мѣсяца августа въ 28-й день. Память преподобнаго отца нашего Савы пустынножителя, новаго чудотворца псковскаго". По мнѣнію Востокова, это проложное житіе представляетъ собою сокращеніе житія Василія (Опис. рук. Румян. муз., стр. 601). Изъ ближайшаго сравненія двухъ редакцій узнаемъ, что передѣлка эта произведена въ XVI вѣкѣ, быть можетъ очень скоро послѣ появленія житія Василія, одновременно съ установленіемъ церковнаго праздника въ честь Саввы. Но она произведена не самимъ Василіемъ. Сходясь въ общемъ съ своимъ источникомъ, эта новая редакція представляетъ и нѣкоторыя отступленія отъ него. Такъ, вносится добавленіе о мѣстѣ родины преп. Саввы, имѣющее свое значеніе. „Слышахъ отъ нѣкихъ человѣкъ,—читаемъ на л. 384,—въ повѣстехъ обносимо бѣяше о семъ блаженнѣмъ Савѣ. Ови глаголють, яко отъ Сербъскія земли емоу пришедшоу или отъ Стыа Горы, а инѣмъ глаголющимъ, яко Литовская страна породи и въспита того". Источникъ этого новаго извѣстія сходенъ, разумѣется, съ источникомъ предыдущихъ указаній,—это отголосокъ болѣе ранняго преданія, не забытаго еще и въ пору составленія проложнаго житія. Его значеніе подробнѣе мы опредѣлимъ при другомъ случаѣ.

Разницу наблюдаемъ, затѣмъ, и въ опредѣленіи времени кончины преподобнаго. Вмѣсто 7003 г., августа 30-го дня, здѣсь читаемъ: „душю свою мирно Господеви предасть въ лѣто ѕц девят-десят-осмаго, мѣсяца августа въ л҃". Открытіе мощей святаго, по указанію этой редакціи („по преставленіи св. отца Савы минувшимъ оубо шесть-десятымъ лѣтомъ", л. 385), нужно, значитъ, отнести къ 1550—1 гг. Трудно сказать, что это—случайная хронологическая ошибка или намѣренная поправка, сдѣлать которую у редактора были основанія. Болѣе вѣроятнымъ представляется намъ первое объясненіе, такъ какъ Василій, несомнѣнно, могъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ этотъ новый редакторъ, и его дата находитъ для себя подтвержденіе въ псковской лѣтописи. Въ послѣдней освященіе новой церкви, съ началомъ работъ для созданія которой связано, по житію, открытіе мощей святаго, относится къ 1557 году [1]).

---

[1]) Пол. соб. рус. лѣт., т. IV, стр. 309, 7065 г. „Того же лѣта совершена бысть церковь въ Крыпецкомъ монастырѣ святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова каменая, игуменомъ Ѳеоктистомъ".

о нападеніи на преподобнаго волковъ (л. 111 об.—112), о приходѣ къ его келіи огромнаго медвѣдя (л. 120 об.) и мн. др. Также подробно характеризуетъ біографъ и жизнь святаго въ пустынѣ, а равно отношенія пустынника къ окрестнымъ жителямъ.

Подробности разсказовъ соотвѣтствуетъ и живость изложенія—черта не совсѣмъ обычная въ памятникахъ древне-русской агіографіи. Многіе факты такъ живо и наглядно переданы біографомъ, что не оставляютъ сомнѣнія въ достоинствѣ источниковъ, на основаніи которыхъ произведена списателемъ житія его работа. Для примѣра слѣдуетъ лишь прочитать хотя бы такое мѣсто изъ описанія бесѣды преподобнаго съ нѣкіимъ Симеономъ. „Преподобный же пророчески глагола ему, прозря его смерть—Симеона: „время ти сокращается, покайся!“ И вземъ преподобный ножницы и даде ему: „пойди въ монастырь, Симеоне, вонь же тя Господь наставитъ и постризися ножницами сими, уже бо приближися конецъ житію твоему“ (л. 121 об.).

Особенностью разсматриваемаго памятника является, наконецъ, сравнительная точность помѣщенныхъ въ немъ разсказовъ, какъ результатъ похвальнаго со стороны списателя стремленія хронологически опредѣлить описываемыя имъ событія. Правда, стремленіе это не всегда имѣло благіе результаты; но въ неточностяхъ и хронологическихъ ошибкахъ былъ виноватъ не самъ списатель, а источники, которыми онъ пользовался и которыхъ онъ не имѣлъ уже возможности какъ-нибудь провѣрить. Біографъ не могъ, напр., назвать имени діакона, у котораго учился преподобный, такъ какъ „диякона же сего имене писаніе не повѣда многихъ ради лѣтъ“ (л. 94 об.). Не называетъ онъ и имени крыпецкаго игумена, при которомъ постригся и жилъ въ монастырѣ преподобный. Весьма неудачны у него опредѣленія количества лѣтъ, проведенныхъ преподобнымъ въ пустынѣ. Что и здѣсь онъ старался быть точнымъ, это видно уже изъ самыхъ подробностей въ его хронологическихъ опредѣленіяхъ: указываются не только годы, но и мѣсяцы проведенной преподобнымъ жизни въ пустынѣ за тотъ или другой ея періодъ. Причиною ошибокъ былъ лишь недостатокъ указаній, которыми могъ воспользоваться въ данномъ случаѣ біографъ, такъ какъ о количествѣ лѣтъ, прожитыхъ Никандромъ въ пустынѣ, не знали даже и очевидцы святаго. На вопросъ одного изъ нихъ: „отче преподобне! колико ты живеши лѣтъ въ пустыни сей?“—преподобный отвѣтилъ: „о лѣтѣхъ же нѣсть твое пытати, токмо Богъ единъ вѣсть“ (л. 115).

Передъ разсказами о принятіи преподобнымъ схимы и о кончинѣ его помѣщены описанія трехъ чудесъ, совершенныхъ святымъ при жизни, въ своемъ содержаніи заключающія интересныя данныя для характеристики отношеній преподобнаго къ его посѣтителямъ. Источникъ этихъ описаній укажемъ ниже.

Біографическая часть разсматриваемаго памятника оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ святому, которое по своему изложенію представляетъ собою нѣчто въ родѣ похвалы святому, не выдѣленной лич-

этой разницы, но даже не назвалъ и рукописнаго списка, которымъ онъ пользовался при сравненіи двухъ текстовъ.

Оригинала, о которомъ говорится въ первомъ печатномъ изданіи памятника, въ настоящее время нѣтъ въ библіотекѣ Никандровой пустыни; не сохранилось здѣсь даже и извѣстій, къ какому времени относится его утрата[1]). Для разъясненія послѣдняго болѣе точная ссылка на рукописный списокъ въ сочиненіи м. Евгенія имѣла бы свой интересъ и значеніе, такъ какъ преосвященный въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ видно изъ его замѣчаній о житіи и о монастырскомъ уставѣ препод. Евфросина, обычно пользовался списками мѣстныхъ монастырскихъ библіотекъ. Такимъ образомъ, сравнить печатный текстъ житія препод. Никандра съ текстомъ его первоисточника въ настоящее время не представляется возможнымъ; приходится ограничиться лишь другими сохранившимися рукописными списками этого памятника. Такихъ списковъ извѣстно четыре: № 620 Москов. Синод. б-ки, № 212—145 А. М. И. Д., № 8 библіотеки Императ. Археогр. Коммиссіи и поморскій сборникъ библіотеки проф. В. О. Ключевскаго. По первому и послѣднему спискамъ такое сравнительное изслѣдованіе изучаемаго нами памятника уже произведено проф. Ключевскимъ, въ его сочиненіи: „Древне-русскія житія святыхъ“, стр. 331—332, гдѣ представлены слѣдующіе краткіе выводы и замѣчанія.

По сравненію съ печатнымъ изданіемъ, рукописный списокъ представляетъ собою болѣе простую и болѣе древнюю редакцію житія преподобнаго, составленную еще въ первой половинѣ XVII в. Лица, производившія освидѣтельствованіе мощей препод. Никандра, не составляли вновь житія, а лишь передѣлали прежде написанную біографію. Уже въ 1684 году одно изъ чудесъ было вписано въ готовую книгу житія и чудесъ Никандра,

---

[1]) Рукописное житіе преп. Никандра хранилось въ монастырѣ въ первой половинѣ XVIII в. Въ Архивѣ свят. Синода, подъ № 330, отъ 1735 г., имѣется интересное дѣло по поводу суевѣрнаго отношенія посѣтителей м-ря къ камню, служившему при жизни преподобнаго возглавіемъ ему для отдыха. Въ этомъ почитаніи камня архіеп. Ѳеофанъ Прокоповичъ усмотрѣлъ одно „безпутное суевѣріе“ и, по разслѣдованіи дѣла, отослалъ камень въ Синодъ, съ слѣдующимъ предложеніемъ: „дабы впредь не было какого простому народу соблазна, бросить камень въ воду или положить впредь на память того бывшаго суевѣрія при Синодальной канцеляріи на публичномъ мѣстѣ“. 9 апрѣля 1736 г. Синодъ постановилъ: „означенный камень, во время присутствія въ св. Синодѣ архіеп. Ѳеофана, среди Невы рѣки бросить въ воду“. Но постановленіе это не было приведено въ исполненіе: камень хранится въ залѣ Синод. Архива, въ витринѣ подъ № XVII. Въ дѣлѣ читаемъ, что вмѣстѣ съ камнемъ Ѳеофану была выслана изъ монастыря: „книжица въ переплетѣ кожаномъ въ полдесть, писанная гладью, въ коей служба и житіе да чюдеса онаго Никандра чюдотворца объявлены“. Не видно изъ дѣла, была ли возвращена въ монастырь эта „книжица“ съ житіемъ или нѣтъ. (Подробности содержанія этого акта см. въ нашей статьѣ: „Къ исторіи борьбы съ народными суевѣріями въ XVIII в.“, Пск. Еп. Вѣд. 1905 г., № 24.)

въ продолженіе же XVII в., до 1686 г., къ прежнимъ чудесамъ приписывались дальнѣйшія, внесенныя въ печатную редакцію. Редакція 1686 года составлена, какъ видно по ея намекамъ, тогдашнимъ игуменомъ Никандрова монастыря Евѳиміемъ. Она не вездѣ точно воспроизводитъ старую редакцію.

Какъ показано будетъ ниже, главное положеніе этого изслѣдованія: объ отношеніи печатной редакціи къ рукописной,—вполнѣ подтверждается данными списка житія Археогр. Ком. Здѣсь въ разсказѣ объ освидѣтельствованіи мощей ничего не говорится о составленіи обыскною коммиссіею житія преподобнаго. Что же касается другихъ вопросовъ: о времени написанія болѣе ранней редакціи житія, о личности составителя, а также объ источникахъ рукописной редакціи, то вслѣдствіе уже краткости самаго изслѣдованія они остались у Ключевскаго недостаточно выясненными. Въ задачу изслѣдованія не входило и болѣе подробное сопоставленіе текстовъ рукописной и печатной редакцій житія. На этихъ вопросахъ мы и остановимся въ своей работѣ и будемъ пользоваться главнымъ образомъ тѣми данными, которыя имѣются въ рукописныхъ спискахъ житія препод. Никандра, сдѣлавшихся извѣстными уже послѣ напечатанія книги проф. Ключевскаго. Но прежде всего мы считаемъ нужнымъ представить болѣе подробный обзоръ содержанія рукописной редакціи житія, помѣщенной въ спискахъ № 620 Моск. Син. б-ки, и поморскаго сборника проф. Ключевскаго, чтобы чрезъ это точнѣе выяснить отношеніе къ ней редакціи печатной.

Въ спискѣ № 620 житіе преподобнаго помѣщено на л. 91—169 об. и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „мѣсяца сентября въ 24 день преставленіе преп. отца нашего Никандра чюдотворца, пустынножителя, еже отъ части житія его и чюдесъ боголюбезное сказаніе, благослови отче“. На предыдущихъ листахъ помѣщена служба святому.

Житіе не имѣетъ предисловія и прямо начинается статьею о рожденіи святаго.—По содержанію его можно раздѣлить на двѣ части, которыя и съ внѣшней стороны представляются законченными: 1) біографію святаго (л. 91—140) и 2) описаніе посмертныхъ его чудесъ (л. 140 об.—169). Послѣдніе пять листовъ въ разсматриваемомъ спискѣ представляютъ собою уже позднѣйшую, сдѣланную другимъ почеркомъ, приписку.

Первая часть житія представляетъ собою довольно полный и въ историческомъ отношеніи обстоятельный разсказъ о жизни препод. Никандра, начиная съ его рожденія и юношескихъ годовъ его домашней жизни и кончая описаніями смерти и погребенія подвижника. Біографъ точно отмѣчаетъ годы рожденія и смерти преподобнаго и по возможности старается подробнѣе передать отдѣльные факты изъ его жизни. Въ характеристикѣ періода дѣтской и отроческой жизни святаго онъ пользуется обще-житійными чертами: говоритъ о ранней склонности отрока Никона (мірское имя преподобнаго) къ подвижничеству, выражавшейся въ неопустительномъ посѣщеніи имъ мѣстной церкви, въ стремленіи къ изученію божественныхъ книгъ, въ рано появившейся постоянной заботѣ и мысли

о томъ: „како и кимъ образомъ спастися". Но на ряду съ этими общими чертами, не особенно цѣнными въ историческомъ отношеніи, въ описаніи юношеской жизни преподобнаго находимъ сообщенія и вполнѣ фактическаго характера, которыя даютъ возможность объяснить частныя причины такой ранней склонности святаго къ подвижнической жизни. Именно, родиною Никандра, по замѣчанію его біографа, было село Виделебье, хорошо, повидимому, извѣстное составителю житія, какъ показываетъ его замѣтка о церкви, въ которой молился преподобный: „бяше бо церковь каменна въ селѣ томъ и до нынѣ во имя великаго архіерѣя и чюдотворца Христова Николы"[1]). По мѣсту своего рожденія препод. Никандръ былъ, значитъ, землякомъ преп. Евфросина. Отсюда и дальнѣйшая замѣтка списателя житія: „таже слышавъ о святыхъ мѣстехъ, иже есть около славнаго града Пскова, и о потрудившихся въ нихъ препод. отцехъ Евфросинѣ и Саввѣ, въ постѣ просіявшихъ и къ Богу отшедшихъ и последи въ чюдесехъ прославившихся, желая день и нощь безпрестанно сподобитися житію ихъ и поклонитися мощемъ ихъ" (л. 93 и об.),—въ характеристикѣ преподобнаго получаетъ значеніе историческаго факта, а не литературнаго лишь „добресловія". О жизни и подвигахъ Евфросина несомнѣнно сохранились воспоминанія среди его односельчанъ. Затѣмъ, такую же и даже большую фактическую цѣнность имѣютъ и двѣ другія замѣтки списателя—о семейной обстановкѣ, въ которой проходило дѣтство Никона, свидѣтельствующія, что вопросъ о томъ: „како спастися", одинаково занималъ и старшихъ членовъ семейства, притомъ и для нихъ лучшимъ путемъ ко спасенію представлялась монашеская жизнь. Еще въ дѣтствѣ Никандра братъ его былъ уже инокомъ „не въ коемъ монастырѣ"; когда же преподобному исполнилось 17 лѣтъ, то и мать его, раздавши свое имѣніе на церкви и нищихъ, „изыде изъ суетнаго міра и въ нѣкоторый монастырь дѣвическій пришедши и ту пріемши иноческій образъ" (л. 93 об.). Преподобному такимъ образомъ оставалось лишь послѣдовать этимъ двумъ примѣрамъ.

Съ такою же фактическою подробностію біографъ продолжаетъ свой разсказъ и о послѣдующихъ событіяхъ изъ жизни преподобнаго: о посѣщеніи имъ псковскихъ обителей, о жизни въ Псковѣ у торговаго человѣка Филиппа (л. 94), объ изученіи грамоты у какого-то діакона (л. 94 об.), о первыхъ подвигахъ въ пустынѣ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ ситникомъ (л. 96—98 об.), о постриженіи, при содѣйствіи Филиппа, въ монашество въ Крыпецкомъ монастырѣ и о жизни здѣсь (л. 99—102 об.), о возвращеніи въ пустыню и о вторичномъ пришествіи въ Крыпецкій монастырь (л. 103 об.—108 об.), о размолвкѣ съ настоятелемъ и братіею и окончательномъ водвореніи въ пустынѣ (л. 109 и слѣд.). Не опускаетъ списатель житія и различныхъ частныхъ случаевъ изъ жизни святаго, напр., происшествія на дорогѣ изъ монастыря въ пустыню въ селѣ Локаты, когда преподобный едва избѣжалъ смерти отъ хозяина дома, гдѣ онъ ночевалъ (л. 109 об.—111),

---

[1]) Рук. Син. б-ки, № 620, л. 92 об.

Такая же замѣтка и въ концѣ описанія 5-го чуда: „азъ же сія слышавъ отъ него (отца исцѣленнаго, священноинока Іоны) и сына его видѣвъ возрастомъ яко пятинадесяти лѣтъ“ (л. 156). Со словъ самого исцѣленнаго записано 7-ое чудо, надъ стряпчимъ митрополита Аѳонія, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ описанія: „сія же азъ грѣшный слышахъ отъ него и написахъ слышащимъ на пользу“ (л. 159 об.).

Нѣтъ возможности точно опредѣлить, когда произведена была запись чудесъ; несомнѣнно лишь, что не ранѣе 1665 года, такъ какъ случившееся въ этотъ годъ чудо надъ Евдокіею Шишкиною записано по разсказамъ монастырской братіи,—значитъ, въ это время списатель не жилъ еще въ монастырѣ [1]). Если къ этому году отнести начало записи чудесъ, то можно будетъ опредѣлить хронологію чудесъ: 5-го, надъ сыномъ священноинока Іоны, исцѣленнымъ на шестомъ мѣсяцѣ и имѣвшимъ въ пору записи около 15 лѣтъ, и 6-го, надъ сыномъ Муравьева, исцѣленнымъ во время управленія новгородскою епархіею митрополита Никона. Первое было въ 1650—1651 г., а второе—въ 1652 г., т.-е. въ послѣдній годъ управленія Никона новгородскою епархіею.

Вѣроятно, что девятью первыми чудесами и ограничивалась первоначальная запись чудесъ, къ которой затѣмъ дѣлались дополненія [2]). Къ числу такихъ дополненій относимъ мы и запись слѣдующихъ трехъ чудесъ въ разсматриваемомъ сборникѣ, отличающуюся отъ предыдущей записи и по изложенію. Такъ, напр., разсказъ о послѣднемъ чудѣ: о погорѣніи церквей въ обители, ведется уже отъ лица самого игумена Илларіона и по своей формѣ представляетъ собою нѣчто въ родѣ оффиціальнаго доклада [3]). Описаніе 10-го чуда, отъ 7178 г., надъ женою дворянина Беклемишева, составлено по разсказамъ матери и сына исцѣленной [4]).

Нѣтъ нужды подробно разъяснять историческую цѣнность описаній чудесъ. Для исторіи монастыря препод. Никандра эти описанія имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ описанія чудесъ Евфросина и Саввы для исторіи ихъ обителей, такъ какъ безъ нихъ мы вовсе не имѣли бы свѣдѣній о начальныхъ событіяхъ монастырской жизни въ пустынѣ преподобнаго. Съ этой стороны особенно цѣнны: описаніе перваго чуда, знакомящее насъ съ обстоятельствами возникновенія Никандровскаго монастыря, и описаніе 4-го чуда, отъ 22-го декабря 7171 г., содержащее въ себѣ

---

[1]) „Повѣдаша ми братія обители преп. Никандра чюдо преславно и удивленія многа исполнено, въ лѣто 7173“ (л. 161).

[2]) Запись 9-го чуда заканчивается слѣдующими словами: „братія же, слышавше сія (разсказъ исцѣленной), воздаша хвалу Богу и преп. Никандру, славяще св. Троицу—Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь“ (л. 164).

[3]) „Въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли азъ убогій игуменъ Иларіонъ з братьею, пришедъ въ 3 часа дня и отпѣвъ часы и молебенъ пасцѣ и преп. Никандру, и поидохомъ въ трапезу з братьею“ и т. д. (л. 168).

[4]) „Возвѣстиша о семъ чюдеси игумену Макарію з братьею и все по ряду сказаша“ (л 166 и об.).

интересныя замѣтки о состояніи монастыря черезъ 80 почти лѣтъ послѣ его возникновенія, когда монахи „скудости ради пустыннаго житія" не могли имѣть у себя постояннаго священника и даже въ праздникъ Рождества Христова въ монастырской церкви не было службы.

Въ описаніяхъ чудесъ находимъ, затѣмъ, нѣкоторыя дополненія и къ біографіи святаго, правда, незначительныя,—напр., сообщеніе о томъ, что камень, о которомъ говорится въ описаніи 3-го чуда, при жизни преподобнаго служилъ ему возглавіемъ для отдыха [1]).

Наконецъ, характеризуя отношенія окрестныхъ жителей къ монастырю, описанія сообщаютъ намъ, что очень рано, задолго до канонизаціи подвижника, онъ уже почитался какъ святой не только въ монастырѣ, но и внѣ его. По свидѣтельству, находящемуся въ описаніи 6-го чуда, въ 1652 году была построена дворяниномъ Муравьевымъ въ его имѣніи церковь во имя препод. Никандра. По сообщенію въ записи 12-го чуда, еще въ 1673 г. при гробѣ преподобнаго совершались молебны, начало которыхъ нужно отнести, несомнѣнно, къ болѣе раннему времени.

Но представляя собою хорошій источникъ для начальной исторіи монастырской жизни, описанія чудесъ, какъ и предшествующая имъ біографія, не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо данныхъ для разрѣшенія вопросовъ о литературной исторіи разсматриваемаго памятника,—о времени его написанія, о личности списателя и т. п.; и попытки къ разъясненію этихъ вопросовъ, сдѣланныя на основаніи хронологическихъ датъ въ описаніяхъ, по нашему мнѣнію, должны быть считаемы мало доказательными. По крайней мѣрѣ, мнѣніе преосв. Филарета о томъ, что житіе написано въ 1665 г. и что составителемъ его былъ, вѣроятно, Я. М. Муравьевъ, является догадкою, совершенно не обоснованною. (Обзоръ рус. дух. лит., Спб. 1884 г., стр. 233). Не совсѣмъ точно замѣчаніе и арх. Саввы, что житіе написано послѣ 1665 г. Въ основаніи этого опредѣленія, принятаго и Строевымъ, лежитъ хронологическая дата записи 9-го чуда,—въ разсматриваемомъ спискѣ—7173 г. [2]). Но изъ этой даты можно сдѣлать выводъ лишь о времени записи чудесъ, а не о времени составленія біографіи, которая могла появиться раньше записи чудесъ, а могло

---

[1]) „Есть убо во обители святаго камень, яко брусъ видѣніемъ, нецыи же повѣдаютъ, яко сей камень бысть въ возглавіи у святаго, егда бысть въ телеси преподобный" (л. 151). Описанію этого чуда предшествуетъ особое предисловіе, занимающее собою цѣлый листъ, слѣдующаго содержанія: „духовная убо духовнымъ прилагати подобаетъ, якоже глаголетъ писаніе, святыхъ же чудеса проповѣдати подобаетъ, подробну же сказати не возможно..., не токмо бо дивно, иже древле отъ святыхъ чюдесъ источникомъ изливаемымъ, но и въ послѣдняя сія времена, егда же кончина седмаго вѣка преходитъ, осмый же наставши, но и тогда у гроба святаго точатся беспрестани чюдеса съ вѣрою приходящимъ къ нему..." (л. 149 об.—150).

[2]) А. Савва, Указатель для обозр. Москов. Патр. (нынѣ Синод.) б-ки, изд. 2, М. 1858 г., стр. 177. Строевъ, Библіогр. слов. и чернов. къ нему матеріалы, Спб. 1882 г., стр. 337—338.

Такая же замѣтка и въ концѣ описанія 5-го чуда: „азъ же сія слышавъ отъ него (отца исцѣленнаго, священноинока Іоны) и сына его видѣвъ возрастомъ яко пятинадесяти лѣтъ“ (л. 156). Со словъ самого исцѣленнаго записано 7-ое чудо, надъ стряпчимъ митрополита Аѳонія, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ описанія: „сія же азъ грѣшный слышахъ отъ него и написахъ слышащимъ на пользу“ (л. 159 об.).

Нѣтъ возможности точно опредѣлить, когда произведена была запись чудесъ; несомнѣнно лишь, что не ранѣе 1665 года, такъ какъ случившееся въ этотъ годъ чудо надъ Евдокіею Шишкиною записано по разсказамъ монастырской братіи,—значитъ, въ это время списатель не жилъ еще въ монастырѣ [1]). Если къ этому году отнести начало записи чудесъ, то можно будетъ опредѣлить хронологію чудесъ: 5-го, надъ сыномъ священноинока Іоны, исцѣленнымъ на шестомъ мѣсяцѣ и имѣвшимъ въ пору записи около 15 лѣтъ, и 6-го, надъ сыномъ Муравьева, исцѣленнымъ во время управленія новгородскою епархіею митрополита Никона. Первое было въ 1650—1651 г., а второе—въ 1652 г., т.-е. въ послѣдній годъ управленія Никона новгородскою епархіею.

Вѣроятно, что девятью первыми чудесами и ограничивалась первоначальная запись чудесъ, къ которой затѣмъ дѣлались дополненія [2]). Къ числу такихъ дополненій относимъ мы и запись слѣдующихъ трехъ чудесъ въ разсматриваемомъ сборникѣ, отличающуюся отъ предыдущей записи и по изложенію. Такъ, напр., разсказъ о послѣднемъ чудѣ: о погорѣніи церквей въ обители, ведется уже отъ лица самого игумена Илларіона и по своей формѣ представляетъ собою нѣчто въ родѣ оффиціальнаго доклада [3]). Описаніе 10-го чуда, отъ 7178 г., надъ женою дворянина Беклемишева, составлено по разсказамъ матери и сына исцѣленной [4]).

Нѣтъ нужды подробно разъяснять историческую цѣнность описаній чудесъ. Для исторіи монастыря препод. Никандра эти описанія имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ описанія чудесъ Евфросина и Саввы для исторіи ихъ обителей, такъ какъ безъ нихъ мы вовсе не имѣли бы свѣдѣній о начальныхъ событіяхъ монастырской жизни въ пустынѣ преподобнаго. Съ этой стороны особенно цѣнны: описаніе перваго чуда, знакомящее насъ съ обстоятельствами возникновенія Никандровскаго монастыря, и описаніе 4-го чуда, отъ 22-го декабря 7171 г., содержащее въ себѣ

---

[1]) „Повѣдаша ми братія обители преп. Никандра чюдо преславно и удивленія многа исполнено, въ лѣто 7173“ (л. 161).

[2]) Запись 9-го чуда заканчивается слѣдующими словами: „братія же, слышавше сія (разсказъ исцѣленной), воздаша хвалу Богу и преп. Никандру, славяще св. Троицу—Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь“ (л. 164).

[3]) „Въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли азъ убогій игуменъ Иларіонъ з братьею, пришедъ въ 3 часа дня и отпѣвъ часы и молебенъ пасцѣ и преп. Никандру, и поидохомъ въ трапезу з братьею“ и т. д. (л. 168).

[4]) „Возвѣстиша о семъ чюдеси игумену Макарію з братьею и все по ряду сказаша“ (л 166 и об.).

интересныя замѣтки о состояніи монастыря черезъ 80 почти лѣтъ послѣ его возникновенія, когда монахи „скудости ради пустыннаго житія" не могли имѣть у себя постояннаго священника и даже въ праздникъ Рождества Христова въ монастырской церкви не было службы.

Въ описаніяхъ чудесъ находимъ, затѣмъ, нѣкоторыя дополненія и къ біографіи святаго, правда, незначительныя,—напр., сообщеніе о томъ, что камень, о которомъ говорится въ описаніи 3-го чуда, при жизни преподобнаго служилъ ему возглавіемъ для отдыха[1]).

Наконецъ, характеризуя отношенія окрестныхъ жителей къ монастырю, описанія сообщаютъ намъ, что очень рано, задолго до канонизаціи подвижника, онъ уже почитался какъ святой не только въ монастырѣ, но и внѣ его. По свидѣтельству, находящемуся въ описаніи 6-го чуда, въ 1652 году была построена дворяниномъ Муравьевымъ въ его имѣніи церковь во имя препод. Никандра. По сообщенію въ записи 12-го чуда, еще въ 1673 г. при гробѣ преподобнаго совершались молебны, начало которыхъ нужно отнести, несомнѣнно, къ болѣе раннему времени.

Но представляя собою хорошій источникъ для начальной исторіи монастырской жизни, описанія чудесъ, какъ и предшествующая имъ біографія, не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо данныхъ для разрѣшенія вопросовъ о литературной исторіи разсматриваемаго памятника,—о времени его написанія, о личности списателя и т. п.; и попытки къ разъясненію этихъ вопросовъ, сдѣланныя на основаніи хронологическихъ датъ въ описаніяхъ, по нашему мнѣнію, должны быть считаемы мало доказательными. По крайней мѣрѣ, мнѣніе преосв. Филарета о томъ, что житіе написано въ 1665 г. и что составителемъ его былъ, вѣроятно, Я. М. Муравьевъ, является догадкою, совершенно не обоснованною. (Обзоръ рус. дух. лит., Спб. 1884 г., стр. 233). Не совсѣмъ точно замѣчаніе и арх. Саввы, что житіе написано послѣ 1665 г. Въ основаніи этого опредѣленія, принятаго и Строевымъ, лежитъ хронологическая дата записи 9-го чуда,—въ разсматриваемомъ спискѣ—7173 г.[2]). Но изъ этой даты можно сдѣлать выводъ лишь о времени записи чудесъ, а не о времени составленія біографіи, которая могла появиться раньше записи чудесъ, а могло

---

[1]) „Есть убо во обители святаго камень, яко брусъ видѣніемъ, нецыи же повѣдаютъ, яко сей камень бысть въ возглавіи у святаго, егда бысть въ телеси преподобный" (л. 151). Описанію этого чуда предшествуетъ особое предисловіе, занимающее собою цѣлый листъ, слѣдующаго содержанія: „духовная убо духовнымъ прилагати подобаетъ, якоже глаголетъ писаніе, святыхъ же чудеса проповѣдати подобаетъ, подробну же сказати не возможно..., не токмо бо дивно, иже древле отъ святыхъ чюдесъ источникомъ изливаемымъ, но и въ послѣдняя сія времена, егда же кончина седмаго вѣка преходитъ, осмый же наставши, но и тогда у гроба святаго точатся беспрестани чюдеса съ вѣрою приходящимъ къ нему..." (л. 149 об.—150).

[2]) А. Савва, Указатель для обозр. Москов. Патр. (нынѣ Синод.) б-ки, изд. 2, М. 1858 г., стр. 177. Строевъ, Библіогр. слов. и чернов. къ нему матеріалы, Спб. 1882 г., стр. 337—338.

быть и наоборотъ. Нѣтъ, затѣмъ, прямыхъ указаній, чтобы составленіе обѣихъ частей разсматриваемаго памятника принадлежало одному и тому же лицу. Наконецъ, въ различныхъ спискахъ разсматриваемой редакціи число записанныхъ чудесъ неодинаково: 9—12 № 620 Син. б-ки, 3—б-ки проф. Ключевскаго и 20 № 8 б-ки Арх. Ком. На основаніи текста первой части житія можно лишь утверждать, что оно было составлено до освидѣтельствованія мощей преподобнаго, такъ какъ здѣсь нѣтъ статьи о послѣднемъ событіи. О томъ же говоритъ и замѣтка списателя по поводу погребенія святаго: „боголюбивый же той мужъ (Иванъ Долгій) въемь препод. отца тѣло и погребе его близъ дуба, еже и до нынѣ ту пребываетъ" (л. 136).

О личности составителя житія, въ виду отсутствія указаній въ текстѣ памятника, нельзя сдѣлать какихъ-нибудь предположеній.

При сопоставленіи обѣихъ частей житія очень замѣтною становится разница между ними относительно источниковъ. Тогда какъ въ описаніяхъ чудесъ въ качествѣ источника всегда указываются устные разсказы очевидцевъ [1]), въ біографической части житія мы ни разу не встрѣчаемъ подобной ссылки. Біографъ указываетъ лишь имена нѣкоторыхъ лицъ,—напр., порховского діакона Петра, монаховъ Демянскаго монастыря и др.,—отъ которыхъ шли разсказы о жизни преподобнаго; но ни съ однимъ изъ этихъ лицъ ему не привелось бесѣдовать. Разница эта вполнѣ понятна. Тогда какъ въ описаніяхъ чудесъ передаются сообщенія о фактахъ недавнихъ, случившихся тому назадъ какихъ-нибудь 12—15 лѣтъ, въ біографіи идетъ разсказъ о такихъ событіяхъ, со времени которыхъ прошло не менѣе 80—100 лѣтъ. Разумѣется, что біографъ не могъ уже найти живыхъ свидѣтелей жизни и подвиговъ преподобнаго и долженъ былъ свои описанія составлять на основаніи разсказовъ позднѣйшихъ лицъ—не очевидцевъ. Но отмѣченный выше характеръ сообщеній въ біографической части житія: ихъ фактичность и подробность въ передачѣ, заставляетъ думать, что авторъ имѣлъ подъ руками очень хорошій источникъ, какимъ не могли быть воспоминанія и разсказы его современниковъ. Промежутокъ времени между годами смерти препод. Никандра (1582 г.) и составленія разсматриваемаго житія (приблизительно 60-е годы XVII ст.) слиш-

---

[1]) Въ предисловіи къ записи 1-го чуда, правда, читаемъ такія строки: „*видѣхомъ бо* калугера клосна и ногама скорбна зѣло многими лѣты..., нынѣ же яко *отъ самого оного слышахомъ* исцѣлѣвшаго..." Но въ этомъ предисловіи подчеркнутыя слова не что иное, какъ ораторскій пріемъ, съ помощью котораго списатель старается точнѣе провести параллель между описываемымъ событіемъ и исцѣленіемъ „во Іерусалимѣ, при красныхъ дверехъ церковныхъ, хромца", по молитвѣ апостоловъ Петра и Іоанна (л. 142). Для живости изложенія списатель употребляетъ здѣсь и множественное число, тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ говоритъ обычно лишь отъ своего лица. Но что ни списатель, ни разсказчики не могли ни видѣть, ни слышать исцѣленнаго Исаію, это ясно изъ того, что здѣсь разсказывается о событіи, происшедшемъ 80 лѣтъ тому назадъ (1585 г.—1665 г.).

комъ великъ, чтобы за это время въ монастырѣ могли сохраниться такія свѣжія воспоминанія о жизни подвижника. Біографъ препод. Саввы Крыпецкаго, приступившій къ своей работѣ черезъ 70 лѣтъ послѣ кончины святаго, нашелъ въ монастырѣ его очень скудный запасъ воспоминаній и свѣдѣній о строителѣ обители, заставившій на многіе вопросы отвѣчать молчаніемъ: „прехожденія ради многихъ лѣтъ", или сочинительствомъ очень невысокаго въ историческомъ отношеніи качества. По отношенію къ житію Никандра дѣло могло обстоять еще хуже. Никандровской братіи тѣмъ труднѣе было хранить воспоминанія о преподобномъ, что и сама-то обитель возникла уже послѣ его смерти и никто даже изъ первыхъ ея насельниковъ не былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ пустынной жизни преподобнаго. Несомнѣнно отсюда, что отмѣченныя черты въ біографіи препод. Никандра объясняются тѣмъ, что у біографа былъ ранѣе составленный письменный источникъ, которымъ онъ и воспользовался въ своей работѣ. Это видно отчасти и изъ словъ самого біографа. Въ разсказѣ объ ученіи преподобнаго въ Псковѣ у какого-то діакона онъ, напр., замѣчаетъ: „диякона же сего имене писаніе не повѣда, многихъ ради лѣтъ" (л. 94 об.). Разумѣется, что было бы очень поспѣшнымъ на основаніи одной этой замѣтки дѣлать положительный выводъ, зная, какъ часто списатели житій невѣрно выражались о своихъ источникахъ. Но въ данномъ случаѣ правильность высказаннаго предположенія можетъ быть доказана существованіемъ болѣе ранней и болѣе простой и краткой, по сравненію съ разсмотрѣнною, редакціи житія препод. Никандра. Сопоставленіе этихъ двухъ редакцій дѣлаетъ несомнѣннымъ фактъ пользованія первою въ качествѣ письменнаго источника („писанія") вторымъ біографомъ святаго. Списокъ этой болѣе ранней редакціи помѣщенъ въ рукописи № 212/145 Арх. М. И. Д. и ошибочно въ „Источн. рус. агіографіи" г. Барсукова отнесенъ въ разрядъ другихъ, перечисленныхъ выше, списковъ житія. Въ виду того, что текстъ этой редакціи помѣщенъ полностью въ приложеніяхъ къ нашей работѣ, ограничимся лишь общими замѣчаніями относительно ея содержанія.

Въ рукописи житіе занимаетъ собою всего лишь двадцать листовъ (213—232), и такимъ образомъ по самому уже объему своему оно является болѣе краткою редакціею по сравненію съ выше разсмотрѣнною. Но такою она является и по своему содержанію. Разница между этими двумя списками начинается съ самаго заглавія, которое въ краткой редакціи помѣщено въ такомъ видѣ: „житіе и подвизи препод. отца нашего Никандра пустынножителя, иже на Демянѣ езерѣ жившаго, порховскія области, благослови отче". Въ краткомъ предисловіи составитель ясно указываетъ источникъ своихъ описаній, когда говоритъ, что онъ излагаетъ жизнь преподобнаго „отъ юны версты до здѣ" на основаніи разсказовъ о ней древнихъ отцевъ и записываетъ послѣдніе не во всей полнотѣ: „отъ многа мало списахъ, еже слышахъ отъ древнихъ отецъ".

Въ рукописи это житіе помѣщено въ ряду другихъ житій псковскихъ святыхъ: кн. Всеволода (л. 1—83 об.) и Довмонта (л. 170—212).

Относительно житія Всеволода есть указаніе на 2 л., что оно написано въ 1592 г., по желанію псковскаго епископа Геннадія[1]). Это указаніе можетъ предположительно установить намъ хронологическую дату составленія и разсматриваемой редакціи житія препод. Никандра. Житіе было написано не позднѣе первой половины XVII в. и всего вѣроятнѣе—въ началѣ ея. Въ это время списатель дѣйствительно могъ слышать разсказы о жизни святаго отъ „древнихъ отецъ", т.-е. отъ современниковъ преподобнаго. Дальнѣйшія слова предисловія: „въ царство государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи самодержца", нельзя разсматривать, какъ опредѣленіе времени написанія житія, такъ какъ составитель говоритъ далѣе о событіяхъ, случившихся уже послѣ смерти Грознаго,—напр., о построеніи Благовѣщенской церкви на могилѣ преподобнаго и о возникновеніи обители. Царствованіемъ Грознаго списатель, очевидно, хотѣлъ опредѣлить время земной жизни и подвиговъ преподобнаго († 1582 г.).

Списатель самъ хорошо характеризуетъ свою работу какъ со стороны ея содержанія, такъ и со стороны изложенія, когда говоритъ, что у него записано „отъ многа мало" и притомъ „неудобренне". Дѣйствительно, его разсказъ, обнимающій собою всю жизнь преподобнаго, очень кратокъ по сравненію съ описаніями второго біографа. Тогда какъ, напр., у послѣдняго разсказъ о жизни преподобнаго до удаленія въ пустыню занимаетъ собою цѣлыхъ три листа, у перваго біографа онъ изложенъ всего лишь на одномъ. Описаніе сборовъ преподобнаго въ пустыню, занявшее у второго біографа два листа, у перваго изображено въ нѣсколькихъ строкахъ. Такое же отношеніе наблюдается и въ передачѣ другихъ случаевъ изъ жизни преподобнаго.

Но что разсматриваемое житіе представляетъ собою не сокращеніе болѣе подробной редакціи, а вполнѣ самостоятельную, первичную редакцію, послужившую источникомъ для подробной біографіи, это ясно какъ изъ характера біографическихъ замѣтокъ, такъ и изъ изложенія. Говоря о рожденіи преподобнаго Никандра, біографъ не называетъ родины преподобнаго, замѣчая лишь, что „рожденіе и воспитаніе имѣяше... во области псковскія, села нѣкоего". Не называетъ по имени и старшаго брата Никандра, тогда какъ во второй редакціи помѣщены и названіе села, и имя брата преподобнаго, и разумѣется, что у перваго біографа не могло быть какихъ-либо побужденій вмѣсто точныхъ обозначеній употреблять неопредѣленныя. Первый біографъ разнится отъ второго и въ хронологіи жизни преподобнаго въ пустынѣ. По его указаніямъ, преподобный въ первый разъ прожилъ въ пустынѣ 12 лѣтъ, во второй—15 и въ послѣдній 39 лѣтъ и 2 мѣсяца. У второго біографа въ первыхъ двухъ случаяхъ стоитъ одинаковая цифра—15, въ третьемъ 32 года и 2 мѣсяца.

---

[1]) Хронологическая дата эта не совсѣмъ точная. Геннадій былъ хиротонисанъ во епископа псковскаго 16 февр. 1595 г. (См. у Строева, „Списки іерарховъ...", Спб. 1877 г., стр. 379).

Ни одно изъ этихъ указаній не точно, и первый біографъ, очевидно, такъ же мало былъ освѣдомленъ о времени жизни Никандра въ пустынѣ, какъ и второй. Изъ его передачи бесѣды преподобнаго съ Петромъ Есуповымъ можно даже подумать, что и самъ подвижникъ какъ бы не помнилъ точно, сколько времени онъ прожилъ въ пустынѣ. На вопросъ Петра: „отче преподобне! елико ты въ пустыни сей живеши лѣтъ, повѣждь ми?"— онъ же отвѣщавъ и рече: „Богъ вѣсть, чадо" (л. 219 и на об.). Нѣтъ въ разсматриваемой біографіи и имени діакона, у котораго, будучи во Псковѣ, учился преподобный, такъ что и въ этомъ случаѣ разсматриваемое житіе подходитъ къ упоминаемому вторымъ біографомъ писанію, въ которомъ не нашелъ онъ имени учителя преподобнаго.

Но за первичность этой редакціи особенно говоритъ характеръ изложенія. На послѣднемъ почти не отразилось книжнаго, литературнаго вліянія. Слогъ автора не книжный, а разговорный, просторѣчный, или,— какъ самъ онъ называетъ,—неудобренный. Списатель называетъ преподобнаго—„преп. отецъ нашъ Никандра", блаженнаго Николая юродиваго— „Никула", т.-е. такъ, какъ и теперь произносятся имена этихъ святыхъ простымъ народомъ. За нѣкоторыми изъ его описаній такъ и виденъ разсказчикъ, съ которымъ авторъ сейчасъ бесѣдовалъ. Вотъ образцы этого. Въ бесѣдѣ съ Симеономъ о близости его смерти, преподобный, вручая ему ножницы, говоритъ: „тебѣ сіи ножницы пригодятца" (л. 221 об.). Діакону Петру онъ говоритъ: „не вѣмъ, коли тебѣ вѣсть учинити" (л. 223). Но особенно интересенъ въ этомъ отношеніи разсказъ въ описаніи втораго чуда о бесѣдѣ преподобнаго съ нѣкіимъ Іосифомъ. „Чадо Іосифе! нѣсть у меня кота, но сотвори ми послушаніе, сыщи ми кота".—Іосифъ же рече: „да гдѣ такову азъ вещь обрящу тебѣ угодну?"—Онъ же рече ему: „есть у спаскаго дьякона въ Заклиньи".—Іосифъ же рече: „ты у него просилъ ли сего?" Святый же рече: „азъ и во образъ его не видѣхъ" и т. д. (л. 227 и об.). Въ подобной же формѣ записаны и всѣ четыре чуда, случившіяся при жизни святаго. Очевидно, объ этихъ чудесахъ хорошо помнили „древніе старцы" Никандровой пустыни, отсюда и запись ихъ, по сравненію съ біографіей, сдѣлана подробно, занимаетъ собою почти 8 листовъ (л. 225 об.—232). Въ отличіе отъ второй редакціи, въ которой только 4-е чудо выдѣлено изъ біографіи, въ разсматриваемой редакціи всѣ 4 чуда поставлены послѣ біографіи и представляютъ собою какъ бы дополненіе къ ней.

Основнымъ источникомъ этой редакціи житія послужили, какъ уже замѣчено, разсказы монастырской братіи, въ средѣ которой авторъ, тоже повидимому монахъ Никандровой пустыни, былъ человѣкомъ сравнительно молодымъ. Несомнѣнно, что разсказовъ очевидцевъ жизни святаго въ пустынѣ авторъ лично не слышалъ, но упоминаемые имъ древніе старцы если и не были очевидцами жизни святаго, то многое слышали о ней непосредственно отъ очевидцевъ.

Чѣмъ вызвана была эта біографія преподобнаго,—объ этомъ нѣтъ указаній въ текстѣ памятника. Предположительно можно указать слѣдую-

щія причины, вызвавшія собою письменное изложеніе житія. Въ пору написанія житія изъ монастырскихъ иноковъ едва ли было много современниковъ препод. Никандра, и несомнѣнно, что среди нихъ не было очевидцевъ подвижнической жизни святаго. По крайней мѣрѣ, какъ видно изъ житія, разсказы о преподобномъ шли главнымъ образомъ отъ мірянъ— Ивана Долгаго, Петра Есупова, Симеона и порховскаго діакона Петра, а не отъ монастырскихъ старцевъ. Свѣжесть воспоминаній о преподобномъ у этихъ окрестныхъ жителей свидѣтельствуетъ, какъ интересовались послѣдніе жизнію этого необычнаго пустынножителя. Но еще большій интересъ былъ, конечно, у первыхъ иноковъ Никандровой пустыни, старательно собиравшихъ свѣдѣнія о подвижникѣ, во имя котораго они сошлись къ его могилѣ, чтобы продолжать здѣсь его пустынную жизнь. Эти первые иноки въ пору написанія житія были уже древними старцами; и вполнѣ естественно, что въ монастырѣ появилось желаніе написать по ихъ разсказамъ біографію святаго въ назиданіе позднѣйшимъ инокамъ. Но могло быть и особое побужденіе къ составленію житія. Какъ указано уже выше, чествованіе препод. Никандра и въ монастырѣ, и внѣ его началось задолго до обще-церковной канонизаціи святаго, вѣроятно одновременно съ возникновеніемъ обители. Житіе могло быть, такимъ образомъ, написано для церковнаго чтенія на праздникѣ преподобному, для чего оно вполнѣ подходило и по своему объему. Замѣтка составителя въ началѣ житія: „братіе и отцы еже о Христѣ! молю вы, почитающіи жъ сего житіе старца Никандра, не порцыте Господа ради тягости на душу мою...“, кажется, говоритъ скорѣе за наличность первой причины, вызвавшей написаніе житія, хотя не исключаетъ и второй.

Этою первою редакціею житія и воспользовался второй біографъ преподобнаго, писавшій во второй половинѣ XVII ст. При этомъ, нѣкоторые разсказы своего предшественника (напр., запись трехъ первыхъ чудесъ) онъ переписалъ почти дословно, въ другихъ случаяхъ дѣлалъ частію незначительныя дополненія, частію—очень замѣтную переработку. Образцомъ передѣлки перваго рода можетъ служить описаніе четвертаго чуда— надъ Исаіей, полнѣе изложенное вторымъ біографомъ, съ замѣчаніями объ устройствѣ Исаіею монастыря при ранѣе уже поставленной церкви надъ могилою преподобнаго.

Къ дополненіямъ второго рода относится вся вообще біографическая часть житія, изложенная первымъ біографомъ въ формѣ краткихъ, иногда даже отрывочныхъ разсказовъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что дополненій собственно фактическаго свойства вторымъ біографомъ сдѣлано очень мало. Пользуясь разсказами монастырской братіи, онъ точнѣе опредѣлилъ мѣсто родины преподобнаго, назвалъ его брата и внесъ нѣсколько новыхъ сообщеній объ отдѣльныхъ случаяхъ изъ жизни преподобнаго,— напр., разсказъ о нападеніи на Никандра волковъ, замѣтку объ обычаѣ святаго содержать постъ, кромѣ среды и пятка, еще въ понедѣльникъ и т. п., опущенныя первымъ біографомъ. Болѣе подробное разъясненіе сдѣлано и относительно иконы, которую велѣлъ преподобный перенести

въ церковь діакону Петру. Въ первой редакціи кратко сказано, что преподобный „сказа ему, гдѣ взяти мѣстную икону и како храмъ создати" (л. 223 об.). Во второй встрѣчаемъ слѣдующія подробности: „тогда, чадо, и мѣстную икону преч. Богородицы честнаго и славнаго ея благовѣщенія возми въ погостѣ великаго чюдотворца Николы на Тишанки, въ лѣсѣ, на пустѣ мѣстѣ. Мѣсто же то отъ пустыннаго вселенія преп. Никандра разстояніемъ имѣя тридесять поприщъ" (л. 133).

Гораздо больше сдѣлано вторымъ біографомъ дополненій литературнаго свойства, съ цѣлію облечь простой, краткій разсказъ своего предшественника въ обычную литературную форму древне-русскаго житія. Соотвѣтственно этой цѣли біографъ пользуется литературнымъ стороннимъ источникомъ: житіемъ препод. Өеодосія кіево-печерскаго. Кажется, на этотъ источникъ натолкнулъ его самъ первый біографъ своею замѣткою о внѣшнемъ сходствѣ препод. Никандра съ кіево-печерскимъ подвижникомъ [1]). Форма пользованія указаннымъ источникомъ выразилась частію въ обычномъ въ древне-русской письменности пріемѣ, т. е. въ буквальномъ списываніи, частію въ заимствованіи отдѣльныхъ лишь чертъ изъ біографіи препод. Өеодосія для характеристики препод. Никандра. Образецъ перваго способа литературнаго заимствованія представляютъ собою два послѣднихъ листа біографіи (139—140), дословно выписанныхъ изъ похвалы препод. Өеодосію.

Вотъ параллельный текстъ изъ этихъ памятниковъ.

Изъ житія препод. Өеодосія:	*Изъ житія препод. Никандра:*
Вѣдая твое милосердье, дерзноухъ простирети языкъ на твое похваленіе, не яко по достоянію хвалоу ти принося, но собѣ оуспѣха чая пріобрѣсти отъ тебе, отче, и ослабы грѣхомъ и на прочее сблюденія и на подобна обученія, ибо прославиша тя бесплотныя силы, пріяша тя апостоли, присвоиша тя пророци, обьяша тя мученицы, радуютъ ти ся святіи, срѣтоша тя лици черноризець, възвеличи тя сама царица Мати Господня и превъзнесе и знаема показа отъ конець до конець земли. Азъ ли быхъ по достоинствоу похвалихъ тя, честный рабе Господень, скверна оуста имоущь и нечистъ языкъ и не имѣя что принести ти	Видяще же твое благосердіе, о отче, дерзнухомъ простерти языкъ нашъ на твое похваленіе, не яко по достоянію хвалу ти приносяще, но себе успѣхъ чающе пріобрести отъ тебѣ и ослабу грѣхомъ нашимъ и соблюденіе отъ прочихъ непотребныхъ обученій, ибо прославиша тя бесплотныя силы, пріяша ти апостоли, прославиша тя пророцы, объяша тя мученицы, срадуются святители, срѣтоша тя лицы черноризецъ, возвеличи тя сама царица пречистая Мати Господня и зѣло превознесе и знаема показа во всей странѣ сей. Мы же како тя возможемъ, вѣрный рабе Господень, по достоянію похвалити, скверна оуста имуща и нечистъ

---

[1]) „Брада ж бысть у Никандра долга, а не широка, ровна, руса, сѣдиною вся ровна и бѣла—*подобна Өеодосію печерскому*" (л. 222 об.). То же читаемъ и въ рук. С. б-ки, № 620, л. 137 об.

въ день преставленія твоего, сіе малое похваленіе принесохъ ти, аки малъ и смердящь потокъ къ широтѣ морстѣй проливаяся, и еда море наполнить и тогда смрада избоудетъ; тѣмъ, о святый Феодосье, не прогнѣвайся, но умоли о рабѣ твоемъ, да не осоудитъ въ день пришествія своего Господь нашь І. Х., емоу же слава с бесконечнымъ Отцемъ и съ пресвятымъ Духомъ и нынѣ и присно в вѣкы вѣкомъ. аминь.

Памятники русск. литературы XII—XIII вв., изд. В. Яковлевымъ, Спб. 1872 г., стр. LXXI—LXXII.

языкъ, но не имуще что принести тебѣ въ день преставленія твоего, сіе малое похваленіе приносимъ ти, аки малъ и смердящъ потокъ къ широтѣ морстей; тѣмже о честная главо, преподобне отче нашъ Никандре, не прогнѣвайся, но моли о насъ грѣшныхъ рабѣхъ твоихъ, да не осудитъ ны въ день пришествія своего Господь нашь І. Х., ему же слава со безначальнымъ его Отцемъ и съ единосущнымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. аминь.

Ркп. № 620 Син. б-ки, л. 139—140 об.

Къ литературному своему источнику второй біографъ обращался обычно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось касаться такихъ сторонъ изъ жизни препод. Никандра, о которыхъ или вовсе не было упоминаній у перваго біографа, или были лишь краткія, отрывочныя замѣтки. Такъ, напр., изъ житія препод. Өеодосія второй біографъ дѣлалъ заимствованія, характеризуя душевное состояніе святаго при тѣхъ или другихъ случаяхъ его жизни и описывая жизнь преподобнаго въ Крыпецкомъ монастырѣ, о которой первый біографъ Никандра сообщилъ очень немного.

О кончинѣ преподобнаго въ первой редакціи кратко замѣчено: „а преставися преподобный во единствѣ, не бысть людей никого жъ“ (л. 224). Слѣдуя житію преподобнаго Өеодосія, второй біографъ сдѣлалъ дополненія къ этой замѣткѣ, которыя мы приведемъ полностью, съ параллельною выпискою изъ источника.

Моляше со многими слезами всемилостиваго Бога о спасеніи души своея и всѣхъ святыхъ призывая на помощь, наипаче же Пресв. Владычицу нашу Богородицу, ей же мѣсто сіе вручаше; таже возлегъ на рогозину и воззрѣвъ на небо, свѣтло лице имый, велегласно рече: „благословенъ Богъ, сице благоволивый, слава тебѣ!“ и опрятався, нозѣ простре и руцѣ крестообразно сложи и тако предаде духъ свой Богу.

Ркп. № 620 С. б-ки, л. 134 об.

Моляше съ слезами милостиваго Бога о спасеніи душа своея, вся святая призывая на помощь, а наипаче же святую нашу Владычицу Богородицу и тою Господа Бога и Спаса нашего І. Х. моля о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ, и тако паки по молитвѣ възлеже на мѣстѣ своемъ, и мало полежавъ таче възрѣвъ на небо великымъ гласомъ, лице весело имый рече: „благословенъ Богъ, аще тако есть, то уже не боюся, но паче радуяся отхожу свѣта сего“... Потомъ опрятався, нози простеръ, ру

ци же на персѣхъ крестообразно положивъ, предасть святую тою душю в роуци Божіи.

Житіе преподобнаго Өеодосія, по цитир. изд., стр. LIX.—Въ Сборникѣ XII в. Моск. успен. собора, стр. 92—93.

Особенно замѣтны слѣды литературнаго заимствованія въ изображеніи жизни препод. Никандра въ Крыпецкомъ монастырѣ. Дополненія къ первой редакціи начинаются здѣсь съ разсказа о приходѣ преподобнаго въ обитель. Первый біографъ очень ясно говоритъ о причинѣ, по которой Никандръ долгое время не могъ, несмотря на свое желаніе, поступить въ крыпецкое братство: у него не было средствъ сдѣлать при постриженіи вкладъ, безъ котораго не принимали въ монастырь. Какъ только же расположенный къ преподобному псковичъ Филиппъ внесъ за него и за его товарища Өеодора ситника вклады, оба они тотчасъ были приняты въ число братіи. Замѣтку эту сохранилъ въ своемъ трудѣ и второй біографъ, но снова дополнилъ разсказъ своего предшественника выпискою изъ житія Өеодосія бесѣды, которую будто бы велъ съ Никандромъ крыпецкій игуменъ.

Игуменъ же рече къ нему: „о чадо! видиши обитель сію скорбну сущу и пусту, ты же не имаши терпѣти скорби і тесноты на мѣсте семъ“.

Ркп. № 620, л. 100.

Великій же Антоній казаше и глаголя: „чадо, видиши ли печеру сію, скорбно мѣсто соущи и тѣстно, ты же оунъ сый и, яко-же мню, не имаше трьпѣти скорби на мѣстѣ семъ“.

О. с., стр. X. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 48.

Кажется, и самъ біографъ замѣтилъ, что слова Антонія къ юному Өеодосію не совсѣмъ подходятъ къ 32-хъ-лѣтнему Никандру, который 15 уже лѣтъ провелъ въ пустынныхъ подвигахъ; поэтому онъ и выпустилъ слова: „ты же оунъ сый“. Но вліяніе литературнаго источника было такъ сильно, что, по примѣру Нестора, біографъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ продолжаетъ называть препод. Никандра отрокомъ и юношею, хотя такіе эпитеты совершенно не подходили къ годамъ подвижника (л. 97, 102 и др.).

На томъ же источникѣ основана и дальнѣйшая характеристика жизни препод. Никандра въ монастырѣ. Заимствуя не только черты, которыми характеризуетъ препод. Өеодосія Несторъ, но и самую форму изложенія, біографъ лишь иногда дѣлаетъ, и то незначительныя, измѣненія въ своемъ источникѣ, такъ какъ не все сказанное о кіевскомъ подвижникѣ можно было полностію переносить на псковскаго пустынножителя. Позволимъ себѣ и здѣсь сдѣлать сопоставленіе сходныхъ мѣстъ изъ этихъ двухъ памятниковъ въ виду того, что такое сравненіе дастъ возможность точнѣе опредѣлить литературный источникъ біографіи Никандра и въ то же время прослѣдить характеръ пользованія имъ—степень переработки,

которую производилъ въ своемъ источникѣ списатель XVII в., слѣдуя въ данномъ случаѣ еще болѣе старой литературной привычкѣ съ излишнимъ вниманіемъ относиться къ чужому труду.

Добродѣтельми же всѣхъ сущихъ во обители превосхождаше, наипаче же смиреніемъ и люботруднымъ послушаніемъ всѣмъ служа и работая, и днемъ убо воду и дрова изъ лѣсу принося, въ нощи же на молитвѣ непрестанно бдя; иногда же нощію тайно исхождаше въ лѣсъ и обнаживъ тѣло свое до пояса, предаяше е въ снѣдь ядовитымъ оводомъ, комаромъ и мшицамъ; тѣмъ же лютѣ уязвляющимъ плоть его, терпяше, рукама волну прядый, усты же псалтирь поя... Отъ множества ядущихъ оводовъ и комаровъ тѣло преподобнаго все кровію обагрено видѣти бяше. Обаче онъ неподвижимь пребываше, ниже прехождаше отъ мѣста на мѣсто, но яко твердый адамантъ... И тако чрезъ всю нощь терпѣливодушно пребывъ подъ облакомъ ядовитыхъ оныхъ животныхъ, паки отхождаше въ монастырь и въ церкви на утрени прежде всѣхъ обрѣташеся, стоя на единомъ мѣстѣ непоступенъ и божественному славословію внимая; по отпущеніи же пѣнія послѣди всѣхъ изъ церкви исхождаше. Сего ради вси во обители сущіи зѣло любляху святаго, дивящеся смиренію его и кротости.

По печат. изд. 1805 г., 35—37. Ср. рук. № 620, л. 106 и об.

Отець нашь Θеодосій смиренымъ смысломъ и послушаніемъ вся преспѣваше, трудомъ и подвизаніемъ и дѣломъ тѣлеснымъ. Бяше бо и тѣломъ благъ и крѣпокъ, и споспѣшествомъ всѣмъ служаше, воду нося и дрова изъ лѣса влача, бдяше по вся нощи въ славословленьи Божіи... Другоици же оводоу соущу многу и комаромъ в нощи, излезъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса сѣдяше прядый вълну на съплетеніе клобоуковъ и псалтырь же Давидову поя; отъ множества же овода и комаровъ все тѣло его покровенно боудяше, и ядяху плотъ о немъ, піющи кровь его; отець же нашь Θеодосій пребываше неподвижимъ, ни въставая отъ мѣста того, донъдеже годъ боудяше заутрени, тако преже всѣхъ обрѣташеся въ церкви, и ставъ на своемъ мѣстѣ и непостоупенъ сый, не мятыйся оумомъ, божественное славословіе съвершаше, ти тако пакы послѣди же всѣхъ изъ церкви излазяше. И сего ради вси любяхуть и зило, яко же отца имяхуть и зило дивящеся смиренію его и покоренію.

Ор. с., стр. XIX—XX. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 55.

Непосредственно за этимъ препод. Несторъ говоритъ о возведеніи Θеодосія въ санъ игумена, по просьбѣ братіи, „яко и черноризъческую управивша и божія заповѣди извѣстно вѣдуще“, и дѣлаетъ замѣчаніе, что высокій санъ не измѣнилъ смиреннаго образа жизни подвижника. Соотвѣтственно этому и біографъ Никандра передаетъ о возведеніи преподобнаго, тоже по просьбѣ братіи, сначала въ должность пономаря, а затѣмъ—келаря, „яко иночьское житіе добрѣ исправляюща и заповѣди божія извѣстно вѣдуща“, и дѣлаетъ одинаковую характеристику смиренія подвижника въ новомъ его служеніи.

...тый же Никандръ аще и ста...инство пріятъ, не измѣни своего ...нія и обычая, но паче труды къ ...мъ прилагая, преже всѣхъ на ...обрѣташеся и всѣмъ служаше ...о, имѣя во умѣ Господемъ ре...е слово: „аще кто хощетъ въ ...вящій быти, да будетъ всѣмъ ...".

... № 620, л. 107 об.

Отець жь нашь Өеодосій, аще пріимъ старіишинство, не измѣни смиренія своего и правила, на памяти имѣя Господа рекшаго: „иже аще кто въ васъ хощеть старіе быти, боуди всѣмъ мній и всѣмъ слуга"; тѣмъ же смиряшася, мній всѣхъ сътвори и всѣмъ служа и собою образъ всѣмъ дая, и на дѣло преже всѣхъ исходя"...

Ор. с., стр. XX. Ср. „Сборникъ XII в.", стр. 56.

...Подробно останавливаясь на сравненіи сходныхъ мѣстъ изъ житій ...д. Никандра и Өеодосія, мы руководимся въ данномъ случаѣ и тѣмъ ...соображеніемъ, что приведенными выписками и ограничиваются въ ...сти всѣ дополненія, которыя сдѣлалъ второй біографъ препод. Ни...а къ труду своего предшественника, къ его краткому разсказу о ... преподобнаго въ Крыпецкомъ монастырѣ. Изъ сдѣланныхъ сопо...ній понятнымъ становится, какую цѣну долженъ придавать изслѣ...ль жизни препод. Никандра этимъ новымъ чертамъ, заключающимся ...рой редакціи его житія.

...Біографъ преподобнаго нашелъ возможнымъ пользоваться своимъ ...атурнымъ источникомъ и при изложеніи жизни препод. Никандра ...стынѣ. Такъ, у него сдѣланы очень сходныя съ житіемъ Өеодосія ...ки о непрестанныхъ молитвахъ преподобнаго и о его смиреніи, по...вшемъ скрывать отъ другихъ свои молитвенные и постническіе под... Оканчивая на этомъ изслѣдованіе вопроса о литературномъ источ...второй біографіи, позволимъ себѣ и здѣсь точнѣе отмѣтить степень ... литературнаго вліянія.

...ловѣцы же, живущіи окрестъ, ...а во мнозѣ приходити къ нему, ...дяще же къ келіи тихо, всегда ...ху того молящася и зѣло пла... и главу свою о землю часто ...; егда же святый ощущаше ...ѣческій приходъ абіе умолча... и творяшеся, яко спитъ... И ...по вся дни и нощи повѣдаху ...оряще.

... печ. изд. житія 1805 г., л. 51. ...к. № 620, л. 117.

Внегда бо годъ боудяше заутренему пѣнію и онѣмъ (церковнымъ строителямъ) хотящимъ благословеніе взяти отъ него, и единъ отъ нихъ тихыма ногама шедъ и ставъ, послоушаше, ти слышаше и молящася и вельми плачющася и главою часто о землю біюща; таче пакы мало отступивъ, и се начняше рамяно шествовати, якоже слышаше тоутенъ, оумолкняше, творяся, еже мнѣти оному, яко спитъ... Сице же по вся нощи споврѣдахуть и творяща.

Ор. с., стр. XXXIII—XXXIV. Ср. „Сборникъ XII в.", стр. 68.

По вся же лѣта в постъ святыя четыредесятницы поединою въ недѣлю ядяше и въ постѣ и молитвѣ пребываше до настоящія нощи приходящія цвѣтныя недѣли, въ пятокъ же прежде тоя недѣли во время вечерни прихождаше въ Демянскій монастырь и отъ тамо сущихъ игумена пріимаше пречистыхъ таинъ Х. Б. нашего; братія же тоя обители себѣ недостойно творяща, аки и единыя недѣли не достигша противу трудомъ ихъ.

Рук. № 620, л. 117 об.—118.

По вся же лѣта въ великое говѣніе святыхъ мясопущь отець нашь Θеодосій отхожаше въ пещеру, идѣже честное его тѣло положено бысть, тоуже затворяшеся до вербныя недѣля единъ, и в пятъкъ тоя недѣля, в годъ вечерьняя, прихожаше къ братіи и ставъ в дверехъ церковныхъ оучаше вся и оутешаше я подвига ради и пощенія ихъ, себе же недостойна творя, якоже понѣ ни единыя недѣли достигнути противу трудомъ ихъ.

О. с., стр. XXII. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 57.

Въ краткой редакціи объ этомъ читаемъ лишь: „и единою лѣтомъ хожаше исъ пустыни святый въ Демянскій монастырь исповѣдатися и пречистыхъ таинъ пріимати и паки вскорѣ возвращаяся въ свою пустыню“.

(Рук. № 212/145, л. 222 об.).

Такимъ образомъ, пользуясь болѣе раннею редакціей житія препод. Никандра и дѣлая незначительныя дополненія къ ней фактическаго свойства, второй біографъ преподобнаго главное свое вниманіе обратилъ на литературную обработку „неудобреннаго“ труда своего предшественника и въ основу своей работы положилъ, какъ видимъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ древне-русской агіографической литературы. Неудивительно послѣ этого, если его трудъ и въ литературномъ отношеніи представляетъ собою столь же хорошій памятникъ о жизни преподобнаго, какимъ онъ является и со стороны исторической—по своему содержанію. Изъ житій псковскихъ святыхъ житіе препод. Никандра можетъ по справедливости занимать первое мѣсто.

Въ заключеніе обзора рукописныхъ редакцій житія препод. Никандра необходимо сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ вторую біографію святаго. Какъ и въ первой редакціи, объ этомъ здѣсь нѣтъ какихъ-либо указаній. Но съ вѣроятностію можно представлять дѣло такъ, что эта вторая редакція была вызвана канонизаціею святаго, для которой первое житіе оказывалось недостаточнымъ, такъ какъ въ немъ не было самаго главнаго—описанія посмертныхъ чудесъ. Этотъ недостатокъ и восполняетъ вторая редакція житія, которая и по времени своего написанія, какъ отмѣчено выше, очень близка ко времени открытія мощей препод. Никандра и причтенія его къ лику общепочитаемыхъ русскихъ святыхъ.

Рукописными редакціями житія препод. Никандра не исчерпывается литературная исторія этого памятника. Какъ указано раньше, имѣется еще печатное изданіе житія, представляющее собою образецъ дальнѣйшей литературной обработки житія преподобнаго. Къ сожалѣнію, при неизвѣстности рукописнаго списка, по которому было произведено это изданіе, мы не можемъ подробно прослѣдить процессъ окончательной литературной обработки житія преподобнаго и точно установить отношеніе печатнаго изданія къ рукописному его источнику. Въ виду этого, во избѣжаніе предположительныхъ рѣшеній, ограничимся лишь общими замѣчаніями по указаннымъ вопросамъ и такою же общею оцѣнкою историческаго значенія этой новой редакціи. Хорошимъ руководствомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить позднѣйшій (XVIII в.) списокъ житія въ рукописи № 8 Археогр. Комм., въ которомъ помѣщены не только описанія всѣхъ чудесъ, имѣющихся въ печатномъ изданіи, но и,—что особенно важно,—статья объ освидѣтельствованіи мощей преподобнаго въ 1687 году.

Извѣстны три печатныхъ изданія житія препод. Никандра (всѣ— Моск. Син. тип.): 1799 г. (изъ собранія старопечатныхъ книгъ Ундольскаго, № 1236/588), 1801 г. (ib., № 1252/598) и 1805 г.[1]). Мы пользуемся послѣднимъ изданіемъ. Между этими изданіями нѣтъ какой-либо разницы, если не считать того, что въ первомъ изданіи не находимъ описанія 18-го чуда: „како избави (препод. Никандръ) нѣкоего Богдана Лаврова отъ демоновъ", которое помѣщено во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ. Къ разъясненію вопроса объ источникѣ, на которомъ основывается это изданіе, могутъ относиться двѣ замѣтки въ текстѣ его, правда, не совсѣмъ ясныя и въ сущности не заслуживающія довѣрія. Въ описаніи обрѣтенія мощей говорится, что оригиналъ житія, послѣ прочтенія его на соборѣ 1687 г., черезъ тихвинскаго архимандрита Макарія былъ переданъ въ Никандрову пустынь (л. 75). Можно бы отсюда заключить, что это „оригинальное житіе" и легло въ основу печатнаго изданія. Но отличалось ли оно чѣмъ-либо отъ разсмотрѣнныхъ списковъ второй редакціи или своими особенностями текстъ печатнаго изданія обязанъ исключительно редактору, на это нельзя дать положительнаго отвѣта.

Объ обстоятельствахъ составленія новой редакціи въ предисловіи ея мы читаемъ слѣдующую замѣтку. „Сего ради (т. е. въ виду назидательнаго значенія житій святыхъ) и азъ, братіе, вашему повелѣнію отеческому повинувся и уповая на помощь Вышняго (аще и нѣсмь достоинъ, выше бо силы моя дѣло сіе), нынѣ дерзнухъ достохвальнаго и блаженнаго Никандра житіе писанію предати, и яже слышахъ о немъ отъ ученикъ его, исперва съ нимъ добрѣ жительствовавшихъ и купно въ пустыни трудившихся..., пріяхъ сія..., да не во глубину забвенія пріидутъ" (л. 6 об.). Изъ этой замѣтки можно бы заключить, что

---

[1]) Въ „Хронол. указателѣ слав.-рус. книгъ церков. печати", Ундольскаго, М. 1871 г.), отмѣчено еще изданіе 1802 г., № 3207, стр. 293.

житіе имѣло полуоффиціальное происхожденіе и составлено было по разсказамъ учениковъ преподобнаго съ цѣлію сохранить отъ забвенія эти устные разсказы. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Редакторъ въ данномъ случаѣ лишь повторяетъ обычныя въ древне-русскихъ житіяхъ слова авторскаго предисловія, и притомъ—очень неудачно. По крайней мѣрѣ онъ не могъ слышать разсказовъ учениковъ преподобнаго, „съ нимъ добрѣ жительствовавшихъ и купно въ пустыни трудившихся", такъ какъ ихъ и совсѣмъ не было у псковскаго пустынножителя. Точно также жизнь и чудеса преподобнаго не могли впасть „во глубину забвенья", такъ какъ житіе было написано уже давно; а что оно хранилось въ монастырѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ авторъ разсматриваемой редакціи, когда говоритъ, что разсказъ дворянина Ушакова объ исцѣленіи его дочери въ 1684 г. игуменъ и братія приказали „вписати въ книгу житія и чудесъ его (Никандра)" (л. 109).

Нельзя точно опредѣлить, насколько самостоятеленъ редакторъ этой третьей біографіи въ составленіи предисловія, но что и ему не чуждъ былъ обычай дѣлать заимствованія изъ сторонняго источника, это безспорно. Въ нѣкоторыхъ строкахъ его предисловіе до буквальности почти сходно, напр., съ предисловіемъ къ житію св. Саввы Сербскаго. И интересно, что оно совпадаетъ съ нимъ даже и въ приведенныхъ выше строкахъ объ обстоятельствахъ написанія житія препод. Никандра. Позволимъ себѣ сопоставить текстъ изъ обоихъ памятниковъ,—разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы утверждать о зависимости редактора отъ составителя житія св. Саввы, но чтобы яснѣе доказать высказанную выше мысль, что замѣтка новаго редактора не можетъ имѣть никакой цѣны для выясненія литературной исторія житія преподобнаго.

Изъ житія препод. Никандра, по печатн. изд. 1805 г.	*Изъ житія св. Саввы Сербскаго, по рук. б-ки М. Д. Ак. № 620.*
...Праведно глаголю и воистину праведно и сего святаго и всеблаженнаго отца нашего Никандра, въ нынѣшняя времена новопросіявшаго, елико по силѣ нашей богоугодное житіе описати. Сіе же не яко онаго ищущымъ намъ похвалити (похвала бо праведнику отъ Господа), но нѣчто полезное отъ него снискати. Аще бо древнихъ и изрядныхъ мужей житія потребно писати и прочитати пользы ради, бываемыя отъ нихъ человѣкомъ, кольми паче въ нынѣшнее послѣднее время, въ немже мало спасаемыхъ есть, не точію потребно, но и зѣло желанно о	...всеблаженаго Савы, иже нынѣ ново въ наша роды просіявшаа добродѣтели житіа бодрено сказати възможемъ, не яко оного ищуще похвалити, похвала бо праведнику отъ Господа,—паче же полѣзно что самѣмъ отъ него снискающе, не бо но и древнихъ изрядныхъ мужъ житіа потребно бяху писатися и почитати ползы ради отъ нихъ пребываемыа человѣкомъ, а еже нынѣ нашего послѣдняго лѣниваго рода, въ нъже вѣкь кончина достиже, в немже мало спасаемыхъ, не точію потребно, но и зѣло желанно еже сихъ писати и частѣе почитати, и

дныхъ мужехъ повѣствовати и тія' ихъ, яко на высотѣ сто- одушевленныя столпы взирати, ь нихъ наставлятися, и яко ми подстрекаемымъ въ добро- и по малу направлятися: едва ногія повѣсти возбудять сердца къ житія исправленію. Сего и азъ, братіе, вашему повелѣ- теческому повинувся и уповая мощь Вышняго (аще и нѣсмь инъ, выше бо силы моя дѣло нынѣ дерзнухъ достохвальнаго женнаго Никандра житіе пи- предати, и яже слышахъ о отъ ученикъ его, исперва съ добрѣ жительствовавшихъ и въ пустыни трудившихся, и ребогатое сокровище или на- отче извѣстно пріяхъ сія и ихъ по насъ памяти оставити, во глубину забвенія пріидутъ. ке по достоянію едва изъяснити зможемъ, имуще умъ страненъ чистъ и неудобопостигающъ, же Бога въ помощь молитвами ризываемъ и по силѣ благо- даннѣй намъ отъ него, начи- повѣсть (л. 5 об.—7).

яко въ высоту стоящаа одушевленыя столпы на житіа ихъ зрѣти и како и елико отъ нихъ остающе себѣ зазрѣти и съвѣстію осудитися, овоже за сущаа въ насъ лѣности, яко се поучаемы ими и яко остномь стрѣ- чемы къ добродѣтели и малы подвиг- немся; едва бо аще и многы и ве- ликыи повѣсти възбудять сердца наша къ житію исправленію. Сихъ ради и азъ вашему повелѣнью очь- скому повинувся, нынѣ хвалимаго всеблаженаго Савы житіе, иже въ святѣй горѣ Афона постившагося, послѣди же бывша пръваго архі- епископа и учителя Сербьскаго, въ повѣсть предлагаю слышащи, не отъ слышаніа токмо сіа пріемь, но отъ честныхъ его ученикъ, иже съ нимъ спостникъ и странчьствія спутникъ и хожденіа сструдникъ, иже яко пребогатое съкровище или причастіе оче, иже по нихъ оного стаду писаніемъ оставиша, прѣдлагаемъ же о мужи слово, не несущаа о немъ списающе и яко многымы по- хвалами сего оукоримъ, паче нежели похвалимъ, паче же сущихъ, аще и едва изъяснити възможемъ, бла- жимы будемъ, не оскуденъ бо отъ небесныхъ похвалъ бжственыхъ вку- пѣ и агльскыхъ, яже оумъ нашь яко страстенъ и нечистъ и непости- женъ изглаголати, обаче Бога въ помощь млътвами его призываемъ, иже по силѣ начинаемъ повѣсть (л. 1—3).

Точно также не слѣдуетъ придавать никакого значенія и помѣщен- ь статьѣ объ освидѣтельствованіи мощей преподобнаго замѣткѣ объ ременности съ этимъ событіемъ составленія житія. Какъ можно ви- изъ помѣщеннаго въ приложеніи параллельнаго текста этой статьи патному изданію житія и по рукописи библіотеки Импер. Археогр. ссіи, при освидѣтельствованіи мощей препод. Никандра не только ло составлено житія, но не было даже составлено и службы, а лишь лица, производившія освидѣтельствованіе, взяли изъ мона-

стыря для представленія въ Москву ранѣе уже составленныя житіе и службу. Послѣдняя названа „новосложною", и составленіе ея приписывается никандровскому монаху Андронику (л. 87).

Не считаемъ нужнымъ входить въ подробный сравнительный обзоръ текстовъ печатнаго изданія и рукописныхъ списковъ житія и ограничимся лишь краткою характеристикою особенностей перваго и такими же краткими замѣчаніями объ отношеніяхъ его къ тексту второй рукописной редакціи.

Печатное изданіе представляетъ собою расширеніе описаній рукописной редакціи, произведенное на тѣхъ же основахъ, на какихъ сдѣлана переработка болѣе ранней редакціи вторымъ біографомъ преподобнаго. Объемъ описаній здѣсь значительно увеличенъ вставками текстовъ изъ Священнаго Писанія и различнаго рода нравоучительныхъ сентенцій. Понятно, что такое увеличеніе сдѣлано скорѣе въ ущербъ историческому содержанію памятника, чѣмъ въ его пользу, такъ какъ біографическія свѣдѣнія о святомъ не только не освѣщаются этими широковѣщательными поясненіями, но даже утрачиваютъ живость и непосредственность, съ какими они переданы, напр., первымъ біографомъ. Въ печатномъ изданіи измѣненія дѣлаются не только со стороны содержанія описаній ранней редакціи, но и въ изложеніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя поправки нельзя назвать удачными и правильными. Такъ, напр., въ рукописной второй редакціи, отмѣчающей вліяніе на подвижническое настроеніе препод. Никандра разсказовъ о жизни и подвигахъ препод. Евфросина и Саввы Крыпецкаго, передается, что онъ „послушавъ житія ихъ и ревнуя во всемъ оуподобитися житію ихъ" (№ 620, л. 94). Въ печатномъ изданіи дѣло представляется такъ, что преподобный, будучи еще во Псковѣ, самъ читалъ житія этихъ подвижниковъ: „чтеніемъ же святаго ихъ житія яко небеснымъ хлѣбомъ алчную душу свою насыти" (л. 16 об.). Но въ 1524—25 гг.,—къ какому времени нужно отнести эту замѣтку,—не было еще написано житія препод. Саввы, а житіе Евфросина хотя и имѣлось, но изъ него не много могъ узнать преподобный о пустынныхъ подвигахъ своего односельчанина, такъ какъ первая редакція житія Евфросина мало останавливается на этой сторонѣ жизни святаго.

Такую же неточность находимъ и въ поправкѣ, сдѣланной къ замѣткѣ рукописныхъ редакцій о псковской Богоявленской церкви, въ которой имѣлъ обыкновеніе молиться преподобный: „великого богоявлены изо Кстовы въ среднемъ городѣ" (рукоп. Ар. М. И. Д., л. 215), „въ церкви св. богоявленій, иже есть и до нынѣ стоитъ въ среднемъ городѣ, именуемомъ во Кстовѣ" (рукоп. Син. библ., л. 97 об.). Такъ дѣйствительно и называлась мѣстность, гдѣ стоитъ эта церковь [1]). Въ печатномъ изданіи эта замѣтка была признана опискою и вмѣсто словъ: „въ среднемъ городѣ во Кстовѣ", здѣсь поставлено: „въ среднемъ градѣ во Псковѣ" (л. 21 об.).

---

[1]) См. Археолог. указатель г. Пскова—Василева, стр. 63.

Редакторъ текста печатнаго изданія пытался установить болѣе правильную хронологію пустынной жизни преподобнаго; но и эта попытка вышла неудачною. Вмѣсто опредѣленій въ рукописныхъ редакціяхъ перваго періода жизни преподобнаго въ пустынѣ—въ 12 или 15 лѣтъ, здѣсь стоитъ неопредѣленное указаніе: „пребысть въ той пустыни неисходно лѣта многа“ (л. 22 об.). Въ опредѣленіи продолжительности второго періода печатное изданіе сходно съ рукописными редакціями: 15 лѣтъ (л. 28 об.). Но относительно третьяго періода опять видимъ разницу. Въ печатномъ изданіи онъ опредѣленъ въ 47 л. и 2 мѣсяца, тогда какъ въ рукописныхъ редакціяхъ: въ первой: 39 л. и 2 м. (л. 218 об.), во второй: 32 г. и 2 мѣс. (л. 112). Прибавляя къ 17 годамъ, проведеннымъ преподобнымъ въ Виделебьѣ, $15+47+3^1/_2$ года жизни его на островѣ близъ Крыпецкаго монастыря, получаемъ $82^1/_2$ г. Такъ какъ по указанію печатнаго изданія всѣхъ лѣтъ житія препод. Никандра было 85 и 8 мѣсяцевъ, то и выходитъ, что на долю этихъ „многихъ лѣтъ“, проведенныхъ преподобнымъ въ пустынѣ до постриженія, остается всего лишь 3 года. Но изъ нихъ еще нужно вычесть время жизни въ Псковѣ у Филиппа и двукратнаго пребыванія святаго въ Крыпецкомъ монастырѣ. Словомъ, печатное изданіе не только не разъясняетъ намъ разногласій въ хронологическихъ указаніяхъ рукописныхъ редакцій, но вноситъ лишь большую путаницу. Отъ себя авторъ печатнаго текста дѣлаетъ ошибку въ опредѣленіи числа лѣтъ земной жизни преподобнаго: „всѣхъ же лѣтъ житія святаго бѣ осмьдесять и пять лѣтъ и осмь мѣсяцевъ“ (л. 71 об.). Но по представленной здѣсь же хронологіи рожденія преподобнаго Никандра (въ 7015 году, л. 8) и его кончины (7090, л. 67 об.) выходитъ, что преподобный жилъ не 85, а 75 лѣтъ.

Такую же путаницу вноситъ печатное изданіе и въ начальную исторію основанія монастыря. Тогда какъ по рукописнымъ спискамъ церковь была, согласно предсмертному завѣщанію преподобнаго, поставлена еще до прихода въ пустыню строителя монастыря—инока Исаіи, въ печатной редакціи устроеніе и церкви и монастыря приписывается самому Исаіи (ср. рук. № 620, л. 143, 147, и печ. изд. 1805 г., л. 76 об., 81 об.).

Большую цѣнность въ печатномъ изданіи представляютъ собою дополненія къ описаніямъ чудесъ. Здѣсь находимъ 6 лишнихъ чудесъ, по сравненію съ рукописнымъ спискомъ библіотеки Синодальной, но на два чуда меньше, по сравненію со спискомъ Импер. Археогр. Коммиссіи. Послѣднія чудеса, 17 и 18, относятся уже къ XVIII столѣтію.

Запись чудесъ послѣ 1687 г. велась на основаніи разсказовъ очевидцевъ. Такъ, напр., описаніе 13-го чуда, бывшаго при нападеніи на обитель литовцевъ, основано на разсказѣ о немъ архим. Тихвинскаго монастыря Макарія, въ бытность игуменомъ Никандровой пустыни слышавшаго объ этомъ чудѣ „отъ древнихъ тамо старцевъ, наипаче же отъ начальника обители тоя схимонаха Іоны“ (л. 98 об.—99). Изъ описанія -го чуда узнаемъ, что и послѣ канонизаціи святаго въ монастырѣ

усердно собирали разсказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ и записывали ихъ „въ книгу житія и чудесъ" (л. 109).

Изъ рукописныхъ описаній посмертныхъ чудесъ не находимъ описанія 4-го чуда: „о погорѣніи раки препод. Никандра" въ 7171 году (рук. № 620, л. 151—154 об.). Изъ описаній чудесъ, совершенныхъ преподобнымъ при жизни, нѣтъ здѣсь—2-го чуда, о томъ, какъ преподобный попросилъ своего знакомаго Іосифа сходить къ заклинскому діакону за котомъ. Съ содержаніемъ этого интереснаго описанія читатель можетъ ознакомиться изъ прилагаемаго текста первой редакціи житія. Въ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось это чудо, оба біографа преподобнаго видѣли особый даръ „прозрѣнія" святаго, благодаря которому онъ напередъ зналъ всѣ помышленія Іосифа. Но по своему сюжету это описаніе едва-ли можно признать умѣстнымъ и удобнымъ въ памятникѣ, предназначенномъ для церковнаго чтенія. По этимъ, быть можетъ, соображеніямъ оно и исключено въ текстѣ печатнаго изданія житія. Къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса: кѣмъ собственно было исключено это описаніе—самимъ ли редакторомъ печатнаго изданія или на соборѣ 1687 г., при чтеніи рукописнаго списка. Въ послѣднемъ случаѣ мы могли бы судить о степени строгости духовной цензуры въ XVII в. по отношенію къ памятникамъ агіографической литературы. Впрочемъ, наличность этого описанія въ спискѣ Импер. Археогр. Комм. говоритъ за большую вѣроятность перваго предположенія.

Въ заключеніе нашего обзора редакцій житія препод. Никандра остановимся на одномъ примѣрѣ, хорошо, по нашему мнѣнію, разъясняющемъ собою, какъ при литературной обработкѣ первичной редакціи житія простой ея, чисто фактическій разсказъ постепенно измѣнялся не только съ внѣшней своей стороны, но и съ внутренней, со стороны своего содержанія; какъ онъ постепенно утрачивалъ первоначальный свой смыслъ, а въ окончательной литературной обработкѣ—даже и самую фактическую основу. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду разсказъ житія препод. Никандра о приходѣ къ его кельѣ медвѣдя. Приведемъ текстъ этого разсказа по тремъ редакціямъ житія.

Рук. А. М. И. Д., № 212/145, л. 221 и на об.	Рук. С. б., № 620, л. 120 и на об.	Печат. изд. житія 1805 г. л. 55.
И бысть нѣколи стоящу ему на молитвѣ, и пріиде медвѣдь къ келіи его и начать о нею правитися, келея же дрожаше; преподобный же Никандра прекрестивъ оконца и посмотрѣ во едино оконце и видѣ велика звѣря стояща и огради его крестнымъ	По семже пріиде медвѣдь къ кѣліи его и нача о кѣлію правитися, кѣлія же дрожаше; преподобный же, прекрестивъ оконце и оградився знаменіемъ крестнымъ, и абіе видитъ велика звѣря стояща оу кѣліи его; преподобный же изшедъ исъ кѣліи и	Нѣкогда же вражіимъ совѣтомъ пріиде гіена вельми велика и начатъ чесатися о келлію святаго, яко всей хижинѣ его трястися. Преподобный же изшедъ изъ келліи небоязненно и видѣвъ звѣря вельми велика, огради его крестнымъ знаменіемъ;

наменіемъ и дунувъ на него, звѣрь же паде на землю, яко мертвъ; преподобный же Никандра пріиде к звѣрю ...пію, звѣрь же ползая ... земли и припаде ко ...му, лижущу ему нозѣ ..., онъ же благослови... его и дуну и от...сти его во свой путь.

оградивъ его знаменіемъ крестнымъ, звѣрь же паде на ногу его и лобызавъ нозѣ его, и абіе невидимъ бысть отъ него.

звѣрь же, не терпя крестнаго огражденія и силы распеншагося на немъ, абіе отъиде и ктому не возвратися.

Такимъ образомъ, всѣ три редактора житія одинаково усматриваютъ ...приведенномъ фактѣ чудесный случай; но тогда какъ первый редакторъ ...рого слѣдитъ при этомъ и за фактическою точностью своего разсказа, ...орой—измѣняетъ ея требованіямъ въ концѣ своего описанія, а третій и ...все не обращаетъ на эти требованія своего вниманія.

Въ библіотекѣ Елеазаровскаго монастыря имѣются рукописные списки ...тія преп. Серапіона и повѣсти о цареградской иконѣ Божіей Матери. ...ервый памятникъ озаглавленъ такъ: „житіе преп. отца нашего Серапіона, ...же на рѣцѣ Толвѣ, псковскаго чудотворца“, второй: „сказаніе о при...ествіи отъ цряграда чудотворныя цареградскія, паче-же елеазаровскія ...оны престыя и пречистыя Владычицы нашея Б-цы и Приснодѣвы Ма...и“. Оба памятника—въ спискахъ прошедшаго столѣтія, и въ содержа... ихъ очень замѣтны слѣды позднѣйшаго сочинительства. Причиною, вы...вшею составленіе „житія“ и „сказанія“, былъ недостатокъ свѣдѣній ... житіи преп. Евфросина о Серапіонѣ и о цареградской иконѣ Божіей ...тери. Въ первой біографіи преподобнаго о Серапіонѣ помѣщена лишь ...чайная замѣтка и то уже въ концѣ житія. У Василія разсказъ о спо...жникѣ преп. Евфросина хотя и поставленъ на своемъ мѣстѣ, но по ...ему содержанію онъ представляетъ собою почти дословную переписку ... первой редакціи Евфросиновскаго житія. Затѣмъ, у обоихъ списателей ...а лишь характеристика подвижнической жизни Серапіона, но вовсе ...тъ біографическихъ свѣдѣній: о происхожденіи преподобнаго, времени ... рожденія и смерти и т. п. А эти свѣдѣнія нужны были въ обители, ...къ какъ здѣсь давно уже,—вѣроятно, одновременно съ установленіемъ ...рковнаго чествованія Евфросину,—почитался какъ святой и Серапіонъ. ...ставитель житія и имѣлъ въ виду дать полную біографію преподобнаго.

О происхожденіи Серапіона въ житіи сообщается, что преподобный ...лъ „житель града Юрьева, прихожанинъ-же церквей святителя Николая ...великомученика Георгія, яже бѣша въ русскомъ концѣ града Юрьева“, ... преподобному пришлось жить въ Юрьевѣ во время притѣсненій ...инянами исповѣдниковъ православной вѣры и что онъ обнаружилъ

особую ревность къ православію: обличалъ латинскую „схизму“ и за эти обличенія „зловѣрія латинъ“ претерпѣвалъ отъ нихъ „безчестія и скорби мнози, почасту же и тяжціи раны“. Убѣдившись въ невозможности дальнѣйшей борьбы съ сильными противниками, которые „насиліемъ возхотѣша его привлещи ко оуніи своей“, преподобный оставилъ Юрьевъ и перешелъ отсюда въ псковскіе предѣлы, въ пустынное мѣсто на рѣкѣ Толвѣ, гдѣ подвизался тогда въ безмолвіи преп. Евфросинъ. Это сообщеніе о происхожденіи Серапіона изъ Юрьева само по себѣ, конечно, не представляетъ чего-нибудь невѣроятнаго. Пришлыми иноками были, какъ знаемъ, и Савва Крыпецкій и Іона Псково-Печерскій. Но подробности біографическаго разсказа мало вызываютъ къ себѣ довѣрія; въ нихъ слишкомъ замѣтно сочинительство, въ основѣ котораго лежатъ извѣстія о мученической кончинѣ преп. Исидора и его пасомыхъ и о преп. Іонѣ Псково-Печерскомъ.

Легко замѣтить и хронологическія неточности въ разсказѣ. По свидѣтельству біографа, преп. Серапіонъ, скончавшійся въ 1480 г., 90 лѣтъ, подвизался въ Елеазаровской обители 55 лѣтъ. Отсюда, періодъ его жизни въ Юрьевѣ обнимаетъ собою 1390—1425 г.г. Но мы вовсе не имѣемъ извѣстій, чтобы въ это время были притѣсненія православнымъ отъ латинянъ, а тѣмъ болѣе „мученическія смерти“ и вообще попытки латинянъ насильно привлекать православныхъ жителей „ко оуніи своей“. Составитель біографіи преподобнаго въ данномъ случаѣ неудачно воспользовался историческими извѣстіями объ юрьевскихъ событіяхъ конца XV в., на что едва-ли даже имѣлъ какія-нибудь фактическія основанія въ своихъ свѣдѣніяхъ о жизни Серапіона.

Правдоподобнѣе изложена та часть біографіи, въ которой передается о жизни Серапіона въ Елеазаровской обители,—хотя и здѣсь строго-фактическихъ данныхъ немного. Она основана главнымъ образомъ на статьѣ о Серапіонѣ изъ житія преп. Евфросина; но біографъ значительно дополняетъ свой первоисточникъ. Эти дополненія можно наблюдать въ началѣ описаній, напр., въ разсказѣ объ отхожденіи Серапіона отъ Евфросина, происшедшемъ, по замѣчанію біографа, „безъ благословенія старча“. Какъ указано выше, это подтверждаетъ и проложная редакція житія Евфросина. Но особенно замѣтны дополненія въ подробностяхъ характеристики жизни преп. Серапіона въ монастырѣ. Въ основѣ ихъ лежитъ общая мысль біографа Евфросина, что Серапіонъ велъ такую жизнь, „яко превосходити ему всѣхъ въ стго обители добродѣтелми“ [1]). Развивая эту мысль, біографъ сообщаетъ, что преподобный дѣйствительно представлялъ собою образецъ инока-подвижника, воплотившаго въ своей жизни идеалы строгаго Евфросиновскаго устава: „крѣпце храняше вси уставы и правила иночестіи, яже пр. Евфросинъ въ своей ему си пустыни ввождаше“. По словамъ біографа, Серапіонъ не только ежедневно открывалъ начальнику обители свои помыслы, „яко больный врачу раны“, но и во-

[1]) Пам. ст. рус. лит., IV, 70.

обще былъ ближайшимъ помощникомъ Евфросина, „яко спостникъ и другъ его“. Въ качествѣ образца строгаго исполненія Серапіономъ устава преп. Евфросина его біографъ приводитъ особую любовь Серапіона къ молитвѣ церковной. „Молитву же церковную не сравниваше съ келлейною, но предпочиташе первую послѣдней, глаголаше бо, яко дванадесять псалмы въ келліи пропѣтыи не равни будуть съ соборнымъ пѣніемъ: Господи помилуй, единожды пропѣтымъ; сего ради и самъ Господь рече: идѣже двое или трое собрани во имя мое, ту и азъ посреди ихъ“. Источникомъ этого сообщенія несомнѣнно служитъ глава устава Евфросина: „о церковномъ сходѣ“. На этомъ-же источникѣ основано и слѣдующее сообщеніе біографа: „женъ же блаженый въ келлію свою не принимаше и егда ключашеся тыя ему видѣти гдѣ-либо, на нихь не взираше, бесѣдъ же съ ними не ведяше и отъ нихъ скоро отхождаше, въ баню отнюдь не хождаше и тѣла своего не обнажаше, дабы видѣти е“ [1]).

Въ дополненіе къ біографическимъ свѣдѣніямъ о Серапіонѣ житія Евфросина, біографъ говоритъ еще, что преподобный несъ особое послушаніе въ обители—былъ пекаремъ: „къ симъ-же еще бѣ тружаяйся и въ пекарни“, и что онъ не рѣдко по ночамъ предавалъ себя „самопроизвольному“ мученію: „исхождаше на мѣста болотныя или къ часовнѣ Пречистыя, яже на источницѣ, и ту полуобнажаяся, даяше плоть свою оводамъ и камарамъ терзати, и тако самопроизволенъ мученикъ бываше“.

Но на ряду съ такими общежитійными чертами въ житіи Серапіона мы имѣемъ и болѣе точныя о немъ свѣдѣнія,—напр., сообщеніе о болѣзни подвижника, отъ которой онъ былъ чудесно исцѣленъ явившимся ему преп. Онуфріемъ. Въ разсказѣ объ этой болѣзни говорится, что „мало бо не къ смерти въ немъ животъ бѣ, понеже двадесять днiй недвижимъ лежаше“. Несомнѣнно, что это сообщеніе основано на монастырскомъ преданіи о Серапіонѣ. Тотъ же источникъ имѣютъ и дальнѣйшіе разсказы объ исцѣленіи преподобнымъ латыша-крестьянина Отто въ 1476 г., о предсказаніи святымъ въ 1479 г., что „въ годину кончины (его) сильный врагъ изъ Ливоніи со многочисленною ратію подступитъ ко Пскову“, и описаніе посмертныхъ чудесъ святаго (числомъ 7), помѣщенное въ концѣ житія. Эти монастырскія преданія, конечно, заслуживаютъ довѣрія.

Трудно опредѣлить, на чемъ основано въ біографіи преп. Серапіона сообщеніе, что онъ, зная латышскій и чухонскій языки, и въ монастырѣ велъ борьбу съ латинскою пропагандою, заботился о томъ, „еже како бы въ латышахъ и чюхнѣхъ возбуждати живый духъ православныя вѣры“,— передаетъ ли біографъ и здѣсь монастырское преданіе или у него это только непосредственный выводъ изъ ранѣе помѣщенныхъ біографическихъ свѣдѣній о святомъ. Послѣднее объясненіе представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что біографъ въ данномъ случаѣ не приводитъ какихъ-либо фактовъ изъ миссіонерской дѣятельности преподобнаго, а ограничивается лишь общею ея характеристикою.

---

[1]) Ср. въ приложеніи гл. устава: „о женьскомъ вхожденіи“ и „о банѣ“.

Въ біографіи Серапіона остался не выясненнымъ одинъ вопросъ, на который должна была бы натолкнуть біографа замѣтка о Серапіонѣ въ житіи преп. Евфросина. Именно, по житію, Серапіонъ пришелъ въ пустыню на Толву уже инокомъ: „пріиде же нѣкій инокъ, именемъ Серапіонъ" (70). Но гдѣ онъ принялъ иночество: въ Юрьевѣ или въ одномъ изъ псковскихъ монастырей,—ничего объ этомъ не говоритъ біографъ Серапіона.

Наконецъ, въ житіи Евфросина первый его сподвижникъ названъ старцемъ (70), но это противорѣчитъ представленной въ біографіи преподобнаго хронологіи, изъ которой видно, что Серапіону въ пору прибытія его на Толву было лишь 35 лѣтъ. Впрочемъ, это противорѣчіе не имѣетъ особаго значенія: ошибки біографовъ въ опредѣленіи возраста святыхъ дѣло довольно обычное. Такую же ошибку дѣлаетъ и біографъ Серапіона, когда замѣчаетъ, что преподобный отошелъ отъ Евфросина „безъ благословенія старчя": въ 1425 году и Евфросину не было еще 40 лѣтъ [1]).

Въ біографіи точно указаны годъ и число кончины преп. Серапіона: „ко Господу отъиде въ 8 день сентемврія, лѣта отъ рождества еже во плоти Бога Слова 1480, будучи отъ рожденія 90 лѣтъ". Эта хронологическая дата принята и митр. Евгеніемъ. Барсуковъ, со словъ арх. Сергія, относитъ кончину Серапіона къ 8 сент. 1481 г. Но это не вѣрно. Изъ житія преп. Евфросина мы знаемъ, что Серапіонъ скончался раньше своего сподвижника и друга и „погребенъ бывъ блаженнымъ Евфросиномъ" [2]).

Житіе Серапіона, несмотря на свое позднее происхожденіе, имѣетъ нѣкоторый интересъ въ историческомъ отношеніи. Оно знакомитъ насъ съ монастырскими преданіями о преподобномъ и такимъ образомъ пополняетъ біографическія о немъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ житіи Евфросина [3]).

Труднѣе опредѣлить историческое значеніе другого памятника—сказанія о цареградской иконѣ Божіей Матери. Составленіе этого памятника вызвано недостаткомъ свѣдѣній объ елеазаровской чудотворной иконѣ въ житіи преп. Евфросина. У перваго біографа преподобнаго не сказано, какою именно иконою благословилъ Евфросина патр. Іосифъ. Точнѣе опредѣляетъ это второй біографъ. Онъ говоритъ, что подаренная патріархомъ икона былъ образъ Богоматери „честнаго ея умиленія" (стр. 81),

---

[1]) Названіе „старецъ" въ монастырской письменности не всегда, впрочемъ, указываетъ на возрастъ подвижника. Этимъ именемъ иногда называется вообще монахъ, не имѣющій священнаго сана. Объясненіе этого названія см. у Малинина, „Старецъ Елеазаровскаго монастыря Филоѳей", стр. 40—41.

[2]) Ист. кн. пск., ч. III, стр. 78; Источники рус. агіографіи, стр. 508; Пам. ст. р. лит., 71.

[3]) Подробно и очень близко къ монастырскому списку содержаніе житія преп. Серапіона передано въ „Страннинѣ" за 1874 г., т. II, ч. I, стр. 159—171. См. также составленное нами „Житіе преп. Серапіона, псковскаго чудотворца", Псковъ, 1906 г., изданіе Спасо-Елеазарова монастыря.

т. е. именно та, о которой составлено разсматриваемое нами сказаніе. Но составитель сказанія, какъ отмѣчено уже раньше, не во всемъ согласенъ съ показаніями объ этой иконѣ біографовъ Евфросина. По его мнѣнію, цареградская икона была получена Евфросиномъ позднѣе путешествія на Востокъ, въ 1458 г., не отъ Іосифа, а отъ патр. Геннадія, и притомъ не лично преподобнымъ, а чрезъ другого какого-то „христолюбца". Если бы можно было доказать безусловную правильность этого сообщенія, то оно имѣло бы для насъ несомнѣнную цѣнность. Оно не только устанавливало бы фактъ сношеній Евфросина съ цареградскимъ патріархомъ Геннадіемъ, этимъ „дивнымъ ревнителемъ православія противу папы и Магомета", но и показывало бы, что свѣдѣнія о начальной исторіи Елеазаровской обители въ главномъ ея источникѣ: въ житіи Евфросина, не полны. Но, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ для провѣрки источника этого сообщенія, а содержаніе „сказанія" наводитъ на мысль, что и вообще этотъ источникъ не надежный. Въ концѣ сказанія мы читаемъ, что, по монастырскому преданію, икона Богоматери была торжественно встрѣчена преп. Евфросиномъ въ верстѣ отъ монастыря и что на мѣстѣ встрѣчи была затѣмъ устроена преподобнымъ часовня Пречистой. Какое значеніе придавалось въ монастырѣ этому событію встрѣчи иконы видно изъ того, что и самый монастырь, по сказанію, съ этого времени сталъ называться Срѣтенскимъ. Названіе это дѣйствительно встрѣчаемъ въ монастырскихъ синодикахъ первой половины XVII в. Но одно лишь преданіе о встрѣчѣ иконы, конечно, очень недостаточное основаніе, чтобы можно было вполнѣ довѣриться „сказанію" и совершенно игнорировать объясненія о происхожденіи елеазаровской иконы, данныя біографами преподобнаго Евфросина.

Объясненіе побужденій, которыми руководился патр. Геннадій, отправляя въ Елеазаровскую обитель икону, не заслуживаетъ довѣрія и свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что они были вовсе не извѣстны составителю сказанія. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ о недостаткахъ въ религіозно-нравственной жизни древнихъ новгородцевъ и псковичей и особенно о ихъ склонности къ латинской уніи, развивавшейся благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ нѣмецкими городами—Юрьевомъ и Нарвою. Подробно описываетъ онъ и тяжелыя событія, которыя пришлось переживать въ XV в. Византійской имперіи, „егда охладѣ къ православнѣй вѣрѣ и впаде въ унію латинъ". По взгляду автора, въ XV вѣкѣ одна лишь Елеазаровская обитель являлась въ Псковѣ твердымъ оплотомъ противъ латинянъ и въ то же время она была чуть-ли не самымъ святымъ мѣстомъ во всемъ православномъ мірѣ. Для поддержанія въ борьбѣ съ латинствомъ патріархъ Геннадій, по внушенію свыше, и рѣшилъ послать Евфросину икону Б. М., охранительницы греческаго царства. Авторъ сказанія, такимъ образомъ, очень плохой историкъ—прагматикъ. Онъ слѣдуетъ распространенному еще въ древне-русской письменности обычаю указывать важныя, хотя бы и очень отдаленныя, историческія причины для описываемыхъ, въ сущности очень незначительныхъ, событій, чтобы этимъ возвысить ихъ цѣнность и значеніе. Съ этой стороны онъ напоминаетъ

намъ составителей легендарныхъ сказаній о тихвинской иконѣ Б. М. и о бѣломъ клобукѣ и такими пріемами своей работы самъ понижаетъ цѣнность своихъ историческихъ сообщеній.

Въ приложеніи къ сказанію помѣщено, безъ хронологическихъ датъ, описаніе чудесъ отъ иконы Богоматери (21 чудо, на 13 листахъ). Содержаніе этихъ описаній подробно передано въ брошюрѣ архим. Платона: „О чудотворной цареградской иконѣ Б. М., находящейся въ Спасо-Елеазаровскомъ монастырѣ псковской епархіи“ (Псковъ, 1896 г., изд. 2-ое, стр. 5—24). Послѣднее чудо относится къ 1703 г. Восемь изъ описанныхъ чудесъ совершились надъ эстами и латышами. Это нѣсколько подтверждаетъ извѣстія сказанія и житія Серапіона о миссіонерскомъ значеніи Елеазаровской обители для окрестныхъ инородцевъ.

Къ числу цѣнныхъ источниковъ по исторіи мѣстнаго монашества нужно отнести: иноческій и богослужебный уставы Елеазаровскаго монастыря, духовное завѣщаніе преп. Евфросина, посланія въ монастыри высшей духовной власти, монастырскіе синодики, хозяйственные акты и др. мелкіе памятники. Часть этихъ памятниковъ давно уже извѣстна въ наукѣ и достаточно использована,—напр. грамоты высшей духовной власти, завѣщаніе Евфросина,—такъ что о нихъ можно и не говорить подробно. Другою частію, менѣе извѣстною и мало использованною въ ученыхъ работахъ о псковскомъ монашествѣ, придется широко пользоваться въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ нашей книги, а потому здѣсь мы сдѣлаемъ объ этихъ памятникахъ лишь общія библіографическія замѣчанія.

Иноческій уставъ преп. Евфросина представляетъ собою памятникъ, довольно распространенный въ рукописяхъ XVI—XVII в., но мало изслѣдованный въ ученыхъ сочиненіяхъ прошлаго и текущаго столѣтій. При изученіи памятника мы пользовались тремя его списками: б-ки М. Д. А., № 205 и № 632 и Рум. муз. (Унд.), № 52. Послѣдній списокъ имѣетъ нѣкоторыя особенности: онъ содержитъ болѣе краткій текстъ памятника, по сравненію съ двумя предыдущими списками. Въ трефологѣ XVII в., № 626, л. 587-8, б-ки Тр. Сер. Л. помѣщена выписка двухъ главъ изъ устава: „о церковномъ сходѣ“ и „о посланіи на службу“.

Почти вся научная литература о памятникѣ ограничивается библіографическими замѣтками и случайными упоминаніями. Только въ „Ист. рус. ц.“ м. Макарія дано содержаніе устава и сдѣлана краткая замѣтка о сходствѣ его съ грамотою Снѣтогорскому монастырю арх. Діонисія суздальскаго (т. VII, 2 изд., стр. 59—61). Упоминанія объ уставѣ встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ: м. Евгенія, арх. Филарета, Строева, М. Толстого, Голубинскаго, Малинина, у автора „Слов. истор. о святыхъ, прослав. въ Россійской ц.“ и въ „Описаніяхъ“ рукописей. М. Евгеній въ „Ист. кн. псков.“, ч. III, стр. 98, замѣчаетъ: „Евфросинъ написалъ очень изрядный, въ 25 главахъ, общежительный уставъ“. Подобная же замѣтка и въ его „Слов. истор.

о бывшихъ въ Россіи писателяхъ дух. чина", Спб. 1827 г., изд. 2, стр. 165—6, съ добавленіемъ: „новый списокъ устава хранится въ монастырѣ". Въ „Словарѣ истор. о святыхъ", Спб. 1836 г., на стр. 104, читаемъ: „Евфросинъ написалъ для обители своей уставъ общежительный въ 25 главахъ". Преосв. Филаретъ въ „Обзорѣ р. дух. лит.", X. 1859 г., стр. 151, пишетъ: „общежительный уставъ (Евф.) въ 30 главахъ помѣщенъ въ минеи м. Макарія подъ 15 мая". Изъ другихъ замѣтокъ объ уставѣ болѣе интересна замѣтка Голубинскаго въ Б. В. 1892 г., кн. V, стр. 216, гдѣ дѣлается краткое разъясненіе о времени написанія памятника. Указанія въ „Опис." рук. б-къ имѣютъ значеніе для изученія списковъ памятника, но чего-либо новаго сами по себѣ они не даютъ. Объ уставѣ можно находить указанія у Строева—въ „Библ. слов.", у арх. Іосифа—въ „Оглавл. Ч. М. м. Макарія", у Востокова—въ „Опис. Рум. Муз.", у Ундольскаго—въ Опис. рукоп. его б-ки, у Петрова—въ Опис. рук. б-ки Кіево-Соф. соб. и у др.

И въ рукописныхъ спискахъ число главъ указывается неодинаковое. Въ рук. № 205—30 гл., въ рук. № 632—31 глава. Раздѣленіе устава на главы сдѣлано, очевидно, уже позднѣйшими переписчиками. Переписчикъ рукописи Унд., № 52, соединилъ нѣкоторыя главы и опустилъ заглавія, вслѣдствіе чего общее число главъ у него меньше, чѣмъ въ другихъ спискахъ. Правильнѣе будетъ раздѣлить уставъ на предисловіе, введеніе и 28 главъ.

Переписчикомъ сдѣлано и начальное заглавіе устава, затрудняющее въ опредѣленіи точной хронологической даты написанія этого памятника. Уставъ написанъ въ княженіе Василія II, по благословенію м. Θеодосія и новгор. арх. Евѳимія II-го. Но церковное управленіе двухъ послѣднихъ лицъ не было одновременнымъ. Арх. Евѳимій, выбранный на архіепископію въ 1429 г., получилъ посвященіе въ Смоленскѣ, отъ кіев. м. Герасима, въ 1434 г. Онъ умеръ въ 1458 г. Къ этому году относится и помѣщенная въ I т. Акт. ист. прощальная къ нему грамота м. Іоны. Θеодосій былъ поставленъ на моск. митрополію въ маѣ 1461 г. и занималъ ее до сентября 1464 г. Наконецъ, князь Василій умеръ въ мартѣ 1462 г. Значитъ, хронологическая дата въ заглавіи устава не точна. Эту неточность можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Уставъ былъ написанъ Евфросиномъ вѣроятно въ послѣдніе годы управленія новгородско-псковскою церковію Евѳимія. Окончательное же утвержденіе онъ получилъ отъ моск. митрополита, приблизительно въ первый годъ его управленія митрополіею.

Въ рукописныхъ спискахъ послѣдняя глава устава: „о укорехъ братіи"—заканчивается словами: „и прочее". На первый взглядъ можетъ показаться, что памятникъ этотъ неполный, въ немъ недостаетъ конца. Но такъ думать не слѣдуетъ. Указанныя слова правильнѣе относить къ евангельскому тексту, которымъ пр. Евфросинъ подтверждаетъ изложенную въ этой главѣ мысль о необходимости изгонять изъ монастыря монаховъ, укорявшихъ другихъ за невзносъ вклада при поступленіи въ обитель. Слова: „и прочее"—поставлены здѣсь вмѣсто дальнѣйшихъ ссылокъ на

тексты Св. Писанія, припомнить которые авторъ устава предоставляетъ самому читателю. Въ такомъ же значеніи они употреблены и раньше—во введеніи къ уставу и въ главѣ: „о страннопріимствѣ“ [1]).

Иноческій уставъ Евфросина интересенъ прежде всего потому, что онъ знакомитъ насъ съ тѣми нормами, по которымъ, по взгляду подвижника, должна была идти жизнь въ общежительныхъ пустынныхъ монастыряхъ. Но это очень цѣнный памятникъ и для изученія бытовой стороны жизни мѣстнаго монашества, современнаго пр. Евфросину. Это значеніе устава будетъ разъяснено ниже.

Богослужебный уставъ Елеаз. монастыря имѣется въ рукописи № 405/903 Син. б-ки, подъ заглавіемъ: „Уставъ окозрительный“, въ 8 д., скорописью XVII в., на 91 л. Упоминаніе о немъ находимъ въ „Указ. Патр. б-ки“ арх. Саввы, стр. 263, подъ № 903, а подробное описаніе въ III отд., I ч., Описанія слав. рук. Москов. Син. б-ки, Невоструева (М. 1869 г., стр. 409—412). У Невоструева сдѣлана замѣтка и о принадлежности этого устава Елеазаровскому монастырю. Это памятникъ, относящійся спеціально къ исторіи монастырскаго богослуженія; никакихъ свѣдѣній о другихъ сторонахъ монастырской жизни въ немъ нѣтъ.

Такое же спеціальное значеніе имѣютъ и монастырскіе синодики, о которыхъ подробныя свѣдѣнія читатель найдетъ въ очеркѣ о монаст. богослуженіи. Въ палеографическомъ отношеніи синодики никакихъ особенностей не имѣютъ.

Изъ посланій псковскихъ иноковъ особаго вниманія заслуживаетъ: „посланіе Корнилія, инока Снѣтныя горы, къ сыну его, попу Ивану, хотящу второму браку сочтатися“. Это весьма интересный памятникъ для характеристики отношеній между псковскимъ монашествомъ и бѣлымъ духовенствомъ. Имѣетъ посланіе нѣкоторое значеніе и для оцѣнки исторической достовѣрности сообщеній біографовъ Евфросина о распопѣ Іовѣ. Въ наукѣ памятникъ этотъ, кажется, почти неизвѣстенъ. О рукописныхъ спискахъ посланія упоминаютъ Строевъ, въ „Библіогр. словарѣ“, стр. 182, и Викторовъ, въ „Очеркѣ собранія рукописей В. М. Ундольскаго“, стр. 46, 53 (въ прилож. къ книгѣ: „Слав.-рус. рукописи Унд.“, М. 1870 г.“). По списку Имп. Пуб. б-ки, отд. Толстого, № 140, текстъ этого памятника напечатанъ въ отчетахъ Имп. общ. люб. др. письменности за 1904 г., въ приложеніи къ нашей статьѣ: „Одинъ изъ малоизвѣстныхъ памятниковъ псковской монастырской письменности“ (рефератъ въ собраніи Общества 11 февр. 1904 года).

Очень цѣнный и обширный по своему количеству историческій матеріалъ составляютъ собою старинные монастырскіе акты. Непосредственно касаясь хозяйственнаго быта монастырей, акты даютъ иногда указанія и по другимъ вопросамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ монастыр-

[1]) Ср. аналогичныя мѣста въ житіи Евфросина, Пам. ст. рус. лит., в. IV, стр. 70, 71.

скому хозяйству. Мы пользовались рукописными актами и изданными печатно. Изъ рукописныхъ актовъ въ нашемъ распоряженіи были акты Румян. музея, Арх. М. И. Д. и Псковскаго археол. музея. Акты Румянц. музея представляютъ собою копіи, снятыя съ подлинниковъ въ б-кѣ Псково-Печ. м-ря, въ три тетради, №№ LIV—LVI. Оглавленіе ихъ—у Востокова—въ „Описаніи", стр. 86—90; здѣсь они названы: „грамоты Пск.-Печ. м-ря". На ряду съ печерскими актами встрѣчаемъ здѣсь и акты другихъ псковскихъ монастырей, приписанныхъ къ Печерскому въ XVI—XVII в.в. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ актовъ это наиболѣе разнообразный источникъ по исторіи монастырскаго хозяйства. Въ то же время это источникъ и болѣе цѣнный въ хронологическомъ отношеніи. Большая часть актовъ относится ко второй половинѣ XVI в., но встрѣчаются и болѣе древніе: одинъ отъ XV в., другой отъ XIV в.

Въ б-кѣ А. М. И. Д. мы ознакомились съ двумя актами XVII в.: № 5, 7131/1628—7158/1650 гг., содержащимъ въ себѣ: „роспись Печер. м-ря крестьянамъ, бѣжавшимъ за границу въ Ливонскую землю", и № 14, отъ 27 марта 1688 г., Воскресенскаго дѣвича м-ря, съ жалобою монахинь на притѣсненія отъ приказчиковъ рыбной таможни. Первый актъ заключаетъ въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія о размѣрахъ монастырской подмоги, а также о размѣрахъ и стоимости крестьянской собственности. Второй актъ имѣетъ цѣнность потому, что въ актахъ Пск. арх. музея сохранился другой документъ, конца XVII в., по тому же самому вопросу. Сопоставленіе этихъ двухъ актовъ даетъ возможность послѣдовательнѣе изучить сущность дѣла.

Изъ актовъ Псков. арх. музея мы пользовались № 38—завѣщаніемъ монаха Θеодосія, четырьмя подъ № 92—XVI в.; изъ актовъ XVII в.—порядными записями Никандров. монастыря, № 57, и документами Великопустынскаго, №№ 150—153. Кромѣ того, къ рукоп. актамъ музея мы обращались въ тѣхъ случаяхъ, когда печатный текстъ ихъ вызывалъ какое-либо недоразумѣніе.

Изъ печатныхъ актовъ мы пользовались изданными въ неофф. части Псков. Губ. Вѣд. за 1841, 49, 60, 71, 72 и 73 г.г., въ книгахъ: Шляпкина, „Опись рукописей и книгъ музея Псковской Археол. Коммиссіи", Псковъ, 1879 г., Токмакова, „Святогорскій монастырь" (библіогр. и матеріалы), Псковъ, 1887 г., и проф. Дьяконова, „Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Моск. государствѣ", Юрьевъ, 1895 г., в. I-й. Оригиналы перваго и второго изданій—въ библіотекѣ Пск. арх. музея, третьяго и четвертаго—въ Архивѣ Мин. Юстиціи. Акты, изданные въ П. Г. В., относятся къ XVII—XVIII в. и касаются земельнаго хозяйства, рыбныхъ владѣній и торговли. Общимъ недостаткомъ этого изданія служитъ то, что текстъ памятниковъ помѣщенъ безъ всякихъ объясненій къ нему и даже безъ указанія №№, подъ которыми хранятся оригиналы. Исключеніе представляетъ собою лишь изданіе Миротворцева (П. Г. В. 1860 г., №№ 10—12), со введеніемъ и подстрочными объясненіями нѣкоторыхъ словъ текста.

Въ книжкѣ Шляпкина дается перечень рукописныхъ актовъ, но точно также безъ указанія №№, подъ которыми они хранятся. Это затрудняетъ отысканіе ихъ въ библіотекѣ. Въ приложеніи помѣщенъ текстъ трехъ актовъ XVI в. изъ свитка № 92, но почему то опущенъ одинъ актъ этого же свитка, по содержанію наиболѣе интересный.

Акты, изданные Токмаковымъ, по содержанію сходны съ актами П. Г. В. Изданіе это—не безъ недостатковъ, зависѣвшихъ, повидимому, отъ невнимательнаго просмотра издателемъ матеріаловъ. Въ книжкѣ нерѣдки повторенія текста того или другого акта, излишнія для дѣла. Напр., стр. 74—76 представляютъ собою повтореніе стр. 25—27, 76—45, 79—11, 84—28; иногда даже двойное повтореніе, напр.: стр. 69—70, ср. стр. 7 и 85, 78—24 и 71—72, 85—87—7—8 и 69—70. Въ указанныхъ случаяхъ старые акты подтверждались новою властію. Въ виду буквальнаго сходства можно бы ограничиться просто указаніемъ на такое подтвержденіе актовъ. Затѣмъ, Токмаковъ не принялъ во вниманіе другихъ изданныхъ актовъ, имѣющихъ отношеніе къ его изданію, и не далъ никакихъ разъясненій объ источникѣ изданныхъ имъ матеріаловъ.

Въ книгѣ проф. Дьяконова собранъ цѣнный матеріалъ подъ названіемъ порядныхъ записей, представляющій возможность подробнѣе разсмотрѣть положеніе монастырскихъ крестьянъ, условія пользованія землею, отношенія къ монастырскому начальству и т. п. Интересны также свѣдѣнія о размѣрахъ подмоги, которую выговаривалъ для себя крестьянинъ при заключеніи условія. Большинство актовъ относится къ XVII в. и своимъ источникомъ имѣетъ книги Вотчинной Конторы по г. Пскову А. М. Ю.

Только акты, изданные Дьяконовымъ, использованы имъ въ его изслѣдованіи: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія", Спб. 1889; остальныя изданія мало извѣстны. Елеазаровскіе акты, по изданію Миротворцева, указаны, правда, въ качествѣ источниковъ русскаго права проф. Леонтовичемъ; но выборъ ихъ сдѣланъ, повидимому, случайно, такъ какъ они цитируются въ той части (№ 10), которая менѣе всего интересна въ научномъ отношеніи („Исторія рус. права", в. I, Одесса, 1869 г., стр. 37). На акты П. Г. В. встрѣчаемъ рѣдкія ссылки у Никитскаго, въ его „Очеркѣ внутр. ист. г. Пскова". Мѣстныя изданія давно уже сдѣлались библіографической рѣдкостію; полные экземпляры П. Г. В. можно найти лишь въ Имп. Пуб. б-кѣ.

Хозяйственныхъ актовъ сохранилось такъ много, что собрать и изучить ихъ всѣ или хотя бы бо́льшую часть нѣтъ никакой возможности. Мы и не ставили себѣ этой цѣли, а заботились лишь о томъ, чтобы нашъ подборъ не былъ случайнымъ, чтобы извѣстные намъ акты касались быта, по возможности, большинства монастырей и изображали его съ различныхъ сторонъ. Этого удалось, кажется, достигнуть. Въ нашемъ распоряженіи были акты всѣхъ большихъ монастырей: Мирожскаго, Снѣтогорскаго, Ивановскаго, Елеазаровскаго, Крыпецкаго, Печерскаго, Святогорскаго, Никандрова, Велико-Пустынскаго,—большинства среднихъ: Любятовскаго, Сироткина, Вознесенскаго, Великолуцкаго Сергіева, Верхнеостровскихъ,—

и совсѣмъ незначительныхъ въ родѣ: Воскресенскаго дѣвича, Дмитріевскаго, Пятницкаго, Мало-Пустынскаго, Алексѣевскаго, Изборскихъ, Выборскихъ и мн. др. По содержанію изученные нами акты можно подраздѣлить на слѣдующія группы:

1) документы по владѣнію вообще,—содержащіе въ себѣ перечень земельныхъ и друг. мон. владѣній, съ обозначеніемъ пространства владѣній, ихъ качества, степени ихъ населенности, условій пользованія и т. п.;

2) документы по пріобрѣтенію владѣній: царскія грамоты, дарственныя, духовныя, поступныя записи, мѣновныя отписи и заемныя грамоты и т. п.;

3) жалованныя грамоты о льготахъ на различнаго рода монастырскія угодія;

4) судебные акты;

5) акты о припискѣ монастырей въ XVI и XVII вв.

Какое значеніе имѣютъ эти матеріалы? Даютъ ли они возможность подробно изучить хозяйственный бытъ псковскихъ монастырей и отмѣтить мѣстныя особенности его?

На вторую половину вопроса затруднительно дать положительный отвѣтъ. Большинство актовъ относится ко времени послѣ присоединенія Пскова къ Москвѣ, и происхожденія они московскаго. Искать въ нихъ значительнаго отображенія мѣстныхъ порядковъ владѣнія не слѣдуетъ. Но такъ какъ въ актахъ мы обычно встрѣчаемъ полностію приведенныя челобитныя, нерѣдко такія же полныя ссылки на старинные документы, то въ нихъ можно усматривать *нѣкоторыя* черты мѣстнаго владѣльческаго права, называемаго въ актахъ „стариною". Въ этомъ отношеніи особенно интересны акты первой половины XVI в. Такимъ образомъ, по позднимъ документамъ можно сдѣлать нѣкоторыя вѣроятныя заключенія и о раннемъ періодѣ исторіи псковскаго монастырскаго хозяйства. Сохранившіеся же два акта XIV и XV вв. даютъ и положительно цѣнный матеріалъ для изученія этой „старины".

Какъ памятникамъ оффиціальнымъ по своему происхожденію, актамъ принято придавать значеніе документовъ точныхъ, не требующихъ провѣрки. Для статистическихъ выводовъ они даютъ матеріалъ надежный. Но такъ какъ въ нашемъ распоряженіи была лишь небольшая часть этого рода памятниковъ, то, разумѣется, мы должны по возможности воздерживаться отъ такихъ выводовъ или покрайней мѣрѣ дѣлать ихъ съ большою осторожностію.

Мѣстные акты даютъ достаточный (количественно) матеріалъ и по вопросамъ о томъ, какъ смотрѣли и какъ цѣнили свое хозяйство монахи, какими способами пріобрѣтали они различные виды владѣній, въ какомъ отношеніи стояло монастырское хозяйство къ свѣтскому и т. п. Къ свѣдѣніямъ по этимъ вопросамъ изслѣдователь долженъ относиться съ большою осмотрительностію. Сами монахи, повидимому, невысоко цѣнили стоимость принадлежавшихъ монастырю владѣній и ихъ доходность, находили ихъ недостаточными даже для скуднаго, нищенскаго содержанія

монастырскихъ зданій и братіи. Не на что строить церкви и питать братію—обычная жалоба въ челобитныхъ. Иногда въ челобитныхъ рельефными и правдивыми чертами изображается монастырская скудость, но чаще всего изображеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, является лишь особымъ пріемомъ, вызваннымъ частію практическими соображеніями, частію канцелярскою формою челобитья.

То же самое нужно сказать и объ отношеніяхъ къ монастырскимъ владѣніямъ мѣстныхъ властей и свѣтскихъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Въ монастырскихъ актахъ жалобы на притѣсненія отъ мѣстныхъ властей и на неуваженіе сосѣдними владѣльцами монастырскихъ владѣльческихъ правъ—явленіе обычное. Отчасти эти жалобы справедливы, даютъ хорошую иллюстрацію къ замѣткамъ лѣтописца о дѣйствіяхъ въ Псковѣ московскихъ приставниковъ и полно характеризуютъ общій по тому времени недостатокъ уваженія къ чужой собственности, къ чужому труду. Но въ большинствѣ случаевъ онѣ преувеличены и односторонни. Нельзя въ московскихъ дьякахъ видѣть какихъ-то враговъ монастырскаго благосостоянія. Между ними были и такіе, какъ напр. Мисюрь Мунехинъ и подъячій его Артюша, которыхъ сами монахи называли своими благодѣтелями. Равнымъ образомъ нельзя думать, что одни лишь свѣтскіе владѣльцы нарушали права монастырской собственности, а монастыри были тутъ совсѣмъ неповинными страдальцами. Нужно принять во вниманіе, что въ монастырскихъ актахъ мы имѣемъ показанія лишь одной стороны—обвинителей и нѣтъ оправданій обвиняемой стороны, такъ какъ по правиламъ стариннаго судопроизводства истцу выдавался лишь оправдательный документъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда можно провѣрить показанія одной стороны показаніями другой, дѣло представляется совершенно въ иномъ видѣ. Такъ, напр., въ собраніи снѣтог. актовъ, изданныхъ Токмаковымъ, помѣщено судное дѣло по иску снѣтогорскихъ монаховъ на крестьянина д. Овинчищъ, Ѳомки Иванова, въ завладѣніи имъ монастырскимъ покосомъ. Извѣстія, заключающіяся въ этомъ актѣ, всѣ сводятся къ положительному осужденію Ѳомки. Но сохранился другой, не—монастырскій актъ по этому же дѣлу, изданный въ П. Г. В. за 1841 г. Этотъ актъ представляетъ дѣйствія Ѳомки въ иномъ видѣ. Оказывается, что и монастырскія власти не безупречны были въ отношеніи къ собственности Ѳомки, допустили такой же захватъ, и, значитъ, Ѳомка платилъ монастырю тѣмъ же, что испытывалъ отъ него. Имѣются и другія извѣстія о нарушеніи монастырями правъ чужой собственности.

Общимъ недостаткомъ актовъ являются ихъ однообразіе по содержанію и по формѣ и отсутствіе какой-либо связи между ними. Сравнивая однообразные акты различныхъ монастырей, изслѣдователь часто приходитъ къ неутѣшительному выводу о безрезультатности потраченнаго на это времени и труда. За исключеніемъ новыхъ, ничего не значащихъ, именъ и названій не получается ничего новаго. Въ большинствѣ случаевъ отмѣченная изслѣдователемъ въ содержаніи акта какая-либо особенность въ монастырскомъ хозяйствѣ, даже судьба заинтересовавшаго изслѣдова-

теля какого-либо монастырскаго владѣнія не могутъ быть прослѣжены при чтеніи позднѣйшихъ актовъ. Появившись случайно въ одномъ актѣ, замѣтка не повторяется въ другихъ. Все это затрудняетъ послѣдовательное изложеніе исторіи мѣстнаго монастырскаго хозяйства.

Замѣчаніями о монастырскихъ актахъ мы и закончимъ свой обзоръ источниковъ мѣстной монастырской исторіи. Изъ сказаннаго можно видѣть, что въ распоряженіи изслѣдователя имѣется достаточный и въ общемъ цѣнный матеріалъ для изслѣдованія. Если этотъ матеріалъ и не даетъ возможности детально изслѣдовать внутренній бытъ мѣстнаго монашества, то во всякомъ случаѣ онъ достаточенъ для разносторонняго его изслѣдованія. Послѣднее и попытаемся сдѣлать въ ниже слѣдующихъ „Очеркахъ“.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Начальная исторія монашества псковскаго.

Монастыри городскіе.

Для изслѣдователя исторіи древне-русской монастырской жизни нѣтъ нужды останавливаться на подробномъ разъясненіи важности избраннаго имъ предмета. Значеніе въ древне-русской жизни монашества выяснено еще древне-русскими писателями. Монашескую жизнь они избрали спеціальнымъ предметомъ своихъ сочиненій и склонны были думать, что внѣ этой любимой ихъ темы въ древне-русской жизни нѣтъ ничего, заслуживающаго вниманія со стороны писателя. Этотъ односторонній взглядъ писателей на значеніе монашества раздѣлялся и ихъ читателями, былъ взглядомъ обще-русскимъ. Въ міровоззрѣніи русскаго человѣка идеалы монашества занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. Они вліяли на характеръ міровоззрѣнія, придавали ему аскетическій оттѣнокъ, и одновременно съ этимъ опредѣляли собою и практическія отношенія древне-русскаго общества къ монастырямъ и монашеству. По взгляду древне-русскаго человѣка, монастырь—это мѣсто по преимуществу святое; онъ представляетъ собою какъ бы переходный пунктъ отъ грѣшнаго, земного міра въ безгрѣшный міръ небожителей. Такой взглядъ особенно ясно выразился въ названіи монастырей домами ангельскими [1]).

Благочестивая мысль древне-русскаго человѣка, всюду видѣвшая разставленныя сѣти козней и искушеній врага рода человѣческаго—діавола, отводила имъ мѣсто и за монастырскою стѣною, считала даже искушенія, наводимыя діаволомъ на иноковъ, болѣе сильными, чѣмъ тѣ, какія приходилось испытывать живущимъ въ мірѣ; но она не допускала возможности ихъ торжества: побѣды діавола надъ подвигами инока. Наоборотъ, молитва инока-подвижника уже одна, безъ всякихъ другихъ подвиговъ, могла ниспровергнуть всѣ замыслы искусителя. Въ житіи преп. Варлаама Хут.

---

[1]) „Умремъ честно за святую Софью и за домы ангельскыя“, Пол. соб. рус. лѣт., III, 279, по изд. 1888 г.

читаемъ, что „діаволъ плакашеся, видя себе побѣжаема на вся дни молитвою святаго“ [1]). Нерѣдко вмѣсто того, чтобы повредить обители, діаволъ, противъ своей воли, служилъ къ ея пользѣ: по приказанію подвижника работалъ на св. братію, мололъ жито для монастырской трапезы, переносилъ вмѣстѣ съ своими прислужниками деревья съ берега рѣки на монастырскую гору для построенія молитвеннаго дома въ честь Богоматери и братскихъ келій [2]).

Побѣждая діавола въ стѣнахъ обители, инокъ-подвижникъ вступалъ съ нимъ въ борьбу и за стѣнами ея, въ мірѣ, освобождалъ отъ власти діавольской и мірянъ. Житія святыхъ переполнены примѣрами этой борьбы подвижниковъ съ діаволомъ изъ-за другихъ; мы приведемъ одинъ лишь изъ такихъ примѣровъ, изъ житія препод. Никандра псковскаго. Въ описаніи 19-го чуда помѣщенъ разсказъ исцѣленнаго дворянина Лаврова о томъ, какъ „отпадшая сила-демони“ взяли его изъ дому, привели въ гумно и здѣсь держали трое сутокъ, скрывая его отъ домашнихъ. На четвертую ночь они привели больного къ рѣкѣ Узѣ, „хотяху въ рѣку ввести нуждею“. Но вотъ на помощь больному явился преп. Никандръ, привелъ его домой и положилъ на лавицѣ подъ иконами. Здѣсь, по разсказу исцѣленнаго, и началась борьба подвижника съ демонскою силою. „Они же, лукавіи духи, вслѣдствоваху и кричаху велиимъ гласомъ: „о Никандре! велику бѣду твориши намъ, отъемлеши нашего отъ насъ“. Но преподобный прогналъ демоновъ и избавилъ больного отъ его страданій [3]).

Неудивительно отсюда, если каждое возникновеніе новаго монастыря, особенно устроеннаго подвижникомъ, привѣтствовалось древне-русскимъ обществомъ, какъ новое доказательство побѣды надъ кознями діавола, и, какъ говоритъ лѣтописецъ, вызывало общую радость и на небѣ, и на землѣ. „Състави собе монастырь (Аркадій игуменъ) и бысть крестьяномъ прибѣжище, ангеломъ радость, а дьяволу пагуба“ [4]).

Въ монашеской жизни древне-русскіе люди хотѣли видѣть воплощеніе христіанскихъ идеаловъ и высокій примѣръ для подражанія. Они, очевидно, хорошо знали святоотеческія слова, что монашеское житіе есть свѣтъ для всѣхъ человѣковъ [5]). И дѣйствительно, во многихъ случаяхъ древне-русскій монастырь давалъ основаніе для такого взгляда: являлся училищемъ христіанскаго благочестія, выставлялъ изъ своей среды такихъ подвижниковъ, которые были „воистину далече отъ человѣкъ нынѣшняго вѣка всѣми обычаи“ [6]). Благотворное вліяніе монастыря на общество хо-

---

[1]) Житіе по списку конца XIII в., у И. Некрасова, о. с., 123.

[2]) Памятн. рус. лит. XII и XIII в., изд. Яковлевымъ, стр. CLXX—CLXXI, CLXVIII.

[3]) Рук. Арх. Комис., № 8.

[4]) Пол. соб. рус. лѣт., III, 139. Ср. подъ 1179 г., стр. 155, 1192 г., стр. 165, 1196 г., стр. 171: „и бысть радость крестьяномъ“.

[5]) „Лѣствица преп. Іоанна, М. 1892 г., стр. 212.

[6]) В. Ч. М., сент., в. I, стр. 559.

рошо сознавали и сами монахи, какъ видно изъ словъ преп. Іосифа Волоцкаго. Располагая свое братство къ строгому исполненію иноческихъ правилъ, онъ указывалъ между прочимъ и на то, что „ничто же бо тако ползуетъ мирьскыя человѣкы, якоже иночьское благочиніе и благоговѣиньство“ [1]). Вліяніе этого „иночьскаго благочинія“ очень замѣтно отразилось на жизни древне-русскаго общества и прежде всего на внѣшнемъ ея строѣ. Воспитываясь на монастырской письменности, читая житія святыхъ, древне-русскій человѣкъ настолько увлекался идеальною стороною монастырской жизни, что по ея образцу старался расположить и свою домашнюю жизнь. Стоитъ прочитать въ Домостроѣ главы: „како мужу съ женою и съ домочадцы въ дому своемъ молитися“, „како всякому человѣку рукодѣльничати и всякое дѣло дѣлати, благословяся“ и т. п., чтобы представить себѣ степень этого увлеченія. Здѣсь тотъ же молитвенный началъ дѣла, то же „келейное правило“, какія мы встрѣчаемъ и въ монастырскомъ уставѣ; мірская жизнь располагается по иноческому чину.

Не менѣе, чѣмъ чрезъ свою назидательную письменность, вліялъ монастырь на древне-русское общество и непосредственнымъ образомъ— путемъ тѣснаго общенія съ міромъ. Между монастыремъ и міромъ въ древней Руси была живая связь. „Како въ монастыри съ приношеніемъ приходити“ и „како иноковъ въ домъ свой призывати молитися“,—эти вопросы входили въ прямую задачу древне-русскаго домостроительства и, какъ показываютъ житія святыхъ, совѣты Домостроя по этимъ вопросамъ усердно исполнялись. На примѣрѣ отношеній вел. кн. Святослава къ преп. Ѳеодосію можно видѣть, съ какою радостію принимали инока-подвижника міряне въ свой домъ и какъ заботились они объ этомъ необычномъ гостѣ. Но и монастырь не оставался въ долгу передъ обществомъ, широко раскрывалъ свои ворота для всѣхъ приходящихъ. Въ числѣ послѣднихъ были люди разнаго положенія и шли они сюда съ различными нуждами. Въ монастырь приходилъ князь помолиться передъ гробомъ подвижника, принять благословеніе на какое-нибудь важное государственное дѣло или принести молитвенную благодарность за благополучный его исходъ. Приходилъ сюда и простой поселянинъ въ различныхъ случаяхъ своей жизни—радостныхъ: „въ веселіи сердца“, и печальныхъ: „въ безмѣрной печали“, надѣясь найти здѣсь совѣтъ, поддержку и утѣшеніе. Чаще всего онъ шелъ въ монастырь, ко гробу подвижника, пораженный какою-либо болѣзнію, съ твердою вѣрою въ возможность получить исцѣленіе отъ нея,—и обычно получалъ по вѣрѣ. Обращался онъ иногда, какъ свидѣтельствуетъ Кіево-печерскій патерикъ, и съ жалобою на мірскую неправду, съ просьбою защитить отъ обиды и притѣсненій, зная, что заступничество монастырскаго подвижника многихъ уже избавило отъ печали и напасти [2]). Въ монастырь обращался древне-русскій человѣкъ и съ матеріальною своею нуждою, такъ какъ онъ видѣлъ широкую мона-

---

[1]) ib., 512.

[2]) См. у Яковлева, о. с., стр. LVI.

стырскую благотворительность и заботы монаховъ о всѣхъ нищихъ и безпомощныхъ. Въ тяжелыя минуты общественныхъ бѣдствій,—напр., во время голода,—въ монастырь шли съ просьбою, „чтобы напитали ихъ алчныхъ и жадныхъ напоили отъ глада великаго изнемогающихъ“ [1]). Въ монастырь влекли, наконецъ, и нужды духовныя. Сюда стремился любознательный человѣкъ, чтобы въ тишинѣ монастырскаго уединенія, безъ всякой помѣхи, предаться душеспасительному занятію: „книжному почитанію“. Для тогдашняго общества древне-русскій монастырь былъ одною изъ лучшихъ образовательныхъ школъ. Но онъ былъ не только покровителемъ просвѣщенія, но и главнымъ его представителемъ. Глубокій знатокъ исторіи древне-русской жизни,—И. Е. Забѣлинъ, характеризуя просвѣтительное значеніе перваго изъ русскихъ монастырей—Кіево-Печерскаго, называетъ его университетомъ тогдашняго общества, живою душою просвѣщенія общественнаго [2]). И этотъ отзывъ,—конечно съ большою оговоркою,—можно примѣнить и къ большинству русскихъ обителей.

Но самое главное значеніе монастыря состояло въ томъ, что, будучи лѣчебницей недуговъ физическихъ, онъ являлся мѣстомъ врачеванія и недуговъ душевныхъ.

Въ число монастырской братіи поступали не только люди, подобно подвижникамъ, съ дѣтства расположенные къ монашеской жизни. Были и такіе иноки, которыхъ расположили къ принятію монашества—или неудовлетворенность строемъ и порядками общественной жизни, или несчастія въ личной жизни, нерѣдко—наболѣвшая совѣсть. Въ житіи преп. Пафнутія читаемъ, что въ его монастырь пришелъ инокъ, принявшій монашество въ надеждѣ „очистить себе отъ крове иноческаго ради образа“ [3]). Въ монастырѣ, такимъ образомъ, надѣялись найти примиреніе съ своею совѣстью и забвеніе пережитаго въ мірѣ.

Но что особенно привлекало вниманіе древне-русскаго человѣка къ монастырю—это монастырская молитва. Высокій взглядъ на ея значеніе выраженъ еще новгородскимъ лѣтописцемъ. Начиная свой временникъ, онъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику двухъ періодовъ русской исторіи—языческаго и христіанскаго: „и тако бо есть промыслъ Божій, еже явѣ въ послѣдняя времена, куда же древле поганіи жряху бѣсомъ на горахъ, нынѣ же паки туды святыя церкви златоверхія, каменозданныя стоятъ и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризецъ въ нихъ исполнено бысть, безпрестани славяще Бога въ молитвахъ, въ бдѣніи, въ постѣ и въ слезахъ, *ихъ же ради молитвъ міръ стоитъ*“ [4]). Какъ высоко цѣнилось въ обществѣ значеніе молитвы инока-подвижника, это видно изъ словъ одного кіевлянина, въ своей жизни неоднократно испытавшаго, что „вездѣ бо молитва Ѳеодосіева заступаетъ“ (у Яковл., стр. CXVI).

---

[1]) Житіе пр. Варл. Хутынск., по изд. Общ. Л. Др. П., 1881 г., стр. 87.
[2]) „Ист. рус. жизни съ др. вр.“, т. I, М. 1876 г., стр. 491.
[3]) Рук. М. Д. Ак. № 659, л. 129.
[4]) Пол. соб. рус. лѣт., III, 1—2.

Руководясь такимъ взглядомъ на значеніе монастырской молитвы, древне-русскій человѣкъ проявлялъ широкую благотворительность къ монастырямъ, чтобы этимъ путемъ заручиться для себя монастырскою молитвою. Особенно заботился объ этомъ онъ при концѣ своей жизни; въ предсмертномъ завѣщаніи, жертвуя на монастырь, онъ просилъ „литею править“ по его душѣ, „поминъ творить“. На древне-русскомъ языкѣ это называлось помощію своей душѣ. Такъ, напр., въ одномъ изъ актовъ XV в. читаемъ, что пожертвованіями на монастырь умиравшіе „помогали собѣ и своимъ душамъ“ [1]). Въ обществѣ даже утвердилась мысль, что одно лишь принятіе монашества или хотя бы погребеніе въ монастырской оградѣ значительно ослабляютъ вину грѣховъ и даже даютъ полное имъ прощеніе. Выраженіе этой мысли находимъ въ одномъ изъ посланій м. Фотія и у лѣтописцевъ Кіево-Печерскаго и Псково-Печерскаго монастырей. Отмѣтивъ въ посланіи къ псковичамъ, что многіе во время моровой язвы въ Псковѣ передъ смертію принимали монашество, Фотій говоритъ: „и надѣяніе имѣю на человѣколюбіе Божіе о отходящихъ тако къ вѣчному животу“ [2]). Взглядъ монастырскихъ лѣтописцевъ на значеніе погребенія въ монастырскихъ пещерахъ мы уже имѣли случай привести. Этимъ убѣжденіемъ въ особой спасительности монашества и объясняется широкая распространенность въ древней Руси обычая принимать постриженіе передъ смертію или даже возлагать монашескія одежды на мертваго, если что-либо мѣшало ему постричься при жизни. Приведемъ лишь одинъ примѣръ. Въ описаніи послѣднихъ дней жизни великаго князя Василія Ивановича передается, что за нѣсколько дней до своей смерти онъ обратился къ митр. Даніилу съ слѣдующими словами: „аще ли не дадутъ мене постричи, то на мертваго мене положите платье черненеское; бѣ бо издавна желаніе мое“ [3]). Такимъ образомъ, по древне-русскому взгляду монашеская жизнь представляла собою предѣлъ земного усовершенствованія человѣка и лучшій путь въ вѣчныя обители.

Неудивительно, если при такомъ высокомъ взглядѣ на значеніе монашества [4]), древне-русскій человѣкъ не могъ удовлетвориться лѣтописными извѣстіями о началѣ монашества на Руси и иначе представлялъ себѣ начальную его исторію. Лѣтописцы полагали нѣкоторый промежутокъ между началомъ христіанства и появленіемъ первыхъ монастырей; они смотрѣли на возникновеніе монастырей, какъ на результатъ болѣе сознательнаго усвоенія крещенными нравственнаго ученія христіанства. Въ лѣтописяхъ отсюда мы не находимъ извѣстій о монастыряхъ при св. Владимірѣ, но зато въ нихъ отмѣченъ фактъ распространенія монашества при

[1]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 101, стр. 714.

[2]) Акты ист., т. I, № 30, стр. 59.

[3]) Сергѣевичъ В., „Рус. юрид. др.“, т. II, в. II., Спб. 1896 г., стр. 526.

[4]) Вопросъ о томъ, насколько жизнь монаховъ удовлетворяла такому идеальному взгляду на монашество, для нашей цѣли сейчасъ не имѣетъ значенія. Отрицательные факты будутъ изложены ниже.

Ярославѣ, и это событіе поставлено въ связь съ распространеніемъ на Руси христіанства и въ частности съ развитіемъ „прилежанія къ книжному наученію“, о чемъ заботились оба князя. „И при семь (Ярославѣ),—читаемъ въ начальной лѣтописи,—нача вѣра крестьянская плодитися въ Руси и расширятися и черноризци почаша множитися и монастыреве почаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и попы любяша повелику, излиха же бѣ любяче черноризци, и *книгамъ прилежаше*“ [1]). Но древне-русскій человѣкъ, обращаясь къ начальнымъ страницамъ исторіи своей христіанской жизни, не могъ ее представить безъ монастыря и монашества, какъ наилучшаго олицетворенія его христіанскихъ идеаловъ; онъ создалъ свою хронологію начальной исторіи монашества въ дополненіе къ хронологіи лѣтописной. По народному преданію, въ Кіевѣ и Новгородѣ монастыри возникли одновременно съ проповѣдію христіанства, на мѣстѣ прежнихъ идольскихъ капищъ (Михайловскій-Кіевскій и Перынскій-Новгородскій). Къ началу распространенія христіанства относитъ и ростовское преданіе возникновеніе здѣсь Іоанно-Богословскаго монастыря. Начальная исторія Валаамскаго монашества, по преданію, восходитъ даже ко временамъ посѣщенія предѣловъ Руси св. апостоломъ Андреемъ.

То же самое явленіе наблюдаемъ мы въ частности и въ Псковѣ. Первое лѣтописное извѣстіе о монашествѣ помѣщено подъ 1156 г.; но по народному преданію первый монастырь возникъ здѣсь еще при благ. княгинѣ Ольгѣ, одновременно съ первою проповѣдію христіанства въ предѣлахъ псковской области. Этого извѣстія не находимъ въ преданіяхъ о св. Ольгѣ, помѣщенныхъ въ Степенной книгѣ. Тамъ говорится лишь объ основаніи княгинею Пскова и храма во имя св. Троицы. Существующее устное преданіе впервые было записано барономъ Богушевскимъ и содержаніе его помѣщено въ Труд. 3 археол. съѣзда. Въ этомъ преданіи нѣтъ извѣстій ни объ основаніи Ольгою Пскова и троицкаго храма, ни объ ея административной дѣятельности въ псковской землѣ: установленіи погостовъ и даней. Самое знакомство съ исторіею дѣятельности св. княгини, а равно и съ ея жизнію, очень недостаточное, смутное и сбивчивое. На вопросъ о томъ: кто была св. Ольга,—г. Богушевскому приходилось слышать такой отвѣтъ: „великая колдунья“. Но ограничиваясь родиною Ольги, селомъ Выбуты, и ближайшими къ ней мѣстностями, преданіе очень правдоподобно изображаетъ просвѣтительную дѣятельность здѣсь благ. княгини. Въ Выбутахъ ею была построена церковь, а въ селѣ Покровскомъ, по народному названію: „Вольжиномъ“, расположенномъ въ трехъ верстахъ отъ Выбутъ,—былъ устроенъ монастырь. Дальнѣйшая исторія этого перваго монастыря передается точно также въ правдоподобныхъ чертахъ, хотя и съ фантастическою окраскою. Основанный Ольгою монастырь, будучи оскверненъ Литвою поганой, былъ смытъ рѣкою—провалился въ рѣку. Литовскія нашествія дѣйствительно очень часто сопровождались разореніемъ псковскихъ монастырей и даже уничтоженіемъ

---

[1]) Пол. соб. рус. лѣт., т. I, 106.

нѣкоторыхъ изъ нихъ[1]). Но при всей правдоподобности этого разсказа мы, конечно, далеки отъ мысли видѣть въ немъ дѣйствительный историческій фактъ и тѣмъ болѣе заимствовать изъ него хронологическую дату начальной исторіи псковской монастырской жизни. Для насъ содержаніе этого разсказа цѣнно лишь постольку, поскольку оно даетъ право заключить, что и въ Псковѣ въ концѣ XIV в., къ которому относится изслѣдователями начало легендарныхъ сказаній о св. Ольгѣ, былъ такой же высокій взглядъ на значеніе монашества, какой мы отмѣтили и въ другихъ древне-русскихъ областяхъ.

Обращаясь теперь отъ указаній народной легенды къ болѣе точнымъ историческимъ извѣстіямъ о монашествѣ—лѣтописнымъ, мы находимъ, что въ нихъ начало монашества отнесено сравнительно уже къ позднему времени, къ 50-тымъ годамъ XII ст. Подъ 1156 годомъ въ 1-й нов. лѣтописи упоминается впервые псковскій Спасо-Мирожскій монастырь. За отсутствіемъ историческихъ указаній въ псковскихъ лѣтописяхъ за XI—XII в.в. не представляется возможности выяснить, дѣйствительно ли Спасо-Мирожскій монастырь былъ первымъ монастыремъ въ Псковѣ или здѣсь были и другіе монастыри, основанные ранѣе Мирожскаго. Но если обратить вниманіе на общій порядокъ возникновенія первыхъ монастырей въ древней Руси, то, кажется, не будетъ ошибкою понимать лѣтописное извѣстіе въ первомъ смыслѣ.

Своимъ возникновеніемъ и въ кіевской, и въ новгородской Руси монастыри были обязаны преимущественно высшей власти, церковной и гражданской. Первыми строителями монастырей были митрополитъ и епархіальные епископы, а также великій и удѣльные князья. Такіе монастыри, основанные, по выраженію лѣтописца: „отъ князей и богатства", предшествовали монастырямъ, основаннымъ самими иноками, ихъ пощеніемъ и слезами. Послѣдніе появляются въ Кіевѣ уже въ началѣ второй половины XI в., въ Новгородѣ—въ началѣ XII в. (Антонія Рим.). Обращаясь къ исторіи Пскова, увидимъ, что для ранняго появленія здѣсь монастырей не было такихъ благопріятныхъ условій, какъ въ Кіевѣ или Новгородѣ. До конца XVI в. Псковъ не имѣлъ у себя самостоятельнаго епископа и составлялъ собою часть и безъ того обширной по территоріи епархіи новгородской. Вполнѣ понятно, что новгородскіе епископы, занятые преимущественно дѣлами Новгорода, мало могли удѣлять времени и вниманія на удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ его пригорода и въ частности на устройство здѣсь монастырей. Такъ по крайней мѣрѣ было позднѣе—со второй половины XII в., когда въ Новгородѣ установился обычай избирать на епископскую каѳедру мѣстныхъ уроженцевъ. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ за это время мы встрѣчаемъ неоднократныя извѣстія о построеніи мѣстными владыками въ Новгородѣ своихъ, владычнихъ монастырей, но нѣтъ ни одного указанія о построеніи ими монастырей въ

[1]) „Замѣтка о селѣ Выбутахъ, родинѣ св. вел. кн. Ольги россійской". Труды 3 арх. съѣзда, стр. 139—144.

Псковѣ. Вполнѣ возможно, что владычняго монастыря не было въ Псковѣ и въ начальную пору его христіанской жизни.

Но не имѣя своего епископа, Псковъ не имѣлъ въ сущности и своего князя, въ обще-русскомъ значеніи этого слова, какъ постояннаго правителя, тѣсно связаннаго съ Псковомъ общими интересами. Въ пору самостоятельнаго своего существованія Псковъ почти всегда имѣлъ у себя князей; но это были по большей части случайные пришельцы, лишившіеся на своей родинѣ, вслѣдствіе какихъ-либо политическихъ превратностей, удѣла и власти. Мысли и желанія такихъ князей были далеки отъ Пскова: князья ждали лишь благопріятныхъ условій къ возвращенію въ свой удѣлъ, и какъ только послѣднія слагались въ ихъ пользу, немедленно оставляли Псковъ. Мало интересуясь псковскою внутреннею жизнію, псковскіе князья конечно не могли обращать особаго вниманія на такую частную ея сторону, какъ жизнь монастырская. И мы видимъ, что тогда какъ въ другихъ русскихъ областяхъ, съ болѣе постояннымъ составомъ князей, со стороны послѣднихъ наблюдается особая любовь къ постройкѣ фамильныхъ, княжескихъ или, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, „отнихъ“ монастырей, ничего подобнаго до конца XIII в. не было въ Псковѣ. Очевидно, что для князя-пришельца, случайнаго, такъ сказать, гостя, не знавшаго, гдѣ судьба пошлетъ конецъ его скитальческой жизни и кто замѣнитъ его въ Псковѣ, не было особаго побужденія заботиться объ устройствѣ мѣста для вѣчнаго своего упокоенія.

Псковъ имѣлъ у себя князя и въ начальную пору своей христіанской жизни—Судислава; но о его дѣятельности здѣсь не сохранилось никакихъ извѣстій. Если же довѣриться сообщеніямъ Длугоша, что въ пору распредѣленія св. Владиміромъ удѣловъ Судиславъ былъ еще малолѣтнимъ, то можно сдѣлать выводъ, что онъ не принималъ никакого участія въ первоначальномъ распространеніи въ Псковѣ христіанства[1]). Такимъ образомъ вполнѣ вѣроятно, что въ X—XI в.в. въ Псковѣ не было монастырей ни владычнихъ, ни княжескихъ. Изъ сдѣланныхъ же выше замѣчаній о сравнительно позднемъ происхожденіи въ кіевской и новгородской Руси частныхъ монастырей слѣдуетъ заключить, что и въ Псковѣ такіе монастыри появились уже позднѣе первой половины XII в., и исторію псковскаго монашества можно, значитъ, начинать съ лѣтописныхъ извѣстій о Спасо-Мирожскомъ монастырѣ.

Исторія возникновенія и внутренняго устройства этого монастыря не можетъ быть вполнѣ выяснена, вслѣдствіе недостатка точныхъ извѣстій. М. Евгеній возникновеніе Мирожскаго монастыря, на основаніи извѣстія 1 новгородской лѣтописи, относитъ къ 1156 г., а смерть перваго игумена, преп. Авраамія,—слѣдуя, вѣроятно, монастырской позднѣйшей записи,—къ 1158 г. 24 сентября, „при княженіи въ Псковѣ

---

[1]) Русск. извѣстія Длугоша до 1382 г., по изд. 1711 г., въ извлеченіи помѣщены у Б. Рюмина, „О составѣ рус. лѣт. до XIV в.“, прилож., стр. 83, г. 1005.

Святополка Мстиславича, брата св. благ. князя Всеволода-Гавріила"[1]), и дѣлаетъ въ данномъ случаѣ хронологическую ошибку, такъ какъ Святополкъ княжилъ въ Псковѣ лишь до 1148 г.[2]). Ту же дату вслѣдъ за м. Евгеніемъ принимаютъ и другіе изслѣдователи: Василевъ, Князевъ и гр. М. Толстой, повторяя и отмѣченную сейчасъ ошибку[3]). По нашему мнѣнію, 1156-й годъ не можетъ быть принятъ въ качествѣ точной хронологической даты основанія Мирожскаго монастыря, такъ какъ противъ этого говоритъ уже и самый источникъ, на основаніи котораго сдѣлано это хронологическое опредѣленіе. Въ указанномъ мѣстѣ лѣтописецъ дѣлаетъ общую характеристику церковной дѣятельности епископа Нифонта. По поводу кончины Нифонта въ Новгородѣ распространились было нелестные для владыки толки, будто бы онъ, уходя изъ Новгорода, захватилъ съ собою деньги изъ софійской казны: „полупивъ святую Софію, пошьлъ Царюграду". Лѣтописецъ и доказываетъ всю невѣроятность подобныхъ толковъ. „И много глаголаху на нь,—говоритъ онъ,—нъ собе на грѣхъ. О семь бы разумѣти комуждо насъ: который епископъ тако украси святую Софію, притворы испьса, кивотъ створи и всю изъвну украси; а Пльскове святаго Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ св. Климента"[4]). Если считать означенный порядокъ въ описаніи лѣтописца соотвѣтствующимъ и дѣйствительному порядку этихъ событій, то основаніе Мирожскаго монастыря предшествовало, значитъ, построенію Климентовской церкви въ Ладогѣ. Софійская церковь была подновлена въ 1144 г. и во второй разъ въ 1151 году (стр. 135, 139); Климентовская церковь заложена Нифонтомъ въ 1153 г. (стр. 139). Не позднѣе, значитъ, 1153 года былъ основанъ и Мирожскій монастырь. Во всякомъ случаѣ хронологическая дата, принятая м. Евгеніемъ, не можетъ быть признана точною. А если его упоминаніе о кн. Святополкѣ не просто ошибка, а заимствовано изъ какого-либо источника, неизвѣстнаго теперь, то основаніе монастыря нужно отнести даже не позднѣе, какъ къ 1148 году. Для такой болѣе ранней даты устройства монастыря нѣкоторое подтвержденіе можно найти и въ житіи Нифонта. Біографъ Нифонта полагаетъ значительный промежутокъ между событіями основанія Мирожскаго монастыря и ухода Нифонта въ Кіевъ; онъ говоритъ, что послѣ возвращенія изъ Пскова въ Новгородъ Нифонтъ пробылъ здѣсь „доволно время" и потомъ уже направился въ Кіевъ[5]). Изъ этихъ словъ можно сдѣлать выводъ, что и въ XVI в. возникновеніе Мирожскаго монастыря относили къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1156 годъ.

---

[1]) Ист. кн. пск., III, 99.

[2]) Бест.—Рюминъ, „Рус. ист.", ч. I, 364.

[3]) „Псков. Спасо-Мирож. 3—кл. м-рь", стр. 2. „Указ. достоп. г. Пскова", М. 1858 г., стр. 28. „Святыни и древн. Пскова", 1861 г., стр. 66. Ратшинъ. „Полн. собр. истор. свѣд. о монаст. въ Россіи", стр. 449, и др.

[4]) Пол. соб. рус. лѣт., III, 141.

[5]) Пам. ст. рус. лит. Куш.-Безб., в. IV, стр. 4.

Основатель Спасо-Мирожскаго монастыря—святитель Нифонтъ принадлежалъ къ числу знаменитыхъ новгородскихъ владыкъ, заботливо относившихся не только къ внѣшнему благоустройству своей епархіи, но и къ духовному развитію своихъ пасомыхъ. Доказательствомъ этого могутъ служить сохранившіеся его отвѣты на извѣстные вопросы Кирика. Свою заботливость Нифонтъ проявилъ и въ отношеніи къ Мирожскому монастырю. Въ житіи, составленномъ Варлаамомъ, читаемъ, что Нифонтъ: „созда монастырь превеликъ зѣло и честенъ, и оукраси и вельми, и села вдаде многы на оустроеніе монастырю своемоу“ (стр. 4). Это богатство внѣшняго устройства Мирожскаго монастыря подтверждается отчасти и недавно открытыми здѣсь фресками, современными построенію монастырской церкви. Онѣ свидѣтельствуютъ, что строитель ничего не пожалѣлъ, чтобы этотъ первый въ Псковѣ монастырь и внѣшнимъ своимъ видомъ привлекалъ къ себѣ вниманіе псковскаго общества. Преданіе дополняетъ, что Нифонтъ привлекъ къ участію въ расходахъ на построеніе обители и псковичей: съ посохомъ и съ чашею, подаренною имъ въ обитель, онъ ходилъ по Пскову и собиралъ пожертвованія на монастырь [1]).

Съ одинаковою заботливостью святитель отнесся и къ внутреннему благоустройству обители: „братию собра многоу на славословіе Божіе, и старѣйшиноу имъ игоуменомъ постави единаго отъ братіи честнаго и свята, и все емоу святый преда строеніе монастыря своего и попеченіе еже о паствѣ“ (стр. 4). Біографъ Нифонта ничего не говоритъ, какой именно порядокъ былъ введенъ во вновь устроенномъ монастырѣ, но относительно этого не можетъ быть особыхъ сомнѣній. Нифонтъ былъ постриженникъ Кіево-Печерской обители; онъ прошелъ здѣсь, по свидѣтельству біографа, полный искусъ иноческаго послушанія и, какъ и Симонъ Владимірскій, не порывалъ духовнаго общенія съ мѣстомъ своего постриженія и на епископской каѳедрѣ. Несомнѣнно, что порядокъ „любимыхъ своихъ отецъ печерскихъ—Антонія и Ѳеодосія“, т. е. кіевское общежитіе, онъ ввелъ и въ Мирожскомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, о внутренней жизни обители не сохранилось никакихъ извѣстій, которыя давали бы возможность точнѣе опредѣлить порядокъ этого монастырскаго общежитія. Мы знаемъ лишь, что и въ XVI в. Мирожскій монастырь считался однимъ изъ четырехъ большихъ общежительныхъ псковскихъ монастырей и что онъ сохранилъ свою самостоятельность, несмотря на массу неблагопріятныхъ условій, зависѣвшихъ, главнымъ образомъ, отъ мѣстоположенія его. Расположенный на открытомъ мѣстѣ, внѣ городской стѣны, Мирожскій монастырь неоднократно подвергался разоренію и опустошенію при нападеніи на Псковъ нѣмцевъ и литовцевъ. Если, несмотря на это, монастырь успѣвалъ каждый разъ оправиться, то несомнѣнно, что послѣднему способствовали его матеріальная обезпеченность и въ частности тѣ „села многы“, которыя получилъ Мирожскій монастырь при своемъ возникновеніи отъ св. Нифонта. Неизвѣстно,—пользовался ли Ми-

[1]) Василевъ, Псков. Спасо-Мирожскій монастырь, стр. 19.

рожскій монастырь, какъ монастырь по своему происхожденію владычній, помощію новгородскихъ владыкъ, преемниковъ Нифонта, и въ какихъ онъ стоялъ къ нимъ отношеніяхъ. Знаемъ только, что во время своихъ посѣщеній Пскова въ XII вѣкѣ новгородскіе епископы останавливались иногда въ Мирожскомъ монастырѣ. Въ новгородской лѣтописи подъ 1188 г. находимъ замѣтку о кончинѣ и погребеніи здѣсь іерея Іакова Вояты, прибывшаго въ Псковъ въ свитѣ архіепископа Гавріила [1]).

Несомнѣнно, что жизнь монаховъ Мирожскаго монастыря, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка его исторіи, представляла собою свѣтлую сторону, не уклонялась отъ идеаловъ, начертанныхъ ей основателемъ обители. Уже самыя историческія условія, въ которыхъ находилась обитель, предупреждали желавшаго поступить въ число мирожской братіи, что здѣсь онъ не найдетъ для себя покойной, беззаботной жизни. Частыя нападенія на обитель непріятелей не только мѣшали этому покою, но и должны были вызывать у иноковъ мысль о необходимости быть готовыми даже и къ мученической кончинѣ. Примѣръ послѣдняго и представила обитель въ 1299 г. въ лицѣ своего игумена Василія и другихъ монаховъ, убитыхъ нѣмцами [2]).

И въ XVI в. за Мирожскимъ монастыремъ сохранилось названіе монастыря Нифонта. Когда Богоматерь потребовала къ себѣ строителя мирожскаго Нифонта, то послѣдній, явившись, сказалъ: „яко унылъ есмь госпоже преч. владычице: сего лѣта въ монастыри *моемъ* не бысть ни едина литургія“ [3]).

Мирожскій монастырь въ исторіи псковскаго монашества представляетъ собою первое сѣмя монашества, перенесенное на псковскую почву изъ Кіева умѣлою и заботливою рукою кіево-печерскаго постриженника. Какой же ростокъ дало здѣсь это первое сѣмя, какія были условія для дальнѣйшаго его развитія и какой оно получило здѣсь характеръ? Вотъ вопросы, которые требуютъ для себя разъясненія.

Въ псковскихъ лѣтописяхъ за періодъ отъ конца XIII в. до второй половины XVI в. находимъ указанія о существованіи въ Псковѣ по крайней мѣрѣ около 30 монастырей. Но этотъ перечень, при случайности лѣтописныхъ упоминаній о монастыряхъ, не совсѣмъ полный. Пропуски замѣчены нами даже по отношенію къ болѣе или менѣе извѣстнымъ монастырямъ, расположеннымъ притомъ вблизи Пскова. Пользуясь кромѣ лѣтописныхъ извѣстій указаніями актовъ и друг. монастырскихъ документовъ, м. Евгеній въ одномъ только Псковѣ за періодъ отъ XIII до конца XVII в. насчитываетъ около 50 монастырей [4]). Конечно, нельзя думать, чтобы число монастырей за каждый отдѣльный вѣкъ соотвѣтствовало этой общей цифрѣ. Несомнѣнно, что на ряду съ возникновеніемъ новыхъ были

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., III, 162.
[2]) Пол. соб. рус. лѣт., IV, 182.
[3]) Рук. арх. б-ки, № 212/145, л. 206 об.
[4]) Ист. кн. псков., III, 117—133.

случаи прекращенія существованія прежнихъ монастырей, и такимъ образомъ количество монастырей въ каждый отдѣльный вѣкъ было меньше этого общаго ихъ числа. Но и уменьшая указанныя цифры, мы должны заключить, что монастырская жизнь сдѣлала здѣсь, повидимому, очень замѣтные успѣхи въ своемъ развитіи. Такой выводъ нужно сдѣлать, основываясь на статистическихъ данныхъ. Но историческія извѣстія о внутреннемъ устройствѣ древне-русскихъ монастырей въ значительной степени понижаютъ цѣнность этихъ статистическихъ показаній. Доказано въ исторической литературѣ, что количеству монастырей въ древней Руси вовсе не соотвѣтствовало число иноковъ, населявшихъ эти монастыри. Монастырское братство въ древне-русскихъ монастыряхъ было обычно очень не многолюдное. Такъ, въ новгородско-псковской епархіи въ началѣ XVI в., какъ показываетъ лѣтописная замѣтка подъ 1528 г., даже „лучшіе", благоустроенные монастыри имѣли не болѣе 6 или 7 монаховъ, а въ „прочихъ", неблагоустроенныхъ, братство состояло всего изъ какихъ-либо двухъ-трехъ человѣкъ [1]). Такимъ образомъ, количество монастырей само по себѣ не только не даетъ права заключить о соотвѣтствующей ему численности монаховъ, но не объясняетъ даже намъ, въ какой степени было развито въ обществѣ въ тотъ или другой періодъ расположеніе къ монашеской жизни. Малочисленность монастырскихъ братствъ, по сравненію съ количествомъ существовавшихъ монастырей, говоритъ скорѣе за то, что наличность послѣднихъ не обусловливалась дѣйствительною въ нихъ потребностію. Для объясненія этого противорѣчія нужно обратить вниманіе на типы старинныхъ псковскихъ монастырей.

Какъ указано уже выше, здѣсь не было монастырей владычнихъ, за исключеніемъ Мирожскаго, а равнымъ образомъ не могли получить для себя большой распространенности и монастыри княжескіе. За весь періодъ монастырской исторіи отъ XIII в. по XVI в. мы встрѣчаемъ лишь два княжескихъ монастыря: Рождества Богородицы Довмантовскій и Іоанно-Предтечевъ, иначе Ивановскій на Завеличьѣ, оба женскіе, изъ которыхъ первый основанъ въ продолжительное княженіе въ Псковѣ бл. князя Довмонта. О Довмантовскомъ монастырѣ не сохранилось какихъ-либо извѣстій, поясняющихъ его исторію. По опредѣленію м. Евгенія, онъ построенъ въ XIII в. кн. Довмонтомъ и существовалъ до XVII ст. [2]). Больше сравнительно свѣдѣній сохранилось объ Ивановскомъ монастырѣ. Онъ основанъ въ первой половинѣ XIII ст. супругою псковскаго князя Ярослава Владиміровича Евфросиніею, въ иночествѣ Евпраксіею. Подъ 1243 г. 18 мая встрѣчается въ I нов. лѣтописи первое извѣстіе объ Ивановскомъ монастырѣ по поводу чудеснаго истеченія мира отъ иконы Спасителя, стоявшей надъ гробомъ благов. княгини. Событіе это случилось, значитъ, послѣ смерти княгини-инокини, но чрезъ сколько времени послѣ устройства монастыря—неизвѣстно.

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., VI, 284.
[2]) Ист. кн. пск., III, 117—118.

Основательница монастыря была, по преданію, и первою его настоятельницею. Какъ можно судить по сохранившейся до настоящаго времени церкви Іоанна Предтечи, современной основанію монастыря, этотъ княжескій монастырь представлялъ собою съ внѣшней стороны обитель вполнѣ благоустроенную. Очевидно, что строительница не пожалѣла средствъ для благоустройства своей обители. Въ томъ же XIII в. благосостоянію монастыря много способствовало покровительство со стороны благ. князя Довмонта и особенно его супруги Мароы. Изъ монастырскихъ актовъ узнаемъ, что князь и княгиня пожертвовали на монастырь различныя земельныя угодья въ пригородѣ Гдовѣ. Послѣ же кончины супруга, благ. Мароа и совсѣмъ перешла на жительство въ монастырь, постриглась здѣсь въ монашество и скончалась, по преданію, въ 1300 г.[1]). Третьею благотворительницею монастыря и его постриженницею была какая то княгиня Наталія, по преданію невѣстка Мароы, супруга князя Давида Довмонтовича[2]). Такимъ образомъ, Ивановскій монастырь въ XIII в. находился подъ покровительствомъ княжеской семьи Довмонта и былъ, такъ сказать, монастыремъ псковскихъ княгинь. И впослѣдствіи, въ XV—XVI в.в., онъ служилъ для псковскихъ княгинь мѣстомъ ихъ постриженія и погребенія. Такъ, напр., въ 1487 г. въ Ивановскомъ монастырѣ была погребена, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, супруга Ярослава, умершая во время свирѣпствовавшей тогда моровой язвы[3]). Въ псковскихъ синодикахъ упоминаются имена 12-ти княгинь-инокинь, погребенныхъ въ Ивановскомъ монастырѣ[4]). Синодикъ Мирожскаго монастыря первою княгинею, погребенною здѣсь, называетъ благов. Ольгу россійскую (стр. 132). Всѣ подобные случаи постриженія и погребенія въ монастырѣ псковскихъ княгинь несомнѣнно должны были способствовать благосостоянію этой княжеской обители. По крайней мѣрѣ, какъ извѣстно изъ лѣтописи кіевской, при постриженіи княгинь существовалъ обычай давать имъ „надѣлокъ многъ"; нужно думать, что обычай этотъ соблюдался и въ Псковѣ[5]). Вѣроятно, что еще и при жизни псковскія княгини благотворили Ивановской обители въ память о ея строительницѣ, которая почиталась въ Псковѣ за святую. За матеріальную обезпеченность Ивановскаго монастыря говоритъ и тотъ фактъ, что, находясь въ такихъ же неблагопріятныхъ условіяхъ по своему мѣстоположенію, какъ и монастырь Мирожскій, онъ, подобно послѣднему, сохранилъ свою самостоятельность. Обезпеченности монастыря, кромѣ поддержки со стороны мѣстныхъ княгинь, могъ способствовать и фактъ ранняго (1243 г.) явленія здѣсь чудотворной иконы, несомнѣнно привлекавшей въ монастырь пожертвованія христолюбцевъ.

---

[1]) Описан. Іоан. Предт. м-ря, изд. 2., Спб. 1874 г., стр. 34.
[2]) ib., стр. 35.
[3]) Полн. собр. рус. лѣт., IV, 267.
[4]) Описаніе.., стр. 37.
[5]) Пол. собр. рус. лѣт., I, 6736 г., стр. 191.

О внутреннемъ устройствѣ монастыря не сохранилось извѣстій. Вѣроятно, что Ивановскій монастырь былъ устроенъ по общему типу тогдашнихъ княжескихъ монастырей и въ частности по образцу монастыря св. Евфросиніи Полоцкой, имя которой носила въ мірѣ благочестивая псковская княгиня. Но было-ли здѣсь введено общежитіе и какъ многочисленно было стадо первыхъ черноризицъ,—никакихъ свѣдѣній не имѣемъ.

Владычніе и княжескіе монастыри въ древней Руси являются самыми благоустроенными и обезпеченными. Такими были и псковскіе монастыри—Мирожскій и Ивановскій. Но какъ уже сказано, эти типы монастырей въ Псковѣ не могли получить для себя особой распространенности. Кѣмъ же и какъ основывались другіе псковскіе монастыри и что они представляли собою по внутреннему своему устройству?

Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ по этимъ вопросамъ мы не находимъ точныхъ разъясненій. Здѣсь обычно упоминается лишь о построеніи церквей въ монастыряхъ, а не объ основаніи самыхъ монастырей. Только подъ 1421 г. находимъ замѣтку объ одновременномъ устроеніи церкви и монастыря на землѣ, подаренной какимъ-то монахомъ Порфиріемъ. „Того же лѣта,—читаемъ въ лѣтописи,—Перхурей чернецъ Сопешка даде мѣсто земли и поставиша церковь святое Благовѣщеніе, и устроиша манастырь женьскый въ Пескахъ“ [1]). Въ первой псковской лѣтописи говорится впрочемъ лишь о построеніи церкви, безъ упоминанія объ устройствѣ монастыря [2]). Изъ этихъ выраженій: „поставиша церковь“, „устроиша монастырь“, можно заключить, что построеніе новыхъ монастырей было дѣломъ общественнымъ. Монастыри ставились на общественныя средства, съ общаго согласія жителей. Иногда строителемъ церкви въ монастырѣ называется посадникъ, напр., подъ 1395 и 1398 гг. [3]). Эти извѣстія вѣрнѣе будетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что посадникъ строилъ церковь на свой счетъ, а въ томъ, что онъ лишь завѣдывалъ постройкою, которая производилась на средства общества. О большинствѣ псковскихъ городскихъ монастырей можно, такимъ образомъ, сказать то же самое, что говорится въ одномъ изъ актовъ о монастырѣ Никольскомъ Великорѣцкомъ: „строеніе деи тотъ монастырь Николы Великорѣцкаго Чудотворца мирское“ [4]). Мірского строенія были и монастыри псковскіе.

Но приписывая главное участіе въ основаніи монастырей свѣтскому обществу, нельзя, конечно, думать, чтобы, устраивая монастырь, оно же заботилось и о сформированіи монастырскаго братства. Наоборотъ, самый починъ къ устройству монастыря шелъ отъ отдѣльныхъ членовъ общества, расположенныхъ къ монашеской жизни, но не имѣвшихъ почему-либо возможности поступить въ братство одного изъ существовавшихъ уже

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., V, 23.

[2]) ib., т. IV, стр. 203, 1419 г. Быть можетъ, монастырь былъ устроенъ черезъ два года послѣ построенія церкви.

[3]) ib., 194, 195.

[4]) А. А. Э., т. I, № 364, стр. 448—449.

монастырей. Ниже мы увидимъ, что поступленіе въ монастырь въ древнее время было не для всѣхъ легко. При невозможности же поступить въ монастырь, человѣку, аскетически настроенному, ничего не оставалось другого, какъ вести монашескій образъ жизни въ мірѣ. Но для этого нужно было измѣнить нѣсколько условія домашней жизни, удалиться отъ мірского шума. Въ цѣляхъ уединенія ставились особыя келіи, по образцу монастырскихъ, и такъ какъ главнымъ желаніемъ такого монашески-настроеннаго аскета было имѣть возможность неопустительно посѣщать богослуженіе, то и мѣсто для постройки келіи выбиралось вблизи церкви. За первою келіею появлялись другая, третья, и онѣ полагали собою начало монастырю [1]). Въ келіяхъ близъ церкви селились какъ мужчины, такъ и женщины; отсюда и произошли такъ называемые смѣшанные монастыри—мужеско-женскіе. О существованіи такихъ монастырей въ Псковѣ имѣемъ свѣдѣнія въ посланіи м. Симона, помѣщенномъ въ лѣтописи подъ 1504 г. [2]). Если монастырь образовывался при существовавшей уже приходской церкви [3]), то послѣдняя не измѣняла своего характера: келліоты представляли собою лишь особый видъ прихожанъ и жили главнымъ образомъ на пожертвованія прихожанъ-мірянъ. Но то же самое было и въ томъ случаѣ, если церковь возникала уже послѣ устройства келій. Въ древней Руси приходы существовали и при большихъ монастыряхъ. Въ настольной грамотѣ игумену Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря Іоанну, отъ 1506 г., читаемъ: „и вы, дѣти мои, священноиноцы и старцы того монастыря и всѣ православные хрестьяне, еже есть приходъ тоа пречестныа обители, того отца своего Ивана, учителя и пастыря и наставника, почитайте и слушайте во всемъ и повинуйтеся ему по Бозѣ духовнѣ и тѣлеснѣ“ [4]). Несомнѣнно, что при монастыряхъ маленькихъ приходы представляли собою обычное явленіе. Вся разница монастырскихъ церквей отъ приходскихъ заключалась, вѣроятно, лишь въ томъ, что тогда какъ въ послѣднихъ церковныя должности занимались бѣлымъ духовенствомъ, въ первыхъ онѣ были заняты духовенствомъ чернымъ—игуменами и священноиноками. Такихъ полу-монастырей появлялось много, такъ какъ общество, особенно въ начальную пору христіанской своей жизни, съ сочувствіемъ относилось къ добровольнымъ подвижникамъ, выходившимъ изъ его же среды. Молитва за другихъ, остававшихся въ мірѣ, забота объ ихъ духовномъ спасеніи, несомнѣнно, цѣнились мірянами и располагали послѣднихъ къ пожертвованіямъ въ пользу келліотовъ. До XVI вѣка устройство келліотскихъ монастырей не встрѣчало для себя препятствій и со стороны высшей церковной власти.

Такимъ упрощеннымъ путемъ возникло, несомнѣнно, большинство псковскихъ городскихъ монастырей, но судьба ихъ была неодинаковая.

---

[1]) Никитскій, Очеркъ внутр. ист. Пскова, стр. 205.
[2]) Полн. соб. рус. лѣт., IV, 278.
[3]) ib., т. III, 220 и 247.
[4]) А. юр., изд. Арх. Ком., Спб. 1838 г., т. I, № 381, стр. 401—402.

Одни изъ монастырей какъ скоро возникали, такъ же скоро и прекращали свое существованіе, оттого всѣ извѣстія о нихъ и ограничиваются лишь единичными лѣтописными замѣтками. Другіе, при благопріятныхъ условіяхъ, существовали продолжительное время, постепенно изъ монастыря-приходской церкви преобразовывались въ собственномъ смыслѣ въ монастырь. Къ числу послѣднихъ можно, напр., отнести существующій и въ настоящее время Старовознесенскій женскій монастырь, первое извѣстіе о которомъ находимъ въ псковской лѣтописи подъ 1419 г. Въ лѣтописяхъ Старовознесенскій монастырь упоминается очень часто, какъ одинъ изъ пунктовъ встрѣчи псковичами владыкъ и князей; но о внутреннемъ устройствѣ этого монастыря, равно какъ и о времени построенія въ немъ церкви, не сохранилось точныхъ извѣстій. Общежитіе въ немъ было введено уже въ позднѣйшее время, и вѣроятно, что въ древнюю пору это былъ монастырь келліотскій.

Келліотство, по мнѣнію изслѣдователей, не представляло собою мѣстнаго русскаго изобрѣтенія. Оно было заимствовано изъ Греціи и въ древней Руси получило для себя широкое развитіе. О характерѣ жизни келліотовъ за древнѣйшее время не сохранилось свѣдѣній. Но само собою понятно, что въ устройствѣ этихъ въ несобственномъ смыслѣ монастырей мы напрасно стали бы искать слѣдовъ вліянія кіевскаго общежительнаго порядка, занесеннаго въ Псковъ св. Нифонтомъ, или мѣстныхъ какихъ-либо монастырскихъ порядковъ и типичныхъ особенностей. И по монастырскимъ правиламъ: „келія устава не имать“ [1]). Но не только устава, а и вообще какой-либо организаціи не могъ имѣть монастырь, состоявшій изъ двухъ-трехъ монаховъ; въ частности не могло быть въ немъ общежитія. Въ XVI в. жизнь монаховъ-келліотовъ представляла собою явленіе довольно неприглядное; она вызывала неудовольствіе въ высшихъ сферахъ и строгое осужденіе со стороны истинныхъ монаховъ отшельниковъ. Преп. Нилъ Сорскій въ келліотствѣ видѣлъ четвертый, новоизобрѣтенный типъ монашескаго житія, не имѣвшій для себя никакого основанія въ правилахъ восточной аскетики [2]).

По свидѣтельству новгородскаго лѣтописца, монахи маленькихъ монастырей жили „особь койждо себѣ въ келіяхъ ядяху“. При отсутствіи общежитія не могло здѣсь соблюдаться и правило объ иноческой нестяжательности. Наоборотъ, монахи, „стяжаніе съ попеченіемъ гоня“, „всякими житейскими печалми одержими бяху“ [3]). По свидѣтельству псковскаго лѣтописца, въ погонѣ за пріобрѣтеніемъ, они нерѣдко выступали на вѣчѣ и давали здѣсь поводъ къ смутамъ и незаконнымъ постановленіямъ [4]). Но очень возможно, что такая характеристика не совсѣмъ будетъ

[1]) Рук. Унд., № 52, л. 365.

[2]) Преп. Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ, М. 1849 г., стр. XXI—XXII.

[3]) Полн. собр. рус. лѣт., VI, 1528 г., стр. 284.

[4]) ib., т. IV, 237—238.

справедлива по отношенію къ раннѣйшей исторіи особножитныхъ монастырей. Въ ихъ жизни несомнѣнно была и свѣтлая сторона, иначе мы не можемъ объяснить того участія, съ которымъ относилось къ такимъ монастырямъ свѣтское общество.

Особножитные монастыри продолжали свое существованіе въ предѣлахъ новгородско-псковской епархіи до реформы 1528 г. м. Макарія. Съ этого времени началось ограниченіе числа этихъ монастырей. Но они не прекратили своего существованія и въ XVII вѣкѣ.

Большее значеніе для изученія мѣстныхъ чертъ монастырской жизни могутъ имѣть монастыри въ собственномъ смыслѣ, основанные частными лицами, по личной инціативѣ, на личныя ихъ средства. Уже по самому происхожденію такіе монастыри могли стоять въ меньшей зависимости отъ высшей власти, церковной и гражданской, чѣмъ монастыри владычніе или княжескіе, и отъ вліянія на монастырскую жизнь общества, какъ это было въ монастыряхъ „мірского строенія". Строитель монастыря, обычно и первый его настоятель, могъ вполнѣ свободно выбрать извѣстный уставъ жизни и сдѣлать то или иное измѣненіе въ немъ, примѣнительно къ частнымъ условіямъ быта его монастыря. Имущественная обезпеченность подобныхъ монастырей, о чемъ заботились ихъ основатели, давала возможность и послѣ кончины основателя свободному развитію монастырской жизни въ намѣченныхъ для нея формахъ, внѣ сторонняго вліянія.

Внутренній бытъ этихъ монастырей мы можемъ прослѣдить,—хотя и не во всѣхъ деталяхъ,—на исторіи Снѣтогорскаго Рождества Богородицы монастыря.

Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ не сохранилось точной хронологической даты объ основаніи Снѣтогорскаго монастыря. Впервые онъ упоминается въ лѣтописной замѣткѣ подъ 1299 г. о мученической кончинѣ снѣтогорскаго игумена Іоасафа[1]). Очень вѣроятно, что этотъ Іоасафъ, называемый въ псковскихъ синодикахъ первымъ снѣтогорскимъ игуменомъ, и былъ его основателемъ. Во всякомъ случаѣ объ основаніи Снѣтогорскаго монастыря частнымъ лицомъ говоритъ грамота архіеп. Діонисія Суздальскаго, отъ 1382 года. Въ ней находимъ извѣстіе, что „ктиторъ сего честнаго монастыря, рекше создатель, создавъ сій монастырь и братью совъкупивъ, и уставъ въведе св. отецъ общее житіе"[2]). Названіе монастыря Снѣтогорскимъ, по объясненію м. Евгенія, произошло отъ того, что мѣсто, занимаемое монастыремъ на правомъ берегу рѣки Великой, издавна славилось уловомъ снѣтка[3]). Рыбныя ловли составляли, кажется, главную статью монастырскаго хозяйства. По крайней мѣрѣ еще въ XIV в. монастырь имѣлъ свое подворье въ рыбныхъ городскихъ рядахъ, а въ позднѣйшихъ памятникахъ упоминаются и монастырскія здѣсь лавки и шалаши.

---

[1]) Пол. собр. рус. лѣт., IV, 182.
[2]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 24, стр. 210.
[3]) Ист. кн. пск., III, 87.

За первоначальную обезпеченность монастыря говоритъ уже фактъ нней (въ 1310 г.) постройки здѣсь каменной церкви, а равно и неодкратныя упоминанія лѣтописца о производствѣ въ монастырѣ каменхъ построекъ, требовавшихъ, конечно, значительныхъ средствъ [1]). Богамъ считался Снѣтогорскій монастырь и въ XVI в.; въ перечнѣ больхъ псковскихъ монастырей онъ занимаетъ первое мѣсто [2]). Какъ вполнѣ зпеченный и благоустроенный, Снѣтогорскій монастырь служилъ иногда стомъ остановки для новгородскихъ владыкъ и почетныхъ псковскихъ стей, вродѣ великокняжеской невѣсты Софіи Ѳоминишны [3]). Въ 1477 г. вг. архіепископъ Ѳеофилъ подарилъ въ свой пріѣздъ въ Псковъ Снѣорскому монастырю часы „самозвонныя", которыя предназначались ачала для троицкаго собора. Такой необычный въ исторіи псковскаго нашества фактъ вниманія со стороны новгор. архіепископа объясняется, роятно, тѣмъ, что и самъ владыка получалъ отъ Снѣтогорскаго монаыря хорошіе подарки [4]). Большимъ вниманіемъ пользовался Снѣтогорій монастырь и со стороны псковскаго общества. Въ немъ постригались жоторыя высокопоставленныя лица изъ псковскаго общества, напр., іязь Ѳеодоръ Александровичъ [5]); въ немъ начали свою иноческую жизнь два знаменитыхъ псковскихъ подвижника—Евфросинъ и Савва Крыецкій.

На ряду съ внѣшнимъ благоустройствомъ Снѣтогорскій монастырь самаго начала своего существованія отличался и благоустройствомъ утреннимъ. По свидѣтельству грамоты архіеп. Діонисія, основатель не лько ввелъ здѣсь общежительный порядокъ, но и позаботился, чтобы и слѣ его кончины этотъ порядокъ строго соблюдался въ монастырѣ. Іногымъ наказаніемъ извѣстивъ и клятвами утвердивъ, еже есть на спаніе душамъ человѣчьскымъ, пребывающимъ въ монастыри семъ",—говоттъ архіеп. Діонисій. Вѣроятнѣе всего, что порядокъ общежитія былъ имствованъ основателемъ Снѣтогорскаго монастыря отъ монастыря Спасоирожскаго; но рѣшить этотъ вопросъ точнѣе нѣтъ возможности, тѣмъ лѣе, что и въ указаніяхъ о дѣятельности снѣтогорскаго ктитора встрѣемъ много неяснаго и неопредѣленнаго. По словамъ архіеп. Діонисія, его амота представляла собою лишь подновленіе и подтвержденіе правилъ нователя обители,—изъ чего можно бы заключить, что послѣднимъ былъ нъ монастырю письменный уставъ [6]). Но изъ посланія въ монастырь м. Фо, выражавшаго желаніе: „видити того ктитора уставъ", узнаемъ, что, по овамъ снѣтогорскихъ монаховъ, въ монастырѣ никакого письменнаго

---

1) Пол. соб. рус. лѣт., IV, 184, 192, 213, 293.

2) Грамота Іоанна Грозн. отъ 1555 г., въ Ист. кн. пск., ч. II, прилож., XII, 89 и слѣд.

3) Пол. соб. рус. лѣт., IV, 230, 245.

4) ib., 254.

5) Пол. соб. рус. лѣт., IV, 6927 г., стр. 202—203.

6) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 24, стр. 210.

устава и не бывало. „А повѣдаете ми,—писалъ Фотій,—и пишете, что того устава ктиторова у васъ написанаго и не было“ [1]). Получается такимъ образомъ противорѣчіе въ словахъ Діонисія и снѣтогорскихъ монаховъ, жаловавшихся на „тягость“ постановленій суздальскаго архіепископа. Вѣроятно, что основатель монастыря не оставилъ полнаго письменнаго устава, а лишь по примѣру другихъ русскихъ основателей монастырей написалъ духовное завѣщаніе, которое въ концѣ XIV—началѣ XV в. было уже утрачено. Какъ бы то ни было, но приведенное заявленіе снѣтогорскихъ монаховъ ясно говоритъ, что въ XIV вѣкѣ жизнь иноковъ Снѣтогорскаго монастыря шла безъ всякаго письменнаго устава. Вполнѣ понятно, если она въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи получила не совсѣмъ правильныя и не совсѣмъ обычныя формы.

Нельзя сказать, чтобы отсутствіе письменнаго устава сопровождалось полнымъ забвеніемъ общежительныхъ началъ, введенныхъ основателемъ обители. По словамъ Діонисія, и въ концѣ XIV в. Снѣтогорскій монастырь продолжалъ быть монастыремъ „общеживущимъ“ (общежительнымъ), только въ порядки общежитія вкралось много недостатковъ: монахи жили, „ово творяща, ово же оставляюща о божественномъ общемъ житіи и о свершеніи мнишьскаго устава и о высотѣ безстрастія“ (стр. 206). Главную особенность и вмѣстѣ главный недостатокъ въ монастырскомъ устройствѣ составлялъ распространенный тогда въ Псковѣ обычай дѣлать вклады при поступленіи въ монастырь. Обычай этотъ не былъ отличительною особенностію только псковской монастырской жизни. Вкладничество было распространено и на Востокѣ, у насъ же въ древней Руси, по изслѣдованіямъ проф. Голубинскаго, оно имѣло мѣсто еще въ начальную пору исторіи монашества, въ періодъ до-монгольскій [2]). Сохранившіеся историческіе памятники о снѣтогорской жизни въ своемъ содержаніи не даютъ какихъ-либо новыхъ данныхъ для характеристики этой особенности монастырскаго быта, но они полнѣе изображаютъ намъ отдѣльныя ея черты. Прежде всего, уставъ постриженника Снѣтогорскаго монастыря, преп. Евфросина, свидѣтельствуетъ, что вкладничество въ Снѣтогорскомъ монастырѣ получило характеръ чего-то обязательнаго, на инока, принятаго „за богорадь“, безъ вклада, остальные монахи смотрѣли съ укоризною, какъ бы не признавали его полноправности въ монастырской общинѣ [3]). Съ другой стороны, монахъ-вкладчикъ считалъ себя въ монастырѣ вполнѣ самостоятельнымъ человѣкомъ, былъ убѣжденъ, что онъ ѣстъ и пьетъ въ монастырѣ „свою силу“, т. е. живетъ на свои средства, не обязываясь монастырю, и въ правѣ не обращать вниманія на требованія монастырскаго устава [4]). Въ основаніи такого убѣжденія былъ взглядъ на вкладъ, какъ на личную собственность, переданную въ завѣдываніе монастырю на условіяхъ полученія

[1]) ib., № 46, отъ 1418 г., стр. 393.
[2]) Ист. рус. цер., т. 1., 2 пол., стр. 604 и слѣд.
[3]) Рук. фунд. б-ки М. Д. А., № 205, л. 234, глава: „о оукорехъ братіи“.
[4]) ib., гл. „о вкупѣхъ“.

отъ него содержанія. Пользуясь деньгами вкладчика, монастырь не имѣлъ права присвоить ихъ себѣ или израсходовать хотя бы часть вклада. Внесенный капиталъ долженъ былъ оставаться полностію, и въ пользу монастыря поступали лишь проценты, которые получались съ тѣхъ или другихъ операцій надъ вкладомъ[1]). Таковъ былъ взглядъ самихъ монаховъ-вкладчиковъ. При нежеланіи оставаться въ монастырѣ, они требовали возвращенія своего вклада полностію, примѣръ чего увидимъ ниже, въ разсказѣ біографа Евфросина о черноризцѣ Кононѣ[2]). Разумѣется, что для монастыря составляло существенную выгоду пользоваться вкладами возможно продолжительное время, и потому монастырское начальство неохотно возвращало вкладъ, если монахъ-вкладчикъ выходилъ изъ монастырской общины. Но по распространенному тогда взгляду такой поступокъ со стороны монастырскаго начальства не имѣлъ для себя законной почвы, былъ лишь злоупотребленіемъ. Монахъ-вкладчикъ, при нежеланіи оставаться въ монастырѣ, могъ прямо сказать настоятелю: „не требую к сему жити у тебе, и отдай иже сребро мое, и иду паки собѣ, амо же хощу“ [3]). Если же его требованіе не исполнялось, то онъ обращался съ жалобою на монастырское начальство въ свѣтскій судъ. Посланія въ Снѣтогорскій монастырь м. Фотія и арх. новг. Симеона, а также уставъ преп. Евфросина такой порядокъ дѣла представляютъ обычнымъ явленіемъ; и это свидѣтельствуетъ, что свѣтскій законъ: „мірской судъ“, признавалъ такіе взгляды монаховъ-вкладчиковъ вполнѣ правильными[4]). Такимъ образомъ, вкладъ не всегда былъ пожизненнымъ, а зависѣлъ лишь отъ того, сколько времени оставался вкладчикъ въ монастырской общинѣ. Естественно бы ожидать, что вкладъ переходилъ въ полную монастырскую собственность послѣ смерти вкладчика, какъ плата за его поминовеніе. Но посланіе арх. Симеона не подтверждаетъ и этого. Здѣсь мы читаемъ: „а который чернець преставится того монастыря, ино что ни остало того черньца, ино все то святыя Богородица и тоя святыя обители и братейское, а мірьстіи людіе къ тому да не пріобщаются“ [5]). Значитъ, родственники умершаго вкладчика „пріобщались“ къ его вкладу, предъявляли свои права на оставшееся имущество, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вкладчикъ умиралъ, не сдѣлавъ завѣщанія въ пользу монастыря.

Не сохранилось извѣстій, какъ великъ былъ размѣръ вкладовъ въ Снѣтогорскомъ монастырѣ и существовали ли какія-либо опредѣленныя условія, въ видѣ письменнаго контракта, между монастыремъ и каждымъ

---

[1]) Въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ, какъ видно изъ устава преп. Іоанна Кассіана, вкладъ не сохранялся полностію, а расходовался на монастырскія нужды. Объ этомъ см. у пр. Ѳеофана, „Древніе иноческіе уставы“.., М. 1892 г., стр. 104—105 и 557.

[2]) Пам. ст. рус. лит., IV, 75—76.

[3]) ib., стр. 75.

[4]) Рус. ист. б-ка, VI, № 46, стр. 400, № 45, стр. 389, 390, 391. Рук. № 205, гл. „о мірскомъ судѣ“, см. въ приложеніяхъ.

[5]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 45, стр. 390.

изъ монаховъ-вкладчиковъ. Разъ монастырь пользовался лишь процентами изъ денегъ вкладчика и изъ этихъ процентовъ долженъ былъ еще доставлять ему полное содержаніе, то несомнѣнно, что размѣръ вкладовъ былъ значительный. Что же касается условій, то вѣроятнѣе всего, что они основывались на обычномъ порядкѣ, а не носили характера письменныхъ обязательствъ; иначе и не могли бы возникать судебныя дѣла. Впрочемъ, свѣдѣнія о другомъ видѣ монастырскихъ вкладовъ представляютъ возможнымъ и наличность обязательствъ послѣдняго рода.

Въ русскихъ монастыряхъ, по примѣру монастырей восточныхъ, кромѣ вкладчиковъ-монаховъ были еще вкладчики-міряне. Послѣдніе, по мнѣнію проф. Никитскаго, принадлежали по преимуществу къ классу людей малосостоятельныхъ, руководившихся въ данномъ случаѣ желаніемъ обезпечить свое земное существованіе. Внося вкладъ, они не отрѣшались отъ міра и отъ своихъ мірскихъ занятій, но въ то же время гарантировали себѣ право на пожизненное полученіе изъ монастыря содержанія, которое шло въ послѣднемъ на долю чернецовъ [1]). Ихъ нужно, значитъ, отличать отъ вкладчиковъ, дѣлавшихъ въ монастыри взносы за запись на поминовеніе послѣ смерти. Съ такими вкладчиками-мірянами мы встрѣчаемся и въ памятникахъ мѣстной монастырской исторіи, только уже въ позднѣйшій ея періодъ. Такъ, напр., въ 1697 г. посадскій человѣкъ Иванъ Андреяновъ отдалъ въ Любятовскій монастырь половину своей лавки „за вкладъ, за десять рублей", съ условіемъ, чтобы игуменъ и монастырская братія выдали ему „вкладную за руками за тѣ деньги". Въ поступной записи онъ предоставилъ право получить монастырю и другую половину лавки послѣ своей смерти, если только монастырь на свой счетъ похоронитъ его и будетъ поминать. Но если это условіе не будетъ выполнено монастыремъ, то вторая половина лавки должна перейти въ собственность того,—какъ выражается вкладчикъ: „кто меня погребетъ и помянетъ" [2]). Изъ исторіи новгородскаго монашества узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ міряинъ-вкладчикъ просто переходилъ на житье въ монастырь, не принимая постриженія. Въ томъ же XVII в. архимандритъ и братія Хутынскаго монастыря выдали вкладчику дворянину Пестрикову особое „писаніе" на жительство его въ монастырѣ и на поминовеніе его послѣ смерти. Монахи обязывались записать Пестрикова въ литію и синодикъ, похоронить его на монастырскомъ кладбищѣ,—„да и отъ сихъ нѣкую утѣху пріиметъ душа его",—и предоставляли ему право жить до смерти въ монастырѣ, „питая тѣло свое крупицы избывающими отъ святыя ихъ трапезы". За собою они оставляли право постричь его въ монахи, если по своей жизни онъ окажется достойнымъ ангельскаго чина, или оставить въ мірскомъ званіи [3]).

---

[1]) Очеркъ внутр. ист. церкви въ Вел. Новгородѣ, Спб. 1879 г., стр. 88.
[2]) Пск. Губ. Вѣд., 1871 г., № 30.
[3]) Акты, относ. до юрид. быта др. Россіи, Спб. 1859 г., т. I, № 237, отъ 1691 г., стр. 732—733.

Подобныхъ вкладчиковъ-мірянъ въ монастыряхъ было много. По крайней мѣрѣ, псковскіе акты XVII в. обычно отличаютъ съ одной стороны настоятеля и братію, съ другой вкладчиковъ [1]).

Среди вкладчиковъ-мірянъ были и такіе, которые вступали въ монастырскую общину, не дѣлая денежныхъ взносовъ, а вмѣсто этого брали на себя исполненіе тѣхъ или другихъ обязанностей по монастырскимъ дѣламъ. Такъ, въ актахъ XVII вѣка всѣхъ псковскихъ монастырей мы встрѣчаемъ монастырскихъ стряпчихъ, на обязанности которыхъ было отъ имени монастыря вести судебные процессы и совершать различнаго рода юридическія сдѣлки по дѣламъ хозяйственнымъ и въ частности по дѣламъ монастырскаго землевладѣнія. Какъ увидимъ изъ исторіи хозяйственнаго быта псковскихъ монастырей, для послѣднихъ, при сложности тогдашняго судопроизводства, было очень выгодно имѣть въ своемъ распоряженіи человѣка, знакомаго со всѣми тонкостями судебнаго процесса. Но монастырскіе стряпчіе не были вольнонаемными слугами, а стояли въ болѣе тѣсной связи съ монастыремъ: были монастырскими вкладчиками. Такъ, напр., упоминаемый въ актѣ отъ 1691 г. Любятовскаго монастыря: „стряпчій того-жъ монастыря Панкратій Евсевьевъ", который велъ судебный процессъ за монастырскую пустошь Гайково, въ судебномъ актѣ 1689 г. называется: „Никольскаго Любятова монастыря *вкладчикъ* Панкрашко Евсевьевъ" [2]). Въ отличіе отъ вкладчиковъ денежныхъ, послѣдній родъ вкладчиковъ можно назвать вкладчиками-монастырскими слугами. Такъ дѣйствительно они и назывались въ XVII в. Въ цитированной уже мѣновой записи Дмитріевскаго монастыря вкладчики Иванъ Марковъ, Изой Аѳанасьевъ и Андрей Петровъ въ началѣ памятника названы слугами Дмитріевскаго монастыря [3]).

---

[1]) Въ мѣновой записи Дмитріевскаго и Любятовскаго монастырей читаемъ: „а буде мы, Амбросимъ съ братею и *со вкладчики*.., въ чемъ противъ сей записи не устоимъ, что писано выше сего, хотя въ единомъ словѣ, и на насъ Дмитріевскаго монастыря съ поля на строителѣ Амбросимѣ, и кто по немъ будетъ въ томъ монастырѣ въ строителехъ, съ братею и на вкладчикахъ того монастыря за нашу неустойку по сей записи взять имъ, Никольскаго Любятова монастыря строителю Антонію или кто по немъ будетъ въ томъ Никольскомъ монастырѣ въ строителѣхъ, съ братею и *со вкладчики* денегъ пятьдесятъ рублевъ". Въ подписяхъ въ концѣ записи различаются вкладчики-монахи и вкладчики-міряне. „Къ сей записи дмитріевскій строитель черный священникъ Амбросій и вмѣсто вкладчика старца инока Асафа, по его велѣнію, руку приложилъ. Къ сей записи вмѣсто дмитріевскихъ вкладчиковъ: Ивана Маркова да Изоя Аѳанасьева, по ихъ велѣнію, того жъ монастыря церковный дьячекъ Дениска Ѳедоровъ руку приложилъ. Къ сей записи вмѣсто дмитріевскаго вкладчика Андрея Петрова сына, по его велѣнію, того жъ монастыря, и въ свое мѣсто, церковный пономарь Михайло Ивановъ руку приложилъ".

[2]) Пск. Г. В., 1871 г., № 35, ср. № 28.

[3]) „Дмитріевскаго монастыря съ поля строитель черный попъ Амросимъ съ братею, да язъ казначей старецъ Іоасафъ, да язъ того жъ монастыря *слуги:* Иванъ Марковъ, Изой Аѳанасьевъ, Андрей Петровъ".

Таковъ былъ характеръ монастырскаго вкладничества по псковскимъ актамъ XVII в. Такимъ вкладничество было, несомнѣнно, и въ раннѣйшее время, за которое мы не имѣемъ лишь подобныхъ извѣстій. По крайней мѣрѣ, послѣдняя черта вкладничества—служебныя отношенія нѣкоторыхъ изъ вкладчиковъ къ монастырю—проф. Никитскимъ въ исторіи новгородскихъ монастырей отмѣчена за болѣе ранній періодъ монастырской исторіи (1548 г.)[1]. А такъ какъ внутреннее устройство монастырей псковскихъ очень походило на внутреннее устройство монастырей новгородскихъ, то несомнѣнно, что и въ этомъ отношеніи было такое же сходство.

Нечего уже и говорить, что вкладничество не только не имѣло для себя какихъ-либо основаній въ древнѣйшихъ уставахъ монашества, но и стояло въ противорѣчіи съ каноническими правилами Византійской церкви, хорошо извѣстными у насъ на Руси. По правиламъ подвижниковъ не только запрещались опредѣленные взносы при поступленіи въ монастырь, но не рекомендовалось даже принимать отъ родственниковъ постригшагося какихъ-либо подарковъ на монастырь. Св. Василій Великій, предоставляя самимъ настоятелямъ рѣшать вопросъ, отъ кого и въ какихъ случаяхъ можно принимать подарки и когда не слѣдуетъ, съ своей стороны замѣчаетъ: „что до моего мнѣнія, то разсуждаю: гораздо неблазненнѣе для многихъ и полезнѣе для созиданія вѣры не принимать такихъ подарковъ. Ибо слѣдствіемъ принятія, во-первыхъ, бываетъ, что нерѣдко на общину падаетъ укоризна. А потомъ родственнику принесшихъ подаетъ это поводъ къ превозношенію. Сверхъ того, по сказанному Апостоломъ, о тѣхъ, которые въ мѣстѣ общаго собранія ѣдятъ и пьютъ свое, исполняется слово его: „срамляете не имущія“ (I. Кор. XI, 22), и многое подобное[2]).

Мы подробно привели это святоотеческое мнѣніе, такъ какъ цѣнность высказанныхъ здѣсь предостереженій доказываетъ въ частности, какъ увидимъ ниже, и исторія Снѣтогорскаго монастыря.

По каноническимъ правиламъ вкладъ долженъ былъ оставаться за монастыремъ не только въ случаѣ смерти вкладчика, но и тогда, когда онъ оставлялъ монастырь при жизни, безразлично—добровольно это дѣлалось или поневолѣ,—когда, напр., вкладчикъ былъ изгоняемъ изъ монастыря за дурное поведеніе или за непослушаніе игумену[3]).

Вкладничество существеннымъ образомъ вліяло какъ на общій порядокъ внутренняго устройства монастырей, такъ въ частности и на направленіе жизни монашеской. Съ внѣшней стороны, какъ замѣтили уже мы выше, оно не уничтожало собою монастырскаго общежитія. Наоборотъ,

---

[1]) Очеркъ внутр. ист. церкви въ В. Новг., стр. 88.

[2]) „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“. Вопросъ 304-й: „за отдаваемыхъ въ братство надобно ли принимать отъ свойственниковъ, если хотятъ что дать“? Твор. Св. Отцевъ, годъ 5, книжка 2, стр. 371.

[3]) См. у Никитскаго, „Очеркъ внутр. ист. Пскова“, Спб. 1873 г., стр. 233.

и одежду и пищу монахи-вкладчики получали отъ монастыря, отъ монастырской казны и изъ монастырской трапезы. Въ этомъ отношеніи вкладническіе монастыри гораздо больше походили на общежительные, чѣмъ маленькіе монастыри, особножитные, въ которыхъ не существовало даже и общей монастырской трапезы. Но внутренній строй ихъ жизни находился въ такомъ же противорѣчіи съ правилами общежительнаго устава, какъ и строй жизни маленькихъ монастырей, безуставныхъ. На получаемое изъ монастырской казны содержаніе монахи-вкладчики смотрѣли какъ на процентъ натурою съ своего вклада; и потому были убѣждены, что живутъ въ монастырѣ на свой счетъ: „свою силу ѣдятъ и піютъ“, не считали для себя обязательнымъ участіе въ общей монастырской трапезѣ. Эту черту—внѣшнее сходство съ порядками общежитія при внутреннемъ противорѣчіи общежительному уставу—можно наблюдать и въ частностяхъ монастырскаго устройства.

Въ Снѣтогорскомъ монастырѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же должностными лицами, какія по уставу должны быть и во всякомъ общежительномъ монастырѣ. Здѣсь были: игуменъ, келарь, казначей, духовникъ, старцы. Но значеніе этихъ должностныхъ лицъ было здѣсь не совсѣмъ такое, какое они должны бы имѣть по общежительнымъ уставамъ. По правиламъ послѣднихъ, всѣ эти должностныя лица должны быть избираемы изъ среды братіи „ради богораднаго и искуснаго житія“, „первые достоинствомъ и разумомъ, хотящіи и могущіи спострадати настоятелю о благочиніи церковномъ“. Такъ какъ игуменъ по своимъ нравственнымъ качествамъ долженъ стоять выше всей братіи, то и авторитетъ его въ монастырѣ не ограниченъ какъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ, такъ и въ руководствѣ духовною жизнію монастырскаго братства. Всѣ одинаково должны повиноваться его распоряженіямъ, и старшая, „преимущая“ братія является лишь помощниками своему настоятелю: „не мощно бо единому настоятелю всего управити“ [1]). Въ Снѣтогорскомъ монастырѣ не было такого единодушія ни въ отношеніяхъ монастырскаго братства къ должностнымъ лицамъ, ни въ отношеніяхъ должностныхъ лицъ къ настоятелю. Въ историческихъ памятникахъ не находимъ указаній на какія-либо ограниченія дѣятельности лицъ, завѣдовавшихъ монастырскимъ хозяйствомъ, со стороны игумена. Наоборотъ, изъ предостереженія архіеп. Діонисія: „а келарю не дати, ни ключьнику не дати никому же ничего-же безъ игуменова слова“ [2]), можно заключить, что въ отправленіи своихъ обязанностей келарь и ключникъ мало зависѣли отъ игумена, распоряжались безъ его указаній, и что игуменъ не имѣлъ особаго вліянія на монастырскія хозяйственныя дѣла. Но въ тѣхъ же памятникахъ мы имѣемъ ясныя указанія на недостатокъ вліянія въ монастырѣ и властей духовныхъ: старцевъ, духовника и самого игумена. Арх. Симеонъ въ своемъ посланіи пишетъ, что, по дошедшимъ до

---

[1]) См. въ прилож. гл. устава преп. Евфросина „о игуменѣ“ и Дух. Грам. Іосифа Вол., В. Ч. М., сент., в. 1, стр. 587, 573.

[2]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 24, стр. 209.

Таковъ былъ характеръ монастырскаго вкладничества по псковскимъ актамъ XVII в. Такимъ вкладничество было, несомнѣнно, и въ раннѣйшее время, за которое мы не имѣемъ лишь подобныхъ извѣстій. По крайней мѣрѣ, послѣдняя черта вкладничества—служебныя отношенія нѣкоторыхъ изъ вкладчиковъ къ монастырю—проф. Никитскимъ въ исторіи новгородскихъ монастырей отмѣчена за болѣе ранній періодъ монастырской исторіи (1548 г.)[1]. А такъ какъ внутреннее устройство монастырей псковскихъ очень походило на внутреннее устройство монастырей новгородскихъ, то несомнѣнно, что и въ этомъ отношеніи было такое же сходство.

Нечего уже и говорить, что вкладничество не только не имѣло для себя какихъ-либо основаній въ древнѣйшихъ уставахъ монашества, но и стояло въ противорѣчіи съ каноническими правилами Византійской церкви, хорошо извѣстными у насъ на Руси. По правиламъ подвижниковъ не только запрещались опредѣленные взносы при поступленіи въ монастырь, но не рекомендовалось даже принимать отъ родственниковъ постригшагося какихъ-либо подарковъ на монастырь. Св. Василій Великій, предоставляя самимъ настоятелямъ рѣшать вопросъ, отъ кого и въ какихъ случаяхъ можно принимать подарки и когда не слѣдуетъ, съ своей стороны замѣчаетъ: „что до моего мнѣнія, то разсуждаю: гораздо неблазненнѣе для многихъ и полезнѣе для созиданія вѣры не принимать такихъ подарковъ. Ибо слѣдствіемъ принятія, во-первыхъ, бываетъ, что нерѣдко на общину падаетъ укоризна. А потомъ родственнику принесшихъ подаетъ это поводъ къ превозношенію. Сверхъ того, по сказанному Апостоломъ, о тѣхъ, которые въ мѣстѣ общаго собранія ѣдятъ и пьютъ свое, исполняется слово его: „срамляете не имущія“ (І. Кор. XI, 22), и многое подобное[2].

Мы подробно привели это святоотеческое мнѣніе, такъ какъ цѣнность высказанныхъ здѣсь предостереженій доказываетъ въ частности, какъ увидимъ ниже, и исторія Снѣтогорскаго монастыря.

По каноническимъ правиламъ вкладъ долженъ былъ оставаться за монастыремъ не только въ случаѣ смерти вкладчика, но и тогда, когда онъ оставлялъ монастырь при жизни, безразлично—добровольно это дѣлалось или поневолѣ,—когда, напр., вкладчикъ былъ изгоняемъ изъ монастыря за дурное поведеніе или за непослушаніе игумену[3].

Вкладничество существеннымъ образомъ вліяло какъ на общій порядокъ внутренняго устройства монастырей, такъ въ частности и на направленіе жизни монашеской. Съ внѣшней стороны, какъ замѣтили уже мы выше, оно не уничтожало собою монастырскаго общежитія. Наоборотъ,

---

[1]) Очеркъ внутр. ист. церкви въ В. Новг., стр. 88.

[2]) „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“. Вопросъ 304-й: „за отдаваемыхъ въ братство надобно ли принимать отъ свойственниковъ, если хотятъ что дать“? Твор. Св. Отцевъ, годъ 5, книжка 2, стр. 371.

[3]) См. у Никитскаго, „Очеркъ внутр. ист. Пскова“, Спб. 1873 г., стр. 233.

и одежду и пищу монахи-вкладчики получали отъ монастыря, отъ монастырской казны и изъ монастырской трапезы. Въ этомъ отношеніи вкладническіе монастыри гораздо больше походили на общежительные, чѣмъ маленькіе монастыри, особножитные, въ которыхъ не существовало даже и общей монастырской трапезы. Но внутренній строй ихъ жизни находился въ такомъ же противорѣчіи съ правилами общежительнаго устава, какъ и строй жизни маленькихъ монастырей, безуставныхъ. На получаемое изъ монастырской казны содержаніе монахи-вкладчики смотрѣли какъ на процентъ натурою съ своего вклада; и потому были убѣждены, что живутъ въ монастырѣ на свой счетъ: „свою силу ѣдятъ и піютъ", не считали для себя обязательнымъ участіе въ общей монастырской трапезѣ. Эту черту—внѣшнее сходство съ порядками общежитія при внутреннемъ противорѣчіи общежительному уставу—можно наблюдать и въ частностяхъ монастырскаго устройства.

Въ Снѣтогорскомъ монастырѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же должностными лицами, какія по уставу должны быть и во всякомъ общежительномъ монастырѣ. Здѣсь были: игуменъ, келарь, казначей, духовникъ, старцы. Но значеніе этихъ должностныхъ лицъ было здѣсь не совсѣмъ такое, какое они должны бы имѣть по общежительнымъ уставамъ. По правиламъ послѣднихъ, всѣ эти должностныя лица должны быть избираемы изъ среды братіи „ради богораднаго и искуснаго житія", „первые достоинствомъ и разумомъ, хотящіи и могущіи спострадати настоятелю о благочиніи церковномъ". Такъ какъ игуменъ по своимъ нравственнымъ качествамъ долженъ стоять выше всей братіи, то и авторитетъ его въ монастырѣ не ограниченъ какъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ, такъ и въ руководствѣ духовною жизнію монастырскаго братства. Всѣ одинаково должны повиноваться его распоряженіямъ, и старшая, „преимущая" братія является лишь помощниками своему настоятелю: „не мощно бо единому настоятелю всего управити" [1]). Въ Снѣтогорскомъ монастырѣ не было такого единодушія ни въ отношеніяхъ монастырскаго братства къ должностнымъ лицамъ, ни въ отношеніяхъ должностныхъ лицъ къ настоятелю. Въ историческихъ памятникахъ не находимъ указаній на какія-либо ограниченія дѣятельности лицъ, завѣдовавшихъ монастырскимъ хозяйствомъ, со стороны игумена. Наоборотъ, изъ предостереженія архіеп. Діонисія: „а келарю не дати, ни ключьнику не дати никому же ничего-же безъ игуменова слова" [2]), можно заключить, что въ отправленіи своихъ обязанностей келарь и ключникъ мало зависѣли отъ игумена, распоряжались безъ его указаній, и что игуменъ не имѣлъ особаго вліянія на монастырскія хозяйственныя дѣла. Но въ тѣхъ же памятникахъ мы имѣемъ ясныя указанія на недостатокъ вліянія въ монастырѣ и властей духовныхъ: старцевъ, духовника и самого игумена. Арх. Симеонъ въ своемъ посланіи пишетъ, что, по дошедшимъ до

---

[1]) См. въ прилож. гл. устава преп. Евфросина „о игуменѣ" и Дух. Грам. Іосифа Вол., В. Ч. М., сент., в. 1, стр. 587, 573.

[2]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 24, стр. 209.

него слухамъ, снѣтогорскіе монахи „живуть не по-чернечьскы, духовника не держать, а у игумена и у старцевъ не въ послушаніи"[1]). О непослушаніи игумену косвенно говоритъ и грамота Діонисія. Причину этихъ недостатковъ нужно искать не только въ низкомъ нравственномъ уровнѣ снѣтогорскаго монашества этого времени, но и въ самыхъ основахъ, на которыхъ развивалась жизнь въ монастыряхъ вкладническихъ.

Монастырское общежитіе основывалось здѣсь почти исключительно на экономическихъ началахъ; началамъ нравственнымъ, аскетическимъ особаго значенія не придавалось. Вполнѣ естественно отсюда, что руководители духовною жизнію монаховъ: старцы и игуменъ, не пользовались въ монастырѣ какимъ-либо авторитетомъ. Но остается непонятнымъ, почему игуменъ не имѣлъ должнаго вліянія на хозяйственныя дѣла обители. По монастырскимъ уставамъ, право избранія на всѣ должности, не исключая и игумена, принадлежало всему монастырскому братству. Епархіальный епископъ лишь совершалъ хиротонію надъ лицами, избранными въ духовныя должности, или утверждалъ особою благословенною грамотою ихъ полномочія. Въ Снѣтогорскомъ монастырѣ право избранія должностныхъ лицъ принадлежало, значитъ, монахамъ-вкладчикамъ. Естественно, что при избраніи въ должности келаря и эконома община вкладчиковъ, заинтересованная правильнымъ веденіемъ монастырскаго хозяйства, главное свое вниманіе должна была обращать не на богорадное житіе кандидата, какъ требовалъ уставъ, а на его честность и опытность въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Не могли, затѣмъ, вкладчики вручать завѣдываніе своими взносами людямъ, совершенно неимущимъ, не вкладчикамъ, съ которыхъ въ случаѣ растраты нечего было бы взять. Вѣроятнѣе всего, что на должности келаря и эконома выбирались наиболѣе состоятельные изъ монастырскихъ вкладчиковъ. Но ихъ дѣятельность не была безконтрольною: каждый вкладчикъ всегда могъ потребовать отчета о своемъ вкладѣ.

Далѣе, между вкладчиками были люди и очень состоятельные, и не богатые, особенно вкладчики-слуги, и первые, конечно, имѣли большее вліяніе на веденіе монастырскаго хозяйства, чѣмъ вкладчики-слуги. Изъ житія преп. Варлаама Хутынскаго узнаемъ, что въ XVI в. въ его монастырѣ при избраніи въ монастырскій соборъ монахи руководились прямо практическими соображеніями, насколько избираемый „сановитъ и честенъ и славенъ отъ человѣкъ". Въ результатѣ этого въ монастырскомъ соборѣ засѣдали „отъ болярска рода люди сильныя, іныя братія соборные изъ давныхъ лѣтъ бяху, обогатѣли отъ лихоимнаго собранія монастырскаго"[2]). Оставляя въ сторонѣ замѣтку о злоупотребленіяхъ этихъ членовъ монастырскаго собора, мы обратимъ вниманіе лишь на то, что избирать людей богатыхъ, „сильныхъ", былъ обычай давній. Такой обычай былъ, несомнѣнно, и въ Снѣтогорскомъ монастырѣ. Но если бы этотъ принципъ былъ

---

[1]) ib., № 45, стр. 389.

[2]) Житіе преп. Варлаама, по изд. Общ. Люб. Др. Письм., Спб. 1881 г., стр. 89.

проведенъ послѣдовательно и въ избраніи игумена, т. е. если бы должность послѣдняго предоставлялась самому богатому изъ монастырскихъ вкладчиковъ, то въ такомъ случаѣ невозможно было бы то безличное положеніе его въ монастырѣ, о которомъ говорятъ отмѣченные уже факты изъ содержанія грамотъ арх. Діонисія и Симеона. Очевидно, что при избраніи игумена монахи-вкладчики поступали иначе, заботились лишь о томъ, чтобы избранный ими настоятель не стѣснялъ ихъ свободы. Изъ грамотъ въ Псковъ архіепископовъ Евѳимія, отъ 1426 г., и Макарія, отъ 1542 г., мы узнаемъ, что въ Псковѣ было много перехожихъ игуменовъ, священно-иноковъ, священниковъ и діаконовъ изъ различныхъ предѣловъ русской земли: изъ Москвы, Новгорода и Литвы. Эти пришлые монахи предлагали здѣсь свои услуги и создали такую конкурренцію, что мѣстнымъ, старымъ игуменамъ и священникамъ приходилось иной разъ волочиться безъ мѣста. Такихъ игуменовъ и священниковъ поряжали къ приходскимъ церквамъ и къ маленькимъ монастырямъ [1]). Вполнѣ возможно, что и снѣтогорскіе монахи придерживались этого распространеннаго въ Псковѣ обычая: вмѣсто избранія игумена изъ среды монастырскаго братства они „поряжали" какого-нибудь перехожаго или безмѣстнаго игумена, который за извѣстную плату и долженъ былъ завѣдывать въ монастырѣ церковными дѣлами и въ частности—совершать богослуженіе. Если это предположеніе справедливо, если въ Снѣтогорскомъ монастырѣ дѣйствительно практиковался такой порядокъ, то для насъ будетъ совершенно понятно, почему игуменъ не только не имѣлъ вліянія на дѣла хозяйственныя, но не пользовался авторитетомъ и въ дѣлахъ духовной жизни монастырскаго братства.

Въ соотвѣтствіи съ внутреннимъ монастырскимъ устройствомъ шла и частная жизнь снѣтогорскихъ монаховъ. Между монахами и монастыремъ не существовало какой-либо нравственной связи, были одни лишь экономическія отношенія. Свободно располагая свою жизнь, монахи-вкладчики не только не заботились о соотвѣтствіи ея съ правилами монашескаго устава, но не считали для себя обязательнымъ исполненіе и самыхъ основныхъ правилъ иноческаго благочинія. Въ снѣтогорской жизни мы встрѣчаемъ всѣ тѣ нарушенія монастырскаго благочинія, возможность которыхъ предполагалъ еще Василій Вел., предостерегая не брать подарковъ отъ поступающихъ въ братство. Какъ можно видѣть изъ устава преп. Евфросина, монахи-вкладчики съ укоризною относились къ принятымъ безъ вклада, величались предъ ними, говорили по ихъ адресу „словеса тяжкія". Сознавая свою самостоятельность, они не исполняли прямыхъ своихъ обязанностей,—не хотѣли ни въ церковь ходить, ни въ келіи своей прилежно молиться [2]). Въ монастырѣ, строго говоря, не было общей трапезы, такъ какъ вкладчики получали все нужное лично сами

---

[1]) Рус. ист. б-ка, VI, № 54, стр. 473—474. Ист. кн. пск., ч. II, прилож., стр. 83.

[2]) См. въ прилож. гл. устава: „о оукорехъ братіи" и „о вкупѣхъ".

отъ келаря или ключника. Не могло быть здѣсь мѣста и иноческому воздержанію и нестяжательности. Наоборотъ, монахи получали изъ монастырской казны платье изъ „нѣмечьскыхъ суконъ", носили пуховыя шубы. Значительно, какъ показываютъ грамота Діонисія и посланіе м. Фотія, было распространено въ монастырѣ пьянство. Встрѣчаемся и съ болѣе важными недостатками въ монастырской жизни. По свидѣтельству посланія Симеона, монахи, живя „не по-чернечьскы", не имѣли духовника. Посланіе Фотія отмѣчаетъ даже фактъ уклоненія нѣкоторыхъ иноковъ отъ св. причащенія. Быть можетъ, эти факты нужно поставить въ связь съ тогдашними стригольническими волненіями въ Псковѣ, которыя могли отражаться и на взглядахъ монаховъ, но одинаково возможно и то, что они были просто результатомъ небрежности и распущенности монастырскаго братства. Забота о душевномъ спасеніи уступала здѣсь свое мѣсто попеченіямъ о земномъ благополучіи, и для большаго спокойствія вкладчиковъ въ монастырѣ, вопреки уставу, содержались наемные слуги, на которыхъ и возлагалась черная монастырская работа[1]).

Проф. Никитскій, характеризуя порядки снѣтогорской жизни, замѣчаетъ, что здѣсь общежитіе было болѣе въ зародышѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, состояло, главнымъ образомъ, въ одномъ сожительствѣ монаховъ въ стѣнахъ монастыря[2]). Но замѣчаніе это въ сущности не разъясняетъ дѣла и даже противорѣчитъ сохранившимся историческимъ извѣстіямъ объ устройствѣ снѣтогорской монастырской жизни въ начальную ея пору. По свидѣтельству грамоты Діонисія, при возникновеніи монастыря въ немъ былъ введенъ полный порядокъ общежитія. Отсюда, въ отмѣченныхъ фактахъ вѣрнѣе будетъ видѣть прямое искаженіе правилъ общежитія, а не недостаточность ихъ развитія. Возникаетъ теперь вопросъ: подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ въ дальнѣйшей исторіи снѣтогорской жизни общежитіе приняло такую своеобразную форму?

Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ имѣли вліяніе общія условія псковской жизни. При отсутствіи устава, поступавшій въ монастырь естественно сохранялъ старыя, мірскія привычки и примѣнительно къ нимъ устраивалъ свою монашескую жизнь. Одною же изъ отличительныхъ чертъ въ новгородско-псковской жизни XIV—XV в.в. являлась община или товарищество. Здѣсь мы встрѣчаемъ купы или товарищества купцовъ, ремесленниковъ и землевладѣльцевъ, основа которыхъ была исключительно финансовая. Взнося извѣстную сумму, каждый становился полноправнымъ членомъ товарищества и при его гарантіи могъ устойчивѣе вести свои личныя дѣла. Этотъ общинный принципъ проникъ и въ строй церковной жизни. И здѣсь появились свои „купы"—соборы, преслѣдовавшіе главнымъ образомъ финансовыя цѣли—болѣе равномѣрную раскладку между духовенствомъ владычнихъ податей. Легко могъ проникнуть общинный принципъ и въ общежительный строй монастырской жизни и способ-

---

[1]) См. въ прилож. гл. устава Евфросина: „о наемномъ дѣлѣ".

[2]) Очеркъ внутр. исторіи церкви въ В. Нов., стр. 89.

ствовать видоизмѣненію духовной общины, основанной исключительно на нравственныхъ началахъ, въ общину съ основами свѣтскими, финансоваго характера, съ какою она представляется намъ въ исторіи монастыря Снѣтогорскаго. Такъ какъ вкладничество появилось въ результатѣ измѣненія древнѣйшаго обычая при поступленіи въ монастырь дѣлать подарки и само по себѣ представляло явленіе очень древнее, извѣстное еще въ раннѣйшей исторіи монашества восточнаго, то мы, сопоставляя псковское монастырское общинножитіе съ строемъ свѣтскихъ общинъ-товариществъ, разумѣется, не имѣемъ права объяснять его особенностей исключительно вліяніемъ свѣтскихъ общинныхъ порядковъ. Но, съ другой стороны, очень замѣтное сходство въ существенныхъ чертахъ между монастырскою общиною и общинами свѣтскими служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что это вліяніе не только было, но что оно было и очень значительное. Монастырскій вкладъ во многомъ напоминалъ собою вкладъ свѣтскій, или точнѣе: на него были перенесены многія черты послѣдняго. Изъ устава купеческой общины при церкви св. Іоанна Предтечи въ Новгородѣ мы, напр., узнаемъ, что купеческій вкладъ давалъ право внесшему его быть „пошлымъ", т. е. полноправнымъ членомъ общины[1]). И въ монастырѣ равноправность давалъ одинъ лишь вкладъ: монахъ, принятый безъ вклада, не считался полноправнымъ членомъ монастырской общины. Отличительною чертою купеческаго вклада была, затѣмъ, его наслѣдственность, въ силу которой родственники вкладчика могли, въ случаѣ смерти послѣдняго, или получить его вкладъ или занять въ общинѣ его мѣсто[2]). Въ монастырской общинѣ родственникъ умершаго вкладчика не занималъ въ монастырѣ его мѣста, быть можетъ и потому, что самъ не пожелалъ бы этого сдѣлать; но онъ сознавалъ свои наслѣдственныя права и, какъ показываютъ факты, пользовался ими. Въ свѣтской общинѣ была полная равноправность членовъ въ отношеніи другъ къ другу; избранные для завѣдыванія общиннымъ хозяйствомъ старосты не представляли собою для остальныхъ членовъ товарищества какихъ-либо начальниковъ. Та же равноправность сохранялась и въ общинѣ монастырскихъ вкладчиковъ; ихъ жизнь нисколько не стѣснялась контролемъ монастырскихъ властей, тѣмъ болѣе, что здѣсь соблюдался принципъ избранія должностныхъ лицъ самими же членами монастырской общины[3]). Такимъ образомъ очень вѣроятно, что снѣтогорское общинножитіе слагалось подъ большимъ вліяніемъ порядковъ, существовавшихъ въ свѣтскихъ общинахъ, очень многое отъ нихъ

---

[1]) А не вложится кто въ купечество, не дастъ пятдесятъ гривенъ серебра, ино то не пошлый купець. Допол. къ Акт. ист., т. I, № 3, стр. 3.

[2]) А пошлымъ купцемъ ити имъ *отчиною* и вкладомъ, ib., стр. 3.

[3]) Неизвѣстно, на какой срокъ выбирался въ Снѣтогорскомъ монастырѣ игуменъ. На Востокѣ въ монастыряхъ идіоритмахъ, жизнь которыхъ нѣкоторыми чертами напоминаетъ снѣтогорскую жизнь, игуменъ избирался всегда на одинъ годъ. Ив. Соколовъ, „Состояніе монашества въ Визант. церкви", Казань, 1894 г., стр. 339.

оно заимствовало и лишь незначительно измѣняло. Къ сожалѣнію, недостатокъ точныхъ данныхъ заставляетъ говорить обо всемъ этомъ только предположительно.

Вкладничество, не представляя собою явленія, свойственнаго лишь псковской монастырской жизни, и въ послѣдней не составляло особенности одного только Снѣтогорскаго монастыря. Какъ указано уже отчасти выше, оно было, напр., въ монастыряхъ Димитріевскомъ съ поля и Любятовскомъ. При изложеніи дальнѣйшей исторіи псковскаго монашества мы встрѣтимся съ нимъ въ монастыряхъ Крыпецкомъ и Печерскомъ. Насколько распространено было вкладничество и какое значеніе имѣло оно въ мѣстной монастырской жизни, можно видѣть уже изъ того, что въ маленькихъ монастыряхъ свѣтскихъ вкладчиковъ было не меньше, чѣмъ монаховъ, и изъ ихъ среды избирался иногда и завѣдывавшій монастыремъ, подъ именемъ строителя. Такъ, напр., въ грамотѣ отъ 1685 года Іоанно-Богословскому Костельникову монастырю читаемъ, что она была выдана: „Іоанна Богослова Костельникова монастыря строителю Псковитину посадскому человѣку Михаилу Венедиктову со вкладчики того монастыря, или хто по нихъ въ томъ монастырѣ іные строители и вкладчики будутъ“ [1]). Иногда бывало и по два строителя: монахъ и свѣтскій вкладчикъ. Такъ, напр., выпись на земли и рыбныя ловли, отъ 1652 г., была выдана въ Сироткинъ монастырь „строителямъ монастыря: черному попу Антонію и вкладчику Ивану Княжнину“ [2]).

Но будучи распространеннымъ и въ другихъ псковскихъ монастыряхъ, незначительныхъ по численности монастырскаго братства, вкладничество не имѣло въ нихъ опредѣленной формы и касалось болѣе монастырскаго хозяйства, чѣмъ общаго строя монастырской жизни. Это было, такъ сказать, паевое пользованіе монастырскими хозяйственными угодьями. Въ одномъ лишь Снѣтогорскомъ монастырѣ, богатомъ не только земельными и др. недвижимыми владѣніями, но и самыми вкладами, вкладничество приняло болѣе опредѣленную форму: выработался особый типъ монастырской общины съ чисто финансовыми основами. Съ этой стороны бытъ Снѣтогорскаго монастыря, какъ наиболѣе типическаго представителя вкладничества, имѣетъ интересъ не только для мѣстной, но и для общерусской исторіи монашества.

Болѣе полному развитію въ Псковѣ вкладничества способствовалъ и недостатокъ контроля надъ монастырскою жизнію со стороны высшаго начальства. Только въ началѣ XV в. новг. архіеп. и москов. митрополитъ обратили вниманіе на безпорядки въ жизни снѣтогорскихъ монаховъ, и то благодаря случайному обстоятельству. Въ концѣ XIV столѣтія суздальскій архіеп. Діонисій, по порученію патріарха и „по повелѣнію владыки Алексѣя“ новгородскаго [3]), прибылъ въ Псковъ съ цѣлію уладить проис-

[1]) Пск. Губ. В. 1849 г., № 41.
[2]) См. у Шляпкина, „Опись рукоп. музея Псков. Арх. Ком.“, стр. 47.
[3]) Новг. IV лѣт., подъ 1382 г., стр. 83.

ходившія здѣсь, вслѣдствіе ереси стригольниковъ, церковныя нестроенія. Дѣятельный владыка, исполняя главную свою миссію, обратилъ вниманіе и на другіе недостатки въ церковной, а въ частности и въ монастырской жизни. По просьбѣ какихъ-то монаховъ Снѣтогорскаго монастыря онъ написалъ для монастыря правила общежитія, избранныя имъ изъ номоканона и святоотеческихъ правилъ [1]). Діонисій старался возвысить авторитетъ и власть игумена, уничтожить обычай имѣть частную собственность и рекомендовалъ снѣтогорскимъ монахамъ установить въ монастырѣ обязательную общую трапезу и общее имущество. Но подобныя постановленія не могли встрѣтить для себя сочувствія со стороны большинства снѣтогорскихъ монаховъ, такъ какъ ими кореннымъ образомъ измѣнялся установившійся здѣсь порядокъ общинножитія. Грамота Діонисія не имѣла какого-либо практическаго значенія. Какъ видно изъ позднѣе написаннаго въ монастырь посланія арх. Симеона, новгородскому архіепископу пришлось имѣть дѣло съ тѣми же недостатками въ монастырской жизни, противъ которыхъ были направлены и постановленія Діонисія. Болѣе того, снѣтогорскіе монахи, не желая подчиняться постановленіямъ Діонисія, обратились съ аппеляціею къ московск. митр. Фотію, и послѣдній оффиціально отмѣнилъ „запрещеніе и тягость Діонисьеву“ на томъ основаніи, что Діонисій не имѣлъ права этого дѣлать: „учинилъ не по преданію правильному, не въ своей области, ни въ епископьи“ [2]). Но, признавая неправильною дѣятельность Діонисія съ формальной стороны, ни моск. митрополитъ, ни новг. владыка не могли отрицать правильности этой дѣятельности по существу: отъ себя лично они писали въ монастырь грамоты, по содержанію и направленію вполнѣ сходныя съ грамотою Діонисія. Съ внѣшней стороны получалось такимъ образомъ противорѣчіе: утверждалось то же самое, что было отмѣнено, и это неблагопріятно отозвалось въ практическомъ отношеніи. Въ сущности и грамоты Фотія и Симеона на практикѣ имѣли не большее значеніе, чѣмъ правила Діонисія. Къ тому же, эти грамоты не такъ полно, какъ грамота Діонисія, изображали самый порядокъ общежитія; онѣ касались лишь отдѣльныхъ случаевъ изъ монастырской жизни. Такъ, напр., въ посланіи Симеона о повиновеніи игумену и духовнымъ старцамъ говорится обще, а подробнѣе излагается менѣе важный вопросъ: о невмѣшательствѣ мірянъ въ монастырскія дѣла. Новымъ постановленіемъ, касающимся внутренняго монастырскаго строя, является здѣсь лишь предоставленное владыкою свѣтскимъ монастырскимъ старостамъ право участвовать въ разборѣ дѣлъ, возникавшихъ между монахами [3]). Посланіе Фотія, какъ видно изъ предисловія, имѣетъ въ виду дать общее наставле-

---

[1]) „Умоленъ быхъ отъ преподобнаго игумена, ту суща и яже о Христѣ братіи, направити съвратившаяся и наказати ненаказаныя“. Рус. ист. б-ка, VI, № 24, стр. 206.

[2]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 46, стр. 393.

[3]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 45, стр. 391.

ніе о монашеской жизни, но не полное. Владыка замѣчаетъ, что онъ пишетъ „отъ божественаго писанія *вмалѣ*", убѣдившись изъ „писанія" самихъ монаховъ, что они достаточно искусны въ писаніяхъ отеческихъ и въ иноческомъ уставѣ,—хотя это была похвала не по достоинству[1]). Ограничиваясь поэтому общимъ назиданіемъ и рекомендуя инокамъ обращаться непосредственно къ первоисточникамъ правилъ монашеской жизни: къ твореніямъ св. отецъ, Фотій даетъ лишь два частныхъ практическихъ совѣта по вопросамъ: объ уклоняющихся отъ св. причастія и о вмѣшательствѣ мірянъ въ монастырскія дѣла. Такимъ образомъ, по своему содержанію грамоты Фотія и Симеона не могли замѣнить собою отмѣненной ими грамоты Діонисія. Послѣдняя, какъ болѣе полная, могла бы быть болѣе пригодною для снѣтогорской монастырской жизни.

Не имѣемъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы, что посланія Фотія и Симеона повліяли на дальнѣйшую жизнь снѣтогорскихъ иноковъ. Уставъ преп. Евфросина даетъ право заключить, что и послѣ этихъ посланій жизнь монаховъ шла прежнимъ порядкомъ, не сообразуясь съ указаніями епархіальнаго владыки и митрополита. Но нельзя сказать, чтобы посланія безслѣдно прошли въ исторіи псковскаго монашества. Еще при Діонисіи, какъ видно изъ собственныхъ его словъ, среди снѣтогорской братіи были такіе монахи, которые сознавали недостатки въ строѣ монастырской жизни, но не умѣли лишь собственными силами исправить ихъ или устранить. Они сочли за лучшее обратитьси къ болѣе ихъ свѣдущему въ дѣлахъ церковной дисциплины суздальскому архіепископу. Посланія Фотія и Симеона могли въ свою очередь поддержать и развить это доброе настроеніе и въ то же время могли служить руководствомъ, какъ произвести самую реформу мѣстной монастырской жизни. И дѣйствительно, въ первой половинѣ XV в. изъ снѣтогорскаго монастырскаго братства выдѣлился подвижникъ, поставившій себѣ цѣлью реформировать мѣстную монастырскую жизнь, дать болѣе полный уставъ монашества, примѣнительно къ указаніямъ ранѣе составленныхъ грамотъ Діонисія, Фотія и Симеона. Это былъ преп. Евфросинъ, дѣятельность котораго можетъ быть разсматриваема въ непосредственной связи съ предшествовавшею реформаторскою дѣятельностію Діонисія. Но одна черта въ дѣятельности этого подвижника побуждаетъ разсматривать послѣднюю въ отдѣльномъ очеркѣ. Убѣдившись на примѣрѣ своихъ предшественниковъ въ безплодности попытокъ реформировать снѣтогорскую монастырскую жизнь, Евфросинъ рѣшилъ создать новыя, болѣе благопріятныя условія для проведенія въ монастырскую жизнь строго-общежительныхъ началъ: основалъ свой монастырь, и притомъ не въ городѣ, а въ пустынѣ. До Евфросина главнымъ центромъ монастырской жизни былъ городъ. За все это время мы почти не встрѣчаемъ извѣстій о монастыряхъ внѣгородскихъ—пустынныхъ. По мѣстоположенію монастырей псковскихъ весь періодъ ихъ исторіи отъ

---

[1]) ib., № 46, стр. 393.

второй половины XII в. до начала XV в. можетъ быть названъ исторіею монастырей городскихъ и пригородскихъ. Съ половины XV в. центръ монашеской жизни измѣняется, съ города переходитъ въ пустыни; основанные здѣсь монастыри въ дальнѣйшей исторіи псковскаго монашества пріобрѣтаютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ монастыри городскіе и пригородскіе. Такъ какъ своимъ возникновеніемъ пустынные псковскіе монастыри были обязаны преимущественно преп. Евфросину, такъ какъ Евфросинъ начинаетъ собою новый періодъ въ исторіи псковскаго монашества, то мы и находимъ болѣе правильнымъ разсматривать жизнь и дѣятельность этого снѣтогорскаго постриженника въ особомъ очеркѣ—исторіи псковскаго пустынножительства.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ

Исторія монашества пустыннаго. Псковскіе пустынножители: преподобные Евфросинъ, Савва Крыпецкій и Никандръ. Монастыри, основанные иноками пустынножителями.

Основателемъ пустынножительства въ Псковѣ былъ преп. Евфросинъ (род. около 1386 г.—сконч. въ 1481 г.), а продолжателями пустынныхъ подвиговъ преподобнаго были сподвижникъ и ученикъ его—Савва Крыпецкій († 1495 г.) и односельчанинъ Евфросина, постриженникъ Крыпецкой обители—преп. Никандръ (1507 г.—† 1582 г.). Такимъ образомъ, на протяженіи слишкомъ ста лѣтъ (1425—1495 и 40-е гг. XVI в.—1582 г.) псковское пустынножительство имѣло трехъ представителей подвижниковъ, послѣдовательно проводившихъ въ жизнь псковскаго монашества мало до того времени извѣстные въ Псковѣ идеалы пустынножитія. Изучая жизнь этихъ подвижниковъ—пустынножителей, мы одновременно можемъ ознакомиться и съ исторіей развитія въ Псковѣ новой формы монашеской жизни за сравнительно продолжительный, болѣе чѣмъ столѣтній, ея періодъ. Но прежде чѣмъ излагать исторію псковскаго пустынножительства, приходится остановиться на одномъ вопросѣ, не имѣющемъ къ ней почти никакого отношенія. Именно, основатель псковскаго пустынножительства, преп. Евфросинъ, и въ древне-русской письменности и въ позднѣйшей научной литературѣ вызывалъ къ себѣ интересъ не столько своими пустынными подвигами, сколько подвигомъ иного рода,—очень сомнительнымъ, послужившимъ причиною односторонняго пониманія личности и взглядовъ этого безспорно замѣчательнаго псковскаго подвижника,—защитою сугубой аллилуіи. Такъ какъ въ житіи преподобнаго, изъ котораго мы будемъ заимствовать данныя для характеристики его пустынной жизни, больше всего находится свѣдѣній о защитѣ Евфросиномъ сугубой аллилуіи и такъ какъ этому подвигу преподобнаго въ XVI—XVII в.в. придавалось очень важное церковное значеніе, то и понятно, что мы не можемъ въ характеристикѣ личности святаго опустить его безмѣрной печали о тайнѣ божественнаго аллилугія. Нельзя въ житіи Евфросина зачеркнуть этотъ обширный отдѣлъ. Это не только лишило бы насъ права пользоваться остальною, болѣе правдоподобною, частью

біографическаго матеріала, но и привело бы къ такому же одностороннему пониманію личности Евфросина, какъ это было и въ древней Руси. Мы изобразили бы Евфросина только какъ подвижника-пустынника, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ и защитникомъ сугубой аллилуіи. Необходимо, значитъ, выяснить, въ чемъ же дѣйствительно выразилось участіе Евфросина въ спорахъ изъ-за аллилуіи, и въ какой степени эта сторона его дѣятельности знакомитъ насъ съ его личностію, взглядами и характеромъ? Интересуясь исторіею споровъ изъ-за аллилуіи лишь постольку, поскольку она имѣетъ отношеніе къ біографіи преподобнаго, мы не будемъ входить въ подробности ея изложенія, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ темы и, какъ думаемъ, безъ особой пользы для дѣла.

Доказаннымъ можно признать то положеніе, что преподобный Евфросинъ не былъ *первымъ* виновникомъ псковскихъ споровъ, *первымъ* защитникомъ двоенія аллилуіи. Недоумѣніе о томъ, какъ возглашать аллилуію—дважды или трижды, возникло въ Псковѣ еще въ то время, когда, по словамъ Евфросина, онъ былъ „зѣло юнъ и не мнихъ" и слѣдовательно не могъ имѣть никакого вліянія на ту или другую постановку спорнаго вопроса [1]). Разногласія изъ-за аллилуіи, производившія, по отзыву біографовъ преподобнаго, „великій расколъ посреди Христовой (псковской) церкви", и заставили Евфросина остановиться на этомъ непонятномъ для большинства его современниковъ спорномъ вопросѣ.

Еще въ началѣ XV в. псковичи обратились къ м. Фотію за указаніями, какъ пѣть аллилуію, и митрополитъ разрѣшилъ вопросъ въ пользу троенія. „А еже о аллилуіи на славахъ,—писалъ онъ псковичамъ въ 1419 г.,—сице глаголи: слава Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь, аллугіа, аллугіа, аллугіа, слава Тобѣ, Боже" [2]).

Какъ возникло въ Псковѣ недоумѣніе объ аллилуіи и что побудило псковичей обратиться за разъясненіями къ митрополиту,—по этимъ вопросамъ очень вѣроятное объясненіе представлено проф. Е. Е. Голубинскимъ. По его мнѣнію, до предшественника Фотіева митрополита Кипріана псковичи держались однообразнаго порядка: троили аллилуію; но съ полученнымъ ими отъ Кипріана требникомъ, а также уставомъ и слѣдованною псалтирію, перешло къ нимъ и двоеніе [3]). Значитъ, виновникомъ разногласій косвеннымъ образомъ является митрополитъ Кипріанъ, точнѣе: богослужебная практика аѳонскихъ монастырей, которой слѣдовалъ Кипріанъ и въ которой до концѣ XVI вѣка преобладало двоеніе [4]). Занесенное въ Псковъ двоеніе, встрѣтившись здѣсь съ древнимъ обычаемъ троить аллилуію, вызвало разногласія. Чтобы прекратить эти разногласія псковичи и

---

[1]) Пам. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 89.
[2]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 48, стр. 408.
[3]) Чтен. въ Имп. Об. Ист. и Др., кн. 214, стр. 203.
[4]) ib., стр. 200.

обратились за разъясненіями къ митрополиту Фотію[1]). Проф. Голубинскій считаетъ возможнымъ, что въ эту начальную пору недоумѣній объ аллилуіи спорному вопросу уже придавалась та догматическая окраска, съ которою встрѣчаемся въ позднѣйшей его исторіи. „Псковичи, спрашивая Фотія, которое изъ двухъ возглашеній пѣсни употреблять имъ, разумѣли: которое изъ двухъ возглашеній пѣсни признавать за правильное и православное и которое за неправильное, еретическое". Отвѣтъ Фотія не разъяснялъ псковскихъ недоумѣній по существу, но онъ былъ понятъ и истолкованъ псковичами въ томъ смыслѣ, въ какомъ они хотѣли его получить[2]).

Такъ ли это было и въ дѣйствительности,—трудно рѣшить, за недостаткомъ какихъ-либо данныхъ. Во всякомъ случаѣ самое посланіе Фотія не даетъ прямого права на подобное его толкованіе. Отвѣтъ Фотія объ аллилуіи нельзя разсматривать внѣ связи съ другими отвѣтами, помѣщенными въ томъ же посланіи; а мы видимъ, что онъ помѣщенъ здѣсь въ ряду съ отвѣтами по вопросамъ чисто обрядоваго характера, изъ которыхъ ни одинъ и впослѣдствіи не былъ толкуемъ въ догматическомъ смыслѣ.

Затѣмъ, въ посланіи вопросу объ аллилуіи удѣляется не больше вниманія, чѣмъ другимъ вопросамъ. Какъ можно заключить изъ начальныхъ словъ посланія, Фотій въ своихъ отвѣтахъ держался даже того порядка, въ какомъ предложены были ему псковичами вопросы. „И что, сынове,— читаемъ въ посланіи,—*первое пишете* ми въспросъ имѣя о св. божественыхъ агньцѣхъ" [3]). Значитъ, „въспросъ" объ аллилуіи въ посланіи псковичей не занималъ собою перваго мѣста, какъ главный предметъ ихъ недоумѣній. Судя по указаніямъ отвѣтнаго посланія, онъ былъ поставленъ лишь на третьемъ мѣстѣ, между вопросами о томъ, какъ совершать молитвенное пѣніе въ домѣ священникамъ и мірянамъ и какъ пѣть на утрени „Богъ Господь" (стр. 407—408).

Далѣе, не совсѣмъ понятно, почему Фотій, внимательнѣе другихъ митрополитовъ слѣдившій за псковскою церковною жизнію и, какъ показываютъ его грамоты, хорошо знавшій ея недостатки, въ этомъ случаѣ не понялъ вопроса псковичей или почему онъ позднѣе не исправилъ своей невольной ошибки, для чего было достаточно времени, были и поводы [4]).

---

[1]) О древности въ Псковѣ троенія неоднократно говорятъ и біографы Евфросина. На вопросъ Евфросина: „вы убо паки откуду взяли троити св. аллилугіа?"—сторонники троенія „рѣша ему: издревле, другъ на друга смотряюще, тако вси навыкохомъ троити св. аллилугію". Пам. ст. рус. лит., IV, 90.

[2]) Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 204.

[3]) Рус. ист. б-ка, VI, 403.

[4]) См., напр., грам. № 51, отъ 1422—25 гг.: „о различныхъ предметахъ церковной дисциплины". Послѣднее посланіе въ Псковъ относится къ 1431 году, № 58.

Наконецъ, и самыя обстоятельства въ тогдашней церковной жизни псковской скорѣе исключаютъ, чѣмъ подтверждаютъ возможность особаго вниманія псковичей къ вопросу объ аллилуіи. Въ описываемое время въ мѣстной церковной жизни были такіе непорядки, которые гораздо больше, чѣмъ вопросъ о неодинаковомъ возглашеніи аллилуіи, должны были останавливать на себѣ вниманіе мѣстнаго общества. Недостатки были какъ въ религіозной жизни вообще, такъ въ частности и въ богослуженіи. На послѣднихъ подробнѣе мы остановимся при изложеніи исторіи монастырскаго богослуженія и потому здѣсь сдѣлаемъ лишь общія замѣчанія.

Въ посланіяхъ м.м. Кипріана и Фотія приведено не мало фактовъ, которые свидѣтельствуютъ не только объ отсутствіи единообразія въ совершеніи церковныхъ службъ, но даже и о несоотвѣтствіи мѣстнаго богослужебнаго порядка съ церковнымъ уставомъ, о привнесеніи въ него такихъ обычаевъ, которые прямо говорятъ о латинскомъ вліяніи на мѣстную религіозную жизнь,—напримѣръ, употребленіе латинскаго мира при совершеніи таинства миропомазанія, или обливательное крещеніе младенцевъ [1]).

Но недостатки въ богослужебной жизни были маловажными по сравненію съ недостатками въ религіозной жизни мѣстнаго общества. Знакомясь съ псковскою жизнію, Фотій выносилъ тяжелое впечатлѣніе отъ ея безчиній и неустройствъ. „Такова убо безчинія ни въ писаніи обрѣтохъ, ни слышахъ гдѣ“,—писалъ однажды псковичамъ святитель [2]). И дѣйствительно, много въ мѣстной жизни было необычныхъ явленій. Вдовые священники, женившись во второй разъ, продолжали священнодѣйствовать, а своимъ пасомымъ разрѣшали вступать и въ четвертый бракъ [3]). Дѣло доходило даже до святотатства: совершенія таинства крещенія и вообще священнодѣйствій лицомъ не посвященнымъ [4]). Не прекратились въ Псковѣ и стригольническія волненія; съ ними приходилось бороться какъ псковичамъ, такъ и митрополиту [5]). Эти недостатки въ религіозной и въ богослужебной жизни дѣйствительно останавливали на себѣ вниманіе мѣстнаго общества, вызывали заботу объ ихъ устраненіи. Вполнѣ, такимъ образомъ, возможно, что въ это время вопросомъ о возглашеніи аллилуіи псковичи были заняты лишь постольку, поскольку онъ касался болѣе общаго вопроса: о разностяхъ въ мѣстномъ богослуженіи, и что со стороны Фотія не было допущено какой-либо ошибки: въ своемъ посланіи онъ отвѣтилъ объ аллилуіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложенъ былъ псковичами вопросъ. Но посланіе Фотія измѣнило положеніе дѣла, способствовало тому, что вопросу о возглашеніи аллилуіи псковичи стали придавать болѣе важное

---

[1]) Рус. ист. б-ка, т. VI, № 58, стр. 495. Доп. къ акт. ист., т. I, № 181, стр. 330.

[2]) ib., № 51, стр. 428.

[3]) ib., № 27, 231—232; № 51, 430, 432.

[4]) ib., № 34, стр. 286.

[5]) ib., № 42, 52.

что въ Толвскую пустыню онъ принесъ съ собою „много сребра“[1]). Изъ завѣщанія преподобнаго узнаемъ, что у него была недвижимая собственность въ Псковѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о средствахъ не могъ удерживать преподобнаго отъ задуманнаго имъ путешествія[2]).

Но признавая болѣе правдоподобными хронологическія указанія перваго біографа, трудно однако установить точныя хронологическія даты константинопольскаго путешествія, такъ какъ отдѣльныя замѣчанія біографа объ этомъ путешествіи очень часто стоятъ въ противорѣчіи съ его общею хронологическою датою. Такъ, по словамъ самого Евфросина, онъ посѣтилъ Константинополь „во црство блгочтваго цря Кальанина и при осщенной пастве патріарха Іосифа“[3]), т. е. не ранѣе 1425 года—начала царствованія Іоанна Палеолога, и не позднѣе 1438 года—смерти Іосифа. Но, по свидѣтельству житія преподобнаго, въ 1425 году онъ уже поселился въ пустынѣ надъ рѣкою Толвою и нѣсколько времени до этого прожилъ въ Снѣтогорскомъ монастырѣ. 1425-й годъ можно, значитъ, разсматривать лишь какъ время возвращенія преподобнаго на родину, если въ свою очередь допустить, что пребываніе его въ Снѣтогорскомъ монастырѣ было очень непродолжительно. Возможно впрочемъ, что самъ преподобный допустилъ въ этомъ случаѣ ошибку: назвалъ Іоанна императоромъ, тогда какъ послѣдній не занималъ еще императорскаго престола. Дѣло въ томъ, что фактически управленіе имперіею перешло къ Іоанну еще въ сентябрѣ 1422 года, когда его отецъ, императоръ Мануилъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, передалъ ему всю власть[4]). Отсюда и эти годы: 1422—24, Евфросинъ могъ отнести къ царствованію Іоанна, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще мало, кажется, былъ освѣдомленъ о личности тогдашняго императора, разъ приписываетъ ему русское названіе Кальянина, не употреблявшееся въ Византіи. При такомъ пониманіи дѣла хронологію путешествія Евфросина можно расширить на цѣлыхъ три года: 1422 и начало 1425-го. Установить же ее точнѣе не представляется возможнымъ.

Проф. Малининъ полагаетъ, что Евфросинъ совершилъ путешествіе еще до 1419 года, такъ какъ по полученіи псковичами посланія митрополита Фотія путешествіе въ Константинополь было бы излишнимъ: вопросъ достаточно уже былъ разъясненъ[5]). Имѣя въ виду то же посланіе, проф. Голубинскій и совсѣмъ отрицаетъ фактъ путешествія преподобнаго. Онъ говоритъ, что Евфросину не было нужды ходить въ Константинополь,

---

1) Рук. № 205 фунд. б-ки М. Д. А., л. 201 об.—202: „онсій чернецъ из великія обители пришедъ, сѣдеединъ, и есть оу него много сребра“.

2) Зажиточностію Евфросина проф. Малининъ объясняетъ и тотъ почетный пріемъ, котораго удостоился, по описаніямъ біографовъ, псковскій паломникъ на Востокѣ. Стар. Ел. м-ря Филоѳей, стр. 27.

3) Рук. № 306, л. 36.

4) Исторія флорентійскаго собора, М. 1847 г., стр. 20.

5) О. с., стр. 16.

и заботъ. Преп. Евфросинъ, повидимому, этотъ вопросъ понималъ нѣсколько шире. Его „зѣло юный" умъ занимала мысль не объ иноческомъ житіи, а о томъ, какъ точно, сознательно исполнить уставъ церковный, въ которомъ въ то время полагали всю сущность божественнаго любомудрія, довѣдомыхъ и недовѣдомыхъ тайнъ. Преподобный сравнительно поздно принялъ монашество; но и среди монашескихъ подвиговъ его попрежнему не покидала догматическая забота о томъ, какъ посредствомъ аллилуіи прославлять „безъ пороха в бжтвѣ и в члчтве единосущнаго в трце"[1]). Затѣмъ, Евфросинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые, если у нихъ появляется въ чемъ-либо сомнѣніе, готовы все сдѣлать для разъясненія, не останавливаются передъ какими-либо затрудненіями. Не найдя дома сказателя тайны аллилуіи, Евфросинъ рѣшилъ отправиться въ далекіе поиски за нимъ—въ Константинополь, такъ какъ зналъ, что „отъ Константина-града просвѣтилася есть святымъ крещеніемъ великая Русійская земля наша и оттуду же вѣра Христова и законъ церковный, и уставъ изложися православному пѣнію". По убѣжденію Евфросина, путешествіе въ Константинополь должно было разъяснить всѣ недоумѣнія: „устремихся къ царствующему граду.., да извѣстно увѣмы истину отъ вселенскаго патріарха о пресвятѣй Божіи аллилугіи, и вижу купно поюща клироса его церковнаго, да разумѣю, коимъ образомъ воспѣваютъ славу Христа Бога: троитъ ли, или двоитъ Божію аллилугію вселенская церковь, то и азъ послѣдую сему, и се ми на искусъ буди и на великую пользу, и тѣмъ увѣрюся, оттуду же и образъ воспріиму пресвятыя аллилугія". Эта вѣра въ авторитетъ греческой церкви представляла собою отличительную и по тому времени довольно необычную черту въ религіозныхъ взглядахъ Евфросина.

При такомъ настроеніи Евфросину не оставалось ничего другого, какъ поспѣшить исполненіемъ своего намѣренія. Такъ и представляетъ намъ дѣло первый его біографъ, когда говоритъ, что преподобный ходилъ въ Константинополь еще во дни своей юности. Но у второго біографа встрѣчаемся съ другими хронологическими датами, съ инымъ порядкомъ описываемыхъ событій. По его словамъ, между намѣреніемъ посѣтить Константинополь и исполненіемъ этого намѣренія прошло по крайней мѣрѣ около 15 лѣтъ.

Во введеніи мы уже дали сравнительную оцѣнку этихъ хронологическихъ датъ обоихъ списателей и прямо высказались за большую правдоподобность указаній перваго біографа. Если Евфросинъ такъ много ждалъ отъ путешествія въ Константинополь, то ему не было никакого смысла откладывать это путешествіе на такой долгій срокъ, тѣмъ болѣе, что и не было какихъ-либо важныхъ препятствій. Евфросинъ происходилъ изъ зажиточной семьи. Это видно уже изъ того, что онъ былъ принятъ въ Снѣтогорскій монастырь, куда нельзя было поступить безъ вклада. По словамъ самого преподобнаго, его считали даже и очень богатымъ, думали,

---

[1]) Рук. № 306, л. 34 об.

что въ Толвскую пустыню онъ принесъ съ собою „много сребра“[1]). Изъ завѣщанія преподобнаго узнаемъ, что у него была недвижимая собственность въ Псковѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о средствахъ не могъ удерживать преподобнаго отъ задуманнаго имъ путешествія[2]).

Но признавая болѣе правдоподобными хронологическія указанія перваго біографа, трудно однако установить точныя хронологическія даты константинопольскаго путешествія, такъ какъ отдѣльныя замѣчанія біографа объ этомъ путешествіи очень часто стоятъ въ противорѣчіи съ его общею хронологическою датою. Такъ, по словамъ самого Евфросина, онъ посѣтилъ Константинополь „во црство блгочтваго цря Кальанина и при осщенной пастве патриарха Іосифа“[3]), т. е. не ранѣе 1425 года—начала царствованія Іоанна Палеолога, и не позднѣе 1438 года—смерти Іосифа. Но, по свидѣтельству житія преподобнаго, въ 1425 году онъ уже поселился въ пустынѣ надъ рѣкою Толвою и нѣсколько времени до этого прожилъ въ Снѣтогорскомъ монастырѣ. 1425-й годъ можно, значитъ, разсматривать лишь какъ время возвращенія преподобнаго на родину, если въ свою очередь допустить, что пребываніе его въ Снѣтогорскомъ монастырѣ было очень непродолжительно. Возможно впрочемъ, что самъ преподобный допустилъ въ этомъ случаѣ ошибку: назвалъ Іоанна императоромъ, тогда какъ послѣдній не занималъ еще императорскаго престола. Дѣло въ томъ, что фактически управленіе имперіею перешло къ Іоанну еще въ сентябрѣ 1422 года, когда его отецъ, императоръ Мануилъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, передалъ ему всю власть[4]). Отсюда и эти годы: 1422—24, Евфросинъ могъ отнести къ царствованію Іоанна, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще мало, кажется, былъ освѣдомленъ о личности тогдашняго императора, разъ приписываетъ ему русское названіе Кальянина, не употреблявшееся въ Византіи. При такомъ пониманіи дѣла хронологію путешествія Евфросина можно расширить на цѣлыхъ три года: 1422 и начало 1425-го. Установить же ее точнѣе не представляется возможнымъ.

Проф. Малининъ полагаетъ, что Евфросинъ совершилъ путешествіе еще до 1419 года, такъ какъ по полученіи псковичами посланія митрополита Фотія путешествіе въ Константинополь было бы излишнимъ: вопросъ достаточно уже былъ разъясненъ[5]). Имѣя въ виду то же посланіе, проф. Голубинскій и совсѣмъ отрицаетъ фактъ путешествія преподобнаго. Онъ говоритъ, что Евфросину не было нужды ходить въ Константинополь,

---

[1]) Рук. № 205 фунд. б-ки М. Д. А., л. 201 об.—202: „онсій чернецъ изъ великіа обители пришедъ, сѣде единъ, и есть оу него много сребра“.

[2]) Зажиточностію Евфросина проф. Малининъ объясняетъ и тотъ почетный пріемъ, котораго удостоился, по описаніямъ біографовъ, псковскій паломникъ на Востокѣ. Стар. Ел. м-ря Филоѳей, стр. 27.

[3]) Рук. № 306, л. 36.

[4]) Исторія флорентійскаго собора, М. 1847 г., стр. 20.

[5]) О. с., стр. 16.

когда въ Москвѣ былъ представителемъ патріарха такой же грекъ, какъ и онъ самъ, и, значитъ, не ходя въ Константинополь, Евфросинъ могъ получить отъ митрополита нужный для него отвѣтъ[1]).

Эти замѣчанія едва ли можно признать вполнѣ убѣдительными. Намъ по крайней мѣрѣ дѣло представляется совершенно въ другомъ видѣ. Мы думаемъ, что Евфросинъ отправился на Востокъ не только не раньше полученія псковичами посланія Фотія, но даже и подъ вліяніемъ этого посланія. Разъясненія Фотія не могли удовлетворить всѣхъ псковичей и даже должны были вызвать среди нихъ новыя недоумѣнія. Два церковныхъ авторитета—грекъ Фотій и его предшественникъ—сербъ, постриженникъ Аѳонской горы, Кипріанъ—давали псковичамъ разныя указанія по одному и тому же вопросу: одинъ совѣтовалъ троить аллилуію, другой прислалъ богослужебныя книги, въ которыхъ помѣщена была сугубая аллилуія. Чтобы разъяснить это новое недоумѣніе, всего естественнѣе было лично: „моихъ (моимъ?) слухомъ и видѣніемъ", — какъ выразился преп. Евфросинъ (л. 36),—убѣдиться, какой же именно порядокъ принятъ на Востокѣ. Это и сдѣлали защитники двоенія: Евфросинъ сходилъ въ Константинополь, ктиторъ Аѳанасій навелъ справки о порядкахъ аѳонскихъ.—Такъ какъ, затѣмъ, богослужебная практика не давала возможности рѣшить спорный вопросъ единогласно, то вполнѣ естественно, что спорившіе стали искать новыхъ данныхъ: перенесли свой споръ на догматическую почву. Во второй половинѣ XV вѣка обѣ спорившія стороны одинаково придавали вопросу объ аллилуіи догматическое значеніе; но очень возможно, что впервые это сдѣлали защитники двоенія, у которыхъ было меньше данныхъ защищать свой порядокъ на основаніяхъ богослужебно-каноническихъ. Противъ ссылки противниковъ на древній мѣстный обычай троить аллилуію и на распоряженіе Фотія они могли выставить очень недостаточное возраженіе: сослаться на богослужебныя книги Кипріана. У нихъ не было даже распоряженія Кипріана о двоеніи. Но догматическая сторона спорнаго вопроса совсѣмъ не была затронута и въ посланіи Фотія. По словамъ Евфросина, и не было надежды на разрѣшеніе ея дома: псковскіе священники не понимали, какая тайна заключается въ аллилуіи. Необходимо было идти искать сказателя этой тайны, а найти его можно было только на Востокѣ, откуда „вѣра Христова и законъ церковный и уставъ изложися православному пѣнію въ концы вселенныя". Туда и направился Евфросинъ. Это „догматическое" путешествіе преподобнаго и нужно отнести къ началу 20-хъ гг. XV столѣтія.

Такая хронологическая дата, повидимому, противорѣчитъ словамъ біографа, что Евфросинъ ходилъ въ Константинополь „въ юности своей". Въ 1421—24 гг. преподобному было уже 35—39 лѣтъ; въ такомъ возрастѣ біографъ не назвалъ бы святаго юношею. Но противорѣчіе это мы легко разъяснимъ, если обратимъ вниманіе на то, какъ часто древне-рус-

---

[1]) Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 209.

скіе списатели допускали неточности въ опредѣленіи возраста святыхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Біографъ преп. Θеодосія кіево-печерскаго не перестаетъ называть подвижника отрокомъ даже и послѣ его постриженія, когда преподобному было около 30 лѣтъ. Отрокомъ называется и преп. Варлаамъ, хотя онъ былъ уже женатъ[1]). Біографъ преп. Никандра псковскаго, при описаніи подвижнической жизни святаго въ Крыпецкомъ монастырѣ, говоритъ о благонравіи *юности* святаго, когда Никандру было по меньшей мѣрѣ около 34 лѣтъ[2]). Біографъ Димитрія Донскаго, при изложеніи плача княгини надъ мужемъ, употребляетъ отъ лица княгини слѣдующую фразу: „уность не отъиде отъ насъ"; а нѣсколько выше онъ говоритъ, что князь умеръ 40 лѣтъ[3]). По объясненію преосв. Макарія, 35-лѣтній князь Изяславъ Ярославичъ названъ въ посланіи черноризца Іакова юношею[4]). Василій, разсказывая объ отказѣ Евфросина вступить въ бракъ, называетъ преподобнаго отрокомъ. Мартирій въ обѣихъ редакціяхъ житія названъ дѣтищемъ, а между тѣмъ этому дѣтищу братья его совѣтовали вступить въ бракъ для утѣшенія родителей[5]). Вообще же біографы, называя святыхъ юными или старцами, имѣютъ въ виду не столько физическій ихъ возрастъ, сколько духовный, степень духовнаго совершенства. Отсюда, подвижниковъ сравнительно очень молодыхъ они называютъ старцами и нерѣдко склонны слово монахъ отождествлять со словомъ старецъ. То же самое наблюдаемъ въ частности и по отношенію къ преп. Евфросину. 40-лѣтній Евфросинъ—монахъ называется въ житіяхъ старцемъ, наоборотъ, тотъ-же Евфросинъ—міряниннъ, почти въ одинаковыхъ лѣтахъ, въ пору путешествія его на Востокъ, называется юнымъ[6]). Такимъ образомъ, выраженіе о 34—39-лѣтнемъ Евфросинѣ,

---

[1]) Пам. древн. рус. лит., изд. Яковлевымъ, стр. XIII, XIV, XV и раньше; стр. XVII.

[2]) Рук. № 620 Син. б-ки, л. 102.

[3]) Пол. собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 354, ср. 352.

[4]) Ист. рус. ц., т. II, стр. 137. По мнѣнію проф. Никольскаго, предположеніе пр. Макарія не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній (Матер. для поврем. списка..., Спб. 1906 г., стр. 227—228), это лишь „одна изъ многихъ возможностей" (Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, Спб. 1902 г., стр. 30).

[5]) Пам. ст. рус. лит., IV, стр. 69, 73, ср. рук. № 306, л. 54.

[6]) Іосифъ Волоцкій и Антоній Римлянинъ въ ихъ житіяхъ называются старцами, когда имъ было только 38 лѣтъ (В. Ч. М., сент., в. I, стр. 460, 461; Прав. Собес. 1858 г., ч. II, стр. 312, ср. стр. 161). 40-лѣтній Евфросинъ названъ старцемъ въ житіи преп. Серапіона.

Въ „Лавсаикѣ" (изд. 3, Спб. 1873 г., стр. 61) передается, что 30-лѣтняго преп. Макарія египетскаго за его подвижническіе труды называли *отрокомъ-старцемъ*. Въ „Достоп. сказаніяхъ" (М. 1845 г., стр. 201) читаемъ, что авва Пименъ во время бесѣды назвалъ Агаѳона аввою. На вопросъ учениковъ: онъ еще юнъ, почему же ты называешь его аввою?—Пименъ отвѣтилъ: уста его даютъ ему право именоваться аввою.

Путешествіе на Востокъ еще болѣе убѣдило Евфросина въ томъ, что въ вопросахъ вѣры и церковной практики нужно строго слѣдовать примѣру греческой церкви, а не мѣстнымъ авторитетамъ и обычаямъ. Это убѣжденіе особенно ясно высказано Евфросиномъ въ его посланіи къ духовенству троицкаго собора. „Сумненіе оубо имѣю о томь много,— говоритъ преподобный,—вас(ъ) ли послушати, а съборную церковь оставити и клятву на себѣ възвѣсти отъ всѣхъ седми соборъ стыхъ(ъ) (л. 112 и об.). И доказавъ затѣмъ необходимость точнаго слѣдованія авторитету соборной церкви, онъ дѣлаетъ выводъ: „подобает(ъ) ми пач по стѣй и съборнѣй апстѣй церкви поборніку быти“ (л. 112 об.). И этимъ вѣрнымъ поборникомъ по вселенской церкви Евфросинъ остался на всю жизнь, несмотря на то, что современныя ему событія въ исторіи византійской церкви давали русскимъ людямъ XV в. не мало поводовъ сомнѣваться, стоитъ ли вѣрить грекамъ. Нужно думать, что Евфросинъ, лично побывавшій въ Константинополѣ, имѣвшій возможность сравнить греческіе церковные порядки и жизнь съ мѣстными, не находилъ основаній согласиться съ мнѣніемъ большинства, что у насъ на Руси (въ XV в.) было бóльшее православіе и высшее христіанство, чѣмъ въ Византіи. А если признать долю правды за сообщеніемъ позднѣйшаго памятника: повѣсти объ елеазаровской иконѣ Б. М., что Евфросинъ не порывалъ общенія съ Востокомъ и послѣ 1439—53 гг., то можно сказать, что у преподобнаго были и фактическія основанія сомнѣваться въ утвержденіи его современниковъ, будто-бы въ эти годы греки совсѣмъ утратили православіе.

Такимъ образомъ, начальная исторія споровъ изъ-за аллилуіи представляетъ намъ Евфросина не только сторонникомъ двоенія, но вмѣстѣ съ этимъ и сторонникомъ авторитета въ дѣлахъ вѣры вообще и въ вопросахъ церковной практики въ частности византійской церкви. Можно даже сказать, что если бы на Востокѣ преподобный не нашелъ подтвержденія своимъ взглядамъ, то онъ и не выступилъ бы на защиту сугубой аллилуіи. Такъ нужно объяснять причины, подъ вліяніемъ которыхъ Евфросинъ разошелся съ большинствомъ псковичей по вопросу о возглашеніи аллилуіи, сталъ на сторону двоившихъ. Обратимся теперь къ исторіи самого спора Евфросина съ псковичами.

И здѣсь приходится встрѣчаться со многими неясностями въ изложеніи, съ неточностями въ опредѣленіяхъ отдѣльныхъ событій, съ преувеличеніями въ ихъ оцѣнкѣ, съ слишкомъ замѣтной тенденціозностію въ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей. Но всѣ эти недостатки не даютъ еще права сказать, чтобы повѣсть спора представляла собою сплошной вымыселъ. Многія изъ неточностей не могутъ даже быть признаны ошибками по отношенію къ тому времени, когда составлялись біографіи святаго. Такъ, напримѣръ, названіе византійскаго императора Іоанна Палеолога Калуяномъ или Каліаниномъ, смущавшее изслѣдователей житія Евфросина своею неточностію, въ древне-русской письменности наоборотъ было самымъ обычнымъ. Оно употреблялось не только въ частныхъ литературныхъ произведеніяхъ, напримѣръ: въ сказаніяхъ о флорентійскомъ

какъ и замѣтка о писаніи патріарха „еже дважды глаголати аллилуію", и не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Получивъ отъ патріарха и отъ молчальниковъ пустынныхъ успокоеніе въ правильности, спасительности двоенія, Евфросинъ не нашелъ на Востокѣ отвѣта на главный вопросъ: какой же таинственный смыслъ заключается въ сугубой аллилуіи, что это за догматъ? „Въ царствующемъ градѣ,—говоритъ преподобный,—достовѣрна сказателя (тайны сугубой аллилуіи) не обрѣтохъ" [1]). Онъ узналъ лишь, что по взгляду греческой церкви двоеніемъ аллилуіи символически выражается вѣра въ божество и человѣчество І. Христа, и принялъ этотъ взглядъ. „Устави чинъ церковный въ своей обители: дважды глаголати св. ал., по преданію вселен. патріарха, еже славословити единѣми усты божество же купно и человѣчество" (стр. 81). Вѣроятно, что патріархъ и молчальники разъяснили Евфросину, что въ сугубой аллилуіи и не заключается никакой тайны и потому безполезно о ней скорбѣть. Такой отвѣтъ едва ли могъ удовлетворить Евфросина. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству біографовъ, онъ и позднѣе вѣрилъ въ особый таинственный смыслъ двоенія. Тѣмъ не менѣе благоразумный совѣтъ цареградскихъ собесѣдниковъ не прошелъ безслѣдно. Вѣря въ таинственность аллилуіи, Евфросинъ однако не только не стремился разъяснить себѣ эту тайну, но и предостерегалъ отъ этого другихъ. Когда его псковскіе совопросники начали рѣчь о догматическомъ смыслѣ аллилуіи, онъ остановилъ ихъ и прямо заявилъ, что тайна аллилуіи недоступна для человѣческаго ума и что, слѣдовательно, безполезны всѣ попытки понять и истолковать ее. „Вы же не начинайте мудрити вещи сея: выше мѣры вашея есть се; но иже хощетъ Богъ единъ, своими судьбами можетъ открыти ю рабомъ своимъ, работавшимъ ему истиною" (стр. 91). Въ спорѣ съ своими противниками Евфросинъ стоитъ исключительно на канонической почвѣ. Онъ споритъ не о томъ, какая тайна глубиннѣе—сугубой или трегубой аллилуіи, а лишь о томъ, какой порядокъ заслуживаетъ большаго довѣрія—мѣстный псковскій (троеніе) или греческій (двоеніе). „И тако (въ царствующемъ градѣ) извѣстно испытахъ, яко двоити лѣпо есть пресв. аллилугія; тако бо есть угодно, яко держитъ великая церковь Константина-града, отъ нея же и азъ пріяхъ, тако и до нынѣ пою, двоящи пресв. ал..., и зѣло тщуся и до гроба совершити сицевыя дѣтели, образъ божественая удвоевая" [2]). „Азъ не отъ своего обычая проумѣлъ есмь двоити божеств. ал., но паче отъ вселенскія церкви взяхъ сія и навыкохъ ю тако глаголати" (стр. 94),—заявлялъ онъ и позднѣе, въ посланіи къ архіеп. Евѳимію. Своихъ противниковъ Евфросинъ обвинялъ въ самочиніи, въ несогласіи ихъ порядка съ порядкомъ греческой церкви, въ неумѣніи отвѣтить на вопросъ: откуда они заимствовали такой несогласный съ практикою константинопольской церкви обычай,—а не въ догматическихъ погрѣшностяхъ, не въ ереси.

---

[1]) Пам. ст. рус. лит., IV, 91.

[2]) Пам. ст. рус. лит., IV, 90, ср. рук. № 306, л. 37.

стеровъ упоминается какой-то Трофимко дьячекъ. Подобное занятіе, обезпечивая матеріально, давало полную возможность оставить духовную службу. И дѣйствительно, какъ видимъ изъ другой надписи, безъ обозначенія года (при митрополитѣ Даніилѣ,—значитъ, между 1522—39 гг.), попъ Михаилъ Андреевъ снялъ священный санъ, промѣнялъ духовную службу на болѣе выгодное занятіе—колокольное мастерство. Въ надписи на колоколѣ Варлаамской церкви читаемъ: „дѣлали мастеры Андреевы дѣти: Михаилъ священникъ бывшій". Въ 1547 г. онъ писался уже просто „мастеръ Андреевъ сынъ Михайло"[1]).

Вполнѣ возможно, что и Іовъ промѣнялъ священство на гостебное (купеческое) житіе главнымъ образомъ по практическимъ соображеніямъ, а не съ цѣлію жениться во второй разъ,—какъ объясняютъ біографы Евфросина. Послѣднее онъ могъ сдѣлать и не снимая сана: второбрачные священники въ Псковѣ въ XV в., какъ указано уже выше, не представляли собою рѣдкости.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Іовъ, выдававшійся среди псковскаго духовенства своими знаніями св. Писанія и церковнаго устава, и послѣ снятія сана сохранилъ вліяніе на церковныя дѣла, былъ даже руководителемъ мѣстной церковной жизни. Сложеніе духовнаго сана не считалось въ то время поступкомъ предосудительнымъ и не сопровождалось какими-либо ограниченіями въ общественномъ положеніи снявшаго санъ. Изъ замѣтки лѣтописца подъ 1477 годомъ о бояринѣ-роздьяконѣ, сынѣ поповѣ, Андреѣ Ивановѣ, можно видѣть, что снявшій санъ могъ даже достигнуть и высшаго общественнаго положенія[2]). Тѣмъ легче было сохранить вліяніе на церковныя дѣла столпу псковскаго благочестія—философу Іову, обладавшему такими знаніями, которыя и всегда цѣнятся, а въ то время должны были и особенно цѣниться[3]). Если, затѣмъ, принять во вниманіе, что церковныя дѣла въ Псковѣ одинаково интересовали и духовенство и мірянъ и не одинъ разъ бывали предметомъ вѣчевыхъ обсужденій, то понятною станетъ для насъ и та главная роль, которая принадлежала Іову въ спорѣ псковичей съ Евфросиномъ. Такимъ образомъ, біографъ преподобнаго въ своей характеристикѣ Іова основывался на дѣйствительныхъ фактахъ изъ жизни этого псковскаго распопа, только въ пылу своего полемическаго увлеченія онъ далъ этимъ фактамъ слишкомъ одностороннее освѣщеніе.

И вообще исторія споровъ изъ-за аллилуіи, если исключить нѣкоторыя хронологическія неточности и личныя авторскія толкованія отдѣльныхъ фактовъ, должна быть признана правдоподобною. По житію, Іовъ прежде всего: „повѣда на блаженнаго пятма соборомъ церковнымъ, иже

---

[1]) И. Василевъ, „Археол. указат. г. Пскова", стр. 41, 61, 63.

[2]) Пол. соб. рус. лѣт., т. IV, стр. 254.

[3]) Проф. Голубинскій утверждаетъ, что распопъ Іовъ одно лицо съ упоминаемымъ въ грамотѣ м. Фотія „искуснымъ попомъ Іовомъ". Чт. въ Общ. И. и Др., кн. 214, стр. 211—212., ср. у Ключевскаго, Прав. Обозр., XII, 723.

соборѣ Симеона суздальскаго, князя Курбскаго, но и въ оффиціальныхъ документахъ,—напримѣръ, въ посланіи великаго князя Василія Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу о поставленіи въ митрополиты св. Іоны [1]). Названіе это встрѣчается и въ хронографахъ,—напримѣръ, въ рукопис. XVI в., № 645, Волок. б-ки [2]).

Къ числу преувеличеній, граничащихъ прямо съ невѣроятностію, относили раньше и замѣтку о распопѣ Іовѣ, считали невозможнымъ, чтобы Іовъ, по сложеніи священническаго сана, сохранилъ за собою вліяніе на церковныя дѣла въ Псковѣ. Но все это невозможно лишь съ современной намъ точки зрѣнія. Сохранившіяся же историческія извѣстія о псковской жизни XV в. показываютъ, что на поступокъ Іова нельзя даже смотрѣть, какъ на что-то необычное. Наоборотъ, сложеніе духовнаго сана въ Псковѣ въ XV и XVI вв. было явленіемъ очень частымъ. Затѣмъ, оно не всегда дѣлалось по такимъ низменнымъ побужденіямъ, какъ это представлено біографами Евфросина. Снимали священный санъ и люди въ нравственномъ отношеніи вполнѣ безукоризненные, какъ покажетъ разбираемое ниже (въ VI-мъ очеркѣ) посланіе снѣтогорскаго инока Корнилія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сложеніе сана происходило по побужденіямъ и вообще не имѣвшимъ никакого отношенія къ нравственной личности слагавшаго санъ. Снимали иногда санъ по побужденіямъ чисто практическимъ. Изслѣдователями псковской исторіи отмѣченъ уже фактъ исключительнаго общественнаго положенія здѣсь духовенства. По замѣчанію проф. Бѣляева, псковское духовенство по своему общественному положенію ближе, чѣмъ это было въ другихъ русскихъ областяхъ, подходило къ мірскимъ людямъ; иначе сказать: служба духовенства была церковная, а общественное положеніе и жизнь чисто мірскія [3]). Къ этому нужно добавить, что и занятія духовенства въ иныхъ случаяхъ еще болѣе сглаживали грань, отдѣлявшую духовныхъ лицъ отъ міранъ, и облегчали переходъ изъ духовнаго въ прежнее мірское званіе. Напримѣръ, изъ надписей надъ колоколами узнаемъ, что въ XVI в. въ одной духовной семьѣ дѣтей Андреевыхъ спеціальнымъ занятіемъ была отливка колоколовъ. Два сына Андрея, Михаилъ и Максимъ, занимали духовныя должности,—первый (въ 1520—21 гг.) священника, второй—дьячка. Въ XVII вѣкѣ въ числѣ колокольныхъ ма-

---

[1]) А. Поповъ, „Истор. лит. обзоръ древн. рус. полем. сочин. противъ латинянъ", М. 1875 г., стр. 344, 349. Малининъ, о. с., стр. 89, 90, 102. „Сказанія кн. Курбскаго", стр. 295. Рус. ист. б-ка, т. VI, № 71, отъ 1451—2 г., стр. 578.

[2]) Здѣсь помѣщенъ „лѣтописецъ вкратцѣ царіе царствующіи въ Константинѣ-градѣ, православніи же и еретицы",—содержащій въ себѣ перечень именъ въ хронологическомъ порядкѣ,—начиная съ Константина Великаго,—съ краткими замѣтками: „православенъ, преступникъ, арьянинъ, еретикъ, моноѳелъ, любоконникъ" и т. п. Въ концѣ лѣтописца читаемъ: „сынъ же его (импер. Мануила) Киръ-Калуянъ по немъ нача царствовати, лѣто 6933,—православенъ" (л. 121).

[3]) „Разсказы", т. III, стр. 94.

стеровъ упоминается какой-то Трофимко дьячекъ. Подобное занятіе, обезпечивая матеріально, давало полную возможность оставить духовную службу. И дѣйствительно, какъ видимъ изъ другой надписи, безъ обозначенія года (при митрополитѣ Даніилѣ,—значитъ, между 1522—39 гг.), попъ Михаилъ Андреевъ снялъ священный санъ, промѣнялъ духовную службу на болѣе выгодное занятіе—колокольное мастерство. Въ надписи на колоколѣ Варлаамской церкви читаемъ: „дѣлали мастеры Андреевы дѣти: Михаилъ священникъ бывшій". Въ 1547 г. онъ писался уже просто „мастеръ Андреевъ сынъ Михайло" [1]).

Вполнѣ возможно, что и Іовъ промѣнялъ священство на гостебное (купеческое) житіе главнымъ образомъ по практическимъ соображеніямъ, а не съ цѣлію жениться во второй разъ,—какъ объясняютъ біографы Евфросина. Послѣднее онъ могъ сдѣлать и не снимая сана: второбрачные священники въ Псковѣ въ XV в., какъ указано уже выше, не представляли собою рѣдкости.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Іовъ, выдававшійся среди псковскаго духовенства своими знаніями св. Писанія и церковнаго устава, и послѣ снятія сана сохранилъ вліяніе на церковныя дѣла, былъ даже руководителемъ мѣстной церковной жизни. Сложеніе духовнаго сана не считалось въ то время поступкомъ предосудительнымъ и не сопровождалось какими-либо ограниченіями въ общественномъ положеніи снявшаго санъ. Изъ замѣтки лѣтописца подъ 1477 годомъ о бояринѣ-роздьяконѣ, сынѣ поповѣ, Андреѣ Ивановѣ, можно видѣть, что снявшій санъ могъ даже достигнуть и высшаго общественнаго положенія [2]). Тѣмъ легче было сохранить вліяніе на церковныя дѣла столпу псковскаго благочестія—философу Іову, обладавшему такими знаніями, которыя и всегда цѣнятся, а въ то время должны были и особенно цѣниться [3]). Если, затѣмъ, принять во вниманіе, что церковныя дѣла въ Псковѣ одинаково интересовали и духовенство и мірянъ и не одинъ разъ бывали предметомъ вѣчевыхъ обсужденій, то понятною станетъ для насъ и та главная роль, которая принадлежала Іову въ спорѣ псковичей съ Евфросиномъ. Такимъ образомъ, біографъ преподобнаго въ своей характеристикѣ Іова основывался на дѣйствительныхъ фактахъ изъ жизни этого псковскаго распопа, только въ пылу своего полемическаго увлеченія онъ далъ этимъ фактамъ слишкомъ одностороннее освѣщеніе.

И вообще исторія споровъ изъ-за аллилуіи, если исключить нѣкоторыя хронологическія неточности и личныя авторскія толкованія отдѣльныхъ фактовъ, должна быть признана правдоподобною. По житію, Іовъ прежде всего: „повѣда на блаженнаго пятма соборомъ церковнымъ, иже

---

[1]) И. Василевъ, „Археол. указат. г. Пскова", стр. 41, 61, 63.

[2]) Пол. соб. рус. лѣт., т. IV, стр. 254.

[3]) Проф. Голубинскій утверждаетъ, что распопъ Іовъ одно лицо съ упоминаемымъ въ грамотѣ м. Фотія „искуснымъ попомъ Іовомъ". Чт. въ Общ. И. и Др., кн. 214, стр. 211—212., ср. у Ключевскаго, Прав. Обозр., XII, 723.

во градѣ". Эти „соборы" дѣйствительно и представляли собою высшій органъ мѣстнаго церковнаго управленія. Іовъ предлагалъ допросить Евфросина, на чемъ основывается онъ, держась такого несогласнаго съ общею церковною практикою обычая, почему онъ поступаетъ вопреки прямымъ указаніямъ мѣстнаго письменнаго устава: двоитъ аллилуію? Но на первыхъ порахъ, по замѣчанію біографа, это предложеніе Іова не встрѣтило особаго сочувствія со стороны „чади церковной". Изъ уваженія къ св. старцу многіе изъ псковскаго духовенства не хотѣли огорчать его. Допросъ Евфросину былъ произведенъ частнымъ образомъ, сторонниками Іова. Очень возможно, что біографъ здѣсь не совсѣмъ точно передаетъ событія, желая представить, что все дѣло исходило лишь отъ лица Іова и его недостойныхъ сообщниковъ. По крайней мѣрѣ, предупрежденіе со стороны посланцевъ Іова Евфросину: „да не когда паче до конца востанутъ на тя вси собори наши церковніи, съ ними же купно и все множество народа христолюбиваго града Пскова", даетъ право предположить, что посланные имѣли болѣе широкія полномочія: если и не „истязать", то вразумить и предупредить подвижника отъ лица всего духовенства псковскаго [1]).

Но вразумить убѣжденнаго сторонника двоенія не удалось. Онъ не призналъ правильности приводимыхъ доказательствъ о превосходствѣ троенія надъ двоеніемъ, отказался слѣдовать общему обычаю и одновременно съ этимъ сказалъ не мало жесткихъ словъ по адресу блюстителя церковнаго благочестія, столпа Іова. Споръ послѣ этого обострился. „Се уже отнынѣ извѣстно разумѣю, авва, яко еретикъ еси",—такъ отвѣтилъ на обвиненія преподобнаго обиженный его противникъ [2]). Онъ началъ обвинять святаго уже не въ самочиніи обычая, какъ раньше, а въ ереси, и скоро успѣлъ вооружить противъ Евфросина всѣхъ псковичей. Послѣдніе „не токмо любовію изсякнуша, но и вѣрою оскудѣша къ святому..., но еще еретика и врага Божія нарицаху святаго",—замѣчаетъ біографъ и приводитъ характерные факты такихъ измѣнившихся отношеній. Это— послѣдній эпизодъ въ исторіи споровъ, свидѣтельствующій, насколько разошлись спорившія стороны.

Но несмотря на всю свою убѣжденность въ исключительной правильности двоенія, Евфросинъ дѣлалъ попытки уладить споръ и одновременно съ этимъ оправдать себя передъ псковскимъ духовенствомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ первой редакціи житія посланіе преподобнаго къ духовенству троицкаго собора съ жалобами на Іова и съ оправданіемъ своего неподчиненія общему псковскому обычаю. Посланіе это относится еще къ началу споровъ и вѣроятно было написано послѣ бесѣды преподобнаго съ Филиппомъ и его товарищемъ. Оно не достигло своей цѣли, между прочимъ и потому, что, обращаясь за защитою противъ Іова къ троицкому духовенству, преподобный въ то же время въ

---

[1]) Пам. ст. рус. лит., IV, 86.
[2]) ib., стр. 92.

очень рѣзкихъ выраженіяхъ осуждаетъ и троицкихъ священниковъ за ихъ невысокую нравственную жизнь. Послѣ окончательнаго разрыва съ псковичами Евфросинъ переноситъ свое дѣло на судъ новгородскаго архіепископа Евѳимія II-го. Въ посланіи къ Евѳимію онъ проситъ владыку вмѣшаться въ споръ и обуздать его противниковъ, запретить имъ называть его еретикомъ. Но и владыка не разрѣшилъ „при межуусобной", не связалъ Іова епитиміею. Та и другая стороны остались при прежнихъ взглядахъ. Но споръ уже не возобновлялся, все ограничивалось лишь скорбію святаго о неразрѣшенномъ вопросѣ, да хулами противъ него Іова. 1458-й годъ нужно, значитъ, признать временемъ окончанія споровъ. За это говоритъ и самое мѣсто посланія къ Евѳимію въ житіи: оно помѣщено передъ описаніемъ послѣднихъ годовъ жизни святаго.

Но такое опредѣленіе времени окончанія споровъ повидимому противорѣчитъ хронологическимъ датамъ житія. Въ послѣднемъ читаемъ, что Іовъ пожаловался на преподобнаго „пятма соборомъ", а это могло быть не раньше 1462 года, когда былъ учрежденъ пятый соборъ.

В. О. Ключевскій даетъ такое разъясненіе этому противорѣчію. „Можетъ быть,—говоритъ онъ,—пятый соборъ началъ слагаться при построенной въ 1442 г. церкви Похвалы Богородицы и начиналъ уже дѣйствовать, какъ церковная корпорація, прежде чѣмъ псковское вѣче по просьбѣ составившихъ его „невкупныхъ поповъ" формально признало его существованіе" [1]). Намъ кажется болѣе правильнымъ въ указанной хронологической датѣ видѣть просто ошибку, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ житія. Ошибка эта произошла благодаря тому, что первый біографъ, не будучи псковичемъ, плохо былъ знакомъ съ псковскими событіями. Онъ писалъ житіе въ пору существованія въ Псковѣ уже шести соборовъ и поставилъ здѣсь пять соборовъ, не сдѣлавъ предварительной справки, сколько въ дѣйствительности было ихъ въ описываемое время. Общій ходъ споровъ, какъ онъ изложенъ въ житіи, побуждаетъ думать, что приведенная жалоба Іова предшествовала написанію посланія Евфросина къ Евѳимію, а не наоборотъ, какъ слѣдовало бы по хронологіи житія.

Но сколько же времени продолжались псковскіе споры?

На этотъ вопросъ нѣтъ точнаго отвѣта у біографовъ святаго. Несомнѣнно, что двоеніе аллилуіи Евфросинъ установилъ въ своемъ монастырѣ еще при возникновеніи послѣдняго. Но въ житіи нѣтъ хронологическихъ указаній и объ этомъ событіи; есть только упоминаніе, и то лишь въ нѣкоторыхъ спискахъ, что Евфросинъ перешелъ на Толву въ 1425 году. По мнѣнію пр. Макарія, принятому и проф. Малининымъ, устройство Елеазаровскаго монастыря можно отнести къ 1450 году [2]). На самомъ же дѣлѣ такая хронологическая дата о возникновеніи монастыря не имѣетъ

---

[1]) Прав. обозр., 1872 г., ч. II, стр. 723.

[2]) Ист. рус. ц., т. VII, стр. 38, изд. 2, Спб. 1891 г. Старецъ Елеазар. м-ря Филоѳей, стр. 16.

для себя достаточныхъ основаній; она даже противорѣчитъ прямому указанію житія о томъ, что первый игуменъ Елеазаровскаго монастыря— Игнатій былъ посвященъ во священника еще до начала управленія новгородско-псковскою епархіею Евѳимія II, не позднѣе 1434 года. Правильнѣе будетъ отнести время построенія монастырской церкви, а вмѣстѣ съ этимъ и начало двоенія къ началу 30-хъ г. XV вѣка. Но, какъ показываютъ слова самого Евфросина, пререканія изъ-за аллилуіи начались уже послѣ 1453 года. Въ бесѣдѣ съ посланными отъ Іова, относящейся къ самому началу споровъ, преподобный говоритъ: „бых(ъ) въ костянътинѣ град(ѣ) въ добрую пору, за длъг(о) до взятіа бгохранимаго цря града от(ъ) поганого бусурменина турьскаго“ [1]). Значитъ, въ началѣ или совсѣмъ не было обращено вниманія на самочинный елеазаровскій обычай, или если и было обращено вниманіе, то не строгое. Но послѣ 1453 года дѣло измѣнилось.

Послѣ паденія Константинополя главная ссылка защитника двоенія на авторитетъ греческой церкви утрачивала въ глазахъ его противниковъ всякое значеніе. Защитники троенія могли отвѣтить Евфросину такъ же, какъ позднѣе отвѣтилъ ктитору Аѳанасію его корреспондентъ: „не льститеся, отче, двукратно поюще аллилуію: уже бо прочіи (т. е. греки) погибоша, и мы такожде погибнемъ“, если будемъ слѣдовать ихъ примѣру. Болѣе того, они могли сослаться на грамоту м. Іоны, прямо предостерегавшую не слѣдовать грекамъ и ихъ обычаямъ.

Силу такого возраженія сознавалъ повидимому и Евфросинъ, потому онъ и старался указать противникамъ, что путешествіе въ Константинополь было совершено еще въ такое время, когда не было никакихъ поводовъ сомнѣваться въ православіи грековъ: „въ добрую пору“, „за длъг(о) до взятіа бгохранимаго цря града от(ъ) поганого бусурменина турьскаго“. Но и это разъясненіе въ сущности не измѣняло положенія дѣла. Фактъ утраты греками православія былъ на лицо, и оправдывать свой поступокъ примѣромъ греческой церкви, а тѣмъ болѣе отрицать мѣстные церковные авторитеты, по взгляду современниковъ Евфросина, было по меньшей мѣрѣ не благоразумно. Наличность посланія къ Аѳанасію не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что противниками Евфросина эта мысль была ясно доказана. Біографъ преподобнаго, не зная, какъ разобрать эти возраженія, просто опустилъ ихъ въ своемъ разсказѣ. Въ результатѣ у него получилось странное противорѣчіе. Защитникъ двоенія и его противники не понимаютъ другъ друга. Евфросинъ старается оправдать себя исключительно ссылкою на порядокъ греческой церкви, но его противники совсѣмъ не умѣютъ возразить преподобному и все дѣло сводятъ на разсужденія о догматическомъ превосходствѣ троенія надъ двоеніемъ. Въ такомъ случаѣ преподобному и не было бы нужды говорить о доброй порѣ его путешествія въ Константинополь, а тѣмъ болѣе писать особыя

---

[1]) Рук. № 306, л. 36.

посланія въ Псковъ и въ Новгородъ съ цѣлію доказать, что авторитетъ греческой церкви нужно предпочитать авторитету мѣстной—псковской.

Но возраженій троившихъ противъ ссылки на греческую церковь не могъ, кажется, разъяснить и самъ преподобный. По крайней мѣрѣ, своими посланіями онъ не убѣдилъ ни архіепископа, ни псковичей. Псковичи признали преподобнаго еретикомъ и врагомъ Божіимъ и прекратили съ нимъ всякое общеніе. Спорить уже было не о чемъ,—и споръ прекратился. Такимъ образомъ, періодъ псковскихъ споровъ можно обще опредѣлить пятидесятыми годами XV столѣтія.

Грамотные люди XVI—XVII вв., знакомые съ житіемъ преп. Евфросина и съ другими памятниками, касавшимися исторіи споровъ изъ-за аллилуіи, защитѣ преподобнымъ двоенія придавали очень большое значеніе; они готовы были самое прославленіе святаго ставить въ зависимость отъ этого сомнительнаго подвига его жизни. „За сіе богоугодное мудрованіе Господь Богъ прославилъ преп. отца Евфросина, псковскаго чудотворца, во святыхъ",—писалъ въ 1670 г. въ своей челобитной раскольничій инокъ Авраамій [1]). И не только отдѣльныя лица, но и цѣлый соборъ русскихъ архипастырей нашелъ возможнымъ повѣрить и располагать другихъ къ довѣрію къ такимъ явно вымышленнымъ разсказамъ, какъ описаніе явленія Богоматери первому списателю. Изслѣдователю жизни преподобнаго нѣтъ нужды останавливаться на разъясненіи и обличеніи этихъ ошибокъ „простоты и невѣжества". Но нельзя не поставить общаго вопроса: какое же мѣсто и значеніе въ жизни преподобнаго имѣли его скорбь о тайнѣ аллилуіи и апологія ея двойного возглашенія?

Нельзя отрицать ни факта споровъ преподобнаго съ псковичами, ни того, что въ обрядовомъ вопросѣ, въ дѣлѣ вѣры и спасенія не имѣющемъ существеннаго значенія и важности, онъ видѣлъ что-то бо́льшее, чѣмъ слѣдуетъ, что-то таинственное и важное. Все это вполнѣ естественно и вполнѣ понятно. Преподобный былъ человѣкомъ своего вѣка. Онъ не могъ въ своихъ взглядахъ на значеніе обрядовъ расходиться съ тогдашнимъ взглядомъ обще-церковнымъ; а на обряды тогда смотрѣли неправильно, преувеличивали ихъ значеніе. Но признавая за сугубой аллилуіей догматическое значеніе, допуская общую для того времени ошибку—смѣшеніе обряда съ догматомъ, Евфросинъ имѣлъ зато совершенно правильный взглядъ, что тайна вѣры, не разъясненная св. отцами на вселенскихъ соборахъ, такъ и должна остаться тайною, не можетъ быть понята и объяснена обыкновеннымъ человѣческимъ умомъ. Сторонники Евфросина иначе смотрѣли на это. Воспользовавшись авторитетнымъ именемъ подвижника, они открыли эту тайну, ввели въ символъ русской вѣры новый „премудрый догма̀тъ", но въ этомъ меньше всего былъ виноватъ преподобный. Наоборотъ, какъ указано уже раньше, Евфросинъ даже предостерегалъ своихъ совопросниковъ отъ подобныхъ догматическихъ открытій.

[1]) Матер. для ист. раск., т. VII, стр. 325.

Самая защита сугубой аллилуіи въ жизни Евфросина не имѣла такого важнаго значенія, какое придалъ ей первый біографъ преподобнаго. Споры изъ-за аллилуіи Евфросина съ псковичами были непродолжительны, заняли собою самое большее пять лѣтъ (1453—58 гг.), да и безмѣрная печаль святаго о неразрѣшенной тайнѣ не такъ много времени заняла въ его жизни, какъ представляетъ это намъ біографъ. Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить самыя сочиненія преподобнаго: посланія къ троицкому духовенству и къ арх. Евѳимію, а также иноческій уставъ и духовное завѣщаніе. Въ первыхъ двухъ памятникахъ ничего не говорится о догматическомъ значеніи сугубой аллилуіи; въ двухъ послѣднихъ объ аллилуіи нѣтъ даже и упоминанія. Страннымъ кажется, какимъ образомъ подвижникъ, всю будто бы жизнь посвятившій защитѣ и выясненію тайны сугубой аллилуіи, перенесшій изъ-за нея столько незаслуженныхъ огорченій, ничего не сказалъ обо всемъ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ. Въ уставѣ Евфросина есть указанія и о церковной молитвѣ, даже о церковномъ звонѣ; въ завѣщаніи помѣщены наставленія о совершеніи поминовеній по умершимъ инокамъ. Съ точки зрѣнія защитника двоенія все это должно бы представляться маловажнымъ по сравненію съ такимъ главнымъ предметомъ благочестія, какъ аллилуія. Въ предисловіи къ уставу преподобный говоритъ объ огорченіяхъ, которыя пришлось ему испытать при устройствѣ обители. Эти огорченія, разумѣется, были гораздо легче тѣхъ, которыя пришлось перенести святому изъ-за сугубой аллилуіи, но о нихъ упомянуто, а о послѣднихъ нѣтъ ни слова. Странность этого является тѣмъ болѣе непонятною, если обратимъ вниманіе на хронологическую дату написанія устава: 1457—8 гг.—1461 г., т. е. время, когда такъ неблагопріятно для Евфросина оканчивался споръ. Естественно ожидать, что хотя бы въ предсмертномъ завѣщаніи своимъ инокамъ преподобный напомнитъ имъ твердо держаться сугубой аллилуіи, защищать неоконченное имъ дѣло. Но вмѣсто этого и здѣсь находимъ лишь наставленія строго хранить уставъ, точно исполнять всѣ его требованія. Вопреки разсказу житія выходитъ, что и на смертномъ одрѣ подвижника занимали не тайна сугубой аллилуіи, а идеалы монашества, которымъ было посвящена его долгая жизнь, забота, чтобы и послѣ его кончины осуществленное при жизни не было измѣнено или позабыто. Не сугубаго пѣнія аллилуіи, а вѣрности уставу иноческаго житія хочетъ видѣть и требуетъ отъ своихъ учениковъ преподобный и на это призываетъ имъ помощникомъ Бога.

Такимъ образомъ, изслѣдователь жизни преподобнаго съ большою осторожностію долженъ относиться къ біографическому матеріалу, заключающемуся въ повѣсти споровъ святаго съ псковичами о сугубой аллилуіи.

Болѣе надежнымъ источникомъ для характеристики личности препод. Евфросина являются собственныя его сочиненія: монастырскій уставъ и духовное завѣщаніе.

Какъ отмѣчено уже раньше, во введеніи, уставъ препод. Евфросина мало извѣстенъ въ научной литературѣ, а его литературная исторія и

совсѣмъ не изслѣдована. Къ этому нужно добавить, что и вообще этотъ отдѣлъ русской монастырской письменности разработанъ очень недостаточно. Даже и начальная исторія монастырскаго устава на Руси не вполнѣ выяснена, а дальнѣйшая его судьба и значеніе въ жизни русскаго монашества и совсѣмъ не разъяснены. Отсюда, произвести сравнительное изученіе одного какого-либо памятника не легко. Прежде чѣмъ начинать эту работу, приходится остановиться на разъясненіи вопроса о томъ, какой матеріалъ имѣется для нея въ древне-русской монастырской письменности, возможно ли произвести сравнительное изученіе устава Евфросина?

Монашество, какъ особый видъ христіанской подвижнической жизни, было уже въ готовой формѣ перенесено къ намъ изъ Византіи нашими духовными просвѣтителями-греками. Ко времени принятія Русью христіанства восточное монашество имѣло у себя не только отдѣльныя святоотеческія правила, но и полный уставъ монашеской жизни, точно регламентировавшій всѣ ея стороны. Составителемъ этого устава считается св. Ѳеодоръ Студитъ († 826 г.). Затѣмъ, почти за сто лѣтъ до возникновенія матери русскихъ монастырей, Кіево-Печерской обители, появился уставъ и на св. горѣ Аѳонской—св. Аѳанасія, близкій къ студійскому, а въ 1046 г. былъ написанъ на Аѳонѣ новый уставъ, въ общемъ сходный съ уставомъ Аѳанасія [1]). Однимъ изъ этихъ уставовъ—студійскимъ или аѳонскимъ, или даже обоими, и могли, значитъ, воспользоваться древне-русскіе иноки.

По словамъ лѣтописца, списокъ студійскаго устава имѣлся въ древней Руси въ XI вѣкѣ. Онъ былъ принесенъ въ Кіевъ студійскимъ монахомъ Михаиломъ [2]). Отъ конца XI вѣка—начала XII в. сохранилась и подробная запись студійскаго устава на славянскомъ языкѣ [3]). Но пользовались ли студійскимъ уставомъ наши первые монахи,—никакихъ извѣстій объ этомъ нѣтъ.

Относительно устава аѳонскаго нѣтъ даже и такихъ извѣстій, какія имѣемъ объ уставѣ студійскомъ; не сохранилось и записи его на славянскомъ языкѣ. Несомнѣнно, что этотъ уставъ былъ извѣстенъ отцу русскаго иночества, постриженнику Аѳонской горы—преп. Антонію. Но былъ ли Антоніемъ принесенъ съ Аѳона списокъ устава или нѣтъ, объ этомъ ничего нельзя сказать даже и предположительно.

По мнѣнію проф. Голубинскаго, монашество перешло къ намъ изъ Греціи безъ всякаго устава, въ формѣ особножительства или келліотства [4]). Отсюда, первоначальная жизнь русскаго монашества можетъ быть названа въ полномъ смыслѣ *безуставною*.

---

[1]) Подробнѣе см. у И. Соколова, „Состояніе монашества въ Византійской церкви", Казань, 1894 г., стр. 227—230, 239, 318, 320 и слѣд., 332.

[2]) Полн. собр. рус. лѣт., т. I, стр. 69, т. II, изд. 1871 г., стр. 112—113.

[3]) Голубинскій, Ист. рус. ц. т. I, 2 пол., изд. 2, стр. 373.

[4]) ib., стр. 605, 607.

Честь введенія на Руси монастырскаго общежитія и чернеческаго правила, несомнѣнно, принадлежитъ самимъ русскимъ инокамъ: преп. Θеодосію, или точнѣе—Антонію и Θеодосію. Но при какихъ условіяхъ былъ введенъ ими уставъ, историческія извѣстія не даютъ опять точнаго отвѣта; разнорѣчивы и научныя объясненія. По лѣтописи, преп. Θеодосій получилъ списокъ студійскаго устава отъ упомянутаго уже монаха Михаила, переписалъ этотъ списокъ,—т. е. перевелъ на русскій языкъ,—и установилъ въ Печерскомъ монастырѣ: „како пѣти пѣния манастырьская и поклонъ како держати и чтенія почитати, и стояние въ церкви, и весь рядъ церковьный, на тряпезѣ сѣданіе и что ясти въ кыя дни, все съ въставлениемъ" [1]). Изъ перечня этихъ статей можно заключить, что это былъ одновременно и монашескій и богослужебный уставъ, т. е. что по своей формѣ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ сохранившимся спискамъ студійскаго устава.

По свидѣтельству житія Θеодосія, которое, какъ и лѣтопись, приписываетъ введеніе устава одному лишь Θеодосію, студійскій уставъ былъ переписанъ въ Константинополѣ Ефремомъ скопцемъ. Къ нему въ 1062 г. преп. Θеодосіемъ былъ спеціально посланъ одинъ изъ печерскихъ монаховъ [2]). Но эти два извѣстія можно еще дополнить третьимъ, что уставъ былъ введенъ первоначально не Θеодосіемъ, а преп. Антоніемъ, по списку монаха Михаила. Такое извѣстіе было въ житіи преп. Антонія—памятникѣ, давно утраченномъ; содержаніе его пытается установить акад. Шахматовъ въ статьѣ: „Житіе Антонія и Печерская лѣтопись" [3]). По мнѣнію Шахматова, лѣтописное извѣстіе нужно исправить такъ, что вмѣсто имени Θеодосія читать имя Антонія (стр. 137). При такой поправкѣ легко устраняется отмѣченное противорѣчіе между двумя извѣстіями о введеніи въ Печерскомъ монастырѣ устава. Уставъ, по списку Михаила [4]), введенный преп. Антоніемъ, какъ неполный по содержанію, не удовлетворилъ собою преп. Θеодосія, и, продолжая дѣло Антонія, Θеодосій позаботился замѣнить первоначальный списокъ устава болѣе полнымъ: „посла единого отъ братия въ Костянтинь градъ къ Ефремоу скопьцю, да *вьсь* оуставъ стоудийскаага манастыря, испьсавъ, присълеть емоу" [5]). Списка этого θеодосіевскаго устава не сохранилось, и потому невозможно со всею точностію опредѣлить, насколько онъ по своему содержанію соотвѣтствовалъ оригиналу—греческому списку, и были ли сдѣланы преподобнымъ какія-либо измѣненія.

---

[1]) Пол. собр. рус. лѣт., т. II, стр. 112—113, т. I, стр. 69.

[2]) Сборникъ XII в. москов. Усп. собора, стр. 57; по изд. Яковлева, стр. XXI. Соглашеніе извѣстій лѣтописи и житія см. у м. Макарія, Ист. рус. ц., т. II, стр. 56.

[3]) Жур. М. Нар. Просв., 1898 г., мартъ, стр. 105—149. Объ уставѣ см. стр. 137—138, 141, 143.

[4]) Не былъ ли это списокъ аθонскаго устава?

[5]) Сборникъ XII в., стр. 57.

По мнѣнію проф. Голубинскаго, препод. Θеодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ студійскій, истинно и строго общежительный, воспользовавшись редакціею записи, сдѣланной патр. Алексіемъ (1025—1043 г.). Эту запись онъ воспроизвелъ,—какъ свидѣтельствуютъ показанія житія,— „до мелкихъ подробностей" [1]). О полнотѣ устава, введеннаго Θеодосіемъ, говоритъ и м. Макарій; но онъ не допускаетъ, чтобы это былъ списокъ редакціи патр. Алексія [2]). Какое изъ этихъ мнѣній болѣе вѣроятно, трудно сказать, такъ какъ нѣтъ данныхъ провѣрить эти предположенія двухъ одинаково авторитетныхъ историковъ русской церкви. Но для нашей цѣли это и не нужно. Важнѣе другія извѣстія о томъ, какъ распространялся кіевскій уставъ, какая была его дальнѣйшая судьба.

По свидѣтельству лѣтописца: „отъ него же (Θеодосіева) манастыря прияша вси манастырѣ уставъ по всемъ манастыремъ". И если принять во вниманіе, что Печерскій монастырь далъ изъ своей среды епископовъ во всѣ почти русскія области, то можно согласиться съ извѣстіемъ лѣтописца, что дѣйствительно во всѣхъ русскихъ областяхъ монашеская жизнь первоначально была устроена по образцу кіево-печерской. Но нѣтъ основаній слова лѣтописца: „прияша (переяша) уставъ", понимать въ томъ смыслѣ, чтобы кіевскіе постриженники—епископы, основатели монастырей въ своихъ епархіяхъ, приносили съ собою списки кіевскаго устава и передавали ихъ въ руководство настоятелямъ и братіи устроенныхъ ими обителей. Иначе сохранились бы списки этого памятника, утраченнаго въ Печерскомъ монастырѣ. Правильнѣе будетъ слова „переяша уставъ" понимать такъ, что русскіе монастыри,—конечно не всѣ,—заимствовали общежительные порядки кіево-печерской жизни и по мѣрѣ возможности старались примѣнить ихъ у себя. Изъ исторіи Снѣтогорскаго монастыря мы, затѣмъ, знаемъ, что ктиторы русскихъ монастырей иногда производили запись правилъ монастырскаго общежитія; но въ какомъ отношеніи стояли эти записи къ кіевскому уставу—ничего нельзя сказать.

Дальнѣйшая судьба устава преп. Θеодосія была очень печальная: въ монастырѣ Кіево-Печерскомъ уставъ не исполнялся, въ другихъ русскихъ монастыряхъ о немъ почти ничего не знали. Позднѣе XI-го вѣка на Востокѣ и въ частности на Аθонѣ составлялись новые уставы монашеской жизни. Въ началѣ XIII в. на Аθонѣ былъ написанъ очень подробный и обстоятельный монашескій уставъ св. Саввою Сербскимъ [3]). Этотъ уставъ вполнѣ могъ замѣнить собою утраченный въ русскихъ монастыряхъ уставъ студійскій; его даже не нужно было переводить, а лишь переписать и ввести въ монастырѣ. Но этого не было сдѣлано. Судя потому, что въ русскихъ рукописяхъ, сохранившихъ нѣсколько списковъ житія святителя

---

[1]) О. с., 625—627.

[2]) О. с., 57—58.

[3]) Уставомъ св. Саввы Сербскаго мы пользовались по изданію въ „Гласник(ѣ) Српског ученог друштва, кньига III, свеска XX, у Београду, 1866, стр. 159—213.

Саввы, нѣтъ (если не ошибаемся) ни одного списка его устава, можно сдѣлать выводъ, что уставъ Саввы остался неизвѣстнымъ русскимъ монахамъ, о немъ лишь слышали они отъ паломниковъ на Аѳонъ.

Слѣдуя примѣру ктиторовъ восточныхъ монастырей, которые, руководясь главными уставами: Саввы Освященнаго, Ѳеодора Студита и Аѳанасія Аѳонскаго, очень часто сами составляли уставы для своихъ монастырей [1]), наши русскіе подвижники могли бы написать свой уставъ или даже нѣсколько уставовъ. Но не было и этого. Письменнаго устава не имѣли даже и такіе знаменитые монастыри, какъ Кирилло-Бѣлоозерскій и Троице-Сергіевъ. Въ сѣверо-восточной Руси онъ появился сравнительно уже поздно, въ XVI в., когда преп. Іосифъ Волоцкій написалъ полный уставъ монашеской жизни. Такимъ образомъ, тогда какъ въ исторіи восточнаго монашества мы наблюдаемъ даже обиліе письменныхъ уставовъ, въ исторіи монашества русскаго отъ XII по XVI в. приходится отмѣтить совершенно противоположную черту: отсутствіе письменнаго устава. Весь этотъ періодъ, строго говоря, можно назвать періодомъ безуставной монашеской жизни.

По свидѣтельству препод. Іосифа Волоцкаго, большинство русскихъ монаховъ письменное изложеніе правилъ монашеской жизни не только считало излишнимъ, но и смотрѣло на него, какъ на новшество, осуждаемое примѣромъ русскихъ подвижниковъ. „Любозазорные" возражали преподобному, что „святіи отци наши, иже въ Русстѣй земли, не писали преданіа и запрѣщеніа иночьская, но точію глаголы наказующе", и что „нынѣ же не подобаетъ тако творити (письменно излагать правила), но точію словомъ наказовати" [2]). Преподобному приходилось цѣлымъ рядомъ примѣровъ доказывать, что настоятель имѣетъ право наставлять братію не только „словесы", но „и писаніемъ". Но сама жизнь показывала, что не всегда можно ограничиться одними словесными наставленіями, что иной разъ необходимо письменно изложить порядокъ монастырской жизни, чтобы не было какихъ-либо недоразумѣній или даже злоупотребленій. Называя періодъ въ исторіи русской монастырской жизни отъ XII по XVI в. безуставнымъ, мы вовсе не хотѣли сказать, что въ это время не было въ русскихъ монастыряхъ никакихъ письменныхъ правилъ и руководствъ къ монашеской жизни. Письменныя правила были, только они не стоятъ въ связи съ кіевскимъ уставомъ, по нимъ нельзя послѣдовательно изучить исторію древне-русскаго монастырскаго устава.

Можно указать четыре типа письменныхъ монастырскихъ правилъ: монастырскіе богослужебные уставы, завѣщанія основателей монастырей, приговоры монастырской братіи и различнаго рода заповѣди, преданія и поученія о монашеской жизни [3]). Въ монастырскихъ богослужебныхъ

---

[1]) См. у Соколова, о. с., стр. 319—320 и др.

[2]) Вел. Чет. М., сент., в. I, стр. 548, 547.

[3]) Къ этимъ четыремъ типамъ письменныхъ монастырскихъ правилъ нужно бы еще добавить посланія и грамоты въ монастыри высшей власти, духовной и свѣтской. Но, интересуясь главнымъ образомъ спеціально-монастырскою письменностію, мы не будемъ останавливаться на послѣднихъ.

уставахъ одновременно съ порядкомъ богослуженія излагались и нѣкоторыя правила о монашеской жизни, въ частности—правила о монастырской трапезѣ, о томъ: „что ясти въ коя дни“. Такихъ уставовъ сохранилось много; имѣлись они и въ псковскихъ монастыряхъ. Въ рукописи Москов. синод. б-ки № 405/903 помѣщенъ уставъ Елеазаровскаго монастыря; въ рукописи № 395/953, л. 104, есть замѣтка объ уставѣ снѣтогорскомъ. На характеристикѣ богослужебныхъ уставовъ мы остановимся въ спеціальномъ очеркѣ о монастырскомъ богослуженіи.

Завѣщаній, написанныхъ самими подвижниками, за древнѣйшій періодъ почти не сохранилось. Въ мѣстной монастырской письменности имѣется лишь одинъ памятникъ и то уже отъ второй половины XV в.—завѣщаніе Евфросина. Очень вѣроятно затѣмъ, что было и другое завѣщаніе, отъ конца XIII в.,—Іоасафа снѣтогорскаго, но оно утрачено еще въ началѣ XV в. или даже раньше. Въ большинствѣ случаевъ подвижники ограничивались словесными завѣщаніями, которыя записывались уже позднѣе, при составленіи житій святыхъ, иногда очевидцами послѣднихъ дней ихъ жизни. Среди сохранившихся записей есть очень интересныя, дающія цѣнный матеріалъ для изученія какъ личности того или другого подвижника, такъ и порядковъ жизни въ его обители. Таковы, напр., запись Иннокентія о послѣднихъ дняхъ жизни преп. Пафнутія Боровскаго, описанія поученій Герасима Болдинскаго и Антонія Сійскаго въ житіяхъ этихъ святыхъ [1]). Но обычно подъ вліяніемъ господствовавшей въ то время однообразной литературной формы житія завѣщаніе святаго въ передачѣ его біографа утрачивало свой жизненный характеръ, изъ живой бесѣды превращалось въ риторическое общее мѣсто. Нерѣдко біографы вмѣсто того, чтобы передавать бесѣду святаго по разсказамъ очевидцевъ, излагали ее по какому-нибудь стороннему литературному источнику, нисколько не заботясь о соотвѣтствіи съ дѣйствительностію. Отсюда, большинство записей завѣщаній не имѣетъ почти никакого значенія для изученія порядковъ монастырской жизни, установленныхъ тѣмъ или другимъ подвижникомъ.

Едва ли не самымъ интереснымъ и цѣннымъ для изученія порядковъ жизни въ древне-русскихъ монастыряхъ типомъ письменныхъ монастырскихъ правилъ могли бы служить приговоры монастырской братіи. Но, къ сожалѣнію, ихъ сохранилось очень мало, а въ псковской монастырской письменности мы не встрѣтили ни одного. Мы остановимся лишь на одномъ приговорѣ, помѣщенномъ въ 3 т. Актовъ, относящихся до юридическаго быта др. Россіи.

Въ 1584 году освященный соборъ старцевъ Троице-Сергіева монастыря предложилъ новому настоятелю, архим. Митрофану, слѣдующія письменныя условія. „И жити архим. Митрофану по монастырскому чину:

---

[1]) Записка Иннокентія напечатана проф. В. О. Ключевскимъ въ приложеніяхъ къ „Древ. рус. жит. св.“, стр. 439—453. О поученіяхъ Герасима Болдинскаго и Антонія Сійскаго см. у А. Кадлубовскаго, „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“, стр. 290—292, 311—315.

Саввы, нѣтъ (если не ошибаемся) ни одного списка его устава, можно сдѣлать выводъ, что уставъ Саввы остался неизвѣстнымъ русскимъ монахамъ, о немъ лишь слышали они отъ паломниковъ на Аѳонъ.

Слѣдуя примѣру ктиторовъ восточныхъ монастырей, которые, руководясь главными уставами: Саввы Освященнаго, Ѳеодора Студита и Аѳанасія Аѳонскаго, очень часто сами составляли уставы для своихъ монастырей [1]), наши русскіе подвижники могли бы написать свой уставъ или даже нѣсколько уставовъ. Но не было и этого. Письменнаго устава не имѣли даже и такіе знаменитые монастыри, какъ Кирилло-Бѣлоозерскій и Троице-Сергіевъ. Въ сѣверо-восточной Руси онъ появился сравнительно уже поздно, въ XVI в., когда преп. Іосифъ Волоцкій написалъ полный уставъ монашеской жизни. Такимъ образомъ, тогда какъ въ исторіи восточнаго монашества мы наблюдаемъ даже обиліе письменныхъ уставовъ, въ исторіи монашества русскаго отъ XII по XVI в. приходится отмѣтить совершенно противоположную черту: отсутствіе письменнаго устава. Весь этотъ періодъ, строго говоря, можно назвать періодомъ безуставной монашеской жизни.

По свидѣтельству препод. Іосифа Волоцкаго, большинство русскихъ монаховъ письменное изложеніе правилъ монашеской жизни не только считало излишнимъ, но и смотрѣло на него, какъ на новшество, осуждаемое примѣромъ русскихъ подвижниковъ. „Любозазорные" возражали преподобному, что „святіи отци наши, иже въ Русстѣй земли, не писали преданія и запрѣщенія иночьская, но точію глаголы наказующе", и что „нынѣ же не подобаетъ тако творити (письменно излагать правила), но точію словомъ наказовати" [2]). Преподобному приходилось цѣлымъ рядомъ примѣровъ доказывать, что настоятель имѣетъ право наставлять братію не только „словесы", но „и писаніемъ". Но сама жизнь показывала, что не всегда можно ограничиться одними словесными наставленіями, что иной разъ необходимо письменно изложить порядокъ монастырской жизни, чтобы не было какихъ-либо недоразумѣній или даже злоупотребленій. Называя періодъ въ исторіи русской монастырской жизни отъ XII по XVI в. безуставнымъ, мы вовсе не хотѣли сказать, что въ это время не было въ русскихъ монастыряхъ никакихъ письменныхъ правилъ и руководствъ къ монашеской жизни. Письменныя правила были, только они не стоятъ въ связи съ кіевскимъ уставомъ, по нимъ нельзя послѣдовательно изучить исторію древне-русскаго монастырскаго устава.

Можно указать четыре типа письменныхъ монастырскихъ правилъ: монастырскіе богослужебные уставы, завѣщанія основателей монастырей, приговоры монастырской братіи и различнаго рода заповѣди, преданія и поученія о монашеской жизни [3]). Въ монастырскихъ богослужебныхъ

[1]) См. у Соколова, о. с., стр. 319—320 и др.

[2]) Вел. Чет. М., сент., в. I, стр. 548, 547.

[3]) Къ этимъ четыремъ типамъ письменныхъ монастырскихъ правилъ нужно бы еще добавить посланія и грамоты въ монастыри высшей власти, духовной и свѣтской. Но, интересуясь главнымъ образомъ спеціально-монастырскою письменностію, мы не будемъ останавливаться на послѣднихъ.

уставахъ одновременно съ порядкомъ богослуженія излагались и нѣкоторыя правила о монашеской жизни, въ частности—правила о монастырской трапезѣ, о томъ: „что ясти въ коя дни". Такихъ уставовъ сохранилось много; имѣлись они и въ псковскихъ монастыряхъ. Въ рукописи Московск. синод. б-ки № 405/903 помѣщенъ уставъ Елеазаровскаго монастыря; въ рукописи № 395/953, л. 104, есть замѣтка объ уставѣ снѣтогорскомъ. На характеристикѣ богослужебныхъ уставовъ мы остановимся въ спеціальномъ очеркѣ о монастырскомъ богослуженіи.

Завѣщаній, написанныхъ самими подвижниками, за древнѣйшій періодъ почти не сохранилось. Въ мѣстной монастырской письменности имѣется лишь одинъ памятникъ и то уже отъ второй половины XV в.—завѣщаніе Евфросина. Очень вѣроятно затѣмъ, что было и другое завѣщаніе, отъ конца XIII в.,—Іоасафа снѣтогорскаго, но оно утрачено еще въ началѣ XV в. или даже раньше. Въ большинствѣ случаевъ подвижники ограничивались словесными завѣщаніями, которыя записывались уже позднѣе, при составленіи житій святыхъ, иногда очевидцами послѣднихъ дней ихъ жизни. Среди сохранившихся записей есть очень интересныя, дающія цѣнный матеріалъ для изученія какъ личности того или другого подвижника, такъ и порядковъ жизни въ его обители. Таковы, напр., запись Иннокентія о послѣднихъ дняхъ жизни преп. Пафнутія Боровскаго, описанія поученій Герасима Болдинскаго и Антонія Сійскаго въ житіяхъ этихъ святыхъ[1]). Но обычно подъ вліяніемъ господствовавшей въ то время однообразной литературной формы житія завѣщаніе святаго въ передачѣ его біографа утрачивало свой жизненный характеръ, изъ живой бесѣды превращалось въ риторическое общее мѣсто. Нерѣдко біографы вмѣсто того, чтобы передавать бесѣду святаго по разсказамъ очевидцевъ, излагали ее по какому-нибудь стороннему литературному источнику, нисколько не заботясь о соотвѣтствіи съ дѣйствительностію. Отсюда, большинство записей завѣщаній не имѣетъ почти никакого значенія для изученія порядковъ монастырской жизни, установленныхъ тѣмъ или другимъ подвижникомъ.

Едва ли не самымъ интереснымъ и цѣннымъ для изученія порядковъ жизни въ древне-русскихъ монастыряхъ типомъ письменныхъ монастырскихъ правилъ могли бы служить приговоры монастырской братіи. Но, къ сожалѣнію, ихъ сохранилось очень мало, а въ псковской монастырской письменности мы не встрѣтили ни одного. Мы остановимся лишь на одномъ приговорѣ, помѣщенномъ въ 3 т. Актовъ, относящихся до юридическаго быта др. Россіи.

Въ 1584 году освященный соборъ старцевъ Троице-Сергіева монастыря предложилъ новому настоятелю, архим. Митрофану, слѣдующія письменныя условія. „И жити архим. Митрофану по монастырскому чину:

---

[1]) Записка Иннокентія напечатана проф. В. О. Ключевскимъ въ приложеніяхъ къ „Древ. рус. жит. св.", стр. 439—453. О поученіяхъ Герасима Болдинскаго и Антонія Сійскаго см. у А. Кадлубовскаго, „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ", стр. 290—292, 311—315.

еще ему и поклоненіе предъ нимъ творите до земля и страхомъ на него взирати и з боязнію великою, яко самого Христа,—тый Богомъ поставленъ; ничто ж напрасно не глаголи къ нему, аще не въспросить; глаголи же стоя молитву тай себе: Г. І. Х Б. нашъ помилуй мя грѣшнаго, донеле игуменъ проидетъ" (л. 559 об.—560). Нравственный авторитетъ игумена приведенными строками очрчивается очень рельефно. А какъ велика внѣшняя власть игумена—въ дѣлахъ, напр., хозяйственныхъ, можно судить потому, что безъ повелѣнія игумена монаху не разрѣшается распоряжаться ничѣмъ изъ принадлежащаго ему: „и блюдися, брате мой любимый, ничтоже дай роду своему мирьскомоу, никаковыя же потребы, безъ повеленія игумена своего" (л. 562).

Одновременно съ этимъ „наказаніе" содержитъ въ себѣ и рядъ наставленій, касающихся монашеской жизни; говоритъ о томъ, какъ „основати чернечество". Главнымъ образомъ оно останавливается на изложеніи правилъ внѣшняго поведенія и говоритъ даже о такихъ маловажныхъ случаяхъ, какъ вести себя при входѣ и выходѣ изъ своей кельи, чтобы не нарушить покоя сосѣдняго брата, какъ убирать свою келью, какъ встрѣчаться съ братіей и т. п. (л. 558—559 об.). Но кромѣ этихъ правилъ внѣшняго поведенія „наказаніе" даетъ рядъ совѣтовъ и относительно внутренней стороны монашеской жизни: о чемъ долженъ монахъ думать и говорить, какъ ему бороться съ нецѣломудренными помыслами, какъ заниматься рукодѣльемъ, читать книги и т. п. (л. 559 и об., 560—561, 563—4 и др.).

„Преданіе старческо къ новоначальнымъ инокомъ, како подобаетъ жити у старца въ послушаніи" и „заповѣдь мнишескаго житія юнымъ черньцемъ", помѣщенныя въ рукоп. псалтири Рум. музея № 52, л. 364 об.—371, останавливаются преимущественно на келейной жизни монаха и на поведеніи его въ церкви за богослуженіемъ, а также разъясняютъ, какимъ авторитетомъ долженъ пользоваться въ глазахъ монаха его руководитель—старецъ. Касаясь келейной жизни, правила, прежде всего, побуждаютъ заботиться, чтобы келейная жизнь проходила въ постоянной молитвѣ, чтеніи и рукодѣліи, и главное, чтобы вся жизнь монаха находилась въ полномъ согласіи съ руководствомъ старца,—чтобы „перечнемъ ступени не ступити ни на кое дѣло не по благословенію" (л. 365 об.). „А правило бы твое не залегло ни церковное, ни келейное или рукодѣліе; а правило келейное держати тебѣ по силѣ, елико можешь, занеже, брате, кѣліи устава не имать, то дѣется отъ произволенія, како кто Бога възлюбитъ" (л. 365 об.),—таково общее требованіе. Затѣмъ требуется строго различать келейное правило и келейную молитву отъ молитвы церковной, чтобы того, что нужно исполнить въ келіи, не дѣлать въ церкви, и наоборотъ (л. 366 об.). Располагая инока къ бодрствованію, неустанному наблюденію за собою, „преданіе" предупреждаетъ: „а по всенощномъ кромѣ немощи никако ж бы ложитися; а всему тому, брате, наукъ, иное отъ того приходитъ,—но тружатися въ молитвахъ и во чтеніи книжнемъ. Аще ли грамоте не умѣешь, и ты имися рукодѣлію: истинному иноку нѣстъ на

земли праздника, ни пасхи; пасха ему есть тогда, коли прейдетъ отъ суеты въ вѣчный покой. Аще ли тя иметъ дремота ли лѣность, борися Бога ради" (л. 366).

Очень подробно говорится о соблюденіи цѣломудрія и еще подробнѣе, чѣмъ въ „наказаніи", указываются средства, какъ уберечься отъ грѣховныхъ помысловъ. „Аще лучится, брате, въ трапезѣ или въ церкви быти, а въ то время отъ мирскихъ мужескъ полъ или женескъ егда кто хощетъ отъ нихъ причаститися или къ дорѣ пойдетъ или къ хлѣбу богородичину или ко иному чему, или икону цѣловати или евангеліе или крестъ или мощи святыхъ, и ты, брате, послѣ ихъ не мози дерзнути, развѣ кому великія нужи..., а къ женьскому бы платну не прикоснутися, ни ко отрочати, развѣ нужи" (л. 369). Въ заповѣди юнымъ черньцемъ читаемъ слѣдующія предостереженія: „съ мирскими не говори, а боле сего съ женами не бесѣдуй и паче съ молодымъ дѣтищемъ не держися, ни седи съ ними, ни стой..., ни книгамъ дѣтей учи; ницъ не облязи никакож, ни самъ другъ не лязи, любви нечистыя и скверныя блюдися" (л. 371).

„Преданіе нѣкоего старца оученикомъ своимъ о иноческомъ жителствѣ и о правилѣ келейномъ избрано отъ божественаго писанія",— помѣщенное въ рукописи № $^{212}/_{3077}$ Тверск. арх. музея,—по своему содержанію и характеру представляетъ собою памятникъ, однородный съ „преданіемъ старческимъ". Но, по сравненію съ послѣднимъ, это—болѣе цѣнный и интересный памятникъ. Особую цѣнность и интересъ преданіе получаетъ прежде всего по мѣсту его написанія: оно составлено было въ монастырѣ преп. Павла Обнорскаго. Такой выводъ даютъ право сдѣлать слѣдующихъ двѣ замѣтки составителя: при совершеніи отпуста келейной молитвы, передъ отходомъ въ церковь, старецъ совѣтуетъ монаху на ряду съ Богоматерію и ангеломъ хранителемъ молитвенно вспоминать „преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Сергія Радонежскаго чюдотворца и Павла Обнорьскаго чюдотворца" (л. 105 об.). При входѣ въ церковь, полагая обычное начало, онъ велитъ говорить „тропарь Троицѣ и тропарь чюдотворцу, слава—кондакъ ему жъ и нынѣ—кондакъ Троицѣ" (л. 121 об.), другими словами: тропарь и кондакъ храмовому празднику. Изъ житія же преп. Павла мы узнаемъ, что храмъ въ его обители былъ построенъ во имя св. Троицы[1]).

Въ Обнорскомъ монастырѣ, какъ можно судить по житію преп. Павла († 1429 г.), былъ особенно развитъ институтъ старчества. Старцамъ принадлежало главное руководство монашескою жизнію; безъ ихъ воли не разрѣшалось монахамъ ничего дѣлать: „ничтоже да творити что по своей воли, но волею и хотѣніемь отецъ искусныхъ вся творити"[2]). О власти

---

[1]) См. у Н. Коноплева, „Святые Вологодскаго края", стр. 70.

[2]) Житіе преп. Павла Обнорскаго, по рукоп. М. Д. А. № 659 (Волок. б-ки), л. 189 об.

еще ему и поклоненіе предъ нимъ творите до земля и страхомъ на него взирати и з боязнію великою, яко самого Христа,—тый Богомъ поставленъ; ничто ж напрасно не глаголи къ нему, аще не въспроситъ; глаголи же стоя молитву тай себе: Г. І. Х Б. напъ помилуй мя грѣшнаго, донеле игуменъ проидетъ" (л. 559 об.—560). Нравственный авторитетъ игумена приведенными строками очерчивается очень рельефно. А какъ велика внѣшняя власть игумена—въ дѣлахъ, напр., хозяйственныхъ, можно судить потому, что безъ повелѣнія игумена монаху не разрѣшается распоряжаться ничѣмъ изъ принадлежащаго ему: „и блюдися, брате мой любимый, ничтоже дай роду своему мирьскомоу, никаковыя же потребы, бесъ повеленія игумена своего" (л. 562).

Одновременно съ этимъ „наказаніе" содержитъ въ себѣ и рядъ наставленій, касающихся монашеской жизни; говоритъ о томъ, какъ „основати чернечество". Главнымъ образомъ оно останавливается на изложеніи правилъ внѣшняго поведенія и говоритъ даже о такихъ маловажныхъ случаяхъ, какъ вести себя при входѣ и выходѣ изъ своей кельи, чтобы не нарушить покоя сосѣдняго брата, какъ убирать свою келью, какъ встрѣчаться съ братіей и т. п. (л. 558—559 об.). Но кромѣ этихъ правилъ внѣшняго поведенія „наказаніе" даетъ рядъ совѣтовъ и относительно внутренней стороны монашеской жизни: о чемъ долженъ монахъ думать и говорить, какъ ему бороться съ нецѣломудренными помыслами, какъ заниматься рукодѣльемъ, читать книги и т. п. (л. 559 и об., 560—561, 563—4 и др.).

„Преданіе старческо къ новоначальнымъ инокомъ, како подобаетъ жити у старца въ послушаніи" и „заповѣдь мнишескаго житія юнымъ черньцемъ", помѣщенныя въ рукоп. псалтири Рум. музея № 52, л. 364 об.—371, останавливаются преимущественно на келейной жизни монаха и на поведеніи его въ церкви за богослуженіемъ, а также разъясняютъ, какимъ авторитетомъ долженъ пользоваться въ глазахъ монаха его руководитель—старецъ. Касаясь келейной жизни, правила, прежде всего, побуждаютъ заботиться, чтобы келейная жизнь проходила въ постоянной молитвѣ, чтеніи и рукодѣліи, и главное, чтобы вся жизнь монаха находилась въ полномъ согласіи съ руководствомъ старца,—чтобы „перечнемъ ступени не ступити ни на кое дѣло не по благословенію" (л. 365 об.). „А правило бы твое не залегло ни церковное, ни келейное или рукодѣліе; а правило келейное держати тебѣ по силѣ, елико можешь, занеже, брате, кѣлія устава не имать, то дѣется отъ произволенія, како кто Бога възлюбитъ" (л. 365 об.),—таково общее требованіе. Затѣмъ требуется строго различать келейное правило и келейную молитву отъ молитвы церковной, чтобы того, что нужно исполнить въ келіи, не дѣлать въ церкви, и наоборотъ (л. 366 об.). Располагая инока къ бодрствованію, неустанному наблюденію за собою, „преданіе" предупреждаетъ: „а по всенощномъ кромѣ немощи никако ж бы ложитися; а всему тому, брате, наукъ, иное отъ того приходитъ,—но тружатися въ молитвахъ и во чтеніи книжнемъ. Аще ли грамоте не умѣешь, и ты имися рукодѣлію: истинному иноку нѣсть на

класть поклоны: „рукама припасти къ земли и глава приклоняти до земли же, а ею бы не стукати“ (л. 111), какъ подходить къ принятію св. таинъ (л. 114), какъ цѣловать евангеліе и иконы: „цѣлуютъ образы Спасовъ въ ношку, а Богородицу и святитель и преподобныхъ въ ручки, а мучениковъ въ сердце“ (л. 117 об.) и т. п. Правиламъ о поклонахъ посвящено цѣлыхъ три главы (л. 108 об.—112 об.). Особую главу отводитъ составитель преданія наставленію, какъ посѣщать келью брата; но говоритъ здѣсь лишь о томъ, какъ входить и выходить, въ какомъ порядкѣ совершать молитвы (л. 122—125). Въ этомъ отношеніи гораздо цѣннѣе указанія въ „наказаніи“, гдѣ кромѣ описанія церемоніала входа и выхода даются наставленія и о чемъ говорить[1]). Объ отношеніи монаха къ игумену преданіе ограничивается однимъ лишь наставленіемъ, по характеру своему совершенно сходнымъ съ наставленіемъ въ „наказаніи“: „а игумена коли не оувидишъ, и поклоняйся ему до земля“[2]).

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ письменныхъ монастырскихъ правилъ больше всего походитъ на монастырскій уставъ послѣдній типъ—наказанія и преданія. Они настолько полно обнимаютъ собою монашескую жизнь, что могутъ быть прямо названы уставами. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей въ этихъ памятникахъ такое названіе ихъ будетъ не совсѣмъ правильно и точно.

Прежде всего, наказанія и преданія не имѣютъ двухъ отличительныхъ чертъ, свойственныхъ уставамъ. Уставъ составленъ какимъ-нибудь подвижникомъ, или по крайней мѣрѣ ктиторомъ монастыря. Онъ авторитетенъ не только своимъ содержаніемъ, но и именемъ составителя. Наказанія и преданія—безыменные памятники; они не имѣютъ за собою личнаго авторитета.—Затѣмъ, уставъ—обязателенъ; это не только „полезное“ руководство, но, по заявленію самого составителя, и руководство обязательное для всей братіи. Составители уставовъ обычно требуютъ, чтобы каждый инокъ былъ знакомъ съ уставомъ, не могъ бы оправдывать себя незнаніемъ требованій устава; въ этихъ видахъ они завѣщаютъ своимъ преемникамъ прочитывать братіи уставъ. По правиламъ преп. Венедикта, каждому вновь поступившему монаху уставъ долженъ быть „весь, подрядъ“ прочитанъ три раза: черезъ два мѣсяца по поступленіи въ монастырь, вторично черезъ шесть мѣсяцевъ и въ третій разъ черезъ четыре[3]). Читать уставъ монаху, намѣревающемуся поступить въ обитель, совѣтуетъ и св. Макарій Александрійскій[4]). Св. Аѳанасій Аѳонскій въ заключеніе устава говоритъ: „желаемъ, чтобы оно (завѣщаніе—уставъ) всегда читалось

---

[1]) „О постѣ, о молитвѣ, о грѣсехъ, о поклонехъ и о ратехъ бесовъскихъ и о бранехъ и о печали и о тръпѣніи“, рук. № 626, л. 559 и об.

[2]) л. 106 об., ср. на л. 108 об., при входѣ въ церковь: „та ж поклонися игумену въ землю, аще нѣсть, ино—мѣсту его“.

[3]) Е. Ѳеофанъ, Древніе иноческіе уставы, М. 1892 г., стр. 640.

[4]) ib., стр. 207.

игумена въ монастырѣ въ житіи почти не говорится[1]). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что въ обители преп. Павла старцы дѣйствительно пользовались большимъ вліяніемъ, не меньшимъ, а быть можетъ и большимъ, чѣмъ игуменъ. Если же допустить, что разсматриваемое нами преданіе сохранило въ своемъ содержаніи черты этого древняго порядка обнорской жизни, то его нужно признать очень цѣннымъ памятникомъ для исторіи древне-русскаго старчества за періодъ до преп. Нила Сорскаго. Сравнивая содержаніе преданія съ сочиненіями преп. Нила, мы видимъ, что для исторіи нашего старчества оно даетъ во всякомъ случаѣ новый матеріалъ, не совсѣмъ сходный съ тѣмъ матеріаломъ, какой мы имѣемъ въ сочиненіяхъ преп. Нила. Такъ какъ текстъ преданія полностію помѣщаемъ мы въ приложеніяхъ къ своей работѣ, то здѣсь ограничимся лишь общею его характеристикою.

Соотвѣтственно своему заглавію, преданіе излагаетъ правила лишь для монаха-послушника. Объ обязанностяхъ его руководителя-старца оно почти ничего не говоритъ,—если не считать начальныхъ строкъ, въ которыхъ содержится предупрежденіе старцу со стороны игумена о томъ, какая отвѣтственность возлагается на него (л. 101). По содержанію своему преданіе представляетъ собою полное руководство для монаха-послушника, подробно регламентирующее каждый шагъ его жизни. Но оно останавливается почти исключительно на внѣшнемъ поведеніи монаха и такъ же, какъ и два предыдущихъ памятника, мало касается внутренней стороны монашеской жизни. Общій принципъ, которымъ долженъ руководиться монахъ со дня своего постриженія, это—предать свой умъ всецѣло Богу, а волю старцу: „всего себе предати Богу и ничто ж имѣти во умѣ своемъ кромѣ же Бога единаго, волю же свою возложити на старца своего и послужити ему послушаніемъ, яко самому Христу"; все дѣлать не по мірскому мятежному обычаю, а по-иночески (л. 104 об.). Съ подробностію, очень часто доходящею до мелочности, преданіе опредѣляетъ правила поведенія монаха въ кельѣ, въ церкви и за трапезой. Оно останавливается даже на такихъ случаяхъ, какъ „дровъ въ кѣлію принести и въ печь положити и лучины оущепати и огня въ камени поискати и подъ дрова подложити, и, какъ перегорятъ, кочергою разворошити и дверь отворити и кѣлья скутати или замести и воды принести и въ рукомойникъ положити (sic!) и лохань вынести" (л. 104); разъясняетъ, сколько и когда можно спать послѣ обѣда (л. 116 и об.), какъ спать ночью, даже какъ „превратитися на иную страну"; даетъ цѣлый рядъ практическихъ указаній, какъ уберечься отъ ночныхъ искушеній и что дѣлать, „егда случится искуситися во снѣ" (л. 117 об.—120). Говоря о поведеніи монаха въ церкви, за богослуженіемъ, преданіе подробно разъясняетъ, когда и какъ

[1]) Объ игуменѣ въ житіи читаемъ лишь слѣдующую замѣтку: „ученика же своего, инока Алексія, священнодѣйствовати устрои" (л. 191 об.). О подчиненіи иноковъ игумену ничего не говоритъ преподобный и въ своей предсмертной бесѣдѣ.

класть поклоны: „рукама припасти къ земли и глава приклоняти до земли же, а ею бы не стукати“ (л. 111), какъ подходить къ принятію св. таинъ (л. 114), какъ цѣловать евангеліе и иконы: „цѣлуютъ образы Спасовъ въ ношку, а Богородицу и святитель и преподобныхъ въ ручки, а мучениковъ въ сердце“ (л. 117 об.) и т. п. Правиламъ о поклонахъ посвящено цѣлыхъ три главы (л. 108 об.—112 об.). Особую главу отводитъ составитель преданія наставленію, какъ посѣщать келью брата; но говоритъ здѣсь лишь о томъ, какъ входить и выходить, въ какомъ порядкѣ совершать молитвы (л. 122—125). Въ этомъ отношеніи гораздо цѣннѣе указанія въ „наказаніи“, гдѣ кромѣ описанія церемоніала входа и выхода даются наставленія и о чемъ говорить [1]). Объ отношеніи монаха къ игумену преданіе ограничивается однимъ лишь наставленіемъ, по характеру своему совершенно сходнымъ съ наставленіемъ въ „наказаніи“: „а игумена коли не оувидишъ, и поклоняйся ему до земля“ [2]).

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ письменныхъ монастырскихъ правилъ больше всего походитъ на монастырскій уставъ послѣдній типъ—наказанія и преданія. Они настолько полно обнимаютъ собою монашескую жизнь, что могутъ быть прямо названы уставами. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей въ этихъ памятникахъ такое названіе ихъ будетъ не совсѣмъ правильно и точно.

Прежде всего, наказанія и преданія не имѣютъ двухъ отличительныхъ чертъ, свойственныхъ уставамъ. Уставъ составленъ какимъ-нибудь подвижникомъ, или по крайней мѣрѣ ктиторомъ монастыря. Онъ авторитетенъ не только своимъ содержаніемъ, но и именемъ составителя. Наказанія и преданія—безыменные памятники; они не имѣютъ за собою личнаго авторитета.—Затѣмъ, уставъ—обязателенъ; это не только „полезное“ руководство, но, по заявленію самого составителя, и руководство обязательное для всей братіи. Составители уставовъ обычно требуютъ, чтобы каждый инокъ былъ знакомъ съ уставомъ, не могъ бы оправдывать себя незнаніемъ требованій устава; въ этихъ видахъ они завѣщаютъ своимъ преемникамъ прочитывать братіи уставъ. По правиламъ преп. Венедикта, каждому вновь поступившему монаху уставъ долженъ быть „весь, подрядъ“ прочитанъ три раза: черезъ два мѣсяца по поступленіи въ монастырь, вторично черезъ шесть мѣсяцевъ и въ третій разъ черезъ четыре [3]). Читать уставъ монаху, намѣревающемуся поступить въ обитель, совѣтуетъ и св. Макарій Александрійскій [4]). Св. Аѳанасій Аѳонскій въ заключеніе устава говоритъ: „желаемъ, чтобы оно (завѣщаніе—уставъ) всегда читалось

---

[1]) „О постѣ, о молитвѣ, о грѣсехъ, о поклонехъ и о ратехъ бесовъскихъ и о бранехъ и о печали и о тръпѣніи“, рук. № 626, л. 559 и об.

[2]) л. 106 об., ср. на л. 108 об., при входѣ въ церковь: „та ж поклонися игумену въ землю, аще нѣсть, ино—мѣсту его“.

[3]) Е. Ѳеофанъ, Древніе иноческіе уставы, М. 1892 г., стр. 640.

[4]) ib., стр. 207.

въ собраніи,—чтобы никто изъ братій не отговаривался невѣдѣніемъ"[1]). Св. Савва Сербскій заканчиваетъ свой уставъ особою (43) главою: „о чтеніи сего типика, его же на вьсякь мѣсець скончавати подобаеть, на памѣть же ктиторовоу вьсь прочитати". „Сеи типикь,—говоритъ святитель,—заповѣдаю вамь чьсти на кiиждо мѣсець оть начела вь врѣмѣ ядении ваших"[2]). Чтеніе устава признаетъ необходимымъ и преп. Іосифъ Волоцкій. Въ главахъ объ отрочатахъ голоусыхъ онъ совѣтуетъ прочитывать уставъ не только „новоначальнымъ" монахамъ, но и всей братіи: „аще ли же подобаетъ прочитати въ съборѣ предъ всѣми братіами сіе, да прочитаетъ (настоятель)[3]).

Конечно, все это не гарантировало еще отъ нарушенія монахами устава, но зато придавало правиламъ устава характеръ оффиціально-обязательныхъ требованій. „Полезныя" наказанія и преданія не имѣли для себя даже и такой слабой гарантіи; ихъ обязательность всецѣло зависѣла отъ личной воли и расположенія монаха-читателя.—Наконецъ, восточные монастырскіе уставы, при всемъ ихъ обиліи, стояли въ тѣсной связи съ тремя главными уставами: іерусалимскимъ, студійскимъ и аѳонскимъ, тоже сходными другъ съ другомъ. По отзыву г. Соколова, византійскіе уставы представляли собою лишь незначительныя передѣлки основного устава—студійскаго[4]). Изучая эти уставы, изслѣдователь въ сущности изучаетъ, значитъ, исторію одного устава; остальные уставы даютъ ему лишь новый матеріалъ для этой исторіи. Наоборотъ, разсмотрѣнныя нами „преданія" не стоятъ ни въ какой связи съ кіевскимъ-студійскимъ уставомъ. Составители преданій не только не пользовались, но даже и не знали о существованіи этого устава[5]). Такимъ образомъ, изложить исторію древне-русскаго монастырскаго устава въ томъ видѣ, въ какомъ это легко сдѣлать по отношенію къ уставу византійскаго монашества, въ сущности и невозможно: для этого у изслѣдователя нѣтъ матеріала. Есть лишь матеріалъ для изслѣдованія того, чѣмъ иногда, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, замѣнялся у насъ утраченный студійскій (кіевскій) уставъ,—матеріалъ, до сихъ

---

[1]) Извлеченіе изъ устава св. Аѳанасія Аѳонскаго см. въ „Замѣткахъ поклонника св. Горы", Труды Кіев. Д. А. 1862 г., т. II, стр. 264.

[2]) Гласник Српског ученог друштва, кньига III, свеска XX (стараго реда), у Београду, 1866, стр. 213.

[3]) В. Ч. М., сент., в. I, стр. 546, 570.

[4]) И. Соколовъ, о. с., стр. 320—321.

[5]) Насколько русскими монахами былъ позабытъ уставъ преп. Ѳеодосія Кіево-Печерскаго, можно судить уже по тому, что о немъ ничего не зналъ и такой знатокъ древне-русской монастырской письменности, какъ преп. Іосифъ Волоцкій. Но нашимъ монахамъ не были извѣстны и другіе списки студійскаго устава, а также уставы Аѳанасія Аѳонскаго и Саввы Сербскаго. Правда, на правила Ѳеодора Студита и Аѳанасія Аѳонскаго не одинъ разъ ссылается преп. Іосифъ (стр. 516, 527, 582; 582—3, 584), но онъ дѣлаетъ ссылки, основываясь не на уставахъ этихъ преподобныхъ, а на ихъ житіяхъ (584, 588—9).

поръ мало изученный, ожидающій еще спеціальнаго изслѣдователя. Такой выводъ напередъ уже опредѣляетъ и планъ, котораго мы будемъ держаться при изслѣдованіи устава преп. Евфросина.

Сравнивая уставъ преп. Евфросина съ тремя главными восточными уставами: студійскимъ, аѳонскимъ св. Аѳанасія и Саввы Сербскаго, мы видимъ, что ни по формѣ, ни по своему объему и содержанію уставъ Евфросина не имѣетъ сходства съ этими уставами. Тогда какъ послѣдніе по своей формѣ являются одновременно и монашескими, и богослужебными уставами, уставъ Евфросина—исключительно монашескій; литургическаго отдѣла въ немъ нѣтъ. По своему объему уставъ Евфросина меньше каждаго изъ этихъ трехъ уставовъ. Составитель, повидимому, не имѣлъ въ виду точно регламентировать всѣ стороны монастырской жизни, а хотѣлъ лишь дать общее руководство для монастырскаго общежитія и подробнѣе останавливался на нѣкоторыхъ вопросахъ. Отсюда, внѣшнимъ недостаткомъ устава, какъ увидимъ ниже, является неравномѣрность въ изложеніи отдѣльныхъ правилъ.

Въ содержаніи устава можно, правда, находить нѣкоторое сходство съ содержаніемъ указанныхъ восточныхъ уставовъ, особенно съ уставомъ св. Аѳанасія. Но это сходство ограничивается лишь одинаковыми мыслями, а не выраженіями, говоритъ объ одинаковыхъ взглядахъ преподобнаго со взглядами св. Аѳанасія, Ѳеодора Студита, Саввы, а не о зависимости, не о томъ, чтобы преподобный пользовался уставами этихъ подвижниковъ. Объ этихъ уставахъ Евфросинъ ни разу не упоминаетъ въ своемъ уставѣ, и принимая во вниманіе сказанное раньше о незнакомствѣ русскихъ монаховъ съ студійскимъ, аѳонскимъ и хиландарскимъ уставами, можемъ сдѣлать очень вѣроятный выводъ, что они не были извѣстны и преподобному.

Но уставъ Евфросина не имѣетъ сходства и съ поученіями объ иноческой жизни—съ наказаніями и преданіями, которыя могли замѣнять собою уставъ. Можно усматривать нѣкоторое сходство между правилами устава о власти игумена и наставленіями о томъ же въ „наказаніи"; но и это сходство общее, принципіальное, оно ни въ какомъ случаѣ не говоритъ о зависимости или даже о какомъ-либо вліяніи на преподобнаго этой аскетической русской письменности. Что же касается преданій старческихъ, то ихъ нельзя сопоставлять съ уставомъ Евфросина уже и потому, что въ своемъ уставѣ преподобный и совсѣмъ не говоритъ объ институтѣ монастырскихъ старцевъ. Такимъ образомъ, основной матеріалъ по исторіи древне-русскаго монастырскаго устава не имѣетъ особаго значенія для выясненія литературной исторіи устава преп. Евфросина. Для послѣдняго нужно искать другихъ источниковъ, и сдѣлать это отчасти помогаетъ намъ самъ составитель своими разъясненіями о побужденіяхъ, въ силу которыхъ онъ рѣшилъ написать для своей обители уставъ, а главнымъ образомъ—ссылками на источники.

По словамъ преподобнаго, къ составленію устава его расположилъ примѣръ восточныхъ подвижниковъ, которые обычно давали своимъ мо-

IV.

СМѢСЬ.

1.—Объ исправленіи въ Москвѣ дома доктора Венделина Сибилиста—между Тверской и Никитской улицъ, на Успенскомъ вражкѣ. 1643 г.[1]).

151 года апрѣля въ 20 день, по приказу боярина князя Бориса Михайловича Лыкова да дьяковъ Микифора Шипулина да Григорья Протопопова изъ Сибирскаго приказу посланъ подьячій Петръ Стеншинъ досматривать на государевъ дворъ, что прежъ сего былъ доктора Венделинуса Сибилиста, а на государя тотъ дворъ взятъ за его государеву мягкую рухлядь, которая ему дана за тотъ дворъ на 2320 рубл., и съ тѣмъ, что прежъ того въ тотъ же ему дворъ дано на строенье. И подьячій Петръ Стеншинъ на томъ государевѣ дворѣ палатъ и на палатахъ кровли досматривалъ. А по досмотру на томъ государевѣ дворѣ въ палатахъ, идучи всходною лѣстницею, въ середнемъ житьѣ налѣвѣ въ палатѣ, да въ верхнемъ житьѣ, идучи направо, въ палатѣ жъ печи сверху въ трубы водою размыло; и въ той въ верхней палатѣ у цѣнинной печи изъ трубы кирпичъ и глина сверху отъ водомою обвалилась. И иныя печи въ трубы тожъ водою размыло. Да на тѣхъ же палатахъ по досмотру сверху той палаты, у которой цѣнинной печи трубу водою размыло, палатная черепичная кровля опала, и съ половины палаты той кровли проломилася, и что были спуски черепицы жъ на край палатной кровли обламились и сверху оползли. А съ другой стороны отъ большой улицы у палаты жъ съ одной кровля тожъ погнулась гораздо и знатно, что проломилась же, и кровля черепица жъ, спускъ и поясъ подъ кровлею, что былъ обведенъ каменной, вырѣзанъ веревкою, обломился жъ черезъ во всю палату. Да на верху жъ всѣхъ палатъ межъ ими два стока, куды съ тѣхъ палатъ водѣ сходъ, и тѣ стоки обламалися жъ. И во всѣхъ палатахъ скрось стѣнъ теча водѣ есть, и известь отъ стѣнъ опала.—*На лицевой сторонѣ осмотра по склейкамъ написана помѣта рукою дьяка Сибирскаго приказа Никифора Шипулина:* „151 г. апрѣля въ 30 день. Указалъ государь послати память въ Каменный приказъ, велѣлъ тѣхъ худыхъ мѣстъ послать досмотрѣть и смѣтить, сколько запасовъ на подѣлку надобе и во что станетъ та подѣлка; а смѣтя подѣлать, чтобъ больши того не портилась“. Память въ Каменный приказъ къ Прокофью Өедоровичу Соковнину и къ дьяку Василью Ключареву послана 3 мая 151 г.

[1]) См. Сибирскаго приказа столбецъ № 6154, лл. 193—216.

Отвѣтная память Каменнаго приказа: Лѣта 7151 мая въ 12 день. По г. ц. и в. к. Михаила Ѳеодоровича в. Р. указу боярину князю Борису Михаиловичу Лыкову, да дьякамъ Никифору Шипулину, да Григорью Протопопову. Въ приказъ Каменныхъ дѣлъ къ Прокофью Ѳеодоровичу Соковнину да къ дьяку къ Василью Ключареву въ памяти за твоею Григорьевою приписью написано: велѣти бъ на государевѣ дворѣ, что прежъ сего былъ доктора Венделинуса Сибилиста, послати каменныхъ дѣлъ подмастерья, и каменныхъ палатъ и въ нихъ худыхъ мѣстъ досмотрить, и будетъ кровля проломилась и обламилась, и то смѣтить сколько у тѣхъ палатъ той подѣлки будетъ, и на подѣлку, что кирпичу и глины и извести надо будетъ, и что отъ дѣла и во что та подѣлка вся станетъ; а смѣтя тое подѣлку, отписати бъ въ Сибирской приказъ къ тебѣ боярину ко князю Борису Михайловичу да къ вамъ къ дьякамъ. И изъ приказу Каменныхъ дѣлъ посланы на тотъ государевъ дворъ досматривать тѣхъ палатъ каменныхъ дѣлъ подмастерья Антипа Константиновъ съ товарыщи, и что по ихъ смѣтѣ на тѣ палаты на подѣлку надобно кирпичу и извести и дѣловцомъ, и во что то дѣло станетъ, опричь деревянныя кровли, и тому послана смѣтная роспись въ Сибирской приказъ къ тебѣ боярину ко князю Борису Михайловичу да къ вамъ діакамъ.—*Подписалъ* дьякъ Василій Ключаревъ.

151 г. мая въ 8 день. По осмотру и по смѣтѣ каменныхъ дѣлъ подмастерей Антипы Костянтинова съ товарыщи на государевѣ дворѣ у палатъ кровля была крыта черепицею синею, и та черепица отъ дождевыя и отъ снѣжныя воды многая переломалась, и вскрось своды инде идетъ теча; и только покрыть черепицею жъ, и та кровля будетъ впередъ непрочна. И собравъ тое черепицу, покрыть тесомъ, и та кровля плотничье дѣло.— А къ тѣмъ палатамъ, по ихъ смѣтѣ, на подѣлку надобно: 500 кирпичу, а дать за тотъ кирпичь и съ провозомъ 30 алтынъ; 5 бочекъ извести, а дати за бочку извести по 2 гривны, итого рубль. А дѣла будетъ на 4 дни, а у дѣла быть подмастерью, 3 человѣка каменьщиковъ, 4 человѣка ярыжныхъ; на кормъ имъ и на наемъ дать по 8 денегъ на день человѣку, итого рубль 9 ал. 2 деньги. И всего къ тѣмъ палатамъ на подѣлку надобно за кирпичь и за известь и дѣловцамъ на кормъ 3 руб. 6 ал.—Подписалъ дьякъ Василій Ключаревъ.—„Деньги послать въ Каменный приказъ и по государеву указу велѣть подѣлать не измѣшкавъ; а кровлю, сколько тесу надобе и во что съ наймомъ станетъ, велѣть смѣтить". „Подалъ стрѣлецъ Денисова приказу Золотарева Максимко Никоновъ".

И того жъ дни бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, да дьяки Никифоръ Шипулинъ, да Григорій Протопоповъ, выслушавъ той памяти, велѣли Сибирскаго приказу подьячему Петру Стеншину на томъ государевѣ дворѣ, что былъ доктора Венделинуса Сибилиста, съ плотники, взявъ *съ пожару,* смѣтить сколько на тѣ палаты на кровлю лѣсу какого, тесу, и скалъ, и бревенъ, и гвоздья надобно; а смѣтя записавъ принести въ Сибирской приказъ. И подьячій Петръ Стеншинъ, взявъ съ собою съ пожару плотниковъ московскихъ стрѣльцовъ Иванова приказу Племянникова Сергѣйка Петрова съ товарыщи, на тотъ дворъ ходили, и тѣ палаты сверху мѣ-

рили, и чѣмъ тѣ палаты мочно покрыть смѣчали. А по ихъ мѣрѣ на дву палатахъ, которыя съ сторонъ съ улицы да съ надворья, вдоль по полу 6 сажени, палата середняя, палата межъ ихъ вдоль и съ заднею съ отводною палаткою 9 саженъ. А по смѣтѣ тѣхъ же плотниковъ на тѣ на всѣ палаты надобно, чѣмъ ихъ покрыть, тесу и скалъ и иного лѣсу и гвоздья: 400 тесницъ 3-хъ саженныхъ, 360 тесницъ 2-хъ саженныхъ съ полъ саженью, 500 скалъ, на верхъ на палаты на князи бревно въ 7 сажень, 2 бревна по 6 сажень, бревно 3-хъ сажень, на потоки бревно 4-хъ сажень, 3 бревна по 3 сажени, на спускныя огнива 2 бревна по 7 сажень, на рѣшетины на быки 200 бревенъ по полутретьи сажени, да на прибои тесу на всѣ палаты 6900 гвоздей однотеснаго, да 6900 гвоздья двоетеснаго, да скаловаго прибойнаго жъ 1000 гвоздей.—На оборотѣ по склейкамъ подписалъ дьякъ Григорій Протопоповъ.

Доложити г. ц. и в. к. Михаила Ѳедоровича всея Россіи. Въ прошломъ во 150 году по государеву указу и по памяти изъ Аптекарскаго приказу отъ боярина отъ Ѳедора Ивановича Шереметева взятъ на государя за его государеву сибирскую мягкую рухлядь дворъ съ каменными палаты доктора, который по государеву указу отпущенъ съ Москвы въ Нѣмцы, Венделина Сибилиста *межъ Тверской и Никитской на Успенскомъ вражкѣ;* а взятъ тотъ его докторовъ дворъ за ту мягкую рухлядь и съ тѣмъ, что прежъ того въ тотъ же ему дворъ изъ государевы казны изъ Сибирскаго приказу давано въ строенья съ недоплатными, за 2320 руб., и тотъ дворъ велѣно беречь Земскаго двора ярыжнымъ. А того двора по сю пору никто не торгуетъ. А подъ памятью изъ Аптекарскаго приказу въ росписи за приписью подьячаго Андрея Отлипаева того двороваго строенья написано: палаты на верху крыты черепицею синею съ известью, два спуска сдѣланы водѣ, одинъ спускъ выcланъ свинцомъ, а другой спускъ каменемъ сѣрымъ. А по памяти изъ Каменнаго приказу и по досмотру и по смѣтѣ каменныхъ дѣлъ подмастерья Антипы Костянтинова съ товарыщи, на томъ государевѣ дворѣ у палатъ кровля была крыта черепицею, отъ дождевыя и отъ снѣжныя воды многая переламалась, и всквозь своды инде идетъ теча; и только покрыть черепицею, и та кровля будетъ впередъ непрочна, а только, собравъ черепицу, покрыть тесомъ, и та кровля плотничье дѣло. А къ тѣмъ палатамъ, по ихъ сказкѣ, на каменную подѣлку каменнаго дѣла надобно: 500 кирпичу, а дать за тотъ кирпичъ и съ провозомъ 30 ал.; 5 бочекъ извести, дать за бочку по 2 гривны, итого рубль; и дѣла будетъ на 4 дни, а у дѣла быть подмастерью, 3 человѣка каменьщиковъ, 4 человѣка ярыжныхъ, а на кормъ имъ и на наемъ дати по 8 денегъ на день человѣку, итого рубль 9 ал. 2 деньги. И всего по памяти и по росписи изъ Каменнаго приказу къ тѣмъ палатамъ на подѣлку ихъ надобно за кирпичь и за известь и дѣловцамъ на кормъ 3 руб. 6 ал.—Да на тотъ же государевъ дворъ посланы изъ Сибирскаго приказу плотники московскіе стрѣльцы Иванова приказу Племянникова Сергѣйка Петровъ съ товарыщи, а велѣно имъ на томъ дворѣ на тѣ палаты смѣтить, сколько на кровлю лѣсу какого, тесу и скалъ и бревенъ и гвоздья

надобно, а смѣтя и тому учинити записка. И тѣхъ плотниковъ Сергѣйка Петрова съ товарыщи, по ихъ смѣтѣ и по мѣрѣ, на 2-хъ палатахъ, которыя съ стороны улицы да съ надворья, вдоль по полу 6 сажени, палата середняя, палата межъ ихъ вдоль и съ заднею съ отводною палаткою 9 сажень; а крыты тѣ палаты на сводахъ досками да на доски набито глиною, да сверхъ глины черепицею съ известью, и тѣ доски подъ черепицею сгнили и кровля на двусторонних палатахъ опала жъ, провалилась на кирпичный сводъ палатной. А по смѣтѣ тѣхъ же плотниковъ на тѣ на всѣ палаты надобно, чѣмъ ихъ покрыть, тесу и скалъ и иного лѣсу и гвоздья: 760 тесницъ трехъ саженныхъ, а купятъ его на Москвѣ рѣкѣ по 4 руб. сто, а иной доброй тесъ и широкой и дороже, и за 760 тесницъ дать будетъ 30 руб. 13 ал. 2 денги; 500 скалъ середней, купятъ по 40 ал. сто, итого 6 руб.; да на тѣ жъ палаты надобно лѣсу 3 бревна по 7 сажень, 2 бревна по 6 сажень, да бревно 4-хъ сажень, да 4 бревна по 3 сажени на потоки и на князи и на спуски къ тесу на прибои, за 7 саженные по 13 ал. по 2 деньги, а за 6 саженные по 10 алтынъ, а за 4 саженные 2 гривны, а за 3 саженные по 5 ал., итого 2 руб. 20 ал.; на рѣшетины на всѣ палаты 200 бревенъ по полу 3 сажени 5 руб., по 2 руб. съ полтиною за сто; на прибои къ тесницамъ на всѣ палаты 6900 гвоздей двоетеснаго, да 6900 же гвоздей однотеснаго, по цѣнѣ на 12 руб. на 14 ал., за двоетесное гвоздье по рублю по 3 ал. по 2 деньги, а за однотесные по 23 ал. по 2 деньги за тысячу гвоздей, да скаловаго 1000 гвоздей 10 ал., по алтыну за сто гвоздей. И всего на ту палатную кровлю, что изъ Каменнаго приказу за каменное дѣло и изъ Сибирскаго приказу по смѣтѣ плотниковъ на лѣсовую покупку и за гвозди по цѣнѣ денегъ дать 59 руб. 29 ал. 4 деньги. А плотники московскіе стрѣльцы Сергѣйко Петровъ съ товарыщи отъ тѣхъ палатъ отъ кровли за дѣло въ первомъ уговорѣ прошали 60 руб., а въ другой уговоръ 50 руб.

На лицевой сторонѣ по склейкамъ написана помѣта: „151 г. іюня въ 10 день. Государевымъ царевымъ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Россіи словомъ приказалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской, а велѣлъ на дохтуровомъ дворѣ палату подѣлать и покрыть, чтобъ впередъ течи и той палатѣ порухи не было; и тотъ дворъ отдавать нѣмцамъ стоять изъ найму, покамѣстъ хто тотъ дохтуровъ дворъ купитъ“.

Іюня въ 10 день въ Сибирскомъ же приказѣ *иныхъ ортелей* съ пожару плотники разныхъ приказовъ московскіе стрѣльцы и гулящіе люди были *трехъ ортелей*, а просили тѣхъ палатъ отъ дѣла покрыть тожъ по 60 руб., а о послѣднее слово по 50 руб., а меньши де того не возьмутъ. И первые уговорщики плотники Иванова приказу Племянникова стрѣльцы Сергушка Петровъ съ товарыщи, которые на тѣ палаты, чѣмъ мочно покрыть, смѣту писали, просили о послѣднее слово отъ того палатнаго дѣла найму 40 рублевъ, а меньши де имъ того найму отнюдь отъ того палатнаго дѣла никоими мѣрами взять неумѣть; и въ томъ де они по себѣ палатной кровли въ дѣлѣ, что покрыть, и поручную запись дадутъ.—

На лицевой сторонѣ выписки по склейкамъ помѣта: „151 г. іюня въ 13 день. Приказалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской на тотъ дохтуровъ дворъ лѣсъ купить и возить, и палаты подѣлать, и покрыть, будетъ меньши сорока рублевъ не возьмутъ, и плотникомъ дати отъ дѣла и 40 рублевъ, чтобъ затѣмъ дѣло не стало, и по плотникахъ въ дѣлѣ взяти поручная запись.

Іюня въ 13 день. По приказу боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Сибирскаго приказу дьяки Никифоръ Шипулинъ да Григорій Протопоповъ уговорились съ плотники на государевѣ дворѣ, что прежъ того былъ доктора Венделина Сибилиста, палаты покрыть въ два теса, да промежъ теса скалы съ подзоры и закамары на палатахъ, съ московскими стрѣльцы Иванова приказу Племянникова Павловой сотни Быкова съ Ѳѳимкомъ Евсѣевымъ съ товарыщи, а дѣлать имъ *ортелью осмью человѣки;* а по уговору имъ отъ того палатнаго дѣла ото всей кровли уговоренось дать 35 рублевъ, и поручная запись по нихъ въ томъ дѣлѣ взята, и по помѣтѣ на той записи денегъ имъ по уговору половина 17 рублевъ съ полтиною напередъ дано, и на записи тѣ деньги подписаны. А въ записи пишетъ: іюля въ 6 день, такова поручная запись стрѣльцамъ выдана потому, что на томъ дворѣ то дѣло, на которое уговорились, сдѣлали.

Лѣта 7151-го іюня въ 15 день. По г. ц. и в. к. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память Прокофью Ѳедоровичу Соковнину да дьяку Василью Ключареву. Въ Сибирской приказъ къ боярину ко князю Борису Михайловичу Лыкову[1]) да къ дьякамъ къ Никифору Шипулину да къ Григорью Протопопову въ памяти за твоею Васильевою приписью написано: Сибирскаго жъ приказу по памяти изъ приказу Каменныхъ дѣлъ посыланы на государевъ дворъ, что былъ прежъ того доктора Венделинуса Сибилиста, досматривать палатъ каменныхъ дѣлъ подмастерья Антипа Костянтиновъ съ товарыщи; а по ихъ досмотру и по смѣтѣ на государевѣ дворѣ у палатъ кровля была крыта черепицею синею, и та черепица отъ дождевыя и отъ снѣжныя воды многая переломалась, и вскрось своды инде идетъ теча, и только покрыть черепицею жъ, и та кровля впередъ будетъ не прочна; а только собравъ тое черепицу, покрыть тесомъ, и та кровля плотничье дѣло. А къ тѣмъ палатамъ по ихъ смѣтѣ на подѣлку надобно: 500 кирпичу, а дать за тотъ кирпичъ и съ провозомъ 30 ал.; 5 бочекъ извести, а дать за бочку извести по 6 алтынъ по 4 деньги, итого рубль; а дѣла будетъ на 4 дни, а у дѣла быть подмастерью, да 3 человѣка каменьщиковъ, 4 человѣка ярыжныхъ, а на кормъ имъ и на наемъ дати по 8 денегъ на день человѣку, итого рубль 9 ал. 2 деньги. И всего къ тѣмъ палатамъ на подѣлку надобно за кирпичъ и за известь и дѣловцамъ на кормъ 3 руб. 6 ал. И тѣ деньги посланы къ вамъ въ приказъ Каменныхъ дѣлъ съ подьячимъ съ Петромъ Нехорошевымъ. И по государеву указу Прокофью Ѳедоровичу Соковнину да дьяку Василью Ключареву у подьячаго тѣ деньги взявъ велѣть на государевѣ дворѣ камен-

[1]) Такъ въ подлинникѣ написано.

ныя палаты, что прежъ сего были доктора Венделинуса Сибилиста, съ палатъ черепицы съ кровли собрать и въ одно мѣсто складсть, и на верхъ палаты старой черепичной кровли очистить, и быки каменные, на чемъ лежнемъ для тесовой кровли быть, подвесть и худыя всякія мѣста у тѣхъ палатъ вверху и внизу, и въ палатахъ печи и верхнія закомарки, которыя попортились и покрыть нельзя, починить не замѣшкавъ тому жъ подмастерью Антипѣ Костянтинову съ товарыщи или кому доведется. А какъ тѣ всякія худыя мѣста на тѣхъ палатахъ подѣлаютъ и укрѣпятъ, о томъ отписать въ Сибирской приказъ къ боярину ко князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому да къ дьякамъ къ Никифору Шипулину да къ Григорью Протопопову.—На оборотѣ написано: по сей памяти за пять бочекъ извести да за кормъ два руб. 9 ал. 2 деньги взялъ подьячій Богданъ Марковъ.

И по сей докладной выпискѣ на палатное кровельное дѣло противъ смѣты куплено: 600 тесницъ 3 саженныхъ, а дано за нихъ 23 руб. 8 ал. 2 деньги, въ томъ числѣ 300 тесницъ судоваго тесу добраго дано по 4 руб. за сто, а 300 тесницъ возоваго дано по 3 руб. по 25 ал. за сто тесницъ, и того тесу съ то кровельное дѣло стало. Да куплено на ту жъ кровлю 400 скалъ большихъ широкихъ доброй скалы полуторныя, а дано по 40 ал. за сто, итого 4 руб. 26 ал. 4 деньги. Да на то жъ палатное дѣло куплено лѣсу бревеннаго 3 бревна на князи по 7 сажень, да 3 бревна на потоки по 6 сажень, да 6 бревенъ на связи 4-хъ саженныхъ, да 20 бревенъ на быки 3-хъ саженныхъ, 100 бревенъ рѣшетины полутретьи сажени; а за тѣ за всѣ бревна дано 6 руб. съ полтиною. Да въ желѣзномъ ряду, что на Варварскомъ крестцѣ, у торговаго человѣка Ивана Иванова взято въ цѣну 5200 гвоздей кружальныхъ, да 5000 гвоздей тесовыхъ, да 2500 гвоздей скаловыхъ; а за тѣ за всѣ гвоздья дано 9 руб. 32 ал. 2 деньги, за кружалые по рублю съ гривною, а за тесовые по 23 ал. по 2 деньги, а за скаловые по 10 ал. за сто. И всего лѣсу на то кровельное дѣло, тесу, и бревенъ, и скалъ, и гвоздья куплено на 44 руб. на 17 ал. на 2 деньги. Да отъ того жъ палатнаго дѣла отъ всей кровли отъ дѣла по уговору плотникамъ московскимъ стрѣльцамъ Иванова приказу Племянникова Павловой сотни Быкова Ефимку Евсевьеву съ товарыщи дано 35 руб.; да Земскаго двора ярыжнымъ Ѳедькѣ Кузьмину съ товарыщи съ тѣхъ палатъ для тесовой кровли чистить прежняя кровля черепица и подъ ней глина и кирпичь, а отъ того ото всего имъ по уговору дано 4 руб.; да въ Каменной приказъ тѣхъ же палатъ отъ починки за известь и каменьщикамъ и ярыжнымъ поденнаго корму послано 2 руб. 9 ал. 2 деньги. И всего отъ того кровельнаго дѣла, что дано плотникамъ отъ дѣла, и ярыжнымъ отъ чищенья, что на то жъ палатное дѣло куплено лѣсу, тесу и бревенъ, и скалъ, и гвоздья, вышло въ расходъ 85 руб. 26 ал. 4 деньги.—Записать въ расходъ.—На оборотѣ по склейкамъ подписалъ дьякъ Григорій Протопоповъ.

2.—О Тобольскомъ воеводѣ князѣ Г. С. Куракинѣ, не бывшемъ въ соборной церкви на службахъ по случаю восшествія на престолъ царя Алексѣя Михаиловича. 1645—1647 гг..

(Государю царю и великому[1]) князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи бьетъ челомъ и извѣщаетъ твой царской нищей богомолецъ безмѣстной дьяконъ Кирило Ивановъ на твоихъ государевыхъ тобольскихъ воеводъ на князя Григорья Семеновича Куракина, да на князя Михайла Семеновича Гагарина, да на дьяковъ Ивана Переносова, да на Григорья Лукина. Въ нынѣшномъ, государь, во 154 году сентября въ 19 день въ пятокъ тѣ твои государевы воеводы и дьяки призывали къ съѣзжей избѣ Тобольскаго города всякихъ людей и передъ съѣзжею избою чли твою государеву грамоту во весь миръ, что судомъ Божіимъ отца твоего государева г. ц. и в. к. Михаила Федоровича в. Р. не стало, а далъ Богъ вмѣсто отца твоего на Московское государьство царемъ и великимъ княземъ всея Россіи тебя благочестиваго государя. И всенародное множество, государь, слыша о преставленіи блаженныя памяти свято опочившаго отца твоего государева вельми возстонали и возплакали, а что далъ Богъ его царьскому престолу наслѣдника тебя благочестиваго царемъ быти о томъ вельми возрадовалися. А преосвященный Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій тотчасъ велѣлъ у соборной церкви благовѣстить къ молебномъ, и самъ со всемъ освященнымъ соборомъ и съ приходными священниками, пришедъ въ соборную церковь, большое соборное молебное пѣніе пѣлъ о твоемъ царьскомъ многолѣтномъ здоровьѣ; а твои государевы воеводы и дьяки князь Григорій Куракинъ съ товарыщи во своей гордости твоему царьскому величеству подобной чести не воздали, и о томъ, что тебя благочестиваго государя Богъ намъ далъ вмѣсто отца твоего на престолъ Россійскаго царьства царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, въ соборную церковь къ молебному, какъ архіепископъ служилъ соборомъ, не пришли невѣдомо для какого измѣнного вымыслу, а въ то время были въ соборной и молебенъ[2]) твои государевы прошлыхъ годовъ дьяки Иванъ Трофимовъ да Андрей Галкинъ. А назавтра, государь, того сентября въ 20 день, въ субботу по утру князь Григорій Куракинъ да дьякъ Иванъ Переносовъ невѣдомо для какого неистовства велѣли своему дьяку Григорью Лукину выкопать изъ могилы дочь свою и послать ее къ Москвѣ и тотъ Григорій тое свою дочь того жъ дни и выкопалъ и въ судно на Иртышъ рѣку и вынесъ. Да какъ отъ тебя, государя, присланъ съ Москвы въ Тобольской стольникъ твой государевъ князь Иванъ Григорьевичъ Ромодановской къ тебѣ, государю, приводить ко кресту Тобольскихъ вое-

---

[1]) Слова, написанныя въ скобахъ, въ подлинномъ документѣ сгнили.

[2]) Вѣроятно, пропущено: слушали.

водъ и дьяковъ и всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей и какъ онъ князь Иванъ ко кресту Тобольскихъ всякихъ людей привелъ, и твой государевъ богомолецъ преосвященный Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, твоему царьскому величеству подобную честь воздая, изволилъ сотворити твоему государьскому ангелу праведному Алексѣю человѣку Божію въ соборной церкви празднество пѣти, и Тобольскимъ воеводамъ и дьякомъ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарыщи, о томъ возвѣщати посылалъ своихъ приказныхъ людей ноября въ 15 день въ субботу по утру, чтобы они твоему царьскому величеству подобную честь воздали, твоему царьскому ангелу праведному Алексѣю человѣку Божію въ соборной церкви праздникъ праздновали, и въ субботу вечерни, а назавтреи въ воскресенье всенощное пѣніе и молебное моленіе о твоемъ царьскомъ здравіи и божественную литоргію слушали, и послѣ божественныя службы въ дому у Софіи Премудрости Божія Слова у него хлѣба ѣли; да и старымъ дьякомъ о томъ возвѣщалъ же. И воеводы князь Григорій Куракинъ съ товарыщи твоему царьскому величеству подобной чести не воздали, твоему государьскому ангелу для ради твоего царьского многолѣтнаго здоровья торжественнаго праздника не похотѣли праздновати; князь Григорій, будучи все здоровъ, а тотъ день, котораго дни имъ архіепископъ посылалъ возвѣщати, приложилъ себѣ болѣзнь, ни къ вечерни, ни ко всенощ(но)му, ни къ молебну, ни къ водоосвященію, и къ божественной литоргіи къ соборной церкви онъ князь Григорій и товарыщъ его князь Михайло не пріѣхали. И дьяки Иванъ и Григорій только пріѣзжали къ соборной церкви въ субботу къ вечерни да въ воскресенье къ водоосвященію, а ко всенощному и къ божественной литоргіи не пріѣзжали, твоему царьскому величеству подобной чести не воздали невѣдомо для какого вымыслу. А къ архіепископу на пиръ князь Михайло и дьяки пріѣзжали, и у него пировали тотъ день. А только, государь, твоему царьскому величеству подобную честь воздали твои государевы прежніе дьяки Иванъ Трофимовъ да Андрей Галкинъ: въ соборной церкви у божественныя у всея службы съ начала и до конца были.—А назавтреи, государь, торжества твоего царьского ангела ноября въ 17 день въ понедѣльникъ князь Григорій Куракинъ прилучился быти именинникъ; и онъ князь Григорій тотъ день у церкви объявился всѣмъ людямъ здоровъ, а не болѣнъ, и тѣ свои именины праздновалъ три дни, и пировалъ большимъ пированьемъ съ товарыщи своими и съ друзьями, а было у него то пированье съ трубами и съ литаврами. Да въ твоей государевѣ грамотѣ, которую о твоемъ царьскомъ величествѣ князь Григорій Куракинъ съ товарыщи, во весь миръ чли сентября въ 19 числѣ, написано по его князь Григорьеву челобитью, чтобы ты, государь, его князь Григорья пожаловалъ для его болѣзни, изъ Тобольска велѣлъ отпустить къ Москвѣ до пріѣзду въ Тоболескъ стольника твоего государева князь Ивана Григорьевича Ромодановскаго. И князь Григорій Куракинъ билъ челомъ тебѣ, государю, ложно: въ Тобольскѣ николи онъ болѣнъ не бывалъ, про то, государь, въ Тобольску всякимъ людямъ вѣдомо. И послѣ тое твоей государевы грамоты жилъ

Переносова и дьяконовы и дьяковъ же Ивана Трофимова да Ондрея Галкина и Федьки скорняка роспросные рѣчи записать, и до указу отдати его дьякона за пристава, а Федьку скорняка на поруку, а изъ прежняго его дѣла велѣли выписать. И того жъ числа дьяконъ отданъ держать тобольскому пѣшихъ казаковъ атаману Ивашку Ковырзину, а Федька скорнякъ данъ на поруку и поручная по немъ запись взята такова: Се азъ Власъ Заливинъ тобольской сынъ боярской, да язъ Ондрей Добышъ литвинъ, да язъ Лука Зеновьевъ самопальной мастеръ, да язъ Павелъ Федоровъ сынъ скорняковъ, всѣ порутчики поручились есьми въ Тобольску приставу Москѣ Петрову по тобольскомъ пѣшемъ казакѣ Мурзины станицы Выходцова, по Федькѣ Никитинѣ скорнякѣ въ томъ: ставитись ему въ Тобольску въ съѣзжей избѣ передъ бояриномъ и воеводы передъ Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ да передъ стольникомъ передъ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Гагаринымъ да передъ дьяки передъ Дмитріемъ Карповымъ да Третьякомъ Васильевымъ по вся дни до государева указу, и изъ Тобольска ему Федькѣ никуды не съѣхать и не сбѣжать; а буде онъ Федька за нашею порукою въ Тобольску въ съѣзжей избѣ передъ бояриномъ и воеводы Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ съ товарыщи по вся дни до государева указу ставитись не учнетъ или изъ Тобольска куды съѣдетъ или сбѣжитъ,—и на насъ на порутчикахъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. пеня, а пеню, что государь укажетъ, и наши порутчиковы головы въ его Федькину голову мѣсто; а которой насъ порутчиковъ въ лицахъ, на томъ государева пеня и порука. На то послухъ Данило Балинъ, а поручную писалъ въ Тобольску Федка Кологривовъ, лѣта 7154-го мая въ 25 день.—*На оборотѣ написано:* къ сей поручной Власъ Заливинъ руку приложилъ, Андрей бубенистъ руку приложилъ, къ сей поручной записи вмѣсто порутчиковъ Луки Зиновьева самопальнаго мастера да Павла Федорова, по ихъ велѣнью, Лучка Балинъ руку приложилъ, послухъ Данилко руку приложилъ.

Выписано изъ прежняго дьяконова дѣла. Въ прошломъ во 153 году по челобитью тобольскаго посадскаго человѣка Пятуньки Соколова и по памяти дьякона Кирила Иванова, какову онъ память далъ на себя Пятунькѣ Соколову своею рукою, что ему Кирилу никакого убивственнаго воровства на него Пятуньку не заводить, былъ ему Кирилу роспросъ, а по роспросу пытанъ. А въ распросѣ и съ пытки сказалъ, что далъ де онъ память Пятунькѣ Соколову для того, что въ прошломъ во 152 году до Семена дни говорили ему дьякону Ортюшка Соколовъ, да Гришка Толмачовъ, что они хотятъ его Пятуньку убить, и ему бъ дьякону для того убойства его Пятуньку вызвать въ юрты, а самому бѣжать отъ нихъ прочь. И въ юрты де онъ Пятуньку вызвалъ и ходилъ съ нимъ до Знаменскаго монастыря, а тѣхъ воровъ, которымъ было Пятуньку убить, не видали; а послушалъ онъ тѣхъ воровъ пьянымъ дѣломъ, и въ томъ онъ передъ Пятунькою прощался, и память ему Пятунькѣ на себя далъ. А вдругорядь тотъ дьяконъ Кирило пытанъ для того, что въ прошломъ во 153 году били челомъ на него государю Богоявленскіе прихожане

очной ставкѣ говорилъ противъ извѣту своего. Да дьяконъ же говорилъ: что и не одному де ему Федька про то, что онъ дѣлалъ на Ивана Переносова 150 шубъ, сказывалъ; сказывалъ де онъ Федька про то и дьякомъ Ивану Трофимову да Ондрею Галкину. А Федька сказалъ, что онъ дьякомъ Ивану Трофимову да Ондрею Галкину ничего про то не сказывалъ, затѣялъ де то на него дьяконъ напрасно.—А дьякъ Иванъ Переносовъ про то въ распросѣ сказалъ: Федька де Микитинъ скорнякъ дѣлалъ на него шубы бѣльи и корсочьи, а на людей его шубы заячьи, и отъ дѣла де онъ ему отъ тѣхъ шубъ деньги давалъ, а сколько де ему Федька шубъ бѣльихъ и корсочьихъ, а людямъ его заячьихъ, сдѣлалъ, того де онъ не помнитъ, а собольихъ и иныхъ никакихъ шубъ ему Федька не дѣлывалъ.—А дьяки Иванъ Трофимовъ да Ондрей Галкинъ въ допросѣ про то сказали: что де они про то, что будто Федька скорнякъ дѣлалъ на дьяка на Ивана Переносова 150 шубъ слышали отъ самого отъ дьякона отъ Кирила, а отъ Федьки скорняка про то ничего не слыхали, и его Федьку не знаютъ. И съ очей на очи съ Федькою говорили тѣ жъ рѣчи. А дьяконъ съ ними на очной ставкѣ говорилъ прежніе жъ свои рѣчи, что Федька де имъ про шубы, которыя онъ дѣлалъ на Ивана Переносова сказывалъ, а слышалъ де онъ про то отъ самихъ отъ нихъ отъ Ивана и отъ Ондрея. —А что въ дьяконовѣ въ Кириловѣ челобитной написано, что будучи въ Тобольску воевода князь Григорій Куракинъ торговалъ и имали у него въ государеву казну дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ вино, а за то вино давали ему изъ государевы казны деньги по четыре рубли за ведро, и про то допрашиваны дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ. А въ допросѣ дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ сказали: у воеводы де они у князя Григорья Куракина вино имали и деньги изъ государевы казны ему за то вино давали по государевѣ грамотѣ по сороку алтынъ за ведро, а подлинно де не упомнятъ; а записано де то въ книгѣ нынѣшняго 154-го году. И расходныя книги досматриваны, а въ книгахъ написано: по г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. грамотѣ велѣно воеводѣ князю Михаилу Гагарину да дьякомъ Ивану Переносову да Григорью Лукину воеводѣ князю Григорью Куракину за вино, что онъ пришлетъ на государевъ погребъ, дать деньги изъ государевы казны по той цѣнѣ, почему на Верхотурье на государевѣ поварнѣ ведро вина цѣною ставится; и у князя Григорья Куракина взято въ Тобольску на государевъ погребъ 129 ведръ полуаршинныхъ вина горячаго, а дано ему за то вино по верхотурской кабацкой пріемной цѣнѣ по рублю по пти алтынъ по четыре деньги за ведро.

Да билъ челомъ г. ц. и в. к. Алексѣю Михаиловичу в. Р. словесно дьякъ Иванъ Переносовъ, *что де дьяконъ Кирило воръ* и затеваетъ на него государевы дѣла напрасно потому, что они его за воровство прежъ сего пытали; а что его воровство, за что онъ пытанъ, и то записано въ дѣлѣ имянно, и чтобъ его государь пожаловалъ, изъ того прежняго дѣла къ нынѣшнему его дьяконову ложному извѣту велѣлъ выписать.—И бояринъ и воеводы Иванъ Ивановичъ Салтыковъ съ товарыщи велѣли дьяка Ивана

Переносова и дьяконовы и дьяковъ же Ивана Трофимова да Ондрея Галкина и Федьки скорняка роспросные рѣчи записать, и до указу отдати его дьякона за пристава, а Федьку скорняка на поруку, а изъ прежняго его дѣла велѣли выписать. И того жъ числа дьяконъ отданъ держать тобольскому пѣшихъ казаковъ атаману Ивашку Ковырзину, а Федька скорнякъ данъ на поруку и поручная по немъ запись взята такова: Се азъ Власъ Заливинъ тобольской сынъ боярской, да язъ Ондрей Добышъ литвинъ, да язъ Лука Зеновьевъ самопальной мастеръ, да язъ Павелъ Федоровъ сынъ скорняковъ, всѣ порутчики поручились есьми въ Тобольску приставу Москѣ Петрову по тобольскомъ пѣшемъ казакѣ Мурзины станицы Выходцова, по Федькѣ Никитинѣ скорнякѣ въ томъ: ставитись ему въ Тобольску въ съѣзжей избѣ передъ бояриномъ и воеводы передъ Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ да передъ стольникомъ передъ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Гагаринымъ да передъ дьяки передъ Дмитріемъ Карповымъ да Третьякомъ Васильевымъ по вся дни до государева указу, и изъ Тобольска ему Федькѣ никуды не съѣхать и не сбѣжать; а буде онъ Федька за нашею порукою въ Тобольску въ съѣзжей избѣ передъ бояриномъ и воеводы Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ съ товарыщи по вся дни до государева указу ставитись не учнетъ или изъ Тобольска куды съѣдетъ или сбѣжитъ,—и на насъ на порутчикахъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. пеня, а пеню, что государь укажетъ, и наши порутчиковы головы въ его Федькину голову мѣсто; а которой насъ порутчиковъ въ лицахъ, на томъ государева пеня и порука. На то послухъ Данило Балинъ, а поручную писалъ въ Тобольску Федка Кологривовъ, лѣта 7154-го мая въ 25 день.—*На оборотѣ написано:* къ сей поручной Власъ Заливинъ руку приложилъ, Андрей бубенистъ руку приложилъ, къ сей поручной записи вмѣсто порутчиковъ Луки Зиновьева самопальнаго мастера да Павла Федорова, по ихъ велѣнью, Лучка Балинъ руку приложилъ, послухъ Данилко руку приложилъ.

Выписано изъ прежняго дьяконова дѣла. Въ прошломъ во 153 году по челобитью тобольскаго посадскаго человѣка Пятуньки Соколова и по памяти дьякона Кирила Иванова, какову онъ память далъ на себя Пятунькѣ Соколову своею рукою, что ему Кирилу никакого убивственнаго воровства на него Пятуньку не заводить, былъ ему Кирилу роспросъ, а по роспросу пытанъ. А въ распросѣ и съ пытки сказалъ, что далъ де онъ память Пятунькѣ Соколову для того, что въ прошломъ во 152 году до Семена дни говорили ему дьякону Ортюшка Соколовъ, да Гришка Толмачовъ, что они хотятъ его Пятуньку убить, и ему бъ дьякону для того убойства его Пятуньку вызвать въ юрты, а самому бѣжать отъ нихъ прочь. И въ юрты де онъ Пятуньку вызвалъ и ходилъ съ нимъ до Знаменскаго монастыря, а тѣхъ воровъ, которымъ было Пятуньку убить, не видали; а послушалъ онъ тѣхъ воровъ пьянымъ дѣломъ, и въ томъ онъ передъ Пятунькою прощался, и память ему Пятунькѣ на себя далъ. А вдругорядь тотъ дьяконъ Кирило пытанъ для того, что въ прошломъ во 153 году били челомъ на него государю Богоявленскіе прихожане

Яковъ Шульгинъ съ товарыщи въ церковныхъ краденыхъ деньгахъ въ 80 въ 3-хъ рублехъ; а въ роспросѣ и съ пытки онъ дьяконъ въ тѣхъ краденыхъ церковныхъ деньгахъ на себя не говорилъ.

Да мая жъ въ 29 день билъ челомъ г. ц. и в. к. Алексѣю Михаиловичу в. Р. словесно дьяконъ Кирила, а сказалъ: запирался де дьякъ Иванъ Переносовъ въ шубахъ, что на него Федька Микитинъ скорнякъ 150 шубъ изо всякой мягкой рухляди не дѣлывалъ, а дѣлалъ бѣльихъ и корсочьихъ и заячьихъ шубъ не много, а у него де Ивана и нынѣ лежитъ спрятано у тобольскаго у юртовскаго бухаретина у Сеиткула Аблина 20 шубъ собольихъ и пупчатыхъ, и чтобъ его государь пожаловалъ, того бухаретина Сеиткула про тѣ шубы велѣлъ допросить. И того жъ часу юртовской бухаретинъ ставленъ и распрашиванъ; а въ допросѣ сказалъ, что дьяка де Ивана Переносова у него шубъ никакихъ нѣтъ. И съ дьякономъ онъ Сеиткулъ съ очей на очи говорилъ то жъ.—И бояринъ и воеводы Иванъ Ивановичъ Салтыковъ съ товарыщи велѣли дьякона Кирила изъ за пристава дать на поруку въ статьѣ до государева указу. И дьяконъ поруки по себѣ не собралъ и посаженъ до государева указу въ тюрьму.

Да мая жъ въ 30 день просился изъ тюрьмы дьяконъ Кирило въ съѣзжую избу и билъ челомъ и извѣщалъ г. ц. и в. к. Алексѣю Михаиловичу в. Р., а въ съѣзжей избѣ боярину и воеводѣ Ивану Ивановичу Салтыкову, да стольнику и воеводѣ князю Ивану Семеновичу Гагарину, да дьякомъ Дмитрію Карпову, да Третьяку Васильеву сказывалъ словесно государево дѣло на воеводъ же на князя Григорья Куракина, да на князя Михаила Гагарина, да на дьяковъ на Ивана Переносова, да на Григорья Лукина: будучи де они въ Тобольску, торговали на колмацкихъ торгѣхъ всякими товары съ калмыки, и племянника де своего Иванъ Переносовъ Данила Пыжова съ калмыки торговать посылалъ. А дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ въ распросѣ сказали, что они въ Тобольску для своихъ нужъ для сѣнныя и дровяныя и всякія возки и для подъему, на чемъ имъ съ своими семьями поднятся къ Москвѣ, лошади и для корму животину быки и овцы у колмаковъ на товары мѣняли, и племянника де своего Данила Пыжова онъ Иванъ Переносовъ тѣхъ лошадей и животину на товары вымѣнивать къ колмыкамъ на ихъ колмацкіе торги посылывалъ потому, что было имъ, будучи въ Тобольску на государевѣ службѣ, безъ лошадей для своей возки и для своего подъему къ Москвѣ и безъ животиннаго корму, чѣмъ сытымъ быть, быть было нельзя.

И іюля въ 1 день билъ челомъ г. ц. и в. к. Алексѣю Михаиловичу в. Р. дьяконъ Кирило Ивановъ словесно: въ прежнемъ де его дѣлѣ съ Пятунькою Соколовымъ взята по немъ въ съѣзжую избу къ дѣлу въ статьѣ порушная запись, а нынѣ де по немъ спрашиваютъ въ томъ дѣлѣ, что онъ билъ челомъ государю на прежнихъ воеводъ и дьяковъ на князя Григорья Куракина съ товарыщи другой порушной записи, и чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить, чтобъ ему, сидя въ тюрьмѣ, съ нужи и съ голоду не умереть и быти бъ ему велѣлъ до своего госу-

дарева указу въ Тобольску за прежнею порукою. И въ Судномъ столѣ въ прежнемъ его дьяконовѣ дѣлѣ съ Пятунькою Соколовымъ сыскана по немъ дьяконѣ порушная запись; а въ той записи написано: въ прошломъ во 153 году іюня въ 21 день поручились по немъ дьяконѣ софейскіе дѣти боярскіе Безсонъ Парфеновъ, Иванъ Коряковъ, пѣвчіе дьяки Емельянъ Микитинъ, Никита Ерофѣевъ, да тобольскіе служилые люди литовскаго списку конный казакъ Сенька Полутовъ, стрѣлецъ Гришка Галахтіоновъ, пѣшіе казаки Ивашко Ивановъ, Ивашко Федоровъ, вилеженя, пушкарь Томилко Оконишникъ, посадской человѣкъ Лучка Офонасьевъ, мясникъ Гришка Пиминовъ въ томъ, что ставится ему за ихъ порукою въ съѣзжей избѣ передъ воеводами передъ княземъ Григорьемъ Куракинымъ съ товарыщи по вся дни до государева указу, а никуды не съѣхать и не сбѣжать; а будетъ за ихъ порукою до государева указу ставится по вся дни не учнетъ и куды съѣдетъ или сбѣжитъ, и на нихъ порутчикахъ государева пеня, а пени, что государь укажетъ. И бояринъ и воевода Иванъ Ивановичъ Салтыковъ, да стольникъ и воевода князь Иванъ Семеновичъ Гагаринъ, да дьяки Дмитрій Карповъ, да Третьякъ Васильевъ велѣли дьякона Кирила изъ тюрьмы выпустить и быти ему въ Тобольску до государева указу за прежнею порукою по той же записи, какова въ Судномъ столѣ въ прежнемъ его дьяконовѣ дѣлѣ съ Пятунькою Соколовымъ; и въ Судной столъ подьячему Ильѣ Петрову съ сего дѣла дано письмо, покаместа нынѣшнее дьяконово дѣло, что онъ извѣщалъ на прежнихъ воеводъ и дьяковъ на князя Григорья Куракина съ товарыщи минется, и той порушной записи изъ прежняго дьяконова дѣла до государева указу выдавать не велѣно.

На оборотѣ челобитной и выписокъ по склейкамъ написано: дьякъ Третьякъ Васильевъ.—„155-го ноября въ 10 день. По сему дѣлу г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. докладывалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, и г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р., *слушавъ дѣла, указалъ, а бояре приговорили:* допросить стольника князя Ивана Ромодановского, какъ онъ по государеву указу въ прошломъ во 153 году посыланъ въ Сибирь въ Тоболескъ приводить къ государеву крестному цѣлованью воеводъ и дьяковъ и всякихъ чиновъ русскихъ людей, и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣхъ въ Сибирь въ Тоболескъ пріѣхалъ, и ко государеву крестному цѣлованью воеводъ князя Григорья Куракина съ товарыщи приводилъ, и послѣ того колько денъ спустя Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій государеву ангелу преподобному Алексѣю человѣку Божію празднество учинилъ, и тобольскихъ воеводъ князя Григорья Куракина съ товарыщи къ вечернѣ и ко всенощному и къ обѣднѣ и обѣдать звать посылалъ ли, и князь Григорій Куракинъ съ товарыщи у вечерни и у всенощнаго и у обѣдни былъ ли, и у архіепископа Герасима того дни обѣдалъ ли, и послѣ того назавтрея князь Григорій Куракинъ именины свои правилъ ли, и въ тотъ день для именинъ своихъ въ церкви былъ ли, и для имянинъ своихъ по три дни съ товарыщи своими съ литавры и съ трубами пировалъ ли, а онъ князь у него на

пиру былъ ли, и сколько онъ князь Иванъ недѣль въ Тобольску былъ? Да и князь Григорья Куракина и князь Михаила Гагарина противъ извѣтной челобитной Кирила дьякона про всѣ статьи указалъ государь, а бояре приговорили, роспросити жъ, да по тѣмъ распроснымъ рѣчамъ указалъ государь доложить себя государя".

И того жъ дни по г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. указу бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой да дьякъ Григорій Протопоповъ стольника князь Ивана Ромодановскаго противъ государева указу роспрашивали. И стольникъ князь Иванъ Ромодановской въ распросѣ сказалъ: въ прошломъ во 154 году пріѣхалъ онъ въ Сибирь въ Тоболескъ ноября въ 8 день съ утра [1]) и того жъ дни послалъ государеву грамоту о государевѣ крестномъ цѣлованьѣ въ съѣзжую избу къ воеводамъ ко князю Григорью Куракину съ товарыщи съ подьячимъ съ Степаномъ Корелкинымъ, а самъ пошелъ къ соборной церквѣ. И Герасимъ де архіепископъ Сибирскій и Тобольскій и воеводы князь Григорій Куракинъ съ товарыщи пришли въ соборную церковь тотъ же часъ. И онъ де князь Иванъ по государеву наказу рѣчь воеводамъ и дьякамъ и всякимъ людямъ говорилъ, и воеводъ князя Григорья Куракина съ товарыщи при архіепископѣ Герасимѣ ко кресту привелъ [2]), а архіепископъ де Герасимъ въ то время стоялъ со крестомъ. И послѣ де крестнаго цѣлованья Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій началъ молебенъ и о г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. многолѣтномъ здоровьѣ Бога молилъ со всѣмъ соборомъ; а воеводы де князь Григорій Куракинъ, и князь Михаило Гагаринъ, и дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ у молебна были и молебна слушали. И послѣ де молебна начали пѣть обѣдню, и воеводы и дьяки пошли въ съѣзжую избу. И какъ де праздновалъ Герасимъ архіепископъ государеву ангелу преподобному Алексѣю человѣку Божію, и воеводы де князь Григорій Куракинъ съ товарыщи у вечерни и у всенощного были ль, того онъ не вѣдаетъ; а у архіепископа де Герасима того дни князь Григорій Куракинъ обѣдать не былъ, а князь Михаило Гагаринъ и онъ князь Иванъ и дьякъ Иванъ Переносовъ и Григорій Лукинъ обѣдали. И у князь Григорья де Куракина онъ князь Иванъ на имянинахъ обѣдалъ же; а сколько денъ спустя послѣ архіепископова обѣда у князь Григорья обѣдалъ, того онъ не упомнитъ; а въ обѣдъ де и послѣ обѣда князь Григорьевы люди Куракина пѣли строками, а трубъ и литавръ онъ князь Иванъ не видалъ и не слыхалъ. А жилъ де онъ князь Иванъ въ Тобольску больши мѣсяца.

---

[1]) Князь Иванъ Ромодановской и Корелкинъ отпущены въ Сибирскіе города съ грамотою изъ Сибирскаго приказа отъ 22 іюля 153 года (см. Сибирскаго приказа столбецъ за № 6276, л. 73).

[2]) Въ Сибирскомъ приказѣ 5 января 154 г. получена отписка тобольскаго воеводы князя Григорія Куракина о приводѣ въ ономъ городѣ разныхъ лицъ къ присягѣ (см. Сибирскаго приказа столбецъ № 6276, л. 134).

И ноября жъ въ 11 день бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой да дьякъ Григорій Протопоповъ князь Григорья Куракина противъ извѣтной челобитной дьякона Кирила про всѣ статьи распрашивали. И князь Григорій Куракинъ въ распросѣ сказалъ: въ прошломъ де во 154 году привезъ къ нему ко князю Григорью г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. грамоту тобольской атаманъ Кирило Хворой, не упомнитъ до Покрова святыя Богородицы денъ за десять или за двѣ недѣли; а писано де въ той государевѣ грамотѣ, по его князь Григорьеву челобитью, о его князь Григорьевѣ изъ Сибири отпускѣ. Да въ той же де государевѣ грамотѣ написано, что волею Божіею блаженныя памяти в. г. ц. и в. к. Михаила Федоровича в. Р. не стало, оставя земное царство, отойде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія, а по благословенію отца своего учинился на Владимирскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія ц. и в. к. всея Россіи сынъ его государевъ в. г. ц. и в. к. Алексѣй Михаиловичъ в. Р. И онъ де князь Григорій того же дни съ товарыщи своими со князь Михайломъ Гагаринымъ и съ дьяки съ Иваномъ Переносовымъ и съ Григорьемъ Лукинымъ пошли къ Герасиму архіепископу Сибирскому и Тобольскому, и тое государеву грамоту архіепископу объявили, и съ нимъ съ архіепископомъ о томъ совѣтовали, чтобъ тое государеву грамоту объявити всѣмъ людямъ. И того жъ де часу пошли они отъ архіепископа Герасима въ съѣзжую избу и, собравъ всякихъ чиновъ людей, тое государеву грамоту въ слухъ честь велѣли. А архіепископъ де Герасимъ въ тое пору безъ нихъ о г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. многолѣтномъ здоровьѣ молебенъ пѣлъ, а къ нимъ вѣсти не учинилъ, и они де у молебна для того не были. Да въ той же государевѣ грамотѣ написано, велѣно ему князю Григорью крестъ государю цѣловать, какъ онъ пріѣдетъ къ Москвѣ; и онъ де князь Григорій государю крестъ цѣловалъ въ Тобольску для того, чтобъ въ Сибирскихъ людехъ смуты не было. А дьякъ де Григорій Лукинъ дочь свою изъ могилы выкопалъ ли или нѣтъ, про то онъ не вѣдаетъ. А какъ де послѣ крестнаго цѣлованья архіепископъ Герасимъ празднество учинилъ государеву ангелу преподобному Алексѣю человѣку Божію и съ вѣстью къ нему о томъ присылалъ, и онъ де князь Григорій въ то празднество въ соборѣ у вечерни и у всенощнаго и у обѣдни не былъ, потому что былъ болѣнъ, не задолго де до того дни *пущалъ руду* и отъ того мало не умеръ; и въ томъ слался на архіепископа, что былъ болѣнъ. А товарыщи де его князь Михаило Гагаринъ и дьяки Иванъ Переносовъ и Григорій Лукинъ у празднества были ль, того онъ не вѣдаетъ. А послѣ де того ноября въ седьмоенадесять число былъ онъ князь Григорій именинникъ Григорія новые Кесаріи, и въ тѣ свои именины у церкви у обѣдни былъ, и стольника князь Ивана Ромодановскаго обѣдать къ себѣ звалъ, и для государскаго величества его дарилъ, и товарыщи де его дьяки Иванъ Переносовъ и Григорій Лукинъ опричь князь Михайла Гагарина и тутошніе тобольскіе люди у него того дни были жъ и обѣдали; да и назавтрее де того князь Иванъ Ра-

модановской и иные тобольскіе люди у него обѣдали жъ; а въ третій де день у него Сибирскіе люди и возде будетъ были и обѣдали, того онъ не упомнитъ. А въ трубы де у него въ тѣ поры не трубливали и въ литавры не бивали. А послѣ де государевы грамоты, по которой велѣно его отпустить изъ Сибири къ Москвѣ, жилъ онъ въ Тобольску по Рождество Христово затѣмъ, что зимній путь не уставился; а никакими де товары не торговалъ и мягкой никакой рухляди ни у кого не купливалъ, а велѣлъ де онъ продавать на поѣздѣ запасы свои хлѣбные всякіе и сукнишка сермяжныя, и кожи, и холстишка, что у него осталось, а везти ему было съ собою того не на чемъ; а сколько де чего продалъ, того не упомнитъ. А про то де про все научалъ на него доводить напрасно *дьякона Кирила дьякъ Иванъ Трофимовъ по недружбѣ*. А товарыщи де его чѣмъ въ Сибири торговали ль, и что покупали, того онъ не вѣдаетъ.

На оборотѣ распросныхъ рѣчей по склейкамъ написано: „к семъ речемъ князь Григорей Куракинъ руку приложилъ".

А по князя Михайла Гагарина посыланы Сибирскаго приказу подьячіе Еуфимко да Викулка Пановы, чтобъ онъ для государева дѣла ѣхалъ въ городъ, въ Сибирской приказъ. И подьячіе Еуфимко и Викулка Пановы сказали, что де князь Михайло болѣнъ и ѣхать ему въ городъ нельзя. И ноября жъ въ 12 день ѣздилъ ко князю Михайлу Гагарину на дворъ осматривать и для распросу Сибирскаго приказу дьякъ Григорій Протопоповъ. И по осмотру князь Михаило Гагаринъ у себя на дворѣ лежитъ болѣнъ безъ памяти и говоритъ худо, не знать что, и для того онъ не допрашиванъ.

„И 155-го ноября въ 13 день по семъ роспроснымъ рѣчемъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. докладывалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. И г. ц. и в. к. *Алексѣй Михаиловичъ в. Р., слушавъ князя Григорья Куракина сихъ роспросныхъ рѣчей, указалъ, а бояре приговорили: сослати его князя Григорья съ Москвы въ Нижней Новгородъ* за его вину, что онъ князь Григорій, будучи въ Сибири въ Тобольску, по его государевѣ грамотѣ слыша про то, что по благословенію отца своего в. г. ц. и в. к. Михайла Өедоровича в. Р. онъ г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р. учинился на престолѣ отца своего на Владимирскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія г. ц. и в. к. всея Россіи, его царскому величеству и многолѣтному здоровью онъ князь Григорій не обрадовался, съ его государевою грамотою былъ у архіепископа Герасима и съ товарыщи пошелъ въ съѣзжую избу; а какъ Герасимъ архіепископъ о его государевѣ многолѣтномъ здоровьѣ того дни въ соборѣ Бога молилъ и молебенъ пѣлъ, и онъ князь Григорій воровствомъ у того соборнаго молебна не былъ и не слушалъ и самъ въ томъ повинился. И какъ послѣ крестнаго цѣлованья Герасимъ же архіепископъ Сибирскій и Тобольскій учинилъ празднество его государеву ангелу преподобному Алексѣю человѣку Божію, и ноября въ пятыйнадесять день съ утра посылалъ архіепископъ Герасимъ звати его князя Григорья съ товарыщи, чтобъ онъ князь Григорій къ тому

празднеству былъ къ вечернѣ, а ноября жъ въ шестыйнадесять день ко всенощному и къ соборному молебну и къ обѣднѣ и у него архіепископа хлѣба ѣлъ, и онъ князь Григорій къ тому празднеству его государева ангела преподобнаго Алексѣя человѣка Божія къ вечернѣ и ко всенощному и къ соборному молебну и къ обѣднѣ не поѣхалъ будто за болѣзнью. А какъ назавтрее того празднества ноября жъ въ седьмый надесять день былъ онъ князь Григорій имянинникъ, и онъ для своихъ имянинъ объявился не болѣнъ, у обѣдни былъ, и имянины свои праздновалъ, по три дни съ гостьми пировалъ, и въ томъ онъ повинился жъ. И то онъ князь Григорій учинилъ своею дуростью и воровствомъ же, что къ празднеству его государева ангела Алексѣя человѣка Божія въ соборъ къ вечернѣ и ко всенощному и къ соборному молебну и къ обѣднѣ не поѣхалъ, а имянины свои праздновалъ послѣ того назавтрее не болѣнъ, и для своихъ имянинъ по три дни съ гостьми пировалъ. И за ту его вину и за воровство указалъ государь, а бояре приговорили, сослати его князя Григорья съ Москвы за приставомъ съ провожатыми стрѣльцы въ Нижней Новгородъ, и дати ему въ Нижнемъ, гдѣ стояти, дворъ, а на дворѣ быти у него приставу до его государева указу".

И ноября жъ въ 14 день по г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. и по боярскому приговору вина ему князю Григорію сказана, и съ Москвы онъ посланъ того жъ дни въ Нижней Новгородъ съ приставомъ съ Семеномъ Карсаковымъ; а провожатыхъ съ нимъ послано 20 человѣкъ стрѣльцовъ московскихъ[1]), и о князь Григорьѣ въ Нижней государева грамота и о береженьѣ наказъ данъ приставу и о стрѣльцахъ въ Стрѣлецкой приказъ, а о подводахъ въ Ямской приказъ памяти посланы 14 ноября 155 года.

Отписать въ Сибирской приказъ: кто въ Нижнемъ Новѣгородѣ воевода и дьякъ? Стольникъ и воевода Данило Ивановъ сынъ Лодыгинъ да дьякъ Глѣбъ Патрекѣевъ.

Грамота въ Нижній Новгородъ о дачѣ дворовъ, гдѣ стоять князю Григорью Куракину и приставу Семену Корсакову.

Памяти въ Ямской приказъ боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому да дьякамъ Василью Яковлеву да Микитѣ Головнину о дачѣ подводъ: а) сему Корсакову 4-хъ подводъ съ сѣдлы и съ телѣги, б) московскимъ стрѣльцамъ десятнику Антонку Кузьмину съ товарыщи десяти человѣкамъ 5 подводъ съ телѣги и съ проводники и в) князю Григорью Куракину 8-мь подводъ съ сѣдлы и съ телѣги. *А прогоны за всѣ подводы велѣть доправить на немъ князь Григорьѣ.*

Лѣта 7155 ноября въ 14 день. По г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. указу память Семену Дмитріевичу Карсакову. По г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. указу посланъ съ нимъ въ Нижній Новгородъ за многую вину князь Григорій Куракинъ, а съ нимъ провожатыхъ 10 человѣкъ московскихъ стрѣльцовъ десятникъ Онтонко Кузьминъ съ

[1]) Стрѣльцовъ послано не 20, а 10 человѣкъ. См. л.л. 42, 43 и 45.

товарыщи. И Семену Карсакову со княземъ Григорьемъ Куракинымъ ѣхати съ Москвы въ Нижній Новгородъ днемъ и ночью, не мешкая нигдѣ ни часу, и везти его съ великимъ береженьемъ, и никого къ нему пропускать и никому съ нимъ ни о чемъ разговаривать не давать; а пріѣхавъ въ Нижній, отдати объ немъ князѣ Григорьѣ стольнику и воеводѣ Данилу Лодыгину да дьяку Глѣбу Патрекѣеву г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловичу в. Р. грамоту и быть ему Семену у него князя Григорья на дворѣ въ приставѣхъ до государева указу; а къ церкви ему князю Григорью ходить велѣть. А будетъ онъ Семенъ поѣдетъ съ Москвы и дорогою мешкатно и беречь князя Григорья Куракина въ дорогѣ и въ Нижнемъ или у него на дворѣ жити не учнетъ, и ему Семену за то отъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. быть въ великой опалѣ и въ казни.

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. Семену Дмитріевичу Карсакову. Въ нашемъ наказѣ у тебя написано, велѣно тебѣ ѣхать до Нижняго Новагорода со княземъ Григорьемъ Куракинымъ днемъ и ночью безъ мотчанья; и нынѣ вѣдомо лучилося, что ты ѣдешь со княземъ Григорьемъ Куракинымъ *мешкотно и на станѣхъ стоишь долго.* И какъ тебѣ ся наша грамота (придетъ), и ты бъ по нашему указу ѣхалъ со княземъ съ Григорьемъ Куракинымъ до Нижняго Новагорода днемъ и ночью безо всякаго мотчанья; а будетъ ты поѣдешь мешкатно и зачѣмъ учнешь мотчать, и тебѣ отъ насъ за то быти въ опалѣ. Да котораго числа со княземъ Григорьемъ Куракинымъ въ Нижній Новгородъ пріѣдешь, и ты бъ о томъ отписалъ къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣлъ подати въ Сибирскомъ приказѣ боярину нашему князю Алексѣю Никитичу Трубецкому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7155 ноября въ 16 день. Съ нижегородскимъ пушкаремъ съ Куземкою Филиповымъ. *Послана изъ Новгородскія чети ноября въ 17 числѣ.*

Государю ц. и в. к. Алексѣю Михаиловичу в. Р. холопъ твой Сенка Корсаковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 155 году ноября въ 14 день по твоему г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. указу посланъ со мною, холопомъ твоимъ, съ Москвы князь Григорій Куракинъ въ Нижній Новгородъ и указано мнѣ, холопу твоему, ѣхать днемъ и ночью не мешкавъ. А князь Григорій Куракинъ съ Москвы поѣхалъ со княгинею и съ телѣги; а воды, государь, большія во многихъ мѣстехъ, и плоты снесло, и малыя рѣчки идутъ по лугамъ, на перевозехъ, государь, и на рѣчкахъ и въ грязѣхъ телѣги ставятся и лошади тонутъ, и затѣмъ, государь, мотчаніе большое; едва, государь, въ десять денъ до Володимеря доѣхали ноября въ 25 день. И я, холопъ твой Сенка, князю Григорью Куракину говорилъ многожды, чтобъ для ради поспѣшенья жену покинулъ; и князь Григорій Куракинъ жены не покинетъ: меня де государь пожаловалъ, велѣлъ съ женою ѣхать. И мнѣ бъ, холопу твоему, отъ тебя, государя, въ опалѣ не быть.

На оборотѣ отписки помѣта: взять къ отпуску. 155-го декабря въ 3 день подалъ Воинъ Семеновъ сынъ Карсаковъ.

Государю ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу в. Р. холопъ твой Сенка Карсаковъ челомъ бьетъ. По твоему г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. указу посланъ я, холопъ твой, съ Москвы изъ Сибирскаго приказу въ приставехъ у князь Григорья Куракина въ Нижній Новгородъ, а стрѣльцовъ со мною, холопомъ твоимъ, послано 10 человѣкъ, десятникъ Онтонко Козьминъ съ товарыщи. И я, холопъ твой Сенка, въ Нижній Новгородъ со княземъ Григорьемъ Куракинымъ пріѣхалъ *декабря въ 5 день,* и того жъ, государь, числа московскіе стрѣльцы десятникъ Онтонко Козьминъ съ товарыщи отпущены къ тебѣ, государю, къ Москвѣ; а въ Нижнемъ, государь, мнѣ, холопу твоему, у воеводы да у дьяка стрѣльцовъ имать не указано.

На оборотѣ отписки: взять къ отпуску. 155-го декабря въ 16 день подалъ московскій стрѣлецъ десятникъ Онтонко Кузьминъ.

Царю г. и в. к. Алексѣю Михайловичу в. Р. бьетъ челомъ *бѣдной и безпомошной виноватой холопъ твой Гришка Куракинъ.* По твоему государеву указу, а по моей безхитростной винѣ, сосланъ я, холопъ твой, въ Нижній Новгородъ за приставомъ. Милосердый, праведный и благочестивый г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р.! Пожалуй меня, холопа своего бѣднаго и безпомошнаго, для ради Рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и для своего государева многолѣтнаго здоровья, вели, государь, меня холопа своего взять къ себѣ, государю, къ Москвѣ и видѣть свои государевы пресвѣтлые очи. Царь государь, смилуйся!

На оборотѣ: „155-го декабря въ 24 день".

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. въ Нижній Новгородъ стольнику нашему и воеводѣ Данилу Ивановичу Лодыгину, да дьяку нашему Глѣбу Патрекѣеву. Въ нынѣшнемъ во 155 году по нашему указу посланъ съ Москвы въ Нижній Новгородъ въ нашей опалѣ князь Григорій Куракинъ съ приставомъ съ Семеномъ Карсаковымъ; и нынѣ пожаловали есмя боярина князя Григорья Куракина, по челобитью боярина нашего князя Ивана Ондрѣевича Голицына, велѣли его князь Григорья изъ Нижняго Новагорода отпустить къ намъ къ Москвѣ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ князя Григорья Куракина совсѣмъ изъ Нижняго Новагорода отпустили къ намъ къ Москвѣ, и велѣли ему ѣхать о себѣ безъ пристава; а пріѣхавъ къ Москвѣ, велѣли ему явиться въ Сибирскомъ приказѣ боярину нашему князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да дьяку нашему Григорью Протопопову. А Семену Карсакову велѣли бъ есте отъ Нижняго до Москвы дать подорожную и подводы противъ Московской подорожной [1]). А въ которомъ числѣ князя Григорья Куракина отпустите, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ въ Сибирской же приказъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7155-го декабря въ 25 день.

Князь Григорій Куракинъ. Въ нынѣшнемъ во 155 году по г. ц. и в. к. Алексѣя Михаиловича в. Р. указу и по боярскому приговору велѣно тебя за многую твою вину сослать въ Нижній Новгородъ, и вина твоя

---

[1]) Грамота о Карсаковѣ послана того жъ числа.

тебѣ сказана; и ты у сказки за вину свою у государя милости не просилъ, и говорилъ непристойныя слова. И за тѣ твои вины сосланъ ты былъ въ Нижній Новгородъ. *И нынѣ г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р для нынѣшняго празднества Нерукотвореннаго образа Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа*[1]) *пожаловалъ, вину твою тебѣ отдалъ и велѣлъ тебѣ видѣти свои царскія очи*[2]).

3.—Непристойныя рѣчи XVII в.:

а) О торговомъ человѣкѣ г. Тюмени Е. Горлановѣ, называвшемъ себя государевымъ братомъ. 1644 г.

Въ отпискѣ Тобольскихъ воеводъ, полученной Сибирскимъ приказомъ 9 мая 1644 г. читается: въ Тюменской съѣзжей избѣ письменному головѣ Григорью Семичеву стрѣлецъ Обросимко Кириловъ извѣщалъ, что 9 октября въ вечеру шли по улицѣ мимо его двора конный стрѣлецъ Ивашко Шумиловъ да торговый человѣкъ Ерофейко Горлановъ пьяны, и промежъ собою бранились, и послѣдній называлъ себя государевымъ братомъ. За означенныя слова Горлановъ былъ распрашиванъ Семичевымъ, и сказалъ, „что такое непотребное слово говорилъ ли, того не помнитъ, *потому что былъ пьянъ*“. Семичевъ велѣлъ Горланову учинить наказанье, *бить кнутомъ на козлѣ* и отослалъ его въ Тобольскъ, гдѣ тотъ былъ также пытанъ, а послѣ отданъ за пристава до государева указа“. На оборотѣ отписки помѣта дьяка Сибирскаго приказа Григорія Протопопова: „государь, слушавъ отписки, указалъ того Ерофѣйка Горлана свободить и дать на поруки, что ему впередъ такъ не воровать, непригожихъ словъ не говорить, и послати о томъ въ Тоболескъ къ воеводамъ грамоту“. Грамота послана 23 мая 1644 г.[3]).

б) О Тарскомъ крестьянинѣ Яковлевѣ, называвшемъ служилыхъ людей овцами, а коннаго казака—дьяволомъ и служащимъ дьяволу. 1644 г.

Въ отпискѣ Тобольскихъ воеводъ князей Григорія Куракина и Михаила Гагарина, присланной въ Сибирской приказъ 8 января 1644 г., написано: въ нынѣшнемъ 152 году ноября въ 22 день писали въ Тоболескъ съ Тары воеводы князь Петръ Щетининъ да Ѳедоръ Головачевъ: въ нынѣшнемъ де, государь, во 152 г. октября въ 31 день, пришедъ къ нимъ на Тарѣ въ съѣзжую избу, тарскій конный казакъ Ивашка Нефедьевъ извѣщалъ на тарскаго пашеннаго крестьянина на таможеннаго цѣловальника на Олферка Яковлева: октября де въ 29 день были они Ивашка и Олферка въ гостяхъ у тарскаго жъ коннаго казака у Ларки Лукъянова; и въ тѣхъ де гостяхъ межъ собою побранились. И въ брани де тотъ

---

[1]) Слѣд. 16 августа 155 (1647 г.)?
[2]) См. Сибирскаго приказа столбецъ № 6292, л.л. 1—57.
[3]) См. Сибирскаго приказа столбецъ № 6167, лл. 367—373.

Олферко называлъ служилыхъ людей *овцами*. И онъ де Ивашка противъ того ему говорилъ, что онъ Олферко называетъ служилыхъ людей овцами, а они де не овцы, твои государевы холопи и служатъ тебѣ, великому государю. И онъ де Олферко противъ того Ивашкова слова говорилъ непристойное слово: дьяволъ де ты Ивашко, дьяволу и служишь.—И они князь Петръ Щетининъ и Ѳедоръ Головачевъ распрашивали коннаго казака Нефедьева и ставили съ нимъ на очную ставку Олферка Яковлева, который въ произношеніи вышеписанныхъ словъ запирался; и воеводы, не повѣря его запирательству, велѣли Олферка въ томъ словѣ пытать, почему онъ Олферка такое слово говорилъ, и къ которой мѣрѣ и по какому умышленью. И Олферка съ пытки въ томъ словѣ винился, что онъ передъ тобою, государемъ, виноватъ, говорилъ такое слово съ хмѣлю. И послѣ пытки того они Олферка дали на поруку съ записью до твоего государева указу и велѣли ему быть у таможеннаго сбору въ цѣловальникахъ по прежнему, потому что на Тарѣ въ цѣловальникахъ опричь его быть некому, выбираютъ де въ цѣловальники изъ пашенныхъ крестьянъ только *изъ трехъ человѣкъ*.

На оборотѣ отписки въ Сибирскомъ приказѣ дьякомъ Протопоповымъ написана помѣта: „государь слушалъ и указалъ писати въ Тоболескъ къ воеводамъ и къ дьякамъ, а велѣлъ того тарскаго пашеннаго крестьянина Олферка за такое непристойное слово бить по торгомъ кнутомъ нещадно, чтобъ на то смотря неповадно было инымъ впередъ такъ воровать и непристойныхъ словъ говорить; а бивъ кнутомъ, дати въ томъ на поруки съ записью, что ему впередъ не воровать, никакихъ непристойныхъ рѣчей не говорить и такимъ воровствомъ не воровать“ [1]).

в) О цѣловальникѣ гор. Пелыма В. Путиловѣ, сказавшемъ, что подъячій С. Рогачевъ сидитъ въ таможнѣ „по чертову указу и по чертовой отпискѣ“. 1644 г.

Тобольскіе воеводы князья Куракинъ и Гагаринъ и дьяки Переносовъ и Лукинъ въ отпискѣ, полученной въ Сибирскомъ приказѣ 9 мая 1644 г., писали, что въ прошломъ 151 г. сентября въ 12 день писалъ съ Пелыми воевода князь Петръ Волконскій и прислалъ ссыльнаго патріарша двора подьячаго Семейку Рогачева съ челобитною. А въ отпискѣ воеводы князя Петра Волконскаго и въ челобитной Рогачева написано: въ прошломъ во 150 году августа въ 25 день, обѣдавъ у него князя Петра Волконскаго на дворѣ, Пелымской съѣзжей избы подьячіе Путилка Степановъ да Куземка Орловъ межъ себя бранилися. И Путилка де учалъ говорить Куземкѣ Орлову: ты де какой человѣкъ, откуль де ты взялся? И Куземка де ему Путилку молылъ встрѣшно: а ты де Путилко самъ какой человѣкъ? И Путилко де сказалъ: я де старый подьячій, на Пелымѣ сижу у государева дѣла 50 лѣтъ. А Куземка де говорилъ: я де подьячій съѣзжей избы, а сижу у государева дѣла другой годъ. И Путилко де говорилъ: кто де тебѣ велѣлъ быть у государева дѣла въ подьячихъ? И Куземка де ему Путилку говорилъ: меня де г. ц. и в. к. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. пожаловалъ, велѣлъ быть на Пелымѣ у своего государева дѣла въ съѣзжей

---

[1]) См. въ томъ же столбцѣ, лл.. 100—105.

избѣ въ подьячихъ, и по его государеву указу воевода князь Петръ Волконской. И Путилко де молылъ трижды: которой государь тебя пожаловалъ? И Куземка де ему Путилку говорилъ: одинъ де у насъ г. ц. и в. к. Михаило Өедоровичъ в. Р., ему де мы служимъ.—Да въ Семейкинѣ жъ извѣтной челобитной написано: извѣщалъ де онъ Семейка на Пелымѣ воеводѣ князю Петру Волконскому на таможеннаго голову на Елисейка Коркина, да на цѣловалника на Ваську Путилова про ихъ плутни въ таможенныхъ дѣлахъ у церкви Рождества Христова въ паперти; и въ то де время съѣзжей избы подьячій Путилко Степановъ да таможенный голова Елисейка Коркинъ, да цѣловалникъ Васька Путиловъ за тотъ его извѣтъ его Семейку лаяли. Да тотъ же де Васька передъ воеводою передъ княземъ Петромъ Волконскимъ и передъ пелымскими служилыми многими людьми билъ его Семейку и говорилъ: кто де тебѣ вору съ нами въ таможнѣ быть велѣлъ? И стрѣлецкіе десятники Филька Гайдукъ, да Андрюшка Конюховъ съ товарыщи Васькѣ говорили: сидитъ де онъ Семейка въ таможнѣ и пишетъ по государеву указу и по тобольской отпискѣ. И тотъ де Васька въ то жъ время передъ воеводою передъ княземъ Петромъ Волконскимъ и передъ служилыми многими и передъ его князь Петровыми людьми про твой государевъ указъ и про тобольскую отписку говорилъ непристойныя рѣчи, что будто сидитъ въ таможнѣ и *пишетъ по чертову указу и по чертовой отпискѣ.* И то подьячій Путилъ и сынъ его Васька отданы въ Тобольску за пристава до твоего государева указу.

На оборотѣ отписки дьякомъ Сибирскаго приказа Григорьемъ Протопоповымъ написана помѣта: „152 г. іюня въ 5 день. Г. ц. и в. к. Михаилъ Өедоровичъ в. Р., слушавъ отписки, указалъ писати въ Тоболескъ къ воеводамъ ко князю Григорью Куракину съ товарыщи, а велѣлъ имъ пелымскихъ подьячаго Путилка и сына его таможеннаго цѣловальника Ваську, за ихъ воровство за непристойныя рѣчи, *бити на козлѣ кнутомъ нещадно,* чтобъ на то смотря неповадно было инымъ впередъ такъ воровать, непристойныхъ рѣчей не говорить, и изъ за пристава ихъ свободить.—Грамота объ учиненіи означеннаго наказанія послана іюня въ—день [1]).

4.—Къ бытовой исторіи Россіи въ XVII—XVIII вв..

Изъ печатаемыхъ ниже документовъ первый—письмо изъ Московскаго Алексѣевскаго монастыря бывшей игуменьи Угличскаго Богоявленскаго монастыря старицы Елены. На оборотѣ столбца сдѣлана надпись: „отдать сия грамотка на Углече въ Воскресенскомъ монастыре архимандриту Іакову“. Воскресенскій монастырь, прекрасный архитектурный памятникъ XVII в., теперь упразднень; архимандритъ Іаковъ былъ въ немъ съ 1685 по 1700 г. Игуменья Елена упоминается настоятельницей Угличскаго Богоявленскаго монастыря въ 1692 г.; п

---

[1]) См. Сибирскаго приказа столбецъ № 6167, лл. 472—482.

нiи отъ управленiя, она поселилась въ Московскомъ Алексѣев- монастырѣ, откуда и пишетъ это письмо по поводу обвиненья арицами перваго монастыря въ увозѣ 150 рублей, возжей и хому- монастырскихъ. Письмо представляетъ значительный интересъ для ха- ристики жизни въ женскихъ монастыряхъ XVII в. Оно любопытно ь обращикъ сохранившейся до нашего времени въ маломъ количествѣ ой переписки XVII в.

Слѣдующiе два документа относятся до Ростовской митрополiи во пребыванiя на ней митрополита Арсенiя Мацѣевича и касаются тнаго тогда фабриканта Затрапезнаго, устроившаго первую полотнян- фабрику, теперь превратившуюся въ громадную бумагопрядильню названiемъ „Товарищество Ярославской большой мануфактуры“. ый—указъ 1746 г. о недопущенiи впредь нигдѣ „иновѣрныхъ правовѣрныхъ“ въ воспрiемники при крещенiи—по поводу того, ри крещенiи дѣтей зятя Затрапезнаго—Михаила Балашева воспрi- ками были иновѣрцы—содержавшагося въ Ярославлѣ бывшаго герцога ндскаго Бирона—жена и сынъ. Второй документъ—постановленiе авской провинцiальной канцелярiи объ отдачѣ дьячка съ женою и и въ вѣчное служенiе на фабрику Затрапезнаго; дьячекъ этотъ отрѣ- былъ за продерзость и сперва объявилъ было за собой „дѣло госу- венное“, которое состояло въ томъ, что „въ викторiальные дни“ 9 августа не было отслужено положеннаго молебствiя въ церкви села ловскаго, на Ишнѣ.

Послѣднiе три документа—указы Вологодской духовной консисторiи г. извлечены изъ рукописи, принадлежащей Псковскому археологичес- обществу, и обязательно сообщены секретаремъ этого общества Нико- Ѳомичемъ Окуличъ-Казаринымъ. Рукопись эта, находившаяся прежде ологодскомъ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ и принадлежавшая Вологод- духовной консисторiи, въ листъ, на 265 лл., и состоитъ изъ подлинныхъ истративныхъ распоряженiй и судебныхъ рѣшенiй съ подлинными под- и членовъ консисторiи и резолюцiями Вологодскаго епископа Иринея ановича, извѣстнаго въ свое время проповѣдника, имя котораго зане- архiепископомъ Филаретомъ въ Словарь духовныхъ писателей. „Слова ожественны гремѣли“, значилось на гробницѣ преосв. Иринея, погре- аго въ 1796 г. въ Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ прежде ствовавшемъ (нынѣ его уже нѣтъ) слѣдующемъ акростихѣ:

„Ищай наставника и сынъ отца несчастной!
Рѣшись придти сюда къ гробницѣ сей ужасной,
И то, чего искалъ, сей гробъ въ себѣ вмѣстилъ:
Надежда здѣсь твоя . . . Рокъ алчной поглотилъ.
Его любовь ко всѣмъ текла струей златою,
И благо общее пресѣкла смерть косою.
Его ученья плодъ сначала Кiевъ зрѣлъ,
Потомъ въ столицахъ двухъ въ учительствѣ успѣлъ,
И три монастыря вождемъ его имѣли.

Слова его вездѣ божественны гремѣли.
Коварство, лесть, порокъ любовью истреблялъ.
Отъ музъ онъ былъ любимъ и къ нимъ любовь являлъ.
Познать дни лѣтъ его? Лѣтъ кажется довольно,
Въ сравненьи жъ благъ его лѣтъ всѣхъ число неполно.
Отъ дня того пошло, какъ Богъ сошелъ съ высотъ,
Лѣтъ семьдесятъ и пять за тысячу семьсотъ,
Отъ вышнія руки въ епископа избранна,
Градъ сей узрѣлъ его симъ саномъ увѣнчанна.
Онъ, правивъ паствою, къ тому дѣла всѣ велъ,
Дни въ паствѣ чтобъ его златые всякій зрѣлъ.
Свершивъ въ семъ санѣ лѣтъ безъ трехъ дней три седьмины,
Какъ Пасхи дни текли, достигъ себѣ кончины.
Отъ долговременной болѣзни пострадавъ
И всѣхъ дней житія лѣтъ семьдесять скончавъ".
„О имени его кто знать когда желаетъ,
Тотъ буквы сихъ стиховъ начальны да слагаетъ:
Онъ въ мірѣ—миръ значилъ и жизнь свою такъ велъ.
Оставивъ здѣсь свой миръ, самъ въ небо взлетѣлъ".

Первый указъ—по поводу обвиненія священника въ брани, дракѣ и допущенной имъ мокротѣ при служеніи въ церкви; второй по поводу повѣнчанія крестьянина съ „насильно" увезенной имъ крестьянской дѣвкой и третій—по поводу повѣнчанія, по приказу помѣщика, майорской дочери съ крестьяниномъ.

а) Письмо бывшей игуменьи Угличскаго Богоявленскаго монастыря къ архимандриту Угличскаго Воскресенскаго монастыря Іакову (въ концѣ XVII в.).

„Пречестные и великие обители Воскресенскаго монастыря святому отцу архимандриту Іакову и милостивому моему батьку прежняя игуменья Богоявленскаго дѣвичья монастыря, а твоя бывшая дочь духовная, а ныне Алексѣевскаго дѣвичья монастыря старица Елена благословения твоего прошу, а о твоемъ здравіи и душевномъ спасеніи Бога молю. Спасай, государь, душу на множество лѣтъ живота твоего и съ любящими тобою о Христе на вѣки. Да вѣдомо мнѣ ныне учинилось, что будто я, изъ монастыря поѣхавъ, увезла денегъ полтораста рублевъ, и возжи и хомуты монастырские, и бьютъ челомъ того монастыря старицы на меня убогую ложно, и напрасно они на меня затѣваютъ, и поносятъ всячески; и къ тѣмъ челобитнымъ ты, государь батюшко, изволилъ руку прикладывать вмѣсто ихъ старицъ напрасно. Вѣдомо тебѣ и самому, что какое мое строенье въ томъ монастыре, а не розоренье, изъ монастыря ничего монастырского не уваживала, и тѣмъ они старицы бьютъ челомъ на меня и затѣваютъ ложно. Да сверхъ того вѣдомо городскимъ посадскимъ людемъ, что я монастырь не разоряла, только опричь того, что по вся годы себѣ покою не давала, ѣздя къ Москвѣ, и збирала многия денги на всякое строение. А я убогая не только, что увесть мнѣ, и своего борошнишку многово и келейницы своей съ собою не взяла.—Да ныне жъ вѣдомо

Олферко называлъ служилыхъ людей *овцами*. И онъ де Ивашка противъ того ему говорилъ, что онъ Олферко называетъ служилыхъ людей овцами, а они де не овцы, твои государевы холопи и служатъ тебѣ, великому государю. И онъ де Олферко противъ того Ивашкова слова говорилъ непристойное слово: дьяволъ де ты Ивашко, дьяволу и служишь.—И они князь Петръ Щетининъ и Ѳедоръ Головачевъ распрашивали коннаго казака Нефедьева и ставили съ нимъ на очную ставку Олферка Яковлева, который въ произношеніи вышеписанныхъ словъ запирался; и воеводы, не повѣря его запирательству, велѣли Олферка въ томъ словѣ пытать, почему онъ Олферка такое слово говорилъ, и къ которой мѣрѣ и по какому умышленью. И Олферка съ пытки въ томъ словѣ винился, что онъ передъ тобою, государемъ, виноватъ, говорилъ такое слово съ хмѣлю. И послѣ пытки того они Олферка дали на поруку съ записью до твоего государева указу и велѣли ему быть у таможеннаго сбору въ цѣловальникахъ по прежнему, потому что на Тарѣ въ цѣловальникахъ опричь его быть некому, выбираютъ де въ цѣловальники изъ пашенныхъ крестьянъ только *изъ трехъ человѣкъ*.

На оборотѣ отписки въ Сибирскомъ приказѣ дьякомъ Протопоповымъ написана помѣта: „государь слушалъ и указалъ писати въ Тоболескъ къ воеводамъ и къ дьякамъ, а велѣлъ того тарскаго пашеннаго крестьянина Олферка за такое непристойное слово бить по торгомъ кнутомъ нещадно, чтобъ на то смотря неповадно было инымъ впередъ такъ воровать и непристойныхъ словъ говорить; а бивъ кнутомъ, дати въ томъ на поруки съ записью, что ему впередъ не воровать, никакихъ непристойныхъ рѣчей не говорить и такимъ воровствомъ не воровать“ [1]).

в) О цѣловальникѣ гор. Пелыма В. Путиловѣ, сказавшемъ, что подъячій С. Рогачевъ сидитъ въ таможнѣ „по чертову указу и по чертовой отпискѣ“. 1644 г.

Тобольскіе воеводы князья Куракинъ и Гагаринъ и дьяки Переносовъ и Лукинъ въ отпискѣ, полученной въ Сибирскомъ приказѣ 9 мая 1644 г., писали, что въ прошломъ 151 г. сентября въ 12 день писалъ съ Пелыми воевода князь Петръ Волконскій и прислалъ ссыльнаго патріарша двора подьячаго Семейку Рогачева съ челобитною. А въ отпискѣ воеводы князя Петра Волконскаго и въ челобитной Рогачева написано: въ прошломъ во 150 году августа въ 25 день, обѣдавъ у него князя Петра Волконскаго на дворѣ, Пелымской съѣзжей избы подьячіе Путилка Степановъ да Куземка Орловъ межъ себя бранилися. И Путилка де учалъ говорить Куземкѣ Орлову: ты де какой человѣкъ, откуль де ты взялся? И Куземка де ему Путилку молылъ встрѣшно: а ты де Путилко самъ какой человѣкъ? И Путилко де сказалъ: я де старый подьячій, на Пелымѣ сижу у государева дѣла 50 лѣтъ. А Куземка де говорилъ: я де подьячій съѣзжей избы, а сижу у государева дѣла другой годъ. И Путилко де говорилъ: кто де тебѣ велѣлъ быть у государева дѣла въ подьячихъ? И Куземка де ему Путилку говорилъ: меня де г. ц. и в. к. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. пожаловалъ, велѣлъ быть на Пелымѣ у своего государева дѣла въ съѣзжей

---

[1]) См. въ томъ же столбцѣ, лл.. 100—105.

Слова его вездѣ божественны гремѣли.
Коварство, лесть, порокъ любовью истреблялъ.
Отъ музъ онъ былъ любимъ и къ нимъ любовь являлъ.
Познать дни лѣтъ его? Лѣтъ кажется довольно,
Въ сравненьи жъ благъ его лѣтъ всѣхъ число неполно.
Отъ дня того пошло, какъ Богъ сошелъ съ высотъ,
Лѣтъ семьдесятъ и пять за тысячу семьсотъ,
Отъ вышнія руки въ епископа избранна,
Градъ сей узрѣлъ его симъ саномъ увѣнчанна.
Онъ, правивъ паствою, къ тому дѣла всѣ велъ,
Дни въ паствѣ чтобъ его златые всякій зрѣлъ.
Свершивъ въ семъ санѣ лѣтъ безъ трехъ дней три седьмины,
Какъ Пасхи дни текли, достигъ себѣ кончины.
Отъ долговременной болѣзни пострадавъ
И всѣхъ дней житія лѣтъ семьдесять скончавъ".
„О имени его кто знать когда желаетъ,
Тотъ буквы сихъ стиховъ начальны да слагаетъ:
Онъ въ мірѣ—миръ значилъ и жизнь свою такъ велъ.
Оставивъ здѣсь свой миръ, самъ въ небо взлетѣлъ".

Первый указъ—по поводу обвиненія священника въ брани, дракѣ и допущенной имъ мокротѣ при служеніи въ церкви; второй по поводу повѣнчанія крестьянина съ „насильно" увезенной имъ крестьянской дѣвкой и третій—по поводу повѣнчанія, по приказу помѣщика, майорской дочери съ крестьяниномъ.

а) Письмо бывшей игуменьи Угличскаго Богоявленскаго монастыря къ архимандриту Угличскаго Воскресенскаго монастыря Іакову (въ концѣ XVII в.).

„Пречестные и великие обители Воскресенскаго монастыря святому отцу архимандриту Іакову и милостивому моему батьку прежняя игуменья Богоявленскаго дѣвичья монастыря, а твоя бывшая дочь духовная, а ныне Алексѣевскаго дѣвичья монастыря старица Елена благословения твоего прошу, а о твоемъ здравіи и душевномъ спасеніи Бога молю. Спасай, государь, душу на множество лѣтъ живота твоего и съ любящими тобою о Христе на вѣки. Да вѣдомо мнѣ ныне учинилось, что будто я, изъ монастыря поѣхавъ, увезла денегъ полтораста рублевъ, и возжи и хомуты монастырские, и бьютъ челомъ того монастыря старицы на меня убогую ложно, и напрасно они на меня затѣваютъ, и поносятъ всячески; и къ тѣмъ челобитнымъ ты, государь батюшко, изволилъ руку прикладывать вмѣсто ихъ старицъ напрасно. Вѣдомо тебѣ и самому, что какое мое строенье въ томъ монастыре, а не розоренье, изъ монастыря ничего монастырского не уваживала, и тѣмъ они старицы бьютъ челомъ на меня и затѣваютъ ложно. Да сверхъ того вѣдомо городскимъ посадскимъ людемъ, что я монастырь не разоряла, только опричь того, что по вся годы себѣ покою не давала, ѣздя къ Москвѣ, и збирала многия денги на всякое строение. А я убогая не только, что увесть мнѣ, и своего борошнишку многово и келейницы своей съ собою не взяла.—Да ныне жъ вѣдомо

мнѣ учинилось, что келейницу мою Меланью мучатъ, еѣ изъ голоду морятъ напрасно, и коровишекъ моихъ роздали безвременно. Пожалуй, государь батюшко, поговори имъ старицамъ своимъ дочерямъ духовнымъ, чтобъ они мое борошнишко и коровъ и келейницу прислали безостудно и безволокитно; а мнѣ, государь, и самой то надобно. . . . А о чемъ они старицы . . . , затѣвая на меня, бьютъ челомъ ложно, буду я у архиерея Божія святѣйшаго патріарха въ ево патриаршемъ Розряде бить челомъ на нихъ неложнымъ челобитьемъ вправде, а въ правде моей помогатель Богъ и надѣюсь на Его волю. Пожалуй, государь батюшко, не буди ты на меня помогатель имъ и мнѣ вправдѣ, чтобъ было безгрѣшно всѣмъ. А слуге того монастыря Ивашке поносить было ему было напрасно не для чего; а по чьему научению, то Богъ вѣсть. Только, государь батюшко, напали они на меня въ неправде; и только жъ мнѣ въ такомъ ихъ поношенiи отъ нихъ не быть для того, что ей ей напрасно. И про все вѣдаешь ты и самъ, а мнѣ отъ ихъ поношенія, что они меня заочно поносятъ, зѣло болѣзненно. И о томъ о всемъ буду просить милости у архиерея Божия нелестно объ розыске съ ними старицы и объ очной ставке въ ево архіерейскомъ патриаршемъ Разряде со всѣми съ ними, которые въ челобитье своемъ писались. Пожалуй, государь батюшко, прикажи имъ дѣтемъ своимъ духовнымъ со мною роздѣлатца, и привесть имъ все мое борошнишко, которое осталось, и келейницу и коровъ моихъ, которые остались же, безостудно и безволокитно. Да пожалуй, государь батюшко, буди заступщикъ за насъ сыну своему священноиерею Макарію, чтобъ и онъ пожаловалъ имъ старицамъ поговорилъ о моемъ борошнишку, и о келейнице, и о коровишкахъ, чтобъ они прислали ко мнѣ убогой; а онъ рекъся пожаловать, о присылке къ намъ способствовать. А противъ ихъ челобитья мнѣ себя очищать будетъ во всемъ. Засимъ у тебя благословения просимъ".

б) Указъ 1746 г. Ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича о недопущеніи въ воспріемники однихъ „иновѣрныхъ безъ правовѣрныхъ".

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ домоваго святѣйшаго правительствующаго синода члена великаго господина Арсенія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго духовнаго правленія града Ярославля заказному старостѣ поповскому домовой его преосвященства Леонтьевской церкви попу Матфею. Сего августа 25 дня 1746 году въ указѣ ея императорскаго величества, изъ домовой его преосвященства Ростовской духовной консисторіи въ реченное Ярославское духовное правленіе присланномъ, написано: іюля въ 25 день сего жъ 1746 году въ сообщенномъ присудствію его преосвященства въ Ярославлѣ изъ домовой конторы въ реченную консисторію свѣденіи написано: понеже его архиепископство великій господинъ преосвященный Арсеній митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, слушавъ предлаганнаго его архипастырству онаго жъ іюля 17 числа отъ Ярославскаго духовнаго правленія, по силѣ указнаго опредѣленія его архипастырства повеленія, по происходившему въ томъ правленіи о допущеніи Ярославской манифактуры покойнаго совѣт-

ника Затрапезнаго у зятя его Михаила Балашева рожденныхъ младенцевъ иновѣрныхъ воспріемниками тоя фабрики церкви святыхъ первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла попомъ Аникитою дѣла, по которому въ произведенныхъ въ томъ Ярославскомъ его преосвященства духовномъ правленіи оному попу Аникитѣ и означеннаго Затрапезнаго зятю Михаилу Балашеву допросѣхъ означилось—въ допросѣхъ попа Аникиты: іюля де 5-го числа сего 1746 году у помянутаго Балашева рожденному младенцу Петру воспріемники были оба иновѣрныя—содержавшіяся въ Ярославлѣ бывшаго герцога курляндскаго Бирона жена да сынъ ихъ большой; а какъ ихъ зовутъ и котораго они закона, онъ попъ не знаетъ. А къ тому ихъ воспріемничеству допустилъ онъ якобы по повеленію онаго Балашева. Рожденному жъ младенцу Сусаннѣ (который умре) въ прошломъ 1745 году въ іюлѣ мѣсяцѣ воспріемники были оные же Биронова жена да сынъ да обрѣтающейся тогда въ Ярославлѣ для искорененія воровъ и разбойниковъ полковникъ Ливинъ, а воспріемница при томъ имѣлась правовѣрная графиня Праскева Юрьева графская Петра Семеновича Салтыкова жена. Къ которому де крещенію о допущеніи тѣхъ иновѣрныхъ въ воспріемничество онъ попъ отъ него Балашева представлялъ, что то будетъ церкви святѣй противно, много отговариваясь; при чемъ онъ де Балашевъ ему попу говоря то, что въ Санктъ-Питербурхѣ и въ Москвѣ много того чинится и не пріемля тѣхъ его поповыхъ рѣчей, оныхъ воспріемниковъ къ тому крещенію допустить велѣлъ.—Въ допросѣ Михаила Балашева: что означенныя иновѣрныя не токмо при означенныхъ показанныхъ помянутымъ попомъ Аникитою въ нынѣшнемъ 1746 и въ прошломъ 1745 годѣхъ младенцевъ, а его Балашева дѣтей, крещеніяхъ воспріемниками были, но и еще въ прошлѣхъ же де 1743 въ іюлѣ мѣсяцѣ имѣющимся его Балашева дѣтямъ младенцу Петру, въ 744 годѣхъ младенцу Маріи воспріемниками оные же иновѣрныя Биронова жена съ сыномъ же большимъ Петромъ были одни; а правовѣрныхъ де воспріемниковъ при тѣхъ крещеніяхъ кромѣ де означеннаго 745 году никого не имѣлось. А ко онымъ де тѣмъ крещеніямъ оныя иновѣрныя допущены были означеннымъ попомъ Аникитою не по повелѣнію его Балашева, но изъ оныхъ предъ крещеніемъ перваго младенца онъ Михаило Балашевъ ево попа просилъ, что ежели де возможно и православному греческаго исповѣданія закону будетъ не противно, то онъ попъ предъявленныхъ Биронову жену и большого сына въ воспріемничество допустилъ; и при томъ онъ Михайло не исполненія и не принужденія его Михайлова, но разговорами предлагалъ, что уповаетъ де онъ ко оному крещенію (въ) воспріемники допустить оныхъ иновѣрныхъ Биронову жену и сына будетъ церкви святой не противно потому, что де въ Санктъ Питербургѣ и въ Москвѣ таковые же иновѣрные въ православныхъ церквахъ и у правовѣрныхъ христіанъ при крещеніяхъ рождшимся младенцамъ воспріемниками довольно допускаемы бываютъ и отъ святыя купели воспріимаютъ. Къ тому жъ де и прежде онаго первому сыну ево крещенію оныя жъ Биронова жена съ сыновьями въ Ярославскѣхъ, а въ коихъ церквахъ—онъ того Балашевъ

не упомнитъ, при крещеніяхъ младенцевъ воспріемниками были жъ. И по тѣхъ просьбахъ и разговорахъ о томъ оныхъ иностранныхъ въ воспріемничество о допущеніи, ежели не противно будетъ церкви святѣй, паче положилъ на разсужденіе онаго священника Аникиты, который при томъ разсуждая, что когда де въ Москвѣ и въ Санктъ Питербургѣ, тако жъ и въ Ярославлѣ, таковые иновѣрные воспріемниками допускаются, то знатно де церкви святей противности въ томъ не находится, оному Бироновѣ женѣ и сыну ея при крещеніи объявленнаго рожшагося въ 743 году сына ево Петра быть (какъ выше объявлено) безъ всякаго ево Михайлова повеленія позволилъ; которое де допущеніе въ воспріемники учинилъ по оному ево попову согласію и позволенію, а не по своему веленію. А ежели бъ тѣхъ иновѣрныхъ онъ попъ къ воспріемничеству допустить не позволилъ и приказалъ ему Михайлу представить правовѣрныхъ воспріемниковъ, и представилъ.—А вышеявленной попъ Аникита по допросу онаго Балашева показалъ: онаго де Балашева рожшимся дѣтямъ ево въ прошломъ 1743 въ іюлѣ мѣсяцѣ младенцу Петру, въ 1744 годѣхъ младенцу Маріи воспріемники и воспріемницы оныхъ Биронова жена и дѣти ихъ или другіе правовѣрные были и ежель Биронова жена съ сыномъ были, то при нихъ изъ правовѣрныхъ другіе воспріемники тогда были ль и кто именно,—того онъ попъ, за многопрошедшимъ временемъ, сказать не упомнитъ, и того де ради о томъ въ прежнемъ своемъ допросѣ за тѣмъ безпамятствомъ и не показалъ. А по взятымъ во оное Ярославское духовное праленіе отъ всѣхъ града Ярославля священно-и-церковно-служителей извѣстіяхъ—въ нѣкоторыхъ церквахъ при крещеніи младенцевъ воспріемниками иновѣрные, хоша и были, но обще съ правовѣрными, а не одни. И того ради его архипастырство разсуждая, что по вышепоказаннымъ обстоятельствамъ означенной имѣющійся при манифактурахъ попъ Аникита оказался виноватымъ, потому что при трехъ крещеніяхъ допустилъ быть воспріемниками оныхъ иновѣрныхъ безъ правовѣрныхъ, чего дѣлать ему весма не надлежало, и хотя онъ выправляется, что ему допустить тѣхъ иновѣрныхъ въ воспріемники велѣлъ вышеявленной Михайло Балашевъ, а оный Балашевъ въ допросѣ своемъ отъ того отрекся, и подлежало было въ томъ имъ очныя ставки, однако же хотя бъ онъ Балашевъ ему о томъ допущеніи и приказывалъ, то бъ ему не надлежало его въ томъ слушаться для того, что онъ Балашевъ ему попу не командиръ, и о томъ его принужденіи надлежало ему попу его архипастырству объявить, а онъ какъ видно не токмо Балашеву не говорилъ, что ежели допустить ихъ, то церкви святой будетъ противно, но знатно изъ бездѣльной своей корысти въ томъ и желаніе не имѣлъ. Того ради учиненнымъ на томъ докладѣ за своеручнымъ своимъ архипастырскимъ подписаніемъ опредѣленіемъ за такую его продерзость отъ той церкви ево попа его преосвященство отрѣшилъ и повелѣлъ въ Ярославскомъ правленіи наказать ево попа Аникиту цепками съ прочитаніемъ 50 псалма при собраніи прочихъ священно-церковно-служителей и послѣ того имѣть ему служеніе въ Ярославлѣ съ кресца благословилъ; а ко избранію къ той церкви на мѣсто

ево во священника достойнаго и во чтеніи искуснаго человѣка и о представленіи его архипастырству объявить маэору Петру Лакостову. И дабы впредь нигдѣ иновѣрные безъ правовѣрныхъ въ воспріемники допущены не были, о томъ публиковать отъ консисторіи его преосвященства по всѣмъ епархіи его преосвященства церквамъ указами. И во исполненіе онаго его преосвященства повеленія въ реченной конторѣ опредѣлено: о показанномъ исполненіи въ помянутую Ростовскую его преосвященства духовную консисторію сообщить вѣденіе, а въ Ярославское духовное правленіе послать (и посланъ) указъ маэору Петру Лакостову—оное ево преосвященства повеленіе объявить (и объявлено) въ рѣченной конторѣ съ подпискою. И по ея императорскаго величества указу воспомяненная консисторія во исполненіе онаго его архипастырства опредѣленія показали и консисторіи о вышеписанномъ для вѣдома и исполненія въ домовую его преосвященства канцелярію экономическаго и казначейскаго правленія и въ состоящіе по Ростову монастыри и пустыни къ настоятелямъ и соборныхъ церквей къ протоіереямъ съ братіею и въ заказы къ закащикамъ посланы были указы изъ оныхъ правленіевъ, а по Ростову и къ закащикамъ, что вѣдомства жъ и всѣхъ церквей не минуя и ружныхъ священно-церковно-служителей всѣмъ оныя присланныя къ нимъ закащикамъ указы объявить, и при томъ объявленіи для незабытнаго по оному его преосвященства митрополита опредѣленія исполненія съ тѣхъ къ нимъ закащикамъ присланныхъ указовъ точныя за своими руками копіи роздать съ росписками, и тѣ ихъ росписки имъ закащикамъ въ консисторію при репортахъ, а изъ монастырей настоятелямъ съ братіею о полученіи указовъ репорты жъ прислать въ немедленномъ времени, точно жъ о томъ учинить и въ городовыхъ духовныхъ правленіяхъ; и по собраніи въ тѣ правленія изъ монастырей и отъ закащиковъ репортовъ и росписокъ, учиня къ нимъ достовѣрную вѣдомость, прислать въ консисторію при репортахъ немедленно жъ. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества указу въ Ярославскомъ его преосвященства духовномъ правленіи опредѣлено и того правленія вѣдомства онаго правленія въ Ярославскую соборную церковь въ монастыри и пустыни и къ заказнымъ старостамъ поповскимъ о вышеявленномъ исполненіи послать указы (о чемъ сей и тебѣ посланъ). И закащику попу Матфею о вышеписанномъ вѣдать и чинить по сему ея императорскаго величества указу; а о полученіи сего указа и о исполненіи по нему въ рѣченное Ярославское духовное правленіе репортовать.

У подлиннаго указу пишутъ тако: Спасо-Ярославскій архимандритъ Іосифъ, управитель ключарь іерей Андроникъ, правящій управительскую должность канцеляристъ Иванъ Петровъ, подканцеляристъ Алексѣй Пенскій.

Августа 31 дня 1746 года.

в) Постановленіе Ярославской провинціальной канцеляріи объ отдачѣ дьячка съ женой и дѣтьми въ вѣчное служеніе на фабрику. 1761 г.

1761 года марта 29 дня по указу ея императорскаго величества Ярославская провинціальная канцелярія, слушавъ дѣло, по которому зна-

не упомнить, при крещеніяхъ младенцевъ воспріемниками были жъ. И по тѣхъ просьбахъ и разговорахъ о томъ оныхъ иностранныхъ въ воспріемничество о допущеніи, ежели не противно будетъ церкви святѣй, паче положилъ на разсужденіе онаго священника Аникиты, который при томъ разсуждая, что когда де въ Москвѣ и въ Санктъ Питербургѣ, тако жъ и въ Ярославлѣ, таковые иновѣрные воспріемниками допускаются, то знатно де церкви святей противности въ томъ не находится, оному Бироновѣ женѣ и сыну ея при крещеніи объявленнаго рожшагося въ 743 году сына ево Петра быть (какъ выше объявлено) безъ всякаго ево Михайлова повеленія позволилъ; которое де допущеніе въ воспріемники учинилъ по оному ево попову согласію и позволенію, а не по своему веленію. А ежели бъ тѣхъ иновѣрныхъ онъ попъ къ воспріемничеству допустить не позволилъ и приказалъ ему Михайлу представить правовѣрныхъ воспріемниковъ, и представилъ.—А вышеявленной попъ Аникита по допросу онаго Балашева показалъ: онаго де Балашева рожшимся дѣтямъ ево въ прошломъ 1743 въ іюлѣ мѣсяцѣ младенцу Петру, въ 1744 годѣхъ младенцу Маріи воспріемники и воспріемницы оныхъ Биронова жена и дѣти ихъ или другіе правовѣрные были и ежель Биронова жена съ сыномъ были, то при нихъ изъ правовѣрныхъ другіе воспріемники тогда были ль и кто именно,—того онъ попъ, за многопрошедшимъ временемъ, сказать не упомнить, и того де ради о томъ въ прежнемъ своемъ допросѣ за тѣмъ безпамятствомъ и не показалъ. А по взятымъ во оное Ярославское духовное праленіе отъ всѣхъ града Ярославля священно-и-церковно-служителей извѣстіяхъ—въ нѣкоторыхъ церквахъ при крещеніи младенцевъ воспріемниками иновѣрные, хоша и были, но обще съ правовѣрными, а не одни. И того ради его архипастырство разсуждая, что по вышепоказаннымъ обстоятельствамъ означенной имѣющійся при манифактурахъ попъ Аникита оказался виноватымъ, потому что при трехъ крещеніяхъ допустилъ быть воспріемниками оныхъ иновѣрныхъ безъ правовѣрныхъ, чего дѣлать ему весма не надлежало, и хотя онъ выправляется, что ему допустить тѣхъ иновѣрныхъ въ воспріемники велѣлъ вышеявленной Михайло Балашевъ, а оный Балашевъ въ допросѣ своемъ отъ того отрекся, и подлежало было въ томъ имъ очныя ставки, однако же хотя бъ онъ Балашевъ ему о томъ допущеніи и приказывалъ, то бъ ему не надлежало его въ томъ слушаться для того, что онъ Балашевъ ему попу не командиръ, и о томъ его принужденіи надлежало ему попу его архипастырству объявить, а онъ какъ видно не токмо Балашеву не говорилъ, что ежели допустить ихъ, то церкви святой будетъ противно, но знатно изъ бездѣльной своей корысти въ томъ и желаніе не имѣлъ. Того ради учиненнымъ на томъ докладѣ за своеручнымъ своимъ архипастырскимъ подписаніемъ опредѣленіемъ за такую его продерзость отъ той церкви ево попа его преосвященство отрѣшилъ и повелѣлъ въ Ярославскомъ правленіи наказать ево попа Аникиту цепками съ прочитаніемъ 50 псалма при собраніи прочихъ священно-церковно-служителей и послѣ того имѣть ему служеніе въ Ярославлѣ съ кресца благословилъ; а ко избранію къ той церкви на мѣсто

архіерейскія и монастырскія вотчины отдавать въ подушной окладъ писать, потомъ брать оныхъ при производимомъ по епархіямъ разборѣ скаски или подписки за ихъ руками безъ всякаго принужденія, и потомъ при письменныхъ сообщеніяхъ отсылать ихъ въ губернскія провинціальныя канцеляріи, о которыхъ въ помянутыя мѣста и опредѣлять сами добровольно быть пожелали не пожела . . . . . ихъ мѣста и въ томъ имъ никому и никакимъ образомъ ни малѣйшаго насилія и принужденія не чинить. Въ 4-хъ, по прописаніи сообщеннаго отъ святѣйшаго правительствующаго синода при разборѣ за непоминаніемъ во всѣхъ мѣстахъ указнымъ числомъ въ излишествѣ протопоповскіе и поповскіе, діаконовскіе и причетниковы дѣти, также сами причетники, и дѣти ихъ должны неотмѣнно распредѣлены быть по желаніямъ ихъ на службу или подушной окладъ, не отъемля отъ нихъ и дѣтей ихъ, таковыхъ отрѣшенныхъ и въ излишествѣ оставшихъ отъ нихъ безъ дѣтей и въ подушной окладъ писать. А при выпискѣ вышеписанной Алексѣя Затрапезнова фабрики повѣренной служитель Семенъ Вешняковъ показалъ: означеннаго дьячка Петра Михайлова съ женою и дѣтьми его на предписанную фабрику въ вѣчное служеніе и положеніе при оной фабрикѣ въ подушной окладъ принять желаетъ, и положенныя подушныя деньги и другихъ государственныхъ зборовъ со отдачи ихъ на ту фабрику за нихъ повелѣно быть имѣетъ бездоимочно. Приказали: понеже означенной дьячекъ Петръ Михайловъ объявилъ за собою дѣло государственное, а въ прочіе показывалъ только на попа, а равно о неслуженіи имъ въ викторіальные дни церковной службы, кое за государственное дѣло причесть не почему, да и доносъ его о томъ же неоснователенъ, ибо онъ показывалъ будто его по этому дѣлу безвинно отъ церковнаго причта отрѣшили, выше значится объялено, что онъ за оказавшуяся по происходившему въ консисторіи дѣлу его дьячка виновность и продерзости, по лишенію церковнаго причта, ко опредѣленію посланъ, почему равно и открылось, что о тѣхъ ихъ неслуженіяхъ въ консисторіи изслѣдовано. И того ради за оное недѣльное имъ дьячкомъ за собою дѣла государственнаго объявленіе учинить ему жестокое наказаніе плетьми, и по желанію его, и что уже отъ церковнаго причта отрѣшенъ и присланъ къ опредѣленію, куда по указамъ надлежитъ, отдать его дьячка съ женою и съ дѣтьми, по силѣ предписанныхъ указовъ, въ вѣчное служеніе на означенную содержателя Алексѣя Затрапезнова фабрику, при которой и въ подушной окладъ его дьячка съ женой написать въ присланную изъ Московской губернской канцеляріи книгу и о вписаніи ихъ въ книгу и о взысканіи за нихъ на первую сего года половину подушныхъ и другихъ государственныхъ сборовъ и впредь съ помянутой фабрики бездоимочно жъ подушному сбору послать вѣденіе и Ростовскую духовную консисторію увѣдомить; а содержателю вышеписанной фабрики Алексѣю Затрапезнову о владѣніи онымъ дьячкомъ съ женою и дѣтьми его дать по силѣ указа 1744 года іюня 20 дня выпись со взятьемъ пошлинъ по указу“.

г)—Указы Вологодской духовной консисторіи 1783 года.

аа) по поводу обвиненія священника въ брани, дракѣ и допущенной имъ мокротѣ при служеніи въ церкви.

По указу ея императорскаго величества, Вологодская духовная консисторія, слушавъ экстрактъ, учиненной изъ слѣдственнаго дѣла по поданному апрѣля 24 дня 783 года преосвященнѣйшему Иринею, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, Вологодскаго уѣзда, Николаевской церкви, что на Валухѣ, отъ дьякона Петра Михайлова, дьячковъ Аѳанасья Иванова и Василья Иванова, да пономаря Михаила Алексѣева доношенію, которымъ представили: извѣстно де имъ, что того апрѣля 20 дня, въ вечеру, оной церкви священники Григорей Ивановъ и Василей Федоровъ, бывъ въ Прилуцкомъ селѣ на заставѣ, при народномъ собраніи, учиня между собою драчу, укоряли другъ друга воровствомъ, а въ чемъ—сами они показать имѣютъ, изъ чего де имѣютъ они сумнительство. А на 23 число, при отправленіи всепощнаго пѣнія въ чередѣ своей, священникъ Василей Федоровъ, въ олтарѣ стоявъ у жертвенника, въ облаченіи, испустилъ на полъ урину свою, и мѣсто оное на полу оттого смокло, а притомъ, яко для воскреснаго дни и праздника было и приходскихъ людей было довольно, и оное нѣкоторые видѣли. Резолюціею жь его преосвященства велѣно учинить разсмотрѣніе.—А допросами объявленные священники показали: Василей Федоровъ:—апрѣля де 20 дня, послѣ повечерія, пришелъ онъ къ имѣющейся въ семъ Прилуцкомъ, называемомъ Коровничѣ, заставѣ, для покупки про домашней расходъ рыбы, куды и товарищъ ево, вторый священникъ Григорей Ивановъ пришелъ же и сталъ просить у него, Василья, по своей части священническаго славленаго дохода; почему ему, Григорію, онъ Василей, сказалъ, что де часть ево имѣется у него, Василія, въ домѣ. И такъ онъ, Григорей, сказалъ: поди и часть ево доходу ему дай. Однакъ какъ онъ, Василей, такъ и товарищь ево, Григорей, по тотъ доходъ ево въ домъ къ нему, Василію, не ходили и драчи между собою никакой не чинили, но, разставшись другъ съ другомъ, ушли по домамъ. А на 23-е число, при отправленіи имъ Василіемъ, по чредѣ своей, всенощнаго пѣнія, въ олтарѣ, у жертвенника, стоявъ въ облаченіи, на полъ урины не испустилъ, а начавъ, по благословеніи хлѣбовъ, читать вечернее правило и принимая стоявшую въ томъ олтарѣ въ ведрѣ воду ковшомъ въ ротѣ своемъ отъ засохлости, которая была отъ многаго хожденія по приходскимъ для славленья деревнямъ, полоскалъ и ту изо рта своего воду изплескивалъ близь жертвенника къ стѣнѣ и мѣстами на полъ, отчего и здѣлалась мокрота; и ту мокроту тогда же стеръ съ полу отправляющій пономарскую должность дьячковъ сынъ Михайло Афанасьевъ, самъ собою, а не по приказу ево, священника. А въ то де 23 число въ показанной церкви литургію онъ отправлялъ, не объявя его преосвященству, потому что въ испущеніи на полъ урины виновнымъ себя не признавалъ; послѣ жь того числа служеніе

отправляется, за холодностію, въ теплой церкви.—Григорей Ивановъ: апрѣля де 20 числа, послѣ повечерія, пришедъ онъ, священникъ, къ имѣющейся въ селѣ Прилуцкомъ, называемомъ Коровничье, заставѣ, для покупки про домашней расходъ рыбы, священнику Василью Федорову о доходѣ своемъ выговорилъ; и какъ онъ, Василей, сказалъ, что де часть ево имѣется у него въ домѣ, то онъ, Григорей, ему, Василію, говорилъ, чтобъ онъ сходилъ и тотъ ево доходъ ему, Григорію, отдалъ на рыбу. Но когда онъ, Василей, сталъ медлить и не пошелъ, то онъ, Григорей, весма слегка, а не изъ азартности, ударилъ ево, Василья, по шапкѣ, выговоря такъ: что де ты, воръ, не хочешь ли у меня доходъ украсть, какъ перину укралъ? А онъ, Василей, ево, Григорья, воромъ не называлъ и ничѣмъ не укорялъ. Итакъ, болѣе не чиня между собою никакой ссоры и драки, разошлись по домамъ; а на другой день часть свою дохода онъ, Григорей, отъ него, Василья, получилъ сполна. Показанную жь перину унесъ онъ, священникъ Василей, изъ дому послѣ умершей дочери своей духовной, крестьянки Ксеньи Алексѣевы Жирковой; а почему унесъ и не отдана ль оная перина ему, Василію, кѣмъ и для чего,—того онъ, Григорей, показать не знаетъ.—Вышеписанныя жь доносители, дьяконъ Михайловъ съ причетниками, кромѣ дьячка Афанасья Иванова, въ доказательство показали: хотя де они въ поданномъ своемъ доношеніи и написали, что де апрѣля 20 числа объявленные священники Василей Федоровъ и Григорей Ивановъ, бывъ въ Прилуцкомъ селѣ на заставѣ, учиня между собою драчу, укоряли другъ друга воровствомъ, но точію изъ нихъ священникъ Григорей единожды ударилъ священника Василья Федорова по шапкѣ рукою и воромъ назвалъ, что слышали они, дьяконъ и причетники, отъ случившагося тутъ приходскаго своего человѣка, бывшей вотчины Спасоприлуцкаго монастыря крестьянина села Коровничья Степана Михайлова сына Обухова. А на 23 число, при отправленіи всенощнаго пѣнія, священникъ Василей Федоровъ, будучи пьянъ и стоя въ олтарѣ, у жертвенника, въ облаченіи, на полъ кирпичной урину подлинно испустилъ во время чтенія пареміи; и тогда жь, въ скорости по объявленіи объ ономъ случаѣ дьячка Афанасья Иванова сыномъ, отправляющимъ по указу пономарскую должность, Михаиломъ Афанасьевымъ, церковной староста, тое жь вотчины крестьянинъ Иванъ Михайловъ сынъ Москвиновъ, вошедъ въ олтарь, ту мокроту видялъ, да и другіе приходскіе люди, которые стояли на лѣвомъ крылосѣ, а имянно—Василей Ивановъ сынъ Шохинъ и предписанной Степанъ Обуховъ, Павелъ Алексѣевъ да Михайло Сергѣевъ Комаровы—съ того крылоса видѣть могли, въ чемъ на означенныхъ старосту и приходскихъ людей, представляя ихъ во свидѣтельство, онъ, діаконъ, и причетники слалися. По испущеніи жь урины, оной священникъ Василей, прикрывая свою винность, изъ ковша воду въ ротъ свой принималъ и на полъ близь жертвенника, къ стѣнѣ и по другимъ мѣстамъ исплескивалъ, каковая отъ урины и отъ исплескиванія мокрота дьячковымъ сыномъ Михаиломъ Афанасьевымъ была ль отирана, того онъ, діаконъ, и причетники не видяли; однакъ то знаютъ и видяли сами, что

оная мокрота имѣлась на полу, пока не высохла. При семъ же доказательствѣ пономарь Михайло Алексѣевъ приполнилъ, что 23 числа того жь апрѣля вышеобъявленному священнику Григорію говорилъ онъ, пономарь: что де служить въ той церкви за бывшими церковными покражами опасно, а къ тому жь и холодно. И такъ въ то число вечернее пѣніе, да и послѣ того понынѣ священнослуженіе отправляемо бываетъ въ теплой церкви.—Дьячекъ Афанасей Ивановъ въ доказательство жь говорилъ: при отправленіи де на 23 число апрѣля всенощнаго пѣнія священникъ Василей Федоровъ, будучи пьянъ и стоявъ въ олтарѣ у жертвенника, въ облаченіи, ево, дьячка, посылалъ отпереть церковныя съ южную страну двери сказавъ, что де надобно ему вытти помочится, почему взявъ онъ, дьячекъ, ключъ, тѣ двери отперъ и по отпертіи вошедъ въ олтарь, увидялъ, что стоятъ въ немъ той церкви діаконъ Петръ Михайловъ и церковной староста Иванъ Москвиновъ, а у жертвенника, на томъ мѣстѣ, гдѣ оной священникъ стоялъ, имѣется немалая мокрота. Въ протчемъ же показалъ онъ, дьячекъ Афанасей Ивановъ, сходственно, чтó дьяконъ Михайловъ и причетники объявили, и на тѣхъ свидѣтелей, которыхъ они во свидѣтельство представили, онъ, дьячекъ, слался жъ.—Во оправданіе жъ священникъ Василей Федоровъ объявилъ, что де онъ, при отправленіи на 23 число апрѣля всенощнаго бдѣнія, былъ не пьянъ, да пьяному быть не отъ чего, потому что, будучи съ товарищемъ своимъ, священникомъ Григорьемъ, и съ ними доносителями, по зву для славленья въ приходской своей деревнѣ Копьевѣ, у крестьянина Дмитрея Иванова, выпилъ онъ, священникъ, пива стокановъ с пять, и, стоявъ у жертвенника, урины на полъ подлинно не испустилъ; а когда дьячка Афанасья Иванова для отпертія съ южную сторону церковныхъ дверей посылалъ, сказавъ, что ево, священника, позвала тѣлесная нужда, и когда онъ, дьячекъ, отпиралъ, то во оное время принимая онъ, священникъ, воду въ ротъ отъ засохлости, полоскалъ и изо рта изплескивалъ. И по отпертіи оныхъ дверей для испущенія урины, снявъ съ себя священническое облаченіе, изъ церкви вонъ онъ, священникъ, выходилъ; и какъ обратно въ олтарь пришелъ, тогда церковнаго старосту Ивана Москвинова, да и прежде выхода изъ церкви, въ олтарѣ не видялъ. А видялъ ли онъ, Москвиновъ, и стоявшіе на лѣвомъ крылосѣ прихожане—Василій Шохинъ, Степанъ Обуховъ, Павелъ и Михайло Комаровы—видѣть могли ль бывшую на полу близь жертвенника, у стѣны и по другимъ мѣстамъ, а сверхъ того и на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ Василей, стоялъ, мокроту,—о томъ онъ, священникъ, показать не знаетъ; однакъ, какъ на означеннаго церковнаго старосту Москвинова, такъ и на протчихъ прихожанъ, кромѣ Павла Комарова, въ чемъ ссылались доносители, онъ, священникъ, во всемъ слался жъ. А на объявленнаго Комарова не слался, потому что де пьянствуетъ всегда, почему и можетъ изъ одной чарки вина показать на него, священника, въ угодность доносителямъ, всякую неправду. Дьячковъ же сынъ Михайло Афанасьевъ подлинно отъ исплескиванія ево, священника, изо рта мокроту тогда де стиралъ, точію сырость на полу была, пока не высохла,

Въ протчемъ же утвердился онъ, священникъ, на учиненномъ ему допросѣ.— И по опредѣленію консисторіи о допросѣ предписанныхъ свидѣтелей подъ присягою и о присылкѣ тѣхъ допросовъ въ оригиналѣ сообщено въ Вологодское намѣстническое правленіе, съ тѣмъ, что показанной священникъ Василій, при отправленіи на 23 число апрѣля всенощнаго пѣнія, пьянъ ли былъ, и изъ нихъ Москвинову, во время чтенія пареміи или въ другое какое время, отправляющій пономарскую должность дьячковъ сынъ Михайло Афанасьевъ о испущеніи онымъ священникомъ урины объявлялъ ли, и по тому объявленію онъ, Москвиновъ, вскорости въ олтарь вошелъ ли и мокроту, бывшую на полу, близь жертвенника, у стѣны и по другимъ мѣстамъ, а паче на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ, стоялъ, онъ, Москвиновъ, видялъ ли, а Шохинъ, Обуховъ и Комаровъ, будучи на крылосѣ, видѣли ль. А сего года, августа 18 дня, изъ реченнаго намѣстническаго правленія учиненные Вологодскимъ нижнимъ земскимъ судомъ вышеобъявленнымъ крестьянамъ допросы и присланы при сообщеніи. А тѣми допросами подъ присягою показывали: церковной староста Иванъ Москвиновъ: минувшаго де апрѣля на 23 число, при отправленіи всенощнаго пѣнія, Николаевской церкви, что на Валухѣ, священникъ Василій Федоровъ былъ пьянъ, и послѣ чтенія пареміи отправляющій пономарскую должность дьячковъ сынъ Михайло Афанасьевъ ему, Москвинову, о испущеніи онымъ священникомъ урины объявлялъ, и по тому объявленію онъ, Москвиновъ, въ скорости въ олтарь вошелъ и мокроту, бывшую на полу, близь жертвенника, на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ стоялъ, онъ, Москвиновъ, видялъ. Василій Шохинъ, Степанъ Обуховъ и Михайло Комаровъ: что того апрѣля на 23 число, при отправленіи всенощнаго пѣнія, священникъ Василей Федоровъ былъ пьянъ и что оной священникъ испущеніе урины въ олтарѣ, близь жертвенника, чинилъ ли—они не видяли, а мокроту на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ, стоялъ, они, Шохинъ, Обуховъ и Комаровъ, видяли.

А по справкѣ, вышеобъявленному сыну Михайлу Афанасьеву числится пятыйнадесять годъ. Въ нижеозначенныхъ законахъ изображено: въ Кормчей книгѣ, въ правилѣхъ св. апостолъ 27 ст.: „вѣрнаго или невѣрнаго бивъ, да извержется". Толкованіе: „епископъ, или презвитеръ, или діаконъ, аще біетъ досадившаго ему, вѣрнаго или невѣрнаго, и того ради боязнь влагая другимъ, да и тіи подобно тому не согрѣшаютъ къ тому, таковіи яко противно творятъ евангельскому закону, повелѣвающему: аще тя кто ударитъ за ланиту, обрати ему и другую,—да извержется, понеже отъ гордости и неудержанія ярости нанесе рану на искренняго". 42: „игрецъ и пьяница святитель аще не останется, тогда да извержется". Толкованіе: „аще который епископъ, или презвитеръ, или діаконъ играетъ и глумится, и люди глумитъ, и упивается, аще не останется того,—да извержется". Соборнаго уложенія, 10 главы, въ пунктахъ—160-мъ: „будетъ кто въ какихъ искѣхъ на кого пошлется изъ виноватыхъ, а тѣ люди по допросу скажутъ не противъ его ссылки, или и противъ его ссылки, да не всѣ въ одну рѣчь, хотя одинъ не по немъ скажетъ, или они ска-

жутъ, что про то дѣло ничего не вѣдаютъ, и его тѣмъ обвинить, потому что онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли, а они сказали не противъ его ссылки"; 167-мъ, между протчимъ: „а будетъ истецъ съ отвѣтчикомъ на судѣ пошлются оба на опчую правду, хотя на одного человѣка, и по опчей ссылкѣ дѣло и вершити". Въ указѣ 714 года марта 17 дня о фискалахъ и о ихъ должности, въ 5-мъ пунктѣ: „буде фискалъ на кого и не докажетъ всего, то ему въ вину не ставить (ибо невозможно о всемъ оному окуратно вѣдать); а буде ни въ маломъ не уличитъ, но всѣ доносы его будутъ неправы, однакожь ежели оной то учинилъ ни для какой корысти или злобы, то взять штрафъ съ него легкой, дабы впредь лучше осмотряся доносили". Въ Воинскомъ 15 артикулѣ, между протчаго: „ежели священникъ, во время службы Божія, пьянъ будетъ, тогда оный имѣетъ въ первый и другой разъ отъ началнаго священника при войскѣ жестоко за то наказанъ, а въ третій къ духовному суду отосланъ и потомъ своего чина и достоинства лишенъ быть". Въ Процесахъ, вторыя части, главы вторыя жь, о признаніи, въ 1 пунктѣ: „когда кто признаетъ, чѣмъ онъ виненъ есть, тогда далняго доказу не требуетъ, понеже собственное признаніе есть лутчее свидѣтельство всего свѣта". Присланнымъ изъ святѣйшаго правительствующаго сѵнода 1767 года, іюня 21 дня, указомъ священникамъ, іеромонахамъ какъ пристрастныхъ распросовъ, такъ и никакихъ телесныхъ наказаній чрезъ побои въ духовныхъ командахъ отнюдь не повелѣно, а единственно бъ исправляемы были, вмѣсто телеснаго наказанія, приличными духовенству трудами и отрѣшеніемъ отъ доходу и отъ приходу, по разсмотрѣнію.—Итакъ, изъ вышепрописаннаго слѣдствія открылось: 1) что апрѣля 20 числа, въ вечеру, будучи въ Прилуцкомъ селѣ на заставѣ, священникъ Григорей Ивановъ товарища своего, священника Василья Федорова, ударилъ слегка по шапкѣ, выговоря такъ: „что де ты воръ, и не хочетъ ли у него доходъ украсть, какъ и перину укралъ?" Но, по неточному своему знанію, въ уносѣ той перины его, Федорова, не доказалъ, почему симъ азартнымъ поступкомъ и учинилъ народному собранію не малой соблазнъ, а товарищу своему обиду и огорченіе. 2) Что при отправленіи того жь апрѣля на 23 число показаннымъ священникомъ Васильемъ Федоровымъ всенощнаго пѣнія оказалась у жертвенника на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, мокрота; а какъ оной священникъ Василій былъ тогда пьянъ и дьячка Афанасья Иванова посылалъ для отпертія церковныхъ дверей, сказавши: надобно де ему помочится,—слѣдовательно, что та мокрота явилась по усилившемуся въ немъ, во время отпиранія дверей, ко испущенію урины понужденію; однакъ, точно во ономъ утвердиться сумнительно, потому что яснаго во обличеніе сего случая доказательства ни отъ кого не представлено; къ тому жь и надлежащаго на немъ, священникѣ, свидѣтельства учинено не было Приказали: означенныхъ священниковъ отослать въ монастырскія труды при указѣхъ—Василья Федорова, по наведенному сумнительству о испущеніи имъ урины, а паче за оказавшееся пьянство, на полгода, а Григорья Иванова, за азартной поступокъ, на одинъ мѣсяцъ; по прошествіи жь сро-

ковъ, обязавъ ихъ въ добропорядочномъ житіи наикрѣпчайшими подписками, уволить къ должностямъ по прежнему. Прежде жь сіе опредѣленіе взнесть къ его преосвященству, для конфирмаціи.

Подъ этимъ документомъ подписались: архимандритъ (имя не разобрано), Глушицкаго монастыря игуменъ Август....., софійскій протоіерей Іоаннъ, градскій протоіерей Андрей и секретарь Поярковъ. Ниже этихъ подписей помѣта: „подписано сентября 13 дня 1783 года". Еще ниже: „копія взята во 2-е повытье". На первомъ листѣ конфирмація Иринея: „учинить по сему".

бб) О повѣнчаніи крестьянина съ „насильно" увезенной имъ невѣстой.

По указу ея императорскаго величества Вологодская духовная консисторія, слушавъ учиненной экстрактъ изъ слѣдственнаго дѣла по сообщенной изъ бывшаго Вологодскаго экономическаго правленія промеморіи о насильномъ увозѣ вологодскаго помѣщика Александра Ушакова дворовымъ человѣкомъ Петромъ Даниловымъ, съ сестрою ево Афросиньею Даниловою, экономическаго вѣдомства бывшей вотчины Страстныя Богородицы дѣвичья монастыря деревни Кочерешки крестьянской дѣвки Ефимьи Яковлевой и обвѣнчаніи ее Кириловскаго уѣзда упраздненной Антоніевской пустыни, что на Черныхъ Озеркахъ, священникомъ Тимофеемъ Ильинымъ, того Ушакова съ крестьяниномъ деревни Андронова Даниломъ Петровымъ. А по слѣдствіямъ, произведеннымъ какъ въ консисторіи, такъ въ Грязовицкомъ и Череповскомъ уѣздныхъ судахъ, открылись виновными: 1-й—помянутый священникъ Тимофей Ильинъ, что онъ по прозбѣ показаннаго Ушакова крестьянъ, а паче по письму ево, Ушакова, объявленнаго крестьянина Данила Петрова съ означенною дѣвкою Ефимьею Яковлевою не своего, но чужого прихода, и безъ учиненія, въ силу законовъ, обыску, къ тому жь и не въ указной день, то есть въ суботу на воскресенье, обвѣнчалъ будто бъ за десять копѣекъ; но объявленной крестьянинъ Петровъ и сваха утвердили, что посланные съ ними отъ упомянутаго помѣщика Ушакова при письмѣ денегъ два рубли ему священнику за то вѣнчаніе отдали. 2-й—помянутой пустыни дьячекъ Андрей Лаврентьевъ при браковѣнчаніи означеннаго брака имѣлся и должность свою отправлялъ, въ вѣнчаніи жъ показаннаго брака оному священнику не препятствовалъ, а показывалъ, якобы объявленной священникъ во время вѣнчанія имѣлся хмеленъ, а потомъ, будучи со онымъ священникомъ на очной ставкѣ, говорилъ, что де оной священникъ имѣлся при вѣнчаніи не пьяной. 3-й—предписанной помѣщикъ Александръ Ушаковъ, потому что, призвавъ своихъ двороваго человѣка Петра Данилова и сестру ево, Петрову, родную, Ефросинью Данилову, а онаго жениха Данила мать, да крестьянъ Петра Васильева, Василья Игнатьева и онаго Данила къ себѣ, приказалъ всѣмъ имъ ѣхать въ помянутую деревню Кочерешку для взятья означенной дѣвки Ефимьи Яковлевой за него, Данила, замужъ; а хотя оттого отговариваясь, что той деревни Кочерешки крестьяне ихъ убьютъ, но оной помѣщикъ на нихъ закрычалъ и, ногами затопавъ, сказалъ, чтобъ подали плетей, то де они по тому страху всѣ поѣхали во оную

деревню. По пріѣздѣ жъ, у дому крестьянина Семена Петрова подъ окошкомъ постучавъ, гдѣ выглянувъ означенная дѣвка Афимья, и усмотря ворота незаперты, всѣ они вошли въ избу, не говоря ничего, и взявъ ее, Ефимью, стаща и посадя въ сани, къ матерѣ его въ колѣни, привезли жъ ко оному помѣщику Ушакову; то оной Ушаковъ, написавъ письмо, велѣлъ имъ ѣхать къ предписанному священнику Ильину, которому съ ними послалъ денегъ два рубли. По пріѣздѣ жъ, они какъ письмо, такъ равно и деньги, отдали оному священнику. И за то предписанной дѣвки увезеніе и насильное съ помянутымъ крестьяниномъ Даниломъ Петровымъ вѣнчаніе, по опредѣленію Череповскаго уѣзднаго суда, наказанъ онъ, Данило, плетьми. Приказали: предписанной бракъ, за силу прописанныхъ въ пріобщенномъ при семъ экстрактѣ законовъ, отнюдь дѣйствительнымъ не почитать, и для того ихъ отъ сожитія развесть вовсе, съ тѣмъ, чтобъ ему Данилу, ее, Ефимью, женою, такъ и ей, Ефимьѣ, его, Данила, мужемъ не называть, въ чемъ ихъ обязать подписками, и о томъ какъ къ тамошнему десятоначальнику, такъ и къ приходскимъ священникамъ предписать указами, равно жъ Череповскому уѣздному суду и нижней расправѣ объ ономъ расторгнутомъ бракѣ дать знать сообщеніями. А означенныхъ священника и дьячка, что они чюжаго приходу помянутаго крестьянина Данила Петрова съ увезенною дѣвкою Ефимьею Яковлевою, какъ безъ надлежащаго отъ священника того приходу, въ которомъ женихъ и невѣста жительство имѣютъ, повелѣнія, такъ и безъ учиненія указнаго обыску, а паче не въ указной день браковѣнчать насильно отважились, въ противность святыхъ правилъ и указовъ, послать немедленно въ монастырскія труды, священника на годъ, а дьячка на три мѣсяца; по прошествіи жъ срока, по обязаніи надлежащею подпискою, уволить ихъ къ должности. Предписаннаго жъ помѣщика Ушакова за предписанной его проступокъ, о оштрафованіи по своему разсмотрѣнію, сообщить Вологодскому намѣстническому правленію. Прежде же сіе опредѣленіе взнесть къ преосвященнѣйшему Иринею, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, для конфирмаціи, причемъ приложить и показанной экстрактъ на разсмотрѣніе.

Подписали: архимандритъ (имя не разобрано), софійской протоіерей Іоаннъ и секретарь Кирила Поярковъ. Внизу помѣта: „подписано ноября 2 дня 1783 года". На первомъ листѣ: „учинить по сему".

вѣ) О повѣнчаніи по приказу помѣщика майорской дочери съ крестьяниномъ.

По указу ея императорскаго величества, Вологодская духовная консисторія, слушавъ экстрактъ, учиненной изъ слѣдственнаго дѣла, по присланному декабря 5 дня 1781 года изъ Вологодскаго намѣстническаго правленія сообщенію, о содержащейся подъ стражею бѣглой отъ титулярнаго совѣтника Алексѣя Иванова Скорятина крестьянской женкѣ, майорской дочерѣ Аннѣ Ивановой, которая де онымъ Скорятинымъ выдана замужъ сильно за крестьянина его, Вологодскаго уѣзда, села Березника, Михайла Парфенова; а тѣмъ сообщеніемъ требовано о присылкѣ того священника, которой браковѣнчалъ, къ допросу и къ очной съ нею, Ивановою, ставкѣ

ковъ, обязавъ ихъ въ добропорядочномъ житіи наикрѣпчайшими подписками, уволить къ должностямъ по прежнему. Прежде жь сіе опредѣленіе взнесть къ его преосвященству, для конфирмаціи.

Подъ этимъ документомъ подписались: архимандритъ (имя не разобрано), Глушицкаго монастыря игуменъ Август....., софійскій протоіерей Іоаннъ, градскій протоіерей Андрей и секретарь Поярковъ. Ниже этихъ подписей помѣта: „подписано сентября 13 дня 1783 года". Еще ниже: „копія взята во 2-е повытье". На первомъ листѣ конфирмація Иринея: „учинить по сему".

бб) О повѣнчаніи крестьянина съ „насильно" увезенной имъ невѣстой.

По указу ея императорскаго величества Вологодская духовная консисторія, слушавъ учиненной экстрактъ изъ слѣдственнаго дѣла по сообщенной изъ бывшаго Вологодскаго экономическаго правленія промеморіи о насильномъ увозѣ вологодскаго помѣщика Александра Ушакова дворовымъ человѣкомъ Петромъ Даниловымъ, съ сестрою ево Афросиньею Даниловою, экономическаго вѣдомства бывшей вотчины Страстныя Богородицы дѣвичья монастыря деревни Кочерешки крестьянской дѣвки Ефимьи Яковлевой и обвѣнчаніи ее Кириловскаго уѣзда упраздненной Антоніевской пустыни, что на Черныхъ Озеркахъ, священникомъ Тимофеемъ Ильинымъ, того Ушакова съ крестьяниномъ деревни Андронова Даниломъ Петровымъ. А по слѣдствіямъ, произведеннымъ какъ въ консисторіи, такъ въ Грязовицкомъ и Череповскомъ уѣздныхъ судахъ, открылись виновными: 1-й—помянутый священникъ Тимофей Ильинъ, что онъ по прозбѣ показаннаго Ушакова крестьянъ, а паче по письму ево, Ушакова, объявленнаго крестьянина Данила Петрова съ означенною дѣвкою Ефимьею Яковлевою не своего, но чужого прихода, и безъ учиненія, въ силу законовъ, обыску, къ тому жь и не въ указной день, то есть въ суботу на воскресенье, обвѣнчалъ будто бъ за десять копѣекъ; но объявленной крестьянинъ Петровъ и сваха утвердили, что посланные съ ними отъ упомянутаго помѣщика Ушакова при письмѣ денегъ два рубли ему священнику за то вѣнчаніе отдали. 2-й—помянутой пустыни дьячекъ Андрей Лаврентьевъ при браковѣнчаніи означеннаго брака имѣлся и должность свою отправлялъ, въ вѣнчаніи жъ показаннаго брака оному священнику не препятствовалъ, а показывалъ, якобы объявленной священникъ во время вѣнчанія имѣлся хмеленъ, а потомъ, будучи со онымъ священникомъ на очной ставкѣ, говорилъ, что де оной священникъ имѣлся при вѣнчаніи не пьяной. 3-й—предписанной помѣщикъ Александръ Ушаковъ, потому что, призвавъ своихъ двороваго человѣка Петра Данилова и сестру ево, Петрову, родную, Ефросинью Данилову, а онаго жениха Данила мать, да крестьянъ Петра Васильева, Василья Игнатьева и онаго Данила къ себѣ, приказалъ всѣмъ имъ ѣхать въ помянутую деревню Кочерешку для взятья означенной дѣвки Ефимьи Яковлевой за него, Данила, замужъ; а хотя оттого отговариваясь, что той деревни Кочерешки крестьяне ихъ убьютъ, но оной помѣщикъ на нихъ закрычалъ и, ногами затопавъ, сказалъ, чтобъ подали плетей, то де они по тому страху всѣ поѣхали во оную

деревню. По пріѣздѣ жь, у дому крестьянина Семена Петрова подъ окошкомъ постучавъ, гдѣ выглянувъ означенная дѣвка Афимья, и, усмотря ворота незаперты, всѣ они вошли въ избу, не говоря ничего, и, взявъ ее, Ефимью, стаща и посадя въ сани, къ матерѣ его въ колѣни, привезли жь ко оному помѣщику Ушакову; то оной Ушаковъ, написавъ письмо, велѣлъ имъ ѣхать къ предписанному священнику Ильину, которому съ ними послалъ денегъ два рубли. По пріѣздѣ жь, они какъ письмо, такъ равно и денги, отдали оному священнику. И за то предписанной дѣвки увезеніе и насильное съ помянутымъ крестьяниномъ Даниломъ Петровымъ вѣнчаніе, по опредѣленію Череповскаго уѣзднаго суда, наказанъ онъ, Данило, плетми. Приказали: предписанной бракъ, за силу прописанныхъ въ пріобщенномъ при семъ экстрактѣ законовъ, отнынѣ дѣйствительнымъ не почитать, и для того ихъ отъ сожитія развесть вовсе, съ тѣмъ, чтобъ ему Данилу, ее, Ефимью, женою, такъ и ей, Ефимьѣ, его, Данила, мужемъ не называть, въ чемъ ихъ обязать подписками, и о томъ какъ къ тамошнему десятоначальнику, такъ и къ приходскимъ священникамъ предписать указами, равно жь Череповскому уѣздному суду и нижней расправѣ объ ономъ расторгнутомъ бракѣ дать знать сообщеніями. А означенныхъ священника и дьячка, что они чюжаго приходу помянутаго крестьянина Данила Петрова съ увезенною дѣвкою Ефимьею Яковлевою, какъ безъ надлежащаго отъ священника того приходу, въ которомъ женихъ и невѣста жительство имѣютъ, повелѣнія, такъ и безъ учиненія указнаго обыску, а паче не въ указной день браковѣнчать насильно отважились, въ противность святыхъ правилъ и указовъ, послать немедленно въ монастырскія труды, священника на годъ, а дьячка на три мѣсяца; по прошествіи жь срока, по обязаніи надлежащею подпискою, уволить ихъ къ должности. Предписаннаго жь помѣщика Ушакова, за прописанной его проступокъ, о оштрафованіи по своему разсмотрѣнію, сообщить Вологодскому намѣстническому правленію. Прежде же сіе опредѣленіе взнесть къ преосвященнѣйшему Иринею, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, для конфирмаціи, причемъ приложить и показанной экстрактъ на разсмотрѣніе.

Подписали: архимандритъ (имя не разобрано), софійскій протоіерей Іоаннъ и секретарь Кирила Поярковъ. Внизу помѣта: „подписано ноября 2 дня 1783 года". На первомъ листѣ: „учинить по сему".

вв). О повѣнчаніи по приказу помѣщика майорской дочери съ крестьяниномъ.

По указу ея императорскаго величества, Вологодская духовная консисторія, слушавъ экстрактъ, учиненной изъ слѣдственнаго дѣла, по присланному декабря 5 дня 1781 года изъ Вологодскаго намѣстническаго правленія сообщенію, о содержащейся подъ стражею бѣглой отъ титулярнаго совѣтника Алексѣя Иванова Скорятина крестьянской женкѣ, майорской дочерѣ Аннѣ Ивановой, которая де онымъ Скорятинымъ выдана замужъ силно за крестьянина его, Вологодскаго уѣзда, селца Березовки, Михайла Парфенова; а тѣмъ сообщеніемъ требовано о присылкѣ того священника, которой браковѣнчалъ, къ допросу и къ очной съ нею, Ивановою, ставкѣ.

По справкѣ жь въ консисторіи оказалось, что помянутой крестьянинъ Парфеновъ съ оною Ивановою вѣнчанъ Вологодскаго уѣзда Николаевской церкви, что на Ламанихѣ, священникомъ Матфеемъ Максимовымъ ноября 13 дня 1779 года; по которому требованію оной священникъ Максимовъ въ реченное намѣстническое правленіе къ надлежащему слѣдствопроизводству изъ здѣшней консисторіи и отправленъ при сообщеніи. А генваря 19 дня прошлаго 1782 году изъ того правленія означенной священникъ и съ произведенныхъ въ Вологодскомъ уѣздномъ судѣ допроса и съ очныхъ съ маіорскою дочерью ставокъ копіи присланы въ здѣшнюю консисторію, для поступленія съ нимъ, священникомъ по законамъ. Допросомъ же оной священникъ показалъ: отъ роду имѣетъ пятьдесятъ пятой годъ, во священникахъ находится съ 755-го году въ одномъ приходѣ. Въ прошломъ 1779 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по прозбѣ титулярнаго совѣтника Алексѣя Иванова сына Скорятина, которымъ призванъ былъ онъ, священникъ, въ состоящей въ сельцѣ Березовкѣ домъ ево, Скорятина, гдѣ оной Скорятинъ и просилъ ево, священника, чтобъ крѣпостную ево дѣвку Анну Иванову, привезенную въ то селцо Березовку, обвѣнчать на крестьянинѣ ево того жь селца Березовки Михайлѣ Парфентьевѣ; а подлинно ль та дѣвка Анна Иванова по какимъ крѣпостямъ ему, Скорятину, досталась,—онъ, священникъ, того не слыхалъ, а только увѣрясь на показаніи ево, Скорятина, что онъ, Скорятинъ, ему, священнику, сынъ духовной; а письменнаго виду въ томъ вѣнчаніи онъ, Скорятинъ, никакого не далъ. Почему онъ, священникъ, по таковому случаю, что оная дѣвка съ вышеписаннымъ крестьяниномъ привезена была къ церквѣ съ поѣздомъ вотчины брегадира Михайла Родіоновича Кошелева деревни Порозова крестьянина Василья Андреева, деревни Петрушкина Василья жь Осипова, кои отъ жениха и подписались, а съ невѣстиной стороны никого не было,—обвѣнчалъ, и по обвѣнчаніи они поѣхали въ домъ вышеписаннаго Скорятина, въ то селцо Березовку. А при вѣнчаніи жь та дѣвка Анна Иванова, чьего она имянно роду, ему, священнику, въ той церкви, какъ при обрученіи, такъ и при вѣнчаніи ничего не объявляла, и послѣ жь вѣнчанія ни въ каковое время, какъ тотъ помѣщикъ Скорятинъ, такъ и оная дѣвка Анна Иванова, и мужъ ее, крестьянинъ Михайло Парфентьевъ, о ее рожденіи никогда не объявляли. А на очныхъ ставкахъ показали—женка Анна Иванова: что вышеписанной священникъ титулярнымъ совѣтникомъ Алексѣемъ Скорятинымъ призыванъ былъ на вечеру въ домъ ево, Скорятина, состоящей въ селцѣ Березовкѣ, отъ коего и приказано было ему, священнику, ее, Иванову, обвѣнчать на крѣпостномъ своемъ того жь селца Березовки крестьянинѣ Михайлѣ Парфентьевѣ; въ которое время она, женка Иванова, ему священнику объявляла, что она не крѣпостная того Скорятина, а маіорская дочь Ивана Долгорукова, чтобъ онъ, священникъ ее не вѣнчалъ, но токмо онъ того не послушалъ и въ ночное время обвѣнчалъ. Священникъ Матфей Максимовъ: что де онъ вышеписанную дѣвку, по прозбѣ того Скорятина, вѣнчалъ безъ всякаго писмяннаго виду при вечерѣ, а пьянъ въ тогдашнее время не былъ, а толко у того Ско-

рятина въ домѣ выпилъ одну чарку вина; а чтобъ она, Иванова, была тому Скорятину не крѣпостная, того, какъ въ домѣ, такъ и въ церквѣ, не показывала, и онъ, священникъ, не слыхалъ, и оные деревни Скорятина въ приходѣ не въ его, тожъ и селцо Березовка; а вѣнчалъ по прозбѣ ево, помѣщика Скорятина. По опредѣленію жь консисторіи въ реченное намѣстническое правленіе сообщено съ тѣмъ, что въ дополненіе слѣдствія о насильномъ вѣнчаніи вышеозначеннымъ священникомъ Матфеемъ Максимовымъ крестьянина Михайла Парфентьева съ маіорскою дочерью Анною Ивановою потребно вѣдать: объявленной священникъ, при вѣнчаніи брачившихся, спрашивалъ ли, и они объявили ль свое согласіе и произволеніе порознь, или не было которое лицо, а особливо невѣста, согласно, и священникъ, что показалъ, и доказанъ ли въ непроизвольномъ бракѣ или не доказанъ, и было ль на то какое свидѣтельство или другія какія обстоятельства, и о томъ о всемъ доставить консисторіи подлежащее свѣдѣніе. А сего ноября 3 числа, въ присланномъ изъ онаго намѣстническаго правленія сообщеніи, между протчаго, значится: показанной де крестьянинъ Михайло Парфентьевъ за умертвіемъ, а бывшіе при томъ бракѣ въ поѣзду вотчины брегадира Михайлы Кошелева крестьяне деревни Порозова Василей Андреевъ, да деревни Петрушкина Василей Осиповъ, кои де отъ жениха и подписались, а съ невѣстиной стороны никого не было,—по ненадобности не допрашиваны; обстоятельствъ же къ доказательству поминаемаго священника Матфея Максимова въ ономъ сообщеніи никакихъ не значится, кромѣ тѣхъ объясненій, кои отъ онаго священника въ допросѣ и будучи съ предписанною маіорскою дочерью на очныхъ ставкахъ показаны. По справкѣ жь оказалось: поданнымъ ґенваря 14 дня 1780 году Вологодскаго уѣзда, Покровской церкви, что на Маслянѣ, священникъ Симеонъ Васильевъ съ причетники доношеніемъ представляли о обвѣнчаніи приходу ихъ безъ дозволенія ево, священника, вышеобъявленнымъ священникомъ Матфеемъ Максимовымъ двухъ поминаемаго селца Березовки крестьянъ, въ томъ числѣ вышеозначеннаго Михайла Парфентьева съ объявленною Анною Ивановою ноября 13-го 1779-го да генваря 8 числа 1780 годовъ, и помѣщика ихъ, показаннаго Алексѣя Скорятина. По обьявленному жь онымъ священникомъ при допросѣ писанному тогожь числа ноября предъ браковѣнчаніемъ отъ поѣзжанъ обыску, объявленная Анна Иванова показана дворовою дѣвкою. И по произведеніи слѣдствія, а по опредѣленію консисторіи, оной священникъ Максимовъ, за вѣнчаніе изъ чужаго приходу браковъ посланъ былъ въ манастырскіе труды на два мѣсяца. Да сверхъ того касалось до него, священника Максимова, слѣдственное дѣло о насильномъ выданіи коллежскимъ протоколистомъ Григорьемъ Калинниковымъ и обвѣнчаніи имъ, священникомъ, дворовой ево, Калинникова, дѣвки Ульяны, Петровы дочери, вотчины госпожи адмиралши Парасковьи Яковлевны Мятлевой за двороваго человѣка, по которому дѣлу, а по опредѣленію жь консисторіи, учиненному октября 4-го 1777 года, велѣно онаго священника, въ знакъ оштрафованія,

послать безъ священнослуженія въ труды манастырскія на пять мѣсяцовъ, или взыскать съ него, вмѣсто онаго въ манастырѣ бытія, денегъ пятнадцать рублевъ, которыя онъ, по желанію своему и внесъ. А болѣе о подозрѣніяхъ на него, священника, дѣлъ не оказалось. Въ нижеписанныхъ законахъ изображено: въ Кормчей книгѣ о тайнѣ супружества: „сіе есть законнаго брака между протчаго: да не дерзнетъ никакоже іерей, подъ правилною казнію и подъ грѣхомъ смертнымъ, никого же вѣнчати по обѣдѣ, ниже вечеръ, но по рану, ничтоже ядшихъ, ниже пившихъ; абіе по божественной литургіи или по не по часехъ, предъуготовленныхъ и уже исповѣданнымъ сущихъ, да вѣнчаетъ". Въ Воинскомъ 148 артикулѣ: „челобитчикъ имѣетъ челобитье свое право доносить и остерегать себя, чтобъ ничего не прибавлять, чего доказать не можетъ, что подлинно учинено, а ежели неправое челобитье учинитъ, то и онъ наказанъ будетъ равно какъ и другіе". Въ Процессахъ, вторыя части, главы первыя, о доказаніи, во 2 пунктѣ: „паче всего надлежитъ челобитчику жалобы своей исправно доказать, ибо ежели челобитчикъ оного, о чемъ онъ жалобу приноситъ, доказать не можетъ, то можетъ потомъ отвѣтчикъ отъ суда освобожденъ быть". Приказали: хотя вышеозначенной священникъ Матѳей Максимовъ и присланъ къ законному съ нимъ поступленію за вѣнчаніе насилно выданной титулярнымъ совѣтникомъ Алексѣемъ Скорятинымъ маіорской дочери Анны Ивановы, но какъ оная маіорская дочь, будучи съ нимъ, священникомъ, на очныхъ ставкахъ, показывала, якобы она въ домѣ реченнаго Скорятина, въ то время, когда онъ, священникъ, былъ имъ, Скорятинымъ, призыванъ и приказано было обвѣнчать, то де ему, священнику, обьявила, что де она, Анна, не крѣпостная того Скорятина, а маіорская дочь, и чтобъ ее не вѣнчалъ, но токмо де не послушавъ, обвѣнчалъ. Священникъ же Максимовъ говорилъ, что де вѣнчалъ ее, Анну, при вечерѣ, по прозбѣ означеннаго Скорятина, а чтобъ она была ему, Скорятину, не крѣпостная, того какъ въ домѣ, такъ и въ церкви, не сказывала. Другихъ же обстоятельствъ къ доказательствуево, священника Максимова никакихъ не оказалось. И въ разсужденіи сихъ резоновъ въ насилномъ вѣнчаніи онаго священника Максимова виновнымъ признать не можно. А что онъ Максимовъ, тотъ бракъ вѣнчалъ при вечерѣ, то въ ономъ не мало погрѣшилъ, и потому оштрафовать ево поклонами, чего ради и положить ему, священнику, чрезъ пять дней, въ Софійскомъ катедральномъ соборѣ 500 великихъ поклоновъ; по исполненіи жь, обязавъ ево наикрѣпчайшею, въ чемъ слѣдуетъ, подпискою, уволить къ должности. Прежде жь сіе опредѣленіе взнесть къ преосвященнѣйшему Иринею, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, для конфирмаціи.

Подписали: архимандритъ (имя не разобрано) и Кирила Поярковъ— Внизу помѣта: „подписано ноября 23 дня 1783 года". На первомъ листѣ конфирмація: „учинить по сему".

Сообщилъ Дѣйствительный Членъ **Андрей Титовъ.**

5.—Сербскіе списки книгъ истинныхъ и ложныхъ.

И. В. Ягичъ въ своей статьѣ „Slovenski tekstovi kanona o knjigama staroga i novoga zavjeta pojedno s indeksom lažnih knjiga“ (Starine, югослав. акад. (1877), IX), напечаталъ по сербской рукописи XVI в. В. И. Григоровича „Списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ“*), назвавъ его русско-сербскимъ (стр. 107) и отмѣтивъ рѣдкость этого текста (svojega roda unicum—98), а также предположивъ, что онъ представляетъ копію со старшаго текста (напр., вѣка XV-го). Происхожденіе этого текста отъ русскаго не подлежитъ сомнѣнію: это видно и изъ русизмовъ, застрявшихъ въ сербскомъ спискѣ, и изъ упоминанія въ немъ памятниковъ, чисто русскихъ по происхожденію или употребленію. Фактъ этотъ—происхожденіе сербскаго текста отъ русскаго—весьма любопытенъ: въ немъ мы видимъ результатъ обратнаго литературнаго теченія изъ Руси на югъ славянства—явленіе, еще довольно слабо освѣщенное для времени до XVIII в. въ исторіи нашей литературы. Фактъ этотъ—перенесеніе индекса русскаго на югъ—не случайность; т. е., этотъ списокъ не есть „unicum“. Если Ягичу былъ извѣстенъ только одинъ текстъ 30 лѣтъ назадъ, то теперь мнѣ сталъ, благодаря любезности К. І. Иречка, извѣстенъ еще текстъ, именно, по рукописи Рыльскаго монастыря (въ Болгаріи) № 78: это—„Дамаскинъ инокъ и иподіаконъ и Студитъ“ XVI в.**); на послѣднихъ его листахъ рукой позднѣйшей (ок. 1700 г.) приписка, содержащая (правда, безъ начала) тотъ же индексъ, что и въ рукописи Григоровича, изданной И. В. Ягичемъ. Привожу цѣликомъ этотъ небольшой текстъ, отмѣчая (въ скобкахъ) варьянты изъ Григоровичева текста и (внизу) изъ списка XV в. (у Ягича).

„Іоанъ Лѣствичникь, написавшаго Лѣствицу на Синаискую гору[1]), Синаить—Григоріе Декаполить—Григоріе папа Римскы—Григоріе Акрагански.—Григоріе Синаить—Григоріе Двоесловець (Двоесловь).—Курілль Александрьскы—Курилъ Іерусалимскы—Курилъ словенскы.—Діонисіе Ареопагить.—Ирины[2]).—Петрь русы—Спиридонь—Злата Матица—Чепь—Анастасіе Синаиские горы—Аѳанасіе Александрьскы—Сумеонь Богопріемнець (—пріемць)—Евводіе (Евдовіе)—Варламь, Иосафь—Ефремь Сиринь—Максимь—Ниль—Никонь—Лапсаккь (Лапсаикь)—Ѳеодорь Сту-

---

*) Рукопись эта (четыре листка въ маленькую 8-у, выдранныхъ изъ цѣльной рукописи) теперь въ Рум. муз. № 1711; относить ее слѣдуетъ къ XVII в., а не къ XVI-му.

**) Въ числѣ Рыльскихъ рукописей „Дамаскиновъ“ извѣстно два; о нихъ см. *П. А. Лаврова* „Дамаскинъ Студитъ и сборники его имени „Дамаскины“ въ юго-славянской письменности“ (Одесса 1899), стр. 5, также *Б. Цонева* „Новобългарска письменность прѣди Паисия“—Бълг. Прѣгледъ, VIII (1894).

[1]) „нап....“ нѣтъ.

[2]) Въ русск. инд. XV в. іриніи.

діискы [1])—Ѳеодорь Едеискы (Едескыи)—Иасафь—Генадіе, зовомаго (зовуми) Златоструи.—Хронографь (лѣтописць) [2])—Родословіе.—Гльбина—Бисерь—Крьница—Маргарить Жемчюгь—Меѳодіи Параамскы—Василіе Новоявленіи—Пчела—Лѣтописець (лѣтопись) [3]) Великіе горы—Иосифь Маѳатинь (Мататинь)—Козма Индикопловь—Козма Халкыдонскы [4]).—Ісаакь Сираанинь (сиріанинь)—Дороѳеи—Діоптра, зовомаго (глаголема) Зрьцало—Уставь светыхь отець—Другы Уставь иконіискы.—Пандекть—Лимонись—Антіохь—Ісусъ Сираховичь—Словоположникь—Законикь—Стословь.—Андреи Уродивіи—Даніиль Странникь.—Епифаніе Купрьскы (Купру) [5])—Іяковь жидовинь—Судьбникь—12 Минеи чьтомыхь, вь нихже написано житіе светыхь пророкь и апостоль и светитель и страсти мученичьскые.—Патерикь Египтьскыи—Патерикь пещеры (пещере) Куовскые (Кіевскые).

А сіе книги [6]) льжныхъ сьписаніа, сіа суть, ихже недостоить (не подобаеть) дрьжати: Съставленіи мирсци (мирстіи) псалми: гредѣте вьсіи вѣрніи и друго гредѣте, Крьсту твоему вьдружааше се на земли—Адамь і [7]) Енохь—Патріарси—Сісинова молитва [8])—Адамль завѣть—Псалми Соломоновы—Иліино обявленіе (обьявленіе)—Исаіино видѣніе—Іяковля повѣсть.—Петрово обьявленіе—Обходіи апостольсціи—Варнавово (Варнавино) посланіе.—Павлово дѣяніе льжею складно [9])—Павлово обьявленіе—Еуангеліе отъ Варнавыи—Еуангеліе о (отъ) Ѳомѣ—Паралипомень: что орла слали въ Вавилонь кь Іеремію.

Суть же і ина много (льжна словеса сіа) оть льжных словесникь сложеніа [10]), еже есть сіе: Іоаннь Богослова (Іо. богослову), еже есть: слыши, праведни Іоане—Варѳоломееви вьпроси кь Богородици.—Епистоліа о недѣли—О дрѣвѣ крьстнѣ льгано—и Хожденіе Петрово по вьзнесеніи Господни: что отрочете (отрочетемь) Христа продавали, что по сухо (суху) рыби ходили.—Дѣтство Христово—Богородицу хожденіе по мукахь (мукамь)—Лобь Адамовь: что седемь царіе под нымь сѣдѣли—Имена ангеломь—О службѣ таинь Христовыхь: что познеть обѣдію, врата небесна затворется и попа кльнуть—и Прѣніе діаволе сь Христомь.—О пустиници Макаріи римстѣмь [11]) (Макаріа римскаго): что тры чрьнци нашли его.—О Соломоніи царіи и о Кутоврасіе басны кощуны.—О 12 Іяковличи.—Глаголема Лѣствица.

---

[1]) Ѳ. С.—нѣтъ.
[2]) Сп. XV в.—гронографъ.
[3]) Сп. XV в.—лѣтописецъ.
[4]) Здѣсь въ Григоров.—Ѳеодоръ Студитъ.
[5]) Кипрьскы—текстъ XV в.
[6]) А книгь—Григор. сп.
[7]) і—нѣтъ.
[8]) Сп. XV в.—Сифова.
[9]) Сп. XV в.—складено.
[10]) многа отъ лжесловесникъ сложена—сп. XV в.
[11]) Такъ и въ сп. XV в.

Сут же мученица криво складено, а не тако, якоже есть истинно писано въ Минѣяхъ чьтомыхъ или въ пророкохъ (и о мученицѣхь льжно написано въ пророкохь)[1]): Георгіово мученіе, рекше (како) оть Дадіана царя мучень.—Никѵтово (Некѵтино) мученіе, нарицающе его царева сына—і Ипатіево мученіе: что седемь (седмижди) умрьль и седмижды ожиль (оживѣль)—Климентово[2]) (Климентіа) анкырскаго (анкѵрски) и инѣхъ мнозѣхъ.—Давидови пѣсны—Софоніево обявленіе—О дрѣвѣ крьстнѣмь льгано: что Христа въ попи ставиле (постави)—Како Христось плугомь ораль: то Іеремія попь бьлгарскы изльгаль, быхь вь навѣхь на Верзилове колу.

Сут же между божьствныхь (—ими) писанми льжна писанія насѣяно оть еретикь на пакость невѣждамь поповомь и діакономь: тольстіе зборничьскые—Селскые худіе номоканунци—по молитвникохь льживіе молитвы: о тресавицахь, о нежитехь, о недузѣхъ. (Сіе) еретици билы исказали црьковныхь прѣданіа и правило апостольскыхь, пишуще льжна словеса (вьсе еретици написаше)[3]), светыи же богоносныи отци 318, иже вь Никеи седмаго сьбора, вльки пагубные пращею духовною оть црькве божіе измѣтавше и ученіе тѣхь и мудрованіе погубное, яко плевель о(ть) пшеници истрьгше и мьчтаніа ихь проклеше, а светыхь апостоль заповѣди и светыхь богоносныхь отець нашихъ канонь и правило великые сьборные црькве светые книгы, яже прѣдаше светымь црьквамь на утврьжденіе вѣрѣ и ихже православно спасти душе, вь еретичьскые отреченніе книгы заповѣдавше не приницати, еже есть врагь божіи[4]). И сіе есть мудрованіе тѣхь (тѣхно), имиже отводеть оть Бога и приводеть кь бѣсомь въ пагѵбу[5]): прьва книга Плартолон (пларьтолою)[6]), рекше остррго (острогогъ)[7]), вторая астрономіа, третіа мѣріа (землемеріе), четврьта врачебникь, въ нихже суть вьси 12 отпрометныхь лицъ звѣрныхь (звериних) и птичнихь (птичихь), се же: 1-е, тѣло свое хранить мрьтво и лѣтаеть орломь и ястребомь и враномь, зміемь влькомь и вьсакымь лютимь звѣремь; пети громовникь, шесты мльніа, седьмо мѣсець окружитсе, осьмо коледникь, девето метаніе, десето мисльникь, првонадесете сьносудець, другонадесеть вльховникь, вльхвующи птицами и звѣрми, и другое: храмь трѣщить, ухо звѣнить, врань грачеть, петель поеть, пьсь виеть, сьнь страшень, око трептить, рамо трептить[8]), вль-

---

[1]) Суть же и о мученицѣхь криво складено (не?) тако, якоже есть истинна писана въ минеяхъ четіихъ или въ пролозѣхъ—сп. XV в.

[2]) Такъ и сп. XV в.

[3]) Еретицы были исказили црьквьна преданія и правила апостольскихъ пишуще ложнаа словеса—сп. XV в.

[4]) Все изложено согласно со сп. XV в.; въ Григор. сокращено.

[5]) На полѣ киноварью: зры.

[6]) Мартолои—сп. XV в.

[7]) Острологъ.—сп. XV в.

[8]) Въ Григ. опущено; нѣтъ и въ русскихъ индексахъ.

хвованія различна.—Путникь книга, вь нихже есть писано о стречахь, кобы вьсачскые еретическые.—О часѣхь злыхь и добрыхь; вѣруеши еретичьскымь льжамь и оставаеши (остравляши) светая писаніа, еже тые 30 дни на льже сьписаше. Такожде и прочіи книгы о мучьницахь и о благовѣщеніи еретическыхь много.—Звѣздочьтець 12 книгы, вь нихже безумныи людіе вѣрують, вльхвующе ищуть дьнь рожденіа своего, санова полученіе, урока житіе (житію) и бѣдниxь напастехь, оставляють божію помощь и призивають бѣсовь (бѣсове) на помощь, а не вѣдующе судбь божіихь, яко нѣсть се повелѣніе божіе, ни оть светыхь апостоль прѣдано, нь Богу мрьзско и ненавистно, якоже второ идолослуженіе, оть бѣсовь еретикы насѣянно невѣждамь на нагубу ихь душамь, яко плѣвель срѣди пшенице, раждизающе пламень вѣчныхь мук[1]) по Господню словеси (глаголу), еже рече: чрьвь ихь не умираеть, и огнь ихь не угасають (—еть); не вѣдеть (не вѣдуще) окаанныи[2]) писанію глаголющу: аще заповѣдь божію прѣступить, а иметь о себѣ еретическа писаніа дрьжати, еже есть врагь божіи, и вльхованіа ихь вѣрувати иметь; кто сь тѣми вьсѣми еретикы да будеть проклеть; аще котори отьць духовныи вѣдае такова у себѣ вь сынѣхь (чадехь), или иметь самь тожде творити, да извържетсе сана и сь прѣждереченними еретикы, съ тѣми вьсѣми да будеть проклеть, а написаніа та на тѣлеси да съжегутсе по правиль (правило) светыхь отьць и анаѳема да есть[3])“.

Приведенный текстъ[4]), какъ и Григоривичевъ, явно выдаетъ свое русское происхожденіе въ сербскомъ спискѣ: а) рядъ русизмовъ вь языкѣ, каковы: двоесловецъ, богопріемнець, седемь, еретическый (рядомъ—еретичьскый); анкырского, бѣсовь (вин. мн.), колу (мѣстн. пад.), острологъ; б) не понятыя русскія слова: обѣдію вм. обѣдню, пророкахь вм. пролозѣхь, обьявленіе вм. обавленіе; в) Іисусъ Сираховичъ; г) русскіе памятники въ перечнѣ: Петръ русскій[5]), Златая матица, Чепь, хронографъ, Пчела, Даніилъ странникъ, Патерикъ печерскій. Въ то же время считать издаваемый списокъ копіей съ Григоровичева или тождественнаго съ нимъ нельзя: совпаденія его съ русскимъ спискомъ XV в. (у Ягича въ варьянтахъ) въ мѣстахъ, гдѣ отклоняется Григоровичевъ, заставляютъ предполагать лишь общій источникъ; это подтверждается и тѣми мѣстами, гдѣ оба сербскіе, отклоняясь отъ списка XV в., совпадаютъ.

Т. о. мы должны предполагать, что въ Сербію попалъ русскій индексъ, похожій отчасти на упомянутый списокъ XV в., и здѣсь полу-

---

[1]) Къ Григ. опущено, въ сп. XV в.: разжигающи пламень вѣчныхъ мукь.

[2]) Григ. опускаетъ.

[3]) и . . . въ Григ. нѣтъ.

[4]) С. У Новаковича—Примери, 2 изд., стр. 514—упоминается по сербской старинной рукописи еще текстъ индекса: судя по тому, что въ немъ есть: „око или *раме* задркhе“ (ср. прим. 8 предъид. стр.), можно думать, что мы имѣемъ въ немъ еще—третій—списокъ подобнаго индекса.

[5]) Ср. Лѣт. зан. Археогр. Ком. I, 36.

чилъ распространеніе. Списокъ же этотъ, судя по его составу, принадлежалъ къ той редакціи, которая представляетъ уже русскую передѣлку, распространеніе стараго индекса: она въ XVI в., судя по рукописямъ, уже получила полное развитіе[1]); она же легла въ основу индекса т. н. Кирилловой книги (1644). Именно изъ этой редакціи получаютъ объясненія всѣ неясности и ошибки сербскихъ списковъ, такъ совершенно исправляется въ началѣ издаваемаго и Григоровичева: сенанить, Григоріе декаполить, Григоріе Григоріе папа (Григоровичевъ) Синаить Григоріе, декаполить Григоріе папа (издав.); въ русскихъ: Сенаникъ (т. е. Синодикъ), Григорій декаполитъ, Григорій папа[2]); Ирины—это Ириней Лугдоньскый и др. Оригиналъ сербскихъ списковъ старше XVI в. быть не могъ (см. Лѣт. Арх. Ком. I, 32—33). Т. о. индексъ книгъ истинныхъ и ложныхъ въ югословянской писменности XVI—XVII в. увеличиваютъ собой тотъ небольшой рядъ памятниковъ, на основаніи которыхъ въ будущемъ придется формулировать вліяніе русской литературы на югославянскія, т. е., индексъ надо поставить вмѣстѣ съ хронографами, статьей о взятіи Царяграда, Пчелами, Кирилломъ Туровскимъ и другими.

М. Сперанскій.

6.—О воровскихъ подписяхъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Списокъ съ выписки, какова прислана изъ Ближней Канцеляріи.

Въ нынешнемъ 708 году маия 27 числа въ доношеніі, каково взнесено въ Ближнюю Канцелярію ис Посолского приказу, написано:

Маия въ 21 день къ великому государю писалъ изъ Нижняго Новагорода столникъ і воевода Никита Кутузовъ. Сего де маия въ 14 день въ Нижнемъ Новѣгороде явились воровские подписи левкаснымъ мѣломъ, у Дмитрѣевскихъ воротъ подписано: „быть бунту, что и въ Астрахани“; да въ Кремлѣ городе у двора приказу Монастырскихъ дѣлъ на заборе подписано: „опаситесь, быть бунту“; да въ томъ же городе Кремлѣ стрелецкого головы Матвѣя Станиславского на огородномъ заборе подписано: „быть бунту, какъ и въ Астрахани“. И у тѣхъ воровскихъ подписей онъ велѣлъ поставить караулъ до указу и для всякого опасения, і о томъ бы ему указъ учинить. Да онъ же, воевода, маия въ 22 день о томъ же писалъ въ Розрядъ, и съ той отписки изъ Розряду въ Новгородцкой приказъ для вѣдома прислана память маия въ 23 день.

И маия 28 по указу великого государя и по боярскому приговору велено послать грамоту въ Нижней къ воеводе ис Посолского приказу и сказать всѣмъ Нижегородцкимъ жителемъ явно, а въ пристойныхъ мѣстехъ прибить и листы, чтобъ тотъ человѣкъ, кто подписывалъ о бунте

---

[1]) Ср. Лѣт. зан. Археогр. Ком. I, 35 и сл.
[2]) Ibid. p. 35.

мѣломъ, явился безо всякой опасности, за что будетъ ему государева милость. И буде такой человѣкъ явитца, и ему, воеводе, ево роспросить и до кого въ томъ будетъ дѣло, и тѣхъ потому-жъ сыскивая, роспрашивать и писать къ великому государю, а тѣхъ людей держать за крѣпкимъ карауломъ. А буде такой человѣкъ, которой писалъ мѣломъ вскоре не явитца, і ему провѣдывати тайно и имѣть опасение и осторожность.

А по его, великого государя, именному указу, каковъ присланъ изъ Санктъ-Питербурха июня въ 10 числѣ, велено того воеводу Нижегородцкого Никиту Кутузова за нѣкоторую въ томъ вышепомянутомъ дѣле неосторожность перемѣнить, а на ево мѣсто послать иного доброго человѣка.

И июня въ 14 день бояря, будучи въ Ближней Канцелярiи, слушавъ вышеписанного великого государя имянного указу, приговорили послать въ Нижней Новъгородъ на Никитино мѣсто Кутузово воеводу Ивана Иванова сына Левонтьева. И будучи ему въ Нижнемъ во всякихъ государевыхъ дѣлехъ поступать со осторожностию и о подписи вышепомянутой меловой чинить по прежнему его государеву указу и провѣдывать тайно съ радѣниемъ, та подпись не отъ шведовъ ли вымышлена, и буде не стерта, велѣть стерть и караулъ свесть, а что по провѣдыванию ево явитца, о томъ писать. І выслать ево съ Москвы въ Нижней, давъ ему наказъ по указу тотчасъ на заводныхъ подводахъ. Таковъ великого государя указъ и выписку закрепилъ дьякъ Іванъ Чередѣевъ.

И по тому великого государя указу столнику Івану Левонтьеву наказъ и росписная грамота да еще-жъ особая грамота о вышеписанной мѣловой подписи даны того-жъ июня въ 14 день. И указъ ему, Івану, сказанъ, чтобъ онъ конечно съ Москвы ѣхалъ июня въ 15 день.

Да июня-жъ въ 16 день послана великого государя грамота въ Нижней къ Никите Кутузову, а велено тое подпись стерть и караулъ свесть, а что по провѣдыванию ево явитца, о томъ писать. И та грамота послана з двора государя царевича съ нарочнымъ куриэромъ съ Семеномъ Пискорскимъ того-жъ числа.

Сообщилъ Дѣйствительный Членъ **С. К. Богоявленскій.**

7.—О премiяхъ комитета попечительства о трудовой помощи за сочиненiя, касающiяся благотворительности въ Россiи.

На основанiи § 26 высочайше утвержденныхъ 6-го iюня 1901 года правилъ о премiяхъ августѣйшаго имени ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Θеодоровны, срокъ для представленiи сочиненiй на соисканiе премiй имени ея величества назначенъ на 1 мая 1911 года.

Премiи присуждаются: одна большая въ размѣрѣ 2.000 р. и три малыхъ—первая въ 1.000 р., а остальныя двѣ—по 750 р. Въ случаѣ,

если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ удостоено большой преміи, предназначенная на этотъ предметъ сумма или можетъ быть обращена на образованіе двухъ малыхъ премій по 1.000 р. каждая, или же можетъ быть, какъ и остальныя не розданныя преміи, обращена Комитетомъ на выполненіе сочиненія по заказу на избранную Комитетомъ тему (§ 9).

Преміи присуждаются Комитетомъ Попечительства о трудовой помощи (§ 10).

Къ соисканію премій допускаются какъ рукописныя, такъ и напечатанныя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ до закрытія конкурса сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся, съ теоретической или практической точекъ зрѣнія, въ особенности въ примѣненіи къ Россіи, изученіе исторіи, статистики и законодательства по указаннымъ отраслямъ и т. п. (§ 11).

Комитетъ Попечительства, когда признаетъ нужнымъ, предлагаетъ на соисканіе премій темы. Сочиненія, написанныя на свободно избранныя темы, принимаются къ соисканію вмѣстѣ съ сочиненіями на предложенныя темы; симъ послѣднимъ, при равныхъ достоинствахъ, отдается однако преимущество (§ 13).

Сочиненія, которыя уже получили какую либо награду отъ другого учрежденія, не лишаются права быть удостоенными премій отъ Комитета Попечительства о трудовой помощи. Равнымъ образомъ не лишаются такого права на премію и сочиненія, уже однажды Комитетомъ удостоенныя преміи, если они вновь переизданы съ весьма значительными дополненіями и переработкой или предприняты въ нѣсколькихъ томахъ, и награда Комитета была присуждена таковому сочиненію не во всемъ его объемѣ, а лишь за извѣстную часть, представляющую самостоятельное цѣлое (§ 16).

Преміи за представленныя въ рукописи сочиненія выдаются, по общему правилу, не прежде какъ по доставленіи въ Комитетъ печатнаго экземпляра удостоеннаго награды труда, для чего Комитетомъ назначается каждый разъ опредѣленный срокъ. Однако, въ особо уважительныхъ случаяхъ, по постановленію Комитета, часть преміи можетъ быть выдана и ранѣе представленія отпечатаннаго труда. На заглавномъ листѣ сочиненія авторъ имѣетъ право означать, какой именно преміи оно удостоено (§ 15).

Преміи выдаются лишь самимъ авторомъ или лицамъ, на которыхъ они укажутъ, а также ихъ законнымъ наслѣдникамъ (§ 14).

При представленіи сочиненій, авторы или открыто сообщаютъ свое имя, отчество, фамилію и мѣстожительство, или, въ случаѣ нежеланія ихъ оглашать, помѣщаютъ сіи свѣдѣнія въ приложенномъ къ сочиненію запечатанномъ пакетѣ; въ такомъ случаѣ на сочиненіи и на пакетѣ озна-

чается принятый авторомъ девизъ, а въ пріемѣ сочиненія и пакета изъ Канцеляріи Комитета выдается особая росписка (§ 18).

По полученіи конкурсныхъ сочиненій Комитетъ Попечительства, въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій, или назначаетъ рецензентовъ изъ числа членовъ Комитетовъ, или приглашаетъ къ разсмотрѣнію представленныхъ трудовъ компетентныхъ лицъ, или же запрашиваетъ о нихъ мнѣнія авторитетныхъ учрежденій и обществъ (§ 19).

Рецензіи должны быть доставлены въ Комитетъ не позже 1 ноября того года, въ которомъ присуждаются преміи (§ 20).

Въ одномъ изъ ближайшихъ послѣ 1 ноября засѣданій Комитетъ Попечительства разсматриваетъ доставленныя рецензіи и постановляетъ окончательныя рѣшенія по конкурснымъ сочиненіямъ (§ 21).

Сочиненія къ соисканію преміи могутъ быть присылаемы или представляемы въ присутственные дни въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ по Надеждинской ул., д. № 41, кв. 2, отъ 12 до 5 час. дня.—Здѣсь же помѣщается спеціальная библіотека по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности.

Темы, предложенныя Комитетомъ Попечительства на конкурсъ 1911 года:

1) Системы призрѣнія бѣдныхъ въ законодательствѣ и практикѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

2) Историческій обзоръ мѣръ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ Россіи.

3) Церковь въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія и благотворительности.

Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ продаются слѣдующія книги:

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 части. М. 1815—1883 г. По 50 к. за книгу.

2. Русскія достопамятности: Часть 1, 1815 г., 50 к. Ч. 2 (Русская Правда). 1843 г. 1 руб.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1829 г. 1 руб.

4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, пер. съ нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г. 50 коп.

5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г. 1 руб.

9. Русскій Историческій сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М, 1837—1846 г. 7 томовъ. По 1 руб. за томъ.

7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Т. I. кн. 1 (1-е и 2-е изд.), т. II, книга 3. 2 р. за книгу.

8. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Т. II. М. 1841 г. 1 руб. 50 коп.

9. Повѣствованіе о Россіи. Н. Арцыбашева. М. 3-й т. 3 р.—Начало IV-го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). 2 руб.

10. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г. 1 р. 50 к.

11. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Θеодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г. 50 коп.

12. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Спасскимъ. М. 1846 г. 1 руб. 50 коп.

13. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Безъ рисунковъ. 1846 г. 1 р. 50 к.

14. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г. 50 коп.

15. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суровецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г. 50 коп.

16. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г. 1 руб.

17. Реймское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. 3 руб.

18. О бунтѣ г. Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г. 10 коп.

19. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г. 50 коп.

20. Ôписаніе о Малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г. 25 коп.

21. Критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гуннскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина. 50 коп.

22. Переписка и другіе бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго; на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г. 50 коп.

23. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г. 50 коп.

24. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г. 20 коп.

25. Паралипоменъ Зонарщ. Съ предислов. О. Бодянскаго. М. 1847 г. 50 коп.

26. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ. М. 1847 г. 50 коп.

27. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулишъ. Книжка первая. М. 1847 г. 50 к.

28. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запо-

рожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г. 50 к.

29. Повѣсть о томъ, что случилось на Украйнѣ съ тои поры, какъ она Литвою завладѣна, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г. 25 коп.

30. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ М. 1848 г. 10 коп.

31. Граматично исказанѣ об Рускомъ эзику. Сочин. попа Юрка Крижанищя. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г. 1 руб. 25 коп.

32. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г. 1 руб. 50 коп.

33. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. (Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г. 1 руб.

34. Алексѣй Однорогъ. Истор. романъ. Спб. 1853 г. 1 руб.

35. Источники малороссійской исторіи, собранные Д Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1848 г. Ч. II. М. 1859 г. По 2 руб. за томъ; за оба 3 руб.

36. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa 1855 (стр. 1—225). 1 руб.

37. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г. (безъ снимковъ). 2 руб.

38. Діаріушъ или журналъ, т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хорунжаго Ник. Дан. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г. 50 коп.

39. Наставленіе выборному отъ Малороссійск. коллегіи въ Коммисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм. Наталину и возраженіе депутата Гр. Политики на оное наставленіе. М. 1858 г. 20 коп.

40. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г. 10 коп.

41. Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная Вологод. архіеп. Маркелла царю Алексѣю о мурѣ св. Николая чудотворца, хранившемся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. Н. Суворовъ. М. 1859 г. 10 коп.

42. Мнѣніе министра Юстиціи Трощинскаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г. 10 коп.

43. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленныя. Сообщ. А. И. Казначеевъ. Объясненія—смѣшалъ ли? (о расколоучителѣ діаконѣ Ѳедорѣ). О. М. Бодянскаго. М. 1859 г. 10 коп.

44. Мнѣніе генерала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту; о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе; и по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г. 15 коп.

45. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стринголма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г. За обѣ части 3 руб.

46. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г. 50 коп.

47. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя. Д. Солнцева. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ). 2 руб. и б)—Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы № 13 и 14). М. 1862 г. 50 коп.

48. Переписка между Россіею и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г.—Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г. По 1 руб. 50 коп. за томъ; за всѣ три — 3 руб. 50 коп.

49. Замѣчаніе графа Ѳ. В. Ростопчина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г. 10 коп.

50. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Бауз. В. Каразина. М. 1862 г. 30 коп.

51. Конст. Ѳедор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ.

Калайдовича и особенно для изображенія ученой дѣятельности П. А. Безсонова. М. 1862 г. 1 руб.

52. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г. 50 коп.

53. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г. 1 руб.

54. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г. 1 руб.

55. Журналъ генералъ-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г. 1 руб.

56. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генералъ-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г. 1 руб.

57. Донощеніе попечителя Казанскаго округа на издателя «Библіографич. листовъ» г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г. 10 коп.

58. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г. 1 руб.

59. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Патріаршей библіотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованіе его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. 50 к.

60. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г. 2 руб.

61. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г. 2 руб.

62. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г. 1 руб.

63. Бытъ Западно-русскаго селянина. Юл. Ѳ. Кратковскаго, М. 1874. 1 руб. 25 коп.

64. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г. 1 руб.

65. Реестры всего войска Запорожскаго, послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г. 1 руб. 50 коп.

66. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г. 50 коп.

67. Путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, описанныя архидіакономъ Павломъ Алепскимъ, переведенныя съ арабскаго на англійскій Ф. К. Бельфуромъ, а съ англійскаго на русскій Дмитріемъ Благово. Выпускъ 1-й. М. 1876 г. 1 руб. (597).

68. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейнымъ. Пѣсни былевыя. М. 1877 г. 1 руб. (795).

69. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Даніила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г. 50 коп.

70. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ, ч. I—IV. М. 1877 г. 10 р.

71. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. М. 1878 г. 3 руб.

72. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, экзархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г. 3 руб.

73. Житіе препод. отца нашего Ѳеодосія игум. печерскаго. Списаніе Нестора. По хратейн. списку Московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г. 30 коп.

74. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г. 10 коп.

75. Челобитье лѣкаря Родонта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писаніи имени Траханіотова съ вичемъ. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г. 10 к.

76. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе

дии граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій еписк. Архангельскій. М. 1880 г. 15 к.

77. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библіотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г. 20 коп.

78. Записка объ Архангельскомъ каѳедральн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій еп. Архангельскій. М. 1880 г. 15 коп.

79. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Розыскъ о Моисеѣ Чуринѣ и о волшебныхъ его письмахъ, производившійся въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г. 20 коп.

80. Изложеніе хода миссіонер. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г. 1 руб.

81. Библіографич. матеріалы собранные Андреемъ Поповымъ. IX — XIV. М. 1881 г. 50 коп.—№ XV. Дѣянія апп. Петра и Павла 50 коп.—№ XVII. Слово о лжи и клеветѣ. 20 к.—№ XXI. Слово кратко въ защиту монастырскихъ имуществъ. Съ предисловіемъ А. Д. Григорьева. М. 1902 г. 50 коп. (120).

82. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г. 50 коп.

83. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г. 25 коп.

84. Изъ бумагъ митрополита Московскаго Платона. М. 1882 г. 50 коп.

85. Домострой по списку Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г. 1 руб. 50 коп.

86. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г. 25 коп.

87. Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, собранныя И. Е. Забѣлинымъ. Ч. I. 1613—1634 гг. М. 1882 г. (стр. I—XV+1—912 стб; не кончено). 3 руб. (104).

88. Извѣстія англичанъ о Россіи XVI в. (Ченслеръ, Дженкинсонъ, Рандольфъ, Баусъ). Переводъ съ англійскаго С. М. Середонина. М. 1884 г. 1 руб. (305).

89. Великое зерцало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Изслѣдованіе П. В. Владимирова. М. 1884 г. 1 руб. (20).

90. Описаніе актовъ архива Марковича, относящихся къ исторіи южнорусскихъ монастырей. Е. В. Барсова. М. 1884 г. 50 коп. (967).

91. Письма разныхъ лицъ знаменитому архіепископу Иннокентію Борисову. Матеріалы для исторіи Россіи текущаго столѣтія. Собраны Н. И. Барсовымъ. М. 1885 г. 50 коп. (287).

92. Мнимый «туранизмъ» русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ ихъ въ Россіи. П. А. Безсонова. М. 1885 г. 50 к. (9).

93. О доходахъ Московскаго государства. И. Д. Бѣляевъ. М. 1885 г. (стр. 1—168; не кончено). 1 руб. (290).

94. Біографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ). П. Н. Семенова. М. 1886 г. 1 руб. 50 коп. (20).

95. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. И. Голышевъ. М. 1886 г. 30 коп. (9).

96. О Тиверіадскомъ морѣ. По списку XVI в. Е. В. Барсова. М. 1886 г. 20 коп. (73).

97. Акиръ Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI в. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова. М. 1887 г. 30 коп. (285).

98. а) Лѣтопись византійца Ѳеофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). 30 к. б) Тоже въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). 2 руб.

99. О селахъ Рождественѣ, что на рѣкѣ Истрѣ, Пятницкомъ-Берендѣевѣ и Мушкинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Я. Копьева. М. 1887 г. 50 коп. (4).

100. Село Клементьево нынѣ часть Сергіевскаго посада, составляющая одинъ изъ с[...] приходовъ. М. 1887 г. 50 коп. (4).

101. Лѣтопись церкви св. великомученика и побѣдоносца Георгія, что на Красной горкѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, столичнаго города Москвы. Я. Копьева. М. 1888 г. 50 коп. (10).

102. Реляціи временно-главнокомандовавшаго русскою арміею генералъ-поручика Фролова-Багрѣева 1759 г. Д. Ѳ. Масловскаго. М. 1888 г. 50 коп. (14).

103. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ в 1812—1816 годахъ. Н. А. Поповъ. М. 1888 г. 20 коп. (12).

104. Слѣдственная коммисія о злоупотребленіяхъ пензенскаго воеводы Жукова (1752—1756 г.). Н. Н. Неслов[ъ]. М. 1888 г. 30 к. (12).

105. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши

(1340—1654). М. А. Кулиша. М. 1888—1889 гг. 1—3 тома. 4 рубля съ пересылкой.

106. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Холмогоровыхъ. Вып. 6-й. Вохонская десятина.—Вып. 7-й. Перемышльская и Хотунская десятина.—Вып. 8-й. Пехрянская десятина. М. 1888—1889 гг. По 1 руб. за выпускъ. (13).—Вып. 9-й. Волоколимская десятина. 2 руб.—Вып. 10-й. Можайская десятина. М. 1901 г. 2 руб. (91).

107. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. П. Доброклонскаго. М. 1888 г. 50 коп. (15).

108. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоанникія къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 1 марта 1652 года. П. В. Безобразовъ. М. 1888 г. 20 коп. (9).

109. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). Н. Я. Токаревъ. М. 1888 г. 30 коп. (11).

110. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г. 20 к. (11).

111. Грамота намѣстника ивангородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чумиковъ.—Къ исторіи Московскаго университета. Нилъ Поповъ. М. 1888 г. 20 коп. (26).

112. Акты, относящіеся къ исторіи раскола въ XVIII в. Е. В. Барсова (изъ Чтеній 1889 г. кн. II). 40 коп. (18).

113. Московская помѣрная изба. Н. Оглоблинъ. М. 1889 г. 20 коп. (15).

114. Замѣтки къ исторіи хожденія игумена Даніила. VII. Передѣлка хожденія въ сборникѣ св. Дмитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г. 30 коп. (14).

115. Два памятника древне-русской кіевской письменности XI и XIII вѣка: а) слово о перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія печерскаго, соч. мниха Нестора, и б) похвала преп. Ѳеодосію печерскому неизвѣстнаго (архим. Серапіона). Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1890 г. 30 коп. (16).

116. Мангазѣйскій чудотворецъ Василій. Н. Н. Оглоблина. М. 1890. 10 коп. (39).

117. Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв. Памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. Архим. Леонида. М. 1890 г. 20 коп. (29).

118. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историкокритическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша: «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Генн. Карпова. М. 1890 г. 50 коп. (2).

119. Регламентъ Вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія П. Ардашевъ. М. 1890 г. 1 руб. (12).

120. Елецкая «явочная книга» 1615—1616 гг. Н. Н. Оглоблина. М. 1890 г. 20 коп. (12).

121. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890 г. 3 руб. съ пересылкой (10).

122. Рукописи Сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, находящіяся въ библіотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. М. 1891 г. 10 коп. (37).

123. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. Землю русскаго игумена Даніила въ началѣ XII вѣка. Н. В. Рузскаго. М. 1891 г. 50 коп. (10).

124. Описаніе рукописей Тверскаго музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г. 1 руб. 50 коп. (13).

125. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г. 30 коп. (17).

126. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича:

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Pûtno opisanie ot Lewòwa do Mòskwi.—II. Besida ko Czircàsom, wo osobi Czircàsa upisana.—III. Usmotrenie o Carskom Weliczestwu. (Съ одной фототипіей). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина. И б) 1661 г. Објасньенје виводно о писмѣ Словѣнскомъ (съ 1 фототипіей). Съ предисловіемъ В. И. Колосова.—М. 1891 г. 50 коп.

Вып. II-й: 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г. 75 к.

Вып. III-й: а) Об свѣтом Крещѣнию. (Съ 1 фототипіей). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова. И б) Обличенјê на Соловѣчскую Челобитну. (Съ 1 фототипіей). М. 1893 г. 1 р. 25 к.

127. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г. 30 коп. (24).

128. Матеріалы для исторіи Общества. Письма О. М. Бодянскаго къ И. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). И. А. Чистовичъ. М. 1892 г. 20 коп. (26).

129. Памяти о. архимандрита Леонида намѣстника св. Троице-Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г. 30 коп. (27).

130. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г. 2 руб. 25 коп. съ перес. (9).

131. Тульскій уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой). 2 руб. (13).

132. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Части 3—7. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1892 г. 1 руб. 50 коп. (14).

133. Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона (1733—1733). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренко. М. 1892 г. 1 руб. Т. II. 1734—1735 гг. М. 1903 г. 3 руб. (26).

134. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьемъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г. 1 руб. (11).

135. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г. 30 коп. (28).

136. Общій архивъ Министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наслѣдниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г. 40 коп. (14).

137. Памяти Нила Александровича Попова. Н. Шимко и А. Голомбіевскаго. М. 1892 г. 30 коп. (23).

138. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбіевскій. М. 1892 г. 30 коп.

139. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіевобратскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Н. И. Петрова. М. 1892 г. 2 руб.

Вып. II-й: Рукописи Кіевопечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхомихайловскаго, Пустынно-Николаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г. 2 руб.

Вып. III-й: Библіотека Кіево-Софійскаго собора. М. 1904 г. 3 руб. (100).

140. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ гошпиталѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г. 60 коп. (16).

141. Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. А. I. М. 1892 г. 50 коп. (16).

142. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. 1-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г. 1 руб. 25 коп. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г. 1 руб. 25 коп.

143. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г. 50 коп. (16).

144. Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 30 коп. (18).

145. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ. 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г. 2 руб.

146. Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г. 30 коп. (7).

147. Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г. 50 коп. (24).

148. Письма О. М. Бодянскаго къ отцу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г. 50 коп. (63).

149. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г. 50 коп. (18).

150. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г. 2 руб. (5).

151. Междукняжескія отношенія въ Владиміро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ). В. Уляницкаго. М. 1893 г. 30 коп. (23).

152. Неканонизованные святые гор. Шуи (Владимирской губерніи). Опытъ агіографическаго изслѣдованія священника Ник. Миловскаго. М. 1893 г. 20 коп. (22).

153. Новый источникъ для исторіи москов-

сniхъ волненiй 1648 г. С. Платонова. М. 1893 г. 20 коп. (25).

154. Александрiя русскихъ хронографовъ. Изслѣдованiе и текстъ. В. Истринъ. М. 1893 г. 3 руб. съ пересылкой (60).

155. Областное дѣленiе и мѣстное управленiе Литовско-Русскаго государства ко времени изданiя перваго литовскаго статута. Историческiе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г. 5 руб. (15).

156. Къ исторiи Московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 20 коп.

157. Московскiй Китай-городъ въ XVII в. (по описи 1695 г.). А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 30 коп. (11).

158. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторiи государств. росписей XVII в.). А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 40 коп. (20).

159. Къ исторiи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г. 25 коп. (28).

160. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г. 30 коп. (79).

161. Къ вопросу о распредѣленiи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г. 20 коп. (19).

162. Къ бiографiи Владимира Атласова. Н. Оглоблинъ. М. 1894 г. 20 коп. (32).

163. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергiевомъ посадѣ Московской губернiи. I. А. М. 1894 г. 20 коп. (42).

164. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населенiе и виды земельнаго владѣнiя. (Этюдъ по исторiи провинцiи Московскаго государства). И. И. Лаппо. М. 1894 г. 1 руб. (19).

165. Сильвестра Медвѣдева созерцанiе краткое лѣтъ 7190—92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловiемъ и примѣчанiями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г. 1 руб. 50 коп. (158).

166. Амфилохiй епископъ Угличскiй († 20 iюня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г. 30 коп. (22).

167. Сарайская и Крутицкая епархiи. Священника Н. А. Соловьева. Вып. 1-й. М. 1894 г. 1 руб. (29). Вып. 2-й. 2 руб. Вып. 3-й. М. 1902 г. 2 руб. (150).

168. Рукописи П. I. Шафарика (нынѣ музея королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описалъ М. Сперанскiй. М. 1894 г. 50 коп. (33).

169. Объѣзжiе головы и полицейскiя дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. М. 1894 г. 40 коп. (31).

170. Григоровичевъ паримейникъ въ сличенiи съ другими паримейниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. I. М. 1894 г. 50 коп. (31). Вып. II. 50 коп. (48) Вып. III. 50 коп.

171. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданiи Императ. общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ 28 октября 1894 г. председателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г. 15 коп.

172. Акты домашняго архива гг. Змеевыхъ. А. И. Миловидовъ. М. 1894 г. 20 коп. (13).

173. Отчеты о присужденiи обществомъ премiи Г. Ѳ. Карпова:

I. Разборъ изслѣдованiя В. О. Эйнгорна: «О сношенiяхъ малороссiйскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованiе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ. М. 1894 г. 50 коп.

II. Разборъ изслѣдованiя М. К. Любавскаго: «Областное дѣленiе и мѣстное управленiе Литовско-Русскаго государства ко времени изданiя перваго литовскаго статута, составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г. 50 коп.

III. Разборъ изслѣдованiя С. А. Бѣлокурова: «О библiотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. Н. Соколовымъ. М. 1897 г. 20 коп.

IV. Разборъ соч. М. И. Лилеева: «Изъ исторiи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ», состав. С. Т. Голубевымъ. М. 1898 г. 20 коп.

V—VI. Разборы соч.: 1) В. А. Уляницкаго: «Историч. очеркъ русскихъ консульствъ за границей», сост. гр. Л. Комаровскимъ и 2) С. Т. Голубева «Кiевскiй митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», сост. Е. Е. Голубинскимъ. М. 1900 г. 30 коп.

VII. Разборъ сочиненiя К. Харламповича: «Западнорусскiя православныя школы XVI и начала XVII вѣка», сост. С. Т. Голубевымъ. М. 1906 г. 30 коп.

VIII. Разборъ сочиненiя И. И. Лаппо: «Великое княжество Литовское за время отъ заключенiя Люблинской унiи до смерти Стефана Баторiя», сост. С. М. Середонинымъ. М. 1905 г. 30 коп. (42).

IX. Разборъ сочиненiя М. К. Любавскаго: «Литовско-Русскiй сеймъ» сост. И. И. Лаппо. М. 1903 г. 50 коп.

X. Разборъ сочиненiя С. А. Бѣлокурова:

«Юрій Крижаничъ въ Россіи», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1904 г. 30 коп.

XI. Разборъ соч. А. А. Кизеветтера: «Посадская община въ Россіи XVIII в.», сост. М. М. Богословскимъ. М. 1906 г. 30 коп.

XII. Разборъ соч. А. С. Крыловскаго: «Львовское ставропигіальное братство», сост. С. Т. Голубевымъ. М. 1906 г. 30 коп.

XIII. Разборъ соч. Н. Лысогорскаго: «Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель», сост. И. М. Громогласовымъ. М. 1907 г. 20 коп.

174. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. I. М. 1895 г. 2 руб. (204). Вып. 2. М. 1897 г. 2 руб. 40 коп. (4). Вып. 3. М. 1901 г. 3 руб. (47).

175. Рѣчи, произнесенныя Іоанникіемъ Голятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйнгорнъ. М. 1895 г. 20 коп. (39).

176. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г. 20 коп. (13).

177. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г. 30 коп. (296).

178. Памфлетъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. М. 1895 г. 20 коп. (10).

179. О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г. 20 коп.

180. Опись книгъ библіотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г. 30 коп. (190).

181. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторіи Виѳанской духовной семинаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г. 20 коп. (121).

182. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г. 20 коп. (32).

183. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Ѳ. Жорданія. М. 1895 г. 20 коп. (37).

184. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592 — 1768 гг.). Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Часть первая: документы воеводскаго управленія. М. 1895 г. 2 руб. (100). Часть 2-я: документы таможеннаго управленія. Съ дополненіемъ къ I части. 1 руб.— Часть 3-я: документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. М. 1900 г. 1 руб. 50 коп. (170).—Часть 4-я: документы центральнаго управленія. Съ предметнымъ указателемъ къ I—IV частямъ. М. 1901 г. 1 р. 50 коп. (250).

185. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергѣя Шумакова. М. 1895 г. 2 руб. (180).

186. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ. I. Виктора Семенова. М. 1895 г. 50 коп. (143).

187. Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда. Д. Шеппинга. М. 1895 г. 50 коп. (137).

188. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. Н. Лебедеву. М. 1895 г. 1 руб. 25 коп. (80).

189. Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г. 1 р. (41).

190. Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. 20 коп. (76).

191. Климентъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г. 50 коп. (50).

192. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ. (Постройка на немъ новыхъ зданій въ 1658—1661 гг.). А. А. Мартыновъ. М. 1895 г. 20 коп. (100).

193. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разинымъ. Напечатано у Ѳомы Ньюкембъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г. 50 коп. (37).

194. Къ матеріаламъ о ворожбѣ въ древней Руси. Сыскное дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испортить царицу Евдокію Лукьяновну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г. 30 коп. (91).

195. Матеріалы для исторіи патріарха Московскаго Питирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г. 20 коп. (34).

196. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г. 3 руб.

197. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г. 25 коп.

198. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергѣй Шумаковъ. М. 1896 г. 15 коп.

199. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г. 40 коп. (82).

200. О «неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ» Новгородскаго митрополита Кипріана (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г. 30 коп. (86).

201. Какашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ

Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Станкевича. М. 1896 г. 70 коп.

202. О извощикѣ 1-го гренадерскаго баталіонаго (Низоваго корпуса) Евстафіѣ Артемьевѣ, называвшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшки. Грамота царя Алексѣя о ловчемъ дьякѣ Н. Ларіоновѣ. Слово по случаю взятія Очакова Минихомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. 20 коп. (29).

203. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. I. А. М. 1896 г. 50 коп. (11).

204. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. 30 коп. (39).

205. Смѣсь 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. 40 коп. (10).—Смѣсь I кн. 1897 г. (первые 1—5 №№). 10 коп. (5).—Смѣсь I кн. 1898 г. 20 коп.—Смѣсь 2-й кн. 1901 г. 20 коп. (4).

206. Неизданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 1897 г. 10 коп. (26).

207. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., извлеченные А. П. Зерцаловымъ. М. 1897 г. 75 коп. (13).

208. О раскольникахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. 75 коп. (85).

209. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Збороважскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго. М. 1897 г. 50 коп. (40).

210. О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. 50 коп. (33).

211. Поздравленія Виѳанской дух. семинаріи въ день тезоименитства Моск. митр. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. 30 коп. (15).

212. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привесть. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. 10 коп. (42).

213. Грамоты съ подписями Бориса, Димитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. 25 коп. (38).

214. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. К. И. Якубова. М. 1897 г. 2 руб. (400).

215. Библіотека Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1896 г. Е. Н. Соколовъ. М. 1897 г. 20 коп. (50).—Въ 1897 г. Его же. М. 1898 г. 10 коп. (40).—Въ 1898—1899 г. 10 коп. (40).—Въ 1898—1899 г. Его же. М. 1899. 15 коп. (51).—Въ 1899—1900 гг. Его же. М. 1900 г. 20 коп. (48).—Въ 1900—1901 г. Его же. М. 1901 г. 20 коп. (80).—Въ 1901—1902 гг. Его же. 20 коп. (75).

216. Достовѣрность отрывка изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщеннаго въ Исторіи Россіи Татищева подъ 1217 г. А. П. Сапуновъ. М. 1898 г. 20 коп. (23).

217. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. Е. А. Ляцкаго. М. 1898 г. 50 коп. (60).

218. Пугачевщина въ Сибири. Очеркъ по документамъ экспедиціи генерала Деколонга. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. М. 1898 г. 1 руб. (55).

219. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII в. М. 1898 г. 50 коп. (187).

229. Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Съ предисловіемъ А. Титова. М. 1898 г. 50 коп. (25).

221. Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ. По рки. XVII в. собранія А. И. Яцимирскаго. М. 1898 г. 25 коп. (53).

222. Памяти В. Е. Румянцева. Е. В. Барсовъ. М. 1898 г. 15 коп. (60).

223. Памяти А. Н. Зерцалова. П. С. Бѣляевъ. М. 1898 г. 20 коп. (28).

224. Изъ разсказовъ донъ-Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго посольства черезъ Россію отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 гг. Переводъ съ испанскаго С. И. Соколова. М. 1898 г. 25 коп. (78).

225. Строельная книга г. Пензы. Съ предисловіемъ В. Борисова. М. 1898 г. 25 коп. (35).

226. Житіе св. Меѳодія и похвальное слово св. Кириллу и Меѳодію по списку XII в. Издалъ П. А. Лавровъ. М. 1899 г. 25 коп. (60).

227. Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій. (Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ сей жизни). Н. И. Петровъ. М. 1899 г. 25 коп. (19).

228. Житіе св. Аркадія, епископа Новгородскаго, въ спискѣ 2-й половины XIV вѣка. Съ

предисловіемъ А. С. Орлова. М. 1899 г. 25 коп. (60).

229. Бумаги Ю. И. Венелина, хранящіяся въ библіотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Е. И. Соколовъ. М. 1899 г. 25 коп. (50).

230. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. Е. И. Якушкинъ. М. 1899 г. 1 руб. 50 коп. (33).

231. Обзоръ грамотъ коллегіи Экономіи. Выпускъ первый. Обзоръ Бѣжецкихъ (1300—1767 гг.) и Алатырскихъ (1607—1761 гг.) актовъ. Сергѣй Шумаковъ. М. 1899 г. 1 руб. 50 коп. (85).— Вып. 2-й. Тексты и обзоръ Бѣлозерскихъ актовъ (1395—1758 гг.) М. 1900 г. 1 руб. 80 коп. (86).

232. Поученіе Исаіи митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1899 г. 25 коп. (38).

233. Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго собора, выпускъ первый. Изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899 г. 1 руб. (243).

234. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. Александръ Голубцовъ. М. 1899 г. 1 руб. 75 коп. (23).

235 Сочиненія Константина Багрянороднаго «о ѳемахъ» (de thematibus) и «о народахъ» (de administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. М. 1899 г. 1 руб. (58).

236. Угличскіе акты (1400—1749 гг.) Сергѣй Шумаковъ. М. 1899 г. 2 руб. (15).

237. Русская армія въ началѣ царствованія импер. Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Изданы Андреемъ Лебедевымъ по рукописи ему принадлежащей. М. 1899 г. 1 руб. (136).

238. Въ 1786-й годъ новой. Новое изданіе не всіо и не ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго. М. 1899 г. 50 коп. (72).

239. Допетровская Русь въ ея литературѣ по лекціямъ Ѳ. И. Буслаева е. и. в. Наслѣднику Цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу (1859—1860 гг.). А. Кирпичникова. М. 1899 г. 25 коп. (108).

240. Акты Литовско-Русскаго государства. Съ предисловіемъ М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. 1-й. 1390—1529 гг. М. 1900 г. 2 руб.

241. Вильямъ Перри. Проѣздъ чрезъ Россію персидскаго посольства въ 1599—1600 гг. Переводъ съ англійскаго С. Соколова. М. 1900 г. 20 коп.

242. Записки Юста Юля датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711 гг.). Переводъ съ датскаго Ю. Н. Щербачева. М. 1900 г. 3 руб.

243. Новгородскій уѣздъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. Историко-экономическій очеркъ архим. Сергія (Тихомирова). М. 1900 г. 1 руб.

244. Указатель къ «Опыту россійской библіографіи» В. С. Сопикова (книгамъ гражданской печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. М. 1900 г. 3 руб.

245. Къ исторіи г. Кашина и его уѣзда. Сообщилъ І. Кункинъ. 20 коп.

246. Опись имущества боярина А. С. Матвѣева. Сообщилъ Г. Писаревскій. 15 коп. (13).

247. Церковно-приходская жизнь въ г. Каргонолѣ въ XVI—XIX вв. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1900 г. 30 коп. (45).

248. Новыя данныя о службѣ Спаѳарія въ Россіи (1671—1708). Юрія Арсеньева. М. 1900 г. 50 коп. (35).

249. Письмо сардинскаго посла барона дела-Турбіа о Россіи. 1796 г. Съ предисловіемъ М. Поліевктова. М. 1900 г. 30 коп. (4).

250. Новыя данныя о библіотекѣ кн. Д. М. Голицына (верховника). Кн. Н. В. Голицына. М. 1900 г. 30 коп. (9).

251. О вступленіи на престолъ импер. Екатерины II (записка современника, грузинскаго архіерея). А. С. Хаханова. М. 1900 г. 20 к. (20).

252. Опись 24 рукописей Ѳ. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ библіотекѣ Императорскаго Московскаго Университета. Е. И. Соколовъ. М. 1900 г. 20 коп. (140).

253. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени. М. Любавскаго. М. 1901 г. 30 коп. (53).

254. Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго съ русскими учеными. В. А. Францева. М. 1901 г. 40 коп. (10).

255. Опись Московскому Перервинскому подворью, учиненная 3 апрѣля 1763 г. Лук. Талызинымъ. М. 1901 г. 25 коп. (10).

256. Пять сговорныхъ рядныхъ записей XVII и начала XVIII в. Изъ собранія актовъ Ю. В. Арсеньева. М. 1901 г. 20 коп. (12).

257. О приписываемомъ Игнатію Смольнянину описаніи Іерусалима. М. 1901 г. 20 к. (22).

258. Письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣскову. 1772 г.—Кн. Н. В. Голицынъ. М. 1901 г. 20 коп. (35).

259. Столѣтіе сатирическаго журнала «Что-

нибудь отъ бездѣлья на досугѣ. 1800—1900 гг. В. И. Покровскаго. М. 1901 г. 20 коп. (42).

260. Матеріалы къ исторіи Восточнаго вопроса въ 1811—1813 гг. М. 1901 г. 1 руб. (139).

261. Записка Юрія Крижанича о миссіи въ Москву. 1641 г. М. 1901 г. 40 коп. (281).

262. Торопецкая старина. Историческіе очерки гор. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. Изслѣдованіе Ивана Побойнина. М. 1902 г. 2 руб. 50 коп. (36).

263. Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII в. (Челобитная нижегородскихъ священниковъ 1636 г. въ связи съ первоначальной дѣятельностью Ивана Неронова). Н. В. Рождественскаго. М. 1902 г. 50 коп. (60).

264. Сотницы, грамоты и записи. Сергѣя Шумакова. Вып. I-й М. 1902 г. 2 руб. (62). Вып. 2-й Костромскія сотницы 7068—7076 гг. М. 1903 г. 30 коп. (240).—Вып. 3-й. М. 1904 г. 2 руб. 50 коп. (85).

265. Къ біографіи митрополита Новгородскаго и Петербургскаго Гавріила Петрова. Письма его къ разнымъ лицамъ, опись его имущества и два послѣднія его духовныя завѣщанія. (По поводу столѣтія со дня его кончины). Съ предисловіемъ А. Н. Львова. М. 1902 г. 50 коп. (56).

266. Литовско-Русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Изслѣдованіе М. К. Любавскаго. М. 1901 г. 4 руб. (122).

267. Древнѣйшая разрядная книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.). П. Н. Милюковъ. М. 1901 г. 2 руб. (240).

268. Замѣтки по древне-славянскому переводу св. Писанія. VI. Книга пророка Даніила въ переводѣ жидовствующихъ по рукописи XVI в. И. Е. Евсѣевъ. М. 1902 г. 30 коп. (10).

269. Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей (кончая XVII в.). А. С. Орловъ. М. 1902 г. 30 коп. (45).

270. Къ исторіи древностей Оружейной Палаты. Ю. В. Арсеньевъ. М. 1902 г. 20 коп. (15).

271. Сказаніе о чудесахъ въ Каргопольской Хергозерской пустынѣ отъ иконы преп. Макарія Унженскаго и Желтоводскаго. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1902 г. 30 коп. (50).

272. Церковно-археологическое хранилище при Московскомъ Дворцѣ въ XVII в. А. И. Успенскаго. М. 1902 г. 1 руб. 50 коп. (69).

273. О ереси жидовствующихъ. Новые матеріалы, собранные С. А. Бѣлокуровымъ, С. О. Долговымъ, И. Е. Евсѣевымъ и М. И. Соколовымъ. М. 1902 г. 1 руб. (14).

274. Челобитная И. С. Пересвѣтова царю Ивану IV 7057 (1548—1549 гг.). М. 1902 г. 30 коп. (97).

275. Мой досугъ или уединеніе. Еженедѣльное изданіе по средамъ и субботамъ. Съ предисловіемъ В. И. Покровскаго. М. 1902 г. 30 коп. (39).

276. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—27 гг. М. Богословскій. М. 1902 г. 2 руб. 50 коп. (80).

277. Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями Н. А. Заозерскаго и А. С. Хаханова. М. 1902 г. 2 руб. (110).

278. Ближній бояринъ князь Н. И. Одоевскій и его переписка съ Галицкою вотчиной (1650—1684 гг.). Юрія Арсеньева. М. 1903 г. 1 руб. 50 коп. (40).

279. Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII в. В. И. Покровскаго. М. 1903 г. 1 руб. 50 коп. (3).

280. Къ исторіи Томскаго бунта 1648 г. Н. Н. Оглоблинъ. М. 1902 г. 30 коп. (12).

281. Житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвѣстнымъ. По двумъ рукописямъ собранія П. А. Овчинникова. Съ предисловіемъ С. А. Бѣлокурова. М. 1902 г. 50 к. (90).

282. Изъ актовъ собранія Н. Ѳ. Самарина. 20 коп. (25).

283. Городъ Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собранные I. Я. Куклинымъ. Вып. 1-й. М. 1903 г. 1 руб.—Вып. 2-й. М. 1905 г. 1 руб. (50).

284. Къ вопросу о канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Архим. Никодимъ. М. 1903 г. 20 коп. (10)

285. Къ исторіи Коломенской епархіи. Н. Н. Рудневъ. М. 1903 г. 50 коп. (14).

286. Къ исторіи русско-шведскихъ отношеній и населенія пограничныхъ съ Швеціей областей (1634—1648 гг.). Кн. Н. В. Голицынъ. М. 1903 г. 20 коп. (29).

287. Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора. Съ предисловіемъ и указателемъ А. Голубцова. М. 1903 г. 2 р. 25 к. (10).

288. Письма изъ 14-го корпуса (1877—1879 гг.). Н. Н. Оглоблинъ. М. 1904 г. 20 к. (77).

289. Письма Павла Прусскаго. Н. Н. Оглоблинъ. М. 1904 г. 20 коп. (78).

290. Бытовыя черты начала XVII в. Н. Н. Оглобина. М. 1904 г. 20 коп. (65).

291. Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ или прапоровъ. По рукописи XVII в. М. 1904 г. 50 коп. на обыкновенной и 1 руб. на веленевой бумагѣ.

292. О наговорной соли. Изъ дѣлопроизводствъ XVIII в. М. Рудневъ. М. 1904 г. 10 коп. (4).

293. Переводные сборники изрѣченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. Н. Сперанскій. М. 1904 г. 5 р. (5).

294. О такъ называемой Ростовской лѣтописи. А. А. Шахматовъ. М. 1904 г. 1 р. (132).

295. Письма императора Петра I, императрицы Екатерины I, царевича Алексѣя и царевны Наталіи къ кн. Якову Өедоровичу Долгорукому. 1711—1716 гг. В. С. Арсеньевъ. М. 1904 г. 10 коп. (5).

296. Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора. Съ предисловіемъ и указателемъ А. Голубцова. М. 1905 г. 75 коп. (70).

297. Болгарскія народныя пѣсни, собранныя Любеномъ Каравеловымъ, изданныя подъ наблюденіемъ П. А. Лаврова. М. 1905 г. 2 р. (150).

298. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Выпускъ второй. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. вкл. Трудъ Е. И. Соколова. М. 1905 г. 5 руб. (524).

299. Показаніе польскаго шляхтича Криштофа Гревскаго о своей поѣздкѣ въ Москву. 1574—1575 гг. Иванъ Рябининъ. М. 1905 г. 30 коп. (55).

300. Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг. Сообщилъ А. А. Титовъ. М. 1905 г. 20 к. (9).

301. Опись дѣлъ приказа Новгородской четверти, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 г. М. 1905 г. 30 коп. (90).

302. Ставропигіальный Бизюковъ монастырь и Смоленскіе епископы. П. Строгановъ. М. 1995 г. 30 коп. (90).

303. О пустошахъ въ Рузскомъ уѣздѣ, принадлежавшихъ Звенигородскому Саввы Сторожевскому монастырю. Сообщилъ В. С. Арсеньевъ. М. 1905 г. 20 коп. (21).

304. Полоцкая ревизія 1552 года. Къ изданію приготовилъ И. И. Лаппо. М. 1905 г. 2 руб. (42).

305. Предки и потомство Ивана Тихоновича Посошкова. (Подмосковныя села Богородское. Черкизово и Покровское въ 1646 г.). И. С. Бѣляевъ. М. 1905 г. 20 коп. (50).

306. Квартиранты въ дворахъ Московскаго духовенства и патріаршихъ слугъ въ 1666 (Перепись ихъ въ военно-служилыхъ цѣляхъ. Н. В. Рождественскаго. М. 1905 г. 20 к. (85).

307. Студенческіе безпорядки въ Московскомъ Университетѣ въ 1861 году. (Изъ бумагъ О. М. Бодянскаго). М. 1905 г. 30 коп. (715)

308. Списокъ трудовъ И. Д. Бѣляева. Составилъ П. Мрочекъ-Дроздовскій. М. 1905 г. 20 коп. (85).

319. Сольвычегодскія сотницы 7094 г. Сергѣя Шумакова. М. 1906 г. 20 коп.

310. Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). Текстъ и русскій переводъ Павла Тали. М. 1905 г. 30 коп. (265).

311. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. Ив. Д. Бѣляева. М. 1906 г. 1 р. (365).

312. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ Третьему о Московіи Якова Рейтенфельса. Падуя. 1680 г. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. 1906 г. 1 руб. 40 коп. (35).

313. Новые матеріалы о жизни и дѣятельности Якова Рейтенфельса. П. Пирлингъ. Тексты документовъ перевелъ А. И. Станкевичъ. М. 1906 г. 30 коп. (67).

314. Черемисскія городища и мольбища около гор. Василя. Н. Н. Оглоблинъ. М. 1906 г. 20 коп. (15).

315. Макарій патріархъ Антіохійскій въ Россіи въ 1654—1656 гг. Документы Посольскаго приказа. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. В. Рождественскаго. М. 1906 г. 1 руб. (55).

316. Еще одно доброе дѣло В. А. Жуковскаго. С. И. Кирѣевскій. М. 1906 г. 20 коп. (98).

317. Замѣтка по поводу сообщенія: «Еще одно доброе дѣло В. А. Жуковскаго». Н. А. Бычковъ. М. 1907 г. 20 коп. (16).

318. Слѣдственное дѣло объ убіеніи Димитрія царевича въ Угличѣ 15 мая 1591 г. Его разборъ въ связи съ новооткрытымъ завѣщаніемъ А. А. Нагого и группировкой свидѣтелей по алфавитному указателю. М. 1907 г. 50 коп. (10).

319. Путешествія въ Московію Еремея Горсея. Переводъ съ англійскаго Юрія Толстого. М. 1907 г. 1 руб. (301).

320. Псалтирь жидовствующихъ въ переводѣ Өедора еврея. Къ изданію приготовилъ М. Н. Сперанскій. М. 1907 г. 1 руб. (95).

321. Портретъ Кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г. 50 коп.

322. Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 1—22, 24 и 25 книги, каждая по два рубля.

323. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годы 1-й и 2-й (*въ продажѣ нѣтъ*); годъ третій (1847—1848), 9 книгъ, и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга —по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб.; съ 1887 г. по 8 руб. 50 коп. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 руб. за книгу; 1900 г. кн. 1—5 руб. Остальныя книги по 3 руб. за книгу.

324. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. Общества. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. М. 1889 г. За обѣ книжки 1 руб.

325. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. С. А. Бѣлокуровъ. М. 1888 г. 50 коп.—б) За 1888—1894 гг. Сост. онъ же. М. 1895 г. 50 коп. И в) За 1895—1901 гг. М. 1902 г. 50 коп.

326. Премія, учрежденныя при Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1907 г. *Раздается безплатно.*

327. Протоколы засѣданій Общества:
1) за 1878—1880 гг. (стр. 1—32). 20 коп.
2) за 1881—1883 гг. (стр. 1—64). 35 коп.
3) за 1886 г. (стр. 1—17). 10 коп.
4) за 1887 г. (стр. 1—23). 15 коп.
5) за 1888—1891 г. (стр. 1—61). 30 коп.
6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112). 1 руб.
7) за 1894 г. 20 коп.
8) за 1895 г. 20 коп.
9) за 1896—1897 гг. 50 коп.
10) за 1898 г. 20 коп.
11) за 1899 г. 20 коп.
12) за 1900 г. 20 коп.
13) за 1901—1902 гг. 20 коп.
14) за 1903—1904 гг. 20 коп.
15) за 1905—1906 гг. 20 коп.
16) за 1907 г. 40 коп.

328. Исторія Русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Первая половина I-го тома. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. XXIV+968 стр. 2-е изд. М. 1901 г. 5 руб., съ пересылкой 6 руб.—Вторая половина I тома. М. 1904 г. 4 руб. 50 коп., съ пересылкой 5 руб. (первое изданіе М. 1881 г. 15 руб.).—Первая половина II-го тома, обнимающаго время отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія включительно (1237—1563 гг.). 4 руб. 50 коп., съ пересылкой 5 руб.

329. Археологическій Атласъ ко второй половинѣ I тома Исторіи Русской церкви. М. 1906 г. 2 руб. 50 коп.

330. Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ 1895 г. 25 коп.

331. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Его же. М. 1896 г. 50 коп.—2-е изд. М. 1905 г. 2 руб.

332. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VIII+732 стр.). 3 руб.

333. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. 2 изд. М. 1903 г. 3 руб. 50 коп.

Лицъ желающихъ пріобрѣсти означенныя книги, просятъ присылать свои требованія или въ Общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ Казначею общества Сергѣю Алексѣевичу Бѣлокурову (Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Карбасникова (Москва, Моховая, д. б. Коха, противъ Университета).

ТАМЪ-ЖЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ по третямъ года. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются как изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 руб. 50 коп., съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Примѣчаніе. На соисканіе преміи могутъ быть приняты также: а) систематическіе обзоры находящихся въ томъ или другомъ Архивѣ матеріаловъ по исторіи и археологіи г. Москвы и Московской губерніи съ изложеніемъ содержанія ихъ, опредѣленіемъ ихъ значенія и отмѣткой того, что уже изъ нихъ напечатано, и б) систематическіе обзоры печатной литературы по тѣмъ же предметамъ съ указаніемъ содержанія той или другой работы и отмѣткой значенія ея.

§ 4. Преміи выдаются: а) или полная въ количествѣ 800 руб., б) или малыя по 400 рублей.

§ 10. На соисканіе допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ рукописныя, такъ и печатныя, вышедшія въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ предшествовавшихъ соисканію.

§ 11. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 13. Сочиненія, уже удостоенныя премiи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи А. П. Бахрушина не допускаются.

§ 14. Право на полученіе преміи принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

III.

О преміи за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ объявляетъ соисканіе *преміи* за изслѣдованіе о *Градоначальствованіи князя Дм. Влад. Голицына въ Москвѣ.*

Извлеченіе изъ условій, которымъ означенный трудъ долженъ удовлетворять, согласно волѣ жертвователей:

1) Сочинитель долженъ представить исторію Москвы въ періодъ главноначальствованія князя Голицына и описать съ надлежащею полнотой дѣйствія и распоряженія князя для внѣшняго украшенія и внутренняго благоустройства города.

2) Сочиненіе должно быть основано на фактахъ и написано съ [illegible]пристрастіемъ и отчетливостью.

[illegible] Премію составляетъ весь пожертвованный для этой цѣли капи[illegible] съ наросшими на него по день выдачи процентами, въ [illegible] время достигающій *4.200 рублей* % бумагами и наличными деньгами.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ неопредѣленные сроки не менѣе *четырехъ* книгъ въ годъ, отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ. Подписка годовая (**восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ** сер. съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другія мѣста)—принимается у Казначея Общества С. А. Бѣлокурова. Книги «Чтеній» продаются и каждая отдѣльно по особо-назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

Предсѣдатель

Владиміръ Гавриловичъ **Глазовъ**,

Пречистенка, домъ Военнаго вѣдомства.

Секретарь

Матвѣй Кузьмичъ **Любавскій**,

Арбатъ, Староконюшенный переулокъ, домъ Голеновской.

Казначей

Сергѣй Алексѣевичъ **Бѣлокуровъ**,

Воздвиженка, домъ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Библіотекарь

Егоръ Ивановичъ **Соколовъ**,

1 Мѣщанская, Троице-Капельскій переулокъ, домъ Соколовыхъ.

Изданія Общества можно получать: 1) въ [illegible] Общества, Моховая, старое зданіе Университета, подъ актовымъ заломъ и 2) чрезъ книгопродавца Н. Карбасникова (въ Москвѣ, Варшавѣ и Петербургѣ).

